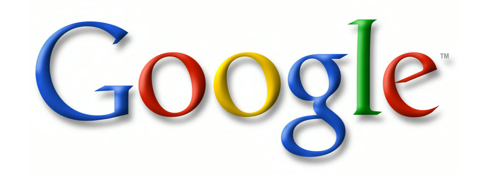
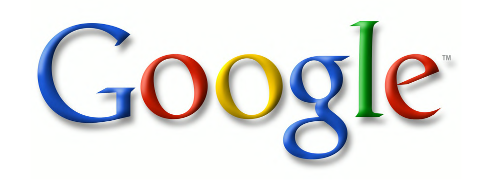
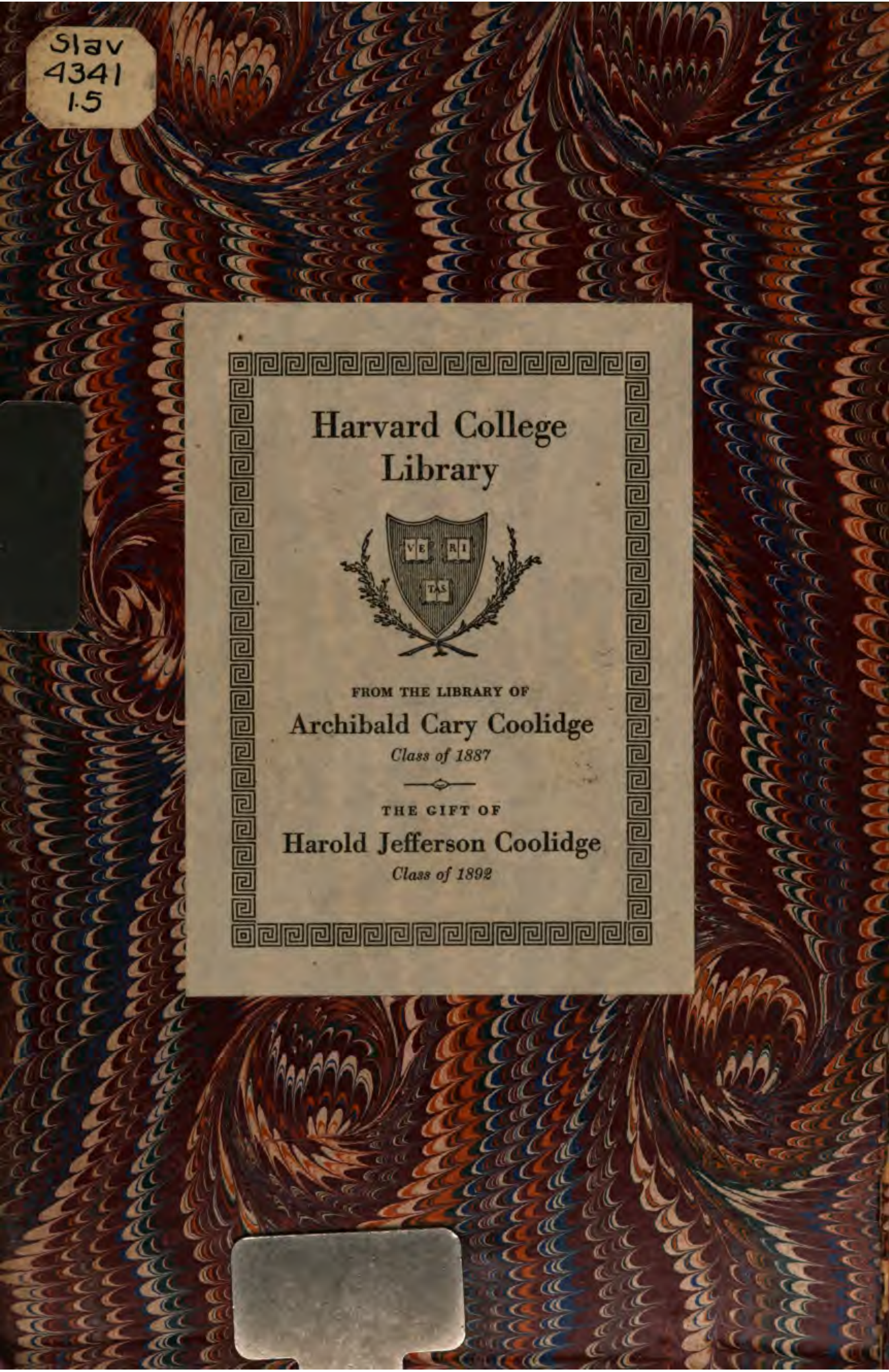

Google

Slav 4341 1.5
Harvard College Library
VE RI TAS
FROM THE LIBRARY OF
Archibald Cary Coolidge
Class of 1887
THE GIFT OF
Harold Jefferson Coolidge
Class of 1892

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ III

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ТОМЪ III

СОЧИНЕНІЯ

Н. В. ГОГОЛЯ

ИЗДАНІЕ ДЕСЯТОЕ

Текстъ свѣренъ съ собственноручными рукописями автора и первоначальными изданіями его произведеній

Николаемъ Тихонравовымъ

ТОМЪ ТРЕТІЙ

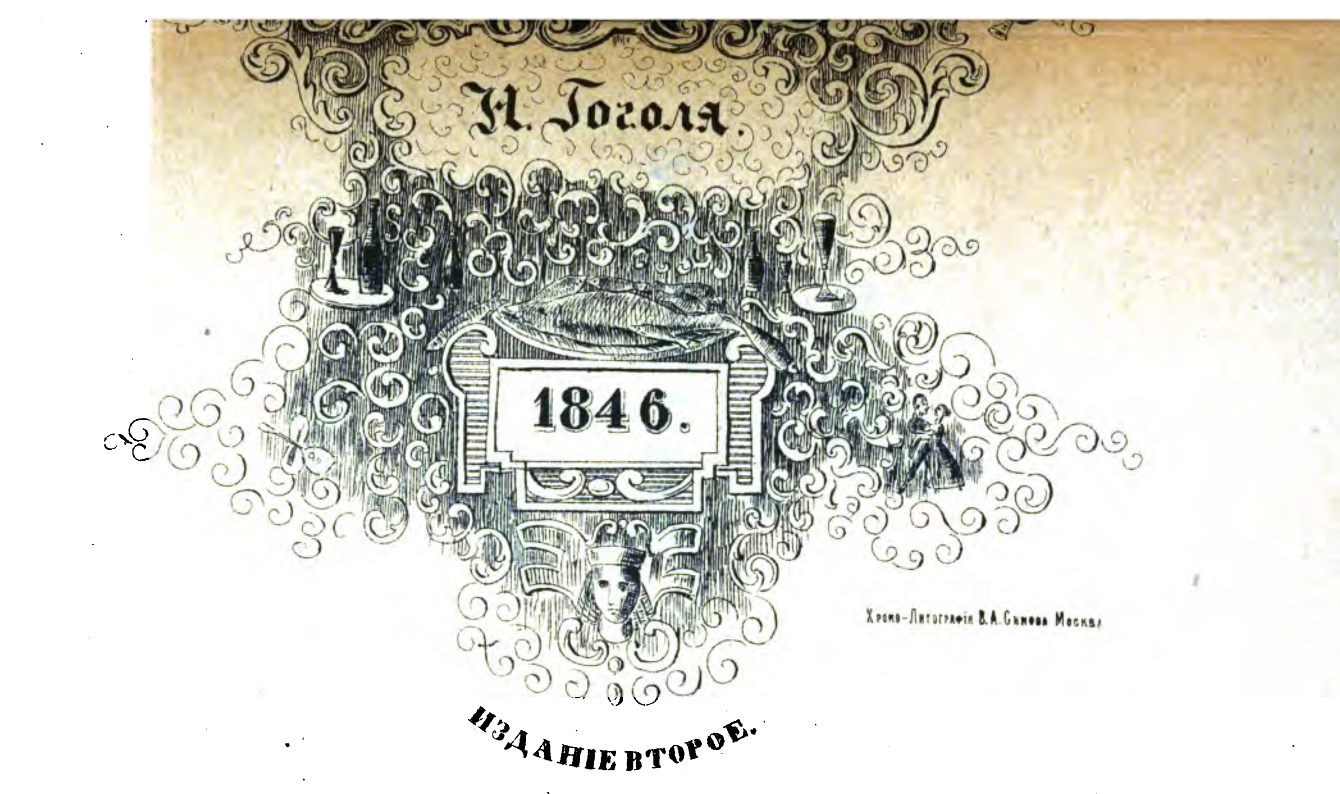

МОСКВА
ИЗДАНІЕ КНИЖН. МАГ. В. ДУМНОВА, ПОДЪ ФИРМОЮ „НАСЛѢДНИКИ БР. САЛАЕВЫХЪ“
1889.

Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа, Москва, Арбатъ, д. Платонова.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА
или
МЕРТВЫЯ ДУШИ
ПОЭМА

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА I.

Въ ворота гостинницы губернскаго города NN въѣхала довольно красивая рессорная небольшая бричка, въ какой[1] ѣздятъ холостяки: отставные подполковники, штабсъ-капитаны, помѣщики, имѣющіе около сотни душъ крестьянъ,— словомъ, всѣ тѣ, которыхъ называютъ господами средней руки. Въ бричкѣ сидѣлъ господинъ, не красавецъ, но и не дурной наружности, ни слишкомъ толстъ, ни слишкомъ тонокъ; нельзя сказать, чтобы старъ, однакожъ и не такъ, чтобы слишкомъ молодъ. Въѣздъ его не произвелъ въ городѣ совершенно никакого шума и не былъ сопровожденъ ничѣмъ особеннымъ; только два русскіе мужика, стоявшіе у дверей кабака противъ гостинницы, сдѣлали кое-какія замѣчанія, относившіяся, впрочемъ, болѣе къ экипажу, чѣмъ къ сидѣвшему въ немъ. „Вишь ты", сказалъ одинъ другому: „вонъ какое колесо! Чтò ты думаешь: доѣдетъ то колесо, если бъ случилось, въ Москву, или не доѣдетъ?" — „Доѣдетъ", отвѣчалъ другой. — „А въ Казань-то, я думаю, не доѣдетъ?" — „Въ Казань не доѣдетъ", отвѣчалъ другой. Этимъ разговоръ и кончился. Да еще, когда бричка подъѣхала къ гостинницѣ, встрѣтился молодой человѣкъ въ бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ, весьма узкихъ и короткихъ, во фракѣ съ покушеньями на моду, изъ-подъ котораго видна была манишка, застегнутая тульскою булавкою съ бронзовымъ пистолетомъ. Молодой человѣкъ оборотился назадъ, посмотрѣлъ экипажъ, придержалъ рукою картузъ, чуть не слетѣвшій отъ вѣтра, и пошелъ своей дорогой.

Когда экипажъ въѣхалъ на дворъ, господинъ былъ встрѣченъ трактирнымъ слугою, или половымъ, какъ ихъ называютъ въ русскихъ трактирахъ, живымъ и вертлявымъ до такой сте-

пени, что даже нельзя было разсмотрѣть, какое у него было лицо. Онъ выбѣжалъ проворно съ салфеткой въ рукѣ, весь длинный и въ длинномъ демикотонномъ сюртукѣ, со спинкою чуть не на самомъ затылкѣ, встряхнулъ волосами и повелъ проворно господина вверхъ по всей деревянной галдареѣ показывать ниспосланный ему Богомъ покой. Покой былъ извѣстнаго рода, ибо гостинница была тоже извѣстнаго рода, то есть именно такая, какъ бываютъ гостинницы въ губернскихъ городахъ, гдѣ за два рубля въ сутки проѣзжающіе получаютъ покойную комнату съ тараканами, выглядывающими, какъ чернословъ, изъ всѣхъ угловъ, и дверью въ сосѣднее помѣщеніе, всегда заставленною комодомъ, гдѣ устроивается сосѣдъ, молчаливый и спокойный человѣкъ, но чрезвычайно любопытный, интересующійся знать о всѣхъ подробностяхъ проѣзжающаго. Наружный фасадъ гостинницы отвѣчалъ ея внутренности: она была очень длинна, въ два этажа; нижній не былъ выщекатуренъ и оставался въ темно-красныхъ кирпичикахъ, еще болѣе потемнѣвшихъ отъ лихихъ погодныхъ перемѣнъ и грязноватыхъ уже самихъ по себѣ; верхній былъ выкрашенъ вѣчною желтою краскою; внизу были лавочки съ хомутами, веревками и баранками. Въ угольной изъ этихъ лавочекъ или, лучше, въ окнѣ помѣщался сбитенщикъ, съ самоваромъ изъ красной мѣди и лицомъ такъ же краснымъ, какъ самоваръ, такъ что издали можно бы подумать, что на окнѣ стояло два самовара, если бъ одинъ самоваръ не былъ съ черною какъ смоль бородою.

Пока пріѣзжій господинъ осматривалъ свою комнату, внесены были его пожитки: прежде всего[1] чемоданъ изъ бѣлой кожи, нѣсколько поистасканный, показывавшій, что былъ не въ первый разъ въ дорогѣ. Чемоданъ внесли кучеръ Селифанъ, низенькій человѣкъ въ тулупчикѣ, и лакей Петрушка, малый лѣтъ тридцати, въ просторномъ подержанномъ сюртукѣ, какъ видно, съ барскаго плеча, малый немного суровый на взглядъ, съ очень крупными губами и носомъ. Вслѣдъ за чемоданомъ внесенъ былъ небольшой ларчикъ краснаго дерева, съ штучными выкладками изъ корельской березы, сапожныя колодки и завернутая въ синюю бумагу жареная курица. Когда все это было внесено, кучеръ Селифанъ отправился на конюшню возиться около лошадей, а лакей Петрушка сталъ

устроиваться[1] въ маленькой передней, очень темной конуркѣ, куда уже успѣлъ притащить свою шинель и вмѣстѣ съ нею какой-то свой собственный запахъ, который былъ сообщенъ и принесенному вслѣдъ за тѣмъ мѣшку съ разнымъ лакейскимъ туалетомъ. Въ этой конуркѣ онъ приладилъ къ стѣнѣ узенькую трехногую кровать, накрывъ ее небольшимъ подобіемъ тюфяка, убитымъ и плоскимъ какъ блинъ и, можетъ быть, такъ же замаслившимся какъ блинъ[2], который удалось ему вытребовать у хозяина гостинницы.

Покамѣстъ слуги управлялись и возились, господинъ отправился въ общую залу. Какія бываютъ этѣ общія залы—всякій проѣзжающій знаетъ очень хорошо: тѣ же стѣны, выкрашенныя масляной краской, потемнѣвшія вверху отъ трубочнаго дыма и залосненныя снизу спинами разныхъ проѣзжающихъ, а еще болѣе туземными купеческими, ибо купцы по торговымъ днямъ приходили сюда самъ-шестъ и самъ-сёмъ испивать свою извѣстную пару чаю; тотъ же закопченный потолокъ; та же копченая люстра со множествомъ висящихъ стеклышекъ, которыя прыгали и звенѣли всякій разъ, когда половой бѣгалъ по истертымъ клеенкамъ, помахивая бойко подносомъ, на которомъ сидѣла такая же бездна чайныхъ чашекъ, какъ птицъ на морскомъ берегу; тѣ же картины во всю стѣну, писанныя масляными красками; словомъ, все то же, чтὸ и вездѣ; только и разницы, что на одной картинѣ изображена была нимфа съ такими огромными грудями, какихъ читатель, вѣрно, никогда не видывалъ. Подобная игра природы, впрочемъ, случается на разныхъ историческихъ картинахъ, неизвѣстно, въ какое время, откуда и кѣмъ привезенныхъ къ намъ въ Россію, иной разъ даже нашими вельможами, любителями искусствъ, накупившими ихъ въ Италіи, по совѣту везшихъ ихъ курьеровъ. Господинъ скинулъ съ себя картузъ и размоталъ съ шеи шерстяную, радужныхъ цвѣтовъ косынку, какую женатымъ приготовляетъ своими руками супруга, снабжая приличными наставленіями, какъ закутываться, а холостымъ — навѣрное не могу сказать, кто дѣлаетъ, Богъ ихъ знаетъ: я никогда не носилъ такихъ косынокъ. Размотавши косынку, господинъ велѣлъ подать себѣ обѣдъ. Покамѣстъ ему подавались разныя обычныя въ трактирахъ блюда, какъ-то: щи съ слоенымъ пирожкомъ, нарочно сберегаемымъ

для проѣзжающихъ въ теченіи нѣсколькихъ недѣлей, мозги съ горошкомъ, сосиськи съ капустой, пулярка жареная[1], огурецъ соленый и вѣчный слоеный сладкій пирожокъ, всегда готовый къ услугамъ; покамѣстъ ему все это подавалось, и разогрѣтое, и просто холодное, онъ заставилъ слугу, или половаго разсказывать всякій вздоръ о томъ, кто содержалъ прежде трактиръ и кто теперь, и много ли даетъ дохода, и большой ли подлецъ ихъ хозяинъ, на что̀ половой, по обыкновенію, отвѣчалъ: „О, большой, сударь, мошенникъ!" Какъ въ просвѣщенной Европѣ, такъ и въ просвѣщенной Россіи есть теперь весьма много почтенныхъ людей, которые безъ того не могутъ покушать въ трактирѣ, чтобъ не поговорить съ[2] слугою, а иногда даже забавно пошутить надъ нимъ. Впрочемъ пріѣзжій дѣлалъ не все пустые вопросы: онъ съ чрезвычайною точностію разспросилъ, кто въ городѣ губернаторъ, кто предсѣдатель палаты, кто прокуроръ, — словомъ, не пропустилъ ни одного значительнаго чиновника; но еще съ большею точностію, если даже не съ участіемъ, разспросилъ обо всѣхъ значительныхъ помѣщикахъ: сколько кто имѣетъ душъ крестьянъ, какъ далеко живетъ отъ города, какого даже характера и какъ часто пріѣзжаетъ въ городъ; разспросилъ внимательно о состояніи края: не было ли какихъ болѣзней въ ихъ губерніи — повальныхъ горячекъ, убійственныхъ какихъ-либо лихорадокъ, оспы и тому подобнаго, и все такъ и съ такою точностію, которая показывала болѣе, чѣмъ одно простое любопытство. Въ пріемахъ своихъ господинъ имѣлъ что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвѣстно, какъ онъ это дѣлалъ, но только носъ его звучалъ какъ труба. Это, повидимому, совершенно невинное достоинство пріобрѣло, однакожъ, ему много уваженія со стороны трактирнаго слуги, такъ что онъ всякій разъ, когда слышалъ этотъ звукъ, встряхивалъ волосами, выпрямливался почтительнѣе и, нагнувши съ вышины свою голову, спрашивалъ: „не нужно ли чего?" Послѣ обѣда господинъ выкушалъ чашку кофею и сѣлъ на диванъ, подложивши себѣ за спину подушку, которую въ русскихъ трактирахъ вмѣсто эластической шерсти набиваютъ чѣмъ-то чрезвычайно похожимъ на кирпичъ и булыжникъ. Тутъ началъ онъ зѣвать и приказалъ отвести себя въ свой нумеръ[3], гдѣ, прилегши, заснулъ два часа. Отдохнувши, онъ

написалъ на лоскуткѣ бумажки, по просьбѣ трактирнаго слуги, чинъ, имя и фамилію, для сообщенія, куда слѣдуетъ, въ полицію. На бумажкѣ половой, спускаясь съ лѣстницы, прочиталъ по складамъ слѣдующее: „Коллежскій совѣтникъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ, помѣщикъ, по своимъ надобностямъ". Когда половой все еще разбиралъ по складамъ записку, самъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ отправился посмотрѣть городъ, которымъ былъ, какъ казалось, удовлетворенъ, ибо нашелъ, что городъ никакъ не уступалъ другимъ губернскимъ городамъ: сильно била въ глаза желтая краска на каменныхъ домахъ и скромно темнѣла сѣрая на деревянныхъ. Домы были въ одинъ, два и полтора этажа, съ вѣчнымъ мезониномъ, очень красивымъ, по мнѣнію губернскихъ архитекторовъ. Мѣстами эти дома казались затерянными среди широкой какъ поле улицы и нескончаемыхъ деревянныхъ заборовъ; мѣстами сбивались въ кучу, и здѣсь было замѣтно болѣе движенія народа и живости[1]. Попадались почти смытыя дождемъ вывѣски съ кренделями и сапогами, кое-гдѣ съ нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавскаго портнаго; гдѣ магазинъ съ картузами, фуражками и надписью: „Иностранецъ Василій Ѳедоровъ"; гдѣ нарисованъ былъ биліартъ съ двумя игроками[2] во фракахъ, въ какіе одѣваются у насъ на театрахъ гости, входящіе въ послѣднемъ актѣ на сцену. Игроки[3] были изображены съ прицѣлившимися кіями, нѣсколько вывороченными назадъ руками и косыми ногами, только что сдѣлавшими на воздухѣ антраша. Подъ всѣмъ этимъ было написано: „И вотъ заведеніе". Кое-гдѣ просто на улицѣ стояли столы съ орѣхами, мыломъ и пряниками, похожими на мыло; гдѣ харчевня съ нарисованною толстою рыбою и воткнутою въ нее вилкою. Чаще же всего замѣтно было потемнѣвшихъ двуглавыхъ государственныхъ орловъ, которые теперь уже замѣнены лаконическою надписью: „Питейный домъ". Мостовая вездѣ была плоховата. Онъ заглянулъ и въ городской садъ, который состоялъ изъ тоненькихъ деревъ, дурно принявшихся, съ подпорками внизу, въ видѣ треугольниковъ, очень красиво выкрашенныхъ зеленою масляною краскою. Впрочемъ, хотя эти деревца были не выше тростника, о нихъ было сказано въ газетахъ при описаніи иллюминаціи, что „городъ нашъ украсился, благодаря попеченію гражданскаго правителя, садомъ,

состоящимъ изъ тѣнистыхъ, широко-вѣтвистыхъ деревъ, дающихъ прохладу въ знойный день“, и что при этомъ „было очень умилительно глядѣть, какъ сердца гражданъ трепетали въ избыткѣ благодарности и струили потоки слезъ, въ знакъ признательности къ господину градоначальнику“. Разспросивши подробно будочника, куда можно пройти ближе, если понадобится, къ собору, къ присутственнымъ мѣстамъ, къ губернатору, онъ отправился взглянуть на рѣку, протекавшую по срединѣ города; дорогою оторвалъ прибитую къ столбу афишу, съ тѣмъ, чтобы, пришедши домой, прочитать ее хорошенько, посмотрѣлъ пристально на проходившую по деревянному тротуару даму недурной наружности, за которой слѣдовалъ мальчикъ въ военной ливреѣ, съ узелкомъ въ рукѣ, и еще разъ окинувши все глазами, какъ бы съ тѣмъ, чтобы хорошо припомнить положеніе мѣста, отправился домой прямо въ свой нумеръ[1], поддерживаемый слегка на лѣстницѣ трактирнымъ слугою. Накушавшись чаю, онъ усѣлся передъ столомъ, велѣлъ подать себѣ свѣчу, вынулъ изъ кармана афишу, поднесъ ее къ свѣчѣ и сталъ читать, прищуря немного правый глазъ. Впрочемъ замѣчательнаго немного было въ афишкѣ: давалась драма г. Коцебу, въ которой Ролла игралъ г. Поплёвинъ, Кору — дѣвица Зяблова, прочія лица были и того менѣе замѣчательны; однакоже онъ прочелъ ихъ всѣхъ, добрался даже до цѣны партера и узналъ, что афиша была напечатана въ типографіи губернскаго правленія; потомъ переворотилъ на другую сторону — узнать, нѣтъ ли и тамъ чего-нибудь, но, не нашедши ничего, протеръ глаза, свернулъ опрятно и положилъ въ свой ларчикъ, куда имѣлъ обыкновеніе складывать все, что̀ ни попадалось. День, кажется, былъ заключенъ порціей холодной телятины, бутылкою кислыхъ щей и крѣпкимъ сномъ во всю насосную завертку, какъ выражаются въ иныхъ мѣстахъ обширнаго русскаго государства.

Весь слѣдующій день посвященъ былъ визитамъ. Пріѣзжій отправился дѣлать визиты всѣмъ городскимъ сановникамъ. Былъ съ почтеніемъ у губернатора, который, какъ оказалось, подобно Чичикову, былъ ни толстъ, ни тонокъ собой, имѣлъ на шеѣ Анну и поговаривали даже, что былъ представленъ къ звѣздѣ; впрочемъ былъ большой добрякъ и даже самъ вышивалъ иногда по тюлю. Потомъ отправился къ вице-губер-

натору, потомъ былъ у прокурора, у предсѣдателя палаты, у полицеймейстера, у откупщика, у начальника надъ казенными фабриками... жаль, что нѣсколько трудно упомнить всѣхъ сильныхъ міра сего; но довольно сказать, что пріѣзжій оказалъ необыкновенную дѣятельность на счетъ визитовъ: онъ явился даже засвидѣтельствовать почтеніе инспектору врачебной управы и городскому архитектору. И потомъ еще долго сидѣлъ въ бричкѣ, придумывая, кому бы еще отдать визитъ, да ужъ больше въ городѣ не нашлось чиновниковъ. Въ разговорахъ съ сими властителями, онъ очень искусно умѣлъ польстить каждому. Губернатору намекнулъ какъ-то вскользь, что въ его губернію въѣзжаешь какъ въ рай, дороги вездѣ бархатныя, и что тѣ правительства, которыя назначаютъ мудрыхъ сановниковъ, достойны большой похвалы. Полицеймейстеру сказалъ что-то очень лестное на счетъ городскихъ будочниковъ; а въ разговорахъ съ вице-губернаторомъ и предсѣдателемъ палаты, которые были еще только статскіе совѣтники, сказалъ даже ошибкою два раза: „ваше превосходительство“, что̀ очень имъ понравилось. Слѣдствіемъ этого было то, что губернаторъ сдѣлалъ ему приглашеніе пожаловать къ нему того же дня на домашнюю вечеринку, прочіе чиновники тоже, съ своей стороны, кто на обѣдъ, кто на бостончикъ, кто на чашку чаю.

О себѣ пріѣзжій, какъ казалось, избѣгалъ много говорить; если же говорилъ, то какими-то[1] общими мѣстами, съ замѣтною скромностію, и разговоръ его въ такихъ случаяхъ принималъ нѣсколько книжные обороты: что онъ незначущій червь міра сего и недостоинъ того, чтобы много о немъ заботились, что испыталъ много на вѣку своемъ, претерпѣлъ на службѣ за правду, имѣлъ много непріятелей, покушавшихся даже на жизнь его, и что теперь, желая успокоиться, ищетъ избрать наконецъ мѣсто для жительства, и что, прибывши въ этотъ городъ, почелъ за непремѣнный долгъ засвидѣтельствовать свое почтеніе первымъ его сановникамъ. Вотъ все, что̀ узнали въ городѣ объ этомъ новомъ лицѣ, которое очень скоро не преминуло показать себя на губернаторской вечеринкѣ. Приготовленіе къ этой вечеринкѣ заняло слишкомъ два часа времени, и здѣсь въ пріѣзжемъ оказалась такая внимательность къ туалету, какой даже не вездѣ видывано. Послѣ небольшаго послѣобѣденнаго

сна, онъ приказалъ подать умыться и чрезвычайно долго теръ мыломъ обѣ щеки, подперши ихъ извнутри языкомъ; потомъ, взявши съ плеча трактирнаго слуги полотенце, вытеръ имъ со всѣхъ сторонъ полное свое лицо, начавъ изъ-за ушей и фыркнувъ прежде раза два въ самое лицо трактирнаго слуги; потомъ надѣлъ передъ зеркаломъ манишку, выщипнулъ вылѣзшіе изъ носу два волоска и непосредственно за тѣмъ очутился во фракѣ брусничнаго цвѣта съ искрой. Такимъ образомъ одѣвшись, покатился онъ въ собственномъ экипажѣ по безконечно широкимъ улицамъ, озареннымъ тощимъ освѣщеніемъ изъ кое-гдѣ мелькавшихъ оконъ. Впрочемъ, губернаторскій домъ былъ такъ освѣщенъ, хоть бы и для бала; коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали,—словомъ все, какъ нужно. Вошедши въ залъ, Чичиковъ долженъ былъ на минуту зажмурить глаза, потому что блескъ отъ свѣчей, лампъ и дамскихъ платьевъ былъ страшный. Все было залито свѣтомъ. Черные фраки мелькали и носились врознь и кучами тамъ и тамъ, какъ носятся мухи на бѣломъ сіяющемъ рафинадѣ въ пору[1] жаркаго іюльскаго лѣта, когда старая ключница рубитъ и дѣлитъ его на сверкающіе обломки передъ открытымъ окномъ: дѣти всѣ глядятъ, собравшись вокругъ, слѣдя любопытно за движеніями жесткихъ рукъ ея, подымающихъ молотъ, а воздушные эскадроны мухъ, поднятые легкимъ воздухомъ, влетаютъ смѣло, какъ полные хозяева, и, пользуясь подслѣповатостію старухи и солнцемъ, безпокоющимъ глаза ея, обсыпаютъ лакомые куски, гдѣ въ-разбитную, гдѣ густыми кучами. Насыщенныя богатымъ лѣтомъ, и безъ того на всякомъ шагу разставляющимъ лакомыя блюда, онѣ влетѣли вовсе не съ тѣмъ, чтобы ѣсть, но чтобы только показать себя, пройтись взадъ и впередъ по сахарной кучѣ, потереть одна о другую заднія или переднія ножки, или почесать ими у себя подъ крылышками, или, протянувши обѣ переднія лапки, потереть ими у себя надъ головою, повернуться, и опять улетѣть, и опять прилетѣть съ новыми докучными эскадронами. Не успѣлъ Чичиковъ осмотрѣться, какъ уже былъ схваченъ подъ руку губернаторомъ, который представилъ его тутъ же губернаторшѣ. Пріѣзжій гость и тутъ не уронилъ себя: онъ сказалъ какой-то комплиментъ, весьма приличный для человѣка среднихъ лѣтъ, имѣющаго чинъ не слишкомъ большой и не

слишкомъ малый. Когда установившіяся пары танцующихъ притиснули всѣхъ къ стѣнѣ, онъ, заложивши руки назадъ, глядѣлъ на нихъ минуты двѣ очень внимательно. Многія дамы[1] были хорошо одѣты и по модѣ, другія одѣлись во что̀ Богъ послалъ въ губернскій городъ. Мужчины здѣсь, какъ и вездѣ, были двухъ родовъ: одни тоненькіе, которые все увивались около дамъ; нѣкоторые изъ нихъ были такого рода, что съ трудомъ можно было отличить ихъ отъ петербургскихъ: имѣли также весьма обдуманно и со вкусомъ зачесанныя бакенбарды, или просто благовидные, весьма гладко выбритые овалы лицъ, также небрежно подсѣдали къ дамамъ, также говорили по французски и смѣшили дамъ также, какъ и въ Петербургѣ. Другой родъ мужчинъ составляли толстые или такіе же, какъ Чичиковъ, т. е. не такъ, чтобы слишкомъ толстые, однакожъ и не тонкіе. Эти, напротивъ того, косились и пятились отъ дамъ и посматривали только по сторонамъ, не разставлялъ ли гдѣ губернаторскій слуга зеленаго стола для виста. Лица у нихъ были полныя и круглыя, на иныхъ даже были бородавки, кое-кто былъ и рябоватъ; волосъ они на головѣ не носили ни хохлами, ни буклями, ни на манеръ *чортъ меня побери*, какъ говорятъ французы; волосы у нихъ были или низко подстрижены, или прилизаны[2], а черты лица больше закругленныя и крѣпкія. Это были почетные чиновники въ городѣ. Увы! толстые умѣютъ лучше на этомъ свѣтѣ обдѣлывать дѣла свои, нежели тоненькіе. Тоненькіе служатъ больше по особеннымъ порученіямъ или только числятся и виляютъ туда и сюда; ихъ существованіе какъ-то слишкомъ легко, воздушно и совсѣмъ ненадежно. Толстые же никогда не занимаютъ косвенныхъ мѣстъ, а все прямыя, и ужъ если сядутъ гдѣ[3], то сядутъ надежно и крѣпко, такъ что скорѣй мѣсто затрещитъ и угнется подъ ними, а ужъ они не слетятъ. Наружнаго блеска они не любятъ; на нихъ фракъ не такъ ловко скроенъ, какъ у тоненькихъ, за то въ шкатулкахъ благодать божія. У тоненькаго въ три года не остается ни одной души, не заложенной въ ломбардъ; у толстаго спокойно глядь — и явился гдѣ-нибудь въ концѣ города домъ, купленный на имя жены, потомъ въ другомъ концѣ другой домъ, потомъ близь города деревенька, потомъ и село со всѣми угодьями. Наконецъ толстый, послуживши Богу и государю, заслуживши всеобщее уваженіе,

оставляетъ службу, перебирается и дѣлается помѣщикомъ, славнымъ русскимъ бариномъ, хлѣбосоломъ, и живетъ, и хорошо живетъ. А послѣ него опять тоненькіе наслѣдники спускаютъ, по русскому обычаю, на курьерскихъ все отцовское добро. Нельзя утаить, что почти такого рода размышленія занимали Чичикова въ то время, когда онъ разсматривалъ общество, и слѣдствіемъ этого было то, что онъ наконецъ присоединился къ толстымъ, гдѣ встрѣтилъ почти все знакомыя лица: прокурора, съ весьма черными густыми бровями и нѣсколько подмигивавшимъ лѣвымъ глазомъ, такъ, какъ будто бы говорилъ: „пойдемъ, братъ, въ другую комнату, тамъ я тебѣ что-то скажу“,—человѣка, впрочемъ, серьезнаго и молчаливаго; почтмейстера, низенькаго человѣка, но остряка и философа; предсѣдателя палаты, весьма разсудительнаго и любезнаго человѣка,—которые всѣ привѣтствовали его какъ стариннаго знакомаго, на что̀ Чичиковъ раскланивался, нѣсколько на бокъ, впрочемъ не безъ пріятности. Тутъ же познакомился онъ съ весьма обходительнымъ и учтивымъ помѣщикомъ Маниловымъ и нѣсколько неуклюжимъ на взглядъ Собакевичемъ, который съ перваго раза ему наступилъ на ногу, сказавши: „Прошу прощенія“. Тутъ же ему всунули карту на вистъ, которую онъ принялъ съ такимъ же вѣжливымъ поклономъ. Они сѣли за зеленый столъ и не вставали уже до ужина. Всѣ разговоры совершенно прекратились, какъ случается всегда, когда наконецъ предаются занятію дѣльному. Хотя почтмейстеръ былъ очень рѣчистъ, но и тотъ, взявши въ руки карты, тотъ же часъ выразилъ на лицѣ своемъ мыслящую физіономію, покрылъ нижнею губою верхнюю и сохранилъ такое положеніе во все время игры. Выходя съ фигуры, онъ ударялъ по столу крѣпко рукою, приговаривая, если была дама: „Пошла, старая попадья!“ если же король: „Пошелъ, тамбовскій мужикъ!“ А предсѣдатель приговаривалъ: „А я его по усамъ! А я ее по усамъ!“ Иногда при ударѣ картъ по столу вырывались выраженія: „А! была не была, не съ чего, такъ съ бубенъ!“ или же просто восклицанія: „черви! червоточина! пикенція!“ или „пикендрасъ! пичурущухъ! пичура“ и даже просто: „пичукъ!“—названія, которыми перекрестили они масти въ своемъ обществѣ. По окончаніи игры, спорили, какъ водится, довольно громко. Пріѣзжій нашъ гость также спо-

рилъ, но какъ-то чрезвычайно искусно, такъ что всѣ видѣли, что онъ спорилъ, а между тѣмъ пріятно спорилъ. Никогда онъ не говорилъ: „Вы пошли“, но „вы изволи пойти; я имѣлъ честь покрыть вашу двойку“, и тому подобное. Чтобы еще болѣе согласить въ чемъ-нибудь своихъ противниковъ, онъ всякій разъ подносилъ имъ всѣмъ свою серебряную съ финифтью табакерку, на днѣ которой замѣтили двѣ фіялки, положенныя туда для запаха. Вниманіе пріѣзжаго особенно заняли помѣщики Маниловъ и Собакевичъ, о которыхъ было упомянуто выше. Онъ тотчасъ же освѣдомился о нихъ, отозвавши тутъ же нѣсколько въ сторону предсѣдателя и почтмейстера. Нѣсколько вопросовъ, имъ сдѣланныхъ, показали въ гостѣ не только любознательность, но и основательность, ибо прежде всего разспросилъ онъ, сколько у каждаго изъ нихъ[1] душъ крестьянъ, и въ какомъ положеніи находятся ихъ имѣнія, а потомъ уже освѣдомился, какъ имя и отчество. Въ немного времени онъ совершенно успѣлъ очаровать ихъ. Помѣщикъ Маниловъ, еще вовсе человѣкъ не пожилой, имѣвшій глаза сладкіе какъ сахаръ, и щурившій ихъ всякій разъ, когда смѣялся, былъ отъ него безъ памяти. Онъ очень долго жалъ ему руку и просилъ убѣдительно сдѣлать ему честь своимъ пріѣздомъ въ деревню, къ которой, по его словамъ, было только пятнадцать верстъ отъ городской заставы, на что̀ Чичиковъ, съ весьма вѣжливымъ наклоненіемъ головы и искреннимъ пожатіемъ руки, отвѣчалъ, что онъ не только съ большою охотою готовъ это исполнить, но даже почтетъ за священнѣйшій долгъ. Собакевичъ тоже сказалъ нѣсколько лаконически: „И ко мнѣ прошу“, шаркнувши ногою, обутою въ сапогъ такого исполинскаго размѣра, которому врядъ ли гдѣ можно найти отвѣчающую ногу, особливо въ нынѣшнее время, когда и на Руси начинаютъ выводиться богатыри.

На другой день Чичиковъ отправился на обѣдъ и вечеръ къ полицеймейстеру, гдѣ съ трехъ часовъ послѣ обѣда засѣли въ вистъ и играли до двухъ часовъ ночи. Тамъ, между-прочимъ, онъ познакомился съ помѣщикомъ Ноздревымъ, человѣкомъ лѣтъ тридцати, разбитнымъ малымъ, который ему, послѣ трехъ-четырехъ словъ, началъ говорить *ты*. Съ полицеймейстеромъ и прокуроромъ Ноздревъ тоже былъ на *ты* и обращался подружески; но, когда сѣли играть въ большую игру,

полицеймейстеръ и прокуроръ чрезвычайно внимательно разсматривали его взятки и слѣдили почти за всякою картою, съ которой онъ ходилъ. На другой день Чичиковъ провелъ вечеръ у предсѣдателя палаты, который принималъ гостей своихъ въ халатѣ, нѣсколько замасленомъ, и въ томъ числѣ двухъ какихъ-то дамъ. Потомъ былъ на вечерѣ у вицъ-губернатора, на большомъ обѣдѣ у откупщика, на небольшомъ обѣдѣ у прокурора, который впрочемъ стоилъ большаго; на закускѣ послѣ обѣдни, данной городскимъ главою, которая тоже стоила обѣда. Словомъ, ни одного часа не приходилось ему оставаться дома, и въ гостинницу пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ только, чтобы заснуть[1]. Пріѣзжій во всемъ какъ-то умѣлъ найтиться и показалъ въ себѣ опытнаго свѣтскаго человѣка. О чемъ бы разговоръ ни былъ, онъ всегда умѣлъ поддержать его: шла ли рѣчь о лошадиномъ заводѣ — онъ говорилъ и о лошадиномъ заводѣ; говорили ли о хорошихъ собакахъ, и здѣсь онъ сообщалъ очень дѣльныя замѣчанія; трактовали ли касательно слѣдствія, произведеннаго казенною палатою — онъ показалъ, что ему не безъизвѣстны и судейскія продѣлки; было ли разсужденіе о биліартной игрѣ — и въ биліартной игрѣ не давалъ онъ промаха; говорили ли о добродѣтели — и о добродѣтели разсуждалъ онъ очень хорошо, даже со слезами на глазахъ; объ выдѣлкѣ горячаго вина — и въ горячемъ винѣ зналъ онъ прокъ; о таможенныхъ надсмотрщикахъ и чиновникахъ — и о нихъ онъ судилъ такъ, какъ будто бы и самъ былъ и чиновникомъ, и надсмотрщикомъ[2]. Но замѣчательно, что онъ все это умѣлъ облекать какою-то степенностью, умѣлъ хорошо держать себя. Говорилъ ни громко, ни тихо, а[3] совершенно такъ, какъ слѣдуетъ. Словомъ, куда ни поворота, былъ очень порядочный человѣкъ. Всѣ чиновники были довольны пріѣздомъ новаго лица. Губернаторъ объ немъ изъяснился, что онъ благонамѣренный человѣкъ; прокуроръ — что онъ дѣльный человѣкъ; жандармскій полковникъ говорилъ, что онъ ученый человѣкъ; предсѣдатель палаты — что онъ знающій и почтенный человѣкъ; полицеймейстеръ — что онъ почтенный и любезный человѣкъ; жена полицеймейстера — что онъ любезнѣйшій и обходительнѣйшій человѣкъ. Даже самъ Собакевичъ, который рѣдко отзывался о комъ-нибудь съ хорошей стороны, пріѣхавши довольно поздно изъ города и уже совершенно раздѣвшись и легши на

кровать возлѣ худощавой жены своей, сказалъ ей: „Я, душенька, былъ у губернатора на вечерѣ, и у полицеймейстера обѣдалъ, и познакомился съ коллежскимъ совѣтникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ: препріятный человѣкъ!“ На чтò супруга отвѣчала: „Гм!“ и толкнула его ногою.

Такое мнѣніе, весьма лестное для гостя, составилось о немъ въ городѣ, и оно держалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ одно странное свойство гостя и предпріятіе, или, какъ говорятъ въ провинціяхъ, пассажъ, о которомъ читатель скоро узнаетъ, не привело въ совершенное недоумѣніе почти весь городъ[1].

ГЛАВА II.

Уже болѣе недѣли пріѣзжій господинъ жилъ въ городѣ, разъѣзжая по вечеринкамъ и обѣдамъ и такимъ образомъ проводя, какъ говорится, очень пріятно время. Наконецъ онъ рѣшился перенести свои визиты за городъ и навѣстить помѣщиковъ Манилова и Собакевича, которымъ далъ слово. Можетъ быть, къ сему побудила его другая, болѣе существенная причина, дѣло болѣе серьезное, ближшее къ сердцу... Но обо всемъ этомъ читатель узнаетъ постепенно и въ свое время, если только будетъ имѣть терпѣніе прочесть предлагаемую повѣсть, очень длинную, имѣющую потомъ[2] раздвинуться шире и просторнѣе, по мѣрѣ приближенія къ концу, вѣнчающему дѣло. Кучеру Селифану отдано было приказаніе рано поутру заложить лошадей въ извѣстную бричку; Петрушкѣ приказано было оставаться дома, смотрѣть за комнатой и чемоданомъ. Для читателя будетъ не лишнимъ познакомиться съ сими двумя крѣпостными людьми нашего героя. Хотя, конечно, они лица не такъ замѣтныя и то, чтò называютъ второстепенныя или даже третьестепенныя, хотя главные ходы и пружины поэмы не на нихъ утверждены и развѣ кое-гдѣ касаются и легко зацѣпляютъ ихъ; но авторъ любитъ чрезвычайно быть обстоятельнымъ во всемъ, и съ этой стороны, не смотря на то, что самъ человѣкъ русскій, хочетъ быть аккуратенъ, какъ нѣмецъ. Это займетъ, впрочемъ, немного времени и мѣста, потому что немного нужно прибавить къ тому, чтò уже читатель знаетъ, то есть, что Петрушка ходилъ въ нѣсколько широкомъ корич-

невомъ сюртукѣ съ барскаго плеча и имѣлъ, по обычаю людей своего званія, крупный носъ и губы. Характера онъ былъ больше молчаливаго, чѣмъ разговорчиваго; имѣлъ даже благородное побужденіе къ просвѣщенію, т. е. чтенію книгъ, содержаніемъ которыхъ не затруднялся: ему было совершенно все равно, похожденіе ли влюбленнаго героя, просто букварь, или молитвенникъ, — онъ все читалъ съ равнымъ вниманіемъ; если бы ему подвернули химію, онъ и отъ нея бы не отказался. Ему нравилось не то, о чемъ читалъ онъ, но больше самое чтеніе, или, лучше сказать, процессъ самого чтенія, что вотъ-де изъ буквъ вѣчно выходитъ какое-нибудь слово, которое, иной разъ, чортъ знаетъ, что̀ и значитъ. Это чтеніе совершалось болѣе въ лежачемъ положеніи, въ передней, на кровати и на тюфякѣ, сдѣлавшемся отъ такого обстоятельства убитымъ и тоненькимъ, какъ лепешка. Кромѣ страсти къ чтенію, онъ имѣлъ еще два обыкновенія, составлявшія двѣ другія его характеристическія черты: спать не раздѣваясь, такъ, какъ есть, въ томъ же сюртукѣ, и носить всегда съ собою какой-то свой особенный воздухъ, своего собственнаго запаха, отзывавшійся нѣсколько жилымъ покоемъ, такъ что достаточно было ему только пристроить гдѣ-нибудь свою кровать, хоть даже въ необитаемой дотолѣ комнатѣ, да перетащить туда шинель и пожитки, и уже казалось, что въ этой комнатѣ лѣтъ десять жили люди. Чичиковъ, будучи человѣкъ весьма щекотливый и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ привередливый, потянувши къ себѣ воздухъ на свѣжій носъ поутру, только помарщивался, да встряхивалъ головою, приговаривая: „Ты, братъ, чортъ тебя знаетъ, потѣешь, что ли. Сходилъ бы ты хоть въ баню“. На что Петрушка ничего не отвѣчалъ и старался тутъ же заняться какимъ-нибудь дѣломъ: или подходилъ съ щеткой къ висѣвшему барскому фраку, или просто прибиралъ что-нибудь. Что̀ думалъ онъ въ то время, когда молчалъ? Можетъ быть, онъ говорилъ про себя: „И ты однакожъ хорошъ; не надоѣло тебѣ сорокъ разъ повторять одно и то же...“ Богъ вѣдаетъ, трудно знать, что̀ думаетъ дворовый крѣпостной человѣкъ въ то время, когда баринъ ему даетъ наставленіе. Итакъ, вотъ что на первый разъ можно сказать о Петрушкѣ. Кучеръ Селифанъ былъ совершенно другой человѣкъ... Но авторъ весьма совѣстится занимать такъ долго читателей людьми низкаго класса, зная

по опыту, какъ не охотно они знакомятся съ низкими сословіями. Таковъ уже русскій человѣкъ: страсть сильная зазнаться съ тѣмъ, который бы хотя однимъ чиномъ былъ его повыше, и шапочное знакомство съ графомъ или княземъ для него лучше всякихъ тѣсныхъ дружескихъ отношеній. Авторъ даже опасается за своего героя, который только коллежскій совѣтникъ. Надворные совѣтники, можетъ быть, и познакомятся съ нимъ, но тѣ, которые подобрались уже къ чинамъ генеральскимъ,— тѣ, Богъ вѣсть, можетъ быть, даже бросятъ одинъ изъ тѣхъ презрительныхъ взглядовъ, которые бросаются гордо человѣкомъ на все, что̀ ни пресмыкается у ногъ его, или, что̀ еще хуже, можетъ быть, пройдутъ убійственнымъ для автора невниманіемъ. Но какъ ни прискорбно то и другое, а все однакожъ нужно возвратиться къ герою. Итакъ, отдавши нужныя приказанія еще съ вечера, проснувшись поутру очень рано, вымывшись, вытершись съ ногъ до головы мокрою губкой, что̀ дѣлалось только по воскреснымъ днямъ,— а въ тотъ день случилось[1] воскресенье,— выбрившись такимъ образомъ, что щеки сдѣлались настоящій атласъ, въ разсужденіи гладкости и лоска, надѣвши фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой и потомъ шинель на большихъ медвѣдяхъ, онъ сошелъ съ лѣстницы, поддерживаемый подъ руку то съ одной, то съ другой стороны трактирнымъ слугою, и сѣлъ въ бричку. Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостинницы на улицу. Проходившій попъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: „Баринъ, подай сиротинкѣ!“ Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ. Не безъ радости былъ вдали узрѣтъ полосатый шлагбаумъ, дававшій знать, что мостовой, какъ и всякой другой мукѣ, будетъ скоро конецъ, и, еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся наконецъ по мягкой землѣ. Едва только ушелъ назадъ городъ, какъ уже пошли писать, по нашему обычаю, чушь и дичь по обѣимъ сторонамъ дороги: кочки, ельникъ, низенькіе, жидкіе кусты молодыхъ сосенъ, обгорѣлые стволы старыхъ, дикій верескъ и тому подобный вздоръ. Попадались вытянутыя по снурку деревни, постройкою похожія на старыя складенныя дрова, покрытыя сѣрыми крышами

съ рѣзными деревянными подъ ними украшеніями, въ видѣ висячихъ шитыхъ узорами утиральниковъ. Нѣсколько мужиковъ, по обыкновенію, зѣвали, сидя на лавкахъ передъ воротами, въ своихъ овчинныхъ тулупахъ; бабы, съ толстыми лицами и перевязанными грудями, смотрѣли изъ верхнихъ оконъ; изъ нижнихъ глядѣлъ теленокъ, или высовывала слѣпую морду свою свинья. Словомъ, виды извѣстные. Проѣхавши пятнадцатую версту, онъ вспомнилъ, что здѣсь, по словамъ Манилова, должна быть его деревня, но и шестнадцатая верста пролетѣла мимо, а деревни все не было видно, и если бы не два мужика, попавшіеся навстрѣчу, то врядъ ли бы довелось имъ потрафить на ладъ. На вопросъ: „далеко ли деревня Заманиловка“,—мужики сняли шляпы, и одинъ изъ нихъ, бывшій поумнѣе и носившій бороду клиномъ, отвѣчалъ: „Маниловка, можетъ быть, а не Заманиловка?“

„Ну, да, Маниловка“.

„Маниловка! А какъ проѣдешь еще одну версту, такъ вотъ тебѣ, то есть, такъ прямо направо“.

„Направо?“ отозвался кучеръ.

„Направо“, сказалъ мужикъ. „Это будетъ тебѣ дорога въ Маниловку; а Заманиловки никакой нѣтъ. Она зовется такъ, то есть, ея прозваніе Маниловка, а Заманиловки тутъ вовсе нѣтъ. Тамъ прямо на горѣ увидишь домъ, каменный, въ два этажа,—господскій домъ, въ которомъ, то есть, живетъ самъ господинъ. Вотъ это тебѣ и есть Маниловка, а Заманиловки совсѣмъ нѣтъ никакой здѣсь и не было“.

Поѣхали отыскивать Маниловку. Проѣхавши двѣ версты, встрѣтили поворотъ на проселочную дорогу; но уже и двѣ, и три, и четыре версты, кажется, сдѣлали, а каменнаго дома въ два этажа все еще не было видно. Тутъ Чичиковъ вспомнилъ, что если пріятель приглашаетъ къ себѣ въ деревню за пятнадцать верстъ, то значитъ, что къ ней есть вѣрныхъ тридцать. Деревня Маниловка немногихъ могла заманить своимъ мѣстоположеніемъ. Домъ господскій стоялъ одиночкой на юру, то есть на возвышеніи, открытомъ всѣмъ вѣтрамъ, какимъ только вздумается подуть; покатость горы, на которой онъ стоялъ, была одѣта подстриженнымъ дерномъ. На ней были разбросаны по англійски[1] двѣ-три клумбы съ кустами сиреней и желтыхъ акацій; пять-шесть березъ небольшими

купами кое-гдѣ возносили свои мелколистныя, жиденькія вершины. Подъ двумя изъ нихъ видна была бесѣдка съ плоскимъ зеленымъ куполомъ, деревянными голубыми колоннами и надписью: „храмъ уединеннаго размышленія“; пониже прудъ, покрытый зеленью, что, впрочемъ, не въ диковинку въ аглицкихъ садахъ русскихъ помѣщиковъ. У подошвы этого возвышенія, и частію по самому скату, темнѣли вдоль и поперекъ сѣренькія бревенчатыя избы, которыя герой нашъ, неизвѣстно, по какимъ причинамъ, въ ту жъ минуту принялся считать и насчиталъ болѣе двухъ сотъ. Нигдѣ между ними растущаго деревца или какой-нибудь зелени; вездѣ глядѣло только одно бревно. Видъ оживляли двѣ бабы, которыя, картинно подобравши платья и подтыкавшись со всѣхъ сторонъ, брели по колѣни въ прудѣ, влача за два деревянные кляча изорванный бредень, гдѣ видны были два запутавшіеся рака и блестѣла попавшаяся плотва; бабы, казалось, были между собою въ ссорѣ и за что-то перебранивались. Поодаль, въ сторонѣ, темнѣлъ какимъ-то скучно-синеватымъ цвѣтомъ сосновый лѣсъ. Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день былъ не то ясный, не то мрачный, а какого-то свѣтло-сѣраго цвѣта, — какой бываетъ только на старыхъ мундирахъ гарнизонныхъ солдатъ, этого впрочемъ мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ.[1] Для пополненія картины не было недостатка въ пѣтухѣ, предвозвѣстникѣ перемѣнчивой погоды, который, не смотря на то, что голова продолблена была до самаго мозгу носами другихъ пѣтуховъ по извѣстнымъ дѣламъ волокитства, горланилъ очень громко и даже похлопывалъ крыльями, обдерганными какъ старыя рогожки. Подъѣзжая ко двору, Чичиковъ замѣтилъ на крыльцѣ самого хозяина, который стоялъ въ зеленомъ шалоновомъ сюртукѣ, приставивъ руку ко лбу, въ видѣ зонтика надъ глазами, чтобы разсмотрѣть получше подъѣзжавшій экипажъ. По мѣрѣ того, какъ бричка близилась къ крыльцу, глаза его дѣлались веселѣе, и улыбка раздвигалась болѣе и болѣе.

„Павелъ Ивановичъ!“ вскричалъ онъ наконецъ, когда Чичиковъ вылѣзалъ изъ брички. „Насилу вы таки насъ вспомнили!“

Оба пріятеля очень крѣпко поцѣловались, и Маниловъ увелъ своего гостя въ комнату. Хотя время, въ продолженіи

котораго они будутъ проходить сѣни, переднюю и столовую, нѣсколько коротковато, но попробуемъ, не успѣемъ ли какънибудь имъ воспользоваться и сказать кое-что о хозяинѣ дома. Но тутъ авторъ долженъ признаться, что подобное предпріятіе очень трудно. Гораздо легче изображать характеры большаго размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палящіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черный или алый какъ огонь плащъ, — и портретъ готовъ; но вотъ эти всѣ господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядишься, увидишь много самыхъ неуловимыхъ особенностей, — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступить всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выпытыванія взглядъ.

Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова. Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: *люди такъ себѣ, ни то, ни сё, ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ,* по словамъ пословицы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ примкнуть и Манилова. На взглядъ онъ былъ человѣкъ видный; черты лица его были не лишены пріятности, но въ эту пріятность, казалось, черезъ чуръ было передано сахару; въ пріемахъ и оборотахъ его было что-то заискивающее расположенія и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ бѣлокуръ, съ голубыми глазами. Въ первую минуту разговора съ нимъ, не можешь не сказать: „Какой пріятный и добрый человѣкъ!“ Въ слѣдующую затѣмъ минуту ничего не скажешь, а въ третью скажешь: „Чортъ знаетъ, что такое!“ и отойдешь подальше; если жъ не отойдешь, то почувствуешь скуку смертельную. Отъ него не дождешься никакого живаго, или хоть даже заносчиваго слова, какое можешь услышать почти отъ всякаго, если коснешься задирающаго его предмета. У всякаго есть свой задоръ: у одного задоръ обратился на борзыхъ собакъ; другому кажется, что онъ сильный любитель музыки и удивительно чувствуетъ всѣ глубокія мѣста въ ней; третій мастеръ лихо пообѣдать; четвертый сыграть роль, хоть однимъ вершкомъ повыше той, которая

ему назначена; пятый, съ желаніемъ болѣе ограниченнымъ, спитъ и грезитъ о томъ, какъ бы пройтиться на гуляньи съ флигель-адъютантомъ, напоказъ своимъ пріятелямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ; шестой уже одаренъ такою рукою, которая чувствуетъ желаніе сверхъестественное заломить уголъ какому-нибудь бубновому тузу или двойкѣ, тогда какъ рука седьмаго такъ и лѣзетъ произвести гдѣ-нибудь порядокъ, подобраться поближе къ личности станціоннаго смотрителя или ямщиковъ, словомъ — у всякаго есть свое, но у Манилова ничего не было. Дома онъ говорилъ очень мало и большею частію размышлялъ и думалъ, но о чемъ онъ думалъ, тоже развѣ Богу было извѣстно. Хозяйствомъ, нельзя сказать, чтобы онъ занимался, онъ даже никогда не ѣздилъ на поля; хозяйство шло какъ-то само собою. Когда прикащикъ говорилъ: „хорошо бы, баринъ, то и то сдѣлать“; „да, недурно“, отвѣчалъ онъ обыкновенно, куря трубку, которую курить сдѣлалъ привычку, когда еще служилъ въ арміи, гдѣ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ. „Да, именно не дурно“, повторялъ онъ. Когда приходилъ къ нему мужикъ и, почесавши рукою затылокъ, говорилъ: „Баринъ, позволь отлучиться на работу, пдать заработать“; „ступай“, говорилъ онъ, куря трубку, и ему даже въ голову не приходило, что мужикъ шелъ пьянствовать. Иногда, глядя съ крыльца на дворъ и на прудъ, говорилъ онъ о томъ, какъ бы хорошо было, если бы вдругъ отъ дома провести подземный ходъ, или чрезъ прудъ выстроить каменный мостъ, на которомъ бы были по обѣимъ сторонамъ лавки, и чтобы въ нихъ сидѣли купцы и продавали разные мелкіе товары, нужные для крестьянъ. При этомъ глаза его дѣлались чрезвычайно сладкими, и лицо принимало самое довольное выраженіе. Впрочемъ, всѣ эти прожекты такъ и оканчивались только одними словами. Въ его кабинетѣ всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 страницѣ, которую онъ постоянно читалъ уже два года. Въ домѣ его чего-нибудь вѣчно недоставало: въ гостиной стояла прекрасная мебель, обтянутая щегольской шелковой матеріей, которая, вѣрно, стоила весьма недешево; но на два кресла ея не достало, и кресла стояли обтянуты просто рогожею; впрочемъ, хозяинъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ всякій разъ предостерегалъ

своего гостя словами: „Не садитесь на эти кресла, они еще не готовы“. Въ иной комнатѣ и вовсе не было мебели, хотя и было говорено въ первые дни послѣ женитьбы: „Душенька, нужно будетъ завтра похлопотать, чтобы въ эту комнату хоть на время поставить мебель“. Ввечеру подавался на столъ очень щегольской подсвѣчникъ изъ темной бронзы, съ тремя античными граціями, съ перламутнымъ щегольскимъ щитомъ, и рядомъ съ нимъ ставился какой-то просто мѣдный инвалидъ, хромой, свернувшійся на сторону и весь въ салѣ, хотя этого не замѣчалъ ни хозяинъ, ни хозяйка, ни слуги. Жена его... впрочемъ, они были совершенно довольны другъ другомъ. Не смотря на то, что минуло болѣе восьми лѣтъ ихъ супружеству, изъ нихъ все еще каждый приносилъ другому или кусочекъ яблочка, или конфетку, или орѣшекъ, и говорилъ трогательно-нѣжнымъ голосомъ, выражавшимъ совершенную любовь: „Разинь, душенька, свой ротикъ, я тебѣ положу этотъ кусочекъ“. Само собою разумѣется, что ротикъ раскрывался при этомъ случаѣ очень граціозно. Ко дню рожденія приготовляемы были сюрпризы — какой-нибудь бисерный чехольчикъ на зубочистку. И весьма часто, сидя на диванѣ, вдругъ, совершенно неизвѣстно, изъ какихъ причинъ, одинъ, оставивши свою трубку, а другая работу, если только она держалась на ту пору въ рукахъ, они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцѣлуй, что въ продолженіи его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарку. Словомъ, они были то, что говорится счастливы. Конечно, можно бы замѣтить, что въ домѣ есть много другихъ занятій, кромѣ продолжительныхъ поцѣлуевъ и сюрпризовъ, и много бы можно сдѣлать разныхъ запросовъ. Зачѣмъ, напримѣръ, глупо и безъ толку готовится на кухнѣ? Зачѣмъ довольно пусто въ кладовой? Зачѣмъ воровка ключница? Зачѣмъ нечистоплотны и пьяницы слуги? Зачѣмъ вся дворня спитъ немилосердымъ образомъ и повѣсничаетъ все остальное время? Но все это предметы низкіе, а Манилова воспитана хорошо. А хорошее воспитаніе, какъ извѣстно, получается въ пансіонахъ; а въ пансіонахъ, какъ извѣстно, три главные предмета составляютъ основу человѣческихъ добродѣтелей: французскій языкъ, необходимый для счастія семейственной жизни, фортепьяно, для доставленія пріятныхъ минутъ супругу, и, наконецъ, собственно хозяйственная часть:

вязаніе кошельковъ и другихъ сюрпризовъ. Впрочемъ, бываютъ разныя усовершенствованія и измѣненія въ методахъ, особенно въ нынѣшнее время: все это болѣе зависитъ отъ благоразумія и способностей самихъ содержательницъ пансіона. Въ другихъ пансіонахъ бываетъ такимъ образомъ, что прежде фортепьяно, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже хозяйственная часть. А иногда бываетъ и такъ, что прежде хозяйственная часть, т.е. вязаніе сюрпризовъ, потомъ французскій языкъ, а тамъ уже фортепьяно. Разныя бываютъ методы. Не мѣшаетъ сдѣлать еще замѣчаніе, что Манилова... но, признаюсь, о дамахъ я очень боюсь говорить, да притомъ мнѣ пора возвратиться къ нашимъ героямъ, которые стояли уже нѣсколько минутъ передъ дверями гостиной, взаимно упрашивая другъ друга пройти впередъ.

„Сдѣлайте милость, не безпокойтесь такъ для меня, я пройду послѣ", говорилъ Чичиковъ.

„Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, нѣтъ, вы — гость", говорилъ Маниловъ, показывая ему рукою на дверь.

„Не затрудняйтесь, пожалуста[1] не затрудняйтесь; пожалуста проходите", говорилъ Чичиковъ.

„Нѣтъ, ужъ извините, не допущу пройти позади такому пріятному, образованному гостю".

„Почему жъ образованному?... Пожалуста проходите!"

„Ну, да ужъ извольте проходить вы".

„Да отчего жъ?"

„Ну, да ужъ оттого!" сказалъ съ пріятною улыбкою Маниловъ.

Наконецъ оба пріятеля вошли въ дверь бокомъ и нѣсколько притиснули другъ друга.

„Позвольте мнѣ вамъ представить жену мою", сказалъ Маниловъ. „Душенька! Павелъ Ивановичъ!"

Чичиковъ, точно, увидѣлъ даму, которую онъ совершенно было не примѣтилъ, раскланиваясь въ дверяхъ съ Маниловымъ. Она была недурна, одѣта къ лицу. На ней хорошо сидѣлъ матерчатый шелковый капотъ блѣднаго цвѣта; тонкая небольшая кисть руки ея что-то бросила поспѣшно на столъ и сжала батистовый платокъ съ вышитыми уголками. Она поднялась съ дивана, на которомъ сидѣла. Чичиковъ не безъ удовольствія подошелъ къ ея ручкѣ. Манилова проговорила,

нѣсколько даже картавя, что онъ очень обрадовалъ ихъ своимъ пріѣздомъ, и что мужъ ея, не проходило дня, чтобы не вспоминалъ о немъ.

„Да“, примолвилъ Маниловъ: „ужъ она бывало все спрашиваетъ меня: „Да что же твой пріятель не ѣдетъ?“ „Погоди, душенька, пріѣдетъ“. А вотъ вы наконецъ и удостоили насъ своимъ посѣщеніемъ. Ужъ такое право доставили наслажденіе — майскій день... именины сердца“...

Чичиковъ, услышавши, что дѣло уже дошло до именинъ сердца, нѣсколько даже смутился и отвѣчалъ скромно, что ни громкаго имени не имѣетъ, ни даже ранга замѣтнаго.

„Вы все имѣете“, прервалъ Маниловъ съ такою же пріятною улыбкою: „все имѣете, даже еще болѣе“.

„Какъ вамъ показался нашъ городъ?“ примолвила Манилова. „Пріятно ли провели тамъ время?“

„Очень хорошій городъ, прекрасный городъ“, отвѣчалъ Чичиковъ: „и время провелъ очень пріятно: общество самое обходительное“.

„А какъ вы нашли нашего губернатора?“ сказала Манилова.

„Не правда ли, что препочтеннѣйшій и прелюбезнѣйшій человѣкъ?“ прибавилъ Маниловъ.

„Совершенная правда“, сказалъ Чичиковъ: „препочтеннѣйшій человѣкъ. И какъ онъ вошелъ въ свою должность, какъ понимаетъ ее! Нужно желать побольше такихъ людей“.

„Какъ онъ можетъ этакъ, знаете, принять всякаго, наблюсти деликатность въ своихъ поступкахъ“, присовокупилъ Маниловъ съ улыбкою, и отъ удовольствія почти совсѣмъ зажмурилъ глаза, какъ котъ, у котораго слегка пощекотали за ушами пальцемъ.

„Очень обходительный и пріятный человѣкъ“, продолжалъ Чичиковъ: „и какой искусникъ! Я даже никакъ не могъ предполагать этого: какъ хорошо вышиваетъ разные домашніе узоры! Онъ мнѣ показывалъ своей работы кошелекъ: рѣдкая дама можетъ такъ искусно вышить“.

„А вице-губернаторъ, не правда ли, какой милый человѣкъ?“ сказалъ Маниловъ, опять нѣсколько прищуривъ глаза.

„Очень, очень достойный человѣкъ“, отвѣчалъ Чичиковъ.

„Ну, позвольте, а какъ вамъ показался полицеймейстеръ? Не правда ли, что очень пріятный человѣкъ?“

„Чрезвычайно пріятный, и какой умный,какой начитанный человѣкъ! Мы у него проиграли въ вистъ вмѣстѣ съ прокуроромъ и предсѣдателемъ палаты до самыхъ позднихъ пѣтуховъ. Очень, очень достойный человѣкъ!“

„Ну, а какого вы мнѣнія о женѣ полицеймейстера?“ прибавила Манилова. „Не правда ли, прелюбезная женщина?“

„О, это одна изъ достойнѣйшихъ женщинъ, какихъ только я знаю“, отвѣчалъ Чичиковъ.

За симъ не пропустили предсѣдателя палаты, почтмейстера, и такимъ образомъ перебрали почти всѣхъ чиновниковъ города, которые всѣ оказались самыми достойными людьми[1].

„Вы всегда въ деревнѣ проводите время?“ сдѣлалъ наконецъ въ свою очередь вопросъ Чичиковъ.

„Больше въ деревнѣ“, отвѣчалъ Маниловъ. „Иногда, впрочемъ, пріѣзжаемъ въ городъ для того только, чтобы увидѣться съ образованными людьми. Одичаешь, знаете, если будешь все время жить въ заперти“.

„Правда, правда“, сказалъ Чичиковъ.

„Конечно“, продолжалъ Маниловъ: „другое дѣло, если бы сосѣдство было хорошее, если бы, напримѣръ, такой человѣкъ, съ которымъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку, чтобы этакъ расшевелило душу, дало бы, такъ сказать, паренье этакое...“ Здѣсь онъ еще что-то хотѣлъ выразить, но, замѣтивши, что нѣсколько зарапортовался, ковырнулъ только рукою въ воздухѣ и продолжалъ: „тогда, конечно, деревня и уединеніе имѣли бы очень много пріятностей. Но рѣшительно нѣтъ никого... Вотъ только иногда почитаешь „Сынъ Отечества“.

Чичиковъ согласился съ этимъ совершенно, прибавивши, что ничего не можетъ быть пріятнѣе, какъ жить въ уединеньи, наслаждаться зрѣлищемъ природы и почитать иногда какую-нибудь книгу...

„Но знаете ли“, прибавилъ Маниловъ: „все, если нѣтъ друга, съ которымъ бы можно подѣлиться...“

„О, это справедливо, это совершенно справедливо!“ прервалъ Чичиковъ. „Чтò всѣ сокровища тогда въ мірѣ! *Не имѣй денегъ, имѣй хорошихъ людей для обращенія*, сказалъ одинъ мудрецъ“.

„И знаете, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Маниловъ, явя въ лицѣ своемъ выраженіе не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстурѣ, которую ловкій свѣтскій докторъ засластилъ немилосердно, воображая ею обрадовать паціента: „тогда чувствуешь какое-то, въ нѣкоторомъ родѣ, духовное наслажденіе... Вотъ какъ, напримѣръ, теперь, когда случай мнѣ доставилъ счастіе, можно сказать, рѣдкое[1], образцовое, говорить съ вами и наслаждаться пріятнымъ вашимъ разговоромъ...“

„Помилуйте, чтò жъ за пріятный разговоръ?... Ничтожный человѣкъ, и больше ничего“, отвѣчалъ Чичиковъ.

„О, Павелъ Ивановичъ! Позвольте мнѣ быть откровеннымъ: я бы съ радостію отдалъ половину всего моего состоянія, чтобы имѣть часть тѣхъ достоинствъ, которыя имѣете вы!...“

„Напротивъ, я бы почелъ съ своей стороны за величайшее...“

Неизвѣстно, до чего бы дошло взаимное изліяніе чувствъ обоихъ пріятелей, если бы вошедшій слуга не доложилъ, что кушанье готово.

„Прошу покорнѣйше“, сказалъ Маниловъ.

„Вы извините, если у насъ нѣтъ такого обѣда, какой на паркетахъ и въ столицахъ: у насъ просто, по русскому обычаю, щи, но отъ чистаго сердца. Покорнѣйше прошу“.

Тутъ они еще нѣсколько времени поспорили о томъ, кому первому войти, и наконецъ Чичиковъ вошелъ бокомъ въ столовую.

Въ столовой уже стояли два мальчика, сыновья Манилова, которые были въ тѣхъ лѣтахъ, когда сажаютъ уже дѣтей за столъ, но еще на высокихъ стульяхъ. При нихъ стоялъ учитель, поклонившійся вѣжливо и съ улыбкою. Хозяйка сѣла за свою суповую чашку; гость былъ посаженъ между хозяиномъ и хозяйкою, слуга завязалъ дѣтямъ на шею салфетки.

„Какія миленькія дѣти!“ сказалъ Чичиковъ, посмотрѣвъ на нихъ: „а который годъ?“

„Старшему осьмой, а меньшому вчера только минуло шесть“, сказала Манилова.

„Ѳемистоклюсъ!“ сказалъ Маниловъ, обратившись къ старшему, который старался освободить свой подбородокъ, завязанный лакеемъ въ салфетку. Чичиковъ поднялъ нѣсколько бровь, услышавъ такое отчасти греческое имя, которому, не извѣстно почему, Маниловъ далъ окончаніе на *юсъ;* но постарался тотъ же часъ привесть лицо въ обыкновенное положеніе.

„Ѳемистоклюсъ, скажи мнѣ: какой лучшій городъ во Франціи?"

Здѣсь учитель обратилъ все вниманіе на Ѳемистоклюса и, казалось, хотѣлъ ему вскочить въ глаза, но наконецъ совершенно успокоился и кивнулъ головою, когда Ѳемистоклюсъ сказалъ: „Парижъ".

„А у насъ какой лучшій городъ?" спросилъ опять Маниловъ.

Учитель опять настроилъ вниманіе.

„Петербургъ", отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

„А еще какой?"

„Москва", отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

„Умница, душенька!" сказалъ на это Чичиковъ. „Скажите однакожъ..." продолжалъ онъ, обратившись тутъ же съ нѣкоторымъ видомъ изумленія къ Маниловымъ. „Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія[1]. Я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ ребенкѣ будутъ большія способности!"

„О, вы еще не знаете его!" отвѣчалъ Маниловъ: „у него чрезвычайно много остроумія. Вотъ меньшой, Алкидъ, тотъ не такъ быстръ, а этотъ сейчасъ, если что-нибудь встрѣтитъ, букашку, козявку, такъ ужъ у него вдругъ глазенки и забѣгаютъ; побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе. Я его прочу по дипломатической части. Ѳемистоклюсъ!" продолжалъ онъ, снова обратясь къ нему: „хочешь быть посланникомъ?"

„Хочу", отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ, жуя хлѣбъ и болтая головой направо и налѣво.

Въ это время стоявшій позади лакей утеръ посланнику носъ и очень хорошо сдѣлалъ, иначе бы канула въ супъ препорядочная посторонняя капля. Разговоръ начался за столомъ объ удовольствіи спокойной жизни, прерываемый замѣчаніями хозяйки о городскомъ театрѣ и объ актерахъ. Учитель очень внимательно глядѣлъ на разговаривающихъ и, какъ только замѣчалъ, что они были готовы усмѣхнуться, въ ту же минуту открывалъ ротъ и смѣялся съ усердіемъ. Вѣроятно, онъ былъ человѣкъ признательный и хотѣлъ заплатить этимъ хозяину за хорошее обращеніе. Одинъ разъ, впрочемъ, лицо его приняло суровый видъ, и онъ строго застучалъ по столу, устремивъ глаза на сидѣвшихъ насупротивъ его дѣтей. Это было у мѣста, потому что Ѳемистоклюсъ укусилъ за ухо Алкида, и Алкидъ, зажмуривъ глаза и открывъ ротъ, готовъ былъ зарыдать са-

мымъ жалкимъ образомъ, но, почувствовавъ, что за это легко можно было лишиться блюда, привелъ ротъ въ прежнее положеніе и началъ со слезами грызть баранью кость, отъ которой у него обѣ щеки лоснились жиромъ.

Хозяйка очень часто обращалась къ Чичикову съ словами: „Вы ничего не кушаете, вы очень мало взяли". На что Чичиковъ отвѣчалъ всякій разъ[1]: „Покорнѣйше благодарю, я сытъ. Пріятный разговоръ лучше всякаго блюда".

Уже встали изъ-за стола. Маниловъ былъ доволенъ чрезвычайно и, поддерживая рукою спину своего гостя, готовился такимъ образомъ препроводить его въ гостиную, какъ вдругъ гость объявилъ, съ весьма значительнымъ видомъ, что онъ намѣренъ съ нимъ поговорить объ одномъ очень нужномъ дѣлѣ.

„Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ васъ попросить въ мой кабинетъ", сказалъ Маниловъ и повелъ въ небольшую комнату, обращенную окномъ на синѣвшій лѣсъ. „Вотъ мой уголокъ", сказалъ Маниловъ.

„Пріятная комнатка", сказалъ Чичиковъ, окинувши ее глазами. Комната была, точно, не безъ пріятности: стѣны были выкрашены какой-то голубенькой краской, въ родѣ сѣренькой; четыре стула, одно кресло, столъ, на которомъ лежала книжка съ заложенною закладкою, о которой мы уже имѣли случай упомянуть; нѣсколько исписанныхъ бумагъ; но больше всего было табаку. Онъ былъ въ разныхъ видахъ: въ картузахъ и въ табашницѣ, и наконецъ насыпанъ былъ просто кучею на столѣ. На обоихъ окнахъ тоже помѣщены были горки выбитой изъ трубки золы, разставленныя не безъ старанія очень красивыми рядками. Замѣтно было, что это иногда доставляло хозяину препровожденіе времени.

„Позвольте васъ попросить расположиться въ этихъ креслахъ", сказалъ Маниловъ. „Здѣсь вамъ будетъ попокойнѣе".

„Позвольте, я сяду на стулѣ".

„Позвольте вамъ этого не позволить", сказалъ Маниловъ съ улыбкою. „Это кресло у меня ужъ ассигновано для гостя: ради, или не ради, но должны сѣсть".

Чичиковъ сѣлъ.

„Позвольте мнѣ васъ попотчивать трубочкою".

„Нѣтъ, не курю", отвѣчалъ Чичиковъ ласково и какъ бы съ видомъ сожалѣнія.

„Отъ чего?“ сказалъ Маниловъ тоже ласково и съ видомъ сожалѣнія.

„Не сдѣлалъ привычки, боюсь; говорятъ, трубка сушитъ“.

„Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что это предубѣжденіе. Я полагаю даже, что курить трубку гораздо здоровѣе[1], нежели нюхать табакъ. Въ нашемъ полку былъ поручикъ, прекраснѣйшій и образованнѣйшій человѣкъ, который не выпускалъ изо рта трубки не только за столомъ, но даже, съ позволенія сказать, во всѣхъ прочихъ мѣстахъ. И вотъ ему теперь уже сорокъ слишкомъ лѣтъ, но, благодаря Бога, до сихъ поръ такъ здоровъ, какъ нельзя лучше“.

Чичиковъ замѣтилъ, что это точно случается и что въ натурѣ находится много вещей, неизъяснимыхъ даже для обширнаго ума.

„Но позвольте прежде одну просьбу...“ проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ отдалось какое-то странное, или почти странное выраженіе, и вслѣдъ за тѣмъ, неизвѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. Маниловъ тоже, неизвѣстно отъ чего, оглянулся назадъ. „Какъ давно вы изволили подавать ревизскую сказку?“

„Да, ужъ давно; а лучше сказать — не припомню“.

„Какъ съ того времени много у васъ умерло крестьянъ?“

„А не могу знать: объ этомъ, я полагаю, нужно спросить прикащика. Эй, человѣкъ! позови прикащика; онъ долженъ быть сегодня здѣсь“.

Прикащикъ явился. Это былъ человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, брившій бороду, ходившій въ сюртукѣ и, повидимому, проводившій очень покойную жизнь, потому что лицо его глядѣло какою-то пухлою полнотою, а желтоватый цвѣтъ кожи и маленькіе глаза показывали, что онъ зналъ слишкомъ хорошо, что такое пуховики и перины. Можно было видѣть тотчасъ, что онъ совершилъ свое поприще, какъ совершаютъ его всѣ господскіе прикащики: былъ прежде просто грамотнымъ мальчишкой въ домѣ, потомъ женился на какой-нибудь Агашкѣ, ключницѣ, барыниной фавориткѣ, сдѣлался самъ ключникомъ, а тамъ и прикащикомъ. А сдѣлавшись прикащикомъ, поступалъ, разумѣется, какъ всѣ прикащики: водился и кумился съ тѣми, которые на деревнѣ были побогаче, подбавлялъ на тягла побѣднѣе; проснувшись въ девятомъ часу утра, поджидалъ самовара и пилъ чай.

„Послушай, любезный! сколько у насъ умерло крестьянъ съ тѣхъ поръ, какъ подавали ревизію?“

„Да какъ — сколько? Многіе умирали съ тѣхъ поръ“, сказалъ прикащикъ, и при этомъ икнулъ, заслонивъ ротъ слегка рукою, на подобіе щитка.

„Да, признаюсь, я самъ такъ думалъ“, подхватилъ Маниловъ: „именно очень многіе умирали!“ Тутъ онъ оборотился къ Чичикову и прибавилъ еще: „точно, очень многіе“.

„А какъ, напримѣръ, числомъ?“ спросилъ Чичиковъ.

„Да, сколько числомъ?“ подхватилъ Маниловъ.

„Да какъ сказать — числомъ? Вѣдь неизвѣстно, сколько умирало: ихъ никто не считалъ“.

„Да, именно“, сказалъ Маниловъ, обратясь къ Чичикову: „я тоже предполагалъ, большая смертность; совсѣмъ неизвѣстно, сколько умерло“.

„Ты, пожалуста, ихъ перечти“, сказалъ Чичиковъ: „и сдѣлай подробный реестрикъ всѣхъ поименно“.

„Да, всѣхъ поименно[1]“, сказалъ Маниловъ.

Прикащикъ сказалъ: „Слушаю!“ и ушелъ.

„А для какихъ причинъ вамъ это нужно?“ спросилъ, по уходѣ прикащика, Маниловъ.

Этотъ вопросъ, казалось, затруднилъ гостя: въ лицѣ его показалось какое-то напряженное выраженіе, отъ котораго онъ даже покраснѣлъ, — напряженіе что-то выразить не совсѣмъ покорное словамъ. И въ самомъ дѣлѣ, Маниловъ наконецъ услышалъ такія странныя и необыкновенныя вещи, какихъ еще никогда не слыхали человѣческія уши.

„Вы спрашиваете, для какихъ причинъ? Причины вотъ какія: я хотѣлъ бы купить крестьянъ...“ сказалъ Чичиковъ, заикнулся и не кончилъ рѣчи.

„Но позвольте спросить васъ“, сказалъ Маниловъ: „какъ желаете вы купить крестьянъ: съ землею, или просто на выводъ, то есть безъ земли?“

„Нѣтъ, я не то, чтобы совершенно крестьянъ“, сказалъ Чичиковъ: „я желаю имѣть мертвыхъ...“

„Какъ-съ? Извините... я нѣсколько тугъ на ухо, мнѣ послышалось престранное слово...“

„Я полагаю пріобрѣсть мертвыхъ, которые, впрочемъ, значились бы по ревизіи, какъ живые“, сказалъ Чичиковъ.

Маниловъ выронилъ тутъ же чубукъ съ трубкою на полъ, и какъ разинулъ ротъ, такъ и остался съ разинутымъ ртомъ въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ. Оба пріятеля, разсуждавшіе о пріятностяхъ дружеской жизни, остались недвижимы, вперя другъ въ друга глаза, какъ тѣ портреты, которые вѣшались въ старину одинъ противъ другаго, по обѣимъ сторонамъ зеркала. Наконецъ Маниловъ поднялъ трубку съ чубукомъ и поглядѣлъ снизу ему въ лицо, стараясь высмотрѣть, не видно ли какой усмѣшки на губахъ его, не пошутилъ ли онъ; но ничего не было видно такого; напротивъ, лицо даже казалось степеннѣе обыкновеннаго. Потомъ подумалъ, не спятилъ ли гость какъ-нибудь невзначай съ ума, и со страхомъ посмотрѣлъ на него пристально; но глаза гостя были совершенно ясны; не было въ нихъ дикаго, безпокойнаго огня, какой бѣгаетъ въ глазахъ сумасшедшаго человѣка; все было прилично и въ порядкѣ. Какъ ни придумывалъ Маниловъ, какъ ему быть и что ему сдѣлать, но ничего другаго не могъ придумать, какъ только выпустить изо рта оставшійся дымъ очень тонкою струею.

„Итакъ, я бы желалъ знать, можете ли вы мнѣ таковыхъ, не живыхъ въ дѣйствительности, но живыхъ относительно законной формы, передать, уступить, или какъ вамъ заблагоразсудится лучше?“

Но Маниловъ такъ сконфузился и смѣшался, что только смотрѣлъ на него.

„Мнѣ кажется, вы затрудняетесь?“ замѣтилъ Чичиковъ.

„Я?... нѣтъ, я не то“, сказалъ Маниловъ: „но я не могу постичь... извините... я, конечно, не могъ получить такого блестящаго образованія, какое, такъ сказать, видно во всякомъ вашемъ движеніи; не имѣю высокаго искусства выражаться... Можетъ быть, здѣсь... въ этомъ, вами сейчасъ выраженномъ изъясненіи... скрыто другое... Можетъ быть, вы изволили выразиться такъ для красоты слога?“

„Нѣтъ“, подхватилъ Чичиковъ: „нѣтъ, я разумѣю предметъ таковъ, какъ есть, то есть, тѣ души, которыя точно уже умерли“.

Маниловъ совершенно растерялся. Онъ чувствовалъ, что ему нужно что-то сдѣлать, предложить вопросъ, а какой вопросъ — чортъ его знаетъ. Кончилъ онъ наконецъ тѣмъ, что

выпустилъ опять дымъ, но только уже не ртомъ, а чрезъ носовыя ноздри.

„Итакъ, если нѣтъ препятствій, то съ Богомъ можно бы приступить къ совершенію купчей крѣпости“, сказалъ Чичиковъ.

„Какъ, на мертвыя души купчую?“

„А, нѣтъ!“ сказалъ Чичиковъ. „Мы напишемъ, что онѣ живы, такъ, какъ стоитъ дѣйствительно въ ревизской сказкѣ. Я привыкъ ни въ чемъ не отступать отъ гражданскихъ законовъ; хотя за это и потерпѣлъ на службѣ[1], но ужъ извините: обязанность для меня — дѣло священное, законъ — я нѣмѣю предъ закономъ“.

Послѣднія слова понравились Манилову, но въ толкъ самаго дѣла онъ все-таки никакъ не вникъ и, вмѣсто отвѣта, принялся насасывать свой чубукъ такъ сильно, что тотъ началъ наконецъ хрипѣть, какъ фаготъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ вытянуть изъ него мнѣніе относительно такого неслыханнаго обстоятельства; но чубукъ хрипѣлъ — и больше ничего.

„Можетъ быть, вы имѣете какія-нибудь сомнѣнія?“

„О, помилуйте, ничуть! Я не насчетъ того говорю, чтобы имѣлъ какое-нибудь, то есть, критическое предосужденіе о васъ. Но позвольте доложить, не будетъ ли это предпріятіе, или, чтобъ еще болѣе, такъ сказать, выразиться, негоція, — такъ не будетъ ли эта негоція несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи?“

Здѣсь Маниловъ, сдѣлавши нѣкоторое движеніе головою, посмотрѣлъ очень значительно въ лицо Чичикова, показавъ[2] во всѣхъ чертахъ лица своего и въ сжатыхъ губахъ такое глубокое выраженіе, какого, можетъ быть, и не видано было на человѣческомъ лицѣ, развѣ только у какого-нибудь слишкомъ умнаго министра, да и то въ минуту самаго головоломнаго дѣла.

Но Чичиковъ сказалъ просто, что подобное предпріятіе, или негоція никакъ не будетъ несоотвѣтствующею гражданскимъ постановленіямъ и дальнѣйшимъ видамъ Россіи, а чрезъ минуту потомъ прибавилъ, что казна получитъ даже выгоды, ибо получитъ законныя пошлины.

„Такъ вы полагаете?...“

„Я полагаю, что это будетъ хорошо“.

„А, если хорошо, это другое дѣло: я противъ этого ничего“, сказалъ Маниловъ и совершенно успокоился.

„Теперь остается условиться въ цѣнѣ...“

„Какъ въ цѣнѣ?“ сказалъ опять Маниловъ и остановился. „Неужели вы полагаете, что я стану брать деньги за души, которыя въ нѣкоторомъ родѣ окончили свое существованіе? Если ужъ вамъ пришло этакое, такъ сказать, фантастическое желаніе, то, съ своей стороны, я предаю ихъ вамъ безъинтересно и купчую беру на себя“.

Великій упрекъ былъ бы историку предлагаемыхъ событій, если бы онъ упустилъ сказать, что удовольствіе одолѣло гостя послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ Маниловымъ. Какъ онъ ни былъ степененъ и разсудителенъ, но тутъ чуть не произвелъ даже скачокъ по образцу козла, что̀, какъ извѣстно, производится только въ самыхъ сильныхъ порывахъ радости. Онъ поворотился такъ сильно въ креслахъ, что лопнула шерстяная матерія, обтягивавшая[1] подушку; самъ Маниловъ посмотрѣлъ на него въ нѣкоторомъ недоумѣніи. Побужденный признательностію, онъ наговорилъ тутъ же столько благодарностей, что тотъ смѣшался, весь покраснѣлъ, производилъ головою отрицательный жестъ, и наконецъ уже выразился, что это сущее ничего, что онъ, точно, хотѣлъ бы доказать чѣмъ-нибудь сердечное влеченіе, магнитизмъ души; а умершія души въ нѣкоторомъ родѣ — совершенная дрянь.

„Очень не дрянь“, сказалъ Чичиковъ, пожавъ ему руку. Здѣсь былъ испущенъ очень глубокій вздохъ. Казалось, онъ былъ настроенъ къ сердечнымъ изліяніямъ; не безъ чувства и выраженія произнесъ онъ наконецъ слѣдующія слова: „Если бъ вы знали, какую услугу оказали сей, повидимому, дряню человѣку безъ племени и роду! Да и дѣйствительно, чего не потерпѣлъ я? Какъ барка какая-нибудь среди свирѣпыхъ волнъ... Какихъ гоненій, какихъ преслѣдованій не испыталъ, какого горя не вкусилъ! А за что̀? За то, что соблюдалъ правду, что былъ чистъ на своей совѣсти, что подавалъ руку и вдовицѣ безпомощной, и сиротѣ горемыкѣ!...“ Тутъ даже онъ отеръ платкомъ выкатившуюся слезу.

Маниловъ былъ совершенно растроганъ. Оба пріятеля долго жали другъ другу руку и долго смотрѣли молча одинъ дру-

гому въ глаза, въ которыхъ видны были навернувшіяся слезы. Маниловъ никакъ не хотѣлъ выпустить руки нашего героя и продолжалъ жать ее такъ горячо, что тотъ уже не зналъ, какъ ее выручить. Наконецъ, выдернувши ее потихоньку, онъ сказалъ, что не худо бы купчую совершить поскорѣе и хорошо бы, если бы онъ самъ понавѣдался въ городъ; потомъ взялъ шляпу и сталъ откланиваться.

„Какъ? Вы ужъ хотите ѣхать?“ сказалъ Маниловъ, вдругъ очнувшись и почти испугавшись.

Въ это время вошла въ кабинетъ Манилова.

„Лизанька“, сказалъ Маниловъ съ нѣсколько жалостливымъ видомъ: „Павелъ Ивановичъ оставляетъ насъ!“

„Потому что мы надоѣли Павлу Ивановичу“, отвѣчала Манилова.

„Сударыня! Здѣсь“, сказалъ Чичиковъ: „здѣсь, вотъ гдѣ“,— тутъ онъ положилъ руку на сердце: —„да, здѣсь пребудетъ пріятность времени, проведеннаго съ вами! И, повѣрьте, не было бы для меня бо́льшаго блаженства, какъ жить съ вами, если не въ одномъ домѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ самомъ ближайшемъ сосѣдствѣ“.

„А знаете, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Маниловъ, которому очень понравилась такая мысль: „какъ было бы въ самомъ дѣлѣ хорошо, если бы жить этакъ вмѣстѣ, подъ одною кровлею или подъ тѣнью какого-нибудь вяза пофилософствовать о чемъ-нибудь, углубиться!...“

„О, это была бы райская жизнь!“ сказалъ Чичиковъ, вздохнувши. „Прощайте, сударыня!“ продолжалъ онъ, подходя къ ручкѣ Маниловой. „Прощайте, почтеннѣйшій другъ! Не позабудьте просьбы!“

„О, будьте увѣрены!“ отвѣчалъ Маниловъ. „Я съ вами разстаюсь не долѣе, какъ на два дни“.

Всѣ вышли въ столовую.

„Прощайте, миленькія малютки!“ сказалъ Чичиковъ, увидѣвши Алкида и Ѳемистоклюса, которые занимались какимъ-то деревяннымъ гусаромъ, у котораго уже не было ни руки, ни носа. „Прощайте, мои крошки. Вы извините меня, что я не привезъ вамъ гостинца, потому что, признаюсь, не зналъ даже, живете ли вы[1] на свѣтѣ; но теперь, какъ пріѣду, непремѣнно привезу. Тебѣ привезу саблю. Хочешь саблю?“

„Хочу“, отвѣчалъ Ѳемистоклюсъ.

„А тебѣ барабанъ. Не правда ли, тебѣ барабанъ?“ продолжалъ Чичиковъ[1], наклонившись къ Алкиду.

„Парапанъ“, отвѣчалъ шопотомъ и потупивъ голову Алкидъ.

„Хорошо, я тебѣ привезу барабанъ, — такой славный барабанъ! Этакъ все будетъ туррр... ру... тра-та-та, та-та-та... Прощай, душенька! Прощай!“ Тутъ поцѣловалъ онъ его въ голову и обратился къ Манилову и его супругѣ съ небольшимъ смѣхомъ, съ какимъ обыкновенно обращаются къ родителямъ, давая имъ знать о невинности желаній ихъ дѣтей.

„Право останьтесь, Павелъ Ивановичъ!“ сказалъ Маниловъ, когда уже всѣ вышли на крыльцо. „Посмотрите, какія тучи“.

„Это маленькія тучки“, отвѣчалъ Чичиковъ.

„Да знаете ли вы дорогу къ Собакевичу?“

„Объ этомъ хочу спросить васъ“.

„Позвольте, я сейчасъ разскажу вашему кучеру“. Тутъ Маниловъ съ такою же любезностію разсказалъ дѣло кучеру, и сказалъ ему даже одинъ разъ *вы*.

Кучеръ, услышавъ, что нужно пропустить два поворота и поворотить на третій, сказалъ: „Потрафимъ, ваше благородіе“, и Чичиковъ уѣхалъ, сопровождаемый долго поклонами и маханьями платка приподымавшихся на цыпочкахъ хозяевъ.

Маниловъ долго стоялъ на крыльцѣ, провожая глазами удалявшуюся бричку, и когда она уже совершенно стала невидна, онъ все еще стоялъ, куря трубку. Наконецъ вошелъ онъ въ комнату, сѣлъ на стулѣ и предался размышленію, душевно радуясь, что доставилъ гостю своему небольшое удовольствіе. Потомъ мысли его перенеслись незамѣтно къ другимъ предметамъ и наконецъ занеслись, Богъ знаетъ, куда. Онъ думалъ о благополучіи дружеской жизни, о томъ, какъ бы хорошо было жить съ другомъ на берегу какой-нибудь рѣки, потомъ чрезъ эту рѣку началъ строиться у него мостъ, потомъ огромнѣйшій домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что можно оттуда видѣть даже Москву и тамъ пить вечеромъ чай, на открытомъ воздухѣ, и разсуждать о какихъ-нибудь пріятныхъ предметахъ; потомъ, что они вмѣстѣ съ Чичиковымъ пріѣхали въ какое-то общество, въ хорошихъ каретахъ, гдѣ обворо-

жаютъ всѣхъ пріятностію обращенія, и что будто бы государь, узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловалъ ихъ генералами[1], и далѣе, наконецъ, Богъ знаетъ, что̀ такое, чего уже онъ и самъ никакъ не могъ разобрать. Странная просьба Чичикова прервала вдругъ[2] всѣ его мечтанія. Мысль о ней какъ-то особенно не варилась въ его головѣ: какъ ни переворачивалъ онъ ее, но никакъ не могъ изъяснить себѣ, и все время сидѣлъ онъ и курилъ трубку, что̀ тянулось до самаго ужина.

ГЛАВА III.

А Чичиковъ, въ довольномъ расположеніи духа, сидѣлъ въ своей бричкѣ, катившейся давно по столбовой дорогѣ. Изъ предъидущей главы уже видно, въ чемъ состоялъ главный предметъ его вкуса и склонностей, а потому не диво, что онъ скоро погрузился весь въ него и тѣломъ, и душою. Предположенія, смѣты и соображенія, блуждавшія по лицу его, видно, были очень пріятны, ибо ежеминутно оставляли послѣ себя слѣды довольной усмѣшки. Занятый ими, онъ не обращалъ никакого вниманія на то, какъ его кучеръ, довольный пріемомъ дворовыхъ людей Манилова, дѣлалъ весьма дѣльныя замѣчанія чубарому пристяжному коню, запряженному съ правой стороны. Этотъ чубарый конь былъ сильно лукавъ и показывалъ только для вида, будто бы везетъ, тогда какъ коренной гнѣдой и пристяжной каурой масти, называвшійся Засѣдателемъ, потому что былъ пріобрѣтенъ отъ какого-то засѣдателя, трудилися отъ всего сердца, такъ что даже въ глазахъ ихъ было замѣтно получаемое ими отъ того удовольствіе. „Хитри, хитри! Вотъ я тебя перехитрю!“ говорилъ Селифанъ, приподнявшись и хлыснувъ кнутомъ лѣнивца. „Ты знай свое дѣло, панталонникъ ты нѣмецкій! Гнѣдой—почтенный конь, онъ сполняетъ свой долгъ; я ему съ охотою дамъ лишнюю мѣру, потому что онъ почтенный конь; и Засѣдатель—тожъ хорошій конь... Ну, ну! что потряхиваешь ушами? Ты, дуракъ, слушай, коли говорятъ! Я тебя, невѣжа, не стану дурному учить. Ишь, куда ползетъ!“ Здѣсь онъ опять хлыснулъ его кнутомъ, примолвивъ: „У, варваръ! Бонапартъ ты проклятый!..“[3] Потомъ прикрикнулъ на всѣхъ: „Эй вы, любезные!“ и

стегнулъ по всѣмъ по тремъ уже не въ видѣ наказанія, но чтобы показать, что былъ ими доволенъ. Доставивъ такое удовольствіе, онъ опять обратилъ рѣчь къ чубарому: „Ты думаешь, что скроешь свое поведеніе. Нѣтъ, ты живи по правдѣ, когда хочешь, чтобы тебѣ оказывали почтеніе. Вотъ у помѣщика, что̀ мы были, хорошіе люди. Я съ удовольствіемъ поговорю, коли хорошій человѣкъ; съ человѣкомъ хорошимъ мы всегда свои други, тонкіе пріятели: выпить ли чаю, или закусить — съ охотою, коли хорошій человѣкъ. Хорошему человѣку всякій отдастъ[1] почтеніе. Вотъ барина нашего всякій уважаетъ, потому что онъ, слышь ты, сполнялъ[2] службу государскую, онъ сколѣской совѣтникъ....“

Такъ разсуждая, Селифанъ забрался наконецъ въ самыя отдаленныя отвлеченности. Если бы Чичиковъ прислушался, то узналъ бы много подробностей, относившихся лично къ нему; но мысли его такъ были заняты своимъ предметомъ, что одинъ только сильный ударъ грома заставилъ его очнуться и посмотрѣть вокругъ себя: все небо было совершенно обложено тучами, и пыльная почтовая дорога опрыскалась каплями дождя. Наконецъ громовый ударъ раздался въ другой разъ громче и ближе, и дождь хлынулъ вдругъ, какъ изъ ведра. Сначала, принявши косое направленіе, хлесталъ онъ въ одну сторону кузова кибитки, потомъ въ другую; потомъ, измѣнивши образъ нападенія и сдѣлавшись совершенно прямымъ, барабанилъ прямо въ верхъ его кузова; брызги, наконецъ, стали долетать ему въ лицо. Это заставило его задернуться кожаными занавѣсками съ двумя круглыми окошечками, опредѣленными на разсматриваніе дорожныхъ[3] видовъ, и приказать Селифану ѣхать скорѣе. Селифанъ, прерванный тоже на самой серединѣ рѣчи, смекнулъ, что, точно, не нужно мѣшкать, вытащилъ тутъ же изъ-подъ козелъ какую-то дрянь изъ сѣраго сукна, надѣлъ ее въ рукава, схватилъ въ руки возжи и[4] прикрикнулъ на свою тройку, которая чуть-чуть переступала ногами, ибо чувствовала пріятное разслабленіе отъ поучительныхъ рѣчей. Но Селифанъ никакъ не могъ припомнить, два или три поворота проѣхалъ. Сообразивъ и припоминая нѣсколько дорогу, онъ догадался, что много было поворотовъ, которые всѣ пропустилъ онъ мимо. Такъ какъ русскій человѣкъ въ рѣшительныя минуты найдется, что̀ сдѣлать, не вдаваясь въ дальнія разсужде-

нія, то, поворотивши направо, на первую перекрестную дорогу, прикрикнулъ онъ[1]: „Эй вы, други почтенные!“ и пустился вскачь, мало помышляя о томъ, куда приведетъ взятая дорога.

Дождь, однакоже, казалось, зарядилъ надолго. Лежавшая на дорогѣ пыль быстро замѣсилась въ грязь, и лошадямъ ежеминутно становилось тяжеле тащить бричку. Чичиковъ уже начиналъ сильно безпокоиться, не видя такъ долго деревни Собакевича. По разсчету его, давно бы пора было пріѣхать. Онъ высматривалъ по сторонамъ, но темнота была такая — хоть глазъ выколи.

„Селифанъ!“ сказалъ онъ наконецъ, высунувшись изъ брички.

„Чтò, баринъ?“ отвѣчалъ Селифанъ.

„Погляди-ка, не видно ли деревни?“

„Нѣтъ, баринъ, нигдѣ не видно!“ Послѣ чего Селифанъ, помахивая кнутомъ, затянулъ — пѣсню не пѣсню, но что-то такое длинное, чему и конца не было. Туда все вошло: всѣ ободрительные и понудительные[2] крики, которыми потчиваютъ лошадей по всей Россіи отъ одного конца ея[3] до другаго, прилагательныя всѣхъ родовъ безъ дальнѣйшаго разбора, а[4] какъ чтò первое попалось на языкъ. Такимъ образомъ дошло до того, что онъ началъ называть ихъ, наконецъ[5], секретарями.

Между тѣмъ Чичиковъ сталъ примѣчать, что бричка качалась на всѣ стороны и надѣляла его пресильными толчками[6]; это дало ему почувствовать, что они своротили съ дороги и, вѣроятно, тащились по взбороненному полю. Селифанъ, казалось, самъ смекнулъ, но не говорилъ ни слова.

„Что, мошенникъ, по какой дорогѣ ты ѣдешь?“ сказалъ Чичиковъ.

„Да что жъ, баринъ, дѣлать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма!“ Сказавши это, онъ такъ покосилъ бричку, что Чичиковъ принужденъ былъ держаться обѣими руками. Тутъ только замѣтилъ онъ, что Селифанъ подгулялъ.

„Держи, держи, опрокинешь!“ кричалъ онъ ему.

„Нѣтъ, баринъ, какъ можно, чтобъ я опрокинулъ“, говорилъ Селифанъ. „Это не хорошо опрокинуть, я ужъ самъ знаю; ужъ я никакъ не опрокину“. Затѣмъ началъ онъ слегка поворачивать бричку, поворачивалъ, поворачивалъ и наконецъ выворотилъ ее совершенно на бокъ. Чичиковъ и руками, и но-

гами шлепнулся въ грязь. Селифанъ лошадей, однакожъ, остановилъ; впрочемъ, онѣ остановились бы и сами, потому что были сильно изнурены. Такой непредвидѣнный случай совершенно изумилъ его. Слѣзши съ козелъ, онъ сталъ передъ бричкою, подперся въ бока обѣими руками, въ то время, какъ баринъ барахтался въ грязи, силясь оттуда вылѣзть, и сказалъ послѣ нѣкотораго[1] размышленія: „Вишь ты, и перекинулась!"

„Ты пьянъ, какъ сапожникъ!" сказалъ Чичиковъ.

„Нѣтъ, баринъ; какъ можно, чтобъ я былъ пьянъ! Я знаю, что это не хорошее дѣло — быть пьянымъ. Съ пріятелемъ поговорилъ, потому что съ хорошимъ человѣкомъ можно поговорить, — въ томъ нѣтъ худаго, — и закусили вмѣстѣ. Закуска не обидное дѣло: съ хорошимъ человѣкомъ можно закусить".

„А что я тебѣ сказалъ послѣдній разъ, когда ты напился? а? забылъ?" сказалъ Чичиковъ.

„Нѣтъ, ваше благородіе, какъ можно, чтобы я позабылъ! Я уже дѣло свое знаю. Я знаю, что не хорошо быть пьянымъ. Съ хорошимъ человѣкомъ поговорилъ, потому что..."

„Вотъ я тебя какъ[2] высѣку, такъ ты у меня будешь знать, какъ говорить съ хорошимъ человѣкомъ".

„Какъ милости вашей будетъ завгодно", отвѣчалъ на все согласный Селифанъ: „коли высѣчь, то и высѣчь: я ничуть не прочь отъ того. Почему жъ не посѣчь, коли за дѣло? на то воля господская. Оно нужно посѣчь, потому что мужикъ балуется; порядокъ нужно наблюдать. Коли за дѣло, то и посѣки; почему жъ не посѣчь?"[3]

На такое разсужденіе баринъ совершенно не нашелся, что̀ отвѣчать. Но въ это время, казалось, какъ будто сама судьба рѣшилась надъ нимъ сжалиться. Издали послышался собачій лай. Обрадованный Чичиковъ далъ приказаніе погонять лошадей. Русскій возница имѣетъ доброе чутье вмѣсто глазъ; отъ этого случается, что онъ, зажмуря глаза, качаетъ иногда во весь духъ и всегда куда-нибудь да пріѣзжаетъ. Селифанъ, не видя ни зги, направилъ лошадей такъ прямо на деревню, что остановился тогда только, когда бричка ударилася оглоблями въ заборъ и когда рѣшительно уже некуда было ѣхать. Чичиковъ только замѣтилъ, сквозь густое покрывало лившаго дождя, что-то похожее на крышу. Онъ послалъ Селифана отыскивать ворота, что̀, безъ сомнѣнія, продолжалось бы долго,

если бы на Руси не было, вмѣсто швейцаровъ, лихихъ собакъ, которыя доложили о немъ такъ звонко, что онъ поднесъ пальцы къ ушамъ своимъ. Свѣтъ мелькнулъ въ одномъ окошкѣ и досягнулъ туманною струею до забора, указавши нашимъ дорожнымъ[1] ворота. Селифанъ принялся стучать, и скоро, отворивъ калитку, высунулась какая-то фигура, покрытая армякомъ, и баринъ со слугою услышали хриплый бабій голосъ: „Кто стучитъ? Чего расходились?“

„Пріѣзжіе, матушка, пусти переночевать“, произнесъ Чичиковъ.

„Вишь, ты какой востроногій“ сказала старуха: „пріѣхалъ въ какое время! Здѣсь тебѣ не постоялый дворъ: помѣщица живетъ“.

„Чтò жъ дѣлать, матушка? Вишь, съ дороги сбились. Не ночевать же въ такое время въ степи“.

„Да, время темное, нехорошее время“, прибавилъ Селифанъ.

„Молчи, дуракъ“, сказалъ Чичиковъ.

„Да кто вы такой?“ сказала старуха.

„Дворянинъ, матушка“.

Слово *дворянинъ* заставило старуху какъ будто нѣсколько подумать. „Погодите, я скажу барынѣ“, произнесла она, и минуты черезъ двѣ уже возвратилась съ фонаремъ въ рукѣ. Ворота отперлись. Огонекъ мелькнулъ и въ другомъ окнѣ. Бричка, въѣхавши на дворъ, остановилась передъ небольшимъ домикомъ, который за темнотою трудно было разсмотрѣть. Только одна половина егò была озарена свѣтомъ, исходившимъ изъ оконъ; видна была еще лужа передъ домомъ, на которую прямо ударялъ тотъ же свѣтъ. Дождь стучалъ звонко по деревянной крышѣ и журчащими ручьями стекалъ въ подставленную бочку. Между тѣмъ псы заливались[2] всѣми возможными голосами: одинъ, забросивши вверхъ голову, выводилъ такъ протяжно и съ такимъ стараніемъ, какъ будто за это получалъ, Богъ знаетъ, какое жалованье; другой отхватывалъ наскоро, какъ пономарь[3]; промежъ нихъ звенѣлъ, какъ почтовый звонокъ, неугомонный дискантъ, вѣроятно, молодаго щенка, и все это наконецъ повершалъ басъ, можетъ быть, старикъ, надѣленный[4] дюжею собачьей натурой, потому что хрипѣлъ, какъ хрипитъ пѣвческій контрабасъ, когда концертъ въ полномъ разливѣ: тенора поднимаются на цыпочки отъ сильнаго жела-

ланія вывести высокую ноту, и все, что ни есть, порывается кверху, закидывая голову, а онъ одинъ, засунувши небритый подбородокъ въ галстухъ, присѣвъ и опустившись почти до земли, пропускаетъ оттуда свою ноту, отъ которой трясутся и дребезжатъ стекла. Уже по одному собачьему лаю, составленному изъ такихъ музыкантовъ, можно было предположить, что деревушка была порядочная; но промокшій и озябшій герой нашъ ни о чемъ не думалъ, какъ только о постели. Не успѣла бричка совершенно остановиться, какъ онъ уже соскочилъ на крыльцо, пошатнулся и чуть не упалъ. На крыльцо вышла опять какая-то женщина помоложе прежней, но очень на нее похожая. Она проводила его въ комнату. Чичиковъ кинулъ вскользь два взгляда: комната была обвѣшана старенькими, полосатыми обоями; картины съ какими-то птицами; между оконъ — старинныя маленькія зеркала[1], съ темными рамками въ видѣ свернувшихся[2] листьевъ; за всякимъ зеркаломъ заложены были или письмо, или старая колода картъ, или чулокъ; стѣнные часы, съ нарисованными цвѣтами на цыферблятѣ... не въ мочь было ничего болѣе замѣтить. Онъ чувствовалъ, что глаза его липнули, какъ будто ихъ кто-нибудь вымазалъ медомъ. Минуту спустя, вошла хозяйка, женщина пожилыхъ лѣтъ, въ какомъ-то спальномъ чепцѣ, надѣтомъ наскоро, съ фланелью на шеѣ, одна изъ тѣхъ матушекъ, небольшихъ помѣщицъ, которыя плачутся на неурожаи[3], убытки, и держатъ голову нѣсколько на бокъ, а между тѣмъ набираютъ понемногу деньжонокъ въ пестрядевые мѣшечки, размѣщенные по ящикамъ комодовъ. Въ одинъ мѣшечекъ отбираютъ все цѣлковики, въ другой полтиннички, въ третій четвертачки, хотя съ виду и кажется, будто бы въ комодѣ ничего нѣтъ кромѣ бѣлья, да ночныхъ кофточекъ, да нитяныхъ моточковъ, да распоротаго салопа, имѣющаго потомъ обратиться въ платье, если старое какъ-нибудь прогоритъ во время печенія праздничныхъ лепешекъ со всякими пряженцами или поизотрется само собою. Но не сгоритъ платье и не изотрется само собою: бережлива старушка, и салопу суждено пролежать долго въ распоротомъ видѣ, а потомъ достаться, по духовному завѣщанію, племянницѣ внучатной сестры, вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ.[4]

Чичиковъ извинился, что побезпокоилъ неожиданнымъ прі-

ѣздомъ. „Ничего, ничего!“ сказала хозяйка. „Въ какое это время васъ Богъ принесъ! Сумятица и вьюга такая... Съ дороги бы слѣдовало поѣсть чего-нибудь, да пора-то ночная, приготовить нельзя“.

Слова хозяйки были прерваны страннымъ шипѣніемъ, такъ что гость было испугался: шумъ походилъ на то, какъ бы вся комната наполнилась змѣями; но, взглянувши вверхъ, онъ успокоился, ибо смекнулъ, что стѣннымъ часамъ пришла охота бить. За шипѣньемъ тотчасъ же[1] послѣдовало хрипѣнье и, наконецъ, понатужась всѣми силами, они пробили два часа такимъ звукомъ[2], какъ бы кто колотилъ палкой по разбитому горшку, послѣ чего маятникъ пошелъ опять покойно щёлкать направо и налѣво.

Чичиковъ поблагодарилъ хозяйку, сказавши, что ему не нужно ничего, чтобы она не безпокоилась ни о чемъ, что кромѣ постели онъ ничего не требуетъ и полюбопытствовалъ только знать, въ какія мѣста заѣхалъ онъ, и далеко ли отсюда пути къ помѣщику Собакевичу, на что̀ старуха сказала, что и не слыхивала такого имени, и что такого помѣщика вовсе нѣтъ.

„По крайней мѣрѣ, знаете Манилова?“ сказалъ Чичиковъ.

„А кто таковъ Маниловъ?“

„Помѣщикъ, матушка“.

„Нѣтъ, не слыхивала; нѣтъ такого помѣщика“.

„Какіе же есть?“

„Бобровъ, Свиньинъ, Канапатьевъ, Харпакинъ, Трепакинъ, Плѣшаковъ“.

„Богатые люди, или нѣтъ?“

„Нѣтъ, отецъ, богатыхъ слишкомъ нѣтъ. У кого двадцать душъ, у кого тридцать; а такихъ, чтобъ по сотнѣ, такихъ нѣтъ“.

Чичиковъ замѣтилъ, что онъ заѣхалъ въ порядочную глушь.

„Далеко ли, по крайней мѣрѣ, до города?“

„А верстъ шестьдесятъ будетъ. Какъ жаль мнѣ, что нечего вамъ покушать! Не хотите ли, батюшка, выпить чаю?“

„Благодарю, матушка. Ничего не нужно, кромѣ постели“.

„Правда, съ такой дороги и очень нужно отдохнуть. Вотъ здѣсь и расположитесь, батюшка, на этомъ диванѣ. Эй, Фетинья, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время послалъ Богъ: громъ такой — у меня всю ночь горѣла свѣча передъ образомъ. Эхъ, отецъ мой, да у тебя-то, какъ у борова, вся спина и бокъ въ грязи; гдѣ такъ изволилъ засалиться?“

„Еще слава Богу, что только засалился; нужно благодарить, что не отломалъ совсѣмъ боковъ“.

„Святители, какія страсти! Да не нужно ли чѣмъ потереть спину?“

„Спасибо, спасибо. Не безпокойтесь, а прикажите только вашей дѣвкѣ повысушить и вычистить мое платье“.

„Слышишь, Фетинья!“ сказала хозяйка, обратясь къ женщинѣ, выходившей на крыльцо со свѣчею, которая успѣла уже притащить перину и, взбивши ее съ обоихъ боковъ руками, напустила цѣлый потопъ перьевъ по всей комнатѣ. „Ты возьми ихній-то кафтанъ вмѣстѣ съ исподнимъ и прежде просуши ихъ передъ огнемъ, какъ дѣлывали покойнику барину, а послѣ перетри и выколоти хорошенько“.

„Слушаю, сударыня!“ говорила Фетинья, постилая сверхъ перины простыню и кладя подушки.

„Ну, вотъ тебѣ постель готова“, сказала хозяйка. „Прощай, батюшка; желаю покойной ночи. Да не нужно ли еще чего? Можетъ, ты привыкъ, отецъ мой, чтобы кто-нибудь почесалъ на ночь пятки. Покойникъ мой безъ этого никакъ не засыпалъ“.

Но гость отказался и отъ почесыванія пятокъ. Хозяйка вышла, и онъ тотъ же часъ поспѣшилъ раздѣться, отдавъ Фетиньѣ всю снятую съ себя сбрую, какъ верхнюю, такъ и нижнюю, и Фетинья, пожелавъ также съ своей стороны покойной ночи, утащила эти мокрые доспѣхи. Оставшись одинъ, онъ не безъ удовольствія взглянулъ на свою постель, которая была почти до потолка. Фетинья, какъ видно, была мастерица взбивать перины. Когда, подставивши стулъ, взобрался онъ на постель, она опустилась подъ нимъ почти до самаго пола, и перья, вытѣсненныя имъ изъ предѣловъ, разлетѣлись во всѣ углы комнаты. Погасивъ свѣчу, онъ накрылся ситцевымъ одѣяломъ и, свернувшись подъ нимъ кренделемъ, заснулъ въ ту же минуту. Проснулся на другой день онъ уже довольно позднимъ утромъ. Солнце сквозь окно блистало ему прямо въ глаза, и мухи, которыя вчера спали спокойно[1] на стѣнахъ и на потолкѣ, всѣ обратились къ нему: одна сѣла ему на губу, другая на ухо, третья норовила, какъ бы усѣсться на самый глазъ; ту же, которая имѣла неосторожность подсѣсть близко къ носовой ноздрѣ, онъ потянулъ въ просонкахъ въ самый носъ, что̀ заставило его крѣпко чихнуть, — обстоятельство,

бывшее причиною его пробужденія. Окинувши взглядомъ комнату, онъ теперь замѣтилъ, что на картинахъ не всё были птицы: между ними висѣлъ портретъ Кутузова и писанный масляными красками какой-то старикъ съ красными обшлагами на мундирѣ, какъ нашивали при Павлѣ Петровичѣ. Часы опять испустили шипѣніе и пробили десять; въ дверь выглянуло женское лицо и въ же минуту спряталось, ибо Чичиковъ, желая получше заснуть, скинулъ съ себя совершенно все. Выглянувшее лицо показалось ему какъ будто нѣсколько знакомо. Онъ сталъ припоминать себѣ, кто бы это былъ, и наконецъ вспомнилъ, что это была хозяйка. Онъ надѣлъ рубаху; платье, уже высушенное и вычищенное, лежало возлѣ него. Одѣвшись, подошелъ онъ къ зеркалу и чихнулъ опять такъ громко, что подошедшій въ это время къ окну индѣйскій пѣтухъ, — окно же было очень близко отъ земли, — заболталъ ему что-то вдругъ и весьма скоро на своемъ странномъ языкѣ, вѣроятно: „желаю здравствовать", на что̀ Чичиковъ сказалъ ему дурака. Подошедши къ окну, онъ началъ разсматривать бывшіе передъ нимъ виды; окно глядѣло едва ли не въ курятникъ; по крайней мѣрѣ, находившійся передъ нимъ узенькій дворикъ весь былъ наполненъ птицами и всякой домашней тварью. Индѣйкамъ и курамъ не было числа; промежъ нихъ расхаживалъ пѣтухъ мѣрными шагами, потряхивая гребнемъ и поворачивая голову на бокъ, какъ будто къ чему-то прислушиваясь; свинья съ семействомъ очутилась тутъ же; тутъ же, разгребая кучу сора, съѣла она мимоходомъ цыпленка и, не замѣчая этого, продолжала уписывать арбузныя корки своимъ порядкомъ. Этотъ небольшой дворикъ, или курятникъ перегораждалъ дощатый заборъ, за которымъ тянулись пространные огороды съ капустой, лукомъ, картофелемъ, свеклой и прочимъ хозяйственнымъ овощемъ. По огороду были разбросаны кое-гдѣ яблони и другія фруктовыя деревья, накрытыя сѣтями для защиты отъ сорокъ и воробьевъ, изъ которыхъ послѣдніе цѣлыми косвенными тучами переносились[1] съ одного мѣста на другое. Для этой же самой причины водружено было нѣсколько чучелъ на длинныхъ шестахъ съ растопыренными руками; на одномъ изъ нихъ надѣтъ былъ чепецъ самой хозяйки. За огородами слѣдовали крестьянскія избы, которыя хотя были выстроены въ разсыпную и не заключены въ правильныя улицы, но, по замѣчанію,

сдѣланному Чичиковымъ, показывали довольство обитателей, ибо были поддерживаемы, какъ слѣдуетъ: изветшавшій тесъ на крышахъ вездѣ былъ замѣненъ новымъ; ворота нигдѣ не покосились; а въ обращенныхъ къ нему крестьянскихъ крытыхъ сараяхъ замѣтилъ онъ — гдѣ стоявшую запасную, почти новую, телѣгу, а гдѣ и двѣ. „Да у ней деревушка не маленька", сказалъ онъ и положилъ тутъ же разговориться и познакомиться съ хозяйкой покороче. Онъ заглянулъ въ щелочку двери, изъ которой она было высунула голову, и, увидѣвъ ее, сидящую за чайнымъ столикомъ, вошелъ къ ней съ веселымъ и ласковымъ видомъ.

„Здравствуйте, батюшка. Каково почивали?" сказала хозяйка, приподнимаясь съ мѣста. Она была одѣта лучше, нежели вчера, — въ темномъ платьѣ и уже не въ спальномъ чепцѣ; но на шеѣ все также было что-то навязано.

„Хорошо, хорошо", говорилъ Чичиковъ, садясь въ кресла. „Вы какъ матушка?"

„Плохо, отецъ мой".

„Какъ такъ?"

„Безсонница. Все поясница болитъ, и нога, что̀ повыше косточки, такъ вотъ и ломитъ".

„Пройдетъ, пройдетъ, матушка. На это нечего глядѣть".

„Дай Богъ, чтобы прошло. Я-то смазывала свинымъ саломъ и скипидаромъ тоже смачивала. А съ чѣмъ прихлебнете чайку? Во фляжкѣ фруктовая".

„Не дурно, матушка; хлебнемъ и фруктовой".

Читатель, я думаю, уже замѣтилъ, что Чичиковъ, не смотря на ласковый видъ, говорилъ, однакоже, съ большею свободою, нежели съ Маниловымъ, и вовсе не церемонился. Надобно сказать, что у насъ на Руси если не угнались еще кой въ чемъ другомъ за иностранцами, то далеко перегнали ихъ въ умѣніи обращаться. Пересчитать нельзя всѣхъ оттѣнковъ и тонкостей нашего обращенія. Французъ или нѣмецъ вѣкъ не смекнетъ и не пойметъ всѣхъ его особенностей и различій; онъ почти тѣмъ же голосомъ и тѣмъ же языкомъ станетъ говорить и съ милліонщикомъ, и съ мелкимъ табачнымъ торгашомъ, хотя, конечно, въ душѣ поподличаетъ въ мѣру передъ первымъ. У насъ не то: у насъ есть такіе мудрецы, которые съ помѣщикомъ, имѣющимъ двѣсти душъ, будутъ говорить совсѣмъ иначе,

нежели съ тѣмъ, у котораго ихъ триста, а съ тѣмъ у котораго ихъ триста, будутъ говорить опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ; а съ тѣмъ, у котораго ихъ пятьсотъ, опять не такъ, какъ съ тѣмъ, у котораго ихъ восемьсотъ; словомъ, хоть восходи до милліона, все найдутся оттѣнки. Положимъ, напримѣръ, существуетъ канцелярія — не здѣсь, а въ тридевятомъ государствѣ; а въ канцеляріи, положимъ, существуетъ правитель канцеляріи. Прошу посмотрѣть на него, когда онъ сидитъ среди своихъ подчиненныхъ — да просто отъ страха и слова не выговоришь. Гордость и благородство... и ужъ чего не выражаетъ лицо его? Просто бери кисть, да и рисуй: Прометей, рѣшительный Прометей! Высматриваетъ орломъ, выступаетъ плавно, мѣрно. Тотъ же самый орелъ, какъ только вышелъ изъ комнаты и приближается къ кабинету своего начальника, куропаткой такой спѣшитъ съ бумагами подъ мышкой, что мочи нѣтъ. Въ обществѣ и на вечеринкѣ, будь всѣ небольшаго чина, Прометей такъ и останется Прометеемъ, а чуть немного повыше его, съ Прометеемъ сдѣлается такое превращеніе, какого и Овидій не выдумаетъ: муха, меньше даже мухи, — уничтожился въ песчинку! „Да это не Иванъ Петровичъ“, говоришь, глядя на него. „Иванъ Петровичъ выше ростомъ, а этотъ и низенькій, и худенькій; тотъ говоритъ громко, баситъ и никогда не смѣется, а этотъ чортъ знаетъ что̀: пищитъ птицей и все смѣется.“ Подходишь ближе, глядишь—точно Иванъ Петровичъ! „Эхе, хе, хе!“ думаешь себѣ... Но однакожъ обратимся къ дѣйствующимъ лицамъ. Чичиковъ, какъ мы ужъ видѣли[1], рѣшился вовсе не церемониться, и потому, взявши въ руки чашку съ чаемъ и вливши туда фруктовой, повелъ такія рѣчи:

„У васъ, матушка, хорошая деревенька. Сколько въ ней душъ?“

„Душъ-то въ ней, отецъ мой, безъ малаго 80“, сказала хозяйка: „да бѣда, времена плохи: вотъ и прошлый годъ былъ такой неурожай, что Боже храни“.

„Однакожъ мужички на видъ дюжіе, избенки крѣпкія. А позвольте узнать фамилію вашу. Я такъ разсѣялся... пріѣхалъ въ ночное время...“

„Коробочка, коллежская секретарша“.

„Покорнѣйше благодарю. А имя и отчество?“[2]

„Настасья Петровна“.

„Настасья Петровна? Хорошее имя — Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна“.

„А ваше имя какъ?“ спросила помѣщица: „вѣдь вы, я чай, засѣдатель?“

„Нѣтъ, матушка!“ отвѣчалъ Чичиковъ, усмѣхнувшись: „чай, не засѣдатель, а такъ ѣздимъ по своимъ дѣлишкамъ“.

„А, такъ вы покупщикъ! Какъ же жаль, право, что я продала медъ купцамъ такъ дешево; а вотъ ты бы, отецъ мой, у меня, вѣрно, его купилъ“.

„А вотъ меду и не купилъ бы“.

„Что жъ другое? Развѣ пеньку? Да вить и пеньки у меня теперь маловато — полпуда всего“.

„Нѣтъ, матушка, другаго рода товарецъ: скажите, у васъ умирали крестьяне?“

„Охъ, батюшка, осьмнадцать человѣкъ!“ сказала старуха, вздохнувши. „И умеръ такой все славный народъ, все работники. Послѣ того, правда, народилось, да чтò въ нихъ? все такая мелюзга. А засѣдатель подъѣхалъ — подать, говоритъ, уплачивать съ души. Народъ мертвый, а плати какъ за живаго. На прошлой недѣлѣ сгорѣлъ у меня кузнецъ, такой искусный кузнецъ и слесарное мастерство зналъ“.

„Развѣ у васъ былъ пожаръ, матушка?“

„Богъ приберегъ отъ такой бѣды; пожаръ бы еще хуже: самъ сгорѣлъ, отецъ мой. Внутри у него какъ-то загорѣлось, чрезчуръ выпилъ; только синій огонекъ пошелъ отъ него, весь истлѣлъ, истлѣлъ и почернѣлъ, какъ уголь; а такой былъ преискусный кузнецъ! И теперь мнѣ выѣхать не на чемъ: некому лошадей подковать“.

„На все воля божья, матушка!“ сказалъ Чичиковъ, вздохнувши: „противъ мудрости божіей ничего нельзя сказать... Уступите-ка ихъ мнѣ, Настасья Петровна!“

„Кого, батюшка?“

„Да вотъ этихъ-то всѣхъ, чтò умерли“.

„Да какъ же уступить ихъ?“

„Да такъ просто. Или, пожалуй, продайте. Я вамъ за нихъ дамъ деньги“.

„Да какъ же? Я, право, въ толкъ-то не возьму. Нешто хочешь ты ихъ откапывать изъ земли?“

Чичиковъ увидѣлъ, что старуха хватила далеко и что необходимо ей нужно растолковать, въ чемъ дѣло. Въ немногихъ словахъ объяснилъ онъ ей, что переводъ или покупка будетъ значиться только на бумагѣ и души будутъ прописаны какъ бы живыя.

„Да на что жъ онѣ тебѣ?“ сказала старуха, выпучивъ на него глаза.

„Это ужъ мое дѣло“.

„Да вѣдь онѣ жъ мертвыя“.

„Да кто же говоритъ, что онѣ живыя? Потому-то и въ убытокъ вамъ, что мертвыя: вы за нихъ платите, а теперь я васъ избавлю отъ хлопотъ и платежа. Понимаете? Да не только избавлю, да еще сверхъ того дамъ вамъ пятнадцать рублей. Ну, теперь ясно?“

„Право, не знаю“, произнесла хозяйка съ разстановкой: „вѣдь я мертвыхъ никогда еще не продавала“.

„Еще бы! Это бы скорѣй походило на диво, если бы вы ихъ кому-нибудь продали. Или вы думаете, что въ нихъ есть въ самомъ дѣлѣ какой-нибудь прокъ?“

„Нѣтъ, этого-то я не думаю. Что жъ въ нихъ за прокъ? Проку никакого нѣтъ. Меня только то и затрудняетъ, что онѣ уже мертвыя“.

„Ну, баба, кажется, крѣпколобая!“ подумалъ про себя Чичиковъ. „Послушайте, матушка! Да вы разсудите только хорошенько: вѣдь вы разоряетесь, платите за него подать, какъ за живаго...“

„Охъ, отецъ мой, и не говори объ этомъ!“ подхватила помѣщица. „Еще третью недѣлю взнесла больше полутораста, да засѣдателя подмаслила.“

„Ну, видите, матушка! А теперь примите въ соображенiе только то, что засѣдателя вамъ подмасливать больше не нужно, потому что теперь я плачу за нихъ, — я, а не вы; я принимаю на себя всѣ повинности; я совершу даже крѣпость на свои деньги, понимаете ли вы это?“

Старуха задумалась. Она видѣла, что дѣло, точно, какъ-будто выгодно, да только ужъ слишкомъ новое и небывалое, а потому начала сильно побаиваться, чтобы какъ-нибудь не надулъ ее этотъ покупщикъ; прiѣхалъ же, Богъ знаетъ, откуда, да еще и въ ночное время.

„Такъ чтò жъ, матушка, по рукамъ, что ли?“ говорилъ Чичиковъ.

„Право, отецъ мой, никогда еще не случалось продавать мнѣ покойниковъ. Живыхъ-то я уступила вотъ и третьяго года Протопопову[1] — двухъ дѣвокъ по сту рублей каждую, и очень благодарилъ: такія вышли славныя работницы: сами салфетки ткутъ“.

„Ну, да не о живыхъ дѣло; Богъ съ ними! Я спрашиваю мертвыхъ“.

„Право, я боюсь на первыхъ-то порахъ, чтобы какъ-нибудь не понести убытку. Можетъ-быть, ты, отецъ мой, меня обманываешь, а они того… они больше какъ-нибудь стóятъ“.

„Послушайте, матушка… эхъ какія вы! чтò жъ они могутъ стоить? Разсмотрите: вѣдь это прахъ. Понимаете ли? это, просто, прахъ. Вы возьмите всякую негодную, послѣднюю вещь, напримѣръ, даже простую тряпку, — и тряпкѣ есть цѣна: ее хоть, по крайней мѣрѣ, купятъ на бумажную фабрику, а вѣдь это ни на чтò не нужно. Ну, скажите сами, на что оно нужно?“

„Ужъ это, точно, правда. Ужъ совсѣмъ ни на чтò не нужно; да вѣдь меня одно только и останавливаетъ, что вѣдь они уже мертвые“.

„Экъ ее дубинно-головая какая!“ сказалъ про себя Чичиковъ, уже начиная выходить изъ терпѣнія. „Пойди ты, сладь съ нею! Въ потъ бросила, проклятая старуха!“ Тутъ онъ, вынувши изъ кармана платокъ, началъ отирать потъ, въ самомъ дѣлѣ выступившій на лбу. Впрочемъ, Чичиковъ напрасно сердился: иной и почтенный, и государственный даже человѣкъ, а на дѣлѣ выходитъ совершенная Коробочка. Какъ зарубилъ что себѣ въ голову, то ужъ ничѣмъ его не пересилишь; сколько ни представляй ему доводовъ, ясныхъ какъ день, все отскакиваетъ отъ него, какъ резинный мячъ отскакиваетъ отъ стѣны. Отерши потъ, Чичиковъ рѣшился попробовать, нельзя ли ее навести на путь какою-нибудь иною стороною. „Вы, матушка“, сказалъ онъ: „или не хотите понимать словъ моихъ, или такъ нарочно говорите, лишь бы что-нибудь говорить… Я вамъ даю деньги: пятнадцать рублей ассигнаціями, — понимаете ли? Вѣдь это деньги. Вы ихъ не сыщете на улицѣ. Ну, признайтесь, почемъ продали медъ?“

„По 12-ти рублей пудъ“.

„Хватили немножко грѣха на душу, матушка. По двѣнадцати не продали“.

„Ей Богу, продала“.

„Ну, видите-ль? Такъ зато — это медъ. Вы собирали его, можетъ быть, около года съ заботами, со стараніемъ, хлопотами; ѣздили, морили пчелъ, кормили ихъ въ погребѣ цѣлую зиму, а мертвыя души — дѣло не отъ міра сего. Тутъ вы съ своей стороны никакого не прилагали старанія: на то была воля божія, чтобы онѣ оставили міръ сей, нанеся ущербъ вашему хозяйству. Тамъ вы получили за трудъ, за стараніе двѣнадцать рублей, а тутъ вы берете ни за что, даромъ, да и не двѣнадцать, а пятнадцать, да и не серебромъ, а все синими ассигнаціями“. Послѣ такихъ сильныхъ убѣжденій Чичиковъ почти уже не сомнѣвался, что старуха, наконецъ, подастся.

„Право“, отвѣчала помѣщица: „мое такое неопытное вдовье дѣло! Лучше жъ я маленько[1] повременю, авось понаѣдутъ купцы, да примѣнюсь къ цѣнамъ“.

„Страмъ, страмъ, матушка! просто, страмъ! Ну, что̀ вы это говорите, подумайте сами! Кто жъ станетъ покупать ихъ? Ну, какое употребленіе онъ можетъ изъ нихъ сдѣлать?“

„А, можетъ, въ хозяйствѣ-то какъ-нибудь подъ случай понадобятся...“ возразила старуха, да и не кончила рѣчи, открыла ротъ и смотрѣла на него почти со страхомъ, желая знать, что̀ онъ на это скажетъ.

„Мертвые въ хозяйствѣ! Экъ куда хватили! Воробьевъ развѣ пугать по ночамъ въ вашемъ огородѣ, что ли?“

„Съ нами крестная сила! Какія ты страсти говоришь!“ проговорила старуха, крестясь.

„Куда жъ еще вы ихъ хотѣли пристроить? Да, впрочемъ, вѣдь кости и могилы — все вамъ остается: переводъ только на бумагѣ. Ну, такъ что̀ же? Какъ же? Отвѣчайте, по крайней мѣрѣ“.

Старуха вновь задумалась.

„О чемъ же вы думаете, Настасья Петровна?“

„Право, я все не приберу, какъ мнѣ быть; лучше я вамъ пеньку продамъ“.

„Да что жъ пенька? Помилуйте, я васъ прошу совсѣмъ о другомъ, а вы мнѣ пеньку суете! Пенька — пенькою, въ другой разъ пріѣду, заберу и пеньку. Такъ какъ же, Настасья Петровна?“

„Ей Богу, товаръ такой странный, совсѣмъ небывалый!“

Здѣсь Чичиковъ вышелъ совершенно изъ границъ всякаго терпѣнія, хватилъ въ сердцахъ стуломъ объ полъ и посулилъ ей чорта.

Чорта помѣщица испугалась необыкновенно. „Охъ, не припоминай его, Богъ съ нимъ!“ вскрикнула она, вся поблѣднѣвъ. „Еще третьяго дня всю ночь мнѣ снился окаянный. Вздумала было на ночь загадать на картахъ послѣ молитвы, да, видно, въ наказаніе-то Богъ и наслалъ[1] его. Такой гадкій привидѣлся; а рога-то длиннѣе бычачьихъ“.

„Я дивлюсь, какъ они вамъ десятками не снятся. Изъ одного христіанскаго человѣколюбія хотѣлъ: вижу — бѣдная вдова убивается, терпитъ нужду... Да пропади и околѣй со всей вашей деревней!...“

„Ахъ, какія ты забранки пригинаешь!“ сказала старуха, глядя на него со страхомъ.

„Да не найдешь словъ съ вами! Право, словно какая-нибудь, не говоря дурнаго слова, дворняшка, что̀ лежитъ на сѣнѣ: и сама не ѣстъ сѣна, и другимъ не даетъ. Я хотѣлъ было закупать у васъ хозяйственные продукты разные, потому что я и казенные подряды тоже веду...“ Здѣсь онъ прилгнулъ, хоть и вскользь, и безъ всякаго дальнѣйшаго размышленія, но неожиданно-удачно. Казенные подряды подѣйствовали сильно на Настасью Петровну; по крайней мѣрѣ, она произнесла уже почти просительнымъ голосомъ: „Да чего жъ ты разсердился такъ горячо? Знай я прежде, что ты такой сердитый, да я бы совсѣмъ тебѣ и не прекословила“.

„Есть изъ чего сердиться! Дѣло яйца выѣденнаго не стоитъ, а я стану изъ-за него сердиться!“

„Ну, да изволь, я готова отдать за пятнадцать ассигнаціей! Только смотри, отецъ мой, насчетъ подрядовъ-то: если случится муки брать ржаной, или гречневой, или крупъ, или скотины битой, такъ ужъ, пожалуста[2], не обидь меня“.

„Нѣтъ, матушка, не обижу“, говорилъ онъ, а между тѣмъ отиралъ рукою потъ, который въ три ручья катился по лицу его. Онъ разспро̀силъ ее, не имѣетъ ли она въ городѣ какого-нибудь повѣреннаго или знакомаго, котораго бы могла уполномочить на совершеніе крѣпости и всего, что̀ слѣдуетъ. — „Какъ же! Протопопа, отца Кирила, сынъ служитъ въ палатѣ“, сказала

Коробочка. Чичиковъ попросилъ ее написать къ нему довѣренное письмо и, чтобы избавить лишнихъ затрудненій, самъ даже взялся сочинить.

„Хорошо бы было“, подумала между тѣмъ про себя Коробочка: „если бы онъ забиралъ у меня въ казну муку и скотину. Нужно его задобрить: тѣста со вчерашняго вечера еще осталось, такъ пойти сказать Фетиньѣ, чтобъ спекла блиновъ. Хорошо бы также загнуть пирогъ прѣсный съ яйцомъ: у меня его славно загибаютъ, да и времени беретъ не много“. Хозяйка вышла съ тѣмъ, чтобы привести въ исполненье[1] мысль насчетъ загнутія пирога, и, вѣроятно, пополнить ее и[2] другими произведеніями домашней пекарни и стряпни; а Чичиковъ вышелъ въ гостиную, гдѣ провелъ ночь, съ тѣмъ, чтобы вынуть нужныя бумаги изъ своей шкатулки. Въ гостиной давно уже было все прибрано, роскошныя перины вынесены вонъ, передъ диваномъ стоялъ покрытый столъ. Поставивъ на него шкатулку, онъ нѣсколько отдохнулъ, ибо чувствовалъ, что былъ[3] весь въ поту, какъ въ рѣкѣ: все, что ни было на немъ, начиная отъ рубашки до чулокъ, все было мокро. „Экъ уморила какъ, проклятая старуха!“ сказалъ онъ, немного отдохнувши, и отперъ шкатулку. Авторъ увѣренъ, что есть читатели такіе любопытные, которые пожелаютъ даже узнать планъ и внутреннее расположеніе шкатулки. Пожалуй, почему же не удовлетворить? Вотъ оно, внутреннее расположеніе: въ самой срединѣ мыльница, за мыльницею шесть-семь узенькихъ перегородокъ для бритвъ; потомъ квадратные закоулки для песочницы и чернильницы съ выдолбленною между ними лодочкою для перьевъ, сургучей и всего, что подлиннѣе; потомъ всякія перегородки съ крышечками и безъ крышечекъ для того, что покороче, наполненныя билетами, визитными, похоронными, театральными и другими, которые складывались на память. Весь верхній ящикъ со всѣми перегородками вынимался, и подъ нимъ находилось пространство, занятое кипами бумагъ въ листъ; потомъ слѣдовалъ маленькій потаенный ящикъ для денегъ, выдвигавшійся незамѣтно съ боку шкатулки. Онъ всегда такъ поспѣшно выдвигался и задвигался въ ту же минуту хозяиномъ, что навѣрно нельзя сказать, сколько было тамъ денегъ. Чичиковъ[4] тутъ же занялся и, очинивъ перо, началъ писать. Въ это время вошла хозяйка.

„Хорошъ у тебя ящикъ, отецъ мой“, сказала она, подсѣвши къ нему. „Чай, въ Москвѣ купилъ его?“

„Въ Москвѣ“, отвѣчалъ Чичиковъ, продолжая писать.

„Я ужъ знала это: тамъ все хорошая работа. Третьяго года сестра моя привезла оттуда теплые сапожки для дѣтей: такой прочный товаръ — до сихъ поръ носится. Ахти, сколько у тебя тутъ гербовой бумаги!“ продолжала она, заглянувши къ нему въ шкатулку. И въ самомъ дѣлѣ, гербовой бумаги было тамъ не мало. „Хоть бы мнѣ листокъ подарилъ! А у меня такой недостатокъ: случится въ судъ просьбу подать, а и не на чемъ“.

Чичиковъ объяснилъ ей, что эта бумага не такого рода, что она назначена для совершенія крѣпостей, а не для просьбъ. Впрочемъ, чтобы успокоить ее, онъ далъ ей какой-то листъ въ рубль цѣною. Написавши письмо, далъ онъ ей подписаться и попросилъ маленькій списочекъ мужиковъ. Оказалось, что помѣщица не вела никакихъ записокъ, ни списковъ, а знала почти всѣхъ наизусть. Онъ заставилъ ее тутъ же продиктовать ихъ. Нѣкоторые крестьяне нѣсколько изумили его своими фамиліями, а еще болѣе прозвищами, такъ что онъ всякій разъ[1], слыша ихъ, прежде останавливался, а потомъ уже начиналъ писать. Особенно поразилъ[2] его какой-то Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, такъ что онъ не могъ не сказать: „Экой длинный!“ Другой имѣлъ прицѣпленный къ имени — „Коровій Кирпичъ“, иной оказался просто: „Колесо Иванъ“. Оканчивая писать, онъ потянулъ нѣсколько къ себѣ носомъ воздухъ и услышалъ завлекательный запахъ чего-то горячаго въ маслѣ.

„Прошу покорно закусить“, сказала хозяйка. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что на столѣ стояли уже грибки, пирожки, скородумки, шанишки, пряглы, блины, лепешки со всякими припеками: припекой съ лучкомъ, припекой съ макомъ, припекой съ творогомъ, припекой со сняточками, и нивѣсть чего не было.

„Прѣсный пирогъ съ яйцомъ!“ сказала хозяйка.

Чичиковъ подвинулся къ прѣсному пирогу съ яйцомъ и, съѣвши тутъ же съ небольшимъ половину, похвалилъ его. И въ самомъ дѣлѣ, пирогъ самъ по себѣ былъ вкусенъ, а послѣ всей возни и продѣлокъ со старухой показался еще вкуснѣе.

„А блинковъ?“ сказала хозяйка.

Въ отвѣтъ на это Чичиковъ свернулъ три блина вмѣстѣ и,

обмакнувши ихъ въ растопленное масло, отправилъ въ ротъ, а губы и руки вытеръ салфеткой. Повторивши это раза три, онъ попросилъ хозяйку приказать заложить его бричку. Настасья Петровна тутъ же послала Фетинью, приказавши въ то же время принести еще горячихъ блиновъ.

„У васъ, матушка, блинцы очень вкусны", сказалъ Чичиковъ, принимаясь за принесенные горячіе.

„Да у меня-то ихъ хорошо пекутъ", сказала хозяйка: „да вотъ бѣда: урожай плохъ, мука ужъ такая не авантажная.... Да что же, батюшка, вы такъ спѣшите?" проговорила она, увидя, что Чичиковъ взялъ въ руки картузъ: „вѣдь и бричка еще не заложена".

„Заложатъ, матушка, заложатъ. У меня скоро закладываютъ".

„Такъ ужъ пожалуста[1], не позабудьте насчетъ подрядовъ".

„Не забуду, не забуду", говорилъ Чичиковъ, выходя въ сѣни.

„А свинаго сала не покупаете?" сказала хозяйка, слѣдуя за нимъ.

„Почему не покупать? Покупаю, только послѣ".

„У меня о святкахъ и свиное сало будетъ".

„Купимъ, купимъ, всего купимъ, и свинаго сала купимъ".

„Можетъ быть, понадобится птичьихъ перьевъ. У меня къ Филиппову посту будутъ и птичьи перья".

„Хорошо, хорошо", говорилъ Чичиковъ.

„Вотъ видишь, отецъ мой, и бричка твоя еще не готова", сказала хозяйка, когда они вышли на крыльцо.

„Будетъ, будетъ готова. Разскажите только мнѣ, какъ добраться до большой дороги".

„Какъ же бы это сдѣлать?" сказала хозяйка. „Разсказать-то мудрено, поворотовъ много; развѣ я тебѣ дамъ дѣвчонку, чтобы проводила. Вѣдь у тебя, чай, мѣсто есть на козлахъ, гдѣ бы присѣсть ей?"

„Какъ не быть".

„Пожалуй, я тебѣ дамъ дѣвчонку; она у меня знаетъ дорогу; только ты, смотри, не завези ее: у меня уже одну завезли купцы".

Чичиковъ увѣрилъ ее, что не завезетъ, и Коробочка, успокоившись, уже стала разсматривать все, что было во дворѣ ея: вперила глаза на ключницу, выносившую изъ кладовой деревянную побратиму съ медомъ, на мужика, показавшагося

въ воротахъ, и мало-по-малу вся переселилась въ хозяйственную жизнь. Но зачѣмъ такъ долго заниматься Коробочкой? Коробочка ли, Манилова ли, хозяйственная ли жизнь, или нехозяйственная — мимо ихъ! Не то на свѣтѣ дивно[1] устроено: веселое мигомъ обратится въ печальное, если только долго застоишься передъ нимъ, и тогда, Богъ знаетъ, чтò взбредетъ въ голову. Можетъ быть, станешь даже думать: „Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ человѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосягаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома съ благовонными чугунными лѣстницами, сіяющей мѣдью, краснымъ деревомъ и коврами[2], зѣвающей за недочитанной книгой, въ ожиданіи остроумно-свѣтскаго визита, гдѣ ей предстанетъ поле блеснуть умомъ и высказать вытверженныя мысли, — мысли, занимающія, по законамъ моды, на цѣлую недѣлю городъ, мысли не о томъ, чтò дѣлается въ ея домѣ и въ ея помѣстьяхъ, запутанныхъ и разстроенныхъ, благодаря незнанью хозяйственнаго дѣла, а о томъ, какой политическій переворотъ готовится во Франціи, какое направленіе принялъ модный католицизмъ. Но мимо, мимо! Зачѣмъ говорить объ этомъ? Но зачѣмъ же среди недумающихъ, веселыхъ, безпечныхъ минутъ, сама собою вдругъ пронесется[3] иная, чудная струя? Еще смѣхъ не успѣлъ совершенно сбѣжать съ лица, а уже сталъ другимъ среди тѣхъ же людей, и уже другимъ свѣтомъ освѣтилось лицо...

„А вотъ бричка, вотъ бричка!“ вскричалъ Чичиковъ, увидя наконецъ подъѣзжавшую свою бричку. „Что ты, болванъ, такъ долго копался? Видно, вчерашній хмель у тебя не весь еще вывѣтрило?“

Селифанъ на это ничего не отвѣчалъ.

„Прощайте, матушка! А чтò же? гдѣ ваша дѣвчонка?“

„Эй, Пелагея!“ сказала помѣщица стоявшей около крыльца дѣвчонкѣ лѣтъ одиннадцати, въ платьѣ изъ домашней крашенины и съ босыми ногами, которыя издали можно было принять за сапоги, такъ онѣ были облѣплены свѣжею грязью: „покажи-ка барину дорогу“.

Селифанъ помогъ взлѣзть дѣвчонкѣ на козлы, которая, ставши одной ногой на барскую ступеньку, сначала запачкала ее грязью, а потомъ уже взобралась на верхушку и помѣсти-

лась возлѣ него. Вслѣдъ за нею и самъ Чичиковъ занесъ ногу на ступеньку, и, понагнувши бричку на правую сторону, потому что былъ тяжеленекъ, наконецъ помѣстился, сказавши: „А, теперь хорошо! Прощайте, матушка!“ Кони тронулись.

Селифанъ былъ во всю дорогу суровъ и съ тѣмъ вмѣстѣ очень внимателенъ къ своему дѣлу, что̀ случалося съ нимъ всегда послѣ того, когда либо въ чемъ провинился, либо былъ пьянъ. Лошади были удивительно какъ вычищены. Хомутъ на одной изъ нихъ, надѣвавшійся дотолѣ почти всегда въ разодранномъ видѣ, такъ что изъ-подъ кожи выглядывала пакля, былъ искусно зашитъ. Во всю дорогу былъ онъ молчаливъ, только похлестывалъ кнутомъ и не обращалъ никакой поучительной рѣчи къ лошадямъ, хотя чубарому коню, конечно, хотѣлось бы выслушать что-нибудь наставительное, ибо въ это время возжи всегда какъ-то лѣниво держались въ рукахъ словоохотнаго возницы, и кнутъ только для формы гулялъ поверхъ спинъ. Но изъ угрюмыхъ устъ слышны были на сей разъ одни однообразно-непріятныя восклицанія: „Ну же, ну, ворона! зѣвай, зѣвай!“ и больше ничего. Даже самъ[1] гнѣдой и Засѣдатель были не довольны, не услышавши ни разу ни *любезные*, ни *почтенные*. Чубарый чувствовалъ пренепріятные удары по своимъ полнымъ и широкимъ частямъ. „Вишь ты, какъ разнесло его!“ думалъ онъ самъ про себя, нѣсколько припрядывая ушами. „Небось знаетъ, гдѣ бить! Не хлыснетъ прямо по спинѣ, а такъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ поживѣе: по ушамъ зацѣпитъ, или подъ брюхо захлыснетъ“.

„Направо, что ли?“ съ такимъ сухимъ вопросомъ обратился Селифанъ къ сидѣвшей возлѣ него дѣвчонкѣ, показывая ей кнутомъ на почернѣвшую отъ дождя дорогу между ярко-зелеными, освѣженными полями.

„Нѣтъ, нѣтъ, я ужъ покажу“, отвѣчала дѣвчонка.

„Куда жъ?“ сказалъ Селифанъ, когда подъѣхали поближе.

„Вотъ куды“, отвѣчала дѣвчонка[2], показывая рукою.

„Эхъ ты!“ сказалъ Селифанъ. „Да это и есть направо: не знаетъ, гдѣ право, гдѣ лѣво!“

Хотя день былъ очень хорошъ, но земля до такой степени загрязнилась, что колеса брички, захватывая ее, сдѣлались скоро покрытыми ею, какъ войлокомъ, что̀ значительно отяжелило экипажъ; къ тому же почва была глиниста и цѣпка

необыкновенно. То и другое было причиною, что они не могли выбраться изъ проселковъ раньше полудня. Безъ дѣвчонки было бы трудно сдѣлать и это, потому что дороги расползались во всѣ стороны, какъ пойманные раки, когда ихъ высыплютъ изъ мѣшка, и Селифану довелось бы поколесить уже не по своей винѣ. Скоро дѣвчонка показала рукою на чернѣвшее вдали строеніе, сказавши: „Вонъ столбовая дорога!“

„А строеніе?“ спросилъ Селифанъ.

„Трактиръ“, сказала дѣвчонка.

„Ну, теперь мы сами доѣдемъ“, сказалъ Селифанъ: „ступай себѣ домой“.

Онъ остановился и помогъ ей сойти, проговоривъ сквозь зубы: „Эхъ ты, черноногая!“

Чичиковъ далъ ей мѣдный грошъ, и она побрела восвояси, уже довольная тѣмъ, что посидѣла на козлахъ.

ГЛАВА IV.

Подъѣхавши къ трактиру, Чичиковъ велѣлъ остановиться по двумъ причинамъ: съ одной стороны, чтобъ дать отдохнуть лошадямъ, а съ другой стороны, чтобъ и самому нѣсколько закусить и подкрѣпиться. Авторъ долженъ признаться, что весьма завидуетъ аппетиту и желудку такого рода людей. Для него рѣшительно ничего не значатъ всѣ господа большой руки, живущіе въ Петербургѣ и Москвѣ, проводящіе время въ обдумываніи, что̀ бы такое поѣсть завтра и какой бы обѣдъ сочинить на послѣзавтра, и принимающіеся за этотъ обѣдъ не иначе, какъ отправивши прежде въ ротъ пилюли, глотающіе устерсъ, морскихъ пауковъ и прочихъ чудъ, а потомъ отправляющіеся въ Карлсбадъ или на Кавказъ. Нѣтъ, эти господа никогда не возбуждали въ немъ зависти. Но господа средней руки, что̀ на одной станціи потребуютъ ветчины, на другой поросенка, на третьей ломоть осетра или какую-нибудь запеканную колбасу съ лукомъ, и потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, садятся за столъ, въ какое хочешь время, и стерляжья уха съ налимами и молоками шипитъ и ворчитъ у нихъ межъ зубами, заѣдаемая растегаемъ или кулебякой съ сомовьимъ плёсомъ, такъ что вчужѣ пронимаетъ аппетитъ,— вотъ эти господа,

точно, пользуются завиднымъ даяніемъ неба! Не одинъ[1] господинъ большой руки пожертвовалъ бы сію же минуту половину душъ крестьянъ и половину имѣній, заложенныхъ и незаложенныхъ, со всѣми улучшеніями на иностранную и русскую ногу, съ тѣмъ только, чтобы имѣть такой желудокъ, какой имѣетъ господинъ средней руки; но то бѣда, что ни за какія деньги, нижѐ имѣнія, съ улучшеніями и безъ улучшеній, нельзя пріобрѣсть такого желудка, какой бываетъ у господина средней руки.

Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой узенькій гостепріимный навѣсъ, на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, похожихъ на старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзные узорочные карнизы изъ свѣжаго дерева, вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили темныя его стѣны; на ставняхъ были нарисованы кувшины съ цвѣтами.

Взобравшись узенькою деревянною лѣстницею на верхъ, въ широкія сѣни, онъ встрѣтилъ отворявшуюся со скрипомъ дверь и толстую старуху въ пестрыхъ ситцахъ, проговорившую: „Сюда пожалуйте!“ Въ комнатѣ попались все старые пріятели, попадающіеся всякому въ небольшихъ деревянныхъ трактирахъ, какихъ немало выстроено по дорогамъ, а именно: заиндевѣвшій самоваръ, выскобленныя гладко сосновыя стѣны, трехугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя яички предъ образами, висѣвшія на голубыхъ и красныхъ ленточкахъ, окотившаяся недавно кошка, зеркало, показывавшее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вмѣсто лица какую-то лепешку, наконецъ натыканныя пучками душистыя травы и гвоздики у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать ихъ только чихалъ, и больше ничего.

„Поросенокъ есть?“ съ такимъ вопросомъ обратился Чичиковъ къ стоявшей бабѣ.

„Есть“.

„Съ хрѣномъ и со сметаною?“

„Съ хрѣномъ и со сметаною“.

„Давай его сюда!“

Старуха пошла копаться и принесла тарелку, салфетку, на-

крахмаленную до того, что дыбилась, какъ засохшая кора, потомъ ножъ съ пожелтѣвшею костяною колодочкою, тоненькій, какъ перочинный, двузубую вилку и солонку, которую никакъ нельзя было поставить прямо на столъ.

Герой нашъ, по обыкновенію, сейчасъ вступилъ съ нею въ разговоръ и разспросилъ, сама ли она держитъ трактиръ, или есть хозяинъ, и сколько даетъ доходу трактиръ, и съ ними ли живутъ сыновья, и что старшій сынъ — холостой или женатый человѣкъ, и какую взялъ жену, съ большимъ ли приданымъ, или нѣтъ, и доволенъ ли былъ тесть, и не сердился ли, что мало подарковъ получилъ на свадьбѣ; словомъ, не пропустилъ ничего. Само собою разумѣется, что полюбопытствовалъ узнать, какіе въ окружности находятся у нихъ помѣщики, и узналъ, что всякіе есть помѣщики: Блохинъ, Почитаевъ, Мыльной, Чепраковъ, полковникъ, Собакевичъ. „А! Собакевича знаешь?“ спросилъ онъ и тутъ же услышалъ, что старуха знаетъ не только Собакевича, но и Манилова, и что Маниловъ будетъ поделикатнѣй Собакевича: велитъ тотчасъ сварить курицу, спроситъ и телятинки; коли есть баранья печенка, то и бараньей печенки спроситъ, и всего только, что попробуетъ, а Собакевичъ одного чего-нибудь спроситъ, да ужъ за то все съѣстъ, даже и надбавки[1] потребуетъ за ту же цѣну.

Когда онъ такимъ образомъ разговаривалъ, кушая поросенка, котораго оставался уже послѣдній кусокъ, послышался стукъ колесъ подъѣхавшаго экипажа. Выглянувши въ окно, увидѣлъ онъ остановившуюся передъ трактиромъ легонькую бричку, запряженную тройкою добрыхъ лошадей. Изъ брички вылѣзали двое какихъ-то мужчинъ: одинъ бѣлокурый, высокаго роста, другой немного пониже, чернявый. Бѣлокурый былъ въ темносиней венгеркѣ, чернявый — просто въ полосатомъ архалукѣ. Издали тащилась еще колясченка, пустая, влекомая какой-то длинношерстной четверней съ изорванными хомутами и веревочной упряжью. Бѣлокурый тотчасъ же отправился по лѣстницѣ на верхъ, между тѣмъ какъ черномазый еще оставался и щупалъ что-то въ бричкѣ, разговаривая тутъ же со слугою и махая въ то же время ѣхавшей за ними коляскѣ. Голосъ его показался Чичикову какъ будто нѣсколько знакомымъ. Пока онъ его разсматривалъ, бѣлокурый успѣлъ уже нащупать дверь и отворить ее. Это былъ мужчина высокаго

роста, лицомъ худощавый, или, чтò называютъ, издержанный, съ рыжими усиками. По загорѣвшему лицу его можно было заключить, что онъ зналъ, чтò такое дымъ, если не пороховой, то, по крайней мѣрѣ, табачный. Онъ вѣжливо поклонился Чичикову, на что послѣдній отвѣтилъ тѣмъ же. Въ продолженіи немногихъ минутъ они, вѣроятно, бы разговорились и хорошо познакомились между собою, потому что уже начало было сдѣлано и оба почти въ одно и то же время изъявили удовольствіе, что пыль по дорогѣ была совершенно прибита вчерашнимъ дождемъ и теперь ѣхать и прохладно, и пріятно, какъ вошелъ чернявый его товарищъ, сбросивъ съ головы на столъ картузъ свой, молодцовато взъерошивъ рукой свои черные густые волосы. Это былъ средняго роста, очень недурно сложенный молодецъ, съ полными румяными щеками, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами и черными, какъ смоль, бакенбардами. Свѣжъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; здоровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его.

„Ба, ба, ба!“ вскричалъ онъ вдругъ, разставивъ обѣ руки[1] при видѣ Чичикова. „Какими судьбами?“

Чичиковъ узналъ Ноздрева, того самаго, съ которымъ онъ вмѣстѣ обѣдалъ у прокурора и который съ нимъ, въ нѣсколько минутъ, сошелся на такую короткую ногу, что началъ уже говорить *ты*, хотя, впрочемъ, онъ съ своей стороны не подалъ къ тому никакого повода.

„Куда ѣздилъ?“ говорилъ Ноздревъ и, не дождавшись отвѣта, продолжалъ: „А я, братъ, съ ярмарки. Поздравь[2]: продулся въ пухъ! Вѣришь ли, что никогда въ жизни такъ не продувался? Вѣдь я на обывательскихъ пріѣхалъ! Вотъ посмотри нарочно въ окно!“ Здѣсь онъ нагнулъ самъ голову Чичикова, такъ что тотъ чуть не ударился ею объ рамку. „Видишь, какая дрянь? Насилу дотащили, проклятыя; я уже перелѣзъ вотъ въ его бричку“. Говоря это, Ноздревъ показалъ пальцемъ на своего товарища. „А вы еще не знакомы? Зять мой Мижуевъ! Мы съ нимъ все утро говорили о тебѣ. „Ну, смотри“, говорю, „если мы не встрѣтимъ Чичикова“. Ну, братъ, если бъ ты зналъ, какъ я продулся! Повѣришь ли, что не только убухалъ четырехъ рысаковъ — все спустилъ. Вѣдь на мнѣ нѣтъ ни цѣпочки, ни часовъ....“ Чичиковъ взглянулъ и увидѣлъ, точно, что на немъ не было ни цѣпочки, ни часовъ.

Ему даже показалось, что и одинъ бакенбардъ[1] былъ у него меньше и не такъ густъ, какъ другой. „А вѣдь будь только двадцать рублей въ карманѣ“, продолжалъ Ноздревъ: „именно не больше, какъ двадцать, я отыгралъ бы все, то есть, кромѣ того, что отыгралъ бы[2], вотъ, какъ честный человѣкъ, тридцать тысячъ сейчасъ положилъ бы въ бумажникъ“.

„Ты, однако, и тогда такъ говорилъ“, отвѣчалъ бѣлокурый: „а когда я тебѣ далъ пятьдесятъ рублей, тутъ же просадилъ ихъ“.

„И не просадилъ бы! Ей Богу, не просадилъ бы! Не сдѣлай я самъ глупость, право, не просадилъ бы. Не загни я послѣ пароле на проклятой семеркѣ утку, я бы могъ сорвать весь банкъ“.

„Однакожъ не сорвалъ“, сказалъ бѣлокурый.

„Не сорвалъ, потому что загнулъ утку не во́-время. А ты думаешь, маіоръ твой хорошо играетъ?“

„Хорошо или не хорошо, однакожъ онъ тебя обыгралъ“.

„Эка важность!“ сказалъ Ноздревъ: „этакъ и я его обыграю. Нѣтъ, вотъ попробуй онъ играть дублетомъ, такъ вотъ тогда я посмотрю, я посмотрю тогда, какой онъ игрокъ! Зато, братъ Чичиковъ, какъ покутили мы въ первые дни! Правда, ярмарка была отличнѣйшая. Сами купцы говорятъ, что никогда не было такого съѣзда. У меня все, что̀ ни привезли изъ деревни, продали по самой выгоднѣйшей цѣнѣ. Эхъ, братецъ, какъ покутили! Теперь даже, какъ вспомнишь... чортъ возьми! то есть, какъ жаль, что ты не былъ! Вообрази, что въ трехъ верстахъ отъ города стоялъ драгунскій полкъ. Вѣришь ли, что офицеры, сколько ихъ ни было, сорокъ человѣкъ однихъ офицеровъ было въ городѣ... Какъ начали мы, братецъ, пить... Штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ... такой славный! усы, братецъ, такіе! Бордо называетъ просто бурдашкой. „Принеси-ка, братъ“, говоритъ, „бурдашки!“ Поручикъ Кувшинниковъ... Ахъ, братецъ, какой премилый человѣкъ! Вотъ ужъ, можно сказать, во всей формѣ кутила. Мы все были съ нимъ вмѣстѣ. Какого вина отпустилъ намъ Пономаревъ! Нужно тебѣ знать, что онъ мошенникъ, и въ его лавкѣ ничего нельзя брать: въ вино мѣшаетъ всякую дрянь: сандалъ, жженую пробку, и даже бузиной, подлецъ, затираетъ; но зато, ужъ если вытащитъ изъ дальней комнатки, которая назы-

вается у него особенной, какую-нибудь бутылочку, ну, просто, братъ, находишься въ эмпиреяхъ. Шампанское у насъ было такое... чтò предъ нимъ губернаторское? — просто квасъ. Вообрази, не клико, а какое-то клико матрадура; это значитъ — двойное клико. И еще досталъ одну бутылочку французскаго подъ названіемъ: бонбонъ. Запахъ? — розетка и все, чтò хочешь. Ужъ такъ покутили!.. Послѣ насъ пріѣхалъ какой-то князь, послалъ въ лавку за шампанскимъ — нѣтъ ни одной бутылки во всемъ городѣ: все офицеры выпили. Вѣришь ли, что я одинъ въ продолженіи обѣда выпилъ семнадцать бутылокъ шампанскаго!"

„Ну, семнадцать бутылокъ ты не выпьешь", замѣтилъ бѣлокурый.

„Какъ честный человѣкъ говорю, что выпилъ", отвѣчалъ Ноздревъ.

„Ты можешь себѣ говорить, чтò хочешь, а я тебѣ говорю, что и десяти не выпьешь".

„Ну, хочешь объ закладъ, что выпью?"

„Къ чему же объ закладъ?"

„Ну, поставь свое ружье, которое купилъ въ городѣ".

„Не хочу".

„Ну, да поставь, попробуй!"

„И пробовать не хочу".

„Да, былъ бы ты безъ ружья, какъ безъ шапки. Эхъ, братъ Чичиковъ, то есть, какъ я жалѣлъ, что тебя не было! Я знаю, что ты бы не разстался съ поручикомъ Кувшинниковымъ. Ужъ какъ бы вы съ нимъ хорошо сошлись! Это не то, что прокуроръ и всѣ губернскіе скряги въ нашемъ городѣ, которые такъ и трясутся за каждую копѣйку[1]. Этотъ, братецъ, и въ гальбикъ, и въ банчишку, и во все, чтò хочешь. Эхъ, Чичиковъ, ну чтò бы тебѣ стоило пріѣхать? Право, свинтусъ ты за это, скотоводъ эдакой! Поцѣлуй меня, душа; смерть люблю тебя! Мижуевъ, смотри: вотъ судьба свела! Ну что онъ мнѣ, или я ему? Онъ пріѣхалъ, Богъ знаетъ откуда, я тоже здѣсь живу... А сколько было, братъ, каретъ, и все это en grós. Въ фортунку крутнулъ, выигралъ двѣ банки помады, фарфоровую чашку и гитару; потомъ опять поставилъ одинъ разъ и прокутилъ, канальство, еще сверхъ шесть цѣлковыхъ. А какой, если бъ ты зналъ, волокита Кувшинниковъ! Мы съ нимъ были

на всѣхъ почти балахъ. Одна была такая разодѣтая, рюши на ней и трюши, и чортъ знаетъ, чего не было... Я думаю себѣ только: „Чортъ возьми!“ А Кувшинниковъ, то есть, это такая бестія, подсѣлъ къ ней и на французскомъ языкѣ подпускаетъ ей такіе комплименты... Повѣришь ли, простыхъ бабъ не пропустилъ. Это онъ называетъ: „попользоваться насчетъ клубнички“. Рыбъ и балыковъ навезли чудныхъ. Я таки привезъ съ собою одинъ, — хорошо, что догадался купить, когда были еще деньги. Ты куда теперь ѣдешь?“

„А я къ человѣчку къ одному“, сказалъ Чичиковъ.

„Ну, что человѣчекъ? брось его! Поѣдемъ ко мнѣ!“

„Нельзя, нельзя; есть дѣло“.

„Ну, вотъ ужъ и дѣло! ужъ и выдумалъ! Ахъ, ты Оподельдокъ Ивановичъ!“

„Право, дѣло, да еще и нужное“[1].

„Пари держу, врешь! Ну, скажи только, къ кому ѣдешь?“

„Ну, къ Собакевичу“.

Здѣсь Ноздревъ захохоталъ тѣмъ звонкимъ смѣхомъ, какимъ заливается только свѣжій, здоровый человѣкъ, у котораго всѣ до послѣдняго выказываются бѣлые, какъ сахаръ, зубы, дрожатъ и прыгаютъ щеки, и сосѣдъ за двумя дверями, въ третьей комнатѣ, вскидывается со сна, вытаращивъ очи, и произноситъ: „Экъ его разобрало!“[2]

„Что жъ тутъ смѣшнаго?“ сказалъ Чичиковъ, отчасти недовольный такимъ смѣхомъ.

Но Ноздревъ продолжалъ хохотать во все горло, приговаривая: „Ой, пощади! право, тресну со смѣху!“

„Ничего нѣтъ смѣшнаго: я далъ ему слово“, сказалъ Чичиковъ.

„Да вѣдь ты жизни не будешь радъ, когда пріѣдешь къ нему: это просто жидоморъ! Вѣдь я знаю твой характеръ: ты жестоко опѣшишься, если думаешь найти тамъ банчишку и добрую бутылку какого-нибудь бонбона. Послушай, братецъ: ну, къ чорту Собакевича! Поѣдемъ ко мнѣ! Какимъ балыкомъ поподчую![3] Пономаревъ, бестія, такъ раскланивался, говоритъ: „Для васъ только; всю ярмарку“, говоритъ, „обыщите, не найдете такого“. Плутъ, однакожъ, ужасный. Я ему въ глаза это говорилъ. „Вы“, говорю, „съ нашимъ откупщикомъ первые мошенники!“ Смѣется, бестія, поглаживая бороду. Мы съ Кув-

шинниковымъ каждый день завтракали въ его лавкѣ. Ахъ, братъ, вотъ позабылъ тебѣ сказать: знаю, что ты теперь не отстанешь, но за десять тысячъ не отдамъ, напередъ говорю.— Эй, Порфирій!“ закричалъ онъ, подошедши къ окну, на своего человѣка, который держалъ въ одной рукѣ ножикъ, а въ другой корку хлѣба съ кускомъ балыка, который посчастливилось ему мимоходомъ отрѣзать, вынимая что-то изъ брички. „Эй, Порфирій!“ кричалъ Ноздревъ: „принеси-ка щенка! Каковъ щенокъ!“ продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову. „Краденый, ни за самого себя не отдавалъ хозяинъ. Я ему сулилъ каурую кобылу, которую, помнишь, вымѣнялъ у Хвостырева...“ Чичиковъ, впрочемъ, отъ роду не видалъ ни каурой кобылы, ни Хвостырева.

„Баринъ! ничего не хотите закусить?“ сказала въ это время, подходя къ нему, старуха.

„Ничего. Эхъ, братъ, какъ покутили! Впрочемъ, давай[1] рюмку водки. Какая у тебя есть?“

„Анисовая“, отвѣчала старуха.

„Ну, давай анисовой“, сказалъ Ноздревъ.

„Давай ужъ и мнѣ рюмку!“ сказалъ бѣлокурый.

„Въ театрѣ одна актриса такъ, каналья, пѣла, какъ канарейка! Кувшинниковъ, который сидѣлъ возлѣ меня, „вотъ“, говоритъ, „братъ, попользоваться бы насчетъ клубнички!“ Однихъ балагановъ, я думаю, было пятьдесятъ. Фенарди четыре часа вертѣлся мельницею“. Здѣсь онъ принялъ рюмку изъ рукъ старухи, которая ему за то низко поклонилась. „А, давай его сюда!“ закричалъ онъ, увидѣвши Порфирія, вошедшаго съ щенкомъ. Порфирій былъ одѣтъ такъ же, какъ и баринъ, въ какомъ-то архалукѣ, стеганомъ на ватѣ, но нѣсколько позамасляннѣй.

„Давай его, клади сюда на полъ!“

Порфирій положилъ щенка на полъ, который, растянувшись на всѣ четыре лапы, нюхалъ землю.

„Вотъ щенокъ!“ сказалъ Ноздревъ, взявши его за спинку и приподнявши рукою. Щенокъ испустилъ довольно жалобный вой.

„Ты, однакожъ, не сдѣлалъ того, что̀ я тебѣ говорилъ“, сказалъ Ноздревъ, обратившись къ Порфирію и разсматривая тщательно брюхо щенка: „и не подумалъ вычесать его?“

„Нѣтъ, я его вычесывалъ“.

„А отчего же блохи?“

„Не могу знать. Статься можетъ, какъ-нибудь изъ брички поналѣзли“.

„Врешь, врешь, и не воображалъ чесать; я думаю, дуракъ, еще своихъ напустилъ. Вотъ посмотри-ка, Чичиковъ, посмотри, какія уши; на-ка, пощупай рукою“.

„Да зачѣмъ? я и такъ вижу: доброй породы!“ отвѣчалъ Чичиковъ.

„Нѣтъ, возьми-ка нарочно, пощупай уши!“

Чичиковъ въ угодность ему пощупалъ уши, примолвивши: „Да[1], хорошая будетъ собака“.

„А носъ, чувствуешь, какой холодный? Возьми-ка рукою“. Не желая обидѣть его, Чичиковъ взялъ и за носъ, сказавши: „Хорошее чутье“.

„Настоящій мордашъ“, продолжалъ Ноздревъ: „я, признаюсь, давно острилъ зубы на мордаша. На, Порфирій, отнеси его!“

Порфирій, взявши щенка подъ брюхо, унесъ его въ бричку.

„Послушай, Чичиковъ, ты долженъ непремѣнно теперь ѣхать ко мнѣ; пять верстъ всего, духомъ домчимся, а тамъ, пожалуй, можешь и къ Собакевичу“.

„А что жъ“, подумалъ про-себя Чичиковъ: „заѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ[2] къ Ноздреву. Чѣмъ же онъ хуже другихъ? такой же человѣкъ, да еще и проигрался. Гораздъ онъ, какъ видно, на все; стало быть, у него даромъ можно кое-что[3] выпросить“. — „Изволь, ѣдемъ“, сказалъ онъ: „но чуръ не задержать: мнѣ время дорого“.

„Ну, душа, вотъ это такъ! Вотъ это хорошо![4] Постой же! я тебя поцѣлую за это“. Здѣсь Ноздревъ и Чичиковъ поцѣловались. „И славно: втроемъ и покатимъ!“

„Нѣтъ, ты ужъ пожалуста меня-то отпусти“, говорилъ бѣлокурый: „мнѣ нужно домой“.

„Пустяки, пустяки, братъ; не пущу“.

„Право жена будетъ сердиться; теперь же ты можешь пересѣсть вотъ въ ихнюю бричку“.

„Ни, ни, ни! И не думай“.

Бѣлокурый былъ одинъ изъ тѣхъ людей, въ характерѣ которыхъ на первый взглядъ есть какое-то упорство. Еще не успѣешь открыть рта, какъ они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся на то, что̀ явно противоположно ихъ образу мыслей, что никогда не назовутъ глупаго умнымъ

и что въ особенности не согласятся плясать по чужой дудкѣ; а кончится всегда тѣмъ, что въ характерѣ ихъ окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что̀ отвергали, глупое назовутъ умнымъ и пойдутъ потомъ поплясывать, какъ нельзя лучше, подъ чужую дудку — словомъ, начнутъ гладью, а кончатъ гадью.

„Вздоръ!“ сказалъ Ноздревъ въ отвѣтъ на какое-то представленіе бѣлокураго, надѣлъ ему на голову картузъ, и — бѣлокурый отправился вслѣдъ за ними.

„За водочку, баринъ, не заплатили...“ сказала старуха.

„А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятекъ! заплати пожалуста. У меня нѣтъ ни копѣйки въ карманѣ“.

„Сколько тебѣ?“ сказалъ зятекъ.

„Да что̀, батюшка? двугривенникъ всего“, сказала старуха.

„Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно[1] съ нея“.

„Маловато, баринъ“, сказала старуха, однакожъ взяла деньги съ благодарностію и еще побѣжала впопыхахъ отворять имъ дверь. Она была не въ убыткѣ, потому что запросила вчетверо противъ того, что̀ стоила водка.

Пріѣзжіе усѣлись. Бричка Чичикова ѣхала рядомъ съ бричкой, въ которой сидѣли Ноздревъ и его зять, и потому они всѣ трое могли свободно между собою разговаривать въ продолженіи дороги. За ними слѣдовала, безпрестанно отставая, небольшая колясченка Ноздрева на тощихъ обывательскихъ лошадяхъ. Въ ней сидѣлъ Порфирій съ щенкомъ.

Такъ какъ разговоръ, который путешественники вели между собою, былъ не очень интересенъ для читателя, то сдѣлаемъ лучше, если скажемъ что-нибудь о самомъ Ноздревѣ, которому, можетъ быть, доведется сыграть не вовсе послѣднюю роль въ нашей поэмѣ.

Лицо Ноздрева, вѣрно, уже сколько-нибудь знакомо читателю. Такихъ людей приходилось всякому встрѣчать не мало. Они называются разбитными малыми, слывутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма больно поколачиваемы. Въ ихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успѣешь оглянуться, какъ уже говорятъ тебѣ *ты*. Дружбу заведутъ, кажется, навѣкъ; но всегда почти такъ случается, что подружившійся подерется съ ними того же вечера на дру-

жеской пирушкѣ. Они всегда говоруны, кутилы, лихачи, народъ видный. Ноздревъ въ тридцать пять лѣтъ былъ таковъ же совершенно, какимъ былъ въ осьмнадцать и двадцать: охотникъ погулять. Женитьба его ничуть не перемѣнила, тѣмъ болѣе, что жена скоро отправилась на тотъ свѣтъ, оставивши двухъ ребятишекъ, которые рѣшительно ему были не нужны. За дѣтьми, однакожъ, присматривала смазливая нянька. Дома онъ больше дня никакъ не могъ усидѣть[1]. Чуткій носъ его слышалъ за нѣсколько десятковъ верстъ, гдѣ была ярмарка со всякими съѣздами и балами; онъ ужъ въ одно мгновенье ока былъ тамъ, спорилъ и[2] заводилъ сумятицу за зеленымъ столомъ, ибо имѣлъ, подобно всѣмъ таковымъ, страстишку къ картишкамъ. Въ картишки, какъ мы уже видѣли изъ первой главы, игралъ онъ не совсѣмъ безгрѣшно и чисто, зная много разныхъ передержекъ и другихъ тонкостей, и потому игра весьма часто оканчивалась другою игрою: или поколачивали его сапогами, или же задавали передержку его густымъ и очень хорошимъ бакенбардамъ, такъ что возвращался домой онъ иногда съ одной только бакенбардой и то довольно жидкой. Но здоровыя и полныя щеки его такъ хорошо были сотворены и вмѣщали въ себѣ столько растительной силы, что бакенбарды скоро выростали вновь, еще даже лучше прежнихъ. И, что̀ всего страннѣе, что̀ можетъ только на одной Руси случиться, онъ чрезъ нѣсколько времени уже встрѣчался опять съ тѣми пріятелями, которые его тузили, и встрѣчался, какъ ни въ чемъ не бывало: и онъ, какъ говорится, ничего, и они ничего.

Ноздревъ былъ въ нѣкоторомъ отношеніи историческій человѣкъ. Ни на одномъ собраніи, гдѣ онъ былъ, не обходилось безъ исторіи. Какая-нибудь исторія непремѣнно происходила: или выведутъ его подъ руки изъ зала жандармы, или принуждены бываютъ вытолкать свои же пріятели. Если же этого не случится, то все-таки что-нибудь да будетъ такое, чего съ другимъ никакъ не будетъ: или нарѣжется въ буфетѣ такимъ образомъ, что только смѣется, или проврется самымъ жестокимъ образомъ, такъ что наконецъ самому сдѣлается совѣстно. И навретъ[3] совершенно безъ всякой нужды: вдругъ разскажетъ, что у него была лошадь какой-нибудь голубой или розовой шерсти и тому подобную чепуху, такъ что слушающіе наконецъ всѣ отходятъ, произнесши: „Ну, братъ, ты, кажется, ужъ началъ пули

лить“. Есть люди, имѣющіе страстишку нагадить ближнему, иногда вовсе безъ всякой причины. Иной, напримѣръ, даже человѣкъ въ чинахъ, съ благородною наружностію, со звѣздой на груди, будетъ вамъ жать руку, разговорится съ вами о предметахъ глубокихъ, вызывающихъ на размышленія, а потомъ, смотришь, тутъ же, предъ вашими глазами, и нагадитъ[1] вамъ; и нагадитъ такъ, какъ простой коллежскій регистраторъ, а вовсе не такъ, какъ человѣкъ со звѣздой на груди, разговаривающій о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, такъ что стоишь только, да дивишься, пожимая плечами, да и ничего болѣе. Такую же странную страсть имѣлъ и Ноздревъ. Чѣмъ кто ближе съ нимъ сходился, тому онъ скорѣе всѣхъ насаливалъ: распускалъ небылицу, глупѣе которой трудно выдумать, разстроивалъ свадьбу, торговую сдѣлку и вовсе не почиталъ себя вашимъ непріятелемъ; напротивъ, если случай приводилъ его опять встрѣтиться съ вами, онъ обходился вновь по-дружески и даже говорилъ: „Вѣдь ты такой подлецъ, — никогда ко мнѣ не заѣдешь“. Ноздревъ во многихъ отношеніяхъ былъ многосторонній человѣкъ, то есть человѣкъ на всѣ руки. Въ ту же минуту онъ предлагалъ вамъ ѣхать, куда угодно, хоть на край свѣта, войти, въ какое хотите[2] предпріятіе, мѣнять все, что̀ ни есть, на все, что̀ хотите. Ружье, собака, лошадь — все было предметомъ мѣны, но вовсе не съ тѣмъ, чтобы выиграть; это происходило просто отъ какой-то неугомонной юркости и бойкости характера. Если ему на ярмаркѣ посчастливилось напасть на простака и обыграть его, онъ накупалъ кучу всего, что прежде попадалось ему на глаза въ лавкахъ: хомутовъ, курительныхъ свѣчекъ, платковъ для няньки, жеребца, изюму, серебряный рукомойникъ, голландскаго холста, крупичатой муки, табаку, пистолетовъ, селедокъ, картинъ, точильный инструментъ, горшковъ, сапоговъ, фаянсовую посуду — насколько хватало денегъ. Впрочемъ, рѣдко случалось, чтобы это[3] было довезено домой: почти въ тотъ же день спускалось оно все[4] другому, счастливѣйшему игроку, иногда даже прибавлялась собственная трубка съ кисетомъ и мундштукомъ, а въ другой разъ и вся четверня со всѣмъ — съ коляской и кучеромъ, такъ что самъ хозяинъ отправлялся въ коротенькомъ сюртучкѣ, или архалукѣ, искать какого-нибудь пріятеля, чтобы попользоваться его экипажемъ.

Вотъ какой былъ Ноздревъ! Можетъ быть, назовутъ его характеромъ избитымъ, станутъ говорить, что теперь нѣтъ уже Ноздрева. Увы! несправедливы будутъ тѣ, которые станутъ говорить такъ. Ноздревъ долго еще не выведется изъ міра. Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человѣкъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человѣкомъ.

Между тѣмъ три экипажа подкатили уже къ крыльцу дома Ноздрева. Въ домѣ не было никакого приготовленія къ ихъ принятію. По серединѣ[1] столовой стояли деревянные козлы, и два мужика, стоя на нихъ, бѣлили стѣны, затягивая какую-то безконечную пѣсню; полъ весь былъ обрызганъ бѣлилами. Ноздревъ приказалъ тотъ же часъ мужиковъ и козлы вонъ и выбѣжалъ въ другую комнату отдавать повелѣнія. Гости слышали, какъ онъ заказывалъ повару обѣдъ; сообразивъ это, Чичиковъ, начинавшій уже нѣсколько чувствовать аппетитъ, увидѣлъ, что раньше пяти часовъ они не сядутъ за столъ. Ноздревъ, возвратившись, повелъ гостей осматривать все, что ни было у него на деревнѣ, и, въ два часа съ небольшимъ, показалъ рѣшительно все, такъ что ничего ужъ больше не осталось показывать. Прежде всего пошли они обсматривать конюшню, гдѣ видѣли двухъ кобылъ, одну сѣрую въ яблокахъ, другую каурую, потомъ гнѣдаго жеребца, на видъ и не казистаго, но за котораго Ноздревъ божился, что заплатилъ десять тысячъ.

„Десяти тысячъ ты за него не далъ“, замѣтилъ зять. „Онъ и одной не стоитъ“.

„Ей Богу, далъ десять тысячъ“, сказалъ Ноздревъ.

„Ты себѣ можешь божиться, сколько хочешь“, отвѣчалъ зять.

„Ну, хочешь, побьемся объ закладъ?“ сказалъ Ноздревъ.

Объ закладъ зять не захотѣлъ[2] биться.

Потомъ Ноздревъ показалъ пустыя стойла, гдѣ были прежде тоже хорошія лошади. Въ этой же конюшнѣ видѣли козла, котораго, по старому повѣрью, почитали необходимымъ держать при лошадяхъ, который, какъ казалось, былъ съ ними въ ладу, гулялъ подъ ихъ брюхами, какъ у себя дома. Потомъ Ноздревъ повелъ ихъ глядѣть волченка, бывшаго на привязи. „Вотъ волченокъ!“ сказалъ онъ: „я его нарочно

кормлю сырымъ мясомъ. Мнѣ хочется, чтобы онъ былъ совершеннымъ звѣремъ.“ Пошли смотрѣть прудъ, въ которомъ, по словамъ Ноздрева, водилась рыба такой величины, что два человѣка съ трудомъ вытаскивали штуку, въ чемъ, однакожъ, родственникъ не преминулъ усумниться. „Я тебѣ, Чичиковъ“, сказалъ Ноздревъ: „покажу отличнѣйшую пару собакъ: крѣпость черныхъ мясовъ, просто, наводитъ изумленіе, щитокъ — игла!“ и повелъ ихъ къ выстроенному очень красиво маленькому домику, окруженному большимъ, загороженнымъ со всѣхъ сторонъ дворомъ. Вошедши на дворъ, увидѣли тамъ всякихъ собакъ, и густо-псовыхъ, и чисто-псовыхъ, всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ и мастей: муругихъ, черныхъ съ подпалинами, полво-пѣгихъ, муруго-пѣгихъ, красно-пѣгихъ, черноухихъ, сѣроухихъ... Тутъ были всѣ клички, всѣ повелительныя наклоненія: стрѣляй, обругай, порхай, пожаръ, скосырь, черкай, допекай, припекай, северга, касатка, награда, попечительница. Ноздревъ былъ среди нихъ совершенно, какъ отецъ среди семейства: всѣ онѣ, тутъ же пустивши вверхъ хвосты, зовомые у собачеевъ правилами, полетѣли прямо навстрѣчу гостямъ и стали съ ними здороваться. Штукъ десять изъ нихъ положили свои лапы Ноздреву на плеча. Обругай оказалъ такую же дружбу Чичикову и, поднявшись на заднія ноги, лизнулъ его языкомъ въ самыя губы, такъ что Чичиковъ тутъ же выплюнулъ. Осмотрѣли собакъ, наводившихъ изумленіе крѣпостью черныхъ мясовъ — хорошія были собаки. Потомъ пошли осматривать крымскую суку, которая была уже слѣпая и, по словамъ Ноздрева, должна была скоро издохнуть, но, года два тому назадъ, была очень хорошая сука. Осмотрѣли и суку — сука, точно, была слѣпая. Потомъ пошли осматривать водяную мельницу, гдѣ недоставало порхлицы, въ которую утверждается верхній камень, быстро вращающійся на веретенѣ, — *порхающій,* по чудному выраженію русскаго мужика. „А вотъ тутъ скоро будетъ и кузница“, сказалъ Ноздревъ. Немного прошедши, они увидѣли, точно, кузницу; осмотрѣли и кузницу.

„Вотъ на этомъ полѣ“, сказалъ Ноздревъ, указывая пальцемъ на поле: „русаковъ такая гибель, что земли не видно; я самъ своими руками поймалъ одного за заднія ноги“.

„Ну, русака ты не поймаешь рукою,“ — замѣтилъ зять.

„А вотъ же поймалъ, нарочно поймалъ!“ отвѣчалъ Ноздревъ. „Теперь я поведу тебя посмотрѣть“, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: „границу, гдѣ оканчивается моя земля“.

Ноздревъ повелъ своихъ гостей полемъ, которое во многихъ мѣстахъ состояло изъ кочекъ. Гости должны были пробираться между перелогами и взбороненными нивами. Чичиковъ начиналъ чувствовать усталость. Во многихъ мѣстахъ ноги ихъ выдавливали подъ собою воду: до такой степени мѣсто было низко. Сначала они было береглись и переступали осторожно, но потомъ, увидя, что это ни къ чему не служитъ, брели прямо, не разбирая, гдѣ бо̀льшая, а гдѣ мѐньшая грязь. Прошедши порядочное разстояніе, увидѣли, точно, границу, состоявшую изъ деревяннаго столбика и узенькаго рва.

„Вотъ граница!“ сказалъ Ноздревъ: „все, что̀ ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этотъ лѣсъ, который вонъ синѣетъ, и все, что за лѣсомъ — все мое“.

„Да когда же этотъ лѣсъ сдѣлался твоимъ?“ спросилъ зять. „Развѣ ты недавно купилъ его? Вѣдь онъ не былъ твой“.

„Да, я купилъ его недавно“, отвѣчалъ Ноздревъ.

„Когда же ты успѣлъ его такъ скоро купить?“

„Какъ же, я еще третьяго дня купилъ, и дорого, чортъ возьми, далъ“.

„Да вѣдь ты былъ въ то время на ярмаркѣ“.

„Эхъ ты Софронъ! Развѣ нельзя быть въ одно время и на ярмаркѣ, и купить землю? Ну, я былъ на ярмаркѣ, а прикащикъ мой тутъ безъ меня и купилъ“.

„Да, ну развѣ прикащикъ“, сказалъ зять, но и тутъ усумнился и покачалъ головою.

Гости воротились тою же гадкою дорогою къ дому: Ноздревъ повелъ ихъ въ свой кабинетъ, въ которомъ, впрочемъ, не было замѣтно слѣдовъ того, что̀ бываетъ въ кабинетахъ, то есть книгъ или бумаги; висѣли только сабли и два ружья[1], одно въ триста, а другое въ восемьсотъ рублей. Зять, осмотрѣвши, покачалъ только[2] головою. Потомъ были показаны турецкіе кинжалы, на одномъ изъ которыхъ, по ошибкѣ, было вырѣзано: *Мастеръ Савелій Сибиряковъ*. Вслѣдъ затѣмъ показалась гостямъ шарманка. Ноздревъ, тутъ же, провертѣлъ

предъ ними кое-что. Шарманка играла не безъ пріятности, но въ срединѣ ея, кажется, что-то случилось, ибо мазурка оканчивалась пѣснею: *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ;* а *Мальбругъ въ походъ поѣхалъ* неожиданно завершался какимъ-то давно-знакомымъ вальсомъ. Уже Ноздревъ давно пересталъ вертѣть, но въ шарманкѣ была одна дудка, очень бойкая, никакъ не хотѣвшая угомониться, и долго еще потомъ свистѣла она одна. Потомъ показались трубки деревянныя, глиняныя, пѣнковыя, обкуренныя и необкуренныя, обтянутыя замшею и необтянутыя, чубукъ съ янтарнымъ мундштукомъ, недавно выигранный, кисетъ, вышитый какою-то графинею, гдѣ-то на почтовой станціи влюбившеюся въ него по уши, у которой ручки, по словамъ его, были самой субдительной *сюперфлю*, — слово, вѣроятно, означавшее у него высочайшую точку совершенства[1]. Закусивши балыкомъ, они сѣли за столъ близь пяти часовъ. Обѣдъ, какъ видно, не составлялъ у Ноздрева главнаго въ жизни; блюда не играли большой роли: кое-что и пригорѣло, кое-что и вовсе не сварилось. Видно, что поваръ руководствовался болѣе какимъ-то вдохновеньемъ и клалъ первое, что̀ попадалось подъ руку: стоялъ ли возлѣ него перецъ — онъ сыпалъ перецъ, капуста ли попалась — совалъ капусту, пичкалъ молоко, ветчину, горохъ, — словомъ: катай-валяй, было бы горячо, а вкусъ какой-нибудь, вѣрно, выйдетъ. Зато Ноздревъ налегъ на вина: еще не подавали супа, онъ ужъ налилъ гостямъ по большому стакану портвейна и по другому го-сотерна, потому что въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ не бываетъ простаго сотерна. Потомъ Ноздревъ велѣлъ принести бутылку мадеры, „лучше которой не пивалъ самъ фельдмаршалъ“. Мадера, точно, даже горѣла во рту, ибо купцы, зная уже вкусъ помѣщиковъ, любившихъ добрую мадеру, заправляли ее безпощадно ромомъ, а иной разъ вливали туда и царской водки, въ надеждѣ, что все вынесутъ русскіе желудки. Потомъ Ноздревъ велѣлъ еще принесть какую-то особенную бутылку, которая, по словамъ его, была и бургоньонъ, и шампаньонъ вмѣстѣ. Онъ наливалъ очень усердно въ оба стакана — и направо, и налѣво, и зятю, и Чичикову; Чичиковъ замѣтилъ однакоже, какъ-то вскользь, что самому себѣ онъ не много прибавлялъ. Это заставило его быть осторожнымъ, и какъ только Ноздревъ какъ-нибудь заговаривался

или наливалъ зятю, онъ опрокидывалъ въ ту же минуту свой стаканъ въ тарелку. Въ непродолжительномъ времени была принесена на столъ рябиновка, имѣвшая, по словамъ Ноздрева, совершенный вкусъ сливокъ, но въ которой, къ изумленію, слышна была сивушища во всей своей силѣ. Потомъ пили какой-то бальзамъ, носившій такое имя, которое даже трудно было припомнить, да и самъ хозяинъ въ другой разъ назвалъ его уже другимъ именемъ. Обѣдъ давно уже кончился, и вина были перепробованы, но гости все еще сидѣли за столомъ. Чичиковъ никакъ не хотѣлъ заговорить съ Ноздревымъ при зятѣ, насчетъ главнаго предмета: все-таки зять былъ человѣкъ посторонній, а предметъ требовалъ уединеннаго и дружескаго разговора. Впрочемъ, зять врядъ ли могъ быть человѣкомъ опаснымъ, потому что нагрузился, кажется, вдоволь и, сидя на стулѣ, ежеминутно клевался носомъ. Замѣтивъ и самъ, что находился не въ надежномъ состояніи, онъ сталъ, наконецъ, отпрашиваться домой, но такимъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, какъ-будто бы, по русскому выраженію, натаскивалъ клещами на лошадь хомутъ.

„И ни, ни! не пущу!“ сказалъ Ноздревъ.

„Нѣтъ, не обижай меня, другъ мой, право поѣду“, говорилъ зять; „ты меня очень обидишь“.

„Пустяки, пустяки! Мы соорудимъ сію минуту банчишку“.

„Нѣтъ, сооружай, братъ, самъ, а я не могу: жена будетъ въ большой претензіи, право; я долженъ ей разсказать о ярмаркѣ. Нужно, братъ, право нужно, доставить ей удовольствіе. Нѣтъ, ты не держи меня!“

„Ну ее, жену, къ!... важное въ самомъ дѣлѣ дѣло станете дѣлать вмѣстѣ!“

„Нѣтъ, братъ! Она такая добрая жена. Ужъ, точно, примѣрная, такая почтенная и вѣрная![1] Услуги оказываетъ такія... повѣришь? у меня слезы на глазахъ. Нѣтъ, ты не держи меня; какъ честный человѣкъ, поѣду. Я тебя въ этомъ увѣряю по истинной совѣсти“.

„Пусть его ѣдетъ: что̀ въ немъ проку?“ сказалъ тихо Чичиковъ Ноздреву.

„А и въ правду!“ сказалъ Ноздревъ: „смерть не люблю такихъ разстепелей!“ и прибавилъ вслухъ: „Ну, чортъ съ тобою, поѣзжай бабиться[2] съ женою, ѳетюкъ!“

„Нѣтъ, братъ, ты не ругай меня ѳетюкомъ“ *, отвѣчалъ зять: „я ей жизнью обязанъ. Такая, право, добрая, милая, такія ласки оказываетъ... до слезъ разбираетъ. Спроситъ, что̀ видѣлъ на ярмаркѣ, — нужно все разсказать... такая, право, милая“,

„Ну, поѣзжай, ври ей чепуху! Вотъ картузъ твой“.

„Нѣтъ, братъ, тебѣ совсѣмъ не слѣдуетъ о ней такъ отзываться; этимъ ты, можно сказать, меня самого обижаешь, она такая милая“.

„Ну, такъ и убирайся къ ней скорѣе!“

„Да, братъ, поѣду; извини, что не могу остаться. Душой радъ бы былъ, но не могу“. Зять еще долго повторялъ свои извиненія, не замѣчая, что самъ уже давно сидѣлъ въ бричкѣ, давно выѣхалъ за ворота, и передъ нимъ давно были одни пустыя поля. Должно думать, что жена не много слышала подробностей о ярмаркѣ.

„Такая дрянь!“ говорилъ Ноздревъ, стоя передъ окномъ и глядя на уѣзжавшій экипажъ. „Вонъ какъ потащился! Конекъ пристяжной не дуренъ, я давно хотѣлъ подцѣпить его. Да вѣдь съ нимъ нельзя никакъ сойтиться. Ѳетюкъ, просто ѳетюкъ!“

За симъ вошли они въ комнату. Порфирій подалъ свѣчи, и Чичиковъ замѣтилъ въ рукахъ хозяина, неизвѣстно, откуда взявшуюся, колоду картъ.

„А что, братъ“, говорилъ Ноздревъ, прижавши бока колоды пальцами и нѣсколько погнувши ее, такъ что треснула и отскочила бумажка: „ну, для препровожденія времени, держу триста рублей банку!“

Но Чичиковъ прикинулся какъ будто и не слышалъ, о чемъ рѣчь, и сказалъ, какъ бы вдругъ припомнивъ[1]: „А! чтобъ не позабыть: у меня къ тебѣ просьба“.

„Какая?“

„Дай прежде слово, что исполнишь“.

„Да какая просьба?“

„Ну, да ужъ дай слово!“

„Изволь“.

„Честное слово?“

„Честное слово“.

---

* Ѳетюкъ — слово обидное для мужчины, происходитъ отъ Ѳ, буквы, почитаемой нѣкоторыми неприличною буквою.

„Вотъ какая просьба: у тебя есть, чай, много умершихъ крестьянъ, которые еще не вычеркнуты изъ ревизіи?"

„Ну, есть; а что?"

„Переведи ихъ на меня, на мое имя".

„А на что тебѣ?"

„Ну, да мнѣ нужно".

„Да на что̀?"

„Ну, да ужъ нужно... ужъ это мое дѣло,—словомъ, нужно".

„Ну, ужъ, вѣрно, что-нибудь затѣялъ. Признайся, что̀?"

„Да что̀ жъ затѣялъ? Изъ этакого пустяка и затѣять ничего нельзя".

„Да зачѣмъ же они тебѣ?"

„Охъ, какой любопытный! Ему всякую дрянь хотѣлось бы пощупать рукой, да еще и понюхать!"[1]

„Да къ чему жъ ты не хочешь сказать?"

„Да что̀ же тебѣ за прибыль знать? Ну[2], просто, такъ, пришла фантазія".

„Такъ вотъ же: до тѣхъ поръ, пока не скажешь, не сдѣлаю".

„Ну, вотъ видишь, вотъ ужъ[3] и нечестно съ твоей стороны: слово далъ, да и на попятный дворъ".

„Ну, какъ ты себѣ хочешь, а не сдѣлаю, пока не скажешь, на что̀".

„Что̀ бы такое сказать ему?" подумалъ Чичиковъ и, послѣ минутнаго размышленія, объявилъ, что мертвыя души нужны ему для пріобрѣтенія вѣсу въ обществѣ, что онъ помѣстьевъ большихъ не имѣетъ, такъ до того времени хоть бы[4] какія-нибудь душонки.

„Врешь, врешь!" сказалъ Ноздревъ, не давши окончить: „врешь, братъ!"

Чичиковъ и самъ замѣтилъ, что придумалъ не очень ловко, и предлогъ довольно слабъ. „Ну, такъ я жъ тебѣ скажу прямѣе", сказалъ онъ, поправившись: „только, пожалуста, не проговорись никому. Я задумалъ жениться; но нужно тебѣ знать, что отецъ и мать невѣсты преамбиціонные люди. Такая, право, комиссія! не радъ, что связался: хотятъ непремѣнно, чтобы у жениха было никакъ не меньше трехсотъ душъ, а такъ какъ у меня цѣлыхъ почти полутораста крестьянъ не достаетъ..."

„Ну, врешь! врешь!" закричалъ опять Ноздревъ.

„Ну, вотъ ужъ здѣсь", сказалъ Чичиковъ: „ни вотъ на

столько не солгалъ“, и показалъ большимъ пальцемъ на своемъ мизинцѣ самую маленькую часть.

„Голову ставлю, что врешь!“

„Однакожъ это обидно! Чтò же я такое въ самомъ дѣлѣ? Почему я непремѣнно лгу?“

„Ну, да вѣдь я знаю тебя: вѣдь ты большой мошенникъ — позволь мнѣ это сказать тебѣ по дружбѣ! Ежели бы я былъ твоимъ начальпикомъ, я бы тебя повѣсилъ на первомъ деревѣ“.

Чичиковъ оскорбился такимъ замѣчаніемъ. Уже всякое выраженіе, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благопристойность, было ему непріятно. Онъ даже не любилъ допускать съ собой ни въ какомъ случаѣ фамиліарнаго обращенія, развѣ только если особа была слишкомъ высокаго званія. И потому теперь онъ совершенно обидѣлся.

„Ей Богу, повѣсилъ бы“, повторилъ Ноздревъ: „я тебѣ говорю это откровенно, не съ тѣмъ, чтобы тебя обидѣть, а просто по-дружески говорю“.

„Всему есть границы“, сказалъ Чичиковъ, съ чувствомъ достоинства: „если хочешь пощеголять подобными рѣчами, такъ ступай въ казармы“; — и потомъ присовокупилъ: „не хочешь подарить, такъ продай“.

„Продать! Да вѣдь я знаю тебя, вѣдь ты подлецъ, вѣдь ты дорого не дашь за нихъ?“

„Эхъ! да ты вѣдь тоже хорошъ! Смотри ты! Чтò онѣ у тебя, брилліантовыя, что ли?“

„Ну, такъ и есть. Я ужъ тебя зналъ“.

„Помилуй, братъ, что жъ у тебя за жидовское побужденіе! Ты бы долженъ просто отдать мнѣ ихъ“.

„Ну, послушай: чтобъ доказать тебѣ, что я вовсе не какой-нибудь скалдырникъ, я не возьму за нихъ ничего. Купи у меня жеребца, я тебѣ дамъ ихъ въ придачу“.

„Помилуй, на что жъ мнѣ жеребецъ?“ сказалъ Чичиковъ, изумленный въ самомъ дѣлѣ такимъ предложеніемъ.

„Какъ на что? Да вѣдь я за него заплатилъ десять тысячъ, а тебѣ отдаю за четыре“.

„Да на что мнѣ жеребецъ? Завода я не держу“.

„Да послушай, ты не понимаешь: вѣдь я съ тебя возьму теперь всего только три тысячи, а остальную тысячу ты можешь заплатить мнѣ послѣ“.

„Да не нуженъ мнѣ жеребецъ, Богъ съ нимъ!"

„Ну, купи каурую кобылу".

„И кобылы не нужно".

„За кобылу и за сѣраго коня, котораго ты у меня видѣлъ, возьму я съ тебя только двѣ тысячи".

„Да не нужны мнѣ лошади".

„Ты ихъ продашь: тебѣ на первой ярмаркѣ дадутъ за нихъ втрое больше".

„Такъ лучше жъ ты ихъ самъ продай, когда увѣренъ, что выиграешь втрое".

„Я знаю, что выиграю, да мнѣ хочется, чтобы и ты получилъ выгоду".

Чичиковъ поблагодарилъ за расположеніе и напрямикъ отказался и отъ сѣраго коня, и отъ каурой кобылы.

„Ну, такѣ купи собакъ. Я тебѣ продамъ такую пару, просто — морозъ по кожѣ подираетъ! брудастая съ усами; шерсть стоитъ вверхъ, какъ щетина; бочковатость ребръ уму непостижимая; лапа вся въ комкѣ — земли не задѣнетъ!"

„Да зачѣмъ мнѣ собаки? я не охотникъ".

„Да мнѣ хочется, чтобы у тебя были собаки. Послушай, если ужъ не хочешь собакъ, такъ купи у меня шарманку. Чудная шарманка! Самому, какъ честный человѣкъ, обошлась въ полторы тысячи; тебѣ отдаю за 900 рублей".

„Да зачѣмъ же мнѣ шарманка? Вѣдь я не нѣмецъ, чтобы, тащася съ ней по дорогамъ, выпрашивать деньги".

„Да вѣдь это не такая шарманка, какъ носятъ нѣмцы. Это органъ; посмотри нарочно: вся изъ краснаго дерева. Вотъ я тебѣ покажу ее еще!" Здѣсь Ноздревъ, схвативши за руку Чичикова, сталъ тащить его въ другую комнату, и, какъ тотъ ни упирался ногами въ полъ и ни увѣрялъ, что онъ знаетъ уже, какая шарманка, но долженъ былъ услышать еще разъ, какимъ образомъ поѣхалъ въ походъ Мальбругъ. „Когда ты не хочешь на деньги, такъ вотъ что, слушай: я тебѣ дамъ шарманку и всѣ, сколько ни есть у меня, мертвыя души, а ты мнѣ дай свою бричку и триста рублей придачи".

„Ну, вотъ еще! А я-то въ чемъ поѣду?"

„Я тебѣ дамъ другую бричку. Вотъ пойдемъ въ сарай, я тебѣ покажу ее! Ты ее только перекрасишь, и будетъ чудо-бричка".

„Эхъ его неугомонный бѣсъ какъ обуялъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ и рѣшился, во что бы то ни стало, отдѣлаться отъ всякихъ бричекъ, шарманокъ и всѣхъ возможныхъ собакъ, не смотря на непостижимую уму бочковатость ребръ и комкость лапъ.

„Да вѣдь бричка, шарманка и мертвыя души — все вмѣстѣ“.

„Не хочу!“ сказалъ еще разъ Чичиковъ.

„Отчего жъ ты не хочешь?“

„Оттого, что, просто, не хочу — да и полно“.

„Экой ты, право, такой! Съ тобой, какъ я вижу, нельзя, какъ водится между хорошими друзьями и товарищами... такой, право!... Сейчасъ видно, что двуличный человѣкъ!“

„Да что же я, дуракъ, что ли? Ты посуди самъ: зачѣмъ же пріобрѣтать вещь, рѣшительно для меня ненужную?“

„Ну, ужъ, пожалуста, не говори. Теперь я очень хорошо тебя знаю. Такая, право, ракалія! Ну, послушай: хочешь метнемъ банчикъ? Я поставлю всѣхъ умершихъ на карту, шарманку тоже“.

„Ну, рѣшаться въ банкъ — значитъ подвергаться неизвѣстности“, говорилъ Чичиковъ и между тѣмъ взглянулъ искоса на бывшія въ рукахъ у него карты. Обѣ таліи ему показались очень похожими на искусственныя, и самый крапъ глядѣлъ весьма подозрительно.

„Отчего жъ неизвѣстности?“ сказалъ Ноздревъ. „Никакой неизвѣстности! Будь только на твоей сторонѣ счастіе, ты можешь выиграть чортову пропасть. Вонъ она! Экое счастье!“ говорилъ онъ, начиная метать для возбужденія задору. „Экое счастье! экое счастье! Вонъ: такъ и колотитъ! Вотъ та проклятая девятка, на которой я все просадилъ! Чувствовалъ, что продастъ, да уже, зажмуривъ глаза, думаю себѣ: „чортъ тебя побери, продавай, проклятая!“

Когда Ноздревъ это говорилъ, Порфирій принесъ бутылку. Но Чичиковъ отказался рѣшительно какъ играть, такъ и пить.

„Отчего жъ ты не хочешь играть?“ сказалъ Ноздревъ.

„Ну, оттого, что не расположенъ. Да признаться сказать, я вовсе не охотникъ играть“.

„Отчего жъ не охотникъ?“

Чичиковъ пожалъ плечами и прибавилъ: „Потому что не охотникъ“.

„Дрянь же ты!“

„Чтò жъ дѣлать? такъ Богъ создалъ“.

„Ѳетюкъ, просто! Я думалъ было прежде, что ты хоть сколько нибудь порядочный человѣкъ, а ты никакого не понимаешь обращенія. Съ тобой никакъ нельзя говорить, какъ съ человѣкомъ близкимъ... Никакого прямодушія, ни искренности! Совершенный Собакевичъ, такой подлецъ!“

„Да за что же ты бранишь меня? Виноватъ развѣ я, что не играю? Продай мнѣ душъ однѣхъ, если ужъ ты такой человѣкъ, что дрожишь изъ-за этого вздору“.

„Чорта лысаго получишь! Хотѣлъ было, даромъ хотѣлъ отдать, но теперь вотъ не получишь же! Хоть три царства давай, не отдамъ. Такой шильникъ, печникъ гадкій! Съ этихъ поръ съ тобою никакого дѣла не хочу имѣть. Порфирій, ступай, скажи конюху, чтобы не давалъ овса лошадямъ его, пусть ихъ ѣдятъ одно сѣно“.

Послѣдняго заключенія Чичиковъ никакъ не ожидалъ.

„Лучше бъ ты мнѣ, просто, на глаза не показывался!“ сказалъ Ноздревъ.

Не смотря, однакожъ, на такую размолвку, гость и хозяинъ поужинали вмѣстѣ, хотя на этотъ разъ не стояло на столѣ никакихъ винъ съ затѣйливыми именами. Торчала одна только бутылка съ какимъ-то кипрскимъ, которое было то, чтò называютъ кислятина во всѣхъ отношеніяхъ. Послѣ ужина Ноздревъ сказалъ Чичикову, отведя его въ боковую комнату, гдѣ была приготовлена для него постель: „Вотъ тебѣ постель! Не хочу и доброй ночи желать тебѣ“.

Чичиковъ остался по уходѣ Ноздрева въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. Онъ внутренно досадовалъ на себя, бранилъ себя за то, что къ нему заѣхалъ и потерялъ даромъ время; но еще болѣе бранилъ себя за то, что заговорилъ съ нимъ о дѣлѣ; поступилъ неосторожно, какъ ребенокъ, какъ дуракъ: ибо дѣло совсѣмъ не такого роду, чтобы быть ввѣрену Ноздреву... Ноздревъ — человѣкъ-дрянь, Ноздревъ можетъ наврать, прибавить, распустить, чортъ знаетъ, чтò, выйдутъ еще какія-нибудь сплетни... Не хорошо, не хорошо. Просто, дуракъ я!“ говорилъ онъ самъ себѣ. Ночь спалъ онъ очень дурно. Какія-то маленькія, пребойкія насѣкомыя кусали его нестерпимо больно, такъ что онъ всей горстью скребъ по уязвлен-

ному мѣсту, приговаривая: „А, чтобъ васъ чортъ побралъ вмѣстѣ съ Ноздревымъ!“ Проснулся онъ раннимъ утромъ. Первымъ дѣломъ его было, надѣвши халатъ и сапоги, отправиться чрезъ дворъ въ конюшню, приказать Селифану сей же часъ закладывать бричку. Возвращаясь черезъ дворъ, онъ встрѣтился съ Ноздревымъ, который былъ также въ халатѣ, съ трубкою въ зубахъ.

Ноздревъ привѣтствовалъ его по-дружески и спросилъ, каково ему спалось.

„Такъ себѣ“, отвѣчалъ Чичиковъ весьма сухо.

„А я, братъ“, говорилъ Ноздревъ: „такая мерзость лѣзла всю ночь, что гнусно разсказывать; и во рту послѣ вчерашняго точно[1] эскадронъ переночевалъ. Представь, снилось, что меня высѣкли, ей, ей! И вообрази, кто? Вотъ ни за что не угадаешь: — штабсъ-ротмистръ Поцѣлуевъ вмѣстѣ съ Кувшинниковымъ“.

„Да“, подумалъ про-себя Чичиковъ: „хорошо бы, если бъ тебя отодрали наяву“.

„Ей Богу! Да пребольно! Проснулся, чортъ возьми, въ самомъ дѣлѣ что-то почесывается; вѣрно, вѣдьмы блохи. Ну, ты ступай теперь, одѣвайся; я къ тебѣ сейчасъ приду. Нужно только ругнуть подлеца прикащика“.

Чичиковъ ушелъ въ комнату одѣться и умыться. Когда послѣ того вышелъ онъ въ столовую, тамъ уже стоялъ на столѣ чайный приборъ съ бутылкою рома. Въ комнатѣ были слѣды вчерашняго обѣда и ужина; кажется, половая щетка не притрогивалась вовсе. На полу валялись хлѣбныя крохи, а табачная зола видна даже была на скатерти. Самъ хозяинъ, не замедлившій скоро войти, ничего не имѣлъ у себя подъ халатомъ, кромѣ открытой груди, на которой росла какая-то борода. Держа въ рукѣ чубукъ и прихлебывая изъ чашки, онъ былъ очень хорошъ для живописца, не любящаго страхъ господъ прилизанныхъ и завитыхъ, подобно цирюльнымъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ гребенку.

„Ну, такъ какъ же думаешь?“ сказалъ Ноздревъ, немного помолчавши: „не хочешь играть на души?“

„Я уже сказалъ тебѣ, братъ, что не играю; купить, — изволь, куплю“.

„Продать я не хочу: это будетъ не по-пріятельски. Я не

стану снимать плевы съ чортъ знаетъ чего. Въ банчикъ — другое дѣло. Прокинемъ хоть талію!"

„Я ужъ сказалъ, что нѣтъ".

„А мѣняться не хочешь?"

„Не хочу".

„Ну, послушай: сыграемъ въ шашки; выиграешь — твои всѣ. Вѣдь у меня много такихъ, которыхъ нужно вычеркнуть изъ ревизіи. Эй, Порфирій, принеси-ка сюда шашечницу!"

„Напрасенъ трудъ: я не буду играть".

„Да вѣдь это не въ банкъ; тутъ никакого не можетъ быть счастія или фальши: все вѣдь отъ искусства. Я даже тебя предваряю, что я совсѣмъ не умѣю играть, развѣ что-нибудь мнѣ дашь впередъ".

„Сѣмъ-ка я", — подумалъ про-себя Чичиковъ, — „сыграю съ нимъ въ шашки. Въ шашки игрывалъ я[1] недурно, а на штуки ему здѣсь трудно подняться".

„Изволь, такъ и быть, въ шашки сыграю".

„Души идутъ въ ста рубляхъ!"

„Зачѣмъ же? Довольно, если пойдутъ въ пятидесяти".

„Нѣтъ, что жъ за кушъ пятьдесятъ? Лучше жъ въ эту сумму я включу тебѣ какого-нибудь щенка средней руки или золотую печатку къ часамъ".

„Ну, изволь!" сказалъ Чичиковъ.

„Сколько же ты мнѣ дашь впередъ?" сказалъ Ноздревъ.

„Это съ какой стати? Конечно, ничего".

„По крайней мѣрѣ, пусть будутъ мои два хода".

„Не хочу: я самъ плохо играю".

„Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!" сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

„Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!" говорилъ Чичиковъ, подвигая тоже шашку.

„Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!" сказалъ Ноздревъ, выступая шашкой.

„Давненько не бралъ я въ руки шашекъ!" говорилъ Чичиковъ, подвигая шашку.

„Знаемъ мы васъ, какъ вы плохо играете!" сказалъ Ноздревъ, подвигая шашку, да въ то же самое время подвинулъ обшлагомъ рукава и другую шашку.

„Давненько не бралъ я въ руки!... Э, э! Это, братъ, чтò? отсади-ка ее назадъ!“ говорилъ Чичиковъ.

„Кого?“

„Да шашку-то“, сказалъ Чичиковъ, и въ то же время увидѣлъ почти передъ самымъ носомъ своимъ и другую, которая, какъ казалось, пробиралась въ дамки. Откуда она взялась, это одинъ только Богъ зналъ. „Нѣтъ“, сказалъ Чичиковъ, вставши изъ-за стола: „съ тобой нѣтъ никакой возможности играть. Этакъ не ходятъ — по три шашки вдругъ!“

„Отчего жъ по три? Это по ошибкѣ. Одна подвинулась нечаянно; я ее отодвину, изволь“.

„А другая-то откуда взялась?“

„Какая другая?“

„А вотъ эта, чтò пробирается въ дамки?“

„Вотъ тебѣ на! будто не помнишь!“

„Нѣтъ, братъ, я всѣ ходы считалъ, и все помню; ты ее только теперь пристроилъ. Ей мѣсто вонъ гдѣ!“

„Какъ — гдѣ мѣсто?“ сказалъ Ноздревъ, покраснѣвши: „да ты, братъ, какъ я вижу, сочинитель!“

„Нѣтъ, братъ, это, кажется, ты сочинитель, да только неудачно.“

„За кого-жъ ты меня почитаешь?“ говорилъ Ноздревъ: „стану я развѣ плутовать?“

„Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть съ этихъ поръ никогда не буду“.

„Нѣтъ, ты не можешь отказаться“, говорилъ Ноздревъ, горячась: „игра начата!“

„Я имѣю право отказаться, потому что ты не такъ играешь, какъ прилично честному человѣку“.

„Нѣтъ, врешь, ты этого не можешь сказать!“

„Нѣтъ, братъ, самъ ты врешь!“

„Я не плутовалъ, а ты отказаться не можешь; ты долженъ кончить партію!“

„Этого ты меня не заставишь сдѣлать“, сказалъ Чичиковъ хладнокровно и, подошедши къ доскѣ, смѣшалъ шашки.

Ноздревъ вспыхнулъ и подошелъ къ Чичикову такъ близко, что тотъ отступилъ шага два назадъ.

„Я тебя заставлю играть. Это ничего, что ты смѣшалъ шашки! Я помню всѣ ходы. Мы ихъ поставимъ опять такъ, какъ были“.

„Нѣтъ, братъ, дѣло кончено: я съ тобою не стану играть“.

„Такъ ты не хочешь играть?“

„Ты самъ видишь, что съ тобою нѣтъ возможности играть“.

„Нѣтъ, скажи напрямикъ: ты не хочешь играть?“ говорилъ Ноздревъ, подступая еще ближе.

„Не хочу,“ сказалъ Чичиковъ и поднесъ, однакожъ, обѣ руки на всякій случай поближе къ лицу, ибо дѣло становилось въ самомъ дѣлѣ жарко. Эта предосторожность была весьма у мѣста, потому что Ноздревъ размахнулся рукой… и очень бы могло статься, что одна изъ пріятныхъ и полныхъ щекъ нашего героя покрылась бы несмываемымъ безчестіемъ; но, счастливо отведши ударъ, онъ схватилъ Ноздрева за обѣ задорныя его руки и держалъ его крѣпко.

„Порфирій, Павлушка!“ кричалъ Ноздревъ въ бѣшенствѣ, порываясь вырваться.

Услыша эти слова, Чичиковъ, чтобы не сдѣлать дворовыхъ людей свидѣтелями соблазнительной сцены и вмѣстѣ съ тѣмъ чувствуя, что держать Ноздрева было безполезно, выпустилъ его руки. Въ это самое время вошелъ Порфирій и съ нимъ Павлушка, парень дюжій, съ которымъ имѣть дѣло было совсѣмъ невыгодно.

„Такъ ты не хочешь оканчивать партіи?“ говорилъ Ноздревъ. „Отвѣчай мнѣ напрямикъ!“

„Партіи нѣтъ возможности оканчивать“, говорилъ Чичиковъ, и заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ свою бричку, которая стояла совсѣмъ готовая, а Селифанъ ожидалъ, казалось, мановенія, чтобы подкатить подъ крыльцо; но изъ комнаты не было никакой возможности выбраться: въ дверяхъ стояли два дюжихъ крѣпостныхъ дурака.

„Такъ ты не хочешь доканчивать партіи?“ повторилъ Ноздревъ съ лицомъ, горѣвшимъ какъ въ огнѣ.

„Если бъ ты игралъ, какъ прилично честному человѣку… но теперь не могу“.

„А! такъ ты не можешь, подлецъ! Когда увидѣлъ, что не твоя беретъ, такъ и не можешь! Бейте его!“ кричалъ онъ изступленно, обратившись къ Порфирію и Павлушкѣ, а самъ схватилъ въ руку черешневый чубукъ. Чичиковъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но чувствовалъ, что губы его шевелились безъ звука.

„Бейте его!“ кричалъ Ноздревъ, порываясь впередъ съ черешневымъ чубукомъ, весь въ жару, въ поту, какъ будто подступалъ подъ неприступную крѣпость. — „Бейте его!“ кричалъ онъ такимъ же голосомъ, какъ во время великаго приступа кричитъ своему взводу: „Ребята, впередъ!“ какой-нибудь отчаянный поручикъ, котораго взбалмошная храбрость уже пріобрѣла такую извѣстность, что дается нарочный приказъ держать его за руки во время горячихъ дѣлъ. Но поручикъ уже почувствовалъ бранный задоръ, все пошло кругомъ въ головѣ его; передъ нимъ носится Суворовъ, онъ лѣзетъ на великое дѣло. „Ребята, впередъ!“ кричитъ онъ, порываясь, не помышляя, что вредитъ уже обдуманному плану общаго приступа, что милліоны ружейныхъ дулъ выставились[1] въ амбразуры неприступныхъ, уходящихъ за облака крѣпостныхъ стѣнъ, что взлетитъ, какъ пухъ, на воздухъ его безсильный взводъ, и что уже свищетъ роковая пуля, готовясь захлопнуть его крикливую глотку[2]. Но если Ноздревъ выразилъ собою подступавшаго[3] подъ крѣпость отчаяннаго, потерявшагося поручика, то крѣпость, на которую онъ шелъ, никакъ не была похожа на неприступную. Напротивъ, крѣпость чувствовала такой страхъ, что душа ея спряталась въ самыя пятки. Уже стулъ, которымъ онъ вздумалъ было защищаться, былъ вырванъ крѣпостными людьми изъ рукъ его; уже, зажмуривъ глаза, ни живъ, ни мертвъ, онъ готовился отвѣдать черкесскаго чубука своего хозяина и, Богъ знаетъ, чего бы не случилось съ нимъ; но судьбамъ угодно было спасти бока, плеча и всѣ благовоспитанныя части нашего героя. Неожиданнымъ образомъ звякнули вдругъ, какъ съ облаковъ, задребезжавшіе[4] звуки колокольчика, раздался ясно стукъ колесъ подлетѣвшей къ крыльцу телѣги и отозвались даже въ самой комнатѣ тяжелый храпъ и тяжкая одышка разгоряченныхъ коней остановившейся тройки. Всѣ невольно глянули въ окно: кто-то съ усами, въ полувоенномъ сюртукѣ, вылѣзалъ изъ телѣги. Освѣдомившись въ передней, вошелъ онъ въ ту самую минуту, когда Чичиковъ не успѣлъ еще опомниться отъ своего страха и былъ въ самомъ жалкомъ положеніи, въ какомъ когда-либо находился смертный.

„Позвольте узнать, кто здѣсь г. Ноздревъ?“ сказалъ незнакомецъ, посмотрѣвши въ нѣкоторомъ недоумѣніи на Ноз-

древа, который стоялъ съ чубукомъ въ рукѣ, и на Чичикова, который едва начиналъ[1] оправляться отъ своего невыгоднаго положенія.

„Позвольте прежде узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?“ сказалъ Ноздревъ, подходя къ нему ближе.

„Капитанъ-исправникъ“.

„А что̀ вамъ угодно?“

„Я пріѣхалъ вамъ объявить сообщенное мнѣ извѣщеніе, что вы находитесь подъ судомъ до времени окончанія рѣшенія по вашему дѣлу“.

„Что̀ за вздоръ, по какому дѣлу?“ сказалъ Ноздревъ.

„Вы были замѣшаны въ исторію, по случаю нанесенія помѣщику Максимову личной обиды розгами, въ пьяномъ видѣ“.

„Вы врете! Я и въ глаза не видалъ помѣщика Максимова.“

„Милостивый государь! позвольте вамъ доложить, что я офицеръ. Вы можете это сказать вашему слугѣ, а не мнѣ“.

Здѣсь Чичиковъ, не дожидаясь, что̀ будетъ отвѣчать на это Ноздревъ, скорѣе за шапку, да по-за спиною капитана-исправника выскользнулъ на крыльцо, сѣлъ въ бричку и велѣлъ Селифану погонять лошадей во весь духъ.

ГЛАВА V.

Герой нашъ трухнулъ, однакожъ, порядкомъ. Хотя бричка мчалась во всю пропалую, и деревня Ноздрева давно унеслась изъ вида, закрывшись полями, отлогостями и пригорками; но онъ все еще поглядывалъ назадъ со страхомъ, какъ бы ожидая, что вотъ-вотъ налетитъ погоня. Дыханіе его переводилось съ трудомъ, и когда онъ попробовалъ приложить руку къ сердцу, то почувствовалъ, что оно билось, какъ перепелка въ клѣткѣ. „Экъ, какую баню задалъ! Смотри ты, какой!“ Тутъ много было посулено Ноздреву всякихъ нелегкихъ и сильныхъ желаній; попались даже и нехорошія слова. Что̀ жъ дѣлать? Русскій человѣкъ, да еще и въ сердцахъ! Къ тому жъ дѣло было совсѣмъ нешуточное. „Что ни говори“, сказалъ онъ самъ въ себѣ: „а не подоспѣй капитанъ-исправникъ, мнѣ бы, можетъ быть, не далось[2] болѣе и на свѣтъ божій взглянуть!

Пропалъ бы, какъ волдырь на водѣ, безъ всякаго слѣда, не оставивши потомковъ, не доставивъ будущимъ дѣтямъ ни состоянія, ни честнаго имени!" Герой нашъ очень заботился о своихъ потомкахъ.

„Экой скверный баринъ!" думалъ про себя Селифанъ: „я еще не видалъ такого барина. То есть, плюнуть бы ему за это! Ты лучше человѣку не дай ѣсть, а коня ты долженъ накормить, потому что конь любитъ овесъ. Это его продовольство: что̀, примѣромъ, намъ коштъ, то для него овесъ: онъ его продовольство".

Кони тоже, казалось, думали невыгодно объ Ноздревѣ: не только гнѣдой и Засѣдатель, но и самъ чубарый былъ не въ духѣ. Хотя ему на часть и доставался всегда овесъ похуже, и Селифанъ не иначе всыпа̀лъ ему въ корыто, какъ сказавши прежде: „Эхъ ты, подлецъ!" но, однакожъ, это все таки былъ овесъ, а не простое сѣно: онъ жевалъ его съ удовольствіемъ и часто засовывалъ длинную морду свою въ корытца[1] къ товарищамъ, поотвѣдать, какое у нихъ было продовольствіе, особливо когда Селифана не было въ конюшнѣ; но теперь одно сѣно, — не хорошо! Всѣ были недовольны.

Но скоро всѣ недовольные были прерваны, среди изліяній своихъ, внезапнымъ и совсѣмъ неожиданнымъ образомъ. Всѣ, не исключая и самого кучера, опомнились и очнулись только тогда, когда на нихъ наскакала коляска съ шестерикомъ коней[2] и почти надъ головами ихъ раздалися[3] крикъ сидѣвшихъ въ коляскѣ дамъ, брань и угрозы чужаго кучера: „Ахъ ты мошенникъ эдакой! Вѣдь я тебѣ кричалъ въ голосъ: „сворачивай, во̀рона, направо!" — Пьянъ ты, что-ли?" Селифанъ почувствовалъ свою оплошность, но такъ какъ русскій человѣкъ не любитъ сознаться передъ другимъ, что онъ виноватъ, то тутъ же вымолвилъ онъ, пріосанясь: „А ты что такъ разскакался? Глаза-то свои въ кабакѣ заложилъ, что ли?" Вслѣдъ за симъ онъ принялся отсаживать назадъ бричку, чтобы высвободиться такимъ образомъ изъ чужой упряжи, но не тутъ-то было, — все перепуталось. Чубарый съ любопытствомъ обнюхивалъ новыхъ своихъ пріятелей, которые очутились по обѣимъ сторонамъ его. Между тѣмъ сидѣвшія въ коляскѣ дамы глядѣли на все это съ выраженіемъ страха въ лицахъ. Одна была старуха, другая молоденькая, шестнадцатилѣтняя, съ золоти-

стыми волосами, весьма ловко и мило приглаженными на небольшой головкѣ. Хорошенькій оваль лица ея круглился, какъ свѣженькое яичко, и, подобно ему, бѣлѣлъ какою-то прозрачною бѣлизною, когда свѣжее, только-что снесенное, оно держится противъ свѣта въ смуглыхъ рукахъ испытующей его ключницы и пропускаетъ сквозь себя лучи сіяющаго солнца: ея тоненькія ушки также сквозили, рдѣя проникавшимъ ихъ теплымъ свѣтомъ. При этомъ испугъ въ открытыхъ, остановившихся устахъ, на глазахъ слезы — все это въ ней было такъ мило, что герой нашъ глядѣлъ на нее нѣсколько минутъ, не обращая никакого вниманія на происшедшую кутерьму между лошадьми и кучерами. „Отсаживай, что ли, нижегородская ворона!“ кричалъ чужой кучеръ. Селифанъ потянулъ поводья назадъ, чужой кучеръ сдѣлалъ то же, лошади нѣсколько попятились назадъ и потомъ опять сшиблись, переступивши постромки. При этомъ обстоятельствѣ чубарому коню такъ понравилось новое знакомство, что онъ никакъ не хотѣлъ выходить изъ колеи, въ которую попалъ непредвидѣнными судьбами, и, положивши свою морду на шею своего новаго пріятеля, казалось, что-то нашептывалъ ему въ самое ухо, вѣроятно, чепуху страшную, потому что пріѣзжій безпрестанно встряхивалъ ушами.

На такую сумятицу успѣли, однакожъ, собраться мужики изъ деревни, которая была, къ счастію, неподалеку. Такъ какъ подобное зрѣлище для мужика — сущая благодать, все равно, что для нѣмца газеты или клубъ, то скоро около экипажа накопилась ихъ бездна, и въ деревнѣ остались только старыя бабы да малые ребята. Постромки отвязали; нѣсколько тычковъ чубарому коню въ морду заставили его попятиться; словомъ, ихъ разрознили и развели. Но досада ли, которую почувствовали пріѣзжіе кони за то, что разлучили ихъ съ пріятелями, или, просто, дурь, — только, сколько ни хлысталъ ихъ кучеръ, они не двигались и стояли, какъ вкопанные. Участіе мужиковъ возрасло до невѣроятной степени. Каждый наперерывъ совался съ совѣтомъ: „Ступай, Андрюшка, проведи-ка ты пристяжнаго, что съ правой стороны, а дядя Митяй пусть сядетъ верхомъ на кореннаго! Садись, дядя Митяй!“ Сухощавый и длинный дядя Митяй, съ рыжей бородой, взобрался на кореннаго коня и сдѣлался похожимъ на деревенскую ко-

локольню или, лучше, на крючокъ, которымъ достаютъ воду въ колодцахъ. Кучеръ ударилъ по лошадямъ, но не тутъ-то было: ничего не пособилъ дядя Митяй. „Стой, стой!“ кричали мужики: „садись-ка, ты, дядя Митяй, на пристяжную, а на коренную пусть сядетъ дядя Миняй!“ Дядя Миняй, широкоплечій мужикъ, съ черною какъ уголь бородою, и брюхомъ, похожимъ на тотъ исполинскій самоваръ, въ которомъ варится сбитень для всего прозябнувшаго рынка, съ охотою сѣлъ на кореннаго, который чуть не пригнулся подъ нимъ до земли. „Теперь дѣло пойдетъ“, кричали мужики. „Накаливай, накаливай его! Пришпандорь кнутомъ вонъ того, соловаго[1], — что онъ корячится, какъ корамора?“ * Но, увидѣвши, что дѣло не шло, и не помогло никакое накаливанье, дядя Митяй и[2] дядя Миняй сѣли оба на кореннаго, а на пристяжнаго посадили Андрюшку. Наконецъ кучеръ, потерявши терпѣніе, прогналъ и дядю Митяя, и дядю Миняя; и хорошо сдѣлалъ, потому что отъ лошадей пошелъ такой паръ, какъ будто бы онѣ отхватали, не переводя духа, станцію. Онъ далъ имъ минуту отдохнуть, послѣ чего онѣ пошли сами собою. Во все продолженіе этой продѣлки Чичиковъ глядѣлъ очень внимательно на молоденькую незнакомку. Онъ пытался нѣсколько разъ съ нею заговорить, но какъ-то не пришлось такъ. А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка, съ тоненькими чертами лица и тоненькимъ станомъ, скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась — дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ бы ни было, въ жизни, среди ли черствыхъ, шероховато-бѣдныхъ и неопрятно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ, — вездѣ, хоть разъ, встрѣтится на пути человѣку явленье, не похожее на все то, что̀ случалось ему видѣть дотолѣ, которое, хоть разъ, пробудитъ въ немъ чувство, не похожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалямъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело

* *Корамора* — большой, длинный, вялый комаръ; иногда залетаетъ онъ въ комнату и торчитъ гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ[3]. Къ нему спокойно можно подойти и ухватить его за ногу, въ отвѣтъ на что онъ только топырится[4], или корячится, какъ говоритъ народъ.

промчится блистающая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не видавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая, съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже, вдругъ, совершенно неожиданнымъ образомъ, показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась. Попадись на ту пору вмѣсто Чичикова какой-нибудь двадцатилѣтній юноша — гусаръ ли онъ, студентъ ли онъ, или, просто, только-что начавшій жизненное поприще — и, Боже! чего бы не проснулось, не зашевелилось, не заговорило въ немъ! Долго бы стоялъ онъ безчувственно на одномъ мѣстѣ, вперивши безсмысленно очи въ даль, позабывъ и дорогу, и всѣ ожидающіе впереди выговоры и распеканья за промедленіе, позабывъ[1] и себя, и службу, и міръ, и все, что̀ ни есть въ мірѣ[2].

Но герой нашъ уже былъ среднихъ лѣтъ и осмотрительно-охлажденнаго характера. Онъ тоже задумался и думалъ, но положительнѣе: не такъ безотчетны и даже отчасти очень основательны были его мысли. „Славная бабёшка!" сказалъ онъ, открывши табакерку и понюхавши табаку. „Но вѣдь что̀, главное, въ ней хорошо? — Хорошо то, что она сейчасъ только, какъ видно, выпущена изъ какого-нибудь пансіона или института; что въ ней, какъ говорится, нѣтъ еще ничего бабьяго, то есть именно того, что у нихъ есть самаго непріятнаго. Она теперь, какъ дитя; все въ ней просто: она скажетъ, что̀ ей вздумается, засмѣется, гдѣ захочетъ засмѣяться. Изъ нея все можно сдѣлать, она можетъ быть чудо, а можетъ выдти и дрянь, — и выйдетъ дрянь! Вотъ пусть-ка только за нее примутся теперь маменьки и тетушки. Въ одинъ годъ такъ ее наполнятъ всякимъ бабьемъ, что самъ родной отецъ не узнаетъ. Откуда возьмется и надутость, и чопорность; станетъ ворочаться по вытверженнымъ наставленіямъ, станетъ ломать голову и придумывать, съ кѣмъ и[3] какъ, и сколько нужно говорить, какъ на кого смотрѣть; всякую минуту будетъ бояться, чтобы не сказать больше, чѣмъ нужно; запутается наконецъ сама, и кончится тѣмъ, что станетъ наконецъ врать всю жизнь, и выйдетъ, просто, чортъ знаетъ

что!“ Здѣсь онъ нѣсколько времени помолчалъ и потомъ прибавилъ: „А любопытно бы знать, чьихъ она? чтò, какъ ея отецъ? богатый ли помѣщикъ почтеннаго нрава или, просто, благомыслящій человѣкъ, съ капиталомъ, пріобрѣтеннымъ на службѣ? Вѣдь, если, положимъ, этой дѣвушкѣ да придать тысячонокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выдти очень, очень лакомый кусочекъ. Это бы могло составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка“. Двѣсти тысячонокъ такъ привлекательно стали рисоваться[1] въ головѣ его, что онъ внутренно началъ досадовать на самого себя, зачѣмъ, въ продолженіи хлопотни около экипажей, не развѣдалъ отъ форейтора или кучера, кто такія были проѣзжающія. Скоро, однакожъ, показавшаяся деревня Собакевича разсѣяла его мысли и заставила ихъ обратиться къ своему постоянному предмету.

Деревня показалась ему довольно велика; два лѣса, березовый и сосновый, какъ два крыла — одно темнѣе[2], другое свѣтлѣе, были у ней справа и слѣва; посреди виднѣлся деревянный домъ съ мезониномъ, красной крышей и темно-сѣрыми или, лучше, дикими стѣнами, — домъ въ родѣ тѣхъ, какіе[3] у насъ строятъ для военныхъ поселеній и нѣмецкихъ колонистовъ. Было замѣтно, что при постройкѣ его зодчій безпрестанно боролся со вкусомъ хозяина. Зодчій былъ педантъ и хотѣлъ симметріи, хозяинъ—удобства и, какъ видно, вслѣдствіе того, заколотилъ на одной сторонѣ всѣ отвѣчающія окна и провертѣлъ на мѣсто ихъ одно маленькое, вѣроятно, понадобившееся для темнаго чулана. Фронтонъ тоже никакъ не пришелся посреди дома, какъ ни бился архитекторъ, потому что хозяинъ приказалъ одну колонну съ боку выкинуть, и оттого очутилось не четыре колонны, какъ было назначено, а только три[4]. Дворъ окруженъ былъ крѣпкою и непомѣрно толстою деревянною рѣшеткой. Помѣщикъ, казалось, хлопоталъ много о прочности. На конюшни, сараи и кухни были употреблены полновѣсныя и толстыя бревна, опредѣленныя на вѣковое стояніе. Деревенскія избы мужиковъ тожъ срублены были на диво: не было кирченыхъ стѣнъ, рѣзныхъ узоровъ и прочихъ затѣй, но все было пригнано плотно и какъ слѣдуетъ. Даже колодецъ былъ обдѣланъ въ такой крѣпкій дубъ, какой идетъ только на мельницы да на корабли. Словомъ, все, на что ни глядѣлъ онъ, было упористо, безъ пошатки, въ какомъ-то

крѣпкомъ и неуклюжемъ порядкѣ. Подъѣзжая къ крыльцу, замѣтилъ онъ выглянувшія изъ окна, почти въ одно время, два лица: женское въ чепцѣ, узкое, длинное, какъ огурецъ, и мужское круглое, широкое, какъ молдаванскія тыквы, называемыя горлянками, изъ которыхъ дѣлаютъ на Руси балалайки, двухструнныя, легкія балалайки, красу и потѣху ухватливаго двадцатилѣтняго парня, мигача и щеголя, и подмигивающаго, и посвистывающаго[1] на бѣлогрудыхъ и бѣлошейныхъ дѣвицъ, собравшихся послушать его тихострунннаго треньканья. Выглянувши, оба лица въ ту же минуту спрятались. На крыльцо вышелъ лакей, въ сѣрой курткѣ съ голубымъ стоячимъ воротникомъ, и ввелъ Чичикова въ сѣни, куда вышелъ уже самъ хозяинъ. Увидѣвъ гостя, онъ сказалъ отрывисто: „Прошу!“ и повелъ его[2] во внутреннія жилья.

Когда Чичиковъ взглянулъ искоса на Собакевича, онъ ему на этотъ разъ показался весьма похожимъ на средней величины медвѣдя. Для довершенія сходства, фракъ на немъ былъ совершенно медвѣжьяго цвѣта, рукава длинны, панталоны длинны, ступнями ступалъ онъ и вкривь, и вкось и наступалъ безпрестанно на чужія[3] ноги. Цвѣтъ лица имѣлъ каленый, горячій, какой бываетъ на мѣдномъ пятакѣ. Извѣстно, что есть много на свѣтѣ такихъ лицъ, надъ отдѣлкою которыхъ натура не долго мудрила, не употребляла никакихъ мелкихъ инструментовъ, какъ-то: напильниковъ, буравчиковъ и прочаго, но просто рубила со всего плеча: хватила топоромъ разъ — вышелъ носъ, хватила въ другой — вышли губы, большимъ сверломъ ковырнула глаза и, не обскобливши, пустила на свѣтъ, сказавши: „живетъ!“ Такой же самый крѣпкій и на диво стаченный образъ былъ у Собакевича: держалъ онъ его болѣе внизъ, чѣмъ вверхъ, шеей не ворочалъ вовсе и, въ силу такого неповорота, рѣдко глядѣлъ на того, съ которымъ говорилъ, но всегда или на уголъ печки, или на дверь. Чичиковъ еще разъ взглянулъ на него искоса, когда проходили они столовую: медвѣдь! совершенный медвѣдь! Нужно же такое странное сближеніе: его даже звали Михайломъ Семеновичемъ. Зная привычку его наступать на ноги, онъ очень осторожно передвигалъ своими и давалъ ему дорогу впередъ. Хозяинъ, казалось, самъ чувствовалъ за собою этотъ грѣхъ и тотъ же часъ спросилъ: „Не побезпокоилъ ли я васъ?“ Но

Чичиковъ поблагодарилъ, сказавъ, что еще не произошло никакого безпокойства.

Вошедъ въ гостиную, Собакевичъ показалъ на кресла, сказавши опять: „прошу!“ Садясь, Чичиковъ взглянулъ на стѣны и на висѣвшія на нихъ картины. На картинахъ все были молодцы, все греческіе полководцы, гравированные во весь ростъ: Маврокордато въ красныхъ панталонахъ и мундирѣ, съ очками на носу, Міаули, Канари. Всѣ эти герои были съ такими толстыми ляшками и неслыханными усами, что дрожь проходила по тѣлу. Между крѣпкими греками, неизвѣстно, какимъ образомъ и для чего, помѣстился Багратіонъ, тощій, худенькій, съ маленькими знаменами и пушками внизу и въ самыхъ узенькихъ рамкахъ. Потомъ опять слѣдовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тѣхъ щеголей, которые наполняютъ[1] нынѣшнія гостиныя. Хозяинъ будучи самъ человѣкъ здоровый и крѣпкій, казалось, хотѣлъ, чтобы и комнату его украшали тоже люди крѣпкіе и здоровые. Возлѣ Бобелины, у самаго окна, висѣла клѣтка, изъ которой глядѣлъ дроздъ темнаго цвѣта съ бѣлыми крапинками, очень похожій тоже на Собакевича. Гость и хозяинъ не успѣли помолчать двухъ минутъ, какъ дверь въ гостиной отворилась и вошла хозяйка, дама весьма высокая, въ чепцѣ съ лентами, перекрашенными домашнею краскою. Вошла она степенно, держа голову прямо, какъ пальма.

„Это моя Ѳеодулія Ивановна“, сказалъ Собакевичъ.

Чичиковъ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны, которую она почти впихнула ему въ губы, при чемъ онъ имѣлъ случай замѣтить, что руки были вымыты огуречнымъ разсоломъ.

„Душенька, рекомендую тебѣ“, продолжалъ Собакевичъ:— „Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! У губернатора и почтмейстера имѣлъ честь познакомиться“.

Ѳеодулія Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: „Прошу!“ и сдѣлавъ движеніе головою, подобно актрисамъ, представляющимъ королевъ. Затѣмъ она усѣлась на диванѣ, накрылась своимъ мериносовымъ платкомъ и уже не двигнула болѣе ни глазомъ, ни бровью.

Чичиковъ опять поднялъ глаза вверхъ и опять увидѣлъ Канари съ толстыми ляшками и нескончаемыми усами, Бобелину и дрозда въ клѣткѣ.

Почти въ теченіи цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый[1] носомъ дрозда о дерево деревянной клѣтки, на днѣ которой удилъ онъ хлѣбныя зернышки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату и все, что̀ въ ней ни было: все было прочно, неуклюже въ высочайшей степени и имѣло какое-то странное сходство съ самимъ хозяиномъ дома. Въ углу гостиной стояло пузатое орѣховое бюро на пренелѣпыхъ четырехъ ногахъ — совершенный медвѣдь. Столъ, креслы, стулья — все было самаго тяжелаго и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ, казалось, говорилъ: „И я тоже Собакевичъ!" или: „И я тоже очень похожъ на Собакевича!"

„Мы объ васъ вспоминали у предсѣдателя палаты, у Ивана Григорьевича", сказалъ, наконецъ, Чичиковъ, видя, что никто не располагается начинать разговора: „въ прошедшій четвергъ. Очень пріятно провели тамъ время"[2].

„Да, я не былъ тогда у предсѣдателя", отвѣчалъ Собакевичъ.

„А прекрасный человѣкъ!"

„Кто такой?" сказалъ Собакевичъ, глядя на уголъ печи.

„Предсѣдатель".

„Ну, можетъ быть, это вамъ такъ показалось: онъ только что массонъ, а такой дуракъ, какого свѣтъ не производилъ".

Чичиковъ немного озадачился такимъ, отчасти рѣзкимъ, опредѣленіемъ, но потомъ, поправившись, продолжалъ: „Конечно, всякій человѣкъ не безъ слабостей, но за то губернаторъ — какой превосходный человѣкъ!"

„Губернаторъ превосходный человѣкъ?"

„Да, не правда ли?"

„Первый разбойникъ въ мірѣ!"

„Какъ, губернаторъ разбойникъ!" сказалъ Чичиковъ, и совершенно не могъ понять, какъ губернаторъ могъ попасть въ разбойники. „Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ", продолжалъ онъ[3]. „Но позвольте, однакоже, замѣтить[4]: поступки его совершенно не такіе; напротивъ, скорѣе даже мягкости въ немъ много". Тутъ онъ привелъ въ доказательство даже кошельки, вышитые его собственными руками, и отозвался съ похвалою объ ласковомъ выраженіи лица его.

„И лицо разбойничье!" сказалъ Собакевичъ. „Дайте ему только ножъ, да выпустите его на большую дорогу, — зарѣжетъ,

за копѣйку зарѣжетъ! Онъ да еще вице-губернаторъ — это Гога и Магога".

„Нѣтъ, онъ съ ними не въ ладахъ", подумалъ про себя Чичиковъ. „А вотъ заговорю я съ нимъ объ полицеймейстерѣ: онъ, кажется, другъ его". — „Впрочемъ, что до меня", сказалъ онъ: „мнѣ, признаюсь, болѣе всѣхъ нравится полицеймейстеръ. Какой-то этакой характеръ прямой, открытый; въ лицѣ видно что-то простосердечное".

„Мошенникъ!" сказалъ Собакевичъ очень хладнокровно: „продастъ, обманетъ, еще и пообѣдаетъ съ вами. Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники; весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ — прокуроръ, да и тотъ, если сказать правду, свинья".

Послѣ такихъ похвальныхъ, хотя нѣсколько краткихъ біографій, Чичиковъ увидѣлъ, что о другихъ чиновникахъ нечего упоминать, и вспомнилъ, что Собакевичъ не любилъ ни о комъ хорошо отзываться.

„Что жъ, душенька, пойдемъ обѣдать", сказала Собакевичу его супруга.

„Прошу!" сказалъ Собакевичъ. За симъ, подошедши къ столу, гдѣ была закуска, гость и хозяинъ выпили, какъ слѣдуетъ, по рюмкѣ водки; закусили, какъ закусываетъ вся пространная Россія по городамъ и деревнямъ, то есть, всякими соленостями и иными возбуждающими благодатями, и потекли всѣ въ столовую; впереди ихъ, какъ плавный гусь, понеслась хозяйка. Небольшой столъ былъ накрытъ на четыре прибора. На четвертое мѣсто явилась очень скоро — трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или дѣвица, родственница, домоводка, или, просто, проживающая въ домѣ, — что-то безъ чепца, около тридцати лѣтъ, въ пестромъ платкѣ. Есть лица, которыя существуютъ на свѣтѣ не какъ предметъ, а какъ постороннія крапинки или пятнышки на предметѣ. Сидятъ они на томъ же мѣстѣ, одинаково держатъ голову, ихъ почти готовъ принять за мебель и думаешь, что отъ роду еще не выходило слово изъ такихъ устъ; а гдѣ-нибудь въ дѣвичьей или въ кладовой окажется просто — ого-го!

„Щи, моя душа, сегодня очень хороши," сказалъ Собакевичъ, хлебнувши щей и отваливши себѣ съ блюда огромный

кусокъ няни, извѣстнаго блюда, которое подается къ щамъ и состоитъ изъ бараньяго желудка, начиненнаго гречневой кашей, мозгомъ и ножками. „Эдакой няни“, — продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову, — „вы не будете ѣсть въ городѣ: тамъ вамъ чортъ знаетъ чтò подадутъ!“

„У губернатора, однакожъ, недуренъ столъ“, сказалъ Чичиковъ.

„Да знаете ли, изъ чего это все готовится? Вы ѣсть не станете, когда узнаете“.

„Не знаю, какъ приготовляется, объ этомъ я не могу судить; но свиныя котлеты и разварная рыба были превосходны“.

„Это вамъ такъ показалось. Вѣдь я знаю, чтò они на рынкѣ покупаютъ. Купитъ вонъ тотъ каналья поваръ, чтò выучился у француза, кота, обдеретъ его да и подаетъ на столъ вмѣсто зайца“.

„Фу, какую ты непріятность говоришь!“ сказала супруга Собакевича.

„А чтò жъ, душенька! такъ у нихъ дѣлается; я не виноватъ, такъ у нихъ у всѣхъ дѣлается. Все, чтò ни есть ненужнаго, чтò Акулька у насъ бросаетъ, съ позволенія сказать, въ помойную лохапь, они его въ супъ, да въ супъ! туда его!“

„Ты за столомъ всегда эдакое разскажешь“, возразила опять супруга Собакевича.

„Что жъ, душа моя,“ сказалъ Собакевичъ: „если бъ я самъ это дѣлалъ, но я тебѣ прямо въ глаза скажу, что я гадостей не стану ѣсть. Мнѣ лягушку хоть сахаромъ облѣпи, не возьму ея въ ротъ, и устрицы тоже не возьму: я знаю, на чтò устрица похожа. Возьмите барана“, продолжалъ онъ, обращаясь къ Чичикову: „это бараній бокъ съ кашей. Это не тѣ фрикасе, чтò дѣлаются на барскихъ кухняхъ изъ баранины, какая сутокъ по четыре на рынкѣ валяется. Это все выдумали[1] доктора нѣмцы да французы; я бы ихъ перевѣшалъ за это. Выдумали діэту — лѣчить голодомъ! Что у нихъ нѣмецкая жидкокостная[2] натура, такъ они воображаютъ, что и съ русскимъ желудкомъ сладятъ! Нѣтъ, это все не то, это все выдумки, это все...“ Здѣсь Собакевичъ даже сердито покачалъ головою. „Толкуютъ — просвѣщенье, просвѣщенье, а это просвѣщенье... фукъ! Сказалъ бы и другое слово, да вотъ только что за столомъ неприлично.

У меня не такъ. У меня, когда свинина — всю свинью давай на столъ, баранина — всего барана тащи, гусь — всего гуся! Лучше я съѣмъ двухъ блюдъ, да съѣмъ въ мѣру, какъ душа требуетъ". Собакевичъ подтвердилъ это дѣломъ: онъ опрокинулъ половину бараньяго бока къ себѣ на тарелку, съѣлъ все, обгрызъ, обсосалъ до послѣдней косточки.

„Да", — подумалъ Чичиковъ, — „у этого губа не дура".

„У меня не такъ", говорилъ Собакевичъ, вытирая салфеткою руки: „у меня не такъ, какъ у какого-нибудь Плюшкина: 800 душъ имѣетъ, а живетъ и обѣдаетъ хуже моего пастуха."

„Кто такой этотъ Плюшкинъ?" спросилъ Чичиковъ.

„Мошенникъ", отвѣчалъ Собакевичъ. „Такой скряга, какого вообразить трудно. Въ тюрьмѣ колодники лучше живутъ, чѣмъ онъ: всѣхъ людей переморилъ голодомъ".

„Вправду?" подхватилъ съ участіемъ Чичиковъ: „и вы говорите, что у него, точно, люди умираютъ въ большомъ количествѣ?"

„Какъ мухи мрутъ".

„Неужели, какъ мухи? А позвольте спросить: какъ далеко живетъ онъ отъ васъ?"

„Въ пяти верстахъ".

„Въ пяти верстахъ!" воскликнулъ Чичиковъ и даже почувствовалъ небольшое сердечное біеніе. „Но если выѣхать изъ вашихъ воротъ, это будетъ направо или налѣво?"

„Я вамъ даже не совѣтую дороги знать къ этой собакѣ!" сказалъ Собакевичъ. „Извинительнѣй сходить въ какое-нибудь непристойное мѣсто, чѣмъ къ нему".

„Нѣтъ, я спросилъ не для какихъ-либо... а потому только, что интересуюсь познаніемъ всякаго рода мѣстъ", отвѣчалъ на это Чичиковъ.

За бараньимъ бокомъ послѣдовали ватрушки, изъ которыхъ каждая была гораздо больше тарелки, потомъ индюкъ ростомъ въ теленка, набитый всякимъ добромъ: яицами, рисомъ, печенками и нивѣсть чѣмъ, что̀ все ложилось комомъ въ желудкѣ. Этимъ обѣдъ и кончился; но, когда встали изъ-за стола, Чичиковъ почувствовалъ въ себѣ тяжести на цѣлый пудъ больше. Пошли въ гостиную, гдѣ уже очутилось на блюдечкѣ варенье, — ни груша, ни слива, ни иная ягода, — до котораго, впрочемъ, не дотронулись ни гость, ни хозяинъ. Хозяйка вышла

съ тѣмъ, чтобы накласть его и на другія блюдечки. Воспользовавшись ея отсутствіемъ, Чичиковъ обратился къ Собакевичу, который, лежа въ креслахъ, только покряхтывалъ послѣ такого сытнаго обѣда и издавалъ ртомъ какіе-то невнятные звуки, крестясь и закрывая поминутно его рукою. Чичиковъ обратился къ нему съ такими словами: „Я хотѣлъ было поговорить съ вами объ одномъ дѣльцѣ“.

„Вотъ еще варенье“, сказала хозяйка, возвращаясь съ блюдечкомъ: „рѣдька, вареная въ меду!“

„А вотъ мы его послѣ!“ сказалъ Собакевичъ. „Ты ступай теперь въ свою комнату, мы съ Павломъ Ивановичемъ скинемъ фраки, маленько пріотдохнемъ!“

Хозяйка уже изъявила было готовность послать за пуховиками и подушками, но хозяинъ сказалъ: „Ничего, мы отдохнемъ въ креслахъ“, и хозяйка ушла.

Собакевичъ слегка принагнулъ голову, приготовляясь слышать, въ чемъ было дѣльцо.

Чичиковъ началъ какъ-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русскаго государства и отозвался съ большою похвалою объ его пространствѣ, сказалъ, что даже самая древняя римская монархія не была такъ велика, и иностранцы справедливо удивляются... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что по существующимъ положеніямъ этого государства, въ славѣ которому нѣтъ равнаго, ревизскія души, окончивши жизненное поприще, числятся, однакожъ, до подачи новой ревизской сказки, наравнѣ съ живыми[1], чтобъ такимъ образомъ не обременить присутственныя мѣста множествомъ мелочныхъ и безполезныхъ справокъ и не увеличить сложность, и безъ того уже весьма сложнаго, государственнаго механизма... (Собакевичъ все слушалъ, наклонивши голову) и что однакоже, при всей справедливости этой мѣры, она бываетъ отчасти тягостна для многихъ владѣльцевъ, обязывая ихъ вносить подати такъ, какъ бы за живой предметъ, и что онъ, чувствуя уваженіе личное къ нему, готовъ бы даже отчасти принять на себя эту дѣйствительно тяжелую обязанность. Насчетъ главнаго предмета Чичиковъ выразился очень осторожно: никакъ не назвалъ души умершими, а только — несуществующими.

Собакевичъ слушалъ все попрежнему[2], нагнувши голову, и хоть бы что-нибудь, похожее на выраженіе, показалось на лицѣ

его. Казалось, въ этомъ тѣлѣ совсѣмъ не было души, или она у него была, но[1] вовсе не тамъ, гдѣ слѣдуетъ, а, какъ у безсмертнаго Кощея, гдѣ-то за горами и закрыта такою толстою скорлупою, что все, что ни ворочалось на днѣ ея, не производило рѣшительно никакого потрясенія на поверхности.

„Итакъ?...“ сказалъ Чичиковъ, ожидая, не безъ нѣкотораго волненія, отвѣта.

„Вамъ нужно мертвыхъ душъ?“ спросилъ Собакевичъ очень просто, безъ малѣйшаго удивленія, какъ бы рѣчь шла о хлѣбѣ.

„Да“, отвѣчалъ Чичиковъ и опять смягчилъ выраженіе, прибавивши: „несуществующихъ“.

„Найдутся; почему не быть....“ сказалъ Собакевичъ.

„А если найдутся, то вамъ, безъ сомнѣнія... будетъ пріятно отъ нихъ избавиться?“

„Извольте, я готовъ продать“, сказалъ Собакевичъ, уже нѣсколько приподнявши голову и смекнувши, что покупщикъ, вѣрно, долженъ имѣть здѣсь какую-нибудь выгоду.

„Чортъ возьми!“ подумалъ Чичиковъ про себя: „этотъ ужъ продаетъ прежде, чѣмъ я заикнулся!“ И проговорилъ вслухъ: „А, напримѣръ, какъ же цѣна? хотя, впрочемъ, это такой предметъ... что о цѣнѣ даже странно...“

„Да чтобы не запрашивать съ васъ лишняго, по сту рублей за штуку“, сказалъ Собакевичъ.

„По сту!“ вскричалъ Чичиковъ, разинувъ ротъ и поглядѣвши ему въ самые глаза, не зная, самъ ли онъ ослышался, или языкъ Собакевича, по своей тяжелой натурѣ, не такъ поворотившись, брякнулъ, вмѣсто одного, другое слово.

„Что жъ, развѣ это для васъ дорого?“ произнесъ Собакевичъ, и потомъ прибавилъ: „А какая бы, однакожъ, ваша цѣна?“

„Моя цѣна! Мы, вѣрно, какъ-нибудь ошиблись или не понимаемъ другъ друга, позабыли[2], въ чемъ состоитъ предметъ. Я полагаю съ своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривенъ за душу — это самая красная цѣна!“

„Экъ куда хватили — по восьми гривенокъ!“

„Что жъ, по моему сужденію, какъ я думаю, больше нельзя“.

„Вѣдь я продаю не лапти“.

„Однакожъ, согласитесь сами, вѣдь это тоже и не люди“.

„Такъ вы думаете, сыщете такого дурака, который бы вамъ продалъ по двугривенному ревизскую душу?“

„Но позвольте: зачѣмъ вы ихъ называете ревизскими? Вѣдь души-то самыя давно уже умерли, остался одинъ неосязаемый чувствами звукъ. Впрочемъ, чтобы не входить въ дальнѣйшіе разговоры по этой части, по полтора рубли, извольте, дамъ, а больше не могу“.

„Стыдно вамъ и говорить такую сумму! Вы торгуйтесь[1], говорите настоящую цѣну!“

„Не могу, Михаилъ Семеновичъ; повѣрьте моей совѣсти, не могу: чего ужъ невозможно сдѣлать, того никакъ[2] невозможно сдѣлать“, говорилъ Чичиковъ, однакожъ по полтинкѣ еще прибавилъ.

„Да чего вы скупитесь?“ сказалъ Собакевичъ: „право, не дорого! Другой мошенникъ обманетъ васъ, продастъ вамъ дрянь, а не души; а у меня, что ядреный орѣхъ, всѣ на отборъ: не мастеровой, такъ иной какой-нибудь здоровый мужикъ. Вы разсмотрите: вотъ, напримѣръ, каретникъ Михѣевъ! вѣдь больше никакихъ экипажей и не дѣлалъ, какъ только рессорные. И не то, какъ бываетъ московская работа, что на одинъ часъ: прочность такая... самъ и обобьетъ, и лакомъ покроетъ!“

Чичиковъ открылъ ротъ съ тѣмъ, чтобы замѣтить, что Михѣева, однакоже, давно нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевичъ вошелъ, какъ говорится, въ самую силу рѣчи: откуда взялась рысь и даръ слова.

„А Пробка Степанъ, плотникъ? Я голову прозакладую[3], если вы гдѣ сыщете такого мужика. Вѣдь что за силища была! Служи онъ въ гвардіи — ему бы, Богъ знаетъ, что дали: трехъ аршинъ съ вершкомъ ростомъ!“

Чичиковъ опять хотѣлъ замѣтить, что и Пробки нѣтъ на свѣтѣ; но Собакевича, какъ видно, пронесло: полились такіе потоки рѣчей, что только нужно было слушать.

„Милушкинъ, кирпичникъ! могъ поставить печь въ какомъ угодно домѣ. Максимъ Телятниковъ, сапожникъ: что шиломъ кольнетъ, то и сапоги; что сапоги, то и спасибо, и хоть бы въ ротъ хмельнаго. А Еремѣй Сорокоплёхинъ! Да этотъ мужикъ одинъ станетъ за всѣхъ: въ Москвѣ торговалъ, одного оброку приносилъ по пятисотъ рублей. Вѣдь вотъ какой на-

родъ! Это не то, что̀ вамъ продастъ какой-нибудь Плюшкинъ“.

„Но, позвольте“, сказалъ наконецъ Чичиковъ, изумленный такимъ обильнымъ наводненіемъ рѣчей, которымъ, казалось, и конца не было: „зачѣмъ вы исчисляете всѣ ихъ качества? Вѣдь въ нихъ толку теперь нѣтъ никакого, вѣдь это все народъ мертвый. Мертвымъ тѣломъ хоть заборъ подпирай, говоритъ пословица“.

„Да, конечно, мертвые“, сказалъ Собакевичъ, какъ бы одумавшись и припомнивъ, что они въ самомъ дѣлѣ были уже мертвые; а потомъ прибавилъ: „впрочемъ и то сказать: что̀ изъ этихъ людей, которые числятся теперь живущими? Что̀ это за люди? — мухи, а не люди“.

„Да все же они существуютъ, а это вѣдь мечта“.

„Ну, нѣтъ, не мечта! Я вамъ доложу, каковъ былъ Михѣевъ, такъ вы такихъ людей не сыщете: машинища такая, что въ эту комнату не войдетъ: нѣтъ, это не мечта! А въ плечищахъ у него была такая силища, какой нѣтъ у лошади. Хотѣлъ бы я знать, гдѣ бы вы въ другомъ мѣстѣ нашли такую мечту!“ Послѣднія слова онъ уже сказалъ, обратившись къ висѣвшимъ на стѣнѣ портретамъ Багратіона и Колокотрони, какъ обыкновенно случается съ разговаривающими, когда одинъ изъ нихъ вдругъ, неизвѣстно почему, обратится не къ тому лицу, къ которому относятся слова, а къ какому-нибудь нечаянно пришедшему третьему, даже вовсе незнакомому, отъ котораго, знаетъ, что не услышитъ ни отвѣта, ни мнѣнія, ни подтвержденія, но на котораго, однакожъ, такъ устремитъ взглядъ, какъ будто призываетъ его въ посредники: и нѣсколько смѣшавшійся въ первую минуту незнакомецъ не знаетъ, отвѣчать ли ему на то дѣло, о которомъ ничего не слышалъ, или такъ постоять, соблюдши надлежащее приличіе, и потомъ уже уйти прочь[1].

„Нѣтъ, больше двухъ рублей я не могу дать“, сказалъ Чичиковъ.

„Извольте, чтобъ не претендовали на меня, что дорого запрашиваю и не хочу сдѣлать вамъ никакого одолженія, извольте — по семидесяти пяти рублей за душу, только ассигнаціями — право, только для знакомства!“

„Что̀ онъ въ самомъ дѣлѣ“, подумалъ про себя Чичиковъ:

„за дурака, что ли, принимаетъ меня?“ и прибавилъ потомъ вслухъ: „Мнѣ странно, право: кажется, между нами происходитъ какое-то театральное представленіе, или комедія: иначе я не могу себѣ объяснить... Вы, кажется, человѣкъ довольно умный, владѣете свѣдѣніями образованности. Вѣдь предметъ просто — фу, фу! Что жъ онъ стоитъ? кому нуженъ?“

„Да, вотъ, вы же покупаете; стало-быть, нуженъ“.

Здѣсь Чичиковъ закусилъ губу и не нашелся, что отвѣчать. Онъ сталъ было говорить про какія-то обстоятельства фамильныя и семейственныя, но Собакевичъ отвѣчалъ просто:

„Мнѣ не нужно знать, какія у васъ отношенія: я въ дѣла фамильныя не мѣшаюсь, — это ваше дѣло. Вамъ понадобились души, я и продаю вамъ, и будете раскаяваться, что не купили“.

„Два рублика“, сказалъ Чичиковъ.

„Экъ, право! *Затвердила сорока Якова — одно про всякаго,* какъ говоритъ пословица: какъ наладили на два, такъ не хотите съ нихъ и съѣхать. Вы давайте настоящую цѣну!“

„Ну, ужъ чортъ его побери!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „по полтинѣ ему прибавлю, собакѣ, на орѣхи!“ — „Извольте, по полтинѣ прибавлю“.

„Ну, извольте, и я вамъ скажу тоже мое послѣднее слово: пятьдесятъ рублей! Право, убытокъ себѣ, дешевле нигдѣ не купите такого хорошаго народа!“

„Экой кулакъ!“ сказалъ про себя Чичиковъ, и потомъ продолжалъ вслухъ съ нѣкоторою досадою: „Да что въ самомъ дѣлѣ?... Какъ будто точно сурьезное дѣло! Да я въ другомъ мѣстѣ нипочемъ возьму. Еще мнѣ всякій съ охотой сбудетъ ихъ, чтобы только поскорѣй избавиться отъ нихъ[1]. Дуракъ развѣ станетъ держать ихъ при себѣ и платить за нихъ подати!“

„Но знаете ли, что такого рода покупки, — я это говорю между нами, по дружбѣ, — не всегда позволительны, и разскажи я, или кто иной — такому человѣку не будетъ никакой довѣренности относительно контрактовъ или вступленія въ какія-нибудь выгодныя обязательства.

„Вишь, куды мѣтитъ, подлецъ!“ подумалъ Чичиковъ, и тутъ же произнесъ съ самымъ хладнокровнымъ видомъ: „Какъ вы себѣ хотите, я покупаю не для какой-либо надобности, какъ вы думаете, а такъ... по наклонности собственныхъ мыслей. Два съ полтиною не хотите — прощайте!“

„Его не собьешь, не податливъ!“ подумалъ Собакевичъ. „Ну, Богъ съ вами, давайте по тридцати и берите ихъ себѣ!“

„Нѣтъ, я вижу, вы не хотите продать; прощайте!“

„Позвольте, позвольте!“ сказалъ Собакевичъ, не выпуская его руки и наступивъ ему на ногу, ибо герой нашъ позабылъ поберечься, въ наказанье за что̀ долженъ былъ зашипѣть и подскочить на одной ногѣ.

„Прошу прощенья! Я, кажется, васъ побезпокоилъ. Пожалуйте, садитесь сюда! Прошу!“ Здѣсь онъ усадилъ его въ кресла[1] съ нѣкоторою даже ловкостію, какъ такой медвѣдь, который уже побывалъ въ рукахъ, умѣетъ и перевертываться, и дѣлать разныя штуки на вопросы[2]: „А покажи, Миша, какъ бабы парятся?“ или: „А какъ, Миша, малые ребята горохъ крадутъ?“

„Право, я напрасно время трачу; мнѣ нужно спѣшить“.

„Посидите одну минуточку, я вамъ сейчасъ скажу одно пріятное для васъ слово“. Тутъ Собакевичъ подсѣлъ поближе и сказалъ ему тихо на ухо, какъ будто секретъ: „Хотите — уголъ?“

„То есть, двадцать пять рублей? Ни, ни, ни! Даже четверти угла не дамъ[3], копѣйки не прибавлю“.

Собакевичъ замолчалъ, Чичиковъ тоже замолчалъ. Минуты двѣ длилось молчаніе. Багратіонъ съ орлинымъ носомъ глядѣлъ со стѣны чрезвычайно внимательно на эту покупку.

„Какая жъ ваша будетъ послѣдняя цѣна?“ сказалъ наконецъ Собакевичъ.

„Два съ полтиною“.

„Право, у васъ душа человѣческая все равно, что̀ пареная рѣпа. Ужъ хоть по три рубли дайте!“

„Не могу“.

„Ну, нечего съ вами дѣлать, извольте! Убытокъ, да ужъ нравъ такой собачій: не могу не доставить удовольствія ближнему. Вѣдь, я чай, нужно и купчую совершить, чтобъ все было въ порядкѣ?“

„Разумѣется“.

„Ну, вотъ то-то же; нужно будетъ ѣхать въ городъ“.

Такъ совершилось дѣло. Оба рѣшили, чтобы завтра же быть въ городѣ и управиться съ купчей крѣпостью. Чичиковъ попросилъ списочка крестьянъ. Собакевичъ согласился охотно и тутъ же, подошедъ къ бюро, собственноручно принялся выпи-

сывать всѣхъ не только поименно, но даже съ означеніемъ похвальныхъ качествъ.

А Чичиковъ, отъ нечего дѣлать, занялся, находясь позади, разсматриваньемъ всего просторнаго его оклада. Какъ взглянулъ онъ на его спину, широкую, какъ у вятскихъ приземистыхъ лошадей, и на ноги его, походившія на чугунныя тумбы, которыя ставятъ на тротуарахъ, не могъ не воскликнуть внутренно: „Экъ наградилъ-то тебя Богъ! Вотъ ужъ, точно, какъ говорятъ, не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ!... Родился ли ты ужъ такъ медвѣдемъ, или омедвѣдила тебя захолустная жизнь, хлѣбные посѣвы, возня[1] съ мужиками, и ты чрезъ нихъ сдѣлался то, что называютъ человѣкъ-кулакъ? Но нѣтъ: я думаю, ты все былъ бы тотъ же, хотя бы даже воспитали тебя по модѣ, пустили бы въ ходъ, и жилъ бы ты въ Петербургѣ, а не въ захолустьи. Вся разница въ томъ, что теперь ты упишешь полъ бараньяго бока съ кашей, закусивши вотрушкою въ тарелку, а тогда бы ты ѣлъ какія-нибудь котлетки съ трюфелями. Да вотъ теперь у тебя подъ властью мужики: ты съ ними въ ладу и, конечно, ихъ не обидишь, потому что они твои — тебѣ же будетъ хуже; а тогда бы у тебя были чиновники, которыхъ бы ты сильно пощелкивалъ, смекнувши, что они не твои же крѣпостные, или грабилъ бы ты казну! Нѣтъ, кто ужъ кулакъ, тому не разогнуться въ ладонь! А разогни кулаку одинъ или два пальца — выйдетъ еще хуже. Попробуй онъ слегка верхушекъ[2] какой-нибудь науки, дастъ онъ знать потомъ[3], занявши мѣсто повиднѣе, всѣмъ тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ узнали какую-нибудь науку! Да еще, пожалуй, скажетъ потомъ: „Дай-ка, себя покажу!“ Да такое выдумаетъ мудрое постановленіе, что многимъ придется солоно...[4] Эхъ, еслибы всѣ кулаки!“...

„Готова записка!“ сказалъ Собакевичъ, оборотившись.

„Готова? Пожалуйте ее сюда!“ Онъ пробѣжалъ ее глазами и подивился акуратности и точности: не только было обстоятельно прописано ремесло, званіе, лѣта и семейное состояніе, но даже на поляхъ находились особенныя отмѣтки насчетъ поведенія, трезвости, — словомъ: любо было глядѣть.

„Теперь пожалуйте же задаточекъ“, сказалъ Собакевичъ.

„Къ чему же вамъ задаточекъ? Вы получите въ городѣ за однимъ разомъ всѣ деньги“.

„Все, знаете, такъ ужъ водится“, возразилъ Собакевичъ.

„Не знаю, какъ вамъ дать: я не взялъ съ собою денегъ. Да, вотъ, десять рублей есть“.

„Чтò-жъ десять! Дайте, по крайней мѣрѣ, хоть пятьдесятъ!“

Чичиковъ сталъ было отговариваться, что нѣтъ; но Собакевичъ такъ сказалъ утвердительно, что у него есть деньги, что онъ вынулъ еще бумажку, сказавши: „Пожалуй, вотъ вамъ еще пятнадцать, итого двадцать пять. Пожалуйте только росписку“.

„Да на чтò жъ[1] вамъ росписка?“

„Все, знаете, лучше росписку. Не ровенъ часъ... все можетъ случиться“.

„Хорошо, дайте же сюда деньги“.

„На что жъ деньги? У меня вотъ они въ рукѣ! Какъ только напишете росписку, въ ту же минуту ихъ возьмете“.

„Да позвольте, какъ же мнѣ писать росписку? Прежде нужно видѣть деньги“.

Чичиковъ выпустилъ изъ рукъ бумажки Собакевичу, который, приблизившись къ столу и накрывши ихъ пальцами лѣвой руки, другою написалъ на лоскуткѣ бумаги, что задатокъ двадцать пять рублей государственными ассигнаціями за проданныя души получилъ сполна. Написавши записку, онъ пересмотрѣлъ еще разъ ассигнаціи.

„Бумажка-то старенькая“, произнесъ онъ, разсматривая одну изъ нихъ на свѣтѣ: „немножко разорвана: ну, да между пріятелями нечего на это глядѣть“.

„Кулакъ, кулакъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ: „да еще и бестія въ придачу!“

„А женскаго пола не хотите?“

„Нѣтъ, благодарю“.

„Я бы недорого и взялъ. Для знакомства, по рублику за штуку“.

„Нѣтъ, въ женскомъ полѣ не нуждаюсь“.

„Ну, когда не нуждаетесь, такъ нечего и говорить. На вкусы нѣтъ закона: *кто любитъ попа, а кто попадью,* говоритъ пословица“.

„Еще я хотѣлъ васъ попросить, чтобы эта сдѣлка осталась между нами“, говорилъ Чичиковъ, прощаясь.

„Да ужъ само собою разумѣется. Третьяго сюда нечего

мѣшать: что по искренности происходитъ между короткими друзьями, то должно остаться во взаимной ихъ дружбѣ. Прощайте! Благодарю, что посѣтили; прошу и впередъ не забывать: коли выберется свободный часикъ[1], пріѣзжайте пообѣдать, время провести. Можетъ быть, опять случится услужить чѣмъ-нибудь другъ другу".

„Да, какъ бы не такъ!" думалъ про себя Чичиковъ, садясь въ бричку. „По два съ полтиною содралъ за мертвую душу, чортовъ кулакъ!"

Онъ былъ недоволенъ поведеніемъ Собакевича. Все-таки, какъ бы то ни было, человѣкъ знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались, а поступилъ, какъ бы совершенно чужой: за дрянь взялъ деньги! Когда бричка выѣхала со двора, онъ оглянулся назадъ и увидѣлъ, что Собакевичъ все еще стоялъ на крыльцѣ и, какъ казалось, приглядывался, желая знать, куда гость поѣдетъ.

„Подлецъ, до сихъ поръ еще стоитъ!" проговорилъ онъ сквозь зубы и велѣлъ Селифану, поворотивши къ крестьянскимъ избамъ, отъѣхать такимъ образомъ, чтобы нельзя было видѣть экипажа со стороны господскаго двора. Ему хотѣлось заѣхать къ Плюшкину, у котораго, по словамъ Собакевича, люди умирали, какъ мухи; но не хотѣлось, чтобы Собакевичъ зналъ про это. Когда бричка была уже на концѣ деревни, онъ подозвалъ къ себѣ перваго мужика, который, попавши гдѣ-то на дорогѣ претолстое бревно, тащилъ его на плечѣ, подобно неутомимому муравью, къ себѣ въ избу.

„Эй, борода! а какъ проѣхать отсюда къ Плюшкину, такъ, чтобъ не мимо господскаго дома?"

Мужикъ, казалось, затруднился симъ вопросомъ.

„Что жъ, не знаешь?"[2]

„Нѣтъ, баринъ, не знаю".

„Эхъ ты! А и сѣдымъ волосомъ еще подернуло! Скрягу Плюшкина не знаешь,—того, что плохо кормитъ людей?"

„А! заплатанной, заплатанной!" вскрикнулъ мужикъ. Было имъ прибавлено и существительное къ слову *заплатанной,* очень удачное, но неупотребительное въ свѣтскомъ разговорѣ, а[3] потому мы его пропустимъ. Впрочемъ, можно догадываться, что оно выражено было очень мѣтко, потому что Чичиковъ, хотя мужикъ давно уже пропалъ изъ виду и много уѣхали

впередъ, однакожъ все еще усмѣхался, сидя въ бричкѣ. Выражается сильно россійскій народъ! И если наградитъ кого словцомъ, то пойдетъ оно ему въ родъ и потомство, утащитъ онъ его съ собою и на службу, и въ отставку, и въ Петербургъ, и на край свѣта. И какъ ужъ потомъ ни хитри и ни облагораживай свое прозвище[1], хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода[2], ничто не поможетъ: каркнетъ само за себя прозвище[3] во все свое воронье горло и скажетъ ясно, откуда вылетѣла птица. Произнесенное мѣтко, все равно, что писанное, не вырубливается топоромъ. А ужъ куды бываетъ мѣтко все то, что̀ вышло изъ глубины Руси, гдѣ нѣтъ ни нѣмецкихъ, ни чухонскихъ, ни всякихъ иныхъ племенъ, а все самъ-самородокъ, живой и бойкій русскій умъ, что̀ не лѣзетъ за словомъ въ карманъ, не высиживаетъ его, какъ насѣдка цыплятъ, а влѣпливаетъ съ разу, какъ пашпортъ на вѣчную носку, и нечего прибавлять уже потомъ, какой у тебя носъ или губы: одной чертой обрисованъ ты съ ногъ до головы!

Какъ несмѣтное множество церквей, монастырей съ куполами, главами, крестами, разсыпано на святой благочестивой Руси, такъ несмѣтное множество племенъ, поколѣній, народовъ толпится, пестрѣетъ и мечется по лицу земли. И всякій народъ, носящій въ себѣ залогъ силъ, полный творящихъ способностей души, своей яркой особенности и другихъ даровъ Бога, своеобразно отличился каждый своимъ собственнымъ словомъ, которымъ выражая какой ни есть предметъ, отражаетъ въ выраженьи его часть собственнаго своего характера. Сердцевѣдѣніемъ и мудрымъ познаньемъ жизни отзовется[4] слово британца; легкимъ щеголемъ блеснетъ и разлетится недолговѣчное слово француза; затѣйливо придумаетъ свое не всякому доступное, умно-худощавое слово нѣмецъ; но нѣтъ слова, которое было бы такъ замашисто, бойко, такъ вырвалось бы изъ-подъ самаго сердца, такъ бы кипѣло[5] и животрепетало, какъ мѣтко сказанное русское слово.

ГЛАВА VI.

Прежде, давно, въ лѣта моей юности, въ лѣта невозвратно мелькнувшаго моего дѣтства, мнѣ было весело подъѣзжать въ первый разъ къ незнакомому мѣсту: все равно, была ли то деревушка, бѣдный уѣздный городишка, село ли, слободка, — любопытнаго много открывалъ въ немъ дѣтскій любопытный взглядъ. Всякое строеніе, все, чтò носило только на себѣ напечатлѣнье какой-нибудь замѣтной особенности, все останавливало меня и поражало. Каменный ли казенный домъ извѣстной архитектуры, съ половиною фальшивыхъ оконъ, одинъ-одинешенекъ торчавшій среди бревенчатой тесанной кучи одноэтажныхъ мѣщанскихъ обывательскихъ домиковъ; круглый ли правильный куполъ, весь обитый листовымъ бѣлымъ желѣзомъ, вознесенный надъ выбѣленною, какъ снѣгъ, новою церковью, рынокъ ли, франтъ ли уѣздный, попавшійся среди города, — ничто не ускользало отъ свѣжаго, тонкаго вниманья, и, высунувши носъ изъ походной телѣги своей, я глядѣлъ и на невиданный дотолѣ покрой какого-нибудь сюртука, и на деревянные ящики[1] съ гвоздями, съ сѣрой, желтѣвшей вдали, съ изюмомъ и мыломъ, мелькавшіе изъ дверей овощной лавки[2] вмѣстѣ съ банками высохшихъ московскихъ конфектъ; глядѣлъ и на шедшаго въ сторонѣ пѣхотнаго офицера, занесеннаго, Богъ знаетъ, изъ какой губерніи, на уѣздную скуку, и на купца, мелькнувшаго въ сибиркѣ на бѣговыхъ дрожкахъ, — и уносился мысленно за ними въ бѣдную жизнь ихъ. Уѣздный чиновникъ пройди мимо — я уже и задумывался: куда онъ идетъ, на вечеръ ли къ какому-нибудь своему брату, или прямо къ себѣ домой, чтобы, посидѣвши съ полчаса на крыльцѣ, пока не совсѣмъ еще сгустились сумерки, сѣсть за ранній ужинъ съ матушкой, съ женой, съ сестрой жены и всей семьей; и о чемъ будетъ веденъ разговоръ у нихъ въ то время, когда дворовая дѣвка въ монистахъ или мальчикъ въ толстой курткѣ принесетъ, уже послѣ супа, сальную свѣчу въ долговѣчномъ домашнемъ подсвѣчникѣ. Подъѣзжая къ деревнѣ какого-нибудь помѣщика, я любопытно смотрѣлъ на высокую, узкую деревянную колокольню или широкую, темную деревянную старую церковь. Заманчиво мелькали мнѣ

издали, сквозь древесную зелень, красная крыша и бѣлыя трубы помѣщичьяго дома, и я ждалъ нетерпѣливо, пока разойдутся на обѣ стороны заступавшіе его сады и онъ покажется весь, съ своею, тогда, увы! вовсе не пошлою наружностью, и по немъ старался я угадать: кто таковъ самъ помѣщикъ, толстъ ли онъ, и сыновья ли у него, или цѣлыхъ шестеро дочерей, съ звонкимъ дѣвическимъ смѣхомъ, играми и вѣчною красавицей меньшею сестрицей, и черноглазы ли онѣ, и весельчакъ ли онъ самъ, или хмуренъ, какъ сентябрь въ послѣднихъ числахъ, глядитъ въ календарь, да говоритъ про скучную для юности рожь и пшеницу.

Теперь равнодушно подъѣзжаю ко всякой незнакомой деревнѣ и равнодушно гляжу на ея пошлую наружность; моему охлажденному взору непріютно[1], мнѣ не смѣшно, и то, что̀ пробудило бы въ прежніе годы живое движенье въ лицѣ, смѣхъ и пемолчныя рѣчи, то скользитъ теперь мимо, и безучастное молчаніе хранятъ мои недвижныя уста. О, моя юность! о, моя свѣжесть!

Покамѣстъ Чичиковъ думалъ и внутренно посмѣивался надъ прозвищемъ, отпущеннымъ мужиками Плюшкину, онъ не замѣтилъ, какъ въѣхалъ въ средину обширнаго села, со множествомъ избъ и улицъ. Скоро, однакоже, далъ замѣтить ему это препорядочный толчокъ, произведенный бревенчатою мостовою[2], предъ которою городская каменная была ничто. Эти бревна, какъ фортепьянныя клавиши, подымались то вверхъ, то внизъ, и необерегшійся ѣздокъ пріобрѣталъ или шишку на затылокъ, или синее пятно на лобъ, или же случалось своими собственными зубами откусить пребольно хвостикъ собственнаго же языка. Какую-то особенную ветхость замѣтилъ онъ на всѣхъ деревенскихъ строеніяхъ: бревно на избахъ было темно и старо; многія крыши сквозили, какъ рѣшето; на иныхъ оставался только конекъ вверху, да жерди по сторонамъ въ видѣ реберъ. Кажется, сами хозяева снесли съ нихъ дранье и тесъ, разсуждая, и, конечно, справедливо, что въ дождь избы не кроютъ, а въ вёдро и сама не каплетъ, бабиться же[3] въ ней незачѣмъ, когда есть просторъ и въ кабакѣ, и на большой дорогѣ, — словомъ, гдѣ хочешь. Окна въ избенкахъ были безъ стеколъ, иныя были заткнуты тряпкой или зипуномъ; балкончики подъ крышами съ перилами, неизвѣстно для какихъ при-

чинъ, дѣлаемые въ иныхъ русскихъ избахъ, покосились и почернѣли даже не живописно. Изъ-за избъ тянулись во многихъ мѣстахъ рядами огромныя клади хлѣба, застоявшіяся, какъ видно, долго: цвѣтомъ походили они на старый, плохо выжженный кирпичъ, на верхушкѣ ихъ росла всякая дрянь, и даже прицѣпился съ боку кустарникъ[1]. Хлѣбъ, какъ видно, былъ господскій. Изъ-за хлѣбныхъ кладей и ветхихъ крышъ возносились и мелькали на чистомъ воздухѣ то справа, то слѣва, по мѣрѣ того, какъ бричка дѣлала повороты, двѣ сельскія церкви, одна возлѣ другой — опустѣвшая деревянная и каменная, съ желтенькими стѣнами, испятнанная, истрескавшаяся. Частями сталъ выказываться господскій домъ и, наконецъ, глянулъ весь въ томъ мѣстѣ, гдѣ цѣпь избъ прервалась, и на мѣсто ихъ остался пустыремъ огородъ, или капустникъ, обнесенный низкою, мѣстами изломанною городьбою. Какимъ-то дряхлымъ инвалидомъ глядѣлъ сей странный зáмокъ, длинный, длинный непомѣрно. Мѣстами былъ онъ въ одинъ этажъ, мѣстами въ два; на темной крышѣ, не вездѣ надежно защищавшей его старость, торчали два бельведера, одинъ противъ другаго, оба уже пошатнувшіеся, лишенные когда-то покрывавшей ихъ краски. Стѣны дома ощеливали мѣстами нагую штукатурную рѣшетку и, какъ видно, много потерпѣли отъ всякихъ непогодъ, дождей, вихрей и осеннихъ перемѣнъ. Изъ оконъ только два были открыты, прочія были заставлены ставнями или даже забиты досками. Эти два окна, съ своей стороны, были тоже подслѣповаты; на одномъ изъ нихъ темнѣлъ наклеенный треугольникъ изъ синей сахарной бумаги.

Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій за село и потомъ пропадавшій въ полѣ, заросшій и заглохлый, казалось, одинъ освѣжалъ эту обширную деревню и одинъ былъ вполнѣ живописенъ въ своемъ картинномъ опустѣніи. Зелеными облаками и неправильными, трепетолистными куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вершины разросшихся на свободѣ деревъ. Бѣлый колоссальный стволъ березы, лишенный верхушки, отломленной бурею или грозою, подымался изъ этой зеленой гущи и круглился на воздухѣ, какъ правильная мраморная, сверкающая колонна; косой, остроконечный изломъ его, которымъ онъ оканчивался кверху вмѣсто капители, темнѣлъ на[2] снѣжной бѣлизнѣ его,

какъ шапка или черная птица. Хмель, глушившій внизу кусты бузины, рябины и лѣснаго орѣшника и пробѣжавшій потомъ по верхушкѣ всего частокола, взбѣгалъ[1] наконецъ вверхъ и обвивалъ до половины сломленную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ и начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревъ или же висѣлъ на воздухѣ, завязавши кольцами свои тонкіе, цѣпкіе крючья, легко колеблемые воздухомъ. Мѣстами расходились зеленыя чащи, озаренныя солнцемъ, и показывали неосвѣщенное между нихъ углубленіе, зіявшее какъ темная пасть; оно было все окинуто тѣнью, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая узкая дорожка[2], обрушенныя перилы, пошатнувшаяся бесѣдка, дуплистый дряхлый стволъ ивы, сѣдой чапыжникъ, густой щетиною вытыкавшій изъ-за ивы[3] изсохшіе отъ страшной глушины, перепутавшіеся и скрестившіеся листья и сучья, и, наконецъ, молодая вѣтвь клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ одинъ изъ которыхъ забравшись, Богъ вѣсть какимъ образомъ, солнце превращало его вдругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорослыхъ, не вровень другимъ[4], осинъ подымали огромныя вороньи гнѣзда на трепетныя свои вершины. У иныхъ изъ нихъ отдернутыя и невполнѣ отдѣленныя вѣтви висѣли внизъ вмѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда они соединятся вмѣстѣ, когда по нагроможденному, часто безъ толку, труду человѣка пройдетъ окончательнымъ рѣзцомъ своимъ природа, облегчитъ тяжелыя массы, уничтожитъ грубоощутительную правильность и нищенскія прорѣхи, сквозь которыя проглядываетъ нескрытый, нагой планъ, и дастъ чудную теплоту всему, что̀ создалось въ хладѣ размѣренной чистоты и опрятности.

Сдѣлавъ одинъ или два поворота, герой нашъ очутился, наконецъ, передъ самымъ домомъ, который показался теперь еще печальнѣе. Зеленая плѣснь уже покрыла ветхое дерево на оградѣ и воротахъ. Толпа строеній, — людскихъ, амбаровъ, погребовъ, — видимо ветшавшихъ, наполняла дворъ; возлѣ нихъ направо и налѣво видны были ворота въ другіе дворы. Все говорило, что здѣсь когда-то хозяйство текло въ обширномъ раз-

мѣрѣ, и все глядѣло нынѣ пасмурно. Ничего не замѣтно было оживляющаго картину — ни отворявшихся[1] дверей, ни выходившихъ откуда-нибудь людей, никакихъ[2] живыхъ хлопотъ и заботъ дома! Только одни главныя ворота были растворены, и то потому, что въѣхалъ мужикъ съ нагруженною[3] телѣгою, покрытою рогожею, показавшійся какъ бы нарочно для оживленія сего вымершаго мѣста: въ другое время и они были заперты наглухо, ибо въ желѣзной петлѣ висѣлъ замокъ-исполинъ. У одного изъ строеній Чичиковъ скоро замѣтилъ какую-то фигуру, которая начала вздорить съ мужикомъ, пріѣхавшимъ на телѣгѣ. Долго онъ не могъ распознать, какого пола была фигура — баба или мужикъ. Платье на ней было совершенно неопредѣленное, похожее[4] очень на женскій капотъ; на головѣ колпакъ, какой носятъ деревенскія дворовыя бабы; только одинъ голосъ показался ему нѣсколько сиплымъ для женщины. „Ой, баба!“ подумалъ онъ про себя и тутъ же прибавилъ: „Ой, нѣтъ!“ — „Конечно, баба!“ наконецъ сказалъ онъ, разсмотрѣвъ попристальнѣе. Фигура, съ своей стороны, глядѣла на него тоже пристально. Казалось, гость былъ для нея въ диковинку, потому что она обсмотрѣла[5] не только его, но и Селифана, и лошадей, начиная съ хвоста и до морды. По висѣвшимъ у ней за поясомъ ключамъ и потому, что она бранила мужика довольно поносными словами, Чичиковъ заключилъ, что это, вѣрно, ключница.

„Послушай, матушка“, сказалъ онъ, выходя изъ брички: „что баринъ?..“

„Нѣтъ дома“, прервала ключница, не дожидаясь окончанія вопроса, и потомъ, спустя минуту, прибавила: „А что̀ вамъ нужно?“

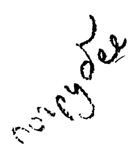
„Есть дѣло“.

„Идите въ комнаты!“ сказала ключница, отворотившись и показавъ ему спину, запачканную мукою, съ большой прорѣхою пониже.

Онъ вступилъ въ темныя, широкія сѣни, отъ которыхъ подуло холодомъ, какъ изъ погреба. Изъ сѣней онъ попалъ въ комнату, тоже темную, чуть-чуть озаренную свѣтомъ, выходившимъ изъ-подъ широкой щели, находившейся внизу двери. Отворивши эту дверь, онъ наконецъ очутился въ свѣту и былъ пораженъ представшимъ безпорядкомъ. Казалось, какъ

будто въ домѣ происходило мытье половъ и сюда на время нагромоздили всю мебель. На одномъ столѣ стоялъ даже сломанный стулъ и, рядомъ съ нимъ, часы съ остановившимся маятникомъ, къ которому паукъ уже приладилъ паутину. Тутъ же стоялъ, прислоненный бокомъ къ стѣнѣ, шкапъ съ стариннымъ серебромъ, графинчиками и китайскимъ фарфоромъ. На бюрѣ[1], выложенномъ перламутною мозаикой, которая мѣстами уже выпала и оставила послѣ себя одни желтенькіе желобки, наполненные клеемъ, лежало множество всякой всячины: куча исписанныхъ мелко бумажекъ, накрытыхъ мраморнымъ позеленѣвшимъ прессомъ съ яичкомъ наверху, какая то старинная книга въ кожаномъ переплетѣ съ краснымъ обрѣзомъ, лимонъ весь высохшій, ростомъ не болѣе лѣснаго орѣха, отломленная ручка креселъ, рюмка съ какою-то жидкостью и тремя мухами, накрытая письмомъ, кусочекъ сургучика, кусочекъ гдѣ-то поднятой тряпки, два пера, запачканныя чернилами, высохшія какъ въ чахоткѣ, зубочистка, совершенно пожелтѣвшая, которою хозяинъ, можетъ-быть, ковырялъ въ зубахъ своихъ еще до нашествія на Москву французовъ.

По стѣнамъ навѣшано было весьма тѣено и безтолково нѣсколько картинъ, длинный, пожелтѣвшій гравюръ какого-то сраженія, съ огромными барабанами, кричащими солдатами въ трехугольныхъ шляпахъ и тонущими конями, безъ стекла, вставленный въ раму краснаго дерева съ тоненькими бронзовыми полосками и бронзовыми же кружками по угламъ. Въ рядъ съ ними занимала полстѣны огромная почернѣвшая картина, писанная масляными красками, изображавшая цвѣты, фрукты, разрѣзанный арбузъ, кабанью морду и висѣвшую головою внизъ утку. Съ середины потолка висѣла люстра въ холстинномъ мѣшкѣ, отъ пыли сдѣлавшаяся похожею на шелковый коконъ, въ которомъ сидитъ червякъ. Въ углу комнаты была навалена на полу куча того, что̀ погрубѣе и что̀ недостойно лежать на столахъ. Что̀ именно находилось въ кучѣ, рѣшить было трудно, ибо пыли на ней было въ такомъ изобиліи, что руки всякаго касавшагося становились похожими на перчатки; замѣтнѣе прочаго высовывались[2] оттуда отломленный кусокъ деревянной лопаты и старая подошва сапога. Никакъ бы нельзя было сказать, чтобы въ комнатѣ сей оби-

тало живое существо, если бы не возвѣщалъ его пребыванье старый, поношенный колпакъ, лежавшій на столѣ. Пока онъ разсматривалъ все странное ея убранство[1], отворилась боковая дверь, и взошла та же самая ключница, которую встрѣтилъ онъ на дворѣ. Но тутъ увидѣлъ онъ, что это былъ скорѣе ключникъ, чѣмъ ключница: ключница, по крайней мѣрѣ, не брѣетъ бороды, а этотъ, напротивъ того, брилъ, и, казалось, довольно рѣдко, потому что весь подбородокъ съ нижней частью щеки походилъ у него на скребницу изъ желѣзной проволоки, какою чистятъ на конюшнѣ лошадей. Чичиковъ, давши вопросительное выраженіе лицу своему, ожидалъ съ нетерпѣньемъ, что̀ хочетъ сказать ему ключникъ. Ключникъ тоже, съ своей стороны, ожидалъ, что̀ хочетъ ему сказать Чичиковъ. Наконецъ послѣдній, удивленный такимъ страннымъ недоумѣніемъ, рѣшился спросить:

„Что жъ баринъ? У себя, что ли?"

„Здѣсь хозяинъ", сказалъ ключникъ.

„Гдѣ же?" повторилъ Чичиковъ.

„Что̀, батюшка, слѣпы-то, что ли?" сказалъ ключникъ. „Эхва! А вить хозяинъ-то я!"

Здѣсь герой нашъ по неволѣ отступилъ назадъ и поглядѣлъ на него пристально. Ему случалось видѣть не мало всякаго рода людей, даже такихъ, какихъ намъ съ читателемъ, можетъ быть, никогда не придется увидать; но такого онъ еще не видывалъ. Лицо его не представляло ничего особеннаго: оно было почти такое же, какъ у многихъ худощавыхъ стариковъ; одинъ подбородокъ только выступалъ очень далеко впередъ, такъ что онъ долженъ былъ всякій разъ закрывать его платкомъ, чтобы не заплевать; маленькіе глазки его не потухнули и бѣгали изъ-подъ высоко выросшихъ бровей, какъ мыши, когда, высунувши изъ темныхъ норъ остренькія морды, насторожа уши и моргая усомъ, они высматриваютъ, не затаился ли гдѣ котъ или шалунъ мальчишка, и нюхаютъ подозрительно самый воздухъ. Гораздо замѣчательнѣе былъ нарядъ его. Никакими средствами и стараньями нельзя бы докопаться, изъ чего состряпанъ былъ его халатъ: рукава и верхнія полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идетъ на сапоги; назади, вмѣсто двухъ, болталось четыре полы, изъ которыхъ охлопьями лѣзла хлопчатая бумага. На шеѣ у

него тоже было повязано что-то такое, котораго нельзя было разобрать: чулокъ ли, подвязка ли, или набрюшникъ, только никакъ не галстукъ. Словомъ, если бы Чичиковъ встрѣтилъ его, такъ принаряженнаго, гдѣ-нибудь у церковныхъ дверей, то[1], вѣроятно, далъ бы ему мѣдный грошъ, ибо къ чести героя нашего нужно сказать, что сердце у него было сострадательно и онъ не могъ никакъ удержаться, чтобы не подать бѣдному человѣку мѣднаго гроша. Но предъ нимъ стоялъ не нищій, предъ нимъ стоялъ помѣщикъ. У этого помѣщика была тысяча слишкомъ душъ, и попробовалъ бы кто найти у кого другаго столько хлѣба, зерномъ, мукою и, просто, въ кладяхъ, у кого бы кладовыя, амбары и сушилы загромождены были такимъ множествомъ холстовъ, суконъ, овчинъ, выдѣланныхъ и сыромятныхъ, высушенными рыбами и всякой овощью, или губиной. Заглянулъ бы кто-нибудь къ нему на рабочій дворъ, гдѣ наготовлено было на запасъ всякаго дерева и посуды, никогда не употреблявшейся — ему бы показалось, ужъ не попалъ ли онъ какъ нибудь въ Москву на щепной дворъ, куда ежедневно отправляются расторопныя тещи и свекрухи, съ кухарками позади, дѣлать свои хозяйственные запасы, и гдѣ горами бѣлѣетъ всякое дерево, шитое, точеное, лаженое и плетеное: бочки, пересѣки, ушаты, лагуны, жбаны съ рыльцами и безъ рылецъ, побратимы, лукошки, мыкальники, куда бабы кладутъ свои мочки и прочій дрязгъ, коробья изъ тонкой гнутой осины, бураки изъ плетеной берестки и много всего, что̀ идетъ на потребу богатой и бѣдной Руси. На что бы, казалось, нужна была Плюшкину такая гибель подобныхъ издѣлій? Во всю жизнь не пришлось бы ихъ употребить[2] даже на два такихъ имѣнія, какія были у него; но ему и этого казалось мало. Не довольствуясь симъ, онъ ходилъ еще каждый день по улицамъ своей деревни, заглядывалъ подъ мостики, подъ перекладины, и все, что̀ ни попадалось ему: старая подошва, бабья тряпка, желѣзный гвоздь, глиняный черепокъ, все тащилъ къ себѣ и складывалъ въ ту кучу, которую Чичиковъ замѣтилъ въ углу комнаты. „Вонъ, уже рыболовъ пошелъ на охоту!“ говорили мужики, когда видѣли его, идущаго на добычу. И въ самомъ дѣлѣ, послѣ него незачѣмъ было мести улицу: случилось проѣзжавшему офицеру потерять шпору, — шпора эта мигомъ отправилась въ извѣстную кучу; если баба, какъ-нибудь заѣ-

вавшись у колодца, позабывала ведро, онъ утаскивалъ и ведро. Впрочемъ, когда примѣтившій мужикъ уличалъ его тутъ же, онъ не спорилъ и отдавалъ похищенную вещь; но если только она попадала въ кучу, тогда все кончено: онъ божился, что вещь его, куплена имъ тогда-то, у того-то, или досталась отъ дѣда. Въ комнатѣ своей онъ подымалъ съ пола все, что̀ ни видѣлъ: сургучикъ, лоскутокъ бумажки, перышко и все это клалъ на бюро или на окошко.

А вѣдь было время, когда онъ только былъ бережливымъ хозяиномъ! Былъ женатъ и семьянинъ, и сосѣдъ заѣзжалъ къ нему пообѣдать, слушать и учиться у него хозяйству и мудрой скупости. Все текло живо и совершалось размѣреннымъ ходомъ: двигались мельницы, валильни, работали суконныя фабрики, столярные станки, прядильни; вездѣ, во все входилъ зоркій взглядъ хозяина и, какъ трудолюбивый паукъ, бѣгалъ, хлопотливо, но расторопно, по всѣмъ концамъ своей хозяйственной паутины. Слишкомъ сильныя чувства не отражались въ чертахъ лица его, но въ глазахъ былъ виденъ умъ; опытностію и познаніемъ свѣта была проникнута рѣчь его, и гостю было пріятно его слушать; привѣтливая и говорливая хозяйка славилась хлѣбосольствомъ; на встрѣчу выходили двѣ миловидныя дочки, обѣ бѣлокурыя и свѣжія, какъ розы; выбѣгалъ сынъ, разбитной мальчишка, и цѣловался со всѣми, мало обращая вниманія на то, радъ ли, или не радъ былъ этому гость. Въ домѣ были открыты всѣ окна; антресоли были заняты квартирою учителя француза, который славно брился и былъ большой стрѣлокъ: приносилъ всегда къ обѣду тетерекъ или утокъ, а иногда и одни воробьиныя яйца, изъ которыхъ заказывалъ себѣ яичницу, потому что больше въ цѣломъ домѣ никто ея не ѣлъ. На антресоляхъ жила также его компатріотка, наставница двухъ дѣвицъ. Самъ хозяинъ являлся къ столу въ сюртукѣ, хотя нѣсколько поношенномъ, но опрятномъ; локти были въ порядкѣ; нигдѣ никакой заплаты. Но добрая хозяйка умерла; часть ключей, а съ ними мелкихъ заботъ, перешла къ нему. Плюшкинъ сталъ безпокойнѣе и, какъ всѣ вдовцы, подозрительнѣе и скупѣе. На старшую дочь, Александру Степановну, онъ не могъ во всемъ положиться, да и былъ правъ, потому что Александра Степановна скоро убѣжала съ штабсъ-ротмистромъ, Богъ вѣсть какого, кавалерійскаго полка и об-

вѣнчалась съ нимъ гдѣ-то наскоро, въ деревенской церкви, зная, что отецъ не любитъ офицеровъ по странному предубѣжденію, будто бы всѣ военные — картежники и мотишки. Отецъ послалъ ей на дорогу проклятіе, а преслѣдовать не заботился. Въ домѣ стало еще пустѣе. Во владѣльцѣ стала замѣтнѣе обнаруживаться скупость; сверкнувшая въ жесткихъ волосахъ его сѣдина, вѣрная подруга ея, помогла ей еще болѣе развиться. Учитель французъ былъ отпущенъ, потому что сыну пришла пора на службу; мадамъ была прогнана, потому что оказалась не безгрѣшною въ похищеніи Александры Степановны. Сынъ, будучи отправленъ въ губернскій городъ съ тѣмъ, чтобы узнать въ палатѣ, по мнѣнію отца, службу существенную, опредѣлился вмѣсто того въ полкъ и написалъ къ отцу, уже по своемъ опредѣленіи, прося денегъ на обмундировку; весьма естественно, что онъ получилъ на это то, что̀ называется въ простонародіи шишъ. Наконецъ послѣдняя дочь, остававшаяся съ нимъ въ домѣ, умерла, и старикъ очутился одинъ сторожемъ, хранителемъ и владѣтелемъ своихъ богатствъ. Одинокая жизнь дала сытную пищу скупости, которая, какъ извѣстно, имѣетъ волчій голодъ и, чѣмъ болѣе пожираетъ, тѣмъ становится ненасытнѣе; человѣческія чувства, которыя и безъ того не были въ немъ глубоки, мелѣли ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось въ этой изношенной развалинѣ. Случись же подъ такую минуту, какъ будто нарочно въ подтвержденіе его мнѣнія о военныхъ, что сынъ его проигрался въ карты; онъ послалъ ему отъ души свое отцовское проклятіе и никогда уже не интересовался знать, существуетъ ли онъ на свѣтѣ, или нѣтъ. Съ каждымъ годомъ притворялись окна въ его домѣ, наконецъ осталось[1] только два, изъ которыхъ одно, какъ уже видѣлъ читатель, было заклеено бумагою; съ каждымъ годомъ уходили изъ вида его[2], болѣе и болѣе, главныя части хозяйства, и мелкій взглядъ его обращался къ бумажкамъ и перышкамъ, которыя онъ собиралъ въ своей комнатѣ; неуступчивѣе становился онъ къ покупщикамъ, которые пріѣзжали забирать у него хозяйственныя произведенія: покупщики торговались, торговались и наконецъ бросили его вовсе, сказавши, что это бѣсъ, а не человѣкъ; сѣно и хлѣбъ гнили; клади и стоги обращались въ чистый навозъ, хоть разводи на нихъ капусту; мука въ подвалахъ превратилась въ камень, и

нужно было ее рубить; къ сукнамъ, холстамъ и домашнимъ матеріямъ страшно было притронуться: они обращались въ пыль. Онъ уже позабывалъ самъ, сколько у него было чего, и помнилъ только, въ какомъ мѣстѣ стоялъ у него въ шкапу графинчикъ съ остаткомъ какой-нибудь настойки, на которомъ онъ самъ сдѣлалъ намѣтку, чтобы никто воровскимъ образомъ ее не выпилъ, да гдѣ лежало перышко или сургучикъ. А между тѣмъ въ хозяйствѣ доходъ собирался попрежнему: столько же оброку долженъ былъ принесть мужикъ, такимъ же приносомъ орѣховъ обложена была всякая баба, столько же поставовъ холста должна была наткать ткачиха. Все это сваливалось въ кладовыя и все становилось гниль и прорѣха, и самъ онъ обратился, наконецъ, въ какую-то прорѣху на человѣчествѣ. Александра Степановна какъ-то пріѣзжала раза два съ маленькимъ сынкомъ, пытаясь, нельзя ли чего-нибудь получить: видно, походная жизнь съ штабсъ-ротмистромъ не была такъ привлекательна, какою казалась до свадьбы. Плюшкинъ, однакоже, ее простилъ и даже далъ маленькому внучку поиграть какую-то пуговицу, лежавшую на столѣ, но денегъ ничего не далъ. Въ другой разъ Александра Степа́новна пріѣхала съ двумя малютками и привезла ему куличъ къ чаю и новый халатъ, потому что у батюшки былъ такой халатъ, на который глядѣть не только было совѣстно, но даже стыдно. Плюшкинъ приласкалъ обоихъ внуковъ и, посадивши ихъ къ себѣ одного на правое колѣно, а другаго на лѣвое, покачалъ ихъ совершенно такимъ образомъ, какъ будто они ѣхали на лошадяхъ; куличъ и халатъ взялъ, но дочери рѣшительно ничего не далъ; съ тѣмъ и уѣхала Александра Степановна.

Итакъ, вотъ какого рода помѣщикъ стоялъ передъ Чичиковымъ! Должно сказать, что подобное явленіе рѣдко попадается на Руси, гдѣ все любитъ скорѣе развернуться, нежели съежиться, и тѣмъ поразительнѣе бываетъ оно, что тутъ же, въ сосѣдствѣ, подвернется помѣщикъ, кутящій во всю ширину русской удали и барства, прожигающій, какъ говорится, насквозь жизнь. Небывалый проѣзжій остановится съ изумленіемъ при видѣ его жилища, недоумѣвая, какой владѣтельный принцъ очутился внезапно среди маленькихъ, темныхъ владѣльцевъ: дворцами глядятъ его бѣлые, каменные домы съ безчисленнымъ множествомъ трубъ, бельведеровъ, флюгеровъ,

окруженные стадомъ флигелей и всякими помѣщеньями для пріѣзжихъ гостей. Чего нѣтъ у него? Театры, балы; всю ночь сіяетъ убранный огнями, плошками[1], оглашенный громомъ музыки, садъ. Полгуберніи разодѣто и весело гуляетъ подъ деревьями, и никому не является дикое и грозящее въ семъ насильственномъ освѣщеніи, когда театрально выскакиваетъ изъ древесной гущи озаренная поддѣльнымъ свѣтомъ вѣтвь, лишенная своей яркой зелени, а вверху темнѣе, и суровѣе, и въ двадцать разъ грознѣе является чрезъ то ночное небо, и, далеко трепеща листьями въ вышинѣ, уходя глубже въ непробудный мракъ, негодуютъ суровыя вершины деревъ на сей мишурный блескъ, освѣтившій снизу ихъ корни.

Уже нѣсколько минутъ стоялъ Плюшкинъ, не говоря ни слова, а Чичиковъ все еще не могъ начать разговора, развлеченный какъ видомъ самого хозяина, такъ и всего того, что̀ было въ его комнатѣ. Долго не могъ онъ придумать, въ какихъ бы словахъ изъяснить причину своего посѣщенія. Онъ уже хотѣлъ было выразиться въ такомъ духѣ, что, наслышась о добродѣтели и рѣдкихъ свойствахъ души его, почелъ долгомъ принести лично дань уваженія; но спохватился и почувствовалъ, что это слишкомъ. Искоса бросивъ еще одинъ взглядъ на все, что̀ было въ комнатѣ, онъ почувствовалъ, что слово: *добродѣтель* и *рѣдкія свойства души* можно съ успѣхомъ замѣнить словами: *экономія* и *порядокъ;* и потому, преобразивши такимъ образомъ рѣчь, онъ сказалъ, что, наслышась объ экономіи его и рѣдкомъ управленіи имѣніями, онъ почелъ за долгъ познакомиться и принести лично свое почтеніе. Конечно, можно бы было привести иную, лучшую причину, но ничего инаго не взбрело тогда на умъ.

На это Плюшкинъ что-то пробормоталъ сквозь губы,— ибо зубовъ не было, — что̀ именно, неизвѣстно, но, вѣроятно, смыслъ былъ таковъ: „А побралъ бы тебя чортъ съ твоимъ почтеніемъ!“ Но такъ какъ гостепріимство у насъ въ такомъ ходу, что и скряга не въ силахъ преступить его законовъ, то онъ прибавилъ тутъ же нѣсколько внятнѣе: „Прошу покорнѣйше садиться!“

„Я давненько не вижу гостей“, сказалъ онъ: „да, признаться сказать, въ нихъ мало вижу проку. Завели пренеприличный обычай ѣздить другъ къ другу, а въ хозяйствѣ-то

упущенія... да и лошадей ихъ корми сѣномъ! Я давно ужъ отобѣдалъ, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсѣмъ развалилась:[1] начнешь топить, еще пожару надѣлаешь".

„Вонъ оно какъ!" подумалъ про себя Чичиковъ: „хорошо же, что я у Собакевича перехватилъ вотрушку да ломоть бараньяго бока".

„И такой скверный анекдотъ, что сѣна хоть бы клокъ въ цѣломъ хозяйствѣ!" продолжалъ Плюшкинъ. „Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ прибережешь его? Землишка маленькая, мужикъ лѣнивъ, работать не любитъ, думаетъ, какъ бы въ кабакъ... того и гляди, пойдешь на старости лѣтъ по-міру!"

„Мнѣ, однакоже, сказывали", скромно замѣтилъ Чичиковъ: „что у васъ болѣе тысячи душъ".

„А кто это сказывалъ? А вы бы, батюшка, наплевали въ глаза тому, который это сказывалъ! Онъ пересмѣшникъ, видно, хотѣлъ пошутить надъ вами. Вотъ, баютъ, тысяча[2] душъ, а подитка сосчитай, а и ничего не начтешь! Послѣдніе три года проклятая горячка выморила у меня здоровённой[3] кушъ мужиковъ".

„Скажите! и много выморила?" воскликнулъ Чичиковъ съ участіемъ.

„Да, снесли многихъ".

„А позвольте узнать: сколько числомъ?"

„Душъ восемьдесятъ".

„Нѣтъ?"

„Не стану лгать, батюшка".

„Позвольте еще спросить: вѣдь эти души, я полагаю, вы считаете со дня подачи послѣдней ревизіи?"

„Это бы еще слава Богу", сказалъ Плюшкинъ: „да лихъ-то, что съ того времени, до ста двадцати наберется".

„Вправду? Цѣлыхъ сто двадцать?" воскликнулъ Чичиковъ и даже разинулъ нѣсколько ротъ отъ изумленія.

„Старъ я, батюшка, чтобы лгать: седьмой десятокъ живу!" сказалъ Плюшкинъ. Онъ, казалось, обидѣлся такимъ, почти радостнымъ, восклицаніемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ неприлично подобное безучастіе къ чужому горю, и потому вздохнулъ тутъ же и сказалъ, что соболѣзнуетъ.

„Да вѣдь соболѣзнованіе въ карманъ не положишь", ска-

залъ Плюшкинъ. „Вотъ возлѣ меня живетъ капитанъ, чортъ знаетъ его, откуда взялся, говоритъ — родственникъ: „Дядюшка, дядюшка!“ и въ руку цѣлуетъ; а какъ начнетъ соболѣзновать, вой такой подыметъ, что уши береги. Съ лица весь красный: пѣннику, чай, на смерть придерживается. Вѣрно, спустилъ денежки, служа въ офицерахъ, или театральная актерка[1] выманила, такъ вотъ онъ теперь и соболѣзнуетъ!“

Чичиковъ постарался объяснить, что его соболѣзнованіе совсѣмъ не такого рода, какъ капитанское, и что онъ не пустыми словами, а дѣломъ готовъ доказать его и, не откладывая дѣла далѣе, безъ всякихъ обиняковъ, тутъ же изъявилъ готовность принять на себя обязанность платить подати за всѣхъ крестьянъ, умершихъ такими несчастными случаями. Предложеніе, казалось, совершенно изумило Плюшкина. Онъ, вытаращивъ глаза, долго смотрѣлъ на него и наконецъ спросилъ: „Да вы, батюшка, не служили ли въ военной службѣ?“

„Нѣтъ“, отвѣчалъ Чичиковъ довольно лукаво: „служилъ по статской“.

„По статской?“ повторилъ Плюшкинъ и сталъ жевать губами, какъ будто что-нибудь кушалъ. „Да вѣдь какъ же? Вѣдь это вамъ самимъ-то въ убытокъ?“

„Для удовольствія вашего готовъ и на убытокъ“.

„Ахъ, батюшка! Ахъ, благодѣтель мой!“ вскрикнулъ Плюшкинъ, не замѣчая отъ радости, что у него изъ носа выглянулъ весьма некартинно табакъ, на образецъ густаго кофея, и полы халата, раскрывшись, показали платье, не весьма приличное для разсматриванья. „Вотъ утѣшили старика! Ахъ, Господи ты мой! Ахъ, святители вы мои!..“ Далѣе Плюшкинъ и говорить не могъ. Но не прошло и минуты, какъ эта радость, такъ мгновенно показавшаяся на деревянномъ лицѣ его, такъ же мгновенно и прошла, будто ея вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выраженіе. Онъ даже утерся платкомъ и, свернувши его въ комокъ, сталъ имъ возить[2] себя по верхней губѣ.

„Какъ же, съ позволенія вашего, чтобы не разсердить васъ, вы за всякій годъ беретесь платить за нихъ подать и деньги будете выдавать мнѣ или въ казну?“

„Да мы вотъ какъ сдѣлаемъ: мы совершимъ на нихъ куп-

чую крѣпость, какъ бы они были живые и какъ бы вы ихъ мнѣ продали".

„Да, купчую крѣпость..." сказалъ Плюшкинъ, задумался и сталъ опять кушать губами. „Вѣдь вотъ купчую крѣпость — все издержки. Приказные такіе безсовѣстные! Прежде бывало полтиной мѣди отдѣлаешься, да мѣшкомъ муки, а теперь пошли цѣлую подводу крупъ, да и красную бумажку прибавь,— такое сребролюбіе! Я не знаю, какъ никто другой не обратитъ на это вниманье. Ну, сказалъ бы ему какъ-нибудь душеспасительное слово! Вѣдь словомъ хоть кого проймешь. Кто чтò ни говори, а противъ душеспасительнаго слова не устоишь"[1].

„Ну, ты, я думаю, устоишь!" подумалъ про себя Чичиковъ и произнесъ тутъ же, что, изъ уваженія къ нему, онъ готовъ принять даже издержки по купчей на свой счетъ.

Услыша, что даже издержки по купчей онъ принимаетъ на себя, Плюшкинъ заключилъ, что гость долженъ быть совершенно глупъ и только прикидывается, будто служилъ по статской, а, вѣрно, былъ въ офицерахъ и волочился за актерками. При всемъ томъ онъ, однакожъ, не могъ скрыть своей радости и пожелалъ всякихъ утѣшеній не только ему, но даже и дѣткамъ его, не спросивъ, были ли они у него, или нѣтъ. Подошедъ къ окну, постучалъ онъ пальцами въ стекло и закричалъ: „Эй, Прошка!" Чрезъ минуту было слышно, что[2] кто-то вбѣжалъ впопыхахъ въ сѣни, долго возился тамъ и стучалъ сапогами, наконецъ дверь отворилась, и вошелъ Прошка, мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ такихъ большихъ сапогахъ, что, ступая, едва не вынулъ изъ нихъ ноги. Почему у Прошки были такіе большіе сапоги, это можно узнать сейчасъ же: у Плюшкина для всей дворни, сколько ни было ея въ домѣ, были одни только сапоги, которые должны были всегда находиться въ сѣняхъ. Всякій призываемый въ барскіе покои обыкновенно отплясывалъ черезъ весь дворъ босикомъ, но, входя въ сѣни, надѣвалъ сапоги и такимъ уже образомъ являлся въ комнату. Выходя изъ комнаты, онъ оставлялъ сапоги опять въ сѣняхъ и отправлялся вновь на собственной подошвѣ. Если бы кто взглянулъ изъ окошка въ осеннее время и особенно, когда по утрамъ начинаются маленькія изморози, то бы увидѣлъ, что вся дворня дѣлала такіе скачки, какіе врядъ ли удастся выдѣлать на театрахъ самому бойкому танцовщику.

„Вотъ посмотрите, батюшка, какая рожа!“ сказалъ Плюшкинъ Чичикову, указывая пальцемъ на лицо Прошки. „Глупъ вѣдь, какъ дерево, а попробуй что-нибудь положить — мигомъ украдетъ! Ну, чего ты пришелъ, дуракъ? скажи, чего?“ Тутъ онъ произвелъ небольшое молчаніе, на которое Прошка отвѣчалъ тоже молчаніемъ. „Поставь самоваръ, — слышишь? — да вотъ возьми ключъ, да отдай Маврѣ, чтобы пошла въ кладовую: тамъ на полкѣ есть сухарь изъ кулича, который привезла Александра Степановна, — чтобы подали его къ чаю!.. Постой, куда же ты? Дурачина! Эхва, дурачина!.. Бѣсъ у тебя въ ногахъ, что ли, чешется?.. Ты выслушай прежде. Сухарь-то сверху, чай, поиспортился, такъ пусть соскоблитъ его ножемъ, да крохъ не бросаетъ, а снесетъ въ курятникъ. Да смотри ты, ты не входи, братъ, въ кладовую; не то — я тебя, знаешь? березовымъ-то вѣникомъ, чтобы для вкуса-то! Вотъ у тебя теперь славный аппетитъ, такъ чтобы еще былъ получше! Вотъ попробуй-ка пойти въ кладовую, а я тѣмъ временемъ изъ окна стану глядѣть. — Имъ ни въ чемъ нельзя довѣрять“, продолжалъ онъ, обратившись къ Чичикову послѣ того, какъ Прошка убрался вмѣстѣ съ своими сапогами. Вслѣдъ затѣмъ онъ началъ и на Чичикова посматривать подозрительно. Черты такого необыкновеннаго великодушія стали ему казаться невѣроятными, и онъ подумалъ про себя: „Вѣдь чортъ его знаетъ; можетъ быть, онъ, просто, хвастунъ, какъ всѣ эти мотишки: навретъ, навретъ, чтобы поговорить да напиться чаю, а потомъ и уѣдетъ!“ А потому изъ предосторожности, и вмѣстѣ желая нѣсколько поиспытать его, сказалъ онъ, что не дурно бы совершить купчую поскорѣе, потому что де въ человѣкѣ не увѣренъ: сегодня живъ, а завтра и Богъ вѣсть.

Чичиковъ изъявилъ готовность совершить хоть сію же минуту и потребовалъ только списка всѣмъ крестьянамъ.

Это успокоило Плюшкина. Замѣтно было, что онъ придумывалъ что-то сдѣлать, и точно, взявши ключи, приблизился къ шкафу и, отперши дверцу, рылся долго между стаканами и чашками и наконецъ произнесъ: „Вѣдь вотъ не сыщешь, а у меня былъ славный ликерчикъ, если только не выпили: народъ — такіе воры! А вотъ развѣ не это ли онъ?“ Чичиковъ увидѣлъ въ рукахъ его графинчикъ, который былъ весь въ пыли, какъ въ фуфайкѣ. „Еще покойница дѣлала“,

однокорытник

продолжалъ Плюшкинъ: „мошенница ключница совсѣмъ было его забросила и даже не закупорила, каналья! Казявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь соръ-то повынулъ и теперь вотъ чистенькая, я вамъ налью рюмочку“.

Но Чичиковъ постарался отказаться отъ такого ликерчика, сказавши, что онъ уже и пилъ, и ѣлъ.

„Пили уже и ѣли!“ сказалъ Плюшкинъ. „Да, конечно, хорошаго общества человѣка хоть гдѣ узнаешь: онъ не ѣстъ, а сытъ; а какъ эдакой какой-нибудь воришка, да его сколько ни корми... Вѣдь вотъ капитанъ пріѣдетъ: „Дядюшка“, говоритъ, „дайте чего-нибудь поѣсть!“ А я ему такой же дядюшка, какъ онъ мнѣ дѣдушка. У себя дома ѣсть, вѣрно, нечего, такъ вотъ онъ и шатается! Да, вѣдь вамъ нуженъ реестрикъ всѣхъ этихъ тунеядцевъ? Какъ же! Я, какъ зналъ, всѣхъ ихъ списалъ на особую бумажку, чтобы, при первой подачѣ ревизіи, всѣхъ ихъ вычеркнуть“. — Плюшкинъ надѣлъ очки и сталъ рыться въ бумагахъ. Развязывая всякія связки, онъ попотчивалъ своего гостя такою пылью, что тотъ чихнулъ. Наконецъ вытащилъ бумажку[1], всю исписанную кругомъ. Крестьянскія имена усыпали ее тѣсно, какъ мошки. Были тамъ всякіе: и Парамоновъ, и Пименовъ, и Пантелеймоновъ, и даже выглянулъ какой-то Григорій Доѣзжай-не-доѣдешь; всѣхъ было сто двадцать слишкомъ. Чичиковъ улыбнулся при видѣ такой многочисленности. Спрятавъ ее въ карманъ, онъ замѣтилъ Плюшкину, что ему нужно будетъ для совершенія крѣпости пріѣхать въ городъ.

„Въ городъ? Да какъ же?.. А домъ-то какъ оставить?[2] Вѣдь у меня народъ — или воръ, или мошенникъ: въ день такъ оберутъ, что и кафтана не на чемъ будетъ повѣсить“.

„Такъ не имѣете ли кого-нибудь знакомаго?“

„Да кого же знакомаго? Всѣ мои знакомые перемерли, или раззнакомились... Ахъ, батюшка! какъ не имѣть? имѣю!“ вскричалъ онъ. „Вѣдь знакомъ самъ предсѣдатель, ѣзжалъ даже въ старые годы ко мнѣ. Какъ не знать! однокорытниками были, вмѣстѣ по заборамъ лазили! Какъ не знакомый? Ужъ такой знакомый!.. Такъ ужъ не къ нему ли написать?“

„И конечно, къ нему“.

„Какъ же, ужъ такой знакомый! Въ школѣ были пріятели“.

И на этомъ деревянномъ лицѣ вдругъ скользнулъ какой-то теплый лучъ, выразилось — не чувство, а какое-то блѣдное отраженіе чувства: явленіе, подобное неожиданному появленію на поверхности водъ утопающаго, произведшему радостный крикъ въ толпѣ, обступившей берегъ; но напрасно обрадовавшіеся братья и сестры кидаютъ съ берега веревку и ждутъ, не мелькнетъ ли вновь спина или утомленныя бореньемъ руки — появленіе было послѣднее. Глухо все, и еще страшнѣе и[1] пустыннѣе становится послѣ того затихнувшая поверхность безотвѣтной стихіи. Такъ и лицо Плюшкина, вслѣдъ за мгновенно скользнувшимъ на немъ чувствомъ, стало еще безчувственнѣй и еще пошлѣе.

„Лежала на столѣ четвертка чистой бумаги“, сказалъ онъ: „да не знаю, куда запропастилась: люди у меня такіе негодные!“ — Тутъ сталъ онъ заглядывать[2] и подъ столъ, и на столъ, шарилъ вездѣ и наконецъ закричалъ: „Мавра, а Мавра!“ На зовъ явилась женщина съ тарелкой въ рукахъ, на которой лежалъ сухарь, уже знакомый читателю. И между ними произошелъ такой разговоръ:

„Куда ты дѣла, разбойница, бумагу?“

„Ей Богу, баринъ, не видывала, опричь небольшаго лоскутка, которымъ изволили прикрыть рюмку“.

„А вотъ я по глазамъ вижу, что подтибрила“.

„Да на что̀ жъ бы я подтибрила? Вѣдь мнѣ проку съ ней никакого: я грамотѣ не знаю.

„Врешь, ты снесла пономаренку: онъ маракуетъ, такъ ты ему и снесла“.

„Да пономаренокъ, если захочетъ, такъ достанетъ себѣ бумаги. Не видалъ онъ вашего лоскутка!“

„Вотъ погоди-ко: на страшномъ судѣ черти припекутъ тебя за это желѣзными рогатками! Вотъ посмотришь, какъ припекутъ!“

„Да за что̀ же припекутъ, коли я не брала и въ руки четвертки? Ужъ скорѣе другой какой бабьей слабостью, а воровствомъ меня еще никто не попрекалъ“.

„А вотъ черти-то тебя и припекутъ! Скажутъ: „А вотъ тебѣ, мошенница, за то, что барина-то обманывала!“ да горячими-то тебя и припекутъ!“

„А я скажу: „Не за что̀! ей Богу, не за что̀: не брала

я..." Да вонъ она лежитъ на столѣ. Всегда понапраслиной попрекаете!"

Плюшкинъ увидѣлъ, точно, четвертку и на минуту остановился, пожевалъ губами и произнесъ: „Ну, что жъ ты расходилась такъ? Экая занозистая! Ей скажи только одно слово, а она ужъ въ отвѣтъ десятокъ! Поди-ко принеси огоньку запечатать письмо. Да стой! Ты схватишь сальную свѣчу; сало — дѣло топкое: сгоритъ да и нѣтъ, только убытокъ; а ты принеси-ко мнѣ лучинку!"

Мавра ушла, а Плюшкинъ, сѣвши въ кресла и взявши въ руку перо, долго еще ворочалъ на всѣ стороны четвертку, придумывая, нельзя ли отдѣлить отъ нея еще осьмушку, но наконецъ убѣдился, что никакъ нельзя; всунулъ перо въ чернильницу съ какою-то заплѣснѣвшею жидкостью и множествомъ мухъ на днѣ, и сталъ писать, выставляя буквы, похожія на музыкальныя ноты, придерживая поминутно прыть руки, которая разскакивалась по всей бумагѣ, лѣпя скупо строка на строку и не безъ сожалѣнія подумывая о томъ, что все еще останется много чистаго пробѣла.

И до такой ничтожности, мелочности, гадости могъ снизойти человѣкъ? могъ такъ измѣниться? И похоже это на правду? — Все похоже на правду, все можетъ статься съ человѣкомъ. Нынѣшній же пламенный юноша отскочилъ бы съ ужасомъ, если бы показали ему его же портретъ въ старости. Забирайте же съ собою въ путь, выходя изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ суровое, ожесточающее мужество, — забирайте съ собою всѣ человѣческія движенія, не оставляйте ихъ на дорогѣ: не подымете потомъ! Грозна, страшна грядущая впереди старость и ничего не отдаетъ назадъ и обратно! Могила милосерднѣе ея, на могилѣ напишется: *„здѣсь погребенъ человѣкъ"*; но ничего не прочитаешь въ хладныхъ, безчувственныхъ чертахъ безчеловѣчной старости.

„А не знаете ли вы какого нибудь вашего пріятеля", сказалъ Плюшкинъ, складывая письмо: „которому бы понадобились бѣглыя души?"

„А у васъ есть и бѣглыя?" быстро спросилъ Чичиковъ, очнувшись.

„Вѣ томъ-то и дѣло, что есть. Зять дѣлалъ выправки: говоритъ, будто и слѣдъ простылъ; но вѣдь онъ человѣкъ

военный: мастеръ притопывать шпорой, а если бы похлопотать по судамъ…“

„А сколько ихъ будетъ числомъ?“

„Да десятковъ до семи тоже наберется“.

„Нѣтъ?“

„А, ей Богу, такъ! Вѣдь у меня что годъ, то бѣгаютъ. Народъ-то больно прожорливъ, отъ праздности завелъ привычку трескать, а у меня ѣсть и самому нечего… А ужъ я бы за нихъ, что ни дай, взялъ бы. Такъ посовѣтуйте вашему пріятелю-то: отыщись вѣдь только десятокъ, такъ вотъ ужъ у него славная деньга. Вѣдь ревизская душа стоитъ въ пятистахъ рубляхъ“.

„Нѣтъ, этого мы пріятелю и понюхать не дадимъ“, сказалъ про себя Чичиковъ и потомъ объяснилъ, что такого пріятеля никакъ не найдется, что однѣ издержки по этому дѣлу будутъ стоить болѣе, ибо отъ судовъ нужно отрѣзать полы собственнаго кафтана, да уходить подалѣе; но что если онъ уже дѣйствительно такъ стиснутъ, то, будучи подвигнутъ участіемъ, онъ готовъ дать… но что это такая бездѣлица, о которой даже не стоитъ и говорить“.

„А сколько бы вы дали?“ спросилъ Плюшкинъ, и самъ ожидовѣлъ; руки его задрожали, какъ ртуть.

„Я бы далъ по двадцати пяти копѣекъ за[1] душу“.

„А какъ вы покупаете — на чистыя?“

„Да, сейчасъ деньги“.

„Только, батюшка, ради нищеты-то моей, уже дали бы по сорока копѣекъ“.

„Почтеннѣйшій!“[2] сказалъ Чичиковъ: „не только по сорока копѣекъ, по пятисотъ рублей заплатилъ бы! Съ удовольствіемъ заплатилъ бы, потому что вижу[3] — почтенный, добрый старикъ терпитъ по причинѣ собственнаго добродушія“.

„А, ей Богу, такъ! Ей Богу, правда!“ сказалъ Плюшкинъ, свѣсивъ голову внизъ и сокрушительно покачавъ ее: „все отъ добродушія“.

„Ну, видите ли, я вдругъ постигнулъ вашъ характеръ. Итакъ, почему жъ не дать бы мнѣ по пятисотъ рублей за[4] душу, но… состоянья нѣтъ; по пяти копѣекъ, извольте, готовъ прибавить, чтобы каждая душа обошлась такимъ образомъ въ тридцать копѣекъ“.

„Ну, батюшка, воля ваша, хоть по двѣ копѣйки пристегните“.

„По двѣ копѣечки пристегну, извольте. Сколько ихъ у васъ? Вы, кажется, говорили — семьдесятъ?“

„Нѣтъ, всего наберется семьдесятъ восемь“.

„Семьдесятъ восемь, семьдесятъ восемь, по тридцати копѣекъ за[1] душу, это будетъ...“ Здѣсь герой нашъ одну секунду, не болѣе, подумалъ и сказалъ вдругъ: „это будетъ двадцать четыре рубля девяносто шесть копѣекъ!“ Онъ былъ въ ариѳметикѣ силенъ. Тутъ же заставилъ онъ Плюшкина написать росписку и выдалъ ему деньги, которыя тотъ принялъ въ обѣ руки и понесъ ихъ къ бюро съ такою же осторожностью, какъ будто бы несъ какую-нибудь жидкость, ежеминутно боясь разхлестать ее[2]. Подошедши къ бюро, онъ переглядѣлъ ихъ еще разъ и уложилъ, тоже чрезвычайно осторожно, въ одинъ изъ ящиковъ, гдѣ, вѣрно, имъ суждено быть погребенными до тѣхъ поръ, покамѣстъ отецъ Карпъ и отецъ Поликарпъ, два священника его деревни, не погребутъ его самого, къ неописанной радости зятя и дочери, а можетъ быть, и капитана, приписавшагося[3] ему въ родню. Спрятавши деньги, Плюшкинъ сѣлъ въ кресла и уже, казалось, больше не могъ найти матеріи, о чемъ говорить.

„А что̀, вы ужъ собираетесь ѣхать?“ сказалъ онъ, замѣтивъ небольшое движеніе, которое сдѣлалъ Чичиковъ для того только, чтобы достать изъ кармана платокъ.

Этотъ вопросъ напомнилъ ему, что въ самомъ дѣлѣ незачѣмъ болѣе мѣшкать. „Да, мнѣ пора!“ произнесъ онъ, взявшись за шляпу.

„А чайку̀?“

„Нѣтъ, ужъ чайку̀ пусть лучше когда-нибудь въ другое время“.

„Какъ же? А я приказалъ самоваръ. Я, признаться сказать, не охотникъ до чаю: напитокъ дорогой, да и цѣна на сахаръ поднялась немилосердная. Прошка! не нужно самовара! Сухарь отнеси Маврѣ, слышишь? Пусть его положитъ на то же мѣсто; или, нѣтъ, подай его сюда, я ужо снесу его самъ. Прощайте, батюшка! Да благословитъ васъ Богъ! А письмо-то предсѣдателю вы отдайте. Да! Пусть прочтетъ, онъ мой старый знакомый. Какъ же! Были съ нимъ однокорытниками!“

За симъ, это странное явленіе, этотъ съежившійся старичишка проводилъ его со двора, послѣ чего велѣлъ ворота тотъ же часъ запереть; потомъ обошелъ кладовыя, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть, на своихъ ли мѣстахъ сторожа, которые стояли на всѣхъ углахъ, колотя деревянными лопатками въ пустой боченокъ, намѣсто чугунной доски; послѣ того заглянулъ въ кухню, гдѣ, подъ видомъ того, чтобы попробовать, хорошо ли ѣдятъ люди, наѣлся препорядочно щей съ кашею и, выбранивши всѣхъ до послѣдняго за воровство и дурное поведеніе, возвратился въ свою комнату. Оставшись одинъ, онъ даже подумалъ о томъ, какъ бы ему возблагодарить гостя за такое, въ самомъ дѣлѣ, безпримѣрное великодушіе. „Я ему подарю", — подумалъ онъ про себя, — „карманные часы: они вѣдь хорошіе, серебряные часы, а не то, чтобы какіе нибудь томпаковые, или бронзовые, — немножко поиспорчены, да вѣдь онъ себѣ переправитъ; онъ человѣкъ еще молодой, такъ ему нужны карманные часы, чтобы понравиться своей невѣстѣ. Или нѣтъ",—прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія,— „лучше я оставлю ихъ ему, послѣ моей смерти, въ духовной, чтобы вспоминалъ обо мнѣ".

Но герой нашъ, и безъ часовъ, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Такое неожиданное пріобрѣтеніе было сущій подарокъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ ни говори, не только однѣ мертвыя души, но еще и бѣглыя, и всего двѣсти слишкомъ человѣкъ! Конечно, еще подъѣзжая къ деревнѣ Плюшкина, онъ уже предчувствовалъ, что будетъ кое-какая пожива, но такой прибыточной никакъ не ожидалъ[1]. Всю дорогу онъ былъ веселъ необыкновенно, посвистывалъ, наигрывалъ губами, приставивши ко рту кулакъ, какъ будто игралъ на трубѣ, и наконецъ затянулъ какую-то пѣсню, до такой степени необыкновенную, что самъ Селифанъ слушалъ, слушалъ и потомъ, покачавъ[2] слегка головой, сказалъ: „Вишь ты, какъ баринъ поетъ!" Были уже густыя сумерки, когда подъѣхали они къ городу. Тѣнь со свѣтомъ перемѣшалась совершенно и, казалось, самые предметы перемѣшалися[3] тоже. Пестрый шлагбаумъ принялъ какой-то неопредѣленный цвѣтъ; усы у стоявшаго на часахъ солдата казались на лбу и гораздо выше глазъ, а носа какъ будто не было вовсе. Громъ и прыжки дали замѣтить, что бричка взъѣхала на мостовую. Фонари еще не зажига-

лись, кое-гдѣ только начинали[1] освѣщаться окна домовъ, а въ переулкахъ и закоулкахъ происходили сцены и разговоры, неразлучные съ этимъ временемъ во всѣхъ городахъ, гдѣ много солдатъ, извозчиковъ, работниковъ и особеннаго рода существъ, въ видѣ дамъ въ красныхъ шаляхъ и башмакахъ безъ чулокъ, которыя, какъ летучія мыши, шныряютъ по перекресткамъ. Чичиковъ не замѣчалъ ихъ и даже не замѣтилъ многихъ тоненькихъ чиновниковъ съ тросточками, которые, вѣроятно, сдѣлавши прогулку за городомъ, возвращались домой. Изрѣдка доходили до слуха его какія-то, казалось, женскія восклицанія: „Врешь, пьяница, я никогда не позволяла ему такого грубіянства!“ или: „Ты не дерись, невѣжа, а ступай въ часть, тамъ я тебѣ докажу!...“ Словомъ, тѣ слова, которыя вдругъ обдадутъ, какъ варомъ, какого-нибудь замечтавшагося двадцатилѣтняго юношу, когда, возвращаясь изъ театра, несетъ онъ въ головѣ испанскую улицу, ночь, чудный женскій образъ съ гитарой и кудрями. Чего нѣтъ, и что̀ не грезится въ головѣ его? Онъ въ небесахъ и къ Шиллеру заѣхалъ въ гости — и вдругъ раздаются надъ нимъ, какъ громъ, роковыя слова, и видитъ онъ, что вновь очутился на землѣ, и даже на Сѣнной[2] площади, и даже близь кабака, и вновь пошла по будничному щеголять передъ нимъ жизнь.

Наконецъ бричка, сдѣлавши порядочный скачокъ, опустилась, какъ-будто въ яму, въ ворота гостинницы, и Чичиковъ былъ встрѣченъ Петрушкою, который одною рукою придерживалъ полу своего сюртука, ибо не любилъ, чтобы расходились полы, а другою сталъ помогать ему вылѣзать изъ брички. Половой тоже выбѣжалъ[3] со свѣчею въ рукѣ и салфеткою на плечѣ. Обрадовался ли Петрушка пріѣзду барина, неизвѣстно; по крайней мѣрѣ, они перемигнулись съ Селифаномъ, и обыкновенно суровая его наружность, на этотъ разъ, какъ будто нѣсколько прояснилась.

„Долго изволили погулять“, сказалъ половой, освѣщая лѣстницу.

„Да“, сказалъ Чичиковъ, когда взошелъ на лѣстницу. „Ну, а ты что?“

„Слава Богу“, отвѣчалъ половой, кланяясь. „Вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ шестнадцатый номеръ“.

„Поручикъ?“

„Неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдыя лошади“.

„Хорошо, хорошо, веди себя и впередъ хорошо!“ сказалъ Чичиковъ и вошелъ въ свою комнату. Проходя переднюю, онъ покрутилъ носомъ и сказалъ Петрушкѣ: „Ты бы, по крайней мѣрѣ, хоть окна отперъ!“

„Да я ихъ отпиралъ“, сказалъ Петрушка, да и совралъ. Впрочемъ, баринъ и самъ зналъ, что онъ совралъ, но ужъ не хотѣлъ ничего возражать. Послѣ сдѣланной поѣздки, онъ чувствовалъ сильную усталось. Потребовавши самый легкій ужинъ, состоявшій только въ поросенкѣ, онъ тотъ же часъ раздѣлся и, забравшись подъ одѣяло, заснулъ сильно, крѣпко, заснулъ чуднымъ образомъ, какъ спятъ одни только тѣ счастливцы, которые не вѣдаютъ ни гемороя, ни блохъ, ни слишкомъ сильныхъ умственныхъ способностей.

ГЛАВА VII.

Счастливъ путникъ, который, послѣ длинной, скучной дороги съ ея холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, починками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода дорожными подлецами, видитъ, наконецъ, знакомую крышу съ несущимися навстрѣчу огоньками — и предстанутъ предъ нимъ знакомыя комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ навстрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, и успокоительныя тихія рѣчи, прерываемыя пылающими лобзаніями, властными истребить все печальное изъ памяти[1]. Счастливъ семьянинъ, у кого есть такой уголъ, но горе холостяку!

Счастливъ писатель, который, мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, который, изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ, избралъ однѣ немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ, ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы.

Вдвойнѣ завиденъ прекрасный удѣлъ его: онъ среди ихъ, какъ въ родной семьѣ; а между тѣмъ далеко и громко разносится его слава. Онъ окурилъ упоительнымъ куревомъ людскія очи; онъ чудно польстилъ имъ, сокрывъ печальное въ жизни, показавъ имъ прекраснаго человѣка. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за торжественной его колесницей. Великимъ всемірнымъ поэтомъ именуютъ его, парящимъ высоко надъ всѣми другими геніями міра, какъ паритъ орелъ надъ другими высоколетающими. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Нѣтъ равнаго ему въ силѣ — онъ Богъ![1] Но не таковъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, чтò ежеминутно предъ очами, и чего не зрятъ равнодушныя очи, — всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога, и крѣпкою силою неумолимаго рѣзца дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяньи имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемѣрно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ[2] ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданья, отведетъ[3] ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ[4] ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ[5] отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта: ибо не признаéтъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаéтъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданья; ибо не признаéтъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что[6] цѣлая пропасть между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха! Не признаéтъ сего со-

временный судъ, и все обратитъ въ упрекъ и поношенье непризнанному писателю: безъ раздѣленья, безъ отвѣта, безъ участья, какъ безсемейный путникъ, останется онъ одинъ посреди дороги. Сурово его поприще, и горько почувствуетъ онъ свое одиночество.

И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ священный[1] ужасъ и въ блистанье главы, и почуютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей...

Въ дорогу! въ дорогу! Прочь набѣжавшая на чело морщина и строгій сумракъ лица![2] Разомъ и вдругъ окунемся въ жизнь, со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками[3], и посмотримъ, что̀ дѣлаетъ Чичиковъ.

Чичиковъ проснулся, потянулъ руки и ноги, и почувствовалъ, что выспался хорошо. Полежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь безъ малаго четыреста душъ[4]. Тутъ же[5] вскочилъ онъ съ постели, не посмотрѣлъ даже на свое лицо, которое любилъ искренно и въ которомъ, какъ кажется, привлекательнѣе всего находилъ подбородокъ, ибо[6] весьма часто хвалился имъ предъ кѣмъ-нибудь изъ пріятелей, особливо, если это происходило во время бритья. „Вотъ, посмотри“, говорилъ онъ обыкновенно, поглаживая его рукою: „какой у меня подбородокъ: совсѣмъ круглый!“ — Но теперь онъ не взглянулъ ни на подбородокъ, ни на лицо, а прямо, такъ какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги съ рѣзными выкладками всякихъ цвѣтовъ, какими бойко торгуетъ городъ Торжокъ, благодаря халатнымъ побужденьямъ русской натуры, и, по-шотландски, въ одной короткой рубашкѣ, позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта[7], произвелъ по комнатѣ два прыжка, пришлепнувъ себя весьма ловко пяткой ноги. Потомъ, въ ту же минуту, приступилъ къ дѣлу: передъ шкатулкой потеръ руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ, выѣхавшій на слѣдствіе, неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ, и тотъ же часъ вынулъ изъ нея бумаги. Ему хотѣлось поскорѣе кончить все, не откладывая въ дол-

гій ящикъ. Самъ рѣшился онъ сочинить крѣпости, написать и переписать, чтобъ не платить ничего подъячимъ. Форменный порядокъ былъ ему совершенно извѣстенъ: бойко выставилъ онъ большими буквами: *Тысяча восемьсотъ такого-то года;* потомъ вслѣдъ за тѣмъ мелкими: *помѣщикъ такой-то,* и все, что̀ слѣдуетъ. Въ два часа готово было все. Когда взглянулъ онъ потомъ на эти листики, на мужиковъ[1], которые, точно, были когда-то мужиками, работали, пахали, пьянствовали, извозничали, обманывали бар̣ъ, а можетъ быть, и просто были хорошими мужиками, то какое-то странное, непонятное ему самому чувство овладѣло имъ. Каждая изъ записочекъ какъ будто имѣла какой-то особенный характеръ, и чрезъ то, какъ-будто бы, самые мужики получали свой собственный характеръ. Мужики, принадлежавшіе Коробочкѣ, всѣ почти были съ придатками и прозвищами. Записка Плюшкина отличалась краткостію въ слогѣ: часто были выставлены только начальныя слова именъ и отчествъ, и потомъ двѣ точки. Реестръ Собакевича поражалъ необыкновенною полнотою и обстоятельностію; ни одно изъ качествъ мужика не было пропущено: объ одномъ было сказано: „хорошій столяръ"; къ другому приписано: „дѣло[2] смыслитъ и хмельнаго не беретъ". Означено было также обстоятельно, кто отецъ и кто мать, и какого оба были поведенія; у одного только, какого-то Ѳедотова, было написано: „отецъ неизвѣстно кто, а родился отъ дворовой дѣвки Капитолины, но хорошаго нрава и не воръ". Всѣ сіи подробности придавали какой-то особенный видъ свѣжести: казалось, какъ-будто мужики еще вчера были живы. Смотря долго на имена ихъ, онъ умилился духомъ и, вздохнувши, произнесъ: „Батюшки мои, сколько васъ здѣсь напичкано! Что̀ вы, сердечные мои, подѣлывали на вѣку своемъ? какъ перебивались?" И глаза его невольно остановились на одной фамиліи. Это былъ извѣстный Петръ Савельевъ Неуважай-Корыто, принадлежавшій когда-то помѣщицѣ Коробочкѣ. Онъ опять не утерпѣлъ, чтобъ не сказать: „Эхъ какой длинный, во всю строку разъѣхался! Мастеръ ли ты былъ, или просто мужикъ, и какою смертью тебя прибрало? Въ кабакѣ ли, или середи дороги переѣхалъ тебя соннаго неуклюжій обозъ? — Пробка[3] Степанъ, *плотникъ, трезвости примѣрной.* — А! вотъ онъ, Степанъ Пробка, вотъ тотъ богатырь,

чтò въ гвардію годился бы! Чай, всѣ губерніи исходилъ съ топоромъ за поясомъ и сапогами на плечахъ, съѣдалъ на грошъ хлѣба, да на два сушеной рыбы, а въ мошнѣ, чай, притаскивалъ всякій разъ домой цѣлковиковъ по сту, а можетъ и государственную[1] зашивалъ въ холстяные штаны или затыкалъ въ сапогъ. Гдѣ тебя прибрало? Взмостился ли ты для бòльшаго прибытку подъ церковный куполъ, а, можетъ быть, и на крестъ потащился[2] и, поскользнувшись оттуда съ перекладины, шлепнулся о земь, и только какой-нибудь стоявшій возлѣ тебя дядя Михей, почесавъ рукою въ затылкѣ, примолвилъ: „Эхъ, Ваня, угораздило тебя!“ а самъ, подвязавшись веревкой, полѣзъ на твое мѣсто. — Максимъ Телятниковъ, *сапожникъ*. Хе, сапожникъ! *Пьянъ, какъ сапожникъ*, говоритъ пословица. Знаю, знаю тебя, голубчикъ; если хочешь, всю исторію твою разскажу. Учился ты у нѣмца, который кормилъ васъ всѣхъ вмѣстѣ, билъ ремнемъ по спинѣ за неакуратность и не выпускалъ на улицу повѣсничать, и былъ ты чудо, а не сапожникъ; и не нахвалился тобою нѣмецъ, говоря съ женой или съ камрадомъ. А какъ кончилось твое ученье: „А вотъ теперь я заведусь своимъ домкомъ“, сказалъ ты: „да не такъ, какъ нѣмецъ, чтò изъ копѣйки тянется, а вдругъ разбогатѣю“. И вотъ, давши барину порядочный оброкъ, завелъ ты лавчонку, набравъ заказовъ кучу, и пошелъ работать. Досталъ гдѣ-то въ три дешева гнилушки кожи и выигралъ, точно, вдвое на всякомъ сапогѣ, да черезъ недѣли двѣ перелопались твои сапоги, и выбранили тебя подлѣйшимъ образомъ. И вотъ лавчонка твоя запустѣла, и ты пошелъ попивать да валяться по улицамъ, приговаривая: „Нѣтъ, плохо на свѣтѣ! Нѣтъ житья русскому человѣку: все нѣмцы мѣшаютъ!“ — „Это чтò за мужикъ: Елизавета Воробей? Фу, ты пропасть: баба! Она какъ сюда затесалась? Подлецъ Собакевичъ, и здѣсь надулъ!“ Чичиковъ былъ правъ; это была, точно, баба. Какъ она забралась туда, неизвѣстно; но такъ искусно была прописана, что издали можно было принять ее за мужика и даже имя оканчивалось на букву *ъ*, то есть, не Елизавета, а Елизаветъ. Однакоже онъ это не принялъ въ уваженье и тутъ же ее вычеркнулъ. — „Григорій[3] Доѣзжай-недоѣдешь! Ты что былъ за человѣкъ? Извозомъ ли промышлялъ и, заведши тройку и рогожную кибитку, отрекся навѣки отъ дому, отъ[4] родной берлоги,

и пошелъ тащиться съ купцами на ярмарку? На дорогѣ ли ты отдалъ душу Богу, или уходили тебя твои же пріятели за какую-нибудь толстую и краснощекую солдатку, или приглядѣлись лѣсному бродягѣ ременныя твои рукавицы и тройка приземистыхъ, но крѣпкихъ коньковъ, или, можетъ, и самъ, лежа на полатяхъ, думалъ, думалъ, да ни съ того ни съ другаго заворотилъ въ кабакъ, а потомъ прямо въ прорубь, и поминай какъ звали? Эхъ, русскій народецъ! Не любитъ умирать своею смертью!" — „А вы чтò, мои голубчики?" продолжалъ онъ, переводя глаза на бумажку, гдѣ были помѣчены бѣглыя души Плюшкина: „вы хоть и въ живыхъ еще, а чтò въ васъ толку? то же, что и мертвые. И гдѣ-то носятъ васъ теперь ваши быстрыя ноги? Плохо ли вамъ было у Плюшкина, или, просто, по своей охотѣ гуляете по лѣсамъ да дерете проѣзжихъ? По тюрьмамъ ли сидите, или пристали къ другимъ господамъ и пашете землю? — Еремей Карякинъ, Никита Волокита, сынъ его Антонъ Волокита. Эти и по прозвищу видно, что хорошіе бѣгуны. — Поповъ, дворовый человѣкъ... Долженъ быть грамотѣй: ножа, я чай, не взялъ въ руки, а проворовался благороднымъ образомъ. Но вотъ ужъ тебя безпашпортнаго поймалъ капитанъ-исправникъ. Ты стоишь бодро на очной ставкѣ. „Чей ты?" говоритъ капитанъ-исправникъ, ввернувши тебѣ, при сей вѣрной оказіи, кое-какое крѣпкое словцо. — „Такого-то и такого-то помѣщика", отвѣчаешь ты бойко. „Зачѣмъ ты здѣсь?" говоритъ капитанъ-исправникъ. — „Отпущенъ на оброкъ", отвѣчаешь ты безъ запинки. „Гдѣ твой пашпортъ?" — „У хозяина, мѣщанина Пименова". — „Позвать Пименова! Ты Пименовъ?" — „Я Пименовъ". — „Давалъ онъ тебѣ пашпортъ свой?" — „Нѣтъ, не давалъ онъ мнѣ никакого пашпорта". — „Что жъ ты врешь?" говоритъ капитанъ-исправникъ, съ прибавкою кое-какого крѣпкаго словца. „Такъ точно", отвѣчаешь ты бойко: „я не давалъ ему, потому что пришелъ домой поздно, а отдалъ на подержаніе Антипу Прохорову, звонарю". — „Позвать звонаря! Давалъ онъ тебѣ пашпортъ?" — „Нѣтъ, не получалъ я отъ него пашпорта". — „Чтò жъ ты опять врешь?" говоритъ капитанъ-исправникъ, скрѣпивши рѣчь кое-какимъ крѣпкимъ словцомъ. „Гдѣ жъ твой пашпортъ?" — „Онъ у меня былъ", говоришь ты проворно: „да, статься можетъ, видно, какъ-

нибудь дорогой пооборонилъ его". — „А солдатскую шинель", говоритъ капитанъ-исправникъ, загвоздивши тебѣ опять въ придачу кое-какое крѣпкое словцо: „зачѣмъ стащилъ? и у священника тоже сундукъ съ мѣдными деньгами?" — „Никакъ нѣтъ", говоришь ты, не сдвинувшись: „въ воровскомъ дѣлѣ никогда еще не оказывался". — „А почему же шинель нашли у тебя?" — „Не могу знать: вѣрно, кто-нибудь другой принесъ ее". — „Ахъ, ты бестія, бестія!" говоритъ капитанъ-исправникъ, покачивая головою и взявшись подъ бока. „А набейте ему на ноги колодки, да сведите въ тюрьму". — „Извольте! я съ удовольствіемъ", отвѣчаешь ты. И вотъ, вынувши изъ кармана табакерку, ты потчиваешь дружелюбно какихъ-то двухъ инвалидовъ, набивающихъ на тебя колодки, и разспрашиваешь ихъ, давно ли они въ отставкѣ и въ какой войнѣ бывали. И вотъ ты себѣ живешь въ тюрьмѣ, покамѣстъ въ судѣ производится твое дѣло. И пишетъ судъ: препроводить тебя изъ Царево-Кокшайска въ тюрьму такого-то города; а тотъ судъ пишетъ опять: препроводить тебя въ какой-нибудь Весьегонскъ[1]; и ты переѣзжаешь себѣ изъ тюрьмы въ тюрьму, и говоришь, осматривая новое обиталище: „Нѣтъ, вотъ весьегонская[2] тюрьма будетъ почище: тамъ хоть и въ бабки, такъ есть мѣсто, да и общества больше". — „Абакумъ Ѳыровъ! Ты, братъ, что̀? гдѣ, въ какихъ мѣстахъ шатаешься? Занесло ли тебя на Волгу, и взлюбилъ ты вольную жизнь, приставши къ бурлакамъ?.." Тутъ Чичиковъ остановился и слегка задумался. Надъ чѣмъ[3] онъ задумался? Задумался ли онъ надъ участью Абакума Ѳырова, или задумался такъ, самъ собою, какъ задумывается всякій русскій, какихъ бы ни былъ лѣтъ, чина и состоянія, когда замыслитъ объ разгулѣ широкой жизни? И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ теперь Ѳыровъ? Гуляетъ шумно и весело на хлѣбной пристани, порядившись съ купцами. Цвѣты и ленты на шляпѣ, вся веселится бурлацкая ватага, прощаясь съ любовницами и женами, высокими, стройными, въ монистахъ и лентахъ; хороводы, пѣсни; кипитъ вся площадь, а носильщики между тѣмъ, при крикахъ, браняхъ и понуканьяхъ, нацѣпляя крючкомъ по девяти пудовъ себѣ на спину, съ шумомъ сыплютъ горохъ и пшеницу въ глубокія суда, валятъ кули съ овсомъ и крупой, и далече виднѣются[4] по всей площади кучи наваленныхъ въ пирамиду, какъ ядра, мѣшковъ,

и громадно выглядываетъ весь хлѣбный арсеналъ, пока не перегрузится весь[1] въ глубокія суда-суряки и не понесется гусемъ, вмѣстѣ съ весенними льдами, безконечный флотъ. Тамъ-то вы наработаетесь, бурлаки! и дружно, какъ прежде гуляли и бѣсились, приметесь за трудъ и потъ, таща лямку подъ одну безконечную, какъ Русь, пѣсню!

„Эхе, хе! двѣнадцать часовъ!“ сказалъ наконецъ Чичиковъ, взглянувъ на часы. „Что жъ я такъ закопался? Да еще пусть бы дѣло дѣлалъ, а то ни съ того, ни съ другаго, сначала загородилъ околесину, а потомъ задумался. Экой я дуракъ въ самомъ дѣлѣ!“ Сказавши это, онъ перемѣнилъ свой шотландскій костюмъ на европейскій, стянулъ покрѣпче пряжкой свой полный животъ, вспрыснулъ себя одеколономъ, взялъ въ руки теплый картузъ и бумаги подъ мышку и отправился въ гражданскую палату совершать купчую. Онъ спѣшилъ не потому, что боялся опоздать, — опоздать онъ не боялся, ибо[2] предсѣдатель былъ человѣкъ знакомый и могъ продлить и укоротить, по его желанью, присутствіе, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрыя ночи, когда нужно было прекратить брань любезныхъ ему героевъ или дать имъ средство додраться; но онъ самъ въ себѣ чувствовалъ желаніе скорѣе, какъ можно, привести дѣло[3] къ концу; до тѣхъ поръ ему казалось все неспокойно и неловко: все-таки приходила мысль[4], что души не совсѣмъ настоящія и что въ подобныхъ случаяхъ такую обузу всегда нужно поскорѣе съ плечъ. Не успѣлъ онъ выйти на улицу, размышляя обо всемъ этомъ и въ то же время таща на плечахъ медвѣди, крытые[5] коричневымъ сукномъ, какъ, на самомъ поворотѣ въ переулокъ, столкнулся тоже съ господиномъ въ медвѣдяхъ, крытыхъ коричневымъ сукномъ, и въ тепломъ картузѣ съ ушами. Господинъ вскрикнулъ — это былъ Маниловъ. Они заключили тутъ же другъ друга въ объятія и минутъ пять оставались на улицѣ въ такомъ положеніи. Поцѣлуи съ обѣихъ сторонъ такъ были сильны, что у обоихъ весь день почти болѣли передніе зубы. У Манилова отъ радости остались только носъ да губы на лицѣ, глаза совершенно исчезли. Съ четверть часа держалъ онъ обѣими руками руку Чичикова и нагрѣлъ ее страшно. Въ оборотахъ самыхъ тонкихъ и пріятныхъ онъ разсказалъ, какъ летѣлъ обнять Павла Ивановича; рѣчь была

заключена такимъ комплиментомъ, какой развѣ только приличенъ одной дѣвицѣ, съ которой идутъ танцовать. Чичиковъ открылъ ротъ, еще не зная самъ, какъ благодарить[1], какъ вдругъ Маниловъ вынулъ изъ-подъ шубы бумагу, свернутую въ трубочку и связанную розовою ленточкой.

„Это что̀?“

„Мужички.“

„А!“ — Онъ тутъ же развернулъ ее, пробѣжалъ глазами и подивился чистотѣ и красотѣ почерка. „Славно написано“, сказалъ онъ: „не нужно и переписывать. Еще и каемка вокругъ! Кто это такъ искусно сдѣлалъ каемку?“

„Ну, ужъ не спрашивайте“, сказалъ Маниловъ.

„Вы?“

„Жена“.

„Ахъ, Боже мой! Мнѣ, право, совѣстно, что нанесъ столько затрудненій“.

„Для Павла Ивановича не существуетъ затрудненій“.

Чичиковъ поклонился съ признательностью. Узнавши, что онъ шелъ въ палату за совершеніемъ купчей, Маниловъ изъявилъ готовность ему сопутствовать. Пріятели взялись подъ руку и пошли вмѣстѣ. При всякомъ небольшомъ возвышеніи, или горкѣ, или ступенькѣ, Маниловъ поддерживалъ Чичикова и почти приподнималъ его рукою, присовокупляя съ пріятною улыбкою, что онъ не допуститъ никакъ Павла Ивановича зашибить свои ножки. Чичиковъ совѣстился, не зная, какъ благодарить, ибо чувствовалъ, что нѣсколько былъ тяжеленекъ. Во взаимныхъ услугахъ, они дошли, наконецъ, до площади, гдѣ находились присутственныя мѣста — большой трехъ-этажный каменный домъ, весь бѣлый, какъ мѣлъ, вѣроятно, для изображенія чистоты душъ помѣщавшихся въ немъ должностей. Прочія зданія на площади не отвѣчали огромностію каменному дому. Это были: караульная будка, у которой стоялъ солдатъ съ ружьемъ, двѣ-три извощичьи биржи и, наконецъ, длинные заборы, съ извѣстными заборными надписями и рисунками, нацарапанными углемъ и мѣломъ. Болѣе не находилось ничего на сей уединенной или, какъ у насъ выражаются, красивой площади. Изъ оконъ втораго и третьяго этажа высовывались неподкупныя головы жрецовъ Ѳемиды и въ ту жъ минуту прятались опять: вѣроятно, въ то время

входилъ въ комнату начальникъ. Пріятели не взошли, а взбѣжали по лѣстницѣ, потому что Чичиковъ, стараясь избѣгнуть поддерживанья подъ руки со стороны Манилова, ускорялъ шагъ, а Маниловъ тоже, съ своей стороны, летѣлъ впередъ, стараясь не позволить Чичикову устать, и потому оба запыхались весьма сильно, когда вступили въ темный коридоръ. Ни въ коридорахъ, ни въ комнатахъ взоръ ихъ не былъ пораженъ чистотою. Тогда еще не заботились о ней, и то, что было грязно, такъ и оставалось грязнымъ, не принимая привлекательной наружности. Ѳемида просто, какова есть, въ неглиже и халатѣ, принимала гостей. Слѣдовало бы описать канцелярскія комнаты, которыми проходили наши герои, но авторъ питаетъ сильную робость ко всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ[1]. Если и случалось ему проходить ихъ даже въ блистательномъ и облагороженномъ видѣ, съ лакированными полами и столами, онъ старался пробѣжать[2], какъ можно, скорѣе, смиренно опустивъ и потупивъ глаза въ землю, а потому совершенно не знаетъ, какъ тамъ все благоденствуетъ и процвѣтаетъ. Герои наши видѣли много бумаги, и черновой и бѣлой, наклонившіяся головы, широкіе затылки, фраки, сюртуки губернскаго покроя и даже, просто, какую-то свѣтло-сѣрую куртку, отдѣлившуюся весьма рѣзко, которая, своротивъ голову на бокъ и положивъ ее почти на самую бумагу, выписывала бойко и замашисто какой-нибудь протоколъ объ оттяганьи земли или опискѣ имѣнія, захваченнаго какимъ-нибудь мирнымъ помѣщикомъ, покойно доживающимъ вѣкъ свой подъ судомъ, нажившимъ себѣ и дѣтей, и внуковъ, подъ его покровомъ; да слышались урывками короткія выраженія, произносимыя хриплымъ голосомъ: „Одолжите, Ѳедосѣй Ѳедосѣевичъ, дѣльцо за № 368!“—„Вы всегда куда-нибудь затаскаете пробку съ казенной чернильницы!“ Иногда голосъ, болѣе величавый, безъ сомнѣнія, одного изъ начальниковъ, раздавался повелительно: „На, перепиши! а не то — снимутъ сапоги, и просидишь ты у меня шесть сутокъ, не ѣвши“. Шумъ отъ перьевъ былъ большой и походилъ на то, какъ будто бы нѣсколько телѣгъ съ хворостомъ проѣзжали лѣсъ, заваленный на четверть аршина изсохшими листьями.

Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу, гдѣ сидѣли два чиновника еще юныхъ лѣтъ, и спросили: „Позвольте узнать, гдѣ здѣсь дѣла по крѣпостямъ?“

„А что̀ вамъ нужно?“ сказали оба чиновника, оборотившись.

„А мнѣ нужно подать просьбу“.

„А вы что̀ купили такое?“

„Я бы хотѣлъ прежде знать, гдѣ крѣпостной столъ, здѣсь или въ другомъ мѣстѣ?“

„Да скажите прежде, что̀ купили и въ какую цѣну, такъ мы вамъ тогда и скажемъ, гдѣ; а такъ нельзя знать“.

Чичиковъ тотчасъ увидѣлъ, что чиновники были, просто, любопытны, подобно всѣмъ молодымъ чиновникамъ, и хотѣли придать болѣе вѣсу и значенія себѣ и своимъ занятіямъ.

„Послушайте, любезные“, сказалъ онъ[1]: „я очень хорошо знаю, что всѣ дѣла по крѣпостямъ, въ какую бы ни было цѣну, находятся въ одномъ мѣстѣ, а потому прошу васъ показать намъ столъ; а если вы не знаете, что̀ у васъ дѣлается, такъ мы спросимъ у другихъ“. Чиновники на это ничего не отвѣчали, одинъ изъ нихъ только тыкнулъ пальцемъ въ уголъ комнаты, гдѣ сидѣлъ за столомъ какой-то старикъ, перемѣчавшій какія-то бумаги. Чичиковъ и Маниловъ прошли промежъ столами прямо къ нему. Старикъ занимался очень внимательно.

„Позвольте узнать“, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: „здѣсь дѣла по крѣпостямъ?“

Старикъ поднялъ глаза и произнесъ съ разстановкою: „Здѣсь нѣтъ дѣлъ по крѣпостямъ“.

„А гдѣ же?“

„Это въ крѣпостной экспедиціи“.

„А гдѣ же крѣпостная экспедиція?“

„Это у Ивана Антоновича“.

„А гдѣ же Иванъ Антоновичъ?“

Старикъ тыкнулъ пальцемъ въ другой уголъ комнаты. Чичиковъ и Маниловъ отправились къ Ивану Антоновичу. Иванъ Антоновичъ уже запустилъ одинъ глазъ назадъ и оглянулъ ихъ искоса, но въ ту же минуту погрузился еще внимательнѣе въ писаніе.

„Позвольте узнать“, сказалъ Чичиковъ съ поклономъ: „здѣсь крѣпостной столъ?“

Иванъ Антоновичъ какъ-будто бы и не слыхалъ и углубился совершенно въ бумаги, не отвѣчая ничего. Видно было вдругъ, что это былъ уже человѣкъ благоразумныхъ лѣтъ,— не то, что молодой болтунъ и вертоплясъ. Иванъ Антоновичъ,

казалось, имѣлъ уже далеко за сорокъ лѣтъ; волосъ на немъ былъ черный, густой; вся середина лица выступала у него впередъ и пошла въ носъ; словомъ, это было то лицо, которое называютъ въ общежитьи[1] кувшиннымъ рыломъ.

„Позвольте узнать, здѣсь крѣпостная экспедиція?“ сказалъ Чичиковъ.

„Здѣсь“, сказалъ Иванъ Антоновичъ, поворотилъ свое кувшинное рыло и приложился опять писать.

„А у меня дѣло вотъ какое: куплены мною у разныхъ владѣльцевъ здѣшняго уѣзда крестьяне на выводъ; купчая есть, остается совершить“.

„А продавцы на-лицо?“

„Нѣкоторые здѣсь, а отъ другихъ довѣренность“.

„А просьбу принесли?“

„Принесъ и просьбу. Я бы хотѣлъ... мнѣ нужно поторопиться... Такъ нельзя ли, напримѣръ, кончить дѣло сегодня?“

„Да, сегодня!... Сегодня нельзя“, сказалъ Иванъ Антоновичъ: „Нужно навести еще справки, нѣтъ ли еще запрещеній“.

„Впрочемъ, что̀ до того, чтобъ ускорить дѣло, такъ Иванъ Григорьевичъ, предсѣдатель, мнѣ большой другъ...“

„Да вѣдь Иванъ Григорьевичъ не одинъ; бываютъ и другіе“, сказалъ сурово Иванъ Антоновичъ.

Чичиковъ понялъ заковыку, которую завернулъ Иванъ Антоновичъ, и сказалъ: „Другіе тоже не будутъ въ обидѣ; я самъ служилъ, дѣло знаю...“

„Идите къ Ивану Григорьевичу“, сказалъ Иванъ Антоновичъ, голосомъ нѣсколько поласковѣе: „Пусть онъ дастъ приказъ, кому слѣдуетъ, а за нами дѣло не постоитъ“.

Чичиковъ, вынувъ изъ кармана бумажку, положилъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ, которую тотъ совершенно не замѣтилъ, и накрылъ тотчасъ ее книгою. Чичиковъ хотѣлъ было указать ему ее, но Иванъ Антоновичъ движеніемъ головы далъ знать, что не нужно показывать.

„Вотъ, онъ васъ проведетъ въ присутствіе“, сказалъ Иванъ Антоновичъ, кивнувъ головою, и одинъ изъ священно-дѣйствующихъ[2], тутъ же находившихся,— приносившій съ такимъ усердіемъ жертвы Өемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что̀ и получилъ въ свое

время коллежскаго регистратора[1], — прислужился нашимъ пріятелямъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, и провелъ ихъ въ комнату присутствія, гдѣ стояли однѣ только широкія кресла, и въ нихъ, передъ столомъ за зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель. Въ этомъ мѣстѣ новый Виргилій почувствовалъ такое благоговѣніе, что никакъ не осмѣлился занести туда ногу и поворотилъ назадъ, показавъ свою спину, вытертую какъ рогожка, съ прилипнувшимъ гдѣ-то куринымъ перомъ. Вошедши въ залу присутствія, они увидѣли, что предсѣдатель былъ не одинъ: подлѣ него сидѣлъ Собакевичъ, совершенно заслоненный зерцаломъ. Приходъ гостей произвелъ восклицаніе, правительственныя кресла были отодвинуты съ шумомъ. Собакевичъ тоже привсталъ со стула и сталъ виденъ со всѣхъ сторонъ съ длинными своими рукавами. Предсѣдатель принялъ Чичикова въ объятія, и комната присутствія огласилась поцѣлуями; спросили другъ друга о здоровьѣ; оказалось, что у обоихъ побаливаетъ поясница, что̀[2] тутъ же было отнесено къ сидячей жизни. Предсѣдатель, казалось, уже былъ увѣдомленъ Собакевичемъ о покупкѣ[3], потому что принялся поздравлять, что̀ сначала нѣсколько смѣшало нашего героя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что и Собакевичъ, и Маниловъ, оба продавцы, съ которыми дѣло было улажено келейно, теперь стояли вмѣстѣ лицомъ другъ къ другу. Однакоже онъ поблагодарилъ предсѣдателя и, обратившись тутъ же къ Собакевичу, спросилъ: „А ваше какъ здоровье?“

„Слава Богу, не пожалуюсь“, сказалъ Собакевичъ. И точно, не на что̀ было жаловаться: скорѣе желѣзо могло простудиться и кашлять, чѣмъ этотъ на диво сформированный[4] помѣщикъ.

„Да вы всегда славились здоровьемъ“, сказалъ предсѣдатель: „и покойный вашъ батюшка былъ также крѣпкій человѣкъ“.

„Да, на медвѣдя одинъ хаживалъ“, отвѣчалъ Собакевичъ.

„Мнѣ кажется, однакожъ“, сказалъ предсѣдатель: „вы бы тоже повалили медвѣдя, если бы захотѣли выйти противъ него“.

„Нѣтъ, не повалю“, отвѣчалъ Собакевичъ: „покойникъ былъ меня покрѣпче“. И, вздохнувши, продолжалъ: „Нѣтъ, теперь не тѣ люди: вотъ хоть и моя жизнь, что̀ за жизнь? Такъ какъ-то себѣ...“

„Чѣмъ же ваша жизнь не красна?“ сказалъ предсѣдатель.

„Не хорошо, не хорошо!“ сказалъ Собакевичъ, покачавъ головою. „Вы посудите, Иванъ Григорьевичъ: пятый десятокъ живу, ни разу не былъ боленъ; хоть бы горло заболѣло[1], вередъ или чирей выскочилъ... Нѣтъ, не къ добру! Когда-нибудь придется поплатиться за это“. Тутъ Собакевичъ погрузился въ меланхолію.

„Экъ его!“ подумали въ одно время и Чичиковъ, и предсѣдатель: „на что вздумалъ пенять!“

„Къ вамъ у меня есть письмецо“, сказалъ Чичиковъ, вынувъ изъ кармана письмо Плюшкина.

„Отъ кого?“ сказалъ предсѣдатель и, распечатавши, воскликнулъ: „А, отъ Плюшкина! Онъ еще до сихъ поръ прозябаетъ на свѣтѣ. Вотъ судьба! Вѣдь какой былъ умнѣйшій, богатѣйшій человѣкъ! А теперь...“

„Собака“, сказалъ Собакевичъ: „мошенникъ, всѣхъ людей переморилъ голодомъ“.

„Извольте, извольте“, сказалъ предсѣдатель, прочитавъ письмо: „я готовъ быть повѣреннымъ. Когда вы хотите совершить купчую, теперь или послѣ?“

„Теперь“, сказалъ Чичиковъ: „я буду просить даже васъ, если можно, сегодня, потому что мнѣ завтра хотѣлось бы выѣхать изъ города; я принесъ и крѣпости, и просьбу“.

„Все это хорошо, только, ужъ какъ хотите, мы васъ не выпустимъ такъ рано. Крѣпости будутъ совершены сегодня, а вы все-таки съ нами поживите. Вотъ я сейчасъ отдамъ приказъ“, сказалъ онъ и отворилъ дверь въ канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивымъ пчеламъ, разсыпавшимся по сотамъ, если только соты можно уподобить канцелярскимъ дѣламъ: „Иванъ Антоновичъ здѣсь?“

„Здѣсь!“ отозвался голосъ извнутри.

„Позовите его сюда!“

Уже извѣстный читателямъ Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, показался въ залѣ присутствія и почтительно поклонился.

„Вотъ возьмите, Иванъ Антоновичъ, всѣ эти крѣпости ихъ...“

„Да не позабудьте, Иванъ Григорьевичъ“, подхватилъ Со-

бакевичъ: „нужно будетъ свидѣтелей, хотя по два съ каждой стороны. Пошлите теперь же къ прокурору: онъ человѣкъ праздный и, вѣрно, сидитъ дома: за него все дѣлаетъ стряпчій Золотуха, первѣйшій хапуга въ мірѣ. Инспекторъ врачебной управы, онъ также человѣкъ праздный и, вѣрно, дома, если не поѣхалъ куда-нибудь играть въ карты; да еще тутъ много есть, кто поближе: Трухачевскій, Бѣгушкинъ — они всѣ даромъ бременятъ землю".

„Именно, именно!" сказалъ предсѣдатель, и тотъ же часъ отрядилъ за ними[1] всѣми канцелярскаго.

„Еще я попрошу васъ", сказалъ Чичиковъ: „пошлите за повѣреннымъ одной помѣщицы, съ которой я тоже совершилъ сдѣлку, — сыномъ протопопа отца Кирилла; онъ служитъ у васъ же".

„Какъ же, пошлемъ и за нимъ!" сказалъ предсѣдатель: „все будетъ сдѣлано, а чиновнымъ вы никому не давайте ничего; объ этомъ я васъ прошу. Пріятели мои не должны платить". Сказавши это, онъ тутъ же далъ какое-то приказанье Ивану Антоновичу, какъ видно, ему не понравившееся. Крѣпости произвели, кажется, хорошее дѣйствіе на предсѣдателя, особливо, когда онъ увидѣлъ, что всѣхъ покупокъ было почти на сто тысячъ рублей. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ въ глаза Чичикову съ выраженьемъ большаго удовольствія и, наконецъ, сказалъ: „Такъ вотъ какъ! Этакимъ-то образомъ, Павелъ Ивановичъ! Такъ вотъ вы пріобрѣли".

„Пріобрѣлъ", отвѣчалъ Чичиковъ.

„Благое дѣло! Право, благое дѣло!"

„Да я вижу самъ, что болѣе благаго дѣла не могъ бы предпринять. Какъ бы то ни было, цѣль человѣка все еще не опредѣлена, если онъ не сталъ, наконецъ, твердой стопою на прочное основаніе, а не на какую-нибудь вольнодумную химеру юности". Тутъ онъ весьма кстати выбранилъ за либерализмъ, и по-дѣломъ, всѣхъ молодыхъ людей. Но замѣчательно, что въ словахъ его была все какая-то нетвердость, какъ будто бы тутъ же сказалъ онъ самъ себѣ: „Эхъ, братъ, врешь ты, да еще и сильно!" Онъ даже не взглянулъ на Собакевича и Манилова, изъ боязни встрѣтить что-нибудь на ихъ лицахъ. Но напрасно боялся онъ: лицо Собакевича не шевельнулось, а Маниловъ, обвороженный фразою, отъ удовольствія только

потряхивалъ одобрительно головою, погрузясь въ такое положеніе, въ какомъ находится любитель музыки, когда пѣвица перещеголяла самую скрыпку и пискнула такую тонкую ноту, какая не въ мочь и птичьему горлу.

„Да что жъ вы не скажете Ивану Григорьевичу“, отозвался Собакевичъ: „что̀ такое именно вы пріобрѣли? А вы, Иванъ Григорьевичъ, что вы не спросите, какое пріобрѣтеніе они сдѣлали? Вѣдь какой народъ! Просто, золото! Вѣдь я имъ продалъ и каретника Михѣева“.

„Нѣтъ, будто и Михѣева продали?“ сказалъ предсѣдатель. „Я знаю каретника Михѣева: славный мастеръ; онъ мнѣ дрожки передѣлалъ. Только позвольте, какъ же.... Вѣдь вы мнѣ сказывали, что онъ умеръ“...

„Кто, Михѣевъ умеръ?“ сказалъ Собакевичъ, ничуть не смѣшавшись. „Это его братъ умеръ; а онъ преживехонькій и сталъ здоровѣе прежняго. На дняхъ такую бричку наладилъ, что и въ Москвѣ не сдѣлать. Ему, по настоящему, только на одного государя и работать“.

„Да, Михѣевъ славный мастеръ“, сказалъ предсѣдатель: „и я дивлюсь даже, какъ вы могли съ нимъ разстаться“.

„Да будто одинъ Михѣевъ! А Пробка Степанъ, плотникъ, Милушкинъ, кирпичникъ, Телятниковъ Максимъ, сапожникъ,— вѣдь всѣ пошли, всѣхъ продалъ!“ А когда предсѣдатель спросилъ, зачѣмъ же они пошли, будучи людьми необходимыми для дому и мастеровыми, Собакевичъ отвѣчалъ, махнувши рукой: „А такъ, просто, нашла дурь: дай, говорю, продамъ, да и продалъ сдуру!“ За симъ онъ повѣсилъ голову такъ, какъ будто самъ раскаявался въ этомъ дѣлѣ, и прибавилъ: „Вотъ и сѣдой человѣкъ, а до сихъ поръ не набрался ума“.

„Но позвольте, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ предсѣдатель: „какъ же вы покупаете крестьянъ безъ земли? Развѣ на выводъ?“

„На выводъ“.

„Ну, на выводъ — другое дѣло; а въ какія мѣста?“

„Въ мѣста.... въ Херсонскую губернію“.

„О, тамъ отличныя земли!“ сказалъ предсѣдатель и отозвался съ большою похвалою на счетъ рослости тамошнихъ травъ.

„А земли въ достаточномъ количествѣ?“

„Въ достаточномъ, — столько, сколько нужно для купленныхъ крестьянъ“.

„Рѣка или прудъ?“

„Рѣка. Впрочемъ, и прудъ есть“. Сказавъ это, Чичиковъ взглянулъ ненарокомъ на Собакевича, и хотя Собакевичъ былъ попрежнему неподвиженъ, но ему казалось, будто бы было написано на лицѣ его: „Ой, врешь ты! Врядъ ли есть рѣка и прудъ, да и вся земля!“

Пока продолжались разговоры, начали мало по малу появляться свидѣтели: знакомый читателю прокуроръ-моргунъ, инспекторъ врачебной управы, Трухачевскій, Бѣгушкинъ и прочіе, по словамъ Собакевича, даромъ бременящіе землю. Многіе изъ нихъ были совсѣмъ незнакомы Чичикову; недостававшіе и лишніе набраны были тутъ же изъ палатскихъ чиновниковъ. Привели также не только сына протопопа отца Кирила, но даже и самого протопопа. Каждый изъ свидѣтелей помѣстилъ себя со всѣми своими достоинствами и чинами, кто оборотнымъ шрифтомъ, кто косяками, кто, просто, чуть не верхъ ногами, помѣщая такія буквы, какихъ даже и не видано было въ русскомъ алфавитѣ. Извѣстный Иванъ Антоновичъ управился весьма проворно, крѣпости были записаны, помѣчены, занесены въ книгу и куда слѣдуетъ, съ принятіемъ полупроцентовыхъ и за припечатку въ Вѣдомостяхъ, и[1] Чичикову пришлось заплатить самую малость. Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая, неизвѣстно какимъ образомъ, отнесена была на счетъ какого-то другаго просителя.

„Итакъ“, сказалъ предсѣдатель, когда все было кончено: „остается теперь только вспрыснуть покупочку“.

„Я готовъ“, сказалъ Чичиковъ. „Отъ васъ зависитъ только назначить время. Былъ бы грѣхъ съ моей стороны, если бы для эдакого пріятнаго общества да не раскупорить другую, третью бутылочку шипучаго“.

„Нѣтъ, вы не такъ приняли дѣло: шипучаго мы сами поставимъ“, сказалъ предсѣдатель: „это наша обязанность, нашъ долгъ. Вы у насъ гость: намъ должно угощать. Знаете ли чтò, господа? Покамѣстъ чтò, а мы вотъ какъ сдѣлаемъ: отправимтесь-ка всѣ, такъ какъ есть, къ полицеймейстеру; онъ у насъ чудотворецъ[2]: ему стòитъ только мигнуть, проходя

мимо рыбнаго ряда или погреба, такъ мы, знаете ли, какъ закусимъ! Да при этой оказіи и въ вистишку".

Отъ такого предложенія никто не могъ отказаться. Свидѣтели, уже при одномъ наименованьи рыбнаго ряда, почувствовали аппетитъ; взялись всѣ тотъ же часъ за картузы и шапки, и присутствіе кончилось. Когда проходили они канцелярію, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку Чичикову: „Крестьянъ накупили на сто тысячъ, а за труды дали только одну бѣленькую".

„Да вѣдь какіе крестьяне?" отвѣчалъ ему на это тоже шопотомъ Чичиковъ: „препустой и преничтожный народъ, и половины не стòитъ". Иванъ Антоновичъ понялъ, что посѣтитель былъ характера твердаго и больше не дастъ.

„А почемъ купили душу у Плюшкина?" шепнулъ ему на другое ухо Собакевичъ.

„А Воробья зачѣмъ приписали?" сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ.

„Какого Воробья?" сказалъ Собакевичъ.

„Да бабу, Елисавету Воробья, еще и букву ъ поставили на концѣ".

„Нѣтъ, никакого Воробья я не приписывалъ", сказалъ Собакевичъ и отошелъ къ другимъ гостямъ.

Гости добрались наконецъ гурьбой до[1] дому полицеймейстера. Полицеймейстеръ, точно, былъ чудотворецъ[2]: какъ только услышалъ онъ, въ чемъ дѣло, въ ту жъ минуту кликнулъ квартальнаго, бойкаго малаго въ лакированныхъ ботфортахъ, и, кажется, всего два слова шепнулъ ему на ухо, да прибавилъ только: „понимаешь?" а ужъ тамъ, въ другой комнатѣ, въ продолженіи того времени, какъ гости рѣзалися въ вистъ, появилась на столѣ бѣлуга, осетры, семга[3], икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки, сыры, копченые языки и балыки,—это все было со стороны рыбнаго ряда. Потомъ появились прибавленія съ хозяйской стороны, издѣлія кухни: пирогъ съ головизною, куда вошли хрящъ и щеки 9-ти пудоваго осетра, другой пирогъ съ груздями, пряженцы, маслянцы, взваренцы. Полицеймейстеръ былъ, нѣкоторымъ образомъ, отецъ и благотворитель въ городѣ. Онъ былъ среди гражданъ совершенно, какъ въ родной семьѣ, а въ лавки и въ гостиный дворъ навѣдывался, какъ въ собственную кла-

довую. Вообще онъ сидѣлъ, какъ говорится, на своемъ мѣстѣ и должность свою постигнулъ въ совершенствѣ. Трудно было даже и рѣшить, онъ ли былъ созданъ для мѣста, или мѣсто для него. Дѣло было такъ поведено умно, что онъ получалъ вдвое больше доходовъ противу всѣхъ своихъ предшественниковъ, а между тѣмъ заслужилъ любовь всего города. Купцы первые его очень любили, именно за то, что не гордъ; и точно, онъ крестилъ у нихъ дѣтей, кумился[1] съ ними и хоть дралъ подчасъ съ нихъ сильно, но какъ-то чрезвычайно ловко: и по плечу потреплетъ, и засмѣется, и чаемъ напоитъ, пообѣщается и самъ притти поиграть въ шашки, разспроситъ обо всемъ: какъ дѣлишки, что̀ и какъ; если узнаетъ, что дѣтенышъ какъ-нибудь прихворнулъ, и лѣкарство присовѣтуетъ; словомъ, молодецъ! Поѣдетъ на дрожкахъ, дастъ порядокъ, а между тѣмъ и словцо промолвитъ тому-другому: „Что̀, Михѣичъ! Нужно бы намъ съ тобою доиграть когда-нибудь въ горку“.— „Да, Алексѣй Ивановичъ“, отвѣчалъ тотъ, снимая шапку: „нужно бы“.— „Ну, братъ, Илья Парамонычъ, приходи ко мнѣ поглядѣть рысака: въ обгонъ съ твоимъ пойдетъ, да и своего заложи въ бѣговыя; попробуемъ“. Купецъ, который на рысакѣ былъ помѣшанъ, улыбался на это съ особенною, какъ говорится, охотою и, поглаживая бороду, говорилъ: „Попробуемъ, Алексѣй Ивановичъ!“ Даже всѣ сидѣльцы, обыкновенно въ это время снявши шапки, съ удовольствіемъ посматривали другъ на друга и какъ будто бы хотѣли сказать: „Алексѣй Ивановичъ хорошій человѣкъ!“ Словомъ, онъ успѣлъ пріобрѣсть совершенную народность, и мнѣніе купцовъ было такое, что Алексѣй Ивановичъ „хоть оно и возьметъ, но за то ужъ никакъ тебя не выдастъ“.

Замѣтивъ, что закуска была готова, полицеймейстеръ предложилъ гостямъ окончить вистъ послѣ завтрака, и всѣ пошли въ ту комнату, откуда несшійся запахъ давно начиналъ пріятнымъ образомъ щекотать ноздри гостей и куда уже Собакевичъ давно заглядывалъ въ дверь, намѣтивъ издали осетра, лежавшаго въ сторонѣ на большомъ блюдѣ. Гости, выпивши по рюмкѣ водки темнаго, оливковаго цвѣта,—какой бываетъ только на сибирскихъ прозрачныхъ камняхъ, изъ которыхъ рѣжутъ на Руси печати, —приступили со всѣхъ сторонъ съ вилками къ столу и стали обнаруживать, какъ говорится, каждый

свой характеръ и склонности, налегая, кто на икру, кто на семгу, кто на сыръ. Собакевичъ, оставивъ безъ всякаго вниманія всѣ эти мелочи, пристроился къ осетру и, покамѣсть тѣ пили, разговаривали и ѣли, онъ въ четверть часа съ небольшимъ доѣхалъ его всего, такъ что, когда полицеймейстеръ вспомнилъ было о немъ и, сказавши: „А каково вамъ, господа, покажется вотъ это произведенье природы?“ подошелъ было къ нему съ вилкою вмѣстѣ съ другими, то увидѣлъ, что отъ произведенья природы оставался всего одинъ хвостъ; а Собакевичъ пришипился такъ, какъ будто и не онъ, и, подошедши къ тарелкѣ, которая была подальше прочихъ, тыкалъ вилкою въ какую-то сушеную маленькую рыбку. Отдѣлавши осетра, Собакевичъ сѣлъ въ кресла и ужъ болѣе не ѣлъ, не пилъ, а только жмурилъ и хлопалъ глазами. Полицеймейстеръ, кажется, не любилъ жалѣть вина: тостамъ не было числа. Первый тостъ былъ выпитъ, какъ читатели, можетъ быть, и сами догадаются, за здоровье новаго херсонскаго помѣщика, потомъ за благоденствіе крестьянъ его и счастливое ихъ переселеніе, потомъ за здоровье будущей жены его, красавицы, что̀ сорвало пріятную улыбку съ устъ нашего героя. Приступили къ нему со всѣхъ сторонъ и стали упрашивать убѣдительно остаться хоть на двѣ недѣли въ городѣ: „Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ! Какъ вы себѣ хотите, это выходитъ — избу только выхолаживать: на порогъ да и назадъ! Нѣтъ, вы проведите время съ нами! Вотъ мы васъ женимъ. Не правда ли, Иванъ Григорьевичъ, женимъ его?“ [1]

„Женимъ, женимъ!“ подхватилъ предсѣдатель. „Ужъ какъ ни упирайтесь руками и ногами, мы васъ женимъ! Нѣтъ, батюшка, попали сюда, такъ не жалуйтесь. Мы шутить не любимъ“.

„Что̀ жъ? зачѣмъ упираться руками и ногами“, сказалъ, усмѣхнувшись, Чичиковъ: „женитьба еще не такая вещь, чтобы того... была бы невѣста“.

„Будетъ и невѣста! Какъ не быть? Все будетъ, все, что̀ хотите!...“

„А коли будетъ...“

„Браво, остается!“ закричали всѣ: „виватъ, ура, Павелъ Ивановичъ! ура!“ И всѣ подошли къ нему чокаться съ бокалами въ рукахъ. Чичиковъ перечокался со всѣми. „Нѣтъ,

нѣтъ, еще!“ говорили тѣ, которые были позадорнѣе, и вновь перечокались; потомъ полѣзли въ третій разъ чокаться: перечокались и въ третій разъ. Въ непродолжительное время всѣмъ сдѣлалось весело необыкновенно. Предсѣдатель, который былъ премилый человѣкъ, когда развеселялся, обнималъ нѣсколько разъ Чичикова, произнеся въ изліяніи сердечномъ: „Душа ты моя! маменька моя!“ и даже, щелкнувъ пальцами, пошелъ приплясывать вокругъ него, припѣвая извѣстную пѣсню: „Ахъ ты такой и эдакой, комаринскій мужикъ!“ — Послѣ шампанскаго, раскупорили венгерское, которое придало еще болѣе духу и развеселило общество. Объ вистѣ рѣшительно позабыли; спорили, кричали, говорили обо всемъ — объ политикѣ, объ военномъ даже дѣлѣ, излагали вольныя мысли, за которыя, въ другое время, сами бы высѣкли своихъ дѣтей. Рѣшили тутъ же множество самыхъ затруднительныхъ вопросовъ. Чичиковъ никогда не чувствовалъ себя въ такомъ веселомъ расположеніи, воображалъ себя уже настоящимъ херсонскимъ помѣщикомъ, говорилъ объ разныхъ улучшеніяхъ, о трехпольномъ хозяйствѣ, о счастіи и блаженствѣ двухъ душъ и сталъ читать Собакевичу посланіе, въ стихахъ, Вертера къ Шарлоттѣ, на которое тотъ хлопалъ только глазами, сидя въ креслахъ, ибо послѣ осетра чувствовалъ большой позывъ ко сну. Чичиковъ смекнулъ и самъ[1], что началъ уже слишкомъ развязываться, попросилъ экипажа и воспользовался прокурорскими дрожками. Прокурорскій кучеръ, какъ оказалось въ дорогѣ, былъ малый опытный, потому что правилъ одной только рукой, а другую засунувъ назадъ, придерживалъ ею барина. Такимъ образомъ уже на прокурорскихъ дрожкахъ доѣхалъ онъ къ себѣ въ гостинницу, гдѣ долго еще у него вертѣлся на языкѣ всякій вздоръ: бѣлокурая невѣста съ румянцемъ и ямочкой на правой щекѣ, херсонскія деревни, капиталы. Селифану даже были даны кое-какія хозяйственныя приказанія собрать всѣхъ вновь переселившихся мужиковъ, чтобы сдѣлать всѣмъ лично поголовную перекличку. Селифанъ молча слушалъ очень долго и потомъ вышелъ изъ комнаты, сказавши Петрушкѣ: „Ступай раздѣвать барина!“ Петрушка принялся снимать съ него сапоги и чуть не стащилъ вмѣстѣ съ ними на полъ и самого барина. Но, наконецъ, сапоги были сняты, баринъ раздѣлся, какъ слѣдуетъ,

и, поворочавшись нѣсколько времени на постелѣ, которая скрипѣла немилосердно, заснулъ рѣшительно херсонскимъ помѣщикомъ. А Петрушка между тѣмъ вынесъ на коридоръ панталоны и фракъ брусничнаго цвѣта съ искрой, который, растопыривши на деревянную вѣшалку, началъ бить хлыстомъ и щеткой, напустивши пыли на весь коридоръ. Готовясь уже снять ихъ, онъ взглянулъ съ галлереи внизъ и увидѣлъ Селифана, возвращавшагося[1] изъ конюшни. Они встрѣтились взглядами и чутьемъ поняли другъ друга: баринъ де завалился спать — можно и заглянуть кое-куда. Тотъ же часъ, отнесши въ комнату фракъ и панталоны, Петрушка[2] сошелъ внизъ, и оба пошли вмѣстѣ, не говоря другъ другу ничего о цѣли путешествія и балагуря дорогою совершенно о постороннемъ. Прогулку сдѣлали они недалекую: именно перешли только на другую сторону улицы, къ дому, бывшему насупротивъ гостинницы, и вошли въ низенькую, стеклянную, закоптившуюся дверь, приводившую[3] почти въ подвалъ, гдѣ уже сидѣло за деревянными столами много всякихъ: и брившихъ, и небрившихъ бороды, и въ нагольныхъ тулупахъ, и, просто, въ рубахѣ, а кое-кто и во фризовой шинели. Чтò дѣлали тамъ Петрушка съ Селифаномъ, Богъ ихъ вѣдаетъ; но вышли они оттуда черезъ часъ, взявшись за руки, сохраняя совершенное молчаніе, оказывая другъ другу большое вниманіе и предостерегая взаимно отъ всякихъ угловъ. Рука въ руку, не выпуская другъ друга, они цѣлыя четверть часа взбирались на лѣстницу, наконецъ одолѣли ее и взошли. Петрушка остановился съ минуту передъ низенькою своею кроватью, придумывая, какъ бы лечь приличнѣе, и легъ совершенно поперекъ, такъ что ноги его упирались въ полъ. Селифанъ легъ и самъ на той же кровати, помѣстивъ голову у Петрушки на брюхѣ и позабывъ о томъ, что ему слѣдовало спать вовсе не здѣсь, а, можетъ быть, въ людской, если не въ конюшнѣ близъ лошадей. Оба заснули въ ту же минуту, поднявши храпъ неслыханной густоты, на который баринъ изъ другой комнаты отвѣчалъ тонкимъ носовымъ свистомъ. Скоро вслѣдъ за ними все угомонилось, и гостинница объялась непробуднымъ сномъ; только въ одномъ окошечкѣ виденъ еще былъ свѣтъ, гдѣ жилъ какой-то пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, большой, повидимому, охотникъ до сапоговъ, потому что заказалъ уже

четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели съ тѣмъ, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ: сапоги, точно, были хорошо сшиты; и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ.

ГЛАВА VIII.

Покупки Чичикова сдѣлались предметомъ разговоровъ. Въ городѣ пошли толки, мнѣнія, разсужденія о томъ, выгодно ли покупать на выводъ крестьянъ. Изъ преній многія отзывались совершеннымъ познаніемъ предмета. „Конечно", говорили иные: „это такъ, противъ этого и спору нѣтъ: земли въ южныхъ губерніяхъ, точно, хороши и плодородны; но каково будетъ крестьянамъ Чичикова безъ воды? рѣки вѣдь нѣтъ никакой".—„Это бы еще ничего, что нѣтъ воды; это бы ничего, Степанъ Дмитріевичъ; но переселеніе-то ненадежная вещь. Дѣло извѣстное, что̀ мужикъ: на новой землѣ, да заняться еще хлѣбопашествомъ, да ничего у него нѣтъ — ни избы, ни двора — убѣжитъ, какъ дважды два, навостритъ такъ лыжи, что и слѣда не отыщешь".— „Нѣтъ, Алексѣй Ивановичъ, позвольте, позвольте, я не согласенъ съ тѣмъ, что̀ вы говорите, что мужикъ Чичикова убѣжитъ. Русскій человѣкъ способенъ ко всему и привыкаетъ ко всякому климату. Пошли его хоть въ Камчатку, да дай только теплыя рукавицы, онъ похлопаетъ руками, топоръ въ руки, и пошелъ рубить себѣ новую избу".—„Но, Иванъ Григорьевичъ, ты упустилъ изъ виду важное дѣло: ты не спросилъ еще, каковъ мужикъ у Чичикова. Позабылъ то, что вѣдь хорошаго человѣка не продастъ помѣщикъ; я готовъ голову положить, если мужикъ Чичикова не воръ и не пьяница въ послѣдней степени, праздношатайка и буйнаго поведенія".— „Такъ, такъ, на это я согласенъ, это правда, никто не продастъ хорошихъ людей, и мужики Чичикова пьяницы; но нужно принять во вниманіе, что вотъ тутъ-то и есть мораль, тутъ-то и заключена мораль: они теперь негодяи, а, переселившись на новую землю, вдругъ могутъ сдѣлаться отличными подданными. Ужъ было не мало такихъ

примѣровъ — просто въ мірѣ, да и по исторіи тоже". — „Никогда, никогда", говорилъ управляющій казенными фабриками: „повѣрьте, никогда это не можетъ быть, ибо у крестьянъ Чичикова будутъ теперь два сильные врага. Первый врагъ есть близость губерній малороссійскихъ, гдѣ, какъ извѣстно, свободная продажа вина. Я васъ увѣряю: въ двѣ недѣли они изопьются и будутъ стельки. Другой врагъ есть уже самая привычка къ бродяжнической жизни, которая необходимо пріобрѣтется крестьянами во время переселенія. Нужно развѣ, чтобы они вѣчно были предъ глазами Чичикова и чтобъ онъ держалъ ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ, гонялъ бы ихъ за всякій вздоръ, да и не то, чтобы полагаясь на другаго, а чтобы самъ таки лично, гдѣ слѣдуетъ, далъ бы и зуботычину, и подзатыльника". — „Зачѣмъ же Чичикову возиться самому и давать подзатыльники? Онъ можетъ найти и управителя". — „Да, найдете управителя: всѣ мошенники!" — „Мошенники потому, что господа не занимаются дѣломъ". — „Это правда!" подхватили многіе. — „Знай господинъ самъ хотя сколько-нибудь толку въ хозяйствѣ, да умѣй[1] различать людей — у него будетъ всегда хорошій управитель". Но управляющій сказалъ, что меньше, какъ за 5000, нельзя найти хорошаго управителя. Но предсѣдатель сказалъ, что можно и за три тысячи сыскать. Но управляющій сказалъ: „Гдѣ же вы его сыщете? развѣ у себя въ носу?" Но предсѣдатель сказалъ: „Нѣтъ, не въ носу, а въ здѣшнемъ же уѣздѣ, именно — Петръ Петровичъ Самойловъ: вотъ управитель, какой нуженъ для мужиковъ Чичикова!" Многіе сильно входили въ положеніе Чичикова, и трудность переселенія такого огромнаго количества крестьянъ ихъ чрезвычайно устрашала; стали сильно опасаться, чтобы не произошло даже бунта между такимъ безпокойнымъ народомъ, каковы крестьяне Чичикова. На это полицеймейстеръ замѣтилъ, что бунта нечего опасаться, что, въ отвращеніе его, существуетъ власть капитана-исправника, что капитанъ-исправникъ, хоть самъ и не ѣзди, а пошли только на мѣсто себя одинъ картузъ свой, то одинъ этотъ картузъ погонитъ крестьянъ до самаго мѣста ихъ жительства. Многіе предложили свои мнѣнія на счетъ того, какъ искоренить буйный духъ, обуревавшій крестьянъ Чичикова. Мнѣнія были всякаго рода: были такія, которыя уже черезчуръ отзывались военною жестокостью и строгостію, едва ли не излишнею;

были, однакоже, и такія, которыя дышали кротостію. Почтмейстеръ замѣтилъ, что Чичикову предстоитъ священная обязанность, что онъ можетъ сдѣлаться среди своихъ крестьянъ нѣкотораго рода отцомъ, по его выраженію, ввести даже благодѣтельное просвѣщеніе, и при этомъ случаѣ отозвался съ большою похвалою объ Ланкастеровой школѣ взаимнаго обученья.

Такимъ образомъ разсуждали и говорили въ городѣ, и многіе, побѣждаемые участіемъ, сообщили даже Чичикову лично нѣкоторые изъ сихъ совѣтовъ, предлагали даже конвой для безопаснаго препровожденья крестьянъ до мѣста жительства. За совѣты Чичиковъ благодарилъ, говоря, что при случаѣ не преминетъ ими воспользоваться, а отъ конвоя отказался рѣшительно, говоря, что онъ совершенно не нуженъ, что купленные имъ крестьяне отмѣнно смирнаго характера, чувствуютъ сами добровольное расположеніе къ переселенію и что бунта ни въ какомъ случаѣ между ними быть не можетъ.

Всѣ эти толки и разсужденія произвели, однакожъ, самыя благопріятныя слѣдствія, какихъ только могъ ожидать Чичиковъ, именно — пронеслись[1] слухи, что онъ ни болѣе, ни менѣе, какъ милліонщикъ. Жители города и безъ того, какъ уже мы видѣли въ первой главѣ, душевно полюбили Чичикова, а теперь, послѣ такихъ слуховъ, полюбили еще душевнѣе. Впрочемъ, если сказать правду, они все[2] были народъ добрый, жили между собою въ ладу, обращались совершенно по-пріятельски, и бесѣды ихъ носили печать какого-то особеннаго простодушія и короткости: „Любезный другъ, Илья Ильичъ!“… „Послушай, братъ, Антипаторъ Захарьевичъ!“… „Ты заврался, мамочка, Иванъ Григорьевичъ“. Къ почтмейстеру, котораго звали Иванъ Андреевичъ, всегда прибавляли: „Шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андрейчъ?“ Словомъ, все было очень семейственно. Многіе были не безъ образованія: предсѣдатель палаты зналъ наизусть „Людмилу“ Жуковскаго, которая еще была тогда непростывшею новостію, и мастерски читалъ многія мѣста, особенно: „Боръ заснулъ, долина спитъ“ и слово: „чу!“ такъ, что въ самомъ дѣлѣ видѣлось, какъ будто долина спитъ; для большаго сходства, онъ даже въ это время зажмуривалъ глаза. Почтмейстеръ вдался болѣе въ философію и читалъ весьма при-

лежно, даже по ночамъ, Юнговы „Ночи“ и „Ключь къ таинствамъ натуры“ Эккартсгаузена, изъ которыхъ дѣлалъ весьма длинныя выписки; но какого рода онѣ были, это никому не было извѣстно. Впрочемъ, онъ былъ острякъ, цвѣтистъ въ словахъ и любилъ, какъ самъ выражался, „уснастить“ рѣчь. А уснащивалъ онъ рѣчь множествомъ разныхъ частицъ, какъ-то: „судырь ты мой, эдакой какой-нибудь, знаете, понимаете, можете себѣ представить, относительно такъ сказать, нѣкоторымъ образомъ“, и прочими, которыя сыпалъ онъ мѣшками; уснащивалъ онъ рѣчь тоже довольно удачно подмаргиваніемъ, прищуриваніемъ одного глаза, чтѣ все придавало весьма ѣдкое выраженіе многимъ его сатирическимъ намекамъ. Прочіе тоже были, болѣе или менѣе, люди просвѣщенные: кто читалъ Карамзина, кто Московскія Вѣдомости, кто даже и совсѣмъ ничего не читалъ. Кто былъ то, чтѣ называютъ тюрюкъ, то есть, человѣкъ, котораго нужно было подымать пинкомъ на что-нибудь; кто былъ просто байбакъ, лежавшій, какъ говорится, весь вѣкъ на боку, котораго даже напрасно было подымать: не встанетъ ни въ какомъ случаѣ. Насчетъ благовидности, уже извѣстно, всѣ они были люди надежные — чахоточнаго между ними никого не было. Всѣ были такого рода, которымъ жены, въ нѣжныхъ разговорахъ, происходящихъ въ уединеніи, давали названія: кубышки, толстунчика, пузантика, чернушки, кики, жужу и проч. Но, вообще, они были народъ добрый, полны гостепріимства, и человѣкъ, вкусившій съ ними хлѣба-соли или просидѣвшій вечеръ за вистомъ, уже становился чѣмъ-то близкимъ, — тѣмъ болѣе Чичиковъ, съ своими обворожительными качествами и пріемами, знавшій въ самомъ дѣлѣ великую тайну нравиться. Они такъ полюбили его, что онъ не видѣлъ средствъ, какъ вырваться изъ города; только и слышалъ онъ: „Ну, недѣльку, еще одну недѣльку поживите съ нами, Павелъ Ивановичъ!“ — словомъ, онъ былъ носимъ, какъ говорится, на рукахъ. Но несравненно замѣчательнѣе было впечатлѣніе (совершенный предметъ изумленія!), которое произвелъ Чичиковъ на дамъ. Чтобъ это сколько-нибудь изъяснить, слѣдовало бы сказать многое о самихъ дамахъ, объ ихъ обществѣ, описать, какъ говорится, живыми красками ихъ душевныя качества; но для автора это очень трудно. Съ одной стороны останавливаетъ его неограниченное

почтеніе къ супругамъ сановниковъ, а съ другой стороны... съ другой стороны, просто, трудно. Дамы города N были... нѣтъ, никакимъ образомъ не могу: чувствуется, точно, робость. Въ дамахъ города N больше всего замѣчательно было то... Даже странно[1] — совсѣмъ не подымается перо, точно будто свинецъ какой-нибудь сидитъ въ немъ. Такъ и быть: о характерахъ ихъ, видно, нужно предоставить сказать тому, у котораго поживѣе краски и побольше ихъ на палитрѣ; а намъ придется — развѣ слова два о наружности, да о томъ, что̀ поповерхностнѣй. Дамы города N были то, что̀ называютъ, презентабельны, и въ этомъ отношеніи ихъ можно было смѣло поставить въ примѣръ всѣмъ другимъ. Что̀ до того, какъ вести себя, соблюсти тонъ, поддержать этикетъ, множество приличій самыхъ тонкихъ, а особенно наблюсти моду въ самыхъ послѣднихъ мелочахъ, то въ этомъ онѣ опередили даже дамъ петербургскихъ и московскихъ. Одѣвались онѣ съ большимъ вкусомъ, разъѣзжали по городу въ колясках, какъ предписывала послѣдняя мода, сзади покачивался лакей, и ливрея въ золотыхъ позументахъ. Визитная карточка, будь она писана хоть на трефовой двойкѣ или бубновомъ тузѣ, но вещь была очень священная. Изъ-за нея двѣ дамы, большія пріятельницы и даже родственницы, перессорились совершенно, — именно за то, что одна изъ нихъ какъ-то манкировала контръ-визитомъ. И ужъ какъ ни старались потомъ мужья и родственники примирить ихъ, но нѣтъ, — оказалось, что все можно сдѣлать на свѣтѣ, одного только нельзя: примирить двухъ дамъ, поссорившихся за манкировку визита[2]. Такъ обѣ дамы и остались „во взаимномъ нерасположеніи“, по выраженію городскаго свѣта. Насчетъ занятія первыхъ мѣстъ происходило тоже множество весьма сильныхъ сценъ, внушавшихъ мужьямъ иногда совершенно рыцарскія великодушныя понятія о заступничествѣ. Дуэли, конечно, между ними не происходило, потому что всѣ[3] были гражданскіе чиновники, но за то одинъ другому старался напакостить, гдѣ было можно, что̀, какъ извѣстно, подчасъ бываетъ тяжелѣе всякой дуэли. Въ нравахъ дамы города N были строги, исполнены благороднаго негодованія противу всего порочнаго и всякихъ соблазновъ, казнили безъ всякой пощады всякія слабости. Если же между ими и происходило какое-нибудь то, что̀ называютъ *другое-третье,* то оно происхо-

дило втайнѣ, такъ что не было подаваемо никакого вида, что происходило; сохранялось все достоинство, и самый мужъ такъ былъ приготовленъ, что если и видѣлъ *другое-третье* или слышалъ о немъ, то отвѣчалъ коротко и благоразумно пословицею: *Кому какое дѣло, что кума съ кумомъ сидѣла?* Еще нужно сказать, что дамы города N отличались, подобно многимъ дамамъ петербургскимъ, необыкновенною осторожностію и приличіемъ въ словахъ и выраженіяхъ. Никогда не говорили онѣ: „я высморкалась, я вспотѣла, я плюнула", а говорили: „я облегчила себѣ носъ, я обошлась посредствомъ платка". Ни въ какомъ случаѣ нельзя было сказать: „этотъ стаканъ или эта тарелка воняетъ"; и даже нельзя было сказать ничего такого, что̀ бы подало намекъ на это, а говорили вмѣсто того: „этотъ стаканъ не хорошо ведетъ себя", или что-нибудь въ родѣ этого. Чтобъ еще болѣе облагородить русскій языкъ, половина почти словъ была выброшена вовсе изъ разговора, и потому весьма часто было нужно прибѣгать къ французскому языку; за то ужъ тамъ, по-французски, другое дѣло: тамъ позволялись такія слова, которыя были гораздо пожестче упомянутыхъ. Итакъ, вотъ что̀ можно сказать о дамахъ города N, говоря поповерхностнѣй. Но если заглянуть поглубже, то, конечно, откроется много иныхъ вещей; но весьма опасно заглядывать поглубже въ дамскія сердца. Итакъ, ограничась поверхностью, будемъ продолжать. До сихъ поръ всѣ дамы какъ-то мало говорили о Чичиковѣ, отдавая, впрочемъ, ему полную справедливость въ пріятности свѣтскаго обращенія; но съ тѣхъ поръ, какъ пронеслись слухи объ его милліонствѣ, отыскались и другія качества. Впрочемъ, дамы были вовсе не интересанки: виною всему слово *милліонщикъ*,—не самъ милліонщикъ, а именно одно слово; ибо въ одномъ звукѣ этого слова, мимо всякаго денежнаго мѣшка, заключается что-то такое, которое дѣйствуетъ и на людей-подлецовъ, и на людей ни се, ни то, и на людей хорошихъ, словомъ — на всѣхъ дѣйствуетъ. Милліонщикъ имѣетъ ту выгоду, что можетъ видѣть подлость, совершенно безкорыстную, чистую подлость, не основанную ни на какихъ разсчетахъ: многіе очень хорошо знаютъ, что ничего не получатъ отъ него и не имѣютъ никакого права получить, но непремѣнно хоть забѣгутъ ему впередъ, хоть засмѣются, хоть снимутъ шляпу, хоть напросятся насильно на тотъ обѣдъ, куда,

узнаютъ, что приглашенъ милліонщикъ. Нельзя сказать, чтобы это нѣжное расположеніе къ подлости было почувствовано дамами; однакоже въ многихъ гостиныхъ стали говорить, что, конечно, Чичиковъ не первый красавецъ, но за то таковъ, какъ слѣдуетъ быть мужчинѣ, что будь онъ немного толще или полнѣе, ужъ это было бы не хорошо. При этомъ было сказано какъ-то даже нѣсколько обидно насчетъ тоненькаго мужчины, — что онъ больше ничего, какъ что-то въ родѣ зубочистки, а не человѣка. Въ дамскихъ нарядахъ оказались многія разныя прибавленія. Въ гостиномъ дворѣ сдѣлалась толкотня, чуть не давка; образовалось даже гулянье — до такой степени наѣхало экипажей. Купцы изумились, увидя, какъ нѣсколько кусковъ матерій, привезенныхъ ими съ ярмарки и не сходившихъ съ рукъ по причинѣ цѣны, показавшейся высокою, пошли вдругъ въ ходъ и были раскуплены нарасхватъ. Во время обѣдни, у одной изъ дамъ замѣтили внизу платья такое руло, которое растопырило его на полцеркви, такъ что частный приставъ, находившійся тутъ же, далъ приказаніе подвинуться народу подалѣе, то есть, поближе къ паперти, чтобъ какъ-нибудь не измялся туалетъ ея высокоблагородія. Самъ даже Чичиковъ не могъ отчасти не замѣтить такого необыкновеннаго вниманія. Одинъ разъ, возвратясь къ себѣ домой, онъ нашелъ на столѣ у себя письмо. Откуда и кто принесъ его, ничего нельзя было узнать: трактирный слуга отозвался, что принесли де и не велѣли сказывать, отъ кого. Письмо начиналось очень рѣшительно, именно такъ: „Нѣтъ, я должна къ тебѣ писать!“ Потомъ говорено было о томъ, что есть тайное сочувствіе между душами; эта истина скрѣплена была нѣсколькими точками, занявшими почти полстроки. Потомъ слѣдовало нѣсколько мыслей, весьма замѣчательныхъ по своей справедливости, такъ что[1] считаемъ почти необходимымъ ихъ выписать: „Что̀ жизнь наша? — Долина, гдѣ поселились горести. Что̀ свѣтъ? — Толпа людей, которая не чувствуетъ“. Затѣмъ писавшая упоминала, что омочаетъ слезами строки нѣжной матери, которая, протекло двадцать пять лѣтъ, какъ уже не существуетъ на свѣтѣ; приглашали[2] Чичикова въ пустыню — оставить навсегда городъ, гдѣ люди въ душныхъ оградахъ не пользуются воздухомъ; окончаніе письма

отзывалось даже рѣшительнымъ отчаяньемъ и заключалось такими стихами:

Двѣ горлицы покажутъ
Тебѣ мой хладный прахъ;
Воркуя томно, скажутъ,
Что она умерла во слезахъ.

Въ послѣдней строкѣ не было размѣра, но это, впрочемъ, ничего: письмо было написано въ духѣ тогдашняго времени. Никакой подписи тоже не было: ни имени, ни фамиліи, ни даже мѣсяца и числа. Въ postscriptum было только прибавлено, что его собственное сердце должно отгадать писавшую, и что на балѣ у губернатора, имѣющемъ быть завтра, будетъ присутствовать самъ оригиналъ.

Это очень его заинтересовало[1]. Въ анонимѣ было такъ много заманчиваго и[2] подстрекающаго любопытство, что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо, и наконецъ сказалъ: „Любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая была писавшая!“[3] Словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось сурьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ: „А письмо очень, очень кудряво написано!“ Потомъ, само собой разумѣется[4], письмо было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на томъ же мѣстѣ[5]. Немного спустя, принесли къ нему, точно, приглашенье на балъ къ губернатору — дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства.

Все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь, и все было устремлено на приготовленіе къ балу; ибо, точно, было много побудительныхъ и задирающихъ причинъ[6]. За то, можетъ быть, отъ самаго созданья свѣта[7] не было употреблено столько времени на туалетъ. Цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: то важное и степенное, то почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, то просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ въ сопро-

вожденіи неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по-французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ, подмигнулъ бровью и губами и сдѣлалъ кое-что даже языкомъ[1]; словомъ, мало ли чего не дѣлаешь, оставшись одинъ, чувствуя притомъ, что хорошъ, да къ тому же будучи увѣренъ, что никто не заглядываетъ въ щелку. Наконецъ онъ слегка трепнулъ себя по подбородку, сказавши: „Ахъ ты, мордашка эдакой!“ и сталъ одѣваться. Самое довольное расположеніе сопровождало его во все время одѣванія: надѣвая подтяжки, или повязывая галстукъ, онъ расшаркивался и кланялся съ особенною ловкостію, и хотя никогда не танцовалъ, но сдѣлалъ антраша. Это антраша произвело маленькое невинное слѣдствіе: задрожалъ комодъ и упала со стола щетка.

Появленіе его на балѣ произвело необыкновенное дѣйствіе. Все, чтò ни было, обратилось къ нему навстрѣчу, — кто съ картами въ рукахъ, кто на самомъ интересномъ пунктѣ разговора, произнесши: „А нижній земскій судъ отвѣчаетъ на это...“ Но чтò такое отвѣчаетъ земскій судъ[2], ужъ это онъ бросилъ въ сторону и спѣшилъ съ привѣтствіемъ къ нашему герою. „Павелъ Ивановичъ! Ахъ, Боже мой, Павелъ Ивановичъ! Любезный Павелъ Ивановичъ! Почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ! Душа моя Павелъ Ивановичъ! Вотъ вы гдѣ, Павелъ Ивановичъ! Вотъ онъ, нашъ Павелъ Ивановичъ! Позвольте прижать васъ, Павелъ Ивановичъ! Давайте-ка его сюда, вотъ я его поцѣлую покрѣпче, моего дорогаго Павла Ивановича!“ Чичиковъ[3], разомъ почувствовалъ себя въ нѣсколькихъ объятіяхъ. Не успѣлъ совершенно выкарабкаться изъ объятій предсѣдателя, какъ очутился уже въ объятіяхъ полицеймейстера; полицеймейстеръ сдалъ его инспектору врачебной управы; инспекторъ врачебной управы — откупщику, откупщикъ — архитектору... Губернаторъ, который въ то время стоялъ возлѣ дамъ и держалъ въ одной рукѣ конфектный билетъ, а въ другой болонку[4], увидя его, бросилъ на полъ и билетъ, и болонку, — только завизжала собаченка, — словомъ, распространилъ онъ радость и веселье необыкновенное. Не было лица[5], на которомъ бы не выразилось удовольствіе или, по крайней мѣрѣ, отраженіе всеобщаго удовольствія. Такъ бываетъ на лицахъ чиновниковъ во время осмотра пріѣхавшимъ

начальникомъ ввѣренныхъ управленію ихъ[1] мѣстъ: послѣ того, какъ уже первый страхъ прошелъ, они увидѣли, что многое ему нравится и онъ самъ изволилъ наконецъ пошутить, то есть, произнести съ пріятною усмѣшкой нѣсколько словъ,—смѣются вдвое въ отвѣтъ на это обступившіе его приближенные чиновники; смѣются отъ души тѣ, которые, впрочемъ, нѣсколько плохо услыхали произнесенныя имъ слова, и, наконецъ, стоящій далеко у дверей, у самаго выхода, какой-нибудь полицейскій, отъ роду не смѣявшійся во всю жизнь свою и только-что показавшій передъ тѣмъ народу кулакъ, и тотъ, по неизмѣннымъ законамъ отраженія, выражаетъ на лицѣ своемъ какую-то улыбку, хотя эта улыбка болѣе похожа на то, какъ бы кто-нибудь собирался чихнуть послѣ крѣпкаго табаку. Герой нашъ отвѣчалъ всѣмъ и каждому и чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налѣво, по обыкновенію своему, нѣсколько на бокъ, но совершенно свободно, такъ что очаровалъ всѣхъ. Дамы тутъ же обступили его блистающею гирляндою и нанесли съ собой цѣлыя облака всякаго рода благоуханій: одна дышала розами, отъ другой несло весной и фіалками, третья вся насквозь была продушена резедой; Чичиковъ подымалъ только носъ кверху да нюхалъ. Въ нарядахъ ихъ вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисеи были такихъ блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать — до такой степени дошла тонкость вкуса! Ленточные банты и цвѣточные букеты порхали тамъ и тамъ по платьямъ, въ самомъ картинномъ безпорядкѣ, хотя надъ этимъ безпорядкомъ трудилась много порядочная голова. Легкій головной уборъ держался только на одныхъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу! Жаль только, что не подыму съ собой красавицу!“[2] Таліи были обтянуты[3] и имѣли самыя крѣпкія и пріятныя для глазъ формы (нужно замѣтить, что вообще всѣ дамы города N были нѣсколько полны, но шнуровались такъ искусно и имѣли такое пріятное обращеніе, что толщины никакъ нельзя было примѣтить). Все было у нихъ придумано и предусмотрѣно съ необыкновенною осмотрительностію: шея, плечи были открыты именно настолько, насколько нужно, и никакъ не дальше; каждая обнажила свои владѣнія до тѣхъ поръ, пока чувствовала, по собственному убѣжденію, что онѣ спо-

собны погубить человѣка; остальное все было припрятано съ необыкновеннымъ вкусомъ: или какой-нибудь легонькій галстучекъ изъ ленты легче пирожнаго, извѣстнаго подъ именемъ *поцѣлуя*, эѳирно обнималъ шею, или выпущены были изъ-за плечъ, изъ-подъ платья, маленькія зубчатыя стѣнки изъ тонкаго батиста, извѣстныя подъ именемъ *скромностей*. Эти *скромности* скрывали напереди и сзади то, что уже не могло нанести гибели человѣку, а между тѣмъ заставляли подозрѣвать, что тамъ-то именно и была самая погибель. Длинныя перчатки были надѣты не вплоть до рукавовъ, но обдуманно оставляли обнаженными возбудительныя части рукъ повыше локтя, которыя у многихъ дышали завидною полнотою; у иныхъ даже лопнули лайковыя перчатки, побужденныя надвинуться[1] далѣе, — словомъ, кажется, какъ будто на всемъ было написано: „Нѣтъ, это не губернія, это столица, это самъ Парижъ!“[2] Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное, перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу[3]. Но ужъ безъ этого нельзя — таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется. Чичиковъ, стоя передъ ними, думалъ[4]: „Которая, однакоже, сочинительница письма?“ и высунулъ было впередъ носъ; но по самому носу дернулъ его цѣлый рядъ локтей, обшлаговъ, рукавовъ, концовъ лентъ, душистыхъ шемизетокъ и платьевъ. Галопадъ летѣлъ во всю пропалую[5]: почтмейстерша, капитанъ-исправникъ, дама съ голубымъ перомъ, дама съ бѣлымъ перомъ, грузинскій князь Чипхайхилидзевъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, французъ Куку, Перхуновскій, Беребендовскій — все поднялось и понеслось...

„Вона! пошла писать губернія!“ проговорилъ Чичиковъ, попятившись назадъ, и, какъ только дамы разсѣлись по мѣстамъ, онъ вновь началъ выглядывать, нельзя ли по выраженію въ лицѣ и въ глазахъ узнать, которая была сочинительница; но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая была сочинительница[6]. Вездѣ было замѣтно такое чуть-чуть обнаруженное, такое неуловимо-тонкое, — у, какое тонкое!... „Нѣтъ“, сказалъ самъ въ себѣ Чичиковъ: „женщины, — это такой предметъ...“ — здѣсь онъ и рукой махнулъ: „просто, и гово-

рить нечего! Поди-ка, попробуй разсказать или передать все то, что̀ бѣгаетъ на ихъ лицахъ, всѣ тѣ излучинки, намеки… а вотъ, просто, ничего не передашь. Одни глаза ихъ такое безконечное государство, въ которое заѣхалъ человѣкъ — и[1] поминай, какъ звали! Ужъ его оттуда ни крючкомъ, ничѣмъ не вытащишь. Ну, попробуй, напримѣръ, разсказать одинъ блескъ ихъ: влажный, бархатный, сахарный — Богъ ихъ знаетъ, какого нѣтъ еще! и жесткій, и мягкій, и даже совсѣмъ томный, или, какъ иные говорятъ, въ нѣгѣ, или[2] безъ нѣги, но пуще нежели въ нѣгѣ, — такъ вотъ зацѣпитъ за сердце, да и поведетъ по всей душѣ, какъ будто смычкомъ. Нѣтъ, просто, не приберешь слова: галантёрная половина человѣческаго рода, да и ничего больше!“

Виноватъ! Кажется, изъ устъ нашего героя излетѣло словцо, подмѣченное на улицѣ. Что̀ жъ дѣлать? Таково на Руси положеніе писателя! Впрочемъ, если слово изъ улицы попало въ книгу, не писатель виноватъ, виноваты читатели и, прежде всего, читатели высшаго общества: отъ нихъ первыхъ не услышишь ни одного порядочнаго русскаго слова, а французскими, нѣмецкими и англійскими они, пожалуй, надѣлятъ въ такомъ количествѣ, что и не захочешь, и надѣлятъ даже съ сохраненіемъ всѣхъ возможныхъ произношеній, — по-французски въ носъ и картавя, по-англійски произнесутъ, какъ слѣдуетъ птицѣ; и даже физіономію сдѣлаютъ птичью, и даже посмѣются надъ тѣмъ, кто не съумѣетъ сдѣлать птичьей физіономіи. А вотъ только русскимъ ничѣмъ не надѣлятъ, развѣ изъ патріотизма выстроятъ для себя на дачѣ избу въ русскомъ вкусѣ. Вотъ каковы читатели высшаго сословія, а за ними и всѣ причитающіе себя къ высшему сословію! А между тѣмъ какая взыскательность! Хотятъ непремѣнно, чтобы все было написано языкомъ самымъ строгимъ, очищеннымъ и благороднымъ, — словомъ, хотятъ, чтобы русскій языкъ самъ собою опустился вдругъ съ облаковъ, обработанный, какъ слѣдуетъ, и сѣлъ бы имъ прямо на языкъ, а имъ бы больше ничего, какъ только разинуть рты да выставить его. Конечно, мудрена женская половина человѣческаго рода; но почтенные читатели, надо признаться, бываютъ еще мудренѣе.

А Чичиковъ приходилъ между тѣмъ въ совершенное недо-

умѣніе рѣшить, которая изъ дамъ была сочинительница письма. Попробовавши устремить внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что съ дамской стороны тоже выражалось что-то такое, ниспосылающее вмѣстѣ и надежду, и сладкія муки въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ наконецъ сказалъ: „Нѣтъ, никакъ нельзя угадать!“ [1] Это, однакоже, никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ нѣкоторыми изъ дамъ[2] пріятными словами, подходилъ къ той и другой дробнымъ, мелкимъ шагомъ, или, какъ говорятъ, сѣменилъ ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щеголи на высокихъ каблукахъ, называемые мышиными жеребчиками, забѣгающіе весьма проворно около дамъ. Посѣменивши съ довольно ловкими поворотами направо и налѣво, онъ подшаркнулъ тутъ же ножкой, въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе запятой. Дамы были очень довольны и не только отыскали въ немъ кучу пріятностей и любезностей, но даже стали находить величественное выраженіе въ лицѣ, что-то даже марсовское и военное, что̀, какъ извѣстно, очень нравится женщинамъ. Даже изъ-за него уже начинали нѣсколько ссориться: замѣтивши, что онъ становился обыкновенно около дверей, нѣкоторыя наперерывъ спѣшили занять стулъ поближе къ дверямъ, и когда одной[3] посчастливилось сдѣлать это прежде, то едва не произошла пренепріятная исторія, и многимъ, желавшимъ себѣ[4] сдѣлать то же, показалась уже черезчуръ отвратительною подобная наглость.

Чичиковъ такъ занялся разговорами съ дамами, или, лучше, дамы такъ заняли и закружили его своими разговорами, подсыпая кучу самыхъ замысловатыхъ и тонкихъ аллегорій, — которыя всѣ нужно было разгадывать, отчего даже выступилъ у него на лбу потъ, — что онъ позабылъ исполнить долгъ приличія и подойти прежде всего къ хозяйкѣ. Вспомнилъ онъ объ этомъ[5] уже тогда, когда услышалъ голосъ самой губернаторши, стоявшей передъ нимъ уже нѣсколько минутъ. Губернаторша произнесла нѣсколько ласковымъ и лукавымъ голосомъ, съ пріятнымъ потряхиваніемъ головы: „А, Павелъ Ивановичъ, такъ вотъ какъ вы!...“ Въ точности не могу передать словъ губернаторши, но было сказано что-то, исполненное большой любезности, въ томъ духѣ, въ которомъ изъясняются дамы и

кавалеры въ повѣстяхъ нашихъ свѣтскихъ писателей, охотниковъ описывать гостиныя и похвалиться знаніемъ высшаго тона, — въ духѣ того, что „неужели овладѣли такъ вашимъ сердцемъ, что въ немъ нѣтъ болѣе ни мѣста, ни самаго тѣснаго уголка для безжалостно позабытыхъ вами?" Герой нашъ поворотился въ ту жъ минуту къ губернаторшѣ и уже готовъ былъ отпустить ей отвѣтъ, вѣроятно, ничѣмъ не хуже тѣхъ, какіе отпускаютъ въ модныхъ повѣстяхъ Звонскіе, Линскіе, Лидины, Гремины и всякіе ловкіе военные люди, какъ невзначай поднявши глаза, остановился[1] вдругъ, будто оглушенный ударомъ.

Передъ нимъ стояла не одна губернаторша: она держала подъ руку молоденькую шестнадцати-лѣтнюю дѣвушку, свѣженькую блондинку, съ тоненькими и стройными чертами лица, съ остренькимъ подбородкомъ, съ очаровательно круглившимся[2] оваломъ лица, какое художникъ взялъ бы въ образецъ для мадонны и какое только рѣдкимъ случаемъ попадается на Руси, гдѣ любитъ все оказаться въ широкомъ размѣрѣ, все, что̀ ни есть: и горы, и лѣса, и степи, и лица, и губы, и ноги,— ту самую блондинку, которую онъ встрѣтилъ на дорогѣ, ѣхавши отъ Ноздрева, когда, по глупости кучеровъ или лошадей, ихъ экипажи такъ странно столкнулись, перепутавшись упряжью, и дядя Митяй съ дядею Миняемъ взялись распутывать дѣло. Чичиковъ такъ смѣшался, что не могъ произнести ни одного толковаго слова и пробормоталъ, чортъ знаетъ что̀ такое, чего бы ужъ никакъ не сказалъ ни Греминъ, ни Звонскій, ни Лидинъ.

„Вы не знаете еще моей дочери?" сказала губернаторша: „институтка, только что выпущена".

Онъ отвѣчалъ, что уже имѣлъ счастіе нечаяннымъ образомъ познакомиться; попробовалъ еще кое-что прибавить, но кое-что совсѣмъ не вышло. Губернаторша, сказавъ два-три слова, наконецъ отошла съ дочерью въ другой конецъ залы къ другимъ гостямъ; а Чичиковъ все еще стоялъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, какъ человѣкъ, который весело вышелъ на улицу съ тѣмъ, чтобы прогуляться, съ глазами, расположенными глядѣть на все, и вдругъ неподвижно остановился, вспомнивъ, что онъ позабылъ что-то; и ужъ тогда глупѣе ничего не можетъ быть такого человѣка:[3] вмигъ без-

заботное выраженіе слетаетъ съ лица его; онъ силится припомнить, что̀ позабылъ онъ: не платокъ ли? но платокъ въ карманѣ; не деньги ли? но деньги тоже въ карманѣ; все, кажется, при немъ, а между тѣмъ какой-то невѣдомый духъ шепчетъ ему въ уши, что онъ позабылъ что-то. И вотъ уже глядитъ онъ растерянно и смутно на движущуюся толпу передъ нимъ, на летающіе экипажи, на кивера и ружья проходящаго полка, на вывѣску, и ничего хорошо не видитъ. Такъ и Чичиковъ вдругъ сдѣлался[1] чуждымъ всему, что̀ ни происходило вокругъ него. Въ это время изъ дамскихъ благовонныхъ устъ къ нему устремилось множество намековъ и вопросовъ, проникнутыхъ насквозь тонкостію и любезностію: „Позволено ли намъ, бѣднымъ жителямъ земли, быть такъ дерзкими, чтобы спросить васъ, о чемъ мечтаете?“ — „Гдѣ находятся тѣ счастливыя мѣста, въ которыхъ порхаетъ мысль ваша?“ — „Можно ли знать имя той, которая погрузила васъ въ эту сладкую долину задумчивости?“ Но онъ отвѣчалъ на все рѣшительнымъ невниманіемъ, и пріятныя фразы канули, какъ въ воду. Онъ даже до того былъ неучтивъ, что скоро ушелъ отъ нихъ въ другую сторону, желая повысмотрѣть, куда ушла губернаторша съ своей дочкой. Но дамы, кажется, не хотѣли оставить его такъ скоро: каждая внутренно рѣшилась употребить всевозможныя орудія, столь опасныя для сердецъ нашихъ, и пустить въ ходъ все, что̀ было лучшаго. Нужно замѣтить, что у нѣкоторыхъ дамъ, — я говорю у нѣкоторыхъ: это не то, что у всѣхъ,— есть маленькая слабость: если онѣ замѣтятъ у себя что-нибудь особенно хорошее — лобъ ли, ротъ ли, руки ли — то уже думаютъ, что лучшая часть лица ихъ такъ первая и бросится всѣмъ въ глаза, и всѣ вдругъ заговорятъ въ одинъ голосъ: „Посмотрите, посмотрите, какой у ней прекрасный греческій носъ!“ или: „какой правильный, очаровательный лобъ!“ У которой же хороши плечи, та увѣрена заранѣе, что всѣ молодые люди будутъ совершенно восхищены и, то и дѣло, станутъ повторять въ то время, когда она будетъ проходить мимо: „Ахъ, какія чудесныя у этой плечи!“ а на лицо, волосы, носъ, лобъ даже не взглянутъ, если же и взглянутъ, то какъ на что-то постороннее. Такимъ образомъ думаютъ иныя дамы. Каждая дама дала себѣ внутренній обѣтъ быть какъ можно

очаровательнѣй въ танцахъ и показать во всемъ блескѣ превосходство того, что̀ у нея было самаго превосходнаго. Почтмейстерша, вальсируя, съ такой томностію опустила на бокъ голову, что слышалось въ самомъ дѣлѣ что-то неземное. Одна очень любезная дама,—которая пріѣхала вовсе не съ тѣмъ, чтобы танцовать, по причинѣ приключившагося, какъ сама выразилась, небольшаго инкомодите въ видѣ горошинки на правой ногѣ, вслѣдствіе чего должна была даже надѣть плисовые сапоги,—не вытерпѣла, однакоже[1], и сдѣлала нѣсколько круговъ въ плисовыхъ сапогахъ, для того именно, чтобы почтмейстерша не забрала ужъ[2] въ самомъ дѣлѣ слишкомъ много себѣ въ голову.

Но все это никакъ не произвело предполагаемаго дѣйствія на Чичикова. Онъ даже не смотрѣлъ на круги, производимые дамами[3], но безпрестанно[4] подымался на цыпочки выглядывать поверхъ головъ, куда бы могла забраться занимательная блондинка; присѣдалъ и внизъ тоже, высматривая промежъ плечей и спинъ, наконецъ доискался и увидѣлъ ее, сидящую вмѣстѣ съ матерью, надъ которою величаво колебалась какая-то[5] восточная чалма съ перомъ. Казалось, какъ будто онъ хотѣлъ взять ихъ приступомъ. Весеннее ли расположеніе подѣйствовало на него, или толкалъ его кто сзади, только онъ протѣснялся[6] рѣшительно впередъ, несмотря ни на что̀: откупщикъ получилъ отъ него такой толчекъ, что пошатнулся и чуть-чуть удержался на одной ногѣ, не то бы, конечно, повалилъ за собою цѣлый рядъ; почтмейстеръ тоже отступилъ[7] и посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей[8], но онъ на нихъ не поглядѣлъ: онъ видѣлъ только вдали[9] блондинку, надѣвавшую длинную перчатку и, безъ сомнѣнія, сгаравшую желаніемъ пуститься летать по паркету. А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и армейскій штабсъ-капитанъ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, отвертывая такіе па, какіе и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой[10]. Однакожъ онъ подступилъ къ нимъ очень робко, не сѣменилъ такъ бойко и франтовски ногами, даже нѣсколько замялся, и во всѣхъ движеніяхъ оказалась какая-то неловкость.

Нельзя сказать навѣрно, точно ли пробудилось въ нашемъ героѣ чувство любви[1]; даже сомнительно[2], чтобы господа такого рода, то есть, не такъ чтобы толстые, однакожъ и не то, чтобы тонкіе, способны были къ любви[3]; но при всемъ томъ здѣсь было что-то такое странное, что-то въ такомъ родѣ, чего онъ самъ не могъ себѣ объяснить: ему показалось, какъ самъ онъ потомъ сознавался, что весь балъ, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, сталъ на нѣсколько минутъ какъ будто гдѣ-то вдали; скрыпки и трубы нарѣзывали гдѣ-то за горами, и все подернулось туманомъ, похожимъ на небрежно замалеванное поле на картинѣ[4]. И изъ этого мглистаго, кое-какъ[5] набросаннаго поля выходили ясно и оконченно только однѣ тонкія черты увлекательной блондинки: ея овально-круглившееся личико, ея тоненькій, тоненькій станъ, какой бываетъ у институтки въ первые мѣсяцы послѣ выпуска, ея бѣлое, почти простое платьице[6], легко и ловко обхватившее во всѣхъ мѣстахъ молоденькіе[7] стройные члены, которые означались въ какихъ-то чистыхъ линіяхъ. Казалось, она вся походила на какую-то игрушку, отчетливо выточенную изъ слоновой кости; она только одна[8] бѣлѣла и выходила прозрачною и свѣтлою изъ мутной и непрозрачной толпы[9].

Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы[10], на нѣсколько минутъ въ жизни, обращаются въ поэтовъ[11]; но слово *поэтъ* будетъ уже слишкомъ. По крайней мѣрѣ, онъ почувствовалъ себя совершенно чѣмъ-то въ родѣ молодаго человѣка, чуть-чуть не гусаромъ. Увидѣвши возлѣ нихъ пустой стулъ, онъ тотчасъ его занялъ. Разговоръ сначала не клеился, но послѣ дѣло пошло; онъ началъ даже получать форсъ, но[12]... Здѣсь, къ величайшему прискорбію[13], надобно замѣтить, что люди степенные и занимающіе важныя должности какъ-то немного тяжеловаты въ разговорахъ съ дамами; на это мастера господа поручики, и никакъ не далѣе капитанскихъ чиновъ. Какъ они дѣлаютъ, Богъ ихъ вѣдаетъ: кажется, и не очень мудреныя вещи говорятъ, а дѣвица, то и дѣло, качается на стулѣ отъ смѣха; статскій же совѣтникъ, Богъ знаетъ что̀, разскажетъ: или поведетъ рѣчь о томъ, что Россія очень пространное государство, или отпуститъ комплиментъ, который, конечно, выдуманъ не безъ остроумія, но отъ него ужасно пахнетъ книгою; если же скажетъ что-нибудь смѣшное, то

самъ несравненно больше смѣется, чѣмъ та, которая его слушаетъ. Здѣсь это замѣчено для того, чтобы читатели видѣли[1], почему блондинка стала зѣвать[2] во время разсказовъ нашего героя. Герой, однакоже, совсѣмъ этого не замѣчалъ, разсказывая множество пріятныхъ вещей, которыя уже случалось ему произносить въ подобныхъ случаяхъ въ разныхъ мѣстахъ, именно: въ симбирской губерніи, у Софрона Ивановича Безпечнаго, гдѣ были тогда дочь его Аделаида Софроновна съ тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Ѳедора Ѳедоровича Перекроева, въ рязанской губерніи; у Фрола Васильевича Побѣдоноснаго, въ пензенской губерніи, и у брата его Петра Васильевича, гдѣ были: свояченица его Катерина Михайловна и внучатныя сестры ея: Роза Ѳедоровна и Эмилія Ѳедоровна; въ вятской губерніи, у Петра Варсонофьевича, гдѣ была сестра невѣстки его Пелагея Егоровна, съ племянницей Софьей Ростиславной и двумя сводными сестрами: Софіей Александровной и Маклатурой Александровной.

Всѣмъ дамамъ совершенно не понравилось такое обхожденіе Чичикова. Одна изъ нихъ нарочно прошла мимо его, чтобы дать ему это замѣтить, и даже задѣла блондинку довольно небрежно толстымъ руло своего платья, а шарфомъ, который порхалъ вокругъ плечъ ея, распорядилась такъ, что онъ махнулъ концомъ своимъ ее по самому лицу; въ то же самое время позади его изъ однихъ дамскихъ устъ изнеслось, вмѣстѣ съ запахомъ фіялокъ, довольно колкое и язвительное замѣчаніе. Но, или онъ не услышалъ въ самомъ дѣлѣ, или прикинулся, что не услышалъ, только это было не хорошо, ибо мнѣніемъ дамъ нужно дорожить: въ этомъ онъ и раскаялся, но уже послѣ, стало быть, поздно.

Негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое, изобразилось во многихъ лицахъ. Какъ ни великъ былъ въ обществѣ вѣсъ Чичикова, хотя онъ и милліонщикъ, и въ лицѣ его выражалось величіе и даже что-то марсовское и военное; но есть вещи, которыхъ дамы не простятъ никому, будь онъ кто бы ни было, и тогда прямо пиши — пропало! Есть случаи, гдѣ женщина, какъ ни слаба и безсильна характеромъ въ сравненіи съ мужчиною, но становится вдругъ тверже не только мужчины, но и всего, что̀ ни есть на свѣтѣ. Пренебре-

женіе, оказанное Чичиковымъ, почти неумышленное, возстановило между дамами даже согласіе, бывшее было на краю погибели по случаю завладѣнія стуломъ. Въ произнесенныхъ имъ невзначай какихъ-то сухихъ и обыкновенныхъ словахъ нашли колкіе намеки. Въ довершеніе бѣдъ какой-то изъ молодыхъ людей сочинилъ тутъ же сатирическіе стихи на танцовавшее общество, безъ чего, какъ извѣстно, никогда почти не обходится на губернскихъ балахъ. Эти стихи были приписаны тутъ же Чичикову. Негодованье росло, и дамы стали говорить о немъ въ разныхъ углахъ самымъ неблагопріятнымъ образомъ; а бѣдная институтка была уничтожена совершенно, и приговоръ ея уже былъ подписанъ.

А между тѣмъ герою нашему готовилась пренепріятнѣйшая неожиданность: въ то время, когда блондинка зѣвала, а онъ разсказывалъ ей кое-какія въ разныя времена случившіяся исторійки и даже коснулся было греческаго философа Діогена, показался изъ послѣдней комнаты Ноздревъ. Изъ буфета ли онъ вырвался, или изъ небольшой зеленой гостиной, гдѣ производилась игра посильнѣе, чѣмъ въ обыкновенный вистъ, своей ли волею, или вытолкали его, только онъ явился веселый, радостный, ухвативши подъ руку прокурора, котораго, вѣроятно, уже таскалъ нѣсколько времени, потому что бѣдный прокуроръ поворачивалъ на всѣ стороны свои густыя брови, какъ бы придумывая средство выбраться изъ этого дружескаго подручнаго путешествія. Въ самомъ дѣлѣ, оно было невыносимо. Ноздревъ, захлебнувъ куражу въ двухъ чашкахъ чаю, конечно, не безъ рома, вралъ немилосердо. Завидѣвъ еще издали его, Чичиковъ рѣшился даже на пожертвованіе, то есть, оставить свое завидное мѣсто и, сколько можно, поспѣшнѣе удалиться: ничего хорошаго не предвѣщала ему эта встрѣча. Но, какъ на бѣду, въ это время подвернулся губернаторъ, изъявившій необыкновенную радость, что нашелъ Павла Ивановича, и остановилъ его, прося быть судіею въ спорѣ его съ двумя дамами насчетъ того, продолжительна ли женская любовь, или нѣтъ; а между тѣмъ Ноздревъ уже увидалъ его и шелъ прямо навстрѣчу.

„А, херсонскій помѣщикъ, херсонскій помѣщикъ!“ кричалъ онъ, подходя и заливаясь смѣхомъ, отъ котораго дрожали его свѣжія, румяныя, какъ весенняя роза, щеки. „Что?

много наторговалъ мертвыхъ? Вѣдь вы не знаете, ваше превосходительство", горланилъ онъ тутъ же, обратившись къ губернатору: „онъ торгуетъ мертвыми душами! Ей Богу! Послушай, Чичиковъ! Вѣдь ты, я тебѣ говорю по дружбѣ, вотъ мы всѣ здѣсь твои друзья, вотъ и его превосходительство здѣсь, — я бы тебя повѣсилъ, ей Богу, повѣсилъ!"

Чичиковъ просто не зналъ, гдѣ сидѣлъ.

„Повѣрите ли, ваше превосходительство", продолжалъ Ноздревъ: „какъ сказалъ онъ мнѣ: „продай мертвыхъ душъ", я такъ и лопнулъ со смѣха. Пріѣзжаю сюда, мнѣ говорятъ, что накупилъ на три милліона крестьянъ на выводъ. Какихъ на выводъ! Да онъ торговалъ у меня мертвыхъ. Послушай, Чичиковъ: да ты скотина, ей Богу, скотина! Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ?"

Но прокуроръ, и Чичиковъ, и самъ губернаторъ пришли въ такое замѣшательство, что не нашлись совершенно, что̀ отвѣчать; а между тѣмъ Ноздревъ, ни мало не обращая вниманія, несъ полутрезвую рѣчь: „Ужъ ты, братъ, ты, ты... я не отойду отъ тебя, пока не узнаю, зачѣмъ ты покупалъ мертвыя души. Послушай, Чичиковъ, вѣдь тебѣ, право, стыдно; у тебя, ты самъ знаешь, нѣтъ лучшаго друга, какъ я. Вотъ и его превосходительство здѣсь... не правда ли, прокуроръ? Вы не повѣрите, ваше превосходительство, какъ мы другъ къ другу привязаны, то есть, просто, если бы вы сказали, — вотъ, я тутъ стою, а вы бы сказали: „Ноздревъ, скажи по совѣсти, кто тебѣ дороже, отецъ родной, или Чичиковъ?" скажу: „Чичиковъ", ей Богу... Позволь, душа, я тебѣ влѣплю одинъ безе. Ужъ вы позвольте, ваше превосходительство, поцѣловать мнѣ его. Да, Чичиковъ, ужъ ты не противься, одну безешку позволь напечатлѣть тебѣ въ бѣлоснѣжную щеку твою!" Ноздревъ былъ такъ оттолкнутъ съ своими безе, что чуть не полетѣлъ на землю. Отъ него всѣ отступились и не слушали больше. Но все же слова его о покупкѣ мертвыхъ душъ были произнесены во всю глотку и сопровождены такимъ громкимъ смѣхомъ, что привлекли вниманіе даже тѣхъ, которые находились въ самыхъ дальнихъ углахъ комнаты. Эта новость такъ показалась странною, что всѣ остановились съ какимъ-то деревяннымъ, глупо-вопросительнымъ выраженіемъ. Чичиковъ замѣтилъ, что многія дамы перемигнулись

между собою съ какою-то злобною, ѣдкою усмѣшкою, и въ выраженіи нѣкоторыхъ лицъ показалось что-то такое двусмысленное, которое еще болѣе увеличило это смущеніе. Что Ноздревъ лгунъ отъявленный, это было извѣстно всѣмъ, и вовсе не было въ диковинку слышать отъ него рѣшительную безсмыслицу; но смертный — право, трудно даже понять, какъ устроенъ этотъ смертный: какъ бы ни была пошла новость, но лишь бы она была новость, онъ непремѣнно сообщитъ ее другому смертному, хотя бы именно для того только, чтобы сказать: „Посмотрите, какую ложь распустили!" А другой смертный съ удовольствіемъ преклонитъ ухо, хотя послѣ скажетъ самъ: „Да это совершенно пошлая ложь, нестóющая никакого вниманія!" И вслѣдъ за тѣмъ сей же часъ отправится искать третьяго смертнаго, чтобы, разсказавши ему, послѣ вмѣстѣ съ нимъ воскликнуть съ благороднымъ негодованіемъ: „Какая пошлая ложь!" И это непремѣнно обойдетъ весь городъ, и всѣ смертные, сколько ихъ ни есть, наговорятся непремѣнно досыта и потомъ признаютъ, что это не стóитъ вниманія и не достойно, чтобы о немъ говорить.

Это вздорное, повидимому, происшествіе замѣтно разстроило нашего героя. Какъ ни глупы слова дурака, а иногда бываютъ они достаточны, чтобы смутить умнаго человѣка. Онъ сталъ чувствовать себя неловко, неладно, точь въ точь[1], какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную, вонючую лужу; словомъ — нехорошо, совсѣмъ нехорошо! Онъ пробовалъ объ этомъ не думать, старался разсѣяться, развлечься, присѣлъ въ вистъ, но все пошло, какъ кривое колесо: два раза сходилъ онъ въ чужую масть и, позабывъ, что по третьей не бьютъ, размахнулся со всей руки и хватилъ сдуру свою же. Предсѣдатель никакъ не могъ понять, какъ Павелъ Ивановичъ, такъ хорошо и, можно сказать, тонко разумѣвшій игру, могъ сдѣлать подобныя ошибки и подвелъ даже подъ обухъ его пиковаго короля, на котораго онъ, по собственному выраженію, надѣялся, какъ на Бога[2]. Конечно, почтмейстеръ, и предсѣдатель, и даже самъ полицеймейстеръ, какъ водится, подшучивали надъ нашимъ героемъ, что ужъ не влюбленъ ли онъ, и что мы знаемъ, дескать, что у Павла Ивановича сердечишко прихрамываетъ, знаемъ, кѣмъ и подстрѣлено; но все это никакъ его не утѣшало,

какъ онъ ни пробовалъ усмѣхаться и отшучиваться. За ужиномъ тоже онъ никакъ не былъ въ состояніи развернуться, не смотря на то, что общество за столомъ было пріятное и что Ноздрева давно уже вывели, ибо сами даже дамы наконецъ замѣтили, что поведеніе его черезчуръ становилось скандалезно. Посреди котильона, онъ сѣлъ на полъ и сталъ хватать за полы танцующихъ, что̀ было уже ни на что̀ не похоже, по выраженію дамъ. Ужинъ былъ очень веселъ: всѣ лица, мелькавшія передъ тройными подсвѣчниками, цвѣтами, конфектами и бутылками, были озарены самымъ непринужденнымъ довольствомъ. Офицеры, дамы, фраки — все сдѣлалось любезно, даже до приторности. Мужчины вскакивали со стульевъ и бѣжали отнимать у слугъ блюда, чтобы съ необыкновенною ловкостію предложить ихъ дамамъ. Одинъ полковникъ подалъ дамѣ тарелку съ соусомъ на концѣ обнаженной шпаги. Мужчины почтенныхъ лѣтъ, между которыми сидѣлъ Чичиковъ, спорили громко, заѣдая дѣльное слово рыбой или говядиной, обмакнутой нещаднымъ образомъ въ горчицу, и спорили о тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ даже всегда принималъ участіе; но онъ былъ похожъ на какого-то человѣка, уставшаго или разбитаго дальней дорогой, которому ничто не лѣзетъ на умъ и который не въ силахъ войти ни во что̀. Даже не дождался онъ окончанія ужина и уѣхалъ къ себѣ несравненно ранѣе, чѣмъ имѣлъ обыкновеніе уѣзжать.

Тамъ, въ этой комнаткѣ, такъ знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодомъ, и выглядывавшими иногда изъ угловъ тараканами, положеніе мыслей и духа его было такъ же не спокойно, какъ неспокойны тѣ кресла, въ которыхъ онъ сидѣлъ. Непріятно, смутно было у него на сердцѣ; какая-то тягостная пустота оставалась тамъ. „Чтобъ васъ чортъ побралъ всѣхъ, кто выдумалъ эти балы!“ говорилъ онъ въ сердцахъ. „Ну, чему сдуру обрадовались? Въ губерніи неурожаи, дороговизна, такъ вотъ они за балы! Экъ штука: разрядились въ бабьи тряпки! Невидаль, что иная навертѣла на себя тысячу рублей! А вѣдь на счетъ же крестьянскихъ оброковъ или, что̀ еще хуже, на счетъ совѣсти нашего брата. Вѣдь извѣстно, зачѣмъ берешь взятку и покривишь душой: для того, чтобы женѣ достать на шаль или на разные роброны, провалъ ихъ возьми, какъ ихъ называютъ! А изъ чего? чтобы

не сказала какая-нибудь подстёга Сидоровна, что на почтмейстерше лучше было платье, да изъ-за нея бухъ тысячу рублей. Кричатъ: „балъ, балъ, веселость!“ Просто, дрянь балъ, не въ русскомъ духѣ, не въ русской натурѣ, чортъ знаетъ, чтò такое: взрослый, совершеннолѣтній, вдругъ выскочитъ весь въ черномъ, общипанный, обтянутый, какъ чортикъ, и давай мѣсить ногами. Иной даже, стоя въ парѣ, переговариваетъ[1] съ другимъ объ важномъ дѣлѣ, а ногами въ то же самое время, какъ козленокъ, вензеля направо и налѣво... Все изъ обезьянства, все изъ обезьянства! Что французъ въ сорокъ лѣтъ такой же ребенокъ, какимъ былъ и въ пятнадцать, такъ вотъ давай же и мы! Нѣтъ, право... послѣ всякаго бала, точно, какъ будто какой грѣхъ сдѣлалъ; и вспомнить даже о немъ не хочется. Въ головѣ, просто, ничего, какъ послѣ разговора съ свѣтскимъ человѣкомъ: всего онъ наговоритъ, всего слегка коснется, все скажетъ, чтò понадергалъ изъ книжекъ, пестро, красно, а въ головѣ хоть бы что-нибудь изъ того вынесъ; и видишь потомъ, какъ даже разговоръ съ простымъ купцомъ, знающимъ одно свое дѣло, но знающимъ его твердо и опытно, лучше всѣхъ этихъ побрякушекъ. Ну, чтò изъ него выжмешь, изъ этого бала? Ну, если бы, положимъ, какой-нибудь писатель вздумалъ описывать всю эту сцену такъ, какъ она есть? Ну, и въ книгѣ, и тамъ была бы она такъ же безтолкова, какъ въ натурѣ. Чтò она такое: нравственная ли, безнравственная ли? просто, чортъ знаетъ, чтò такое! Плюнешь, да и книгу потомъ закроешь“. Такъ отзывался неблагопріятно Чичиковъ о балахъ вообще; но, кажется, сюда вмѣшалась другая причина негодованья. Главная досада была не на балъ, а на то, что случилось ему оборваться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми, Богъ знаетъ, въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную, двусмысленную роль. Конечно, взглянувши окомъ благоразумнаго человѣка, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, что глупое слово ничего не значитъ, особливо теперь, когда главное дѣло уже обдѣлано, какъ слѣдуетъ. Но — страненъ человѣкъ: его огорчало сильно нерасположенье тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и насчетъ которыхъ отзывался рѣзко, понося ихъ суетность и наряды. Это тѣмъ болѣе было ему досадно, что, разобравши дѣло ясно, онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ

отчасти самъ. На себя, однакоже, онъ не разсердился, и въ томъ, конечно, былъ правъ. Всѣ мы имѣемъ маленькую слабость немножко пощадить себя, а постараемся лучше пріискать какого-нибудь ближняго, на комъ бы выместить свою досаду, напримѣръ, на слугѣ, на чиновникѣ, намъ подвѣдомственномъ, который въ пору подвернулся, на женѣ, или, наконецъ, на стулѣ, который швырнется, чортъ знаетъ, куда, къ самымъ[1] дверямъ, такъ что отлетитъ отъ него ручка и спинка, — пусть, молъ, его знаетъ, что̀ такое гнѣвъ. Такъ и Чичиковъ скоро нашелъ ближняго, который потащилъ на плечахъ своихъ все, что̀ только могла внушить ему досада. Ближній этотъ былъ Ноздревъ, и, нечего сказать, онъ былъ такъ отдѣланъ со всѣхъ боковъ и сторонъ, какъ развѣ только какой-нибудь плутъ староста или ямщикъ бываетъ отдѣланъ какимъ-нибудь ѣзжалымъ, опытнымъ капитаномъ, а иногда и генераломъ, который, сверхъ многихъ выраженій, сдѣлавшихся классическими, прибавляетъ еще много неизвѣстныхъ, которыхъ изобрѣтеніе принадлежитъ ему собственно. Вся родословная Ноздрева была разобрана, и многіе изъ членовъ его фамиліи въ восходящей линіи сильно потерпѣли.

Но въ продолженіи того, какъ онъ сидѣлъ въ жесткихъ своихъ креслахъ, тревожимый мыслями и безсонницей, угощая усердно Ноздрева и всю родню его, и передъ нимъ теплилась сальная свѣчка, которой свѣтильня давно уже накрылась нагорѣвшею черною шапкою, ежеминутно грозя погаснуть, и глядѣла ему въ окна слѣпая, темная ночь, готовая посинѣть отъ приближавшагося разсвѣта, и пересвистывались вдали отдаленные пѣтухи, и въ совершенно заснувшемъ городѣ, можетъ быть, плелась гдѣ-нибудь фризовая шинель, горемыка, неизвѣстно какого класса и чина, знающая одну только (увы!) слишкомъ протертую русскимъ забубеннымъ народомъ дорогу, — въ это время на другомъ концѣ города происходило событіе, которое готовилось увеличить непріятность положенія нашего героя. Именно, въ отдаленныхъ улицахъ и закоулкахъ города дребезжалъ весьма странный экипажъ, наводившій недоумѣніе насчетъ своего названія. Онъ не былъ похожъ ни на тарантасъ, ни на коляску, ни на бричку, а былъ скорѣе похожъ на толстощекій выпуклый арбузъ, поставленный на колеса. Щеки этого арбуза, то есть дверцы, носив-

шія слѣды желтой краски, затворялись очень плохо, по причинѣ плохаго состоянія ручекъ и замковъ, кое-какъ связанныхъ веревками. Арбузъ былъ наполненъ ситцевыми подушками въ видѣ кисетовъ, валиковъ и, просто, подушекъ, напичканъ мѣшками съ хлѣбами, калачами, кокурками, скородумками и кренделями изъ заварнаго тѣста. Пирогъ-курникъ и пирогъ-разсольникъ выглядывали даже наверхъ. Запятки были заняты лицомъ лакейскаго происхожденья, въ курткѣ изъ домашней пеструшки, съ небритой бородою, подернутой легкой просѣдью, — лицо, извѣстное подъ именемъ *малаго*. Шумъ и визгъ отъ желѣзныхъ скобокъ и ржавыхъ винтовъ разбудили на другомъ концѣ города будочника, который, поднявъ свою алебарду, закричалъ съ просонья, что̀ стало мочи: „кто идетъ?“ но, увидѣвъ, что никто не шелъ, а слышалось только издали дребезжанье, поймалъ у себя на воротникѣ какого-то звѣря и, подошедъ къ фонарю, казнилъ его тутъ же у себя на ногтѣ, послѣ чего, отставивши алебарду, опять заснулъ, по уставамъ своего рыцарства. Лошади, то и дѣло, падали на переднія колѣнки, потому что не были подкованы, и притомъ, какъ видно, покойная городская мостовая была имъ мало знакома. Колымага, сдѣлавши нѣсколько поворотовъ изъ улицы въ улицу, наконецъ поворотила въ темный переулокъ мимо небольшой приходской церкви Николы на Недотычкахъ и остановилась предъ воротами дома протопопши. Изъ брички вылѣзла дѣвка съ платкомъ на головѣ, въ тѣлогрѣйкѣ, и хватила обоими кулаками въ ворота такъ сильно, хоть бы и мужчинѣ (малый въ курткѣ изъ пеструшки былъ уже потомъ стащенъ за ноги, ибо спалъ мертвецки). Собаки залаяли, и ворота, разинувшись, наконецъ проглотили, хотя съ большимъ трудомъ, это неуклюжее дорожное произведеніе. Экипажъ въѣхалъ въ тѣсный дворъ, заваленный дровами, курятниками и всякими клѣтухами; изъ экипажа вылѣзла барыня: эта барыня была помѣщица, коллежская секретарша Коробочка. Старушка, вскорѣ послѣ отъѣзда нашего героя, въ такое пришла безпокойство насчетъ могущаго произойти со стороны его обмана, что, не поспавши три ночи сряду, рѣшилась ѣхать въ городъ, — не смотря на то, что лошади не были подкованы, — и тамъ узнать навѣрно, почемъ ходятъ мертвыя души и ужъ не промахнулась ли она, Боже сохрани, про-

давъ ихъ, можетъ быть, въ три-дешева. Какое произвело слѣдствіе это прибытіе, читатель можетъ узнать изъ одного разговора, который произошелъ между однѣми двумя дамами. Разговоръ сей... но пусть лучше сей разговоръ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Поутру, ранѣе даже того времени, которое назначено въ городѣ N для визитовъ, изъ дверей оранжеваго деревяннаго дома, съ мезониномъ и голубыми колоннами, выпорхнула дама въ клѣтчатомъ щегольскомъ клокѣ, сопровождаемая лакеемъ въ шинели съ нѣсколькими воротниками и золотымъ галуномъ на круглой лощеной шляпѣ. Дама вспорхнула въ тотъ же часъ съ необыкновенною поспѣшностью по откинутымъ ступенькамъ въ стоявшую у подъѣзда коляску. Лакей тутъ же захлопнулъ даму дверцами, закидалъ ступеньками и, ухватясь за ремни сзади коляски, закричалъ кучеру: „Пошелъ!“ Дама везла только что услышанную новость и чувствовала побужденіе непреодолимое скорѣе сообщить ее. Всякую минуту выглядывала она изъ окна и видѣла, къ несказанной досадѣ[1], что все еще остается полдороги. Всякій домъ казался ей длиннѣе обыкновеннаго; бѣлая каменная богадѣльня съ узенькими окнами тянулась нестерпимо долго, такъ что она наконецъ не вытерпѣла не сказать: „Проклятое строеніе, и конца нѣтъ!“ Кучеръ уже два раза получалъ приказаніе: „Поскорѣе, поскорѣе, Андрюшка! Ты сегодня несносно долго ѣдешь!“ Наконецъ, цѣль была достигнута. Коляска остановилась передъ деревяннымъ же одноэтажнымъ домомъ темно-сѣраго цвѣта, съ бѣлыми барельефчиками надъ окнами, съ высокою деревянною рѣшеткою передъ самыми окнами и узенькимъ палисадникомъ, за рѣшеткою котораго находившіяся тоненькія деревца побѣлѣли отъ никогда не сходившей съ нихъ городской пыли. Въ окнахъ мелькали горшки съ цвѣтами, попугай, качавшійся въ клѣткѣ, уцѣпясь носомъ за кольцо, и двѣ собаченки, спавшія передъ солнцемъ. Въ этомъ домѣ жила искренняя пріятельница пріѣхавшей дамы. Авторъ чрезвычайно

затрудняется, какъ назвать ему обѣихъ дамъ такимъ образомъ, чтобы опять не разсердились на него, какъ серживались встарь. Назвать выдуманною фамиліей — опасно. Какое ни придумай имя, ужъ непремѣнно найдется въ какомъ-нибудь углу нашего государства, — благо велико, — кто-нибудь, носящій его, и непремѣнно разсердится не на животъ, а на смерть, станетъ говорить, что авторъ нарочно пріѣзжалъ секретно съ тѣмъ, чтобы вывѣдать все, что̀ онъ такое самъ, и въ какомъ тулупчикѣ ходитъ, и къ какой Аграфенѣ Ивановнѣ навѣдывается, и что̀ любитъ покушать. Назови же по чинамъ, Боже сохрани, и того опаснѣй. Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что̀ ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью: таково уже, видно, расположенье въ воздухѣ. Достаточно сказать[1] только, что есть въ одномъ городѣ глупый человѣкъ; — это уже и личность: вдругъ выскочитъ[2] господинъ почтенной наружности и закричитъ: „Вѣдь я тоже человѣкъ, стало быть, я тоже глупъ"; словомъ, вмигъ смекнетъ, въ чемъ дѣло. А потому, для избѣжанія всего этого, будемъ называть даму, къ которой пріѣхала гостья, такъ, какъ она называлась почти единогласно въ городѣ N, именно — дамою, пріятною во всѣхъ отношеніяхъ. Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо, точно, ничего не пожалѣла, чтобы сдѣлаться любезною въ послѣдней степени, хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась — ухъ, какая юркая прыть женскаго характера! и хотя подъ часъ въ пріятномъ словѣ ея торчала — ухъ, какая булавка![3] А ужъ не приведи Богъ, что̀ кипѣло въ сердцѣ[4] противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было облечено самою тонкою свѣтскостью, какая только бываетъ въ губернскомъ городѣ. Всякое движеніе производила она со вкусомъ, даже любила стихи, даже иногда[5] мечтательно умѣла держать голову[6], и всѣ согласились, что она, точно, дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ. Другая же дама, то есть, пріѣхавшая, не имѣла такой многосторонности въ характерѣ, и потому будемъ называть ее — просто пріятная дама. Пріѣздъ гостьи разбудилъ собаченокъ, спавшихъ на солнцѣ: мохнатую Адель, безпрестанно[7] путавшуюся въ собственной шерсти, и кобелька Попури на тоненькихъ ножкахъ. Тотъ и

другая съ лаемъ понесли кольцами хвосты свои въ переднюю, гдѣ гостья освобождалась отъ своего клока и очутилась въ платьѣ моднаго узора и цвѣта и въ длинныхъ хвостахъ на шеѣ; жасмины понеслись по всей комнатѣ. Едва только во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама узнала о пріѣздѣ просто пріятной дамы, какъ уже вбѣжала въ переднюю. Дамы ухватились за руки, поцѣловались и вскрикнули, какъ вскрикиваютъ институтки, встрѣтившіяся вскорѣ послѣ выпуска, когда маменьки еще не успѣли объяснить имъ, что отецъ у одной бѣднѣе и ниже чиномъ, нежели у другой. Поцѣлуй совершился звонко, потому что собаченки залаяли снова, за что были хлопнуты платкомъ, — и обѣ дамы отправились въ гостиную, разумѣется, голубую, съ диваномъ, овальнымъ столомъ и даже ширмочками, обвитыми плющомъ; вслѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ. „Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ!“ говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана. „Вотъ такъ! вотъ такъ! Вотъ вамъ и подушка!“ Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ[1]: носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ. „Какъ же я рада, что вы... Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ, кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: „вице-губернаторша“, а я говорю: „Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать“, и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома...“

Гостья уже хотѣла было приступить къ дѣлу и сообщить новость[2], но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору.

„Какой веселенькій ситецъ!“ воскликнула во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, глядя на платье просто пріятной дамы.

„Да, очень веселенькій. Прасковья Ѳедоровна, однакоже, находитъ, что лучше, если бы клѣточки были помельче, и чтобы не коричневыя были крапинки, а голубыя. Сестрѣ я прислала матерійку: это такое очарованье, котораго, просто, нельзя выразить словами. Вообразите себѣ: полосочки узенькія, узенькія, какія только можетъ представить воображеніе человѣческое, фонъ голубой и черезъ полоску все глазки и

лапки, глазки и лапки, глазки и лапки... Словомъ, безподобно! Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ".

„Милая, это пестро".

„Ахъ, нѣтъ! не пестро!"

„Ахъ, пестро!"[1]

Нужно замѣтить, что во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама была отчасти матеріалистка, склонна къ отрицанію и сомнѣнію и отвергала весьма многое въ жизни.

Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это совсѣмъ[2] не пестро и вскрикнула: „Да, поздравляю васъ[3]: оборокъ болѣе не носятъ".

„Какъ не носятъ?"

„На мѣсто ихъ фестончики".

„Ахъ, это не хорошо — фестончики!"[4]

„Фестончики, все фестончики: пелеринка изъ фестончиковъ, на рукавахъ фестончики, эполетцы изъ фестончиковъ, внизу фестончики, вездѣ фестончики".

„Нехорошо, Софья Ивановна[5], если все фестончики".

„Мило, Анна Григорьевна, до невѣроятности[6]: шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху... Но вотъ, вотъ когда вы изумитесь, вотъ ужъ когда скажете, что... Ну, изумляйтесь: вообразите, лифчики пошли еще длиннѣе, впереди мыскомъ, и передняя косточка совсѣмъ выходитъ изъ границъ; юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади нежножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ".

„Ну, ужъ это, просто: признаюсь!" сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движенье головою съ чувствомъ достоинства.

„Именно, это ужъ, точно: признаюсь!" отвѣчала просто пріятная дама[7].

„Ужъ какъ вы хотите, я ни за что не стану подражать этому".

„Я сама тоже[8]... Право, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... ни на чтò не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху; Меланья моя принялась шить".

„Такъ у васъ развѣ есть выкройка?" вскрикнула во всѣхъ

отношеніяхъ пріятная дама не безъ замѣтнаго сердечнаго движенья.

„Какъ же, сестра привезла“.

„Душа моя, дайте ее мнѣ, ради всего святаго“.

„Ахъ, я ужъ дала слово Прасковьѣ Ѳедоровнѣ. Развѣ послѣ нея“.

„Кто жъ станетъ носить послѣ Прасковьи Ѳедоровны? Это уже слишкомъ странно будетъ, съ вашей стороны, если вы чужихъ предпочтете своимъ“.

„Да вѣдь она тоже мнѣ двоюродная тетка“.

„Она вамъ тетка, еще, Богъ знаетъ, какая: съ мужниной стороны... Нѣтъ, Софья Ивановна, я и слышать не хочу[1]; это выходитъ — вы мнѣ хотите нанесть такое оскорбленье... Видно, я вамъ наскучила уже; видно, вы хотите прекратить со мною всякое знакомство“.

Бѣдная Софья Ивановна не знала совершенно, что̀ ей дѣлать. Она чувствовала сама, между какихъ сильныхъ огней себя поставила. Вотъ тебѣ и похвасталась! Она бы готова была исколоть за это иголками глупый языкъ.

„Ну, что жъ нашъ прелестникъ?“ сказала между тѣмъ дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

„Ахъ, Боже мой! что̀ жъ я такъ сижу передъ вами! Вотъ хорошо! Вѣдь вы знаете, Анна Григорьевна, съ чѣмъ я пріѣхала къ вамъ?“ Тутъ дыханіе гостьи сперлось, слова, какъ ястребы, готовы были пуститься въ погоню одно за другимъ, и только нужно было до такой степени быть безчеловѣчной, какова была искренняя пріятельница, чтобы рѣшиться остановить ее.

„Какъ вы ни выхваляйте и ни превозносите его“, говорила она съ живостью, болѣе нежели обыкновенною: „а я скажу прямо, и ему въ глаза скажу, что онъ негодный человѣкъ, негодный, негодный, негодный!“

„Да послушайте только, что̀ я вамъ открою...“

„Распустили слухи, что онъ хорошъ, а онъ совсѣмъ не хорошъ, совсѣмъ не хорошъ, и носъ у него... самый непріятный носъ“.

„Позвольте же, позвольте же только разсказать вамъ... душенька, Анна Григорьевна, позвольте разсказать! Вѣдь это исторія, понимаете ли: исторія, сконапель истоаръ“, говорила

гостья съ выраженіемъ почти отчаянія и совершенно умоляющимъ голосомъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что въ разговоръ обѣихъ дамъ вмѣшивалось очень много иностранныхъ словъ и цѣликомъ иногда длинныя французскія фразы. Но какъ ни исполненъ авторъ благоговѣнія къ тѣмъ спасительнымъ пользамъ, которыя приноситъ французскій языкъ Россіи, какъ ни исполненъ благоговѣнія къ похвальному обычаю нашего высшаго общества, изъясняющагося на немъ во всѣ часы дня, конечно, изъ глубокаго чувства любви къ отчизнѣ; но при всемъ томъ никакъ не рѣшается внести фразу какого бы ни было чуждаго языка въ сію русскую свою поэму. Итакъ, станемъ продолжать по-русски.

„Какая же исторія?"

„Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! если бы вы могли только представить то положеніе, въ которомъ я находилась! Вообразите, приходитъ ко мнѣ сегодня протопопша, протопопша, отца Кирилы жена, и чтò бы вы думали? нашъ-то смиренникъ, пріѣзжій-то нашъ, каковъ, а?"

„Какъ, неужели онъ и протопопшѣ строилъ куры?"

„Ахъ, Анна Григорьевна, пусть бы еще куры, это бы еще ничего; слушайте только, чтò разсказала протопопша. Пріѣхала, говоритъ, къ ней помѣщица Коробочка, перепуганная и блѣдная, какъ смерть, и разсказываетъ, и какъ разсказываетъ! послушайте только, совершенный романъ: вдругъ, въ глухую полночь, когда все уже спало въ домѣ, раздается въ ворота стукъ, ужаснѣйшій, какой только можно себѣ представить; кричатъ: „Отворите, отворите, не то — будутъ выломаны ворота!..." Каково вамъ это покажется? Каковъ же послѣ этого прелестникъ?"

„Да что Коробочка? развѣ молода и хороша собою?"

„Ничуть, старуха".

„Ахъ, прелести! Такъ онъ за старуху принялся? Ну, хорошъ же послѣ этого вкусъ нашихъ дамъ, нашли въ кого влюбиться".

„Да вѣдь нѣтъ, Анна Григорьевна, совсѣмъ не то, чтò вы полагаете. Вообразите себѣ только то, что является вооруженный съ ногъ до головы въ родѣ Ринальда Ринальдина и требуетъ: „Продайте", говоритъ, „всѣ души, которыя умерли." Коробочка отвѣчаетъ очень резонно, говоритъ: „Я не

могу продать, потому что онѣ мертвыя.“ — „Нѣтъ,“ говоритъ, „онѣ не мертвыя; это мое,“ говоритъ, „дѣло знать, мертвыя ли они, или нѣтъ; онѣ не мертвыя, не мертвыя!“ кричитъ — „не мертвыя!“ Словомъ, скандальозу надѣлалъ ужаснаго: вся деревня сбѣжалась, ребенки плачутъ, все кричитъ, никто никого не понимаетъ, — ну, просто, оррёръ, оррёръ, оррёръ!... Но вы себѣ представить не можете, Анна Григорьевна, какъ я перетревожилась, когда услышала все это. „Голубушка барыня,“ говоритъ мнѣ Машка: „посмотрите въ зеркало, вы блѣдны.“ — „Не до зеркала“, говорю, „мнѣ: я должна ѣхать разсказать Аннѣ Григорьевнѣ.“ Въ ту жъ минуту приказываю заложить коляску; кучеръ Андрюшка спрашиваетъ меня, куда ѣхать, а я ничего не могу и говорить, гляжу просто ему въ глаза, какъ дура; я думаю, что онъ подумалъ, что я сумасшедшая. Ахъ, Анна Григорьевна! если бъ вы только могли себѣ представить, какъ я перетревожилась!“

„Это, однакожъ, странно“, сказала во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама: „что̀ бы такое могли значить эти мертвыя души? Я, признаюсь, тутъ ровно ничего не понимаю. Вотъ уже во второй разъ я все слышу про эти мертвыя души; а мужъ мой еще говоритъ, что Ноздревъ вретъ: что-нибудь, вѣрно же, есть“.

„Но представьте же, Анна Григорьевна, каково мое было положеніе, когда я услышала это. „И теперь,“ говоритъ Коробочка: „я не знаю,“ говоритъ, „что̀ мнѣ дѣлать. Заставилъ,“ говоритъ, „подписать меня какую-то фальшивую бумагу, бросилъ пятнадцать рублей ассигнаціями; я“, говоритъ, „неопытная, безпомощная вдова, я ничего не знаю...“ Такъ вотъ происшествія! Но только если бы вы могли сколько-нибудь себѣ представить, какъ я вся перетревожилась!“

„Но только, воля ваша, здѣсь не мертвыя души, здѣсь скрывается что-то другое“.

„Я, признаюсь, тоже,“ произнесла не безъ удивленія просто пріятная дама и почувствовала тутъ же сильное желаніе узнать, что̀ бы такое могло здѣсь скрываться. Она даже произнесла съ разстановкой: „А что̀ жъ, вы полагаете, здѣсь скрывается?“

„Ну, какъ вы думаете?“

„Какъ я думаю?... Я, признаюсь, совершенно потеряна“.

„Но, однакожъ, я бы все хотѣла знать: какія ваши насчетъ этого мысли?“

Но пріятная дама ничего не нашлась сказать. Она умѣла только тревожиться, но чтобы составить какое-нибудь смѣтливое предположеніе, для этого никакъ ея не ставало, и отъ того, болѣе нежели всякая другая, она имѣла потребность въ нѣжной дружбѣ и совѣтахъ.

„Ну, слушайте же, чтò такое эти мертвыя души,“ сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, и гостья при такихъ словахъ вся обратилась въ слухъ: ушки ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сидя и не держась на диванѣ, и, не смотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ, который вотъ такъ и полетитъ на воздухъ отъ дуновенья.

Такъ, русскій баринъ, собачей и іора-охотникъ[1], подъѣзжая къ лѣсу, изъ котораго вотъ-вотъ выскочитъ оттопанный доѣзжачими заяцъ, превращается весь съ своимъ конемъ и поднятымъ арапникомъ въ одинъ застывшій мигъ, въ порохъ, къ которому вотъ-вотъ поднесутъ огонь. Весь впился онъ очами въ мутный воздухъ и ужъ настигнетъ звѣря, ужъ допечетъ его, неотбойный, какъ ни воздымайся противъ него вся мятущая снѣговая степь, пускающая серебряныя звѣзды ему въ уста, въ усы, въ очи, въ брови и въ бобровую его шапку.

„Мертвыя души...“ произнесла во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама.

„Чтò, чтò?“ подхватила гостья, вся въ волненьи.

„Мертвыя души!...“

„Ахъ, говорите ради Бога!“[2].

„Это, просто, выдумано только для прикрытья, а дѣло вотъ въ чемъ: онъ хочетъ увезти губернаторскую дочку“.

Это заключеніе, точно, было никакъ неожиданно и во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно. Пріятная дама, услышавъ это, такъ и окаменѣла на мѣстѣ, поблѣднѣла, поблѣднѣла, какъ смерть, и, точно, перетревожилась не на шутку. „Ахъ, Боже мой!“ вскрикнула она, всплеснувъ руками: „ужъ этого я бы никакъ не могла предполагать“.

„А я, признаюсь, какъ только вы открыли ротъ, я уже смекнула, въ чемъ дѣло“, отвѣчала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ.

„Но каково же послѣ этого, Анна Григорьевна, институтское воспитаніе! вѣдь вотъ невинность!“

„Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ“.

„Знаете, Анна Григорьевна, вѣдь это, просто, раздираетъ сердце, когда видишь, до чего достигла, наконецъ, безнравственность“.

„А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней...“

„Манерна нестерпимо“.

„Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя, и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ“.

„Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю; но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства“.

„Душенька! она статуя и блѣдна, какъ смерть“.

„Ахъ, не говорите, Софья Ивановна: румянится безбожно“.

„Ахъ, что это вы, Анна Григорьевна: она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ“.

„Милая, я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила, сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку“.

„Ну, позвольте, ну, положите сами клятву, какую хотите, я готова сей же часъ лишиться дѣтей, мужа, всего имѣнья, если у ней есть хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!“

„Ахъ, что вы это говорите, Софья Ивановна!“ сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ и всплеснула руками.

„Ахъ, какія же вы, право, Анна Григорьевна! Я съ изумленьемъ на васъ гляжу!“ сказала пріятная дама и всплеснула тоже руками.

Да не покажется читателю страннымъ, что обѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что̀ видѣли почти въ одно и то же время. Есть, точно, на свѣтѣ много такихъ вещей, которыя имѣютъ уже такое свойство: если на нихъ взглянетъ одна дама, онѣ выйдутъ совершенно бѣлыя; а взглянетъ другая — выйдутъ красныя, красныя[1], какъ брусника.

„Ну, вотъ вамъ еще доказательство, что она блѣдна“,

продолжала пріятная дама: „я помню, какъ теперь, что я сижу возлѣ Манилова и говорю ему: „Посмотрите, какая она блѣдная!“ Право, нужно быть до такой степени безтолковыми, какъ наши мужчины, чтобы восхищаться ею. А нашъ-то прелестникъ... Ахъ, какъ онъ мнѣ показался противнымъ! Вы не можете себѣ представить, Анна Григорьевна, до какой степени онъ мнѣ показался противнымъ“.

„Да, однакоже, нашлись нѣкоторыя дамы, которыя были неравнодушны къ нему“.

„Я, Анна Григорьевна? Вотъ ужъ никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда!“

„Да я не говорю объ васъ, какъ будто, кромѣ васъ, никого нѣтъ“.

„Никогда, никогда, Анна Григорьевна! Позвольте мнѣ вамъ замѣтить, что я очень хорошо себя знаю; а развѣ со стороны какихъ-нибудь иныхъ дамъ, которыя играютъ роль недоступныхъ“.

„Ужъ извините, Софья Ивановна! Ужъ позвольте вамъ сказать, что за мной подобныхъ скандальозностей[1] никогда еще не водилось. За кѣмъ другимъ развѣ, а ужъ за мной нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ вамъ это замѣтить“.

„Отчего же вы обидѣлись? Вѣдь тамъ были и другія дамы, были даже такія, которыя первыя захватили стулъ у дверей, чтобы сидѣть къ нему поближе“.

Ну, ужъ послѣ такихъ словъ, произнесенныхъ пріятною дамою, должна была неминуемо послѣдовать буря; но, къ величайшему изумленію, обѣ дамы вдругъ пріутихли, и совершенно ничего не послѣдовало. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама вспомнила, что выкройка для моднаго платья еще не находится въ ея рукахъ, а просто пріятная дама смекнула, что она еще не успѣла вывѣдать никакихъ подробностей насчетъ открытія, сдѣланнаго ея искреннею пріятельницею, и потому миръ послѣдовалъ очень скоро. Впрочемъ, обѣ дамы, нельзя сказать, чтобы имѣли въ своей натурѣ потребность наносить непріятность, и вообще въ характерахъ ихъ ничего не было злаго, а такъ, нечувствительно, въ разговорѣ раждалось само собою маленькое желаніе кольнуть другъ друга; просто, одна другой, изъ небольшаго наслажденія, при случаѣ всунетъ иное живое словцо: „Вотъ, молъ, тебѣ! На, возьми,

съѣшь!“ Разнаго рода бываютъ потребности въ сердцахъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола.

„Я не могу, однакоже, понять только того“, сказала просто пріятная дама: „какъ Чичиковъ, будучи человѣкъ заѣзжій, могъ рѣшиться на такой отважный пассажъ. Не можетъ быть, чтобы тутъ не было участниковъ.“

„А вы думаете — нѣтъ ихъ?“

„А кто же бы, полагаете, могъ помогать ему?“

„Ну, да хоть и Ноздревъ“.

„Неужели Ноздревъ?“

„А что̀ жъ? вѣдь его на это станетъ. Вы знаете: онъ роднаго отца хотѣлъ продать или, еще лучше, проиграть въ карты“.

„Ахъ, Боже мой, какія интересныя новости я узнаю отъ васъ! Я бы никакъ не могла предполагать, чтобы и Ноздревъ былъ замѣшанъ въ эту исторію!“

„А я всегда предполагала“.

„Какъ подумаешь, право, чего не происходитъ на свѣтѣ: ну, можно ли было предполагать, когда, помните, Чичиковъ только-что пріѣхалъ къ намъ въ городъ, что онъ произведетъ такой странный маршъ въ свѣтѣ? Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы знали, какъ я перетревожилась! Если бы не ваша благосклонность и дружба... вотъ уже, точно, на краю погибели... куда жъ? Машка моя видитъ, что я блѣдна, какъ смерть: „Душечка барыня“, говоритъ мнѣ: „вы блѣдны, какъ смерть“.—„Машка“, говорю, „мнѣ не до того теперь“. Такъ вотъ какой случай! Такъ и Ноздревъ здѣсь! прошу покорно!“

Пріятной дамѣ очень хотѣлось вывѣдать дальнѣйшія подробности насчетъ похищенія, то есть, въ которомъ часу и прочее, но многаго захотѣла. Во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама прямо отозвалась незнаніемъ. Она не умѣла лгать: предположить что-нибудь — это другое дѣло, но и то въ такомъ случаѣ, когда предположеніе основывалось на внутреннемъ убѣжденіи; если жъ было почувствовано внутреннее убѣжденіе, тогда умѣла она постоять за себя, и попробовалъ бы какой-нибудь дока-адвокатъ, славящійся даромъ побѣждать чужія мнѣнія, — попробовалъ бы онъ состязаться здѣсь: увидѣлъ бы онъ, что̀ значитъ внутреннее убѣжденіе.

Что обѣ дамы, наконецъ, рѣшительно убѣдились въ томъ,

что̀ прежде предположили только, какъ одно предположеніе, — въ этомъ ничего нѣтъ необыкновеннаго. Наша братья, народъ умный, какъ мы называемъ себя, поступаетъ почти такъ же, и доказательствомъ служатъ наши ученыя разсужденія. Сперва ученый подъѣзжаетъ въ нихъ необыкновеннымъ подлецомъ, начинаетъ робко, умѣренно, начинаетъ самымъ смиреннымъ запросомъ: „Не оттуда ли? не изъ того ли угла получила имя такая-то страна?“ или: „Не принадлежитъ ли этотъ документъ къ другому, позднѣйшему времени?“ или: „Не нужно ли подъ этимъ народомъ разумѣть вотъ какой народъ?“ Цитуетъ немедленно тѣхъ и другихъ древнихъ писателей и чуть только видитъ какой-нибудь намекъ или, просто, показалось ему намекомъ, ужъ онъ получаетъ рысь и бодрится, разговариваетъ съ древними писателями запросто, задаетъ имъ запросы, и самъ даже отвѣчаетъ за нихъ, позабывая[1] вовсе о томъ, что началъ робкимъ предположеніемъ; ему уже кажется, что онъ это видитъ, что это ясно — и разсужденіе заключено словами: „Такъ это вотъ какъ было! такъ вотъ какой народъ нужно разумѣть! такъ вотъ съ какой точки нужно смотрѣть на предметъ!“ Потомъ во всеуслышанье съ каѳедры — и новооткрытая истина пошла гулять по свѣту, набирая себѣ послѣдователей и поклонниковъ.

Въ то время, когда обѣ дамы такъ удачно и остроумно рѣшили такое запутанное обстоятельство, вошелъ въ гостиную прокуроръ, съ вѣчно неподвижною своей физіономіей, густыми бровями и моргавшимъ глазомъ. Дамы наперерывъ принялись сообщать ему всѣ событія, разсказали о покупкѣ мертвыхъ душъ, о намѣреніи увезти губернаторскую дочку и сбили его совершенно съ толку, такъ что, сколько ни продолжалъ онъ стоять на одномъ и томъ же мѣстѣ, хлопать лѣвымъ глазомъ и бить себя платкомъ по бородѣ, сметая оттуда табакъ, но ничего рѣшительно не могъ понять. Такъ на томъ и оставили его обѣ дамы и отправились, каждая въ свою сторону, бунтовать городъ. Это предпріятіе удалось произвести имъ съ небольшимъ въ полчаса. Городъ былъ рѣшительно взбунтованъ; все пришло въ броженіе, и хоть бы кто-нибудь могъ что-либо понять. Дамы умѣли напустить такого тумана въ глаза всѣмъ, что всѣ, а особенно чиновники, нѣсколько времени оставались ошеломленными. Положеніе ихъ въ первую минуту было

похоже на положеніе школьника, которому сонному товарищи, вставшіе поранѣе, засунули въ носъ гусара, то есть, бумажку, наполненную табакомъ. Потянувши въ просонкахъ весь табакъ къ себѣ со всѣмъ усердіемъ спящаго, онъ пробуждается, вскакиваетъ, глядитъ, какъ дуракъ, выпучивъ глаза во всѣ стороны, и не можетъ понять, гдѣ онъ, чтò съ нимъ было, и потомъ уже различаетъ озаренныя косвеннымъ лучомъ солнца стѣны, смѣхъ товарищей, скрывшихся по угламъ, и глядящее въ окно наступившее утро, съ проснувшимся лѣсомъ, звучащимъ тысячами птичьихъ голосовъ, и съ освѣтившеюся рѣчкою, тамъ и тамъ пропадающею блещущими загогулинами между тонкихъ тростниковъ, всю усыпанную нагими ребятишками, зазывающими на купанье,—и потомъ уже, наконецъ, чувствуетъ, что въ носу у него сидитъ гусаръ. Таково совершенно было въ первую минуту[1] положеніе обитателей и чиновниковъ города. Всякій, какъ баранъ, остановился, выпучивъ глаза. Мертвыя души, губернаторская дочка и Чичиковъ сбились и смѣшались въ головахъ ихъ необыкновенно странно; и потомъ уже, послѣ перваго одурѣнія, они какъ будто бы стали различать ихъ порознь и отдѣлять одно отъ другаго, стали требовать отчета и сердиться, видя, что дѣло никакъ не хочетъ объясниться. „Чтò жъ за притча, въ самомъ дѣлѣ, чтò за притча эти мертвыя души? Логики нѣтъ никакой въ мертвыхъ душахъ, какъ же покупать мертвыя души? гдѣ жъ дуракъ такой возьмется? и на какія слѣпыя деньги станетъ онъ покупать ихъ? и на какой конецъ, къ какому дѣлу можно приткнуть эти мертвыя души? и зачѣмъ вмѣшалась сюда губернаторская дочка? Если же онъ хотѣлъ увезти ее, такъ зачѣмъ для этого покупать мертвыя души? Если же покупать мертвыя души, такъ зачѣмъ увозить губернаторскую дочку? Подарить, что ли, онъ хотѣлъ ей эти мертвыя души? Чтò жъ за вздоръ, въ самомъ дѣлѣ, разнесли по городу? Чтò жъ за направленье такое, что не успѣешь поворотиться, а тутъ ужъ и выпустятъ исторію, и хоть бы какой-нибудь смыслъ былъ... Однакожъ разнесли, стало быть, была же какая-нибудь причина? Какая же причина въ мертвыхъ душахъ? Даже и причины нѣтъ. Это, выходитъ, просто: Андроны ѣдутъ, чепуха, билиберда, сапоги въ смятку! это, просто, чортъ побери!“... Словомъ, пошли толки, толки, и весь городъ заговорилъ про

мертвыя души и губернаторскую дочку, про Чичикова и мертвыя души, про губернаторскую дочку и Чичикова, и все, что̀ ни есть, поднялось. Какъ вихорь взметнулся[1], дотолѣ, казалось, дремавшій, городъ. Вылѣзли изъ норъ всѣ тюрюки и байбаки, которые позалеживались въ халатахъ по нѣскольку лѣтъ дома, сваливая вину то на сапожника, сшившаго узкіе сапоги, то на портнаго, то на пьяницу кучера; всѣ тѣ, которые прекратили давно уже всякія знакомства и знались только, какъ выражаются, съ помѣщиками Завалишинымъ да Полежаевымъ (знаменитые термины, произведенные отъ глаголовъ *полежать* и *завалиться,* которые въ большомъ ходу у насъ на Руси, все равно, какъ фраза: *заѣхать къ Сопикову и Храповицкому,* означающая всякіе мертвецкіе сны на боку, на спинѣ и во всѣхъ иныхъ положеніяхъ, съ захрапами, носовыми свистами и прочими принадлежностями); всѣ тѣ, которыхъ нельзя было выманить изъ дому даже зазывомъ на расхлебку пятисотъ-рублевой ухи, съ двухъ-аршинными стерлядями и всякими тающими во рту кулебяками; — словомъ, оказалось, что городъ и люденъ, и великъ, и населенъ, какъ слѣдуетъ. Показался какой-то Сысой Пафнутьевичъ и Макдональдъ Карловичъ, о которыхъ и не слышно было никогда[2]; въ гостиныхъ[3] заторчалъ какой-то длинный, длинный[4] съ прострѣленною рукою, такого высокаго роста, какого даже и не видано было. На улицахъ показались крытыя дрожки, невѣдомыя линейки, дребезжалки, колесосвистки[5] — и заварилась каша. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ, подобные слухи, можетъ быть, не обратили бы на себя никакого вниманія; но городъ N уже давно не получалъ никакихъ совершенно вѣстей. Даже не происходило въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ ничего такого, что̀ называютъ въ столицахъ комеражами, что̀, какъ извѣстно, для города то же, что своевременный подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Въ городской толковнѣ оказалось вдругъ два совершенно противоположныхъ мнѣнія, и образовалися вдругъ двѣ противоположныя партіи: мужская и женская. Мужская партія, самая безтолковая, обратила вниманіе на мертвыя души. Женская занялась исключительно похищеніемъ губернаторской дочки. Въ этой партіи, надо замѣтить къ чести дамъ, было несравненно болѣе порядка и осмотрительности. Таково уже, видно, самое назначеніе ихъ быть хорошими хозяйками и рас-

порядительницами. Все у нихъ скоро приняло живой, опредѣленный видъ, облеклось въ ясныя и очевидныя формы, объяснилось, очистилось, однимъ словомъ—вышла оконченная картинка. Оказалось[1], что Чичиковъ давно уже былъ влюбленъ, и видѣлись они въ саду при лунномъ свѣтѣ, что губернаторъ даже бы отдалъ за него дочку, потому что Чичиковъ богатъ, какъ жидъ, если бы причиною не была жена его, которую онъ бросилъ (откуда онѣ узнали, что Чичиковъ женатъ — это никому не было вѣдомо), и что жена, которая страдаетъ отъ безнадежной любви, написала письмо къ губернатору самое трогательное, и что Чичиковъ, видя, что отецъ и мать никогда не согласятся, рѣшился на похищеніе. Въ другихъ домахъ разсказывалось это нѣсколько иначе: что у Чичикова нѣтъ вовсе никакой жены, но что онъ, какъ человѣкъ тонкій и дѣйствующій навѣрняка, предпринялъ съ тѣмъ, чтобы получить руку дочери, начать дѣло съ матери[2] и имѣлъ съ нею сердечную тайную связь, и что потомъ сдѣлалъ декларацію насчетъ руки дочери; но мать, испугавшись, чтобы не совершилось преступленіе, противное религіи, и чувствуя въ душѣ угрызеніе совѣсти, отказала наотрѣзъ, и что вотъ потому Чичиковъ рѣшился на похищеніе. Ко всему этому присоединялись многія объясненія и поправки, по мѣрѣ того, какъ слухи проникали, наконецъ, въ самые глухіе переулки. На Руси же общества низшія очень любятъ поговорить о сплетняхъ, бывающихъ въ обществахъ высшихъ, а потому начали обо всемъ этомъ говорить въ такихъ домишкахъ, гдѣ даже въ глаза не видывали и не знали[3] Чичикова, пошли прибавленія и еще бóльшія поясненія. Сюжетъ становился ежеминутно занимательнѣе, принималъ съ каждымъ днемъ болѣе окончательныя формы и, наконецъ, такъ какъ есть, во всей своей окончательности, доставленъ былъ въ собственныя уши губернаторши. Губернаторша, какъ мать семейства, какъ первая въ городѣ дама, наконецъ, какъ дама, не подозрѣвавшая ничего подобнаго, была совершенно оскорблена подобными исторіями и пришла въ негодованіе, во всѣхъ отношеніяхъ справедливое. Бѣдная блондинка выдержала самый непріятный[4] tête-à-tête, какой только когда-либо случалось имѣть шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Полились цѣлые потоки разспросовъ, допросовъ, выговоровъ, угрозъ, упрековъ, увѣщаній, такъ что

дѣвушка бросилась въ слезы, рыдала и не могла понять ни одного слова; швейцару данъ былъ строжайшій приказъ не принимать ни въ какое время и ни подъ какимъ видомъ Чичикова.

Сдѣлавши свое дѣло относительно губернаторши, дамы насѣли было на мужскую партію, пытаясь склонить ихъ на свою сторону и утверждая, что мертвыя души выдумка и употреблена только для того, чтобы отвлечь всякое подозрѣніе и успѣшнѣе произвесть похищеніе. Многіе даже изъ мужчинъ были совращены и пристали къ ихъ партіи, не смотря на то, что подвергнулись сильнымъ нареканіямъ отъ своихъ же товарищей, обругавшихъ ихъ бабами и юбками, — именами, какъ извѣстно, очень обидными для мужескаго пола.

Но какъ ни вооружались и ни противились мужчины, а въ ихъ партіи совсѣмъ не было такого порядка, какъ въ женской. Все у нихъ было какъ-то черство, неотесанно, неладно, негожо, нестройно, нехорошо; въ головѣ кутерьма, сутолока, сбивчивость, неопрятность въ мысляхъ — однимъ словомъ, такъ и вызначилась во всемъ пустая природа мужчины, природа грубая, тяжелая, неспособная ни къ домостроительству, ни къ сердечнымъ убѣжденіямъ, маловѣрная, лѣнивая, исполненная безпрерывныхъ сомнѣній и вѣчной боязни. Они говорили, что все это вздоръ, что похищенье губернаторской дочки болѣе дѣло гусарское, нежели гражданское, что Чичиковъ не сдѣлаетъ этого, что бабы врутъ, что баба — что мѣшокъ: что̀ положатъ, то несетъ; что главный предметъ, на который нужно обратить вниманіе[1], есть[2] мертвыя души, которыя, впрочемъ, чортъ его знаетъ, что̀ значатъ, но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее[3]. Почему казалось мужчинамъ, что въ нихъ заключалось скверное и нехорошее[4], сію минуту узнаемъ. Въ губернію назначенъ былъ новый генералъ-губернаторъ, — событіе, какъ извѣстно, приводящее чиновниковъ въ тревожное состояніе: пойдутъ переборки, распеканья, взбутетениванья и всякія должностныя похлебки, которыми угощаетъ начальникъ своихъ подчиненныхъ. — „Ну, что̀“, думали чиновники: „если онъ узнаетъ только, просто, что въ городѣ ихъ вотъ-де какіе глупые слухи, да за это одно можетъ вскипятить не на жизнь, а на самую смерть“. Инспекторъ врачебной управы вдругъ

поблѣднѣлъ: ему представилось, Богъ знаетъ что̀: что подъ словомъ *мертвыя души* не разумѣются ли больные[1], умершіе въ значительномъ количествѣ въ лазаретахъ и въ другихъ мѣстахъ отъ повальной горячки, противъ которой не было взято надлежащихъ мѣръ, и что Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ изъ канцеляріи генералъ-губернатора для произведенія тайнаго слѣдствія. Онъ сообщилъ объ этомъ предсѣдателю. Предсѣдатель отвѣчалъ, что это вздоръ, и потомъ вдругъ поблѣднѣлъ самъ, задавъ себѣ вопросъ: а что̀, если души, купленныя Чичиковымъ, въ самомъ дѣлѣ мертвыя? а онъ допустилъ совершить на нихъ крѣпость, да еще самъ сыгралъ роль повѣреннаго Плюшкина, и дойдетъ это до свѣдѣнія генералъ-губернатора,—что̀ тогда? Онъ объ этомъ больше ничего, какъ только сказалъ тому и другому, и вдругъ поблѣднѣли и тотъ и другой: страхъ прилипчивѣе чумы и сообщается вмигъ. Всѣ вдругъ отыскали въ себѣ такіе грѣхи, какихъ даже не было. Слово *мертвыя души* такъ раздалось неопредѣленно, что стали подозрѣвать даже, нѣтъ ли здѣсь какого намека на скоропостижно погребенныя тѣла, вслѣдствіе двухъ, не такъ давно случившихся, событій. Первое событіе было съ какими-то сольвычегодскими купцами, пріѣхавшими въ городъ на ярмарку и задавшими послѣ торговъ пирушку пріятелямъ своимъ устьсысольскимъ купцамъ, — пирушку на русскую ногу, съ нѣмецкими затѣями: аршадами, пуншами, бальзамами и проч. Пирушка, какъ водится, кончилась дракой. Сольвычегодскіе уходили на смерть устьсысольскихъ, хотя и отъ нихъ понесли крѣпкую ссадку на бока, подъ микитки, и въ подсочельникъ, свидѣтельствовавшую о непомѣрной величинѣ кулаковъ, которыми были снабжены покойники. У одного изъ восторжествовавшихъ даже былъ вплоть сколотъ[2] „нососъ", по выраженію бойцовъ, то есть, весь размозженъ носъ, такъ что не оставалось его на лицѣ и на полъ-пальца. Въ дѣлѣ своемъ купцы повинились, изъясняясь, что немного пошалили. Носились слухи, будто при повинной головѣ они приложили по четыре государственныя каждый; впрочемъ, дѣло слишкомъ темное; изъ учиненныхъ выправокъ и слѣдствій[3] оказалось, что устьсысольскіе ребята умерли отъ угара, а потому такъ ихъ и похоронили, какъ угорѣвшихъ. Другое происшествіе, недавно случившееся, было слѣдующее: казенные крестьяне сельца

Вшивая-Спѣсь, соединившись съ таковыми же крестьянами сельца Боровки, Задирайлово[1] тожъ, снесли съ лица земли будто бы земскую полицію, въ лицѣ засѣдателя, какого-то Дробяжкина; что будто земская полиція, то есть, засѣдатель Дробяжкинъ, повадился уже черезчуръ часто ѣздить въ ихъ деревню, что̀, въ иныхъ случаяхъ, сто̀итъ повальной горячки, а причина де та, что земская полиція, имѣя кое-какія слабости со стороны сердечной, приглядывался на бабъ и деревенскихъ дѣвокъ. Навѣрное, впрочемъ, неизвѣстно, хотя въ показаніяхъ крестьяне выразились прямо, что земская полиція былъ де блудливъ, какъ кошка, и что уже не разъ они его оберегали и одинъ разъ даже выгнали нагишомъ изъ какой-то избы, куда онъ было забрался. Конечно, земская полиція достоинъ былъ наказанія за сердечныя слабости, но мужиковъ какъ Вшивой-Спѣси, такъ и Задирайлова[2] тожъ, нельзя было также оправдать за самоуправство, если они только дѣйствительно участвовали въ убіеніи. Но дѣло было темно, земскую полицію нашли на дорогѣ, мундиръ, или сюртукъ на земской полиціи былъ хуже тряпки, а ужъ физіогноміи и распознать нельзя было. Дѣло ходило по судамъ и поступило, наконецъ, въ палату, гдѣ было сначала наединѣ разсужено въ такомъ смыслѣ: такъ какъ неизвѣстно, кто изъ крестьянъ именно участвовалъ, а всѣхъ ихъ много; Дробяжкинъ же человѣкъ мертвый, стало быть, ему немного въ томъ проку, если бы даже онъ и выигралъ дѣло, а мужики были еще живы, стало быть, для нихъ весьма важно рѣшеніе въ ихъ пользу; то вслѣдствіе того рѣшено было такъ: что засѣдатель Дробяжкинъ былъ самъ причиною, оказывая несправедливыя притѣсненія мужикамъ Вшивой-Спѣси и Задирайлова[3] тожъ, а умеръ де онъ, возвращаясь въ саняхъ, отъ апоплексическаго удара. Дѣло, казалось бы, обдѣлано было кругло; но чиновники, неизвѣстно почему, стали думать, что, вѣрно, объ этихъ мертвыхъ душахъ идетъ теперь дѣло. Случись же такъ, что, какъ нарочно, въ то время, когда господа чиновники и безъ того находились въ затруднительномъ положеніи, пришли къ губернатору разомъ двѣ бумаги. Въ одной изъ нихъ содержалось, что, по дошедшимъ показаніямъ и донесеніямъ, находится въ ихъ губерніи дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, скрывающійся подъ разными именами, и чтобы немедленно было

учинено строжайшее розысканіе. Другая бумага содержала въ себѣ отношеніе губернатора сосѣдственной губерніи о убѣжавшемъ отъ законнаго преслѣдованія разбойникѣ, и что буде окажется въ ихъ губерніи какой подозрительный человѣкъ, не предъявящій никакихъ свидѣтельствъ и пашпортовъ, то задержать его немедленно. Эти двѣ бумаги такъ и ошеломили всѣхъ. Прежнія заключенія и догадки совсѣмъ были сбиты съ толку. Конечно, никакъ нельзя было предполагать, чтобы тутъ относилось что-нибудь къ Чичикову, однакожъ всѣ, какъ поразмыслили каждый съ своей стороны, какъ припомнили, что они еще не знаютъ, кто таковъ на самомъ дѣлѣ есть Чичиковъ, что онъ самъ весьма неясно отзывался насчетъ собственнаго лица, говорилъ, правда, что потерпѣлъ по службѣ за правду, да вѣдь все это какъ-то неясно; и когда вспомнили при этомъ, что онъ даже выразился, будто имѣлъ много непріятелей, покушавшихся на жизнь его, то задумались еще болѣе: стало быть, жизнь его была въ опасности; стало быть, его преслѣдовали; стало быть, онъ вѣдь сдѣлалъ же что-нибудь такое... Да кто же онъ въ самомъ дѣлѣ такой? Конечно, нельзя думать, чтобы онъ могъ дѣлать фальшивыя бумажки, а тѣмъ болѣе быть разбойникомъ, — наружность благонамѣренна; но при всемъ томъ, кто же бы, однакожъ, онъ былъ такой на самомъ дѣлѣ? И вотъ, господа чиновники задали себѣ теперь вопросъ, который должны были задать себѣ вначалѣ, то есть, въ первой главѣ нашей поэмы. Рѣшено было еще сдѣлать нѣсколько разспросовъ тѣмъ, у которыхъ были куплены души, чтобы, по крайней мѣрѣ, узнать, чтò за покупка, и чтò именно нужно разумѣть подъ этими мертвыми душами, и не объяснилъ ли онъ кому, хоть, можетъ быть, невзначай, хоть вскользь какъ-нибудь, настоящихъ своихъ намѣреній, и не сказалъ ли онъ кому-нибудь о томъ, кто онъ такой. Прежде всего отнеслись къ Коробочкѣ, но тутъ почерпнули немного: купилъ де за пятнадцать рублей, и птичьи перья тоже покупаетъ, и много всего обѣщался накупить, въ казну сало тоже ставитъ, и потому навѣрно плутъ, ибо ужъ былъ одинъ такой, который покупалъ птичьи перья и въ казну сало поставлялъ, да обманулъ всѣхъ и протопопшу надулъ болѣе, чѣмъ на сто рублей. Все, чтò ни говорила она далѣе, было повтореніе почти одного и того же, и чиновники увидѣли только, что Коро-

бочка была, просто, глупая старуха. Маниловъ отвѣчалъ, что за Павла Ивановича всегда готовъ онъ ручаться, какъ за самого себя, что онъ бы пожертвовалъ всѣмъ своимъ имѣніемъ, чтобы имѣть сотую долю качествъ Павла Ивановича, и отозвался о немъ вообще въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, присовокупивъ нѣсколько мыслей насчетъ дружбы уже съ зажмуренными глазами. Эти мысли, конечно, удовлетворительно объяснили нѣжное движеніе его сердца, но не объяснили чиновникамъ настоящаго дѣла. Собакевичъ отвѣчалъ, что Чичиковъ, по его мнѣнію, человѣкъ хорошій, а что крестьянъ онъ ему продалъ на выборъ и народъ во всѣхъ отношеніяхъ живой; но что онъ не ручается за то, что̀ случится впередъ, что если они попримрутъ во время трудностей переселенія въ дорогѣ, то не его вина, и въ томъ властенъ Богъ, а горячекъ и разныхъ смертоносныхъ болѣзней есть на свѣтѣ не мало, и бываютъ примѣры, что вымираютъ де цѣлыя деревни. Господа чиновники прибѣгнули еще къ одному средству, не весьма благородному, но которое, однакоже, иногда употребляется, то есть, стороною, посредствомъ разныхъ лакейскихъ знакомствъ, разспросить людей Чичикова, не знаютъ ли они какихъ подробностей насчетъ прежней жизни и обстоятельствъ барина; но услышали тоже немного. Отъ Петрушки услышали только запахъ жилаго покоя, а отъ Селифана, что „сполнялъ службу государскую, да служилъ прежде по таможнѣ“ — и ничего болѣе. У этого класса людей есть весьма странный обычай. Если его спросить прямо о чемъ-нибудь, онъ никогда не вспомнитъ, не приберетъ всего въ голову и даже просто отвѣтитъ, что не знаетъ, а если спросить о чемъ другомъ, тутъ-то онъ и приплететъ его, и разскажетъ съ такими подробностями, которыхъ и знать не захочешь. Всѣ поиски, произведенные чиновниками, открыли имъ[1] только то, что они навѣрное никакъ не знаютъ, что̀ такое Чичиковъ, а что, однакоже, Чичиковъ что-нибудь да долженъ быть непремѣнно. Они положили, наконецъ, потолковать окончательно объ этомъ предметѣ и рѣшить, по крайней мѣрѣ, что̀ и какъ имъ дѣлать, и какія мѣры предпринять, и что̀ такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблаго-

намѣренныхъ. Для всего этого предположено было собраться нарочно у полицеймейстера[1], уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города.

ГЛАВА X.

Собравшись у полицеймейстера[2], уже извѣстнаго читателямъ отца и благодѣтеля города, чиновники имѣли случай замѣтить другъ другу, что они даже похудѣли отъ этихъ заботъ и тревогъ. Въ самомъ дѣлѣ, назначеніе новаго генералъ-губернатора и эти полученныя бумаги такого сурьезнаго содержанія, и эти, Богъ знаетъ какіе, слухи, — все это оставило замѣтные слѣды въ ихъ лицахъ, и фраки на многихъ сдѣлались замѣтно просторнѣй. Все подалось: и предсѣдатель похудѣлъ, и инспекторъ врачебной управы похудѣлъ, и прокуроръ похудѣлъ, и какой-то Семенъ Ивановичъ, никогда не называвшійся по фамиліи, носившій на указательномъ пальцѣ перстень, который давалъ разсматривать дамамъ, даже и тотъ похудѣлъ. Конечно, нашлись, какъ и вездѣ бываетъ, кое-кто неробкаго десятка, которые не теряли присутствія духа; но ихъ было весьма немного: почтмейстеръ одинъ только. Онъ одинъ не измѣнялся въ постоянно ровномъ характерѣ и всегда въ подобныхъ случаяхъ имѣлъ обыкновеніе говорить: „Знаемъ мы васъ, генералъ-губернаторовъ! Васъ, можетъ быть, три, четыре перемѣнится, а я вотъ уже тридцать лѣтъ, судырь мой, сижу на одномъ мѣстѣ“. На это, обыкновенно, замѣчали другіе чиновники: „Хорошо тебѣ, шпрехенъ зи дейчъ Иванъ Андрейчъ: у тебя дѣло почтовое — принять да отправить экспедицію; развѣ только надуешь, заперши присутствіе часомъ раньше, да возьмешь съ опоздавшаго купца за пріемъ письма въ неуказное[3] время, или перешлешь иную посылку, которую не слѣдуетъ пересылать — тутъ, конечно, всякій будетъ святой. А вотъ пусть къ тебѣ повадится чортъ подвертываться всякій день подъ руку, такъ что вотъ и не хочешь брать, а онъ самъ суетъ. Тебѣ, разумѣется, съ пола-горя: у тебя одинъ сынишка; а тутъ, братъ, Прасковью Ѳедоровну надѣлилъ Богъ такою благодатію, — чтò годъ, то несетъ: либо Праскушку, либо Петрушу; тутъ, братъ, другое запоешь“. Такъ говорили чиновники, а можно ли въ самомъ дѣлѣ устоять противъ чорта,

объ этомъ судить не авторское дѣло. Въ собравшемся на сей разъ совѣтѣ очень замѣтно было отсутствіе той необходимой вещи, которую въ простонародьи называютъ толкомъ. Вообще мы какъ-то не создались для представительныхъ засѣданій. Во всѣхъ нашихъ собраніяхъ, начиная отъ крестьянской мірской сходки до всякихъ возможныхъ ученыхъ и прочихъ комитетовъ, если въ нихъ нѣтъ одной главы, управляющей всѣмъ, присутствуетъ препорядочная путаница. Трудно даже и сказать, почему это; видно, уже народъ такой, только и удаются тѣ совѣщанія, которыя составляются для того, чтобы покутить или пообѣдать, какъ-то: клубы и всякіе воксалы на нѣмецкую ногу. А готовность всякую минуту есть, пожалуй, на все. Мы вдругъ, какъ вѣтеръ повѣетъ, заведемъ общества благотворительныя, поощрительныя и нивѣсть какія. Цѣль будетъ прекрасна, а при всемъ томъ ничего не выйдетъ. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что мы вдругъ удовлетворяемся въ самомъ началѣ и уже почитаемъ, что все сдѣлано. Напримѣръ, затѣявши какое-нибудь благотворительное общество для бѣдныхъ и пожертвовавши значительныя суммы, мы тотчасъ, въ ознаменованіе такого похвальнаго поступка, задаемъ обѣдъ всѣмъ первымъ сановникамъ города, разумѣется, на половину всѣхъ пожертвованныхъ суммъ; на остальныя нанимается тутъ же для комитета великолѣпная квартира съ отопленіемъ и сторожами; а за тѣмъ и остается всей суммы для бѣдныхъ пять рублей съ полтиною, да и тутъ въ распредѣленіи этой суммы еще не всѣ члены согласны между собою, и всякій суетъ какую-нибудь свою куму. Впрочемъ, собравшееся нынѣ совѣщаніе было совершенно другаго рода: оно образовалось вслѣдствіе необходимости. Не о какихъ-либо бѣдныхъ или постороннихъ шло дѣло: дѣло касалось всякаго чиновника лично; дѣло касалось бѣды, всѣмъ равно грозившей, стало быть, по неволѣ тутъ должно быть единодушнѣе, тѣснѣе. Но при всемъ томъ вышло, чортъ знаетъ что такое. Не говоря уже о разногласіяхъ, свойственныхъ всѣмъ совѣтамъ, во[1] мнѣніи собравшихся обнаружилась какая-то даже непостижимая нерѣшительность: одинъ говорилъ, что Чичиковъ дѣлатель государственныхъ ассигнацій, и потомъ самъ прибавлялъ: „а можетъ быть, и не дѣлатель“; другой утверждалъ, что онъ чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи, и тутъ же присовокуплялъ:

„а, впрочемъ, чортъ его знаетъ; на лбу вѣдь не прочтешь". Противъ догадки, не переодѣтый ли разбойникъ, вооружились всѣ; нашли, что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была уже благонамѣренна, въ разговорахъ его ничего не было такого, которое бы показывало человѣка съ буйными поступками. Вдругъ почтмейстеръ, остававшійся нѣсколько минутъ погруженнымъ въ какое-то размышленіе, — вслѣдствіе ли внезапнаго вдохновенія, осѣнившаго его, или чего инаго, — вскрикнулъ неожиданно: „Знаете ли, господа, кто это?" Голосъ, которымъ онъ произнесъ это, заключалъ въ себѣ что-то потрясающее, такъ что заставилъ вскрикнуть всѣхъ въ одно время: „А кто?" — „Это, господа, судырь мой, никто другой, какъ капитанъ Копѣйкинъ!" А когда всѣ тутъ же въ одинъ голосъ спросили: „Кто таковъ этотъ капитанъ Копѣйкинъ?" почтмейстеръ сказалъ: „Такъ вы не знаете, кто такой капитанъ Копѣйкинъ?"

Всѣ отвѣчали, что никакъ не знаютъ, кто таковъ капитанъ Копѣйкинъ.

„Капитанъ Копѣйкинъ", сказалъ почтмейстеръ, открывшій свою табакерку только въ половину, изъ боязни, чтобы кто-нибудь изъ сосѣдей не запустилъ туда своихъ пальцевъ, въ чистоту которыхъ онъ плохо вѣрилъ и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать: „Знаемъ, батюшка, вы пальцами своими, можетъ быть, нивѣсть въ какія мѣста навѣдываетесь, а табакъ — вещь, требующая чистоты"[1]. — „Капитанъ Копѣйкинъ", повторилъ онъ[2], уже понюхавши табаку: „да вѣдь это, впрочемъ, если разсказывать вамъ, выйдетъ даже презанимательнымъ[3] для какого-нибудь писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлая поэма".

Всѣ присутствующіе изъявили желаніе узнать эту исторію или, какъ выразился почтмейстеръ, „презанимательную для писателя, въ нѣкоторомъ родѣ, цѣлую поэму", и онъ началъ такъ:

Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ[4].

„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, судырь ты мой, — такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ — всего

отвѣдалъ[1]. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было[2] насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ[3] распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо[4] послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я“, можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ.“ Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, судырь[5] мой, въ Петербургъ, чтобы[6] хлопотать по начальству, не будетъ ли какого вспоможенья, что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь[7]... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами, или фурами казенными, словомъ, судырь[8] мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитанъ Копѣйкинъ, и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ свѣтъ, относительно сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада[9], понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій прешпектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія; словомъ, Семирамида, судырь[10], да и полно! Понатолкался было нанять квартиру[11], только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія, судырь[12] мой, такая... словомъ, относительно такъ сказать, ногой попираешь капиталы. Идешь по улицѣ, а ужъ носъ слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ[13] изъ какихъ-нибудь десяти синюгъ, да серебра мелочь... Ну, деревни на это[14] не купишь, то-есть и купишь, можетъ быть, если приложишь тысячъ сорокъ, да сорокъ-то тысячъ нужно занять у французскаго короля. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки; обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины... Видитъ — заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. „Что жъ, куда обратиться?“ говорятъ: „высшаго начальства нѣтъ теперь въ сто-

лицѣ“; все это, понимаете, въ Парижѣ; войска не возвращались[1]; а есть, говорятъ, „временная коммиссія. Попробуйте, можетъ быть, что-нибудь тамъ могутъ.“ — „Пойду въ коммиссію“, говоритъ Копѣйкинъ, „скажу[2]: такъ и такъ, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, относительно сказать, жизнію жертвовалъ“. Вотъ, судырь мой, вставши пораньше[3], поскребъ онъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику[4] въ коммиссію. Разспросилъ, гдѣ живетъ начальникъ. „Вонъ“, говорятъ, „домъ на набережной“: избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-саженныя зеркала, марморы, лаки, судырь ты мой... словомъ, ума помраченье. Металлическая ручка какая-нибудь у двери — конфортъ первѣйшаго свойства, такъ что прежде, понимаете, нужно забѣжать въ лавочку, да купить на грошъ мыла, да часа съ два, въ нѣкоторомъ родѣ, тереть имъ руки, да ужъ послѣ развѣ можно взяться за нее. Одинъ швейцаръ на крыльцѣ, понимаете[5], съ булавой: графская эдакая физіогномія, батистовые воротнички, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь... Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, относительно сказать, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что[6] пришелъ еще въ такое время, когда начальникъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся[7] съ постели, и камердинеръ поднесъ ему[8] какую-нибудь серебряную лаханку для разныхъ, понимаете, умыванiй[9] эдакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ дежурный чиновникъ, говоритъ: „Сейчасъ начальникъ выйдетъ“. А въ комнатѣ ужъ и эполетъ, и эксельбантъ, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Наконецъ, судырь мой, выходитъ начальникъ. Ну... можете представить себѣ — начальникъ! въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Во всемъ столичный поведенцъ; подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы, зачѣмъ вы, что̀ вамъ угодно, какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину.

Копѣйкинъ: „Такъ и такъ“, говоритъ, „проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу,— осмѣливаюсь просить, не будетъ ли какого вспомоществованія, какихъ-нибудь эдакихъ распоряженій, насчетъ, относительно такъ сказать, вознагражденія, пансіона[1], что ли“, понимаете. Начальникъ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо“,—говоритъ,—„понавѣдайтесь на дняхъ“. Копѣйкинъ мой въ восторгѣ: „Ну, думаетъ, дѣло сдѣлано“. Въ духѣ, можете вообразить, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, судырь мой, въ Лондонѣ, приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку съ разными финтерлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ — однимъ словомъ, кутнулъ во всю лопатку, такъ сказать. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копѣйкинъ,— кровь-то, знаете, разыгралась[2],— побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ-трюхъ слѣдомъ; „да нѣтъ“,—подумалъ,—„на время къ чорту волокитство! пусть послѣ, когда получу пенсіонъ; теперь ужъ я что-то слишкомъ расходился“. А промоталъ онъ между тѣмъ, прошу замѣтить, въ одинъ день чуть не половину денегъ. Дня черезъ три-четыре[3] является онъ, судырь ты мой, въ коммиссію, къ начальнику, да!“[4] „Пришелъ“, говоритъ, „узнать: такъ и такъ, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами... проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь...“ и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. „А что“, говоритъ начальникъ: „прежде всего я долженъ вамъ сказать, что по дѣлу вашему безъ разрѣшенія высшаго начальства ничего не можемъ сдѣлать. Вы сами видите, какое теперь время. Военныя дѣйствія, относительно такъ сказать, еще не кончились совершенно. Обождите пріѣзда господина министра, потерпите. Тогда, будьте увѣрены, вы не будете оставлены. А если вамъ нечѣмъ жить, такъ вотъ вамъ, говоритъ, сколько могу...“ Ну, и понимаете, далъ ему конечно немного, но съ умѣренностью стало бы протянуться до дальнѣйшихъ тамъ разрѣшеній[5]. Но Копѣйкину моему не того хотѣлось[6]. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ тысячный какой-нибудь эдакой кушъ: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись“; а вмѣсто того — жди, да и время

не назначено[1]. А ужъ у него, понимаете, въ головѣ и англичанка, и суплеты, и котлеты всякія. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель[2], котораго поваръ облилъ водой, — и хвостъ у него между ногъ, и уши повисли. Жизнь-то петербургская его уже поразобрала, кое-чего онъ уже и попробовалъ. А тутъ живи, чортъ знаетъ какъ; сластей-то[3], понимаете, никакихъ[4]. Ну, а человѣкъ-то свѣжій, живой, аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана: поваръ тамъ, можете себѣ представить[5], иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный, въ нѣкоторомъ родѣ, снѣгамъ, работаетъ фензервъ какой-нибудь эдакой[6], котлетки съ трюфелями, — словомъ разсупе-деликасетъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ: тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки по пяти рублей штучка, арбузъ-громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей — словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ, относительно такъ сказать, слюнки текутъ, а онъ — жди. Такъ представьте себѣ его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой стороны ему подносятъ горькое блюдо подъ названьемъ *завтра*. „Ну ужъ“, думаетъ, „какъ они тамъ себѣ хотятъ, а я пойду“, говоритъ, „подыму всю коммиссію, всѣхъ начальниковъ, скажу: какъ хотите!“ И въ самомъ дѣлѣ: человѣкъ назойливый, наянъ эдакой, толку-то, понимаете, въ головѣ нѣтъ, а рыси много. Приходитъ онъ въ коммиссію. „Ну что?“ говорятъ: „зачѣмъ еще? вѣдь вамъ ужъ сказано“. — „Да что?“ говоритъ, „я не могу“, говоритъ, „перебиваться кое-какъ. Мнѣ нужно“, говоритъ, „съѣсть и котлетку, бутылку французскаго вина, поразвлечь тоже себя, въ театръ“, понимаете. — „Ну, ужъ“, говоритъ начальникъ: „извините... На счетъ этотъ есть, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, терпѣніе. Вамъ даны пока[7] средства для прокормленія, покамѣстъ выйдетъ резолюція, и, безъ сомнѣнія, вы будете вознаграждены, какъ слѣдуетъ[8]: ибо не было еще примѣра, чтобы у насъ въ Россіи человѣкъ, приносившій, относительно такъ сказать, услуги отечеству, былъ оставленъ безъ призрѣнія[9]. Но, если вы хотите теперь же ла-

комить себя котлетками, и въ театръ, понимаете, такъ ужъ тутъ извините. Въ такомъ случаѣ ищите сами себѣ средствъ, старайтесь сами себѣ помочь“. Но Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, и въ усъ не дуетъ. Слова-то ему эти, какъ горохъ къ стѣнѣ[1]. Шумъ поднялъ такой, всѣхъ распушилъ! Всѣхъ тамъ этихъ правителей[2], секретарей, всѣхъ началъ откалывать и гвоздить... „Да вы“, говоритъ, „то!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ „это!“ говоритъ; „да вы“, говоритъ, „обязанностей своихъ не знаете! да вы“, говоритъ, „законопродавцы!“ говоритъ. Всѣхъ отшлепалъ. Генералъ[3] тамъ, понимаете, подвернулся изъ какого-то даже вовсе посторонняго вѣдомства, онъ, судырь мой, и его! Бунтъ поднялъ такой! Что прикажешь дѣлать съ эдакимъ чортомъ? Начальникъ видитъ: нужно прибѣгнуть, относительно такъ сказать, къ мѣрамъ строгости. „Хорошо“, говоритъ: „если вы не хотите довольствоваться тѣмъ, что̀ даютъ вамъ, и ожидать спокойно, въ нѣкоторомъ родѣ, здѣсь въ столицѣ рѣшенья вашей участи, такъ я васъ препровожу на мѣсто жительства. Позвать, говоритъ, фельдъегеря, препроводить его на мѣсто жительства!“ А фельдъегерь ужъ тамъ, понимаете, за дверью и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба божія, въ телѣжку да съ фельдъ-егеремъ. „Ну“, Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ, не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то“. Ѣдетъ онъ, судырь мой, на фельдъ-егерѣ, да, ѣдучи на фельдъ-егерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Хорошо“, говоритъ[4]: „вотъ ты, молъ, говоришь, чтобы я самъ себѣ поискалъ средствъ и помогъ бы; хорошо“, говоритъ, „я“, говоритъ, „найду средства!“ Ну, ужъ какъ тамъ[5] его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки[6] романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, судырь мой, не кто другой...“

„Только позволь, Иванъ Андреевичъ“, сказалъ вдругъ, прервавши его, полицеймейстеръ[1]: „вѣдь капитанъ Копѣйкинъ, ты самъ сказалъ, безъ руки и ноги[2], а у Чичикова...“

Здѣсь почтмейстеръ вскрикнулъ и хлопнулъ со всего размаха рукой по своему лбу, назвавши себя публично при всѣхъ телятиной. Онъ не могъ понять, какъ подобное обстоятельство не пришло ему въ самомъ началѣ разсказа, и сознался, что совершенно справедлива поговорка[3]: *русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Однакожъ, минуту спустя, онъ тутъ же сталъ хитрить и попробовалъ было вывернуться, говоря, что, впрочемъ, въ Англіи очень усовершенствована механика, что видно по газетамъ, какъ одинъ изобрѣлъ деревянныя ноги, такимъ образомъ, что при одномъ прикосновеніи къ незамѣтной пружинкѣ, уносили эти ноги человѣка, Богъ знаетъ въ какія мѣста, такъ что послѣ нигдѣ и отыскать его нельзя было.

Но всѣ очень усумнились, чтобы Чичиковъ былъ капитанъ Копѣйкинъ, и нашли, что почтмейстеръ хватилъ уже слишкомъ далеко. Впрочемъ, они, съ своей стороны, тоже не ударили лицомъ въ грязь и, наведенные остроумной догадкой почтмейстера, забрели едва ли не далѣе. Изъ числа многихъ, въ своемъ родѣ, смѣтливыхъ предположеній было, наконецъ, одно — странно даже и сказать —: что не есть ли Чичиковъ переодѣтый Наполеонъ, что англичанинъ издавна завидуетъ, что, дескать, Россія такъ велика и обширна, что даже нѣсколько разъ выходили и карикатуры, гдѣ русскій изображенъ разговаривающимъ съ англичаниномъ: англичанинъ стоитъ и сзади держитъ на веревкѣ собаку, и подъ собакой разумѣется Наполеонъ: „Смотри, молъ“, говоритъ, „если что̀ не такъ, такъ я на тебя сейчасъ выпущу эту собаку“. И вотъ[4] теперь они, можетъ быть, и выпустили его съ острова Елены, и вотъ[5] онъ теперь и пробирается въ Россію, будто бы Чичиковъ, а въ самомъ дѣлѣ вовсе не Чичиковъ.

Конечно, повѣрить этому чиновники не повѣрили, а, впрочемъ, призадумались и, разсматривая это дѣло каждый про себя, нашли, что лицо Чичикова, если онъ поворотится и станетъ бокомъ, очень сдаетъ на портретъ Наполеона. Полицеймейстеръ[5], который служилъ въ кампанію 12-го года и лично видѣлъ Наполеона, не могъ тоже не сознаться, что ростомъ онъ никакъ не будетъ выше Чичикова и что складомъ своей фигуры Наполеонъ тоже, нельзя

сказать, чтобы слишкомъ толстъ, однакожъ и не такъ, чтобы тонокъ. Можетъ быть, нѣкоторые читатели назовутъ все это невѣроятнымъ, авторъ тоже, въ угоду имъ, готовъ бы назвать все это невѣроятнымъ; но какъ на бѣду все именно[1] произошло такъ, какъ разсказывается, и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а напротивъ недалеко отъ обѣихъ столицъ[2]. Впрочемъ, нужно помнить, что все это происходило вскорѣ послѣ достославнаго изгнанія французовъ. Въ это время всѣ наши помѣщики, чиновники, купцы, сидѣльцы и всякій грамотный и даже неграмотный народъ сдѣлались, по крайней мѣрѣ, на цѣлыя восемь лѣтъ заклятыми политиками. „Московскія Вѣдомости“ и „Сынъ Отечества“ зачитывались немилосердо и доходили къ послѣднему чтецу въ кусочкахъ, не годныхъ ни на какое употребленіе. Вмѣсто вопросовъ: „Почемъ, батюшки, продали мѣру овса? какъ воспользовались вчерашней порошей?“ говорили: „А что пишутъ въ газетахъ? не выпустили ли опять Наполеона изъ острова?“ Купцы этого сильно опасались, ибо совершенно вѣрили предсказанію одного пророка[3], уже три года сидѣвшаго въ острогѣ. Пророкъ[4] пришелъ, неизвѣстно откуда, въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, страшно отзывавшемся тухлой рыбой, и возвѣстилъ, что Наполеонъ есть антихристъ и держится на каменной цѣпи, за шестью стѣнами и семью морями, но послѣ разорветъ цѣпь и овладѣетъ всѣмъ міромъ. Пророкъ[5] за предсказаніе попалъ, какъ слѣдуетъ, въ острогъ, но тѣмъ не менѣе дѣло свое сдѣлалъ и смутилъ совершенно купцовъ. Долго еще, во время даже самыхъ прибыточныхъ сдѣлокъ, купцы, отправляясь въ трактиръ запивать ихъ чаемъ, поговаривали объ антихристѣ. Многіе изъ чиновниковъ и благороднаго дворянства тоже невольно подумывали объ этомъ и, зараженные мистицизмомъ, который, какъ извѣстно, былъ тогда въ большой модѣ, видѣли въ каждой буквѣ, изъ которыхъ было составлено слово *Наполеонъ,* какое-то особенное значеніе; многіе даже открыли въ немъ апокалипсическія цифры. Итакъ, ничего нѣтъ удивительнаго, что чиновники невольно задумались на этомъ пунктѣ; скоро, однакоже, спохватились, замѣтивъ, что воображеніе ихъ уже черезчуръ рысисто и что все это не то. Думали-думали, толковали, толковали и наконецъ рѣшили, что не худо бы еще разспросить хорошенько Ноздрева. Такъ какъ

онъ первый вынесъ исторію о мертвыхъ душахъ и былъ[1], какъ говорится, въ какихъ-то тѣсныхъ отношеніяхъ съ Чичиковымъ, стало быть, безъ сомнѣнія, знаетъ кое-что изъ обстоятельствъ его жизни, то попробовать еще, что̀ скажетъ Ноздревъ.

Странные люди эти господа чиновники, а за ними и всѣ прочія званія: вѣдь очень хорошо знали, что Ноздревъ лгунъ, что ему нельзя вѣрить ни въ одномъ словѣ, ни въ самой бездѣлицѣ, а между тѣмъ именно прибѣгнули къ нему. Поди ты, сладь съ человѣкомъ! не вѣритъ въ Бога, а вѣритъ, что если почешется переносье, то непремѣнно умретъ; пропуститъ мимо созданіе поэта, ясное какъ день, все проникнутое согласіемъ и высокою мудростью простоты, а бросится именно на то, гдѣ какой-нибудь удалецъ напутаетъ, наплететъ, изломаетъ, выворотитъ природу[2], и ему оно понравится, и онъ станетъ кричать: „Вотъ оно, вотъ настоящее знаніе тайнъ сердца!“ Всю жизнь не ставитъ въ грошъ докторовъ, а кончится тѣмъ, что обратится, наконецъ, къ бабѣ, которая лѣчитъ зашептываньями и заплевками, или, еще лучше, выдумаетъ самъ какой-нибудь декохтъ изъ нивѣсть какой дряни, которая, Богъ знаетъ почему, вообразится ему именно средствомъ противъ его болѣзни. Конечно, можно отчасти извинить господъ чиновниковъ дѣйствительно затруднительнымъ ихъ положеніемъ. Утопающій, говорятъ, хватается и за маленькую щепку, и у него нѣтъ въ это время разсудка подумать, что на щепкѣ можетъ развѣ прокатиться верхомъ муха, а въ немъ вѣсу чуть не четыре пуда, если даже не цѣлыхъ[3] пять; но не приходитъ ему въ то время соображеніе въ голову, и онъ хватается за щепку. Такъ и господа наши ухватились, наконецъ, и за Ноздрева. Полицеймейстеръ[4] въ ту же минуту написалъ къ нему записочку пожаловать на вечеръ, и квартальный въ ботфортахъ, съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ, побѣжалъ въ ту же минуту, придерживая шпагу, въ прискочку, на квартиру Ноздрева. Ноздревъ былъ занятъ важнымъ дѣломъ; цѣлые четыре дня уже не выходилъ онъ изъ комнаты, не впускалъ никого и получалъ обѣдъ въ окошко, — словомъ, даже исхудалъ и позеленѣлъ. Дѣло требовало большой внимательности: оно состояло въ подбираніи изъ нѣсколькихъ десятковъ дюжинъ картъ одной таліи, но самой мѣткой, на которую можно было бы понадѣяться, какъ на вѣрнѣйшаго

друга. Работы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, на двѣ недѣли; во все продолженіе этого времени Порфирій долженъ былъ чистить меделянскому щенку пупъ особенной щеточкой и мыть его три раза на день въ мылѣ. Ноздревъ былъ очень разсерженъ за то, что потревожили его уединеніе; прежде всего онъ отправилъ квартальнаго къ чорту; но когда прочиталъ въ запискѣ городничаго[1], что можетъ случиться пожива, потому что на вечеръ ожидаютъ какого-то новичка, смягчился въ ту жъ минуту, заперъ комнату наскоро ключемъ, одѣлся, какъ попало, и отправился къ нимъ. Показанія, свидѣтельства и предположенія Ноздрева представили такую рѣзкую противоположность таковымъ же господъ чиновниковъ, что и послѣднія ихъ догадки были сбиты съ толку. Это былъ рѣшительно человѣкъ, для котораго не существовало сомнѣній вовсе; и сколько у нихъ замѣтно было шаткости и робости въ предположеніяхъ, столько у него твердости и увѣренности. Онъ отвѣчалъ на всѣ пункты, даже не заикнувшись, объявилъ, что Чичиковъ накупилъ мертвыхъ душъ[2] на нѣсколько тысячъ, и что онъ самъ продалъ ему, потому что не видитъ причины, почему не продать. На вопросъ: не шпіонъ ли онъ и не старается ли что-нибудь разбѣдать? Ноздревъ отвѣчалъ, что шпіонъ; что еще въ школѣ, гдѣ онъ съ нимъ вмѣстѣ учился, его называли фискаломъ и что за это товарищи, а въ томъ числѣ и онъ, нѣсколько его поизмяли, такъ что нужно было потомъ приставить къ однимъ вискамъ 240 пьявокъ, то есть, онъ хотѣлъ было сказать 40, но 200 сказалось какъ-то само собою. На вопросъ: не дѣлатель ли онъ фальшивыхъ бумажекъ? онъ отвѣчалъ, что дѣлатель, и при этомъ случаѣ разсказалъ анекдотъ о необыкновенной ловкости Чичикова: какъ, узнавши, что въ его домѣ находилось на два милліона фальшивыхъ ассигнацій, опечатали домъ его и приставили караулъ, на каждую дверь по два солдата, и какъ Чичиковъ перемѣнилъ ихъ всѣ въ[3] одну ночь, такъ что на другой день, когда сняли печати, увидѣли, что все были ассигнаціи настоящія. На вопросъ: точно ли Чичиковъ имѣлъ намѣреніе увезти губернаторскую дочку, и правда ли, что онъ самъ взялся помогать и участвовать въ этомъ дѣлѣ? Ноздревъ отвѣчалъ, что помогалъ и что если бы не онъ, то не вышло бы ничего. Тутъ онъ и спохватился было, видя, что солгалъ вовсе напрасно и могъ

такимъ образомъ накликать на себя бѣду; но языка никакъ уже не могъ придержать. Впрочемъ, и трудно было, потому что представились сами собою такія интересныя подробности, отъ которыхъ никакъ нельзя было отказаться: даже названа была по имени деревня, гдѣ находилась та приходская церковь, въ которой положено было вѣнчаться, именно деревня Трухмачевка, попъ отецъ Сидоръ, за вѣнчаніе 75 рублей, и то не согласился бы, если бы онъ не припугнулъ его, обѣщаясь донести на него, что перевѣнчалъ лабазника Михайла на кумѣ; что онъ уступилъ даже свою коляску и заготовилъ на всѣхъ станціяхъ перемѣнныхъ лошадей. Подробности дошли до того, что уже начиналъ называть по именамъ ямщиковъ. Попробовали было заикнуться о Наполеонѣ, но и сами были не рады, что попробовали, потому что Ноздревъ понесъ такую околесину, которая не только не имѣла никакого подобія правды, но даже, просто, ни на чтò не имѣла подобія, такъ что чиновники, вздохнувши, всѣ отошли прочь; одинъ только полицеймейстеръ долго еще слушалъ, думая, не будетъ ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь далѣе; но наконецъ и рукой махнулъ, сказавши: „Чортъ знаетъ, чтò такое!“ И всѣ согласились въ томъ, что *какъ съ быкомъ ни биться, а все молока отъ него не добиться*. И остались чиновники еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ были прежде, и рѣшилось дѣло тѣмъ, что никакъ не могли узнать, чтò такое былъ Чичиковъ. И оказалось ясно, какого рода созданье[1] человѣкъ: мудръ, уменъ и толковъ онъ бываетъ во всемъ, чтò касается другихъ, а не себя. Какими осмотрительными, твердыми совѣтами снабдитъ онъ въ трудныхъ случаяхъ жизни! „Экая расторопная голова!“ кричитъ толпа: „какой неколебимый характеръ!“ А нанесись на эту расторопную голову какая-нибудь бѣда, и доведись ему самому быть поставлену въ трудные случаи жизни — куды дѣлся характеръ! весь растерялся неколебимый мужъ, и вышелъ изъ него жалкій трусишка, ничтожный, слабый ребенокъ, или, просто, ѳетюкъ, какъ называетъ Ноздревъ.

Всѣ эти толки, мнѣнія и слухи, неизвѣстно по какой причинѣ, больше всего подѣйствовали на бѣднаго прокурора. Они подѣйствовали на него до такой степени, что онъ, пришедши домой, сталъ думать, думать и вдругъ, какъ говорится, ни съ того ни съ другаго, умеръ. Параличемъ ли его, или чѣмъ

другимъ прихватило, только онъ, какъ сидѣлъ, такъ и хлопнулся со стула навзничь. Вскрикнули, какъ водится, всплеснувъ руками: „Ахъ, Боже мой!“ послали за докторомъ, чтобы пустить кровь, но увидѣли, что прокуроръ былъ уже одно бездушное тѣло. Тогда только съ соболѣзнованіемъ узнали, что у покойника была, точно, душа, хотя онъ, по скромности своей, никогда ея не показывалъ. А между тѣмъ появленье смерти такъ же было страшно въ маломъ, какъ страшно оно и въ великомъ человѣкѣ: тотъ, кто еще не такъ давно ходилъ, двигался, игралъ въ вистъ, подписывалъ разныя бумаги и былъ такъ часто видѣнъ между чиновниковъ съ своими густыми бровями и мигающимъ глазомъ, теперь лежалъ на столѣ, лѣвый глазъ уже не мигалъ вовсе, но бровь одна все еще была приподнята съ какимъ-то вопросительнымъ выраженіемъ. О чемъ покойникъ спрашивалъ: зачѣмъ онъ умеръ, или зачѣмъ жилъ,— объ этомъ одинъ Богъ вѣдаетъ.

„Но это, однакожъ, несообразно! это несогласно ни съ чѣмъ! это невозможно, чтобы чиновники такъ могли сами напугать себя, создать такой вздоръ, такъ отдалиться отъ истины, когда даже ребенку видно, въ чемъ дѣло!“ Такъ скажутъ многіе читатели и укорятъ автора въ несообразностяхъ, или назовутъ бѣдныхъ чиновниковъ дураками, потому что щедръ человѣкъ на слово *дуракъ* и готовъ прислужиться имъ двадцать разъ на день своему ближнему. Довольно изъ десяти сторонъ имѣть одну глупую, чтобы быть признану дуракомъ мимо девяти хорошихъ. Читателямъ легко судить, глядя изъ своего покойнаго угла и верхушки, откуда открытъ весь горизонтъ на все, что̀ дѣлается[1] внизу, гдѣ человѣку виденъ только близкій предметъ. И во всемірной лѣтописи человѣчества много есть цѣлыхъ столѣтій, которыя, казалось бы, вычеркнулъ и уничтожилъ, какъ ненужныя. Много совершилось въ мірѣ заблужденій, которыхъ бы, казалось, теперь не сдѣлалъ и ребенокъ. Какія искривленныя, глухія, узкія, непроходимыя, заносящія далеко въ сторону, дороги избирало человѣчество, стремясь достигнуть вѣчной истины, тогда какъ передъ нимъ весь былъ открытъ прямой путь, подобный пути, ведущему къ великолѣпной храминѣ, назначенной царю въ чертоги! Всѣхъ другихъ путей шире и роскошнѣе онъ, озаренный солнцемъ и освѣщенный всю ночь огнями; но мимо его, въ глухой тем-

нотѣ, текли люди. И сколько разъ, уже наведенные нисходившимъ съ небесъ смысломъ, они и тутъ умѣли отшатнуться и сбиться въ сторону, умѣли среди бѣла дня попасть вновь въ непроходимыя захолустья, умѣли напустить вновь слѣпой туманъ другъ другу въ очи и, влачась вслѣдъ за болотными огнями, умѣли-таки добраться до пропасти, чтобы потомъ съ ужасомъ спросить другъ друга: „Гдѣ выходъ, гдѣ дорога?“ Видитъ теперь все ясно текущее поколѣніе, дивится заблужденьямъ, смѣется надъ неразуміемъ[1] своихъ предковъ, не зря, что небеснымъ огнемъ исчерчена сія лѣтопись, что кричитъ въ ней каждая буква, что отвсюду устремленъ пронзительный перстъ на него же, на него, на текущее поколѣніе; но смѣется текущее поколѣніе и самонадѣянно, гордо начинаетъ рядъ новыхъ заблужденій, надъ которыми также потомъ посмѣются потомки.

Чичиковъ ничего обо всемъ этомъ не зналъ совершенно. Какъ нарочно, въ то время онъ получилъ легкую простуду, флюсъ и небольшое воспаленіе въ горлѣ, въ раздачѣ которыхъ чрезвычайно щедръ климатъ многихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Чтобы не прекратилась, Боже сохрани, какъ-нибудь жизнь безъ потомковъ, онъ рѣшился лучше посидѣть денька три въ комнатѣ. Въ продолженіи сихъ дней онъ полоскалъ безпрестанно горло молокомъ съ фигой, которую потомъ съѣдалъ, и носилъ привязанную къ щекѣ подушечку изъ ромашки и канфоры. Желая чѣмъ-нибудь занять время, онъ сдѣлалъ нѣсколько новыхъ и подробныхъ списковъ всѣмъ накупленнымъ крестьянамъ, прочиталъ даже какой-то томъ герцогини Лавальеръ, отыскавшійся въ чемоданѣ, пересмотрѣлъ въ ларцѣ разные находившіеся тамъ предметы и записочки, кое-что перечелъ и въ другой разъ, и все это прискучило ему сильно. Никакъ не могъ онъ понять, что̀ бы значило, что ни одинъ изъ городскихъ чиновниковъ не пріѣхалъ къ нему хоть бы разъ навѣдаться о здоровьѣ, тогда какъ еще недавно, то и дѣло, стояли передъ гостинницей дрожки — то почтмейстерскія, то прокурорскія, то предсѣдательскія. Онъ пожималъ только плечами, ходя по комнатѣ. Наконецъ, почувствовалъ онъ себя лучше и обрадовался, Богъ знаетъ какъ, когда увидѣлъ возможность выйти на свѣжій воздухъ. Не откладывая, принялся онъ немедленно за туалетъ, отперъ свою шкатулку, налилъ

въ стаканъ горячей воды, вынулъ щетку и мыло и расположился бриться, чему, впрочемъ, давно была пора и время, потому что, пощупавъ бороду рукою и взглянувъ въ зеркало, онъ уже произнесъ: „Экъ какіе пошли писать лѣса!“ И въ самомъ дѣлѣ, лѣса не лѣса, а по всей щекѣ и подбородку высыпалъ довольно густой посѣвъ. Выбрившись, принялся онъ за одѣванье живо и скоро, такъ что чуть не выпрыгнулъ изъ панталонъ. Наконецъ, онъ былъ одѣтъ, вспрыснутъ одеколономъ и, закутанный потеплѣе, выбрался на улицу, завязавши изъ предосторожности щеку. Выходъ его, какъ всякаго выздоровѣвшаго человѣка, былъ точно праздничный. Все, что ни попадалось ему, приняло видъ смѣющійся, и домы, и проходившіе мужики, довольно впрочемъ сурьезные, изъ которыхъ иной уже успѣлъ съѣздить своего брата въ ухо. Первый визитъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать губернатору. Дорогою много приходило ему всякихъ мыслей на умъ: вертѣлась въ головѣ блондинка, воображенье начало даже слегка шалить, и онъ уже самъ сталъ немного шутить и подсмѣиваться надъ собою. Въ такомъ духѣ очутился онъ передъ губернаторскимъ подъѣздомъ. Уже сталъ онъ было въ сѣняхъ поспѣшно сбрасывать съ себя шинель, какъ швейцаръ поразилъ его совершенно неожиданными словами: „Не приказано принимать!“

„Какъ! что̀ ты? Ты, видно, не узналъ меня? Ты всмотрись хорошенько въ лицо!“ говорилъ ему Чичиковъ.

„Какъ не узнать! вѣдь я васъ не въ первой вижу“, сказалъ швейцаръ. „Да васъ-то именно однихъ и не велѣно пускать, другихъ всѣхъ можно“.

„Вотъ тебѣ на! Отчего? почему?“

„Такой приказъ; такъ ужъ, видно, слѣдуетъ“, сказалъ швейцаръ и прибавилъ къ тому слово: *да;* послѣ чего сталъ передъ нимъ совершенно непринужденно, не сохраняя того ласковаго вида, съ какимъ прежде торопился снимать съ него шинель. Казалось, онъ думалъ, глядя на него: „Эге! ужъ коли тебя бары гоняютъ съ крыльца, такъ ты, видно, такъ себѣ, шушера какой-нибудь!“

„Непонятно!“ подумалъ про себя Чичиковъ и отправился тутъ же къ предсѣдателю палаты; но предсѣдатель палаты такъ смутился, увидя его, что не могъ связать двухъ словъ и наговорилъ такую дрянь, что даже имъ обоимъ сдѣлалось

совѣстно. Уходя отъ него, какъ ни старался Чичиковъ изъяснить дорогою и добраться, что̀ такое разумѣлъ предсѣдатель и насчетъ чего могли относиться слова, но ничего не могъ понять. Потомъ зашелъ къ другимъ: къ полицеймейстеру, къ вице-губернатору, къ почтмейстеру, но всѣ или не приняли его, или приняли такъ странно, такой принужденный и непонятный вели разговоръ, такъ растерялись, и такая вышла безтолковщина изо всего, что онъ усумнился въ здоровьи ихъ мозга. Попробовалъ было еще зайти кое къ кому, чтобы узнать, по крайней мѣрѣ, причину, и не добрался никакой причины. Какъ полусонный, бродилъ онъ безъ цѣли по городу, не будучи въ состояніи рѣшить, онъ ли сошелъ съ ума, чиновники ли потеряли голову, во снѣ ли все это дѣлается, или наяву заварилась дурь почище сна. Поздно уже, почти въ сумерки, возвратился онъ къ себѣ въ гостинницу, изъ которой было вышелъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, и отъ скуки велѣлъ подать себѣ чаю. Въ задумчивости и въ какомъ-то безсмысленномъ разсужденіи о странности положенія своего, сталъ онъ разливать чай, какъ вдругъ отворилась дверь его комнаты, и предсталъ Ноздревъ никакъ неожиданнымъ образомъ.

„Вотъ говоритъ пословица: *для друга семь верстъ не околица!*“ говорилъ онъ, снимая картузъ: „прохожу мимо, вижу свѣтъ въ окнѣ. „Дай“, думаю себѣ, „зайду! вѣрно, не спитъ“. А! вотъ хорошо, что у тебя на столѣ чай, выпью съ удовольствіемъ чашечку: сегодня за обѣдомъ объѣлся всякой дряни, чувствую, что ужъ начинается въ желудкѣ возня. Прикажи-ка мнѣ набить трубку! Гдѣ твоя трубка?“

„Да вѣдь я не курю трубки“, сказалъ сухо Чичиковъ.

„Пустое, будто я не знаю, что ты куряка. Эй! какъ-бишь зовутъ твоего человѣка? Эй, Вахрамѣй, послушай!“

„Да не Вахрамѣй, а Петрушка!“

„Какъ же? да у тебя вѣдь прежде былъ Вахрамѣй?“

„Никакого не было у меня Вахрамѣя“.

„Да, точно, это у Деребина Вахрамѣй. Вообрази, Деребину какое счастье: тетка его поссорилась съ сыномъ за то, что женился на крѣпостной, и теперь записала ему все имѣнье. Я думаю себѣ, вотъ если бы эдакую тетку имѣть для дальнѣйшихъ! Да что̀ ты, братъ, такъ отдалился отъ всѣхъ, нигдѣ не бываешь? Конечно, я знаю, что ты занятъ иногда учеными

предметами, любишь читать (ужъ почему Ноздревъ заключилъ, что герой нашъ занимается учеными предметами и любитъ[1] почитать, этого, признаемся, мы никакъ не можемъ сказать, а Чичиковъ и того менѣе). Ахъ, братъ, Чичиковъ! если бы ты только увидалъ... вотъ ужъ, точно, была бы пища твоему сатирическому уму (почему у Чичикова былъ сатирическій умъ, это тоже неизвѣстно). Вообрази, братъ, у купца Лихачева играли въ горку, — вотъ ужъ гдѣ смѣхъ былъ! Перепендевъ[2], который былъ со мною: „Вотъ", говоритъ, „если бы теперь Чичиковъ, ужъ вотъ бы ему точно!.." (между тѣмъ Чичиковъ отъ роду не зналъ никакого Перепендева). А вѣдь признайся, братъ, вѣдь ты, право, преподло поступилъ тогда со мною, помнишь, какъ играли въ шашки? Вѣдь я выигралъ... Да, братъ, ты, просто[3], поддедюлилъ меня. Но вѣдь я, чортъ меня знаетъ, никакъ не могу сердиться. Намедни съ предсѣдателемъ... Ахъ, да! я вѣдь тебѣ долженъ сказать, что въ городѣ всѣ противъ тебя. Они думаютъ, что ты дѣлаешь фальшивыя бумажки, пристали ко мнѣ, да я за тебя горой — наговорилъ имъ, что съ тобой учился и отца зналъ; ну и, ужъ нечего говорить, слилъ имъ пулю порядочную".

„Я дѣлаю фальшивыя бумажки?" вскрикнулъ Чичиковъ, приподнявшись со стула.

„Зачѣмъ ты, однакожъ, такъ напугалъ ихъ?" продолжалъ Ноздревъ. „Они, чортъ знаетъ, съ ума сошли со страху: нарядили тебя въ разбойники и въ шпіоны... А прокуроръ съ испугу умеръ; завтра будетъ погребеніе. Ты не будешь? Они, сказать правду, боятся новаго генералъ-губернатора, чтобы изъ-за тебя чего-нибудь не вышло; а я насчетъ генералъ-губернатора такого мнѣнія, что если онъ подыметъ носъ и заважничаетъ, то съ дворянствомъ рѣшительно ничего не сдѣлаетъ. Дворянство требуетъ радушія: не правда ли? Конечно, можно запрятаться къ себѣ въ кабинетъ и не дать ни одного бала, да вѣдь этимъ что жъ? Вѣдь этимъ ничего не выиграешь.[4] А вѣдь ты, однакожъ, Чичиковъ, рискованное дѣло затѣялъ".

„Какое рискованное дѣло?" спросилъ безпокойно Чичиковъ.

„Да увезти губернаторскую дочку. Я, признаюсь, ждалъ этого, ей Богу, ждалъ! Въ первый разъ, какъ только увидѣлъ васъ вмѣстѣ на балѣ: „Ну, ужъ", думаю себѣ, „Чичиковъ, вѣрно, не даромъ..." Впрочемъ. напрасно ты сдѣлалъ такой

выборъ: я ничего въ ней не нахожу хорошаго. А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: чудо коленкоръ!“ [1]

„Да что ты, что ты путаешь? Какъ увезти губернаторскую дочку? что ты?“ говорилъ Чичиковъ, выпуча глаза.

„Ну, полно, братъ: экой скрытный человѣкъ! Я, признаюсь, къ тебѣ съ тѣмъ пришелъ: изволь, я готовъ тебѣ помогать. Такъ и быть: подержу вѣнецъ тебѣ, коляска и перемѣнныя лошади будутъ мои, только съ уговоромъ: ты долженъ мнѣ дать три тысячи взаймы. Нужны, братъ, хоть зарѣжь!“

Въ продолженіи всей болтовни Ноздрева, Чичиковъ протиралъ нѣсколько разъ себѣ глаза, желая увѣриться, не во снѣ ли онъ все это слышитъ. Дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій, увозъ губернаторской дочки, смерть прокурора, которой причиною будто бы онъ, пріѣздъ генералъ-губернатора, все это навело[2] на него порядочный испугъ. „Ну, ужъ коли пошло на то“, — подумалъ онъ самъ въ себѣ, — „такъ мѣшкать болѣе нечего, нужно отсюда убираться поскорѣй“.

Онъ постарался сбыть поскорѣе Ноздрева, призвалъ къ себѣ тотъ же часъ Селифана и велѣлъ ему быть готовымъ на зарѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же въ 6 часовъ утра выѣхать изъ города непремѣнно, чтобы все было пересмотрѣно, бричка подмазана и прочее, и прочее. Селифанъ произнесъ: „Слушаю, Павелъ Ивановичъ“, и остановился, однакожъ, нѣсколько времени у дверей, не двигаясь съ мѣста. Баринъ тутъ же велѣлъ Петрушкѣ выдвинуть изъ-подъ кровати чемоданъ, покрывшійся уже порядочно пылью, и принялся укладывать вмѣстѣ съ нимъ, безъ большаго разбора, чулки, рубашки, бѣлье, мытое и немытое, сапожныя колодки, календарь... Все это укладывалось, какъ попало: онъ хотѣлъ непремѣнно быть готовымъ съ вечера, чтобы назавтра не могло случиться никакой задержки. Селифанъ, постоявши минуты двѣ у дверей, наконецъ очень медленно вышелъ изъ комнаты. Медленно, какъ только можно вообразить себѣ медленно, спускался онъ съ лѣстницы, отпечатывая своими мокрыми сапогами слѣды по сходившимъ внизъ избитымъ ступенямъ, и долго почесывалъ у себя рукою въ затылкѣ. Что означало это почесыванье? и что, вообще, оно значитъ? Досада ли на то, что вотъ не удалась задуманная назавтра сходка съ своимъ братомъ въ непригляд-

номъ тулупѣ, опоясанномъ кушакомъ, гдѣ-нибудь во царевомъ кабакѣ; или уже завязалась въ новомъ мѣстѣ какая зазнобушка сердечная, и приходится оставлять вечернее стоянье у воротъ и политичное держанье за бѣлы ручки въ тотъ часъ, какъ нахлобучиваются на городъ сумерки, дѣтина въ красной рубахѣ бренчитъ на балалайкѣ передъ дворовой челядью, и плететъ тихія рѣчи разночинный, отработавшійся народъ? или, просто, жаль оставлять отогрѣтое уже мѣсто на людской кухнѣ подъ тулупомъ, близь печи, да щей съ городскимъ мягкимъ пирогомъ, съ тѣмъ, чтобы вновь тащиться подъ дождь и слякоть и всякую дорожную невзгоду? Богъ вѣсть, — не угадаешь. Многое разное значитъ у русскаго народа почесыванье въ затылкѣ.

ГЛАВА XI.

Ничто, однакоже, не случилось такъ, какъ предполагалъ Чичиковъ. Во первыхъ, проснулся онъ позже, нежели думалъ — это была первая непріятность. Вставши, онъ послалъ тотъ же часъ узнать, заложена ли бричка и все ли готово; но донесли, что бричка еще была не заложена и ничего не было готово — это была вторая непріятность. Онъ разсердился, приготовился даже задать что-то въ родѣ потасовки пріятелю нашему Селифану и ожидалъ только съ нетерпѣніемъ, какую тотъ съ своей стороны приведетъ причину въ оправданіе. Скоро Селифанъ показался въ дверяхъ, и баринъ имѣлъ удовольствіе услышать тѣ же самыя рѣчи, какія обыкновенно слышатся отъ прислуги, въ такомъ случаѣ, когда нужно скоро ѣхать.

„Да вѣдь, Павелъ Ивановичъ, нужно будетъ лошадей ковать“.

„Ахъ ты, чушка! чурбанъ! а прежде зачѣмъ объ этомъ не сказалъ? Не было развѣ времени?“

„Да время-то было... Да вотъ и колесо тоже, Павелъ Ивановичъ, шину нужно будетъ совсѣмъ перетянуть, потому что теперь дорога ухабиста, шибень такой вездѣ пошолъ... Да если позволите доложить: передъ у брички совсѣмъ расшатался, такъ что она, можетъ быть, и двухъ станцій не сдѣлаетъ“.

„Подлецъ ты!“[1] вскрикнулъ Чичиковъ, всплеснувъ руками, и подошелъ къ нему такъ близко, что Селифанъ изъ боязни, чтобы не получить отъ барина подарка, попятился нѣсколько назадъ и посторонился.

„Убить ты меня собрался? а? зарѣзать меня хочешь? На большой дорогѣ меня собрался зарѣзать, разбойникъ, чушка ты проклятый, страшилище морское![2] а? а? Три недѣли сидѣли на мѣстѣ, а? Хоть бы заикнулся, безпутный, а вотъ теперь къ послѣднему часу и пригналъ! Когда ужъ почти на чеку: сѣсть бы да и ѣхать, а? а ты вотъ тутъ-то и напакостилъ, а? а? Вѣдь ты зналъ это прежде? Вѣдь ты зналъ это, а? а? Отвѣчай. Зналъ? а?

„Зналъ“, отвѣчалъ Селифанъ, потупивши голову.

„Ну, такъ зачѣмъ же тогда не сказалъ, а?“

На этотъ вопросъ Селифанъ ничего не отвѣчалъ, но, потупивши голову, казалось, говорилъ самъ себѣ: „Вишь ты, какъ оно мудрено случилось: и зналъ вѣдь, да не сказалъ!“

„А вотъ теперь ступай, приведи кузнеца, да чтобъ въ два часа все было сдѣлано. Слышишь? непремѣнно въ два часа; а если не будетъ, такъ я тебя, я тебя... въ рогъ согну и узломъ завяжу!“ Герой нашъ былъ сильно разсерженъ.

Селифанъ оборотился было къ дверямъ съ тѣмъ, чтобъ итти выполнить приказаніе, но остановился и сказалъ: „Да еще, сударь, чубараго коня, право, хоть бы продать, потому что онъ, Павелъ Ивановичъ, совсѣмъ подлецъ; онъ — такой конь, просто, не приведи Богъ, только помѣха“.

„Да! вотъ пойду, побѣгу на рынокъ продавать!“

„Ей Богу, Павелъ Ивановичъ, онъ только что на видъ казистый, а на дѣлѣ самый лукавый конь; такого коня нигдѣ...“

„Дуракъ! Когда захочу продать, такъ продамъ. Еще пустился въ разсужденья![3] Вотъ посмотрю я: если ты мнѣ не приведешь сейчасъ кузнецовъ, да въ два часа не будетъ все готово, такъ я тебѣ такую дамъ потасовку... самъ на себѣ лица не увидишь! Пошелъ! ступай!“ Селифанъ вышелъ.

Чичиковъ сдѣлался совершенно не въ духѣ и швырнулъ на полъ саблю, которая ѣздила съ нимъ въ дорогѣ для внушенія надлежащаго страха, кому слѣдуетъ. Около четверти часа слишкомъ провозился онъ съ кузнецами, покамѣстъ сладилъ, потому что кузнецы, какъ водится, были отъявленные

подлецы и, смекнувъ, что работа нужна къ спѣху, заломили ровно вшестеро. Какъ онъ ни горячился, называлъ ихъ мошенниками, разбойниками, грабителями проѣзжающихъ, намекнулъ даже на страшный судъ, но кузнецовъ ничѣмъ не пронялъ: они совершенно выдержали характеръ: не только[1] не отступились отъ цѣны, но даже провозились за работой, вмѣсто двухъ часовъ, цѣлыхъ пять съ половиною. Въ продолженіи этого времени онъ имѣлъ удовольствіе испытать пріятныя минуты, извѣстныя всякому путешественнику, когда въ чемоданѣ все уложено и въ комнатѣ валяются только веревочки, бумажки, да разный соръ, когда человѣкъ не принадлежитъ ни къ дорогѣ, ни къ сидѣнью на мѣстѣ, видитъ изъ окна проходящихъ, плетущихся людей, толкующихъ объ своихъ гривнахъ и съ какимъ-то глупымъ любопытствомъ поднимающихъ глаза, чтобы, взглянувъ на него, опять продолжать свою дорогу, что̀ еще болѣе растравляетъ нерасположеніе духа бѣднаго неѣдущаго путешественника. Все, что̀ ни есть, все, что̀ ни видитъ онъ: и лавчонка противъ его оконъ, и голова старухи, живущей въ супротивномъ домѣ, подходящей къ окну съ коротенькими занавѣсками, — все ему гадко, однакоже онъ не отходитъ отъ окна. Стои̇́тъ, то позабываясь, то обращая вновь какое-то притупленное вниманіе на все, что̀ передъ нимъ движется и не движется, и душитъ съ досады какую-нибудь муху, которая въ это время жужжитъ и бьется объ стекло подъ его пальцемъ. Но всему бываетъ конецъ, и желанная минута настала: все было готово, передъ у брички, какъ слѣдуетъ, былъ налаженъ, колесо было обтянуто новою шиною, кони приведены съ водопоя, и разбойники-кузнецы отправились, пересчитавъ полученные цѣлковые и пожелавъ благополучія. Наконецъ, и бричка была заложена, и два горячіе калача, только что купленные, положены туда, и Селифанъ уже засунулъ кое-что для себя въ карманъ, бывшій у кучерскихъ козелъ, и самъ герой, наконецъ, при взмахиваніи картузомъ половаго, стоявшаго въ томъ же демикотоновомъ сюртукѣ, при трактирныхъ и чужихъ лакеяхъ и кучерахъ, собравшихся позѣвать, какъ выѣзжаетъ чужой баринъ, и при всякихъ другихъ обстоятельствахъ, сопровождающихъ выѣздъ, сѣлъ въ экипажъ, — и бричка, въ которой ѣздятъ холостяки, которая такъ долго застоялась въ городѣ и такъ, можетъ быть, на-

доѣла читателю, наконецъ выѣхала изъ воротъ гостинницы. „Слава-те, Господи!“ подумалъ Чичиковъ и перекрестился. Селифанъ хлыснулъ кнутомъ, къ нему подсѣлъ сперва повисѣвшій нѣсколько времени на подножкѣ Петрушка, и герой нашъ, усѣвшись получше на грузинскомъ коврикѣ, заложилъ за спину себѣ кожаную подушку, притиснулъ[1] два горячіе калача, и экипажъ пошелъ опять подплясывать и покачиваться, благодаря мостовой, которая, какъ извѣстно, имѣла подкидывающую силу. Съ какимъ-то неопредѣленнымъ чувствомъ глядѣлъ онъ на домы, стѣны, заборъ и улицы, которые также, съ своей стороны, какъ будто подскакивая, медленно уходили назадъ, и которые, Богъ знаетъ, судила ли ему участь увидѣть еще когда-либо въ продолженіи своей жизни. При поворотѣ въ одну изъ улицъ, бричка должна была остановиться, потому что во всю длину ея проходила безконечная погребальная процессія. Чичиковъ, высунувшись, велѣлъ Петрушкѣ спросить, кого хоронятъ, и узналъ, что хоронятъ прокурора. Исполненный непріятныхъ ощущеній, онъ тотъ же часъ спрятался въ уголъ, закрылъ себя кожею и задернулъ занавѣски. Въ это время, когда экипажъ былъ такимъ образомъ остановленъ, Селифанъ и Петрушка, набожно снявши шляпу, разсматривали, кто, какъ, въ чемъ и на чемъ ѣхалъ, считая числомъ, сколько было всѣхъ, и пѣшихъ и ѣхавшихъ, а баринъ, приказавши имъ не признаваться и не кланяться никому изъ знакомыхъ лакеевъ, тоже принялся разсматривать робко сквозь стеклышка, находившіяся въ кожаныхъ занавѣскахъ. За гробомъ шли, снявши шляпы, всѣ чиновники. Онъ началъ было побаиваться, чтобы не узнали его экипажа; но имъ было не до того. Они даже не занялись разными житейскими разговорами, какіе, обыкновенно, ведутъ между собою провожающіе покойника. Всѣ мысли ихъ были сосредоточены въ это время въ самихъ себѣ: они думали, каковъ-то будетъ новый генералъ-губернаторъ, какъ возьмется за дѣло и какъ приметъ ихъ. За чиновниками, шедшими пѣшкомъ, слѣдовали кареты, изъ которыхъ выглядывали дамы въ траурныхъ чепцахъ. По движеніямъ губъ и рукъ ихъ видно было, что онѣ были заняты живымъ разговоромъ; можетъ быть, онѣ тоже говорили о пріѣздѣ новаго генералъ-губернатора и дѣлали предположенія насчетъ баловъ, какіе онъ дастъ, и хлопотали о вѣч-

ныхъ своихъ фестончикахъ и нашивочкахъ. Наконецъ, за каретами слѣдовало нѣсколько пустыхъ дрожекъ, вытянувшихся гуськомъ, наконецъ и ничего уже не осталось, и герой нашъ могъ ѣхать. Открывши кожаныя занавѣски, онъ вздохнулъ, произнесши отъ души: „Вотъ, прокуроръ! жилъ-жилъ, а потомъ и умеръ! И вотъ напечатаютъ въ газетахъ, что скончался, къ прискорбію[1] подчиненныхъ и всего человѣчества, почтенный гражданинъ, рѣдкій отецъ, примѣрный супругъ, и много напишутъ всякой всячины; прибавятъ, пожалуй, что былъ сопровождаемъ плачемъ вдовъ и сиротъ; а вѣдь если разобрать хорошенько дѣло, такъ, на повѣрку, у тебя всего только и было, что густыя брови". Тутъ онъ приказалъ Селифану ѣхать поскорѣе и между тѣмъ подумалъ про себя: „Это, однакожъ, хорошо, что встрѣтились похороны; говорятъ: значитъ счастіе, если встрѣтишь покойника".

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ — и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбоваго пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей мелюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: „такой-то артиллерійской батареи", зеленыя, желтыя и свѣжо-разрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ[2]; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы[3], вѣнчанныя дерзкими дивами искусства, — города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ

и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградными сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ, несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что въ ней, въ этой пѣсни? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что̀ глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У! какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь!..

„Держи, держи, дуракъ!“ кричалъ Чичиковъ Селифану.

„Вотъ я тебя палашомъ!“ кричалъ скакавшій навстрѣчу фельдъ-егерь, съ усами въ аршинъ. „Не видишь, лѣшій дери твою душу, казенный экипажъ!“ И, какъ призракъ, исчезнула съ громомъ и пылью тройка.

Какое странное, и манящее, и несущее, и чудесное въ словѣ: дорога! И какъ чудна она сама, эта дорога! Ясный день, осенніе листья, холодный воздухъ... покрѣпче въ дорожную шинель, шапку на уши, тѣснѣй и уютнѣй прижмемся къ углу! Въ послѣдній разъ пробѣжавшая дрожь прохватила члены[1], и уже смѣнила ее пріятная теплота. Кони мчатся... Какъ со-

блазнительно крадется дремота и смежаются очи, и уже сквозь сонъ слышатся[1]: и „Не бѣлы снѣги“, и сапъ лошадей, и шумъ колесъ, и уже храпишь, прижавши къ углу своего сосѣда. Проснулся — пять станцій убѣжало назадъ; луна; невѣдомый городъ; церкви съ старинными деревянными куполами и чернѣющими остроконечьями; темные бревенчатые и бѣлые каменные дома; сіяніе мѣсяца тамъ и тамъ: будто бѣлые полотняные платки развѣшались по стѣнамъ, по мостовой, по улицамъ; косяками пересѣкаютъ ихъ черныя, какъ уголь, тѣни; подобно сверкающему металлу, блистаютъ вкось озаренныя деревянныя крыши; и нигдѣ ни души: все спитъ. Одинъ-одинешенекъ, развѣ гдѣ-нибудь въ окошкѣ брежжетъ огонекъ: мѣщанинъ ли городской тачаетъ свою пару сапоговъ, пекарь ли возится въ печуркѣ — что̀ до нихъ? А ночь!.. Небесныя силы! какая ночь совершается въ вышинѣ! А воздухъ, а небо, далекое, высокое, тамъ, въ недоступной глубинѣ своей, такъ необъятно, звучно и ясно раскинувшееся!.. Но дышетъ свѣжо въ самыя очи холодное ночное дыханіе и убаюкиваетъ тебя, и вотъ уже дремлешь и забываешься, и храпишь — и ворочается сердито, почувствовавъ на себѣ тяжесть, бѣдный, притиснутый въ углу сосѣдъ. Проснулся — и уже опять передъ тобою поля и степи; нигдѣ ничего: вездѣ пустырь, все открыто. Верста съ цифрой летитъ тебѣ въ очи; занимается утро; на побѣлѣвшемъ холодномъ небосклонѣ золотая блѣдная полоса; свѣжѣе и жестче становится вѣтеръ: покрѣпче въ теплую шинель!.. Какой славный холодъ! какой чудный, вновь обнимающій тебя сонъ! Толчокъ — и опять проснулся. На вершинѣ неба солнце. „Полегче! легче!“ слышится[2] голосъ; телѣга спускается съ кручи; внизу плотина широкая и широкій ясный прудъ, сіяющій, какъ мѣдное дно, передъ солнцемъ; деревня, избы разсыпались на косогорѣ; какъ звѣзда, блеститъ въ сторонѣ крестъ сельской церкви; болтовня мужиковъ, и невыносимый аппетитъ въ желудкѣ... Боже! какъ ты хороша подъ часъ далекая, далекая дорога! Сколько разъ, какъ погибающій и тонущій, я хватался за тебя, и ты всякій разъ меня великодушно выносила и спасала! А сколько родилось въ тебѣ чудныхъ замысловъ, поэтическихъ грезъ, сколько перечувствовалось дивныхъ впечатлѣній!... Но и другъ нашъ Чичиковъ чувствовалъ въ это время не вовсе прозаическія грезы. А по-

смотримъ, чтò онъ чувствовалъ. Сначала онъ не чувствовалъ ничего и поглядывалъ только назадъ, желая увѣриться, точно ли выѣхалъ изъ города; но когда увидѣлъ, что городъ уже давно скрылся, ни кузницъ, ни мельницъ, ни всего того, чтò находится вокругъ городовъ, не было видно, и даже бѣлыя верхушки каменныхъ церквей давно ушли въ землю, онъ занялся только одной дорогою, посматривалъ только направо и налѣво, и городъ N какъ будто не бывалъ въ его памяти, какъ будто проѣзжалъ онъ его давно, въ дѣтствѣ. Наконецъ, и дорога перестала занимать его, и онъ сталъ слегка закрывать глаза и склонять голову къ подушкѣ. Авторъ, признается, этому даже радъ, находя такимъ образомъ случай поговорить о своемъ героѣ, ибо доселѣ, какъ читатель видѣлъ, ему безпрестанно мѣшали то Ноздревъ, то балы, то дамы, то городскія сплетни, то, наконецъ, тысячи тѣхъ мелочей, которыя кажутся только тогда мелочами, когда внесены въ книгу, а покамѣстъ обращаются въ свѣтѣ, почитаются за весьма важныя дѣла. Но теперь отложимъ совершенно все въ сторону и прямо займемся дѣломъ.

Очень сомнительно, чтобы избранный нами герой понравился читателямъ. Дамамъ онъ не понравится, это можно сказать утвердительно, ибо дамы требуютъ, чтобъ герой былъ рѣшительное совершенство, и если какое-нибудь душевное или тѣлесное пятнышко, тогда — бѣда! Какъ глубоко ни загляни авторъ ему въ душу, хоть отрази чище зеркала его образъ, ему не дадутъ никакой цѣны. Самая полнота и среднія лѣта Чичикова много повредятъ ему: полноты ни въ какомъ случаѣ не простятъ герою, и весьма многія дамы, отворотившись, скажутъ: „Фи! такой гадкій!“ Увы! все это извѣстно автору, и при всемъ томъ онъ не можетъ взять въ герои добродѣтельнаго человѣка. Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почуются иныя, еще доселѣ небранныя струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божескими[1] доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія. И мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ племенъ, какъ мертва книга предъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія... и увидятъ,

какъ глубоко заронилось въ славянскую природу то, что̀ скользнуло только по природѣ другихъ народовъ... Но къ чему и зачѣмъ говорить о томъ, что̀ впереди? Неприлично автору, будучи давно уже мужемъ, воспитанному суровой внутренней жизнью и свѣжительной трезвостью уединѐнія, забываться подобно юношѣ. Всему свой чередъ и мѣсто, и время! А добродѣтельный человѣкъ все-таки не взятъ въ герои. И можно даже сказать, почему не взятъ. Потому что пора, наконецъ, дать отдыхъ бѣдному добродѣтельному человѣку; потому что праздно вращается на устахъ слово: *добродѣтельный человѣкъ*; потому что обратили въ лошадь добродѣтельнаго человѣка, и нѣтъ писателя, который бы не ѣздилъ на немъ, понукая и кнутомъ, и всѣмъ, чѣмъ ни попало; потому что изморили добродѣтельнаго человѣка до того, что теперь нѣтъ на немъ и тѣни добродѣтели, а остались только ребра да кожа вмѣсто тѣла; потому что лицемѣрно призываютъ добродѣтельнаго человѣка; потому что не уважаютъ добродѣтельнаго человѣка. Нѣтъ, пора, наконецъ, припречь и подлеца[1]. Итакъ, припряжемъ подлеца![2]

Темно и скромно происхожденіе нашего героя. Родители его были дворяне, но столбовые или личные, Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ не походилъ: по крайней мѣрѣ, родственница, бывшая при его рожденіи, низенькая, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! Ему бы слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, что́ было бы и лучше, а онъ родился, просто, какъ говоритъ пословица: *„ни въ мать, ни въ отца, а въ проѣзжаго молодца“*. Жизнь при началѣ взглянула на него какъ-то кисло-непріютно, сквозь какое-то мутное, занесенное снѣгомъ окошко: ни друга, ни товарища въ дѣтствѣ! Маленькая горенка съ маленькими окнами, не отворявшимися ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ — больной человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ на мерлушкахъ и въ вязанныхъ хлопанцахъ, надѣтыхъ на босую ногу, безпрестанно вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣнье на лавкѣ, съ перомъ въ рукахъ, чернилами на пальцахъ и даже на губахъ; вѣчная пропись передъ глазами: „Не лги, послушествуй старшимъ и носи добродѣтель въ сердцѣ“; вѣчный шаркъ и

шлепанье по комнатѣ хлопанцевъ, знакомый[1], но всегда суровый голосъ: „опять задурилъ!“ отзывавшійся въ то время, когда ребенокъ, наскуча однообразіемъ труда, придѣлывалъ къ буквѣ какую-нибудь кавыку или хвостъ; и вѣчно знакомое, всегда непріятное чувство, когда, вслѣдъ за сими словами, краюшка уха его скручивалась очень больно ногтями длинныхъ протянувшихся сзади пальцевъ: вотъ бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва сохранилъ онъ блѣдную память. Но въ жизни все мѣняется быстро и живо: и въ одинъ день, съ первымъ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, отецъ, взявши сына, выѣхалъ съ нимъ на телѣжкѣ, которую потащила мухортая пѣгая лошадка, извѣстная у лошадиныхъ барышниковъ подъ именемъ сорòки; ею правилъ кучеръ, маленькій горбунокъ, родоначальникъ единственной крѣпостной семьи, принадлежавшей отцу Чичикова, занимавшій почти всѣ должности въ домѣ. На сорòкѣ тащились они полтора дни слишкомъ; на дорогѣ ночевали, переправлялись черезъ рѣку, закусывали холоднымъ пирогомъ и жареною бараниною, и только на третій день утромъ добрались до города. Передъ мальчикомъ блеснули нежданнымъ великолѣпіемъ городскія улицы, заставившія его на нѣсколько минутъ разинуть ротъ. Потомъ сорòка бултыхнула вмѣстѣ съ телѣжкою въ яму, которою начинался узкій переулокъ, весь стремившійся внизъ и запруженный грязью; долго работала она тамъ всѣми силами и мѣсила ногами, подстрекаемая и горбуномъ, и самимъ бариномъ, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ, стоявшій на косогорѣ, съ двумя разцвѣтшими яблонями предъ старенькимъ домикомъ и садикомъ позади его, низенькимъ, маленькимъ, состоявшимъ только изъ рябины, бузины и скрывавшейся во глубинѣ ея деревянной будочки, крытой драньемъ, съ узенькимъ матовымъ окошечкомъ. Тутъ жила родственница ихъ, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынокъ и сушившая потомъ чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щекѣ и полюбовалась его полнотою. Тутъ долженъ былъ онъ остаться и ходить ежедневно въ классы городскаго училища. Отецъ, переночевавши, на другой же день выбрался въ дорогу. При разставаніи, слезъ не было пролито изъ родительскихъ глазъ; дана была полтина мѣди на расходъ и лакомства и, чтò гораздо важнѣе, умное на-

ставленіе: „Смотри же, Павлуша: учись, не дури. и не повѣсничай, а больше всего — угождай учителямъ и начальникамъ. Коли будешь угождать начальнику, то, хоть и въ наукѣ не успѣешь, и таланту Богъ не далъ, все пойдешь въ ходъ и всѣхъ опередишь. Съ товарищами не водись: они тебя добру не научатъ; а если ужъ пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы при случаѣ могли быть тебѣ полезными. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копѣйку: эта вещь надежнѣе всего на свѣтѣ. Товарищъ или пріятель тебя надуетъ и въ бѣдѣ первый тебя выдастъ, а копѣйка не выдастъ, въ какой бы бѣдѣ ты ни былъ. Все сдѣлаешь и все прошибешь на свѣтѣ копѣйкой“. Давши такое наставленіе, отецъ разстался съ сыномъ и потащился вновь домой на своей сорóкѣ, и съ тѣхъ поръ уже никогда онъ больше его не видѣлъ; но слова и наставленія заронились глубоко ему въ душу.

Павлуша съ другаго же дня принялся ходить въ классы. Особенныхъ способностей къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось; отличился онъ больше прилежаніемъ и опрятностію; но зато оказался въ немъ большой умъ съ другой стороны— со стороны практической. Онъ вдругъ смекнулъ и понялъ дѣло, и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ точно такимъ образомъ, что они его угощали, а онъ ихъ не только никогда, но даже иногда, припрятавъ полученное угощенье, потомъ продавалъ имъ же. Еще ребенкомъ[1], онъ умѣлъ уже отказать себѣ во всемъ. Изъ данной отцомъ полтины не издержалъ ни копѣйки, напротивъ, въ тотъ же годъ уже сдѣлалъ къ ней приращенія, показавъ оборотливость почти необыкновенную: слѣпилъ изъ воску снигиря, выкрасилъ его и продалъ очень выгодно. Потомъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, пустился на другія спекуляціи, именно вотъ какія: накупивши на рынкѣ съѣстнаго, садился въ классѣ возлѣ тѣхъ, которые были побогаче, и какъ только замѣчалъ, что товарища начинало тошнить, — признакъ подступающаго голода,—онъ высовывалъ ему изъ-подъ скамьи будто невзначай уголъ пряника или булки, и, раззадоривши его, бралъ деньги, соображаяся съ аппетитомъ. Два мѣсяца онъ провозился у себя на квартирѣ безъ отдыха около мыши, которую засадилъ въ малень-

кую деревянную клѣточку, и добился, наконецъ, до того, что мышь становилась на заднія лапки, ложилась и вставала по приказу, и продалъ потомъ ее тоже очень выгодно. Когда набралось денегъ до пяти рублей, онъ мѣшочекъ зашилъ и сталъ копить въ другой. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ себя еще умнѣе. Сидѣть на лавкѣ никто не умѣлъ такъ смирно. Надобно замѣтить, что учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не могъ умныхъ и острыхъ мальчиковъ: ему казалось, что они непремѣнно должны надъ нимъ смѣяться. Достаточно было тому, который попалъ на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было ему только пошевелиться или какъ-нибудь ненарокомъ мигнуть бровью, чтобы подпасть вдругъ подъ гнѣвъ. Онъ его гналъ и наказывалъ немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность!“ говорилъ онъ: „я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ! ты у меня поголодаешь!“ И бѣдный мальчишка, самъ не зная за что̀, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ. „Способности и дарованія— это все вздоръ!“ говаривалъ онъ: „я смотрю только на поведенье. Я поставлю полные баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто ни аза не знаетъ, да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хотя онъ Солона заткни за поясъ!“ Такъ говорилъ учитель, не любившій на смерть Крылова за то, что онъ сказалъ: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“, и всегда разсказывавшій, съ наслажденіемъ въ лицѣ и въ глазахъ, какъ въ томъ училищѣ, гдѣ онъ преподавалъ прежде, такая была тишина, что слышно было, какъ муха летитъ, что ни одинъ изъ учениковъ въ теченіи круглаго года не кашлянулъ и не высморкался въ классѣ, и что до самаго звонка нельзя было узнать, былъ ли кто тамъ, или нѣтъ. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять поведеніе. Не шевельнулъ онъ ни глазомъ, ни бровью во все время класса, какъ ни щипали его сзади; какъ только раздавался звонокъ, онъ бросался опрометью и подавалъ учителю прежде всѣхъ треухъ (учитель ходилъ въ треухѣ); подавши треухъ, онъ выходилъ первый изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершен-

ный успѣхъ. Во все время пребыванія въ училищѣ былъ онъ на отличномъ счету и при выпускѣ получилъ полное удостоеніе во всѣхъ наукахъ, аттестатъ и книгу съ золотыми буквами: *за примѣрное прилежаніе и благонадежное*[1] *поведеніе*. Вышедъ изъ училища, онъ очутился уже юношей довольно заманчивой наружности, съ подбородкомъ, потребовавшимъ бритвы. Въ это время умеръ отецъ его. Въ наслѣдствѣ оказались[2] четыре заношенныя безвозвратно фуфайки, два старыхъ сюртука, подбитыхъ мерлушками, и незначительная сумма денегъ. Отецъ, какъ видно, былъ свѣдущъ только въ совѣтѣ копить копѣйку, а самъ накопилъ ея[3] немного. Чичиковъ продалъ тутъ же ветхій дворишка съ ничтожной землицей за тысячу рублей, а семью людей перевелъ въ городъ, располагаясь основаться въ немъ и заняться службой. Въ это же время былъ выгнанъ изъ училища, за глупость или другую вину, бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія. Учитель съ горя принялся пить; наконецъ, и пить уже было ему не на что̀; больной, безъ куска хлѣба и помощи, пропадалъ онъ гдѣ-то въ нетопленной, забытой конуркѣ. Бывшіе ученики его, умники и остряки, въ которыхъ ему мерещилась безпрестанно непокорность и заносчивое поведеніе, узнавши объ жалкомъ его положеніи, собрали тутъ же для него деньги, продавъ даже многое нужное; одинъ только Павлуша Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и далъ какой-то пятакъ серебра, который тутъ же товарищи ему бросили, сказавши: „Эхъ ты, жила!“ Закрылъ лицо руками бѣдный учитель, когда услышалъ о такомъ поступкѣ бывшихъ учениковъ своихъ: слезы градомъ полились изъ погасавшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. „При смерти на одрѣ привелъ Богъ заплакать“[4], произнесъ онъ слабымъ голосомъ, и тяжело вздохнулъ, услышавъ о Чичиковѣ, прибавя тутъ же: „Эхъ Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! Вѣдь какой былъ благонравный! ничего буйнаго — шелкъ! Надулъ, сильно надулъ...“

Нельзя, однакоже, сказать, чтобы природа героя нашего была такъ сурова и черства, и чувства его были до того притуплены, чтобы онъ не зналъ ни жалости, ни состраданія. Онъ чувствовалъ и то, и другое; онъ бы даже хотѣлъ помочь, но только, чтобы не заключалось это въ значительной суммѣ, чтобы не трогать уже тѣхъ денегъ, которыхъ положено было не тро-

гать; словомъ, отцовское наставленіе: „береги и копи копѣйку“ пошло въ прокъ. Но въ немъ не было привязанности собственно къ деньгамъ для денегъ; имъ не владѣли скряжничество и скупость. Нѣтъ, не онѣ двигали имъ: ему мерещилась впереди жизнь во всѣхъ довольствахъ, со всякими достатками; экипажи, домъ, отлично устроенный, вкусные обѣды — вотъ что̀ безпрерывно носилось въ головѣ его. Чтобы, наконецъ, потомъ, со временемъ, вкусить непремѣнно все это, вотъ для чего береглась копѣйка, скупо отказываемая до времени и себѣ, и другому. Когда проносился мимо его богачъ на пролетныхъ красивыхъ дрожкахъ, на рысакахъ въ богатой упряжи, онъ какъ вкопанный останавливался на мѣстѣ и потомъ, очнувшись, какъ послѣ долгаго сна, говорилъ: „А вѣдь былъ конторщикъ, волосы носилъ въ кружокъ!“ И все, что̀ ни отзывалось богатствомъ и довольствомъ, производило на него впечатлѣніе, непостижимое имъ самимъ. Вышедъ изъ училища, онъ не хотѣлъ даже отдохнуть: такъ сильно было у него желанье скорѣе приняться за дѣло и службу. Однакоже, не смотря на похвальные аттестаты, съ большимъ трудомъ опредѣлился онъ въ казенную палату: и въ дальнихъ захолустьяхъ нужна протекція! Мѣстечко досталось ему ничтожное, жалованья тридцать или сорокъ рублей въ годъ. Но рѣшился онъ жарко заняться службою, все побѣдить и преодолѣть. И, точно, самоотверженіе, терпѣнье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни душевными, ни тѣлесными силами, писалъ онъ, погрязнувъ весь въ канцелярскія бумаги, не ходилъ домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ, обѣдалъ подъ часъ съ сторожами и при всемъ томъ умѣлъ сохранить опрятность, порядочно одѣться, сообщить лицу пріятное выраженіе и даже что-то благородное въ движеніяхъ. Надобно сказать, что палатскіе чиновники особенно отличались невзрачностію и неблагообразіемъ. У иныхъ были лица — точно дурно выпеченный хлѣбъ: щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую, верхнюю губу взнесло пузыремъ, которая, въ прибавку къ тому, еще и треснула; словомъ, совсѣмъ не красиво. Говорили они всѣ какъ-то сурово, такимъ голосомъ, какъ бы собирались кого прибить; приносили частыя жертвы Вакху, показавъ такимъ образомъ, что въ славянской природѣ есть

еще много остатковъ язычества; приходили даже подъ часъ въ присутствіе, какъ говорится, нализавшись, отчего въ присутствіи было нехорошо и воздухъ былъ вовсе не ароматическій. Между такими чиновниками не могъ не быть замѣченъ и отличенъ Чичиковъ, представляя во всемъ совершенную противоположность и взрачностью лица, и привѣтливостью голоса, и совершеннымъ неупотребленьемъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ. Но при всемъ томъ трудна была его дорога. Онъ попалъ подъ начальство уже престарѣлому повытчику, который былъ образъ какой-то каменной безчувственности и непотрясаемости: вѣчно тотъ же, неприступный, никогда въ жизни[1] не явившій на лицѣ своемъ усмѣшки, не привѣтствовавшій ни разу никого даже запросомъ о здоровьѣ. Никто не видалъ, чтобы онъ хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ всегда, хоть на улицѣ, хоть у себя дома; хоть бы разъ показалъ онъ въ чемъ-нибудь участье; хоть бы напился пьянъ и въ пьянствѣ разсмѣялся бы; хоть бы даже предался дикому веселью, какому предается разбойникъ въ пьяную минуту; но даже тѣни не было въ немъ ничего такого. Ничего не было въ немъ ровно: ни злодѣйскаго, ни добраго, и что-то страшное являлось въ семъ отсутствіи всего. Черство-мраморное лицо его, безъ всякой рѣзкой неправильности, не намекало ни на какое сходство[2]; въ суровой соразмѣрности между собою были черты его. Однѣ только частыя рябины и ухабины, истыкавшія ихъ, причисляли его къ числу тѣхъ лицъ, на которыхъ, по народному выраженію, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ. Казалось, не было силъ человѣческихъ подбиться къ такому человѣку и привлечь его расположеніе; но Чичиковъ попробовалъ. Сначала онъ принялся угождать во всякихъ незамѣтныхъ мелочахъ: разсмотрѣлъ внимательно чинку перьевъ, какими писалъ онъ, и, приготовивши нѣсколько по образцу ихъ, клалъ ему всякій разъ ихъ подъ руку; сдувалъ и сметалъ со стола его песокъ и табакъ; завелъ новую тряпку для его чернильницы; отыскалъ гдѣ-то его шапку, прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, и всякій разъ клалъ ее возлѣ него за минуту до окончанія присутствія; чистилъ ему спину, если тотъ запачкалъ ее мѣломъ у стѣны. Но все это осталось рѣшительно безъ всякаго замѣчанія, такъ, какъ будто ничего этого не было и дѣлано. Наконецъ, онъ пронюхалъ его до-

машнюю, семейственную жизнь: узналъ, что у него была зрѣлая дочь, съ лицомъ, тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой-то стороны придумалъ онъ навести приступъ. Узналъ, въ какую церковь приходила она по воскреснымъ днямъ, становился всякій разъ насупротивъ ея, чисто одѣтый, накрахмаливши сильно манишку, и дѣло возъимѣло успѣхъ: пошатнулся суровый повытчикъ и зазвалъ его на чай! И въ канцеляріи не успѣли оглянуться, какъ устроилось дѣло такъ, что Чичиковъ переѣхалъ къ нему въ домъ, сдѣлался нужнымъ и необходимымъ человѣкомъ, закупалъ и муку, и сахаръ, съ дочерью обращался какъ съ невѣстой, повытчика звалъ папенькой и цѣловалъ его въ руку. Всѣ положили въ палатѣ, что въ концѣ февраля, передъ великимъ постомъ, будетъ свадьба. Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ секретно домой и на другой день очутился уже на другой квартирѣ. Повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше его руки, а о свадьбѣ такъ дѣло и замялось, какъ будто вовсе ничего не происходило. Однакоже, встрѣчаясь съ нимъ, онъ всякій разъ ласково жалъ ему руку и приглашалъ его на чай, такъ что старый повытчикъ, не смотря на вѣчную неподвижность и черствое равнодушіе, всякій разъ встряхивалъ головою и произносилъ себѣ подъ носъ: „Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!“

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который перешагнулъ онъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣе. Онъ сталъ человѣкомъ замѣтнымъ. Все оказалось въ немъ, что̀ нужно для этого міра: и пріятность въ оборотахъ и поступкахъ, и бойкость въ дѣловыхъ дѣлахъ. Съ такими средствами добылъ онъ[1] въ непродолжительное время то, что̀ называютъ хлѣбное мѣстечко, и воспользовался имъ отличнымъ образомъ. Нужно знать, что въ то же самое время начались строжайшія преслѣдованія всякихъ взятокъ. Преслѣдованій онъ не испугался и обратилъ ихъ тотъ же часъ въ свою пользу, показавъ такимъ образомъ прямо русскую изобрѣтательность, являющуюся только во время прижимокъ. Дѣло устроено было вотъ

какъ: какъ только приходилъ проситель и засовывалъ руку въ карманъ съ тѣмъ, чтобы вытащить оттуда извѣстныя рекомендательныя письма, за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются у насъ на Руси, — „нѣтъ, нѣтъ“, говорилъ онъ съ улыбкой, удерживая его руки: „вы думаете, что я... нѣтъ, нѣтъ! Это нашъ долгъ, наша обязанность; безъ всякихъ возмездій мы должны сдѣлать! Съ этой стороны ужъ будьте покойны: завтра же все будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру; вамъ и заботиться не нужно самимъ: все будетъ принесено къ вамъ на домъ“. Очарованный проситель возвращался домой чуть не въ восторгѣ, думая: „Вотъ, наконецъ, человѣкъ, какихъ нужно побольше! это, просто, драгоцѣнный алмазъ!“ Но ждетъ проситель день, другой — не приносятъ дѣла на домъ; на третій тоже. Онъ въ канцелярію — дѣло и не начиналось; онъ — къ драгоцѣнному алмазу. „Ахъ, извините!“ говорилъ Чичиковъ очень учтиво, схвативши его за обѣ руки: „у насъ было столько дѣлъ, но завтра же все будетъ сдѣлано, завтра непремѣнно! Право, мнѣ даже совѣстно!“ И все это сопровождалось движеніями обворожительными. Если при этомъ распахивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту старалась дѣло поправить и придержать полу. Но ни завтра, ни послѣзавтра, ни на третій день не несутъ дѣла на домъ. Проситель берется за умъ: „да полно, нѣтъ ли чего?“ Вывѣдывать[1] — говорятъ: „нужно дать писарямъ“. — „Почему жъ не дать? я готовъ четвертакъ, другой“. — „Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой“. — „По бѣленькой писарямъ!“ вскрикиваетъ проситель. — „Да чего вы такъ горячитесь?“ отвѣчаютъ ему: „оно такъ и выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ къ начальству“. Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ[2] и вѣжливыя облагороженныя обращенія чиновниковъ[3]. „Прежде было знаешь, по крайней мѣрѣ, что̀ дѣлать: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло въ шляпѣ; а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься... чортъ бы побралъ безкорыстіе и чиновное благородство!“ Проситель, конечно, правъ; но за то теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители дѣлъ честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари только да писаря мошенники. Скоро представилось

Чичикову поле гораздо пространнѣе: образовалась коммиссія для построенія какого-то казеннаго весьма капитальнаго строенія. Въ эту коммиссію пристроился и онъ, и оказался однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Коммиссія немедленно приступила къ дѣлу. Шесть лѣтъ возилась около зданія; но климатъ, что ли, мѣшалъ, или матеріалъ уже былъ такой, только никакъ не шло казенное зданіе выше[1] фундамента. А между тѣмъ въ другихъ концахъ города очутилось у каждаго изъ членовъ по красивому дому гражданской архитектуры: видно, грунтъ земли былъ тамъ получше. Члены уже начинали благоденствовать и стали заводиться семействомъ. Тутъ только и теперь только сталъ Чичиковъ понемногу выпутываться изъ-подъ суровыхъ законовъ воздержанья и неумолимаго своего самоотверженья. Тутъ только долговременный постъ, наконецъ, былъ смягченъ, и оказалось, что онъ всегда не былъ чуждъ разныхъ наслажденій, отъ которыхъ умѣлъ удержаться въ лѣта пылкой молодости, когда ни одинъ человѣкъ совершенно не властенъ надъ собою. Оказались кое-какія излишества: онъ завелъ довольно хорошаго повара, тонкія голландскія рубашки. Уже сукна купилъ онъ себѣ такого, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ и красноватыхъ цвѣтовъ съ искрою; уже пріобрѣлъ онъ отличную пару и самъ держалъ одну возжу заставляя пристяжную виться кольцомъ; уже завелъ онъ обычай вытираться губкой, намоченной въ водѣ, смѣшанной съ одеколономъ; уже покупалъ онъ весьма недешево какое-то мыло для сообщенія гладкости кожѣ; уже...

Но вдругъ, на мѣсто прежняго тюфяка, былъ присланъ новый начальникъ, человѣкъ военный, строгій, врагъ взяточниковъ и всего, что̀ зовется неправдой. На другой же день пугнулъ онъ всѣхъ до одного, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты, на каждомъ шагу недостающія суммы, замѣтилъ въ ту же минуту домà красивой гражданской архитектуры — и пошла переборка. Чиновники были отставлены отъ должности; домà гражданской архитектуры поступили въ казну и обращены были на разныя богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ; все распушено было въ пухъ, и Чичиковъ болѣе другихъ. Лицо его вдругъ, не смотря на пріятность, не понравилось начальнику, — почему именно, Богъ вѣдаетъ: иногда даже, просто, не бываетъ на это при-

чинъ, — и онъ возненавидѣлъ его на смерть. И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ[1]. Но, такъ какъ все же онъ былъ человѣкъ военный, стало быть, не зналъ всѣхъ тонкостей гражданскихъ продѣлокъ, то чрезъ нѣсколько времени, посредствомъ правдивой наружности и умѣнья подделаться ко всему, втерлись къ нему въ милость другіе чиновники, и генералъ[2] скоро очутился въ рукахъ еще бо́льшихъ мошенниковъ, которыхъ онъ вовсе не почиталъ такими; даже былъ доволенъ, что выбралъ, наконецъ, людей, какъ слѣдуетъ, и хвастался не въ шутку тонкимъ умѣньемъ различать способности. Чиновники вдругъ постигнули духъ его и характеръ. Все, что̀ ни было подъ начальствомъ его, сдѣлалось страшными гонителями неправды; вездѣ, во всѣхъ дѣлахъ они преслѣдовали ее, какъ рыбакъ острогой преслѣдуетъ какую-нибудь мясистую бѣлугу, и преслѣдовали ее съ такимъ успѣхомъ, что въ скоромъ времени у каждаго очутилось по нѣскольку тысячъ капиталу. Въ это время обратились на путь истины многіе изъ прежнихъ чиновниковъ и были вновь приняты на службу. Но Чичиковъ ужъ никакимъ образомъ не могъ втереться; какъ ни старался и ни стоялъ за него, подстрекнутый письмами князя Хованскаго, первый генеральскій[3] секретарь, постигнувшій совершенно управленье генеральскимъ носомъ, но тутъ онъ ничего рѣшительно не могъ сдѣлать. Генералъ[4] былъ такого рода человѣкъ, котораго хотя и водили за носъ (впрочемъ, безъ его вѣдома), но зато уже, если въ голову ему западала какая-нибудь мысль, то она тамъ была все равно, что желѣзный гвоздь: ничѣмъ нельзя было ее оттуда вытеребить. Все, что могъ сдѣлать умный секретарь, было уничтоженье запачканнаго послужнаго списка, и на то уже онъ подвинулъ начальника не иначе, какъ состраданіемъ, изобразивъ ему въ живыхъ краскахъ трогательную судьбу несчастнаго семейства Чичикова, котораго, къ счастію, у него не было.

„Ну, что жъ!“ сказалъ Чичиковъ: „зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Плачемъ горю не пособить, нужно дѣло дѣлать“. И вотъ рѣшился онъ сызнова начать карьеръ, вновь вооружиться терпѣніемъ, вновь ограничиться во всемъ, какъ ни привольно и ни хорошо было развернулся прежде. Нужно было переѣхать въ другой городъ, тамъ еще приво-

дить себя въ извѣстность. Все какъ-то не клеилось. Двѣ, три должности долженъ онъ былъ перемѣнить въ самое короткое время. Должности какъ-то были грязны, низменны. Нужно знать, что Чичиковъ былъ самый благопристойный человѣкъ, какой когда-либо существовалъ въ свѣтѣ. Хотя онъ и долженъ былъ въ началѣ протираться въ грязномъ обществѣ[1], но въ душѣ всегда сохранялъ чистоту, любилъ, чтобы въ канцеляріяхъ были столы изъ лакированнаго дерева и все бы было благородно. Никогда не позволялъ онъ себѣ въ рѣчи неблагопристойнаго слова и оскорблялся всегда, если въ словахъ другихъ видѣлъ отсутствіе должнаго уваженія къ чину или званію. Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ всякіе два дни перемѣнялъ на себѣ бѣлье, а лѣтомъ, во время жаровъ, даже и всякій день: всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы[2], какъ у дѣвушки; и потому тяжело ему было[3] очутиться вновь въ тѣхъ рядахъ, гдѣ все отзывалось пѣнникомъ и неприличьемъ въ поступкахъ. Какъ ни крѣпился онъ духомъ, однакоже похудѣлъ и даже позеленѣлъ во время такихъ невзгодъ. Уже начиналъ было онъ полнѣть[4] и приходить въ тѣ круглыя и приличныя формы, въ какихъ читатель засталъ его при заключеніи съ нимъ знакомства, и уже не разъ, поглядывая въ зеркало, подумывалъ онъ о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской, и улыбка слѣдовала за такими мыслями; но теперь, когда онъ взглянулъ на себя какъ-то ненарокомъ въ зеркало, не могъ не вскрикнуть: „Мать ты моя пресвятая! какой же я сталъ гадкой!“ И послѣ долго не хотѣлъ смотрѣться. Но переносилъ все герой нашъ, переносилъ сильно, терпѣливо переносилъ, и — перешелъ, наконецъ, въ службу по таможнѣ. Надобно сказать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его помышленій. Онъ видѣлъ, какими щегольскими заграничными вещицами заводились таможенные чиновники, какіе фарфоры и батисты пересылали кумушкамъ, тетушкамъ и сестрамъ. Не разъ давно уже онъ говорилъ со вздохомъ: „Вотъ бы куда перебраться: и граница близко, и просвѣщенные люди, а какими тонкими голландскими рубашками можно обзавестись!“ Надобно прибавить, что при

этомъ онъ подумывалъ еще объ особенномъ сортѣ французскаго мыла, сообщавшаго необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ; какъ оно называлось, Богъ вѣдаетъ, но, по его предположеніямъ, непремѣнно находилось на границѣ. Итакъ, онъ давно бы хотѣлъ въ таможню, но удерживали текущія разныя выгоды по строительной коммиссіи, и онъ разсуждалъ справедливо, что таможня, какъ бы то ни было, все еще не болѣе, какъ журавль въ небѣ, а коммиссія уже была синица въ рукахъ. Теперь же рѣшился онъ, во чтò бы то ни стало, добраться до таможни — и добрался. За службу свою принялся онъ съ ревностью необыкновенною. Казалось, сама судьба опредѣлила ему быть таможеннымъ чиновникомъ. Подобной расторопности, проницательности и прозорливости было не только не видано, но даже не слыхано. Въ три, четыре недѣли онъ уже такъ набилъ руку въ таможенномъ дѣлѣ, что зналъ рѣшительно все: даже не вѣсилъ, не мѣрялъ, а по фактурѣ узнавалъ, сколько въ какой штукѣ аршинъ сукна или иной матеріи; взявши въ руку свертокъ, онъ могъ сказать вдругъ, сколько въ немъ фунтовъ. Чтò же касается до обысковъ, то здѣсь, какъ выражались даже сами товарищи, у него, просто, было собачье чутье: нельзя было не изумиться, видя, какъ у него доставало столько терпѣнія, чтобы ощупать всякую пуговку, и все это производилось съ убійственнымъ хладнокровіемъ, вѣжливымъ до невѣроятности. И въ то время, когда обыскиваемые бѣсились, выходили изъ себя и чувствовали злобное побужденіе избить щелчками пріятную его наружность, онъ, не измѣняясь ни въ лицѣ, ни въ вѣжливыхъ поступкахъ, приговаривалъ только: „Не угодно ли вамъ будетъ немножко побезпокоиться и привстать?“ или: „Не угодно ли вамъ будетъ, сударыня, пожаловать въ другую комнату? тамъ супруга одного изъ нашихъ чиновниковъ объяснится съ вами“; или: „Позвольте, вотъ я ножичкомъ немного распорю подкладку вашей шинели“. И, говоря это, онъ вытаскивалъ оттуда шали, платки, хладнокровно, какъ изъ собственнаго сундука. Даже начальство изъяснилось, что это былъ чортъ, а не человѣкъ: онъ отыскивалъ въ колесахъ, дышлахъ, лошадиныхъ ушахъ и нивѣсть въ какихъ мѣстахъ, куда бы никакому автору не пришло въ мысль забраться и куда позволяется забираться только однимъ таможеннымъ чи-

новникамъ; такъ что бѣдный путешественникъ, переѣхавшій черезъ границу, все еще, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, не могъ опомниться и, отирая потъ, выступившій мелкою сыпью по всему тѣлу, только крестился да приговаривалъ: „Ну, ну!“ Положеніе его весьма походило на положеніе школьника, выбѣжавшаго изъ секретной комнаты, куда начальникъ призвалъ его съ тѣмъ, чтобы дать кое-какое наставленіе, но вмѣсто того высѣкъ совершенно неожиданнымъ образомъ. Въ непродолжительное время не было отъ него никакого житья контрабандистамъ. Это была гроза и отчаяніе всего польскаго жидовства. Честность и неподкупность его были неодолимы, почти неестественны. Онъ даже не составилъ себѣ небольшаго капитальца изъ разныхъ конфискованныхъ товаровъ и отбираемыхъ кое-какихъ вещицъ, не поступающихъ въ казну во избѣжаніе лишней переписки. Такая ревностно-безкорыстная служба не могла не сдѣлаться предметомъ общаго удивленія и не дойти, наконецъ, до свѣдѣнія начальства. Онъ получилъ чинъ и повышеніе и вслѣдъ затѣмъ представилъ проектъ изловить всѣхъ контрабандистовъ, прося только средствъ исполнить его самому. Ему тотъ же часъ вручена была команда и неограниченное право производить всякіе поиски. Этого только ему и хотѣлось. Въ то время образовалось сильное общество контрабандистовъ обдуманно-правильнымъ образомъ; на милліоны сулило выгодъ дерзкое предпріятіе. Онъ давно уже имѣлъ свѣдѣніе о немъ и даже отказалъ подосланнымъ подкупить, сказавши сухо: „Еще не время“. Получивъ же въ свое распоряженіе все, въ ту же минуту далъ онъ[1] знать обществу, сказавши: „Теперь пора“. Разсчетъ былъ слишкомъ вѣренъ. Тутъ въ одинъ годъ онъ могъ получить то, чего не выигралъ бы въ двадцать лѣтъ самой ревностной службы[2]. Прежде онъ не хотѣлъ вступать ни въ какія сношенія съ ними, потому что былъ не болѣе, какъ простой пѣшкой, стало быть, немного получилъ бы; но теперь... теперь совсѣмъ другое дѣло: онъ могъ предложить, какія угодно, условія. Чтобы дѣло шло безпрепятственнѣй, онъ склонилъ и другаго чиновника, своего товарища, который не устоялъ противъ соблазна, не смотря на то, что волосомъ былъ сѣдъ. Условія были заключены, и общество приступило къ дѣйствіямъ. Дѣйствія начались блистательно. Читатель, безъ сомнѣнія, слышалъ такъ

часто повторяемую исторію [1] объ остроумномъ путешествіи испанскихъ барановъ, которые, совершивъ переходъ черезъ границу въ двойныхъ тулупчикахъ, пронесли подъ тулупчиками на милліонъ брабантскихъ кружевъ. Это происшествіе случилось именно тогда, когда Чичиковъ служилъ при таможнѣ. Не участвуй онъ самъ въ этомъ предпріятіи, никакимъ жидамъ въ мірѣ не удалось бы привести въ исполненіе подобнаго дѣла. Послѣ трехъ или четырехъ бараньихъ походовъ черезъ границу, у обоихъ чиновниковъ очутилось по четыреста тысячъ капиталу. У Чичикова, говорятъ, даже перевалило и за пятьсотъ, потому что былъ побойчѣе. Богъ знаетъ, до какой бы громадной цифры не возрасли благодатныя суммы, если бы какой-то нелегкій звѣрь не перебѣжалъ поперекъ всему. Чортъ сбилъ съ толку обоихъ чиновниковъ: чиновники, говоря попросту, перебѣсились и поссорились ни за что̀. Какъ-то въ жаркомъ разговорѣ, а можетъ быть, нѣсколько и выпивши, Чичиковъ назвалъ другаго чиновника поповичемъ, а тотъ, хотя дѣйствительно былъ поповичъ, неизвѣстно почему — обидѣлся жестоко и отвѣтилъ ему тутъ же сильно и необыкновенно рѣзко, именно вотъ какъ: „Нѣтъ, врешь: я статскій совѣтникъ, а не поповичъ; а вотъ ты — такъ поповичъ!“ И потомъ еще прибавилъ ему въ пику для большей досады: „Да, вотъ, молъ, что!“ Хотя онъ отбрилъ такимъ образомъ его кругомъ, обративъ на него имъ же приданное названіе и хотя выраженіе: „вотъ, молъ, что!“ могло быть сильно; но, недовольный симъ, онъ послалъ еще на него тайный доносъ. Впрочемъ, говорятъ, что и безъ того была у нихъ ссора за какую-то бабенку, свѣжую и крѣпкую, какъ ядреная рѣпа, по выраженію таможенныхъ чиновниковъ; что были даже подкуплены люди, чтобы подъ вечерокъ, въ темномъ переулкѣ, поизбить нашего героя; но что оба чиновники были въ дуракахъ и бабенкой воспользовался какой-то штабсъ-капитанъ Шамшаревъ. Какъ было дѣло въ самомъ дѣлѣ, Богъ ихъ вѣдаетъ; пусть лучше читатель-охотникъ досочинитъ самъ. Главное въ томъ, что тайныя сношенія съ контрабандистами сдѣлались явными. Статскій совѣтникъ, хоть и самъ пропалъ, но таки упекъ своего товарища. Чиновниковъ взяли подъ судъ, конфисковали, описали все, что̀ у нихъ ни было, и все это разрѣшилось вдругъ, какъ громъ, надъ головами ихъ. Какъ послѣ чаду, опомнились

они и увидѣли съ ужасомъ, что̀ надѣлали. Статскій совѣтникъ не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши[1], но коллежскій устоялъ. Онъ умѣлъ затаить часть деньжонокъ, какъ ни чутко было обоняніе наѣхавшаго на слѣдствіе начальства; употребилъ всѣ тонкіе извороты ума[2], уже слишкомъ опытнаго, слишкомъ знающаго хорошо людей: гдѣ подѣйствовалъ пріятностью оборотовъ, гдѣ трогательною рѣчью, гдѣ покурилъ лестью, ни въ какомъ случаѣ не портящею дѣла, гдѣ всунулъ деньжонку, словомъ — обработалъ дѣло, по крайней мѣрѣ, такъ, что отставленъ былъ не съ такимъ безчестьемъ, какъ товарищъ, и увернулся изъ-подъ уголовнаго суда. Но уже ни капитала, ни разныхъ заграничныхъ вещицъ, ничего не осталось ему: на все это нашлись другіе охотники. Удержалось у него тысячонокъ десятокъ, запрятанныхъ про черный день, да дюжины двѣ голландскихъ рубашекъ, да небольшая бричка, въ какой ѣздятъ холостяки, да два крѣпостныхъ человѣка: кучеръ Селифанъ и лакей Петрушка; да таможенные чиновники, движимые сердечною добротою, оставили ему пять или шесть кусковъ мыла для сбереженія свѣжести щекъ — вотъ и все. И такъ, вотъ въ какомъ положеніи вновь очутился герой нашъ! Вотъ какая громада бѣдствій обрушилась ему на голову! Это называлъ онъ: потерпѣть по службѣ за правду. Теперь можно бы заключить, что, послѣ такихъ бурь, испытаній, превратностей судьбы и жизненнаго горя, онъ удалится съ оставшимися кровными десятью тысячонками[3] въ какое-нибудь мирное захолустье уѣзднаго городишка и тамъ заклёкнетъ на-вѣки въ ситцевомъ халатѣ, у окна низенькаго домика, разбирая по воскреснымъ днямъ драку мужиковъ, возникшую предъ окнами, или, для освѣженія, пройдясь въ курятникъ пощупать лично курицу, назначенную въ супъ, и проведетъ такимъ образомъ нешумный, но, въ своемъ родѣ, тоже не безполезный вѣкъ. Но такъ не случилось. Надобно отдать справедливость непреодолимой силѣ его характера. Послѣ всего того, что̀ бы достаточно было если не убить, то охладить и усмирить навсегда человѣка, въ немъ не потухла непостижимая страсть. Онъ былъ въ горѣ, въ досадѣ, роптал̀ъ на весь свѣтъ, сердился на несправедливость судьбы, негодовалъ на несправедливость людей и, однакоже, не могъ отказаться отъ новыхъ попытокъ. Словомъ, онъ показалъ тер-

пѣнье, предъ которымъ ничто деревянное терпѣнье нѣмца, заключенное уже[1] въ медленномъ, лѣнивомъ обращеніи крови его. Кровь Чичикова, напротивъ, играла сильно, и нужно было много разумной воли, чтобъ набросить узду на все то, чтò хотѣло бы выпрыгнуть и погулять на свободѣ. Онъ разсуждалъ, и въ разсужденіи его видна была нѣкоторая сторона справедливости: „Почему жъ я? Зачѣмъ на меня обрушилась бѣда? Кто жъ зѣваетъ теперь на должности? — всѣ пріобрѣтаютъ. Несчастнымъ я не сдѣлалъ никого: я не ограбилъ вдову, я не пустилъ никого по міру; пользовался я отъ избытковъ; бралъ тамъ, гдѣ всякій бралъ бы; не воспользуйся я, другіе воспользовались бы. За чтò же другіе благоденствуютъ, и почему долженъ я пропасть червемъ? И чтò я теперь? Куда я гожусь? Какими глазами я стану смотрѣть теперь въ глаза всякому почтенному отцу семейства? Какъ не чувствовать мнѣ угрызенія совѣсти, зная, что даромъ бременю землю? И чтò скажутъ потомъ мои дѣти? — „Вотъ“, скажутъ „отецъ — скотина: не оставилъ намъ никакого состоянія!“

Уже извѣстно, что Чичиковъ сильно заботился о своихъ потомкахъ. Такой чувствительный предметъ! Иной, можетъ быть, и не такъ бы глубоко запустилъ руку, если бы не вопросъ, который, неизвѣстно почему, приходитъ самъ собою: „а чтò скажутъ дѣти?“ И вотъ будущій родоначальникъ, какъ осторожный котъ, покося только однимъ глазомъ въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ[2], хватаетъ поспѣшно все, чтò къ нему поближе: мыло ли стоитъ, свѣчи ли, сало, канарейка ли попалась подъ лапу, словомъ — не процускаетъ ничего. Такъ жаловался и плакалъ герой нашъ, а между тѣмъ дѣятельность никакъ не умирала въ головѣ его; тамъ все хотѣло что-то строиться и ждало только плана. Вновь съежился онъ, вновь принялся вести трудную жизнь, вновь ограничилъ себя во всемъ, вновь изъ чистоты и приличнаго положенія опустился въ грязь и низменную жизнь. И, въ ожиданіи лучшаго, принужденъ былъ даже заняться званіемъ повѣреннаго, — званіемъ, еще не пріобрѣтшимъ у насъ гражданства, толкаемымъ со всѣхъ сторонъ, плохо уважаемымъ мелкою приказною тварью и даже самими довѣрителями[3], осужденнымъ на пресмыканье въ переднихъ, грубости и прочее; но нужда заставила рѣшиться на все. Изъ порученій досталось ему,

между прочимъ, одно: похлопотать о заложеніи въ Опекунскій Совѣтъ нѣскольких сотъ крестьянъ. Имѣніе было разстроено въ послѣдней степени. Разстроено оно было скотскими падежами, плутами прикащиками, неурожаями, повальными болѣзнями, истребившими лучшихъ работниковъ, и, наконецъ, безтолковьемъ самого помѣщика, убиравшаго себѣ въ Москвѣ домъ въ послѣднемъ вкусѣ и убившаго на эту уборку все состояніе свое до послѣдней копѣйки, такъ что ужъ не на что было ѣсть. По этой-то причинѣ понадобилось, наконецъ, заложить послѣднее оставшееся имѣніе. Закладъ въ казну былъ тогда еще дѣло новое, на которое рѣшались не безъ страха. Чичиковъ, въ качествѣ повѣреннаго, прежде расположивши всѣхъ (безъ предварительнаго расположенія, какъ извѣстно, не можетъ быть даже взята простая справка, или выправка,— все же[1] хоть по бутылкѣ мадеры придется влить во всякую глотку), — итакъ, расположивши всѣхъ, кого слѣдуетъ, объяснилъ онъ, что вотъ какое между прочимъ обстоятельство: половина крестьянъ вымерла, такъ чтобы не было какихъ-нибудь потомъ привязокъ... „Да вѣдь они по ревизской сказкѣ числятся?“ сказалъ секретарь. „Числятся“, отвѣчалъ Чичиковъ. „Ну, такъ чего же вы оробѣли?“ сказалъ секретарь: „одинъ умеръ, другой родится, а все въ дѣло годится“. Секретарь, какъ видно, умѣлъ говорить и въ риѳму. А между тѣмъ героя нашего осѣнила вдохновеннѣйшая мысль, какая когда-либо приходила въ человѣческую голову. „Эхъ я Акимъ-простота!“ сказалъ онъ самъ въ себѣ: „ищу рукавицъ, а обѣ за поясомъ! Да накупи я всѣхъ этихъ, которые вымерли, пока еще не подавали новыхъ ревизскихъ сказокъ, пріобрѣти ихъ, положимъ, тысячу, да, положимъ, Опекунскій Совѣтъ дастъ по двѣсти рублей на душу: вотъ ужъ двѣсти тысячъ капиталу! А теперь же время удобное: недавно была эпидемія, народу вымерло, слава Богу, не мало. Помѣщики попроигрывались въ карты, закутили и промотались, какъ слѣдуетъ; все полѣзло въ Петербургъ служить: имѣнія брошены, управляются, какъ ни попало, подати уплачиваются съ каждымъ годомъ труднѣе; такъ мнѣ съ радостью уступитъ ихъ каждый, уже потому только, чтобы не платить за нихъ подушныхъ денегъ; а[2], можетъ, въ другой разъ такъ случится, что съ инаго и я еще зашибу за это копѣйку. Конечно, трудно, хлопот-

ливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ. А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ; теперь зе́мли въ таврической и херсонской губерніяхъ отдаются даромъ, только заселяй. Туда я ихъ всѣхъ и переселю! въ херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ! А переселеніе можно сдѣлать законнымъ образомъ, какъ слѣдуетъ, по судамъ. Если захотятъ освидѣтельствовать крестьянъ — пожалуй, я и тутъ не прочь; почему же нѣтъ? Я представлю и свидѣтельство за собственноручнымъ подписаніемъ капитана-исправника. Деревню можно назвать Чичикова слободка, или по имени, данному при крещеніи: сельцо Павловское". И вотъ такимъ образомъ составился въ головѣ нашего героя сей странный сюжетъ, за который, не знаю, будутъ ли благодарны ему читатели, а ужъ какъ благодаренъ авторъ, такъ и выразить трудно, ибо, что̀ ни говори, не приди въ голову Чичикова эта мысль, не явилась бы на свѣтъ сія поэма.

Перекрестясь, по русскому обычаю, приступилъ онъ къ исполненію. Подъ видомъ избранія мѣста для жительства и подъ другими предлогами, предпринялъ онъ заглянуть въ тѣ и другіе углы нашего государства, и преимущественно въ тѣ, которые болѣе другихъ пострадали отъ несчастныхъ случаевъ: неурожаевъ, смертностей и прочаго, и прочаго[1], словомъ — гдѣ бы можно удобнѣе и дешевле накупить потребнаго народа. Онъ не обращался наобумъ ко всякому помѣщику, но избиралъ людей болѣе по своему вкусу, или такихъ, съ которыми бы можно было съ ме́ньшими затрудненіями дѣлать подобныя сдѣлки, стараясь прежде познакомиться, расположить къ себѣ, чтобы, если можно, болѣе дружбою, а не покупкою пріобрѣсти мужиковъ. Итакъ, читатели не должны негодовать на автора, если лица, донынѣ являвшіяся, не пришлись по его вкусу: это вина Чичикова; здѣсь онъ — полный хозяинъ, и куда ему вздумается[2], туда и мы должны тащиться. Съ нашей стороны, если, точно, падетъ обвиненіе за блѣдность и невзрачность лицъ и характеровъ, скажемъ только то, что никогда вначалѣ не видно всего широкаго теченья и объема дѣла.

Въѣздъ въ какой бы ни было городъ, хоть даже въ столицу, всегда какъ-то блѣденъ; сначала все сѣро и однообразно: тянутся безконечные заводы да фабрики, закопченныя дымомъ, а потомъ уже выглянутъ углы шести-этажныхъ домовъ, магазины, вывѣски, громадныя перспективы улицъ, всѣ въ колокольняхъ, колоннахъ, статуяхъ, башняхъ, съ городскимъ блескомъ, шумомъ и громомъ, и всѣмъ, чтò на диво произвела рука и мысль человѣка. Какъ произвелись первыя покупки, читатель уже видѣлъ; какъ пойдетъ дѣло далѣе, какія будутъ[1] удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы, какъ двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ[2]. Еще много пути предстоитъ совершить всему походному экипажу, состоящему изъ господина среднихъ лѣтъ, брички, въ которой ѣздятъ холостяки, лакея Петрушки, кучера Селифана и тройки коней, уже извѣстныхъ поименно, отъ Засѣдателя до подлеца чубараго. Итакъ, вотъ весь на лицо герой нашъ, каковъ онъ есть! Но потребуютъ, можетъ быть, заключительнаго опредѣленія одной чертою: кто же онъ относительно качествъ нравственныхъ? Что онъ не герой, исполненный совершенствъ и добродѣтелей, — это видно. Кто же онъ? Стало быть, подлецъ? Почему жъ подлецъ? Зачѣмъ же быть такъ строгу къ другимъ? Теперь у насъ подлецовъ не бываетъ: есть люди благонамѣренные. пріятные, а такихъ, которые бы на всеобщій позоръ выставили свою физіогномію подъ публичную оплеуху, отыщется развѣ какихъ-нибудь два, три человѣка, да и тѣ уже говорятъ теперь о добродѣтели. Справедливѣе всего назвать его *хозяинъ, пріобрѣтатель*. Пріобрѣтеніе — вина всего: изъ-за него произвелись дѣла, которымъ свѣтъ даетъ названіе *не очень чистыхъ*. Правда, въ такомъ характерѣ есть уже что-то отталкивающее, и тотъ же читатель, который на жизненной своей дорогѣ будетъ друженъ съ такимъ человѣкомъ, будетъ водить съ нимъ хлѣбъ-соль и проводить пріятно время, станетъ глядѣть на него косо, если онъ очутится героемъ драмы или поэмы. Но мудръ тотъ, кто не гнушается никакимъ характеромъ, но, вперя въ него испытующій взглядъ, извѣдываетъ его до первоначальныхъ

причинъ. Быстро все превращается въ человѣкѣ; не успѣешь оглянуться, какъ уже выросъ внутри страшный червь, самовластно обратившій къ себѣ всѣ жизненные соки[1]. И не разъ, не только широкая страсть, но ничтожная страстишка къ чему-нибудь мелкому разросталась въ рожденномъ на лучшіе подвиги, заставляла его позабывать великія и святыя обязанности и въ ничтожныхъ побрякушкахъ видѣть великое и святое. Безчисленны, какъ морскіе пески, человѣческія страсти, и всѣ не похожи одна на другую, и всѣ онѣ, низкія и прекрасныя, вначалѣ покорны человѣку и потомъ уже становятся страшными властелинами его. Блаженъ избравшій себѣ изъ всѣхъ прекраснѣйшую страсть: растетъ и десятерится съ каждымъ часомъ и минутой безмѣрное его блаженство, и входитъ онъ глубже и глубже въ безконечный рай своей души. Но есть страсти, которыхъ избранье не отъ человѣка. Уже родились онѣ съ нимъ въ минуту рожденья его въ свѣтъ, и не дано ему силъ отклониться отъ нихъ. Высшими начертаньями онѣ ведутся, и есть въ нихъ что-то вѣчно зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, все равно, въ мрачномъ ли образѣ, или пронесшись[2] свѣтлымъ явленьемъ, возрадующимъ міръ, — одинаково вызваны онѣ для невѣдомаго человѣкомъ блага. И, можетъ быть, въ семъ же самомъ Чичиковѣ страсть, его влекущая, уже не отъ него, и въ холодномъ его существованіи заключено то, что̀ потомъ повергнетъ въ прахъ и на колѣни человѣка предъ мудростью небесъ. И еще тайна, почему сей образъ предсталъ въ нынѣ являющейся на свѣтъ поэмѣ.

Но не то тяжело, что будутъ недовольны героемъ; тяжело то, что живетъ въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ[3] героемъ, тѣмъ же самымъ[4] Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не шевельни на днѣ ея того, что̀ ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не ввѣряетъ человѣкъ, а покажи его такимъ, какимъ онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, — и всѣ были бы радешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы, какъ живой, предъ глазами: зато, по окончаніи чтенія, душа не встревожена ничѣмъ, и можно обра-

титься вновь къ карточному столу, тѣшащему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. „Зачѣмъ?“ говорите вы: „къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ того случается намъ часто видѣть то, что̀ вовсе не утѣшительно. Лучше же представляйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемся мы!“ — „Зачѣмъ ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ хозяйствѣ идутъ скверно?“ говоритъ помѣщикъ прикащику: „я, братъ, это знаю безъ тебя; да у тебя рѣчей развѣ нѣтъ другихъ, что̀ ли? Ты дай мнѣ позабыть это, не знать этого — я тогда счастливъ“. И вотъ тѣ деньги, которыя бы поправили сколько-нибудь дѣло, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвенье. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣтшій[1] бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ имѣніе бухъ съ аукціона — и пошелъ помѣщикъ забываться по міру, съ душою, отъ крайности готовою на низости, которыхъ бы самъ ужаснулся прежде.

Еще падетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ, которые спокойно сидятъ себѣ по угламъ и занимаются совершенно посторонними дѣлами, накопляютъ себѣ капитальцы, устроивая судьбу свою на счетъ другихъ; но какъ только случится что-нибудь, по мнѣнью ихъ, оскорбительное для отечества, появится какая-нибудь книга, въ которой скажется иногда горькая правда, — они выбѣгутъ со всѣхъ угловъ, какъ пауки, увидѣвшіе, что запуталась въ паутину муха, и подымутъ вдругъ крики: „Да хорошо ли выводить это на свѣтъ, провозглашать объ этомъ? Вѣдь это все, что̀ ни описано здѣсь, это все наше, — хорошо ли это? А что̀ скажутъ иностранцы? Развѣ весело слышать дурное мнѣніе о себѣ? Думаютъ: развѣ это не больно? Думаютъ: развѣ мы не патріоты?“ На такія мудрыя замѣчанія, особенно насчетъ мнѣнія иностра̀нцевъ, признаюсь, ничего нельзя прибрать въ отвѣтъ. А развѣ вотъ что̀. Жили въ одномъ отдаленномъ уголкѣ Россіи два обитателя. Одинъ былъ отецъ семейства, по имени Кифа Мокіевичъ, человѣкъ нрава кроткаго, проводившій жизнь халатнымъ образомъ. Семействомъ своимъ онъ не занимался; существованье его было обращено болѣе въ умозрительную сторону и занято слѣдующимъ, какъ онъ назы-

валъ, философическимъ[1] вопросомъ: „Вотъ, напримѣръ, звѣрь", говорилъ онъ, ходя по комнатѣ: „звѣрь родится нагишомъ. Почему же именно нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица: почему не вылупливается изъ яйца? Какъ, право, того[2]... совсѣмъ не поймешь натуры, какъ побольше въ нее углубишься!" Такъ мыслилъ обитатель Кифа Мокіевичъ. Но не въ этомъ еще главное дѣло[3]. Другой обитатель былъ Мокій Кифовичъ, родной сынъ его. Былъ онъ то, что̀ называютъ на Руси богатырь, и, въ то время, когда отецъ занимался рожденьемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура его такъ и порывалась развернуться. Ни за что̀ не умѣлъ онъ взяться слегка: все — или рука у кого-нибудь затрещитъ, или волдырь вскочитъ на чьемъ-нибудь носу. Въ домѣ и въ сосѣдствѣ все — отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки — бѣжало прочь, его завидя; даже собственную кровать въ спальнѣ изломалъ онъ въ куски. Таковъ былъ Мокій Кифовичъ[4], а впрочемъ былъ онъ доброй души. Но не въ этомъ еще главное дѣло. А главное дѣло вотъ въ чемъ[5]. „Помилуй, батюшка баринъ, Кифа Мокіевичъ", говорила отцу и своя, и чужая дворня: „что̀ у тебя за Мокій Кифовичъ? Никому нѣтъ отъ него покоя, такой припертѣнь!" — „Да, шаловливъ, шаловливъ", говорилъ обыкновенно на это отецъ: „да вѣдь какъ быть? Драться съ нимъ поздо, да и меня же всѣ обвинятъ въ жестокости; а человѣкъ онъ честолюбивый: укори его при другомъ-третьемъ — онъ уймется, да вѣдь гласность-то — вотъ бѣда! городъ узнаетъ, назоветъ его совсѣмъ собакой[6]. Что, право, думаютъ, мнѣ развѣ не больно? развѣ я не отецъ? Что занимаюсь философіей, да иной разъ нѣтъ времени, такъ ужъ я и не отецъ? Анъ, вотъ нѣтъ же, отецъ! отецъ, чортъ ихъ побери, отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!" Тутъ Кифа Мокіевичъ билъ себя весьма сильно въ грудь кулакомъ и приходилъ въ совершенный азартъ. „Ужъ если онъ и останется собакой, такъ пусть же не отъ меня объ этомъ узнаютъ, пусть не я выдалъ его!" И показавъ такое отеческое чувство, онъ оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, а самъ обращался вновь[7] къ любимому предмету, задавъ себѣ вдругъ какой-нибудь подобный вопросъ: „Ну, а если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, сильно бы толста была, — пушкой не

прошибешь; нужно какое-нибудь новое огнестрѣльное орудіе выдумать". Такъ проводили жизнь два обитателя мирнаго уголка, которые нежданно, какъ изъ окошка[1], выглянули въ концѣ нашей поэмы, выглянули для того, чтобы отвѣчать скромно на обвиненье со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени покойно занимающихся какой-нибудь философіей или приращеніями насчетъ суммъ нѣжно любимаго ими отечества, думающихъ не о томъ, чтобы не дѣлать дурнаго, а о томъ, чтобы только не говорили, что они дѣлаютъ дурное. Но нѣтъ, не патріотизмъ и не первое чувство суть причины обвиненій; другое скрывается подъ ними. Къ чему таить слово? Кто же, какъ не авторъ, долженъ сказать святую правду? Вы боитесь глубоко-устремленнаго взора, вы страшитесь сами устремить на что-нибудь глубокій взоръ, вы любите скользнуть по всему недумающими глазами. Вы посмѣетесь даже отъ души надъ Чичиковымъ; можетъ быть, даже похвалите автора — скажете: „Однакожъ кое-что онъ ловко[2] подмѣтилъ! долженъ быть веселаго нрава человѣкъ!" И послѣ такихъ словъ, съ удвоившеюся гордостію, обратитесь къ себѣ, самодовольная улыбка покажется на лицѣ вашемъ, и вы прибавите: „А вѣдь должно согласиться, престранные и пресмѣшные бываютъ люди въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, да и подлецы притомъ немалые!" А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренья, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собой, углубитъ во-внутрь собственной души сей тяжелый запросъ: „А нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?" Да, какъ бы не такъ! А вотъ пройди въ это время мимо его какой-нибудь его же знакомый, имѣющій чинъ ни слишкомъ большой, ни слишкомъ малый[3], — онъ въ ту же минуту толкнетъ подъ руку своего сосѣда и скажетъ ему, чуть не фыркнувъ отъ смѣха: „Смотри, смотри: вонъ Чичиковъ, Чичиковъ пошелъ!" И потомъ, какъ ребенокъ, позабывъ всякое приличіе, должное званію и лѣтамъ, побѣжитъ за нимъ въ догонку, поддразнивая сзади и приговаривая: „Чичиковъ! Чичиковъ! Чичиковъ!"

Но мы стали говорить довольно громко, позабывъ, что герой нашъ, спавшій во все время разсказа его повѣсти, уже проснулся и легко можетъ услышать такъ часто повторяемую свою фамилію. Онъ же человѣкъ обидчивый и недоволенъ,

если о немъ изъясняются неуважительно. Читателю съ полугоря, разсердится ли на него Чичиковъ, или нѣтъ; но что̀ до автора, то онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ ссориться съ своимъ героемъ: еще не мало пути и дороги придется имъ пройти вдвоемъ рука въ руку; двѣ большія части впереди— это не бездѣлица.

„Эхе-хе! что̀ жъ ты?“ сказалъ Чичиковъ Селифану: „ты?...“

„Что̀?“ сказалъ Селифанъ медленнымъ голосомъ.

„Какъ что̀? Гусь ты! Какъ ты ѣдешь? Ну же, потрогивай!“

И въ самомъ дѣлѣ Селифанъ давно уже ѣхалъ, зажмуря глаза, изрѣдка только потряхивая въ просонкахъ возжами по бокамъ дремавшихъ тоже лошадей; а съ Петрушки уже давно, нивѣсть въ какомъ мѣстѣ, слетѣлъ картузъ, и онъ самъ, опрокинувшись назадъ, уткнулъ свою голову въ колѣно Чичикову, такъ что тотъ долженъ былъ дать ей щелчка. Селифанъ пріободрился и, отшлепавши нѣсколько разъ по спинѣ чубараго, послѣ чего тотъ пустился рысцой, да помахавши[1] сверху кнутомъ на всѣхъ, примолвилъ тонкимъ пѣвучимъ голоскомъ: „Не бойся!“ Лошадки расшевелились и понесли какъ пухъ легонькую бричку. Селифанъ только помахивалъ да покрикивалъ: „эхъ! эхъ! эхъ!“ плавно подскакивая на козлахъ, по мѣрѣ того, какъ тройка то взлетала на пригорокъ, то неслась духомъ съ пригорка, которыми была усѣяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть замѣтнымъ накатомъ внизъ. Чичиковъ только улыбался, слегка подлетывая на своей кожаной подушкѣ, ибо любилъ быструю ѣзду. И какой же русскій не любитъ быстрой ѣзды? Его ли душѣ, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: „чортъ побери все!“ его ли душѣ[2] не любить ея? Ея[3] ли не любить, когда въ ней слышится что-то восторженно-чудное?[4] Кажись, невѣдомая сила подхватила тебя на крыло къ себѣ, и самъ летишь, и все летитъ: летятъ версты, летятъ навстрѣчу купцы на облучкахъ своихъ кибитокъ, летитъ съ обѣихъ сторонъ лѣсъ съ темными строями елей и сосенъ, съ топорнымъ стукомъ и вороньимъ крикомъ; летитъ вся дорога нивѣсть куда въ пропадающую даль; и что-то страшное заключено въ семъ быстромъ мелькапьи, гдѣ не успѣваетъ означиться пропадающій предметъ, только небо надъ головою да легкія тучи, да продирающійся мѣсяцъ одни кажутся недвижны. Эхъ тройка, птица тройка! кто тебя вы-

думалъ? Знать, у бойкаго народа ты могла только родиться, — въ той землѣ, что̀ не любитъ шутить, а ровнемъ-гладнемъ разметнулась на полсвѣта, да и ступай считать версты, пока не зарябитъ тебѣ въ очи. И не хитрый, кажись, дорожный снарядъ, не желѣзнымъ схваченъ винтомъ, а наскоро живьемъ, съ однимъ топоромъ да долотомъ, снарядилъ и собралъ тебя ярославскій расторопный мужикъ. Не въ нѣмецкихъ ботфортахъ ямщикъ: борода да рукавицы, и сидитъ, чортъ знаетъ на чемъ; а привсталъ, да замахнулся, да затянулъ пѣсню — кони вихремъ, спицы въ колесахъ смѣшались въ одинъ гладкій кругъ, только дрогнула дорога, да вскрикнулъ въ испугѣ остановившійся пѣшеходъ — и вонъ она понеслась, понеслась, понеслась!... И вонъ уже видно вдали, какъ что-то пылитъ и сверлитъ воздухъ.

Не такъ ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? Дымомъ дымится подъ тобою дорога, гремятъ мосты, все отстаетъ и остается позади. Остановился пораженный божьимъ чудомъ созерцатель: не молнія ли это, сброшенная съ неба? Что̀ значитъ это наводящее ужасъ движеніе? и что̀ за невѣдомая сила заключена въ сихъ невѣдомыхъ свѣтомъ коняхъ? Эхъ, кони, кони, — что̀ за кони! Вихри ли сидятъ въ вашихъ гривахъ? Чуткое ли ухо горитъ во всякой вашей жилкѣ? Заслышали съ вышины знакомую пѣсню — дружно и разомъ напрягли мѣдныя груди и, почти не тронувъ копытами земли, превратились въ однѣ вытянутыя линіи, летящія по воздуху, и мчится, вся вдохновенная Богомъ!... Русь, куда жъ несешься ты? дай отвѣтъ. Не даетъ отвѣта. Чуднымъ звономъ заливается колокольчикъ; гремитъ и становится вѣтромъ разорванный въ куски воздухъ; летитъ мимо все, что̀ ни есть на земли, и косясь постораниваются и даютъ ей дорогу другіе народы и государства.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПЕРВОМУ ТОМУ
МЕРТВЫХЪ ДУШЪ.

I.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ ПЕРВАГО ТОМА
МЕРТВЫХЪ ДУШЪ
(въ 1846 г.)

Къ читателю отъ сочинителя.

Кто бы ты ни былъ, мой читатель, на какомъ бы мѣстѣ ни стоялъ, въ какомъ бы званіи ни находился, почтенъ ли ты высшимъ чиномъ или человѣкъ простаго сословія, но если тебя вразумилъ Богъ грамотѣ и попалась уже тебѣ въ руки моя книга, я прошу тебя помочь мнѣ.

Въ книгѣ, которая передъ тобой, которую, вѣроятно, ты уже прочелъ въ ея первомъ изданіи, изображенъ человѣкъ, взятый изъ нашего же государства. Ѣздитъ онъ по нашей русской землѣ, встрѣчается съ людьми всякихъ сословій, отъ благородныхъ до простыхъ. Взятъ онъ больше затѣмъ, чтобы показать недостатки и пороки русскаго человѣка, а не его достоинства и добродѣтели, и всѣ люди, которые окружаютъ его, взяты также затѣмъ, чтобы показать наши слабости и недостатки; лучшіе люди и характеры будутъ въ другихъ частяхъ. Въ книгѣ этой многое описано невѣрно, не такъ, какъ есть и какъ дѣйствительно происходитъ въ русской землѣ, потому что я не могъ узнать всего: мало жизни человѣка на то, чтобы узнать одному

и сотую часть того, что̀ дѣлается въ нашей землѣ. Притомъ, отъ моей собственной оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество всякихъ ошибокъ и промаховъ, такъ что на всякой страницѣ есть, что̀ поправить: я прошу тебя, читатель, поправить меня. Не пренебреги такимъ дѣломъ. Какого бы ни былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и какою бы ничтожною ни показалась въ глазахъ твоихъ моя книга, и какимъ бы ни показалось тебѣ мелкимъ дѣломъ ее исправлять и писать на нее замѣчанія, — я прошу тебя это сдѣлать. А ты, читатель невысокаго образованія и простаго званія, не считай себя такимъ невѣжею, чтобы ты не могъ меня чему-нибудь поучить. Всякій человѣкъ, кто жилъ и видѣлъ свѣтъ и встрѣчался съ людьми, замѣтилъ что-нибудь такое, чего другой не замѣтилъ, и узналъ что-нибудь такое, чего другіе не знаютъ. А потому не лиши меня твоихъ замѣчаній: не можетъ быть, чтобы ты не нашелся чего-нибудь сказать на какое-нибудь мѣсто во всей книгѣ, если только внимательно прочтешь ее.

Какъ бы, напримѣръ, хорошо было, если бы хотя одинъ изъ тѣхъ, которые богаты опытомъ и познаніемъ жизни и знаютъ кругъ тѣхъ людей, которые мною описаны, сдѣлалъ свои замѣтки сплошь на всю книгу, не пропуская ни одного листа ея, и принялся бы читать ее не иначе, какъ взявши въ руки перо и положивши передъ собою листъ почтовой бумаги, и послѣ прочтенья нѣсколькихъ страницъ припомнилъ бы себѣ всю жизнь свою и всѣхъ людей, съ которыми встрѣчался, и всѣ происшествія, случившіяся передъ его глазами, и все, что̀ видѣлъ самъ или что̀ слышалъ отъ другихъ подобнаго тому, что̀ изображено въ моей книгѣ, или же противоположнаго тому,— все бы это описалъ въ такомъ точно видѣ, въ какомъ оно предстало его памяти, и посылалъ бы ко мнѣ всякій листъ, по мѣрѣ того, какъ онъ испишется, покуда такимъ образомъ не прочтется имъ вся книга. Какую бы кровную онъ оказалъ мнѣ услугу! О слогѣ или красотѣ выраженій здѣсь нечего заботиться: дѣло въ *дѣлѣ* и въ *правдѣ* дѣла, а не въ слогѣ. Нечего ему также передо мною чиниться, если бы захотѣлось меня попрекнуть, или побранить, или указать мнѣ вредъ, какой я произвелъ, на мѣсто пользы, необдуманнымъ и невѣрнымъ изображеньемъ чего бы то ни было. За все буду ему благодаренъ.

Хорошо бы также, если бы кто нашелся изъ сословія высшаго, отдаленный всѣмъ—и самой жизнью, и образованьемъ, отъ того круга людей, который изображенъ въ моей книгѣ, но знающій за то жизнь того сословія, середи котораго живетъ, и рѣшился бы такимъ же самымъ образомъ прочесть сызнова мою книгу и мысленно припомнить себѣ всѣхъ людей сословія высшаго, съ которыми встрѣчался на вѣку своемъ, и разсмотрѣть внимательно, нѣтъ ли какого сближенія между этими сословіями и не повторяется ли иногда то же самое въ кругѣ высшемъ, что̀ дѣлается въ низшемъ? и все, что́ ни придетъ ему на умъ по этому поводу, то есть, всякое происшествіе высшаго круга, служащее въ подтвержденье или въ опроверженіе этого, описалъ бы, какъ оно случилось передъ его глазами, не пропуская ни людей съ ихъ нравами, склонностями и привычками, ни бездушныхъ вещей, ихъ окружающихъ, отъ одеждъ до мебелей и стѣнъ домовъ, въ которыхъ живутъ они. Мнѣ нужно знать это сословіе, которое есть цвѣтъ народа. Я не могу выдать послѣднихъ томовъ моего сочиненія по тѣхъ поръ, покуда сколько-нибудь не узнаю русскую жизнь со всѣхъ ея сторонъ, хотя въ такой мѣрѣ, въ какой мнѣ нужно ее знать для моего сочиненія.

Не дурно также, если бы кто-нибудь такой, кто надѣленъ способностью воображать, или живо представлять себѣ различныя положенія людей и преслѣдовать ихъ мысленно на разныхъ поприщахъ,—словомъ, кто способенъ углубляться въ мысль всякаго читаемаго имъ автора, или развивать ее, прослѣдилъ бы пристально всякое лицо, выведенное въ моей книгѣ, и сказалъ бы мнѣ, какъ оно должно поступить въ такихъ и такихъ случаяхъ, что̀ съ нимъ, судя по началу, должно случиться далѣе, какія могутъ ему представиться обстоятельства новыя, и что̀ было бы хорошо прибавить къ тому, что̀ уже мной описано: все это желалъ бы я принять въ соображенье къ тому времени, когда воспослѣдуетъ изданіе новое этой книги, въ другомъ и лучшемъ видѣ.

Объ одномъ прошу крѣпко того, кто захотѣлъ бы надѣлить меня своими замѣчаньями: не думать въ это время, какъ онъ будетъ писать, что пишетъ онъ ихъ для человѣка ему равнаго по образованію, который одинаковыхъ съ нимъ вкусовъ и мыслей, и можетъ уже многое смекнуть и самъ безъ объ-

ясненія; но, вмѣсто того, воображать себѣ, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, несравненно его низшій образованьемъ, ничему почти неучившійся. Лучше даже, если, на мѣсто меня, онъ себѣ представитъ какого-нибудь деревенскаго дикаря, котораго вся жизнь прошла въ глуши, съ которымъ нужно входить въ подробнѣйшее объясненіе всякаго обстоятельства и быть просту въ рѣчахъ, какъ съ ребенкомъ, опасаясь ежеминутно, чтобъ не употребить выраженій свыше его понятія. Если это безпрерывно будетъ имѣть въ виду тотъ, кто станетъ дѣлать замѣчанья на мою книгу, то его замѣчанья выдутъ болѣе значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ, а мнѣ принесутъ истинную пользу.

Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена моими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такія добрыя души, которыя захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу; то вотъ какимъ образомъ они могутъ мнѣ переслать свои замѣчанія: сдѣлавши сначала пакетъ на мое имя, завернуть его потомъ въ другой пакетъ, или на имя Ректора С.-Петербургскаго Университета, Его Превосходит. Петра Александровича Плетнева, адресуя прямо въ С.-Петербургскій Университетъ, или на имя Профессора Московскаго Университета, Его Высокор. Степана Петровича Шевырева, адресуя въ Московскій Университетъ, смотря по тому, къ кому какой городъ ближе.

А всѣхъ, какъ журналистовъ, такъ и вообще литераторовъ, благодаря искренно за всѣ ихъ прежніе отзывы о моей книгѣ, которые, не смотря на нѣкоторую неумѣренность и увлеченія, свойственныя человѣку, принесли, однакожъ, пользу большую какъ головѣ, такъ и душѣ моей, прошу не оставить и на этотъ разъ меня своими замѣчаніями. Увѣряю искренно, что все, что̀ ни будетъ ими сказано на вразумленье или поученье мое, будетъ принято мною съ благодарностью.

II.

ЗАМѢТКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ

къ 1-й части.

Идея города[1] — возникшая до высшей степени пустота. Пустословіе. Сплетни, перешедшія предѣлы. Какъ все это возникло изъ бездѣлья и приняло выраженіе смѣшнаго въ высшей степени, какъ люди неглупые доходятъ до дѣланія совершенныхъ глупостей.

Частности въ разговорахъ дамъ. Какъ къ общимъ сплетнямъ примѣшиваются[2] частныя сплетни; какъ въ нихъ не щадятъ одна другую. Какъ созидаются соображенія. Какъ эти соображенія восходятъ до верха смѣшнаго. Какъ всѣ невольно занимаются сплетнями, и какого рода бабичи и юбки образуются.

Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются[3]. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни.

Проходитъ страшная мгла[4] жизни, и еще глубокая сокрыта въ томъ тайна. Не ужасное ли это явленіе? Жизнь бунтующая, праздная[5] — не страшно ли великое она явленье?. . . . .[6] жизнь. При бальномъ. . . .[7], при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти...[8]

Частности. Дамы ссорятся именно изъ-за того, что одной хочется, чтобы Чичиковъ былъ тѣмъ-то, другой — тѣмъ-то, и потому принимаетъ только тѣ слухи, которые сообразны съ ея идеями.

Явленіе другихъ дамъ на сцену.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ имѣетъ чувственныя наклонности и любитъ разсказывать, какъ она иногда побѣждала чувственныя наклонности, но[1] посредствомъ ума своего, и чѣмъ умѣла не допустить до слишкомъ короткихъ съ нею изъясненій. Впрочемъ, это случилось само собою, очень невиннымъ образомъ. До короткихъ объясненій никто не доходилъ уже потому, что она и въ молодости своей имѣла что-то похожее на будочника, не смотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества. — „Нѣтъ, милая, я люблю — понимаете? — сначала мужчину приблизить и потомъ удалить, удалить и потомъ приблизить“. Такимъ же образомъ она поступаетъ и на балѣ съ Чичиковымъ. У другихъ тоже состроиваются идеи, какъ себя вести. Одна почтительна. Двѣ дамы, взявшись подъ руки, ходили и рѣшились хохотать, какъ можно дольше. Потомъ нашли, что совсѣмъ у Чичикова нѣтъ манеръ . . . . .[2] хорошихъ.

Дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ любила читать всякія описанія баловъ. Описаніе вѣнскаго конгресса ее очень занимаетъ. Туалетъ любила дама, то есть, замѣчать о другихъ, чтò на комъ хорошо и чтò не хорошо.

Сидя разсматриваютъ входящихъ. „Н. совсѣмъ не умѣетъ одѣваться, совсѣмъ не умѣетъ. Этотъ шарфъ такъ ей не идетъ“. — „Какъ хорошо одѣта губернаторская дочка...“[3] — „Милая, она такъ гадко одѣта“. Ужъ если и такъ...

— Весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней — прообразованіе бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ. Рожденъ балъ и всѣ соединенія. Сторона главная и бальная общества.

Противуположное ему прообразованіе во II [части][4], занятой разорваннымъ бездѣльемъ.

Какъ низвести всѣ міра[5] бездѣлья во всѣхъ родахъ до сходства съ городскимъ бездѣльемъ? и какъ городское бездѣлье возвести до прообразованія бездѣлья міра?

Для [этого][6] включить все[7] сходство и внести постепенный ходъ.

III.

ОКОНЧАНІЕ IX ГЛАВЫ

ВЪ ПЕРЕДѢЛАННОМЪ ВИДѢ.

Судили, судили и рѣшили на томъ, чтобы разспросить покупщиковъ[8], у которыхъ Чичиковъ торговалъ и купилъ эти

загадочныя мертвыя души[1]. Прокурору выпалъ жребій (итти)[2] переговорить къ Собакевичу, а председатель вызвался самъ итти къ Коробочкѣ. А потому отправимся и мы вослѣдъ за ними[3] и посмотримъ, что такое тамъ разузнали.

ГЛАВА...[4]

Собакевичъ квартировалъ съ супругой въ домѣ нѣсколько поодаль отъ шумныхъ мѣстъ. Домъ выбралъ этакой крѣпкій, чтобы потолокъ не проломился и можно бы въ немъ жить благополучно. Хозяинъ былъ купецъ Колотыркинъ, человѣкъ тоже прочный. Собакевичъ былъ съ супругой; дѣтей при немъ не было. Онъ началъ уже скучать и помышлялъ[5] объ отъѣздѣ, ожидалъ только оброка за землю, которую нанимали подъ рѣпу[6] трое городскихъ мѣщанъ, да окончанья какого-то моднаго капота на ватѣ, который вздумала заказать городскому портному супруга. Онъ уже, сидя на креслѣ, начиналъ побранивать и мошенничество, и прихоть, а самъ все глядѣлъ не на жену, а на уголъ печки[7]. Въ это время вошелъ прокуроръ. Собакевичъ сказалъ: „Прошу“, и, приподнявшись[8], сѣлъ опять на стулъ. Прокуроръ подошелъ къ ручкѣ Ѳеодуліи Ивановны и, приложившись къ ней, сѣлъ также на стулъ. Ѳеодулія Ивановна, получивши себѣ на руку поцѣлуй, сѣла также на стулъ[9]. Всѣ три стула были выкрашены зеленой масляной краской, съ малеванными кувшинчиками по уголкамъ.

„Пришелъ съ вами переговорить объ дѣлѣ“, сказалъ прокуроръ.

„Душенька, ступай въ свою комнату! Тамъ тебя, вѣрно, ждетъ портниха“.

Ѳеодулія[10] пошла въ свою комнату.

Прокуроръ началъ такъ: „Позвольте васъ спросить: какого [рода][11] людей продали вы Павлу Ивановичу Чичикову?“

„Какъ, какого рода?“ сказалъ Собакевичъ. „На[12] это крѣпость есть; тамъ означено, какого рода: одинъ каретникъ...“

„По городу, однакожъ“,[13] сказалъ прокуроръ, нѣсколько замявшись: „по городу разнеслись слухи...“[14]

„Много въ городѣ дураковъ, оттого и слухи“, сказалъ спокойно Собакевичъ[15].

„Однакожъ, Михалъ Семенычъ, такіе слухи, что, просто,

голова кружится: что души — не души, что цѣль совсѣмъ не та, чтобы переселить, и что самъ Чичиковъ — загадочный человѣкъ[1]. Оказываются такія подозрѣнія... по городу пошли такіе пересуды...“

„Да позвольте спросить васъ: вы сами баба, что̀ ли?“ спросилъ Собакевичъ.

Этотъ вопросъ озадачилъ прокурора. Онъ[2] самъ у себя никогда еще не спрашивалъ, баба ли онъ, или что̀ другое.

„Вы бы съ этакими запросами посовѣстились даже и приходить ко мнѣ“, сказалъ Собакевичъ.

Прокуроръ началъ извиняться.

„Вы бы пошли къ какимъ-нибудь пряхамъ, что̀ по вечерамъ говорятъ объ вѣдьмахъ. Ужъ если Богъ не далъ о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Что̀ вы въ самомъ дѣлѣ пришли смущать честнаго человѣка? Что̀ я вамъ, въ насмѣшку, что̀ ли?[3] Въ службѣ своей, какъ слѣдуетъ, не упражняетесь; чтобы отечеству какъ-нибудь послужить и на пользу ближнему, — храня товарищей[4], о томъ не думаете; а вотъ только, чтобы быть подальше другихъ. Куда дураки подтолкнутъ, туда и плететесь. Такъ себѣ за ничто и пропадете, и добраго слѣда послѣ васъ не останется“.

Прокуроръ совсѣмъ не нашелся, что̀ отвѣчать на такое неожиданное поученіе. Разбитый въ прахъ и уничтоженный, пошелъ онъ отъ Собакевича; а Собакевичъ ему вслѣдъ: „Убирайся себѣ, собака!“[5]

Въ это время вошла Ѳеодулія. „Что̀ это отъ тебя прокуроръ такъ скоро вышелъ?“ сказала она.

„Угрызенье совѣсти ощутилъ, такъ и вышелъ“, сказалъ Собакевичъ. „Вотъ тебѣ, душа моя, въ глазахъ примѣръ. Какой старый человѣкъ, ужъ и волосъ сѣдой въ головѣ, а я знаю, что онъ до сихъ поръ по чужимъ женамъ ходитъ[6]. У нихъ ужъ обычай[7] у всѣхъ: собаки всѣ. Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще дѣла такія дѣлаютъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду![8] Весь городъ — разбойничій вертепъ. Незачѣмъ[9] намъ здѣсь оставаться больше, уѣдемъ!“[10]

Супруга хотѣла было представить, что еще не готовъ капотъ и нужно купить для праздника какія-то ленты на чепцы[11]; но Собакевичъ сказалъ: „Это, душа моя, все модныя выдумки; они тебя къ добру не доведутъ“. Велѣлъ собирать все въ до-

рогу; самъ пошелъ, вмѣстѣ съ квартальнымъ, къ мѣщанамъ и взялъ съ нихъ оброкъ за рѣпу; потомъ зашелъ къ портнихѣ и взялъ капотъ недошитый, такъ, какъ былъ въ работѣ, съ воткнутой иголкой и ниткой, съ тѣмъ, чтобы дошить его въ деревнѣ, и выѣхалъ изъ города, приговаривая, что опасно даже заѣзжать въ этотъ [городъ][1], потому что мошенникъ сидитъ на мошенникѣ и можно легко самому погрязнуть вмѣстѣ съ ними во всякихъ порокахъ.

Прокуроръ между тѣмъ такъ былъ озадаченъ пріемомъ Собакевича, что недоумѣвалъ[2], какъ и разсказать объ этомъ предсѣдателю.

Но и предсѣдатель тоже немного успѣлъ въ объясненьяхъ. Начать съ того, что, поѣхавши на дрожкахъ, попалъ онъ въ такой грязный и узкій переулокъ, что во всю дорогу то правое колесо выше лѣваго, то лѣвое выше праваго[3]. Отъ этого[4] ударилъ онъ самого себя весьма (сильно)[5] палкой въ подбородокъ, потомъ затылкомъ........[6] и, въ заключенье, забрызгался грязью. Въѣхалъ онъ къ протопопу[7] среди чавканья, шлепанья грязи, свинаго хрюканья.[8] Оставивши дрожки и пробравшись пѣшкомъ позади всякихъ клѣтуховъ, вступилъ, наконецъ, въ сѣни. Здѣсь онъ прежде спросилъ полотенце и вытеръ лицо. Коробочка встрѣтила его такъ же, какъ и Чичикова[9], съ тѣмъ же меланхолическимъ видомъ[10]. На шеѣ у ней было что-то наверчено, въ родѣ фланели. Въ комнатѣ было безчисленное множество мухъ и какое-то отравительное для нихъ блюдо, къ которому они, казалось, уже привыкли. Коробочка попросила его садиться.

Предсѣдатель, начавши сначала тѣмъ, что зналъ нѣкогда ея мужа, потомъ вдругъ перешелъ къ такому вопросу: „Скажите пожалуйста, точно ли къ вамъ, въ ночное время[11], съ пистолетомъ въ рукѣ, пріѣзжалъ одинъ человѣкъ, покушавшійся васъ убить, если вы не отдадите какихъ-то душъ? И не можете ли вы объяснить намъ, какое было его намѣренье?“

„Да ужъ какъ не могу![12] Возьмите вѣдь мое положеніе: двадцать пять рублей бумажками! Вѣдь я не знаю, право: я вдова, я человѣкъ неопытный; меня не трудно обмануть въ дѣлѣ[13], въ которомъ я, признаться вамъ сказать, батюшка, ничего не знаю. Пенькѣ-то я знаю цѣну, сало тоже продала третья“...[14]

„Да разскажите прежде пообстоятельнѣе[1]: какъ это? Пистолеты при немъ были?“

„Нѣтъ, батюшка, пистолетовъ, оборони Богъ, я не видала[2]. А мое дѣло вдовье — я не могу знать, почемъ ходятъ мертвыя души. Ужъ, батюшка, не оставьте, поясните[3], по крайней мѣрѣ, чтобы я знала[4] цѣну-то настоящую“.

„Какую цѣну? Что за цѣна, матушка? Какая цѣна?“

„Да мертвая-то душа почемъ теперь ходитъ?“

„Да она дура отъ роду или рехнулась“, подумалъ предсѣдатель, глядя ей въ глаза[5].

„Что жъ, двадцать пять рублей? Вѣдь я не знаю: можетъ быть, они пятьдесятъ или больше“.

„А покажите бумажку“, сказалъ предсѣдатель и посмотрѣлъ ее противъ свѣта, не фальшивая ли. Но бумажка была — какъ бумажка.

„Да разскажите же вы, какъ онъ у васъ купилъ? чтò купилъ? Я въ голову... ничего не могу сообразить...“

„Купилъ“, сказала Коробочка. „Да вы-то, батюшка, что жъ вы-то не хотите мнѣ сказать, почемъ ходитъ мертвая душа, чтобъ я знала настоящую цѣну мертвыхъ душъ?“

„Да помилуйте, чтò это вы говорите! Гдѣ жъ видано, чтобы мертвыхъ продавали?“[6]

„Да чтò жъ вы цѣны не хотите сказать?“

„Да чтò жъ цѣны? Помилуйте, какая цѣна! Скажите мнѣ сурьезно: какъ было дѣло? Угрожалъ онъ вамъ чѣмъ, хотѣлъ обольстить?“

„Нѣтъ, батюшка; да вы, право... Теперь я вижу, что вы тоже покупщикъ“. — И посмотрѣла подозрительно въ глаза.

„Да я предсѣдатель, матушка, здѣшней палаты...“

„Нѣтъ, батюшка, какъ хотите[7], вы это ужъ того... изволите такъ... хотите сами меня обмануть. Да вѣдь что жъ вамъ изъ того? вѣдь вамъ же хуже. Я бы вамъ продала и птичьихъ [перьевъ][8]: у меня о Рождествѣ и птичьи перья будутъ“.

„Матушка, говорю вамъ, что я предсѣдатель. Чтò мнѣ ваши птичьи перья? Не покупаю ничего“[9].

„Да вѣдь торгъ — честное дѣло“, продолжала Коробочка. „Сегодня я тебѣ, завтра ты мнѣ продашь. Что жъ, если мы

станемъ этакъ другъ друга обманывать, да гдѣ жъ и правда тогда? Вѣдь это передъ Богомъ грѣхъ".

„Матушка, я не покупщикъ, я предсѣдатель!"

„Да Богъ знаетъ. Можетъ быть, вы и предсѣдаете; вѣдь я не знаю. Что жъ? Я вдова. Да что жъ вы такъ разспрашиваете? Нѣтъ, батюшка, я вижу, что вы сами... того... хотите купить ихъ".

„Матушка, я вамъ совѣтую полѣчиться", сказалъ предсѣдатель, разсердившись. „У васъ вотъ недостаетъ..." сказалъ онъ, постучавши себя пальцемъ по лбу, и вышелъ отъ Коробочки.

Коробочка такъ на этомъ и осталась, что это былъ покупщикъ[1], и удивлялась только тому, какой сердитый сталъ народъ на бѣломъ свѣтѣ и какъ трудно бѣдной вдовѣ. Предсѣдатель изломалъ[2] колесо въ дрожкахъ и забрызгался вонючею грязью. Вотъ все, что̀ пріобрѣлъ онъ въ этой неудачной экспедиціи, включая сюда разбитый[3] палкою подбородокъ. Подъѣзжая къ дому, встрѣтилъ онъ прокурора, который тоже ѣхалъ на дрожкахъ не въ духѣ, повѣсивши [голову][4].

„Ну, что̀ узнали отъ Собакевича?"

Прокуроръ повѣсилъ голову и сказалъ[5]: „Во всю жизнь не былъ трактованъ"...

„А что?"

„Оплевалъ совсѣмъ"[6], сказалъ прокуроръ съ огорченнымъ видомъ.

„Какъ?"

„Говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ[7]: ни одного доноса не подалъ на товарищей[8]. Въ другихъ мѣстахъ прокуроръ, что недѣля, посылаетъ доносъ[9]; я выставлялъ: „*челъ*"[10] на всякомъ листкѣ, даже и тогда[11], когда иной разъ и слѣдовало бы подать доносъ[12], — не задерживалъ ни одной бумаги".

Прокуроръ истинно сокрушался[13].

„Такъ что жъ онъ объ Чичиковѣ говоритъ?" сказалъ предсѣдатель.

„Что̀ говоритъ? Бабами назвалъ всѣхъ, обругалъ дураками."[14]

Предсѣдатель задумался. Въ это время подъѣхали третьи дрожки; на нихъ сидѣлъ вицегубернаторъ.

„Господа! я долженъ васъ извѣстить, что нужно быть осторожну. Говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ". И предсѣдатель, и проку-

роръ разинули ротъ. Предсѣдатель подумалъ про себя: „Вотъ кстати пріѣдетъ на расхлебки! Заварили супъ такой, что чортъ и вкусъ въ немъ какой отыщетъ! Увидитъ, какая безтолочь въ городѣ!“ [1]

„Одно за другимъ!“ подумалъ огорченный прокуроръ[2].

„Не знаете о томъ ничего, кто назначенъ въ генералъ-губернаторы, какого нрава, какого свойства?“

„Ничего еще неизвѣстно“, сказалъ (вицегубернаторъ)[3].

Въ это время подъѣхалъ на дрожкахъ почтмейстеръ.

„Господа! могу васъ поздравить съ генералъ-губернаторомъ“[4].

„Слышали, да вѣдь еще неизвѣстно“[4], сказалъ вицегубернаторъ.

„Извѣстно даже и кто“, сказалъ почтмейстеръ: „князь Однозоровскій-Чементинскій“.

„Чтò жъ говорятъ?“

„Строжайшій человѣкъ, судырь мой“, сказалъ почтмейстеръ: „дальновиднѣйшій и крутѣйшаго нрава. Былъ онъ прежде въ какомъ-то эдакомъ, понимаете, казенномъ большомъ построеніи. Завелись тамъ кое-какіе грѣхи. Всѣхъ, сударь, распушилъ, стеръ въ прахъ, такъ что, понимаете, и подметать было нечего“[6].

„А здѣсь въ городѣ нѣтъ никакой надобности въ строгихъ мѣрахъ“.

„Палата, судырь мой, свѣдѣній; человѣкъ размѣра, понимаете, колоссальнаго!“ продолжалъ почтмейстеръ. „Случилось одинъ разъ...“

„Однакожъ“, сказалъ почтмейстеръ: „мы говоримъ на улицѣ при кучерахъ. Лучше жъ заѣдемъ“.

Всѣ опомнились. А ужъ на улицѣ собрались наблюдатели и глядѣли, разинувъ рты, на разговаривающихъ съ четырехъ[7] дрожекъ. Кучера[8] закричали, и четверо дрожекъ потянулись къ предсѣдателю.

„Кстати чортъ принесъ этого Чичикова“, думалъ предсѣдатель[9], снимая съ себя въ передней забрызганную грязью шубу.

„У меня идетъ кругомъ голова“, говорилъ [прокуроръ][10], снимая съ себя шубу.

„Я все не могу разобрать этого дѣла“, сказалъ вицегубернаторъ, скидая шубу.

Почтмейстеръ ничего не сказалъ, сбросилъ просто.

Вошли въ комнату, гдѣ вдругъ явилась закуска. Губернскія власти [не обходятся][1] безъ закуски, и если въ губерніи хоть два чиновника сойдется, самъ-третей является закуска.

Предсѣдатель подошелъ и налилъ себѣ самой горькой полынной водки, сказавши: „Я, хоть убей, не знаю, кто таковъ этотъ Чичиковъ“[2].

„Я и подавно“, сказалъ прокуроръ. „Этакого запутаннаго дѣла я и въ бумагахъ не читывалъ, и не имѣю духу приступить...“

„А какъ человѣкъ между тѣмъ....[3] свѣтскаго лоску“, сказалъ почтмейстеръ, наливая сначала темной и розовой[4] и составивъ себѣ смѣсь изъ разныхъ водокъ: „очевидно былъ въ Парижѣ. Я думаю, что едва ли не дипломатикомъ служилъ“[5].

„Ну, господа!“ сказалъ[6] въ это время, входя, полицеймейстеръ, извѣстный благотворитель города, любимецъ купечества и чудотворецъ въ угощеніяхъ[7]: „Господа! о Чичиковѣ я ничего не могъ узнать. Въ собственныхъ бумагахъ его порыться не могъ[8]: изъ комнаты не выходитъ, чѣмъ-то заболѣлъ[9]. Разспрашивалъ людей. Лакей пришелъ Петрушка, кучеръ Селифанъ. Первый былъ не въ трезвомъ состояніи, да и всегда былъ таковъ“. При этомъ полицеймейстеръ подошелъ къ водкѣ и составилъ смѣсь изъ трехъ водокъ. „Петрушка говоритъ, что баринъ какъ баринъ, водился[10] съ людьми, кажется, хорошими: съ Перекроевымъ... Назвалъ много помѣщиковъ — все коллежскіе и статскіе совѣтники[11]. Кучеръ Селифанъ — „неглупымъ человѣкомъ“, говоритъ, „показывался всѣми[12] за то, что службу хорошо исполнилъ. Былъ въ таможнѣ, при какихъ-то казенныхъ постройкахъ“, а въ какихъ именно — не могъ сказать[13]. Лошади три: „одна куплена“, говоритъ, „три года назадъ тому; сѣрая“, говоритъ, „вымѣнена на сѣрую, третья куплена[14]... А самъ Чичиковъ дѣйствительно называется Павелъ Ивановичъ и точно коллежскій совѣтникъ“.

Всѣ чиновники задумались.

„Порядочный человѣкъ, и коллежскій совѣтникъ“, подумалъ прокуроръ: „и рѣшиться на такое дѣло, какъ увозить губернаторскую дочку, или возымѣть безуміе покупать мертвыя [души][15], пугать по ночамъ спокойныхъ престарѣлыхъ помѣ-

щицъ — это прилично какому-нибудь гусарскому юнкеру, а не коллежскому совѣтнику"[1].

„Если коллежскій совѣтникъ, какъ же пуститься въ такое уголовное преступленіе, какъ дѣлать бумажки!" подумалъ вицегубернаторъ, который былъ самъ коллежскій совѣтникъ, любилъ играть на флейтѣ и душу скорѣй имѣлъ склонную къ искусствамъ изящнымъ, а не къ преступленью[2].

„Воля ваша, господа, а это дѣло какъ-нибудь нужно кончить: пріѣдетъ генералъ-губернаторъ, увидитъ, что у насъ, просто, чортъ знаетъ что̀".

„Какъ же вы думаете поступить?"

Полицеймейстеръ: „Я думаю, надобно поступить рѣшительно".

„Какъ же рѣшительно?" сказалъ предсѣдатель.

„Задержать его, какъ подозрительнаго человѣка"[3].

„А если онъ насъ задержитъ, какъ подозрительныхъ людей?"

„Какъ такъ?"

„Ну, а если онъ подосланъ? Ну, что̀ если онъ съ тайными порученьями?[4] Мертвыя души! Гмъ! Будто купить[5], а, можетъ быть, это — розысканіе обо всѣхъ тѣхъ умершихъ, о которыхъ было подано — „отъ неизвѣстныхъ случаевъ?"

Эти слова погрузили всѣхъ въ молчаніе[6]. Прокурора эти слова поразили. Предсѣдатель тоже, сказавши ихъ, задумался. Обѣимъ прійти...[7]

„Что жъ, какъ поступить, господа?" сказалъ полицеймейстеръ, благотворитель [города][8] и благодѣтель купечества, и, произведши смѣшеніе водки сладкой [и][9] горькой, выпилъ, закусивши.

Человѣкъ подалъ бутылку мадеры и рюмки.

„Я, право, не знаю, какъ поступить", (сказалъ предсѣдатель)[10].

„Господа!" сказалъ почтмейстеръ, выпивши рюмку мадеры и засунувши въ ротъ ломоть голландскаго сыру съ балыкомъ и масломъ: „я того мнѣнья, что это дѣло хорошенько нужно изслѣдовать, разобрать хорошенько, и разобрать камерально[11], — сообща, собравшись всѣмъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ, понимаете, чтобы досконально раскрылось до всѣхъ изгибовъ, понимаете".

„Что жъ, соберемся", сказалъ полицеймейстеръ.

„Да", сказалъ предсѣдатель: „собраться и рѣшить вкупѣ[12], что̀ такое Чичиковъ".

„Это благоразумнѣе всего — рѣшить, что̀ такое Чичиковъ“.

„Да, отберемъ мнѣнья у всѣхъ и рѣшимъ, что̀ такое Чичиковъ“.

Сказавши это, всѣ въ одно время пожелали выпить шампанскаго и разошлись довольные тѣмъ, что комитетъ этотъ все объяснитъ и покажетъ ясно и досконально, что̀ такое Чичиковъ.

IV.

ПОВѢСТЬ О КАПИТАНѢ КОПѢЙКИНѢ.

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій.

„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой“,— такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — „послѣ кампаніи двѣнадцатаго года вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, сударь мой, вы можете себѣ представить[1], ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій; этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете вообразить[2] себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить: я“, можете представить себѣ, „самъ едва достаю хлѣбъ“. Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, сударь мой, въ Петербургъ, чтобы просить Государя, не будетъ ли какой монаршей милости: что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными — словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ: эдакой, какой-нибудь, то есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ. Вдругъ передъ нимъ

свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, (какъ)[1] сказочная Шехерезада, понимаете, эдакая. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми, или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, сударь, да и полно. Понатолкался было насчетъ квартиры, только все это кусается страшно: гардины тамъ, шторы, понимаете, ковры — Персія такая[2]; ну, просто, то есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь четырехъ синенькихъ[3]. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ за рубль въ сутки: обѣдъ — щи эдакіе[4], кусокъ битой говядины. Ну, заживаться, видитъ[5], нечего; на другой же день, сударь мой, рѣшился итти къ министру. А Государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ-за границы[6]. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, потому что платить цирюльнику — все[7] это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, натянулъ свою[8] мундиришку и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ министру[9]. Распросилъ у будочника квартиру[10]. „Вонъ", говоритъ — указалъ ему домъ на Дворцовой набережной: избенка, понимаете, мужичья; стеклышки въ окнахъ, можете себѣ представить, полуторасаженныя зеркала, все это мраморъ, вездѣ[11] металлическія галантереи. Какая-нибудь ручка у дверей[12], что нужно, знаете, забѣжать прежде въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее. Словомъ, сударь мой, гебены, лаки такіе, что просто[13], въ нѣкоторомъ родѣ, ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь, батистовые воротнички, канальство!.. Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззо-

лоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда министръ[1], въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умыванiй эдакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ наконецъ адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ: „министръ“[2], говоритъ, „сейчасъ[3] выйдетъ въ прiемную“. А въ прiемной ужъ, понимаете, народу, какъ бобовъ на тарелкѣ, все это четвертаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстые золотые макароны на эполетахъ — генералитетъ, словомъ, такой... Наконецъ министръ выходитъ. Ну, подошелъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно?“ Наконецъ — къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: „Такъ и такъ, ваше превосходительство, проливалъ, въ нѣкоторомъ родѣ, кровь, лишился, такъ сказать, руки и ноги, работать не могу — осмѣлился просить монаршей милости“. Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ, и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „хорошо“, говоритъ, „понавѣдайтесь на дняхъ“. Вотъ, сударь мой, не прошло четырехъ или пяти дней, мой Копѣйкинъ является опять. Министръ, понимаете, тотчасъ его узналъ: „а!“ говоритъ[4]: „на этотъ разъ ничего не могу вамъ сказать[5], какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать прiѣзда Государя: тогда, безъ сомнѣнiя, будутъ сдѣланы распоряженiя насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать“. Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копѣйкинъ мой, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положенiи, въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ, не получивши, такъ сказать, ни да, ни нѣтъ. А между тѣмъ, можете вообразить себѣ, столичная жизнь становится для него съ каждымъ часомъ затруднительнѣе. Думаетъ себѣ: „пойду опять къ министру: какъ хотите, ваше высокопревосходительство[6], послѣднiй кусокъ доѣдаю; не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода. Приходитъ[7], — говорятъ: „нельзя, министръ[8] не принимаетъ, приходите завтра“; на другой день — тоже, а швейцаръ на него просто и смотрѣть не хочетъ. У моего Копѣйкина всего на всего остается какой-нибудь полтинникъ[9]. То

бывало ѣдалъ щи, говядины кусокъ, а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку или огурецъ соленый да хлѣба на два гроша — словомъ, голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакаго какого-нибудь ресторана, поваръ тамъ собака[1], можете себѣ представить, иностранецъ[2], бѣлье на немъ чистѣйшее голландское[3], работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, — словомъ, разсупе-деликасетъ такой, что просто себя, то есть, съѣлъ[4] отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбузъ — громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей — словомъ, на всякомъ шагу соблазнъ такой, слюнки текутъ — а онъ слышитъ между тѣмъ все: „завтра“. Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а[5] ему подносятъ все одно и тоже блюдо: „завтра“. Наконецъ сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпежъ: рѣшился, во что бы ни стало, пролѣзть къ министру[6]. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ со своей деревяшкой въ пріемную. Министръ, по обыкновенію, выходитъ: „зачѣмъ вы? зачѣмъ вы?“ „А!“ говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: „вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія“. — „Помилуйте, ваше высокопревосходительство: не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба“... „Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать, старайтесь, покамѣстъ, помочь себѣ сами, ищите сами средствъ“. — „Но, ваше высокопревосходительство, сами можете въ нѣкоторомъ родѣ судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги“[7]. Онъ-то хотѣлъ прибавить: „а носомъ и подавно ничего не сдѣлаешь, только развѣ высморкаешься, да и для того нужно купить платокъ“. Только министръ, сударь мой, — или ужъ онъ ему надоѣлъ такъ, или въ самомъ дѣлѣ онъ, можетъ, занятъ былъ дѣлами государственными, — началъ, можете себѣ представить, сердиться. „Ступайте же“, говоритъ: „у меня много такихъ, какъ вы, ожидайте спокойно“. А мой Копѣйкинъ, — голодъ, знаете, пришпорилъ его: „какъ хотите“, говоритъ, „ваше высокопревос-

ходительство, не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите надлежащей резолюціи". И, сударь мой! Можете себѣ представить, министръ вышелъ изъ себя. Въ самомъ дѣлѣ до тѣхъ поръ, можетъ быть, еще не было въ лѣтописяхъ міра, такъ сказать, чтобы какой-нибудь Копѣйкинъ осмѣлился такъ говорить съ министромъ. Можете себѣ представить, каковъ долженъ быть разсерженный министръ, такъ сказать, государственный человѣкъ, въ нѣкоторомъ родѣ. „Грубіянъ!" закричалъ онъ. „Гдѣ фельдъегерь? Позвать фельдъегеря, препроводить его", говоритъ, „съ фельдъегеремъ на мѣсто жительства". А фельдъегерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъаршинный мужичина какой-нибудь; ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ — словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба Божія, схватили[1], сударь мой, да въ телѣжку съ фельдъегеремъ. „Ну", Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то". Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъегерѣ, да, ѣдучи на фельдъегерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Когда министръ", говоритъ, „самъ сказалъ[2], чтобы я поискалъ[3] средствъ помочь себѣ — хорошо", говоритъ, „я", говоритъ, „найду средства". Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куды именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте, господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить завязки романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой, какъ нашъ капитанъ Копѣйкинъ. Набралъ изъ разныхъ бѣглыхъ солдатъ нѣкоторымъ образомъ банду цѣлую. Это было, можете себѣ представить, тотчасъ послѣ войны: все привыкло, знаете, къ распускной жизни, всякому жизнь — копѣйка, забубешь вездѣ такой, хоть трава не рости — словомъ, сударь мой, у него просто армія. По дорогамъ никакого проѣзда нѣтъ, и все это собственно, такъ сказать, устремлено на одно только казенное. Если проѣзжающій по какой-нибудь своей надобности — ну, спросятъ только: „зачѣмъ?" да и ступай своей дорогой. А какъ только какой-

нибудь фуражъ казенный, провіантъ или деньги — словомъ, все, что носитъ, такъ сказать, имя казны — спуска никакого. Ну, можете себѣ представить, казенный карманъ опустошается ужасно. Услышитъ ли, что въ деревнѣ приходитъ срокъ платить казенный оброкъ, — онъ ужъ тамъ. Тотъ же часъ требуетъ къ себѣ старосту: „подавай, братъ, казенные оброки и подати“. Ну, мужикъ видитъ: эдакой безногій чортъ, на воротникѣ-то у него, понимаете, жаръ птица, красное сукно — пахнетъ, чортъ возьми, оплеухой. „На, батюшка, вотъ тебѣ, отвяжись только“. Думаетъ: „ужъ вѣрно какой-нибудь капитанъ-исправникъ, а, можетъ, еще и хуже. Только, сударь мой, деньги, понимаете, приметъ онъ, какъ слѣдуетъ, и тутъ же крестьянамъ пишетъ росписку, чтобы нѣкоторымъ образомъ оправдать ихъ: что деньги точно, молъ, взяты и подати сполна всѣ выплачены, а принялъ вотъ такой-то капитанъ Копѣйкинъ; еще даже и печать свою приложитъ — словомъ, сударь мой, грабитъ, да и полно. Посыланы были нѣсколько разъ команды изловить его, но Копѣйкинъ мой и въ усъ не дуетъ. Голодеры, понимаете, собрались все такіе.... Но наконецъ, можетъ быть, испугавшись, самъ видя, что дѣло, такъ сказать, заварилъ не на шутку и что преслѣдованія ежеминутно усиливались, а между тѣмъ деньжонокъ у него набрался капиталецъ порядочный, онъ, сударь мой, за границу и за границу-то, сударь мой, понимаете, въ Соединенные Штаты. И пишетъ оттуда, сударь мой, письмо къ Государю краснорѣчивѣйшее, какъ только можете вообразить. Въ древности Платоны и Демосѳены какіе-нибудь — все это, можно сказать, тряпка, дьячекъ въ сравненіи съ нимъ. „Не подумай, Государь“, говоритъ: „чтобъ я того и того“... Круглоту періодовъ запустилъ такую... „Необходимость“, говоритъ, „была причиною моего поступка; проливалъ кровь, не щадилъ, нѣкоторымъ образомъ, жизни, и хлѣба, какъ бы сказать, для пропитанія нѣтъ теперь у меня. Не наказуй“, говоритъ, „моихъ сотоварищей, потому что они невинны, ибо вовлечены, такъ сказать, собственно мною, а окажи, лучше монаршую свою милость, чтобы впредь, то есть, если тамъ попадутся раненые, такъ чтобы примѣромъ за ними эдакое, можете себѣ представить, смотрѣніе...“ — словомъ, краснорѣчиво необыкновенно. Ну, Государь, понимаете, былъ тро-

нуть. Дѣйствительно его монаршему сердцу было прискорбно: хотя онъ, точно, былъ преступникъ и достоинъ въ нѣкоторомъ родѣ смертельнаго наказанія, но, видя, такъ сказать, какъ можетъ невинный иногда произойти — подобное упущеніе, да и невозможно впрочемъ, чтобы въ тогдашнее смутное время все было можно вдругъ устроить, одинъ Богъ, можно сказать, только развѣ безъ проступковъ, — словомъ, сударь мой, Государь изволилъ на этотъ разъ оказать безпримѣрное великодушіе: повелѣлъ остановить преслѣдованіе виновныхъ, а въ тоже время издалъ строжайшее предписаніе составить комитетъ исключительно съ тѣмъ, чтобы заняться улучшеніемъ участи всѣхъ, то есть, раненыхъ — и вотъ, сударь мой, это была, такъ сказать, причина, въ силу которой положено было основаніе инвалидному капиталу, обезпечившему, можно сказать, теперь раненыхъ совершенно, такъ что подобнаго попеченія дѣйствительно ни въ Англіи, ни въ разныхъ другихъ просвѣщенныхъ государствахъ не имѣется. Такъ вотъ кто, сударь мой, этотъ капитанъ Копѣйкинъ. Теперь я полагаю вотъ что: въ Соединенныхъ Штатахъ денежки онъ, безъ сомнѣнія, прожилъ да вотъ и воротился къ намъ, чтобы еще какъ-нибудь попробовать, не удастся ли, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, новое предпріятіе.

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

„Послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, сударь ты мой“, — такъ началъ почтмейстеръ, не смотря на то, что въ комнатѣ сидѣлъ не одинъ сударь, а цѣлыхъ шестеро, — „послѣ кампаніи двѣнадцатаго года, вмѣстѣ съ ранеными присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ. Подъ Краснымъ ли, или подъ Лейпцигомъ, только, можете вообразить, ему оторвало руку и ногу. Ну, тогда еще не сдѣлано было насчетъ раненыхъ никакихъ, знаете, эдакихъ распоряженій: этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, гораздо послѣ. Капитанъ Копѣйкинъ видитъ: нужно работать бы, только рука-то у него, понимаете, лѣвая. Навѣдался было домой къ отцу; отецъ говоритъ: „Мнѣ нечѣмъ тебя кормить, я“, можете представить себѣ, „самъ

едва достаю хлѣбъ". Вотъ мой капитанъ Копѣйкинъ рѣшился отправиться, судырь мой, въ Петербургъ, чтобы просить Государя, не будетъ ли какой монаршей милости: „что вотъ де, такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь"... Ну, какъ-то тамъ, знаете, съ обозами или фурами казенными, словомъ, сударь мой, дотащился онъ кое-какъ до Петербурга. Ну, можете представить себѣ, эдакой какой-нибудь, то есть, капитанъ Копѣйкинъ и очутился вдругъ въ столицѣ, которой подобной, такъ сказать, нѣтъ въ мірѣ! Вдругъ передъ нимъ — свѣтъ, такъ сказать, нѣкоторое поле жизни, сказочная Шехерезада[1]. Вдругъ какой-нибудь эдакой, можете представить себѣ, Невскій проспектъ, или тамъ, знаете, какая-нибудь Гороховая, чортъ возьми! или тамъ эдакая какая-нибудь Литейная; тамъ шпицъ эдакой какой-нибудь въ воздухѣ; мосты тамъ висятъ эдакимъ чортомъ, можете представить себѣ, безъ всякаго, то есть, прикосновенія — словомъ, Семирамида, судырь, да и полно! Понатолкался было нанять квартиры, только все это кусается страшно: гардины, шторы, чертовство такое, понимаете, ковры — Персія цѣликомъ: ногой, такъ сказать, попираешь капиталы. Ну, просто, то есть, идешь по улицѣ, а ужъ носъ твой такъ и слышитъ, что пахнетъ тысячами; а у моего капитана Копѣйкина весь ассигнаціонный банкъ, понимаете, состоитъ изъ какихъ-нибудь десяти синюхъ. Ну, какъ-то тамъ пріютился въ Ревельскомъ трактирѣ, за рубль въ сутки: обѣдъ — щи, кусокъ битой говядины. Видитъ, заживаться нечего. Разспросилъ, куда обратиться. Говорятъ, есть, въ нѣкоторомъ родѣ, Высшая Коммиссія, правленье, понимаете, эдакое, и начальникомъ генералъ-аншефъ такой-то. А Государя, нужно вамъ знать, въ то время не было еще въ столицѣ; войска, можете себѣ представить, еще не возвращались изъ Парижа, все было за границей. Копѣйкинъ мой, вставшій поранѣе, поскребъ себѣ лѣвой рукой бороду, — потому что платить цирюльнику — это составитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, счетъ, — натащилъ на себя мундиришка и на деревяшкѣ своей, можете вообразить, отправился къ самому начальнику, къ вельможѣ. Разспросилъ квартиру. „Вонъ", говорятъ, указавъ[2] ему домъ на Дворцовой набережной. Избенка, понимаете, мужичья: стеклушки въ окнахъ, можете себѣ представить, полутора-

саженныя зеркала, такъ что вазы и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажутся какъ бы въ-наружѣ: могъ бы, въ нѣкоторомъ родѣ, достать съ улицы рукой; драгоцѣнные марморы на стѣнахъ, металлическія галантереи, какая-нибудь ручка у дверей, такъ что нужно, знаете, забѣжать напередъ въ мелочную лавочку, да купить на грошъ мыла, да прежде часа два тереть имъ руки, да потомъ уже рѣшишься ухватиться за нее — словомъ: лаки на всемъ такіе — въ нѣкоторомъ родѣ ума помраченіе. Одинъ швейцаръ уже смотритъ генералиссимусомъ: вызолоченная булава, графская физіогномія, какъ откормленный жирный мопсъ какой-нибудь; батистовые воротнички, канальство!... Копѣйкинъ мой встащился кое-какъ съ своей деревяшкой въ пріемную, прижался тамъ въ уголку себѣ, чтобы не толкнуть локтемъ, можете себѣ представить, какую-нибудь Америку или Индію — раззолоченную, понимаете, фарфоровую вазу эдакую. Ну, разумѣется, что онъ настоялся тамъ вдоволь, потому что, можете представить себѣ, пришелъ еще въ такое время, когда генералъ, въ нѣкоторомъ родѣ, едва поднялся съ постели, и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему какую-нибудь серебряную лоханку для разныхъ, понимаете, умываній эдакихъ. Ждетъ мой Копѣйкинъ часа четыре, какъ вотъ входитъ, наконецъ, адъютантъ или тамъ другой дежурный чиновникъ. „Генералъ“, говоритъ, „сейчасъ выйдетъ въ пріемную“. А въ пріемной ужъ народу, какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстый макаронъ блеститъ на эполетѣ — генералитетъ, словомъ, такой. Вдругъ въ комнатѣ, понимаете, пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эѳиръ какой-нибудь тонкій. Раздалось тамъ и тамъ: „шу, шу“, и наконецъ тишина настала страшная. Вельможа входитъ. Ну... можете представить себѣ: государственный человѣкъ! Въ лицѣ, такъ сказать... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете... съ высокимъ чиномъ... такое и выраженье, понимаете. Все, что ни было въ передней, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ, дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ, или вельможа подходитъ къ одному, къ другому: „Зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?“ Наконецъ, судырь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: „Такъ и такъ,

ваше превосходительство: проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу, осмѣливаюсь просить монаршей милости". Министръ видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру: „Хорошо", говоритъ: „понавѣдайтесь на дняхъ". Копѣйкинъ мой выходитъ чуть не въ восторгѣ: одно то, что удостоился аудіенціи, такъ сказать, съ первостатейнымъ вельможею; а другое то, что вотъ теперь наконецъ рѣшится, въ нѣкоторомъ родѣ, насчетъ пенсіона. Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпрыгиваетъ по тротуару. Зашелъ въ Палкинскій трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ, приказалъ подать себѣ котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ съ разными финтерлеями; спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ, однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ, видитъ, идетъ какая-то стройная англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копѣйкинъ, кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ, побѣжалъ было за ней на своей деревяшкѣ, трюхъ, трюхъ, слѣдомъ — „да нѣтъ", подумалъ, „пусть послѣ, когда получу пенсіонъ, теперь ужъ я что-то расходился слишкомъ". Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три, четыре дня является Копѣйкинъ мой снова къ министру, дождался выходу. „Такъ и такъ", говоритъ: „пришелъ", говоритъ, „услышать приказъ вашего высокопревосходительства по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами"... и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ. Вельможа, можете вообразить, тотчасъ его узналъ: „А", говоритъ, „хорошо", говоритъ: „на этотъ разъ ничего не могу сказать вамъ болѣе, какъ только то, что вамъ нужно будетъ ожидать пріѣзда Государя; тогда, безъ сомнѣнія, будутъ сдѣланы распоряженія насчетъ раненыхъ, а безъ монаршей, такъ сказать, воли я ничего не могу сдѣлать". Поклонъ, понимаете, и — прощайте. Копѣйкинъ, можете вообразить себѣ, вышелъ въ положеніи самомъ неопредѣленномъ. Онъ-то уже думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: „На тебѣ, голубчикъ, пей да веселись"; а вмѣсто того ему приказано ждать, да и время не назначено. Вотъ онъ совой такой вышелъ съ крыльца, какъ пудель, понимаете, котораго поваръ облилъ водой: и хвостъ у него между ногъ, и уши повѣсилъ. „Ну, нѣтъ", думаетъ себѣ: „пойду въ другой разъ, объясню,

что послѣдній кусокъ доѣдаю — не поможете, долженъ умереть, въ нѣкоторомъ родѣ, съ голода". Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой, опять на Дворцовую набережную, говорятъ: „Нельзя, не принимаетъ, приходите завтра". На другой день — тоже; а швейцаръ на него, просто, и смотрѣть не хочетъ. А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ. То, бывало, ѣдалъ щи, говядины кусокъ; а теперь въ лавочкѣ возьметъ какую-нибудь селедку, или огурецъ соленой да хлѣба на два гроша, словомъ — голодаетъ бѣдняга, а между тѣмъ аппетитъ, просто, волчій. Проходитъ мимо эдакого какого-нибудь ресторана — поваръ тамъ, можете себѣ представить, иностранецъ, французъ эдакой съ открытой физіогноміей, бѣлье на немъ голландское, фартукъ бѣлизною равный снѣгамъ, работаетъ тамъ фензервъ какой-нибудь, котлетки съ трюфелями, словомъ — разсупе деликасетъ такой, что, просто, себя, то есть, съѣлъ бы отъ аппетита. Пройдетъ ли мимо Милютинскихъ лавокъ, тамъ изъ окна выглядываетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, семга эдакая, вишенки — по пяти рублей штучка, арбузъ — громадище, дилижансъ эдакой, высунулся изъ окна и, такъ сказать, ищетъ дурака, который бы заплатилъ сто рублей, словомъ — на всякомъ шагу соблазнъ такой, слюнки текутъ, а онъ слышитъ, между тѣмъ, все: „завтра". Такъ можете вообразить себѣ, каково его положеніе: тутъ, съ одной стороны, такъ сказать, семга и арбузъ, а съ другой-то ему подносятъ все одно и то же блюдо: „завтра". Наконецъ сдѣлалось бѣднягѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, не въ терпежъ, рѣшился во что бы ни стало пролѣзть штурмомъ, понимаете. Дождался у подъѣзда, не пройдетъ ли еще какой проситель, и тамъ съ какимъ-то генераломъ, понимаете, проскользнулъ съ своей деревяшкой въ пріемную. Вельможа, по обыкновенію, выходитъ: „Зачѣмъ вы? Зачѣмъ вы?" „А!" говоритъ, увидѣвши Копѣйкина: „вѣдь я уже объявилъ вамъ, что вы должны ожидать рѣшенія". — „Помилуйте, ваше высокопревосходительство, — не имѣю, такъ сказать, куска хлѣба..." — „Что жъ дѣлать? Я для васъ ничего не могу сдѣлать; старайтесь покамѣстъ помочь себѣ сами, ищите сами средствъ". — „Но, ваше высокопревосходительство, сами можете, въ нѣкоторомъ родѣ, судить, какія средства могу сыскать, не имѣя ни руки, ни ноги". — „Но," говоритъ сановникъ, „согласитесь:

я не могу васъ содержать, въ нѣкоторомъ родѣ, на свой счетъ; у меня много раненыхъ, всѣ они имѣютъ равное право... Вооружитесь терпѣніемъ. Пріѣдетъ Государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ". — „Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать", говоритъ Копѣйкинъ и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношеніи, грубо. Вельможѣ, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы ожидаютъ рѣшеній, приказаній; дѣла, такъ сказать, важныя, государственныя, требующія самоскорѣйшаго исполненія, — минута упущенія[1] можетъ быть важна, — а тутъ еще привязался съ боку неотвязчивый чортъ. — „Извините", говоритъ: „мнѣ некогда... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ". Напоминаетъ способомъ, въ нѣкоторомъ родѣ, тонкимъ, что пора, наконецъ, и выйти. А мой Копѣйкинъ, — голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: „Какъ хотите, ваше высокопревосходительство", говоритъ, „не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцію". Ну... можете представить: отвѣчать такимъ образомъ вельможѣ, которому стоитъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетѣлъ вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ, однимъ чиномъ поменьше, подобное, такъ ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ каковъ: генералъ-аншефъ и какой-нибудь капитанъ Копѣйкинъ! 90 рублей и нуль! Генералъ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружіе: души ужъ нѣтъ — ужъ она ушла въ пятки. А мой Копѣйкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанный. „Что же вы?" говоритъ генералъ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ, сказать правду, обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дня три вертѣлась бы послѣ того улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: „Хорошо", говоритъ: „если вамъ здѣсь дорого жить и вы не можете въ столицѣ покойно ожидать рѣшенья вашей участи, такъ я васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъегеря! препроводить его на мѣсто жительства!" А фельдъегерь ужъ тамъ, понимаете, и стоитъ: трехъ-аршинный мужичина какой-нибудь, ручища у него, можете вообразить, самой натурой устроена для ямщиковъ, — словомъ, дантистъ эдакой... Вотъ его, раба божія, схватили, сударь мой, да

въ телѣжку, съ фельдъегеремъ. „Ну", Копѣйкинъ думаетъ, „по крайней мѣрѣ не нужно платить прогоновъ, спасибо и за то". Вотъ онъ, сударь мой, ѣдетъ на фельдъегерѣ, да, ѣдучи на фельдъегерѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, разсуждаетъ самъ себѣ: „Когда генералъ говоритъ, чтобы я поискалъ самъ средствъ помочь себѣ, — хорошо," говоритъ, „я", говоритъ, „найду средства!" Ну, ужъ какъ только его доставили на мѣсто и куда именно привезли, ничего этого неизвѣстно. Такъ, понимаете, и слухи о капитанѣ Копѣйкинѣ канули въ рѣку забвенія, въ какую-нибудь эдакую Лету, какъ называютъ поэты. Но, позвольте господа, вотъ тутъ-то и начинается, можно сказать, нить, завязка романа. Итакъ, куда дѣлся Копѣйкинъ, неизвѣстно; но не прошло, можете представить себѣ, двухъ мѣсяцевъ, какъ появилась въ рязанскихъ лѣсахъ шайка разбойниковъ, и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, не кто другой...

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА

или

МЕРТВЫЯ ДУШИ.

ПОЭМА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

(ВЪ ОДНОЙ ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ РЕДАКЦІЙ.)

ГЛАВА I.

Зачѣмъ же выставлять на показъ бѣдность нашей жизни и наше грустное несовершенство, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства? Что̀ жъ дѣлать, если такого свойства сочинитель и такъ уже заболѣлъ онъ самъ своимъ несовершенствомъ, и такъ уже устроенъ талантъ его, чтобы изображать ему бѣдность нашей жизни, выкапывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ закоулковъ государства! И вотъ опять попали мы въ глушь, опять наткнулись на закоулокъ. Зато какая глушь и какой закоулокъ!

На тысячу слишкомъ верстъ неслись, извиваясь, горныя возвышенія. Точно какъ бы исполинскій валъ какой-то безконечной крѣпости, возвышались они надъ равнинами то желтоватымъ отломомъ, въ видѣ стѣнъ, съ промоинами и рытвинами, то зеленой кругловидной выпуклостію, покрытой, какъ мерлушками, молодымъ кустарникомъ, подымавшимся отъ срубленныхъ деревъ, то, наконецъ, темнымъ лѣсомъ, еще уцѣлѣвшимъ отъ топора. Рѣка, вѣрная своимъ высокимъ берегамъ, давала вмѣстѣ съ ними углы и колѣна по всему пространству; но иногда уходила отъ нихъ прочь, въ луга, затѣмъ, чтобы, извившись тамъ въ нѣсколько извивовъ, блеснуть, какъ огонь, передъ солнцемъ, скрыться въ рощи березъ, осинъ и ольхъ и выбѣжать оттуда въ торжествѣ, въ сопровожденьи мостовъ, мельницъ и плотинъ, какъ бы гонявшихся за нею на всякомъ поворотѣ.

Въ одномъ мѣстѣ крутой бокъ возвышеній воздымался выше прочихъ и весь отъ низу до верху убирался въ зелень столпившихся густо деревъ. Тутъ было все вмѣстѣ: и кленъ, и груша, и низкорослый ракитникъ, и чилига, и березка, и ель, и рябина, опутанная хмелемъ; тутъ...[1] мелькали красныя крышки

господскихъ строеній, коньки и гребни сзади скрывшихся избъ и верхняя надстройка господскаго дома, а надъ всей этой кучей деревъ и крышъ старинная церковь возносила своихъ пять играющихъ верхушекъ. На всѣхъ ихъ были золотые прорѣзные кресты, золотыми прорѣзными цѣпями прикрѣпленные къ куполамъ, такъ что издали сверкало какъ бы на воздухѣ ни къ чему не прикрѣпленное, висѣвшее золото. И вся эта куча деревъ, крышъ, вмѣстѣ съ церковью, опрокинувшись верхушками внизъ, отдавалась въ рѣкѣ, гдѣ картинно-безобразныя старыя ивы, однѣ, стоя у береговъ, другія совсѣмъ въ водѣ, опустивши туда и вѣтви, и листья, точно какъ бы разсматривали это изображенье, которымъ не могли налюбоваться во все продолженье своей многолѣтней жизни.

Видъ былъ очень недуренъ, но видъ сверху внизъ, съ надстройки дома на равнины и отдаленья, былъ еще лучше. Равнодушно не могъ выстоять на балконѣ[1] никакой гость и посѣтитель: у него захватывало въ груди, и онъ могъ только произнесть: „Господи, какъ здѣсь просторно!“ Пространства открывались безъ конца. За лугами, усѣянными рощами и водяными мельницами, зеленѣли и синѣли густые лѣса, какъ моря или туманъ, далеко разливавшійся. За лѣсами, сквозь мглистый воздухъ, желтѣли пески. За песками лежали гребнемъ на отдаленномъ небосклонѣ мѣловыя горы, блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце[2]. Кое-гдѣ дымились по нимъ легкія туманно-сизыя пятна. Это были отдаленныя деревни; но ихъ уже не могъ разсмотрѣть человѣческій глазъ, — только вспыхивавшая, подобно искрѣ[3], золотая церковная маковка давала знать[4], что это было людное, большое[5] селенье. Все это облечено было въ тишину невозмущаемую, которую не пробуждали даже чуть долетавшіе до слуха отголоски воздушныхъ пѣвцовъ, наполнявшихъ воздухъ. Словомъ, не могъ равнодушно выстоять на балконѣ никакой гость и посѣтитель, и послѣ какого-нибудь двухчасоваго созерцанія издавалъ онъ то же самое восклицаніе, какъ и въ первую минуту: „Силы небесъ, какъ здѣсь просторно!“

Кто жъ былъ жилецъ этой деревни, къ которой, какъ къ неприступной крѣпости, нельзя было и подъѣхать отсюда, а нужно было подъѣзжать съ другой стороны — полями, хлѣ-

бами и, наконецъ, рѣдкой дубровой, раскинутой картинно по зелени, вплоть до самыхъ избъ и господскаго дома, — кто былъ жилецъ, господинъ и владѣтель этой деревни? Какому счастливцу принадлежалъ этотъ закоулокъ?

А помѣщику Тремалаханскаго уѣзда Андрею Ивановичу Тѣнтѣтникову, молодому, тридцатитрехлѣтнему господину, коллежскому секретарю, неженатому, холостому человѣку.

Что же за человѣкъ такой, какого нрава, какихъ свойствъ и какого характера былъ помѣщикъ Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ?

Разумѣется, слѣдуетъ разспросить у сосѣдей. Сосѣдъ, принадлежавшій къ фамиліи отставныхъ штабъ-офицеровъ, брандеровъ, выражался о немъ лаконическимъ выраженьемъ: „Естественнѣйшій скотина!“ Генералъ, проживавшій въ десяти верстахъ, говорилъ: „Молодой человѣкъ не глупый, но много забралъ себѣ въ голову. Я бы могъ быть ему полезнымъ, потому что у меня и въ Петербургѣ, и даже при...“ Генералъ рѣчи не оканчивалъ. Капитанъ-исправникъ замѣчалъ: „Да вѣдь чинишка на немъ — дрянь; а вотъ я завтра же къ нему за недоимкой!“ Мужикъ его деревни, на вопросъ о томъ, какой у нихъ баринъ, ничего не отвѣчалъ. Словомъ, общественное мнѣнье о немъ было скорѣй неблагопріятное, чѣмъ благопріятное.

А, между тѣмъ, въ существѣ своемъ Андрей Ивановичъ былъ не то доброе, не то дурное существо, а просто — коптитель неба. Такъ какъ уже не мало есть на бѣломъ свѣтѣ людей, коптящихъ небо, то почему жъ и Тѣнтѣтникову не коптить его? Впрочемъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, весь журналъ его дня, и пусть изъ него судитъ читатель самъ, какой у него былъ характеръ.

Поутру просыпался онъ очень поздно и, приподнявшись, долго еще сидѣлъ на своей кровати, протирая глаза. Глаза же, какъ на бѣду, были довольно маленькіе, и потому протиранье ихъ производилось необыкновенно долго. Во все это время у дверей стоялъ человѣкъ Михайло, съ рукомойникомъ и полотенцемъ. Стоялъ этотъ бѣдный Михайло часъ, другой[1], отправлялся потомъ на кухню, потомъ вновь приходилъ, — баринъ все еще протиралъ глаза и сидѣлъ на кровати. Наконецъ, подымался онъ съ постели, умывался, надѣвалъ ха-

латъ и выходилъ въ гостиную затѣмъ, чтобы пить чай, кофій, какао и даже парное молоко, всего прихлебывая понемногу, накрошивая хлѣба безжалостно и насоривая повсюду трубочной золы безсовѣстно. Два часа просиживалъ онъ за чаемъ; этого мало: онъ бралъ еще холодную чашку и съ ней подвигался къ окну, обращенному на дворъ. У окна же происходила всякій день слѣдующая сцена.

Прежде всего ревѣлъ небритый буфетчикъ Григорій, относившійся къ Перфильевнѣ, ключницѣ, въ сихъ выраженіяхъ: „Душонка ты мелкопомѣстная! ничтожность этакая! Тебѣ бы, гнусной бабѣ, молчать да и только“.

„Ужъ тебя-то не послушаюсь, ненасытное горло!“ выкрикивала ничтожность, или Перфильевна.

„Да вѣдь съ тобой никто не уживется: вѣдь ты и съ прикащикомъ сцѣпишься, мелочь ты анбарная!“ ревѣлъ Григорій.

„Да и прикащикъ — воръ такой же, какъ и ты!“ выкрикивала ничтожность, такъ что было на деревнѣ слышно. „Вы оба піющіе, губители господскаго, бездонныя бочки! Ты думаешь, баринъ не знаетъ васъ? Вѣдь онъ здѣсь, вѣдь онъ все слышитъ“.

„Гдѣ баринъ?“

„Да вотъ онъ сидитъ[1] у окна; онъ все видитъ“.

И, точно, баринъ сидѣлъ у окна и все видѣлъ.

Къ довершенію этого, кричалъ кричмя дворовый ребятишка, получившій отъ матери затрещину; визжалъ борзой кобель, присѣвъ задомъ къ землѣ, по поводу горячаго кипятка, которымъ обкатилъ его, выглянувши изъ кухни, поваръ; словомъ, все голосило и верещало невыносимо. Баринъ все видѣлъ и слышалъ, и только тогда, когда это дѣлалось до такой степени невыносимо, что даже мѣшало барину ничѣмъ не заниматься, высылалъ онъ сказать, чтобы шумѣли потише.

За два часа до обѣда Андрей Ивановичъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ затѣмъ, чтобы заняться сурьезно и, дѣйствительно, занятіе было, точно, сурьезное. Оно состояло въ обдумываніи сочиненія, которое уже издавна и постоянно обдумывалось. Сочиненіе это долженствовало обнять всю Россію со всѣхъ точекъ — съ гражданской, политической, религіозной, философической, разрѣшить затруднительные задачи и

вопросы, заданные ей временемъ, и опредѣлить ясно ея великую будущность; словомъ, большаго объема. Но покуда все оканчивалось однимъ обдумываніемъ: изгрызалось перо, являлись на бумагѣ рисунки и потомъ все это отодвигалось на сторону, бралась, на мѣсто того, въ руки книга и уже не выпускалась до самаго обѣда. Книга эта читалась вмѣстѣ съ супомъ, соусомъ, жаркимъ и даже съ пирожнымъ, такъ что иныя блюда оттого стыли, а другія принимались вовсе нетронутыми. Потомъ слѣдовала прихлебка чашки кофію съ трубкой; потомъ игра въ шахматы съ самимъ собой. Что̀ же дѣлалось потомъ до самаго ужина, право, уже и сказать трудно. Кажется, просто, ничего не дѣлалось.

И этакъ проводилъ время одинъ одинешенекъ въ цѣломъ [мірѣ][1] молодой тридцатитрехлѣтній человѣкъ, сидень сиднемъ, въ халатѣ, безъ галстука. Ему не гулялось, не ходилось, не хотѣлось даже подняться вверхъ — взглянуть на отдаленности и виды, не хотѣлось растворять окна затѣмъ, чтобы забрать свѣжаго воздуха въ комнату; и прекрасный видъ деревни, которымъ не могъ равнодушно любоваться никакой посѣтитель, точно не существовалъ для самого хозяина.

Изъ этого журнала читатель можетъ видѣть, что Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ принадлежалъ къ семейству тѣхъ людей, которыхъ на Руси много, которымъ имена — увальни, лежебоки, байбаки и тому подобныя. Родятся ли уже сами собою такіе характеры, или создаются потомъ, это еще вопросъ. Я думаю, что лучше, вмѣсто отвѣта, разсказать исторію дѣтства и воспитанья Андрея Ивановича.

Въ дѣтствѣ былъ онъ остроумный, талантливый мальчикъ, то живой, то задумчивый. Счастливымъ или несчастливымъ случаемъ попалъ онъ въ такое училище, гдѣ былъ директоромъ человѣкъ, въ своемъ родѣ необыкновенный, не смотря на нѣкоторыя причуды. Александръ Петровичъ имѣлъ даръ слышать природу русскаго человѣка и зналъ языкъ, которымъ нужно говорить съ нимъ. Никто изъ дѣтей не уходилъ отъ него съ повиснувшимъ носомъ; напротивъ, даже послѣ строжайшаго выговора, чувствовалъ онъ какую-то бодрость и желанье загладить сдѣланную[2] пакость и проступокъ. Толпа воспитанниковъ его была съ виду такъ шаловлива, развязна и жива, что можно было принять ее за необузданную воль-

ницу; но онъ обманулся бы: власть одного слишкомъ была сильна въ этой вольницѣ. Не было проказника и шалуна, который бы не пришелъ къ нему самъ и не разсказалъ всего, что̀ ни напроказилъ. Малѣйшее движенье ихъ помышленій было ему извѣстно. Во всемъ поступалъ онъ необыкновенно. Онъ говорилъ, что прежде всего слѣдуетъ пробудить въ человѣкѣ честолюбіе, — честолюбье называлъ онъ силою, толкающею впередъ человѣка, — безъ котораго не подвигнешь его на дѣятельность. Многихъ рѣзвостей и шалостей онъ не удерживалъ вовсе: въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ начало развитія свойствъ душевныхъ[1]. Они были ему нужны затѣмъ, чтобы видѣть, что̀ такое именно таится въ ребенкѣ. Такъ умный врачъ глядитъ спокойно на появляющіеся временные припадки и сыпи, показывающіяся на тѣлѣ, не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, дабы[2] узнать достовѣрно, что̀ заключено внутри человѣка[3].

Учителей у него было немного: бо̀льшую часть наукъ читалъ онъ самъ, и надо сказать правду, что, безъ всякихъ педантскихъ терминовъ, огромныхъ[4] воззрѣній и взглядовъ, которыми любятъ пощеголять молодые профессора, онъ умѣлъ въ немногихъ словахъ передать самую душу науки, такъ что и малолѣтнему было очевидно, на что̀ именно ему нужна наука. Онъ утверждалъ, что всего нужнѣе человѣку наука жизни, что, узнавъ ее, онъ узнаетъ тогда самъ, чѣмъ онъ долженъ заняться преимущественнѣе[5].

Эту-то науку жизни сдѣлалъ онъ предметомъ отдѣльнаго курса воспитанія, въ который поступали только одни самые отличные. Малоспособныхъ выпускалъ онъ на службу изъ перваго класса, утверждая, что ихъ не нужно много мучить: довольно съ нихъ, если пріучились быть терпѣливыми, работящими исполнителями, не пріобрѣтая заносчивости и всякихъ видовъ вдаль. „Но съ умниками, но съ даровитыми мнѣ нужно долго повозиться“, обыкновенно говорилъ онъ. И становился въ этомъ курсѣ совершенно другой Александръ Петровичъ и съ первыхъ же разъ возвѣщалъ, что доселѣ онъ требовалъ отъ нихъ простаго ума, теперь потребуетъ ума высшаго, — не того ума, который умѣетъ подтрунить надъ дуракомъ и посмѣяться, но умѣющаго вынесть всякое оскорбленіе, спустить дураку, не раздражиться. Здѣсь-то сталъ онъ требовать

того, что другіе требуютъ отъ дѣтей. Это-то называлъ онъ высшей степенью ума. Сохранить посреди какихъ бы то ни было огорченій высокій покой, въ которомъ вѣчно долженъ пребывать человѣкъ, — вотъ что̀ называлъ онъ умомъ. Въ этомъ-то курсѣ Александръ Петровичъ показалъ, что знаетъ точно науку жизни. Изъ наукъ были избраны только тѣ, которыя способны образовать изъ человѣка гражданина земли своей. Большая часть лекцій состояла въ разсказахъ о томъ, что̀ ожидаетъ впереди человѣка на всѣхъ поприщахъ и ступеняхъ государственной службы и частныхъ занятій[1]. Всѣ огорченья и преграды, какія только воздвигаются человѣку на пути его, всѣ искушенья и соблазны, ему предстоящіе, собиралъ онъ предъ нимъ во всей наготѣ, не скрывая ничего. Все было ему извѣстно, точно какъ бы перебылъ онъ самъ во всѣхъ званьяхъ и должностяхъ. Словомъ, чертилъ онъ предъ ними вовсе не радужную будущность. Странное дѣло! оттого ли, что честолюбіе уже такъ сильно было въ нихъ возбуждено; оттого ли, что уже въ самыхъ глазахъ необыкновеннаго наставника было что-то говорящее юношѣ *впередъ!* — это чудное словцо, производящее такія чудеса надъ русскимъ человѣкомъ[2], — то ли, другое ли, но юноша съ самаго начала искалъ только трудностей, алча дѣйствовать только тамъ, гдѣ трудно, гдѣ нужно было показать большую силу души. Было что-то трезвое въ ихъ жизни. Александръ Петровичъ дѣлалъ съ ними всякіе опыты и пробы, наносилъ имъ то самъ чувствительныя оскорбленія, то посредствомъ ихъ же товарищей; но, проникнувши это, они становились еще осторожнѣй. Изъ этого курса вышло немного, но эти немногіе были крѣпыши, были обкуренные порохомъ люди. Въ службѣ они удержались на самыхъ шаткихъ мѣстахъ, тогда какъ многіе, гораздо ихъ умнѣйшіе, не вытерпѣвъ, бросили службу изъ-за мелочныхъ личныхъ непріятностей, бросили вовсе, или же, не вѣдая ничего, очутились въ рукахъ взяточниковъ и плутовъ. Но воспитанные Александ[ромъ Петровичемъ][3] не только не пошатнулись, но умудренные познаньемъ человѣка и души возымѣли высокое нравственное вліяніе даже на взяточниковъ и дурныхъ людей.

Но этого ученья не удалось попробовать бѣдному Андрею Ивановичу. Только-что онъ былъ удостоенъ перевода въ этотъ

высшій курсъ, какъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ, — вдругъ несчастіе: необыкновенный наставникъ, котораго одно одобрительное слово уже бросало его въ сладкій трепетъ, скоропостижно заболѣлъ и умеръ. Все перемѣнилось въ училищѣ. На мѣсто Александра Петровича поступилъ какой-то Ѳедоръ Ивановичъ, человѣкъ добрый и старательный, но совершенно другаго взгляда на вещи. Въ свободной развязности дѣтей перваго курса почудилось ему что-то необузданное. Началъ онъ заводить между ними какіе-то внѣшніе порядки, требовалъ, чтобы молодой народъ пребывалъ въ какой-то безмолвной тишинѣ, чтобы ни въ какомъ случаѣ иначе всѣ не ходили, какъ попарно; началъ даже самъ аршиномъ размѣрять разстоянье отъ пары до пары. За столомъ, для лучшаго вида, разсадилъ всѣхъ по росту, а не по уму, такъ что осламъ доставались лучшіе куски, умнымъ — оглодки. Все это произвело ропотъ, особенно, когда новый начальникъ, точно какъ наперекоръ своему предмѣстнику, объявилъ, что для него умъ и хорошіе успѣхи въ наукахъ ничего не значатъ, что онъ смотритъ только на поведенье, что если человѣкъ и плохо учится, но хорошо ведетъ себя, онъ предпочтетъ его умнику. Но именно того-то и не получилъ Ѳедоръ Ивановичъ, чего добивался. Завелись шалости потаенныя, которыя, какъ извѣстно, хуже открытыхъ: все было въ струнку днемъ, а по ночамъ — кутежи.

Въ большомъ курсѣ онъ тоже все переворотилъ вверхъ дномъ. Съ самыми благими намѣреніями, завелъ онъ всякія нововведенія — и все[1] невпопадъ. Выписалъ новыхъ преподавателей, съ новыми взглядами и новыми точками воззрѣній. Читали они учено, забросали слушателей множествомъ новыхъ терминовъ и словъ; была и ученость, и слѣдованье за новыми открытіями, но, увы! не было только жизни въ самой наукѣ. Мертвечиной стало все это казаться въ глазахъ уже начинавшихъ понимать слушателей. Все пошло навыворотъ. Но хуже всего было то, что потерялось уваженье къ начальству и власти: стали насмѣхаться и надъ наставниками, и надъ преподавателями, директора стали называть Ѳедькой, булкой и другими разными именами; завелись[2] такія дѣла, что нужно было многихъ выключить и выгнать.

Андрей Ивановичъ былъ нрава тихаго. Онъ не участвовалъ въ ночныхъ оргіяхъ съ товарищами, которые, не смотря на

строжайшій присмотръ, завели на сторонѣ любовницу,— одну на восемь человѣкъ, — ни даже въ другихъ шалостяхъ, доходившихъ до кощунства и насмѣшекъ надъ самою религіей изъ-за того только, что директоръ требовалъ частаго хожденья въ церковь. Но онъ повѣсилъ носъ. Честолюбіе было возбуждено въ немъ сильно, а дѣятельности и поприща ему не было. Лучше бъ было и не возбуждать его! Онъ слушалъ горячившихся на каѳедрѣ профессоровъ и вспоминалъ прежняго наставника, который, не горячась, умѣлъ говорить понятно. Онъ слушалъ и химію, и философію правъ и профессорскія углубленія во всѣ тонкости политическихъ наукъ, и всеобщую исторію человѣчества въ такомъ огромномъ видѣ, что профессоръ въ три года успѣлъ только прочесть введеніе да развитіе общинъ какихъ-то нѣмецкихъ городовъ; но все это оставалось въ головѣ его какими-то безобразными клочками. Благодаря природному уму, онъ чувствовалъ только, что[1] не такъ должно преподаваться, а какъ — не зналъ. И вспоминалъ онъ часто объ Александрѣ Петровичѣ, и ему бывало такъ грустно, что не зналъ онъ, куда дѣться отъ тоски.

Но у молодости есть будущее. По мѣрѣ того, какъ приближалось время къ выпуску, сердце у него билось. Онъ говорилъ себѣ: „Вѣдь это еще не жизнь; это только приготовленье къ жизни: настоящая жизнь на службѣ; тамъ подвиги“. И, по обычаю всѣхъ честолюбцевъ, понесся онъ въ Петербургъ, куда, какъ извѣстно, стремится ото всѣхъ сторонъ Россіи наша пылкая молодежь — служить, блистать, выслуживаться, или же, просто, схватывать вершки безцвѣтнаго, холоднаго, какъ ледъ, общественнаго обманчиваго образованья. Честолюбивое стремленіе Андрея Ивановича осадилъ, однакоже, съ самаго начала его дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ Онуфрій Ивановичъ. Онъ объявилъ, что главное дѣло — въ хорошемъ почеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные люди[2]; а Тѣнтѣтниковъ писалъ тѣмъ самымъ письмомъ, о которомъ говорятъ: „Писала сорока лапой, а не человѣкъ.“ Съ большимъ трудомъ и съ помощью дядиныхъ протекцій, проведя два мѣсяца въ каллиграфическихъ урокахъ, досталъ онъ, наконецъ, мѣсто списывателя бумагъ въ какомъ-то департаментѣ. Когда взошелъ онъ въ свѣтлый залъ, гдѣ за письменными лакированными сто-

лами сидѣли пишущіе господа, шумя перьями и наклоня голову на бокъ, и когда посадили его самого, предложа ему тутъ же переписать какую-то бумагу, — необыкновенно странное чувство его проникнуло. Ему на время показалось, какъ бы онъ очутился въ какой-то малолѣтней школѣ, затѣмъ, чтобы сызнова учиться азбукѣ. Сидѣвшіе вокругъ его господа показались ему такъ похожими на учениковъ! Иные изъ нихъ читали романъ, засунувъ его въ большіе листы разбираемаго дѣла, какъ бы занимались они самымъ дѣломъ, и въ то же время вздрагивая при всякомъ появленьи начальника. Ему вдругъ представилось, какъ невозвратно-потерянный рай, школьное время его: такъ высокими сдѣлались вдругъ занятья ученьемъ передъ этимъ мелкимъ письменнымъ занятьемъ! Какъ это учебное приготовленье къ службѣ[1] казалось ему теперь выше самой службы! И вдругъ предсталъ въ его мысляхъ, какъ живой, его ни съ кѣмъ несравненный, чудесный воспитатель, никѣмъ незамѣнимый Александръ Петровичъ, и въ три ручья потекли вдругъ слезы изъ глазъ его, закружилась комната, потемнѣли столы, перемѣшались чиновники, и чуть не упалъ онъ отъ мгновеннаго потемнѣнья. „Нѣтъ“, сказалъ онъ въ себѣ, очнувшись: „примусь за дѣло, какъ бы оно ни казалось вначалѣ мелкимъ!“ Скрѣпясь духомъ и сердцемъ, рѣшился онъ служить по примѣру прочихъ.

Гдѣ не бываетъ наслажденій? Живутъ они и въ Петербургѣ, не смотря на суровую, сумрачную его наружность. Трещитъ по улицамъ сердитый тридцатиградусный морозъ, визжитъ отчаяннымъ бѣсомъ вѣдьма-вьюга, нахлобучивая на голову воротники шубъ и шинелей, пудря усы людей и морды скотовъ; но привѣтливо свѣтитъ вверху окошко гдѣ-нибудь, даже и въ четвертомъ этажѣ; въ уютной комнатѣ, при скромныхъ стеариновыхъ свѣчкахъ, подъ шумокъ самовара, ведется согрѣвающій и сердце, и душу разговоръ, читается вдохновенная, свѣтлая страница поэта, какими наградилъ Богъ свою Россію, и такъ возвышенно-пылко трепещетъ молодое сердце юноши, какъ не случается нигдѣ въ другихъ земляхъ и подъ полуденнымъ роскошнымъ небомъ.

Скоро Тѣнтѣтниковъ свыкнулся съ службою, но только она сдѣлалась у него не первымъ дѣломъ и цѣлью, какъ онъ полагалъ было вначалѣ, но чѣмъ-то вторымъ. Она служила

ему лучшимъ распредѣленьемъ времени, заставивъ его болѣе дорожить остававшимися минутами. Дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ, начиналъ было думать, что въ племянникѣ будетъ прокъ, какъ вдругъ племянникъ подгадилъ. Надобно сказать, что въ числѣ друзей Андрея Ивановича попалось два человѣка, которые были то, что̀ называется огорченные люди. Это были тѣ безпокойно-странные характеры, которые не могутъ переносить равнодушно не только несправедливостей, но даже и всего того, что кажется въ ихъ глазахъ несправедливостью. Добрые по началу[1], но безпорядочные сами въ своихъ дѣйствіяхъ, они исполнены нетерпимости къ другимъ. Пылкая рѣчь ихъ и благородный образъ негодованья подѣйствовали на него сильно. Разбудивши въ немъ нервы и духъ раздражительности, они заставили замѣчать всѣ тѣ мелочи, на которыя онъ прежде и не думалъ обращать вниманіе. Ѳедоръ Николаичъ[2] Лѣницынъ, начальникъ того отдѣленья, въ которомъ онъ числился, человѣкъ наипріятнѣйшей наружности, вдругъ ему не понравился. Онъ сталъ отыскивать въ немъ бездну недостатковъ и возненавидѣлъ его за то, будто бы онъ выражалъ въ лицѣ своемъ черезчуръ много сахару, когда говорилъ съ высшимъ, и тутъ же[3], оборотившись къ низшему, становился весь уксусъ. „Я бы ему простилъ,“ говорилъ Тѣнтѣтниковъ: „если бы эта перемѣна происходила не такъ скоро въ его лицѣ; но какъ тутъ же, при моихъ глазахъ, и сахаръ, и уксусъ въ одно и то же время!“ Съ этихъ поръ онъ сталъ замѣчать всякій шагъ. Ему казалось, что и важничалъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ уже черезчуръ, что имѣлъ даже всѣ замашки мелкихъ начальниковъ, бралъ на замѣчанье тѣхъ, которые не являлись къ нему съ поздравленьемъ въ праздники, даже мстилъ всѣмъ тѣмъ, которыхъ имена не находились у швейцара на листѣ, и множество разныхъ тѣхъ грѣшныхъ принадлежностей, безъ которыхъ не обходится ни добрый, ни злой человѣкъ. Онъ чувствовалъ къ нему отвращенье нервическое. Какой-то злой духъ толкалъ его сдѣлать что-нибудь непріятное Ѳедору Ѳедоровичу. Онъ наискивался на это съ какимъ-то особымъ наслажденіемъ и въ томъ успѣлъ. Разъ поговорилъ онъ съ нимъ до такой степени крупно, что ему объявлено было отъ начальства — или просить извиненія, или выходить въ отставку. Онъ подалъ въ отставку. Дядя, дѣйствительный статскій

совѣтникъ, пріѣхалъ къ нему перепуганный и умоляющій. „Ради самого Христа, помилуй, Андрей Ивановичъ! Что это ты дѣлаешь? Оставлять такъ выгодно начатый карьеръ изъ-за того только, что попался начальникъ не того!... Чтò жъ это? Вѣдь если на это глядѣть, тогда и въ службѣ никто бы не остался. Образумься, образумься... еще есть время. Отринь гордость, самолюбье, поѣзжай и объяснись съ нимъ!“

„Не въ томъ дѣло, дядюшка“, сказалъ племянникъ. „Мнѣ не трудно попросить у него извиненья, тѣмъ болѣе, что я, точно, виноватъ: онъ мнѣ начальникъ, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало такъ говорить съ нимъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: вы позабыли, что у меня есть другая служба: у меня триста душъ крестьянъ, имѣнье въ разстройствѣ, а управляющій — дуракъ. Государству утраты немного, если вмѣсто меня сядетъ въ канцелярію другой переписывать бумагу, но большая утрата, если триста человѣкъ не заплатятъ податей. Я помѣщикъ: званье это также не бездѣльно. Если я позабочусь о сохраненьи, сбереженьи и улучшеньи ввѣренныхъ мнѣ людей и представлю государству триста трезвыхъ, работящихъ подданныхъ, — чѣмъ моя служба будетъ хуже службы какого-нибудь начальника отдѣленія Лѣницына?“

Дѣйствительный статскій совѣтникъ остался съ открытымъ ртомъ отъ изумленья: такого потока словъ онъ не ожидалъ. Немного подумавши, началъ онъ было въ такомъ родѣ: „Но всё же таки... но какъ же таки?... какъ же запропастить себя въ деревнѣ? Какое же общество можетъ быть между мужичьемъ? Здѣсь все-таки на улицѣ пройдетъ мимо тебя генералъ, или князь. Захочешь — и самъ пройдешь мимо какихъ-нибудь публичныхъ красивыхъ зданій, на Неву пойдешь взглянуть; а вѣдь тамъ, чтò ни попадется, все это или мужикъ, или баба. За чтò жъ себя осудить на невѣжество на всю жизнь свою?“

Такъ говорилъ дядя, дѣйствительный статскій совѣтникъ. Самъ же онъ во всю жизнь свою не ходилъ по другой улицѣ, кромѣ той, которая вела къ мѣсту его службы, гдѣ не было никакихъ публичныхъ красивыхъ зданій; не замѣчалъ никого изъ встрѣчныхъ, былъ ли онъ генералъ, или князь; не вѣдалъ никакихъ прихотей, какія дразнятъ въ столицахъ людей, падкихъ на невоздержанье, и даже отъ роду не былъ въ театрѣ.

Все это онъ говорилъ единственно затѣмъ, чтобы затеребить честолюбье и подѣйствовать на воображенье молодаго человѣка. Въ этомъ, однакоже, не успѣлъ: Тѣнтѣтниковъ стоялъ на своемъ упрямо. Департаменты и столица стали ему надоѣдать. Деревня начинала представляться какимъ-то привольнымъ пріютомъ, воспоительницею думъ и помышленій, единственнымъ поприщемъ полезной дѣятельности. Черезъ недѣли двѣ послѣ этого разговора былъ онъ уже вблизи тѣхъ мѣстъ, гдѣ протекло его дѣтство.

Какъ стало все припоминаться, какъ забилось его сердце, когда почувствовалъ, что онъ уже вблизи отцовской деревни! Онъ уже многія мѣста позабылъ вовсе и смотрѣлъ любопытно, какъ новичокъ, на прекрасные виды. Когда дорога понеслась узкимъ оврагомъ въ чащу огромнаго заглохнувшаго лѣса и онъ увидѣлъ вверху, внизу, надъ собой и подъ собой, трехсотлѣтніе дубы, тремъ человѣкамъ въ обхватъ, въ перемежку съ пихтой, вязомъ и осокоромъ, перероставшимъ вершину тополя, и когда на вопросъ: „чей лѣсъ?“ ему сказали: „Тѣнтѣтникова“; когда, выбравшись изъ лѣса, понеслась дорога лугами, мимо осиновыхъ рощъ, молодыхъ и старыхъ ивъ и лозъ, въ виду тянувшихся вдали возвышеній, и перелетѣла мостами въ разныхъ мѣстахъ одну и ту же рѣку, оставляя ее то вправо, то влѣво отъ себя, и когда на вопросъ: „чьи луга и поемныя мѣста?“ отвѣчали: „Тѣнтѣтникова“; когда поднялась потомъ дорога на гору и пошла по ровной возвышенности — съ одной стороны мимо неснятыхъ хлѣбовъ, пшеницы, ржи и ячменя, съ другой же стороны мимо всѣхъ прежде проѣханныхъ имъ мѣстъ, которыя всѣ вдругъ и разомъ показались въ картинномъ отдаленіи, и когда, постепенно темнѣя, входила и вошла потомъ дорога подъ тѣнь широкихъ развилистыхъ деревъ, размѣстившихся въ разсыпку по зеленому ковру до самой деревни, и замелькали кирченныя избы мужиковъ и крытыя красными крышами господскія строенія; когда пылко забившееся сердце и безъ вопроса знало, куды пріѣхало, — ощущенья и мысли, непрестанно накоплявшіяся, исторгнулись, наконецъ, почти такими словами: „Ну, не дуракъ ли я былъ доселѣ? Судьба назначила мнѣ быть обладателемъ земнаго рая, принцемъ, а я закабалилъ себя въ канцелярію писцомъ! Учившись, воспитавшись, просвѣтившись, сдѣлавши порядочный

запасъ тѣхъ именно свѣдѣній, какія требуются для управленія людьми, улучшенія цѣлой области, для исполненія многообразныхъ обязанностей помѣщика, являющагося и судьей, и распорядителемъ, и блюстителемъ порядка, ввѣрить это мѣсто невѣжѣ-управителю! И выбрать вмѣсто этого что̀ же?— переписыванье бумагъ, что̀ можетъ несравненно лучше производить[1] ничему не учившійся кантонистъ!" И еще разъ далъ себѣ названье дурака Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ.

А между тѣмъ его ожидало другое зрѣлище. Узнавши о пріѣздѣ барина, населенье всей деревни собралося къ крыльцу. Пестрые платки, повязки, повойники, зипуны, бороды всѣхъ сортовъ: заступомъ, лопатой и клиномъ, рыжія, русыя и бѣлыя, какъ серебро, покрыли всю площадь. Мужики загремѣли: „Кормилецъ, дождались мы тебя!" Бабы заголосили: „Золото, серебро ты сердечное!" Стоявшіе подалѣ даже подрались отъ усердья продраться. Дряблая старушонка, похожая на сушеную грушу, прошмыгнула промежъ ногъ другихъ, подступила къ нему, всплеснула руками и взвизгнула: „Соплюнчикъ ты нашъ! да какой же ты жиденькій! изморила тебя окаянная нѣмчура!" — „Пошла ты, баба!" закричали ей тутъ же бороды заступомъ, лопатой и клиномъ: „ишь куды полѣзла, корявая!" Кто-то приворотилъ къ этому такое словцо, отъ котораго одинъ только русскій мужикъ могъ не засмѣяться. Баринъ не выдержалъ и разсмѣялся, но тѣмъ не менѣе онъ тронутъ былъ глубоко въ душѣ своей. „Столько любви! и за что?" думалъ онъ въ себѣ. „За то, что я никогда не видалъ ихъ, никогда не занимался ими! Отнынѣ же даю слово раздѣлить съ вами труды и занятья ваши! Употреблю все, чтобы помочь вамъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ вы должны быть, чѣмъ вамъ назначила быть ваша добрая, внутри васъ же самихъ заключенная природа ваша, — чтобы не даромъ была любовь ваша ко мнѣ, чтобы я, точно, былъ кормилецъ вашъ!"

И дѣйствительно, Тѣнтѣтниковъ не шутя принялся хозяйничать и распоряжаться. Онъ увидѣлъ на мѣстѣ[2], что прикащикъ былъ, точно, баба и дуракъ со всѣми качествами дряннаго прикащика, то есть, велъ аккуратно счетъ куръ и яицъ, пряжи и полотна, приносимыхъ бабами, но не зналъ ни бельмеса въ уборкѣ хлѣба и посѣвахъ и, въ прибавленье ко всему, подозрѣвалъ всѣхъ мужиковъ въ покушеньи на жизнь свою.

Дурака прикащика онъ выгналъ, на мѣсто его выбралъ другаго, бойкаго; оставилъ мелочи, обратилъ вниманье на главныя части, уменьшилъ барщину, убавилъ дни работы на себя, прибавилъ времени мужикамъ работать на нихъ самихъ и думалъ, что теперь дѣла пойдутъ наиотличнѣйшимъ порядкомъ. Самъ сталъ входить во все, показываться на поляхъ, на гумнѣ, въ овинахъ, на мельницахъ, у пристани, при грузкѣ и сплавкѣ барокъ и плоскодоновъ.

„Да онъ, вишь ты, востроногой!“ стали говорить мужики и даже почесывать въ затылкахъ, потому что отъ долговременнаго бабьяго управленія они всѣ изрядно поизлѣнились. Но это продолжалось не долго. Русскій мужикъ смѣтливъ и уменъ: онъ понялъ скоро, что баринъ хоть и прытокъ, и есть въ немъ охота взяться за многое, но какъ именно, какимъ образомъ взяться, этого еще не смыслитъ, говоритъ какъ-то чрезчуръ грамотно и затѣйливо, мужику не въ долбежъ и не въ науку. Вышло то, что баринъ и мужикъ какъ-то не то, чтобы совершенно не поняли другъ друга, но, просто, не спѣлись вмѣстѣ, не приспособились выводить одну и ту же ноту. Тѣнтѣтниковъ сталъ замѣчать, что на господской землѣ все выходило какъ-то хуже, чѣмъ на мужичьей: сѣялось раньше, всходило позже. А работали, казалось, хорошо: онъ самъ присутствовалъ и приказалъ выдать даже по чапорухѣ водки за усердные труды. У мужиковъ давно уже колосилась рожь, высыпался овесъ, кустилось просо, а у него едва начиналъ только итти хлѣбъ въ трубку, пятка колоса еще не завязывалась. Словомъ, сталъ замѣчать баринъ, что мужикъ, просто, плутуетъ, не смотря на всѣ льготы. Попробовалъ было укорить, но получилъ такой отвѣтъ: „Какъ можно, баринъ, чтобы мы о господской, то есть, выгодѣ не радѣли? Сами изволили видѣть, какъ старались, когда пахали и сѣяли: по чапорухѣ водки приказали подать.“ Что̀ было на это возражать? — „Да отчего жъ теперь вышло скверно?“ допрашивалъ баринъ. — „Кто его знаетъ! Видно, червь подъѣлъ снизу! Да и лѣто, вишь ты, какое: совсѣмъ дождей не было“. Но баринъ видѣлъ, что у мужиковъ червь не подъѣдалъ снизу, да и дождь шелъ какъ-то странно, полосою: мужику угодилъ, а на барскую ниву хоть бы каплю выронилъ. Еще труднѣй ему было ладить съ бабами. То и дѣло отпрашивались они отъ работъ,

жалуясь на тягость барщины. Странное дѣло! Онъ уничтожилъ вовсе всякіе приносы холста, ягодъ, грибовъ и орѣховъ, на половину сбавилъ съ нихъ другихъ работъ, думая, что бабы обратятъ это время на домашнее хозяйство, обошьютъ, одѣнутъ своихъ мужей, умножатъ огороды. Не тутъ-то было! Праздность, драка, сплетни и всякія ссоры завелись между прекраснымъ поломъ такія, что мужья то и дѣло приходили къ нему съ такими словами: „Баринъ, уйми бѣса-бабу! Точно чортъ какой! житья нѣтъ отъ ней!“ Нѣсколько разъ, скрѣпя свое сердце, хотѣлъ онъ приняться за строгость. Но какъ быть строгимъ? Баба приходила такой бабой, такъ развизгивалась, такая была хворая, больная, такихъ скверныхъ, гадкихъ наворачивала на себя тряпокъ! (Ужъ откуда она ихъ набирала, Богъ ее вѣсть). „Ступай, ступай себѣ только съ глазъ моихъ подальше!“ говорилъ бѣдный Тѣнтѣтниковъ и во слѣдъ за тѣмъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ баба тутъ же, вышедъ за ворота, схватывалась съ сосѣдкой за какую-нибудь рѣпу и, не смотря на свою хворость, такъ отламывала ей бока, какъ не съумѣетъ и здоровый мужикъ. Вздумалъ онъ было какую-то школу между ними завести, но отъ этого вышла такая чепуха, что онъ и голову повѣсилъ, — лучше было и не задумывать! Все это значительно охладило его рвенье и къ хозяйству, и къ разбирательному судейскому дѣлу, и вообще къ дѣятельности. При работахъ онъ уже присутствовалъ почти безъ вниманья: мысли были далеко, глаза отыскивали посторонніе предметы. Во время покосовъ не глядѣлъ онъ на быстрое подыманье шестидесяти разомъ косъ и мѣрное паденье подъ ними, рядами, высокой травы; онъ глядѣлъ, вмѣсто того, на какой-нибудь въ сторонѣ извивъ рѣки, по берегамъ которой ходилъ красноносый, красноногій мартынъ — разумѣется, птица, а не человѣкъ; онъ глядѣлъ, какъ этотъ мартынъ, поймавъ рыбу, держалъ ее впоперекъ въ носу, раздумывая, глотать или не глотать, и глядя въ то же время пристально вздоль рѣки, гдѣ виденъ былъ другой мартынъ, еще не поймавшій рыбы, но глядѣвшій пристально на мартына, уже поймавшаго рыбу. Во время уборки хлѣбовъ не глядѣлъ онъ на то, какъ складывали снопы копнами, крестами, а иногда и просто шишомъ; ему не было дѣла до того, лѣниво или шибко метали стога и клали клади. Зажмуря глаза

и приподнявъ голову кверху, къ пространствамъ небеснымъ, предоставлялъ онъ обонянью впивать запахъ полей, а слуху — поражаться голосами воздушнаго пѣвучаго населенья, когда оно отовсюду, отъ небесъ и отъ земли, соединяется въ одинъ хоръ, не переча другъ другу: бьетъ перепелъ, дергаетъ въ травѣ дергунъ, урчатъ и чиликаютъ перелетающія коноплянки, по невидимой воздушной лѣстницѣ сыплются трели жаворонковъ, и турлыканье журавлей, несущихся въ сторонѣ вереницею, — точный звонъ серебряныхъ трубъ, — слышится въ пустотѣ звонко сотрясающейся[1] пустыни воздушной. Вблизи ли производилась работа — онъ былъ вдали отъ нея; была ли она вдали — его глаза отыскивали, что̀ было поближе. И былъ онъ похожъ на того разсѣяннаго ученика, который глядитъ въ книгу, но въ то же время видитъ и фигу, подставленную ему товарищемъ. Наконецъ, и совсѣмъ пересталъ онъ ходить на работы, бросилъ совершенно и судъ, и всякія расправы, засѣлъ въ комнаты и пересталъ принимать къ себѣ даже, съ докладами, прикащика.

Временами изъ сосѣдей завернетъ къ нему, бывало, отставной гусаръ-поручикъ, прокуренный насквозь трубочный куряка, или брандеръ-полковникъ, мастеръ и охотникъ на разговоры обо всемъ. Но и это стало ему надоѣдать. Разговоры ихъ начали ему казаться какъ-то поверхностными; живое, ловкое обращенье, потрепки по колѣну и прочія развязности начали ему казаться уже черезчуръ прямыми и открытыми. Онъ рѣшился съ ними раззнакомиться и произвелъ это даже довольно рѣзко. Именно, когда представитель всѣхъ полковниковъ-брандеровъ, наипріятнѣйшій во всѣхъ поверхностныхъ разговорахъ обо всемъ, Варваръ Николаичъ Вишнепокромовъ, пріѣхалъ къ нему затѣмъ именно, чтобы наговориться вдоволь, коснувшись и политики, и философіи, и литературы, и морали, и даже состоянья финансовъ въ Англіи, онъ выслалъ сказать, что его нѣтъ дома, и въ то же время имѣлъ неосторожность показаться передъ окошкомъ. Гость и хозяинъ встрѣтились взорами. Одинъ, разумѣется, проворчалъ сквозь зубы: „скотина!“ другой послалъ ему тоже нѣчто въ родѣ свиньи. Такъ и кончилось знакомство. Съ тѣхъ поръ не заѣзжалъ къ нему никто. Уединенье полное водворилось въ домѣ. Хозяинъ залѣзъ въ халатъ безвыходно, предавши тѣло бездѣйствію, а

мысль — обдумыванью большаго сочиненья о Россіи. Какъ обдумывалось это сочиненіе, читатель уже видѣлъ. День приходилъ и уходилъ однообразный и безцвѣтный. Нельзя сказать, однакоже, чтобы не было минутъ, въ которыя какъ будто пробуждался онъ ото сна. Когда привозила почта газеты, новыя книги и журналы и попадалось ему въ печати знакомое имя прежняго товарища, уже преуспѣвавшаго на видномъ поприщѣ государственной службы или приносившаго посильную дань наукамъ и образованью всемірному, тайная тихая грусть подступала ему подъ сердце, и скорбная, безмолвно-грустная, тихая жалоба на бездѣйствіе свое прорывалась невольно. Тогда противной и гадкой казалась ему жизнь его. Съ необыкновенной силою воскресало предъ нимъ школьное минувшее время и представалъ вдругъ, какъ живой, Александръ Петровичъ... Градомъ лились изъ глазъ его слезы, и рыданья продолжались почти весь день.

Чтȍ значили эти рыданья? Обнаруживала ли ими болѣющая душа скорбную тайну своей болѣзни, что не успѣлъ образоваться[1] и окрѣпнуть начинавшій въ немъ строиться высокій внутренній человѣкъ; что, неиспытанный заранѣ въ борьбѣ съ неудачами, не достигнулъ онъ до высокаго состоянья возвышаться и крѣпнуть отъ преградъ и препятствій; что, растопившись, подобно разогрѣтому металлу, богатый запасъ великихъ ощущеній не принялъ послѣдней закалки, и теперь, безъ упругости, безсильна его воля; что слишкомъ для него рано умеръ (чудный)[2] необыкновенный наставникъ и что нѣтъ теперь никого во всемъ свѣтѣ, кто бы былъ въ силахъ воздвигнуть и поднять шатаемыя вѣчными колебаньями силы и и лишенную упругости (или слабую)[3], немощную волю, — кто бы крикнулъ живымъ, пробуждающимъ голосомъ, — крикнулъ душѣ пробуждающее слово: *впередъ!* котораго жаждетъ повсюду, на всѣхъ ступеняхъ стоящій, всѣхъ сословій, званій и промысловъ, русскій человѣкъ?

Гдѣ же тотъ, кто бы на родномъ языкѣ русской души нашей умѣлъ бы намъ сказать это всемогущее слово: *впередъ?* кто, зная всѣ силы, и свойства, и всю глубину нашей природы, однимъ чародѣйнымъ мановеньемъ могъ бы[4] устремить на высокую жизнь русскаго человѣка? Какими слезами, какой любовью заплатилъ бы ему! Но вѣки проходятъ за вѣ-

ками; полмилліона сидней, увальней и байбаковъ дремлетъ непробудно, и рѣдко рождается на Руси мужъ, умѣющій произносить его, это всемогущее слово.

Одно обстоятельство чуть было, однакоже, не разбудило Тѣнтѣтникова и чуть было не произвело переворота въ его характерѣ. Случилось что-то въ родѣ любви, но и тутъ дѣло какъ-то свелось на ничего. Въ сосѣдствѣ, въ десяти верстахъ отъ его деревни, проживалъ генералъ, отзывавшійся, какъ мы уже видѣли, не совсѣмъ благосклонно о Тѣнтѣтниковѣ. Генералъ жилъ генераломъ, хлѣбосольствовалъ, любилъ, чтобы сосѣди пріѣзжали изъявлять ему почтенье; самъ, разумѣется, визитовъ не платилъ, говорилъ хрипло, читалъ книги и имѣлъ дочь, существо невиданное[1], странное, которую скорѣй можно было почесть какимъ-то фантастическимъ видѣніемъ, чѣмъ женщиной. Иногда случается человѣку во снѣ увидѣть что-то подобное, и съ тѣхъ поръ онъ уже во всю жизнь свою грезитъ этимъ сновидѣньемъ (дѣйствительность для него пропадаетъ навсегда)[2],—и онъ рѣшительно ни на что̀ не годится. Имя ей было Улинька. Воспиталась она какъ-то странно. Ее воспитывала англичанка-гувернантка, не знавшая ни слова по-русски. Матери лишилась она еще въ дѣтствѣ. Отцу было некогда. Впрочемъ, любя дочь до безумія, онъ могъ только избаловать ее. Необыкновенно трудно изобразить портретъ ея. Это было что-то живое, какъ сама жизнь. Она была миловиднѣй, чѣмъ красавица; лучше, чѣмъ умъ; стройнѣй, воздушнѣй классической женщины. Никакъ бы нельзя было сказать, какая страна положила на ней свой отпечатокъ, потому что подобнаго профиля и очертанья лица трудно было гдѣ-нибудь отыскать, развѣ только на античныхъ камеяхъ. Какъ въ ребенкѣ, воспитанномъ на свободѣ, въ ней было все своенравно. Если бы кто увидалъ, какъ внезапный гнѣвъ собиралъ вдругъ строгія морщины на прекрасномъ челѣ ея и какъ она спорила пылко съ отцомъ своимъ, онъ бы подумалъ, что это было капризнѣйшее созданье. Но гнѣвъ бывалъ у нея только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или жестокомъ поступкѣ съ кѣмъ бы то ни было. Но какъ вдругъ исчезнулъ бы этотъ гнѣвъ, если бы она увидѣла того самаго, на кого гнѣвалась, въ несчастіи! Какъ бы вдругъ бросила она ему свой кошелекъ, не размышляя, умно ли это, или глупо,

и разорвала на себѣ платье для перевязки, если бъ онъ былъ раненъ! Было въ ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось вслѣдъ за мыслью: выраженье лица, выраженье разговора, движенье рукъ; самыя складки платья какъ бы летѣли въ ту же сторону, и, казалось, какъ бы она сама вотъ улетитъ во слѣдъ за собственными ея словами. Ничего не было въ ней утаеннаго. Ни предъ кѣмъ не побоялась бы она обнаружить своихъ мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотѣлось говорить. Ея очаровательная, особенная, принадлежавшая ей одной походка была до того безтрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней какъ-то смущался недобрый человѣкъ и нѣмѣлъ, а добрый, даже самый застѣнчивый, могъ разговориться съ нею вдругъ, какъ съ сестрой, и — странный обманъ! — съ первыхъ минутъ разговора ему уже казалось, что гдѣ-то и когда-то онъ зналъ ее, что случилось это во дни какого-то незапамятнаго младенчества, въ какомъ-то родномъ домѣ, веселымъ вечеромъ, при радостныхъ играхъ дѣтской толпы, и послѣ того какъ-то становился ему скучнымъ разумный возрастъ человѣка.

Андрей Ивановичъ Тѣнтѣтниковъ не могъ бы никакъ разсказать, какъ это случилось, что съ перваго же дни онъ сталъ съ ней такъ, какъ бы знакомъ былъ вѣчно. Неизъяснимое, новое чувство вошло къ нему въ душу. Его жизнь на мгновенье озарилась. Халатъ на время былъ оставленъ, не такъ долго копался онъ на кровати[1], не такъ долго стоялъ Михайло съ рукомойникомъ въ рукахъ. Растворялись окна въ комнатахъ, и часто владѣтель картиннаго помѣстья долго ходилъ по темнымъ излучинамъ своего сада и останавливался по часамъ передъ плѣнительными видами на отдаленья. Генералъ принималъ сначала Тѣнтѣтникова довольно хорошо и радушно; но совершенно сойтись они не могли. Разговоры у нихъ всегда оканчивались споромъ и какимъ-то непріятнымъ ощущеньемъ съ обѣихъ сторонъ. Генералъ не любилъ противорѣчья и возраженья, хотя въ то же время любилъ поговорить даже и о томъ[2], чего не зналъ вовсе. Тѣнтѣтниковъ, съ своей стороны, тоже былъ человѣкъ щекотливый. Впрочемъ, ради дочери, прощалось многое отцу, и миръ у нихъ держался до тѣхъ поръ, покуда не пріѣхали

гостить къ генералу родственницы, графиня Болдырева[1] и княжна Юзякина: одна — вдова, другая — старая дѣвка, обѣ фрейлины прежнихъ временъ[2], отчасти болтуньи, отчасти сплетницы, не весьма обворожительныя любезностью своей, но, однакоже, имѣвшія значительныя связи въ Петербургѣ, и передъ которыми генералъ немножко даже подличалъ. Тѣнтѣтникову показалось, что, съ самаго дня[3] пріѣзда ихъ, генералъ сталъ къ нему какъ-то холоднѣе, почти не замѣчалъ его и обращался какъ съ лицомъ безсловеснымъ или съ чиновникомъ, употребляемымъ для переписки, самымъ мелкимъ. Онъ говорилъ ему то *братецъ,* то *любезнѣйшій,* и одинъ разъ сказалъ ему даже *ты.* Андрея Ивановича взорвало; кровь бросилась ему въ голову. Скрѣпя сердце и стиснувъ зубы, онъ, однакоже, имѣлъ присутствіе духа сказать необыкновенно учтивымъ и мягкимъ голосомъ, между тѣмъ какъ пятна выступили на лицѣ его и все внутри кипѣло: „Я долженъ благодарить васъ, генералъ, за ваше расположеніе. Вы приглашаете и вызываете меня словомъ *ты* на самую тѣсную дружбу, обязывая и меня также говорить вамъ *ты.* Но позвольте вамъ замѣтить, что я помню различіе наше въ лѣтахъ, совершенно препятствующее такому фамиліарному между нами обращенію“. Генералъ смутился. Собирая слова и мысли, сталъ онъ говорить, хотя нѣсколько несвязно, что слово *ты* было имъ сказано не въ томъ смыслѣ, что старику иной разъ позволительно сказать молодому человѣку *ты* (о чинѣ своемъ онъ не упомянулъ ни слова). Разумѣется, съ этихъ поръ знакомство между ними прекратилось. Любовь кончилась при самомъ началѣ; потухнулъ свѣтъ, на минуту было передъ нимъ блеснувшій, и послѣдовавшія за нимъ сумерки стали еще сумрачнѣй. Байбакъ сызнова залѣзъ въ халатъ свой. Все поворотило сызнова на лежанье и бездѣйствіе. Въ домѣ завелись гадость и безпорядокъ: половая щетка оставалась по цѣлому дню посреди комнаты вмѣстѣ съ соромъ; панталоны заходили даже въ гостиную; на щеголеватомъ столѣ, передъ диваномъ, лежали засаленныя подтяжки, точно угощенье гостю. И до того стала ничтожной и сонной его жизнь, что не только перестали уважать его дворовые люди, но даже чуть не клевали домашнія куры. Безсильно[4] чертилъ онъ на бумагѣ, по цѣлымъ часамъ, рогульки, домики, избы, телѣги, тройки, или же выписывалъ *Милостивый Го-*

сударь! съ восклицательнымъ знакомъ всѣми почерками и характерами. А иногда же, все позабывши, перо чертило само собой, безъ вѣдома хозяина, маленькую головку, съ тонкими, острыми чертами, съ приподнятой легкой прядью волосъ, упадавшей изъ-подъ гребня длинными тонкими кудрями, молодыми обнаженными руками, какъ бы летѣвшую, — и въ изумленьи видѣлъ хозяинъ, что выходилъ портретъ той, съ[1] которой портрета не могъ бы написать никакой живописецъ. И еще груст-нѣе становилось ему потомъ, и, вѣря тому, что нѣтъ на землѣ счастья, оставался онъ на цѣлый день скучнымъ и безотвѣтнымъ.

Таковы были обстоятельства Андрея Ивановича Тѣнтѣтникова. Вдругъ въ одинъ день, подходя къ окну обычнымъ порядкомъ, съ трубкой и чашкой въ рукахъ, замѣтилъ онъ во дворѣ движенье и нѣкоторую суету. Поварченокъ и поломойка бѣжали отворять ворота[2], и въ воротахъ показались кони, точь въ точь, какъ лѣпятъ иль рисуютъ ихъ на тріумфальныхъ воротахъ: морда направо, морда налѣво, морда по серединѣ. Свыше ихъ, на козлахъ — кучеръ и лакей въ широкомъ сюртукѣ, подвязанный носовымъ платкомъ; за ними господинъ въ картузѣ и шинели, закутанный въ косынку радужныхъ цвѣтовъ. Когда экипажъ изворотился передъ крыльцомъ, оказалось, что былъ онъ не что̀ другое, какъ рессорная легкая бричка. Господинъ необыкновенно приличной наружности[3] соскочилъ на крыльцо съ быстротой и ловкостью почти военнаго человѣка.

Андрей Ивановичъ струсилъ. Онъ принялъ его за чиновника отъ правительства. Надобно сказать, что въ молодости своей онъ было замѣшался въ одно неразумное дѣло. Какіе-то философы изъ гусаръ, да недоучившійся студентъ, да промотавшійся игрокъ затѣяли какое-то филантропическое общество, подъ верховнымъ распоряженьемъ стараго плута, и масона, и карточнаго игрока, пьяницы и краснорѣчивѣйшаго человѣка. Общество было устроено съ необыкновенно-обширной цѣлью — доставить счастіе всему человѣчеству. Касса денегъ потребовалась огромная, пожертвованья собирались съ великодушныхъ членовъ неимовѣрныя. Куда это все пошло — зналъ объ этомъ только одинъ верховный распорядитель. Въ общество это втянули его два пріятеля, принадлежавшіе

къ классу огорченныхъ людей, добрые люди, но которые отъ частыхъ тостовъ во имя науки, просвѣщенья и прогресса, сдѣлались потомъ горькими пьяницами. Тѣнтѣтниковъ скоро спохватился и выбылъ изъ этого круга. Но общество успѣло уже запутаться въ какихъ-то другихъ дѣйствіяхъ, даже не совсѣмъ приличныхъ дворянину, такъ что потомъ завязались дѣла и съ полиціей... А потому не мудрено, что и вышедши, и разорвавши всякія сношенія съ благодѣтелемъ человѣчества, Тѣнтѣтниковъ не могъ, однакоже, оставаться покоенъ: на совѣсти у него было не совсѣмъ ловко. И теперь не безъ страха глядѣлъ онъ на долженствовавшую раствориться дверь.

Страхъ его, однакоже, прошелъ вдругъ, когда гость раскланялся съ ловкостью неимовѣрной, сохраняя почтительное положенье головы нѣсколько на бокъ. Въ короткихъ, но опредѣлительныхъ словахъ изъяснилъ, что уже издавна ѣздитъ онъ по Россіи, побуждаемый и потребностями, и любознательностью; что государство наше преизобилуетъ предметами замѣчательными, не говоря ужъ о красотѣ мѣстъ, объ обиліи промысловъ и разнообразіи почвъ; что онъ увлекся картинностью мѣстоположенья его деревни; что, не смотря, однакоже, на картинность мѣстоположенья, онъ не дерзнулъ бы никакъ обезпокоить его неумѣстнымъ заѣздомъ своимъ, если бы не случилось что-то въ бричкѣ его, требующее (искусной)[1] руки помощи со стороны кузнецовъ и мастеровъ; что при всемъ томъ, однакоже, если бы даже и ничего не случилось въ его бричкѣ, онъ бы не могъ отказать себѣ въ удовольствіи засвидѣтельствовать ему лично свое почтенье. Окончивъ рѣчь, гость, съ обворожительной пріятностью подшаркнувъ ножкой, отпрыгнулъ тутъ же нѣсколько назадъ съ легкостью резиннаго мячика[2].

Андрей Ивановичъ подумалъ, что это долженъ быть какой-нибудь любознательный ученый профессоръ, который ѣздитъ по Россіи затѣмъ, чтобы собирать какія-нибудь растенія или даже предметы ископаемые. Онъ изъявилъ ему всякую готовность споспѣшествовать; предложилъ ему своихъ мастеровъ, колесниковъ и кузнецовъ для поправки брички; просилъ расположиться у него какъ въ собственномъ домѣ; усадилъ обходительнаго гостя въ большія вольтеровскія [кресла][3] и приготовился слушать его разсказъ, безъ сомнѣнія, объ ученыхъ предметахъ и естественныхъ.

Гость, однакоже, коснулся больше событій внутренняго міра. Заговорилъ о превратностяхъ судьбы; уподобилъ жизнь свою судну посреди морей, гонимому отовсюду вѣтрами; упомянулъ о томъ, что долженъ былъ перемѣнить много мѣстъ и должностей, что много потерпѣлъ за правду, что даже самая жизнь его была не разъ въ опасности со стороны враговъ, и много еще разсказалъ онъ такого, изъ чего Тѣнтѣтниковъ могъ видѣть, что гость его былъ скорѣе практическій человѣкъ. Въ заключенье всего, онъ высморкался въ бѣлый батистовый платокъ такъ громко, какъ Андрей Ивановичъ еще и не слыхивалъ. Подчасъ попадается въ оркестрѣ такая проидоха-труба, которая когда хватитъ, покажется, что крякнуло не въ оркестрѣ, но въ собственномъ ухѣ: точно такой же звукъ раздался въ пробужденныхъ покояхъ дремавшаго дома, и немедленно вслѣдъ за нимъ воспослѣдовало благоуханье одеколона, невидимо распространенное ловкимъ встряхнутьемъ носоваго батистоваго платка.

Читатель, можетъ быть, уже догадался, что гость былъ не другой кто, какъ нашъ почтенный, давно нами оставленный Павелъ Ивановичъ Чичиковъ. Онъ немножко постарѣлъ: какъ видно, не безъ бурь и тревогъ было для него это время. Казалось, какъ бы и самый фракъ на немъ немножко поустарѣлъ, и бричка, и кучеръ, и слуга, и лошади, и упряжь[1] какъ бы поистерлись и поизносились. Казалось, какъ бы и самые финансы не были въ завидномъ состояніи. Но выраженье лица, приличье, обхожденье осталися тѣ же. Даже, казалось, какъ бы еще пріятнѣе сталъ онъ въ поступкахъ и оборотахъ. Еще ловче подвертывалъ подъ ножку ножку, когда садился въ кресла; еще болѣе было мягкости въ выговорѣ рѣчей, осторожной умѣренности въ словахъ и выраженьяхъ, болѣе умѣнья держать себя и болѣе такту во всемъ. Бѣлѣй и чище снѣговъ были на немъ воротнички и манишка, и, не смотря на то, что былъ онъ съ дороги, ни пушинки не сѣло къ нему на фракъ, — хоть на именинный обѣдъ! Щеки и подбородокъ выбриты были такъ ровно и гладко, что одинъ (развѣ только)[2] слѣпой могъ не полюбоваться пріятной выпуклостью и круглотой ихъ.

Въ домѣ тотъ же часъ произошло преобразованье. Половина его, дотолѣ пребывавшая въ слѣпотѣ, съ заколоченными

ставнями, вдругъ прозрѣла и озарилась. Изъ брички стали выносить поклажу; все начало размѣщаться въ освѣтившихся комнатахъ и скоро все приняло такой видъ: комната, опредѣленная быть спальней, вмѣстила въ себѣ вещи, необходимыя для ночнаго туалета; комната, опредѣленная быть кабинетомъ... Но прежде необходимо знать, что въ этой комнатѣ было три стола: одинъ письменный — передъ диваномъ, другой ломберный — между окнами у стѣны, третій угольный — въ углу, между дверью въ спальню и дверью въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью[1]. На этомъ угольномъ столѣ помѣстилось вынутое изъ чемодана платье, а именно: панталоны (старые и новые)[2] подъ фракъ, панталоны подъ сюртукъ, панталоны сѣренькіе, два бархатныхъ жилета и два атласныхъ, сюртукъ и два фрака. (Жилеты же бѣлаго пике и лѣтнія брюки отошли къ бѣлью въ комодъ.) Все это размѣстилось одинъ на другомъ пирамидкой и прикрылось сверху носовымъ шелковымъ платкомъ. Въ другомъ углу, между дверью и окномъ, выстроились рядкомъ сапоги: сапоги не совсѣмъ новые, сапоги совсѣмъ новые, сапоги съ новыми головками и лакированные полусапожки. Они также стыдливо занавѣсились шелковымъ носовымъ платкомъ, — такъ какъ бы ихъ тамъ вовсе не было. На столѣ предъ двумя окнами помѣстилась шкатулка. На письменномъ столѣ передъ диваномъ — портфель, банка съ одеколономъ, сургучъ, зубныя щетки, новый календарь и два какіе-то романа, оба вторые тома. Чистое бѣлье (все)[3] помѣстилось въ комодѣ, уже находившемся въ спальнѣ; бѣлье же, которое слѣдовало прачкѣ, завязано было въ узелъ и подсунуто подъ кровать. Чемоданъ, по опростаньи его, былъ тоже подсунутъ подъ кровать. Сабля помѣстилась также въ спальнѣ, повиснувши на гвоздѣ, невдалекѣ отъ кровати. Та и другая комната приняли видъ чистоты и опрятности необыкновенной: нигдѣ ни бумажки, ни перышка, ни соринки. Самый воздухъ какъ-то облагородился: въ немъ утвердился пріятный запахъ здороваго, свѣжаго мужчины, который бѣлья не занашиваетъ, въ баню ходитъ и вытираетъ себя мокрой губкой по воскреснымъ днямъ. Въ вестибульной комнатѣ покушался было утвердиться на время запахъ служителя Петрушки, но Петрушка скоро перемѣщенъ былъ на кухню, какъ оно и слѣдовало.

Въ первые дни Андрей Ивановичъ опасался за свою независимость, чтобы какъ-нибудь гость не связалъ его, не стѣснилъ какими-нибудь измѣненьями въ образѣ жизни, и не разрушился бы порядокъ дня его, такъ удачно заведенный. Но опасенья были напрасны. Гость показалъ необыкновенно-гибкую способность приспособиться ко всему. Одобрилъ философическую неторопливость хозяина, сказавши, что она обѣщаетъ столѣтнюю жизнь. Объ уединеньи (тоже)[1] выразился весьма счастливо — именно, что оно питаетъ великія мысли въ человѣкѣ. Взглянувъ на библіотеку и отозвавшись съ похвалой[2] о книгахъ вообще, замѣтилъ, что они спасаютъ отъ праздности человѣка. Словомъ, выронилъ словъ не много, но значительныхъ. Въ поступкахъ же своихъ поступалъ еще болѣе кстати: во-время являлся, во-время уходилъ; не затруднялъ хозяина запросами въ часы неразговорчивости его; съ удовольствіемъ игралъ съ нимъ въ шахматы, съ удовольствіемъ молчалъ. Въ то время, когда первый пускалъ кудреватыми облаками трубочный дымъ, другой, не куря трубки, придумывалъ соотвѣтствовавшее тому занятіе: вынималъ, напримѣръ, изъ кармана серебряную съ черные табакерку и, утвердивъ ее между двухъ пальцевъ лѣвой руки, оборачивалъ ее быстро пальцемъ правой, въ подобье того, какъ земная сфера обращается около своей оси, или же, просто, барабанилъ по ней пальцами, насвистывая какое-нибудь ни то, ни сё. Словомъ, онъ не мѣшалъ хозяину никакъ. „Я въ первый разъ вижу человѣка, съ которымъ можно жить“, говорилъ про себя Тѣнтѣтниковъ. „Вообще этого искусства у насъ мало. Между нами есть довольно людей и умныхъ, и образованныхъ, и добрыхъ, но людей постоянно пріятныхъ, людей постоянно ровнаго характера, людей, съ которыми можно прожить вѣкъ и не поссориться, — я не знаю, много ли у насъ можно отыскать такихъ людей! Вотъ первый, единственный человѣкъ, котораго я вижу!“ Такъ отзывался Тѣнтѣтниковъ о своемъ гостѣ.

Чичиковъ, съ своей стороны, былъ очень радъ, что поселился на время у такого мирнаго и смирнаго хозяина. Цыганская жизнь ему надоѣла. Пріотдохнуть, хотя на мѣсяцъ, въ прекрасной деревнѣ, въ виду полей[3] и начинавшейся весны, полезно было даже и въ геморроидальномъ отношеньи.

Трудно было найти лучшій уголокъ для отдохновенія. Весна убрала его красотой несказанной. Что̀ яркости въ зелени! Что̀ свѣжести въ воздухѣ! Что̀ птичьяго крику въ садахъ![1] Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пѣла, какъ будто новорожденная.

Чичиковъ ходилъ много. То направлялъ[2] онъ прогулку свою по плоской вершинѣ возвышеній (держась краевъ)[3], въ виду разстилавшихся вдали долинъ, по которымъ вездѣ оставались еще большія озера отъ разлитія воды; или же вступалъ[4] въ овраги, — гдѣ едва начинавшія убираться листьями, отягченныя птичьими гнѣздами дерева и узкая просинь чернѣли[5] отъ перекрестнаго летанья, густыми стаями, воронъ, — оглушаемые карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями грачей[6]; или же спускался внизъ къ поемнымъ мѣстамъ и разорваннымъ плотинамъ — глядѣть, какъ съ оглушительнымъ шумомъ неслась повергаться вода на мельничныя колеса; или же пробирался далѣ къ пристани, откуда неслись, вмѣстѣ съ теченіемъ воды, первыя суда, нагруженныя горохомъ, овсомъ, ячменемъ и пшеницей; или отправлялся въ поля на первыя весеннія работы — глядѣть, какъ свѣжая орань черной полосою проходила по зелени, или же какъ ловкій сѣятель бросалъ изъ горсти сѣмена ровно, мѣтко, ни зернышка не передавши на ту или другую сторону[7]. Толковалъ и говорилъ и съ прикащикомъ, и съ мужикомъ, и мельникомъ — что̀, и какъ, и каковыхъ урожаевъ нужно ожидать, и на какой ладъ идетъ у нихъ запашка, и на сколько хлѣба продается, и что̀ выбираютъ весной и осенью за умолъ муки, и какъ зовутъ каждаго мужика, и кто съ кѣмъ въ родствѣ, и гдѣ купилъ корову, и чѣмъ кормитъ свинью, словомъ — все. Узналъ и то, сколько перемерло мужиковъ. Оказалось, немного. Какъ умный человѣкъ, замѣтилъ онъ вдругъ, что незавидно идетъ хозяйство у Тѣнтѣтникова: повсюду упущенья, нерадѣнье, воровство, не мало и пьянства. И мысленно говорилъ онъ въ себѣ: „Какая, однакоже, скотина Тѣнтѣтниковъ! Запустить имѣніе, которое могло бы приносить, по малой мѣрѣ, пятьдесятъ тысячъ годоваго доходу!“ И, не будучи въ силахъ удержать справедливаго негодованья, повторялъ онъ: „Рѣшительно скотина!“ Не разъ, посреди такихъ прогулокъ, приходило ему на мысль сдѣлаться когда-нибудь самому, — т. е., разумѣется, не теперь,

но послѣ, когда обдѣлается главное дѣло и будутъ средства въ рукахъ, — сдѣлаться самому мирнымъ владѣльцемъ[1] подобнаго помѣстья. Тутъ обыкновенно представлялась ему молодая хозяйка, свѣжая, бѣлолицая бабёнка, можетъ быть, даже изъ купеческаго сословія, впрочемъ, однакоже, образованная и воспитанная такъ, какъ и дворянка, — чтобы понимала и музыку, хотя, конечно, музыка и не главное, но почему же, если уже такъ заведено, зачѣмъ же итти противу общаго мнѣнія? Представлялось ему и молодое поколѣніе, долженствовавшее увѣковѣчить фамилію Чичиковыхъ: рѣзвунчикъ-мальчишка и красавица-дочка, или даже два мальчугана, двѣ и даже три дѣвочки, чтобы было всѣмъ извѣстно[2], что онъ дѣйствительно жилъ и существовалъ, а не то, что прошелъ по землѣ какой-нибудь тѣнью или призракомъ, — чтобы не было стыдно и передъ отечествомъ. Представлялось ему даже и то, что не дурнѡ бы и къ чину нѣкоторое прибавленіе: статскій совѣтникъ, напримѣръ, чинъ почтенный и уважительный... И много приходило ему въ голову того, чтѡ такъ часто уноситъ человѣка отъ скучной настоящей минуты, теребитъ, дразнитъ, шевелитъ его и бываетъ ему любо даже и тогда, когда увѣренъ онъ самъ, что это никогда не сбудется.

Людямъ Павла Ивановича деревня тоже понравилась. Они такъ же, какъ и онъ, обжились въ ней. Петрушка сошелся очень скоро съ буфетчикомъ Григоріемъ, хотя сначала они оба важничали и дулись другъ передъ другомъ нестерпимо. Петрушка пустилъ Григорію пыль въ глаза тѣмъ, что онъ бывалъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Нижнемъ и даже въ Москвѣ; Григорій же осадилъ его сразу Петербургомъ, въ которомъ Петрушка не былъ. Послѣдній хотѣлъ было подняться и выѣхать на дальности разстояній тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ онъ бывалъ; но Григорій назвалъ ему такое мѣсто, какого ни на какой картѣ нельзя было отыскать, и насчиталъ тридцать тысячъ слишкомъ верстъ, такъ что Петрушка осовѣлъ, разинулъ ротъ и былъ поднятъ на смѣхъ тутъ же всею дворней. Впрочемъ, дѣло кончилось между ними самой тѣсной дружбой: дядя лысый Пименъ держалъ въ концѣ деревни знаменитый кабакъ, которому имя было „Акулька“; въ этомъ заведеньи видѣли ихъ всѣ часы дня. Тамъ стали они свои други, или то, чтѡ называютъ въ народѣ — кабацкіе завсегдатели.

У Селифана была другаго рода приманка. На деревнѣ, чтд ни вечеръ, пѣлись пѣсни, заплетались и расплетались хороводы. Породистыя, стройныя дѣвки, какихъ было трудно найти въ другомъ мѣстѣ, заставляли его по нѣсколькимъ часамъ стоять вороной. Трудно было сказать, которая лучше: всѣ бѣлогрудыя, бѣлошейныя; у всѣхъ глаза рѣпой, у всѣхъ глаза съ поволокой, походка павлиномъ и коса до пояса. Когда, взявшись обѣими руками за бѣлыя руки, медленно двигался онъ съ ними въ хороводѣ или же выходилъ на нихъ стѣной, въ ряду другихъ парней, и погасалъ горячо рдѣющій вечеръ, и тихо померкала вокругъ окольность, и далече за рѣкой отдавался вѣрный отголосокъ неизмѣнно грустнаго напѣва, — не зналъ онъ и самъ тогда, чтд съ нимъ дѣлалось. Долго потомъ во снѣ и наяву, утромъ и въ сумерки, все мерещилось ему, что въ обѣихъ рукахъ его бѣлыя руки и движется онъ съ ними въ хороводѣ... Махнувъ рукой, говорилъ онъ: „Проклятыя лѣзли дѣвки!“

Конямъ Чичикова понравилось тоже новое жилище. И коренной, и пристяжной каурой масти, называемый Засѣдателемъ, и самый чубарый, о которомъ выражался Селифанъ: „подлецъ-лошадь“, нашли пребыванье у Тѣнтѣтникова совсѣмъ нескучнымъ, овесъ отличнымъ, а расположенье конюшенъ необыкновенно удобнымъ: у всякаго стойло, хотя и отгороженное, но черезъ перегородки можно было видѣть и другихъ лошадей, такъ что, если бы пришла кому-нибудь изъ нихъ, даже самому дальнему, фантазія вдругъ заржать, то можно было ему отвѣтствовать тѣмъ же тотъ же часъ.

Словомъ, всѣ обжились, какъ дома. Читатель, можетъ быть, изумляется, что Чичиковъ доселѣ не заикнулся по части извѣстныхъ душъ. Какъ бы не такъ! Павелъ Ивановичъ сталъ очень остороженъ насчетъ этого предмета. Если бы даже пришлось вести дѣло съ дураками круглыми, онъ бы и тутъ не вдругъ его началъ[1]. Тѣнтѣтниковъ же, какъ бы то ни было, читаетъ книги, философствуетъ, старается изъяснить себѣ всякія причины всего — и отчего[2], и почему... „Нѣтъ, чортъ его возьми! развѣ начать съ другаго конца?“ Такъ думалъ Чичиковъ. Раздобарывая почасту съ дворовыми людьми, онъ, между прочимъ, отъ нихъ развѣдалъ, что баринъ ѣздилъ прежде довольно нерѣдко къ сосѣду генералу, что у генерала барышня,

что баринъ было къ барышнѣ, да и барышня тоже къ барину... но потомъ вдругъ за что-то не поладили и разошлись. Онъ замѣтилъ и самъ, что Андрей Ивановичъ карандашомъ и перомъ все рисовалъ какія-то головки, одна на другую похожія. Одинъ разъ (скоро)[1] послѣ обѣда, оборачивая, по обыкновенью, пальцемъ серебряную табакерку вокругъ ея оси, сказалъ онъ такъ: „У васъ все есть, Андрей Ивановичъ; одного только недостаетъ". — „Чего?" спросилъ тотъ, выпуская кудреватый дымъ. — „Подруги жизни", сказалъ Чичиковъ. Ничего не сказалъ Андрей Ивановичъ; тѣмъ разговоръ и кончился. Чичиковъ не смутился, выбралъ другое время, уже передъ ужиномъ, и, разговаривая о томъ и о семъ, сказалъ вдругъ: „А право, Андрей Ивановичъ, вамъ бы очень не мѣшало жениться". Хоть бы слово сказалъ на это Тѣнтѣтниковъ, точно какъ бы и самая рѣчь объ этомъ была ему непріятна. Чичиковъ не смутился. Въ третій разъ выбралъ онъ время, уже послѣ ужина, и сказалъ такъ: „А все-таки, какъ ни переворочу обстоятельства ваши, вижу, что нужно вамъ жениться: впадете въ ипохондрію". Слова ли Чичикова были на этотъ разъ такъ убѣдительны, или же расположенье духа у Андрея Ивановича было какъ-то особенно настроено къ откровенности, — онъ вздохнулъ и сказалъ, пустивши кверху трубочный дымъ: „На все нужно родиться счастливцемъ, Павелъ Ивановичъ". И разсказалъ все, какъ было, всю исторію знакомства съ генераломъ и разрыва.

Когда услышалъ Чичиковъ, отъ слова до слова, все дѣло и увидѣлъ, что изъ-за одного слова *ты* произошла такая исторія, онъ оторопѣлъ. Нѣсколько минутъ смотрѣлъ пристально въ глаза Тѣнтѣтникова и заключилъ: „Да онъ, просто, круглый дуракъ!"

„Андрей Ивановичъ, помилуйте!" сказалъ онъ, взявши его за обѣ руки: „какое жъ оскорбленіе? что̀ жъ тутъ оскорбительнаго въ словѣ *ты?*

„Въ самомъ словѣ нѣтъ ничего оскорбительнаго", сказалъ Тѣнтѣтниковъ: „но въ смыслѣ слова, но въ голосѣ, съ которымъ сказано оно, заключается оскорбленье. *Ты!* — это значитъ: „помни, что ты дрянь; я принимаю тебя потому только, что нѣтъ никого лучше, а пріѣхала какая-нибудь княжна Юзякина, — ты знай свое мѣсто, стой у порога". Вотъ что̀ это

значитъ!“ Говоря это, смирный и кроткій Андрей Ивановичъ засверкалъ глазами; въ голосѣ его послышалось раздраженье оскорбленнаго чувства.

„Да хоть бы даже и въ этомъ смыслѣ, — что̀ жъ тутъ такого?“ сказалъ Чичиковъ.

„Какъ?“ сказалъ Тѣнтѣтниковъ, смотря пристально въ глаза Чичикову: „вы хотите, чтобы [я][1] продолжалъ бывать у него послѣ такого поступка?“

„Да какой же это поступокъ? это даже не поступокъ!“ сказалъ Чичиковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!“ подумалъ про себя Тѣнтѣтниковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ.

„Это не поступокъ, Андрей Ивановичъ. Это, просто, генеральская привычка: они всѣмъ говорятъ *ты*. Да, впрочемъ, почему этого и не позволить заслуженному, почтенному человѣку?“

„Это другое дѣло“, сказалъ Тѣнтѣтниковъ. „Если бы онъ былъ старикъ, бѣднякъ, не гордъ, не чванливъ, не генералъ, я бы тогда позволилъ ему говорить мнѣ *ты* и принялъ бы даже почтительно“.

„Онъ совсѣмъ дуракъ!“ подумалъ про себя Чичиковъ. „Обор вышу позволить, а генералу не позволить!“ И, вслѣдъ за такимъ размышленьемъ, такъ возразилъ ему вслухъ: „Хорошо; положимъ, онъ васъ оскорбилъ, за то вы и поквитались съ нимъ: онъ вамъ, и вы ему. Но разставаться навсегда изъ пустяка, — помилуйте, на что̀ же это похоже? Какъ же оставлять дѣло, которое только что началось? Если уже избрана цѣль, такъ тутъ уже нужно итти на-проломъ. Что̀ тутъ глядѣть на то, что человѣкъ плюется! Человѣкъ всегда плюется; да вы не отыщете теперь ни одного человѣка въ свѣтѣ, который бы не плевался“.

Тѣнтѣтниковъ совершенно озадачился этими словами, оторопѣлъ, глядѣлъ въ глаза Павлу Ивановичу и думалъ про себя: „Престранный, однакожъ, человѣкъ этотъ Чичиковъ!“

„Какой, однакоже, чудакъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!“ думалъ между тѣмъ Чичиковъ. „Позвольте мнѣ какъ-нибудь обдѣлать это дѣло“, сказалъ онъ вслухъ. „Я могу съѣздить къ

его превосходительству и объясню, что случилось это съ вашей стороны по недоразумѣнію, по молодости и незнанью людей и свѣта".

„Подличать передъ нимъ я не намѣренъ!" сказалъ сильно Тѣнтѣтниковъ.

„Сохрани Богъ подличать!" сказалъ Чичиковъ и перекрестился. „Подѣйствовать словомъ увѣщанья, какъ благоразумный посредникъ, но подличать... извините, Андрей Ивановичъ, за мое доброе желанье и преданность, я даже не ожидалъ, чтобы слова принимали вы въ такомъ обидномъ смыслѣ!"

„Простите, Павелъ Ивановичъ, я виноватъ!" сказалъ тронутый Тѣнтѣтниковъ, схвативши признательно обѣ его руки. „Ваше доброе участіе мнѣ дорого, клянусь! Но оставимъ этотъ разговоръ, не будемъ больше никогда объ этомъ говорить!"

„Въ такомъ случаѣ я поѣду, просто, къ генералу безъ причины", сказалъ Чичиковъ.

„Зачѣмъ?" спросилъ Тѣнтѣтниковъ, въ недоумѣніи смотря на Чичикова.

„Засвидѣтельствовать почтенье", сказалъ Чичиковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Чичиковъ!" подумалъ Тѣнтѣтниковъ.

„Какой странный человѣкъ этотъ Тѣнтѣтниковъ!" подумалъ Чичиковъ.

„Такъ какъ моя бричка", сказалъ Чичиковъ: „не пришла еще въ надлежащее состояніе, то позвольте мнѣ взять у васъ коляску. Я бы завтра же, эдакъ около десяти часовъ, къ нему съѣздилъ".

„Помилуйте, что̀ за просьба! Вы — полный господинъ, выбирайте, какой хотите, экипажъ: все въ вашемъ распоряженіи".

Они простились и разошлись спать, не безъ разсужденья о странностяхъ другъ друга.

Чудная, однакоже, вещь: на другой день, когда подали Чичикову лошадей и вскочилъ онъ въ коляску, съ легкостью почти военнаго человѣка, одѣтый въ новый фракъ, бѣлый галстукъ и жилетъ, и покатился свидѣтельствовать почтенье генералу, — Тѣнтѣтниковъ пришелъ въ такое волненье духа, какого давно не испытывалъ. Весь этотъ ржавый и дремлющій ходъ его мыслей превратился въ дѣятельно-безпокойный.

Возмущенье нервическое обуяло вдругъ всѣми чувствами доселѣ погруженнаго въ безпечную лѣнь байбака. То садился онъ на диванъ, то подходилъ къ окну, то принимался за книгу, то хотѣлъ мыслить. Безуспѣшное хотѣнье! Мысль не лѣзла къ нему въ голову. То старался ни о чемъ не мыслить. Безуспѣшное стараніе! Отрывки чего-то похожаго на мысли, концы и хвостики мыслей лѣзли и отовсюду наклевывались къ нему въ голову. „Странное состоянье!“ сказалъ онъ и придвинулся къ окну — глядѣть на дорогу, прорѣзавшую дуброву, въ концѣ которой еще курилась, не успѣвшая улечься, пыль, поднятая уѣхавшей коляской. Но оставимъ Тѣнтѣтникова и послѣдуемъ за Чичиковымъ.

ГЛАВА II.

Въ полчаса съ небольшимъ кони пронесли Чичикова чрезъ десятиверстное пространство — сначала дубровою, потомъ хлѣбами, начинавшими зеленѣть посреди свѣжей орани, потомъ горной окраиной, съ которой поминутно открывались виды на отдаленья, — и наконецъ широкою аллеею раскидистыхъ липъ внесли его въ генеральскую деревню. Аллея липъ превратилась въ аллею тополей, огороженныхъ снизу плетеными коробками, и уперлась въ чугунныя сквозныя ворота, сквозь которыя глядѣлъ кудряво-великолѣпный рѣзной фронтонъ генеральскаго дома, опиравшійся на восемь колоннъ съ коринѳскими капителями. Пахнуло повсюду масляной краской, которою безпрерывно обновлялося все, ничему не давая состарѣться. Дворъ чистотой подобенъ былъ паркету. Подкативши къ подъѣзду, Чичиковъ съ почтеньемъ соскочилъ на крыльцо, приказалъ о себѣ доложить и былъ введенъ прямо въ кабинетъ.

Генералъ поразилъ его величественной наружностью. Онъ былъ на ту пору въ атласномъ малиновомъ халатѣ. Открытый взглядъ, лицо мужественное, бакенбарды и большіе усы съ просѣдью, стрижка низкая, а на затылкѣ даже подъ гребенку, шея толстая, широкая, такъ называемая въ три этажа (въ три складки съ трещиной поперекъ), голосъ — басъ съ нѣ-

которою охрипью, движенья генеральскія. Генералъ Бетрищевъ, какъ и всѣ мы грѣшные, былъ одаренъ многими достоинствами и многими недостатками. То и другое, какъ случается въ русскомъ человѣкѣ, было набросано въ немъ въ какомъ-то картинномъ безпорядкѣ: самопожертвованье, великодушье, въ рѣшительныя минуты храбрость, умъ и ко всему этому — изрядная подмѣсь себялюбья, честолюбья, самолюбья, мелочной щекотливости личной и многаго того, безъ чего уже не обходится человѣкъ. Всѣхъ, которые ушли впередъ его по службѣ, онъ не любилъ, выражался о нихъ ѣдко, въ сардоническихъ, колкихъ эпиграммахъ. Всего больше доставалось отъ него его прежнему сотоварищу, котораго считалъ онъ ниже себя и умомъ, и способностями, и который, однакоже, обогналъ его и былъ уже генералъ-губернаторомъ двухъ губерній, въ одной изъ которыхъ находились его помѣстья, такъ что онъ очутился какъ бы въ зависимости отъ него. Въ отместку, язвилъ онъ его при всякомъ случаѣ, критиковалъ всякое распоряженье и видѣлъ во всѣхъ мѣрахъ и дѣйствіяхъ его верхъ неразумія. Не смотря на доброе сердце, генералъ былъ насмѣшливъ. Вообще говоря, онъ любилъ первенствовать, любилъ ѳиміамъ, любилъ блеснуть и похвастаться умомъ, любилъ знать то, чего другіе не знаютъ, и не любилъ тѣхъ людей, которые знаютъ что-нибудь такое, чего онъ не знаетъ. Воспитанный полуиностраннымъ воспитаньемъ, онъ хотѣлъ сыграть въ то же время роль рускаго барина. Съ такой неровностью въ характерѣ, съ такими крупными, яркими противоположностями, онъ долженъ былъ неминуемо встрѣтить по службѣ кучу непріятностей, вслѣдствіе которыхъ и вышелъ въ отставку, обвиняя во всемъ какую-то враждебную партію и не имѣя великодушія обвинить въ чемъ-либо себя самого. Въ отставкѣ сохранилъ онъ ту же картинную, величавую осанку. Въ сюртукѣ ли, во фракѣ ли, въ халатѣ — онъ былъ все тотъ же. Отъ голоса до малѣйшаго тѣлодвиженья въ немъ все было властительное, повелѣвающее, внушавшее въ низшихъ чинахъ если не уваженіе, то, по крайней мѣрѣ, робость.

Чичиковъ почувствовалъ то и другое: и уваженье, и робость. Наклоня почтительно голову на бокъ, началъ онъ такъ: „Счелъ долгомъ представиться[1] вашему превосходительству. Питая уваженіе къ доблестямъ мужей, спасавшихъ отечество на бран-

номъ полѣ, счелъ долгомъ представиться лично вашему превосходительству".

Генералу, какъ видно, не непонравился такой приступъ. Сдѣлавши весьма милостивое движенье головою, онъ сказалъ: „Весьма радъ познакомиться. Милости просимъ садиться. Вы гдѣ служили?"

„Поприще службы моей", сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла не въ серединѣ, но наискось, и ухватившись рукою за ручку креселъ: „началось въ казенной палатѣ, ваше превосходительство; дальнѣйшее же теченье оной продолжалъ въ разныхъ мѣстахъ: былъ и въ надворномъ судѣ, и въ коммиссіи построенія, и въ таможнѣ. Жизнь мою можно уподобить судну среди волнъ, ваше превосходительство. На терпѣньи, можно сказать, выросъ, терпѣньемъ воспоенъ, терпѣньемъ спеленатъ, и самъ, такъ сказать, не что другое, какъ одно терпѣнье. А ужъ сколько претерпѣлъ отъ враговъ, такъ ни слова́, ни краски[1] не съумѣютъ передать. Теперь же, на вечерѣ, такъ сказать, жизни своей, ищу уголка, гдѣ бы провесть остатокъ дней. Пріостановился же, покуда, у близкаго сосѣда вашего превосходительства..."

„У кого это?"

„У Тѣнтѣтникова, ваше превосходительство".

Генералъ поморщился.

„Онъ, ваше превосходительство, весьма раскаивается въ томъ, что не оказалъ должнаго уваженья..."

„Къ чему уваженья?"

„Къ заслугамъ вашего превосходительства", сказалъ Чичиковъ. „Не находитъ словъ, (не знаетъ, какъ загладить проступокъ)[2]. Говоритъ: „Если бы я только могъ передъ его превосходительствомъ чему-нибудь... потому что, точно", говоритъ, „умѣю цѣнить мужей, спасавшихъ отечество..."

„Помилуйте, что̀ жъ онъ?... Да вѣдь я не сержусь!" сказалъ смягчившійся генералъ. „Въ душѣ моей я искренно полюбилъ его и увѣренъ, что со временемъ онъ будетъ преполезный человѣкъ".

„Преполезный!" подхватилъ Чичиковъ: „обладаетъ даромъ слова и владѣетъ перомъ".

„Но пишетъ, я чай, пустяки, какіе-нибудь стишки?"

„Нѣтъ, ваше превосходительство, не пустяки..."

„Чтò жъ такое?“

„Онъ пишетъ... исторію, ваше превосходительство“.

„Исторію! о чемъ исторію?“

„Исторію...“ тутъ Чичиковъ остановился, и оттого ли, что передъ нимъ сидѣлъ генералъ, или, просто, чтобы придать болѣе важности предмету, прибавилъ: „исторію о генералахъ, ваше превосходительство“.

„Какъ о генералахъ? о какихъ генералахъ?“

„Вообще о генералахъ, ваше превосходительство, въ общности... то есть, говоря собственно, объ отечественныхъ генералахъ“.

„Извините, я не очень понимаю... чтò жъ это? выходитъ, исторію какого-нибудь времени, или отдѣльныя біографіи, и притомъ всѣхъ ли, или только участвовавшихъ въ 12-мъ году?“

„Точно такъ, ваше превосходительство, участвовавшихъ въ 12-мъ году!“

„Такъ чтò жъ онъ ко мнѣ не пріѣдетъ? Я бы могъ собрать ему весьма много любопытныхъ матеріаловъ“.

„Не смѣетъ, ваше превосходительство“.

„Какой вздоръ! Изъ какого-нибудь пустаго слова... Да я совсѣмъ не такой человѣкъ. Я, пожалуй, къ нему самъ готовъ пріѣхать“.

„Онъ къ тому не допуститъ, онъ самъ пріѣдетъ“, сказалъ Чичиковъ и въ то же время подумалъ въ себѣ: „Генералы пришлись, однакоже, кстати; между тѣмъ вѣдь языкъ совершенно болтнулъ съ-дуру“.

Въ кабинетѣ послышался шорохъ. Орѣховая дверь рѣзнаго шкафа отворилась сама собою. На обратной половинѣ раствоpенной двери, ухватившись чудесной ручкой за ручку двери, явилась живая фигурка. Если бы въ темной комнатѣ вдругъ вспыхнула прозрачная картина, освѣщенная сзади лампою, она бы не поразила такъ, какъ эта сіявшая жизнью фигурка, которая точно предстала затѣмъ, чтобы освѣтить комнату. Казалось, какъ бы вмѣстѣ съ нею влетѣлъ солнечный лучъ въ комнату, озарившій вдругъ потолокъ, карнизъ и темные углы ея. Она казалась блистающаго роста. Это было обольщенье; происходило это отъ необыкновенной стройности и гармоническаго соотношенья между собою всѣхъ частей тѣла, отъ головы до пальчиковъ. Одноцвѣтное платье, на ней наброшенное, было

наброшено съ такимъ [вкусомъ][1], что, казалось, швеи столицъ совѣщались между собой, какъ бы получше убрать ее. Это былъ обманъ. Одѣлась она кое-какъ, сама собой; въ двухъ, трехъ мѣстахъ схватила неизрѣзанный кусокъ ткани, и онъ прильнулъ и расположился вокругъ нея въ такихъ складкахъ, что ваятель перенесъ бы ихъ тотчасъ же на мраморъ, и барышни, одѣтыя по модѣ, всѣ казались бы передъ ней какими-то пеструшками. Не смотря на то, что Чичикову почти знакомо было лицо ея по рисункамъ Андрея Ивановича, онъ смотрѣлъ[2] на нее, какъ оторопѣлый, и потомъ уже замѣтилъ, что у нея былъ существенный недостатокъ, именно — недостатокъ толщины.

„Рекомендую вамъ мою баловницу!“ сказалъ генералъ, обратясь къ Чичикову. „Однакожъ, я вашего имени и отечества до сихъ поръ не знаю“.

„Впрочемъ, должно ли быть знаемо имя и отчество человѣка, не ознаменовавшаго себя доблестями?“ сказалъ Чичиковъ.

„Всё же, однакожъ, нужно знать...“

„Павелъ Ивановичъ, ваше превосходительство“, проговорилъ Чичиковъ, съ легкимъ наклономъ головы на бокъ.

„Улинька! Павелъ Ивановичъ сейчасъ сказалъ преинтересную новость. Сосѣдъ нашъ Тѣнтѣтниковъ совсѣмъ не такой глупый человѣкъ, какъ мы полагали. Онъ занимается довольно важнымъ дѣломъ: исторіей генераловъ двѣнадцатаго года“.

Улинька вдругъ какъ бы вспыхнула и оживилась. „Да кто же думалъ, что онъ глупый человѣкъ?“ проговорила она быстро. „Это могъ думать развѣ одинъ только Вишнепокромовъ, которому ты вѣришь, папа, который и пустой, и низкій человѣкъ!“

„Зачѣмъ же низкій? Онъ пустоватъ, это правда“, сказалъ генералъ.

„Онъ подловатъ и гадковатъ, не только что пустоватъ“, подхватила живо Улинька. „Кто такъ обидѣлъ своихъ братьевъ и выгналъ изъ дому родную сестру, тотъ гадкій человѣкъ“...

„Да вѣдь это разсказываютъ только“.

„Разсказывать не будутъ напрасно. У тебя, отецъ, добрѣйшая душа и рѣдкое сердце, но ты поступаешь такъ, что иной подумаетъ о тебѣ совсѣмъ другое. Ты будешь принимать человѣка, о которомъ самъ знаешь, что онъ дуренъ, потому что онъ только краснобай и мастеръ передъ тобой увиваться“.

„Душа моя! вѣдь мнѣ жъ не прогнать его“, сказалъ генералъ.

„Зачѣмъ прогонять, зачѣмъ и любить?!“

„А вотъ и нѣтъ, ваше превосходительство“, сказалъ Чичиковъ Улинькѣ, съ легкимъ наклономъ головы, съ пріятной улыбкой: „По христіанству, именно такихъ мы должны любить“. И тутъ же, обратясь къ генералу, сказалъ съ улыбкой, уже нѣсколько плутоватой: „Изволили ли, ваше превосходительство, слышать когда-нибудь о томъ, что̀ такое — *„полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ?“*

„Нѣтъ, не слыхалъ“.

„А это преказусный анекдотъ“, сказалъ Чичиковъ съ плутоватой улыбкой. „Въ имѣніи, ваше превосходительство, у князя Гукзовскаго, котораго, безъ сомнѣнія, ваше превосходительство, изволите знать...“

„Не знаю“.

„Былъ управитель, ваше превосходительство, изъ нѣмцевъ, молодой человѣкъ. По случаю поставки рекрутъ и прочаго, имѣлъ онъ надобность пріѣзжать въ городъ и, разумѣется, подмазывать судейскихъ. Впрочемъ, и они тоже полюбили, угощали. Вотъ какъ-то одинъ разъ у нихъ на обѣдѣ говоритъ онъ: „Что̀ жъ, господа, когда-нибудь и ко мнѣ, въ имѣнье къ князю“. Говорятъ: „Пріѣдемъ“. Скоро послѣ того случилось выѣхать суду на слѣдствіе, по дѣлу, случившемуся во владѣніяхъ графа Трехметьева, котораго, ваше превосходительство, безъ сомнѣнія, тоже изволите знать“.

„Не знаю“.

„Самаго-то слѣдствія они не дѣлали, а всѣмъ судомъ заворотили на экономическій дворъ, къ старику, графскому эконому, да три дни и три ночи безъ просыпу — въ карты. Самоваръ и пуншъ, разумѣется, со стола не сходятъ. Старику-то они ужъ и надоѣли. Чтобы какъ-нибудь отъ нихъ отдѣлаться, онъ и говоритъ: „Вы бы, господа, заѣхали къ княжому управителю нѣмцу: онъ недалеко отсюда“. — „А и въ самомъ дѣлѣ“, говорятъ, и съ-полупьяна, небритые и заспанные, какъ были, на телѣги да къ нѣмцу... А нѣмецъ, ваше превосходительство, надобно знать, въ это время только-что женился; женился на институткѣ, молоденькой, субтильной (Чичиковъ выразилъ въ лицѣ своемъ субтильность). Сидятъ

они двое за чаемъ, ни о чемъ не думая, вдругъ отворяются двери — и ввалилось сонмище".

„Воображаю — хороши!" сказалъ генералъ, смѣясь.

„Управитель такъ и оторопѣлъ, говоритъ: „Что вамъ угодно?" — „А!" говорятъ, „такъ вотъ ты какъ!" И вдругъ, съ этимъ словомъ, перемѣна лицъ и физіогноміи... „За дѣломъ! Сколько вина выкуривается по имѣнью? Покажите книги!" Тотъ сюды-туды. „Эй, понятыхъ!" Взяли, связали, да въ городъ, да полтора года и просидѣлъ нѣмецъ въ тюрьмѣ".

„Вотъ на!" сказалъ генералъ.

Улинька всплеснула руками.

„Жена — хлопотать!" продолжалъ Чичиковъ. „Ну, что жъ можетъ какая-нибудь неопытная молодая женщина? Спасибо, что случились добрые люди, которые посовѣтовали пойти на мировую. Отдѣлался онъ двумя тысячами да угостительнымъ обѣдомъ. И на обѣдѣ, когда всѣ уже развеселились, и онъ также, вотъ и говорятъ они ему: „Не стыдно ли тебѣ такъ поступить съ нами? Ты все бы хотѣлъ насъ видѣть прибранными, да выбритыми, да во фракахъ. Нѣтъ, *ты полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ*".

Генералъ расхохотался; болѣзненно застонала Улинька.

„Я не понимаю, папа, какъ ты можешь смѣяться!" сказала она быстро. Гнѣвъ отемнилъ прекрасный лобъ ея... „Безчестнѣйшій поступокъ, за который я не знаю, куды бы ихъ слѣдовало всѣхъ услать..."

„Другъ мой, я ихъ ничуть не оправдываю", сказалъ генералъ: „но что жъ дѣлать, если смѣшно? Какъ бишь: „полюби насъ бѣленькими?..."

„Черненькими, ваше превосходительство", подхватилъ Чичиковъ.

„Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Ха, ха, ха, ха!" И туловище генерала стало колебаться отъ смѣха. Плечи, носившія нѣкогда густые эполеты, тряслись, точно, какъ бы носили и понынѣ густые эполеты.

Чичиковъ разрѣшился тоже междуиметіемъ[1] смѣха, но, изъ уваженія къ генералу, пустилъ его на букву *е:* хе, хе, хе, хе, хе! И туловище его также стало колебаться отъ смѣха, хотя плечи и не тряслись, ибо не носили густыхъ эполетъ.

„Воображаю, хорошъ былъ небритый судъ!“ говорилъ генералъ, продолжая смѣяться.

„Да, ваше превосходительство, какъ бы то ни было, трехдневное бдѣніе безъ просыпу — тотъ же постъ: поизнурились, поизнурились!“ говорилъ Чичиковъ, продолжая смѣяться.

Улинька опустилась въ кресла и закрыла рукой прекрасные глаза; какъ бы досадуя на то, что не съ кѣмъ было подѣлиться негодованіемъ, сказала она: „Я не знаю, меня только беретъ одна досада“.

Въ самомъ дѣлѣ, необыкновенно странны были своею противоположностью тѣ чувства, которыя происходили[1] въ сердцахъ троихъ бесѣдовавшихъ людей. Одному была смѣшна неповоротливая ненаходчивость нѣмца; другому смѣшно было оттого, что смѣшно изворотились плуты; третьему было грустно, что безнаказанно совершился несправедливый поступокъ. Не было только четвертаго, который бы задумался именно надъ этими словами, произведшими смѣхъ въ одномъ и грусть въ другомъ. Чтȯ значитъ, однакоже, что и въ паденьи своемъ гибнущій грязный человѣкъ требуетъ любви къ себѣ? Животный ли инстинктъ это? или слабый крикъ души, заглушенной (тяжелымъ)[2] гнетомъ подлыхъ страстей, еще пробивающійся сквозь деревеняющую кору мерзостей, еще вопіющій: „Братъ, спаси!“ Не было четвертаго, которому бы тяжелѣй всего была погибающая душа его брата.

„Я не знаю“, говорила Улинька, отнимая отъ лица руку: „меня одна только досада беретъ“.

„Только, пожалуста, не гнѣвайся на насъ“, сказалъ генералъ. „Мы тутъ ни въ чемъ не виноваты. Поцѣлуй меня и уходи къ себѣ, потому что я сейчасъ[3] буду одѣваться къ обѣду. Вѣдь ты обѣдаешь у меня?“ сказалъ генералъ, вдругъ обратясь къ Чичикову.

„Если только ваше превосходительство...“

„Безъ церемоніи. Щи есть!“

Чичиковъ пріятно наклонилъ голову, и когда приподнялъ потомъ ее вверхъ, онъ уже не увидалъ Улиньки: она исчезнула. На мѣсто ея предсталъ, въ густыхъ усахъ и бакенбардахъ, великанъ-камердинеръ, съ серебряной лаханкой и рукомойникомъ въ рукахъ.

„Ты мнѣ позволишь одѣваться при себѣ?“ сказалъ гене-

нералъ, скидая халатъ и засучивая рукава рубашки на богатырскихъ рукахъ.

„Помилуйте, не только одѣваться, но можете совершать при мнѣ все, чтò угодно вашему превосходительству“, сказалъ Чичиковъ.

Генералъ сталъ умываться, брызгаясь и фыркая, какъ утка. Вода съ мыломъ летѣла во всѣ стороны.

„Какъ бишь?“ сказалъ онъ, вытирая со всѣхъ сторонъ свою толстую шею: „полюби насъ бѣленькими?...“

„Черненькими, ваше превосходительство“.

„Полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ всякій полюбитъ. Очень, очень хорошо!“

Чичиковъ былъ въ духѣ необыкновенномъ; онъ чувствовалъ какое-то вдохновенье. „Ваше превосходительство!“ сказалъ онъ.

„Что?“ сказалъ генералъ.

„Есть еще одна исторія“.

„Какая?“

„Исторія тоже смѣшная, но мнѣ-то отъ ней не смѣшно. Даже такъ, что если ваше превосходительство...“

„Какъ такъ?“

„Да вотъ, ваше превосходительство, какъ!...“ Тутъ Чичиковъ осмотрѣлся и, увидя, что камердинеръ съ лаханкою вышелъ, началъ такъ: „Есть у меня дядя, дряхлый старикъ. У него триста душъ и, кромѣ меня, наслѣдниковъ никого. Самъ управлять имѣньемъ, по дряхлости, не можетъ, а мнѣ не передаетъ тоже. И какой странный приводитъ резонъ: „Я“, говоритъ, „племянника не знаю; можетъ быть, онъ мотъ. Пусть онъ докажетъ мнѣ, что онъ надежный человѣкъ, пусть пріобрѣтетъ прежде самъ собой триста душъ, тогда я ему отдамъ и свои триста душъ“.

„Какой дуракъ!“

„Справедливо изволили замѣтить, ваше превосходительство. Но представьте же теперь мое положеніе...“ Тутъ Чичиковъ, понизивши голосъ, сталъ говорить какъ бы по секрету: „У него въ домѣ, ваше превосходительство, есть ключница, а у ключницы дѣти. Того и смотри, все перейдетъ имъ“.

„Выжилъ глупый старикъ изъ ума и больше ничего“ сказалъ генералъ. „Только я не вижу, чѣмъ тутъ я могу пособить“.

„Я придумалъ вотъ что̀. Теперь покуда новыя ревижскія[1] сказки не поданы, у помѣщиковъ большихъ имѣній наберется не мало, на ряду съ душами живыми, отбывшихъ и умершихъ... Такъ, если, напримѣръ, ваше превосходительство передадите мнѣ ихъ въ такомъ видѣ, какъ бы они были живыя, съ совершеньемъ купчей крѣпости, я бы тогда эту крѣпость представилъ старику и онъ, какъ ни вертись, а наслѣдство бы мнѣ отдалъ“.

Тутъ генералъ разразился такимъ смѣхомъ, какимъ врядъ ли когда смѣялся человѣкъ: какъ былъ, такъ и повалился онъ въ кресла; голову забросилъ назадъ и чуть не захлебнулся. Весь домъ встревожился. Предсталъ камердинеръ. Дочь прибѣжала въ испугѣ.

„Папа, что съ тобой случилось?“

„Ничего, мой другъ. Ха, ха, ха! Ступай къ себѣ, мы сейчасъ явимся обѣдать. Ха, ха, ха!“

И нѣсколько разъ, задохнувшись, вырывался съ новою силою генеральскій хохотъ, раздаваясь, отъ передней до послѣдней комнаты, въ высокихъ, звонкихъ генеральскихъ покояхъ.

Чичиковъ съ безпокойствомъ ожидалъ конца этому необыкновенному смѣху.

„Ну, братъ, извини: тебя самъ чортъ угораздилъ на такую штуку. Ха, ха, ха! Попотчивать старика, подсунуть ему мертвыхъ! Ха, ха, ха, ха! Дядя-то, дядя! Въ какихъ дуракахъ дядя! Ха, ха, ха, ха!“

Чичиковъ находился нѣсколько даже въ конфузномъ положеніи: тутъ же стоялъ камердинеръ, разинувши ротъ и выпуча глаза.

„Ваше превосходительство, вѣдь смѣхъ этотъ выдумали слезы“, сказалъ онъ.

„Извини, братъ! Ну, уморилъ. Да я бы пятьсотъ тысячъ далъ за то только, чтобы посмотрѣть на твоего дядю въ то время, какъ ты поднесешь ему купчую на мертвыя души. Да что̀, онъ слишкомъ старъ? Сколько ему лѣтъ?“

„Восемьдесятъ лѣтъ, ваше превосходительство. Но это келейное, я бы... чтобы...“ Чичиковъ посмотрѣлъ значительно въ лицо генерала и въ то же время искоса на камердинера.

„Поди вонъ, братецъ. Придешь послѣ“, сказалъ генералъ камердинеру. Усачъ удалился.

„Да, ваше превосходительство... Это, ваше превосходительство, дѣло такое, что я бы хотѣлъ подержать[1] его въ секретѣ...“

„Разумѣется, я это очень понимаю. Экой дуракъ старикъ! Вѣдь придетъ же въ 80 лѣтъ этакая дурь въ голову! Да что̀ онъ съ виду какъ? бодръ? держится еще на ногахъ?“

„Держится, но съ трудомъ“.

„Экой дуракъ! И зубы есть?“

„Два зуба всего, ваше превосходительство“.

„Экой оселъ! Ты, братецъ, не сердись... а вѣдь онъ оселъ“.

„Точно такъ, ваше превосходительство. Хоть онъ мнѣ и родственникъ, и тяжело сознаваться въ этомъ, но дѣйствительно — оселъ“. Впрочемъ, какъ читатель можетъ смекнуть и самъ, Чичикову не тяжело было въ этомъ сознаться, тѣмъ болѣе, что врядъ ли у него былъ когда-либо какой дядя. „Такъ если, ваше превосходительство, будете уже такъ добры...“

„Чтобы отдать тебѣ мертвыхъ душъ? Да за такую выдумку я ихъ тебѣ съ землей, съ жильемъ! Возьми себѣ все кладбище! Ха, ха, ха, ха! Старикъ-то, старикъ! Ха, ха, ха, ха! Въ какихъ дуракахъ! Ха, ха, ха, ха!“ И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ[2].

ГЛАВА III.

„Нѣтъ, я не такъ“, говорилъ Чичиковъ, очутившись опять посреди открытыхъ полей и пространствъ: „нѣтъ, я не такъ распоряжусь. Какъ только, дастъ Богъ, все покончу благополучно и сдѣлаюсь дѣйствительно состоятельнымъ, зажиточнымъ человѣкомъ, я поступлю тогда совсѣмъ иначе: будетъ у меня тогда и поваръ, и домъ, какъ полная чаша, но будетъ и хозяйственная часть въ порядкѣ. Концы сведутся съ концами, да понемножку всякій годъ будетъ откладываться сумма и для потомства, если только Богъ пошлетъ женѣ плодородье“... — „Эй ты — дурачина!“

Селифанъ и Петрушка оглянулися оба съ козелъ.

„А куда ты ѣдешь?“

„Да такъ изволили приказывать, Павелъ Ивановичъ, — къ полковнику Кошкареву“, сказалъ Селифанъ.

„А дорогу разспросилъ?“

„Я, Павелъ Ивановичъ, изволите видѣть, такъ какъ все хлопоталъ около коляски, такъ оно-съ... генеральскаго конюха только видѣлъ... А Петрушка разспрашивалъ у кучера“.

„Вотъ и дуракъ! На Петрушку, сказано, не полагаться: Петрушка — бревно“.

„Вѣдь тутъ не мудрость какая“, сказалъ Петрушка, глядя искоса: „окромѣ того, что, спустясь съ горы, взять попрямѣй, ничего больше и нѣтъ“.

„А ты, окромѣ сивухи, ничего больше, чай, и въ ротъ не бралъ? Чай, и теперь налимонился?“

Увидя, что рѣчь повернула вона въ какую сторону, Петрушка закрутилъ только носомъ. Хотѣлъ онъ было сказать, что даже и не пробовалъ, да ужъ какъ-то и самому стало стыдно.

„Въ коляскѣ-съ хорошо-съ ѣхать“, сказалъ Селифанъ, оборотившись.

„Что?“

„Говорю, Павелъ Ивановичъ, что въ коляскѣ де вашей милости хорошо-съ ѣхать, получше-съ, какъ въ бричкѣ — не трясетъ“.

„Пошелъ, пошелъ! Тебя вѣдь не спрашиваютъ объ этомъ“.

Селифанъ хлыснулъ слегка бичемъ по крутымъ бокамъ лошадей и поворотилъ рѣчь къ Петрушкѣ: „Слышь, мужика Кошкаревъ, баринъ, одѣлъ, говорятъ, какъ нѣмца[1]; поодаль и не распознаешь, — выступаетъ по журавлиному, какъ нѣмецъ. И на бабѣ не то, чтобы платокъ повязуютъ[2] пирогомъ или кокошникъ на головѣ, а нѣмецкій капоръ такой, какъ нѣмки ходятъ, знашь, въ капорахъ, — такъ капоръ[3] называется, знашь, капоръ — нѣмецкій такой капоръ“.

„А тебя какъ бы нарядить нѣмцемъ да въ капоръ!“ сказалъ Петрушка, острясь надъ Селифаномъ и ухмыльнувшись. Но что̀ за рожа вышла отъ этой усмѣшки! И подобья не было на усмѣшку, а точно какъ бы человѣкъ, доставши себѣ въ носъ насморкъ и силясь при насморкѣ чихнуть, не чихнулъ, но такъ и остался въ положеньи человѣка, собирающагося чихнуть.

Чичиковъ заглянулъ изъ-подъ низа ему въ рожу, желая знать, что̀ тамъ дѣлается, и сказалъ: „Хорошъ! а еще во-

ображаетъ, что красавецъ!“ Надобно сказать, что Павелъ Ивановичъ былъ сурьезно увѣренъ въ томъ, что Петрушка влюбленъ въ красоту свою, тогда какъ послѣднiй временами позабывалъ, есть ли у него даже вовсе рожа.

„Вотъ какъ бы догадались было, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Селифанъ, оборотившись съ козелъ: „чтобы выпросить у Андрея Ивановича другаго коня, въ обмѣнъ на чубараго; онъ бы, по дружественному расположенiю къ вамъ, не отказалъ бы, а это конь-съ, право, подлецъ-лошадь и помѣха“.

„Пошелъ, пошелъ, не болтай!“ сказалъ Чичиковъ и про себя подумалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, напрасно я не догадался“.

Легкимъ ходомъ неслась тѣмъ временемъ легкая на ходу коляска. Легко подымалась и вверхъ, хотя подчасъ и неровна была дорога; легко опускалась и подъ гору, хотя были спуски проселочныхъ дорогъ. Съ горы спустились. Дорога шла лугами черезъ извивы рѣки, мимо мельницъ. Вдали мелькали пески, выступали картинно одна изъ-за другой осиновыя рощи; вблизи же пролетали быстро кусты лозъ, тонкiя ольхи и серебристые тополи, ударявшiе вѣтвями сидѣвшихъ на козлахъ Селифана и Петрушку. Съ послѣдняго ежеминутно сбрасывали они картузъ. Суровый служитель соскакивалъ съ козелъ, бранилъ глупое дерево и хозяина, который насадилъ его, но привязать картуза или даже придержать рукою не догадался, все надѣясь на то, что авось дальше не случится. Деревья же становились гуще: къ осинамъ и ольхамъ начала присоединяться береза, и скоро образовалась лѣсная гущина. Свѣтъ солнца сокрылся. Затемнѣли сосны и ели[1]. Непробудный мракъ безконечнаго лѣса сгущался и, казалось, готовился превратиться въ ночь. И вдругъ промежъ деревъ свѣтъ, тамъ и тамъ промежъ вѣтвей и пней, точно живое серебро или зеркала. Лѣсъ сталъ освѣщаться, деревья рѣдѣть[2], послышались крики — и вдругъ передъ ними озеро. Водная равнина версты четыре въ поперечникѣ, вокругъ деревá, позади ихъ избы. Человѣкъ 20, по поясъ, по плеча и по горло въ водѣ, тянули къ супротивному берегу неводъ. Посреди ихъ плавалъ проворно, кричалъ и хлопоталъ за всѣхъ человѣкъ, почти такой же мѣры въ вышину, какъ и въ толщину, круглый кругомъ, точный арбузъ. По причинѣ толщины, онъ уже не могъ ни въ какомъ случаѣ потонуть и какъ бы ни

кувыркался, желая нырнуть, вода бы его все выносила на верхъ; и если бы сѣло къ нему на спину еще двое человѣкъ, онъ бы, какъ упрямый пузырь, остался съ ними на верхушкѣ воды, слегка только подъ ними покряхтывая да пуская носомъ и ртомъ пузыри.

„Этотъ, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ: „долженъ быть баринъ, полковникъ Кошкаревъ“.

„Отчего?“

„Оттого, что тѣло у него, изволите видѣть, побѣлѣй, чѣмъ у другихъ, и дородство почтительное, какъ у барина“.

Крики между тѣмъ становились явственнѣй. Скороговоркой и звонко выкрикивалъ баринъ-арбузъ: „Передавай, передавай, Денисъ, Козьмѣ! Козьма, бери хвостъ у Дениса! Ѳома большой, напирай туды жа[1], гдѣ и Ѳома меньшой! Заходи справа, справа заходи! Стой, стой, чортъ васъ побери обоихъ! Запутали меня самого въ неводъ! Зацѣпили, говорю, проклятые, зацѣпили за пупъ!“

Влачители праваго крыла остановились, увидя, что дѣйствительно случилась непредвидѣнная оказія: баринъ запутался въ сѣти.

„Вишь ты“, сказалъ Селифанъ Петрушкѣ: „потащили барина, какъ рыбу“.

Баринъ барахтался и, желая выпутаться, перевернулся на спину, брюхомъ вверхъ, запутавшись еще въ сѣтку. Боясь оборвать сѣть, плылъ онъ вмѣстѣ съ пойманною рыбою, приказавши себя перехватить только вповерекъ веревкой. Перевязавши его веревкой, бросили конецъ ея на берегъ. Человѣкъ съ двадцать рыбаковъ, стоявшихъ на берегу, подхватили конецъ и стали бережно тащить его. Добравшись до мелкаго мѣста, баринъ сталъ на ноги, покрытый клѣтками сѣти, какъ въ лѣтнее время дамская ручка подъ сквозной перчаткой, — взглянулъ вверхъ[2] и увидѣлъ гостя, въ коляскѣ въѣзжавшаго на плотину. Увидя гостя, кивнулъ онъ головой. Чичиковъ снялъ картузъ и учтиво раскланялся съ коляски.

„Обѣдали?“ закричалъ баринъ, подходя съ пойманною рыбою на берегъ, держа одну руку надъ глазами козырькомъ въ защиту отъ солнца, другую же — на манеръ Венеры Медицейской, выходящей изъ бани.

„Нѣтъ“, сказалъ Чичиковъ.

„Ну, такъ благодарите же Бога“.

„А что?“ спросилъ Чичиковъ любопытно, держа надъ головою картузъ.

„А вотъ что!“ сказалъ баринъ, очутившійся на берегу вмѣстѣ съ карпами и карасями, которые бились у ногъ его и прыгали на аршинъ отъ земли. „Это ничего, на это не глядите; а вотъ штука, вонъ гдѣ!... А покажите-ка, Ѳома большой, осетра“. Два здоровыхъ мужика вытащили изъ кадушки какое-то чудовище. „Каковъ князекъ? изъ рѣки зашелъ!“

„Да это цѣлый князь!“ сказалъ Чичиковъ.

„Вотъ то-то же. Поѣзжайте-ка вы теперь впередъ, а я за вами. Кучеръ, ты, братецъ, возьми дорогу пониже, черезъ огородъ. Побѣги, телепень Ѳома меньшой, снять перегородку. А я за вами — какъ тутъ, прежде чѣмъ успѣете оглянуться“.

„Полковникъ чудаковатъ“, подумалъ [Чичиковъ][1], проѣхавши, наконецъ безконечную плотину и подъѣзжая къ избамъ, изъ которыхъ однѣ, подобно стаду утокъ, разсыпались по косогору возвышенья, а другія стояли внизу на сваяхъ, какъ цапли. Сѣти, невода, бредни развѣшаны были повсюду. Ѳома меньшой снялъ перегородку, коляска проѣхала огородомъ и очутилась на площади возлѣ устарѣвшей деревянной церкви. За церковью, подальше, видны были крыши господскихъ строеній.

„А вотъ я и здѣсь!“ раздался голосъ сбоку. Чичиковъ оглянулся и увидѣлъ, что баринъ уже ѣхалъ возлѣ него, одѣтый, на дрожкахъ — травяно-зеленый нанковый сюртукъ, желтые штаны и шея безъ галстука, на манеръ купидона! Бокомъ сидѣлъ онъ на дрожкахъ, занявши собою всѣ дрожки. Чичиковъ хотѣлъ было что-то сказать ему, но толстякъ уже исчезъ. Дрожки показались на другой сторонѣ и только слышался голосъ: „Щуку и семь карасей отнесите повару-телепню, а осетра подавай сюда: я его свезу самъ на дрожкахъ“. Раздались снова голоса: „Ѳома большой да Ѳома меньшой! Козьма да Денисъ!“ Когда же подъѣхалъ онъ къ крыльцу дома, къ величайшему изумленью его, толстый баринъ былъ уже на крыльцѣ и принялъ его въ свои объятья. Какъ онъ успѣлъ такъ слетать, было непостижимо. Они поцѣловались троекратно навкрестъ.

„Я привезъ вамъ поклонъ отъ его превосходительства“, сказалъ Чичиковъ.

„Отъ какого превосходительства?“

„Отъ родственника вашего, отъ генерала Александра Дмитріевича“.

„Кто это Александръ Дмитріевичъ?“

„Генералъ Бетрищевъ“, отвѣчалъ Чичиковъ съ нѣкоторымъ изумленьемъ.

„Не знаю-съ, незнакомъ“.

Чичиковъ пришелъ еще въ большее изумленіе.

„Какъ же это?... Я надѣюсь, по крайней мѣрѣ, что имѣю удовольствіе говорить съ полковникомъ Кошкаревымъ?“

„Петръ Петровичъ Пѣтухъ, Пѣтухъ Петръ Петровичъ!“ подхватилъ хозяинъ.

Чичиковъ остолбенѣлъ. „Вотъ тебѣ на! Какъ же вы, дураки“, сказалъ онъ, оборотившись къ Селифану и Петрушкѣ, которые оба разинули рты и выпучили глаза, одинъ сидя на козлахъ, другой стоя у дверецъ коляски: „какъ же вы, дураки? Вѣдь вамъ сказано — къ полковнику Кошкареву... А вѣдь это Петръ Петровичъ Пѣтухъ...“

„Ребята сдѣлали отлично!“ скачалъ Петръ Петровичъ. „За это вамъ по чапорухѣ водки и кулебяка въ придачу. Откладывайте коней и ступайте сей же часъ въ людскую!“

„Я сдвѣщусь“, говорилъ Чичиковъ, раскланиваясь: „такая нежданная ошибка...“

„Не ошибка“, живо проговорилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ: „не ошибка. Вы прежде попробуйте, каковъ обѣдъ, да потомъ скажете: ошибка ли это? Покорнѣйше прошу“, сказалъ [онъ][1], взявши Чичикова подъ руку и вводя его во внутренніе покои. Чичиковъ, чинясь, проходилъ въ дверь бокомъ, чтобъ дать и хозяину пройти съ нимъ вмѣстѣ; но это было напрасно: хозяинъ бы не прошелъ, да его уже и не было. Слышно было только, какъ раздавались его рѣчи по двору: „Да что жъ Ѳома большой? Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не здѣсь? Ротозѣй Емельянъ, бѣги къ повару-телепню, чтобы потрошилъ поскорѣй осетра. Молоки, икру, потроха и лещей въ уху, а карасей — въ соусъ. Да раки, раки! Ротозѣй Ѳома меньшой! гдѣ же раки? раки, говорю, раки?!“ И долго раздавалися все — раки да раки.

„Ну, хозяинъ захлопотался“, сказалъ Чичиковъ, садясь въ кресла и осматривая углы и стѣны.

„А вотъ и я здѣсь“, сказалъ, входя, хозяинъ и ведя за собой двухъ юношей, въ лѣтнихъ сюртукахъ, — тонкіе, точно ивовые хлысты, выгнало ихъ вверхъ почти на цѣлый аршинъ выше Петра Петровича.

„Сыны мои, гимназисты. Пріѣхали на праздники. — Николаша, ты побудь съ гостемъ, а ты, Алексаша, ступай за мною“.

И снова исчезнулъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

Чичиковъ занялся съ Николашей. Николаша былъ говорливъ. Онъ разсказалъ, что у нихъ въ гимназіи не очень хорошо учатъ, что больше благоволятъ къ тѣмъ, которыхъ маменьки шлютъ побогаче подарки; что въ городѣ стоитъ Ингерманландскій гусарскій полкъ; что у ротмистра Вѣтвицкаго лучше лошадь, нежели у самого полковника, хотя поручикъ Взъёмцевъ ѣздитъ гораздо его почище.

„А чтò, въ какомъ состояньи имѣніе вашего батюшки?“ спросилъ Чичиковъ.

„Заложено“, сказалъ на это самъ батюшка, снова очутившійся въ гостиной: „заложено!“

Чичикову хотѣлось сдѣлать то же самое движенье губами, которое дѣлаетъ человѣкъ, какъ дѣло идетъ на нуль и оканчивается ничѣмъ.

„Зачѣмъ же вы заложили?“ спросилъ онъ.

„Да такъ. Всѣ пошли закладывать, такъ зачѣмъ же отставать отъ другихъ? Говорятъ, выгодно. Притомъ же все жилъ здѣсь, дай-ка еще попробую прожить въ Москвѣ“.

„Дуракъ, дуракъ!“ думалъ Чичиковъ: „промотаетъ все, да и дѣтей сдѣлаетъ мотишками. Оставался бы себѣ, кулебяка, въ деревнѣ“.

„А вѣдь я знаю, чтò вы думаете“, сказалъ Пѣтухъ.

„Что?“ спросилъ Чичиковъ, смутившись.

„Вы думаете: „Дуракъ, дуракъ этотъ Пѣтухъ! зазвалъ обѣдать, а обѣда до сихъ поръ нѣтъ“. Будетъ готовъ, почтеннѣйшій. Не успѣетъ стриженная дѣвка косы заплесть, какъ онъ поспѣетъ“.

„Батюшка, Платонъ Михалычъ ѣдетъ!“ сказалъ Алексаша, глядя въ окно.

„Верхомъ на гнѣдой лошади!“ подхватилъ Николаша, нагибаясь къ окну. „Ты думаешь, Алексаша, нашъ чагравый хуже его?“

„Хуже не хуже, но выступка не такая“.

Между ними завязался споръ о гнѣдомъ и чагравомъ. Между тѣмъ вошелъ въ комнату красавецъ — стройнаго[1] роста, свѣтлорусыя блестящія кудри и темные глаза. Гремя мѣднымъ ошейникомъ, мордатый песъ, собака-страшилище, вошелъ во слѣдъ за нимъ.

„Обѣдали?“ спросилъ Петръ Петровичъ Пѣтухъ.

„Обѣдалъ“, сказалъ гость.

„Что̀ жъ, вы смѣяться, что ли, надо мной пріѣхали?“ сказалъ, сердясь, Пѣтухъ. „Что мнѣ въ васъ послѣ обѣда?“

„Впрочемъ, Петръ Петровичъ“, сказалъ гость, усмѣхнувшись: „могу васъ утѣшить тѣмъ, что ничего не ѣлъ за обѣдомъ: совсѣмъ нѣтъ аппетита“.

„А каковъ былъ уловъ, если бы вы видѣли! Какой осетрище пожаловалъ! Карасей и не считали“.

„Даже завидно васъ слушать“, сказалъ гость. „Научите меня быть такъ же веселымъ, какъ вы“.

„Да отчего же скучать? помилуйте!“ сказалъ хозяинъ.

„Какъ отчего скучать? — оттого, что скучно“.

„Мало ѣдите, вотъ и все. Попробуйте-ка хорошенько пообѣдать. Вѣдь это въ послѣднее время выдумали скуку. Прежде никто не скучалъ“.

„Да полно хвастать! Будто ужъ вы никогда не скучали?“

„Никогда! Да и не знаю, даже и времени нѣтъ для скуки. Поутру проснешься — вѣдь нужно пить чай, а тутъ вѣдь прикащикъ, а тутъ и на рыбную ловлю, а тутъ и обѣдъ. Послѣ обѣда не успѣешь всхрапнуть, а тутъ и ужинъ, а послѣ пришелъ поваръ — заказывать нужно на завтра обѣдъ. Когда же скучать?“

Во все время разговора Чичиковъ разсматривалъ гостя.

Платонъ Михалычъ Платоновъ былъ Ахиллесъ и Паридъ[2] вмѣстѣ: стройное сложенье, картинный ростъ, свѣжесть — все было собрано въ немъ. Пріятная усмѣшка, съ легкимъ выраженьемъ ироніи, какъ бы еще усиливала его красоту. Но, не смотря на все это, было въ немъ что-то неоживленное и сонное. Страсти, печали и потрясенія не прорѣзали морщины на дѣвственное, свѣжее его лицо, но съ тѣмъ вмѣстѣ и не оживили его.

„Признаюсь, я тоже“, произнесъ Чичиковъ: „не могу по-

нять, — если позволите такъ замѣтить, — не могу понять, какъ при такой наружности, какъ ваша, скучать. Конечно, могутъ быть причины другія: недостача денегъ, притѣсненья отъ какихъ-нибудь злоумышленниковъ, какъ есть иногда такіе, которые готовы покуситься даже на самую жизнь".

„Въ томъ-то [и дѣло][1], что ничего этого нѣтъ", сказалъ Платоновъ. „Повѣрите ли что иной разъ я бы хотѣлъ, чтобы это было, чтобы была какая-нибудь тревога и волненья, ну, хоть бы, просто, разсердилъ меня кто-нибудь. Но нѣтъ! Скучно — да и только". (Вотъ и все.)[2]

„Не понимаю. Но, можетъ быть, имѣнье у васъ недостаточное[3], малое количество душъ?"

„Ничуть: у насъ съ братомъ земли на десять[4] тысячъ десятинъ и при нихъ тысяча душъ крестьянъ".

„И при этомъ скучать — непонятно! Но, можетъ быть, имѣнья въ безпорядкѣ? были неурожаи, много людей вымерло?"

„Напротивъ, все въ наилучшемъ порядкѣ, и братъ мой отличнѣйшій хозяинъ".

„Не понимаю!" сказалъ Чичиковъ и пожалъ плечами.

„А вотъ мы скуку сейчасъ прогонимъ", сказалъ хозяинъ. „Бѣжи[5], Алексаша, проворнѣй на кухню и скажи повару, чтобы поскорѣй прислалъ намъ растегайчиковъ. Да гдѣ жъ ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка? Зачѣмъ не даютъ закуски?"

Но дверь растворилась. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка явились съ салфетками, накрыли столъ, поставили подносъ съ шестью графинами разноцвѣтныхъ настоекъ. Скоро вокругъ подносовъ и графиновъ обстановилось ожерелье тарелокъ — икра, сыры, соленые грузди, опенки, да новое принесли изъ кухни что-то въ закрытыхъ тарелкахъ, сквозь которыя слышно было ворчавшее масло. Ротозѣй Емельянъ и воръ Антошка были[5] народъ хорошій и расторопный. Названья эти хозяинъ давалъ только потому, что безъ прозвищъ все какъ-то выходило прѣсно, а онъ прѣснаго не любилъ; самъ былъ добръ душой, но словцо любилъ пряное. Впрочемъ, и люди за это не сердились.

Закускѣ послѣдовалъ обѣдъ. Здѣсь добродушный хозяинъ сдѣлался совершеннымъ разбойникомъ. Чуть замѣчалъ у кого одинъ кусокъ, подкладывалъ ему тутъ же другой, приговаривая: „Безъ пары ни человѣкъ, ни птица не могутъ жить

на свѣтѣ". Съѣдалъ гость два — подваливалъ ему третій, приговаривая: „Чтò жъ за число два? Богъ любитъ троицу". Съѣдалъ гость три — онъ ему: „Гдѣ жъ бываетъ телѣга о трехъ колесахъ? Кто жъ строитъ избу о трехъ углахъ?" На четыре у него была опять поговорка, на пять — тоже.

Чичиковъ съѣлъ чего-то чуть ли не двѣнадцать ломтей и думалъ: „Ну, теперь ничего не приберетъ больше хозяинъ". Не тутъ-то было: хозяинъ, не говоря ни слова, положилъ ему на тарелку хребтовую часть теленка, жаренаго на вертелѣ, лучшую часть, какая ни была, съ почками, да и какого теленка!

„Два года воспитывалъ па молокѣ", сказалъ хозяинъ: „ухаживалъ, какъ за сыномъ!"

„Не могу!" сказалъ Чичиковъ.

„Да вы попробуйте, да потомъ скажите: *не могу!*"

„Не взойдетъ, нѣтъ мѣста".

„Да вѣдь и въ церкви не было мѣста, взошелъ городничій — нашлось; а вѣдь была такая давка, что и яблоку негдѣ было упасть. Вы только попробуйте: этотъ кусокъ — тотъ же городничій".

Попробовалъ Чичиковъ: дѣйствительно, кусокъ былъ въ родѣ городничаго: нашлось ему мѣсто, а, казалось, ничего нельзя было помѣстить.

Съ винами была тоже исторія. Получивши деньги изъ ломбарда, Петръ Петровичъ запасся провизіей на десять лѣтъ впередъ. Онъ, то и дѣла, подливалъ да подливалъ; чего жъ не допивали гости, давалъ допить Алексашѣ и Николашѣ, которые такъ и хлопали рюмка за рюмкой, а встали изъ-за стола — какъ бы ни въ чемъ не бывали, точно выпили по стакану воды. Съ гостьми было не то: въ-силу, въ-силу перетащились они на балконъ и въ-силу помѣстились въ креслахъ. Хозяинъ, какъ сѣлъ въ свое, какое-то четырехмѣстное, такъ тутъ же и заснулъ. Тучная собственность его превратилась въ кузнечный мѣхъ: черезъ открытый ротъ и носовыя ноздри началъ онъ издавать звуки, какіе не бываютъ и въ новой музыкѣ. Тутъ было все — и барабанъ, и флейта, и какой-то отрывистый звукъ, точно собачій лай.

„Экъ его насвистываетъ!" сказалъ Платоновъ. Чичиковъ разсмѣялся.

„Разумѣется, если этакъ пообѣдать“, заговорилъ Платоновъ: „какъ тутъ притти скукѣ! тутъ сонъ придетъ“.

„Да“, говорилъ Чичиковъ лѣниво. Глазки стали у него необыкновенно маленькіе. „А все таки, однакожъ, извините, не могу понять, какъ можно скучать. Противъ скуки есть такъ много средствъ“.

„Какія же?“

„Да мало ли для молодаго человѣка! Можно танцовать, играть на какомъ-нибудь инструментѣ... а не то — жениться“.

„На комъ? скажите“.

„Да будто въ окружности нѣтъ хорошихъ и богатыхъ невѣстъ?“

„Да нѣтъ“.

„Ну, поискать въ другихъ мѣстахъ, поѣздить“. Тутъ богатая мысль сверкнула въ головѣ Чичикова; глаза его стали побольше. „Да вотъ прекрасное средство!“ сказалъ онъ, глядя въ глаза Платонову.

„Какое?“

„Путешествіе“.

„Куда жъ ѣхать?“

„Да если вамъ свободно, такъ поѣдемъ со мной“, сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя, глядя на Платонова: „А это было бы хорошо: тогда бы можно издержки пополамъ, а починку[1] коляски отнести вовсе на его счетъ“.

„А вы куда ѣдете?“

„Да какъ сказать — куда? Ѣду я, покуда, не столько по своей надобности, сколько по надобности другаго. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ... Конечно, родственники родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; ибо видѣть свѣтъ, коловращенье людей — кто чтò ни говори, есть какъ бы живая книга, вторая наука“.

Платоновъ задумался.

Чичиковъ между тѣмъ такъ помышлялъ: „Право, было [бы][2] хорошо! Можно даже и такъ, что всѣ издержки будутъ на его счетъ. Можно даже сдѣлать и такъ, чтобы отправиться на его лошадяхъ, а мои покормятся у него въ деревнѣ, а въ дорогу взять его коляску“.

„Чтò жъ? почему жъ не проѣздиться?“ думалъ между тѣмъ

Платоновъ: „авось либо будетъ повеселѣе. Дома же мнѣ дѣлать нечего, хозяйство и безъ того на рукахъ у брата; стало быть, разстройства никакого. Почему жъ, въ самомъ дѣлѣ, не проѣздиться?" — „А согласны ли вы", сказалъ онъ вслухъ: „погостить у брата денька два? Безъ этого онъ меня не отпуститъ".

„Съ большимъ удовольствіемъ, хоть три".

„Ну, если такъ — по рукамъ! Ѣдемъ!" сказалъ, оживясь, Платоновъ.

„Браво!" сказалъ Чичиковъ, хлопнувъ по рукѣ его: „ѣдемъ!"

„Куда? куда?" сказалъ хозяинъ, проснувшись и выпуча на нихъ глаза. „Нѣтъ, государи, и колеса приказано снять съ вашей коляски, а вашъ жеребецъ, Платонъ Михалычъ, отсюда теперь за пятнадцать верстъ. Нѣтъ, вотъ вы сегодня переночуйте, а завтра послѣ ранняго обѣда и поѣзжайте себѣ".

„Вотъ тебѣ на!" подумалъ Чичиковъ. Платоновъ ничего на это не сказалъ, зная, что Пѣтухъ держался обычаевъ своихъ крѣпко. Нужно было остаться.

Зато награждены они были удивительнымъ весеннимъ вечеромъ. Хозяинъ устроилъ гулянье на рѣкѣ. Двѣнадцать гребцовъ, въ двадцать четыре весла, съ пѣснями, понесли ихъ по гладкому хребту зеркальнаго озера. Изъ озера они пронеслись въ рѣку, безпредѣльную, съ пологими берегами по обѣ стороны. Хоть бы струйкой шевельнулись воды. На катерѣ они пили съ калачами чай, подходя ежеминутно подъ протянутые впоперекъ рѣки канаты для ловли рыбы снастью. Еще до чаю [хозяинъ][1] успѣлъ раздѣться и выпрыгнуть въ рѣку, гдѣ[2] барахтался и шумѣлъ съ полчаса съ рыбаками, покрикивая на Ѳому большаго и Козьму, и, накричавшись, нахлопотавшись, намерзнувшись въ водѣ, очутился на катерѣ (съ аппетитомъ)[3] и такъ пилъ чай, что было завидно. Тѣмъ временемъ солнце зашло[4]; осталась небесная ясность. Крики отдавались звонко. На мѣсто рыбаковъ показались повсюду у береговъ группы купающихся ребятишекъ: хлопанье по водѣ, смѣхъ отдавались далече. Гребцы, хвативши разомъ въ двадцать четыре весла, подымали вдругъ всѣ весла вверхъ, и катеръ самъ собой, какъ легкая птица, стремился по недвижной зеркальной поверхности. Здоровый, свѣжій дѣтина, третій отъ руля, запѣвалъ звонко одинъ, вырабатывая чистымъ голосомъ; пятеро

подхватывало, шестеро выносило — и разливалась безпредѣльная, какъ Русь, пѣсня; и, заслонивши ухо рукой, какъ бы терялись сами пѣвцы въ ея безпредѣльности[1]. Становилося какъ-то льготно, и думалъ Чичиковъ: „Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!“ — „Ну, чтò тутъ хорошаго“, думалъ Платоновъ, „въ этой заунывной пѣснѣ? отъ ней еще бòльшая тоска находитъ на душу“.

Возвращались назадъ уже сумерками. Весла ударяли въ потьмахъ по водамъ, уже не отражавшимъ неба. Едва видны были по берегамъ огоньки[2]. Мѣсяцъ подымался, когда они пристали къ берегу. Повсюду на треногахъ варили рыбаки уху, все изъ ершей да изъ животрепещущихъ рыбъ. Все уже было дома. Гуси, коровы, козы давно уже были пригнаны, и самая пыль отъ нихъ уже давно улеглась, и пастухи, пригнавшіе ихъ, стояли у воротъ, ожидая крынки молока и приглашенья къ ухѣ. Тамъ и тамъ слышались говоръ и гомонъ людской, громкое лаянье собакъ своей деревни и отдаленное — чужихъ деревень. Мѣсяцъ подымался, и стали озаряться потемки; и все наконецъ озарилось — и озеро, и избы; поблѣднѣли огни; сталъ виденъ дымъ изъ трубъ, осеребренный лучами. Николаша и Алексаша пронеслись передъ ними на двухъ лихихъ жеребцахъ, въ обгонку другъ друга; пыль за ними — какъ отъ стада барановъ. „Эхъ, право, заведу себѣ когда-нибудь деревеньку!“ думалъ Чичиковъ. Бабенка и маленькіе Чичиковы начали ему снова представляться. Кого жъ не разогрѣетъ такой вечеръ?

А за ужиномъ опять объѣлись. Когда вошелъ Павелъ Ивановичъ въ отведенную комнату для спанья и, ложась въ постель, пощупалъ животикъ свой: „Барабанъ!“ сказалъ: „никакой городничій не взойдетъ!“ — Надобно же было такому стеченью обстоятельствъ: за стѣной былъ кабинетъ хозяина, стѣна была тонкая, и слышалось все, чтò тамъ ни говорилось. Хозяинъ заказывалъ повару, подъ видомъ ранняго завтрака, на завтрашній день, рѣшительный обѣдъ, и какъ заказывалъ! У мертваго родился бы аппетитъ. И губами подсасывалъ, и причвокивалъ. Раздавалось только: „Да поджарь, да дай взопрѣть хорошенько!“ А поваръ приговаривалъ тоненькой фистулой: „Слушаю-съ. Можно-съ. Можно-съ и такой“.

„Да кулебяку сдѣлай на четыре угла. Въ одинъ уголъ по-

ложи ты мнѣ щеки осетра да вязигу, въ другой запусти гречневой кашицы, да грибочковъ съ лучкомъ, да молокъ сладкихъ, да мозговъ, да еще чего знаешь тамъ этакого...“

„Слушаю-съ. Можно будетъ и такъ“.

„Да чтобы съ одного боку она, — понимаешь? — зарумянилась бы, а съ другаго пусти ее полегче. Да исподку-то, исподку — понимаешь? — пропеки такъ, чтобы разсыпалась, чтобы всю ее проняло, знаешь, сокомъ, чтобы и не услышалъ ее во рту — какъ снѣгъ бы растаяла“.

„Чортъ побери!“ думалъ Чичиковъ, ворочаясь: „просто, не дастъ спать!“

„Да сдѣлай ты мнѣ свиной сычугъ. Положи въ середку кусочекъ льду, чтобы онъ взбухнулъ хорошенько. Да чтобы къ осетру обкладка, гарниръ-то, гарниръ-то чтобы былъ побогаче! Обложи его раками да поджареной маленькой рыбкой, да проложи фаршецомъ изъ сняточковъ, да подбавь мелкой сѣчки, хрѣнку, да груздочковъ, да рѣпушки, да морковки, да бобковъ, да нѣтъ ли еще тамъ какого коренья?“

„Можно будетъ подпустить брюкву или свеклу звѣздочкой“, сказалъ поваръ.

„Подпусти и брюкву, и свеклу. А къ жаркому ты сдѣлай вотъ какую обкладку...“

„Пропалъ совершенно сонъ!“ сказалъ Чичиковъ, переворачиваясь на другую сторону, закуталъ голову въ подушки и закрылъ себя всего одѣяломъ, чтобы не слышать ничего. Но сквозь одѣяло слышалось безпрестанно: „Да поджарь, да подпеки, да дай взопрѣть хорошенько“. Заснулъ онъ уже на какомъ-то индюкѣ.

На другой день до того объѣлись гости, что Платоновъ уже не могъ ѣхать верхомъ; жеребецъ былъ отправленъ съ конюхомъ Пѣтуха. Они сѣли въ коляску. Мордатый песъ лѣниво пошелъ за коляской: онъ тоже объѣлся.

„Нѣтъ, это уже слишкомъ“, сказалъ Чичиковъ, когда выѣхали они со двора. „Это даже по-свински. Не безпокойно ли вамъ, Платонъ Михалычъ? Препокойная была коляска, и вдругъ стало безпокойно. Петрушка, ты, вѣрно, по глупости, сталъ перекладывать? отовсюду торчатъ какія-то коробки!“

Платоновъ усмѣхнулся. „Это, я вамъ объясню“, сказалъ онъ: „Петръ Петровичъ насовалъ въ дорогу“.

„Точно такъ“, сказалъ Петрушка, оборотясь съ козелъ: „приказано было все поставить въ коляску — пашкеты и пироги“.

„Точно-съ, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Селифанъ, оборотясь съ козелъ, веселый: „очень почтенный баринъ, угостительный помѣщикъ! По рюмкѣ шампанскаго выслалъ, точно-съ, и приказалъ отъ стола отпустить блюда, — очень хорошія блюда, деликатнаго скусу. Такого почтительнаго господина еще и не было“.

„Видите ли? онъ всѣхъ удовлетворилъ“, сказалъ Платоновъ. „Однакоже, скажите просто: есть ли у васъ время, чтобы заѣхать въ одну деревню, отсюда верстъ десять? Мнѣ бы хотѣлось проститься съ сестрой и зятемъ“.

„Съ большимъ удовольствіемъ“, сказалъ Чичиковъ.

„Отъ этого вы не будете въ накладѣ: зять мой — весьма замѣчательный человѣкъ“.

„По какой части?“ спросилъ Чичиковъ.

„Это первый хозяинъ, какой когда-либо бывалъ на Руси. Онъ въ десять лѣтъ съ небольшимъ, купивши разстроенное имѣніе, едва дававшее двадцать тысячъ, возвелъ его до того, что теперь получаетъ двѣсти тысячъ“.

„А, почтенный человѣкъ! Вотъ этакого человѣка жизнь стоитъ того, чтобы быть переданной въ поученье людямъ! Очень, очень будетъ пріятно познакомиться. А какъ по фамиліи?“

„Скудронжогло“.

„А имя и отчество?“

„Константинъ Өедоровичъ“.

„Константинъ Өедоровичъ Скудронжогло. Очень пріятно познакомиться. Поучительно узнать этакого человѣка“. И Чичиковъ пустился въ разспросы о Скудронжоглѣ, и все, что̀ онъ узналъ о немъ отъ Платонова, было, точно, изумительно.

„Вотъ смотрите, въ этомъ мѣстѣ уже начинаются его земли“, говорилъ Платоновъ, указывая на поля. „Вы увидите тотчасъ отличье отъ другихъ. Кучеръ, здѣсь возьмешь дорогу налѣво. Видите ли этотъ молодникъ-лѣсъ? Это — сѣянный. У другаго въ пятьдесятъ лѣтъ не поднялся [бы][1] такъ, а у него въ восемь выросъ. Смотрите, вотъ лѣсъ и кончился, начались уже хлѣба; а черезъ пятьдесятъ десятинъ опять

будетъ лѣсъ, тоже сѣянный, а тамъ опять. Смотрите на хлѣба, во сколько разъ они гуще, чѣмъ у другаго".

„Вижу. Да какъ же онъ это дѣлаетъ?"

„Ну, разспросите у него, вы увидите, что ни......[1] нѣтъ у него. Это всезнай, такой всезнай, какого вы нигдѣ не найдете. Онъ мало того, что знаетъ, какую почву что̀ любитъ, знаетъ, какое сосѣдство для кого не нужно, по близости какого лѣса нужно сѣять какой хлѣбъ. У насъ у всѣхъ земля трескается отъ засухъ, а у него нѣтъ. Онъ разсчитаетъ, насколько нужно влажности, столько и дерева разведетъ; у него все играетъ двѣ роли: лѣсъ лѣсомъ, а полю удобренье отъ листьевъ да отъ тѣни. И это во всемъ такъ".

„Изумительный человѣкъ!" сказалъ Чичиковъ и съ любопытствомъ посматривалъ на поля.

Все было въ порядкѣ необыкновенномъ[2]. Лѣса были обгороженные; попадались скотные дворы, тоже не безъ причины обстроенные, завидно содержимые; хлѣбныя клади росту великанскаго. Обильно и хлѣбно было повсюду. Видно было вдругъ, что живетъ тузъ-хозяинъ. Поднявшись на небольшую возвышенность, [увидѣли][3] на супротивной сторонѣ большую деревню, разсыпавшуюся на трехъ горныхъ возвышеніяхъ. Все тутъ было богато: торныя улицы, крѣпкія избы; стояла гдѣ телѣга—телѣга была крѣпкая и новёшенькая; попадался ли конь—конь былъ откормленный и добрый; рогатый скотъ — какъ на отборъ, даже мужичья свинья глядѣла дворяниномъ. Такъ и видно, что здѣсь именно живутъ тѣ мужики, которые гребутъ, какъ поется въ пѣснѣ, серебро лопатой. Не было тутъ аглицкихъ парковъ, бесѣдокъ и мостовъ съ затѣями и разныхъ проспектовъ передъ домомъ; отъ избъ до господскаго двора потянулись рабочьи дворы. На крышѣ большой фонарь, не для видовъ, но для разсматриванья, гдѣ, и въ какомъ мѣстѣ, и какъ производились работы.

Они подъѣхали къ дому. Хозяина не было; встрѣтила ихъ жена, родная сестра Платонова, бѣлокурая, бѣлолицая, съ прямо русскимъ выраженьемъ, также красавица, но такъ же полусонная, какъ онъ. Кажется, какъ будто ее мало заботило то, о чемъ заботятся, или оттого, что всепоглощающая дѣятельность[4] ничего не оставила на ея долю, или оттого, что она принадлежала, по самому сложенію своему, къ тому

философическому разряду людей, которые, имѣя и чувства, и мысли, и умъ, живутъ какъ-то въ половину, на жизнь глядятъ въ полглаза и, видя возмутительныя тревоги и борьбы, говорятъ: „[Пусть][1] ихъ, дураки бѣсятся! Имъ же хуже“.

„Здравствуй, сестра!“ сказалъ Платоновъ. „Гдѣ жъ Константинъ?“

„Не знаю. Ему уже слѣдовало быть давно здѣсь. Вѣрно, захлопотался“.

Чичиковъ на хозяйку не обратилъ [вниманія][2]. Ему было интересно разсмотрѣть жилище этого необыкновеннаго человѣка. Онъ оглянулъ въ комнатѣ все: думалъ онъ отыскать въ ней слѣды свойства самого хозяина, — какъ по раковинѣ можно судить, какого рода сидѣла въ ней устрица или улитка; но этого-то и не было. Комнаты были безхарактерны совершенно — просторны, и ничего больше. Ни фресковъ, ни картинъ по стѣнамъ, ни бронзы по столамъ, ни этажерокъ съ фарфоромъ и чашками, ни вазъ, ни цвѣтовъ, ни статуекъ, — словомъ, какъ-то голо. Простая обыкновенная мебель да рояль стоялъ въ сторонѣ, и тотъ покрытъ: какъ видно, хозяйка рѣдко за него садилась. Изъ гостиной отворена [была дверь въ кабинетъ хозяина][3]; но и тамъ было такъ же голо, — просто и голо. Видно было, что хозяинъ приходилъ въ домъ только отдохнуть, а не то, чтобы жить въ немъ; что для обдумыванья своихъ плановъ и мыслей ему [не][4] надобно было кабинета съ пружинными креслами и всякими покойными удобствами и что жизнь его заключалась не въ очаровательныхъ грезахъ у пылающаго камина, но прямо въ дѣлѣ: мысль исходила вдругъ изъ самихъ обстоятельствъ, въ ту минуту, какъ они представлялись, и обращалась вдругъ въ дѣло, не имѣя никакой надобности въ томъ, чтобы быть записанной.

„А! вотъ онъ! Идетъ, идетъ!“ сказалъ Платоновъ. Чичиковъ тоже устремился къ окну. Къ крыльцу подходилъ лѣтъ сорока человѣкъ, живой, смуглой наружности. На немъ былъ триковый картузъ. По обѣимъ сторонамъ его, снявъ шапки, шли двое нижняго сословія, — шли, разговаривая и о чемъ-то съ [нимъ][5] толкуя. Одинъ, казалось, былъ простой мужикъ; другой, въ синей сибиркѣ, какой-то заѣзжій кулакъ и проидоха.

„Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять!“ говорилъ мужикъ, кланяясь.

„Да нѣтъ, братецъ, я ужъ двадцать разъ вамъ повторялъ: не возите больше. У меня матеріалу столько накопилось, что дѣвать некуда“.

„Да у васъ, батюшка Константинъ Ѳедоровичъ, весь пойдетъ въ дѣло. Ужъ этакаго умнаго человѣка во всемъ свѣтѣ нельзя сыскать. Ваше здоровье всяку вещь въ мѣсто поставитъ. Такъ ужъ прикажите принять“.

„Мнѣ, братецъ, руки нужны; мнѣ работниковъ доставляй, а не матеріалъ“.

„Да ужъ въ работникахъ не будете имѣть недостатку. У насъ цѣлыя деревни пойдутъ въ работы: безхлѣбье такое, что и не запомнимъ. Ужъ вотъ бѣда-то, что не хотите насъ совсѣмъ взять, а отслужили бы вѣрою вамъ, ей Богу, отслужили. У васъ всякому уму научишься, Константинъ Ѳедоровичъ. Такъ прикажите принять въ послѣдній разъ“.

„Да вѣдь ты и тогда говорилъ: *въ послѣдній разъ,* а вѣдь вотъ опять привезъ“.

„Ужъ въ послѣдній разъ, Константинъ Ѳедоровичъ. Если вы не возьмете, то у меня никто не возьметъ. Такъ ужъ прикажите, батюшка, принять“.

„Ну, слушай, этотъ разъ возьму, и то изъ сожалѣнія только, чтобы не провозилъ[1] напрасно. Но если ты привезешь въ другой разъ, хоть три недѣли канючь — не возьму“.

„Слушаю-съ, Константинъ Ѳедоровичъ; ужъ будьте покойны, въ другой разъ ужъ никакъ не привезу. Покорнѣйше благодарю“. Мужикъ отошелъ, довольный. Вретъ, однакоже, привезетъ: *авось* — великое словцо.

„Такъ ужъ того-съ, Константинъ Ѳедоровичъ, ужъ сдѣлайте милость... посбавьте“, говорилъ шедшій по другую сторону заѣзжій кулакъ въ синей сибиркѣ.

„Вѣдь я тебѣ на первыхъ порахъ объявилъ. Торговаться я не охотникъ. Я тебѣ говорю опять: я не то, что другой помѣщикъ, къ которому ты подъѣдешь подъ самый срокъ уплаты въ ломбардъ. Вѣдь я васъ знаю всѣхъ. У васъ есть списки всѣхъ, кому когда слѣдуетъ уплачивать. Чтò жъ тутъ мудренаго? Ему приспичитъ, онъ тебѣ и отдастъ за полцѣны. А мнѣ чтò твои деньги? У меня вещь хоть три года лежи: мнѣ въ ломбардъ не нужно уплачивать“.

„Настоящее дѣло, Константинъ Ѳедоровичъ. Да вѣдь я

того-съ... оттого только, чтобы и впредь имѣть съ вами касательство, а не ради какого корыстья. Три тысячи задаточку извольте принять". Кулакъ вынулъ изъ-за пазухи пукъ засаленныхъ ассигнацій. Скудронжогло прехладнокровно взялъ ихъ и, не считая, сунулъ въ задній карманъ своего сюртука.

„Гм", подумалъ Чичиковъ: „точно какъ бы носовой платокъ!"

Минуту спустя, Скудронжогло показался въ дверяхъ гостиной.

„Ба, братъ, ты здѣсь!" сказалъ онъ, увидѣвъ Платонова. Они обнялись и поцѣловались. Платоновъ рекомендовалъ Чичикова. Чичиковъ благоговѣйно подступилъ къ хозяину, лобызнулъ его въ щеку, принявши и отъ него впечатлѣнье поцѣлуя.

Лицо Скудронжогла было очень замѣчательно. Въ немъ было замѣтно южное происхожденіе. Волосы на головѣ и на бровяхъ темны и густы, глаза говорящіе, блеску сильнаго. Умъ сверкалъ во всякомъ выраженьи лица, и ужъ ничего не было въ немъ соннаго. Но замѣтна, однакоже, была примѣсь чего-то желчнаго и озлобленнаго. Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденія[1]. Есть много на Руси русскихъ не русскаго происхожденья, въ душѣ, однакоже, русскіе. Скудронжогло не занимался своимъ происхожденьемъ, находя, что это нейдетъ въ дѣло; притомъ не зналъ и другаго языка, кромѣ русскаго.

„Знаешь ли, Константинъ, что̀ я выдумалъ?" сказалъ Платоновъ.

„А что̀?"

„Выдумалъ я проѣздиться по разнымъ губерніямъ; авось-ли это вылѣчитъ отъ хандры".

„Что̀ жъ? это очень можетъ быть".

„Вотъ вмѣстѣ съ Павломъ Ивановичемъ".

„Прекрасно! Въ какія же мѣста", спросилъ Скудронжогло, привѣтливо обращаясь къ Чичикову: „предполагаете теперь ѣхать?"

„Признаюсь", сказалъ Чичиковъ, наклоня голову на бокъ и взявшись рукою за ручку креселъ: „вѣдь я, покамѣстъ, не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другаго. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя; потому что, точно, не говоря уже о пользѣ, которая можетъ быть

въ гемороидальномъ отношеньи, одно уже то, чтобъ увидать свѣтъ, коловращенье людей... кто что̀ ни говори, есть, такъ сказать, живая книга, та же наука".

„Да, заглянуть въ иные уголки не мѣшаетъ".

„Превосходно изволили замѣтить", отнесся Чичиковъ: „точно, не мѣшаетъ. Видишь вещи, которыхъ бы не видѣлъ; встрѣчаешь людей, которыхъ бы не встрѣтилъ. Разговоръ съ инымъ тотъ же червонецъ. Научите, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ, научите, къ вамъ прибѣгаю. Жду, какъ манны, сладкихъ словъ вашихъ".

Скудронжогло смутился. „Чему же, однако?... чему научить? Я и самъ учился на мѣдныя деньги".

„Мудрости, почтеннѣйшій, мудрости! мудрости управлять хозяйствомъ, подобно вамъ; подобно вамъ умѣть извлекать изъ него (не мечтательные, но)[1] существенные доходы; пріобрѣсть, подобно вамъ, имущество не воображаемое, но существенное, дѣйствительное, и тѣмъ, исполня долгъ гражданина, заслужить уваженье соотечественниковъ".

„Знаете ли что̀?" сказалъ Скудронжогло: „останьтесь денекъ у меня. Я покажу вамъ все управленіе и разскажу обо всемъ. Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ".

„Братъ, оставайся этотъ день", сказала хозяйка, обращаясь къ Платонову.

„Мнѣ все равно"[2], произнесъ тотъ равнодушно: „какъ Павелъ Ивановичъ?"

„Я съ большимъ удовольствіемъ... Но вотъ обстоятельство — нужно посѣтить родственника генерала Бетрищева. Есть нѣкто полковникъ Кошкаревъ..."

„Да вѣдь онъ... знаете ли вы это? Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ".

„Объ этомъ я уже слышалъ. Мнѣ къ нему и дѣла нѣтъ. Но такъ какъ генералъ Бетрищевъ — близкій пріятель и, такъ сказать, благотворитель... такъ уже какъ-то и неловко".

„Въ такомъ случаѣ знаете ли что̀", сказалъ [Скудронжогло][3]: „поѣзжайте къ нему теперь же. У меня стоятъ готовыя пролетки. Къ нему и десяти верстъ [нѣтъ][4], такъ вы слетаете духомъ. Вы даже раньше ужина возвратитесь назадъ".

Чичиковъ съ радостью воспользовался предложеньемъ. Пролетки были поданы, и онъ поѣхалъ тотъ же часъ къ полков-

нику, который изумилъ его такъ, какъ еще никогда ему не случалось изумляться. Все было у полковника необыкновенно. Вся деревня была въ разброску: постройки, перестройки, кучи извести, кирпичу и бревенъ по всѣмъ улицамъ. Выстроены были какіе-то домы, въ родѣ присутственныхъ мѣстъ. На одномъ было написано золотыми буквами: *Депо земледѣльческихъ орудій,* на другомъ: *Главная счетная экспедиція*, на третьемъ: *Комитетъ сельскихъ дѣлъ; Школа нормальнаго просвѣщенья поселянъ;* словомъ, чортъ знаетъ, чего не было! Онъ думалъ, не въѣхалъ ли въ губернскій городъ. Самъ полковникъ былъ какой-то чопорный. Лицо какое-то чинное въ видѣ треугольника[1]. Баккенбарды по щекамъ его были протянуты въ струнку; волосы, прическа, носъ, губы, подбородокъ — все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ. Началъ онъ говорить, какъ бы и дѣльный человѣкъ. Съ первыхъ начáлъ нáчалъ онъ ему жаловаться на необразованность окружающихъ помѣщиковъ, на великіе труды, которые ему предстоятъ[2]. Принялъ онъ Чичикова ласково и радушно, и ввелъ его совершенно въ довѣренность и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, сколькихъ и сколькихъ стоило ему трудовъ возвесть имѣнье до нынѣшняго[3] благосостоянія; какъ трудно было дать понять простому мужику, что существуютъ высшія побужденія, которыя доставляетъ человѣку просвѣщенная роскошь, что есть искусство; сколько нужно было бороться съ невѣжествомъ русскаго мужика, чтобы одѣть его въ нѣмецкіе штаны и заставить почувствовать, хотя сколько-нибудь, высшее достоинство человѣка; что бабъ, не смотря на всѣ усилія, онъ до сихъ [поръ][4] не могъ заставить надѣть корсетъ[5], тогда какъ въ Германіи, гдѣ онъ стоялъ съ полкомъ въ 14-мъ году, дочь мельника умѣла играть даже на фортепіано, говорила по-французски и дѣлала книксенъ. Съ соболѣзнованіемъ разсказывалъ онъ, какъ велика необразованность сосѣдей помѣщиковъ; какъ мало думаютъ они о своихъ подвластныхъ; какъ они даже смѣялись, когда онъ старался изъяснить, какъ необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, конторъ, коммиссіи и даже комитетовъ, чтобы тѣмъ предохранить [отъ][6] всякой кражи и всякая вещь была бы извѣстна, чтобы писарь, управитель и бухгалтеръ образовались бы не какъ-нибудь, но оканчивали бы университетское воспитанье;

что, не смотря на всѣ убѣжденія, онъ не могъ убѣдить помѣщиковъ въ томъ, что какая бы выгода была ихъ имѣніямъ, если бы каждый крестьянинъ былъ воспитанъ такъ, чтобы, идя за плугомъ, могъ читать въ то же время книгу о громовыхъ отводахъ.

На это Чичиковъ [подумалъ][1]: „Ну, врядъ ли выберется[2] такое время. Вотъ я выучился грамотѣ, а „Графиня Лавальеръ“ до сихъ поръ еще не прочитана“.

„Ужасное невѣжество!“ сказалъ въ заключенье полковникъ Кошкаревъ: „тьма среднихъ вѣковъ, и нѣтъ средствъ помочь... Повѣрьте, нѣтъ! А я бы могъ всему помочь; я знаю одно средство, вѣрнѣйшее средство“.

„Какое?“

„Одѣть всѣхъ до одного въ Россіи, какъ ходятъ въ Германіи. Ничего больше, какъ только это, и я вамъ ручаюсь, что все пойдетъ, какъ по маслу: науки возвысятся, торговля подымется, золотой вѣкъ настанетъ въ Россіи“.

Чичиковъ глядѣлъ на него пристально и думалъ: „Что жъ? съ этимъ чиниться нечего“. Не отлагая дѣла въ дальній ящикъ, онъ объяснилъ полковнику тутъ же, что такъ и такъ: имѣется надобность вотъ въ какихъ душахъ, съ совершеньемъ такихъ-то крѣпостей и всѣхъ обрядовъ.

„Сколько могу видѣть изъ словъ вашихъ, это просьба; не такъ ли?“

„Такъ точно“.

„Въ такомъ случаѣ, изложите ее письменно. Она пойдетъ въ коммиссію всякихъ прошеній. Коммиссія всякихъ прошеній, помѣтивши, препроводитъ ее ко мнѣ. Отъ меня поступитъ она въ комитетъ сельскихъ дѣлъ, тамъ сдѣлаютъ всякія справки и выправки по этому дѣлу. Главноуправляющій вмѣстѣ съ конторою въ самоскорѣйшемъ времени положитъ свою резолюцію, и дѣло будетъ сдѣлано“.

Чичиковъ оторопѣлъ. „Позвольте“, сказалъ: „этакъ дѣло затянется“.

„А!“ сказалъ съ улыбкой полковникъ: „вотъ тутъ-то и выгода бумажнаго производства! Оно, точно, нѣсколько затянется, но зато уже ничто не ускользнетъ: всякая мелочь будетъ видна“.

„Но позвольте... Какъ же трактовать объ этомъ письменно?

Вѣдь это такого рода дѣло... Души вѣдь нѣкоторымъобразомъ... мертвыя".

„Очень хорошо. Вы такъ и напишите, что души нѣкоторымъ образомъ мертвыя".

„Но вѣдь какъ же — мертвыя? Вѣдь этакъ же нельзя написать. Онѣ хотя и мертвыя, но нужно, чтобы казались, какъ бы были живыя".

„Хорошо. Вы такъ и напишите: *но нужно,* или *требуется, чтобы казалось, какъ бы живыя*".

Что было дѣлать съ полковникомъ?[1] Чичиковъ рѣшился отправиться самъ поглядѣть, что̀ это за коммиссіи и комитеты; и что̀ нашелъ онъ тамъ, то было не только изумительно, но превышало рѣшительно всякое понятье. Коммиссія всякихъ прошеній существовала только на вывѣскѣ. Предсѣдатель ея, прежній камердинеръ, былъ переведенъ во вновь образовавшійся комитетъ сельскихъ построекъ. Мѣсто его заступилъ конторщикъ Тимошка, откомандированный на слѣдствіе — разбирать пьяницу-прикащика съ старостой, мошенникомъ и плутомъ. Чиновника — нигдѣ.

„Да гдѣ жъ тутъ?.. да какъ добиться какого-нибудь толку?" сказалъ Чичиковъ своему сопутнику, чиновнику по особеннымъ порученіямъ, котораго полковникъ далъ ему въ проводники.

„Да никакого толку не добьетесь", сказалъ проводникъ: „у насъ безтолковщина[2]. У насъ всѣмъ, изволите видѣть, распоряжается коммиссія построенія, отрываетъ всѣхъ отъ дѣла, посылаетъ, куды угодно. Только и выгодно у насъ, что въ коммиссіи построенія (онъ, какъ видно, былъ недоволенъ на коммиссію построенья). У насъ такъ заведено, что всѣ водятъ за носъ барина. Онъ думаетъ, что все-съ какъ слѣдуетъ, а вѣдь это названье только одно".

„Это, однакоже, нужно ему сказать", подумалъ Чичиковъ и, пришедши къ полковнику, объявилъ, что у него каша и никакого толку нельзя добиться, и коммиссія построеній воруетъ напропалую.

Полковникъ воскипѣлъ благороднымъ негодованьемъ; тутъ же написалъ восемь строжайшихъ запросовъ[3]: на какомъ основаніи коммиссія построеній самоуправно распорядилась съ неподвѣдомственными ей чиновниками? какъ могъ допустить

главноуправляющій, чтобы предсѣдатель, не сдавши своего поста, отправился на слѣдствіе? и какъ могъ видѣть равнодушно комитетъ сельскихъ дѣлъ, что даже не существуетъ коммиссіи прошеній?

„Ну, пойдетъ кутерьма“, подумалъ Чичиковъ и началъ раскланиваться.

„Нѣтъ, я васъ не отпущу. Въ два часа, не болѣе, вы будете удовлетворены во всемъ. Ваше дѣло поручу теперь особенному человѣку, который только-что окончилъ университетскій курсъ. Посидите у меня въ библіотекѣ. Тутъ все, что̀ для васъ нужно[1] — книги, бумага, перья, карандаши — все. Пользуйтесь, пользуйтесь всѣмъ — вы господинъ“.

Такъ говорилъ Кошкаревъ, отворяя дверь въ книгохранилище. Это былъ огромный залъ, съ низу до верху уставленный книгами. Были тамъ даже и чучела животныхъ. Книги по всѣмъ частямъ — по части лѣсоводства, скотоводства, свиноводства, садоводства, тысячи всякихъ журналовъ, руководствъ и множество журналовъ, представлявшихъ самыя позднѣйшія развитія и усовершенствованія по коннозаводству и естественнымъ наукамъ. Были и такія названія: „Свиноводство, какъ наука“. Видя, что здѣсь все вещи непріятнаго препровожденія [времени][2], онъ обратился къ другому шкафу. Изъ огня — въ полымя: тутъ были все книги философскія. На одной было заглавіе: „Философія, въ смыслѣ науки“; шесть томовъ въ рядъ, подъ названіемъ: „Предуготовительное вступленіе къ теоріи мышленія въ ихъ общности, совокупности и въ примѣненіи къ уразумѣнію органическихъ началъ (общества)[3] обоюднаго раздвоенья общественной производительности“[4]. Что ни разворачивалъ Чичиковъ книгу, на всякой страницѣ — *проявленье, развитье, абстрактъ, замкнутость* и *сомкнутость,* и чортъ знаетъ, чего тамъ не было. „Нѣтъ, это (все)[5] не по мнѣ“, сказалъ Чичиковъ, и оборотился къ третьему шкафу, гдѣ были книги все по части искусствъ. Тутъ вытащилъ какую-то огромную книгу съ нескромными миѳологическими картинками и началъ ихъ разсматривать. Это было по его вкусу. Такого рода картинки нравятся холостякамъ среднихъ [лѣтъ][6]. Говорятъ, что въ послѣднее время стали они нравиться даже и старичкамъ, изощрившимъ вкусъ на балетахъ. Что̀ жъ дѣлать! пряные коренья любитъ человѣкъ. Окончивши разсматриванье этой книги, Чичиковъ

вытащилъ уже было и другую, въ томъ же родѣ, какъ вдругъ появился полковникъ Кошкаревъ, съ сіяющимъ видомъ и бумагою.

„Все сдѣлано, и сдѣлано отлично. Человѣкъ этотъ рѣшительно понимаетъ одинъ за всѣхъ. За это я его — выше всѣхъ[1]: заведу особенное, высшее управленіе и поставлю его президентомъ. Вотъ что̀ онъ пишетъ...“

„Ну слава те, Господи!“ подумалъ Чичиковъ и приготовился слушать.

„Приступая[2] къ обдумыванью возложеннаго на меня Вашимъ Высокородіемъ порученія, честь имѣю симъ донести на оное: 1) Въ самой просьбѣ господина коллежскаго совѣтника и кавалера Павла Ивановича Чичикова есть уже нѣкоторое недоразумѣніе: въ изъясненьи того, что требуются ревизскія души, постигнутыя всякими внезапностями, вставлены и умершія. Подъ симъ, вѣроятно, они изволили разумѣть близкія къ смерти, а не умершія; ибо умершія не пріобрѣтаются. Что̀ жъ и пріобрѣтать, если ничего нѣтъ? Объ этомъ говоритъ и самая логика, да и въ словесныхъ наукахъ они, какъ видно, не далеко уходили...“ Тутъ на минуту Кошкаревъ остановился и сказалъ: „Въ этомъ мѣстѣ, плутъ... онъ немножко кольнулъ васъ. Но судите, однакоже, какое бойкое перо — статсъ-секретарскій слогъ; а вѣдь всего три года побылъ въ университетѣ, даже не кончилъ курса“. Кошкаревъ продолжалъ: „...въ словесныхъ наукахъ, какъ видно, не далеко... ибо выразились о душахъ *умершія,* тогда какъ всякому, изучавшему курсъ познаній человѣческихъ, извѣстно заподлинно, что душа безсмертна. — 2) Оныхъ упомянутыхъ ревизскихъ[3] душъ, пришлыхъ, или прибылыхъ, или, какъ они неправильно изволили выразиться, умершихъ, нѣтъ на-лицо таковыхъ, которыя бы не были въ залогѣ, ибо всѣ въ совокупности не только заложены безъ изъятья, но и перезаложены, съ прибавкой по полутораста рублей на душу, кромѣ небольшой деревни „Гурмайловка“, находящейся въ спорномъ положеніи по случаю тяжбы съ помѣщикомъ Предищевымъ, и потому ни въ продажу, ни въ залогъ поступить не можетъ“.

„Такъ зачѣмъ же вы мнѣ этого не объявили прежде? Зачѣмъ изъ пустяковъ держали?“ сказалъ съ сердцемъ Чичиковъ.

„Да вѣдь какъ же я могъ знать объ этомъ сначала? Въ этомъ-то

и выгода бумажнаго производства, что вотъ теперь все, какъ на ладони, оказалось ясно".

„Дуракъ ты, глупая скотина!" думалъ про себя Чичиковъ. „Въ книгахъ копался, а чему выучился?" Мимо всякихъ учтивствъ и приличій, схватилъ онъ шапку—изъ дома. Кучеръ стоялъ съ пролеткой наготовѣ и лошадей не откладывалъ: о кормѣ пошла бы письменная просьба, и резолюція — выдать овесъ лошадямъ вышла бы только на другой день. Какъ ни былъ Чичиковъ грубъ и неучтивъ, но Кошкаревъ, не смотря на все, былъ съ нимъ необыкновенно учтивъ и деликатенъ. Онъ насильно пожалъ ему руку, и прижалъ ее къ сердцу (уже въ то время, какъ тотъ садился)[1], и благодарилъ его за то, что онъ далъ ему случай увидѣть на дѣлѣ ходъ производства; что передрягу и гонку нужно дать необходимо, потому что способно все задремать и пружины сельскаго управленья заржавѣютъ и ослабѣваютъ; что, вслѣдствіе этого событія, пришла ему счастливая мысль — устроить новую коммиссію, которая будетъ называться коммиссіей наблюденія за коммиссіею построенія, такъ что уже тогда никто не осмѣлится украсть.

„Оселъ! дуракъ!" думалъ Чичиковъ, сердитый и недовольный во всю дорогу. Ѣхалъ онъ уже при звѣздахъ. Ночь была на небѣ. Въ деревняхъ были огни. Подъѣзжая къ крыльцу, онъ увидѣлъ въ окнахъ, что уже столъ былъ накрытъ для ужина.

„Что это вы такъ запоздали?" сказалъ Скудронжогло, когда онъ показался въ дверяхъ.

„О чемъ вы это такъ долго съ нимъ толковали?" сказалъ Платоновъ.

„Уморилъ!" сказалъ Чичиковъ. „Этакого дурака я еще отъ роду не видывалъ".

„Это еще ничего!" сказалъ Скудронжогло. „Кошкаревъ — утѣшительное явленіе. Онъ нуженъ затѣмъ, что въ немъ отражаются каррикатурно и виднѣй глупости умныхъ людей. Завели конторы и присутствія, и управителей, и мануфактуры, и фабрики, и школы, и коммиссію, и чортъ ихъ знаетъ чтȍ такое, точно какъ будто бы у нихъ государство какое! Какъ вамъ это нравится? я спрашиваю. Помѣщикъ, у котораго пахатныя земли и недостаетъ крестьянъ обработывать, а онъ завелъ свѣчной заводъ, изъ Лондона мастеровъ выписалъ свѣч-

ныхъ, торгашомъ сдѣлался! Вонъ другой дуракъ еще лучше: фабрику шелковыхъ матерій завелъ!“

„Да вѣдь и у тебя же есть фабрики“, замѣтилъ Платоновъ.

„А кто ихъ заводилъ? — Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуды, я и началъ ткать сукна, да и сукна толстыя, простыя; по дешевой цѣнѣ ихъ тутъ же на рынкахъ у меня и разбираютъ. Рыбью шелуху, напримѣръ, сбрасывали на мой берегъ шесть лѣтъ сряду; ну, куды ее дѣвать? — я началъ изъ нея[1] варить клей, да сорокъ тысячъ и взялъ. Вѣдь у меня все такъ“.

„Экой чортъ!“ думалъ Чичиковъ, глядя на него въ оба глаза: „загребистая какая лапа!“

„Да я и строеній для этого не строю; у меня нѣтъ зданій съ колоннами да фронтонами. Мастеровъ я не выписываю изъ-за границы, а ужъ крестьянъ отъ хлѣбопашества ни за что не оторву; на фабрикахъ у меня работаютъ только въ голодный годъ, все пришлые, изъ-за куска хлѣба. Этакихъ фабрикъ у меня, братъ, наберется много. Разсмотри только попристальнѣе свое хозяйство, ты увидишь — всякая тряпка пойдетъ въ дѣло, всякая дрянь дастъ доходъ, такъ что послѣ отталкиваешь только да говоришь: не нужно!“

„Это изумительно“, сказалъ Чичиковъ, исполнившись участья: “изумительно! изумительно! Изумительнѣе же всего то, что всякая дрянь даетъ доходъ“.

„Гм! да не только это!...“ Рѣчи Скудронжогло не кончилъ: желчь въ немъ пробудилась, и ему хотѣлось побранить сосѣдей помѣщиковъ. „Вонъ опять одинъ умникъ — что̀, вы думаете, у себя завелъ? — Богоугодныя заведенія, каменное строеніе въ деревнѣ! Христолюбивое дѣло!... Ужъ хочешь помогать, такъ ты помогай всякому мужику исполнить этотъ долгъ, а не отрывай его отъ христіанскаго долга. Помоги сыну пригрѣть у себя больнагоотца, а не давай ему возможности сбросить его съ плечъ своихъ. Дай лучше ему возможность пріютить у себя въ дому ближняго и брата, дай ему на это денегъ, помоги всѣми силами, а не отлучай его: онъ совсѣмъ отстанетъ отъ всякихъ христіанскихъ обязанностей. Донъ Кишоты, просто, по всѣмъ частямъ!... Двѣсти рублей выходитъ на человѣка въ годъ въ богоугодномъ заведеніи!... Да я на эти деньги буду у себя въ деревнѣ десять человѣкъ содержать!“ Скудронжогло разсердился и плюнулъ.

Чичиковъ не интересовался богоугоднымъ заведеньемъ: онъ хотѣлъ повести рѣчь о томъ, какъ всякая дрянь даетъ доходъ. Но Скудронжогло уже разсердился, желчь въ немъ закипѣла, и слова полились[1].

„А вотъ другой Донъ Кишотъ просвѣщенья: завелъ школы! Ну, что, напримѣръ, полезнѣе человѣку, какъ знанье грамоты? А вѣдь какъ распорядился? Вѣдь ко мнѣ приходятъ мужики изъ его деревни. „Что это," говорятъ: „батюшка, такое? сыновья наши совсѣмъ отъ рукъ отбились, помогать въ работахъ не хотятъ, всѣ въ писаря хотятъ, а вѣдь писарь нуженъ одинъ". Вѣдь вотъ что̀ вышло!"

Чичикову тоже не было надобности до школъ, но Платоновъ[2] подхватилъ этотъ предметъ: „Да вѣдь этимъ останавливаться не нужно, что теперь не надобны писаря: послѣ будетъ надобность. Работать нужно для потомства".

„Да будь, братецъ, хоть ты уменъ! Ну, что̀ вамъ далось это потомство? Всѣ думаютъ, что они какіе-то Петры Великіе. Да ты смотри себѣ подъ ноги, а не гляди въ потомство; хлопочи о томъ, чтобы мужика сдѣлать достаточнымъ да богатымъ, да чтобы было у него время учиться по охотѣ своей, а не то, что съ палкой въ рукѣ говорить: „Учись!" Чортъ знаетъ, съ котораго конца начинаютъ!... Ну, послушайте: ну, вотъ я вамъ на судъ[3]..." Тутъ Скудронжогло подвинулся ближе къ Чичикову и, чтобы заставить его получше вникнуть въ дѣло, взялъ его на абордажъ, другими словами — засунулъ палецъ въ петлю его фрака. „Ну, что̀ можетъ быть яснѣе? У тебя крестьяне затѣмъ, чтобы ты имъ покровительствовалъ въ ихъ крестьянскомъ быту. Въ чемъ же бытъ? въ чемъ же занятія крестьянина?— Въ хлѣбопашествѣ? Такъ старайся, чтобы онъ былъ хорошимъ хлѣбопашцемъ. Ясно? Нѣтъ, нашлись умники, говорятъ: „Изъ этого состоянья его нужно вывести. Онъ ведетъ слишкомъ грубую, простую жизнь: нужно познакомить его съ предметами роскоши." Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болѣзней, чортъ знаетъ, какихъ понабрались, и ужъ нѣтъ ни одного осьмнадцатилѣтняго мальчишки, который бы не испробовалъ всего: и зубовъ у него нѣтъ, и плѣшивъ, — такъ хотятъ теперь и этихъ заразить. Да слава Богу, что у насъ осталось хотя одно еще здоровое сословіе, которое не познакомилось съ этими

прихотями! За это мы, просто, должны благодарить Бога. Да, хлѣбопашцы для меня всѣхъ почтеннѣе. Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцы!“

„Такъ вы полагаете, что хлѣбопашествомъ всего выгоднѣе заниматься?“ спросилъ Чичиковъ.

„Законнѣе, а не то, что выгоднѣе. Воздѣлывай землю въ потѣ лица своего — это намъ всѣмъ сказано; это не даромъ сказано. Опытомъ вѣковъ доказано, что въ земледѣльческомъ званіи человѣкъ чище нравами. Гдѣ хлѣбопашество легло въ основанье быта общественнаго, тамъ изобилье и довольство; бѣдности нѣтъ, роскоши нѣтъ, а есть довольство. Воздѣлывай землю — сказано человѣку, трудись... чтò тутъ хитрить! Я говорю мужику: „Кому бы ты ни трудился, мнѣ ли, себѣ ли, сосѣду ли, только трудись. Въ дѣятельности я твой первый помощникъ. Нѣтъ у тебя скотины, вотъ тебѣ лошадь, вотъ тебѣ корова, вотъ тебѣ телѣга. Всѣмъ, чтò нужно, готовъ тебя снабдить, но трудись. Для меня смерть, если хозяйство у тебя не въ устройствѣ и вижу у тебя безпорядокъ и бѣдность. Не потерплю праздности: я затѣмъ надъ тобой, чтобы ты трудился“. Гм! думаютъ увеличить доходы заведеньями да фабриками! Да ты подумай прежде о томъ, чтобы всякій мужикъ былъ у тебя богатъ, такъ тогда ты и самъ будешь богатъ безъ фабрикъ и безъ заводовъ, и безъ глупыхъ [затѣй]“[1].

„Чѣмъ больше слушаешь васъ, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ“, сказалъ Чичиковъ: „тѣмъ большее получаешь желаніе слушать. Скажите, досточтимый мною: еслибы, напримѣръ, я возымѣлъ намѣреніе сдѣлаться помѣщикомъ, положимъ, здѣшней губерніи, на чтò именно слѣдуетъ обратить вниманіе? какъ быть, какъ поступить, чтобы въ непродолжительное [время][2] разбогатѣть, тѣмъ исполнивши, такъ сказать, въ виду отечества обязанность гражданина?“

„Какъ поступить, чтобы разбогатѣть? А вотъ какъ...“ сказалъ Скудронжогло.

„Пойдемъ ужинать!“ сказала хозяйка, поднявшись съ дивана, и выступила на середину комнаты, закутывая въ шаль молодые продрогнувшіе свои члены.

Чичиковъ схватился со стула съ ловкостью почти военнаго человѣка, подлетѣлъ къ хозяйкѣ съ мягкимъ выраженьемъ, въ.....[3] деликатнаго штатскаго человѣка, коромысломъ подставилъ

ей руку и повелъ ее парадно черезъ двѣ комнаты въ столовую, сохраняя во все время пріятное наклоненье головы нѣсколько на бокъ. Служитель снялъ крышку съ суповой чашки; всѣ со стульями придвинулись ближе къ столу, и началось хлебанье супа.

Отдѣлавши супъ и запивши рюмкой наливки (наливка была отличная), Чичиковъ сказалъ такъ Скудронжоглу: „Позвольте, почтеннѣйшій, вновь обратить васъ къ предмету прекращеннаго разговора. Я спрашивалъ васъ о томъ, какъ быть, какъ поступить, какъ лучше приняться...“

. . . . [1]

„Имѣнье, за которое если бы онъ запросилъ и 40 тысячъ, я бы ему тутъ же отсчиталъ“.

„Гм!“ Чичиковъ задумался. „А отчего же вы сами“, проговорилъ онъ съ нѣкоторою робостью: „не покупаете его?“

„Да нужно знать, наконецъ, предѣлы. У меня и безъ того много хлопотъ около своихъ имѣній. Притомъ, у насъ дворяне и безъ того уже кричатъ на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными ихъ положеньями, скупаю земли за безцѣнокъ. Это мнѣ ужъ, наконецъ, надоѣло“.

„Дворянство способно къ злословью!“ сказалъ Чичиковъ.

„А ужъ у насъ, въ нашей губерніи... Вы не можете себѣ представить, что̀ они говорятъ обо мнѣ. Они меня иначе и не называютъ, какъ сквалыгой и скупердяемъ первой степени. Себя они во всемъ извиняютъ. „Я“, говоритъ, „конечно, промотался, но потому, что жилъ высшими потребностями жизни. Мнѣ нужны книги, я долженъ жить роскошно, чтобы промышленность поощрять; а этакъ, пожалуй, можно прожить и не разорившись, если бы жить такой свиньею, какъ Скудронжогло“. — „Вѣдь вотъ какъ!“

„Желалъ бы я быть этакой свиньей!“ сказалъ Чичиковъ.

„И вѣдь это все оттого, что не задаю обѣдовъ, да не занимаю имъ денегъ. Обѣдовъ я потому не даю, что это меня бы тяготило, я къ этому не привыкъ; а пріѣзжай ко мнѣ ѣсть то, что̀ я ѣмъ, — милости просимъ! Не даю денегъ взаймы — это вздоръ. Пріѣзжай ко мнѣ въ самомъ дѣлѣ нуждающійся, да разскажи мнѣ обстоятельно, какъ ты распорядишься моими деньгами: если я увижу изъ твоихъ словъ, что ты употребишь ихъ умно и деньги принесутъ тебѣ явную

прибыль, — я тебѣ не откажу и не возьму даже процентовъ. Но бросать денегъ на вѣтеръ я не стану. Ужъ пусть меня въ этомъ извинятъ! Онъ затѣваетъ какой-нибудь обѣдъ своей любовницѣ или на сумасшедшую ногу убираетъ мебелями домъ, а ему давай деньги взаймы!“...

Здѣсь Скудронжогло плюнулъ и чуть-чуть[1] не выговорилъ нѣсколько неприличныхъ и бранныхъ словъ въ присутствіи супруги. Суровая тѣнь темной ипохондріи омрачила его живое лицо. Вздоль лба и вдоперекъ его собрались морщины, обличители гнѣвнаго движенья, взволнованной желчи.

Чичиковъ выпилъ рюмку малиновки и сказалъ такъ: „Позвольте мнѣ, досточтимый мною, обратить васъ вновь къ предмету прекращеннаго разговора. Если бы, положимъ, я пріобрѣлъ то самое имѣніе, о которомъ вы изволили упомянуть, то во сколько времени и какъ скоро можно разбогатѣть въ такой степени....“

„Если вы хотите“, подхватилъ сурово и отрывисто Скудронжогло, еще полный нерасположенья духа: „разбогатѣть скоро, такъ вы никогда не разбогатѣете; если же хотите разбогатѣть, не спрашивая[2] о времени, то разбогатѣете скоро“.

„Вотъ оно какъ!“ сказалъ Чичиковъ.

„Да“, сказалъ Скудронжогло отрывисто, точно какъ бы онъ сердился на самого Чичикова. „Надобно имѣть любовь къ труду; безъ этого ничего нельзя сдѣлать. Надобно полюбить хозяйство, да! И, повѣрьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что въ деревнѣ тоска... Да я бы умеръ отъ тоски, если бы хотя одинъ день провелъ въ городѣ такъ, какъ проводятъ они! Хозяину нѣтъ времени скучать. Въ жизни его нѣтъ пустоты — все полнота. Нужно только разсмотрѣть весь этотъ многообразный кругъ годовыхъ занятій — и какихъ занятій! занятій, истинно возвышающихъ духъ, не говоря уже о разнообразіи. Тутъ человѣкъ идетъ рядомъ съ природой, съ временами года, соучастникъ и собесѣдникъ всему, чтò совершается въ твореньи. Еще не появилась весна, а ужъ зачинаются работы: подвозы и дровъ, и всего на время распутицы; подготовка сѣмянъ; переборка, перемѣрка по амбарамъ хлѣба и пересушка; установленье новыхъ тяголъ. Прошли снѣга и рѣки, — работы такъ вдругъ и закипятъ: тамъ нагрузки на суда, здѣсь расчистка деревъ по лѣсамъ, пересадка деревъ по садамъ, и пошли взрывать повсюду землю. Въ огородахъ рабо-

таетъ заступъ, въ поляхъ — соха и борона. И начинаются посѣвы — бездѣлица: грядущій урожай сѣютъ! Наступило лѣто—покосы, первѣйшій праздникъ хлѣбопашца, — бездѣлица! Пойдутъ жатва за жатвой: за рожью пшеница, за ячменемъ овесъ, а тутъ и дерганье конопли. Мечутъ стога, кладутъ клади. А тутъ и августъ перевалилъ за половину — пошла свозка всего на гумны. Наступила осень—запашки и посѣвы озимыхъ хлѣбовъ, чинка амбаровъ, ригъ, скотныхъ дворовъ, хлѣбный опытъ и первый умолотъ. Наступитъ зима — и тутъ не дремлютъ работы: первые подвозы въ городъ, молотьба по всѣмъ гумнамъ, перевозка перемолотаго хлѣба изъ ригъ въ амбары, по лѣсамъ рубка и пиленье дровъ, подвозъ кирпичу и матеріалу для весеннихъ построекъ. Да, просто, я и обнять всего не въ состояньи. Какое разнообразіе работъ! Сюда и туда взглянуть идешь: и на мельницу, и на рабочій дворъ, и на фабрики, и на гумна; идешь и къ мужику взглянуть, какъ онъ на себя работаетъ, — бездѣлица! Да для меня праздникъ, если плотникъ хорошо владѣетъ топоромъ; я два часа готовъ предъ нимъ простоять: такъ веселитъ меня работа! А если видишь еще, съ какой цѣлью все это творится, какъ вокругъ тебя все множится да множится, принося плодъ да доходъ, да я и разсказать вамъ не могу, какое удовольствіе. И не потому, что растутъ деньги, — деньги деньгами, — но потому, что все это — дѣло рукъ твоихъ; потому, что видишь, какъ ты всему причина и творецъ всего, и отъ тебя, какъ отъ какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да гдѣ вы найдете мнѣ равное наслажденье?“ сказалъ Скудронжогло, и лицо его поднялось кверху, всѣ морщины исчезнули. Какъ царь въ день торжественнаго вѣнчанья своего, сіялъ онъ. — „Да въ цѣломъ мірѣ не отыщете вы подобнаго наслажденья! Здѣсь, именно здѣсь подражаетъ Богу человѣкъ: Богъ предоставилъ Себѣ дѣло творенья, какъ высшее наслажденье, и требуетъ отъ человѣка также, чтобы онъ былъ творцомъ благоденствія и стройнаго теченья дѣлъ. И это называютъ скучнымъ дѣломъ!“

Какъ пѣнья райской птички, заслушался Чичиковъ сладкозвучныхъ хозяйскихъ рѣчей. Глотали слюнку его уста. Глаза умаслились и выражали сладость, и все бы онъ слушалъ.

„Константинъ! пора вставать“, сказала хозяйка, припод-

нявшись со стула. Платоновъ приподнялся, Скудронжогло приподнялся, Чичиковъ приподнялся, хотя хотѣлось ему все сидѣть да слушать. Подставивъ руку коромысломъ, повелъ Чичиковъ обратно хозяйку. Но голова его не была склонена привѣтливо на бокъ, не доставало ловкости въ оборотахъ. Его мысли были заняты существенными оборотами и соображеньями.

„Чтò ни разсказывай, а все, однакоже, скучно“, говорилъ, идя позади ихъ, Платоновъ.

„Гость, кажется, очень неглупый человѣкъ“, думалъ хозяинъ: „степененъ въ словахъ и не щелкоперъ“. И, подумавши, сталъ еще веселѣе, точно какъ бы самъ разогрѣлся отъ своего разговора, точно какъ [бы][1] празднуя, что нашелъ человѣка, готоваго слушать умные совѣты.

Когда потомъ помѣстились они всѣ въ маленькой, уютной комнаткѣ, озаренной свѣчками, насупротивъ большой стеклянной двери въ садъ, Чичикову сдѣлалось такъ пріютно, какъ не бывало давно, точно какъ бы послѣ долгихъ странствованій приняла его родная крыша и, по совершеньи всего, получилъ онъ желаемое и бросилъ скитальческій посохъ, сказавши: „довольно!“ Такое обаятельное расположенье навелъ ему на душу разумный разговоръ хозяина. Есть для всякаго сердца такія рѣчи, которыя какъ бы ближе и родственнѣй ему другихъ рѣчей; и часто неожиданно, въ глухомъ, забытомъ захолустьи, на безлюдьи безлюдномъ, встрѣтишь человѣка, котораго грѣющая бесѣда заставитъ позабыть тебя и бездорожье дороги, и безпріютность ночлеговъ, и современный свѣтъ, полный глупостей людскихъ, обмановъ, обманывающихъ человѣка; и живо потомъ, навсегда и навѣки останется проведенный такимъ образомъ вечеръ, и все, чтò тогда случилось и было, удержитъ вѣрная память: и кто соприсутствовалъ, и кто на какомъ мѣстѣ стоялъ, и чтò было въ рукахъ его, — стѣны, углы и всякую бездѣлушку.

Такъ и Чичикову замѣтилось все въ тотъ вечеръ: и эта малая, неприхотливо убранная комнатка, и добродушное выраженье, воцарившееся въ лицѣ умнаго хозяина, и поданная Платонову трубка съ янтарнымъ мундштукомъ, и дымъ, который онъ сталъ пускать въ толстую морду Ярбу, и фырканье Ярба, и смѣхъ миловидной хозяйки, прерываемый словами:

„Полно, не мучь его“, и веселыя свѣчки, и сверчокъ въ углу, и стеклянная дверь, и весенняя ночь, которая оттолѣ на нихъ глядѣла, облокотясь на вершины деревъ, изъ чащи которыхъ высвистывали весенніе соловьи.

„Сладки мнѣ ваши рѣчи, досточтимый мною Константинъ Ѳедоровичъ“, произнесъ Чичиковъ. „Могу сказать, что не встрѣчалъ во всей Россіи человѣка, подобнаго вамъ по уму“.

Скудронжогло улыбнулся. „Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ,“ сказалъ онъ: „ужъ если хотите знать умнаго человѣка, такъ у насъ, дѣйствительно, есть одинъ, о которомъ, точно, можно сказать — „умный человѣкъ“, котораго я и подметки не стою“.

„Кто это?“ съ изумленьемъ спросилъ Чичиковъ.

„Это нашъ откупщикъ Муразовъ“.

„Въ другой разъ уже про него слышу!“ вскрикнулъ Чичиковъ.

„Это человѣкъ, который не то, что имѣньемъ помѣщика, цѣлымъ государствомъ управитъ. Будь у меня государство, я бы его сей же часъ сдѣлалъ министромъ финансовъ“.

„Слышалъ. Говорятъ, человѣкъ, превосходящій мѣру всякаго вѣроятія: десять милліоновъ, говорятъ, нажилъ“.

„Какое десять! перевалило за сорокъ. Скоро половина Россіи будетъ въ его рукахъ“.

„Чтò вы говорите!“ вскрикнулъ Чичиковъ, оторопѣвъ.

„Всенепремѣнно. У него теперь приращенье должно итти съ быстротой невѣроятной. Это ясно. Медленно богатѣетъ только тотъ, у кого какія нибудь сотни тысячъ; а у кого милліоны, у того радіусъ великъ: чтò ни захватитъ, такъ вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишкомъ просторно. Тутъ ужъ и соперниковъ нѣтъ: съ нимъ некому тягаться. Какую цѣну чему ни назначитъ, такая и останется: некому перебить“.

Вытаращивъ глаза и разинувши ротъ, какъ вкопанный, смотрѣлъ Чичиковъ въ глаза Скудронжогло. Захватило духъ въ груди ему. „Уму непостижимо!“ сказалъ онъ, приходя немного въ себя: „каменѣетъ мысль отъ страха. Изумляются мудрости Промысла въ разсматриваньи букашки; для меня болѣе изумительно, когда въ рукахъ смертнаго могутъ обращаться такія громадныя суммы! Позвольте предложить вамъ вопросъ насчетъ одного обстоятельства: скажите, вѣдь это, разумѣется, въ началѣ пріобрѣтено не безъ грѣха?“

„Самымъ безукоризненнымъ путемъ и самыми справедливыми средствами“.

„Не повѣрю, почтеннѣйшій, извините, не повѣрю. Если бъ это были тысячи, еще бы такъ, но милліоны... извините, не повѣрю“.

„Напротивъ, тысячи трудно безъ грѣха, а милліоны наживаются легко. Милліонщику нечего прибѣгать къ кривымъ путямъ. Прямой-таки дорогой такъ и ступай, все бери, чтò ни лежитъ передъ тобой. Другой не подыметъ: всякому не по силамъ“.

„Уму непостижимо! И чтò всего непостижимѣй, это то, что дѣло вѣдь началось изъ копѣйки!“

„Да иначе и не бываетъ. Это законный порядокъ вещей“, сказалъ Скудронжогло. „Кто воспитался на тысячахъ, тотъ уже не пріобрѣтетъ: у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нѣтъ! Начинать нужно съ начала, а не съ середины. Снизу, снизу нужно начинать. Тутъ только узнаешь хорошо людъ и бытъ, среди которыхъ придется потомъ изворачиваться. Какъ вытерпишь на собственной кожѣ то да другое, да какъ узнаешь, что всякая копѣйка алтыннымъ гвоздемъ прибита, да какъ перейдешь всѣ мытарства, тогда тебя умудритъ и вышколитъ такъ, что ужъ не дашь промаха ни въ какомъ предпріятьи и не оборвешься. Повѣрьте, это правда. Съ начала нужно начинать, а не съ середины. Кто говоритъ мнѣ: „Дайте мнѣ 100 тысячъ, я сейчасъ разбогатѣю“, я тому не повѣрю: онъ бьетъ на удачу, а не на вѣрняка. Съ копѣйки нужно начинать!“

„Въ такомъ случаѣ я разбогатѣю“, сказалъ Чичиковъ: „потому что начинаю почти, такъ сказать, съ ничего“. Онъ разумѣлъ мертвыя души.

„Константинъ, пора дать Павлу Ивановичу отдохнуть и поспать“, сказала хозяйка: „а ты все болтаешь“.

„И непремѣнно разбогатѣете,“ сказалъ Скудронжогло, не слушая хозяйки. „Къ вамъ потекутъ рѣки, рѣки золота. Не будете знать, куда дѣвать доходы“.

Какъ очарованный, сидѣлъ Павелъ Ивановичъ въ золотой области возрастающихъ грезъ и мечтаній. Закружилися его мысли...

„Право, Константинъ, Павлу Ивановичу пора спать“.

„Да чтò жъ тебѣ? Ну, и ступай, если захотѣлось!“ сказалъ хозяинъ и остановился: громко, по всей комнатѣ раздалось храпѣнье Платонова, а вслѣдъ за нимъ Ярбъ захрапѣлъ еще громче. Уже давно слышался отдаленный стукъ въ чугунныя доски. Дѣло потянуло за полночь. Скудронжогло замѣтилъ, что въ самомъ дѣлѣ пора на покой. Всѣ разбрелись, пожелавъ спокойнаго сна другъ другу, и не замедлили имъ воспользоваться.

Одному Чичикову только не спалось. Его мысли бодрствовали. Онъ обдумывалъ, какъ сдѣлаться помѣщикомъ не фантастическаго, но существеннаго имѣнія[1]. Послѣ разговора съ хозяиномъ все становилося такъ ясно; возможность разбогатѣть казалась такъ очевидной. Трудное дѣло хозяйства становилось теперь такъ легко и понятно и такъ казалось свойственно самой его натурѣ, что началъ помышлять онъ сурьезно о пріобрѣтеніи не воображаемаго, но дѣйствительнаго помѣстья; онъ опредѣлилъ тутъ же на деньги, которыя будутъ выданы ему изъ ломбарда за фантастическія души, пріобрѣсть помѣстье уже не фантастическое. Уже онъ видѣлъ себя дѣйствующимъ и правящимъ именно такъ, какъ поучалъ Скудронжогло, — расторопно, осмотрительно, ничего не заводя новаго, не узнавши насквозь всего стараго, все высмотрѣвши собственными глазами, всѣхъ мужиковъ узнавши, всѣ излишества отъ себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству... Уже заранѣе предвкушалъ онъ то удовольствіе, которое будетъ онъ чувствовать, когда заведется стройный порядокъ и бойкимъ ходомъ двигнутся всѣ пружины хозяйства, дѣятельно толкая другъ друга. Трудъ закипитъ, и подобно тому, [какъ][2] въ ходкой мельницѣ шибко вымалывается[3] изъ зерна мука, пойдетъ вымалываться изъ всякаго дрязгу и хламу чистоганъ да чистоганъ. Чудный хозяинъ такъ и стоялъ предъ нимъ ежеминутно. Это былъ первый человѣкъ во всей Россіи, къ которому почувствовалъ онъ уваженіе личное: доселѣ уважалъ онъ человѣка или за хорошій чинъ, или за большіе достатки; собственно за умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка. Скудронжогло былъ первый. Чичиковъ понялъ и то, что съ этакимъ нечего толковать о мертвыхъ душахъ и самая рѣчь объ этомъ будетъ неумѣстна. Его занималъ теперь другой прожектъ — купить имѣнье Хлобуева. Десять тысячъ у него было;

другія десять тысячъ предполагалъ онъ призанять у Скудронжогло, такъ какъ онъ самъ объявилъ уже, что готовъ помочь всякому, желающему разбогатѣть и заняться хозяйствомъ. Остальныя десять тысячъ можно было обязаться[1] потомъ, по заложеніи душъ. Заложить всѣ накупленныя души еще нельзя было, потому что не было еще земель, на которыя слѣдовало переселить ихъ. Хотя [увѣрялъ][2] онъ, что въ херсонской губерніи есть у него земли, но онѣ существовали больше въ предположеньи. Предполагалось еще и скупить ихъ въ херсонской губерніи, потому что они тамъ продавались за безцѣнокъ и даже отдавались даромъ, лишь бы только на нихъ селились. Думалъ онъ также и о томъ, что надобно торопиться закупать, у кого какіе остались бѣглецы и мертвецы, ибо помѣщики другъ передъ другомъ спѣшатъ закладывать имѣнія и скоро во всей Россіи можетъ не остаться и угла, не заложеннаго въ казну. Всѣ эти мысли поперемѣнно наполняли его голову и мѣшали ему [спать][3]. Наконецъ сонъ, который уже цѣлые четыре часа держалъ весь домъ, какъ говорится, въ своихъ объятіяхъ, принялъ въ объятія и Чичикова. Онъ заснулъ крѣпко....

ГЛАВА IV.

На другой день все обдѣлалось, какъ нельзя лучше. Скудронжогло далъ съ радостью десять тысячъ безъ процентовъ, безъ поручительства, — просто, подъ одну росписку: такъ былъ онъ готовъ помогать всякому на пути къ пріобрѣтенью. Этого мало: онъ самъ взялся сопровождать Чичикова къ Хлобуеву, съ тѣмъ, чтобы осмотрѣть вмѣстѣ съ нимъ имѣніе. Послѣ сытнаго завтрака всѣ они отправились, сѣвши всѣ трое въ коляску Павла Ивановича; пролетки хозяина слѣдовали за ними порожнякомъ. Ярбъ бѣжалъ впереди, сгоняя съ дороги птицъ. Въ полтора часа съ небольшимъ, сдѣлали они восемнадцать верстъ и увидѣли деревушку съ двумя домами: одинъ большой и новый, недостроенный и остававшійся вчернѣ нѣсколько лѣтъ; другой маленькій и старенькій. Хозяина нашли они растрепаннаго, заспаннаго, недавно проснувшагося; на сюртукѣ у него была заплата, а на сапогѣ дырка.

Пріѣзду гостей онъ обрадовался, какъ Богъ вѣсть чему:

точно какъ бы увидѣлъ онъ братьевъ, съ которыми надолго разставался.

„Константинъ Өедоровичъ! Платонъ Михайловичъ!“ вскрикнулъ онъ: „отцы родные! вотъ одолжили пріѣздомъ! Дайте протереть глаза! А ужъ, право, думалъ, что ко мнѣ никто не заѣдетъ. Всякъ бѣгаетъ меня, какъ чумы: думаетъ — попрошу взаймы. Охъ, трудно, трудно, Константинъ Өедоровичъ! Вижу — самъ всему виной! Чтò дѣлать? свинья свиньей зажилъ. Извините, господа, что принимаю васъ въ такомъ нарядѣ: сапоги, какъ видите, съ дырами. Да чѣмъ васъ потчивать? скажите“.

„Пожалуста безъ околичностей. Мы къ вамъ пріѣхали за дѣломъ“, сказалъ Скудронжогло. „Вотъ вамъ покупщикъ, Павелъ Ивановичъ Чичиковъ“.

„Душевно радъ познакомиться. Дайте прижать мнѣ вашу руку“.

Чичиковъ далъ ему обѣ.

„Хотѣлъ бы очень, почтеннѣйшій Павелъ Ивановичъ, показать вамъ имѣніе, стоющее вниманія... Да что, господа, позвольте спросить, вы обѣдали?“

„Обѣдали, обѣдали“, сказалъ Скудронжогло, желая отдѣлаться. „Не будемъ мѣшкать и пойдемъ теперь же“.

„Въ такомъ случаѣ пойдемъ“.

Хлобуевъ взялъ въ руки картузъ. Гости надѣли на головы картузы, и всѣ отправились пѣшкомъ осматривать деревню.

„Пойдемъ осматривать безпорядки и безпутство мое“, говорилъ Хлобуевъ. „Конечно, вы сдѣлали хорошо, что пообѣдали. Повѣрите ли, Константинъ Өедоровичъ, курицы нѣтъ въ домѣ, — до того дожилъ. Свиньей себя веду, просто свиньей!“

Глубоко вздохнувъ и какъ бы чувствуя, что мало будетъ участія со стороны Константина Өедоровича и жестковато его сердце, подхватилъ подъ руку Платонова и пошелъ съ нимъ впередъ, прижимая крѣпко его къ груди своей. Скудронжогло и Чичиковъ остались позади и, взявшись подъ руки, слѣдовали за ними въ отдаленіи.

„Трудно, Платонъ Михалычъ[1], трудно!“ говорилъ Хлобуевъ Платонову. „Не можете вообразить, какъ трудно! Безденежье, безхлѣбье, безсапожье! Трынъ-трава бы это было все, если бы

былъ молодъ и одинъ. Но когда всѣ эти невзгоды станутъ тебя ломать подъ старость, а подъ бокомъ жена, пятеро дѣтей, — сгрустнется, по неволѣ сгрустнется...[1]"

Платонову стало жалко. „Ну, а если вы продадите деревню, это васъ поправитъ?" спросилъ онъ.

„Какое поправитъ!" сказалъ Хлобуевъ, махнувши рукой. „Все пойдетъ на уплату необходимѣйшихъ долговъ, а затѣмъ для себя не остается и тысячи".

„Такъ что жъ вы будете дѣлать?"

„А Богъ знаетъ", говорилъ Хлобуевъ, пожимая плечами.

Платоновъ удивился. „Какъ же вы ничего не предпринимаете, чтобы выпутаться изъ такихъ обстоятельствъ?"

„Что жъ предпринять".

„Будто нѣтъ уже средствъ?"

„Никакихъ".

„Ну, ищите должности, возьмите какое-нибудь мѣсто".

„Вѣдь я губернскій секретарь. Какое жъ мнѣ могутъ дать выгодное мѣсто? Жалованье дадутъ ничтожное, а вѣдь у меня жена, пятеро дѣтей".

„Ну, частную какую-нибудь должность. Пойдите въ управляющіе".

„Да кто жъ мнѣ повѣритъ имѣніе? Я промоталъ свое".

„Ну, да если голодъ и смерть грозятъ, нужно же что-нибудь предпринимать. Я спрошу, не можетъ ли братъ мой черезъ кого-либо въ городѣ, выхлопотать какую-нибудь должность".

„Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ", сказалъ Хлобуевъ, вздохнувши и сжавши крѣпко его руку: „не гожусь я теперь никуды. Одряхлѣлъ прежде старости своей, и поясница болитъ отъ прежнихъ грѣховъ, и ревматизмъ въ плечѣ. Куды мнѣ! Что раззорять казну! И безъ того теперь завелось много служащихъ ради доходныхъ мѣстъ. Храни Богъ, чтобы изъ-за доставки мнѣ жалованья прибавлены были подати на бѣдное сословіе: и безъ того ему трудно при этомъ множествѣ сосущихъ. Нѣтъ, Платонъ Михайловичъ, Богъ съ нимъ".

„Вотъ положеніе!" думалъ Платоновъ. „Это хуже моей спячки".

Тѣмъ временемъ Скудронжогло и Чичиковъ, идя позади ихъ на порядочномъ разстояніи, такъ между собою говорили:

„Вонъ запустилъ какъ все!" говорилъ Скудронжогло. „До-

велъ мужика до какой бѣдности! Когда случился падежъ, такъ ужъ тутъ нечего глядѣть на свое добро. Тутъ все свое продай, да снабди мужика скотиной, чтобы онъ не оставался и одного дни безъ средствъ производить работу. Теперь и годами не поправишь: и мужикъ уже излѣнился, и загулялъ, и сталъ пьяница".

„Такъ, стало быть, теперь не совсѣмъ выгодно и покупать эдакое имѣніе?" спросилъ Чичиковъ.

Тутъ Скудронжогло взглянулъ на Чичикова такъ, какъ бы хотѣлъ ему сказать: „Ты что за невѣжа! съ азбуки, что ли, нужно съ тобой начинать?" — „Невыгодно! да черезъ три года я буду получать двадцать тысячъ годоваго дохода съ этого имѣнья, — вотъ оно какъ невыгодно! Въ пятнадцати верстахъ — бездѣлица! А земля-то какова? разглядите землю! Все поемныя мѣста. Да я засѣю льну, да тысячъ на пять одного льну отпущу; рѣпой засѣю — на рѣпѣ выручу тысячи четыре. А вонъ смотрите — рожь поднялась; вѣдь это все падаль. Онъ хлѣба не сѣялъ — я это знаю. Да этому имѣнью полтораста тысячъ, а не сорокъ[1]".

Чичиковъ сталъ опасаться, чтобы Хлобуевъ не услышалъ, и потому отсталъ еще подальше.

„Вонъ сколько земли оставилъ впустѣ!" говорилъ, начиная сердиться, Скудронжогло. „Хоть бы повѣстилъ впередъ, такъ набрели бы охотники. Ну, ужъ если нечѣмъ пахать, такъ копай подъ огородъ, — огородомъ бы взялъ. Мужика заставилъ пробыть четыре года безъ труда — бездѣлица! Да вѣдь этимъ однимъ ты уже его развратилъ и навѣки погубилъ; ужъ онъ успѣлъ привыкнуть къ лохмотью и бродяжничеству!" Сказавши это, плюнулъ Скудронжогло, и желчное расположеніе осѣнило сумрачнымъ облакомъ его чело...

„Я не могу здѣсь больше оставаться: мнѣ смерть глядѣть на этотъ безпорядокъ и запустѣнье! Вы теперь можете съ нимъ покончить и безъ меня. Отберите у этого дурака поскорѣе сокровище. Онъ только безчеститъ Божій даръ!" И, сказавши это, Скудронжогло простился съ Чичиковымъ и, нагнавши хозяина, сталъ также прощаться.

„Помилуйте, Константинъ Ѳедоровичъ", говорилъ удивленный хозяинъ: „только-что пріѣхали — и назадъ!"

„Не могу. Мнѣ крайняя надобность быть дома", сказалъ

Скудронжогло, простился, сѣлъ и уѣхалъ на своихъ пролеткахъ.

Казалось, какъ будто Хлобуевъ понялъ причину его отъѣзда. — „Не выдержалъ Константинъ Ѳедоровичъ", сказалъ онъ. „Чувствую, что не весело такому хозяину, каковъ онъ, глядѣть на эдакое безпутное управленье. Вѣрите ли, что не могу, Павелъ Ивановичъ... что почти вовсе не сѣялъ хлѣба въ этомъ году! Какъ честный человѣкъ, сѣмянъ не было, не говоря ужъ о томъ, что нечѣмъ пахать. — Вашъ братецъ, Платонъ Михайловичъ, говорятъ, необыкновенный хозяинъ; а Константинъ Ѳедоровичъ, что ужъ говорить! это Наполеонъ своего рода. Часто, право, думаю: „Ну, зачѣмъ столько ума дается въ одну голову? ну, чтò бы хоть каплю его въ мою глупую, хоть бы на то, чтобы съумѣлъ домъ свой держать! Ничего не умѣю, ничего не могу". Ахъ, Павелъ Ивановичъ, [возьмите][1] въ свое распоряженіе! Жаль больше всего мнѣ мужичковъ бѣдныхъ. Чувствую, что не умѣлъ быть.......[2], не могу быть взыскательнымъ и строгимъ. Да и какъ пріучить ихъ къ порядку, когда самъ безпорядоченъ! Я бы ихъ отпустилъ сей же часъ на волю всѣхъ, да какъ-то устроенъ русскій человѣкъ, какъ-то не можетъ безъ покупателя... Такъ и задремлетъ, такъ и заплеснетъ"[3].

„Вѣдь это, точно, странно", сказалъ Платоновъ: „отчего это у насъ такъ, что если не смотришь во всѣ глаза за простымъ человѣкомъ, сдѣлается и пьяницей, и негодяемъ?"

„Отъ недостатка просвѣщенія", замѣтилъ Чичиковъ.

„Ну, Богъ вѣсть отъ чего. Вотъ мы и просвѣтились, а вѣдь какъ живемъ? Я и въ университетѣ былъ, и слушалъ лекціи по всѣмъ частямъ, а искусству и порядку жить не только не, выучился, а еще какъ бы больше выучился искусству побольше издерживать деньги на всякія новыя утонченности да комфорты больше познакомился съ такими предметами, на которые нужны деньги. Оттого ли, что я безтолково учился? Только нѣтъ: вѣдь такъ и другіе товарищи. Можетъ быть, два-три человѣка извлекли себѣ настоящую пользу, да и то оттого, можетъ быть, что и безъ того были умны, а прочіе вѣдь только и стараются узнать то, чтò портитъ здоровье, да и выманиваетъ деньги. Ей Богу! Вѣдь приходили только затѣмъ, чтобы апплодировать профессорамъ[4], раздавать имъ награды, а не са-

мимъ отъ нихъ получать. Такъ изъ просвѣщенья-то мы все-таки выберемъ то, что̀ погаже; наружность его схватимъ, а его самого [не][1] возьмемъ. Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, не умѣемъ мы жить отъ чего-то другаго, а отъ чего, ей Богу, я не знаю".

„Причины должны быть", сказалъ Чичиковъ.

Вздохнулъ глубоко бѣдный Хлобуевъ и сказалъ такъ: „Иной разъ, право, мнѣ кажется, что будто русскій человѣкъ — какой-то пропащій человѣкъ. Нѣтъ силы воли, нѣтъ отваги на постоянство. Хочешь все сдѣлать — и ничего не можешь. Все думаешь — съ завтрашняго дня начнешь новую жизнь, съ завтрашняго дня примешься за все, какъ слѣдуетъ, съ завтрашняго дня сядешь на діэту; ничуть не бывало: къ вечеру того же дни такъ объѣшься, что только хлопаешь глазами и языкъ не ворочается, — право; и эдакъ всѣ".

„Нужно въ запасѣ держать благоразуміе", сказалъ Чичиковъ: „ежеминутно совѣщаться съ благоразуміемъ, вести съ нимъ дру[жескую][2] бесѣду".

„Да что̀!" сказалъ Хлобуевъ. „Право, мнѣ кажется, мы совсѣмъ не для благоразумія рождены. Я не вѣрю, чтобы изъ насъ былъ кто-нибудь благоразумнымъ. Если я вижу, что иной даже и порядочно живетъ, собираетъ и копитъ деньгу, — не вѣрю я и тому: на старости и его чортъ попутаетъ — спуститъ потомъ все вдругъ! И всѣ у насъ такъ: и благородные, и мужики, и просвѣщенные, и непросвѣщенные. Вонъ какой былъ умный мужикъ: изъ ничего нажилъ сто тысячъ, а какъ нажилъ сто тысячъ, пришла въ голову дурь сдѣлать ванну изъ шампанскаго, и выкупался въ шампанскомъ. Но вотъ мы, кажется, и все обсмотрѣли. Больше ничего нѣтъ. Хотите развѣ взглянуть на мельницу? Впрочемъ, въ ней нѣтъ колеса, да и строенье никуда не годится".

„Что̀ жъ и разсматривать ее!" сказалъ Чичиковъ.

„Въ такомъ случаѣ пойдемъ домой". И они всѣ направили шаги къ дому.

На возвратномъ пути были виды тѣ же. Неопрятный безпорядокъ такъ и выказывалъ отовсюду безобразную свою наружность. Все было опущено и запущено. Сердитая баба, въ замасляной дерюгѣ, прибила до полусмерти бѣдную дѣвчонку и ругала на всѣ бока... всѣхъ чертей. Какая-то философическая борода глядѣла съ равнодушіемъ стоическимъ изъ

окошка на гнѣвъ пьяной бабы; другая борода зѣвала. Одинъ чесалъ у себя пониже спины, другой зѣвалъ. Зѣвота видна была на строеніяхъ (и на всемъ)[1]: крыши также зѣвали. Платоновъ, глядя на нихъ, зѣвнулъ. „Мое-то будущее достоянье — мужики“, подумалъ Чичиковъ: „дыра на дырѣ и заплата на заплатѣ!“ И точно, на одной избѣ, вмѣсто крыши, лежали цѣликомъ ворота; провалившіяся окна подперты были жердями, стащенными съ господскаго амбара. Словомъ, въ хозяйство введена была, кажется, система Тришкина кафтана: отрѣзывались обшлага и фалды на заплату локтей.

Они вошли въ комнаты. Чичикова нѣсколько поразило смѣшенье нищеты съ нѣкоторыми блестящими бездѣлушками позднѣйшей роскоши. Посреди изорванной утвари и мебели — новенькія бронзы. Какой-то Шекспиръ сидѣлъ на чернильницѣ; на столѣ лежала какая-то ручка слоновой кости для почесыванья себѣ самому спины. Хлобуевъ отрекомендовалъ имъ хозяйку жену[2]. Она была хоть куда; въ Москвѣ не ударила бы лицомъ въ [грязь][3]. Платье на ней было со вкусомъ, по модѣ. Говорить любила больше о городѣ да о театрѣ, который тамъ завелся. По всему было видно, что деревню она любила еще меньше, чѣмъ мужъ, и что зѣвала она еще больше Платонова, когда оставалась одна. Скоро комната наполнилась дѣтьми, прелестными дѣвочками и мальчиками. Ихъ было пятеро; шестое принеслось на рукахъ. Всѣ были прекрасны: мальчики и дѣвочки — заглядѣнье. Они были одѣты мило и со вкусомъ, были рѣзвы и веселы, и отъ этого самаго было еще грустнѣе глядѣть на нихъ. Лучше бы одѣты они были уже дурно, въ простыхъ пестрядевыхъ юбкахъ и рубашкахъ, бѣгали себѣ по двору и ничѣмъ не отличались отъ простыхъ крестьянскихъ дѣтей! Къ хозяйкѣ пріѣхала гостья. Дамы ушли на свою половину. Дѣти убѣжали вслѣдъ за ними. Мужчины остались одни.

Чичиковъ приступилъ къ покупкѣ. По обычаю всѣхъ покупщиковъ, сначала онъ охаялъ покупаемое имѣніе и, охаявши его со всѣхъ сторонъ, сказалъ: „Какая же будетъ ваша цѣна?“

„Видите ли что̀?“ сказалъ Хлобуевъ. „Запрашивать съ васъ дорого не буду, да и не люблю: это было бы съ моей стороны и безсовѣстно. Я отъ васъ не скрою также и того, что въ деревнѣ моей изъ ста душъ, числящихся по ревизіи, и

пятидесяти нѣтъ на лицо: прочіе или померли отъ эпидемической болѣзни, или отлучились безпаспортно[1], такъ что вы почитайте ихъ какъ бы умершими. Поэтому-то я и прошу съ васъ всего только тридцать тысячъ".

„Ну, вотъ — тридцать тысячъ! Имѣнье запущено, люди мертвы, и тридцать тысячъ! Возьмите 25 тысячъ".

„Павелъ Ивановичъ, я могу его заложить въ ломбардъ въ 25 тысячъ; понимаете ли это? Тогда я получаю 25 тысячъ и имѣніе при мнѣ. Продаю я единственно затѣмъ, что мнѣ нужны скоро деньги, а при закладкѣ была бы проволочка[2], надобно бы платить приказнымъ, а платить нечѣмъ".

„Ну, да все-таки возьмите 25 тысячъ".

Платонову сдѣлалось совѣстно за Чичикова. „Покупайте, Павелъ Ивановичъ", сказалъ [онъ][3]. „За имѣнье можно всегда дать эту [цѣну][4]. Если вы не дадите за него тридцати тысячъ, мы съ братомъ складываемся и покупаемъ".

Чичиковъ испугался... „Хорошо!" сказалъ онъ: „даю 30 тысячъ. Вотъ двѣ тысячи задатку даю вамъ теперь, 8 тысячъ чрезъ недѣлю, а остальные 20 тысячъ черезъ мѣсяцъ".

„Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, только на томъ условіи, чтобы деньги, какъ можно скорѣе. Теперь вы мнѣ дайте пятнадцать тысячъ по крайней мѣрѣ, а остальные никакъ не дальше, какъ черезъ двѣ недѣли".

„Да нѣтъ пятнадцати тысячъ! Десять тысячъ у меня всего теперь. Дайте соберу". То есть, Чичиковъ лгалъ: у него было двадцать тысячъ.

„Нѣтъ, пожалуйста, Павелъ Ивановичъ! я говорю, что необходимо нужны пятнадцать тысячъ".

„Да, право, недостаетъ пяти тысячъ. Не знаю самъ откуда взять".

„Я вамъ займу", подхватилъ Михайловъ[5].

„Развѣ эдакъ!" сказалъ Чичиковъ и подумалъ про себя: „А это, однакоже, кстати, что онъ даетъ взаймы: въ такомъ случаѣ завтра можно будетъ привезти". Изъ коляски была принесена шкатулка и тутъ же было изъ нея вынуто десять тысячъ Хлобуеву; остальныя же пять тысячъ обѣщано было привезти ему завтра: то есть, обѣщано; предполагалось же привезти три; другія потомъ, денька черезъ два или три; а если можно, то и еще нѣсколько просрочить. Павелъ Ивановичъ

какъ-то особенно не любилъ выпускать изъ рукъ деньги. Если жъ настояла крайняя необходимость, то все-таки, казалось ему, лучше выдать деньги завтра, а не сегодня. То есть, онъ поступалъ, какъ всѣ мы: вѣдь намъ пріятно же поводить просителя. Пусть его натретъ себѣ спину въ передней! Будто ужъ и нельзя подождать ему! Какое намъ дѣло до того, что, можетъ быть, всякій часъ ему дорогъ и терпятъ оттого дѣла его! „Приходи, братецъ, завтра, а сегодня мнѣ какъ-то некогда".

„Гдѣ жъ вы послѣ этого будете жить?" спросилъ Платоновъ Хлобуева. „Есть у васъ другая деревушка?"

„Деревушки нѣтъ, а я переѣду въ городъ. Все же равно это было нужно сдѣлать не для себя, а для дѣтей. Имъ нужны будутъ учители Закону Божію, музыкѣ, танцованью. Вѣдь этого въ деревнѣ нельзя достать!"

„Куска хлѣба нѣтъ, а дѣтей хочетъ учить танцованью!" подумалъ Чичиковъ.

„Странно!" подумалъ Платоновъ.

„Чтò жъ? нужно намъ чѣмъ-нибудь вспрыснуть сдѣлку", сказалъ Хлобуевъ. „Эй, Кирюшка! принеси, братъ, бутылку шампанскаго".

„Куска хлѣба нѣтъ, а шампанское есть!" подумалъ Чичиковъ. Платоновъ не зналъ, что и думать.

Шампанское было принесено. Они выпили по три бокала и развеселились. Хлобуевъ развязался, сталъ уменъ и милъ: остроты и анекдоты сыпались у него безпрерывно. Въ рѣчахъ его оказалось столько познанья людей и свѣта! Такъ хорошо и вѣрно видѣлъ онъ многія вещи, такъ мѣтко и ловко очерчивалъ въ немногихъ словахъ сосѣдей помѣщиковъ, такъ видѣлъ ясно недостатки и ошибки всѣхъ, такъ хорошо зналъ исторію раззорившихся баръ — и почему, и какъ, и отчего они раззорились; такъ оригинально и мѣтко умѣлъ передавать малѣйшія ихъ привычки, что они оба были совершенно обворожены его рѣчами и готовы были признать его за умнѣйшаго человѣка.

„Послушайте", сказалъ Платоновъ, схвативши его за руку: „какъ вамъ, при такомъ умѣ, опытности и познаніяхъ житейскихъ, не найти средствъ выпутаться изъ вашего затруднительнаго положенія?"

„Средства-то есть", сказалъ Хлобуевъ, и вслѣдъ за тѣмъ

выгрузилъ имъ цѣлую кучу прожектовъ. Всѣ они были до того нелѣпы, такъ странны, такъ мало истекали изъ познанья людей и свѣта, что оставалось только пожимать плечами да говорить: „Господи Боже! какое необъятное разстоянье между знаньемъ свѣта и умѣньемъ пользоваться этимъ знаньемъ!" Почти всѣ прожекты основывались на потребности вдругъ достать откуда-нибудь сто или двѣсти тысячъ. Тогда, казалось ему, все бы устроилось, какъ слѣдуетъ, и хозяйство бы пошло, и прорѣхи всѣ бы заплатались, и доходы можно бы учетверить, и себя привести въ возможность выплатить всѣ долги. И оканчивалъ онъ рѣчь свою: „Но чтò прикажете дѣлать? Нѣтъ, да и нѣтъ такого благодѣтеля который бы рѣшился дать двѣсти или хоть сто тысячъ взаймы! Видно, ужъ Богъ не хочетъ".

„Еще бы", подумалъ Чичиковъ: „эдакому дураку послалъ Богъ двѣсти тысячъ!"

„Есть у меня, пожалуй, трехмилліонная тетушка", сказалъ Хлобуевъ: „старушка богомольная: на церкви и монастыри даетъ, но помогать ближнему тугенька. А старушка очень замѣчательная, — прежнихъ временъ тетушка, на которую бы взглянуть стоило. У ней однѣхъ канареекъ сотни четыре; моськи и приживалки, и слуги, какихъ ужъ теперь нѣтъ. Меньшому изъ слугъ будетъ лѣтъ 60, хоть она и зоветъ его: „Эй, малый!" Если гость какъ-нибудь себя не такъ поведетъ, такъ она за обѣдомъ прикажетъ обнести его блюдомъ. И обнесутъ, право".

Платоновъ усмѣхнулся.

„А какъ ея фамилія и гдѣ она проживаетъ?" спросилъ Чичиковъ.

„Живетъ она у насъ же въ городѣ — Александра Ивановна Ханасарова".

„Отчего жъ вы не обратитесь къ ней?" сказалъ съ участьемъ Платоновъ. „Мнѣ кажется, если бы она только поближе вошла въ положенье вашего семейства, она бы не въ силахъ была отказать вамъ, какъ бы ни была туга".

„Ну, нѣтъ, въ силахъ! У тетушки натура крѣпковата. Это старушка-кремень, Платонъ Михайлычъ! Да къ тому жъ есть и безъ меня угодники, которые около нея увиваются. Такъ есть одинъ, который мѣтитъ въ губернаторы. Приплелся

ей въ родню... Богъ съ нимъ! можетъ быть, и успѣетъ. Богъ съ ними со всѣми! Я подъѣзжать и прежде не умѣлъ, а теперь и подавно: спина ужъ не гнется".

„Дуракъ!" подумалъ Чичиковъ. „Да я бы за этакой тетушкой ухаживалъ, какъ нянька за ребенкомъ!"

„Что̀ жъ, вѣдь этакъ разговаривать сухо", сказалъ Хлобуевъ. „Эй, Кирюшка! принеси-ка еще другую бутылку шампанскаго".

„Нѣтъ, нѣтъ, я больше не буду пить", сказалъ Платоновъ.

„Я также", сказалъ Чичиковъ, и оба отказались они рѣшительно.

„Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ слово побывать у меня въ городѣ: 8-го іюня я даю маленькій обѣдъ нашимъ городскимъ сановникамъ".

„Помилуйте!" вскрикнулъ Платоновъ. „Въ такомъ состояніи, раззорившись совершенно — и еще обѣдъ".

„Что̀-жъ дѣлать? нельзя: это долгъ", сказалъ Хлобуевъ. „Они меня также угощали".

„Что съ нимъ дѣлать?" подумалъ Платоновъ. Онъ еще не зналъ того, что на Руси, въ Москвѣ и другихъ городахъ, водятся такіе мудрецы, которыхъ жизнь — необъяснимая загадка. Все, кажется, прожилъ, кругомъ въ долгахъ, ни откуда никакихъ средствъ[1], и обѣдъ, который задается, кажется, послѣдній; и думаютъ обѣдающіе, что завтра же хозяина потащутъ въ тюрьму. Проходитъ послѣ того 10 лѣтъ — мудрецъ все еще держится на свѣтѣ; еще больше прежняго кругомъ въ долгахъ и также задаетъ обѣдъ, и всѣ думаютъ, что онъ послѣдній, и всѣ увѣрены, что завтра же потащутъ хозяина въ тюрьму.

Почти такой же мудрецъ былъ Хлобуевъ. Только на одной Руси можно было существовать такимъ образомъ. Не имѣя ничего, онъ угощалъ и хлѣбосольничалъ, и даже оказывалъ покровительство, поощрялъ всякихъ артистовъ, пріѣзжавшихъ въ городъ, давалъ имъ у себя пріютъ и квартиру. Если [бы][2] кто заглянулъ въ домъ его, находившійся въ городѣ, онъ бы никакъ не узналъ, кто въ немъ хозяинъ. Сегодня попъ въ ризахъ служилъ тамъ молебенъ; завтра давали репетицію французскіе актеры; въ иной день какой-нибудь, неизвѣстный никому почти въ домѣ, поселялся въ самой гостиной съ бума-

гами и заводилъ тамъ кабинетъ, и это не смущало и не безпокоило никого въ домѣ, какъ бы было житейское дѣло. Иногда по цѣлымъ днямъ не бывало крохи въ домѣ, иногда же задавали въ немъ такой обѣдъ, который удовлетворилъ бы вкусу утонченнѣйшаго гастронома, и хозяинъ являлся праздничный, веселый, съ осанкой богатаго барина, съ походкой человѣка, котораго жизнь протекаетъ въ избыткѣ и довольствѣ. Зато временами бывали такія тяжелыя минуты, что другой давно бы, на его мѣстѣ, повѣсился или застрѣлился. Но его спасало религіозное настроеніе, которое страннымъ образомъ совмѣщалось въ немъ вмѣстѣ съ безпутною его жизнью. Въ эти горькія, тяжелыя минуты развертывалъ онъ книгу и читалъ житія страдальцевъ и тружениковъ, воспитывавшихъ духъ свой быть превыше страданій и несчастій. Душа его въ это время вся размягчалась, умилялся духъ и слезами исполнялись глаза его. И, — странное дѣло! — почти всегда приходила къ нему въ то время откуда-нибудь неожиданная помощь: или кто-нибудь изъ старыхъ друзей его вспоминалъ о немъ и присылалъ ему деньги; или какая-нибудь проѣзжая незнакомая барыня, христолюбивая, великодушная душа, нечаянно услышавъ о немъ исторію и тронувшись, съ стремительнымъ великодушьемъ женскаго сердца, присылала ему богатую подачу; или выигрывалось гдѣ-нибудь въ пользу его дѣло, о которомъ онъ никогда и не слыхалъ. Благоговѣйно, благодарно признавалъ онъ въ это время необъятное милосердье Провидѣнья, служилъ благодарственный молебенъ и — вновь начиналъ безпутную жизнь свою.

„Жалокъ онъ мнѣ, право, жалокъ!“ сказалъ Чичикову Платоновъ, когда они выѣхали отъ него.

„Блудный сынъ!“ сказалъ Чичиковъ. „О такихъ людяхъ и жалѣть нечего“.

И скоро они оба перестали о немъ думать: Платоновъ — потому, что лѣниво и полусонно смотрѣлъ на положенья людей, такъ же, какъ и на все въ мірѣ. Сердце его сострадало и щемило при видѣ страданій другихъ, но впечатлѣнья не впечатлѣвались глубоко въ его душѣ. Онъ потому не дудумалъ о Хлобуевѣ, что и о себѣ самомъ не думалъ. Чичиковъ потому не думалъ о Хлобуевѣ, что всѣ мысли были заняты пріобрѣтенною покупкою. Онъ исчислялъ, разсчитывалъ и со-

ображалъ всѣ выгоды купленнаго имѣнія. И какъ ни разсматривалъ, на какую сторону ни оборачивалъ дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить имѣніе въ ломбардъ. Можно было поступить и такъ, чтобы заложить однихъ только мертвецовъ и бѣглыхъ. Можно было поступить и такъ, чтобы прежде выпродать по частямъ всѣ лучшія земли, а потомъ уже заложить въ ломбардъ. Можно было распорядиться и такъ, чтобы заняться самому хозяйствомъ и сдѣлаться помѣщикомъ, по образцу Попонжогла[1], пользуясь его совѣтами, какъ сосѣда и благодѣтеля. Можно было поступить даже и такъ, чтобы перепродать[2] въ частныя [руки][3] имѣніе (разумѣется, если не захочется самому хозяйничать), оставивши при себѣ бѣглыхъ и мертвецовъ. Тогда представлялась и другая выгода: можно было вовсе улизнуть изъ этихъ мѣстъ и не заплатить Скудронжоглѣ денегъ, взятыхъ у него взаймы. Словомъ, всячески, какъ ни оборачивалъ онъ это дѣло, видѣлъ, что во всякомъ случаѣ покупка была выгодна. Онъ почувствовалъ удовольствіе, — удовольствіе отъ того, что сталъ теперь помѣщикомъ, помѣщикомъ не фантастическимъ, но дѣйствительнымъ помѣщикомъ, у котораго есть уже и земли, и угодья, и люди, — люди не мечтательные, не въ воображеньи пребываемые, но существующіе. И понемногу началъ онъ и подпрыгивать, и потирать себѣ руки, и подпѣвать, и приговаривать, и вытрубилъ на кулакѣ, приставивши его себѣ ко рту, какъ бы на трубѣ, какой-то маршъ, и даже выговорилъ вслухъ нѣсколько поощрительныхъ словъ и названій себѣ самому, въ родѣ мордашки и каплунчика. Но потомъ, вспомнивши, что онъ не одинъ, притихнулъ вдругъ, постарался кое-какъ замять неумѣренный порывъ восторгновенья, и когда Платоновъ, принявши кое-какіе изъ этихъ звуковъ за обращенную къ нему рѣчь, спросилъ у него: „Чего?“ онъ отвѣчалъ: „Ничего“.

Тутъ только, оглянувшись вокругъ себя, онъ замѣтилъ, что они ѣхали прекрасною рощей. Миловидная березовая ограда тянулась у нихъ справа и слѣва. Между деревъ показалась бѣлая каменная церковь. Въ концѣ улицы показался господинъ, шедшій къ нимъ навстрѣчу, въ картузѣ, съ суковатой палкой въ рукѣ. Аглицкій песъ, на высокихъ ножкахъ, бѣжалъ передъ нимъ.

„Стой!“ сказалъ Платоновъ кучеру и выскочилъ изъ коляски. Чичиковъ вышелъ вслѣдъ за нимъ также изъ коляски. Они пошли пѣшкомъ навстрѣчу господина. Ярбъ уже успѣлъ облобызаться съ аглицкимъ псомъ, съ которымъ, какъ видно, былъ знакомъ уже давно, потому что принялъ равнодушно въ свою толстую морду живое лобызанье Азора (такъ назывался аглицкій песъ). Проворный песъ, именемъ Азоръ, облобызавши Ярба, подбѣжалъ къ Платонову, вскочилъ къ нему съ намѣреньемъ лизнуть его въ губы, но не досталъ и, оттолкнутый имъ, вскочилъ на Чичикова, лизнулъ его въ ухо, побѣжалъ снова къ Платонову, пробуя лизнуть его хоть въ ухо.

Платонъ и господинъ, шедшій навстрѣчу, въ это время сошлись и обнялись.

„Помилуй, Платонъ![1] что̀ это ты со мною дѣлаешь?“ живо спросилъ господинъ.

„Какъ, что?“ равнодушно отвѣчалъ Платоновъ.

„Да какъ же въ самомъ дѣлѣ? три дни отъ тебя ни слуху, ни духу! Конюхъ отъ Пѣтуха привелъ твоего жеребца. „Поѣхалъ“, говоритъ, „съ какимъ-то бариномъ“. Ну, хоть бы слово сказалъ: куды, зачѣмъ, на сколько времени? Помилуй, братецъ, какъ же можно этакъ поступать? А я, Богъ знаетъ, чего не передумалъ въ эти дни!“

„Ну, что̀ жъ дѣлать? позабылъ“, сказалъ Платоновъ. „Мы заѣхали къ Константину Ѳедоровичу... Онъ тебѣ кланяется, сестра также. Рекомендую тебѣ Павла Ивановича Чичикова.— Павелъ Ивановичъ,— братъ Василій. Прошу полюбить его такъ же, какъ и меня“.

Братъ Василій и Чичиковъ, снявши картузы, поцѣловались.

„Кто бы такой былъ этотъ Чичиковъ?“ думалъ братъ Василій. „Братъ Платонъ на знакомства неразборчивъ и, вѣрно, не узналъ, что̀ онъ за человѣкъ“. И оглянулъ онъ Чичикова, насколько позволяло приличіе. Чичиковъ стоялъ, нѣсколько наклонивши голову и сохранивъ пріятное выраженье въ лицѣ.

Съ своей стороны Чичиковъ оглянулъ также, насколько позволяло приличіе, брата Василія. Онъ былъ ростомъ пониже Платона, волосомъ темнѣй его и лицомъ далеко не такъ красивъ; но въ чертахъ его лица было много жизни и одушевленья[2]. Видно было, что онъ не пребывалъ въ дремотѣ и спячкѣ.

„Знаешь ли, Василій, чтò я придумалъ?“ сказалъ братъ Платонъ.

„Чтò?“ спросилъ Василій

„Проѣздиться по святой Руси, вотъ именно съ Павломъ Ивановичемъ: авось-либо это размычетъ и растеребитъ хандру мою“.

„Какъ же такъ вдругъ рѣшился?...“ началъ было говорить Василій, озадаченный не на шутку такимъ рѣшеньемъ, и чуть было не прибавилъ: „И еще замыслилъ ѣхать съ человѣкомъ, котораго видишь въ первый разъ, который, можетъ быть, и дрянь, и чортъ знаетъ чтò!“ И, полный недовѣрія, сталъ онъ разсматривать искоса Чичикова и увидѣлъ, что онъ держался необыкновенно прилично, сохраняя все то же пріятное наклоненье головы нѣсколько на бокъ и почтительно-привѣтное выраженіе въ лицѣ, такъ что никакъ нельзя было узнать, какого роду былъ Чичиковъ[1].

Въ молчаньи они пошли всѣ трое по дорогѣ, по лѣвую[2] руку которой находилась мелькавшая промежъ деревъ бѣлая каменная церковь, по правую — начинавшія показ[ыв]аться[3], также промежъ деревъ, строенья господскаго двора. Наконецъ показались и ворота. Они вступили на дворъ, гдѣ былъ старинный господскій домъ подъ высокой крышей. Двѣ огромныя липы, росшія посреди двора, покрывали почти половину его своею тѣнью. Сквозь опущенныя внизъ развѣсистыя ихъ вѣтви едва сквозили стѣны дома. Подъ липами стояло нѣсколько длинныхъ скамеекъ. Братъ Василій пригласилъ Чичикова садиться. Чичиковъ сѣлъ, и Платоновъ сѣлъ. По всему двору разливалось благоуханье цвѣтущихъ сиреней и черемухъ, которыя, нависши отовсюду изъ саду въ дворъ черезъ миловидную березовую ограду, кругомъ его обходившую, казалися цвѣтущею цѣпью или бисернымъ[4] ожерельемъ, его короновавшимъ.

Ухватливый и ловкій дѣтина лѣтъ 17, въ красивой рубашкѣ розовой ксандрейки, принесъ и поставилъ передъ ними графины съ водой и разноцвѣтными квасами всѣхъ сортовъ, шипѣвшими, какъ газовые лимонады. Поставивши предъ ними графины, онъ подошелъ къ дереву и, взявши прислоненный къ нему заступъ, отправился въ садъ. У братьевъ Платоновыхъ вся дворня работала въ саду, всѣ слуги были садовники,

или, лучше сказать, слугъ не было, но садовники исправляли иногда эту должность. Братъ Василій все утверждалъ[1], что безъ слугъ можно даже и вовсе обойтись: подать что-нибудь можетъ всякій, и для этого не стòитъ заводить особаго сословья; что будто русскій человѣкъ по тѣхъ поръ только хорошъ и расторопенъ, и красивъ, и развязенъ, и много работаетъ, покуда онъ ходитъ въ рубашкѣ и зипунѣ; но что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ, станетъ и неуклюжъ, и некрасивъ, и нерасторопенъ, и лѣнтяй. Онъ утверждалъ, что и чистоплотность у него содержится по тѣхъ поръ, покуда онъ еще носитъ рубашку и зипунъ, и что, какъ только заберется въ нѣмецкій сюртукъ — и рубашки не перемѣняетъ, и въ баню не ходитъ, и спитъ въ сюртукѣ, и заведутся у него подъ сюртукомъ и клопы, и блохи, и чортъ знаетъ что̀. Въ этомъ, можетъ быть, онъ былъ и правъ. Въ деревнѣ ихъ народъ одѣвался какъ-то особенно щеголевато и опрятно, и такихъ красивыхъ рубашекъ и зипуновъ нужно было далеко поискать.

„Не угодно ли вамъ прохладиться?“ сказалъ братъ Василій Чичикову, указывая на графины. „Это квасы нашей фабрики; ими[2] издавна славится домъ нашъ“.

Чичиковъ налилъ стаканъ изъ перваго графина — точно липецъ, который онъ нѣкогда пивалъ въ Польшѣ: игра какъ у шампанскаго, а газъ такъ и шибнулъ пріятнымъ кручкомъ изо рта въ носъ. „Нектаръ!“ сказалъ Чичиковъ. Выпилъ стаканъ отъ другаго графина — еще лучше.

„Въ какую же сторону и въ какія мѣста предполагаете преимущественно ѣхать?“ спросилъ братъ Василій.

„Ѣду я“, сказалъ Чичиковъ, потирая себя рукой по колѣну, въ сопровожденьи легкаго покачиванья всего туловища и пріятнаго наклона головы на бокъ: „не столько по своей нуждѣ, сколько по нуждѣ другаго. Генералъ Бетрищевъ, близкій пріятель и, можно сказать, благотворитель, просилъ навѣстить родственниковъ. Родственники, конечно, родственниками, но отчасти, такъ сказать, и для самого себя, ибо, — не говоря уже о пользѣ въ гемороидальномъ отношеніи, — видѣть свѣтъ и коловращенье людей — есть уже само по тебѣ, такъ сказать, живая книга и вторая наука“.

Братъ Василій задумался. „Говоритъ этотъ человѣкъ нѣ-

сколько витіевато, но въ словахъ его есть правда", думалъ [онъ][1].— „Брату моему Платону недостаетъ познанія людей, свѣта и жизни"[2]. Нѣсколько помолчавъ, сказалъ такъ вслухъ: „Знаешь ли что, Платонъ?[3]—что путешествіе можетъ, точно, расшевелить тебя. У тебя душевная спячка. Ты, просто, заснулъ, и заснулъ не отъ пресыщенія или усталости, но отъ недостатка живыхъ впечатлѣній и ощущеній. Вотъ я совершенно напротивъ. Я бы очень желалъ не такъ живо чувствовать и не такъ близко принимать къ сердцу все, чтò ни случается".

„Вольно жъ принимать все близко къ сердцу!" сказалъ Платонъ. „Ты выискиваешь себѣ безпокойства и самъ сочиняешь себѣ тревоги".

„Какъ сочинять, когда и безъ того на всякомъ шагу непріятность?" сказалъ Василій. „Слышалъ ты, какую безъ тебя сыгралъ съ нами штуку Лѣницынъ?—Захватилъ пустошь нашу, гдѣ красная горка".

„Не знаетъ, потому и захватилъ", сказалъ Платонъ: „человѣкъ новый, только что пріѣхалъ изъ Петербурга. Ему нужно объяснить, растолковать".

„Знаетъ, очень знаетъ. Я посылалъ ему сказать, но онъ отвѣчалъ грубостью".

„Тебѣ нужно было съѣздить самому растолковать. Переговори съ нимъ самъ".

„Ну, нѣтъ. Онъ черезчуръ уже заважничалъ. Я къ нему не поѣду. Поѣзжай, если хочешь, ты".

„Я бы поѣхалъ, но вѣдь я не мѣшаюсь[4]. Онъ можетъ меня и провести, и обмануть".

„Да если угодно, такъ я поѣду", сказалъ Чичиковъ.

Василій взглянулъ на него и подумалъ: „Экой охотникъ ѣздить!"

„Вы мнѣ подайте только понятіе, какого рода онъ человѣкъ", сказалъ Чичиковъ: „и въ чемъ дѣло".

„Мнѣ совѣстно наложить на васъ такую непріятную коммиссію, потому что одно изъясненіе съ такимъ человѣкомъ для меня уже непріятная коммиссія. Надобно вамъ сказать, что онъ изъ простыхъ, мелкопомѣстныхъ дворянъ нашей губерніи, выслужился въ Петербургѣ, вышелъ кое-какъ въ люди, женившись тамъ на чьей-то побочной дочери, и заважничалъ. Задаетъ здѣсь тоны. Да у насъ въ губерніи, слава Богу, народъ

живетъ не глупый. Мода намъ не указъ, а Петербургъ — не церковь".

„Конечно", сказалъ Чичиковъ: „а дѣло въ чемъ?"

„А дѣло, по-настоящему, вздоръ. У него нѣтъ достаточно земли, — ну, онъ и захватилъ чужую пустошь, т.-е. онъ разсчитывалъ, что она не нужна, и о ней хозяева......[1], а у насъ, какъ нарочно, уже испоконъ вѣка собираются крестьяне праздновать тамъ красную горку. По этому-то поводу я готовъ пожертвовать лучше другими, лучшими землями, чѣмъ отдать ее. Обычай для меня — святыня".

„Стало быть, вы готовы уступить ему другія земли?"

„То есть, если бы онъ не такъ со мной поступилъ; но онъ хочетъ, какъ я вижу, знаться судомъ[2]. Пожалуй, посмотримъ, кто выиграетъ. Хоть на планѣ и не такъ ясно, но свидѣтели-старики еще живы и помнятъ".

„Гм!„ подумалъ Чичиковъ: „оба-то, какъ вижу, съ душкомъ". И сказалъ вслухъ: „А мнѣ кажется, что это дѣло обдѣлать можно миролюбно. Все зависитъ отъ посредника. Письмен[3]. . . . .
. . . .
. . „что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя всѣхъ умершихъ душъ, какія по сказкамъ послѣдней ревизіи числятся въ имѣніяхъ вашихъ, такъ чтобы я за нихъ платилъ подати. А чтобы не подать какого соблазна, то передачу эту вы совершите посредствомъ купчей крѣпости, какъ бы эти души были живыя".

„Вотъ тебѣ на!" подумалъ Лѣницынъ: „это что-то престранное." И нѣсколько даже отодвинулся со стуломъ назадъ, потому что совершенно озадачился.

„Я никакъ въ томъ не сомнѣваюсь, что вы на это дѣло совершенно будете согласны", сказалъ Чичиковъ: „потому что это дѣло совершенно въ томъ родѣ, какъ мы сейчасъ говорили. Совершено[4] оно будетъ между солидными людьми втайнѣ, и соблазна никому".

(Чтò тутъ дѣлать?)[5] Лѣницынъ очутился въ затруднительномъ положеніи. Онъ никакъ не могъ предвидѣть, чтобы мнѣніе, имъ незадолго изъявленное, привело его къ такому быстрому осуществленью на дѣлѣ. Предложеніе было до крайности неожиданно. Конечно, ничего вредоноснаго ни для кого не могло

быть въ этомъ поступкѣ: помѣщики, все равно, заложили бы также эти души наравнѣ съ живыми; стало быть, казнѣ убытку не можетъ быть никакого; разница въ томъ, что они были бы въ однихъ рукахъ, а тогда были бы въ розныхъ. Но тѣмъ не менѣе онъ затруднился. Онъ былъ законникъ и дѣлецъ, и дѣлецъ въ хорошую сторону. Неправо не рѣшилъ бы онъ дѣла ни за какіе подкупы. Но тутъ онъ остановился, не зная, какое имя дать этому дѣйствію—правое ли оно, или неправое. Если бы кто-нибудь другой обратился къ нему съ такимъ предложеніемъ, онъ могъ бы сказать: „Это вздоръ, пустяки! Я не хочу играть въ куклы, или дурачиться“. Но гость уже такъ ему понравился, такъ они сошлись во многомъ насчетъ успѣховъ просвѣщенья и наукъ, — какъ отказать? Лѣницынъ находился въ презатруднительномъ положеніи.

Но въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю, вошла въ комнату молодая курносенькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худенькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы. За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. Чичиковъ, разумѣется, подошелъ тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ наклоненьемъ головы на бокъ много расположилъ ее въ свою пользу. За тѣмъ подбѣжалъ къ ребенку. Тотъ было разревѣлся; но, однакоже, Чичикову удалось словами: „Агу, агу, душенька!“ прищелкиваньемъ пальцевъ и сердоликовой печаткой отъ часовъ переманить его на руки къ себѣ. Взявши его къ себѣ на руки, началъ онъ приподымать его кверху и тѣмъ возбудилъ въ ребенкѣ пріятную усмѣшку, которая очень обрадовала обоихъ родителей.

Но отъ удовольствія ли, или отъ чего-нибудь другаго, ребенокъ вдругъ повелъ себя нехорошо. Жена Лѣницына закричала: „Ахъ, Боже мой! онъ вамъ испортилъ весь фракъ“.

Чичиковъ посмотрѣлъ: рукавъ новешенькаго фрака былъ весь испорченъ. „Пострѣлъ бы тебя побралъ, чертенокъ проклятый!“ пробормоталъ онъ въ сердцахъ про себя.

Хозяинъ, и хозяйка, и мамка — всѣ побѣжали за одеколономъ; со всѣхъ сторонъ принялись его вытирать.

„Ничего, ничего, совершенно ничего“, говорилъ Чичиковъ.

„Можетъ ли чтò-нибудь невинный ребенокъ?“ И въ то же время думалъ про себя: „Да вѣдь какъ мѣтко обдѣлалъ, канальченокъ проклятый!“ — „Золотой возрастъ!“ сказалъ онъ, когда уже его совершенно вытерли и пріятное выраженіе возвратилось на его лицѣ.

„А вѣдь точно“, сказалъ хозяинъ, обратившись къ Чичикову, тоже съ пріятной улыбкой: „чтò можетъ быть завиднѣй ребяческаго возраста? никакихъ заботъ, никакихъ мыслей о будущемъ...“

„Состоянье, на которое можно сей же часъ помѣняться“, сказалъ Чичиковъ.

„За глаза“, сказалъ Лѣницынъ.

Но, кажется, оба соврали: предложи имъ такой обмѣнъ, они бы тутъ же на попятный дворъ. Да и что за радость сидѣть у мамки на рукахъ да портить фраки!

Молодая хозяйка и первенецъ удалились съ мамкой, потому что и на немъ требовалось кое-что поправить: наградивъ Чичикова, онъ и себя не позабылъ (наградить)[1].

Это, повидимому, незначительное обстоятельство склонило еще болѣе хозяина на сторону Чичикова. Какъ въ самомъ дѣлѣ отказать такому пріятному, обходительному гостю, который столько ласкъ оказалъ его малюткѣ и такъ великодушно поплатился за то собственнымъ фракомъ? Лѣницынъ думалъ такъ: „Почему жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?“ . . . .

ГЛАВА...[2]

Въ то самое время, когда Чичиковъ въ персидскомъ новомъ халатѣ изъ золотистой термаламы[3], развалясь на диванѣ, торговался[4] съ заѣзжимъ контрабандистомъ-купцомъ, жидовскаго происхожденія и нѣмецкаго выговора, и передъ ними уже лежали купленная штука первѣйшаго голландскаго полотна на рубашки и двѣ бумажныя коробки съ отличнѣйшимъ мыломъ первостатейнѣйшаго свойства (это мыло было то самое[5], которое онъ нѣкогда пріобрѣталъ на радзивиловской таможнѣ; оно имѣло, дѣйствительно, свойство[6] сообщать непостижимую нѣжность и бѣлизну щекамъ изумительную), — въ то время,

когда онъ, какъ знатокъ, покупалъ эти необходимые для воспитаннаго человѣка продукты, раздался громъ подъѣхавшей кареты, отозвавшійся[1] легкимъ дрожаньемъ комнатныхъ оконъ и стѣнъ, и вошелъ его превосходительство Алексѣй Ивановичъ Лѣницынъ.

„На судъ вашего превосходительства представляю: каково полотно, и каково мыло, и какова эта вчерашняго дни купленная вещица!“ При этомъ Чичиковъ надѣлъ на голову ермолку, вышитую золотомъ и бусами, и очутился, какъ персидскій шахъ, исполненный достоинства и величія.

Но его превосходительство, не отвѣчая на вопросъ, сказалъ: „Мнѣ нужно съ вами поговорить объ дѣлѣ“. Въ лицѣ его замѣтно было разстройство[2]. Почтенный купецъ нѣмецкаго выговора былъ тотъ же часъ высланъ, и они остались [одни][3].

„Знаете ли вы, какая непріятность? Отыскалось другое завѣщаніе старухи, сдѣланное назадъ тому пять [лѣтъ][4]. Половина имѣнья отдается на монастырь, а другая—обѣимъ воспитанницамъ пополамъ, и ничего больше никому“.

Чичиковъ оторопѣлъ.

„Но это завѣщанье — вздоръ. Оно ничего не значитъ; оно уничтожено вторымъ“.

„Но вѣдь это не сказано въ послѣднемъ завѣщаніи, что имъ уничтожается первое“.

„Это само собою разумѣется: послѣднее уничтожаетъ первое[5]. Это вздоръ. Это первое завѣщанье никуда не годится. Я знаю хорошо волю покойницы. Я былъ при ней. Кто его подписалъ? кто были свидѣтели?“

„Засвидѣтельствовано оно, какъ слѣдуетъ, въ судѣ. Свидѣтелемъ былъ бывшій совѣстный судья Бурмиловъ и Хавановъ“.

„Худо“, подумалъ Чичиковъ: „Хавановъ, говорятъ, честенъ; Бурмиловъ — старый ханжа, читаетъ по праздникамъ апостола въ церквахъ“[6]. — „Но вздоръ, вздоръ“, сказалъ онъ вслухъ и тутъ же почувствовалъ рѣшимость на всѣ штуки[7]. „Я знаю это лучше: я участвовалъ при послѣднихъ минутахъ покойницы. Мнѣ это лучше всѣхъ извѣстно. Я готовъ присягнуть самолично“.

Слова эти и рѣшимость на минуту успокоили Лѣницына. Онъ былъ очень взволнованъ и уже начиналъ было подозрѣ-

вать[1], не было ли со стороны Чичикова какой-нибудь фабрикаціи относительно завѣщанія[2] (хотя онъ и представить себѣ не могъ, чтобы дѣло было, какъ оно было дѣйствительно[3]). Теперь укорилъ себя въ подозрѣніи. Готовность присягнуть была явнымъ доказательствомъ, что Чичиковъ... Не знаемъ мы, точно ли достало бы духа у Павла Ивановича присягнуть на святомъ, но сказать это достало духа.

„Будьте покойны (и не заботьтесь ни о чемъ, я отправляюсь)[4] и переговорю объ этомъ дѣлѣ съ нѣкоторыми юрисконсультами. Съ вашей стороны тутъ ничего не должно прилагать; вы должны быть совершенно въ сторонѣ. Я же теперь могу жить въ городѣ, сколько мнѣ угодно“.

Чичиковъ тотъ же часъ приказалъ подать экипажъ и отправился къ юрисконсульту. Этотъ юрисконсультъ былъ опытности необыкновенной. Уже пятнадцать лѣтъ, какъ онъ находился подъ судомъ, и такъ умѣлъ распорядиться, что никакъ[5] нельзя было отрѣшить отъ должности. Всѣ знали, что его, за подвиги его, слѣдовало бы, шесть разъ слѣдовало послать на поселенье. Кругомъ и со всѣхъ сторонъ былъ онъ въ подозрѣніяхъ, но никакихъ нельзя было возвести явныхъ и доказанныхъ уликъ. Тутъ было дѣйствительно что-то таинственное, и его бы можно было смѣло признать колдуномъ, если бы исторія, нами описанная, принадлежала временамъ невѣжества.

Юрисконсультъ поразилъ холодностью своего вида, замасленностью своего халата, представлявшаго совершенную противоположность (весьма)[6] хорошимъ мебелямъ краснаго дерева, золотымъ часамъ подъ стекляннымъ колпакомъ, люстрѣ, сквозившей сквозь кисейный чехолъ, ее сохранявшій, и вообще всему, чтò было вокругъ и носило на себѣ яркую печать блистательнаго европейскаго просвѣщенія[7].

Не останавливаясь, однакожъ, скептической наружностью юрисконсульта, Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты дѣла и въ заманчивой перспективѣ изобразилъ необходимо послѣдующую благодарность за добрый совѣтъ и участіе[8].

Юрисконсультъ отвѣчалъ на это изображеньемъ невѣрности всего земнаго[9] и далъ тоже искусно замѣтить, что журавль въ небѣ ничего не значитъ, а нужно синицу въ руку[10].

Нечего дѣлать: нужно было дать синицу[11] въ руки. Скептическая холодность философа вдругъ исчезла. Оказалось, что

это. былъ наидобродушнѣйшій человѣкъ, наиразговорчивый и наипріятнѣйшій въ разговорахъ, не уступавшій ловкостью оборотовъ самому Чичикову.

„Позвольте вамъ[1] вмѣсто того, чтобы заводить длинное дѣло, — вы, вѣрно, не хорошо разсмотрѣли самое завѣщаніе[2]: тамъ, вѣрно, есть какая-нибудь приписочка. Вы возьмите его на время къ себѣ[3]. Хотя, конечно, подобныхъ вещей на домъ брать запрещено, но если хорошенько попросить нѣкоторыхъ чиновниковъ... Я съ своей стороны употреблю мое участіе“.

„Понимаю“, подумалъ Чичиковъ и сказалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, я, точно, хорошо не помню, есть ли тамъ приписочка, или нѣтъ“, — точно какъ будто и не самъ писалъ это завѣщаніе[4].

„Лучше всего вы это посмотрите. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ“, продолжалъ онъ весьма добродушно: „будьте всегда покойны и не смущайтесь ничѣмъ, даже если бы и хуже что̀ произошло. Никогда и ни въ чемъ не отчаявайтесь: нѣтъ дѣла неисправимаго. Смотрите на меня: я всегда покоенъ. Какіе бы ни были возводимы на меня казусы, спокойствіе мое непоколебимо“[5]. Лицо юрисконсульта-философа пребывало дѣйствительно въ необыкновенномъ спокойствіи, такъ что Чичиковъ много......[6]

„Конечно, это первая вещь“, сказалъ [онъ][7]. „Но согласитесь, однакожъ, что могутъ быть такіе случаи и дѣла, такія дѣла и такіе поклепы со стороны враговъ, и такія затруднительныя положенія, что отлетитъ всякое спокойствіе“.

„Повѣрьте мнѣ, это малодушіе“, отвѣчалъ очень покойно и добродушно философъ-юристъ. „Старайтесь только, чтобы производство дѣла было все основано на бумагахъ, чтобы на словахъ ничего не было. И какъ только увидите, что дѣло идетъ къ развязкѣ и удобно къ рѣшенію, старайтесь — не то, чтобы оправдывать и защищать себя, — нѣтъ, просто спутать новыми вводными, и такъ........[8]

„То есть, чтобы...“

„Спутать, спутать — и ничего больше,“ отвѣчалъ философъ: „ввести въ это дѣло постороннія, другія обстоятельства, которыя запутали [бы][9] сюда и другихъ; сдѣлать сложнымъ — и ничего больше. И тамъ пусть пріѣзжій петербургскій чиновникъ разбираетъ, пусть разбираетъ, пусть его разбираетъ!“

повторилъ онъ, смотря съ необыкновеннымъ удовольствіемъ въ глаза Чичикову, какъ смотритъ учитель ученику, когда объясняетъ ему заманчивое мѣсто изъ русской грамматики.

„Да[1], хорошо, если подберешь такія обстоятельства, которыя способны пустить въ глаза мглу“, сказалъ Чичиковъ, смотря тоже съ удовольствіемъ въ глаза философа, какъ ученикъ, который понялъ заманчивое мѣсто, объясняемое учителемъ.

„Подберутся обстоятельства, подберутся! Повѣрьте: отъ частаго упражненія и голова сдѣлается находчивою. Прежде всего помните, что вамъ будутъ помогать. Въ сложности дѣла выигрышъ многимъ[2]: и чиновниковъ нужно больше, и жалованья имъ больше... Словомъ, втянуть въ дѣло побольше лицъ. Нѣтъ нужды, что иные напрасно попадутъ: да вѣдь имъ же оправдаться.....[3], имъ нужно отвѣчать на бумаги, имъ нужно окупиться... Вотъ ужъ и хлѣбъ...[4] Повѣрьте мнѣ, что, какъ только обстоятельства становятся критическія, первое дѣло спутать. Такъ можно спутать, такъ все перепутать, что никто ничего не пойметъ. Я почему спокоенъ? — Потому что знаю: пусть только дѣла мои пойдутъ похуже, да я всѣхъ впутаю въ свое — и губернатора, и вицгубернатора, и полицеймейстера, и казначея, — всѣхъ запутаю[5]. Я знаю всѣ ихъ обстоятельства: и кто на кого сердится, и кто на кого дуется, и кто кого хочетъ упечь. Тамъ, пожалуй, пусть ихъ выпутываются. Да покуда они выпутаются, другіе успѣютъ нажиться. Вѣдь только въ мутной водѣ и ловятся раки. Всѣ только ждутъ, чтобы запутать“. Здѣсь юристъ-философъ посмотрѣлъ Чичикову въ глаза опять съ тѣмъ[6] наслажденьемъ, съ какимъ учитель объясняетъ ученику еще заманчивѣйшее мѣсто изъ русской грамматики.

„Нѣтъ, этотъ человѣкъ, точно, мудрецъ“, подумалъ про себя Чичиковъ и разстался съ юрисконсультомъ въ наипріятнѣйшемъ и въ наилучшемъ расположеніи духа.[7]

Совершенно успокоившись и укрѣпившись[8], онъ съ небрежною ловкостью бросился на эластическія подушки[9] коляски, приказалъ Селифану откинуть кузовъ назадъ (къ юрисконсульту онъ ѣхалъ съ поднятымъ кузовомъ и даже застегнутой кожей) и расположился, точь въ точь, какъ отставной гусарскій полковникъ, или самъ Вишнепокромовъ — ловко подвернувши одну ножку подъ другую, обратя съ пріятностью ко встрѣчнымъ

лицо, сіявшее изъ-[подъ][1] шелковой новой шляпы, надвинутой нѣсколько на ухо. Селифану было приказано держать направленье къ гостиному двору. Купцы, и пріѣзжіе, и туземные, стоя у дверей лавокъ, почтительно снимали шляпы, и Чичиковъ, не безъ достоинства, приподнималъ имъ въ отвѣтъ свою. Многіе изъ нихъ уже были ему знакомы; другіе, были хоть пріѣзжіе, но очарованные ловкимъ видомъ умѣющаго держать себя господина[2], привѣтствовали его, какъ знакомые. Ярмарка въ городѣ Тьфуславлѣ не прекращалась: отошла конная и земледѣльческая, началась — съ красными товарами для господъ просвѣщенья высшаго. Купцы, пріѣхавшіе на колесахъ, располагали назадъ не иначе возвращаться, какъ на саняхъ.

„Пожалуте-съ, пожалуте-съ!“ говорилъ у суконной лавки, учтиво рисуясь, съ открытою головою, нѣмецкій сюртукъ московскаго шитья, съ шляпой въ рукѣ на отлетѣ, только чуть державшій[3] круглый подбородокъ и выраженье тонкости просвѣщенья въ лицѣ.

Чичиковъ вошелъ въ лавку. „Покажите-ка мнѣ, любезнѣйшій, суконца“.

Благопріятный купецъ тотчасъ приподнялъ вверхъ открывавшуюся доску у стола и, сдѣлавши такимъ образомъ себѣ проходъ, очутился въ лавкѣ, спиною къ товару и лицомъ къ покупателю. Ставши спиной къ товарамъ и лицомъ къ покупателю, купецъ, съ обнаженной головою и шляпой на отлетѣ, еще разъ привѣтствовалъ Чичикова. Потомъ надѣлъ шляпу и, пріятно нагнувшись, обѣими же руками упершись въ столъ, сказалъ такъ: „Какого рода суконъ-съ? англійскихъ мануфактуръ, или отечественной фабрикаціи предпочитаете?“

„Отечественной фабрикаціи“, сказалъ Чичиковъ: „но только лучшаго сорта, который называется аглицкимъ“.

„Какихъ цвѣтовъ пожелаете имѣть?“ вопросилъ купецъ, все такъ [же][4] пріятно колеблясь на двухъ, упершихся въ столъ, рукахъ.

„Цвѣтовъ темныхъ, оливковыхъ или бутылочныхъ съ искрою, приближающихся[5], такъ сказать, къ брусникѣ“, сказалъ Чичиковъ.

„Могу сказать, что получите первѣйшаго сорта, какое-съ можете въ обѣихъ столицахъ“[6], говорилъ купецъ, полѣзши[7] доставать сверху штуку; бросилъ ее ловко на столъ, разворотилъ

съ другаго конца и поднесъ къ свѣту. „Каковъ отливъ-съ! Самаго моднаго, послѣдняго вкуса!“ Сукно блистало, какъ шелковое. Купецъ чутьемъ пронюхалъ, что предъ нимъ стоитъ знатокъ суконъ, и не захотѣлъ начинать съ десятирублеваго.

„Порядочное,“ сказалъ Чичиковъ, слегка погладивши. „Но знаете ли, почтеннѣйшій? покажите-ка мнѣ сразу то, что̀ вы напослѣди показываете, да и цвѣту больше того... больше искрасна“[1].

„Понимаю-съ: вы истинно желаете такого цвѣта, какой ноньче въ......[2] входитъ. Есть у меня сукно отличнѣйшаго свойства. Предувѣдомляю, что высокой цѣны, но и высокаго достоинства“[3].

Штука упала сверху. Купецъ ее развернулъ еще съ бо̀льшимъ искусствомъ, поймалъ другой конецъ и развернулъ точно шелковую матерію, поднесъ ее Чичикову такъ, что [тотъ][4] имѣлъ возможность не только разсмотрѣть его, но даже понюхать, сказавши только: „Вотъ-съ сукно-съ! цвѣту наваринскаго дыму съ пламенемъ“.

О цѣнѣ условились. Желѣзный аршинъ, подобный жезлу чародѣя, отхваталъ тутъ же Чичикову на фракъ [и][5] на панталоны. Сдѣлавши ножницами нарѣзку, купецъ произвелъ обѣими руками ловкое дранье сукна во всю его ширину[6], при окончаньи котораго поклонился Чичикову съ наиобольстительнѣйшею пріятностью[7]. Сукно тутъ же было свернуто и ловко заверчено[8] въ бумагу; свертокъ завертѣлся подъ легкой бичевкой. Чичиковъ хотѣлъ было лѣзть въ карманъ, но почувствовалъ пріятное окруженіе своей поясницы чьей-то весьма деликатной рукой, и уши его услышали: „Что̀ вы здѣсь покупаете, почтеннѣйшій?“

„А, пріятнѣйше-неожиданная встрѣча!“ сказалъ Чичиковъ.

„Пріятное столкновенье“, сказалъ голосъ того же самаго, который окружилъ его поясницу. Это былъ Вишнепокромовъ. „Готовился было пройти лавку безъ вниманья, вдругъ вижу знакомое лицо — какъ отказаться отъ пріятнаго удовольствія! Нечего сказать, сукна въ этомъ году несравненно лучше. Вѣдь это стыдъ, срамъ! Я никакъ не могъ, бывало, отыскать... Я готовъ сорокъ рублей... возьми пятьдесятъ даже, но дай хорошаго. По мнѣ, или имѣть вещь, которая бы, точно, была уже отличнѣйшая, или ужъ лучше вовсе не имѣть. Не такъ ли?“

„Совершенно такъ!“ сказалъ Чичиковъ. „Зачѣмъ же трудишься, какъ не затѣмъ, чтобы, точно, имѣть хорошую вещь?“

„Покажите мнѣ сукна среднихъ цѣнъ“, раздался позади голосъ, показавшійся Чичикову знакомымъ. Онъ оборотился: это былъ Хлобуевъ. По всему видно было, что онъ покупалъ сукно не для прихоти[1], потому что сюртучекъ былъ больно протертъ.

„Ахъ, Павелъ Ивановичъ! позвольте мнѣ съ вами наконецъ поговорить. Васъ нигдѣ не встрѣтишь. Я былъ нѣсколько разъ — все васъ нѣтъ и нѣтъ“.

„Почтеннѣйшій, я такъ былъ занятъ, что, ей, ей, нѣтъ времени“. Онъ поглядѣлъ по сторонамъ, какъ бы[2] отъ объясненья улизнуть, и увидѣлъ входящаго въ лавку Муразова. „Аѳанасій Васильевичъ! Ахъ, Боже мой!“ сказалъ Чичиковъ: „вотъ пріятное столкновеніе!“ И вслѣдъ за нимъ повторилъ Вишнепокромовъ: „Аѳанасій Васильевичъ!“ [Хлобуевъ][3] повторилъ: „Аѳанасій Васильевичъ!“ И, наконецъ, благовоспитанный купецъ, отнеся шляпу отъ головы настолько, сколько могла рука, и, весь[4] подавшись впередъ, произнесъ: „Аѳанасію Васильевичу наше нижайшее почтенье!“ (У всѣхъ)[5] на лицахъ напечатлѣлась[6] та собачья услужливость, какую оказываетъ грѣшный людъ милліонщикамъ[7].

Старикъ раскланялся со всѣми и обратился прямо къ Хлобуеву: „Извините меня: я, увидѣвши издали, какъ вы вошли въ лавку, рѣшился васъ побезпокоить. Если вамъ будетъ черезъ......[8] свободно и по дорогѣ мимо моего дома, такъ сдѣлайте милость, зайдите на малость времени. Мнѣ съ вами нужно будетъ переговорить“[9].

Хлобуевъ сказалъ: „Очень хорошо, Аѳанасій Васильевичъ“.

И старикъ, раскланявшись снова со всѣми, вышелъ.

„У меня просто голова кружится“, сказалъ Чичиковъ: „какъ подумаешь, что у этого человѣка 10 милліоновъ. Это, просто, даже невѣроятно“.

„Противозаконная, однакожъ, вещь“, сказалъ Вишнепокромовъ: „капиталы не должны быть въ однихъ [рукахъ][10]. Это теперь предметъ трактатовъ во всей Европѣ. Имѣешь деньги,— ну, сообщай другимъ: угощай, давай балы, производи благодѣтельную роскошь, которая даетъ хлѣбъ мастерамъ, ремесленникамъ“.

„Это я не могу понять“, сказалъ Чичиковъ. „Десять милліоновъ — и живетъ какъ простой мужикъ! Вѣдь это съ десятью мильонами, чортъ знаетъ что̀, можно сдѣлать. Вѣдь это можно такъ завести, что и общества другаго у тебя не будетъ, какъ генералы да князья“.

„Да-съ“, прибавилъ купецъ: „дѣйствительно, это непросвѣтительность. Если купецъ почетный, такъ ужъ онъ не купецъ: онъ нѣкоторымъ образомъ есть уже негоціантъ. Я ужъ тогда долженъ себѣ взять и ложу въ театрѣ, и дочь ужъ я за простаго полковника — нѣтъ-съ, не выдамъ: я за генерала, иначе ее не выдамъ. Что̀ мнѣ полковникъ? Обѣдъ мнѣ ужъ долженъ кондитеръ поставлять, а не то, что кухарка...“[1]

„Да что̀ говорить! помилуйте!“ сказалъ Вишнепокромовъ: „съ десятью милліонами чего не сдѣлать? Дайте мнѣ десять милліоновъ, — вы посмотрите, что̀ я сдѣлаю!“[1]

„Нѣтъ“, подумалъ Чичиковъ: „ты-то не много сдѣлаешь[2] толку съ десятью милліонами. А вотъ если бы мнѣ десять милліоновъ, я бы, точно, кое-что сдѣлалъ“.

„Да, если бы мнѣ десять милліоновъ!“ подумалъ Хлобуевъ: „я бы не такъ теперь поступилъ, какъ прежде[3], — не прожилъ бы такъ безумно. Послѣ такого страшнаго опыта узнаешь цѣну всякой копѣйки. Э, теперь бы я не такъ...“ И потомъ, нѣсколько минутъ подумавши, спросилъ себя внутренно: „точно ли бы теперь умнѣй распорядился?“ и, махнувши рукой, прибавилъ: „Кой чортъ! я думаю, такъ же бы растратилъ, какъ и прежде“, и вышедши изъ лавки, отправился къ Муразову, желая знать, что̀ объявитъ ему Муразовъ.

„Васъ жду, Петръ Петровичъ!“ сказалъ Муразовъ, увидѣвши входящаго Хлобуева. „Пожалуйте ко мнѣ въ комнатку“. И онъ повелъ Хлобуева въ комнатку, уже знакомую читателю, неприхотливѣе которой нельзя было найти и у чиновника, получающаго семьсотъ рублей въ годъ жалованья.

„Скажите, вѣдь теперь, я полагаю, обстоятельства ваши получше? Послѣ тетушки все-таки вамъ досталось кое-что“.

„Да какъ вамъ сказать, Аѳанасій Васильевичъ? Я не знаю, лучше ли мои обстоятельства. Мнѣ досталось всего пятьдесятъ[3] душъ крестьянъ и тридцать тысячъ денегъ, которыми я долженъ былъ расплатиться съ частью моихъ долговъ, — и у меня вновь ровно ничего. А главное дѣло, что дѣло по

этому завѣщанью самое нечистое. Тутъ, Аѳанасій Васильевичъ, завелись такія мошенничества! Я вамъ сейчасъ разскажу, и вы подивитесь, чтд такое дѣлается. Этотъ Чичиковъ..."

„Позвольте, Петръ Петровичъ; прежде чѣмъ говорить объ этомъ Чичиковѣ, позвольте поговорить собственно о васъ. Скажите мнѣ: сколько, по вашему заключенію, было бы для васъ удовлетворительно и достаточно затѣмъ, чтобы совершенно выпутаться изъ обстоятельствъ?"

„Да чтобы выпутаться изъ обстоятельствъ, расплатиться совсѣмъ и быть въ возможности жить самымъ умѣреннымъ образомъ, мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, 100 тысячъ, если не больше".

„Ну, если бы это у васъ было, какъ бы вы тогда повели жизнь свою?"

„Ну, я бы тогда нанялъ себѣ квартирку, занялся бы воспитаньемъ дѣтей, потому что мнѣ самому ужъ не служить: я ужъ никуды не гожусь".

„А почему жъ вы никуды не годитесь?"

„Да куды жъ мнѣ? сами посудите: мнѣ нельзя начинать съ канцелярскаго писца. Вы позабыли, что у меня семейство. Мнѣ сорокъ, у меня ужъ и поясница болитъ, я облѣнился; а должности мнѣ поважнѣе не дадутъ; я вѣдь не на хорошемъ счету. Я признаюсь вамъ: я бы и самъ не взялъ наживной должности. Я человѣкъ хоть и дрянной, и картежникъ, и все, что хотите, но взятокъ[1] брать я не стану. Мнѣ не ужиться съ Красноносовымъ, да Самосвистовымъ"[2].

„Но все, извините-съ, я не могу понять, какъ же быть безъ дороги; какъ итти не по дорогѣ; какъ ѣхать, когда нѣтъ земли подъ ногами; какъ плыть, когда челнъ[3] не на водѣ? А вѣдь жизнь — путешествіе. Извините, Петръ Петровичъ, господа вѣдь, про которыхъ вы говорите, все же они на какой-нибудь дорогѣ, все же они трудятся. Ну, положимъ, какъ-нибудь своротили, какъ случается со всякимъ грѣшнымъ; да есть надежда, что опять набредутъ. Кто идетъ — нельзя, чтобъ не пришелъ;[4] есть надежда, что и набредетъ. Но какъ тому попасть на какую-нибудь дорогу, кто остается праздно? Вѣдь дорога не придетъ ко мнѣ".

„Повѣрьте мнѣ, Аѳанасій Васильевичъ, я чувствую совершенно справедливость....[5]; но говорю вамъ, что во мнѣ рѣши-

тельно погибла всякая дѣятельность; не вижу я, что могу сдѣлать какую-нибудь пользу кому-нибудь на свѣтѣ[1]. Я чувствую, что я рѣшительно безполезное бревно. Прежде, покамѣстъ былъ помоложе, такъ мнѣ казалось, что все дѣло въ деньгахъ, что если бы мнѣ въ руки сотни тысячъ, я бы осчастливилъ множество[2]: помогъ бы бѣднымъ художникамъ, завелъ бы библіотеки, полезныя заведенія, собралъ бы коллекціи. Я человѣкъ не безъ вкуса и, знаю, во многомъ могъ бы гораздо лучше распорядиться тѣхъ нашихъ богачей, которые все это дѣлаютъ безтолково. А теперь вижу, что и это суета, и въ этомъ не много толку. Нѣтъ, Аѳанасій Васильевичъ, никуда не гожусь, ровно никуда, говорю вамъ. На малѣйшее дѣло неспособенъ".

„Послушайте, Петръ [Петровичъ]!"[3] Но вѣдь вы же молитесь, ходите въ церковь, не пропускаете, я знаю, ни утрени, ни вечерни. Вамъ хоть и не хочется рано вставать, но вѣдь вы встаете же и идете, — идете въ четыре часа утра, когда никто не подымается".

„Это — другое дѣло, Аѳанасій Васильевичъ. Я это дѣлаю для спасенія души, потому что убѣжденъ, что этимъ хоть сколько-нибудь заглажу праздную жизнь, что какъ я ни (скверенъ самому себѣ)[4] дуренъ, но смиренныя молитвы и нѣкоторое насиліе себя что-нибудь значатъ у Бога. Скажу вамъ, что я молюсь, — даже и безъ вѣры, но все-таки молюсь. Слышится[5] только, что есть господинъ, отъ котораго все зависитъ, какъ лошадь и скотина домашняя слышитъ господина, имѣющаго право".

„Стало быть, вы молитесь затѣмъ, чтобы угодить Тому, которому молитесь, чтобы спасти свою душу, и это даетъ вамъ силы и заставляетъ васъ подыматься рано съ постели. Повѣрьте, что если вы взялись[6] за должность свою такимъ образомъ, какъ бы вы ею служили Тому, кому вы молитесь, у васъ бы появилась дѣятельность, и васъ никто изъ людей не въ силахъ охладить"[7].

„Аѳанасій Васильевичъ! вновь скажу вамъ — это другое. Въ первомъ случаѣ я вижу, что я все-таки дѣлаю. Говорю вамъ, что я готовъ пойти въ монастырь и самые тяжкіе, какіе на меня ни наложатъ, труды и подвиги я буду исполнять, потому что я вижу, для кого я дѣлаю[8]. Не мое дѣло

разсуждать. Тамъ я увѣренъ, что взыщется [съ тѣхъ][1], которые заставили меня дѣлать; тамъ я повинуюсь и знаю, что Богу повинуюсь".

„А зачѣмъ же такъ вы не разсуждаете и въ дѣлахъ свѣта?[2] Вѣдь и въ свѣтѣ мы должны служить Богу, а не кому иному. Если и другому служимъ, мы потому только служимъ, будучи увѣрены, что такъ Богъ велитъ, а безъ того мы бы и не служили. Что̀ жъ другое всѣ способности[3] и дары, которые розные у всякаго? Вѣдь это орудія моленья нашего: то — словами, а это дѣломъ. Вѣдь вамъ же въ монастырь нельзя итти: вы прикрѣплены къ міру, у васъ семейство".

Здѣсь Муразовъ замолчалъ. Хлобуевъ тоже замолчалъ.

„Такъ вы полагаете, что если бы, напримѣръ, у [васъ][4] было двѣсти тысячъ, такъ вы [бы][5] могли упрочить жизнь и повести отнынѣ жизнь разсчетливѣе?"[6]

„То есть, по крайней мѣрѣ, я займусь тѣмъ, что можно будетъ сдѣлать, — займусь воспитаньемъ дѣтей, буду имѣть въ возможности доставить имъ хорошихъ учителей".

„А сказать ли вамъ на это, Петръ Петровичъ, что чрезъ два года будете опять кругомъ въ долгахъ, какъ [въ][7] шнуркахъ?"

Хлобуевъ нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: „Однакожъ, послѣ этакихъ опытовъ"[8]....

„Да что̀ жъ тутъ толковать!" сказалъ Муразовъ. „Вы человѣкъ съ доброй душой: къ вамъ придетъ пріятель, попроситъ взаймы — вы ему дадите; увидите бѣднаго человѣка[9] — вы захотите помочь; пріятный гость придетъ къ вамъ[10] — захо̀тите получше угостить, да и покоритесь первому доброму движенью, а разсчетъ и позабываете. И позвольте вамъ, наконецъ, сказать по искренности, что дѣтей-то своихъ вы не въ состояніи воспитать. Дѣтей своихъ воспитать можетъ только тотъ отецъ, который ужъ самъ выполнилъ долгъ свой. Да и супруга ваша... она и доброй души... она совсѣмъ не такъ воспитана, чтобы дѣтей воспитать. Я даже думаю — извините меня, Петръ Петровичъ, — не во вредъ ли дѣтямъ будетъ даже и быть съ вами!"

Хлобуевъ призадумался; онъ началъ себя мысленно осматривать со всѣхъ сторонъ и наконецъ почувствовалъ, что Муразовъ былъ правъ отчасти.[11]

„Знаете ли, Петръ Петровичъ? отдайте мнѣ на руки это —

дѣтей, дѣла; оставьте и семью вашу, и дѣтей: я ихъ прибрегу. Вѣдь обстоятельства ваши таковы, что вы въ моихъ рукахъ; вѣдь дѣло идетъ къ тому, чтобы умирать съ голоду. Тутъ уже на все нужно рѣшаться. Знаете ли вы Ивана Потапыча?"

„И очень уважаю, даже не смотря на то, что онъ ходитъ въ сибиркѣ".

„Иванъ Потапычъ былъ милліонщикъ, выдалъ дочерей своихъ за чиновниковъ, жилъ какъ царь; а какъ обанкрутился — что жъ дѣлать? — пошелъ въ прикащики. Не весело-то было ему съ серебрянаго блюда перейти за простую миску: казалось-то, что и руки ни къ чему не подымались. Теперь Иванъ Потапычъ могъ бы хлебать съ серебрянаго блюда, да ужъ не хочетъ. У него ужъ набралось бы опять, да онъ говоритъ: „Нѣтъ, Аѳанасій Ивановичъ[1], служу я теперь ужъ не себѣ, и для себя, а потому, что Богъ такъ.....[2] По своей волѣ не хочу ничего дѣлать. Слушаю васъ, потому что Бога хочу слушаться, а не людей, и такъ какъ Богъ иначе не говоритъ, какъ устами лучшихъ людей[3] только говоритъ. Вы умнѣе меня, а потому не я отвѣчаю, а вы". — Вотъ что говоритъ Иванъ Потапычъ; а онъ, если сказать по правдѣ, въ нѣсколько разъ умнѣе меня".

„Аѳанасій Васильевичъ! вашу власть и я готовъ надъ собою......[4] вашъ слуга и что хотите; отдаюсь вамъ. Но не давайте[5] работы свыше силъ: я не Потапычъ и говорю вамъ, что ни на что доброе не гожусь".

„Не я-съ, Петръ Петровичъ, наложу-съ [на][6] васъ, а такъ какъ вы хотѣли[7] бы послужить, какъ говорите сами, такъ [вотъ][8] вамъ богоугодное дѣло. Строится въ одномъ мѣстѣ церковь доброхотнымъ дательствомъ благочестивыхъ людей. Денегъ не стаетъ, нуженъ сборъ[9]. Надѣньте простую[10] сибирку... вѣдь вы теперь простой человѣкъ, разорившійся дворянинъ и тотъ же нищій: что жъ тутъ чиниться? — да съ книгой въ рукахъ, на простой телѣжкѣ и отправляйтесь по городамъ и деревнямъ. Отъ архіерея вы получите благословенье и шнуровую книгу, да и съ Богомъ".

Петръ Петровичъ былъ изумленъ этой совершенно новой должностью. Ему, все-таки дворянину нѣкогда древняго рода, отправиться съ книгой въ рукахъ просить на церковь, тряс-

тись на телѣгѣ![1] А вывернуться и уклониться нельзя: дѣло богоугодное.

„Призадумались?“ сказалъ Муразовъ. „Вы здѣсь двѣ службы сослужите: одну службу Богу, а другую — мнѣ“.

„Какую же вамъ?“

„А вотъ какую. Такъ какъ вы отправитесь по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я еще не былъ, такъ вы узнаете-съ на мѣстѣ все: какъ тамъ живутъ мужички, гдѣ побогаче, гдѣ терпятъ нужду[2] и въ какомъ состояньи всѣ. Скажу вамъ, что мужичковъ люблю оттого, можетъ быть, что я и самъ изъ мужиковъ. Но дѣло въ томъ, что завелось межъ ними много всякой мерзости. Раскольники тамъ и всякіе-съ бродяги смущаютъ ихъ, иные и противъ властей ихъ возстановляютъ, а если человѣкъ притѣсненъ, такъ онъ легко возстаетъ. Чтò жъ, будто трудно подстрекнуть человѣка, который, точно, терпитъ. Да дѣло въ томъ, что не снизу должна начинаться расправа. Дѣло плохо, когда пойдутъ на кулаки: ужъ тутъ никакого толку не будетъ — только ворамъ пожива. Вы — человѣкъ умный, вы разсмотрите, узнаете, гдѣ дѣйствительно терпитъ человѣкъ отъ другихъ, а гдѣ отъ собственнаго неспокойнаго нрава[3], да и разскажите мнѣ потомъ все это. Я вамъ на всякій случай небольшую сумму дамъ на раздачу тѣмъ, которые уже и дѣйствительно терпятъ безвинно. Съ вашей стороны будетъ также полезно утѣшить ихъ словомъ и получше истолковать[4] имъ то, что Богъ велитъ переносить безропотно, и молиться въ это время, когда несчастливъ, а не буйствовать и расправляться самому. Словомъ, говорите имъ, никого не возбуждая ни противъ кого, а всѣхъ примиряя. Если увидите въ комъ противу кого бы то ни было ненависть, употребите все усиліе“.

„Аѳанасій Васильевичъ! дѣло, которое вы мнѣ поручаете“, сказалъ Хлобуевъ: „святое дѣло; но вы вспомните, кому вы его поручаете. Поручить его можно человѣку почти святой жизни, который бы и самъ уже [умѣлъ][5] прощать другимъ“.

„Да я и не говорю, чтобы все это вы исполнили, а по возможности, чтò можно-съ. Дѣло-то въ томъ, что вы все-таки пріѣдете съ большими познаньями тѣхъ мѣстъ, и будете имѣть понятіе, въ какомъ положеніи находится тотъ край. Чиновникъ[6] никогда не столкнется съ лицомъ, да и мужикъ-то съ нимъ не будетъ откровененъ. А вы, прося на церковь,

заглянете ко всякому — и къ мѣщанину, и къ купцу, и будете имѣть случай разспросить всякаго. Говорю-съ вамъ это по той причинѣ[1], что генералъ-губернаторъ особенно теперь нуждается въ такихъ людяхъ; и вы, мимо всякихъ канцелярскихъ повышеній, получите такое мѣсто, гдѣ не безполезна будетъ ваша жизнь".

„Попробую, приложу старанья[2], сколько хватитъ силъ", сказалъ Хлобуевъ. И въ голосѣ его было замѣтно ободренье, спина распрямилась и голова приподнялась, какъ у человѣка, которому свѣтитъ надежда. „Вижу, что васъ Богъ наградилъ разумѣньемъ, и вы знаете иное[3] лучше насъ, близорукихъ людей".

„Теперь позвольте васъ спросить", сказалъ Муразовъ: „что жъ Чичиковъ и какого роду [дѣло]?"[4]

„А [про][5] Чичикова я вамъ разскажу вещи неслыханныя. Дѣлаетъ онъ такія дѣла... Знаете ли, Аѳанасій Васильевичъ, что завѣщаніе вѣдь ложное? Отыскалось настоящее, гдѣ все имѣніе принадлежитъ воспитанницамъ".

„Что вы говорите? Да ложное-то завѣщаніе кто смастерилъ?"

„Въ томъ-то и дѣло, что премерзѣйшее дѣло! Говорятъ: Чичиковъ, и что подписано завѣщаніе уже послѣ смерти: нарядили какую-то бабу, на мѣсто покойницы, и она ужъ подписала. Словомъ, дѣло соблазнительнѣйшее. Подозрѣваютъ въ участіи и чиновниковъ. Ужъ говорятъ и генералъ-губернаторъ знаетъ. Говорятъ, тысячи просьбъ поступило[6] съ разныхъ сторонъ. Къ Марьѣ Еремѣевнѣ теперь подъѣзжаютъ женихи; двое ужъ чиновныхъ лицъ изъ-за нея дерутся. Вотъ какого роду дѣло, Аѳанасій Васильевичъ!"

„Не слышалъ я объ этомъ ничего, а дѣло, точно, не безъ грѣха[7]. Павелъ Ивановичъ[8] Чичиковъ, признаюсь, для меня презагадочный [человѣкъ][9]", сказалъ Муразовъ.

„Я подалъ отъ себя также просьбу, затѣмъ, чтобы напомнить, что существуетъ ближайшій наслѣдникъ..."

„А мнѣ пусть ихъ всѣ передерутся" думалъ Хлобуевъ, выходя. — „Аѳанасій Васильевичъ не глупъ. Онъ далъ мнѣ это порученье, вѣрно, обдумавши[10]. Исполнить его — вотъ и все". Онъ сталъ думать о дорогѣ, въ то время, когда Муразовъ все еще повторялъ въ себѣ: „Презагадочный для меня человѣкъ Павелъ Ивановичъ Чичиковъ! Вѣдь если бы съ этакой волей и настойчивостью да на доброе дѣло!"

А между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, по судамъ шли просьбы за просьбой. Оказались родственники, о которыхъ и не слышалъ никто. Какъ птицы[1] слетаются на мертвечину, такъ все налетѣло на несмѣтное имущество, оставшееся послѣ старухи: доносы на Чичикова, на подложность послѣдняго завѣщанія, доносы на подложность и перваго завѣщанія, улики въ покражѣ и въ утаеніи суммъ. Явились даже улики на Чичикова въ покупкѣ мертвыхъ душъ, въ провозѣ контрабанды во время бытности его еще при таможнѣ. Выкопали все, разузнали его прежнюю исторію. Богъ вѣсть, откуда все это пронюхали и знали. Только были улики даже и въ такихъ дѣлахъ, объ[2] которыхъ, думалъ Чичиковъ, кромѣ его и четырехъ стѣнъ, никто не зналъ. Покамѣстъ все это было еще судейская тайна и до ушей его не дошло, хотя вѣрная записка юрисконсульта, которую онъ вскорѣ получилъ, нѣсколько дала ему понять, что каша заварится. Записка была краткаго содержанія: „Спѣшу васъ увѣдомить, что по дѣлу[3] будетъ возня; но помните, что тревожиться никакъ[4] не слѣдуетъ. Главное дѣло — спокойствіе. Обдѣлаемъ все“. Записка эта успокоила рѣшительно Чичикова. „Этотъ человѣкъ — рѣшительный геній“, сказалъ онъ (по прочтеніи записки)[5].

Въ довершеніе хорошаго, портной въ это время принесъ платье[6]. Чичиковъ получилъ желанье сильное посмотрѣть на самого себя въ новомъ фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ[7]. Натянулъ штаны, которые обхватили его чудеснымъ образомъ со всѣхъ сторонъ, такъ что хоть рисуй. Ляжки такія.....[8] славно обтянуло, икры тоже[9], сукно обхватило всѣ малости, сообща имъ еще бо̀льшую упругость. Какъ затянулъ онъ позади себя пряжку, животъ сталъ точно барабанъ. Онъ ударилъ по немъ тутъ щеткой, прибавивъ: „Вѣдь какой дуракъ, а въ цѣломъ онъ составляетъ картину!“ Фракъ, казалось, былъ сшитъ еще лучше штановъ: ни морщинки, всѣ бока обтянулъ, выгнулся на перехватѣ, показавъ его ловкій перегибъ. На замѣчанье Чичикова, [что][10] подъ правой мышкой немного жало, портной только улыбался: отъ этого еще лучше прихватывало на таліи. „Будьте покойны, будьте покойны насчетъ работы“, повторялъ онъ съ нескрытымъ торжествомъ. — „Кромѣ Петербурга, нигдѣ такъ не сошьютъ“. Портной былъ самъ изъ Петербурга и на вывѣскѣ[11] выставилъ: *Иностранецъ*

изъ Лондона и Парижа. Шутить онъ не любилъ и двумя городами разомъ хотѣлъ заткнуть глотку всѣмъ другимъ портнымъ, такъ, чтобы впредь никто не появился съ такими городами, а пусть себѣ пишетъ изъ какого-нибудь „Карлсеру“ или „Копенгара“.

Чичиковъ великодушно расплатился съ портнымъ и, оставшись одинъ, сталъ разсматривать себя на досугѣ въ зеркалѣ, какъ артистъ, съ эстетическимъ чувствомъ и con amore. Оказалось, что все какъ-то было еще лучше, чѣмъ прежде: щечки интереснѣе, подбородокъ заманчивѣй, бѣлые воротнички давали тонъ щекѣ, атласный синій галстукъ давалъ тонъ воротничкамъ; новомодныя складки манишки давали тонъ галстуку, богатый бархатный [жилетъ][1] давалъ [тонъ][2] манишкѣ, а фракъ наваринскаго дыма съ пламенемъ, блистая, какъ шелкъ, давалъ тонъ всему. Поворотился направо — хорошо! Поворотился налѣво — еще лучше! Перегибъ такой, какъ у камергера или у чиновника, служащаго въ иностранной коллегіи, или у такого господина, который такъ чешетъ по-французски, что предъ нимъ самъ французъ — ничего, который, даже и разсердясь, не срамитъ себя русскимъ словомъ, а выругаетъ по-французски. Деликатность такая! Онъ попробовалъ, склоня головку нѣсколько на бокъ, принять позу, какъ бы адресовался къ дамѣ среднихъ лѣтъ и послѣдняго просвѣщенія: выходила, просто, картина. Художникъ, бери кисть и пиши! Въ удовольствіи, онъ совершилъ тутъ же легкій прыжокъ, въ родѣ антраша. Вздрогнулъ комодъ и упала на землю стклянка съ одеколономъ; но это не причинило накакого помѣшательства. Онъ назвалъ, какъ и слѣдовало, глупую стклянку дурой и подумалъ: „Къ кому теперь прежде всего явиться? Всего лучше...“

Какъ вдругъ въ передней — въ родѣ нѣкотораго бряканья сапоговъ съ шпорами и жандармъ въ полномъ вооруженіи[3], какъ [будто][4] въ лицѣ его было цѣлое войско. „Приказано сей же часъ явиться къ генералъ-губернатору!“ (Вотъ тебѣ на!)[5] Чичиковъ такъ и обомлѣлъ. Передъ нимъ торчало страшилище съ усами, лошадиный хвостъ на головѣ, черезъ плечо перевязь, черезъ другое перевязь, огромнѣйшій палашъ привѣшенъ къ боку. Ему показалось, что при другомъ боку висѣло и ружье, и чортъ знаетъ что̀: цѣлое войско въ одномъ

войско въ одномъ только! Онъ началъ было[1] возражать, (страшило)[2] грубо заговорило: „Приказано сей же часъ!“ Сквозь дверь въ переднюю онъ увидѣлъ, что тамъ мелькало и другое страшило[3], взглянулъ въ окошко — и экипажъ. Чтд тутъ дѣлать? Такъ, какъ былъ во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ[4], долженъ былъ сѣсть и, дрожа всѣмъ тѣломъ, отправился къ генералъ-губернатору, и жандармъ съ нимъ.

Въ передней не дали даже и опомниться[5] ему. „Ступайте! васъ князь уже ждетъ“, сказалъ дежурный чиновникъ. Передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнула передняя, съ курьерами, принимавшими пакеты, потомъ зала, черезъ которую онъ прошелъ, думая только: „Вотъ какъ схватитъ, да безъ суда[6], безъ всего, прямо въ Сибирь!“ Сердце его забилось съ такой силою, съ какой не бьется даже у наибѣшеннѣйшаго любовника. Наконецъ, растворилась предъ нимъ дверь: предсталъ кабинетъ, съ портфелями, шкафами и книгами, и князь гнѣвный, какъ самъ гнѣвъ.

„Губитель, губитель!“ сказалъ Чичиковъ. „Погубитъ онъ мою душу“ (и чуть не упалъ въ обморокъ): „зарѣжетъ, какъ волкъ агнца!“[7]

„Я васъ пощадилъ, я позволилъ вамъ остаться въ городѣ, тогда какъ вамъ слѣдовало бы въ острогъ; а вы запятнали себя вновь безчестнѣйшимъ мошенничествомъ, какимъ когда-либо запятналъ себя человѣкъ“. Губы князя дрожали отъ гнѣва.

„Какимъ же, ваше сіятельство, безчестнѣйшимъ поступкомъ и мошенничествомъ?“ спросилъ Чичиковъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

„Женщина“, произнесъ князь, подступая нѣсколько ближе и смотря прямо въ глаза Чичикову: „женщина, которая подписывала, по вашей диктовкѣ, завѣщаніе, схвачена и станетъ съ вами на очную ставку“.

Чичиковъ сдѣлался блѣденъ, какъ полотно. „Ваше сіятельство! Скажу всю истину дѣла. Я виноватъ; точно, виноватъ; но не такъ виноватъ: меня обнесли враги“.

„Васъ не можетъ никто обнесть, потому что въ васъ мерзостей въ нѣсколько разъ больше того, чтд можетъ [выдумать][8] послѣдній лжецъ. Вы во всю свою жизнь, я думаю, не дѣлали небезчестнаго дѣла. Всякая копѣйка, добытая вами, добыта безчестнѣй[шимъ образомъ][9], есть воровство и безчестнѣйшее дѣло, за которое кнутъ и Сибирь! Нѣтъ, теперь полно! Съ

сей же минуты будешь отведенъ въ острогъ и тамъ, наряду съ послѣдними мерзавцами и разбойниками, ты долженъ [ждать][1] разрѣшенья участи своей. И это милостиво еще, потому что хуже ихъ въ нѣсколько [разъ][2]: они въ армякѣ и тулупѣ, а ты...“ Онъ взглянулъ на фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ[3] и, взявшись за шнурокъ, позвонилъ.

„Ваше сіятельство“, вскрикнулъ Чичиковъ: „умилосердитесь! Вы отецъ семейства. Не меня пощадите — старуха мать!“

„Врешь!“ вскрикнулъ гнѣвно князь. „Такъ же ты меня тогда умолялъ дѣтьми и семействомъ, которыхъ у тебя никогда не было, теперь — матерью!“

„Ваше сіятельство! я мерзавецъ и послѣдній негодяй“, сказалъ Чичиковъ голосомъ....[4] „Я дѣйствительно лгалъ, я не имѣлъ ни дѣтей, ни семейства; но, вотъ Богъ свидѣтель, я всегда хотѣлъ имѣть жену, исполнить долгъ человѣка и гражданина, чтобы дѣйствительно потомъ заслужить уваженье гражданъ и начальства... Но чтò[5] за бѣдственныя стеченія обстоятельствъ! Кровью, ваше сіятельство, кровью нужно было добывать насущное существованіе. На всякомъ шагу соблазны и искушенье... враги, и губители, и похитители. Вся жизнь была — точно судно среди волнъ морскихъ. Я — человѣкъ, ваше сіятельство!“

Слезы вдругъ хлынули ручьями изъ глазъ его. Онъ повалился въ ноги князю, такъ, какъ былъ, во фракѣ наваринскаго пламени съ дымомъ[6], въ бархатномъ жилетѣ съ атласнымъ галстукомъ, въ чудесно сшитыхъ[7] штанахъ и причесанныхъ волосахъ, изливавшихъ запахъ одеколона.

„Поди прочь отъ меня! Позвать, чтобы его взяли, солдатъ!“ сказалъ князь взошедшимъ.

„Ваше сіятельство!“ кричалъ [Чичиковъ][8] и обхватилъ обѣими руками сапогъ князя[9].

Чувство содроганья пробѣжало по всѣмъ жиламъ [князя][10].

„Подите прочь, говорю вамъ!“ сказалъ онъ, усиливаясь вырвать свою ногу изъ объятія Чичикова.

Ваше сіятельство! не сойду съ мѣста, покуда не получу милости!“ говорилъ [Чичиковъ][11], не выпуская, сжимая сапогъ князя къ груди и проѣхавшись, вмѣстѣ съ ногой[12], по полу во фракѣ наваринскаго пламени и дыма[13].

„Подите, говорю вамъ!“ говорилъ онъ съ тѣмъ неизъясни-

мымъ чувствомъ отвращенья, какого чувствуетъ человѣкъ при видѣ безобразнѣйшаго насѣкомаго, котораго нѣтъ духу раздавить ногой. Онъ встряхнулъ такъ, что Чичиковъ почувствовалъ ударъ сапога въ щеку, пріятно округленный подбородокъ и зубы; но онъ не выпустилъ сапога и еще съ большей силой держалъ ногу въ своихъ объятіяхъ. Два дюжихъ жандарма въ силахъ оттащили его и, взявши подъ руки, повели черезъ всѣ комнаты. Онъ былъ блѣдный, убитый, въ томъ безчувственно-страшномъ состояніи, въ какомъ бываетъ человѣкъ, видящій передъ собою черную, неотвратимую смерть, это страшилище, противное естеству нашему...

Въ самыхъ дверяхъ на лѣстницу на встрѣчу — Муразовъ. Лучъ надежды вдругъ скользнулъ. Въ одинъ мигъ, съ силой неестественной, вырвался онъ изъ рукъ обѣихъ[1] жандармовъ и бросился въ ноги изумленному старику.

„Батюшка, Павелъ Ивановичъ, что̀ съ вами?"

„Спасите! ведутъ въ острогъ, на смерть..." Жандармы схватили его и повели, не дали даже и услышать.

Промзглый, сырой чуланъ съ запахомъ сапоговъ и онучъ гарнизонныхъ солдатъ, некрашеный столъ, два скверныхъ стула, съ желѣзною рѣшеткой окно, дряхлая печь, сквозь щели которой только дымило, а тепла не давало — вотъ обиталище, гдѣ помѣщенъ былъ нашъ [Чичиковъ][2], уже начинавшій вкушать сладость жизни и привлекать вниманье соотечественниковъ[3], въ тонкомъ новомъ фракѣ наваринскаго пламени и дыма. Не дали даже ему распорядиться взять съ собой необходимыя вещи, взять шкатулку, гдѣ были деньги, (чемоданъ, заключавшій гардеробъ)[4]. Бумаги, крѣпости на мертвыя [души][5] — все было теперь въ [рукахъ][6] чиновниковъ! Онъ повалился на землю и плотоядный червь грусти страшной, безнадежной обвился около его сердца[7]. Съ возрастающей быстротой стала точить она это сердце, ничѣмъ не защищенное. Еще день такой, день такой грусти, и не было бы Чичикова вовсе на свѣтѣ. Но надъ Чичиковымъ не дремствовала чья-то всеспасающая рука. Часъ спустя (послѣ этого страшнаго состоянія)[8] двери тюрьмы растворились: взошелъ старикъ Муразовъ.

Если бы терзаемому палящей жаждой влилъ кто въ засохнувшее горло струю ключевой воды, то онъ бы не оживился такъ, какъ оживился бѣдный Чичиковъ[9].

„Спаситель мой!“ сказалъ Чичиковъ, вдругъ схватившись[1] съ полу, на который бросился въ разрывающей......[2] печали, вдругъ его руку быстро поцѣловалъ и прижалъ къ груди. „Богъ да наградитъ васъ за то, что посѣтили несчастнаго!“[3]

Онъ залился слезами.

Старикъ глядѣлъ на него скорбно-болѣзненнымъ взоромъ и говорилъ только: „Ахъ, Павелъ, Павелъ Ивановичъ! Павелъ Ивановичъ, что̀ вы сдѣлали?“

„Сдѣлалъ[4] все, что̀ свойственно подлѣйшему человѣку. Но посудите, посудите, развѣ можно такъ поступать? Я — дворянинъ. Безъ суда, безъ слѣдствія, бросить въ тюрьму, отобрать все отъ меня: вещи, шкатулка... тамъ деньги, тамъ все имущество, тамъ все мое имущество, Аѳанасій Васильевичъ, — имущество, которое кровнымъ по̀томъ пріобрѣлъ...“

И, не въ силахъ будучи удерживать порыва вновь подступившей къ сердцу грусти, онъ громко зарыдалъ голосомъ, проникнувшимъ толщу стѣнъ острога и глухо отозвавшимся[5] въ отдаленьи, сорвалъ съ себя атласный галстукъ и, схвативши (себя)[6] рукою около воротника, разорвалъ на себѣ фракъ наваринскаго пламени съ дымомъ.

„Павелъ Ивановичъ, все равно, и съ имуществомъ, и со всѣмъ, что̀ ни есть на свѣтѣ, вы должны проститься: вы подпали подъ неумолимый законъ, а не подъ власть какого человѣка“.

„Самъ погубилъ самого себя, чувствую[7], что погубилъ — не умѣлъ во-время остановиться. Но за что же такая страшная [кара][8], Аѳанасій Васильевичъ? Я развѣ разбойникъ? Отъ меня развѣ пострадалъ кто-нибудь? Развѣ я сдѣлалъ несчастнымъ человѣка? Трудомъ и по̀томъ, кровавымъ по̀томъ добывалъ копѣйку. Зачѣмъ добывалъ копѣйку? — Затѣмъ, чтобы въ довольствѣ прожить остатокъ дней, непрожитое оставить женѣ, дѣтямъ, которыхъ намѣревался пріобрѣсть для блага, для службы отечеству. Покривилъ, не спорю, покривилъ... что̀ жъ дѣлать? но вѣдь покривилъ, увидя, что прямой дорогой не возьмешь и что косой дорогой больше напрямикъ. Но вѣдь я трудился, я изощрялся. А эти мерзавцы, которые по судамъ, берутъ тысячи и не то, чтобы съ казны, — небогатыхъ людей грабятъ, послѣднюю копѣйку сдираютъ съ того, у кого нѣтъ ничего!... Аѳанасій Васильевичъ, я не блудничалъ, я не пьянствовалъ. [Я развѣ не выкупилъ?]...[9] Да вѣдь сколько трудовъ, сколько желѣзнаго терпѣнья! Да я,

можно сказать, выкупилъ всякую добытую копѣйку страданьями, страданьями! Пусть ихъ кто-нибудь выстрадаетъ то, чтò я! Вѣдь чтò вся жизнь моя? — Лютая борьба, судно среди волнъ. И лишиться[1] вдругъ всего, чтò выработалъ, Аѳанасій Васильевичъ, того[2], что пріобрѣлъ такой борьбой...“

Онъ не договорилъ и зарыдалъ громко отъ нестерпимой боли сердца, и упалъ на стулъ, и оторвалъ совсѣмъ висѣвшую разорванную полу фрака, и швырнулъ ее прочь отъ себя, и, запустивши обѣ руки себѣ въ волоса, объ укрѣпленьи которыхъ прежде такъ старался, безжалостно рвалъ ихъ, услаждаясь болью, которою хотѣлъ заглушить нестерпимую боль сердца.

„Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!“ говорилъ [Муразовъ][3], скорбно смотря на него и качая [головой][4]. „Я все думаю о томъ, какой бы изъ васъ былъ[5] человѣкъ, если бы такъ же, и силою и терпѣньемъ, да подвизались бы на добрый тр[удъ][6] и для лучшей [цѣли]![7] Если бы хоть кто-нибудь изъ тѣхъ людей, которые любятъ добро[8], да употребили бы столько усилій для него, какъ вы для добыванья своей копѣйки!.. да съумѣли бы такъ пожертвовать для добра и собственнымъ самолюбіемъ, и честолюбіемъ, не жалѣя себя, какъ вы не жалѣли для добыванья своей копѣйки!...“

„Аѳанасій Васильевичъ!“ сказалъ бѣдный Чичиковъ и схватилъ его обѣими руками за руки. „О, если бы удалось мнѣ освободиться, возвратить мое имущество! клянусь вамъ, повелъ бы отнынѣ совсѣмъ другую жизнь! Спасите, благодѣтель[9], спасите!“

„Чтò жъ могу я сдѣлать? Я долженъ воевать съ закономъ[10]. Положимъ, если бы я даже и рѣшился на это; но вѣдь князь справедливъ, — онъ ни за что не отступитъ“.

„Благодѣтель! вы все можете сдѣлать. Не законъ меня устрашаетъ, — я передъ закономъ найду средства, — но то, что.....[11] я брошенъ въ тюрьму, что я пропаду здѣсь, какъ собака, и что мое имущество, бумаги, шкатулка... спасите!“

Онъ обнялъ ноги старика, облилъ ихъ слезами.

„Ахъ, Павелъ Ивановичъ, Павелъ Ивановичъ!“ говорилъ старикъ Муразовъ, качая [головою][12]: „какъ васъ ослѣпило это имущество! Изъ-за него вы и бѣдной души своей не слышите!“

„Подумаю и о душѣ, но спасите!“

„Павелъ Ивановичъ!“ сказалъ старикъ Муразовъ и оста-

новился. „Спасти васъ не въ моей власти: вы сами видите. Но приложу старанье, какое могу, чтобы облегчить вашу участь и освободить. Не знаю, удастся ли это сдѣлать, но буду стараться. Если же, паче чаянья, удастся, Павелъ Ивановичъ, — я попрошу у васъ награды за труды: бросьте всѣ эти поползновенья на эти пріобрѣтенія. Говорю вамъ по чести, что если бы я и всего лишился моего имущества, — а у меня его больше, чѣмъ у васъ, — я бы не заплакалъ. Ей, ей, [дѣло][1] не въ этомъ имуществѣ, которое могутъ у меня конфисковать[2]; а въ томъ, котораго никто не можетъ украсть и отнять! Вы ужъ пожили на свѣтѣ довольно. Вы сами называете жизнь свою судномъ среди волнъ. У васъ есть уже чѣмъ прожить остатокъ дней. Поселитесь себѣ въ тихомъ уголкѣ, поближе къ церкви[3] и простымъ, добрымъ людямъ; или, если знобитъ[4] сильное желанье оставить по себѣ потомковъ, женитесь на небогатой, доброй дѣвушкѣ, привыкшей къ умѣренности и простому хозяйству, (и, право, вы не пожалѣете потомъ)[5]. Забудьте этотъ шумный міръ и всѣ его обольстительныя прихоти; пусть и онъ васъ позабудетъ. Въ немъ нѣтъ успокоенья. Вы видите: все въ немъ врагъ, искуситель, или предатель".

Чичиковъ задумался. Что-то странное, какія-то невѣдомыя дотолѣ, незнаемыя чувства, ему самому необъяснимыя, пришли къ нему: какъ будто хотѣло въ немъ что-то пробудиться, что-то подавленное изъ[6] дѣтства суровымъ, мертвымъ поученьемъ, безпривѣтностью скучнаго дѣтства, пустынностью роднаго жилища, безсемейнымъ[7] одиночествомъ, нищетой и бѣдностью первоначальныхъ впечатлѣній, и какъ будто то, что........[8] суровымъ взглядомъ судьбы, взглянувшей на него скучно, сквозь какое-то мутно-занесенное зимней вьюгой окно, хотѣло вырваться на волю.

„Спасите только, Аѳанасій Васильевичъ!" вскричалъ онъ: „поведу другую жизнь, послѣдую вашему совѣту! Вотъ вамъ мое слово!"

„Смотрите же, Павелъ Ивановичъ, отъ слова не отступитесь", сказалъ Муразовъ, держа его руку.

„Отступился бы, можетъ быть, если бы не такой страшный урокъ", сказалъ, вздохнувши, бѣдный Чичиковъ и прибавилъ: „Но урокъ тяжелъ; тяжелъ, тяжелъ урокъ, Аѳанасій Васильевичъ!"[9]

„Хорошо, что тяжелъ. Благодарите за это Бога, помолитесь. Я пойду стараться". Сказавши это, старикъ вышелъ.

Чичиковъ уже не плакалъ, не рвалъ на себѣ фрака и волосъ: онъ успокоился.

„Нѣтъ, полно!" сказалъ онъ наконецъ: „другую, другую жизнь! Пора въ самомъ дѣлѣ сдѣлаться порядочнымъ[1]. О, если бы мнѣ какъ-нибудь только выпутаться и уѣхать хоть съ небольшимъ капиталомъ, поселюсь вдали отъ... Если, однакожъ, получу назадъ бумаги.... А купчія?..." Онъ подумалъ: „Что жъ? зачѣмъ оставить это дѣло, столькимъ трудомъ пріобрѣтенное?[2]... Больше не стану покупать, но заложить тѣ нужно. Вѣдь пріобрѣтенье это стоило трудовъ! Это я заложу, заложу съ тѣмъ, чтобы купить на деньги помѣстье. Сдѣлаюсь помѣщикомъ, потому что тутъ можно сдѣлать много хорошаго". И въ мысляхъ его пробудились тѣ чувства, которыя овладѣли имъ, когда онъ былъ [у][3] Гоброжогло[4], и милая, при грѣющемъ свѣтѣ вечернемъ, умная бесѣда хозяина о томъ, какъ плодотворно и полезно занятье помѣстьемъ. Деревня такъ вдругъ представилась ему прекрасною, точно какъ бы онъ въ силахъ былъ почувствовать всѣ прелести деревни.

„Глупы мы, за суетой гоняемся!" сказалъ онъ наконецъ. „Право, отъ бездѣлья! Все близко, все подъ рукой, а мы бѣжимъ за тридевять. Чѣмъ не жизнь, если займешься хоть бы и въ глуши? Вѣдь удовольствіе, дѣйствительно, въ трудѣ. Горбожогло[5] правъ. И ничего нѣтъ слаще, (точно,)[6] какъ плодъ собственныхъ трудовъ... Нѣтъ, займусь трудомъ, поселюсь въ деревнѣ, и займусь честно, такъ, чтобы имѣть доброе вліянье и на другихъ. Что жъ, въ самомъ дѣлѣ, будто я уже совсѣмъ негодный? У меня есть способности къ хозяйству[7]; я имѣю качества и бережливости, и расторопности, и благоразумія, даже постоянства. Стоитъ только рѣшиться. Теперь только истинно и ясно чувствую, что есть какой-то долгъ, который нужно исполнять человѣку на землѣ, не отрываясь отъ того мѣста и угла, на которомъ онъ постановленъ".

И трудолюбивая жизнь, удаленная отъ шума городовъ и всѣхъ соблазновъ, которые отъ праздности выдумалъ, позабывши трудъ, человѣкъ, такъ сильно стала[8] передъ нимъ

рисоваться, что онъ уже почти позабылъ весь ужасъ своего положенія и, можетъ быть, готовъ былъ даже возблагодарить Провидѣнье за этотъ тяжелый.......[1], если только выпустятъ его и отдадутъ хотя часть. Но... одностворчатая дверь его нечистаго чулана растворилась, вошла чиновная особа — Самосвитовъ, эпикуреецъ, отличный товарищъ, кутила и продувная бестія, какъ выражались о немъ сами товарищи. Въ военное время человѣкъ этотъ надѣлалъ бы чудесъ: его бы послать куда-нибудь пробраться сквозь непроходимыя, опасныя мѣста, украсть передъ носомъ у самого непріятеля пушку, — это его бы дѣло. Но, за неимѣньемъ военнаго поприща, подвизался на штатскомъ и, на мѣсто подвиговъ, за которые былъ [бы][2] не даромъ украшенъ, онъ пакостилъ и гадилъ. Непостижимое дѣло! съ товарищами онъ былъ хорошъ, никого не продавалъ никому и, давши слово, держалъ; но высшее надъ собою начальство онъ считалъ чѣмъ-то въ родѣ непріятельской батареи, сквозь которую нужно пробиваться, пользуясь всякимъ слабымъ мѣстомъ, проломомъ или упущеніемъ...

„Знаемъ все объ вашемъ положеніи, все услышали!“ сказалъ онъ, когда увидѣлъ, что дверь за нимъ плотно затворилась. „Ничего, ничего! Не робѣйте: все будетъ поправлено. Всѣ будемъ работать за васъ и — ваши слуги! Тридцать тысячъ на всѣхъ — и ничего больше“.

„Будто?“ вскрикнулъ Чичиковъ: „и я буду совершенно оправданъ?“

„Кругомъ! еще и вознагражденье получите за убытки“.

„И за трудъ?...“

„Тридцать тысячъ. Тутъ уже все вмѣстѣ — и нашимъ, и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю“.

„Но позвольте, какъ же я могу? Мои всѣ вещи... шкатулка... все это теперь запечатано, подъ присмотромъ...“

„Черезъ часъ получите все. По рукамъ, что ли?“

Чичиковъ далъ руку. Сердце его билось, и онъ не довѣрялъ, чтобы это было возможно...

„Пока прощайте! Поручилъ вамъ [сказать][3] нашъ общій пріятель, что главное дѣло — спокойствіе и присутствіе духа“.

„Гм!“ подумалъ Чичиковъ: „понимаю — юрисконсультъ!“

Самосвистовъ[4] скрылся. Чичиковъ, оставшись, все еще не до-

вѣрялъ словамъ, какъ не прошло часа[1] послѣ этого разговора, какъ была принесена шкатулка: бумаги, деньги — все въ наилучшемъ порядкѣ. Самосвитовъ явился въ качествѣ распорядителя: выбранилъ поставленныхъ часовыхъ за то, что небдительны, смотрителю приказалъ приставить еще лишнихъ солдатъ для усиленья присмотра, взялъ не только шкатулку, но отобралъ даже всѣ такія бумаги, которыя могли бы чѣмъ-нибудь компрометировать Чичикова; связалъ все это вмѣстѣ, запечаталъ и повелѣлъ самому солдату отнести немедленно къ самому Чичикову, въ видѣ необходимыхъ ночныхъ и спальныхъ вещей, такъ что Чичиковъ, вмѣстѣ съ бумагами, получилъ даже и все теплое, что̀ нужно было для покрытія бреннаго его тѣла. Это скорое доставленіе обрадовало его несказанно. Онъ возъимѣлъ сильную надежду, и уже начали ему вновь грезиться кое-какія вещи: вечеромъ театръ, плясунья, за которою онъ волочился. Деревня и мирная жизнь стали казаться[2] блѣднѣй, городъ и шумъ — опять ярче, яснѣй... О, жизнь!

А между тѣмъ завязалось дѣло размѣра безпредѣльнаго въ судахъ и палатахъ. Работали перья писцовъ, и, понюхивая табакъ, трудились казусныя головы, съ чувствомъ художника любуясь собственной крючковатой строкой. Юрисконсультъ, какъ скрытый магъ, незримо ворочалъ всѣмъ механизмомъ; всѣхъ опуталъ рѣшительно, прежде, чѣмъ кто успѣлъ осмотрѣться. Путаница увеличилась. Самосвитовъ превзошелъ самого себя отважностью распоряженій и дерзостью неслыханною. Узнавши, гдѣ караулилась схваченная женщина, онъ явился прямо и вошелъ такимъ молодцомъ и начальникомъ, что часовой сдѣлалъ ему честь и вытянулся въ струнку. „Давно ты здѣсь стоишь?“ — „Съ утра[3], ваше благородіе!“ — „Долго до смѣны?“ — „Три часа, ваше благородіе!“ — „Ты мнѣ будешь нуженъ. Я скажу офицеру, чтобы на мѣсто тебя отрядилъ другаго“. — „Слушаю, ваше благородіе!“ И, уѣхавъ домой, ни минуты не медля, самъ нарядился жандармомъ, явился въ домѣ, гдѣ былъ Чичиковъ, схватилъ первую бабу, какая попалась и сдалъ ее двумъ чиновнымъ молодцамъ, докамъ тоже, а самъ прямо явился, въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ, къ часовымъ[4]: „Ступай къ мо.....[5], меня прислалъ командиръ выстоять, намѣсто тебя, смѣну“. Обмѣнился съ часовымъ ружьемъ. Только этого было и нужно. Въ это

время, намѣсто прежней бабы очутилась другая, ничего не знавшая и не понимавшая. Прежнюю запрятали куды-то такъ, что и потомъ не узнали, куда она дѣлась. Въ то время, когда Самосвитовъ подвизался въ лицѣ воина, юрисконсультъ произвелъ чудеса на гражданскомъ поприщѣ: губернатору далъ знать стороною, что прокуроръ на него пишетъ доносъ; жандармскому чиновнику далъ знать, [что][1] секретно проживающій чиновникъ пишетъ на него доносы; секретно проживавшаго чиновника увѣрилъ, что есть еще секретнѣйшій чиновникъ, который на него доноситъ, — и всѣхъ привелъ въ такое положеніе, что къ нему должны были обратиться за совѣтами. Произошла такая безтолковщина: доносъ сѣлъ верхомъ на доносѣ, и пошли открываться такія дѣла, которыхъ и солнце не видывало, и даже такія, которыхъ и не было. Все пошло въ работу и въ дѣло: и кто незаконнорожденный сынъ, и какого рода и званья, и у кого любовница, и чья жена за кѣмъ волочится. Скандалы[2], соблазны и все такъ замѣшалось и сплелось вмѣстѣ съ исторіей Чичикова, съ мертвыми душами, что никоимъ образомъ нельзя было понять, которое изъ этихъ дѣлъ было главнѣйшая чепуха: оба казались равнаго достоинства. Когда стали[3] наконецъ поступать бумаги къ генералъ-губернатору, бѣдный князь[4] ничего не могъ понять. Весьма умный и расторопный чиновникъ, которому поручено было сдѣлать экстрактъ[5], чуть не сошелъ съ ума: никакимъ образомъ нельзя было поймать нити дѣла. Князь былъ въ это время озабоченъ множествомъ другихъ дѣлъ, одно другаго непріятнѣйшихъ. Въ одной части губерніи оказался голодъ. Чиновники, посланные раздать хлѣбъ, какъ-то не такъ распорядились, какъ слѣдовало. Въ другой части губерніи расшевелились раскольники. Кто-то пропустилъ между ними, что народился антихристъ, который и мертвымъ не даетъ покоя, скупая какія-то[6] мертвыя души. Каялись и грѣшили и, подъ видомъ изловить антихриста, укокошили неантихристовъ. Въ другомъ мѣстѣ мужики взбунтовались противъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ. Какіе-то бродяги пропустили между ними слухи, что наступаетъ такое время, что мужики должны [быть][7] помѣщики и нарядиться во фраки, а помѣщики нарядятся въ армяки и будутъ мужики, — и цѣлая волость, не размысля того, что слишкомъ много выйдетъ тогда

помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ[1], отказалась платить подать. Нужно было прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ. Бѣдный князь былъ въ самомъ разстроенномъ состояніи духа. Въ это время доложили ему, что пришелъ откупщикъ. „Пусть войдетъ“, сказалъ князь. Старикъ взошелъ...

„Вотъ вамъ Чичиковъ! Вы стояли за него и защищали. Теперь онъ попался въ такомъ дѣлѣ, на какое послѣдній воръ не рѣшится“.

„Позвольте вамъ доложить, ваше сіятельство, что я не очень понимаю это дѣло, (въ которомъ онъ попался)“[2].

„Подлогъ завѣщанія, и еще какой!... Публичное наказаніе плетьми за этакое дѣло!“

„Ваше сіятельство, скажу не съ тѣмъ, чтобы защищать Чичикова, — но вѣдь это — дѣло не доказанное: слѣдствіе еще не сдѣлано“.

„Улика: женщина, которая была наряжена на мѣсто умершей, схвачена. Я ее хочу разспросить нарочно при васъ“[3]. Князь позвонилъ и далъ приказъ позвать ту женщину, — („которая взята“ — сказалъ онъ вошедшему)[4].

Муразовъ замолчалъ.

„Безчестнѣйшее дѣло! И, къ стыду, замѣшались первые чиновники города, самъ губернаторъ[5]. Онъ не долженъ быть тамъ, гдѣ воры и бездѣльники!“ сказалъ князь съ жаромъ.

„Вѣдь губернаторъ — наслѣдникъ; онъ имѣетъ право на притязанія; а что другіе-то со всѣхъ сторонъ прицѣпились, такъ это-съ, ваше сіятельство, человѣческое дѣло. Умерла-съ богатая, распоряженья умнаго[6] и справедливаго не сдѣлала; слетѣлись со всѣхъ сторонъ охотники поживиться — человѣческое дѣло...“

„Но вѣдь мерзости зачѣмъ же дѣлать?... Подлецы!“ сказалъ князь съ чувствомъ негодованья. „Ни одного чиновника нѣтъ у меня хорошаго: всѣ — мерзавцы!“

„Ваше сіятельство! да кто жъ изъ насъ, какъ слѣдуетъ, хорошъ? Всѣ чиновники нашего города — люди, имѣютъ (свои)[7] достоинства и многіе очень знающіе въ дѣлѣ, а отъ грѣха всякъ близокъ“.

„Послушайте, Аѳанасій Васильевичъ: скажите мнѣ, — я васъ одного знаю за честнаго человѣка, — что̀ у васъ за страсть защищать всякаго рода мерзавцевъ?“

„Ваше сіятельство“, сказалъ Муразовъ: „кто бы ни былъ человѣкъ, котораго вы называете мерзавцемъ, но вѣдь онъ человѣкъ. Какъ же не защищать человѣка, если онъ половину золъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнья? Вѣдь мы дѣлаемъ несправедливости на всякомъ шагу даже и не съ дурнымъ намѣреньемъ. Вѣдь, ваше сіятельство, сдѣлали также большую несправедливость“.

„Какъ!“ воскликнулъ[1] въ изумленіи князь, совершенно пораженный такимъ нежданнымъ оборотомъ рѣчи.

Муразовъ остановился, помолчалъ, какъ бы соображая что-то, и наконецъ сказалъ: „Да вотъ хоть бы по дѣлу Дѣрпѣнникова“[2].

„Какъ, развѣ я несправедливъ? преступленье противъ коренныхъ государственныхъ законовъ, равное измѣнѣ землѣ своей!..“

„Я не оправдываю его. Но справедливо ли то, если юношу, который, по неопытности своей, былъ обольщенъ и сманенъ другими, осудить такъ, какъ и того, который былъ одинъ изъ зачинщиковъ? Вѣдь участь постигла ровная и Дѣрпѣнникова, и какого-нибудь Вороного-Дряннаго; а вѣдь преступленья ихъ не равны“.

„Ради Бога...“ сказалъ князь съ замѣтнымъ волненьемъ: „вы что-нибудь знаете объ этомъ? скажите. Я именно недавно послалъ еще прямо въ Петербургъ объ смягченіи его участи“.

„Нѣтъ, ваше сіятельство, я не насчетъ того говорю, чтобы я зналъ что-нибудь такое, чего вы не знаете. Хотя, точно, есть одно такое обстоятельство, которое бы послужило въ его пользу, да онъ самъ не согласится, потому что чрезъ это пострадалъ бы другой. А я думаю только то, что не изволили ль[3] вы тогда слишкомъ поспѣшить. Извините, мнѣ кажется по моему слабому разуму, слѣдовало бы тоже принять во вниманье и прежнюю жизнь человѣка, потому что, если не разсмотришь все хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, — запугаешь только его, да и признанья настоящаго не добьешься; а какъ съ участіемъ его разспросишь, какъ братъ брата — самъ все выскажетъ и даже не проситъ о смягченьи, и ожесточенья ни противъ кого нѣтъ, потому что ясно видитъ, что не я его наказываю: я[4] законъ“.

Князь задумался. Въ это время вошелъ чиновникъ и почтительно остановился съ портфелемъ. Забота, трудъ вы-

ражались на его молодомъ и еще свѣжемъ[1] лицѣ. Видно было, что онъ не даромъ служилъ по особымъ порученьямъ. Это былъ одинъ изъ числа тѣхъ немногихъ[2], который занимался дѣлопроизводствомъ con amore. Не сгарая ни честолюбьемъ, ни желаньемъ прибытковъ, ни подражаньемъ другимъ, онъ занимался только потому, что былъ убѣжденъ, что ему нужно быть здѣсь, а не на другомъ мѣстѣ, что[3] для этого дана ему жизнь. Слѣдить, разобрать[4] по частямъ и, поймавши всѣ нити запутаннѣйшаго дѣла, разъяснить его[5]—это было его дѣло. И труды, и старанія, и безсонныя ночи вознаграждались ему изобильно, если дѣло наконецъ начинало предъ нимъ объясняться, сокровенныя причины обнаруживаться, и онъ чувствовалъ, что можетъ передать его все въ немногихъ словахъ, отчетливо и ясно, такъ что всякому будетъ очевидно и понятно. Можно сказать, что не столько радовался ученикъ, когда предъ нимъ раскрывалась какая-нибудь[6] труднѣйшая фраза и обнаруживается настоящій смыслъ мысли великаго писателя, какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато[7]...

„...хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ; я эту часть[8] получше знаю чиновниковъ: разсмотрю самолично, чтò кому нужно. Да если позволите[9], ваше сіятельство, я поговорю и съ раскольниками. Они-то[10] съ нашимъ братомъ, съ простымъ человѣкомъ, охотнѣе разговорятся, такъ, Богъ вѣсть, можетъ быть, помòгу[11] уладить[ся][12] съ ними миролюбно. А денегъ-то отъ васъ я не возьму, потому что, ей Богу, стыдно въ такое время думать о своей прибыли, когда умираютъ съ голода. У меня есть въ запасѣ готовый хлѣбъ; я и теперь еще послалъ въ Сибирь, и къ будущему лѣту вновь подвезутъ“.

„Васъ можетъ только наградить одинъ Богъ за такую службу, Аѳанасій Васильевичъ. А я вамъ не скажу ни одного слова, потому что,—вы сами можете чувствовать,—всякое слово тутъ безсильно. Но позвольте мнѣ одно сказать насчетъ той просьбы. Скажите сами: имѣю ли я право оставить это дѣло безъ вниманія, и справедливо ли, честно ли съ моей стороны будетъ простить мерзавцевъ“.

„Ваше сіятельство, ей Богу, этакъ нельзя называть, тѣмъ

болѣе, что изъ [нихъ][1] есть многіе весьма достойные. Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ; а какъ войдешь — даже и не онъ".

„Но что̀ скажутъ они сами, если оставлю? Вѣдь есть изъ нихъ, которые послѣ этого еще больше подымутъ носъ и будутъ даже говорить[2], что они напугали. Они первые будутъ не уважать..."

„Ваше сіятельство, позвольте мнѣ вамъ дать свое мнѣніе: соберите ихъ всѣхъ, дайте имъ знать, что вамъ все извѣстно, и представьте имъ ваше собственное положеніе точно такимъ самымъ образомъ, какъ вы его изволили изобразить сейчасъ передо мной, и спросите у нихъ совѣта: что̀ [бы][3] изъ нихъ каждый сдѣлалъ на вашемъ положеніи?"

„Да, вы думаете, имъ будутъ доступны движенья благороднѣйшія, чѣмъ каверзничать и наживаться? Повѣрьте, они надо мной посмѣются".[4]

„Не думаю-съ, ваше сіятельство. У [русскаго][5] человѣка, даже и у того, кто похуже другихъ, все-таки чувство справедливо. Развѣ жидъ какой-нибудь[6], а не русскій. Нѣтъ, ваше сіятельство, вамъ нечего скрываться. Скажите такъ точно, какъ изволили передо мной[7]. Вѣдь они васъ поносятъ, какъ человѣка честолюбиваго, гордаго, который и слышать ничего не хочетъ, увѣренъ въ себѣ, — такъ пусть же увидятъ все, какъ оно есть. Что жъ вамъ (ихъ бояться)?[8] Вѣдь ваше дѣло правое. Скажите имъ такъ, какъ бы вы не предъ ними, а предъ самимъ Богомъ принесли свою исповѣдь".

„Аѳанасій Васильевичъ", сказалъ князь въ раздумьи: „я объ этомъ подумаю, а покуда благодарю васъ очень за совѣтъ".

„А Чичикова, ваше сіятельство, прикажите отпустить".

„Скажите этому Чичикову, чтобы онъ убирался отсюда какъ можно поскорѣй, и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше. Его-то уже я бы никогда не простилъ".

Муразовъ поклонился и прямо отъ князя отправился къ Чичикову. Онъ нашелъ Чичикова уже въ духѣ, весьма покойно занимавшагося довольно порядочнымъ обѣдомъ, который былъ ему принесенъ въ фаянсовыхъ судкахъ изъ какой-то весьма порядочной кухни. По первымъ фразамъ разговора старикъ замѣтилъ тотчасъ, что Чичиковъ уже успѣлъ переговорить

кое съ кѣмъ изъ чиновниковъ-казусниковъ. Онъ даже понялъ, что сюда вмѣшалось невидимое участіе знатока-юрисконсульта.

„Послушайте-съ, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ онъ: „я привезъ вамъ свободу на такомъ условіи, чтобы сейчасъ васъ не было въ городѣ. Собирайте всѣ пожитки свои — да и съ Богомъ, не откладывая ни минуту, потому что дѣло еще хуже[1]. Я знаю-съ, васъ тутъ одинъ человѣкъ настраиваетъ; такъ объявляю вамъ по секрету, что такое еще дѣло одно открывается, что ужъ никакія силы не спасутъ этого. Онъ, конечно, радъ другихъ топить, чтобы[2] не скучно, да дѣло къ раздѣлкѣ. Я васъ оставилъ въ расположеньи хорошемъ, — лучшемъ, нежели въ какомъ теперь. Совѣтую вамъ-съ не въ шутку. Ей, ей, дѣло не въ этомъ имуществѣ, изъ-за котораго спорятъ люди[3], и рѣжутъ другъ друга люди[4] точно, какъ можно завести благоустройство въ здѣшней жизни, не помысливши о другой жизни[5]. Повѣрьте-съ, Павелъ Ивановичъ, что покамѣстъ, брося все, изъ-за чего грызутъ и ѣдятъ другъ друга на землѣ, не подумаютъ о благоустройствѣ душевнаго имущества[6], — не установится благоустройство и земнаго имущества. Наступятъ времена голода и бѣдности, какъ во всемъ народѣ[7], такъ и порознь во всякомъ... Это-съ ясно. Чтȯ ни говорите, вѣдь отъ души зависитъ тѣло[8]. Какъ же хотѣть, чтобы [шло][9] какъ слѣдуетъ. Подумайте не о мертвыхъ душахъ, а [о][10] своей живой душѣ, да и съ Богомъ на другую дорогу! Я тожъ выѣзжаю завтрашній день. Поторопитесь! не то — безъ меня бѣда будетъ“.

Сказавши это, старикъ вышелъ. Чичиковъ задумался. Значенье жизни опять показалось немаловажнымъ. „Муразовъ правъ“, сказалъ онъ: „пора на другую дорогу!“ Сказавши это, онъ вышелъ изъ тюрьмы. Часовой потащилъ за нимъ шкатулку......[11] Селифанъ и Петрушка обрадовались, какъ Богъ знаетъ чему, освобожденью барина. „Ну, любезные“, сказалъ Чичиковъ, обратившись [къ нимъ][12] милостиво: „нужно укладываться, да ѣхать“.

„Покатимъ, Павелъ Ивановичъ“, сказалъ Селифанъ. „Дорога, должно быть, установилась: снѣгу выпало довольно. Пора ужъ, право, выбраться изъ города. Надоѣлъ онъ такъ, что и глядѣть на него не хотѣлъ бы“.

„Ступай къ каретнику, чтобы поставилъ коляску на полозки“,

сказалъ Чичиковъ, а самъ пошелъ въ городъ, но ни [къ][1] кому не хотѣлъ заходить отдавать прощальныхъ визитовъ. Послѣ всего этого событія было и неловко, — тѣмъ болѣе, что о немъ множество ходило въ городѣ самыхъ неблагопристойныхъ исторій. Онъ избѣгалъ (даже)[2] всякихъ встрѣчъ[3] и зашелъ потихоньку только къ тому купцу, у котораго купилъ сукна наваринскаго пламени съ дымомъ, взялъ вновь четыре аршина на фракъ и на штаны и отправился самъ къ тому же портному. За двойную [цѣну][4] мастеръ рѣшился усилить рвеніе и засадилъ всю ночь работать при свѣчахъ портное народонаселеніе иглами, утюгами и зубами, и фракъ на другой день былъ готовъ, хотя и немножко поздно. Лошади всѣ[5] были запряжены. Чичиковъ, однакожъ, фракъ примѣрилъ. Онъ былъ хорошъ[6], точь въ точь какъ прежній. Но, увы! онъ замѣтилъ, что въ головѣ уже бѣлѣло что-то гладкое, и примолвилъ грустно: „И зачѣмъ было предаваться такъ сильно сокрушенью? А рвать волосъ не слѣдовало бы и подавно“. Расплатившись съ портнымъ, онъ выѣхалъ наконецъ изъ города въ какомъ-то странномъ положеніи. Это былъ не прежній Чичиковъ; это была какая-то развалина прежняго Чичикова. Можно было сравнить его внутреннее состояніе души съ разобраннымъ строеньемъ, которое разобрано съ тѣмъ, чтобы строить изъ него же новое; а новое еще не начиналось, потому что не пришелъ отъ архитектора опредѣлительный планъ, и работники остались въ недоумѣньи. Часомъ прежде его отправился старикъ Муразовъ, въ рогоженной[7] кибиткѣ, вмѣстѣ съ Потапычемъ, а часомъ послѣ отъѣзда Чичикова пошло приказаніе, что князь, по случаю отъѣзда въ Петербургъ, желаетъ видѣть всѣхъ чиновниковъ до едина[8].

Въ большомъ залѣ генералъ-губернаторскаго дома собралось все чиновное сословіе города, начиная отъ губернатора до (секретаря)[9] титулярнаго совѣтника: правители канцелярій и дѣлъ, совѣтники, ассессоры, Кислоѣдовъ, Красноносовъ, Самосвитовъ, не бравшіе, бравшіе, кривившіе душой, полукривившіе и вовсе не кривившіе, — все ожидало съ любопытствомъ, не совсѣмъ спокойнымъ, выхода. Князь вышелъ ни мрачный, ни ясный: спокойной твердостью былъ вооруженъ его шагъ и взоръ. Все чиновное собраніе поклонилось, многіе — въ поясъ. Отвѣтивъ легкимъ поклономъ, князь началъ:

„Уѣзжая въ Петербургъ, я почелъ приличнымъ повидаться съ вами со всѣми и даже объяснить вамъ отчасти причину. У насъ завязалось дѣло очень соблазнительное. Я полагаю, что многіе изъ предстоящихъ[1] знаютъ, о какомъ дѣлѣ я говорю. Дѣло это повело за собою открытіе и другихъ, не менѣе безчестныхъ дѣлъ, въ которыхъ замѣшались даже, наконецъ, и такіе люди, которыхъ я доселѣ почиталъ честными. Извѣстна мнѣ даже и сокровенная цѣль спутать такимъ образомъ все, чтобы оказалась полная невозможность рѣшить формальнымъ порядкомъ. Знаю даже, и кто главная пружина и чьимъ сокровеннымъ.......[2], хотя онъ и очень искусно скрылъ свое участіе. Но дѣло въ томъ, что я намѣренъ это слѣдить не формальнымъ слѣдованьемъ по бумагамъ, а военнымъ быстрымъ судомъ, какъ въ военное [время][3], и надѣюсь, что государь мнѣ дастъ это право, когда я изложу все это дѣло. Въ такомъ случаѣ, когда нѣтъ возможности произвести дѣло гражданскимъ образомъ, когда горятъ шкафы съ [бумагами][4] и наконецъ излишествомъ лживыхъ постороннихъ показаній и ложными[5] доносами стараются затемнить и безъ того довольно темное дѣло, — я полагаю военный судъ единственнымъ средствомъ и желаю знать мнѣніе ваше".

Князь остановился, какъ [бы][6] ожидая отвѣта. Все стояло, потупивъ глаза въ землю. Многіе были блѣдны.

„Извѣстно мнѣ также еще одно дѣло, хотя производившіе его[7] въ полной увѣренности, что оно никому не можетъ быть извѣстно. Производство его уже пойдетъ не по бумагамъ, потому что истцомъ и челобитчикомъ я буду уже самъ и представлю очевидныя доказательства".

Кто-то вздрогнулъ среди чиновнаго собранія; нѣкоторые изъ боязливѣйшихъ тоже смутились.

„Само по себѣ, что главнымъ зачинщикамъ должно послѣдовать лишенье чиновъ и имущества, прочимъ отрѣшенье отъ мѣстъ. Само собою разумѣется, что въ числѣ ихъ пострадаетъ и множество невинныхъ. Что̀ жъ дѣлать? дѣло слишкомъ безчестное и вопіетъ о правосудіи. Хотя я знаю, что это будетъ даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ, — не смотря

на все это, я долженъ поступить жестоко, потому что вопіетъ правосудіе. И такъ вы всѣ должны на меня глядѣть, [какъ][1] на безчувственное орудіе правосудія".

Содроганье невольно пробѣжало по всѣмъ лицамъ.

Князь былъ спокоенъ. Ни гнѣва, ни возмущенья душевнаго не выражало его лицо.

„Теперь тотъ самый, у котораго въ рукахъ участь[2] многихъ и котораго никакія просьбы не въ силахъ были умолить, тотъ самый бросается[3] теперь къ ногамъ вашимъ, васъ всѣхъ проситъ. Все будетъ позабыто, изглажено, прощено; я буду самъ ходатаемъ за всѣхъ, если исполните мою просьбу. Вотъ моя просьба[4]. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаніями нельзя искоренить неправды: она слишкомъ уже глубоко вкоренилась. Безчестное дѣло брать взятки сдѣлалось необходимостью и потребностью даже и для такихъ людей, которые и не рождены быть безчестными. Знаю, что уже почти невозможно многимъ итти противу всеобщаго теченья. Но я теперь долженъ, какъ въ рѣшительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякій гражданинъ несетъ все и жертвуетъ всѣмъ, — я долженъ сдѣлать кличъ, хотя къ тѣмъ, у которыхъ еще есть въ груди русское сердце и понятно сколько-нибудь слово *благородство*. Чтò тутъ говорить о томъ, кто болѣе изъ насъ виноватъ! Я, можетъ быть, больше всѣхъ виноватъ; я, можетъ быть, слишкомъ сурово васъ принялъ вначалѣ; можетъ быть, излишней подозрительностью я оттолкнулъ изъ васъ тѣхъ, которые искренно хотѣли мнѣ быть полезными, хотя и я съ своей стороны могъ бы также сдѣлать.......[5] Если они уже дѣйствительно любили справедливость[6] и добро своей земли, не слѣдовало бы имъ оскорбиться и надменностью моего обращенія, слѣдовало бы имъ подавить въ себѣ собственное честолюбіе[7] и пожертвовать своей личностью. Не можетъ быть, чтобы я не замѣтилъ ихъ самоотверженья и высокой любви къ добру и не принялъ бы наконецъ отъ нихъ полезныхъ и умныхъ совѣтовъ[8]. Все-таки скорѣй подчиненному слѣдуетъ примѣняться къ праву начальника, чѣмъ начальнику къ нраву подчиненнаго. Это законнѣй по крайней мѣрѣ и легче, потому что у подчиненныхъ одинъ начальникъ, а у начальника сотня подчиненныхъ. Но оставимъ

теперь въ сторону, кто кого больше виноватъ. Дѣло въ томъ, что пришло намъ спасать нашу землю; что гибнетъ уже земля наша не отъ нашествія двадцати иноплеменныхъ языковъ, а отъ насъ самихъ; что уже, мимо законнаго управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнѣйшее всякаго законнаго. Установились свои условія, все оцѣнено, и цѣны даже приведены во всеобщую извѣстность. И никакой правитель, хотя бы онъ былъ мудрѣе всѣхъ законодателей и правителей, не въ силахъ поправить зла, какъ [ни][1] ограничивай онъ въ дѣйствіяхъ дурныхъ чиновниковъ приставленьемъ въ надзиратели другихъ чиновниковъ. Все будетъ безуспѣшно, покуда не почувствовалъ изъ насъ всякъ, что онъ такъ же, какъ въ эпоху (всеобщаго)[2] возстанья народовъ вооружался противъ......[3], такъ долженъ возстать противъ неправды. Какъ русскій, какъ связанный съ вами единокровнымъ родствомъ, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь [къ][4] вамъ. Я обращаюсь къ тѣмъ изъ васъ, кто имѣетъ понятье какое-нибудь о томъ, что̀ такое благородство мыслей. Я приглашаю вспомнить долгъ, который на всякомъ мѣстѣ предстоитъ человѣку. Я приглашаю разсмотрѣть ближе свой долгъ и обязанность земной своей должности, потому что это уже намъ всѣмъ темно представляется, и мы едва...“

Примѣчанія редактора и варіанты.

Мертвыя Души, томъ первый (стр. 1—249).

Въ началѣ сентября 1841 года Гоголь оставилъ свой любезный Римъ и отправился въ Россію — печатать первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Онъ „былъ здоровъ, когда ѣхалъ въ Россію; думалъ, что теперь удастся прожить въ ней поболѣе, узнать тѣ стороны ея, которыя были ему доселѣ не такъ коротко знакомы" (Соч. и письма Гоголя V, 463). Повидимому, не оставалось въ немъ и слѣда той жестокой нервической болѣзни, отъ которой онъ едва оправился въ октябрѣ предшествующаго года. „Болѣзненная тоска и ужасное безпокойство", напомнившія ему предсмертныя муки его друга — юнаго Віельгорскаго (тамъ же V, 418), смѣнились теперь радостнымъ, восторженнымъ настроеніемъ: художникъ видѣлъ оконченнымъ созданіе, обладавшее много лѣтъ его помыслами, трудомъ, всею его жизнію. Дорогою „въ душевную минуту" — въ минуту душевнаго умиленія Гоголь дѣлится своимъ счастіемъ съ Языковымъ и молится, чтобы и на его душѣ „была чаще, сколько можно, такая же свѣтлость, какою объятъ онъ весь въ сію минуту" (Соч. и письма Гоголя V, 450—451). „Отнынѣ (пишетъ творецъ „Мертвыхъ душъ" Языкову) взоръ твой долженъ быть свѣтло и бодро вознесенъ горѣ: *для сего была наша встрѣча.* И если при разставаніи нашемъ, при пожатіи рукъ нашихъ *не отдѣлилась отъ моей руки искра крѣпости душевной въ душу тебѣ,* то, значитъ, ты не любишь меня. И если когда-нибудь одолѣетъ тебя скука и ты, вспомнивши обо мнѣ, не въ силахъ одолѣть ее, то, значитъ, ты не любишь меня. *И если мгновенный недугъ отяжелитъ тебя и низу поклонится духъ твой,* то, значитъ, ты не любишь меня" (тамъ же, стр. 451). Но „душевной крѣпости" самого Гоголя предстояли въ отечествѣ неожиданныя тяжкія испытанія. Прежде

всего поэта „предательски завезли въ Петербургъ“: здѣсь онъ „томился пять дней“[1] и „получилъ начало болѣзни“, которая овладѣла имъ въ Москвѣ[2]. Гоголь пріѣхалъ въ старую столицу въ половинѣ октября и поселился въ домѣ Погодина на Дѣвичьемъ полѣ. 18 октября онъ „внезапно явился въ домѣ С. Т. Аксакова“[3]. Уединенная жизнь въ домѣ Погодина, можетъ быть, напомнившая поэту его рабочую келью на via Felice, сначала плѣнила Гоголя. „Дни всѣ въ солнцѣ (пишетъ онъ Языкову, котораго манитъ въ Москву); воздухъ слышенъ свѣжій осенній; передо мною открытое поле, и ни кареты, ни дрожекъ, ни души, словомъ—рай“[4]. Языковъ съ чужбины шлетъ привѣтъ счастливому собрату:

«Ты, слава Богу, счастливъ братъ;
Ты дома, ты уже устроилъ
Себѣ привольное житье;
Уединеніе свое
Ты оградилъ и успокоилъ
Отъ многочисленныхъ суетъ
И вредоносныхъ наважденій
Мірскихъ, отъ праздности и лѣни,
Отъ празднословящихъ бесѣдъ
Высокой, вѣрною оградой
Любви къ труду и тишинѣ;
И своенравно и вполнѣ
Своей работой и прохладой
Ты управляешь,— и цвѣтетъ
Твое житье легко и пышно,
Какъ милый цвѣтъ въ тѣни затишной,
У родника стеклянныхъ водъ[5].

Поэту дѣйствительно было тогда „свѣтло и хорошо“. Онъ какъ будто предвкушалъ ту славу, которая заслужена была многолѣтнимъ упорнымъ трудомъ, самопожертвованіемъ[6] и которая должна была наконецъ искупить оскорбительный пріемъ, оказанный русскимъ обществомъ „Ревизору“. Гордый оконченнымъ твореніемъ, полный вѣры

[1] Письмо Гоголя къ Языкову отъ 23 октября (Соч. и письма Гоголя V, 453). Не знаемъ, на чемъ основано извѣстіе Кулиша, что Гоголь «сперва намѣренъ былъ печатать «Мертвыя Души» въ Петербургѣ, но потомъ раздумалъ» (Записки о жизни Гоголя I, 302). [2] Письмо Гоголя къ Прокоповичу. Русское Слово, 1859 г., январь, стр. 110. [3] Кулишъ, Записки о жизни Гоголя I, 287. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 453. [5] Стихотворенія Н. М. Языкова (С.-Петербургъ, 1858 г.) т. II, стр. 214. [6] Припомнимъ слова Гоголя въ повѣсти «Портретъ»: «Слава не можетъ дать наслажденья тому, кто укралъ ее, а не заслужилъ; она производитъ постоянный трепетъ только въ достойномъ ея» (II, 58).

въ себя, Гоголь слышалъ въ себѣ способность сообщать крѣпость духа и бодрость друзьямъ своимъ... Съ этой поры чувствуетъ онъ въ себѣ призваніе „бодрить“ и „свѣжить“ близкихъ людей. 20 октября онъ пишетъ Иванову: „Боже васъ сохрани когда-либо упадать духомъ. Нѣтъ вещи, которой бы нельзя было помочь. Вѣрьте моему слову: слово мое не обманываетъ“. Въ томъ же письмѣ онъ посылаетъ ободреніе и Іордану. „Скажите ему (проситъ онъ Иванова), чтобы онъ никакъ не унывалъ духомъ, а работалъ бы бодро свое дѣло: *его будущее положеніе можетъ быть такъ хорошо, какъ онъ и не воображаетъ*“[1]. Тѣмъ же желаніемъ „бодрить и освѣжать“ дышетъ и „письмецо“ Моллеру, вложенное въ письмо къ Иванову: „Прежде всего, ради всего святаго въ мірѣ, не упадайте духомъ. *Всякій переломъ, посылаемый человѣку, чудно благодѣтеленъ*. Это лучшее, что̀ только есть въ жизни — звѣзда и свѣтильникъ, указующій ему наконецъ его настоящій путь“[2].

Первыя шесть главъ „Мертвыхъ Душъ“, которыя вырабатывались и отдѣлывались очень настойчиво въ теченіе шести лѣтъ, не были новостью для московскихъ пріятелей Гоголя: въ 1840 г. онъ уже читалъ ихъ С. Т. Аксакову и И. В. Кирѣевскому[3]. Но послѣднія главы, написанныя Гоголемъ гораздо торопливѣе, въ кратчайшій періодъ времени и не подвергавшіяся такимъ продолжительнымъ передѣлкамъ и многочисленнымъ переработкамъ, не были извѣстны его московскому кружку. Гоголь „положилъ“ прочесть эти главы прежде всего С. Т. Аксакову, сыну его Константину Сергѣевичу и Погодину, „какъ тремъ различнымъ характерамъ, разнородно примущимъ первыя впечатлѣнія“[4].

Но прежде нужно было пересмотрѣть и исправить эти главы.

Привезенная изъ-за границы рукопись перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, въ перепискѣ которой принималъ участіе П. В. Анненковъ *лѣтомъ 1841 года* и въ которой послѣднія двадцать пять страницъ были переписаны набѣло самимъ авторомъ, успѣла уже принять на свои страницы множество измѣненій и дополненій, то приписанныхъ въ отдѣланномъ видѣ чернилами, то нанесенныхъ въ видѣ неконченныхъ набросковъ карандашомъ; въ нее даже вклеены были цѣлыя страницы на мѣсто вырѣзанныхъ.

Первымъ дѣломъ Гоголя по пріѣздѣ въ Москву было отдать

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 452. [2] Русская Старина 1879 г., декабрь, стр. 724. [3] Русь 1880, № 6, стр. 16. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 486.

первыя семь главъ заграничной рукописи для переписки набѣло и заняться между тѣмъ пересмотромъ и окончательною отдѣлкою остальныхъ. Дополненія и передѣлки набрасывались *на отдѣльные листки* сѣрой бумаги Знаменской фабрики[1] или наносились на страницы *заграничной рукописи*. Позднѣе и *двѣ копіи*, одна за другою сдѣланныя въ Москвѣ, покрылись собственноручными многочисленными поправками и приписками автора. Сопоставляя текстъ, набросанный на уцѣлѣвшихъ отдѣльныхъ листкахъ, съ текстомъ основной, т. е. заграничной рукописи и наконецъ съ текстомъ двухъ московскихъ копій поэмы, мы приходимъ къ заключенію, что работа Гоголя въ Москвѣ надъ первою частью „Мертвыхъ Душъ" прошла *три періода:* первый періодъ *предшествовалъ* передачѣ писцу, для переписки набѣло, послѣднихъ четырехъ главъ поэмы; второй періодъ обнимаетъ время передѣлокъ и исправленій въ текстѣ первой московской копіи; къ третьему періоду работы относятся дополненія и поправки, сдѣланныя въ рукописи, изготовленной для цензуры. Первый и второй періоды работы заключаютъ въ себѣ время съ пріѣзда Гоголя въ Москву почти до конца ноября 1841 года[2]; *нѣкоторыя* поправки, относящіяся къ послѣднему періоду, сдѣланы несомнѣнно *до представленія* рукописи въ Цензурный Комитетъ, т. е. до 12 декабря 1841 года, другія могли быть нанесены на страницы рукописи уже по разрѣшеніи поэмы къ печатанію.

Наиболѣе важными и существенными слѣдуетъ считать тѣ передѣлки и дополненія, безъ которыхъ авторъ не рѣшился отдать заграничную рукопись для переписки набѣло, т. е. передѣлки и поправки *перваго періода*. Уцѣлѣвшіе наброски на отдѣльныхъ листахъ *сѣрой бумаги Знаменской фабрики*, относящіеся къ этому періоду, принадлежатъ преимущественно послѣдней главѣ „Мертвыхъ Душъ". Къ 8-й главѣ относится нѣсколько строкъ, набросанныхъ на полѣ и на лицевой сторонѣ полулиста указанной бумаги. 1) На полѣ: „Чичиковъ, какъ видѣли въ первой главѣ, умѣлъ совершенно очаровать всѣхъ и привязать къ себѣ. А теперь посторонні я открывались въ немъ достоинства, и закупки на тысячныя укрѣпили (совершенно наглухо) связи". 2) Въ началѣ полулиста: „Черта добродушія и гостепріимства была у всѣхъ какою-то

[1] Всѣ эти наброски приплетены къ заграничной рукописи «Мертвыхъ Душъ», принадлежащей нынѣ Нѣжинскому Историко-филологическому Институту (НР).
[2] См. ниже выписку изъ письма Гоголя Прокоповичу отъ 25 ноября 1841 г.

общею чертою, что̀, можетъ быть, заключается уже въ самой славянской природѣ: человѣкъ, съ которымъ вкусили они хлѣба-соли, провели нѣсколько вечеровъ за картами и бутылкою, дѣлался уже чѣмъ-то почти роднымъ. Любовь дошла до того, что не слышали души. Самъ Чичиковъ отчасти даже не радъ былъ, (потому что=) ибо чувствовалъ, что (разстаться будетъ все древнѣе (sic!) =) трудно было ему разставаться[1]. Всѣ уже заблаговременно и наперерывъ[2] просили[3] безпрестанно объ отсрочкѣ предполагаемаго отъѣзда, который въ угодность имъ онъ ужъ просрочилъ и безъ того". Первый изъ приведенныхъ набросковъ не былъ обработанъ и не внесенъ въ текстъ восьмой главы. Второй набросокъ получилъ новую отдѣлку и былъ приписанъ авторомъ, въ измѣненномъ видѣ, на правомъ полѣ 233-й страницы заграничной рукописи.

Къ девятой главѣ принадлежитъ небольшой набросокъ на четвертой страницѣ листка почтовой бумаги: „которыхъ нельзя даже выманить было тѣмъ, противъ чего никакимъ[4] не устоитъ славянская[5], а именно даже ухою пятисотъ-рублевой изъ аршинныхъ стерлядей и всѣми (кулебяками съ головизною) тающими во рту кулебяками съ головизною или (съ пудовою бѣлугой) съ маленькой пятипудовой бѣлугой, противъ чего ужъ, извѣстно, никакъ не устоитъ...[6] славянская натура. Все вылѣзло". Этотъ набросокъ сжатъ былъ авторомъ въ слѣдующія строки: „которыхъ нельзя было выманить изъ дому пятисотъ-рублевою ухою съ аршинными стерлядью, ниже всѣми тающими во рту кулебяками". Въ такомъ видѣ вставка приписана на лѣвой сторонѣ 281-й страницы заграничной рукописи; надъ строками для вставки уже не было мѣста: тамъ лѣпилась начисто переписанная новая редакція мѣста,— редакція, можетъ быть, также сочиненная въ Москвѣ.

На 346-й страницѣ заграничной рукописи, послѣ словъ: „Итакъ, припряжемъ подлеца!" поставлена была авторомъ короткая поперечная черта, а слѣдовавшія за нею строки той же страницы зачеркнуты. Черта означала мѣсто, съ котораго началась передѣлка текста и куда слѣдовало помѣстить вновь выработанныя авторомъ страницы. Этотъ новый текстъ набросанъ на листѣ *сѣрой* бумаги „Знаменской фабрики". Листъ сложенъ въ форматъ четвертки;

[1] Слово написано неразборчиво. [2] Прежде было написано: «Уже теперь, за нѣсколько дней впередъ, со всѣхъ сторонъ и наперерывъ». [3] Въ рукописи: «просилъ». [4] Послѣ этого слова пропущено: «образомъ». [5] Затѣмъ пропущено какое-то слово, вѣроятно: «натура». [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова.

мелкимъ шрифтомъ, съ очень ограниченными разстояніями между строкъ, исписаны шесть полныхъ страницъ и почти половина седьмой. Эти страницы предлагаютъ въ новомъ, значительно распространенномъ видѣ исторію дѣтства и первыхъ служебныхъ подвиговъ Чичикова, — исторію, которая въ заграничной рукописи была передана коротко и безцвѣтно. Въ новой редакціи, набросанной въ Москвѣ, авторъ даетъ болѣе подробный разсказъ объ ученьи Чичикова въ городской школѣ: вводится новое лицо — педагогъ, который выше всего ставитъ хорошее поведеніе, преслѣдуетъ умниковъ и остряковъ, особенно цѣнитъ тишину и порядокъ. Этотъ педагогъ — прототипъ Ѳедора Ивановича, который противупоставленъ во второй части „Мертвыхъ Душъ" первому воспитателю Тентетникова. Характеристика педагога, къ которому поддѣлался и котораго „надулъ" Чичиковъ, совпадаетъ съ обрисовкою Ѳедора Ивановича. Можетъ быть, та и другая одновременно разработывались авторомъ. Читая этотъ и нѣкоторые другіе московскіе наброски, чувствуешь, что мысль автора уже занята работою надъ нѣкоторыми подробностями втораго тома „Мертвыхъ Душъ".

Представляемъ вполнѣ новую редакцію начальной исторіи Чичикова:

„Начало и происхожденіе героя нашего слишкомъ скромно и темно. Жизнь взглянула на него какъ-то пасмурно сквозь занесенное снѣгомъ окошко. Родители его были дворяне, но, столбовые или личные, Богъ вѣдаетъ. Лицомъ онъ на нихъ, кажется, не походилъ. По крайней мѣрѣ, близкая родственница, бывшая при рожденьи его, коротенькая женщина, которыхъ называютъ пиголицами, взявши въ руки ребенка, вскрикнула: „Совсѣмъ вышелъ такой[1], какъ я думала; ему бы больше всего слѣдовало пойти въ бабку съ матерней стороны, оно бы и приличнѣй; а онъ родился просто, какъ говоритъ пословица, не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца!" Жизнь вначалѣ взглянула на него какъ-то кисло, непріютно, сквозь какое-то мутное[2] занесенное снѣгомъ окошко: (ни товарища) никакого друга (дѣтства, ни даже) товарища. Маленькая го́ренка съ тусклыми[3], никогда не отворявшимися окнами ни въ зиму, ни въ лѣто; отецъ, длинный, худой,

[1] Въ печатномъ текстѣ: «не такой». [2] Слова: «сквозь какое-то мутное» приписаны сверху зачеркнутаго слова: «сквозь». [3] Слово «тусклымъ» приписано сверху строки.

больной человѣкъ въ длинномъ сюртукѣ, вздыхавшій, ходя по комнатѣ, и плевавшій въ стоявшую въ углу песочницу; вѣчное сидѣніе на лавкѣ (передъ прописью) съ перомъ[1], черниломъ на пальцахъ и даже на губахъ. Вѣчная пропись передъ глазами: „занимайся (прилежно), слухо...[2], не лги.....“[3]; вѣчный стукъ (тѣхъ) однообразно раздававшихся шаговъ. Изрѣдка только позади голосъ: „опять задурилъ“, „раздававшійся въ то время, когда ребенокъ, наскучившій однообразіемъ работы, приписывалъ къ буквѣ какой-нибудь свой хвостъ или другую закавыку, внушенную праздною фантазіей, за что (весьма больно былъ) неожиданно и весьма больно былъ стискиваемъ обѣими ногтями край его уха и закручиваемъ съ варварскимъ спокойствіемъ (за что изъ глубины ду..) ребенокъ произносилъ непріязненное желаніе[4] — вотъ вся бѣдная картина первоначальнаго его дѣтства, о которомъ едва осталась (слабая память) въ головѣ его блѣдная память. Наконецъ въ одинъ день, съ весеннимъ солнцемъ и разлившимися потоками, была заложена въ повозку мухортая пѣгая лошадь (которыхъ ба лошадиный), какія у лошадиныхъ барышниковъ извѣстны подъ именемъ сорокъ. (Длинный) отецъ помѣстился въ телѣжкѣ съ 8-лѣтнимъ сыномъ и (выѣхали они изъ) согнувшійся весь въ (спину куче) ....,[5] кучеръ встряхнулъ вождями, и они выѣхали изъ дому. На сорокѣ ѣхали сутки слишкомъ, дорогой ночевали, переправлялись черезъ рѣки[6], закусывали холодной бараниной да пиро-гомъ и добрались утромъ на третій день[7] до города. Тощая сорока потащилась, какъ могла, по городскимъ улицамъ, которыя поразили ребенка, все время не раскрывавшаго рта[8], потомъ бултыхнула вмѣстѣ съ повозкой въ яму и въ узкій переулокъ, весь запруженный грязью. (Тутъ она) долго работала (и наконецъ) тамъ всѣми силами и мѣсила ногами (наконецъ), подстрекаемая и (низенькимъ) горбатымъ кучеромъ, и самимъ отцомъ героя, и наконецъ втащила ихъ въ небольшой дворикъ на косогорѣ съ двумя цвѣтущими баргамотами,

---

[1] Въ рукописи слово это написано неясно, переправлено изъ другаго. [2] Конецъ слова не дописанъ; въ печатномъ текстѣ: «послушествуй старшимъ». [3] Послѣ этого слова оставлено пустое мѣсто. [4] Два послѣднія слова написаны неразборчиво. Не ручаемся за правильность чтенія. [5] Два слова, написанныя сверху строки, не разобраны. [6] Въ рукописи: «рѣкѣ». [7] Слова: «утромъ на третій день», приписаны сверху строки; прежде было написано: «добрались до города подъ вечеръ». [8] Прежде было написано: «(показавшимся потомъ) блеснувшимъ великолѣпно на неопытные глаза».

садикомъ, наполненнымъ бузиной, душистымъ травникомъ, и небольшой будочкою, крытою драньемъ. Тутъ жила какая-то далекая родственница героя, дряблая старушка, все еще ходившая сама (пѣшкомъ) ежедневно на городской рынокъ, не смотря на грязь. Тутъ долженъ былъ остаться нашъ ребенокъ, ходить ежедневно въ классы городскаго училища. Отецъ переночевалъ и на другой день отправился въ дорогу, простившись съ сыномъ[1] [кажется, безъ слезъ], давши ему на расходы и лакомства двѣ гривны мѣди и (произнесши), — что̀ важнѣе всего, — отцовское*(мудрое) наставленье: „Смотри же, Павлуша, не дури и повѣсничай, а больше всего угождай учителю. Коли будешь ему угождать[2], то, хоть и не во всемъ будешь смышленъ, все пойдетъ въ ладъ[3], станешь выше всѣхъ первыхъ. Не водись съ товарищами: они тебя добру не научатъ, только развѣ шалостямъ да повѣсничеству. А если пошло на то, такъ водись съ тѣми, которые побогаче, чтобы были тебѣ полезны. Не угощай и не потчивай никого, а веди себя лучше такъ, чтобы тебя угощали и потчивали. А больше всего береги и копи копѣйку: это вещь надежнѣе всего въ мірѣ. Товарищъ и пріятель тебя надуетъ и при случаѣ первый тебя выдастъ; а копѣйка не надуетъ, копѣйка не выдастъ тебя, хоть бы въ какой нуждѣ пришлось тебѣ ни быть: все сдѣлаешь и пробьешь (копѣйкой) на свѣтѣ". Такъ говорилъ отецъ. Поцѣловавъ Павлушу, сѣлъ въ свою телѣжку, и сорока потащила его обратно. Съ тѣхъ поръ уже никогда не видалъ его болѣе герой нашъ; но слова и наставленія, казалось, врѣзались (глубоко) далеко ему въ душу. (Ребенокъ) Мальчикъ сталъ ходить въ классы. Способностей большихъ или (слишкомъ) острыхъ къ какой-нибудь наукѣ въ немъ не оказалось. Оказалъ себя онъ болѣе всего[4] прилежаніемъ, опрятностью и тихостью. Но въ мальчикѣ оказался умъ совершенно съ другой стороны, умъ совершенно практическій. Онъ вдругъ понялъ свое положеніе и повелъ себя въ отношеніи къ товарищамъ такъ, что его угощали, а не онъ ихъ. Ужъ съ самыхъ раннихъ поръ онъ умѣлъ себѣ отказать во многомъ; (даже) изъ данныхъ отцомъ денегъ онъ не издержалъ ни копѣйки, съумѣлъ[5] кое-что

[1] Сверху строки написано: «хотя конечно безъ денегъ». [2] Сверху приписано: «начальникамъ». Послѣ слова «угождать» зачеркнуто: «во всемъ, то хоть и не успѣешь въ чемъ-либо, а все ты будешь первымъ». [3] Прежде было написано: «ничего не пропадетъ». [4] Прежде было написано: «Но зато онъ отличался больше всего». [5] Въ рукописи: «съ тѣлъ».

скопить. Даже лакомства онъ не ѣлъ, а припрятывалъ и потомъ, подъ голодный часъ, мѣнялся или продавалъ тѣмъ же самимъ, которые угостили его. Въ 9-мъ году оказались въ немъ такіе таланты: онъ уже умѣлъ слѣпить изъ[1] воску какого-то снигиря, выкрасилъ его и продалъ съ выгодою[2]. На рынкѣ онъ покупалъ пряники[3] и, хлѣбы, и потомъ садился около товарищей своихъ, которые были побогаче, и ожидалъ очень терпѣливо, пока товарищъ, усталый (классами =) классной тишиною, выговорами и наказаньемъ, не почувствовалъ наконецъ волчій голодъ; въ это время онъ искусно показывалъ ему изъ подъ лавки хлѣбъ или пряникъ[4] и, возбудя аппетитъ волчій, схватывалъ съ него двойную деньгу. На вырученныя деньги дѣлались другія закупки. Около двухъ мѣсяцевъ слишкомъ училъ онъ мышь, посадивши ее въ маленькую клѣточку, и выучилъ ее стоять на заднихъ лапкахъ, пищать по желанью, и продалъ ее тоже очень выгодно. И зашилъ на глухо мѣшочикъ иголкою, когда въ немъ набралось болѣе двухъ рублей. Въ отношеніи къ начальству онъ повелъ тоже себя очень умно: сидѣлъ въ классѣ не сдвинувшись, тетрадки свои переписывалъ по два раза и всякій разъ, какъ только окончивало[5], схватывался въ ту же минуту и подавалъ учителю треухъ и палку — учитель ходилъ въ треухѣ. Учитель былъ большой любитель тишины и хорошаго поведенія и терпѣть не любилъ умныхъ или острыхъ мальчиковъ. Ему (по странному предубѣжденью) казалось все, что острые мальчишки непремѣнно надъ нимъ смѣются. И достаточно было (бѣдному) мальчику, который попалъ у него на замѣчаніе со стороны остроумія, достаточно было шевельнуться на мѣстѣ, — онъ гонялъ и наказывалъ и гонялъ его немилосердно. „Я, братъ, изъ тебя выгоню заносчивость и непокорность. Я тебя знаю насквозь, какъ ты самъ себя не знаешь. (И бѣдный) Вотъ ты у меня постоишь на колѣняхъ, ты у меня поголодаешь". И бѣдный мальчикъ, самъ не зная за что̀, натиралъ себѣ колѣни и голодалъ по суткамъ.... „Способности и дарованье — вздоръ; поведенье (вотъ что). Я поставлю первые баллы тому, кто ни аза не знаетъ[6], да ведетъ себя похвально; а въ комъ я вижу дурной

---

[1] Слово «изъ» пропущено. [2] Послѣ этого два неразобранныя слова. [3] Слова: «покупалъ пряники», написаны сверху зачеркнутыхъ: «пронюхивалъ, гдѣ бывали пряники». [4] Прежде было: «высовывалъ изъ кармана уголъ пряника». [5] Такъ въ рукописи; послѣ этого слова зачеркнуто: «бѣжалъ тотъ же часъ въ уголъ и при». [6] Прежде было написано: «У меня ничего не знай, я ему поставлю первые баллы».

духъ да насмѣшливость, я тому — нуль, хоть онъ Солона заткни за поясъ". Такъ выражался учитель, какъ видно, совершенно противоположный мнѣнью Крылова: „По мнѣ ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй". Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ часто разсказывалъ ученикамъ, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ прежде училъ, такой былъ заведенъ порядокъ, что въ классѣ (во все продолженіе часовъ) была тишина такая, что было слышно, какъ муха пролетала, что даже ни одинъ ученикъ даже не высморкался, не чихнулъ ни разу во все время его службы, и до самаго звонка нельзя бы было узнать, былъ ли кто въ классѣ, или классъ былъ просто пустъ[1]. Чичиковъ вдругъ постигнулъ духъ начальника и въ чемъ должно состоять настоящее поведеніе. Онъ не шевелилъ ни глазомъ, ни бровью и все смотрѣлъ ему прямо...[2] Онъ даже не поморчивался, если даже въ это время его кто-нибудь ущипнулъ. Подавши учителю треухъ, онъ выходилъ прежде всѣхъ изъ класса и старался ему попасться раза три на дорогѣ, безпрестанно снимая шапку. Дѣло имѣло совершенный успѣхъ, и при выпускѣ онъ только одинъ получилъ полные баллы (въ наукахъ) во всемъ, аттестатъ, книгу съ золотыми буквами за прилежаніе и поведеніе. Въ это время умеръ отецъ его, — какою смертью, Богъ вѣдаетъ. (Ему прислали) Онъ получилъ только отъ него въ наслѣдство 2 овчинные тулупа, крытые синимъ сукномъ, сюртукъ съ старыми обшлагами, фуфайку (ношеную), ветхій дворъ съ ничтожной землишкой, которые онъ тутъ же продалъ за 500 рублей, и семью людей, которую онъ перевелъ въ городъ къ старухѣ, своей родственницѣ, располагаясь не выѣзжать изъ города и начать тамъ поприще службы. Въ то же самое время былъ выгнанъ изъ училища и бѣдный учитель, любитель тишины и похвальнаго поведенія, — за глупость или что другое, Богъ вѣдаетъ.

Учитель съ горя принялся по русскому обычаю пить. Наконецъ ему даже не осталось, на что и выпить. Голодный[3] и больной, исчезалъ онъ гдѣ-то на ветхой постелѣ. Бывшіе ученики его (ост. умники), гонимые имъ умники и остряки, въ которыхъ, Богъ вѣдаетъ почему, ему видѣлся непокорный духъ и неповиновеніе, узнавши какъ-то объ жалкомъ его положеніи, и какъ ни были бѣдны сами (ибо остроуміе большею частію удѣлъ небогатыхъ),

---

[1] Прежде было написано: «нельзя бы было сказать, живъ ли кто въ классѣ, или умеръ». [2] Не дописано. [3] Въ рукописи описка: «холодный».

рѣшились сложиться: иные продали даже новое платье (щегольск..), которое слишкомъ дорого человѣку, выступающему въ свѣтъ[1], и отправились сообщить объ этомъ Чичикову, не сомнѣваясь, что онъ, какъ бывшій любимецъ его и обязанный ему всѣмъ, будетъ однимъ изъ (дѣят) самыхъ жаркихъ дателей. Однакожъ такъ не случилось. Хотя герой нашъ въ душѣ и почувствовалъ соболѣзнованіе, но отказаться и лишить себя суммы, которая была у него уже разложена на мѣшечки и притомъ[2] въ порядкѣ, показалось ему такъ тяжело, что онъ отговорился неимѣньемъ и предложилъ какую-[то][3] малость — гривенникъ или что-то подобное, что̀ они ему тутъ же[4] бросили, сказавъ: „Эхъ ты скалдырникъ!" и отправились къ прежнему учителю. Едва отыскали они въ конурѣ[5]: изможденный, высохшій скелетъ, валяющій (sic!) на соломѣ, предсталъ имъ вмѣсто прежняго педагога. Какъ ни былъ онъ изнуренъ, но, видя ихъ, невольно содрогнулся. „Не бойтесь, Фадей[6] Фадеичъ, мы никогда противъ васъ не замышляли недобраго, хотя вы, неизвѣстно почему, насъ..........[7] Мы принесли вамъ все, что могли собрать. Больше бы дали, но больше нѣтъ. Возьмите, вотъ ....[8] Одного вашего Павлуши нѣтъ между нами (хоть онъ больше всѣхъ могъ бы вамъ дать теперь); одинъ онъ отказался помочь". Закрылъ лицо ру̀ками бѣдный педагогъ; слезы градомъ (потекли =) полились изъ потухнувшихъ его очей, какъ у безсильнаго ребенка[9]. „Вотъ", сказалъ онъ едва собравъ (силы) свой голосъ, получившій даже[10] выраженіе и чувство, какъ случается всегда въ потрясающую минуту: „вотъ при смерти на одрѣ довелось мнѣ разъ въ жизни заплакать отъ радости". И потомъ, зарыдавъ и вздохнувъ, проговорилъ: „Эхъ, Павлуша! Вотъ какъ перемѣняется человѣкъ! А вѣдь какой былъ! Ничего буйнаго... шелкъ! Надулъ, надулъ, сильно надулъ!"

Нельзя сказать однакоже, чтобы такъ черства и сурова была природа нашего героя[11] и такъ ожесточены (были) его чувства. Онъ чув-

---

[1] Въ рукописи: «въ свѣту». [2] Слово написано сверху строки сокращенно и неясно. [3] Въ рукописи: «какую». [4] Въ рукописи: «тотъ». [5] Прежде было написано: «Нашли они (его на соломѣ) изнуренный, изможденный скелетъ на соломѣ, который». [6] Прежде было написано: «Иванъ». [7] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [8] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «И какъ въ потресенную минуту всякій краснорѣчивъ, онъ». [10] Прежде было написано: «получившій даже краснорѣчіе, какъ получаетъ онъ его въ потрясающую». [11] Прежде было написано: «чтобы до такой степени жестокости былъ..........»

ствовалъ самъ жалость и состраданье. Онъ хотѣлъ бы даже помочь, но только, еслибы помощь не состояла изъ значительной суммы.[1] Словомъ, отцовское наставленіе: „копи и береги копѣйку", засѣло глубоко ему въ душу. Скоро послѣ выпуска, онъ вступилъ съ аттестатомъ на службу въ Казенную Палату. Но мѣстечко[2] досталось ему самое ничтожное: жалованья 30 или 40 рублей: (словомъ) и въ городскихъ закоулкахъ нужна протекція. Но все рѣшился побѣдить и преодолѣть. Самоотверженье и ограниченіе нуждъ показалъ онъ неслыханное. Съ ранняго утра до поздняго вечера, не уставая ни духомъ, ни силами, писалъ, весь погрязнувъ въ бумаги; (кромѣ того) не ходилъ даже домой, спалъ въ канцелярскихъ комнатахъ на столахъ[3], не издерживалъ копѣйки (на себя) для какой-нибудь прихоти, обѣдалъ подъ часъ съ сторожами; но при всемъ томъ, однакожъ, опрятно одѣвался и сохранялъ даже въ лицѣ какое-то выраженіе благородства. Нужно знать, что чиновники Казенной Палаты какъ-то были особенно неблагообразны; лица у многихъ были..........[4] Говорили какъ-то всѣ сурово, такимъ голосомъ, какъ будто бы собирались прибить, и приносили (весьма) частыя жертвы Вакху, показавъ въ славянскомъ видѣ остатки языческаго богослуженія, и (подъ часъ=) въ иное время даже приходили и въ присутствіе уже налимонившіеся по тамошнему выраженію, и въ канцеляріи было чрезъ то скверно[5] и воздухъ совсѣмъ не ароматическій. Чичиковъ представлялъ собою совершенную противуположность: не бралъ въ ротъ ни водки, ни вина; въ голосѣ имѣлъ всегда почти ласковость и привѣтливость, и потому неминуемо долженъ былъ произвести благопріятное впечатлѣніе въ начальство (sic!). Но (какъ на бѣду) здѣсь было трудно сдѣлать. Начальникъ его, престарѣлый повытчикъ, былъ (лицо какое) образъ какой-то каменной безчувственности и непреклон-

---

[1] Въ печатномъ текстѣ: «суммѣ»; въ рукописи слово написано сокращенно.
[2] Прежде было написано: «но мѣсто дали». [3] Прежде было написано: «спалъ въ присутствіи на столахъ». [4] Оставлено пустое мѣсто, чтобы вписать окончаніе фразы. Оно и внесено впослѣдствіи *изъ прежней редакціи*, т. е. изъ заграничной рукописи, въ которой приписано карандашомъ: «*У многихъ были лица точно*» сверху строкъ текста: «точно дурно выпеченный хлѣбъ, щеку раздуло въ одну сторону, подбородокъ покосило въ другую». Потомъ идетъ снова приписка карандашомъ: «верхняя губа вздулась пузыремъ и въ прибавку треснула, — словомъ, совсѣмъ не хорошо» (ср. выше, стр. 229). Изъ этого видно, что, набрасывая новую редакцію разсказа о Чичиковѣ, Гоголь имѣлъ передъ глазами предшествующую.
[5] Сверху незачеркнутаго слова «скверно» приписано: «не хорошо».

ности. Что-то страшное было даже въ немъ. Вѣчно тотъ же, равнодушный ко всему. Никогда не видалъ никто на лицѣ его усмѣшки, ни малѣйшаго[1] гнѣва, или жадности, или радости. Не слышали, чтобы онъ заговорилъ о чемъ. Никогда не видалъ никто, чтобы онъ измѣнился хоть разъ въ жизни, — чтобы онъ хоть дома, хоть на улицѣ, хоть разъ былъ не тѣмъ, чѣмъ былъ всегда, чтобы хоть напился пьянъ, хоть въ піянствѣ бы засмѣялся, хоть бы обуянъ былъ дикимъ, грубымъ весельемъ, какому предается разбойникъ или его же братья въ пьяную минуту[2]. Ничего не было въ немъ — ни добраго, ни злаго. И зрѣлось что-то (страшное) въ семъ страшномъ отсутствіи всего человѣческаго. Самое лицо его какъ-то[3] поражало отсутствіемъ всякаго выраженія. Даже не было въ немъ рѣзкой неправильности, которая бы (дала =) доставила ему сходство съ какимъ-нибудь предметомъ: въ суровой соразмѣрности между собою были всѣ черты[4]. Одно только давало имъ — это (рябины или =) родъ какихъ-то рябинъ или ухабинъ по всему лицу[5], какъ будто бы, выражаясь русскимъ народнымъ слогомъ, чортъ приходилъ по ночамъ молотить горохъ на его рожѣ.

Казалось, не было силъ человѣческихъ сладить съ такимъ человѣкомъ; но Чичиковъ нашелъ, что можно съ нимъ сладить.... Сначала онъ принялся во всемъ угождать, клалъ передъ нимъ[6] чиненныя перья, сметалъ всякую пушинку на столѣ передъ его приходомъ, отыскалъ гдѣ-то его шапку, — прескверную шапку, какая когда-либо существовала въ мірѣ, — и клалъ (возлѣ) за минуту до окончанія присутствія передъ нимъ. Забѣгалъ на лѣстницу и чистилъ ему спину, запачканную мѣломъ отъ стѣны. Все оставалось безъ вниманія. Наконецъ (сталъ проню) втайнѣ (пронюх) сдѣлалъ обыски и пронюхалъ всю его домашнюю жизнь. Узналъ, что (въ его домѣ) у него есть (дочь, тоже дово) зрѣлая дочь съ лицомъ тоже похожимъ на то, какъ будто бы на немъ происходила по ночамъ молотьба гороху. Съ этой стороны рѣшилъ онъ произвести нападеніе[7]. Сталъ бывать всякое воскресенье въ ту

---

[1] Слово написано неразборчиво и раздѣлено на двѣ части. Прежде было написано: «или сильнаго гнѣва, или выраженія». [2] Сверху строки приписано: «чтобы былъ похожъ на своихъ же братьевъ». [3] Въ рукописи: «какъ». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «только все оно было покрыто, вѣроятно, оспою». [5] Прежде было написано: «разбросанныя по всей его наружности». [6] Прежде было написано: «приготовлялъ ему». [7] Послѣ этого не зачеркнуто слово: «приступъ».

церковь, куда она ходила слушать обѣдню, становился противъ нихъ и, такъ какъ былъ отчасти недуренъ, то дѣло возъимѣло успѣхъ. Пошатнулся[1] непреклонный повытчикъ — сталъ приглашать къ себѣ и — ужъ какъ это сдѣлалось, никто не могъ понять въ цѣлой канцеляріи, только что[2] Чичиковъ переѣхалъ къ нему, сталъ даже распоряжаться, дочь звалъ невѣстой, повытчика называлъ папенькой и цѣловалъ въ руку; о свадьбѣ говорили, какъ объ рѣшенномъ дѣлѣ. И черезъ нѣсколько[3] времени Чичиковъ сдѣлался самъ повытчикомъ. Какъ только получилъ онъ званіе повытчика, въ ту же [минуту][4] отправилъ сундукъ свой и весь багажъ, на другой..........[5] съѣхалъ совершенно внезапно на другую квартиру, повытчика пересталъ звать папенькой и не цѣловалъ больше въ руку, о невѣстѣ и свадьбѣ и не заикался. Однакожъ, встрѣчаясь съ нимъ, жалъ всегда руку и просилъ къ себѣ на чай, такъ что старый повытчикъ, не смотря на вѣчную неподвижность своего лица, всякій разъ встряхивалъ головой и произносилъ себѣ подъ носъ: „Надулъ, надулъ, чортовъ сынъ!"

Это былъ самый трудный порогъ, черезъ который переступилъ герой нашъ. Съ этихъ поръ пошло легче и успѣшнѣй[6]. Всѣ невольно обратили на него вниманіе[7]. (Въ самомъ дѣлѣ) Такой искательности (пріятности въ обращеніи), знанья (умѣнія) въ обращеніи со всякимъ ни въ комъ не было видимо. Все соединилось вмѣстѣ — и пріятность въ лицѣ и въ поступкахъ, и способность въ дѣловыхъ дѣлахъ. Въ непродолжительное время (онъ выискалъ себѣ = досталъ) очутилось у него то, что называютъ наживное мѣстечко, и воспользовался онъ имъ[8] отличнымъ образомъ. Нужно знать, что тогда объявлены, начались преслѣдованья взятковъ (sic!). Но этого онъ ничуть не смутился, напротивъ (даже) поворотилъ тотъ же часъ ихъ въ свою пользу и выказалъ такимъ [образомъ][9] въ полной формѣ русскую изобрѣтательность, которая и является именно во время всякихъ прижимокъ[10]. (Если проситель) Являлся проситель и засовывалъ руку въ карманъ, съ тѣмъ,

---

[1] Прежде было написано: «наконецъ подался самый непреклонный повытчикъ». [2] Прежде было написано: «какъ». [3] Слова: «черезъ нѣсколько времени» написаны сверху зачеркнутаго: «въ непродолжительномъ». [4] Слово «минуту» въ рукописи пропущено. [5] Точки на мѣстѣ пропущеннаго авторомъ слова. [6] Прежде было написано: «Съ этихъ поръ все было легче и пошло успѣшнѣй. [7] Прежде было написано: «Никакъ нельзя было, чтобы не обратить на него вниманія». [8] Прежде было написано: «которымъ онъ воспользовался». [9] Слово «образомъ» пропущено. [10] Прежде было: «изобрѣтательность, во время прижимокъ оказывающуюся».

чтобы вынуть оттуда извѣстныя рекомендательныя письма за подписью князя Хованскаго, какъ выражаются (остряки) на Руси. „Нѣтъ, нѣтъ!“ говорилъ онъ ту жъ минуту, придерживая.........[1] ему и съ пріятной улыбкой: „Вы думаете, что я... Нѣтъ, нѣтъ: это нашъ долгъ, наша обязанность. Мы должны это сдѣлать безъ всякихъ вознагражденій. (Ничего) Въ этомъ будьте покойны: завтра же всё будетъ сдѣлано. Позвольте узнать вашу квартиру — вамъ и заботиться не нужно: все будетъ принесено къ вамъ на домъ“. Очарованный проситель возвращался чуть не въ восторгѣ домой, думая въ себѣ: „Вотъ наконецъ человѣкъ, какихъ нужно. Это просто драгоцѣнный алмазъ“. Но ждетъ онъ день, другой — не приносятъ дѣла на домъ, на третій — тоже. Онъ въ канцелярію — дѣло и не начиналось. Онъ къ.......[2]. „Ахъ, извините“, говорилъ Чичиковъ, учтиво ухвативъ его за обѣ руки: „у насъ столько было дѣлъ, но завтра же все будетъ готово“. И все это сопровождалось движеньями обворожительными. Если при этомъ распахива..........[3] Но ни завтра, ни послѣ завтра не несутъ дѣла. Проситель берется.........[4] узнать. Говорятъ: „нужно дать писарямъ“.—„Почему жъ не дать? я готовъ — четвертакъ, другой“. — „Нѣтъ, не четвертакъ, а по бѣленькой“. — „По бѣленькой писарямъ!“ вскрикиваетъ проситель. „Да чего вы горячитесь?“ отвѣчаютъ: „оно такъ выйдетъ: писарямъ и достанется по четвертаку, а остальное пойдетъ по начальству“. Бьетъ себя по лбу недогадливый проситель и бранитъ, на чемъ свѣтъ стоитъ, новый порядокъ, преслѣдованье взятковъ[5], вѣжливый, облагороженный тонъ нынѣшнихъ чиновниковъ: „Прежде было знаешь: принесъ правителю дѣлъ красную, да и дѣло, а теперь по бѣленькой, да еще недѣлю провозишься, пока догадаешься. Чортъ бы побралъ вѣжливое и безкорыстное обращеніе Чичикова!“

(Такъ) Конечно, проситель правъ. Но зато теперь нѣтъ взяточниковъ: всѣ правители честнѣйшіе и благороднѣйшіе люди, секретари (только) мошенники. Скоро представилось Чичикову новое поле: образовалась коммиссія для построенія очень капитальнаго казеннаго строенія. Въ эту коммиссію пристроился тотъ же часъ Чичиковъ и оказался однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ. Коммиссія

---

[1],[4] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [2] Указаніе на фразу прежней редакціи. [3] Оставлено мѣсто для окончанія. Въ заграничной рукописи: «если распахивалась какъ-нибудь пола халата, то рука въ ту же минуту поспѣшно придерживала ее». Ср. выше 4-ю выноску на стр. 423. [5] Такъ постоянно пишетъ Гоголь.

тотъ же часъ принялась за дѣло, возилась, возилась, шесть лѣтъ возилась; но климатъ ли мѣшалъ, или матеріалъ былъ такой, только никакъ казенное зданіе не пошло[1] дальше фундамента; а между тѣмъ у каждаго изъ членовъ очутилось по красивому дому гражданской архитектуры въ разныхъ концахъ города: видно, (былъ тамъ) грунтъ земли въ тѣхъ мѣстахъ былъ лучше. Многіе изъ членовъ начали уже заводиться семействами. Чичиковъ завелся рысаками. Оказалось (множество прихотей; оказалось, что любилъ и покушать), что онъ вовсе[2] не чуждъ былъ наслажденій, что былъ охотникъ и покушать, и даже покутить и поиграть, хоть отъ всего этого удержался въ молодые годы, благодаря[3] непостижимой власти характера и воли, рѣшившись на[4] пожертвованья и на ограниченія, чтобы достигнуть вѣрнѣе искомой возможности[5]. Чиновники начинали уже благоденствовать и многіе заводили семейство, какъ вдругъ, будто снѣгъ на голову, присланъ былъ новый начальникъ на мѣсто стараго, которому дали названье тюфяка.

Новый начальникъ былъ человѣкъ военный, строгій, прямодушный въ душѣ, врагъ взяточниковъ и всего, что зовется на свѣтѣ неправдой. Пугнулъ тотъ же часъ всѣхъ, потребовалъ отчеты, увидѣлъ недочеты недостающіе на всякомъ шагу, замѣтилъ въ ту же минуту дома красивой гражданской архитектуры — и пошла переборка. (Чиновники) Члены попали подъ судъ; дома поступили въ казну и обращены были на богоугодныя заведенія и школы для кантонистовъ. Надъ чиновниками тутъ же произведено было слѣдствіе по всей строгости законовъ; все было распушено. Чиновники были отставлены[6] съ предписаніемъ не принимать ни въ какую службу, и несчастіе, — почему, Богъ знаетъ, — обрушилось болѣе всего на Чичиковѣ. Не понравилась ли его физіогномія, или что другое, Богъ вѣдаетъ, словомъ — все было страшно и всему задана была....[7]. Но вообще на всѣхъ былъ наведенъ страхъ необыкновенный, все было распушено. Но такъ какъ[8] начальникъ все-таки былъ военный, гражданскихъ

---

[1] Прежде было написано: «Только никакимъ образомъ не пошло казенное зданіе». [2] Въ рукописи: «все». [3] Прежде было написано: «хоть отъ всего этого удержался необыкновенной властію характера и воли». [4] Слово «на» въ рукописи пропущено. [5] Прежде было написано: «рѣшившись на самоотверженіе невозможное съ тѣмъ, чтобы вѣрнѣй и скорѣе достигнуть возможности». [6] Въ рукописи: «оставлены». Сверху приписаны два слова; кажется: «отъ власти». [7] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [8] Въ рукописи: «Но такъ».

всѣхъ продѣлокъ не вѣдалъ, то въ скоромъ времени вошли[1] къ нему въ милость новые чиновники, въ мигъ постигшіе его характеръ. Все, что ни было подъ его начальствомъ, сдѣлалось вдругъ страшными гонителями неправды. Вездѣ, во всѣхъ углахъ, преслѣдовали, какъ рыбаки[2], они неправды и преслѣдовали съ такимъ успѣхомъ, что у иныхъ оказалось по нѣскольку[3] десятковъ тысячъ капиталу. Генералъ радовался, что выбралъ наконецъ чиновниковъ, какъ слѣдуетъ, хвастался прозорливостью и тонкимъ умѣньемъ различать людей. Въ это время обратились на путь истины многіе даже изъ прежнихъ чиновниковъ и были приняты въ службу. Но Чичиковъ никакъ не могъ попасть, какъ ни старался за него умный и ловкій секретарь, постигшій (въ одну минуту) въ мигъ водить за носъ правдиваго генерала, но ничего не могъ сдѣлать. У генерала были такіе предметы, которые, какъ гвоздь, засѣдали и ужъ никакими силами нельзя было оттуда ихъ вытеребить. Все, что можно было сдѣлать для Чичикова при всѣхъ задабриваньяхъ, было уничтоженіе замараннаго послужнаго и то ужъ было сдѣлано какъ бы изъ уваженія къ несчастному семейству Чичикова, котораго къ счастью у него не было.

„Ну, что жъ, (зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай“) сказалъ нашъ герой, встряхнувшись, какъ пудель, котораго облили водою: „зацѣпилъ, поволокъ, сорвалось — не спрашивай. Не плакать же: этимъ рубля не добудешь, (нужно дѣло дѣлать) этимъ горю не пособишь“. И вотъ онъ вновь началъ (дѣло) съ начала карьеръ; вновь вооружился терпѣньемъ (желѣзнымъ), вновь ограничилъ себя во всемъ[4], какъ ни распустился было прежде; вновь началъ вести бѣдную жизнь, отказывая себѣ въ малѣйшей бездѣлицѣ.........[5] неудачно клеилось дѣло. (Нѣсколько мѣстъ ужъ перемѣнилъ, видя, что). Съ трудомъ опредѣлился куды-[то] и долженъ былъ опять неремѣнить. Хотя, казалось, онъ былъ довольно твердъ духомъ, но все однакожъ эти несчастія имѣли на него вліяніе: онъ похудѣлъ. То было уже пріобрѣталъ тѣ полныя и хорошія формы, въ какихъ читатель его нашелъ нынѣ при заключеніи съ нимъ знакомства, и не разъ, поглядывая въ зеркало, онъ уже подумывалъ бывало о многомъ пріятномъ: о бабенкѣ, о дѣтской.

[1] Сверху этого незачеркнутаго слова приписано: «стали». [2] Прежде было написано: «преслѣдовали они съ рвеньемъ необыкновеннымъ. До того преслѣдовали, что у каждаго». [3] Въ рукописи: «по нѣсколько». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «облекся...» [5] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ.

Но теперь, какъ взглянулъ онъ на себя въ зеркало, не вытерпѣлъ не сказать: „Пресвятая Мать! какой же я сталъ гадкой!“ Но нужно было крѣпиться духомъ, и Чичиковъ бодро все сносилъ[1], сносилъ сильно и перешелъ наконецъ въ таможенную службу. Нужно знать, что эта служба давно составляла тайный предметъ его желаній. Онъ видѣлъ, какими (славными) заграничными вещицами заводились господа таможенные и какіе фарфоры и батисты пересылали кумышкамъ и сестрамъ. Не разъ говорилъ онъ со вздохомъ: „Вотъ бы куда перебраться! И граница близко, и просвѣщенные люди. А какими тончайшими рубашками мо....[2] Надобно замѣтить, что герой нашъ — большой любитель чистоты и опрятности и высоко уважалъ особенный сортъ французскаго мыла[3], — названія котораго не припомнимъ, — который сообщалъ необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть и который на границѣ очень легко было достать. Итакъ, онъ давно бы перешелъ въ таможню, но тогда (были другія) отвлекали выгоды по строительной коммиссіи, и онъ судилъ справедливо, что коммиссія все-таки была уже синица въ рукахъ, а таможня — журавль въ небѣ. Теперь же онъ рѣшился, во что бы ни стало, добраться до таможни — и добрался“.

Набрасывая эту новую редакцію разсказа о первой эпохѣ жизни Чичикова, авторъ имѣлъ передъ глазами прежнее изложеніе того же эпизода и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ только-что приведеннаго наброска оставлялъ пустыя мѣста для вставки на оныя нѣсколькихъ строкъ стараго текста. Въ наброскѣ мы имѣемъ дѣло съ новымъ изложеніемъ сюжета еще въ первичной, необработанной формѣ: нѣкоторыя предложенія не развиты, иныя фразы не кончены. Сохранилось небольшое дополненіе къ этому новому изложенію начальныхъ лѣтъ жизни Чичикова. Это дополненіе набросано на третьей страницѣ листка почтовой бумаги, о которомъ было сказано выше. Дополнительный набросокъ состоитъ въ слѣдующемъ: „Чиновники стали благоденствовать, и Чичиковъ............[4] по малу, сталъ наконецъ

---

[1] Прежде было написано: «Чичиковъ перенесъ бодро и перешелъ». [2] Эта фраза, приписанная сверху строки, не кончена. Она написана надъ зачеркнутыми строками: «Кромѣ главныхъ доходовъ ему приходили очень часто на мысль тонкія голландскія рубашки [онъ очень любилъ чистоту] и особенный сортъ французскаго мыла, сообщавшій необыкновенную бѣлизну кожѣ и свѣжесть щекамъ».
[3] Прежде было написано: «и давалъ большую цѣну особенному французскому мылу».
[4] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова.

развертываться и свергать съ себя иго поста и воздержанія и ограниченія, въ узахъ которыя онъ строго.......[1] Оказалось........ наконецъ мало по малу...........[2], что онъ вовсе былъ не чуждъ разныхъ маленькихъ наслажденій жизни и воздерживался только силою необыкновеннаго характера, умѣвшаго отказывать себѣ въ нихъ въ лѣта пылкія. Ужъ въ домѣ его явились, хотя скромно, кое-какія излишества; уже завелъ онъ повара; уже тонкія рубашки голландскія; уже на фракъ себѣ онъ купилъ сукно, какого не носила вся губернія, и съ этихъ поръ сталъ держаться болѣе коричневыхъ цвѣтовъ съ искрой. Уже по утрамъ[3] сталъ вытираться мокрою губкою, окунутою въ воду, смѣшанную съ одеколономъ, и покупалось довольно недешево мыло для сообщенія гладкости кожѣ. Уже оказалось, что нервы въ немъ были[4] гораздо чувствительнѣе[5]...............[6] Уже проѣзжался онъ на парѣ добрыхъ коней, и самъ придерживалъ возжу, заставляя виться пристяжную кольцомъ, какъ вдругъ...".— Существовали, конечно, и другіе недошедшіе до насъ наброски, дополнявшіе или исправлявшіе вновь написанный въ Москвѣ эпизодъ о школьномъ ученіи и первыхъ служебныхъ поприщахъ Чичикова. Такъ, разсказъ о посѣщеніи умниками и острякáми умирающаго отставнаго учителя ихъ, былъ сперва сокращенъ и смягченъ и тогда уже отданъ для переписки набѣло, вмѣстѣ съ переработаннымъ и дополненнымъ изложеніемъ всего вновь редижированнаго въ Москвѣ эпизода. Въ первой московской копіи этотъ разсказъ является уже въ такомъ видѣ: „иные даже продали только что сдѣланное платье и отправились къ Чичикову въ твердой увѣренности получить отъ него болѣе, чѣмъ отъ другихъ, какъ отъ человѣка, больше всѣхъ обязаннаго учителю и притомъ имѣющему въ наличности тысячу рублей, о которой пронюхали вдругъ; но обманулись, однакоже, въ надеждѣ. Чичиковъ отговорился неимѣніемъ и предложилъ самую малость — пятакъ серебра или что-то въ этомъ родѣ; товарищи бросили ему въ глаза, сказавши: „Эхъ ты!" и отправились къ бѣдному педагогу, котораго нашли на соломѣ — высохшаго, страшнаго, судорожно встрепенувшагося при ихъ видѣ и отворотившаго голову. „Вотъ вамъ",

[1] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова, написаннаго сверху строки. [2] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [3] Слова: «по утрамъ», написаны сверху незачеркнутыхъ словъ, нами неразобранныхъ. [4] Прежде было написано: «сдѣлались». [5] Въ рукописи: «чувство». [6] Точки на мѣстѣ двухъ словъ, неразборчиво написанныхъ; кажется: «всякой институтки».

сказали они: „все, что могли собрать. Дали бы больше, но больше нѣтъ у насъ. Одинъ изъ насъ только не далъ ничего и отказался притти навѣстить васъ.... вашъ Павлуша“. Закрылъ лицо руками бѣдный учитель; слезы градомъ полились изъ потухнувшихъ очей, какъ у безсильнаго дитяти. Собравъ всю силу голоса, пріобрѣвшаго потрясающее выраженіе, онъ произнесъ: „При смерти, на одрѣ довелось заплакать отъ радости“. Потомъ тяжело вздохнулъ, прибавивъ тихимъ, умирающимъ голосомъ: „Эхъ, Павлуша“, и т. д. Съ новыми поправками и дополненіями, слитый съ прежнимъ текстомъ и новыми набросками, обработанный въ стилистическомъ отношеніи, отданъ былъ написанный въ Москвѣ эпизодъ XI главы для переписки набѣло. Къ этому же періоду работы относимъ мы и всѣ другія дополненія и поправки къ тексту дальнѣйшей исторіи Чичикова, написанныя въ заграничной рукописи сверху строкъ *тѣмъ же почеркомъ и чернилами,* какъ и приведенный набросокъ начальныхъ страницъ той же исторіи. Не имѣемъ, впрочемъ, другихъ данныхъ для подтвержденія нашего предположенія. Къ послѣдней же главѣ относится слѣдующій небольшой набросокъ на лоскуткѣ желтой бумаги[1]: „Что ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣло въ хозяйствѣ идетъ скверно“, говоритъ помѣщикъ прикащику. „Я, братъ, знаю это безъ тебя. Дай мнѣ по крайней мѣрѣ позабыться: я тогда счастливъ: я не слышу это“. И вотъ деньги, которыя (хоть сколько-нибудь, можетъ быть) которыя бы поправили хоть сколько-нибудь, идутъ на разныя средства для приведенія себя въ забвеніе. Спитъ умъ, можетъ быть, обрѣвшій бы (вдругъ стр ключь иныхъ) родникъ великихъ средствъ. А тамъ бухъ имѣнье съ аукціона, и пошелъ п “. Этотъ набросокъ, въ исправленномъ видѣ, переписанъ на 377-ю страницу заграничной рукописи, сверху строкъ, взамѣнъ *прежней* незачеркнутой поправки, такъ же написанной сверху строкъ и на правомъ полѣ страницы. Конечно это обстоятельство и заставило Гоголя набросать новую черновую передѣлку этихъ строкъ на отдѣльномъ лоскуткѣ бумаги.

Наконецъ въ Москвѣ, въ первый періодъ работы, поэтъ совер-

---

[1]) Сверху лоскутка набросано: (всякихъ вещей) тобра (т. е. добра), созданнаго модою. (Возьмемъ) которой, мудрымъ дѣломъ богатый и обширно развитый (19 вѣкъ) нашъ умный девятнац... (Благодѣт. Чудное счастье! доставленное (нанесенное) имъ человѣку), подарившій человѣчество такимъ счастіемъ въ награду его трудныхъ и бѣдственныхъ странствій».

шенно передѣлалъ другой эпизодъ послѣдней главы — о Кифѣ Мокіевичѣ и Мокіѣ Кифовичѣ. Въ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ“ первый носилъ имя — Пистъ Пистовичъ, второй назывался — Ѳеопистъ Пистовичъ. Въ первой московской передѣлкѣ они получили другія имена. Сохранившійся черновой набросокъ новой редакціи страницъ, относящихся къ этому эпизоду, написанъ на полулистѣ *сѣрой* писчей бумаги. Набросокъ представляетъ *три* поправки къ *тремъ отдѣльнымъ мѣстамъ* заграничной рукописи. Поправки набросаны въ разное время, расположены не въ порядкѣ изложенія прежняго разсказа. Представляемъ набросокъ въ подлинномъ видѣ: „Одинъ былъ отецъ — Мокій Ивановичъ[1], человѣкъ (весьма=) довольно кроткій, проводившій жизнь болѣе халатнымъ образомъ. На хозяйственныя дѣла (и собств) онъ немного обращалъ.....[2] Вся жизнь обращена была въ умозрительную сторону. Ходя по комнатѣ, онъ задавалъ себѣ[3] вопросъ: „Вотъ, напримѣръ, звѣрь“, говорилъ онъ самъ себѣ: „(странно, почему) звѣрь родится нагишомъ. Почему жъ онъ (родится) нагишомъ? Почему не такъ, какъ птица? не изъ яйца? (Вѣдь яйцо можетъ быть и большое. Любопытный вопросъ, право! Ну, вотъ найдется много въ натурѣ вещей, совершенно непостижимыхъ. Право, въ натурѣ вещи совсѣмъ, совсѣмъ непостижимы; таки вотъ просто — непостижимы.) Какъ, право, непостижимо! Совсѣмъ не поймешь натуры, какъ больше въ нее углубишься!“ — Другой, Иванъ Мокіевичъ, былъ то, что̀ называютъ на Руси — богатырь. И въ то время, когда отецъ занимался (вопросомъ о) рожденіемъ звѣря, двадцатилѣтняя плечистая натура такъ и стремилась развернуться, и онъ ни за что не (умѣлъ=) могъ взяться легко: все или рука у кого-нибудь, или волдырь. Въ домѣ все, отъ дворовой дѣвки до дворовой собаки, бѣжало, его завидѣвъ; въ спальнѣ своей онъ даже собственную кровать изломалъ. — „Помилуй, батюшка, Мокій Ивановичъ“, говорила вся дворня, его и сосѣдняя: „что это у тебя Иванъ Мокіевичъ? Никому покоя нѣтъ — такой притерпѣнь!“ — „Да“, говорилъ Ивановичъ, выведенный изъ своего дѣльнаго размышленія: „(хорошо) я и самъ вижу, что Иванъ Мокіевичъ шаловливъ. Не знаю, право, какъ съ нимъ быть. Наединѣ (меня) онъ не послушаетъ; а есть средство: человѣкъ онъ честолюбивый — укори его при другомъ,

---

[1] Прежде было: «Павловичъ». [2] Не дописано. [3] Сверху строки: «и занята была слѣдующимъ».

третьемъ, онъ уймется. Да вѣдь какъ же это сдѣлать? Нельзя. Скажи я, а весь городъ-то что̀ заговоритъ? Вѣдь онъ и такъ ужъ нехорошаго объ немъ мнѣнія, а Иванъ Мокіевичъ все-таки моя кровь[1]. (Ужъ лучше, говоритъ, что узна). Если я самъ заговорю о немъ худо, такъ что жъ другіе? Они подумаютъ еще хуже. Нѣтъ, ужъ [пусть][2] его такъ остается, авось выйдетъ не совсѣмъ собака. Да и...."[3]. И довольный такимъ рѣшеніемъ, отецъ говорилъ: „Ну, если бы слонъ родился въ яйцѣ, вѣдь скорлупа, чай, очень бы толста — пушкой не прошибешь, нужно другое выдумать огнестрѣльное орудіе". — Такъ протекала...[4]

„Что, видно', они думаютъ, что я не отецъ. Я отецъ (у меня вотъ тутъ). Даромъ, что я занятъ и тѣмъ и другимъ, и самому некогда[5], но у меня Иванъ Мокіевичъ сидитъ вонъ тутъ — въ сердцѣ!" И оставался Иванъ Мокіевичъ продолжать свои богатырскіе подвиги. Обращикъ Мокіевича — Лазаревичъ......[6]

Еще будетъ обвиненіе на автора со стороны такъ называемыхъ патріотовъ. Есть родъ патріотовъ, которые спокойно себѣ сидятъ по угламъ, занимаясь копленіемъ капитальца, и спокойно занимаются упроченьемъ собственной судьбы на щотъ другихъ. Но если что-нибудь произойдетъ, по мнѣнію ихъ, оскорбительное для отечества, они выбѣгутъ вдругъ на свѣтъ, какъ пауки, завидѣвшіе, что шевелится муха, вдругъ окажутся[7] и будутъ говорить: „Помилуйте, (вѣдь это) зачѣмъ все это выводить на свѣтъ и провозглашать это? Вѣдь, что̀ написано [въ][8] этой книгѣ, все наше. Хорошо ли это? А что̀ скажутъ иностранцы? Вѣдь они и безъ того о насъ нехорошаго мнѣнія, а (тутъ) что жъ они подумаютъ теперь, когда свои да еще вотъ какъ заговорили? Ну, признаюсь, противъ такого мудраго обвиненія не найдешься, какъ и отвѣчать. Придется, видно, вмѣсто всякаго отвѣта привести въ примѣръ двухъ обитателей одного отдаленнаго уголка || и оставилъ.... || При этомъ Потапъ Мокіевичъ билъ себя весьма сильно кулакомъ въ грудь. „Нѣтъ, ужъ по крайней мѣрѣ изъ моихъ-то устъ объ этомъ никто не услышитъ. Ужъ пусть лучше (онъ себѣ тихомолкомъ) остается собакой, да остается

[1] Фраза: «А Иванъ Мокіевичъ все-таки моя кровь», написана сверху полузачеркнутой прежней: «А (все-таки) вѣдь это мое дѣтѣ (sic!), (мнѣ) моя кровь». [2] Слово «пусть» въ рукописи пропущено. [3] Не дописано. [4] Оставлено пустое мѣсто для окончанія фразы. [5] Прежде было написано: «даромъ, что я занимаюсь предметомъ умозрительнымъ». [6] Т. е. Еруcланъ Лазаревичъ. Послѣ этого не разобрано нѣсколько словъ, приписанныхъ сверху строки. [7] Въ рукописи: «окажотся». [8] Слово «въ» въ наброскѣ пропущено.

тихомолкомъ. Да какъ будто нѣтъ хуже, что ли? У Степана Прохорыча похуже сынишка". Этотъ черновой набросокъ былъ приведенъ въ порядокъ: твердо установлены новыя имена обитателей (Мокія Кифовича и Кифы Мокіевича), изложеніе распространено, и отрывокъ переписанъ набѣло въ такомъ видѣ: „Они и безъ того о насъ нехорошаго мнѣнія. Чтó же скажутъ теперь, когда увидятъ, что свои заговорили вотъ какъ? Да будто въ самомъ дѣлѣ мы одни такіе? Вѣдь и получше насъ есть, и прочее"...... Другаго не остается сдѣлать, какъ развѣ только привести жизнь двухъ обитателей одного отдаленнаго уголка Россіи......... „Да, Мокій Кифовичъ шаловливъ", говорилъ обыкновенно на это отецъ: „да вѣдь какъ быть? развѣ пристыдишь его. Конечно, человѣкъ онъ честолюбивый: укори его при другомъ, третьемъ — онъ уймется; да вѣдь городъ-то, городъ-то чтò скажетъ? Теперь онъ его назоветъ совсѣмъ собакой. И безъ того колютъ мнѣ глаза. Что, право, въ самомъ дѣлѣ они думаютъ, что вотъ я занимаюсь философіей......... Нѣтъ, я отецъ! У меня Мокій Кифовичъ вотъ тутъ сидитъ, въ сердцѣ!" При этомъ Кифа Мокіевичъ весь измѣнялся и билъ себя очень сильно въ грудь. „Ужъ если онъ и останется собакой, такъ я по крайней мѣрѣ его не выдамъ; ужъ отъ меня-то этого никто не узнаетъ. Да впрочемъ есть и похуже его: у перваго Степана Прохоровича похуже сынишка". Такъ говорилъ истинный отецъ и, показавъ отеческое чувство, оставлялъ Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги...... Такъ протекала жизнь двухъ обитателей, уже полезная потому, что прислужилась отвѣтомъ на обвиненіе, которое, вѣроятно, будетъ со стороны нѣкоторыхъ горячихъ патріотовъ, до времени весьма покойно занимающихся кое-какими приращеніями" и т. д. Къ первому періоду работы относится и совершенная передѣлка той редакціи „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ", которая въ заграничную рукопись поэмы вписана была П. В. Анненковымъ. Подробныя объясненія этой передѣлки помѣщены ниже, въ примѣчаніяхъ къ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ".

Кромѣ указанныхъ передѣлокъ и дополненій, набросанныхъ начерно на отдѣльныхъ листкахъ и лоскуткахъ бумаги, къ тому же первому періоду московскихъ работъ надъ поэмою относится новая редакція разсказа о томъ, какъ Чичиковъ совершилъ купчія крѣпости на купленныя имъ мертвыя души. Эта редакція заслуживаетъ особеннаго вниманія съ формальной стороны, представляя

неопровержимое доказательство того, что первая копія съ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ“ сдѣлана въ Москвѣ. Черноваго наброска новой редакціи означеннаго разсказа не сохранилось въ бумагахъ автора; она уцѣлѣла въ спискѣ, уже переписанномъ набѣло, и притомъ не рукою какого-либо изъ писцовъ, а рукою *того же самаго лица, которымъ переписана набѣло послѣдняя редакція „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“*, выработанная въ Москвѣ въ началѣ апрѣля 1842 года взамѣнъ той, которая вошла въ составъ цензурной рукописи и не была разрѣшена къ напечатанію цензоромъ Никитенкою. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что и новая редакція разсказа о совершеніи Чичиковымъ купчихъ также *переписана набѣло въ Москвѣ*. Потомъ она была списана *безъ перемѣнъ* рукою писца въ первую копію „М.Д.“ (**ДП**), которая оказывается такимъ образомъ списанною *въ Москвѣ* съ заграничной рукописи, *исправленной и дополненной*. Дополненія и поправки къ тексту заграничной рукописи, внесенныя въ эту копію, выработаны также въ Москвѣ, потому-то черновые наброски этихъ дополненій и исправленій написаны на бумагѣ *русской* фабрики. Изъ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ“ вырѣзаны были переписанныя П. В. Анненковымъ страницы 213—218, т. е. *три четвертки* и на мѣсто ихъ вставлено *восемь четвертокъ;* послѣднія и остались незанумерованными. Изъ этихъ восьми вставочныхъ четвертокъ исписано было только шесть, двѣ же послѣднія, оставшіяся пустыми, были отрѣзаны, такъ что въ заграничной рукописи отъ нихъ остались лишь двѣ узкія полосы въ корнѣ переплета. На послѣдней страницѣ шестой четвертки помѣщено только четыре строки текста, печатаемыя здѣсь курсивомъ: „Даже предсѣдатель далъ приказаніе изъ *пошлинныхъ денегъ взять съ него только половину, а другая отнесена была на счетъ какого-то другаго просителя. (Какъ это дѣлается, неизвѣстно; но извѣстно то, что для дружбы много дѣлается на этомъ свѣтѣ)*“.

Три вырѣзанныя изъ заграничной рукописи четвертки, содержавшія первоначальный текстъ эпизода, не сохранились; но измѣненія и дополненія, внесенныя въ этотъ эпизодъ въ Москвѣ, могутъ быть опредѣлены сличеніемъ вновь выработанной его редакціи: 1) съ прежнимъ текстомъ, занесеннымъ въ *первую полную* редакцію „Мертвыхъ Душъ“ (**ИПБ**) и 2) съ текстомъ, уцѣлѣвшимъ въ отрывкахъ въ заграничной рукописи (**НР**). Страница 212-я послѣдней рукописи, предшествующая вклееннымъ шести четверткамъ,

оканчивается слѣдующими зачеркнутыми строками: „Одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившихся, который съ такимъ усердіемъ приносилъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что и получилъ въ свое....“ Въ рукописи „Мертвыхъ Душъ“, поступившей изъ бумагъ А. А. Иванова въ Императорскую Публичную Библіотеку и заключающей въ себѣ первую полную редакцію поэмы (именно непосредственно предшествующую заграничной рукописи), это мѣсто читается такъ: „Одинъ изъ священнодѣйствующихъ, тутъ же находившійся, который съ такимъ усердіемъ приносилъ жертвы Ѳемидѣ, что оба рукава лопнули на локтяхъ и давно лѣзла оттуда подкладка, за что и получилъ въ свое время коллежскаго регистратора, прислужился нашимъ пріятелямъ такимъ же образомъ, какимъ нѣкогда Виргилій Данту и провелъ ихъ наконецъ въ главную комнату присутствія, гдѣ стояли одни только широкія кресла и въ нихъ, передъ столомъ съ зерцаломъ и двумя толстыми книгами, сидѣлъ одинъ, какъ солнце, предсѣдатель.“ Первая вставочная четвертка начинается словами: „Чичиковъ и Маниловъ подошли къ первому столу“ (ср. выше, стр. 139). Изъ этого видно, что первая половина разсказа распространена введеніемъ новаго дѣйствующаго лица — Ивана Антоновича, кувшинное рыло. Это лицо поэмы обязано своимъ происхожденіемъ — Москвѣ. Страница 219-я заграничной рукописи, непосредственно слѣдующая за послѣднею изъ вклеенныхъ четвертокъ, начинается зачеркнутыми строками стараго текста, написаннаго рукою Анненкова: „продолжалъ уже вслухъ и подошедши къ окну: „сегодня нѣтъ дождя — хорошее время для посѣвовъ“. Въ первой полной редакціи „Мертвыхъ Душъ“ это мѣсто имѣло такой видъ: „А нѣтъ“, сказалъ Собакевичъ: „я не приписывалъ Елисаветы Воробей“. — „Да вѣть тамъ же стоитъ — я вамъ покажу“. — „А нѣтъ, не стоитъ“, отвѣчалъ Собакевичъ: „нѣтъ, не стоитъ. А между какъ-нибудь, по ошибкѣ — это другое дѣло; по ошибкѣ, такъ противъ этого и спорить нельзя, ибо человѣкъ такъ созданъ, чтобы ошибаться. Сегодня нѣтъ дождя“, продолжалъ онъ уже вслухъ и подошедши къ окну: „хорошее время для посѣвовъ“. Означенное мѣсто Гоголь началъ передѣлывать уже въ заграничной рукописи. Въ началѣ 219-й страницы надъ вышеприведенными строками текста, написаннаго Анненковымъ, поэтъ собственноручно приписалъ: „онъ подошелъ къ окну и сказалъ уже вслухъ: „Вотъ хорошее время для

посѣвовъ". Но этою передѣлкою Гоголь не былъ доволенъ. Новая редакція этого мѣста была набросана на четверткѣ сѣрой бумаги, когда заграничная рукопись поэмы уже была переписана набѣло въ первую московскую копію (ср. выше, стр. 442).

Дополнивши и исправивши такимъ образомъ текстъ послѣднихъ главъ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ", Гоголь отдалъ переписывать ихъ набѣло. Полная копія сдѣлана была *двумя* писцами на желтой писчей бумагѣ съ клеймомъ: „Невской фаб. С. П."; въ срединѣ клейма буквы: „Г и Е". Повидимому, копія назначалась для личнаго употребленія автора; на это указываютъ: низкій сортъ бумаги, широкія поля, особенно во второй половинѣ рукописи, малограмотность писца, которымъ переписана первая часть поэмы. Полагаемъ, что по этой-то рукописи Гоголь читалъ послѣднія главы своей поэмы Погодину и Аксаковымъ, прежде чѣмъ заказать для цензуры новую копію „Мертвыхъ Душъ". Къ этой рукописи и относится разсказъ С. Т. Аксакова[1]. „Покуда переписывались первыя шесть главъ „Мертвыхъ Душъ" (передаетъ онъ), Гоголь прочелъ мнѣ, моему сыну Константину и М. П. Погодину остальныя пять главъ. Онъ читалъ ихъ у себя на квартирѣ, т. е. въ домѣ Погодина, и ни за что не согласился, чтобъ кто-нибудь слышалъ ихъ, кромѣ насъ троихъ. Онъ требовалъ отъ насъ критическихъ замѣчаній. Я не могъ ихъ дѣлать (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ) и сказалъ Гоголю, что, слушая „Мертвыя Души" въ первый разъ, никакой въ свѣтѣ критикъ, если только онъ способенъ принимать поэтическія впечатлѣнія, не въ состояніи будетъ замѣчать недостатковъ его поэмы; — что, если онъ хочетъ моихъ замѣчаній, то пусть дастъ мнѣ чисто переписанную рукопись въ руки, чтобъ я на свободѣ прочелъ ее, и, можетъ быть, не одинъ разъ. Тогда дѣло другое. Но Гоголь не могъ этого сдѣлать: рукопись поспѣшно переписывалась и немедленно была отослана въ цензуру"[2]. Поэтъ впрочемъ внимательно слѣдилъ за отраженіемъ впечатлѣній на лицахъ своихъ слушателей и старался разгадать ихъ необнаруженный смыслъ.

---

[1] Эта рукопись впослѣдствіи поступила въ Древлехранилище Погодина и въ настоящее время находится въ Императорской Публичной Библіотекѣ, куда поступило это «Древлехранилище». Описаніе этой рукописи будетъ помѣщено въ шестомъ томѣ настоящаго изданія, гдѣ предположено изложить исторію выработки «Мертвыхъ Душъ» съ самаго начала включительно до предпослѣдней редакціи этого произведенія, заключающейся въ Погодинской рукописи. [2] Записки о жизни Гоголя I, 287.

Впослѣдствіи онъ признавался С. Т. Аксакову: „То, что я увидѣлъ въ замѣчаніи ихъ (слушателей), въ самомъ молчаніи и въ легкомъ движеньи недоумѣнья, ненарокомъ и мелькомъ проскальзывающаго по лицамъ, то принесло мнѣ *уже на другой день* пользу, хотя бы оно принесло мнѣ несравненно большую пользу, если бы застѣнчивость не помѣшала каждому разсказать вполнѣ характеръ своего впечатлѣнья“[1]. И вотъ Гоголь началъ снова поправлять отдѣльныя мѣста и передѣлывать цѣлыя страницы „Мертвыхъ Душъ“: начался *второй* періодъ работы. Только-что переписанная для автора рукопись „Мертвыхъ Душъ“ стала покрываться приписками, поправками, которыя дѣлались не въ одинъ пріемъ то карандашомъ, то чернилами. Первыя шесть главъ поэмы были оставлены безъ всякихъ редакціонныхъ измѣненій, но зато они запестрѣли мелкими стилистическими поправками. Послѣднія пять главъ подверглись, по мѣстамъ, усиленной переработкѣ — въ нѣсколько пріемовъ. Нѣкоторыя страницы послѣдней части рукописи, которыми не былъ доволенъ взыскательный глазъ автора, были передѣланы, другія дополнены. Вѣроятно, замѣчанія слушателей, впечатлѣнія, подсмотрѣнныя авторомъ на ихъ лицахъ, не остались безъ вліянія на передѣлки, произведенныя въ пяти послѣднихъ главахъ произведенія: Гоголь любилъ слушать замѣчанія *публики* и умѣлъ ими пользоваться[2]. Новыя версіи назначенныхъ къ переработкѣ мѣстъ сначала набрасывались на отдѣльныхъ листкахъ бумаги, потомъ подвергались отдѣлкѣ начисто и тогда уже заносились на страницы рукописи; изъ послѣдней нерѣдко вырѣзывались цѣлыя страницы и замѣнялись новыми. Такимъ образомъ получили новую редакцію: 1) начало и конецъ седьмой главы, 2) средина и конецъ восьмой, 3) начало и средина девятой, 4) „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“ и небольшой отрывокъ изъ десятой главы и 5) нѣкоторыя мѣста одиннадцатой.

1) Въ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ“ начало седьмой главы, собственноручно написанное Гоголемъ, имѣло такой видъ: „Хорошо послѣ скучной длинной дороги со всѣми неотлучными ея спутниками: холодами, слякотью, грязью, невыспавшимися станціонными смотрителями, бряканьями колокольчиковъ, подчинками, перебранками, ямщиками, кузнецами и всякаго рода

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 486—487. [2] Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 174, 188—189.

дорожними подлецами, — хорошо, когда послѣ всего этого мелькнетъ наконецъ знакомая крыша при потемнѣвшемъ воздухѣ съ несущимися навстрѣчу огоньками, и тѣ же знакомые комнаты предстанутъ, радостный крикъ выбѣжавшихъ на встрѣчу людей[1], шумъ и бѣготня дѣтей и тихія успокоительныя рѣчи, въ одинъ мигъ изгнавшія изъ памяти всю чорствую дорогу. Счастливъ тотъ, кто семьянинъ и кого цѣлью родная крыша, горе холостяку! — Счастливъ писатель, который мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка, на встрѣчу которыхъ летишь (почти) съ радостнымъ крикомъ, какъ будто къ роднымъ, какъ будто душа уже гдѣ-то встрѣтила въ минуты святыхъ отлученій своихъ отъ тѣла. Завидѣнъ удѣлъ его: сокрывъ печальное жизни, онъ показалъ человѣкамъ (почти) прекраснаго человѣка; онъ пробудилъ почти народный восторгъ; толпою влекутся молодые пылкіе души вслѣдъ за его торжественной колесницей; его имя произносится съ огнемъ въ очахъ; ему нѣтъ равнаго въ силѣ — онъ Богъ. Но иная судьба и другой удѣлъ писателя, посягнувшаго обнажить до глубины страшную мѣлочь въ жизни, дерзнувшаго выставить въ очи весь длинный рядъ холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша презрительно-горько-обыкновенная жизнь! Ему не собрать рукоплесканій, не видѣть благодарныхъ слезъ и признательнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться, уйдя[2] въ свои созданія отъ того, что̀ ежеминутно предъ очами[3], ему не убѣжать, *оклеветанному (и опозоренному)* молвою, отъ лицемѣрнаго и безчувственнаго всеобщаго суда[4], отнимущаго отъ него и сердце и душу, повергнущаго его въ рядъ (позорящихъ) оскорбляющихъ человѣчество писателей, придадущаго ему качества имъ же изображенныхъ героевъ. Сурово его поприще и горько чувствуетъ онъ свое одиночество. Но всему чередъ и время! Одно сѣется съ тѣмъ, чтобъ быть пожату нынѣ; другое сѣется съ тѣмъ, чтобъ быть по-

[1] Прежде было написано: «и тѣ же знакомые комнаты предстанутъ и тѣ же люди, выбѣжавшіе на встрѣчу, шумъ и...». [2] Слово «уйдя» написано сверху зачеркнутыхъ: «не сокрыться». [3] Прежде было написано: «не сокрыть въ свои созданія *то, что желалъ бы позабыть онъ*». [4] Прежде было написано: «отъ площаднаго позорнаго суда».

жату послѣ. И, можетъ быть, потомъ, когда много[1] лѣтъ промчится надъ міромъ, когда истлѣетъ и самый прахъ писавшаго сіи страницы[2], тѣже люди заговорятъ иначе, признаютъ и утвердятъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ мѣлкой-презрѣнной жизни и возвести ее въ перлъ созданья, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ души и что есть разница великая между нимъ и кривляньемъ балаганнаго скомороха. Почему знать, можетъ быть, сіи же низкія страницы предстанутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ и, можетъ быть, будущій поэтъ [о какая чудная награда!], смятенный, остановится передъ ними; грозная вьюга вдохновенья обовьетъ главу его, потекутъ одѣтые въ блистанье пѣсни[3] и[4] еще разъ освѣжатъ міръ".

Въ такомъ видѣ и переписано было начало седьмой главы въ *первую* сдѣланную въ Москвѣ копію „Мертвыхъ душъ". На страницы этой рукописи Гоголь началъ теперь наносить чернилами поправки и передѣлки. Первое слово главы замѣнено было словами: „*Счастливъ ѣздокъ, который*...". Сверху строкъ, кое-гдѣ зачеркнутыхъ, появились приписки, давшія тексту такой видъ: „*видитъ наконецъ знакомую крышу* при потемнѣвшемъ воздухѣ съ несущимися[5] на встрѣчу огоньками *и вдругъ (предстанутъ предъ нимъ) примутъ гостепріимно его тѣже знакомые* комнаты, радостный крикъ выбѣжавшихъ на встрѣчу людей, шумъ и бѣготня дѣтей, *и обнявшія его на шея* (sic!) *прекрасныя* ......[6], и такія (sic!) успокоительныя рѣчи, *прерываемыя новыми лобзаніями, при которыхъ все позабыто, что ни было. Есть у него уголъ, гдѣ онъ можетъ все позабыть отд*..."[7]. Ко второй половинѣ приведеннаго изъ заграничной рукописи отрывка относятся два наброска. Первый написанъ на второй страницѣ четвертки сѣрой писчей бумаги, которой предыдущая страница наполовину занята наброскомъ, относящимся къ 8-й главѣ („Отъ

---

[1] Слово «много» написано сверху зачеркнутаго: «нѣсколько». [2] Прежде было написано: «строки». [3] Прежде было написано: «и не слышныя пѣсни». [4] Слово «и» пропущено. [5] Сверху этого незачеркнутаго слова написано рукою Гоголя: «пріобщимъ сильно». [6] Точки поставлены нами на мѣстѣ пропущеннаго авторомъ слова. [7] Верхняя половина этого полулиста, вырѣзаннаго изъ первой копіи, вклеена передъ седьмою главою въ рукопись «Мертвыхъ Душъ», привезенную изъ-за границы.

такого предложенія" и т. д.). Второй набросокъ покрываетъ первую страницу листка почтовой бумаги, малаго in 8° формата. Первый набросокъ: „Счастливъ писатель, который мимо характеровъ противныхъ (ничтожныхъ), поражающихъ своею печальною дѣйствительностью, приближается къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство человѣка.......[1] изъ огромнаго мірскаго омута и ежедневно вращающихся образовъ........[2] нашу жизнь........[3] избралъ одни немногія, рѣдкія исключенья, уносящія далеко человѣка (отъ ежедневной жизни =) изъ его бѣдной жизни; кто не измѣнилъ ни разу возвышенный строй своей лиры[4] и (не опусти) не ниспускался съ вышины къ бѣднымъ, ничтожнымъ братьямъ своимъ (вѣчно впроч) и въ однихъ звукахъ его избра....[5], отдаленный отъ жизни. Велика толпа поклонниковъ и всеобщій почти народный восторгъ ему.....[6], ибо онъ окурилъ (имъ) чуднымъ небеснымъ куревомъ земныя ихъ очи, ибо онъ прекрасно польстилъ имъ, сокрывъ печальное жизни и показавъ имъ прекрасного. Все, рукоплеща, несется за нимъ и мчится вслѣдъ за побѣдною его колесницей. Огонь загорается[7] въ очахъ при произнесенномъ его.......[8] Дрожатъ и бьются молодыя пылкія сердца и душ...[9] слезы признательнаго восторга, неподдѣльнаго и живаго, блещутъ на всѣхъ очахъ[10]. Ему нѣтъ равнаго въ силахъ — онъ Богъ. — Но и..."[11] (ему не зрѣть признательнаго восторга). Дерзнувшая всес... взглянуть....[12] окомъ на весь божій......[13], не исключивши, дерзнувшая вызвать впередъ ежедневно вращающійся омутъ, всю страшную потрясающую тину, (ничтожную) мелочь, опутавшую (міръ =) жизнь нашу, всю глубину холодныхъ, повседневныхъ, раздробленныхъ характеровъ, выпукло ихъ выставить ихъ (sic!) на всенародныя очи. Ему не собрать народныхъ рукоплесканій; ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ. Къ нему не полетитъ на встрѣчу шестнадцатилѣтняя дѣвушка съ огн....[14] Ему не позабыться въ сладкомъ (чаду =)

---

[1] Оставлено пустое мѣсто. [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Одно слово не разобрано. [4] Слово «лиры» переправлено изъ слова «кисти». [5], [9] Окончаніе слова не ясно. [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова; кажется: «рукоплещетъ». [7] Сверху зачеркнутыхъ словъ: «Огонь загорается», написано: «Всеобщій горитъ». [8] Въ рукописи пропущено слово: «имени». [10] Послѣднія слова написаны сверху зачеркнутаго: «орошаютъ». [11] Этими словами: «Но *иная*» указано продолженіе текста. Здѣсь оканчивается первая часть наброска. [12] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [13] Пропущено слово «міръ». [14] Слово не дописано.

обоняньи имъ же исторгнутыхъ[1] звуковъ; ему не убѣжать отъ лицемѣрнаго, безчувственнаго современнаго суда, назовущаго ничтожными и низкими имъ взлелѣянныя въ душѣ созданія, отведущаго ему презрѣнный уголъ среди писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придадущаго ему качества имъ же изображаемыхъ героевъ, отнимущаго отъ него и сердце, и душу, и божественную искру таланта, ибо не признаетъ со...“ Второй набросокъ: „который, пропустивъ весь огромный омутъ міра, всѣ ежедневно вращающіеся образы, избралъ одни прекрасныя исключенья, унесущія далеко отъ земли[2]. Завидѣнъ удѣлъ: все за нимъ увлечено[3]; (онъ окурилъ) людей сладкимъ куревомъ окуривш...[4] Онъ польстилъ человѣку, сокрывъ печальное въ жизни и показавъ ему прекраснаго человѣка; и зато завидѣнъ удѣлъ: онъ .....[5] народный восторгъ; онъ.......[6] народный всеобщій восторгъ, все стремится за нимъ и несется за побѣдной его колесницей; (его имя произносится съ огнемъ и признательностью въ очахъ); одно имя его родитъ огонь въ очахъ и признательность; кипятъ молодыя пылкія души. Ему нѣтъ равнаго въ силѣ — онъ Богъ. Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго выставить весь вращающійся ежедневный міръ, всю (презрѣнную) ничтожную мѣлочь, опутавшую жизнь, и весь длинный рядъ холодныхъ, раздробленныхъ характеровъ, и выпукло и ярко выставить ихъ[7]. Ему не собрать народныхъ рукоплесканій, не (видѣть=) зрѣть единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ.....[8] Ему не (скрыться) позабыться и не избѣжать лицемѣрнаго, безчувственнаго современнаго суда, назовущаго его ничтожнымъ и низкимъ, отнимущаго отъ него божественную искру таланта (отнимущаго отъ него сердце и душу, повергнущаго его), отведущаго ему (мѣсто =) уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, (придаду) отымущаго отъ него и сердце и душу и придадущаго ему качества имъ же изображенныхъ героевъ. Ибо не признаетъ современный лицемѣрный судъ, что (можно стекла) равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія

---

[1] Это слово написано сверху зачеркнутаго: «созданныхъ». [2] Слова: «унесущія далеко отъ земли», приписаны послѣ сверху строки. [3] Послѣдняя буква въ этомъ словѣ неясна. [4] Конецъ слова неясенъ. [5] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [6] Одно слово не разобрано. Кажется: «произно-». [7] Слова: «выпукло и ярко выставить ихъ» написаны сверху незачеркнутыхъ: «поразить ихъ живымъ... или горькою усмѣшкой». [8] Начато какое-то слово, указывающее на продолженіе фразы прежняго текста.

движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ. Не при...[1] не признаетъ судъ, все обратитъ въ (упрекъ =) укоризну и позоръ непризнанному писателю; сурово его поприще и горько.....[2] когда грозная вьюга вдохновенья подымется изъ окинутой[3] блескомъ......[4] И долго еще опредѣлено мнѣ чудной властью итти объ руку съ моими странными героями (и зрѣть и проходить) сквозь смѣхъ и многовенныя (слезы) невѣдомыя міру слезы, (зрѣть) всю проносящуюся мимо текущую жизнь озирать сквозь яркій......[5] и искреннія невѣдомыя міромъ слезы. Далеко еще то время, когда инымъ ключемъ грозная вьюга вдохновенья подымется изъ облистанной (озаренной свѣтомъ) блистаньемъ главы и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ..."—Поэтъ не нашелъ словъ, чтобы докончить послѣднюю фразу; такъ она и переписана была въ рукопись поэмы, приготовленную для цензуры: только здѣсь онъ собственноручно приписалъ: „величавый громъ другихъ рѣчей". Переработывая по частямъ, по фразамъ лирическое начало седьмой главы, Гоголь долго искалъ точныхъ выраженій для характеристики предметовъ своей поэзіи и своего литературнаго направленія. Онъ наконецъ нашелъ ихъ, послѣ долгихъ усилій. Въ новой редакціи этой знаменитой характеристики слышатся уже и новыя чаянія писателя: не отъ „будущаго поэта" ожидаетъ онъ теперь „пѣсенъ, которыя освѣжатъ міръ" — онъ исполненъ надежды, что эти „другія рѣчи" потекутъ нѣкогда изъ его собственныхъ устъ—новое указаніе на вторую часть „Мертвыхъ Душъ"... Скорбныя слова о писателѣ, „оклеветанномъ молвою", намекавшія на старые пересуды о „Ревизорѣ", были теперь исключены.

Соединивши въ одно стройное цѣлое новые наброски начала седьмой главы, авторъ переписалъ этотъ текстъ на четвертку желтой писчей бумаги (повидимому, Знаменской фабрики) и вклеилъ въ свою рукопись на мѣсто вырѣзаннаго изъ нея полулиста, содержавшаго прежній текстъ[6]. Новая редакція мѣста, переписанная набѣло безъ помарокъ[7], перенесена была въ рукопись, при-

---

[1] На этомъ обрывается эта часть наброска; затѣмъ пустое мѣсто. [2] Снова промежутокъ. [3] Слово «окинутой» зачеркнуто и сверху приписано: «(обх) обымущей». [4] Промежутокъ передъ новымъ наброскомъ. [5] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [6] Слѣдующій за вклеенною четверткою листъ, написанный писцомъ, начинается зачеркнутыми строками передѣланнаго мѣста: «станутъ потомъ въ незамѣченномъ нынѣ свѣтѣ» и т. д. [7] Исправлена собственноручно только одна фраза: «весь *повергался* въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы»; прежде было написано: «былъ занятъ своими отторгнутыми»; потомъ поправлено: «повергнулся».

готовленную для цензуры, уже безъ всякихъ перемѣнъ и въ этомъ видѣ напечатана въ первомъ изданіи „Мертвыхъ Душъ“ (ср. выше, стр. 130—132) лишь съ необходимыми поправками нѣкоторыхъ грамматическихъ формъ[1].

Въ той же главѣ Гоголь собственноручно приписалъ, между строкъ и на лѣвомъ полѣ страницы, небольшую вставку послѣ слѣдующихъ строкъ: „Именно, именно!“ сказалъ предсѣдатель и тотъ же часъ отрядилъ за ними всѣми канцелярскаго“. Въ заграничной рукописи и въ сдѣланной съ нея копіи послѣ приведенныхъ строкъ было написано: „Ай да кулакъ“, подумалъ про себя Чичиковъ“. Эта строка зачеркнута и замѣнена вставкою, которая начинается такъ: „Еще я попрошу васъ“, и оканчиваетя словами: „ему не понравившееся“ (ср. выше, стр. 144).

Въ концѣ той же главы Гоголь (послѣ словъ: „да при этой оказіи и въ вистишку“)[2] зачеркнулъ слѣдующія строки переписаннаго набѣло текста: „Гости совершенно согласились съ Предсѣдателемъ; тутъ же всѣ четверо отправились къ Полицеймейстеру, и присутствіе кончилось цѣлымъ часомъ ранѣе положеннаго времени, на что, однакоже, ни одинъ изъ чиновниковъ не разсердился — ни начальники, ни подчиненные“. Взамѣнъ этихъ строкъ авторъ на одной страницѣ четвертки сѣрой бумаги собственноручно написалъ новый текстъ (стр. 147) и потомъ сдѣлалъ въ немъ три неважныя поправки[3]. Четвертка вклеена въ рукопись. Текстъ, написанный на ней, вошелъ въ печатныя изданія „Мертвыхъ Душъ“. Предварительно этотъ текстъ былъ набросанъ на первой страницѣ четвертки такой же сѣрой бумаги въ слѣдующемъ видѣ: „Отъ такого предложенія никто не могъ отказать. Многіе изъ свидѣтелей уже при одномъ наименованіи[4] рыбнаго ряда почувствовали аппетитъ (невыносимый) и всѣ (взялись очень скоро =) тотъ же часъ взялись за шапки, и присутствіе окончилось часомъ ранѣе. Когда проходили канцелярскія комнаты, Иванъ Антоновичъ, кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказалъ потихоньку

---

[1] Ср. варіанты къ стр. 130—132. [2] Ср. выше, стр. 147. [3] Такъ, прежде было написано: «и присутствіе кончилось *часомъ раньше обыкновеннаго*». Вмѣсто слова «препустой», стояло: «самый пустой». Слѣдующая фраза имѣла такой видъ: «Иванъ Антоновичъ *тутъ же* понялъ, *что отъ этого больше ничего не получишь*». Четвертка, на которой написаны эти дополненія, вклеена въ рукописи Древлехранилища Погодина передъ VIII главою поэмы. [4] Слово: «наименованіи» приписано сверху незачеркнутаго: «имени».

Чичикову: „Вѣдь крѣпостей[1] на сто тысячъ совершили, а дали одну только бѣленькую[2]".—„Да вѣдь какіе[3] крестьяне", сказалъ: „вѣдь вы не знаете — самый ничтожный народъ, и половины не стоитъ"[4].— Иванъ Антоновичъ понялъ, что отъ этого...[5] „А почемъ купили душу у Плюшкина?" шепнулъ[6] ему съ другой стороны на другое ухо Собакевичъ.— „А Воробья зачѣмъ (продали =) приписали?" сказалъ ему въ отвѣтъ на это Чичиковъ. — „Какого Воробья?" сказалъ Собакевичъ.—„Да бабу — Елисавету Воробья; и ъ поставили на концѣ".—„Нѣтъ, никакого Воробья не приписывалъ я", сказалъ Собакевичъ и отошелъ тотъ же часъ къ другимъ"[7]. Нѣсколькими строками ниже авторъ распространилъ описаніе закуски[8], которое въ переписанной рукописи ограничивалось слѣдующими строками: „....появились на столѣ бѣлуги, осетры, семги, икра паюсная, икра свѣжепросольная, селедки, севрюжки *и Богъ знаетъ, сколько всякой всячины. Полицеймейстеръ нѣкоторымъ образомъ отецъ и благотворитель въ городѣ; онъ былъ среди граждaнъ совершенно какъ въ родной семьѣ*".

Въ срединѣ восьмой главы подверглось передѣлкѣ слѣдующее мѣсто: „(но никакъ не могъ утвердить въ головѣ своей ни одного предположенія насчетъ того, кто бы такая могла быть писавшая[9]). „А любопытно бы однакожъ знать" [10], (сказалъ онъ самъ себѣ) — словомъ, дѣло, какъ видно, сдѣлалось серьезно; болѣе часу онъ все думалъ объ этомъ, наконецъ, разставивъ руки и наклоня голову, сказалъ[11]: „очень, очень кудряво написано!" Потомъ письмо[12] было свернуто и уложено въ шкатулку, въ сосѣдствѣ съ какою-то афишею и пригласительнымъ свадебнымъ билетомъ, (уже съ давнихъ поръ лежавшимъ на одномъ и)[13] томъ же мѣстѣ. Немного спустя принесли къ нему, точно, приглашеніе на балъ къ губер-

---

[1] Слово «крѣпостей» зачеркнуто и сверху приписано: «крестьянъ»; намѣчена передѣлка; она исполнена на вклеенной въ рукопись четверткѣ. [2] Слово написано сверху зачеркнутаго: «бумажку». [3] Слово «какіе» написано сверху зачеркнутаго: «дрянь». [4] Прежде было написано: «Чортъ знаетъ что — и половины не стоитъ». [5] Фраза не кончена. [6] Прежде было написано: «сказалъ Собакевичъ». [7] Этотъ набросокъ написанъ на той же четверткѣ, на которой помѣщенъ и предшествующій—о двухъ писателяхъ. [8] Ср. стр. 147. [9] Послѣ этого приписано карандашомъ: «и наконецъ сказалъ». [10] Послѣ этого приписано карандашомъ: «кто бы такая была писавшая». [11] Послѣ этого сверху строки приписано: «А письмо». [12] Вмѣсто словъ: «потомъ письмо», приписано карандашомъ: «Вслѣдъ за тѣмъ оно, разумѣется». [13] Вмѣсто поставленнаго въ скобки приписано карандашомъ: «семь лѣтъ сохранявшимся въ томъ же положеніи и на».

натору, — дѣло весьма обыкновенное въ губернскихъ городахъ: гдѣ губернаторъ, тамъ и балъ, иначе никакъ не будетъ надлежащей любви и уваженія со стороны дворянства. (Что) все постороннее было[1] оставлено[2] (въ минуту и все было устремлено на приготовленіе къ балу, это можетъ заключить всякій, потому что еще никогда не было такихъ побудительныхъ и задирающихъ причинъ. На туалетъ еще никогда доселѣ не было употреблено столько времени). Почти цѣлый часъ былъ употребленъ[3] только на одно разсматриваніе лица (въ зеркалѣ). Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: *иногда* важное и степенное выраженіе, *иногда* степенное, *иногда*[4] степенное и почтительное, иногда почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, иногда просто почтительное — безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ (и произнесено даже нѣсколько)[5] неясныхъ звуковъ" (ср. выше, стр. 159—160). Заключенное нами въ скобки было потомъ зачеркнуто авторомъ; остальныя поправки этого мѣста приведены въ выноскахъ.

2) Особенно недоволенъ былъ Гоголь описаніемъ бала. На четверткѣ сѣрой бумаги, съ клеймомъ „Знаменской фабрики", онъ приписалъ поправки и дополненія къ отдѣльнымъ мѣстамъ тѣхъ страницъ рукописи, на которыхъ было помѣщено это описаніе. На вставочной четверткѣ собственноручно написанъ слѣдующій текстъ[6]: „Розы, жасмины. Словомъ, (сухая) духовая ванна. Чичиковъ поднималъ только къ верху носъ да вбиралъ въ себя. Въ нарядахъ тоже вкуса было пропасть. Ленточки, банты со цвѣточными букетами, казалось, порхали по платьямъ, прильнувши въ разныхъ мѣстахъ въ томъ картинномъ безпорядкѣ, надъ которымъ трудилась до поту порядочная голова. Легкой головной уборъ держался только на однихъ ушахъ и, казалось, говорилъ: „Эй, улечу; жаль только, что не подниму съ собой красавицы". ‖ Конечно, мѣстами вдругъ среди этой модной кучи выказывался

---

[1] Послѣ этого приписано: «въ ту жъ минуту». [2] Послѣ этого приписано карандашомъ: «и отстранено прочь. На столѣ вмигъ водрузилось зеркало и начался предъ нимъ туалетъ самый подробнѣйшій, какой когда-либо былъ». [3] Вмѣсто зачеркнутаго слова: «употребленъ» написано: «посвященъ». [4] Вмѣсто слова «иногда» три раза написано: «то». [5] Вмѣсто поставленнаго въ скобки написано: «въ сопровожденіи». [6] Такъ какъ текстъ относится къ разнымъ мѣстамъ предшествующей редакціи, то авторъ отдѣлилъ, разстояніями между строкъ, одну вставку отъ другой. Означаемъ эти промежутки знакомъ ‖. Начальнымъ словамъ наброска должны предшествовать слова: «всякаго рода благоуханій».

невиданный землею чепецъ или какое-нибудь перо въ родѣ павлинаго". || „Чичиковъ поглядѣлъ на тѣхъ, которыя были къ нему поближе и на тѣхъ, которыя стояли подалѣ, и пытался, нельзя ли какъ-нибудь по глазамъ узнать, которая была сочинительница письма. Но только что онъ высунулъ не съ того носъ впередъ, какъ вдругъ дернула по самомъ носу пролетавшая вереница (неумолимый галопадъ). Онъ попятился и далъ дорогу ...., который летѣлъ во все пропало. Все (Почтмейстерша, капитанъ исправникъ) Дама съ голубымъ перомъ, Дама съ бѣлымъ перомъ, чиновникъ изъ Петербурга, чиновникъ изъ Москвы, грузинскій Чипхай-Хилидзевъ, Французъ Куку, Перхуновскій, Перебендовскій — все понеслось, поднялось. — „Вона, пошла писать губернія!" проговорилъ Чичиковъ. А между тѣмъ........ ему все также хотѣлось непремѣнно отыскать сочинительницу. И какъ только разгоряченныя дамы были усажены весьма ловко на мѣсто, онъ, подошедши поближе, устремилъ испытующій взглядъ и въ......... лицахъ онъ замѣтилъ (съ) такимъ лукавство[мъ] обнаруженное выраженіе, такое тонкое, у! какое тонкое! „Нѣтъ!" сказалъ наконецъ самъ себѣ; потомъ, махнувъ рукой: „Прошу, изъясни, растолкуй, что̀ такое женщина. Это просто чортъ знаетъ что — эти женщины. Поди ты, разскажи, что̀ значитъ все то, что дѣлается у нихъ. Ну, какъ разсказать все, что ж. Ну, вотъ глаза, напримѣръ, ихъ. Вѣдь это просто такое государство, куда заѣхавши, ужъ никакъ оттуда не выѣдетъ человѣкъ. Просто, служи (по немъ) панихиду. Ну, одинъ блескъ ихъ, — ну, попробуй назвать одинъ только блескъ: сначала бархатный, потомъ влажный, потомъ острый, мягкій, потомъ, что̀ говорится, весь въ нѣгѣ, потомъ безъ нѣги, но проразитъ (а ужъ какое блаженство, ужъ и не разберешь); тамъ Богъ его знаетъ, что такое, такъ что вотъ зацѣпитъ (за сердце) да и поволочитъ по всей душѣ. Потомъ опять такой, какъ бишь его? Потомъ другой, какъ.......... Нѣтъ, чортъ возьми!" || „Какой-то армейскій офицеръ трудился и душой и тѣломъ, и руками и ногами, и выдѣлывалъ такое па, какого не снилось никому". Этотъ набросокъ послужилъ Гоголю конспектомъ или канвою для новыхъ поправокъ. Одну изъ нихъ онъ приписалъ *съ лѣваго боку исправлявшейся страницы* въ такомъ видѣ: „Только мѣстами вдругъ высовывался какой-нибудь невиданный землею чепецъ или даже какое-то, чуть не павлиное перо, въ противность всѣмъ модамъ, по собственному вкусу. Но ужъ безъ этого нельзя;

таково свойство губернскаго города: гдѣ-нибудь ужъ онъ непремѣнно оборвется". Тутъ же приписана небольшая поправка къ прежнему тексту: „но никакъ нельзя было узнать ни по выраженію въ лицѣ, ни въ глазахъ, которая изъ нихъ была сочинительница письма". Къ тому же наброску относятся слѣдующія двѣ приписки *сверху строкъ*. Первая приписка: „Онъ было хотѣлъ, посматривая на ту и на другую даму узнать, которая была сочинительница. Но помѣшалъ галопадъ: цѣлая вереница пронеслась мимо, задѣвъ его рукавомъ по носу. (Это былъ вихорь, а не галопадъ). Тутъ были всѣ". Вторая приписка: „Ну, ужъ женщины! Поди ты разскажи, какъ передать все, что на ихъ лицахъ? Словъ просто не приберешь. А ужъ что касается до глазъ, такъ и говорить нечего. Тамъ говорятъ.........[1] пропадаетъ безъ вѣсти. Да, шути съ этимъ, какъ хочешь, а попробуй одинъ только блескъ этихъ глазъ раск....[2] Иной разъ стоишь, какъ дуракъ, часъ цѣлый, да тѣмъ однимъ и кончится, что скажешь: „галантёрная" — далѣе совершенно ничего. Только развѣ послѣ долгаго размышленія скажешь сглупу что-то въ родѣ подобной фразы". Эти дополненія и поправки, набросанныя надъ строками стараго текста, на поляхъ рукописи и на особой четверткѣ бумаги, поэтъ сплотилъ въ одно стройное цѣлое съ прежнимъ текстомъ, и выработанная такимъ образомъ страница переписана была вновь набѣло въ рукопись, изготовлявшуюся для цензуры, чтобы передъ напечатаніемъ подвергнуться новымъ передѣлкамъ и поправкамъ[3]. Такъ сложились тѣ страницы, которыми замѣненъ былъ слѣдующій текстъ заграничной рукописи „Мертвыхъ Душъ", уже переписанный набѣло въ первую копію поэмы: „Чичиковъ, стоя передъ ними, пытался было, нельзя ли по какому-нибудь особенному выраженію въ глазахъ или въ лицѣ узнать, которая изъ нихъ была сочинительница таинственнаго письма. Но никакимъ образомъ нельзя было узнать, ни по выраженію въ лицѣ, ни по выраженію въ глазахъ, которая изъ нихъ была сочинительница таинственнаго письма. Въ лицѣ каждой изъ нихъ онъ замѣчалъ такое неопредѣленно-значительное, съ такимъ чуть замѣтнымъ лукавствомъ вскользь обнаруженное выраженіе, такое неуловимо-тонкое, у! какое тонкое! Ужъ пусть за это Богъ проститъ женщинамъ, а намъ чрезвычайно

---

[1] Послѣднія слова надписаны надъ прежнимъ текстомъ («такое безконечное государство»...), приводимымъ ниже. [2] Послѣ этого слова вставленъ прежній текстъ: «во-первыхъ, влажный» и т. д. [3] См. варіанты къ стр. 161—163.

трудно передать всѣ тѣ излучины намековъ и необъясненныхъ выраженій, которыя исчезають и появляются въ ихъ лицахъ. А что до глазъ, тамъ, говорятъ, такое безконечное государство, которому нѣтъ совершенно никакихъ предѣловъ и въ которое человѣкъ заѣхавъ.......[1] Уже для того, что[2] изобразить одинъ блескъ ихъ, не хватитъ словъ ни въ какомъ словарѣ. (Ихъ одни названія): во-первыхъ влажный, потомъ бархатный, острый, мягкій, томный, весь совершенно въ нѣгѣ, потомъ — безъ нѣги, но пророчащій блаженства нездѣшнихъ міровъ, потомъ.... но, нѣтъ! другихъ нельзя разсказать; да и ничего нельзя сказать, только и можно сказать: „галантерная половина человѣческаго рода!"

Нѣсколько ниже передѣлано слѣдующее мѣсто: „Чѣмъ болѣе Чичиковъ разсматривалъ дамъ, тѣмъ приходилъ въ большее затрудненіе разрѣшить, которая изъ нихъ была дѣйствительно сочинительница письма, исполненнаго душевныхъ и сердечныхъ изліяній. Попробовавши устремить еще внимательнѣе взоръ, онъ увидѣлъ, что и съ ихъ стороны всѣ неопредѣленныя выраженія обнаруживались яснѣе и становились значительнѣе: выражалось что-то такое, подающее вмѣстѣ и надежду и въ то же время наполняющее сладкими муками сердце бѣднаго смертнаго, что онъ просто не зналъ, что̀ придумать. Впрочемъ онъ находилъ, что дамы были уже нѣсколько слишкомъ толсты и вообразилъ себѣ, неизвѣстно почему, что писавшая таинственное письмо должна быть непремѣнно тонѣе. Это однакоже никакъ не уменьшило веселаго расположенія духа, въ которомъ онъ находился. Онъ размѣнивался словами съ дамами, съ непринужденною ловкостью подходилъ и т. д." Авторъ значительно сократилъ это мѣсто и въ измѣненномъ такимъ образомъ видѣ новый текстъ вошелъ съ ничтожными поправками въ печатное изданіе „Мертвыхъ Душъ" (ср. выше, стр. 163—164).

Въ томъ же описаніи бала, съ лѣваго боку страницы приписано карандашомъ слѣдующее дополненіе: „А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку и видно было, *какъ одинъ армейскій офицеръ работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, и отдѣлывалъ такія па, какія даже и во снѣ не снились никому.*

[1] Фраза была не кончена въ заграничной рукописи; въ неконченномъ видѣ она списана писцомъ и въ ДП; авторъ приписалъ сверху: «пропадаетъ безъ вѣсти».
[2] Такъ и въ заграничной рукописи, служившей оригиналомъ для ДП, вмѣсто: «чтобы».

Онъ прошмыгнулъ мимо мазурки, зацѣпивши ногою каблукъ армейскаго офицера, и очутился около самой блондинки". Въ первичномъ, зачаточномъ видѣ это дополненіе уже заключается въ тѣхъ двухъ строкахъ, которыми оканчивается вышеприведенный набросокъ на отдѣльной четверткѣ.

Ближе къ концу главы вклеена новая четвертка, на которой собственноручно переписана авторомъ набѣло, безъ всякихъ помарокъ, довольно обширная вставка, которая начинается словами: „Непріятно, смутно было у него на сердцѣ", и оканчивается такъ: „онъ видѣлъ, какъ причиной этого былъ отчасти самъ". Эта вставка вошла въ печатное изданіе „Мертвыхъ Душъ" безъ перемѣнъ (ср. выше, стр. 173—175) и послужила замѣною слѣдующихъ строкъ заграничной рукописи поэмы: „Взглянувши окомъ благоразумія на свое положеніе, онъ видѣлъ, что все это вздоръ, глупое слово, ничего не значитъ, дѣло же по милости Божіей обдѣлано, какъ слѣдуетъ; но неудовольствіе, которое онъ замѣтилъ во взорахъ дамскихъ, кажется, огорчало его сильнѣе всего, тѣмъ болѣе, что онъ отчасти былъ самъ этому причиной". Такимъ образомъ, въ Москвѣ введено въ поэму и высказано пока устами Чичикова то отрицательное, нѣсколько аскетическое воззрѣніе на балъ, которое впослѣдствіи, въ новомъ планѣ „Мертвыхъ Душъ" получитъ особенное значеніе въ развитіи основной идеи произведенія[1].

3) Въ девятой главѣ совершенной переработкѣ подверглись: характеристика дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ и разговоръ этой дамы съ просто пріятною дамою. Переработка производилась разновременно, въ нѣсколько пріемовъ и перешла за предѣлы первой рукописной копіи „Мертвыхъ Душъ", сдѣланной въ Москвѣ: дополненія и поправки, сдѣланныя то чернилами, то карандашомъ, покрываютъ въ этихъ мѣстахъ рукопись, набрасываются на особомъ полулистѣ вмѣстѣ съ дополненіями къ „Тарасу Бульбѣ" и продолжаются на второй копіи „Мертвыхъ Душъ", т. е. той, которая приготовлялась для цензуры.

Характеристика дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ подправлена слегка. Новый текстъ ея (см. выше, стр. 178) написанъ чернилами сверху слѣдующихъ строкъ зачеркнутаго прежняго: „Это названіе она пріобрѣла совершенно законнымъ образомъ, ибо въ самомъ дѣлѣ употребила все, чтобы сдѣлаться до такой степени

---

[1] Ср. выше, стр. 254 и «примѣчанія и варіанты» къ той же страницѣ.

любезною въ обществѣ, любезнѣе чего уже нельзя было достигнуть. Самыя дамы невольно чувствовали ея превосходство. Мужчины подходили къ ручкѣ. Хотя конечно сквозь любезность прокрадывалась иногда такая юркая прыть женскаго характера, которой бы не удержала никакая уздечка въ мірѣ, хотя подъ часъ въ каждомъ словѣ ея пріятной рѣчи торчало по булавѣ[1], и ужъ не приведи Богъ, что̀ кипѣло въ сердцѣ ея противъ той, которая бы пролѣзла какъ-нибудь и чѣмъ-нибудь въ первыя. Но все это было весьма искусно одѣто необыкновенною обходительностью и свѣтскостью. Всякой поступокъ и движенье въ обществѣ производимо было съ необыкновеннымъ вкусомъ. Даже чувство проявлялось въ глазахъ, и она достигла своей цѣли. Всѣ чиновники въ городѣ и люди, просто наслаждавшіеся визитами, не могли не согласиться, что Анна Григорьевна — дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ". Авторъ впрочемъ не былъ вполнѣ доволенъ тою новою редакціею приведеннаго мѣста, которую онъ набросалъ въ первой рукописной копіи „Мертвыхъ Душъ" и въ рукописи, приготовленной для представленія въ цензуру, сдѣлалъ карандашомъ новыя исправленія въ этой только-что переписанной набѣло редакціи.

Передѣлка разговора двухъ дамъ доставила Гоголю гораздо болѣе труда. Переписанное набѣло изъ заграничной рукописи начало разговора имѣло такой видъ: „Вслѣдъ за ними побѣжали ворча мохнатая Адель и высокій Попури на тоненькихъ ножкахъ. „Ну, какъ же я рада, что вы пріѣхали", говорила во всѣхъ отношеніяхъ пріятная дама, усаживая гостью. Я слышу, кто-то подъѣхалъ, да думаю себѣ: кто бы могъ такъ рано? Параша говоритъ: „вицегубернаторша", а я говорю: „Ну, вотъ опять пріѣхала дура надоѣдать", и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома.... Ну, какъ же я рада, право!" — „Ахъ, если бы вы знали, жизнь моя, Анна Григорьевна, какъ я къ вамъ спѣшила!" сказала просто пріятная дама и почувствовала, что у ней захватилось дыханье отъ нетерпѣнія скорѣе приступить къ дѣлу. Но восклицаніе, которое издала въ это время дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, вдругъ дало другое направленіе разговору".

Надстрочными приписками и поправками авторъ даетъ этому отрывку, въ первой копіи поэмы, новый видъ. Вновь выработанный текстъ отрывка, напечатанный вполнѣ въ первомъ томѣ

[1] Писецъ совершенно вѣрно воспроизвелъ это слово изъ собственноручной приписки автора въ заграничной рукописи поэмы.

настоящаго изданія (стр. 649), переписывается въ экземпляръ, назначенный для цензуры; но потомъ снова подвергается передѣлкѣ, набросанной на особомъ полулистѣ бумаги. Но даже и эта передѣлка вносится въ цензурную рукопись „Мертвыхъ Душъ“ въ переработанномъ видѣ, съ новыми поправками. Продолженіе разговора подверглось также передѣлкѣ. Въ первой копіи поэмы оно переписано было изъ заграничной рукописи въ такомъ видѣ:

„Ахъ, нѣтъ, Анна Григорьевна! Это просто надобно видѣть!... Да, поздравляю васъ: оборокъ болѣе не носятъ!“

„Какъ не носятъ?“

„На мѣсто ихъ фестончики“.

„Какъ фестончики?“

„Фестончики, все фестончики: на рукавахъ фестончики, и на плечахъ эполетцы изъ фестончиковъ, и внизу фестончики — вездѣ фестончики“.

„Но это выйдетъ не хорошо, если все фестончики“.

„Ахъ, вы не можете представить себѣ, какъ мило! Шьется въ два рубчика, широкія проймы и сверху нашивочка“.

„Зачѣмъ это нашивочка?“[1]

„Нашивочка, Анна Григорьевна, необходима. Отъ того все происходитъ. Но ужъ если хотите, чтобы я васъ точно изумила, такъ вотъ вамъ: изумляйтесь. Вообразите себѣ только то, что лифчики теперь чуть не длиннѣе мужскихъ и сдѣланы мыскомъ“.

„Что вы?“

„Съ одной стороны это хорошо, потому что талія кажетъ никакъ не толще стакана; но вообразите, что юбка вся собирается вокругъ, какъ бывало въ старину фижмы, даже сзади немножко подкладываютъ ваты, чтобы была совершенная бель-фамъ“.

„Ну, ужъ какъ вы хотите, но я ни за что не стану подражать этому“.

„Я сама тоже.... Право, странно даже, какъ вообразишь, до чего иногда доходитъ мода... Такія глупости выдумаютъ, ни на что не похоже! Я выпросила у сестры выкройку нарочно для смѣху. Меланья моя принялась шить — посмотрю, какъ будетъ“.

Передѣлки этого мѣста, сдѣланныя въ первой копіи поэмы, приняты были въ цензурную рукопись, но здѣсь снова подверглись измѣненіямъ и сокращеніямъ[2].

---

[1] Въ заграничной рукописи собственноручно: «Зачѣмъ же нашивочка?» [2] Напр. вслѣдъ за послѣднею фразою авторомъ было приписано: «При этихъ словахъ

Приводимъ наконецъ послѣдній, подвергнутый совершенной переработкѣ, отрывокъ въ томъ видѣ, какъ онъ переписанъ былъ набѣло въ первую копію „Мертвыхъ Душъ“, сдѣланную въ Москвѣ:

„Какая невинность! Я слышала, какъ она говорила такія рѣчи, что, признаюсь, у меня не станетъ духа произнести ихъ“.

„А мужчины отъ нея безъ ума. А по мнѣ, такъ я, признаюсь, ничего не нахожу въ ней“.

„Манерна нестерпимо“.

„Ахъ, жизнь моя, Анна Григорьевна! она статуя и хоть бы какое-нибудь выраженье въ лицѣ!“

„Ахъ, какъ манерна! Ахъ, какъ манерна! Боже, какъ манерна! Кто выучилъ ее, я не знаю, но я еще не видывала женщины, въ которой бы было столько жеманства“.

„Но я васъ могу увѣрить, Анна Григорьевна, что она статуя и къ тому жъ еще блѣдна, какъ смерть“.

„Ахъ, не говорите Софья Ивановна, и ужъ этого никакъ не говорите, потому что румянится безбожно“.

„Жизнь моя, Анна Григорьевна! Она мѣлъ, мѣлъ, чистѣйшій мѣлъ“.

„Не спорьте, милая. Я сидѣла возлѣ нея: румянецъ въ палецъ толщиной и отваливается, какъ штукатурка, кусками. Мать выучила: сама кокетка, а дочка еще превзойдетъ матушку“.

„Душенька, Анна Григорьевна! клянусь вамъ всѣмъ, что только есть священнаго въ мірѣ: какую угодно выдумайте клятву, я готова въ сію же минуту лишиться дѣтей, имѣнія и всего, что̀ хотите, есть ли есть у ней хоть одна капелька, хоть частица, хоть тѣнь какого-нибудь румянца!“

„Милая, это вамъ такъ показалось: я видѣла собственными своими глазами“.

„Ахъ, Анна Григорьевна, какія вы! Я видѣла тоже собственными глазами. Вотъ какъ теперь сижу, вотъ какъ теперь гляжу. Вотъ и вижу, клянусь, вотъ и вижу сію минуту, что она блѣдна, какъ чистѣйшій мѣлъ“.

Можетъ быть, читателю покажется страннымъ, что двѣ дамы были несогласны между собою въ томъ, что̀ обѣ видѣли почти въ одно и то же время. Можетъ быть, онъ даже подумаетъ, что мы нарочно такъ говоримъ изъ охоты поспорить или просто изъ

въ лицѣ и въ глазахъ дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ изобразилась необыкновенная живость».

упрямства; но нужно защитить дамъ. Нѣтъ, онѣ говорили, потому что увѣрены были обѣ въ справедливости своихъ словъ, а это нужно отнести болѣе къ феноменамъ природы. Иногда, точно, бываетъ такъ, что дама глядитъ на вещь и видитъ, что она бѣлая, какъ снѣгъ; а другая дама на ту же самую вещь, но взглянетъ съ такой стороны, что она выйдетъ совершенно красная, красная какъ брусника: и видишь потомъ, что̀ обѣ правы".

Въ концѣ девятой главы Гоголь собственноручно приписалъ внизу страницы слѣдующую вставку: „и что̀ такое онъ именно: такой ли человѣкъ, котораго нужно задержать и схватить, какъ неблагонамѣреннаго, или же онъ такой человѣкъ, который можетъ самъ схватить и задержать ихъ всѣхъ, какъ неблагонамѣренныхъ" (ср. выше, стр. 196).

4) Въ десятой главѣ, кромѣ передѣлки „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ", измѣнены слѣдующія строки текста: „А есть одна, только что развернулась, такъ ужъ эта точно, можно сказать, чудо коленкоръ". Авторъ написалъ вмѣсто этого: „А есть одна, родственница Бикусова, сестры его дочь, такъ вотъ ужъ дѣвушка! можно сказать: *славной* коленкоръ" (см. выше, стр. 215). Хотя этотъ текстъ и удержанъ въ рукописи, приготовленной для цензуры, но въ печати появилось снова: „чудо коленкоръ", вмѣсто: „славный коленкоръ".

5) Въ одиннадцатой главѣ, авторъ внесъ новую подробность въ разсказъ о первоначальной службѣ Чичикова. Въ этомъ лишь недавно вновь написанномъ эпизодѣ было сказано: „Чичиковъ получилъ давно искомое и желанное мѣсто повытчика. Какъ только получилъ онъ повытчика, сундукъ былъ въ ту же почти минуту отправленъ". Зачеркнувши эти строки, Гоголь приписалъ: „Суровый повытчикъ сталъ даже хлопотать за него у начальства, и чрезъ нѣсколько времени Чичиковъ самъ сѣлъ повытчикомъ на одно открывшееся вакантное мѣсто. Въ этомъ, казалось, и заключалась главная цѣль связей его съ старымъ повытчикомъ, потому что тутъ же сундукъ свой онъ отправилъ" (ср. стр. 231).

Далѣе исправлены слегка слѣдующія строки: „Читателю, я думаю, пріятно будетъ узнать, что онъ *всякій день*[1] перемѣнялъ на себѣ *рубашку*[2], а лѣтомъ во время жаровъ даже *по три раза на день*"[3]. На правомъ полѣ страницы авторъ сдѣлалъ къ этому мѣсту

[1] Исправлено: «всякіе *два дни*». [2] Исправлено: «бѣлье». [3] Исправлено: «*и всякій* день».

такую приписку: „всякій сколько-нибудь непріятный запахъ уже оскорблялъ его. По этой причинѣ онъ всякій разъ, когда Петрушка приходилъ раздѣвать его и скидавать сапоги, клалъ себѣ въ носъ гвоздичку; и во многихъ случаяхъ нервы у него были щекотливы, какъ у дѣвушки“ (ср. выше, стр. 235).

На правомъ полѣ страницы собственноручно приписана авторомъ новая вставка въ тотъ же разсказъ о Чичиковѣ: „Конечно, трудно, хлопотливо, страшно, чтобы какъ-нибудь еще не досталось, чтобы не вывести изъ этого исторіи. Ну, да вѣдь данъ же человѣку на что-нибудь умъ! А главное то хорошо, что предметъ-то покажется всѣмъ невѣроятнымъ, никто не повѣритъ. Правда, безъ земли нельзя ни купить, ни заложить. Да вѣдь я куплю на выводъ, на выводъ“ (ср. выше, стр. 241—242). Нѣсколько ниже приписано: „и переселю! въ Херсонскую ихъ! пусть ихъ тамъ живутъ!“

Въ два пріема передѣлывалась строка: „какъ пойдетъ далѣе, какія будутъ удачи, потомъ увидитъ (читатель)“. Сначала сдѣлана чернилами приписка на лѣвомъ полѣ страницы: „какія *будутъ* потомъ удачи и неудачи герою, какъ придется разрѣшить и преодолѣть ему болѣе трудныя препятствія, какъ предстанутъ колоссальные образы и вся повѣсть приметъ величавое лирическое теченіе, то увидитъ потомъ;“ потомъ карандашомъ: „какъ двинутся всѣ рычаги широкой повѣсти, раздастся далече горизонтъ“. Новое указаніе на вторую часть „Мертвыхъ Душъ“.

Наконецъ, въ этой же главѣ передѣлано слѣдующее мѣсто: *„Для высшихъ начертаній, ему непостижимыхъ, обречены онѣ,* и есть въ нихъ что-то вѣчное, зовущее, неумолкающее во всю жизнь. Земное великое поприще суждено совершить имъ, — все равно, *въ образѣ ли злодѣйства, или явленья, возрадующаго міръ“*. Напечатанное здѣсь курсивомъ зачеркнуто и замѣнено текстомъ, внесеннымъ въ печатныя изданія „Мертвыхъ Душъ“ (ср. выше, стр. 244).

25 ноября Гоголь извѣщалъ Прокоповича: „Пишу къ тебѣ послѣ долгой болѣзни, которая было меня одолѣла и которой начало уже получилъ я въ Петербургѣ. Теперь, слава Богу, мнѣ гораздо лучше, хотя я исхудалъ сильно.... *Дѣло мое по причинѣ болѣзни почти не начиналось*. Теперь только началась переписываться рукопись“[1]. Работа велась двумя писцами и въ началѣ декабря была окончена[2].

---

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 110—111. [2] Рукопись перваго тома «Мертвыхъ Душъ», представленная въ Петербургскій Цензурный Комитетъ, принадлежитъ въ настоящее время фундаментальной библіотекѣ Московскаго Уни-

Когда назначенный для цензуры экземпляръ „Мертвыхъ Душъ" былъ совершенно готовъ, Гоголь снова началъ собственноручно приписывать на немъ *чернилами* и карандашомъ новыя исправленія текста [1]. Это былъ *третій* и послѣдній періодъ его работы. Въ припискахъ или редижировались поправки, прежде *намѣченныя*, но еще не получившія окончательной отдѣлки, или исправлялись отдѣльныя мѣста первой московской копіи, которыми не былъ доволенъ авторъ. Такъ, въ рукописи, служившей оригиналомъ цензурному экземпляру, не имѣла окончанія фраза: „и почуютъ въ смущенномъ трепетѣ..."; въ такомъ видѣ она и скопирована была переписчикомъ въ цензурный экземпляръ; Гоголь приписалъ: „величавый громъ другихъ рѣчей..." Эти слова появляются въ первый разъ на 211-й страницѣ цензурной рукописи [2]. Черезъ строчку Гоголь измѣняетъ фразу: „Прочь набѣжавшая на чело морщина и *все, что ни похоже на слезу!*" зачеркивая то, что у насъ напечатано курсивомъ, и приписывая сверху зачеркнутаго: „строгій сумракъ лица". Предшествующая редакція мѣста уже слишкомъ откровенна! Въ первой московской копіи поэмы Гоголь сдѣлалъ карандашомъ на одной страницѣ, съ лѣваго боку, слѣдующее дополненіе: „А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку *и видно было*, *какъ одинъ армейскій офицеръ* работалъ и душою и тѣломъ, и руками и ногами, *и отдѣлывалъ* такія па, какія даже и не снились никому. *Онъ* прошмыгнулъ мимо мазурки, *зацѣпивши ногою*

верситета и означена въ каталогѣ такъ: 1 R у 399. Эта рукопись подробно была описана О. М. Бодянскимъ въ статьѣ: «Мертвыя Души, поэма Н. В. Гоголя, свѣренная со спискомъ, представленнымъ въ Цензурный Комитетъ, теперь принадлежащимъ Библіотекѣ Московскаго Университета» (Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1866 г., книга третья, смѣсь, стр. 240—246). Въ этой статьѣ Бодянскій привелъ всѣ варіанты рукописи сравнительно съ печатнымъ текстомъ «Мертвыхъ Душъ». Рукопись въ листъ; въ ней, не считая заглавнаго листа, 388 страницъ. На заглавномъ листѣ сверху помѣта, сдѣланная въ Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ: «№ 109. 3 марта 1842». Затѣмъ припись Никитенки, сдѣланная красными чернилами: «NB Похожденія Чичикова или». Ниже рукою писца заглавіе: «Мертвыя Души». Подъ нимъ рукою Гоголя: «поэма Н. Гоголя». Съ боку помѣта того же Комитета: «1842 г. по жур. печ. № 101». (Не рукою Снегирева, какъ думалъ Бодянскій). Первыя 103 страницы написаны крупнымъ красивымъ письмомъ *перваго* писца. Начиная съ 105-й страницы (съ четвертой главы) до конца, переписано рукою втораго писца, — того самаго, которымъ переписана набѣло и повѣсть: «Тарасъ Бульба». Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 657.

[1] Чернилами приписалъ и писецъ нѣкоторыя измѣненныя строки. [2] Ср. выше, стр. 132.

каблукъ армейскаго офицера и очутился около самой блондинки". Перенося это дополненіе въ переписанный набѣло цензурный экземпляръ, Гоголь помѣщаетъ оное на лѣвомъ полѣ 264-й страницы, предварительно давши ему такой видъ: „А ужъ тамъ, въ сторонѣ, четыре пары откалывали мазурку; каблуки ломали полъ, и какой-то армейскій офицеръ работалъ и руками и ногами, и душою и тѣломъ, отвертывая такіе па, какіе и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки почти по самымъ каблукамъ и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой" [1]. Въ цензурной рукописи, на стр. 265-й, послѣ словъ: „и казалась прозрачною среди мутной толпы", оставлено было писцомъ пустое мѣсто, а затѣмъ написано: „на нѣсколько минутъ въ жизни и Чичиковы обращаются въ поэтовъ". Зачеркнувши слова: „и Чичиковы" [2], писецъ на пустомъ мѣстѣ приписалъ поправку, набросанную въ заграничной рукописи: „Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ, видно и Чичиковы" [3]. На стр. 271-й приписано сверху строки слово: „точь въ точь" („какъ будто прекрасно вычищеннымъ сапогомъ вступилъ вдругъ въ грязную вонючую лужу") [4]. На страницѣ 280-й цензурной рукописи зачеркнуты карандашомъ слѣдующія строки текста: „Въ Россіи 50 слишкомъ губернскихъ городовъ, и въ каждомъ городѣ сидитъ по одной прокуроршѣ; личности же у насъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не то, что въ другой землѣ". Переписчикъ почти буквально скопировалъ это мѣсто изъ предшествующей рукописи [5]. Но въ послѣдней уже намѣчена была карандашомъ поправка этого мѣста въ такомъ видѣ: „Теперь всѣ чины и сословія раздражились страшно; таково, видно, ужъ расположеніе въ воздухѣ". Передѣлавши эту поправку, Гоголь приписываетъ ее на лѣвомъ полѣ страницы: „Теперь *у насъ* всѣ чины и сословія *такъ* раздражены, *что все*, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью, таково уже, видно, расположенье въ воздухѣ" [6]. На 282-й страницѣ цензурной рукописи, частію надъ строками, частію на

---

[1] Ср. выше, стр. 167. [2] Эти слова принадлежатъ зачеркнутому тексту предшествующей рукописи: «Богъ знаетъ, видно на нѣсколько минутъ въ жизни и Чичиковы» и т. д. [3] Ср. выше, стр. 168. [4] Ср. выше, стр. 172. [5] Здѣсь оно читается такъ: «Въ Россіи 50 слишкомъ губернскихъ городовъ и въ каждомъ городѣ сидитъ по одной прокуроршѣ. Личности же у насъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не то, что въ *другомъ государствѣ*». Не диктовалъ ли Гоголь переписчику, дѣлая при этомъ легкія перемѣны въ словахъ? [6] Ср. выше, стр. 178.

выскобленномъ мѣстѣ прежняго текста, написано авторомъ собственноручно: „Вотъ такъ! вотъ такъ! вотъ вамъ и подушка!“ Сказавши это, она запихнула ей за спину подушку, на которой былъ вышитъ шерстью рыцарь такимъ образомъ, какъ ихъ всегда вышиваютъ по канвѣ“. Это дополненіе составляетъ обработку наброска, сдѣланнаго *на отдѣльномъ полулистѣ:* въ первой московской копіи „Мертвыхъ Душъ“ сначала не было текста, соотвѣтствующаго этимъ строкамъ; потомъ авторъ приписалъ въ ней *сверху строкъ* собственноручно: „Сюда, сюда, вотъ въ этотъ уголочекъ!“ говорила хозяйка, усаживая гостью въ уголъ дивана, гдѣ лежали двѣ шитыя подушки. На одной изъ нихъ былъ рыцарь, у котораго носъ вышелъ лѣстницею, а губы четвероугольникомъ“ [1]. На стр. 284-й цензурной рукописи, на мѣстѣ двухъ выскобленныхъ строкъ писарской руки, написаны Гоголемъ слѣдующія три строки: „Ну, ужъ это просто: признаюсь“, сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши движенье головою съ чувствомъ достоинства. „Именно это ужъ точно: признаюсь“, отвѣчала просто пріятная дама“ [2]. Въ первой московской копіи это мѣсто приписано авторомъ сверху строкъ еще въ неразвитомъ видѣ: „Ну, ужъ это признаюсь!“ сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши жестъ руками“. Въ двухъ мѣстахъ (на 255-й и 256-й стран.) цензурной рукописи Гоголь зачеркиваетъ въ текстѣ карандашомъ двѣ, три строки и сверху приписываетъ чернилами свои поправки и измѣненія [3]. *Поправки* карандашомъ могли быть сдѣланы и по возвращеніи изъ Цензурнаго Комитета разрѣшенной имъ рукописи „Мертвыхъ Душъ“. Всѣ вообще поправки указаны въ варіантахъ.

Рукопись „Мертвыхъ Душъ“ наконецъ поступила въ Московскій Цензурный Комитетъ. 12 декабря 1841 г. въ засѣданіи Комитета, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Помощника Попечителя Московскаго Учебнаго Округа Д. П. Голохвастова, въ присутствіи цензоровъ: М. Т. Каченовскаго, И. М. Снегирева, Н. И. Крылова и В. В. Флерова, состоялось постановленіе передать рукопись на разсмотрѣніе цензору Снегиреву. Судьба перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ въ московской цензурѣ разсказана Гоголемъ Плетневу въ письмѣ отъ 7-го января 1842 г. Приводимъ это письмо вполнѣ въ виду его высокой автобіографической важности: „Разстроенный

[1] Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 648 — 650. [2] Ср. выше, стр. 180. [3] Ср. объ этихъ двухъ поправкахъ примѣчанія къ стр. 161-й и 162-й настоящаго тома.

и тѣломъ и духомъ, пишу къ вамъ. Сильно хотѣлъ бы ѣхать теперь въ Петербургъ; мнѣ это нужно, это я знаю, и при всемъ томъ не могу. Никогда такъ не впору не подвернулась ко мнѣ болѣзнь, какъ теперь. Припадки ея приняли теперь такіе странные образы... но Богъ съ ними! Не объ болѣзни, а объ цензурѣ я теперь долженъ говорить. Ударъ для меня никакъ *неожиданный:* запрещаютъ всю рукопись. Я отдаю сначала ее цензору Снегиреву, который нѣсколько толковѣе другихъ, съ тѣмъ, что, если онъ находитъ въ ней какое-нибудь мѣсто, наводящее на него сомнѣніе, чтобъ объявилъ мнѣ прямо, что я тогда посылаю ее въ Петербургъ. Чрезъ два дни Снегиревъ объявляетъ мнѣ торжественно, что рукопись онъ находитъ совершенно благонамѣренной, и въ отношеньи къ цѣли, и въ отношеніи къ впечатлѣнію, производимому на читателя, и что кромѣ одного незначительнаго мѣста — перемѣны двухъ-трехъ именъ (на которыя я тотъ же часъ согласился и измѣнилъ)[1] нѣтъ ничего, что бъ могло навлечь притязанія цензуры самой строгой. Это же самое онъ объявилъ и другимъ. Вдругъ Снегирева сбилъ кто-то съ толку, и я узнаю, что онъ представляетъ мою рукопись въ Комитетъ. Комитетъ принимаетъ ее такимъ образомъ, какъ будто уже былъ приготовленъ заранѣе и былъ настроенъ разъиграть комедію: ибо обвиненія, всѣ безъ исключенія, были комедія въ высшей степени. Какъ только Голохвастовъ, занимавшій мѣсто президента, услышалъ названіе: „Мертвыя Души", закричалъ голосомъ древняго Римлянина: „Нѣтъ, этого я никогда не позволю: душа бываетъ безсмертна, мертвой души не можетъ быть, авторъ вооружается противъ безсмертья". Въ силу наконецъ могъ взять въ толкъ умный президентъ, что дѣло идетъ объ ревижскихъ душахъ. Какъ только взялъ онъ въ толкъ и взяли въ толкъ вмѣстѣ съ нимъ другіе цензора, что *мертвыя* значитъ ревижскія души, произошла еще бо́льшая кутерьма. „Нѣтъ", закричалъ предсѣдатель и за нимъ половина цензоровъ: „этого и подавно нельзя позволить, хотя бы въ рукописи ничего не было, а стояло только одно слово: *ревижская душа;* ужъ этого нельзя позволить: это значитъ — противъ крѣпостнаго права". Наконецъ самъ Снегиревъ увидѣлъ, что дѣло зашло уже очень далеко; сталъ увѣрять цензоровъ, что онъ рукопись читалъ и что о крѣпостномъ правѣ и намековъ нѣтъ,

[1] Въ **ЦР** вмѣсто «Волоколамскъ» написано: «Весьегонскъ»; вм. «Сысольская» — «Весьегонская».

что даже нѣтъ обыкновенныхъ оплеухъ, которыя раздаются во многихъ повѣстяхъ крѣпостнымъ людямъ; что здѣсь совершенно о другомъ рѣчь; что главное дѣло основано на смѣшномъ недоумѣніи продающихъ и на тонкихъ хитростяхъ покупщика и на всеобщей ералаши, которую произвела такая странная покупка; что это — рядъ характеровъ, внутренній бытъ Россіи и нѣкоторыхъ обитателей, собраніе картинъ самыхъ невозмутительныхъ. Но ничего не помогло. „Предпріятіе Чичикова", стали кричать всѣ: „есть уже уголовное преступленіе". „Да впрочемъ и авторъ не оправдываетъ его", замѣтилъ мой цензоръ. — „Да, не оправдываетъ, а вотъ онъ выставилъ его теперь, и пойдутъ другіе брать примѣръ и покупать мертвыя души". — Вотъ какіе толки! Это толки цензоровъ-азіатцевъ, то есть людей старыхъ, выслужившихся и сидящихъ дома. Теперь слѣдуютъ толки цензоровъ-европейцевъ, возвратившихся изъ-за границы людей молодыхъ. „Что̀ вы ни говорите, а цѣна, которую даетъ Чичиковъ (сказалъ одинъ изъ такихъ цензоровъ — Крыловъ), цѣна два съ полтиною, которую онъ даетъ за душу, возмущаетъ душу. Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого. Хотя конечно эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя — душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англіи и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ этого ни одинъ иностранецъ къ намъ не пріѣдетъ". Это главные пункты, основываясь на которыхъ произошло запрещеніе рукописи. Я не разсказываю вамъ о другихъ мелкихъ замѣчаніяхъ, какъ-то въ одномъ мѣстѣ сказано, что одинъ помѣщикъ разорился, убирая себѣ домъ въ Москвѣ въ модномъ вкусѣ. „Да вѣдь и Государь строитъ въ Москвѣ дворецъ!" сказалъ цензоръ. Тутъ, по поводу, завязался у цензоровъ разговоръ единственный въ мірѣ. Потомъ произошли другія замѣчанья, которыя даже совѣстно пересказывать, и наконецъ дѣло кончилось тѣмъ, что рукопись объявлена запрещенною, хотя Комитетъ только прочелъ три или четыре мѣста. Вотъ вамъ вся исторія. Она почти невѣроятна, *а для меня въ добавку подозрительна*. Подобной глупости нельзя предположить въ человѣкѣ. Цензора не всѣ же глупы до такой степени. *Я думаю, что противъ меня что-нибудь есть*. Но дѣло между прочимъ для меня слишкомъ серьезно. Изъ-за ихъ комедій или интригъ мнѣ похмелье. У меня, вы сами знаете, *всѣ мои средства и все мое существованье заключены въ моей поэмѣ*. Дѣло клонится къ тому, чтобы

вырвать у меня послѣдній кусокъ хлѣба, выработанный семью годами самоотверженья, отчужденья отъ міра и всѣхъ его выгодъ. Другаго я ничего не могу предпринять для моего существованія. *Усиливающееся болѣзненное мое расположеніе и недуги лишаютъ меня даже возможности продолжать далѣе начатый трудъ. Свѣтлыхъ минутъ у меня немного, а теперь просто отнимаются руки.* Но что̀ я пишу вамъ, уже не помню; я думаю, вы не разберете вовсе моей руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Вы должны теперь дѣйствовать соединенными силами и доставить рукопись къ Государю. Я объ этомъ пишу къ Александрѣ Осиповнѣ Смирновой. Я просилъ ее — чрезъ Великихъ Княженъ или другими путями. Это — ваше дѣло; объ этомъ вы сдѣлаете совѣщаніе вмѣстѣ. Попросите Александру Осиповну, чтобы она прочла сама мое письмо. Это вамъ нужно. Рукопись моя у князя Одоевскаго. Вы прочитайте ее вмѣстѣ, человѣка три, четыре, не больше: не нужно объ этомъ дѣлѣ производить огласки. Только тѣ, которые меня очень любятъ, должны знать. Я твердо полагаюсь на вашу дружбу и на вашу душу, и нечего между нами тратить больше словъ! Обнимаю сильно васъ, и да благословитъ васъ Богъ! Если рукопись будетъ разрѣшена и нужно будетъ только для проформы дать цензору, то, я думаю, лучше дать Очкину для подписанья, а впрочемъ, какъ найдете вы. Не въ силахъ больше писать"[1]. Замѣчанія цензоровъ по поводу „трехъ, четырехъ мѣстъ" и заглавія „Мертвыхъ Душъ", переданныя въ приведенномъ письмѣ, были высказаны словесно, вѣроятно, въ томъ засѣданіи Цензурнаго Комитета, въ которомъ постановлено передать рукопись Снегиреву: эти мнѣнія не были занесены въ протоколъ засѣданія; заключенія о запрещеніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ" Комитетомъ не было постановлено. Въ протоколы засѣданій Комитета, бывшихъ въ декабрѣ 1841-го и январѣ 1842 года, занесено *только* постановленіе о передачѣ рукописи поэмы на разсмотрѣніе цензора Снегирева. Если бы Комитетъ въ самомъ дѣлѣ принялъ рѣшеніе запретить „Мертвыя Души" и далъ этому рѣшенію форму постановленія, закрѣпленнаго протоколомъ, рукопись, на основаніи цензурныхъ правилъ, была бы удержана при дѣлахъ Комитета. Но Гоголь, узнавши о толкахъ цензоровъ, поспѣшилъ взять рукопись „Мертвыхъ Душъ" изъ Московскаго Цензурнаго Комитета и отправить ее въ Петербургъ

[1] Русскій Архивъ 1866 г., стр. 766—769.

подъ покровительство своихъ сильныхъ друзей, имѣвшихъ значеніе и при дворѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой отсылки, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа, графъ С. Г. Строгановъ, велѣлъ сказать Гоголю, что „онъ рукопись пропуститъ, что запрещеніе и пакость случились безъ его вѣдома“[1]. Въ началѣ января 1842 г. въ Москвѣ случился В. Г. Бѣлинскій. Онъ собирался ѣхать въ Петербургъ. Послѣдовало „таинственное свиданіе“ между творцомъ „Мертвыхъ Душъ“ и знаменитымъ анонимомъ-критикомъ. По словамъ П. В. Анненкова, „Гоголь рѣшился на пересылку своей рукописи въ Петербургъ, и тогда же обсуждены были мѣры для сообщенія ей правильнаго и безостановочнаго хода“[2]. Поэтъ отдалъ цензурный экземпляръ „Мертвыхъ Душъ“ Бѣлинскому, который взялся доставить его князю В. Ѳ. Одоевскому вмѣстѣ съ письмами автора къ нему и къ А. О. Смирновой. Въ письмѣ къ князю Гоголь указываетъ на значеніе „подвига“, который предстоялъ теперь его петербургскимъ друзьямъ. Приводимъ и это письмо вполнѣ: „Принимаюсь за перо писать къ тебѣ, и не въ силахъ. Я такъ усталъ послѣ письма, только что конченнаго, къ Александрѣ Осиповнѣ[3], что нѣтъ мочи. Часа два послѣ того лежалъ въ постелѣ, и все еще рука моя въ силу ходитъ. Но ты все узнаешь изъ письма къ Александрѣ Осиповнѣ, которое доставь ей сейчасъ же, отвези самъ, вручи лично. Бѣлинскій сейчасъ ѣдетъ. Времени нѣтъ мнѣ перевести духъ, я очень боленъ и въ силу двигаюсь. Рукопись моя запрещена. Продѣлка и причина запрещенія — все смѣхъ и комедія. Но у меня вырываютъ мое послѣд-

[1] Русскій Архивъ 1864 г., стр. 840. [2] Воспоминанія и критическіе очерки I, 227. Анненковъ разсказываетъ далѣе: „Бѣлинскій, возвращавшійся въ Петербургъ, принялъ на себя хлопоты по первоначальному устройству этого дѣла, и направленіе, которое онъ далъ ему тогда, можетъ быть, рѣшило и успѣхъ его. Съ нимъ, какъ мы слышали, пошла въ Петербургъ и самая рукопись автора“. Предположеніе Анненкова, что успѣхъ дѣла о напечатаніи „Мертвыхъ Душъ“ зависѣлъ отъ направленія, даннаго дѣлу Бѣлинскимъ, не оправдывается документами, которые приводятся ниже. [3] Изъ письма Гоголя къ Плетневу видно, что письмо къ А. О. Смирновой послано было, вмѣстѣ съ рукописью „Мертвыхъ Душъ“, черезъ Бѣлинскаго *ранње 7 января 1842 г.* Въ письмѣ къ Плетневу говорится: „Рукопись моя у князя Одоевскаго“. Кулишъ (въ „Запискахъ о жизни Гоголя“ I, 303) ошибается, говоря: „*Весной* она (Смирнова) получила отъ него (Гоголя) изъ Москвы очень длинное письмо съ горькими жалобами на его неудачи въ Москвѣ по предмету изданія „Мертвыхъ Душъ“. Къ письму была приложена просьба къ въ Бозѣ почивающему Государю Императору, которую А. О. должна была подать, въ случаѣ надобности“.

нее имущество. Вы должны употребить всѣ силы, чтобы доставить рукопись Государю. Ее вручатъ тебѣ при семъ письмѣ. Прочтите ее вмѣстѣ съ Плетневымъ и Александрой Осиповной и обдумайте, какъ обдѣлать лучше дѣло. Обо всемъ этомъ не сказывайте до времени никому. Какая тоска, какая досада, что я не могу быть лично въ Петербургѣ! Но я слишкомъ боленъ, я не вынесу дороги. Употребите всѣ силы. Вашъ подвигъ будетъ благороденъ; клянусь, ничто не можетъ быть благороднѣе. Ради святой правды, ради Іисуса, употребите всѣ силы. — Прощай, обнимаю тебя безсчетно. Плетневъ и Смирнова прочтутъ тебѣ свои письма — ты все узнаешь. Кромѣ ихъ не вручай никому моей рукописи. Да благословитъ тебя Богъ!"[1].

Непредвидѣнный «ударъ», нанесенный ожиданіямъ Гоголя, сильно потрясъ его; въ письмѣ къ Плетневу, отъ 7 января, поэтъ не скрылъ, что былъ «разстроенъ и тѣломъ и духомъ». Художникъ, еще такъ недавно[2] совѣтовавшій А. А. Иванову «крѣпиться, не падать духомъ», увѣрявшій, что «средства у него будутъ», и подкрѣплявшій его самоувѣренными словами: «помнящій меня несетъ силу и крѣпость въ душѣ», — этотъ художникъ теперь самъ взывалъ о помощи, самъ начиналъ сомнѣваться въ возможности продолжать трудъ, на которомъ покоились его славолюбивыя надежды. Даже въ концѣ августа 1847 г. Гоголь припоминалъ Аксакову: «Послѣдняя зима, проведенная мною въ Москвѣ, мнѣ была очень тяжела и оставила грустное воспоминаніе»[3]. Казалось, повторялась теперь старая исторія, — исторія постановки на сцену «Ревизора», нанесшая поэту глубокую рану, которую не успѣли излѣчить годы труда и лишеній, проведенные за границею. Незажившая рана теперь раскрылась. Немногіе мѣсяцы, прожитые Гоголемъ въ Москвѣ во время печатанія первой части «Мертвыхъ Душъ», имѣли рѣшающее значеніе въ направленіи и ходѣ его дальнѣйшаго развитія. Обыкновенная въ то время цензурная исторія, въ связи съ нѣкоторыми разочарованіями и съ другими обстоятельствами московской жизни, сопровождавшими появленіе въ свѣтъ поэмы, безповоротно закрѣпила въ Гоголѣ тѣ стремленія, которыя начали въ немъ высказываться послѣ первой тяжкой болѣзни его, въ Вѣнѣ, въ 1839-мъ году.

[1] Русскій Архивъ 1864 г., стр. 839—840. [2] Письмо къ А. А. Иванову отъ 25 декабря 1841 г. въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“ V, 454—455. [3] Тамъ же, томъ VI, стр. 422.

Отголоски этой болѣзни и теперь узнавалъ въ себѣ писатель, со страхомъ и сомнѣніемъ смотрѣвшій въ будущее...

Отправивши письма къ петербургскимъ друзьямъ, Гоголь обратился къ окончательной отдѣлкѣ нѣкоторыхъ произведеній, таинственно подготовлявшихся для задуманнаго собранія сочиненій. Покой уединенія изрѣдка нарушался. Погодинъ успѣлъ разболтать, что у Гоголя есть много вновь написаннаго. Нашелся пріятель, который не прочь былъ вынимать горячіе каштаны чужими руками: Максимовичъ обратился къ Гоголю съ безтактной просьбою дать что-нибудь изъ вновь написаннаго для его сборника (вѣроятно — «Кіевлянина»). Письмо Максимовича, «метавшееся и мыкавшееся по свѣту и почтамтамъ изъ Петербурга въ Москву, изъ Москвы въ Петербургъ», попало въ руки Гоголя, какъ нарочно, въ то время, когда онъ отправлялъ съ Бѣлинскимъ въ Петербургъ рукопись «Мертвыхъ Душъ». Гоголь отвѣчалъ «пріятелю» уклончиво и сдержанно. Онъ писалъ Максимовичу 10-го января: «Очень радъ, что увидѣлъ твои строки, и очень жалѣю, что не могу исполнить твоей просьбы. Погодинъ слилъ пулю, сказавши тебѣ, что у меня есть много написаннаго. У меня есть, это правда, романъ[1], изъ котораго я не хочу ничего объявлять до времени его появленія въ свѣтъ; притомъ отрывокъ не будетъ имѣть большой цѣны въ твоемъ сборникѣ, а цѣльнаго ничего нѣтъ, ни даже маленькой повѣсти. Я уже хотѣлъ было писать и принимался ломать голову, но ничего не вылѣзло изъ нея. Она у меня одеревянѣла и ошеломлена такъ, что я ничего не въ состояніи дѣлать, — не въ состояніи даже чувствовать, что ничего не дѣлаю. Если бъ ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ!»[2] Не одинъ Максимовичъ отнесся къ Гоголю съ такимъ требованіемъ. Впослѣдствіи, уже въ 1844 году, поэтъ разсказывалъ А. О. Смирновой: «Въ пріѣздъ мой въ Россію они (прежніе пріятели) встрѣтили меня съ разверстыми объятіями. Всякій изъ нихъ, занятый литературнымъ дѣломъ, кто журналомъ, кто пристрастясь къ одной какой-нибудь любимой идеѣ и встрѣтивъ въ другихъ противниковъ своему мнѣнію, ждалъ меня въ увѣренности, что я раздѣлю его мысли, поддержу, защищу его противъ другихъ, считая это первымъ условіемъ и актомъ дружбы, не подозрѣвая, что *требованія*

---

[1] Такъ называетъ Гоголь первую часть „Мертвыхъ Душъ“. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 456.

были даже безчеловѣчны. Жертвовать мнѣ временемъ и трудами своими для поддержанія ихъ любимыхъ идей было невозможно, потому что я, во-первыхъ, не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мысли, — во-вторыхъ, *мнѣ нужно было чѣмъ-нибудь поддержать бѣдное свое существованіе, и я не могъ пожертвовать имъ моими статьями, помѣщая ихъ къ нимъ въ журналы,* но долженъ былъ ихъ напечатать отдѣльно, *какъ новыя и свѣжія,* чтобы имѣть доходъ. Всѣ эти бездѣлицы ушли у нихъ изъ виду, какъ многое уходитъ изъ виду у людей, которые не любятъ разбирать въ тонкости обстоятельствъ и положенія другаго, а любятъ быстро заключать о человѣкѣ, а потому на всякомъ шагу дѣлаютъ ошибки, — *прекрасные душой дѣлаютъ дурныя вещи, великодушные сердцемъ поступаютъ безчеловѣчно, не вѣдая* того сами»[1]. Въ письмахъ, написанныхъ при первомъ извѣстіи о возможности запрещенія «Мертвыхъ Душъ», Гоголь правдиво выставилъ свое матеріальное положеніе: онъ былъ кругомъ въ долгахъ. Въ первой части «Мертвыхъ Душъ» и въ изданіи своихъ сочиненій онъ видѣлъ единственный источникъ для уплаты своихъ долговъ, остатокъ же предполагалъ употребить на пропитаніе[2]. Въ декабрѣ 1841 г. послано было Иванову, для уплаты долговъ Гоголя, 2000 рублей, вѣроятно, занятыхъ у Погодина[3]. Оставался значительный долгъ Жуковскому, который предполагалось уплатить не вдругъ[4]. Нужны были деньги на изданіе «Мертвыхъ Душъ» и собранія сочиненій... И въ это самое время «пріятели» требуютъ у Гоголя чего-нибудь изъ вновь написаннаго для своихъ журналовъ и сборниковъ. Что̀ было отвѣчать на требованіе Максимовича, на самомъ дѣлѣ «безчеловѣчное»? Поэтъ дѣйствительно имѣлъ *почти готовыя* повѣсти: «Римъ», «Шинель», вновь переработанныя: «Портретъ», «Тарасъ Бульба», неизданные драматическіе отрывки и сцены. Погодинъ зналъ это и «не лилъ пули»... Но, при тогдашнемъ положеніи Гоголя, вырывать клочки изъ живаго художественнаго тѣла для безплатнаго помѣщенія въ чужихъ сборникахъ и періодическихъ изданіяхъ — не «безчеловѣчное» ли это требованіе? Изъ вновь написаннаго поэтъ отдалъ въ «Москвитянинъ» отрывокъ — «Римъ», въ «Современникъ»—новую редакцію повѣсти «Портретъ»: онъ чувствовалъ себя обязаннымъ и Погодину, и

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, стр. 131. [2] Тамъ же, томъ V, 436—437. [3] Тамъ же, стр. 454, 455. [4] Тамъ же, стр. 470.

Плетневу. 13 марта 1842 г. Гоголь писалъ Прокоповичу о своемъ отрывкѣ «Римъ»: «Это единственная вещь, которая у меня была годная для журнала. Погодину я долженъ былъ дать что-нибудь, потому что онъ для меня много дѣлалъ. Плетневу я тоже долженъ, хотя до сихъ поръ еще не выполнилъ»[1]. Но Максимовичъ?.. Въ письмѣ къ Жуковскому, отправленномъ не задолго передъ выѣздомъ изъ Москвы (3-го мая 1842 г.), Гоголь упоминаетъ о продажѣ третьяго тома своихъ «Сочиненій»: «Сдѣлалъ кое-какую сдѣлку съ третьею частью моихъ сочиненій. Деньги получу не вдругъ и не теперь, но вѣрныя»[2]. Состоялась-ли эта сдѣлка, неизвѣстно...

Не одинъ Максимовичъ смутилъ уединенныя работы Гоголя и усилилъ горечь его томительныхъ ожиданій: начались слухи и толки, «возникшіе вслѣдствіе литературныхъ отношеній и нѣкоторыхъ недоразумѣній»[3]. «Недоразумѣнія (признавался Гоголь Смирновой уже въ 1844 г.) доходили до такихъ оскорбительныхъ подозрѣній, такіе грубые наносились удары и притомъ по такимъ тонкимъ и чувствительнымъ струнамъ, что изныла и изстрадалась вся моя душа, и мнѣ слишкомъ было трудно, что и оправдаться мнѣ не было возможности, потому что слишкомъ многому мнѣ надобно было вразумлять ихъ, слишкомъ во многомъ мнѣ нужно было раскрывать имъ мою внутреннюю исторію, а при мысли о такомъ трудѣ и самая мысль моя приходила въ отчаяніе, видя предъ собою безконечныя страницы»[4]. Гоголь не рѣшался даже изложить въ письмѣ Языкову эти толки и сплетни и назвать настоящимъ именемъ «гадости», охватившія его въ Москвѣ. Уже въ концѣ марта, оправившись отъ болѣзненныхъ припадковъ, онъ писалъ своему заграничному собесѣднику: «Сплетнями я назвалъ много всякихъ гадостей, о которыхъ не хотѣлъ распространяться,—такихъ странныхъ, непонятныхъ, непостижимыхъ гадостей, что, клянусь, *теперь*, какъ я разсмотрю ихъ, я въ нихъ вижу какое-то необыкновенное чудо, начертанное для меня свыше Провидѣньемъ не безъ особенной цѣли! Иначе изъяснить себѣ ихъ почти невозможно. Можно бы не смутиться, если бы эти гадости состояли, просто, изъ однихъ подлыхъ толковъ; но эти гадости, сплетни, или каверзы, или какъ хочешь вообрази ихъ себѣ, *лишали меня всего, грозили отнять даже мои бѣдныя средства существованія*. Эти га-

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 113. Ср. Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 225—226. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 470. [3] Тамъ же, томъ VI, стр. 52. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 132.

дости довели меня *до послѣдней крайности нужды, заставили меня быть безчестнымъ передъ тѣми, у которыхъ я взялъ деньги съ обѣщаніемъ выплатить въ назначенное время,* которыхъ чрезъ то, можетъ быть, лишилъ многаго... Согласись, тутъ было чѣмъ смутиться. Донынѣ еще не кончились вполнѣ дѣла мои; донынѣ я еще не имѣю довольно духу описать и разсказать все это въ письмѣ. Признаюсь, мнѣ тяжело было смутить и тебя весьма многимъ. Я назвалъ ихъ неопредѣленно сплетнями. Мнѣ тяжело было представить тебѣ *иное* въ печальномъ видѣ, *которымъ я манилъ тебя какъ свѣтлымъ*»[1]. Какъ ни неопредѣленны высказанные здѣсь намеки на характеръ московскихъ «гадостей», грозившихъ отнять у писателя бѣдныя средства существованія, очевидно однако, что эти каверзы направлены были противъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» и что имъ Гоголь приписывалъ, — справедливо, или нѣтъ — это другой вопросъ, — угрозу московскихъ цензоровъ запретить печатаніе поэмы. Въ Россіи Гоголь видѣлъ себя какъ бы окруженнымъ врагами. Въ началѣ 1842 г., онъ пишетъ М. П. Балабиной: «Съ того времени, какъ только ступила моя нога въ родную землю, мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они, мнѣ кажется, не здѣсь родились, а гдѣ-то ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ; и много глупостей, непонятныхъ мнѣ самому, чудится въ моей ошеломленной головѣ. Но что̀ ужасно — что въ этой головѣ нѣтъ ни одной мысли, и если вамъ нуженъ теперь болванъ, для того, чтобы надѣвать на него вашу шляпку или чепчикъ, то я весь теперь къ вашимъ услугамъ»[2]. Гоголь «избѣгалъ всякихъ объясненій и скорѣе отталкивалъ отъ себя пріятелей, чѣмъ привлекалъ: ему нуженъ былъ душевный монастырь»[3]. Чуждый всему окружающему, отрѣзанный отъ живаго міра, ожидалъ онъ съ нетерпѣніемъ извѣстій о судьбѣ перваго тома «Мертвыхъ Душъ» въ петербургской цензурѣ. Но изъ Петербурга не было даже вѣсти, дошла ли поэма по назначенію. «Что жъ вы все молчите всѣ? (пишетъ онъ кн. Одоевскому, во второй половинѣ января 1842 г.[4]). Что нѣтъ никакого отвѣта? Получилъ ли ты рукопись? Получилъ ли письма? Распорядились ли вы какъ-нибудь? Ради Бога, не томите меня: здо-

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 467. [2] Тамъ же, томъ V, стр. 456—457. [3] Тамъ же, VI, 103, 130. [4] Письмо не имѣетъ даты; оно отправлено, во всякомъ случаѣ съ А. Т. Аксаковымъ: о послѣднемъ Гоголь писалъ 27 января, что онъ пробудетъ въ Петербургѣ пять или шесть дней. Русскій Архивъ 1864 г., стр. 841.

ровье мое и безъ того очень плохо»[1]. Вслѣдъ за письмомъ къ Одоевскому, Гоголь пишетъ и Прокоповичу: «Такъ усталъ отъ писемъ и всякихъ тревогъ душевныхъ и тѣлесныхъ и отъ болѣзни моей, которой припадки были теперь сильнѣе, нежели когда-нибудь, что руки не подымаются... Навѣдайся къ Плетневу и узнай отъ него, что̀ и какъ рукопись моя, и чтобы они мнѣ присылали ее какъ можно скорѣе, если дѣло сдѣлано: и типографія и бумага ожидаютъ. Увѣдоми меня хотя строчкой. Никто ко мнѣ не пишетъ. Или Бѣлинскій невѣрный человѣкъ и не передалъ имъ во время писемъ и тетради? Я писалъ къ нему и Одоевскому»[2]. 27 января Гоголь получилъ письмо отъ А. О. Смирновой, которое его «очень успокоило». Подъ первымъ впечатлѣніемъ этого письма онъ пишетъ Одоевскому: «Благодарю ее и всѣхъ васъ много, много. Въ теперешнюю минуту такое участье для меня очень дорого. *Я бодрю себя, какъ могу,* стараюсь выходить изъ дому и принимать, сколько въ силахъ, лучшую физіогномію»[3]. Отъ московскихъ пріятелей Гоголь дѣйствительно скрывалъ свою болѣзнь, которая быстро развивалась, благодаря условіямъ тогдашней жизни и обстановки Гоголя. «Очевидно было (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ), что *онъ часъ отъ часу болѣе разстроивался духомъ и даже тѣломъ;* онъ почувствовалъ головокруженіе, и одинъ разъ впалъ въ такой сильный обморокъ, что долго лежалъ безъ чувствъ и безъ всякой помощи, потому что это случилось на верху, въ мезонинѣ, гдѣ онъ жилъ и гдѣ у него на ту пору никого не было»[4]. Временемъ развитія душевной и тѣлесной болѣзни Гоголя были декабрь 1841 года и январь 1842 года, когда послѣдовали первыя столкновенія его съ московской цензурой, съ московскими «пріятелями», и закравшіяся въ его душу сомнѣнія о будущей судьбѣ «Мертвыхъ Душъ» мѣшали ему спокойно работать надъ отдѣлкою своихъ произведеній.

---

[1] Русскій Архивъ 1864 г., стр. 840. [2] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 111. [3] Русскій Архивъ 1864 г., стр. 841. Содержаніе этого письма Смирновой неизвѣстно. Изъ позднѣйшихъ писемъ Гоголя можно впрочемъ убѣдиться, что совершенно невѣрны слова Кулиша: «Еще въ январѣ 1842 года получено въ Москвѣ извѣстіе, что изъ Петербурга первый томъ «Мертвыхъ Душъ», *одобренный къ напечатанію,* отправленъ въ Москву» (Записки о жизни Гоголя I, 289). Между тѣмъ, самъ Гоголь *27 января* писалъ Одоевскому: «Я увѣдомленъ, что здѣсь хотятъ пропустить... Во всякомъ случаѣ дѣйствуйте, какъ слѣдуетъ, и *если что будетъ готово,* то можно вручить, для передачи мнѣ, Аксакову». [4] Записки о жизни Гоголя I, 299.

Въ такія-то минуты Гоголь написалъ письмо къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уварову, главному въ то время начальнику цензурнаго вѣдомства. Въ этомъ письмѣ Гоголь представляетъ свое положеніе въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ описывалъ его своимъ друзьямъ. «Все мое имущество и состояніе (пишетъ онъ) заключено въ трудѣ моемъ. Для него я пожертвовалъ всѣмъ, обрекъ себя на строгую бѣдность, на глубокое уединеніе, терпѣлъ, переносилъ, пересиливалъ, сколько могъ, свои болѣзненные недуги, въ надеждѣ, что, когда совершу его, отечество не лишитъ меня куска хлѣба, и просвѣщенные соотечественники преклонятся ко мнѣ участіемъ, оцѣнятъ посильный даръ, который стремится всякій русскій принести своей отчизнѣ. Я думалъ, что получу скорѣе ободреніе и помощь отъ правительства, доселѣ благородно ободрявшаго всѣ благородные порывы, и что же?.. И между тѣмъ, никто не хочетъ взглянуть на мое положеніе, никому нѣтъ нужды, что я нахожусь въ послѣдней крайности, что проходитъ время, въ которое книга имѣетъ сбытъ и продается, и что, такимъ образомъ, я лишаюсь средствъ продлить свое существованіе, необходимое для окончанія труда моего, для котораго одного я только живу на свѣтѣ. Неужели и вы не будете тронуты моимъ положеніемъ?.. Я не предпринимаю дерзости просить вспомоществованія и милости, *я прошу правосудія, я своего прошу*: у меня отнимаютъ мой единственный, мой послѣдній кусокъ хлѣба. Почему знать, можетъ быть, не смотря на мой трудный и тернистый жизненный путь, суждено бѣдному имени моему достигнуть потомства. И ужели вамъ будетъ пріятно, когда правосудное потомство, отдавъ вамъ должное за ваши прекрасные подвиги для наукъ, скажетъ въ то же время, что *вы были равнодушны къ созданіямъ русскаго слова* и не тронулись положеніемъ бѣднаго, обремененнаго болѣзнями, писателя, *не могшаго найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ*, тогда какъ вы первые могли бы быть его заступникомъ и меценатомъ»[1]. Повидимому, это письмо не было отправлено по адресу[2], и дѣло разрѣшенія «Мертвыхъ Душъ»

---

[1] Это письмо напечатано въ полномъ видѣ въ «Русской Старинѣ» 1888 г., мартъ, стр. 764—765; съ пропусками въ «Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя» V, 459—460. [2] На письмѣ нѣтъ означенія года, мѣсяца и мѣста. Кулишъ предполагалъ (Записки о жизни Гоголя I, 292), что это произошло, можетъ быть, отъ разсѣянности; Анненковъ думаетъ, что «это произошло не безъ умысла». (Воспоминанія и очерки I, 223). Мы полагаемъ, что письмо къ гр. Уварову приго-

къ печати устроилось безъ содѣйствія министра народнаго просвѣщенія. Мы согласны съ Анненковымъ, что приложенная въ этомъ письмѣ «просьба выражала высшую степень незаслуженнаго страданія, до котораго доведенъ человѣкъ»; потому-то она до времени приберегалась и могла быть послана лишь въ томъ крайнемъ случаѣ, если бы усилія петербургскихъ друзей Гоголя получить цензурное разрѣшеніе «Мертвыхъ Душъ» потерпѣли рѣшительную неудачу.

Яркое и правдивое описаніе своей болѣзни Гоголь оставилъ въ письмѣ къ М. П. Балабиной[1]. Вотъ что онъ сообщаетъ въ немъ:

товлено было для посылки кому-либо изъ петербургскихъ друзей Гоголя въ томъ случаѣ, если бъ оказалось это необходимымъ. Такой надобности не представилось и оно не было вручено министру. Въ письмѣ отъ 6-го февраля, съ умысломъ *неотправленномъ своевременно,* поэтъ писалъ Плетневу: «Изъ письма Прокоповича я узналъ между прочимъ, что вы (т. е. Смирнова, Віельгорскій, Одоевскій и адресатъ) хотите отдать Уварову; *отсовѣтуйте это дѣлать.* Уваровъ былъ всегда противъ меня, хотя я совершенно не знаю, чѣмъ возбудилъ его нерасположеніе. Оно, казалось, началось со временъ «Ревизора». *Иначе дѣйствовать при теперешнихъ обстоятельствахъ тоже, кажется, нельзя»* (Сочиненія и письма Гоголя V, 457). Изъ этого видно, что Гоголь сознавалъ необходимость обратиться къ Уварову съ просьбою о поддержкѣ «Мертвыхъ Душъ» въ Цензурномъ Комитетѣ, но колебался писать ему. Не получая обѣщанной рукописи поэмы, Гоголь пишетъ 14 февраля Прокоповичу: «Не затѣялась ли опять какая-нибудь умная исторія? Пожалуйста, зайди къ Плетневу и развѣдай. И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову и князю Дондукову-Корсакову... Пусть онъ объяснитъ имъ, что все мое имущество, всѣ средства моего существованія заключаются въ этомъ, что я прошу ихъ во имя справедливости и человѣчества, потому что я и безъ того уже много терпѣлъ и терплю, что меня слишкомъ истомили, измучили этой исторіей, и что я терплю много уже чрезъ однѣ проволочки, давно лишенный всякихъ необходимыхъ средствъ существованія. Словомъ, пусть онъ объяснитъ имъ это». (Русское Слово 1859 г., январь, стр. 112). Зачѣмъ было Гоголю посылать Плетнева къ Уварову съ объясненіемъ того, что подробно изложено въ вышеприведенномъ письмѣ къ послѣднему, если это письмо послано было по адресу? Нужно ли было Гоголю скрывать отъ Плетнева письмо къ Уварову? Въ самомъ письмѣ сказано: «Вотъ уже *пять мѣсяцевъ* меня томятъ мистификаціи цензуры». Рукопись «Мертвыхъ Душъ» отдана была Снегиреву въ началѣ декабря — итакъ письмо написано въ концѣ апрѣля? Но 5 апрѣля рукопись, *уже разрѣшенная цензурою*, была въ рукахъ Гоголя.

[1] Оно не имѣетъ даты. Въ письмѣ этомъ встрѣчаются нѣкоторыя выраженія, употребленныя Гоголемъ въ письмѣ къ кн. Одоевскому отъ 27 января. Письмо Балабиной написано 14 февраля; въ концѣ письма сказано: «Теперь, сегодня я получилъ письмо отъ Плетнева съ извѣстіемъ, что дѣло мое идетъ, кажется, лучше». Письмо Плетнева получено 15 февраля (Сочиненія и письма Гоголя V, 461).

«Я былъ боленъ, очень боленъ, и еще боленъ донынѣ внутренно. Болѣзнь моя выражается такими страшными *припадками, какихъ никогда со мною еще не было;* но страшнѣе всего мнѣ показалось то состояніе, которое *напомнило мнѣ ужасную болѣзнь мою въ Вѣнѣ,* а особливо, когда я почувствовалъ то подступившее къ сердцу волненіе, которое всякій образъ, пролетавшій въ мысляхъ, обращало въ исполина, всякое незначительно-пріятное чувство превращало въ такую страшную радость, какую не въ силахъ вынести природа человѣка, и всякое сумрачное чувство претворяло въ печаль, — тяжкую, мучительную печаль; и потомъ слѣдовали обмороки, наконецъ совершенно сомнамбулистическое состояніе. И нужно же, въ довершеніе всего этого, когда и безъ того болѣзнь моя была невыносима, получить еще непріятности, которыя и въ здоровомъ состояніи человѣка бываютъ потрясающи! Сколько присутствія духа мнѣ нужно было собрать въ себѣ, чтобы устоять! И я устоялъ; я крѣплюсь, сколько могу; *выѣзжаю даже изъ дому,* не жалуюсь *и никому не показываю, что я боленъ,* хотя часто, часто бываетъ не подъ силу... Но покамѣстъ я все еще нездоровъ. *Меня томитъ и душитъ все, и самый воздухъ»*[1].

Писатель, „вызвавшій наружу" въ только-что оконченной поэмѣ „всю страшную, потрясающую тину мелочей русской жизни", видитъ себя опутаннымъ этою тиной и жаждетъ вырваться изъ нея въ безмятежную пристань художническаго уединенія. „Не могу совсѣмъ работать (пишетъ Гоголь Прокоповичу, 14 февраля). Чувствую, что *мнѣ нужно быть подальше отъ всего житейскаго дрязгу:* онъ меня томитъ"[2]. Еще рѣшительнѣе выражается потребность уединенія въ письмѣ къ Языкову. „*Меня мучитъ свѣтъ* и сжимаетъ тоска (признается поэтъ), и, какъ ни уединенно я здѣсь живу, но меня все тяготятъ здѣшніе пересуды, и толки, и сплетни. Я чувствую, что *разорвалися послѣднія узы, связывавшія меня со свѣтомъ.* Мнѣ нужно уединеніе, рѣшительное уединеніе. О, какъ бы весело провели мы съ тобой дни вдвоемъ за нашимъ чуднымъ кофіемъ по утрамъ, расходясь на легкій, тихій трудъ и сходясь на тихую бесѣду за трапезой и ввечеру! Я не рожденъ для треволненій и *чувствую съ каждымъ днемъ и часомъ, что нѣтъ выше удѣла на свѣтѣ, какъ званіе монаха*"[3]. Такъ, въ Москвѣ, въ на-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 462—463. [2] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 112. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 459.

чалѣ февраля 1842 года уже рѣшается Гоголемъ вопросъ: „чей удѣлъ на землѣ выше“,— вопросъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ предметомъ особой статьи въ „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями“[1]. Считая себя оставленнымъ всѣми, „не могшимъ найти себѣ угла и пріюта въ мірѣ“, больной духомъ и тѣломъ, Гоголь испытываетъ теперь „непреодолимое, сильное желаніе читать евангеліе“[2]. Тогда же созрѣваетъ въ немъ рѣшеніе отправиться на поклоненіе Гробу Господню и „очиститься“, чтобъ быть того „достойнымъ“[3].

Особеннымъ развитіемъ болѣзни отмѣчено начало февраля 1842 г. 6 февраля Гоголь набрасываетъ угрожающее письмо Плетневу, требуя „прекратить дѣло“ о разрѣшеніи къ печати „Мертвыхъ Душъ“: „Я вижу, не судьба моему творенью явиться теперь. Да къ тому прошло и время. Я умѣю покориться. Я попробую еще выносить нужду, бѣдность, терпѣть... Нѣтъ, отчаянье не взойдетъ въ мою душу. Непостижимъ Вышній произволъ для человѣка, и то, что кажется намъ гибелью, есть уже наше спасенье. Отложимъ до времени появленіе въ свѣтъ труда моего“. Любопытно, что въ этомъ письмѣ въ первый разъ высказывается пессимистическое отношеніе автора къ „Мертвымъ Душамъ“. „И теперь уже (пишетъ Гоголь) я начинаю видѣть многіе недостатки, а когда сравню сію первую часть съ тѣми, которыя имѣются быть впереди, вижу, что и нужно многое облегчить, другое заставить выступить сильнѣе, третье углубить. О, какъ бы мнѣ нуженъ былъ теперь тихій мой уголъ въ Римѣ, куда не доходятъ до меня никакія тревоги и волненья! Но что̀ жъ дѣлать? У меня больше никакихъ не оставалось средствъ. Я думалъ, что устрою здѣсь дѣла и могу возвратиться: вышло не такъ“. Прося возвратить ему рукопись поэмы, Гоголь убѣждаетъ Плетнева и своихъ петербургскихъ друзей: „прочтите ее вмѣстѣ, т. е. впятеромъ, и пусть каждый изъ васъ тутъ же карандашомъ на маленькомъ лоскуткѣ бумажки напишетъ свои замѣчанія, отмѣтитъ всѣ погрѣшности и несообразности. *Грѣхъ будетъ тому, кто этого не сдѣлаетъ*“[4]. Зародыши предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“ и будущихъ „запросовъ“ въ письмахъ къ друзьямъ уже замѣтны въ этомъ письмѣ, очень ловко и тенденціозно составленномъ. Совершенно справедливо

---

[1] См. настоящаго изданія IV, 166—167. [2] Тамъ же, стр. 585. [3] Записки о жизни Гоголя I, 300. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 457—458.

замѣчаетъ Анненковъ: „Гоголь видимо причислялъ письмо къ послѣднимъ крайнимъ мѣрамъ своимъ и ожидалъ еще извѣстій. Когда болѣе благопріятныя извѣстія достигли до Москвы, письмо потеряло свою самостоятельность и пошло въ видѣ дополненія къ другому, и уже частью веселому сообщенію (см. Зап. о жизни Гоголя т. I, стр. 291). Роль, на которую оно предназначалось, была снята съ него, характеръ послѣдняго, рѣшительнаго удара потерянъ: оно оставалось только свидѣтелемъ протекшихъ волненій писателя, которыя должны еще были возбуждать участіе и состраданіе его друзей!“[1]

Въ половинѣ февраля пришло отъ Плетнева первое извѣстіе о благопріятномъ оборотѣ, который получилъ вопросъ о цензурномъ разрѣшеніи „Мертвыхъ Душъ“ въ Петербургѣ. 17 февраля Гоголь писалъ Плетневу: „Я получилъ ваше увѣдомленіе о томъ, что дѣло идетъ на ладъ. Дай Богъ, чтобъ это было такъ; но я еще не получилъ рукописи, хотя три дни уже прошло послѣ полученья вашего письма. Я..... не смѣю еще предаваться надеждѣ, пока вовсе не окончится дѣло“[2]. Расположеніе духа у Гоголя измѣнилось, когда онъ получилъ это утѣшительное извѣстіе[3]. Благопріятнымъ оборотомъ дѣло обязано было графу Віельгорскому и Попечителю Петербургскаго Учебнаго Округа кн. Дондукову-Корсакову. „Добрый графъ Віельгорскій! Какъ я понимаю его душу! (восклицаетъ Гоголь въ письмѣ къ Плетневу). Но изъявить какимъ бы то ни было образомъ чувства мои — было бы смѣшно и глупо съ моей стороны. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ, что̀ я долженъ чувствовать“[4]. Но князю Дондукову-Корсакову Гоголь выразилъ благодарность въ особомъ письмѣ. „Вы не можете взвѣсить всей моей благодарности къ вамъ (писалъ онъ князю); но если бы вы снизошли въ глубину моей души, если бы вы увидѣли тамъ всѣ томленія..... тогда бы вы поняли, какъ велика (моя)

---

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 226. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 461. Въ письмѣ къ Прокоповичу, напечатанномъ съ датою: *14 февраля,* Гоголь увѣдомляетъ своего товарища: „Я получилъ твое увѣдомленіе, но *такое же самое, назадъ тому полторы недѣли,* я получилъ уже отъ Плетнева, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, было сказано, чтобы я готовился къ печати, что на дняхъ мнѣ пришлется рукопись; а между тѣмъ уже двѣ недѣли прошло“. (Русское Слово, 1859 г., январь, стр. 111—112). Не знаемъ, какъ согласить дату этого письма съ датою письма къ Плетневу отъ 17 февраля. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 464. [4] Тамъ же томъ V, стр. 461.

благодарность"[1]. Плетневу въ знакъ благодарности обѣщается статья для его „Современника"[2]. Впрочемъ, дѣло, занимавшее Гоголя, не получило еще формальнаго окончанія; только 9 марта на рукописи перваго тома „Мертвыхъ Душъ" было написано: „Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы.... Цензоръ А. Никитенко". Гоголь долго не имѣлъ точныхъ свѣдѣній ни о времени цензурнаго разрѣшенія поэмы, ни о времени высылки рукописи въ Москву. Въ мучительномъ ожиданіи и тревогѣ имъ проведенъ былъ весь мартъ. Стараясь казаться спокойнымъ и равнодушнымъ, Гоголь пишетъ Прокоповичу *13 марта:* „Вотъ уже недѣля прошла со времени полученья твоего письма и почти двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ оно тобою написано, а между тѣмъ я до сихъ поръ не получаю моей рукописи. Я не предчувствовалъ нимало скораго разрѣшенія и, читая твое письмо, я и не думалъ предаваться такой надеждѣ..... Но что̀ бы ни было, ничѣмъ я не могу смутиться и ничто не въ силѣ поколебать меня, и такъ же далекъ я отъ отчаянія, какъ далекъ отъ радости"[3]. 17 марта Гоголь пишетъ Плетневу: „Вотъ уже *вновь прошло* три недѣли послѣ письма вашего, въ которомъ вы извѣстили меня о совершенномъ окончаніи дѣла, а рукописи нѣтъ, какъ нѣтъ. Уже постоянно каждыя двѣ недѣли я посылаю каждый день освѣдомиться на почту, въ университетъ и во всѣ мѣста, куда бы только она могла быть адресована,— и нигдѣ никакихъ слуховъ. Боже, какъ истомили, какъ измучили меня всѣ эти ожиданья и тревоги! А время уходитъ, и, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе вижу возможности успѣть съ ея печатаньемъ. Увѣдомьте меня, ради Бога, что̀ случилось, чтобы я хотя по крайней мѣрѣ зналъ, что она не пропала на почтѣ, чтобы зналъ, что̀ мнѣ предпринять"[4]. Въ письмѣ возобновляются жалобы на болѣзнь, на неудачи.... „Голова моя страдаетъ всячески (сообщаетъ Гоголь): если въ комнатѣ холодно, мои мозговые нервы ноютъ и стынутъ...; если же комната натоплена, тогда этотъ искусственный жаръ меня душитъ совершенно... Давно остывъ и

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 460—461. Письмо къ Дондукову-Корсакову напечатано безъ даты. Полагаемъ, что оно написа́но 17 февраля или близко къ этому числу, основываясь на слѣдующихъ строкахъ письма: *„Если дѣло уже кончено, моя рукопись послана ко мнѣ* и вы были моимъ справедливымъ и вмѣстѣ великодушнымъ заступникомъ, то много, много благодарю васъ". [2] Тамъ же, томъ V, стр. 461. [3] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 112—113. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 464—466.

угаснувъ для всѣхъ волненій и страстей міра, я живу своимъ внутреннимъ міромъ, и тревога въ этомъ мірѣ можетъ нанести мнѣ несчастіе, выше всѣхъ мірскихъ несчастій.... Голова моя глупа, душа не спокойна. Боже, думалъ ли я вынести столько томленій въ этотъ пріѣздъ мой въ Россію!" Отъ Плетнева нѣтъ отвѣта. 25 марта Гоголь обращается къ Прокоповичу: „Не могу рѣшительно постичь, что̀ сдѣлалось и что̀ могло сдѣлаться съ моей рукописью. Если бы вновь какое-нибудь препятствіе — объ этомъ дали бы мнѣ знать письмомъ. Ты бы первый, вѣроятно, увѣдомилъ меня; но вотъ уже почти мѣсяцъ отъ числа, въ которое было пущено твое послѣднее письмо.... Уже четвертая недѣля поста къ концу: уже нѣтъ никакой возможности приступить къ печатанью. Боже, какая странная, непостижимая судьба! И я сижу безъ всего, безъ всякихъ средствъ, и нѣтъ впереди тоже никакихъ средствъ, даже надежды. Что̀ же съ нею сдѣлалось? Развѣ пропала на почтѣ? Ради Бога, не мучь меня хотя ты, и дай мнѣ какой-нибудь отвѣтъ. Все оно будетъ лучше, чѣмъ совершенная неизвѣстность"[1]. На другой день отъ Прокоповича получено увѣдомленіе, что рукопись выдана Плетневу 4-го марта, въ среду на первой недѣлѣ поста. Это извѣстіе усиливаетъ безпокойство Гоголя, и 27 марта, онъ, сообщая Плетневу объ увѣдомленіи Прокоповича, пишетъ: „Голова моя совершенно пошла кругомъ.... Ради Бога, увѣдомьте, съ кѣмъ вы послали ее, и точно ли она была принята на почту, и кѣмъ. Боже, какая странная участь! Думалъ ли я, что буду такимъ образомъ оставленъ безъ всего? Время ушло, и я безъ копѣйки, безъ состоянія выплатить самые необходимые долги, которыхъ не выплатить безчестно, безъ возможности собрать сколько-нибудь на дорогу. Непостижимое стеченіе бѣдъ! Я не знаю даже, гдѣ отыскивать слѣды моей рукописи. Разрѣшите хотя это по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ навѣрное, пропала ли она, или нѣтъ"[2]. Но мучительная неизвѣстность продолжается. Прокоповичъ старается утѣшить Гоголя увѣреніемъ, что „Мертвыя Души" разойдутся, хотя бы вышли и въ іюнѣ. Утѣшенія не достигаютъ цѣли; они только раздражаютъ практическаго въ этихъ дѣлахъ автора. 30 марта онъ снова пишетъ Прокоповичу: „Послѣ полученія письма твоего, я недѣлю еще прождалъ, думая, не получу ли какъ-нибудь увѣдомленія объ

[1] Русское слово I. с. 113. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 467.

этомъ неизъяснимомъ для меня происшествіи, и наконецъ пишу къ тебѣ. Вотъ уже 30 марта, а рукописи все нѣтъ, какъ нѣтъ. Всякій день я посылаю развѣдывать на почту, и все безплодно. Что̀ со мною дѣлаютъ цензоры, такъ пусть ихъ Богъ за это проститъ. Тебѣ легко произносить подобное утѣшеніе: рукописи де моей все равно хоть въ іюнѣ вытти: она равно разойдется. Она конечно разойдется больше, чѣмъ всякая иная книга. Но я беру расходъ ея не въ сравненіи съ другими книгами, а въ сравненіи, или въ отношеніи къ ней же самой. Выйди она зимой — мнѣ бы оставалось четыре или пять мѣсяцевъ продажи, — время, въ которое, по моему разсчету, успѣло бы выпродаться все первое изданіе, и могло бы къ маю мѣсяцу накопиться денегъ, сколько мнѣ нужно на дорогу. А теперь развѣ только къ зимѣ можетъ что-нибудь набраться, да и это все должно пойти въ уплату прошедшаго времени, потому что все же таки воздухомъ нельзя жить, и я долженъ теперь издерживать грядущіе прибытки..... Но, клянусь, это непостижимо, что̀ дѣлается съ моей рукописью. Это во всѣхъ отношеніяхъ — *чудеса,* и всякій другой могъ бы давно сойти съ ума. *Я самъ дивлюсь, какъ у меня не переворотилось въ головѣ.* Если бъ я зналъ, по крайней мѣрѣ, гдѣ она, въ какихъ рукахъ — все бъ это было бы хотя сколько-нибудь утѣшительнѣй. И ты самъ сказалъ такъ неясно: „Плетневъ велѣлъ сказать, что она отправлена въ среду на первой недѣлѣ поста“; но какимъ образомъ, имъ ли самимъ, или отъ Цензурнаго Комитета, и какъ отправлена, по почтѣ, или съ оказіей — ничего этого не сказалъ. Если выйдетъ какой-нибудь случай, что я не успѣю извернуться въ обстоятельствахъ своихъ, то приготовь мнѣ около пяти тысячъ денегъ“[1]. Въ тотъ же день Гоголь писалъ Языкову: „Скажу только тебѣ, что состояніе мое до сихъ поръ еще тягостно и что припадки, которые было совершенно оставили меня внѣ Россіи, теперь возвратились, и потому, какъ благодати, жду счастливаго отъѣзда“[2]. „Покоя нѣтъ въ душѣ моей“, сообщаетъ поэтъ своему другу Данилевскому 4-го апрѣля[3].

Наконецъ, 5-го апрѣля 1842 года рукопись „Мертвыхъ душъ“ получена была авторомъ[4]. Причина замедленія въ высылкѣ поэмы въ Москву объяснилась; но вмѣстѣ съ тѣмъ начались для автора

---

[1] Русское Слово 1. с. 113—115. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 467. [3] Тамъ же, V, 470. [4] Русское Слово 1. с. 115.

новыя тревоги: „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ" цѣликомъ, отъ начала до конца, зачеркнута была красными крестами цензора. Въ нѣсколько дней она была передѣлана, переписана и отправлена Плетневу для вторичнаго представленія въ цензуру. Уже 9 апрѣля Гоголь писалъ Прокоповичу: „Рукопись получена 5 апрѣля. Задержка произошла не на почтѣ, а отъ Цензурнаго Комитета... Выбросили у меня цѣлый эпизодъ — „Копѣйкина", для меня очень нужный — болѣе, нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать его никакъ. Передѣлалъ его теперь такъ, что ужъ никакая цензура не можетъ придраться: генераловъ и все выбросилъ, и посылаю его къ Плетневу для передачи. Пожалуйста, навѣдайся къ нему и узнай. *Больше всего для меня опасна проволочка.* Рукопись начата печататься, и потому задержка мнѣ весьма повредитъ"[1]. Дѣйствительно, „*немедленно* по полученіи рукописи, приступили къ печатанію"[2]. Поэма печаталась въ 2400 экземплярахъ[3]. Гоголь сѣлъ за приготовленіе обертки для „Мертвыхъ Душъ" и самъ нарисовалъ для нея оригиналъ[4]. На оберткѣ подъ несущимся быстро тарантасомъ изображены: съ лѣвой стороны часть деревни, съ правой — верстовой столбъ; между ними съ той и другой стороны бутылки съ рюмками и бокалами, закуски въ видѣ рыбъ на блюдѣ; солонка; бутылка сверху какъ бы вѣнчаетъ этотъ рядъ изображеній, которому внизу соотвѣтствуютъ также бутылки съ бокалами и блюдо съ большимъ осетромъ и мелкими рыбками, можетъ быть, то блюдо, которое украшало трапезу полицеймейстера, и къ которому пристроился Собакевичъ. Изображеній живыхъ людей немного — только два: на правомъ полѣ читатель видитъ пьянаго мужичка, пляшущаго подбоченившись съ чаркою въ рукѣ, и танцующую, — очевидно, на балу, — пару. За то эмблемы смерти въ обиліи разсыпаны по всей картинѣ въ верхней ея половинѣ; смерть, кажется, вездѣсуща на картинѣ: черепа выглядываютъ изъ затѣйливыхъ завитковъ, окаймляющихъ верхнюю половину рисунка

---

[1] Русское Слово І. с. 115, съ дополненіями по рукописи. [2] Кулишъ, Записки о жизни Гоголя І, 299. [3] С. Т. Аксаковъ въ запискѣ о Гоголѣ, составленной для Кулиша, говоритъ, что печатали 2500 экземпляровъ. Это указаніе неточно. На заглавномъ листѣ цензурной рукописи «Мертвыхъ Душъ» собственною рукою автора написано: «Печатать на моей бумагѣ 2400. Деньги сто рублей въ задатокъ положилъ. Н. Гоголь». [4] Записки о жизни Гоголя І, 299. Рисунокъ этотъ Гоголь назвалъ «*картинкой*» въ слѣдующей отмѣткѣ записной книжки: «Литогравщику за буквы и картинку». Точный снимокъ съ этой обертки приложенъ къ этому тому «Сочиненій Гоголя».

на одной вертикальной линіи помѣщены принадлежности закуски (бутылка вина и рыбы) и черепъ. Два скелета расположены симметрически, справа и слѣва, въ полулежачемъ положеніи; третій, на черномъ фонѣ, изображенъ сидящимъ и простирающимъ впередъ руки, какъ бы призывая кого-то въ свои объятія. Лучшимъ объясненіемъ идеи, выраженной въ рисункѣ, мы считаемъ слѣдующія строки, въ которыхъ Гоголь намѣтилъ впослѣдствіи планъ и идею первой части „Мертвыхъ Душъ": „Какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною, ничего не говорящею смертью. Какъ это страшное событіе совершается безсмысленно. Не трогаются. Смерть поражаетъ нетрогающійся міръ. Еще сильнѣе между тѣмъ должна представиться читателю мертвая безчувственность жизни..... При бальномъ....., при фракахъ, при сплетняхъ и визитныхъ билетахъ никто не признаетъ смерти..."[1]. Въ рисункѣ брошенъ намекъ на ту идею, которая стала въ Москвѣ занимать автора „Мертвыхъ Душъ" и которую онъ началъ прозрѣвать въ печатавшейся поэмѣ. Болѣзни духа и тѣла, мучившія Гоголя въ Москвѣ, устремляли помыслы его къ иному міру и идеалъ аскетизма предсталъ ему съ неотразимою силою. Въ то самое время, когда рука его выводила „картинку" для обертки, онъ писалъ своему другу Н. Д. Бѣлозерскому (12 апрѣля 1842 г.): „Здоровье мое и я самъ уже не гожусь для здѣшняго климата, *а главное — моя бѣдная душа:* ей нѣтъ здѣсь пріюта, или, лучше сказать, для ней нѣтъ такого пріюта здѣсь, куда бы не доходили до нея волненья. Я же теперь больше гожусь для монастыря, чѣмъ для жизни свѣтской"[2]. Когда развернулось вполнѣ то направленіе мысли, зародыши котораго начали выходить на поверхность въ началѣ 1842 года, въ Москвѣ, Гоголь такъ объяснялъ своей матери значеніе „памяти смертной": „Постоянная мысль о смерти воспитываетъ удивительнымъ образомъ душу, придаетъ силу для жизни и подвиговъ среди жизни. Она нечувствительно крѣпитъ нашу твердость, бодритъ духъ и становитъ насъ нечувствительными ко всему тому, что̀ возмущаетъ людей малодушныхъ и слабыхъ. Моимъ помышленьямъ о смерти я обязанъ тѣмъ, что живу еще на свѣтѣ. Безъ этой мысли, при моемъ слабомъ состояньи здоровья, которое всегда было во мнѣ болѣзненно, и при тѣхъ тяжелыхъ огорченьяхъ, которыя на моемъ поприщѣ предстоятъ человѣку

[1] См. выше, стр. 254. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 468—469.

болѣе, чѣмъ на всѣхъ другихъ поприщахъ, я бы не перенесъ многаго и меня бы давно не было на свѣтѣ. Но, содержа въ мысляхъ передъ собою смерть и видя передъ собою неизмѣримую вѣчность, насъ ожидающую, глядишь на все земное, какъ на мелочь и на малость, и не только не падаешь отъ всякихъ огорченій и бѣдъ, но еще вызываешь ихъ на битву, зная, что только за мужественную битву съ ними можно удостоиться полученья вѣчности и вѣчнаго блаженства"[1]. Ни серьезные критики „Мертвыхъ Душъ", ни друзья-цѣнители не открыли въ поэмѣ того, что видѣлось въ ней автору, переживавшему въ Москвѣ съ безмолвнымъ страданіемъ поворотъ на новый путь. На обратномъ пути въ Римъ, Гоголь остановился въ Петербургѣ и не разъ читалъ отрывки изъ напечатанныхъ „Мертвыхъ Душъ". „Но", по словамъ А. О. Смирновой, „никто тогда не подозрѣвалъ еще тайнаго смысла поэмы; самъ же Гоголь не обнаруживалъ ничего"[2]. „Ваше мнѣніе (писалъ Гоголь С. Т. Аксакову 6 августа 1842 г.): нѣтъ человѣка, который бы понялъ съ перваго разу „Мертвыя Души", совершенно справедливо и должно распространиться на всѣхъ, потому что многое можетъ быть понятно одному только мнѣ"[3]. Въ томъ же письмѣ, пытаясь объяснить созрѣвшую въ Москвѣ рѣшимость отправиться въ Святую Землю, Гоголь пишетъ Аксакову: „Если кто изъ среди насъ предприметъ такое путешествіе, мы уже какъ-то съ изумленіемъ таращимъ на него глаза, мѣряемъ его съ ногъ до головы, какъ будто бы спрашивая: не ханжа ли онъ, не безумный ли онъ? Признайтесь: вамъ странно показалось, когда я въ первый разъ объявилъ вамъ о такомъ намѣреніи? Моему характеру, наружности, образу мыслей, складу ума и рѣчей, и жизни, однимъ словомъ— всему тому, что̀ составляетъ мою природу, кажется неприличнымъ такое дѣло. Человѣку, не носящему ни клобука, ни митры, смѣшливому и смѣшащему людей, считающему и донынѣ важнымъ дѣломъ выставить неважныя дѣла и пустоту жизни, такому человѣку — не правда ли? — странно предпринять такое путешествіе? Но развѣ не бываетъ въ природѣ странностей?..... Какъ можно знать, что нѣтъ, можетъ быть, *тайной связи между симъ моимъ сочиненіемъ,* которое съ такими погремушками вышло на свѣтъ изъ темной низенькой калитки, а не изъ побѣдоносныхъ тріумфальныхъ воротъ въ сопровожденіи трубнаго грома и торжествен-

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 332. [2] Записки о жизни Гоголя II, 303.
[3] Сочиненія и письма Гоголя V, 488.

ныхъ звуковъ, *и между симъ отдаленнымъ моимъ путешествіемъ?* И почему знать, что нѣтъ глубокой и чудной связи между всѣмъ этимъ и всей моей жизнью и будущимъ, которое незримо грядетъ къ намъ и котораго никто не слышитъ?"[1]

Печатаніе первой части „Мертвыхъ Душъ" шло быстро, хотя пасхальные каникулы и задержали его почти на полторы недѣли:[2] въ началѣ мая „всѣ листы были набраны",[3] кромѣ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ", которая не была еще возвращена петербургскою цензурою. „Теперь у меня на душѣ покойнѣе (пишетъ Гоголь Жуковскому 3-го мая), и я чувствую даже, — чего давно не чувствовалъ, — какое-то тайное расположеніе къ труду. О, если бъ отошли и унеслись отъ меня послѣднія тревоги!"[4] Поэтъ тѣшитъ себя надеждою на скорый отъѣздъ изъ Москвы[5] и шлетъ бодрящія письма Жуковскому и Прокоповичу[6], поручая послѣднему благодарить Бѣлинскаго за полученное отъ него письмо.

9-го мая, въ день именинъ Гоголя, въ Погодинскомъ саду собрались на обѣдъ нѣкоторые изъ московскихъ профессоровъ, много литераторовъ и друзей *именинника*. Гоголь провелъ этотъ день хорошо и казался оживленнымъ.[7]

Гордое сознаніе великости только-что оконченнаго подвига выражается въ торжественномъ тонѣ отвѣтнаго письма Гоголя на поздравленіе Прокоповича со днемъ именинъ: „Я хорошо провелъ день сей, и не можетъ быть иначе: съ каждымъ годомъ торжественнѣй и торжественнѣй онъ для меня становится. Нѣтъ нужды, что не сидятъ за пиромъ пировавшіе прежде; они присутствуютъ со мной неотразимо, и много присутствуетъ съ ними другихъ, дотолѣ не бывавшихъ на пирѣ. Ничтожна грусть твоя, которая на мгновенье осѣнила тебя въ сей день; она была поддѣльная, ложная грусть: ибо ничего, кромѣ просвѣтлѣнья мыслей и предчувствій чудеснаго грядущаго, не долженъ заключать сей день для всѣхъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя V, 490—491. [2] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 116. [3] Тамъ же, стр. 117. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 470. [5] Тамъ же, стр. 472. [6] Тамъ же; Русское Слово 1859 г., январь, стр. 117. [7] Русское Слово l. с. 117; Записки о жизни Гоголя I, 301. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ хранится, въ числѣ автографовъ, записка Гоголя къ одному пріятелю, относящаяся, несомнѣнно, къ этому времени: «Очень жалѣю, что опять не засталъ васъ дома. Я думалъ, что вы заглянете навѣстить больнаго и по старинѣ провесть денекъ вмѣстѣ въ Погодинскомъ саду, куды я, не смотря на хворость, потащился въ надеждѣ обнять всѣхъ, привыкшихъ проводить вмѣстѣ со мной этотъ день. *Но васъ и многихъ другихъ не было.*»

близкихъ моему сердцу. Обманула тебя, какъ ребенка, мысль, что веселье твое уже смѣнилось весельемъ новаго поколѣнья. Веселье твое еще и не начиналось. Запечатлѣй же въ сердцѣ сіи слова: ты узнаешь и молодость, и крѣпкое разумное мужество, и мудрую старость. Узнаешь ихъ прекрасно, постепенно, торжественно-спокойно, какъ, непостижимою Божьей властью, я чувствую отнынѣ всѣхъ ихъ разомъ въ моемъ сердцѣ".[1] Проводя теперь лучшіе, счастливѣйшіе дни своей жизни, поэтъ спѣшитъ послать бодрящее слово художнику, еще переживавшему мучительный процессъ созданія великаго произведенія, А. А. Иванову: „Главное — мужайтесь и крѣпитесь. Нѣтъ дѣла, а тѣмъ болѣе справедливаго, въ которомъ бы нельзя успѣть, если только будемъ имѣть твердости и присутствія духа хотя на полвершка побольше куринаго."[2] Гоголь увѣренъ въ успѣхѣ своей поэмы, которая должна принести ему новые лавры и — деньги, средства жизни: онъ старается распространить въ Петербургѣ вѣсть о выходѣ „Мертвыхъ Душъ". Къ отвѣтному письму Прокоповичу, изъ котораго мы только что привели выдержку, онъ дѣлаетъ такую приписку: „О книгѣ можно объявить. Постарайся объ этомъ. Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о ней въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ее. Отправься также къ Сенковскому и попроси отъ меня помѣстить въ литературныхъ новостяхъ извѣстіе, что скоро выйдетъ такая-то книга, такого-то, *и больше ничего. Въ этомъ, кажется, никто изъ нихъ не имѣетъ право отказать*."[3] „Первые совсѣмъ готовые экземпляры (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ) были получены *21-го мая* прямо къ намъ въ домъ къ обѣду. У насъ было довольно гостей, по случаю именинъ моего сына Константина, и всѣ обѣдали въ саду. Это былъ въ то же время прощальный обѣдъ съ Гоголемъ."[4] 23-го мая въ № 41 „Московскихъ Вѣдомостей" появилось объявленіе, что въ книжной лавкѣ Императорскаго Московскаго Университета, „продаются вновь отпечатанныя книги: *Похожденія Чичикова или Мертвыя Души, поэма Н. Гоголя*, напечатана на веленевой бумагѣ, въ большую 8-ю долю листа, 475 стр., Москва, 1842, цѣна въ красивой оберткѣ 10 р. 50 коп." Въ тотъ же день Гоголь выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ.[5] 5-го іюня онъ отправился

[1] Русское Слово 1859 г., январь, стр. 117. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 473. [3] Русское Слово l. c. 118. [4] Записки о жизни Гоголя I, 301. [5] Тамъ же.

за границу.[1] Наканунѣ отъѣзда поэтъ послалъ бодрящее слово и *благословенье* своей матери и такой завѣтъ С. Т. Аксакову: „Крѣпки и сильны будьте душой, ибо крѣпость и сила почіетъ въ душѣ пишущаго сіи строки; а между любящими душами все передается и сообщается отъ одной къ другой, и потому сила отдѣлится отъ меня несомнѣнно въ вашу душу. *Вѣрующіе во свѣтлое увидятъ свѣтлое; темное существуетъ только для невѣрующихъ.*“[2]

Въ нижеслѣдующихъ варіантахъ буквы **ИМ** означаютъ первую редакцію (неполную) „Мертвыхъ Душъ“ въ рукописи Московскаго публичнаго Музея, принадлежавшей Иванову; **НР** — заграничную рукопись „Мертвыхъ Душъ“, нынѣ принадлежащую Нѣжинскому Историко-филологическому Институту; **ДП** — первую московскую копію „Мертвыхъ Душъ“ въ рукописи Древлехранилища Погодина; **ЦР** — рукопись поэмы, списанную для цензуры; **МД** — первое изданіе „Мертвыхъ Душъ“; **МД**[2] — второе изданіе той же книги.

Стр. 3 [1] **МД**; «въ коей» **ЦР**.

Стр. 4 [1] **МД**; словъ: «прежде всего», нѣтъ въ **ЦР**.

Стр. 5 [1] **МД**; «устраиваться» **ЦР**. [2] **МД**; словъ: «какъ блинъ», нѣтъ въ **ЦР**.

Стр. 6 [1] Въ **ЦР** описка, повторенная печатнымъ изданіемъ **МД**: «пулярку жареную». Исправлено въ **МД**[2]: «пулярка жареная». [2] **МД**; «со» **ЦР**. [3] **МД**; «номеръ» **ЦР**.

Стр. 7 [1] **МД**; «народа, живости» **ЦР**. [2] **МД**; «игравшими» **ЦР**. [3] **МД**; «игравшіе» **ЦР**.

Стр. 8 [1] **МД**; «номеръ» **ЦР**.

Стр. 9 [1] **МД**; «какъ-то» **ЦР**.

Стр. 10 [1] **МД, НР**; «въ пару» **ЦР**.

Стр. 11 [1] **МД**; «Дамы многія» **ЦР**. [2] **МД**; «или приглажены и прилизаны» **ЦР**. [3] **МД**; «на немъ» **ЦР**.

Стр. 13 [1] **МД**; «сколько у него» **ЦР**.

Стр. 14 [1] **МД**; «засыпать» **ЦР**. [2] **МД**; «какъ будто бы и самъ былъ чиновникомъ и надсмотрщикомъ» **ЦР**. [3] **МД**; «и» **ЦР**.

Стр. 15 [1] **ЦР**; «почти всего города» **МД**. [2] **ЦР**; «послѣ» **МД**.

Стр. 17 [1] **ЦР**; «случись» **МД**.

Стр. 18 [1] **МД**; «по аглицки» **ЦР**.

Стр. 19 [1] **ЦР**; слова: «этого впрочемъ мирнаго войска, но отчасти нетрезваго по воскреснымъ днямъ», зачеркнуты въ **ЦР** красными чернилами цензора и въ печатныя изданія «Мертвыхъ Душъ» не вошли.

Стр. 20 [1] Слово «то» внесено изъ **ЦР**.

Стр. 23 [1] Въ **МД** удержано въ этомъ словѣ правописаніе автора; «пожалоста» **ЦР**.

Стр. 25 [1] **МД**; «самые достойные люди» **ЦР**.

---

[1] Сочиненія Плетнева III, 539. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 475.

Стр. 26 [1] Слово «рѣдкое» внесено изъ **ЦР**.

Стр. 27 [1] Фраза: «Въ такія лѣта и уже такія свѣдѣнія» внесена изъ **ЦР**; она есть въ **ИМ**, въ **МД** опущена.

Стр. 28 [1] **МД**; словъ: «всякій разъ», нѣтъ въ **ЦР** и **ИМ**.

Стр. 29 [1] **МД**, **ИМ**; «даже гораздо здоровѣе» **ЦР**.

Стр. 30 [1] **МД**; въ **ЦР** и **ИМ** нѣтъ слова «поименно».

Стр. 32 [1] **МД**; «хотя за это я потерпѣлъ по службѣ» **ЦР**; «хотя за это и потерпѣлъ по службѣ» **НР**. [2] **МД**; «выразивъ» **ЦР**.

Стр. 33 [1] **МД**; «обтягивающая» **ЦР**.

Стр. 34 [1] **МД**; «есть ли вы» **ЦР**.

Стр. 35 [1] **ЦР**; «онъ» **МД**.

Стр. 36 [1] Эту фразу цензоръ замѣнилъ въ **ЦР** своею: «и что *когда узнали* о такой ихъ дружбѣ, *то они* пожалова*ны были* генералами». Напечатанное курсивомъ въ **ЦР** написано красными чернилами; сверху помѣщена передѣлка Гоголя: «и что *само Высшее начальство,* узнавши о такой ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами». Въ этомъ видѣ и печаталась означенная фраза во всѣхъ изданіяхъ «Мертвыхъ Душъ». [2] **МД**; «часто прерывала вдругъ» **ЦР**, **НР**. [3] Слова: «Бонапартъ ты проклятый!» зачеркнуты красными чернилами цензора, потому въ **МД** ихъ нѣтъ.

Стр. 37 [1] **МД**, **ИМ**; «отдаетъ» **ЦР**. [2] **МД**, **ИМ**; «сполняетъ» **ЦР**. [3] **МД**; «дорожнихъ» **ЦР**. [4] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ «и»; въ **ИМ**: «и схвативъ.... прикрикнулъ»; въ **НР**: «схватилъ... и прикрикнулъ».

Стр. 38 [1] **МД**; слова «онъ» нѣтъ въ **ЦР**; «прикрикнувши» **ИМ**. [2] **ЦР**, **НР**; «побудительные» **МД**. [3] Слово «ея» внесено изъ **ЦР**. [4] Слово «а» внесено изъ **ЦР**. [5] **МД**, **ИМ**; слова «наконецъ» нѣтъ въ **ЦР**; оно зачеркнуто уже въ **НР**. [6] **МД**; «и надѣляла препорядочными толчками» **ЦР**.

Стр. 39 **МД**; «небольшаго» **ЦР**; «по нѣкоторомъ размышленіи» **ИМ**. [2] **МД**, **ИМ**; въ **ЦР** нѣтъ слова: «какъ». [3] **МД**, **ИМ**; «почему жъ и не посѣчь?» **ЦР**.

Стр. 40 [1] **МД**; «дорожнимъ» **ЦР**. [2] **МД**, **ИМ**; «заливалися» **ЦР**. [3] Слова: «какъ пономарь», зачеркнуты красными чернилами цензора и въ **МД** не вошли. [4] **МД**; «и надѣленный» **ЦР**; «или просто надѣленный» **НР**.

Стр. 41 [1] Въ этомъ мѣстѣ удерживаемъ пунктуацію **ЦР**; въ собственноручной рукописи автора **ИМ** пунктуація та же: «картинки съ какими-то птицами; между (двумя) окнами маленькія зеркала»; въ **НР**: «картины съ какими-то птицами, между окнами маленькія зеркала»; въ **МД** иначе: «картины съ какими-то птицами, между оконъ; старинныя маленькія зеркала». [2] **МД**; «завитыхъ» **ЦР**. [3] **МД**, **ИМ**; «на неурожай» **ЦР**. [4] **МД**; въ **НР** собственноручно: «и достаться племянницѣ внучатой сестры вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ»; въ **ЦР**: «и достаться потомъ въ духовной племянницѣ, внучатной сестрѣ вмѣстѣ со всякимъ другимъ хламомъ».

Стр. 42 [1] **МД**; «тотъ часъ» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР**, повидимому, описка: «они пробили десять такихъ звуковъ»; «они пробили десять такимъ звукомъ» **НР**.

Стр. 43 [1] **МД**; «покойно» **ЦР**, **НР**.

Стр. 44 [1] **МД**; «переносилися» **ЦР**.

Стр. 45 [1] **МД**; «и» **ЦР**, **НР**.

Стр. 46 [1] **ЦР**, **ИМ**; «какъ ужъ мы видѣли» **МД**. [2] **МД**, **ИМ**; «отечество» **ЦР**.

Стр. 50 [1] **ЦР**, **ИМ**; «маненько» **МД**, **МД** [2].

Стр. 51 [1] **МД, ИМ**; «послалъ» **ЦР**. [2] **МД, ИМ**; «пожалоста» **ЦР**.

Стр. 52 [1] **МД**; «въ исполненіе» **ЦР**. [2] Слово «и» внесено изъ **ЦР**; въ **НР** собственноручно: «*и* другими». [3] **МД, НР**; «что онъ былъ» **ЦР**. [4] **МД**; «онъ» **ЦР**.

Стр. 53 [1] **МД**; «иногда» **ЦР**. Это — остатокъ прежняго текста. Въ **НР**: «такъ что онъ иногда (подымалъ бровь) слыша ихъ, (и) прежде (на минуту) останавливался». [2] **МД**; «остановилъ» **ЦР, НР**.

Стр. 54 [1] **МД**; «пожалоста» **ЦР**.

Стр. 55 [1] **МД**; «странно» **ЦР, НР** (собственноручно). [2] **МД**; слова «и» нѣтъ въ **ЦР**; въ **НР** оно зачеркнуто собственноручно. [3] **МД**; «пронесется» **ЦР**; въ **НР** собственноручно: «проносится».

Стр. 56 [1] **МД**; «самый» **ЦР**. [2] **МД, НР**; «дѣвочка» **ЦР**.

Стр. 58 [1] **МД**; «И не одинъ» **ЦР, НР**.

Стр. 59 [1] **ЦР, НР**; «подбавки» **МД**.

Стр. 60 [1] **МД**; «разставивъ руки» **ЦР, НР**. [2] **МД**; «Поздравь меня» **ЦР, НР** (собственноручно).

Стр. 61 [1] **ЦР**; «бакенбартъ» **МД**. [2] **МД**; «отыгралъ» **ЦР, НР**.

Стр. 62 [1] **МД**; «за каждую карту» **ЦР, НР**.

Стр. 63 [2] **МД**; «да еще и нужное, не шутя» **ЦР**. Въ **НР** собственноручно: «Право, дѣло, да еще и нужное». — «Ну, вотъ же, право, врешь — ненужное». — «Не шутя». — «Пари держу: врешь. Ну, скажи только: къ кому ѣдешь». [2] Въ **МД**: «и произнося: «Экъ его разобрало!» Въ **ЦР**: «и произноситъ: «Экъ его разсмѣялся!» Вся фраза вписана въ цензурную рукопись собственною рукою автора. [3] **МД**; «поподчиваю» **ЦР, НР**.

Стр. 64 [1] **МД**; «дай» **ЦР**; въ **НР** собственноручно: «дай».

Стр. 65 [1] **МД**; «что» **ЦР, НР**. [2] **ЦР**; «поѣду-ка я въ самомъ дѣлѣ» **НР**; «заѣду я въ самомъ дѣлѣ» **МД**; «заѣду и въ самомъ дѣлѣ» **МД** [2]. [3] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ слова: «кое-что». [4] **МД**; въ **ЦР** и **НР** нѣтъ фразы: «Вотъ это хорошо!»

Стр. 66 [1] **МД**; «и предовольно» **ЦР, НР**.

Стр. 67 [1] **МД**; «сидѣть» **ЦР**; «высидѣть» **НР** (собственноручно). [2] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ слова «и». [3] **МД**; «и вретъ» **НР**; «вралъ» **ЦР**.

Стр. 68 [1] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ слова «и»; въ **НР** оно зачеркнуто авторомъ. [2] **МД**; «въ какое-нибудь» **ЦР, НР** (собственноручно). [3] **МД**; «чтобы все это» **ЦР, НР** (собственноручно). [4] **МД**; «спускалось все» **ЦР, НР** (собственноручно).

Стр. 69 [1] **МД**; «по срединѣ» **ЦР**. [2] **МД**; «не хотѣлъ» **ЦР, НР**.

Стр. 71 [1] **МД**; «сабли, ружья» **ЦР, НР** (собственноручно). [2] **МД, НР**; слова «только» нѣтъ въ **ЦР**.

Стр. 72 [1] **МД**; «вѣроятно, означавшее высочайшую точку совершенства» **НР** (соб.); «означающее высочайшую точку совершенства» **ЦР**.

Стр. 73 [1] **ЦР**; «Нѣтъ, братъ! она такая почтенная и вѣрная» **МД**. [2] **МД, НР**; «бабить» **ЦР**. Гоголь почти постоянно опускалъ *ся* въ глаголахъ съ этимъ окончаніемъ. Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. V-го тома.

Стр. 74 [1] **МД**; «какъ бы вспомнивъ» **ЦР, НР** (собственноручно).

Стр. 75 [1] **МД**; «ему всякую дрянь хотѣлось бы понюхать» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР** и **НР** нѣтъ слова «ну». [3] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ словъ: «вотъ ужъ»; въ **НР** собственноручно зачеркнуто: «ужъ». [4] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ словъ: «хоть бы»; въ **НР**: «хоть какія-нибудь».

Стр. 80 [1] **МД**; «какъ будто» **ЦР, НР**.

Стр. 81 [1] **МД**; «я игрывалъ» **ЦР**, **НР**.

Стр. 84 [1] **МД**; «милліонъ ружейныхъ дулъ выставились» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**; «и что уже свищетъ, несясь, роковая пуля захлопнуть его крикливую глотку» **ЦР**, **НР**. [3] **ЦР**; «подступающаго» **НР**; «подступившаго» **МД**. [4] **МД**; «задребезжавъ» **ЦР**, **НР**.

Стр. 85 [1] **МД**; «началъ» **ЦР**, **НР**. [2] **ЦР**; «мнѣ бы, можетъ быть, не далось бы» **МД**; «мнѣ, можетъ быть, не далось бы» **МД** [2].

Стр. 86 [1] **МД**; «въ корытцо» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**; «лошадей» **ЦР**, **НР**. [3] **МД**; «раздался» **ЦР**, **НР** (собственноручно). Ср. 8-е прим. къ 229-й стран. перваго тома.

Стр. 88 [1] **ЦР**, **НР** (собственноручно); «пришпандорь кнутомъ вонъ того, того, соловаго» **МД**; «пришпандорь кнутомъ вонъ того-то, соловаго» **МД** [2]. [2] **МД**, **НР** (собств.); слова «и» нѣтъ въ **ЦР**. [3] **МД**; «залетающій иногда въ комнату и сидящій гдѣ-нибудь одиночкой на стѣнѣ» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [4] **МД**; «за ногу, и онъ только топырится» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 89 [1] **МД**; слова «позабывъ» нѣтъ въ **ЦР** и въ **НР**, гдѣ это мѣсто написано собственноручно авторомъ. [2] **МД**; «и все, что ни есть на свѣтѣ» **ЦР** и **НР**, гдѣ это мѣсто написано собственноручно авторомъ. [3] **МД**; слова «и» нѣтъ въ **ЦР**, **НР**.

Стр. 90 [1] **МД**; «такъ стали привлекательно рисоваться» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**, **НР**; «темное» **ЦР**. [3] **ЦР**, **НР**; «какъ» **МД**. [4] **МД**; «и оттого очутилось не шесть колоннъ, какъ было назначено, а только пять» **ЦР**; въ **НР** собственноручно: «и оттого очутилось не (четыре) шесть колонъ, какъ слѣдовало, а только пять».

Стр. 91 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); «подсвистывающаго» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР** и **НР** (собств.) нѣтъ слова: «его». [3] **МД**; въ **ЦР** и **НР** (собств.) нѣтъ слова «чужія».

Стр. 92 [1] **МД**; «щеголей, наполняющихъ» **ЦР** и **НР** (собственноручно).

Стр. 93 [1] **МД**, **НР** (собственноручная поправка); «произведенный» **ЦР**. [2] **МД**; «въ прошедшій четвергъ пріятно провели тамъ время» **ЦР**; въ **НР** зачеркнуто: «очень». [3] **МД**; въ **ЦР** нѣтъ этого мѣста: «Признаюсь, этого я бы никакъ не подумалъ», продолжалъ онъ». [4] **МД**; «Но, позвольте вамъ сказать» **ЦР** и **НР** (собственноручно).

Стр. 95 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); «вздумали» **ЦР**. [2] **ЦР**, **НР** (собственноручно); «жидкокостая» **МД**.

Стр. 97 [1] Затѣмъ въ **ЦР** приписано красными чернилами: «хотя въ замѣнъ того и вновь родившіеся не вносятся въ подушные списки». Эта приписка появилась въ **МД** и удержана во всѣхъ изданіяхъ «Мертвыхъ Душъ». [2] **МД**; «все также» **ЦР**, **НР**.

Стр. 98 [1] **МД**; въ **ЦР** и **НР** нѣтъ слова «но» [2] **МД**; «и забыли» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 99 [1] **МД**; «вы торгуетесь» **ЦР**, **НР**. [2] Слово «никакъ» внесено изъ **НР**, гдѣ это слово написано собственноручно; такъ и въ **ЦР**. [3] **МД**; «прозакладываю» **ЦР**, **НР**.

Стр. 100 [1] **МД**; «уйти» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 101 [1] Слова: «отъ нихъ», внесены изъ **НР**, гдѣ они написаны собственноручно авторомъ; удержаны въ **ЦР**.

Стр. 102 [1] МД; «на кресла» ЦР, ИМ; въ НР было написано: «на креслахъ»; потомъ зачеркнуты двѣ послѣднія буквы. [2] МД; «вопросъ» ЦР, НР (собственноручно). [3] МД; «даже четверти угла» ЦР, НР (собственноручно).

Стр. 103 [1] МД; «и возня» ЦР, НР (собственноручно). [2] МД; «вершковъ» ЦР, НР (собственноручно). [3] МД, НР (собственноручно); въ ЦР нѣтъ слова: «потомъ». [4] Все это мѣсто («Да еще, пожалуй» — «солоно») внесено изъ ЦР, въ которой оно зачеркнуто цензоромъ, и потому ни въ одно изъ печатныхъ изданій «Мертвыхъ Душъ» не вошло. Эти строки собственноручно вписаны авторомъ въ НР.

Стр. 104 [1] МД; «Да на что?» ЦР, ИМ.

Стр. 105 [1] МД, ИМ; «часокъ» ЦР. [2] МД; въ ЦР этой фразы нѣтъ. «Что жъ ты, или Плюшкина не знаешь?» НР (собственноручно). [3] МД, НР; «и» ЦР.

Стр. 106 [1] Въ ЦР ошибка писца: «поприще». Эта ошибка удержана *во всѣхъ изданіяхъ* «Мертвыхъ Душъ». Мѣсто это вписано авторомъ собственноручно въ НР взамѣнъ прежняго текста. Въ НР читаемъ: «И какъ ужъ потомъ не хитри и не облагороживай свое *прозвище*». [2] Слова: «хоть заставь пишущихъ людишекъ выводить его за наемную плату отъ древне-княжескаго рода» внесены изъ ЦР, въ которой зачеркнуты красными чернилами цензора. [3] МД; «кракнетъ сама за себя фамилія» НР (собственноручно). [4] НР, МД [2]; «отозвется» МД; «отличается» ЦР. [5] МД; «и вмѣстѣ такъ бы кипѣло» ЦР, НР.

Стр. 107 [1] МД, НР (собственноручно); «ящички» ЦР. [2] МД; «мелкой овощной лавки» ЦР, НР (собственноручно).

Стр. 108 [1] МД, НР (собственноручно); въ ЦР это слово *два раза* написано ошибочно: «непріятно». Ср. ниже 2-е прим. къ 220-й страницѣ. [2] МД; «отъ бревенчатой мостовой» ЦР; въ НР прежде было написано: «происшедшій отъ (мѣстами попадавшейся) бревенчатой мостовой». Сверху незачеркнутаго слова «происшедшій» написано карандашомъ: «произведенный»; приписка не согласована съ остальными частями предложенія. [3] МД; «а биться» ЦР, НР (собственноручно).

Стр. 109 [1] МД; «застоявшіяся, какъ видно, долго, походившія цвѣтомъ на старый плохо выжженный кирпичъ съ поросшею на верхушкѣ всякой дрянью, и даже прицѣпившимся съ боку кустарникомъ» НР (собственноручно), ЦР. [2] МД, НР; «но» ЦР.

Стр. 110 [1] МД, НР; «взбѣжалъ» ЦР. [2] МД; «углубленіе, зіявшее, какъ темная пасть, вся окинутая тѣнью, и чуть чуть замѣтны были въ самой черной глубинѣ сей пасти бѣжавшая узкая дорожка» ЦР. [3] МД; «изъ-за него» ЦР. [4] МД; «другихъ» ЦР.

Стр. 111 [1] МД, НР (собственноручно); «ни отворяющихся» ЦР. [2] МД, НР (собственноручно); «и никакихъ» ЦР. [3] МД; «полною» ЦР, НР (собственноручно). [4] МД, НР; «похоже» ЦР. [5] МД; «разсмотрѣла» ЦР, ИМ.

Стр. 112 [1] Такъ въ НР (собственноручно), ЦР, МД и МД [2]. [2] МД; «высовывался» ЦР, НР (собственноручно).

Стр. 113 [1] ЦР; «странное убранство» МД; «все странное убранство (этой) комнаты» НР.

Стр. 114 [1] МД; «онъ» приписано въ НР собственноручно вмѣсто зачеркнутаго: «но» ЦР. [2] МД, НР (собственноручно); «употреблять» ЦР.

Стр. 116 [1] ЦР, ИМ; «остались» МД. [2] Слово «его» внесено изъ ЦР; оно есть въ ИМ, пропущено въ МД.

Стр. 118 [1] ЦР; «огнями и плошками» МД, НР (собственноручно).

Стр. 119 [1] Фраза: «и труба-то совсѣмъ развалилась», вставлена въ корректурный листъ; въ ЦР, ИМ и НР ея нѣтъ. [2] ЦР; «тысячи» МД. [3] МД; «большой» ЦР, НР.

Стр. 120 [1] ЦР, НР; «актриса» МД. [2] МД; «долго возить» ЦР, НР.

Стр. 121 [1] МД. Текстъ этого мѣста («Я не знаю» — «а противъ душеспасительнаго слова не устоишь») собственноручно приписанъ Гоголемъ въ ЦР съ боку страницы вмѣсто первоначальнаго, зачеркнутаго цензоромъ: «Я не знаю, какъ священники-то не обращаютъ на это вниманіе; сказалъ бы какое-нибудь поученіе: вѣдь, чтò ни говори, а противъ слова-то Божія не устоишь». [2] Слово «что» внесено изъ ЦР.

Стр. 123 [1] МД; «Наконецъ вытащилъ онъ эту бумажку» ЦР, НР. [2] ЦР, НР. «оставишь» МД и МД [2].

Стр. 124 [1] МД, НР (собственноручно); въ ЦР нѣтъ слова «и». [2] МД; «засматривать» ЦР, НР.

Стр. 126 [1] МД; «на» ЦР, ИМ, НР. [2] МД; «Послушайте, почтеннѣйшій!» ЦР. «Повѣрьте, почтеннѣйшій!» ИМ. [3] Въ НР собственноручно: «по пяти сотъ рублей заплатилъ бы съ удовольствіемъ; заплатилъ бы, потому что вижу»; такъ и въ ЦР. [4] МД; «на» ЦР, НР (собственноручно).

Стр. 127 [1] МД; «на» ЦР, НР (собственноручно). [2] МД; «боясь ежеминутно пролить ее» ЦР, НР (собственноручно). [3] МД; «приписывающагося» НР; «причитывающагося» ЦР; «который приписывался» ИМ.

Стр. 128 [1] МД, НР; «но такой прибытной онъ никакъ не ожидалъ» ЦР. [2] МД; въ ЦР описка: «покруживъ» (вмѣсто: «покрутивъ»); въ НР: «покрутивъ»; въ ИМ: «покрутивши». [3] МД; «перемѣшивалися» ЦР, НР.

Стр. 129 [1] Въ НР, ЦР, МД, МД [2]: «начинались». Ср. 1-е примѣч. къ 19-й стр. V тома. [2] МД; «и видитъ онъ, что на землѣ и на Сѣнной» ЦР, НР (собственноручно). [3] МД; «и половымъ, который выбѣжалъ» ЦР, НР.

Стр. 130 [1] МД; «властными все истребить изъ памяти» ЦР.

Стр. 131 [1] Слова: «онъ — Богъ!» въ ЦР зачеркнуты цензоромъ. [2] МД; «назовущаго» ЦР. [3] МД; «отведущаго» ЦР. [4] МД; «придадущаго» ЦР, НР (собственноручно). [5] МД; «отымущаго» ЦР; «отнимущаго» НР (собственноручно). [6] МД; слова «что» нѣтъ въ ЦР.

Стр. 132 [1] ЦР; «святый» МД. Пересматривая это мѣсто, Гоголь удержалъ эпитетъ слова «священный» и послѣ словъ: «въ смущенномъ трепетѣ.....», собственноручно приписалъ чернилами: «величавый громъ другихъ рѣчей....» Припомнимъ слѣдующіе стихи Пушкина:

И внемлетъ арфѣ серафима
Въ *священномъ ужасѣ* поэтъ.

[2] Слова: «строгій сумракъ лица», въ ЦР написаны Гоголемъ собственноручно чернилами сверху строки, вмѣсто прежняго: «все, чтò ни похоже на слезу». [3] Прежде въ ЦР было написано: «*Окунемся* вдругъ *и разомъ* въ жизнь *и свѣтъ;*» потомъ, зачеркнувши отмѣченное здѣсь курсивомъ, Гоголь приписалъ сверху строки карандашомъ: «Разомъ и...... (оку-

немся»), а внизу строки чернилами: «со всей ея беззвучной трескотней и бубенчиками». [4] **МД**; въ **ЦР** было сначала написано: «что имъ пріобрѣтено безъ малаго четыреста душъ;» карандашомъ зачеркнуты слова: «имъ пріобрѣтено», и собственноручно приписано: «у него теперь». [5] Собственноручная поправка въ **ЦР** карандашомъ; прежде было: «Въ туже минуту». [6] Слово «ибо» въ **ЦР** собственноручно приписано карандашомъ вмѣсто зачеркнутаго: «такъ что». [7] Предложеніе: «позабывъ свою степенность и приличныя среднія лѣта», въ **ЦР** приписано Гоголемъ собственноручно, сверху строки, карандашомъ.

Стр. 133 [1] **МД**; въ **ЦР** это мѣсто испещрено собственноручными карандашными поправками автора. Прежде было написано: «Потомъ въ ту же минуту приступилъ къ дѣлу: подошелъ къ шкатулкѣ и потеръ предъ нею руки съ такимъ же удовольствіемъ, какъ потираетъ ихъ выѣхавшій на слѣдствіе неподкупный земскій судъ, подходящій къ закускѣ. Ему хотѣлось тотъ же часъ заняться разборомъ бумагъ, никакъ не откладывая дѣла въ долгій ящикъ. Онъ рѣшился самъ сочинить и написать крѣпости, чтобъ не платить ничего подьячимъ. Оказалось, что форма крѣпости была совершенно ему извѣстна. Бойко и красиво выставилъ онъ большими буквами: тысяча восемь сотъ такого-то года, потомъ вслѣдъ затѣмъ мелкими: «помѣщикъ такой-то» и все, что слѣдуетъ. Въ полтора часа съ небольшимъ были готовы всѣ крѣпости, потомъ переписалъ онъ набѣло всѣ списки мужичковъ, отдѣльно каждый. Когда, переписавши, взглянулъ онъ на эти листики, на мужиковъ». Всѣ сдѣланныя въ этомъ мѣстѣ поправки карандашомъ вошли въ **МД**, кромѣ первой поправки, которая совершенно стерлась, такъ что видны только: «б............. хотѣлось поскорѣе». Въ **МД** здѣсь стоитъ: «поскорѣе кончить все». [2] **ЦР**, **НР**; въ **МД**, кажется, ошибка: «къ другому приписано *было:* смыслитъ». [3] Въ **ЦР**, **МД** и **МД** [2]: «Коробка». Въ собственноручной припискѣ автора въ **НР** и «Коробка», и «Пробка»: «Коробка Степанъ — плотникъ, искусства и трезвости примѣрной». — «А! вотъ онъ, Степанъ Пробка!»

Стр. 134 [1] Слово «государственную» въ **ЦР** зачеркнуто цензоромъ, который приписалъ сверху красными чернилами: «ассигнацію», какъ и напечатано въ **МД**. [2] Слова: «подъ церковный куполъ, а, можетъ быть, и на крестъ потащился» зачеркнуты въ **ЦР** красными чернилами цензора; вмѣсто нихъ красными же чернилами написано: «колокольню». [3] Слово «Григорій» авторъ собственноручно приписалъ сверху строки. [4] Слово «отъ» написано карандашомъ вмѣсто зачеркнутаго «и».

Стр. 136 [1] Вмѣсто зачеркнутаго: «Волоколамскъ», Гоголь собственноручно приписалъ: «Весьегонскъ». [2] «Весьегонская» написано карандашомъ вмѣсто: «Сысольская». [3] **МД**; «Почему» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [4] Въ **ЦР** и **МД**: «виднѣютъ». См. 1-е примѣчаніе къ 19-й страницѣ пятаго тома.

Стр. 137 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); слова «весь» нѣтъ въ **ЦР**. [2] **МД**; «потому что» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [3] **ЦР**, **НР** (собственноручно); «дѣла» **МД**. [4] Слова «приходила мысль», въ **ЦР** карандашомъ приписаны собственноручно авторомъ; прежде было написано: «какъ бы то ни было, онъ все-таки отчасти чувствовалъ». [5] **ЦР**, **НР** (собст.); «медвѣдя, крытаго» **МД**.

Стр. 138 [1] **МД**; «что отвѣчать» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 139 [1] **МД**; «робость относительно къ присутственнымъ мѣстамъ» **ЦР**; «робость относительно всякаго рода присутственныхъ мѣстъ» **НР**. [2] **МД**; «пробѣжать ихъ» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 140 [1] **МД**; «сказалъ Чичиковъ» **ЦР**, **НР**.

Стр. 141 [1] Словъ «въ общежитьи» въ **НР** и **ЦР** нѣтъ. [2] Слово «священнодѣйствующихъ» въ **ЦР** зачеркнуто цензоромъ и потому не вошло въ **МД**.

Стр. 142 [1] Въ **ЦР** красными чернилами цензора зачеркнуты слова: «за что и»; фразѣ данъ потомъ такой видъ: «получи*вшій за службу* въ свое время коллежскаго регистратора». [2] **МД**; «и что» **ЦР**. [3] **МД**; «Предсѣдатель, казалось, былъ увѣдомленъ о покупкѣ уже Собакевичемъ» **ЦР**. [4] **ЦР**; «сформованный» **МД**, **НР**.

Стр. 143 [1] **МД**; «хоть бы какая-нибудь болѣзнь, хоть бы горло заболѣло» **ЦР**, **НР**.

Стр. 144 [1] **МД**; «за ними» **ЦР**, **НР**.

Стр. 146 [1] **МД**, **НР**; «а» **ЦР**. [2] Слово «чудотворецъ» въ **ЦР** зачеркнуто красными чернилами цензора, который взамѣнъ этого слова приписалъ: «чудный человѣкъ».

Стр. 147 [1] **ЦР**; «къ» **МД**. [2] Слово «чудотворецъ» цензоръ замѣнилъ въ **ЦР** словами: «чудный человѣкъ». [3] **МД**; «семги» **ЦР**, **НР**.

Стр. 148 [1] **МД**; «кумался» **ЦР**, **НР**. Ср. въ «Ревизорѣ» по изданію 1836 г.

Стр. 149 [1] Словъ: «женимъ его» въ **ЦР** нѣтъ.

Стр. 150 [1] **МД**; «смекнулъ самъ» **ЦР**, **НР**.

Стр. 151 [1] **МД**; «который возвращался» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**; «онъ» **ЦР**, **НР**. [3] **МД**; «ведущую» **ЦР**; «ведшую» **НР**.

Стр. 153 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); «да и умѣй» **ЦР**.

Стр. 154 [1] Въ **ЦР**, **НР** (собственноручно) и **МД**: «пронесли». Ср. 1-е примѣч. къ 19-й стран. пятаго тома. [2] Такъ въ **ЦР** и **МД**; полагаемъ, что и въ цензурной рукописи, и въ двухъ первыхъ изданіяхъ «Мертвыхъ Душъ» удержано въ этомъ словѣ правописаніе Гоголя, который ставилъ *е* тамъ, гдѣ слѣдуетъ *ѣ*. Вѣроятно, слѣдуетъ: «всѣ». Въ рукописи, писанной П. В. Анненковымъ подъ диктовку Гоголя: «всѣ».

Стр. 156 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); «страшно» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР** была сначала написана первоначальная редакція этого мѣста: «..... манкировала контръ-визитомъ. Ссора была такъ сильна, что уже никакъ не могли потомъ примирить ихъ; какъ ни старались мужья и родственники загладить дѣло; но увидали, что рана была совершенно неизлѣчима». Передѣлки сдѣланы въ **ЦР** карандашомъ, собственною рукою автора и внесены въ **МД**. [3] **МД**; «все» **ЦР**, **НР** (собственноручно). Ср. выше примѣчаніе 2-е къ 154-й страницѣ.

Стр. 158 [1] Прежде было написано: «такъ что мы»; послѣднее слово Гоголь зачеркнулъ въ **ЦР** карандашомъ. [2] Такъ въ **ЦР**, **НР**, **МД** и **МД** [2]: «приглашали», а не «приглашала», какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ изданіяхъ «Мертвыхъ Душъ».

Стр. 159 [1] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи собственноручной поправки Гоголя, сдѣланной карандашомъ въ **ЦР**; прежде въ **ЦР** было написано: «Это очень заинтересовало Чичикова». [2] Слово «и» зачеркнуто въ **ЦР** карандашомъ, но удержано въ **МД**. [3] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи собственныхъ исправленій, сдѣланныхъ авторомъ въ **ЦР** карандашомъ. Прежде

въ **ЦР** было написано: «... что онъ перечелъ и въ другой, и въ третій разъ письмо, и все но никакъ не могъ утвердить въ головѣ своей ни одного предположенія насчетъ того, кто бы такая могла быть писавшая.— «А любопытно бы, однакожъ, знать, кто бы такая», сказалъ онъ самъ себѣ. «Право, любопытно; я бы, признаюсь, много далъ, чтобы узнать». [4] Слова: «само собой разумѣется», въ **ЦР** приписаны Гоголемъ собственноручно карандашомъ сверху строки. [5] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи собственноручныхъ исправленій, которыя авторъ сдѣлалъ въ **ЦР** карандашомъ; прежде въ **ЦР** было написано: «билетомъ, уже съ давнихъ поръ лежавшимъ на одномъ и томъ же мѣстѣ». [6] Такъ напечатано на основаніи поправокъ, сдѣланныхъ Гоголемъ въ **ЦР** карандашомъ; прежде это мѣсто въ **ЦР** читалось такъ: «Что все постороннее было въ ту жъ минуту оставлено и отстранено прочь и все было устремлено на приготовленіе къ балу,—это можетъ заключить всякій, потому что еще никогда не было такихъ побудительныхъ и задирающихъ причинъ». [7] Слова: «отъ самаго созданья свѣта», въ **ЦР** приписаны карандашомъ въ замѣну зачеркнутыхъ: «еще никогда».

Стр. 160 [1] Въ **ЦР** это мѣсто было передѣлано авторомъ и уже въ передѣланномъ видѣ напечатано въ **МД**. Первоначальный текстъ этого мѣста въ **ЦР** таковъ: «Почти цѣлый часъ былъ посвященъ только на одно разсматриваніе лица въ зеркалѣ. Пробовалось сообщить ему множество разныхъ выраженій: иногда важное и степенное выраженіе, иногда почтительное, но съ нѣкоторою улыбкою, иногда просто почтительное безъ улыбки; отпущено было въ зеркало нѣсколько поклоновъ и произнесено даже нѣсколько неясныхъ звуковъ, отчасти похожихъ на французскіе, хотя по французски Чичиковъ не зналъ вовсе. Онъ сдѣлалъ даже самому себѣ множество пріятныхъ сюрпризовъ какимъ-нибудь новымъ положеніемъ лица, какого и самъ до того не видывалъ». [2] **МД**, **НР**; «земскій судъ на это» **ЦР**. [3] **МД**; «И герой нашъ» **ЦР**, **НР**. [4] **ЦР**, **НР**; «билетъ и болонку» **МД**. [5] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи поправокъ, сдѣланныхъ въ **ЦР** авторомъ (чернилами по карандашу); въ **ЦР** прежде было написано: «Можетъ статься, не было ни одного лица».

Стр. 161 [1] **МД**; «ихъ управленію» **ЦР**, **НР**. [2] Это мѣсто въ **ЦР** представляетъ поправки сдѣланныя и собственноручно авторомъ,—и притомъ одни чернилами, другія карандашомъ,—и рукою писца, которымъ переписаны послѣднія восемь главъ цензурной рукописи «Мертвыхъ душъ». Повидимому, эти исправленія сдѣланы въ разное время. Вотъ первоначальный текстъ этого мѣста въ **ЦР**: «третья вся насквозь была продушена резедой; словомъ, Чичикову была роскошь: онъ купался во всякихъ запахахъ по горло, какъ въ ваннѣ. Казалось, въ нарядахъ ихъ не было пропущено ничего того, что споспѣшествуетъ къ рѣшительной погибели сердецъ нашихъ: муслины, атласы, кисеи блѣдныхъ модныхъ цвѣтовъ, какимъ даже и названья нельзя было прибрать [до такой степени дошла тонкость вкуса] сверкали блескомъ необыкновеннымъ. Ихъ легко озаряли ленточные банты и цвѣточные букеты .... *

* Цѣлая строка первоначальнаго текста выскоблена и замѣнена вновь

тамъ и тамъ въ разныхъ мѣстахъ платья, — безпорядокъ, надъ которымъ много трудилась порядочная голова. Легкой головной уборъ держался только на однихъ ушахъ. Это были, просто, воздушные мотыльки, сѣвшіе на уши и расправившіе крылья, чтобы унестись въ неизвѣстныя человѣку страны». [3] **МД**; «обтянуты, выгнуты» **ЦР**, **НР**.

Стр. 162 [1] **МД**; «подвинуться» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР** прежде было написано: «словомъ — *ничто не ушло отъ внимательнаго вкуса, которымъ только одаренъ прекрасный полъ; все было предусмотрѣно въ совершенствѣ*». Такъ и въ **НР**. Напечатанное курсивомъ зачеркнуто въ **ЦР** карандашомъ, а сверху чернилами рукою писца написано: «кажется, какъ будто на всемъ было написано: «нѣтъ это не губернія, это столица, это самъ Парижъ». [3] Послѣ слова «вкусу» въ **ЦР** зачеркнуты слѣдующія строки: «или платье, составленное изъ двухъ платьевъ, еще блиставшихъ въ прошлыхъ вѣкахъ и покорившихся весьма плохо модной картинкѣ». [4] Въ **ЦР** прежде было переписано это мѣсто, съ пропускомъ нѣсколькихъ словъ оригинала, въ такомъ видѣ: «Чичиковъ, стоя передъ ними, *пытался, нельзя ли по какому-нибудь особенному выраженію въ глазахъ или въ лицѣ,* думалъ». Напечатанное курсивомъ зачеркнуто въ **ЦР** карандашомъ. Въ **ДП**: «Чичиковъ, стоя передъ ними, пытался было, нельзя ли по какому-нибудь особенному выраженію въ глазахъ или въ лицѣ узнать, которая изъ нихъ была сочинительница письма». [5] **МД**; «во все пропало» **ЦР**. [6] Слова: «которая была сочинительница», въ **ЦР** приписаны Гоголемъ сверху строки карандашомъ.

Стр. 163 [1] **МД**; «ну, и» **ЦР**. [2] **МД**; «или же» **ЦР**.

Стр. 164 [1] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи поправокъ, которыя Гоголь сдѣлалъ въ **ЦР** карандашомъ. Прежде въ **ЦР** было написано: «.... въ сердце бѣднаго смертнаго, что онъ просто не зналъ, что̀ и придумать. Впрочемъ онъ находилъ, что дамы были уже нѣсколько слишкомъ толсты, и вообразилъ себѣ, неизвѣстно почему, что писавшая таинственное письмо должна быть непремѣнно тонѣе». [2] Въ **МД** напечатано на основаніи карандашной поправки автора въ **ЦР**; прежде было: «Онъ непринужденно и ловко размѣнялся съ дамами». [3] **МД**; «одной изъ дамъ» **ЦР**. Слова: «изъ дамъ» зачеркнуты въ **ЦР** авторомъ. [4] **МД**; «желавшимъ и себѣ» **ЦР**; слово «и», зачеркнуто въ **ЦР** карандашомъ. [5] **МД**; прежде въ **ЦР** было написано: «Вспомнилъ объ этомъ»; слово «онъ» собственноручно приписано авторомъ сверху строки.

Стр. 165 [1] **МД**; въ **ЦР**: «онъ остановился»; слово «онъ» зачеркнуто въ **ЦР** карандашомъ. [2] **МД**, **НР**; «округлившимся» **ЦР**. [3] Фраза: «и ужъ тогда глупѣе

написанною: «порхали тамъ и тамъ по платьямъ въ самомъ картинномъ». Выскобленная строка возстановляется текстомъ рукописи, списанной съ заграничной (**ДП**): «Ихъ легко озаряли (набрасывая на нихъ тонкій отразительный свѣтъ) ленточные банты и цвѣточные букеты, *которые, казалось, совершенно невзначай и безъ всякаго умысла* [прильнули] тамъ и тамъ въ разныхъ мѣстахъ платья». Этотъ самый текстъ собственноручно вписанъ авторомъ въ **НР** съ пропускомъ, восполненнымъ прибавкою слова: «прильнули» въ **ДП**.

ничего не можетъ быть такого человѣка», приписана собственноручно авторомъ внизу страницы **ЦР** чернилами.

Стр. 166 [1] Въ **МД** напечатано на основаніи карандашной поправки автора; въ **ЦР** прежде было написано: «Такъ и Чичиковъ *остановился вдругъ, будто прикованный и* вдругъ сдѣлался».

Стр. 167 [1] **МД**; «но и та, однакоже, не вытерпѣла» **ЦР**, **НР**. [2] Слово «ужъ» внесено изъ **ЦР**. [3] **МД**; въ **ЦР** слово «дамами» собственноручно приписано авторомъ вмѣсто зачеркнутаго: «ими». [4] Слова: «но безпрестанно», Гоголь приписалъ въ **ЦР** сверху зачеркнутыхъ: «а то и дѣло». [5] Слово «какая-то» въ **ЦР** собственноручно приписано карандашомъ. [6] **МД**; «протѣснился» **ЦР**. [7] Въ **МД** и **ЦР**: «отступился». Ср. 1-е прим. къ 19-й стран. пятаго тома. [8] Слова: «смѣшаннымъ съ довольно тонкой ироніей», приписаны въ **ЦР** собственною рукою автора карандашомъ. [9] Слово «вдали» также приписано авторомъ въ **ЦР** карандашомъ. [10] Въ **ЦР** все это мѣсто собственноручно приписано Гоголемъ съ лѣваго боку страницы чернилами, снизу вверхъ, и притомъ въ такомъ видѣ: «А ужъ тамъ въ сторонѣ четыре пары откалывали мазурку, каблуки ломали полъ, и *какой-то армейскій офицеръ работалъ и руками и ногами, и душою и тѣломъ,* отвергывая такіе па, какіе и во снѣ никому не случалось отвертывать. Чичиковъ прошмыгнулъ мимо мазурки, почти по самымъ каблукамъ, и прямо къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла губернаторша съ дочкой».

Стр. 168 [1] Въ **МД** такъ напечатано на основаніи собственноручной поправки автора карандашомъ въ **ЦР**; прежде было: «*что-то въ родѣ* любви». [2] Въ **МД** напечатано на основаніи карандашной поправки въ **ЦР**; прежде было написано: «даже *почти* сомнительно». [3] Въ **МД** напечатано на основаніи карандашной поправки автора въ **ЦР**; прежде было написано: «способны были *влюбляться*». [4] Въ **МД** это мѣсто напечатано въ исправленномъ видѣ сравнительно съ **ЦР**; изъ поправокъ, внесенныхъ въ **ЦР**, нѣкоторыя приписаны собственною рукою автора и притомъ карандашомъ, одна — рукою вышеупомянутаго писца. Въ **ЦР** это мѣсто прежде читалось такъ: «но при всемъ томъ онъ чувствовалъ что-то такое, которое нѣсколько трудно разсказать и чего даже онъ самъ не могъ бы себѣ объяснить: симпатію ли, или, просто, влеченіе; только весь балъ, какъ онъ самъ потомъ сознавался, со всѣмъ своимъ говоромъ и шумомъ, ему показался, на нѣсколько минутъ, какъ будто былъ гдѣ-то вдали и подернулся чѣмъ-то въ родѣ тумана, или сдѣлался похожимъ на какое-то небрежно замалеванное поле на картинѣ». [5] **МД**; въ **ЦР** прежде было написано: «и коекакъ». [6] Въ **ЦР** слово «платье» собственноручно переправлено карандашомъ въ «платьице», какъ и напечатано въ **МД**. [7] Напечатано въ **МД** согласно съ карандашной поправкой; прежде въ **ЦР** было написано: «и ловко обхватившее *вездѣ ея* молоденькіе». [8] **МД**; «одна только» **ЦР**. [9] Въ **МД** напечатано согласно съ поправками, которыя Гоголь собственноручно сдѣлалъ карандашомъ въ **ЦР**; прежде было написано въ **ЦР**: «и казалась прозрачною среди мутной толпы». [10] Слова: «Видно, такъ ужъ бываетъ на свѣтѣ; видно, и Чичиковы», приписаны чернилами рукою писца сверху строки взамѣнъ нѣсколькихъ выскобленныхъ словъ. Въ **ДП** это мѣсто имѣло прежде такой видъ: «Богъ знаетъ, видно на нѣсколько минутъ въ жизни и

Чичиковы обращаются въ поэтовъ». [11] Въ **МД** это мѣсто напечатано согласно съ карандашными поправками автора въ **ЦР**; прежде было написано: «............. на нѣсколько минутъ въ жизни *и Чичиковы* обращаются въ поэтовъ, но слово «поэтъ» *въ самомъ дѣлѣ* будетъ уже слишкомъ». [12] Въ **ЦР** прежде было написано: «и онъ даже началъ входить въ роль, но....»; внесенныя въ **МД** поправки Гоголь собственноручно сдѣлалъ въ **ЦР** карандашомъ. [13] Слова: «къ величайшему прискорбію», собственноручно приписаны въ **ЦР** карандашомъ сверху строки.

Стр. 169 [1] **МД**; въ **ЦР** было написано: «видѣли яснѣе»; послѣднее слово авторъ зачеркнулъ карандашомъ. [2] **МД**; въ **ЦР** было: «много зѣвать»; первое слово зачеркнуто карандашомъ.

Стр. 172 [1] Слово «точь въ точь» приписано Гоголемъ въ **ЦР** чернилами сверхъ строки. [2] Слово «Бога» въ **ЦР** зачеркнуто цензоромъ, который приписалъ, вмѣсто того, красными чернилами: «каменную стѣну».

Стр. 174 [1] Такъ въ **ЦР**, **МД** и **МД** [2], согласно употребленію Гоголя, вмѣсто: «переговаривается».

Стр. 175 [1] **МД** [2]; «самимъ» **ЦР**, **МД**. Ср. 1-е прим. къ 147-й стр. втораго тома.

Стр. 177 [1] Слова: «къ несказанной досадѣ», приписаны собственноручно авторомъ въ **ЦР** карандашомъ.

Стр. 178 [1] **МД**. Въ **ЦР** это мѣсто сначала имѣло такой видъ: «Назови же по чинамъ, *то есть, скажи только: какая-нибудь прокурорша* — и того опаснѣй. *Въ Россіи 50 слишкомъ губернскихъ городовъ, и въ каждомъ городѣ сидитъ по одной прокурорши; личности же у насъ, какъ извѣстно, совсѣмъ не то, что въ другой землѣ.* У насъ достаточно сказать....» Потомъ напечатанное здѣсь курсивомъ зачеркнуто карандашомъ и послѣ словъ: «по чинамъ» приписано карандашомъ сверху строки: «Боже сохрани». Наконецъ, на лѣвомъ полѣ страницы, по направленію снизу вверхъ, Гоголь собственноручно приписалъ чернилами: «Теперь у насъ всѣ чины и сословія такъ раздражены, что все, что ни есть въ печатной книгѣ, уже кажется имъ личностью. Таково уже видно расположенье въ воздухѣ». [2] **МД**; «выхватится» **ЦР**. [3] Въ **МД** это мѣсто напечатано согласно съ поправками, которыя Гоголь собственноручно сдѣлалъ карандашомъ въ **ЦР**. Первоначально въ **ЦР** было написано: «Это названіе она пріобрѣла законнымъ образомъ, ибо употребила все, чтобы сдѣлаться до такой степени любезною въ обществѣ, любезнѣе чего уже нельзя было достигнуть. Самыя дамы невольно чувствовали ея превосходство; мущины подходили къ ручкѣ. Хотя, конечно, сквозь любезность прокрадывалась иногда такая юркая прыть женскаго характера, которой бы не сдержала никакая уздечка въ мірѣ, хотя подъ часъ въ каждомъ словѣ ея пріятной рѣчи торчало по булавѣ». Въ **ЦР** слово «каждомъ» зачеркнуто и сверху написано: «пріятномъ; но въ **МД**, по ошибкѣ, удержано было то и другое слово и напечатано: «въ каждомъ пріятномъ словѣ ея» и т. д. [4] **МД**; въ **ЦР** было: «сердцѣ ея», но послѣднее слово зачеркнуто карандашомъ. [5] Слово «иногда» приписано въ **ЦР** карандашомъ собственною рукою автора. [6] Фраза: «мечтательно держала голову», приписана въ **ЦР** карандашомъ рукою автора, вмѣсто зачеркнутаго слова: «мечтала». [7] Слово «безпрестанно» приписано въ **ЦР** карандашомъ рукою автора.

Стр. 179 [1] Въ **МД** это мѣсто напечатано на основаніи поправокъ и дополненій, которыя Гоголь сдѣлалъ въ **ЦР** чернилами собственноручно. Въ **ЦР** было прежде написано: «усаживая гостью въ уголъ дивана, гдѣ лежали двѣ шитыя шерстью подушки, на одной изъ нихъ (здѣсь полстроки выскоблено) носъ вышелъ лѣстницею». Въ **ДП**: «на одной изъ нихъ былъ рыцарь, у котораго носъ вышелъ лѣстницею» (собственноручно). Ср. настоящаго изданія, томъ I, стр. 649—650. [2] Въ **МД** это мѣсто напечатано на основаніи поправокъ, которыя Гоголь сдѣлалъ въ **ЦР** карандашомъ. Прежде въ **ЦР** было написано: «и ужъ хотѣла сказать, что меня нѣтъ дома.... *Возьмите вотъ вамъ моя подушка, подложите ее подъ себя».* — «*Благодарю васъ, благодарю, Анна Григорьевна, вы такъ добры.... мнѣ очень хорошо и такъ: диванъ у васъ самой.... Ахъ, Анна Григорьевна, если бы вы только знали, съ чѣмъ я къ вамъ пріѣхала.....» Выговоривши это, просто пріятная дама почувствовала, что у ней захватилось дыханье отъ нетерпѣнья скорѣе приступить къ дѣлу.* Но восклицаніе, которое издала въ это время»....

Стр. 180 [1] Въ **МД** напечатано согласно съ собственноручными поправками, которыя Гоголь сдѣлалъ въ **ЦР** карандашомъ. Прежде это мѣсто читалось въ **ЦР** такъ: «Можно сказать рѣшительно, что ничего еще не было подобнаго на свѣтѣ. — «Но это, однакожъ, мнѣ кажется, черезъ чуръ пестро; не будетъ, понимаете, этакого тонкаго благородства»..... Нужно замѣтить, что...» Ср. настоящаго изданія томъ I, стр. 650—651. [2] Слово «совсѣмъ» стоитъ въ собственноручной карандашной припискѣ, вслѣдъ за этимъ приводимой нами вполнѣ; въ **МД** вмѣсто этого: «отнюдь». [3] Въ **ЦР** прежде было написано: «Ахъ, нѣтъ! будетъ»...; потомъ эта фраза зачеркнута и вмѣсто нея, сверху строки, Гоголь приписалъ карандашомъ: «Здѣсь просто пріятная дама объяснила, что это *совсѣмъ* не пестро и вскрикнула». Потомъ продолжается прежній текстъ рукописи: «Да, поздравляю васъ». [4] Такъ въ **МД**; въ **ЦР** прежде было написано: «Какъ фестончики?» потомъ, вмѣсто двухъ этихъ словъ, Гоголь написалъ карандашомъ: «Ахъ, это не хорошо, *если* фестончики». [5] Въ **ЦР** прежде было написано: «Нѣтъ, это выйдетъ не хорошо»; зачеркнувши эту фразу, Гоголь приписалъ сверху карандашомъ: «Не хорошо, Софья Ивановна». Такъ и напечатано въ **МД**. [6] Въ **ЦР** прежде было: «страхъ мило»; зачеркнувши эти слова, Гоголь написалъ сверху карандашомъ: «до невѣроятности»; такъ и напечатано въ **МД**. [7] Все это мѣсто: «Ну, ужъ это просто: признаюсь!» — «отвѣчала просто пріятная дама», вписано въ **ЦР** чернилами собственною рукою автора въ замѣну прежняго текста, тщательно выскобленнаго. Эта вставка появилась въ **ДП** въ такомъ видѣ: «*Ну, ужъ это — признаюсь!» сказала дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ, сдѣлавши жестъ руками.* Ужъ какъ вы хотите...» [8] Слово «тоже» приписано въ **ЦР** карандашомъ рукою автора, оно есть въ **НР**.

Стр. 181 [1] **МД**; «а я слышать не хочу» **ЦР** (ошибка писца).

Стр. 184 [1] Слова: «собачей и іора» въ **ЦР** зачеркнуты красными чернилами цензора. [2] Эти двѣ строки: «Мертвыя души!....» — «Ахъ, говорите ради Бога!» собственноручно приписаны въ **ЦР** авторомъ, между строкъ, чернилами.

Стр. 185 [1] **МД**; «крэсныя, красныя, красныя» **ЦР**. Въ **НР**: «красная, крэсная красная, какъ брусника». Но второе слово зачеркнуто.

Стр. 186 [1] **МД**; «скандалёзностей» **ЦР**.

Стр. 188 [1] **МД**; «и позабываетъ» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 189 [1] **МД**; «въ первую минуту было» **ЦР**, **НР**.

Стр. 190 [1] **МД**; «взметнулъ» **ЦР**, согласно извѣстному употребленію Гоголя. Ср. 1-е примѣч. къ 19-й стр. пятаго тома. [2] Слова: «о которыхъ и не слышно было никогда», собственноручно приписаны авторомъ въ **ЦР** карандашомъ. [3] Такъ напечатано въ **МД** на основаніи карандашной поправки автора въ **ЦР**, гдѣ прежде было: «и въ гостинной». [4] **МД**; «какой-то длинный съ прострѣленною рукою». [5] Слова: «дребезжалки, колесосвистки», Гоголь собственноручно приписалъ въ **ЦР** чернилами.

Стр. 191 [1] **МД**; «Именно вышло» **ЦР**. [2] **МД**, **ДП** (собственноручно); «съ матерью», **ЦР**. [3] **МД**; «и никогда не знали» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 192 [1] **МД**; «на который и нужно обратить» **ЦР**; слова «вниманіе» нѣтъ въ **ЦР**; въ **НР** собственноручно: «на который нужно обратить» (слово «вниманіе» пропущено). [2] **МД**; «это» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [3] Такъ **МД**; въ **ЦР**: «но въ нихъ заключено, однакожъ, весьма скверное, нехорошее, *такое даже, что̀ заставляетъ опасаться*», **НР** (собственноручно). [4] **МД**; «нехорошее и скверное» **ЦР**.

Стр. 193 [1] **ЦР**, **НР**; въ **МД**: «Богъ знаетъ что̀: не разумѣются ли подъ словомъ *мертвыя души* больные..... *и что* Чичиковъ не есть ли подосланный чиновникъ». Поправкою, внесенною въ **МД**, нарушена грамматическая связь между двумя равносильными придаточными предложеніями. [2] **МД**; «даже вплоть былъ сколотъ» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [3] **МД**; «выправокъ, слѣдствій» **ЦР**, **НР**.

Стр. 194 [1] **МД**; «Задирайволо» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**; «Задирайвола» **ЦР**, **НР**. [3] **МД**; «Задирайвола» **ЦР**, **НР**.

Стр. 196 [1] **МД**; «сказали имъ» **ЦР** (ошибка); «показали» **НР**.

Стр. 197 [1] Въ **ЦР**, **МД** и **МД**[2]: «полицмейстера». [2] Въ **ЦР**, **МД** и **МД**[2]: «полицмейстера». [3] **МД**; «неуказанное» **ЦР**, **НР**.

Стр. 198 [1] **МД**; «въ» **ЦР**.

Стр. 199 [1] Это мѣсто («и даже имѣлъ обыкновеніе приговаривать»—«требующая чистоты») на 311-й страницѣ цензурной рукописи зачеркнуто красными чернилами цензора и въ печатныя изданія «Мертвыхъ Душъ», начиная съ **МД**, не входило. [2] Слова: «повторилъ онъ», были зачеркнуты въ **ЦР** цензоромъ еще въ томъ первоначальномъ текстѣ «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», который не былъ одобренъ къ печати цензоромъ; эти слова («повторилъ онъ») были удержаны и въ томъ новомъ текстѣ повѣсти, который замѣнилъ собою въ **ЦР** текстъ, непропущенный цензурою; но въ **МД**: «сказалъ почтмейстеръ». [3] Въ **ЦР** два раза написано: «презанимательнымъ;» въ **МД**; «презанимательная». [4] Въ **МД** «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ» напечатана (какъ и въ настоящемъ изданіи, стр. 199—204) въ томъ видѣ. какъ она была передѣлана Гоголемъ согласно съ требованіями цензуры. Зачеркнутый цензоромъ текстъ «Повѣсти» напечатанъ выше, стр. 270 слд.

Стр. 200 [1] На лѣвомъ полѣ 312-й страницы **ЦР** Гоголь собственноручно приписалъ карандашомъ по направленію отъ нижняго края къ верхнему: «Про-

летная голова, приведливъ, какъ чортъ, побывалъ ужъ, понимаете, на вѣку своемъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ, давно бы его, въ нѣкоторомъ родѣ, выключили изъ службы; но военное время, понимаете, такъ нужны эдакіе сорванцы». Въ текстъ, окончательно редижированный для цензуры, Гоголь сначала не внесъ этого мѣста, потомъ собственноручно вписалъ оное въ такомъ видѣ: «пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, ужъ и на гауптвахтахъ побылъ, всего отвѣдалъ». Въ **МД**: «Пролетная голова, приведливъ, какъ чортъ, *побывалъ* и на гауптвахтахъ, *и подъ арестомъ*, всего отвѣдалъ». [2] Такъ въ **ЦР**; красными чернилами цензора эта фраза измѣнена въ слѣдующую: «Ну, тогда еще не *успѣли* сдѣлать»; такъ и напечатано въ **МД**. [3] Словъ: «знаете эдакихъ», въ **ЦР** нѣтъ. [4] Такъ въ **ЦР**; цензоръ вычеркнулъ слово «гораздо», и въ **МД** его нѣтъ. [5] **МД**; «сударь» **ЦР**. [6] Въ **ЦР** нѣтъ слова «чтобы». [7] Въ **ЦР** вычеркнуты красными чернилами цензора слѣдующія строки: «что вотъ де такъ и такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, такъ сказать, жизнію жертвовалъ, проливалъ кровь».... [8] **МД**; «сударь» **ЦР**. [9] **МД**; «Шеррезада» **ЦР**. [10] **МД**; «сударь» **ЦР**. [11] **МД**; «квартиры» **ЦР**. [12] **МД**; «сударь» **ЦР**. [13] Слово «состоитъ» внесено изъ **ЦР**, въ **МД** и **МД** [2] это слово пропущено. [14] **МД**; «на него» **ЦР**.

Стр. 201 [1] **МД**; «все это, понимаете, не возвращалось еще изъ Парижа» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР**: «что-нибудь тамъ могутъ сдѣлать, *по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, получите освѣдомленіе эдакое на щетъ того, что какъ, то есть*».... «*Что жъ*», *думаетъ капитанъ Копѣйкинъ*: «*пойду въ Коммиссію*, скажу». Напечатанное здѣсь курсивомъ приписано въ **ЦР** Гоголемъ собственноручно чернилами, внизу 314 и сверху 315 страницы; въ **МД** не внесено. [3] **МД**; «вставшій поранѣе» **ЦР**. [4] Слова: «къ самому начальнику», зачеркнуты въ **ЦР** красными чернилами и въ **МД** не вошли. [5] Слово «понимаете» внесено изъ **ЦР**. [6] Послѣ слова «потому что» въ **ЦР** зачеркнуто: «можете представить себѣ». [7] **МД**; «поднялся *только что*» **ЦР**; слово «только что» въ **ЦР** приписано чернилами собственноручно авторомъ. [8] **МД**; «и камердинеръ, можетъ быть, поднесъ ему» **ЦР**. [9] **МД**; «умовеній» **ЦР**.

Стр. 202 [1] **МД**; «пансіонъ» **ЦР**. [2] **МД**; «молодая» **ЦР**. [3] **МД**; «дня черезъ четыре» **ЦР**. [4] Слово «да!» внесено изъ **ЦР**. [5] **МД**; «тамъ, понимаете, разрѣшеній» **ЦР**. [6] **МД**; «но Копѣйкину моему, можете вообразить себѣ, не того хотѣлось» **ЦР**.

Стр. 203 [1] Слова: «да и время не назначено», зачеркнуты въ **ЦР** цензоромъ. [2] **МД**; «какъ пудель, понимаете» **ЦР**. [3] **ЦР**; «сластей» **МД**. [4] Въ **ЦР** прежде было написано: «А тутъ, чортъ знаетъ какъ питайся — *щами какими-нибудь да огурцомъ или селедкой изъ лавочки*». Напечатанное здѣсь курсивомъ цензоръ зачеркнулъ и, вмѣсто того, написалъ красными чернилами: «не Богъ знаетъ какими сластями». Эта фраза не была принята авторомъ; вмѣсто нея Гоголь собственноручно приписалъ чернилами: «сластей-то, понимаете, никакихъ». [5] **МД**; «можете представить себѣ» **ЦР**: [6] Слова «эдакой» въ **ЦР** нѣтъ. [7] Слова «пока» въ **ЦР** нѣтъ. [8] Слова: «какъ слѣдуетъ», приписаны въ **ЦР** чернилами собственною рукою автора вмѣсто зачеркнутаго: «великодушно». [9] За этимъ словомъ въ **ЦР** зачеркнуто. «въ нѣкоторомъ родѣ».

Стр. 204 [1] **МД**; «въ стѣну» **ЦР**. [2] Слово «правителей» въ **ЦР** зачеркнуто цензоромъ и въ **МД** не внесено. [3] Слово «генералъ» въ **ЦР** зачеркнуто цензоромъ, который, вмѣсто того, приписалъ красными чернилами: «какой-то чиновникъ»; такъ и напечатано въ **МД**. [4] Слова: «говоритъ», въ **ЦР** нѣтъ. [5] **МД**; «только» **ЦР**. [6] **МД**; «нить, завязка» **ЦР**.

Стр. 205 [1] Въ **МД** и **ЦР**: «полицмейстеръ». [2] **МД**; «безъ руки и безъ ноги» **ЦР**, **НР**. [3] **МД**; «пословица» **ЦР**; «пословица, говорящая» **НР**. [4] **МД**; «и что вотъ» **ЦР**, **НР**. [5] **МД**; «и что вотъ» **ЦР**; «такъ вотъ» **НР**.

Стр. 206 [1] **МД**; «все это именно» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [2] Строки: «и тѣмъ еще изумительнѣе, что городъ былъ не въ глуши, а напротивъ недалеко отъ обѣихъ столицъ» въ **ЦР** зачеркнуты красными чернилами цензора и въ **МД** не вошли. [3] Въ **ЦР** цензоръ зачеркнулъ слово: «пророка» и написалъ сверху красными чернилами: «предсказателя»; въ **МД** въ этомъ мѣстѣ напечатано однако: «предвѣщателя». [4] Слово: «пророкъ» зачеркнуто цензоромъ; сверху Гоголь собственноручно написалъ чернилами: «предвѣщатель»; такъ и напечатано въ **МД**. [5] Слово: «пророкъ» зачеркнуто красными чернилами цензора; сверху Гоголь собственноручно приписалъ карандашомъ: «предвѣщатель»; такъ и напечатано въ **МД**.

Стр. 207 [1] **МД**; «былъ» **ЦР**, **НР**. [2] **МД**; «изломаетъ природу» **ЦР**, **НР**. [3] Слово «цѣлыхъ» приписано въ **ЦР** чернилами рукою автора. [4] Въ **ЦР**, **МД**: «полицмейстеръ».

Стр. 208 [1] Такъ въ **ЦР** и **МД**; слѣдовало бы написать: «полицеймейстера». Гоголь! нерѣдко вмѣсто слова «городничій» употребляетъ слово «полицеймейстеръ». Такъ, въ первоначальномъ текстѣ «Ревизора», сохранившемся въ одной изъ записныхъ тетрадей Гоголя, *городничій* названъ въ одной сценѣ «полицеймейстеромъ». [2] **МД**; «накупилъ *много* мертвыхъ душъ» **ЦР** (ошибка); въ **НР**: «накупилъ *точно* мертвыхъ душъ». [3] **МД**; «всѣхъ» **ЦР**.

Стр. 209 [1] **МД**; «что за созданье» **ЦР**.

Стр. 210 [1] **МД**; «дѣлалось» **ЦР**. Въ **НР** въ собственноручной припискѣ окончаніе слова не дописано: «дѣлает».

Стр. 211 [1] **МД**, **НР**; «неразумѣніемъ» **ЦР**.

Стр. 214 [1] **МД**; «охотникъ» **ЦР**, **НР**. [2] Въ **ЦР**, **НР** и **МД**: «Перепендѣвъ». [3] **МД**; «просто, ты» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [4] Это мѣсто («чтобы изъ-за тебя» — «ничего не выиграешь») зачеркнуто красными чернилами цензора и въ **МД** не вошло.

Стр. 215 [1] **МД**; въ **НР** собственноручно: «чудо коленкоръ!» въ **ЦР**: «славный коленкоръ». См. выше стр. 452. [2] **МД**, **НР**. «навлекло» **ЦР**.

Стр. 217 [1] **МД**; «Подлецъ ты! Убійца ты!» **ЦР**; «подлецъ ты эдакой! убійца ты мой!» **НР** (собственноручно). [2] **МД**; «мірское» **ЦР**, **НР** (собственноручно). [3] **МД**; «въ разсужденіе» **НР** (собственноручно), **ЦР**.

Стр. 218 [1] **МД**; «и не только» **ЦР**, **НР**.

Стр. 219 [1] **МД**; «и притиснулъ совершенно» **ЦР**, **НР**.

Стр. 220 [1] **МД**; «ко всеобщему прискорбію» **ЦР**, **НР**. [2] Слова: «разбросанно и непріютно* въ тебѣ» зачеркнуты въ **ЦР** цензоромъ, который вмѣсто того на-

---

* Въ рукописи описка: «непріятно». Писецъ иногда ставитъ *я* вмѣсто *ю*.

писалъ сверху красными чернилами: «Бѣдна природа въ тебѣ»; такъ и напечатано въ **МД**. Въ **НР**: «Бѣдно, разбросано и непріютно въ тебѣ». [3] **ЦР**; «дерзкія ея дива» **МД**.

Стр. 221 [1] **МД**; «тѣло» **ЦР**, **НР**.

Стр. 222 [1] **МД**, **НР**; «слышится» **ЦР**. [2] **МД**; въ **ЦР**: «слышитъ», по вышеуказанному употребленію Гоголя.

Стр. 223 [1] Слово «божескими» въ **ЦР** переправлено цензоромъ въ — «божественными»; такъ и напечатано въ **МД**.

Стр. 224 [1, 2] Слово «подлеца» въ томъ и другомъ случаѣ зачеркнуто цензоромъ, который въ первой фразѣ, вмѣсто того, приписалъ красными чернилами: «.......... человѣка», во второй — «его». Гоголь выскоблилъ эпитетъ, придуманный цензоромъ, такъ что нельзя его возстановить, а слово «человѣка» зачеркнулъ чернилами, написавши чернилами же вмѣсто двухъ словъ цензора, въ первомъ случаѣ одно: «плутоватаго»; во второмъ случаѣ, удержавши цензорское «его», приписалъ послѣ этого слова: «плутоватаго человѣка!» Въ **МД**: «Нѣтъ, пора наконецъ припрячь и плутоватаго. Итакъ, припряжемъ его, плутоватаго человѣка!» Таково происхожденіе характеристики героя въ печатномъ изданіи «Мертвыхъ Душъ».

Стр. 225 [1] **МД**; «и знакомый» **ЦР**.

Стр. 226 [1] **МД**; «Еще ребенокъ» **ЦР**.

Стр. 227 [1] **МД**; «и какъ только» **ЦР**.

Стр. 228 [1] Слова: «примѣрное... благонадежное», приписаны въ **ЦР** чернилами рукою автора. [2] **МД**; «оказалось» **ЦР**. [3] Въ **ЦР**, **МД** и **МД**[2]: «ее». [4] **МД**; «при смерти на одрѣ довелось заплакать отъ радости» **ЦР**.

Стр. 230 [1] **МД**; «въ жизнь» **ЦР**. [2] **МД**; «Черство-мраморное лицо его не имѣло даже никакой рѣзкой неправильности, дававшей бы ему съ чѣмъ-нибудь сходство» **ЦР**.

Стр. 231 [1] **МД**; «добылъ онъ себѣ» **ЦР**.

Стр. 232 [1] **ЦР**; «вывѣдываетъ» **МД**. [2] Слова: «порядокъ вещей, преслѣдованіе взятокъ», зачеркнуты цензоромъ, который передѣлалъ слово «новый» въ «новые» и приписалъ затѣмъ: «обычаи». Въ **МД**: «новые обычаи». [3] Передъ словомъ «чиновниковъ» въ **ЦР** выскоблено: «нынѣшнихъ».

Стр. 233 [1] **МД**; «дальше» **ЦР**.

Стр. 234 [1] Послѣ слова «начальникъ» въ **ЦР** слѣдуетъ фраза, не внесенная въ **МД**: «И грозенъ былъ сильно для всѣхъ неумолимый начальникъ». [2] Слово «генералъ» зачеркнуто въ **ЦР** цензоромъ, который вмѣсто того приписалъ красными чернилами: «новый правдивый начальникъ»; такъ и напечатано въ **МД**. [3] Слово «генеральскій» въ **ЦР** зачеркнуто красными чернилами цензора и не вошло въ **МД**. [4] Слово «генералъ» зачеркнуто цензоромъ; сверху красными чернилами написано: «начальникъ»; такъ и напечатано въ **МД**.

Стр. 235 [1] **МД**; «съ грязнымъ обществомъ» **ЦР**. [2] **ЦР**; «щекотливые» **МД**. [3] **МД**; «тяжело было ему» **ЦР**. [4] **МД**; «То было уже начиналъ онъ полнѣть» **ЦР**.

Стр. 237 [1] Слово «онъ» внесено изъ **ЦР**. [2] Слова: «самой ревностной службы», зачеркнуты въ **ЦР** красными чернилами цензора; въ **МД** ихъ нѣтъ.

Стр. 238 [1] Передъ словомъ «исторію» цензоръ приписалъ красными чернилами:

«давнишнюю»; такъ и напечатано въ **МД**. Ср. третье примѣчаніе къ страницѣ 231-й.

Стр. 239 [1] Въ **ЦР** было написано: «Статскій совѣтникъ, *по русскому обычаю, съ горя запилъ*». Цензоръ зачеркнулъ напечатанное здѣсь курсивомъ; авторъ, сверху вычинутыхъ цензоромъ словъ, написалъ собственноручно чернилами: «не устоялъ противъ судьбы и гдѣ-то погибъ въ глуши». [2] **МД**; «употребилъ всѣ происки, всѣ тонкіе извороты ума» **ЦР**. [3] **МД**; «тысячками» **ЦР**.

Стр. 240 [1] **МД**; «которое уже заключается» **ЦР**. [2] Словъ: «въ бокъ, не глядитъ ли откуда хозяинъ», въ **ЦР** нѣтъ: они случайно пропущены при перепискѣ; въ **НР** эта фраза написана собственною рукою автора. [3] **МД**; «повѣрившими имъ дѣла свои» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 241 [1] **МД**. Въ **ЦР** было сначала написано: «все таки»; собственноручно поправлено карандашомъ: «все же». [2] Слово «а» внесено изъ **ЦР**, **НР** (собственноручно); въ **МД** пропущено по недосмотру.

Стр. 242 [1] **ЦР**; въ **МД** согласно собственноручно написанному авторомъ въ **НР** тексту: «и прочаго, прочаго». Исправлено въ **МД**[2]. [2] **МД**, «вздумалось» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 243 [1] **МД**, **НР** (собственноручно); «какія будутъ потомъ» **ЦР**. [2] Слова: «двигнутся сокровенные рычаги широкой повѣсти, раздастся далече ея горизонтъ и вся она» собственноручно приписаны въ **ЦР** Гоголемъ внизу страницы; мѣсто, гдѣ слѣдуетъ помѣстить эту вставку, указано знакомъ |‾.

Стр. 244 [1] **МД**; «всѣ соки и жизнь» **ЦР**. [2] **ЦР**; «пронестись» **МД**; «пронеслись» **МД**[2]. [3], [4] **МД**[2]; «самимъ» **ЦР**, **МД**. Ср. 1-е примѣч. къ 147-й стран. второго тома.

Стр. 245 [1] **МД**; «обрѣвшій» **ЦР**, **НР** (собственноручно).

Стр. 246 [1] Словъ: «какъ онъ называлъ, философическимъ», въ **ЦР** нѣтъ. Въ **ДП** эти слова собственноручно приписаны авторомъ. [2] **МД**; «какъ, право, непостижимо» **ЦР**. [3] Этой фразы въ **ЦР** нѣтъ. Въ **ДП** авторъ приписалъ ее карандашомъ. [4] Словъ: «Таковъ былъ Мокій Кифовичъ», въ **ЦР** нѣтъ, они приписаны собственноручно карандашомъ въ **ДП**. [5] Внизу страницы **ЦР** Гоголь собственноручно выписалъ изъ **ДП** сдѣланную тамъ карандашомъ слѣдующую вставку: «а впрочемъ былъ онъ доброй души, но не въ этомъ главное дѣло, а главное дѣло вотъ въ чемъ». [6] **МД**; «да вѣдь городъ-то что̀ заговоритъ? Теперь онъ его назоветъ совсѣмъ собакой» **ЦР**. [7] **МД**; «И полный такого примѣрнаго чадолюбія, оставивши Мокія Кифовича продолжать богатырскіе свои подвиги, онъ обращался вновь» **ЦР**.

Стр. 247 [1] **МД**; «будто изъ окошка» **ЦР**. [2] Слово «ловко» въ **ЦР** приписано сверху карандашомъ вмѣсто зачеркнутаго «вѣрно». [3] **МД**; «не слишкомъ большой и не слишкомъ малый» **ЦР**.

Стр. 248 [1] **ЦР**, **МД**[2]; «помахнувши» **МД**, **НР** (собственноручно). Такъ писалъ Гоголь, вмѣсто «махнувши». [2] Словъ: «его ли душѣ» нѣтъ въ **ЦР**; пропущено по недосмотру. [3] **МД**[2]; «ее? Ее» **ЦР**, **МД**. [4] **МД**; «когда въ ней что-то восторженно-чудное слышится» **ЦР**.

Предисловіе ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ“ (стр. 250—253).

Въ началѣ ноября 1842 года[1] С. Т. Аксаковъ послалъ Гоголю въ Римъ брошюру своего сына Константина Сергѣевича: „Нѣсколько словъ о поэмѣ Гоголя: „Похожденія Чичикова или Мертвыя Души“. На послѣдней, свободной страницѣ брошюрки Сергѣй Тимоѳеевичъ написалъ карандашомъ: „Обнимаю васъ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ! Я видѣлся съ Шевыревымъ. *Мертвыхъ Душъ* осталось у него 530 экземпляр. да въ Петербургѣ 100. Онъ говоритъ, что къ новому году нужно будетъ второе изданіе. Что̀ вы на сіе скажете? У насъ въ Москвѣ катарръ и у меня почти всѣ дѣти въ кашлѣ. Ожидаемъ отъ васъ вѣсточки изъ Рима. Всѣ вамъ знакомые кланяются. Ждемъ полнаго изданія вашихъ сочиненій, которое непремѣнно будетъ имѣть большой ходъ. Мое здоровье хорошо, благодаря діэтѣ. Весной уѣду въ Оренбур. губернію, можетъ быть, со всей семьей. Еще разъ васъ обнимаю. Весь вашъ С. Аксаковъ“[2]. Въ февралѣ слѣдующаго года Шевыревъ, завѣдывавшій продажею экземпляровъ „Мертвыхъ Душъ“, убѣждалъ Гоголя приступить ко второму изданію книги. 28 февраля 1843 г. поэтъ отвѣчалъ на это предложеніе такъ: „Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“, но что *оно должно выйти необходимо вмѣстѣ со 2-мъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно слишкомъ долго ждать*“[3]. Гоголь опровергаетъ затѣмъ извѣстіе, напечатанное нѣкогда въ „Москвитянинѣ“, что „два тома уже написаны, третій пишется“, и объясняетъ Шевыреву, почему нельзя ожидать скораго окончанія втораго тома поэмы. „Если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу, то *два года* — это самый короткій срокъ“, заключаетъ Гоголь. Въ эти два года поэтъ предполагалъ, кажется, окончить и передѣлку первой части „Мертвыхъ Душъ“, съ тѣмъ, чтобы напечатать второе, исправленное изданіе ея, одновременно со вто-

---

[1] Надъ запискою Аксакова сверху написано чернилами его же рукою: «ноябр. 2 1843 года». Ошибка въ годѣ доказывается содержаніемъ письма: собраніе сочиненія Гоголя вышло въ концѣ 1842 г. О брошюрѣ К. Аксакова, на которой набросана приводимая записка, Гоголь упоминаетъ въ письмѣ къ его отцу, отъ 18 марта 1848 г. (Сочиненія и письма Гоголя VI, 3). [2] Экземпляръ брошюры, на которомъ написана записка, сохранился въ бумагахъ Гоголя, принадлежащихъ его наслѣдникамъ. [3] Русская Старина 1875 г., сентябрь, стр. 125.

рымъ томомъ. Въ письмѣ 28 мая 1843 г. онъ посылаетъ Языкову такую просьбу: „Да отъ скуки во время дождей перечти еще одинъ разъ „Мертвыя Души“. Во второй разъ дѣло будетъ очевиднѣе и всякія ошибки яснѣе. Мнѣ это слишкомъ нужно. *Въ теченіе двухъ лѣтъ,* т. е. прежде совершеннаго исправленія всего, мнѣ нужно увидѣть всѣ дыры и прорухи“[1]. Не получая отъ друзей и знакомыхъ просимыхъ указаній на недостатки первой части „Мертвыхъ Душъ“, лишенный матеріаловъ, необходимыхъ „для полнаго исправленія“, Гоголь въ послѣднюю четверть 1843 г. рѣшается напечатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“ безъ всякихъ перемѣнъ, и 6-го октября пишетъ Шевыреву изъ Дюссельдорфа: „Приступи ко второму изданію „М. Д.“; поправокъ не нужно, кромѣ развѣ въ языкѣ и слогѣ, что̀ ты можешь сдѣлать лучше моего. Если же я теперь къ чему-нибудь прикоснусь, то *многое не останется на мѣстѣ* и займетъ это не мало времени. *Поправки могутъ быть произведены только тогда, когда я буду умнѣй*“[2]. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Гоголь беретъ назадъ свое согласіе печатать вторымъ изданіемъ „Мертвыя Души“. „Что касается до 2-го изданія „Мертвыхъ Душъ“ (пишетъ онъ Шевыреву изъ Ниццы, 2 февраля 1844 г.), то мнѣ кажется, что это дѣло можно пріостановить. Я не предвижу большаго расхода. Деньги пока можно взять у Языкова, что̀, я думаю, ты уже сдѣлалъ, и потомъ.... утро вечера мудренѣе. Теперь я такъ мало забочусь о томъ, что̀ будетъ въ отношеніи денежномъ, какъ никогда доселѣ. Въ концѣ прошлаго года я получилъ отъ Государыни тысячу франковъ“[3]. Очевидно, что не финансовыя соображенія заставили Гоголя отсрочить выходъ втораго изданія поэмы, а желаніе издать ее въ исправленномъ видѣ. Проходитъ почти полтора года; поэтъ переживаетъ страшную болѣзнь, которая едва не свела его въ могилу; онъ пишетъ завѣщаніе; затѣмъ неожиданно и какимъ-то чудомъ начинаетъ поправляться; въ немъ воскресаетъ надежда окончить „Мертвыя Души“ — т. е. написать вторую и третью часть и вмѣстѣ „выправить“, передѣлать по новому плану первую часть. „Второе изданіе первой части (пишетъ Гоголь Плетневу, 20 марта 1846 года) будетъ только тогда, когда она выправится и явится въ такомъ видѣ, въ какомъ ей слѣдуетъ явиться“[4]. Для такой

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 17—18. [2] Русская Старина 1875 г., октябрь, стр. 304. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 44. [4] Тамъ же, стр. 242.

„выправки“ нужны матеріалы; нужны отвѣты на тѣ „запросы“ которые онъ щедро расточалъ своимъ знакомымъ и друзьямъ, нужно узнать „вещественную и духовную статистику Россіи“, — и Гоголь рѣшается обратиться съ своими „запросами“ по этому предмету къ русскому читающему люду: въ его головѣ *одновременно* создается планъ и „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“[1], и предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“. 26 іюля 1846 года Гоголь пишетъ Шевыреву изъ Швальбаха: „Теперь приступаю къ тебѣ съ просьбою моей, весьма убѣдительной — напечатать второе изданіе „Мертвыхъ Душъ“, въ томъ же самомъ видѣ, на такой же бумагѣ, въ той же типографіи, въ томъ же числѣ экземпляровъ [2400, т. е. два завода], *съ присовокупленіемъ только предисловія, которое я пришлю потомъ, когда печатанье будетъ къ концу*. Нужно будетъ его отпечатать въ мѣсяцъ, дабы оно могло явиться въ свѣтъ никакъ не позже 15 сентября. Экземпляры разойдутся — это я знаю. *Послѣ того голоса, который я подамъ отъ себя, передъ моимъ отправленіемъ на поклоненіе къ Святымъ Мѣстамъ, ихъ станутъ раскупать*. Посылать же на цензурованье къ цензору въ Петербургъ, я не думаю, чтобы оказалась надобность, тѣмъ болѣе, что это фантастическое запрещеніе втораго изданія никогда не существовало: оно образовалось въ Москвѣ по старой охотѣ ея къ плетенью всякаго рода сплетней. Это можешь изъяснить цензору, если бы онъ оказался малоуменъ, а не то, предстань къ Строганову и объясни ему. Если же по причинѣ какой-либо новой безтолковщины оказалось бы такъ, что нужно посылать въ Петербургъ, то пошли къ Никитенкѣ и въ то же время письмо къ Плетневу, чтобы онъ его поторопилъ, потому что Никитенко, при всей благосклонности и расположеніи ко мнѣ, нѣсколько лѣнивъ и можетъ замедлить присылкой“[2]. Письмо это, въ которомъ обѣщано Шевыреву предисловіе ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“, написано 26 іюля 1846 года[3], а 30 іюля того же года Гоголь далъ

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 467—473. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 206 и Русская Старина 1875 г., октябрь, стр. 324. [3] Это письмо, посланное изъ *Швальбаха*, Кулишъ отнесъ въ своемъ изданіи писемъ Гоголя (VI, 206) къ 1845 году; къ тому же году пріурочено оно и О. Ө. Миллеромъ въ Русской Старинѣ (1875 г., октябрь). Но 26 іюля 1845 г. Гоголь находился не въ Швальбахѣ, а въ Карлсбадѣ (Сочиненія и письма Гоголя VI, 201—207). Самое содержаніе письма показываетъ, что оно относится къ 1846 году: издатели онаго

Плетневу порученіе приступить къ печатанію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями", препроводивъ ему первую тетрадь этой рукописи. Оба произведенія имѣли отчасти одну цѣль[1], и Гоголю очень хотѣлось, чтобы они и вышли въ свѣтъ одновременно. На эту связь „предисловія" съ „Выбранными мѣстами" указалъ самъ авторъ. 5-го октября онъ писалъ Шевыреву: „На дняхъ отправилъ къ Плетневу предисловіе къ „М. Д." Вѣроятно, ты его уже имѣешь.... Мнѣ нужно было (въ предисловіи) сказать дѣло весьма для меня нужное. Послѣ это почувствуешь и самъ, хотя теперь и не смекнешь, почему оно мнѣ нужно. Что книга выйдетъ нѣсколько позже, это ничего: *ей даже и не слѣдуетъ выходить раньше нѣкотораго другаго предисловія,* не сдѣлавши котораго, мнѣ нельзя и въ дорогу. Дѣло это возложено на Плетнева. Это выборъ изъ нѣкоторыхъ моихъ писемъ къ друзьямъ, который долженъ выйти особой книгой. Но это пока между нами. Тамъ, между прочимъ, часть моей исповѣди и объясненіе того, что̀ такъ смущало нѣкоторыхъ относительно моей скрытности и прочее"[2].

Итакъ, предисловіе ко второму изданію первой части „Мертвыхъ Душъ" задумано въ концѣ іюля 1846 года и окончено во второй половинѣ сентября: *21 сентября* оно было послано Плетневу съ просьбою „дать Никитенкѣ подписать и отправить немедленно Шевыреву"[3]. 5-го октября н. с. Гоголь проситъ московскаго профессора: „Исправь пожалуста слогъ. Я не мастеръ на предисловія. Для меня труденъ этотъ приличный языкъ, которымъ долженъ разговаривать авторъ съ нынѣшней публикою, а потому углядь всякое неловкое выраженіе и устрой всякій неуклюжій періодъ"[4]. Просьба эта, вѣроятно, была исполнена. Гоголь желалъ, чтобы „Переписка съ друзьями" и „предисловіе" ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ",— эти два произведенія, связанныя между собою одинаковостью цѣли и взаимно одно другое объяснявшія,— и появились въ свѣтъ одновременно. 20 января 1847 года онъ писалъ Шевыреву изъ Неаполя: „Если ты поудержалъ выпускомъ

не обратили вниманія на то, что предисловіе, обѣщанное въ этомъ письмѣ, отправлено Плетневу въ 1846 г., а не въ 1845-мъ.

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 473. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 265—266. [3] Тамъ же, стр. 265, 281. Вѣроятно, помѣты на письмахъ къ Шевыреву отъ 26 сентября и 5 октября сдѣланы также по *новому* стилю. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 265.

въ продажу второе изданіе „Мертвыхъ Душъ", то сдѣлалъ хорошо, потому что предисловіе можетъ быть понятно читателямъ только по прочтеніи моей „Переписки", а безъ этого все это будетъ дико, и никто не увидитъ сильной нужды моей въ исполненіи моей просьбы"[1]. Еще до полученія этого письма, второе изданіе „Мертвыхъ Душъ" поступило въ продажу *одновременно* съ „Выбранными мѣстами изъ переписки съ друзьями"[2]. Гоголь возлагалъ большія надежды на это предисловіе. Въ его напечатаніи онъ находилъ новое доказательство тому, что онъ не отрекся отъ своего таланта и искусства. Онъ писалъ Шевыреву (27 апрѣля 1847 г.): „Изъ самого предисловія моего ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" видно, какъ я занятъ одною и тою же мыслью и какъ хочу забрать тѣхъ свѣдѣній, которыя мнѣ нужны для моего труда"[3]. Онъ желалъ возможно широкой огласки изложенныхъ въ предисловіи запросовъ. 1 декабря онъ писалъ Шевыреву изъ Неаполя: „Устрой, чтобы въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" было напечатано объявленіе о второмъ изданіи „М. Д." и выписано цѣликомъ предисловіе. Я опасаюсь, что тѣ, которые имѣютъ уже первое изданіе и, стало быть, не имѣютъ надобности во второмъ, не будутъ имѣть случая прочесть предисловія, а мнѣ слишкомъ важны всѣ замѣчанія. Всѣ же тѣ замѣчанія, которыя будутъ присланы къ тебѣ, не замедли никакъ доставлять мнѣ. Я надѣюсь, что ты будешь имѣть деньги на всѣ эти издержки отъ распродажи „М. Д.", которыя вслѣдствіе книги: „Выбранныя мѣста", должны разойтись скоро"[4]. Въ письмѣ отъ 8 декабря 1846 г. Гоголь повторяетъ Шевыреву просьбу — не жалѣть денегъ „на пересылку всѣхъ тѣхъ писемъ, которыя онъ будетъ получать съ замѣчаніями на „Мертвыя Души": „эти письма мнѣ очень, очень нужны"[5] (прибавляетъ онъ). Надежды поэта не сбылись. Встрѣченное горькимъ осужденіемъ Бѣлинскаго, предисловіе принесло Гоголю не много замѣчаній на первую часть „Мертвыхъ Душъ", да и тѣ не всегда отвѣчали на запросы предисловія. Въ бумагахъ поэта, нынѣ принадлежащихъ его наслѣдникамъ, оказалась только одна, довольно объемистая тетрадь, присланная на вызовъ „предисловія". И эта тетрадь была получена Гого-

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 328. [2] Ср. въ *Прибавленіяхъ* къ № 4 «Московскихъ Вѣдомостей», 9 января 1847 г. — объявленіе книгопродавца Ольхина. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 375. [4] Тамъ же, стр. 294. [5] Тамъ же, стр. 308.

лемъ уже въ іюлѣ 1851 г., когда дѣло передѣлки перваго тома „Мертвыхъ Душъ" было оставлено. Въ письмѣ отъ 15 іюля 1851 г., Гоголь между прочимъ увѣдомлялъ Плетнева: „Получилъ пересланное тобою описаніе филармоническаго быта въ большомъ свѣтѣ, по поводу „Мертвыхъ Душъ". *Двѣ страницы* пробѣжалъ: правописанье не уважается и грамматика плоха, но есть, показалось мнѣ, наблюдательность и жизнь"[1]. Другіе читатели иначе отнеслись къ „запросамъ" поэта, изложеннымъ въ предисловіи ко второму изданію перваго тома „Мертвыхъ Душъ". Въ бумагахъ Гоголя сохранилось слѣдующее письмо, присланное ему г. В. Ш.[2] изъ Н. Екатеринослава: „Въ предисловіи ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ" вы просите всякаго, кому попадется эта книга, надѣлить васъ своими замѣчаніями и поправить ваши ошибки и промахи. Позвольте мнѣ спросить васъ: всякій ли въ состояніи дѣлать замѣчанія на такую поэму, какъ „Мертвыя Души"? — Много надобно имѣть таланта и эстетическаго чувства, чтобы написать такую поэму, но тотъ, кто возьмется поправлять ее, долженъ имѣть это еще больше; такой человѣкъ, чтобы сдѣлать хоть сколько нибудь дѣльныхъ замѣчаній на этотъ томъ вашей поэмы, гдѣ изображена мрачная, пошлая, будничная жизнь человѣка, долженъ непремѣнно духомъ и внутреннею жизнію быть выше пороковъ, пошлостей и слабостей, потому что ихъ „не зрятъ равнодушныя очи"; онъ также непремѣнно долженъ быть человѣкомъ опытнымъ, долженъ знать людей, пріобрѣтши это познаніе или чрезъ сближеніе съ людьми, или же чрезъ удаленіе себя отъ свѣта и людей въ глубокомъ изслѣдованіи своей души, внутренно созерцая себя. Откровенно скажу вамъ, что я не обладаю ни однимъ изъ сихъ качествъ и не думаю, чтобы я — не смотря на сильнѣйшее желаніе хоть сколько нибудь помогать вамъ — оказалъ вамъ какую-нибудь услугу моими замѣчаніями; но гораздо большую пользу могу принесть вамъ, собравши мнѣнія другихъ людей о вашей поэмѣ. — Сначала буду писать вамъ мои мысли и замѣчанія, потомъ уже и мнѣнія другихъ. — Вы услышите отъ меня много упрековъ, и какъ бы вы думали, за что? — За выпускъ „Мертвыхъ душъ" вторымъ изданіемъ. — Если въ первомъ изданіи вашей поэмы „отъ оплошности, незрѣлости и поспѣшности, произошло множество ошибокъ и промаховъ", то эти ошибки и промахи не должны бы явиться при

[1] С. и п. Гоголя VI, 537. [2] Подъ письмомъ стоитъ полная фамилія автора.

второмъ изданіи, гдѣ вы не можете себя оправдать даже поспѣшностію. Пусть бы эти ошибки произошли единственно только отъ незнанія Россіи, и вы бы ихъ не замѣчали, но нѣтъ! вы знали ваши ошибки, вы прочли разборы вашей поэмы въ журналахъ, гдѣ жестоко на нее нападаютъ, укоряя васъ даже въ незнаніи русскаго языка. Какъ же вы воспользовались этимъ? Вы увидѣли справедливость нѣкоторыхъ замѣчаній, въ которыхъ извинились только поспѣшностію, съ которою вышла эта книга, потомъ вы поблагодарили Гг. журналистовъ, этимъ дѣло и кончилось, потому что второе изданіе „Мертвыхъ Душъ" перепечатано съ перваго безъ малѣйшей перемѣны. — Кромѣ тѣхъ замѣчаній, которыя вамъ сдѣлали нѣкоторые критики, вы сами сознали свои ошибки, замѣтили, чего никто не замѣтилъ, „что послѣдняя половина книги обработана меньше первой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельства сжаты и сокращены, неважныя и побочныя распространены, что не столько выступаетъ внутренній духъ всего сочиненія, сколько мечется въ глаза пестрота частей и лоскутность". Это такъ же вы все замѣтили, этимъ такъ же и дѣло кончилось. Если послѣ перваго изданія вы почувствовали слабость своего характера, то зачѣмъ же вамъ показывать ее еще разъ? Неужели теперь вы въ состояніи сказать, чего не сказали тогда, — „что васъ подталкивали просьбы пріятелей?... что васъ притиснули обстоятельства, и, желая добыть необходимыя для содержанія деньги, должны были поторопиться безвременнымъ выходомъ вашей книги?" Да! теперь вы гораздо большее имѣете право сказать: „кто рѣшился исполнить свое дѣло честно, того не могутъ поколебать никакія обстоятельства, тотъ протянетъ руку и попроситъ милостиню, если ужъ до того дойдетъ дѣло". Но уже, какъ бы то ни было, дѣло сдѣлано — „Мертвыя Души" являются вторымъ изданіемъ и на читателей (sic!) лежитъ священная обязанность отдать автору полный, удовлетворительный отчетъ въ его поэмѣ. Теперь мѣсто не позволяетъ мнѣ помѣстить его; но въ слѣдующихъ письмахъ постараюсь, сколько возможно, удовлетворить всѣмъ вашимъ желаніямъ" (1847 г., апрѣля 30)[1].

Такой голосъ изъ провинціальной публики долетѣлъ до Гоголя въ отвѣтъ на запросы предисловія ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ".

[1] На первой страницѣ приведеннаго письма стоитъ: № 1. Продолженія не оказалось въ бумагахъ Гоголя.

Зато „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, — „книга“, по собственному признанію Гоголя, „заносчивая, задирающая“ [1], — доставили Гоголю, кромѣ журнальныхъ рецензій, *„много писемъ*, очень значительныхъ, гораздо значительнѣе всѣхъ печатныхъ критикъ“ [2]. Такъ, по крайней мѣрѣ, онъ увѣрялъ С. Т. Аксакова. Трудно сказать, насколько были многочисленны и обильны положительными результатами для второй части „Мертвыхъ Душъ“ письма [3], полученныя Гоголемъ по выходѣ его „Переписки“ и какую долю участія имѣли они въ тѣхъ благихъ послѣдствіяхъ напечатанія книги, которыя авторъ такъ изображалъ С. Т. Аксакову: „Не увидѣлъ бы я безъ ней ни неряшества моего, ни самоослѣпленія, ни многаго того, чего не хочетъ видѣть въ себѣ человѣкъ; *не изъяснилось бы безъ нея много того, что̀ мнѣ необходимо нужно знать для моихъ „М. Д.“*, и не узналъ бы, ни въ какомъ состояніи находится наше общество, ни какіе о̀бразы, характеры, лица ему нужны, и что̀ именно слѣдуетъ поэту-художнику избрать нынѣ въ предметъ творенія своего“ [4]. Изъ частной переписки Гоголя видно, что Плетневъ, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ „Переписки“, переслалъ ему два письма, „очень для него значительныхъ“ — одно отъ Віельгорскаго, другое отъ одного изъ лицъ черпаго духовенства Б. Первому Гоголь написалъ „маленькій“ отвѣтъ; относительно втораго онъ высказалъ Плетневу такое мнѣніе: „Что касается до письма Б., то надобно отдать справедливость нашему духовенству за твердое познаніе догматовъ. Это познаніе слышно во всякой строкѣ его письма. Все сказано справедливо и все вѣрно. Но, *чтобы произнести полный судъ моей книгѣ,* для этого нужно быть глубокому душевѣдцу, нужно почувствовать и услышать страданіе той половины современнаго человѣчества, съ которою даже не имѣетъ и случаевъ сойтись монахъ; нужно знать не свою жизнь, но жизнь многихъ. Поэтому никакъ для меня неудивительно, что *имъ видится* въ моей книгѣ *смѣшеніе свѣта съ тьмой.* Свѣтъ для нихъ та сторона, которая имъ знакома; тьма — та сторона, которая имъ не знакома“ [5].

Ржевскій священникъ о. Матвѣй Константиновскій и знаменитый епископъ Иннокентій, лица разнаго образованія, поставленныя на различныхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, въ одинъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 375. [2] Тамъ же, VI, 419. [3] Въ августѣ 1847 г. Гоголь писалъ Бѣлинскому: «Я получилъ около пятидесяти разныхъ писемъ по поводу моей книги». Русская Старина 1888 г., іюль, стр. 47. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 420—421. [5] Тамъ же, стр. 389.

голосъ указываютъ Гоголю на *вредное* вліяніе, которое можетъ имѣть на читателей „Переписка съ друзьями", и авторъ отвѣчаетъ тому и другому почти одно: „Мнѣ нужно зеркало, въ которое я долженъ глядѣться всякій день, чтобы видѣть мое неряшество. Что же до вліянія на другихъ, то *мнѣ какъ-то не вѣрится, чтобы отъ книги моей распространился вредъ на нихъ*" [1]. Въ отвѣтахъ Гоголя на частныя письма обличительнаго характера заключается не благодарность за сдѣланныя замѣчанія, а *посильная апологія* „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями". Извѣстно, какъ отнесся Гоголь къ многосодержательному письму Бѣлинскаго [2].

Гоголь особенно задѣтъ былъ за живое письмами, въ которыхъ выражались горькія сѣтованія на то, что онъ оставилъ искусство, измѣнилъ поэзіи. Такими упреками наполнены были посланія С. Т. Аксакова, и въ февралѣ 1847 г. Гоголь отправилъ къ нему такое сильное письмо, что „самые кроткіе люди, которые его прочли, пришли въ бѣшенство" [3]. Но къ такому выводу пришелъ не одинъ Аксаковъ. Гоголю нужно было объясниться, оправдаться отъ невыносимыхъ для него обвиненій, что онъ „отказывается отъ званія писателя, перемѣняетъ призванье свое, направленіе" [4]. И авторъ „Мертвыхъ Душъ" берется за перо, чтобы написать „повѣсть своего авторства" и въ ней „отвѣтить *только* на тотъ запросъ, который сдѣланъ ему *почти единоустно* отъ лица читателей всѣхъ его прежнихъ сочиненій, — запросъ: зачѣмъ онъ оставилъ тотъ родъ и то поприще, которое за собою утвердилъ, гдѣ былъ почти господинъ, и принялся за другое, ему чуждое?" [5] „Авторская исповѣдь" Гоголя вызвана письмами о „Выбранныхъ мѣстахъ" С. Т. Аксакова. „Она непосредственно относится ко мнѣ", писалъ Аксаковъ С. П. Шевыреву, ознакомившись съ рукописью „исповѣди" (19-го ноября 1852 г.): „по крайней мѣрѣ я нашелъ въ ней полный отвѣтъ на каждое слово моихъ укорительныхъ писемъ" [6]. И „предисловіе" ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ", и „Вы-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 394. Въ письмѣ къ пр. Иннокентію Гоголь говоритъ: «Очень вижу, и не безъ сильнаго стыда, свои *грѣхи,* выступившіе въ этой книгѣ. Книга вышла точно затѣмъ, *чтобы я имѣлъ зеркало глядѣться...* Я не думаю, чтобы книга моя произвела вредъ». Духовный Вѣстникъ 1864 г., апрѣль, стр. 583, 584. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 379—387. [3] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ I, 423. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 420. [5] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 247. [6] Русскій Архивъ 1878 г., II, 54.

бранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ доставили ихъ автору не отвѣты на его „запросы“, а запросы, на которые онъ считалъ себя обязаннымъ отвѣчать: второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ отходитъ на второй планъ — Гоголь работаетъ надъ „повѣстью своего авторства“, надъ „письмомъ къ Жуковскому“[1], продолжая въ то же время заниматься „Размышленіями о божественной литургіи“. Въ мартѣ 1841 года занятый „перечисткою“, окончательною отдѣлкою уже написаннаго перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, Гоголь писалъ С. Т. Аксакову, просившему статьи для „Москвитянина“: „Грѣхъ, тяжкій грѣхъ отвлекать меня!... Трудъ мой великъ, мой подвигъ спасителенъ. Я умеръ теперь для всего мелочнаго“[2]. Въ 1847 году Гоголь самъ совершилъ этотъ „грѣхъ“ по отношенію къ продолженію своего „великаго труда“, отвлекаясь отъ работы надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ“ апологіею „Выбранныхъ мѣстъ“ или составленіемъ „Размышленій о божественной литургіи“.

Замѣтки, относящіяся къ 1-й части (стран. 254 — 255).

Эти „Замѣтки“ напечатаны были въ первый разъ въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Н. В. Гоголя“, изд. г. Кулиша (IV, 546 — 548) подъ неточнымъ заглавіемъ: „Замѣтки *на лоскуткахъ*“. Напротивъ, набросокъ, которому мы дали заглавіе: „Замѣтки, относящіяся къ 1-й части“, помѣщенъ на полулистѣ, отрѣзанномъ *вдоль* отъ листа почтовой бумаги флатъ и сложенномъ въ четверо, въ форматъ большой восьмушки. На первой страницѣ образовавшейся такимъ образомъ тетрадки написано сверху, въ видѣ заглавія: „Къ 1-й части“. Помѣщенный на этой страницѣ текстъ заканчивается словами: „не смотря на всѣ свои пріятности и хорошія качества“ (стр. 255). Послѣ словъ: „никто не признаетъ смерти“, авторомъ поставлена раздѣлительная черта (стр. 254). Остальная часть замѣтокъ, относящаяся къ первой части („Нѣтъ, милая, я люблю“ — „Ужъ если и такъ...“), помѣщена на второй страницѣ и занимаетъ только треть оной. На третьей страницѣ, безъ особаго заглавія, написаны замѣтки, или касающіяся *второй* части „Мертвыхъ Душъ“, или относящіяся одинаково къ первой и второй части *вмѣстѣ*. Изъ этого уже видно, что этотъ набросокъ нельзя

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 279—284. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 438.

считать *первоначальнымъ* планомъ первой части „Мертвыхъ Душъ", начертаннымъ при самомъ началѣ работъ надъ нею. Такого *предварительнаго* плана поэмы и не было, по свидѣтельству самого автора. „Пушкинъ находилъ", говоритъ Гоголь въ „Авторской исповѣди": „что сюжетъ „Мертвыхъ Душъ" хорошъ для меня тѣмъ, что даетъ полную свободу изъѣздить вмѣстѣ съ героемъ всю Россію и вывести множество самыхъ разнообразныхъ характеровъ. Я началъ было писать, *не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана*, не давши себѣ отчета, что̀ такое именно долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, что *смѣшной проектъ*, исполненьемъ котораго занятъ Чичиковъ, наведетъ меня самъ на разнообразные лица и характеры; что родившаяся во мнѣ самомъ *охота смѣяться* создастъ сама собою *множество смѣшныхъ явленій, которыя я намѣренъ былъ перемѣшать съ трогательными.*"[1] „Давно принятый планъ" ограничивался внѣшнимъ распредѣленіемъ содержанія „Мертвыхъ Душъ" и состоялъ въ томъ, что „для первой части поэмы требовались именно люди ничтожные".[2] Такой планъ дѣйствительно былъ принятъ давно. 12-го ноября 1836 года Гоголь писалъ Жуковскому: „Я принялся за „Мертвыхъ Душъ", которыхъ было началъ въ Петербургѣ. Все начатое передѣлалъ я вновь, *обдумалъ болѣе весь планъ и теперь веду его спокойно, какъ лѣтопись*".[3] Гоголь развивался и росъ, какъ человѣкъ и художникъ, въ тотъ періодъ, когда создавалась первая часть „Мертвыхъ Душъ" и одновременно съ ея развитіемъ и совершенствованіемъ: съ окончаніемъ этой части поэмы художественное его развитіе достигло высшей точки, послѣднихъ уреченныхъ ему границъ. Гоголь приступилъ къ этому труду, уже будучи авторомъ „Ревизора"; работы надъ первою частью „Мертвыхъ Душъ", настойчивыя, многолѣтнія, были художественною и нравственною школою Гоголя, и нѣсколько редакцій этого творенія, смѣнившихъ одна другую, представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для изученія Гоголя, какъ человѣка и художника, въ періодъ времени 1836—1842 гг. Дописывая послѣднюю главу перваго тома „Мертвыхъ Душъ" *въ первой полной редакціи* и „перечищая" его для печати, Гоголь самъ оцѣнилъ тотъ переворотъ, который совершился въ немъ, благодаря *„глубокимъ обдумываньямъ* и соображеніямъ, подви-

---

[1] См. настоящаго изданія томъ IV, стр. 250. [2] Тамъ же, стр. 89. [3] Русскій Архивъ 1871 г., стр. 953.

гамъ, предпринятымъ въ глубинѣ души", чтобы произвести созданіе, „вполнѣ ясное и совершенное *въ высокой трезвости духа.*"[1] 28 декабря 1840 г., въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, Гоголь сдѣлалъ ему слѣдующее признаніе: „Я теперь приготовляю къ совершенной очисткѣ первый томъ „Мертвыхъ Душъ". Перемѣняю, перечищаю, многое переработываю вовсе и вижу, что печатаніе ихъ не можетъ обойтись безъ моего присутствія. Между тѣмъ дальнѣйшее продолженіе его выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть со временемъ кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы. По крайней мѣрѣ, вѣрно, немногіе знаютъ, *на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначущій сюжетъ, котораго первыя, невинныя*[2] *и скромныя главы вы уже знаете.*"[3] Къ этому мѣсту письма С. Т. Аксаковъ сдѣлалъ слѣдующую замѣтку: „Слова самого Гоголя въ этомъ письмѣ утверждаютъ меня въ томъ мнѣніи, что онъ началъ писать „Мертвыя Души", какъ любопытный и забавный анекдотъ, — что только *впослѣдствіи* онъ узналъ, говоря его словами, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ, — что *впослѣдствіи мало по малу составилось это колоссальное созданіе, наполнившееся болѣзненными явленіями нашей общественной жизни,* — что впослѣдстіи почувствовалъ онъ необходимость исхода изъ этого страшнаго сборища человѣческихъ уродовъ, необходимость примиренія..... Возможно ли было исполненіе этой задачи и могъ ли ее исполнить Гоголь? это вопросъ другой"[4]. Поэма кончена, и нѣтъ рѣчи о какомъ-нибудь „планѣ": всѣ четыре полныя редакціи сохраняютъ одинъ, державшійся въ головѣ автора планъ. Наконецъ, первая часть „Мертвыхъ Душъ" напечатана. Мы видѣли, какими страданіями, душевными и тѣлесными, сопровождалось появленіе ея въ свѣтъ и куда устремились теперь помыслы автора: монашеская келья, Іерусалимъ предстали тихою пристанью для души писателя, не видѣвшаго себѣ „пріюта въ мірѣ". Въ 1843 году Гоголь высказываетъ еще довольство впечатлѣніемъ, которое оставила въ читателяхъ первая часть „Мертвыхъ Душъ". Онъ пи-

[1] Русская Старина 1875 г., сентябрь, стр. 125. [2] Замѣтимъ, что словомъ „невинныя" Гоголь называетъ всѣ свои произведенія, напечатанныя ранѣе „Ревизора". (Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 249). [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 426. [4] Кулишъ, Записки о жизни Гоголя I, 272. Ср. Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 217.

шетъ: „Первая часть, не смотря на всѣ свои несовершенства, главное дѣло сдѣлала: она поселила во всѣхъ отвращеніе отъ моихъ героевъ и отъ ихъ ничтожности; она разнесла *нѣкоторую мнѣ нужную тоску* и собственное наше неудовольствіе на самихъ насъ. *Покамѣстъ для меня этого довольно; за другимъ я и не гонюсь*"[1]. Послѣ роковой болѣзни 1845 года Гоголь начинаетъ иначе смотрѣть на первую часть „Мертвыхъ Душъ". Въ письмѣ къ А. О. Смирновой, отъ *25 іюля 1845 года,* онъ уже говоритъ: „Другъ мой, *я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, и особенно „Мертвыхъ Душъ"*...... Вовсе не губернія и не нѣсколько уродливыхъ помѣщиковъ, и не то, что̀ имъ приписываютъ, есть предметъ „Мертвыхъ Душъ". *Это покамѣстъ еще тайна*, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ [ибо ни одна душа изъ читателей не догадалась] раскрыться въ послѣдующихъ томахъ"[2]. Со времени изданія перваго тома „Мертвыхъ Душъ" и собранія сочиненій до напечатанія „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями" и втораго изданія поэмы, Гоголь ничего не печаталъ. То было, по его словамъ, время, когда „занятіемъ его сталъ не русскій человѣкъ и Россія, но человѣкъ и душа человѣка вообще." Этотъ непродолжительный періодъ поэтъ характеризуетъ такъ: „Все меня приводило въ это время къ изслѣдованію общихъ законовъ души нашей: мои собственныя душевныя обстоятельства, наконецъ обстоятельства внѣшнія, надъ которыми мы не властны и которыя всякій разъ обращали меня противовольно вновь къ тому же предмету, какъ только я отъ него отдалялся. Нѣсколько разъ, упрекаемый въ недѣятельности, я принимался за перо, хотѣлъ насильно заставить себя написать хоть что-нибудь въ родѣ небольшой повѣсти или какого-нибудь литературнаго сочиненія, и не могъ произвести ничего. Усилія мои оканчивались почти всегда болѣзнію, страданіями и наконецъ такими припадками, вслѣдствіе которыхъ нужно было надолго отложить всякое занятіе"[3]. „Припадки" начались еще въ Москвѣ въ 1842 году; на болѣзни и страданія, мѣшавшія писать, Гоголь особенно жалуется въ своихъ частныхъ письмахъ *1845 года*. Это былъ періодъ тяжелаго „внутренняго самовоспитанія", когда на первомъ планѣ стояла не литература и искусство, а „душа",

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 89. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 204.
[3] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 254—255.

нравственное развитіе поэта. „Я пришелъ (продолжаетъ Гоголь разсказъ объ этомъ времени своей жизни) къ Тому, Который одинъ полный вѣдатель души и отъ Кого одного я могъ только узнать полнѣе душу. Я не успокоился по тѣхъ поръ, покуда не разрѣшились мнѣ нѣкоторые собственные мои вопросы относительно меня самого, и только тогда, когда нашелъ удовлетворенье въ нѣкоторыхъ главныхъ вопросахъ, *могъ приступить вновь къ моему сочиненію*, первая часть котораго составляетъ еще понынѣ загадку, потому что заключаетъ въ себѣ нѣкоторую часть переходнаго состоянья моей собственной души... Какъ только кончилось во мнѣ это состояніе, и жажда знать человѣка вообще удовлетворилась, *во мнѣ родилось желанье сильное знать Россію*. Я сталъ знакомиться съ людьми, отъ которыхъ могъ чему-нибудь поучиться и разузнать, что̀ дѣлается на Руси... Изъ-за этого я старался завести переписку съ такими людьми, которые могли мнѣ что-нибудь сообщать... Я помѣстилъ въ книгѣ моей: „Переписка съ друзьями“ нѣсколько писемъ..., чтобы опровергнули меня приведеньемъ анекдотическихъ фактовъ... Я сдѣлалъ въ то же время воззванье ко всѣмъ читателямъ „Мертвыхъ Душъ“...[1] Не трудно подставить хронологическія даты къ этому разсказу. Замѣчаній на первый томъ „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь сталъ просить вслѣдъ за появленіемъ этой книги въ свѣтъ. Отвѣтовъ на *опредѣленные*, „нужные“ ему запросы онъ требовалъ настойчиво (отъ А. О. Смирновой) *въ 1845 году*[2]; потребность узнать „вещественную и духовную статистику Россіи“ выражается особенно сильно въ частныхъ письмахъ Гоголя *1846 года*[3] и наконецъ прорывается въ *публику* — напечатаніемъ „Переписки съ друзьями“ и „предисловія“ ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ“. Замѣтки, касающіяся первой (и второй) части „Мертвыхъ Душъ“, въ которыхъ набросанъ *планъ переработки* первой и второй части поэмы, относятся, по нашему мнѣнію, къ тому времени, когда авторъ „нашелъ удовлетворенье въ главныхъ вопросахъ относительно себя самого и *могъ приступить вновь къ своему сочиненію*“. Это возвращеніе къ „сочиненію“ знаменуется „сожженіемъ“ прежде написанной второй части „Мертвыхъ Душъ“, которое авторъ относитъ къ той минутѣ, „когда видѣлъ передъ собою смерть“[4]; стало быть, сожженіе послѣдовало

[1] Ср. настоящаго изданія т. IV, стр. 255 — 257. [2] Тамъ же, стр. 524 — 525.
[3] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 472. [4] Тамъ же, стр. 92.

около того времени, когда Гоголь составилъ „завѣщаніе“, т. е. въ началѣ іюля 1845 года.[1] Прежняя редакція втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ была обречена на уничтоженіе, потому что авторъ не былъ ею доволенъ и чувствовалъ себя въ силахъ дать этому тому новый, болѣе совершенный видъ. „Какъ только пламя унесло послѣдніе листы моей книги (разсказываетъ Гоголь), ея содержаніе вдругъ воскреснуло *въ очищенномъ и свѣтломъ видѣ,* подобно фениксу изъ костра, и я вдругъ увидѣлъ, въ какомъ еще безпорядкѣ было то, что̀ я считалъ уже порядочнымъ и стройнымъ“[2]. Предавая уничтоженію, въ іюлѣ 1845 года, вторую часть „Мертвыхъ Душъ“, дабы она воскресла въ новомъ, очищенномъ видѣ, Гоголь *въ томъ же самомъ мѣсяцѣ* высказываетъ, въ письмѣ къ А. О. Смирновой, рѣшительное недовольство и первою частью поэмы. Къ этому времени мы и относимъ набросокъ плана переработки первой и второй части „Мертвыхъ Душъ“. Авторъ, набрасывая эти замѣтки въ то время, когда *„видѣлъ передъ собою смерть“*, задумывается надъ тѣмъ, „какъ пустота и безсильная праздность жизни смѣняется мутною ничего не говорящею смертью, какъ это страшное событіе совершается безсмысленно“ (стр. 254). Проектъ представить „весь городъ со всѣмъ вихремъ сплетней“ какъ *„прообразованіе* бездѣльности жизни всего человѣчества въ массѣ“, высказанный въ „Замѣткахъ“, находится въ близкомъ родствѣ съ попыткою разрѣшить городъ, гдѣ властвуетъ Сквозникъ-Дмухановскій, въ аллегорію „душевнаго города“ человѣка.... Нѣкоторыя изъ намѣченныхъ въ этомъ планѣ передѣлокъ первой части „Мертвыхъ Душъ“ Гоголь началъ приводить въ исполненіе въ 1846 году, какъ видно изъ черновыхъ набросковъ, внесенныхъ въ одну несшитую тетрадку[3]. Въ началѣ 1847 года, собирая матеріалы для узнанія Россіи, Гоголь напоминаетъ А. О. Смирновой: „Не позабывайте, что у меня есть постоянный трудъ: эти самыя „Мертвыя Души“, *которыхъ начало явилось въ такомъ непригляднОмъ видѣ*“[4]. Первый томъ не приглянулся Гоголю только тогда, когда завершилось въ авторѣ его „внутреннее воспитаніе“. Вновь напи-

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 475—476. [2] Тамъ же, стр. 92. Подъ письмомъ, объясняющимъ сожженіе втораго тома «Мертвыхъ Душъ», поставленъ авторомъ 1846 годъ. Тетрадь «Выбранныхъ мѣстъ», заключавшая въ себѣ это письмо, была послана Плетневу для напечатанія 12 сентября, по нов. стилю, 1846 года (Соч. и письма Гоголя VI, 216). [3] Эти наброски будутъ напечатаны въ шестомъ томѣ настоящаго изданія. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 345.

санная, послѣ сожженія въ 1845 году, вторая часть „Мертвыхъ Душъ", по его мнѣнію, была „умнѣе первой"[1]. Авторъ не успѣлъ передѣлать первый томъ поэмы по новому плану.

Въ подтвержденіе изложенныхъ соображеній прибавимъ два второстепенныя указанія.

1) Намѣченныя въ планѣ „частности" (о причинахъ ссоръ дамъ изъ-за Чичикова, о чувственныхъ наклонностяхъ дамы пріятной во всѣхъ отношеніяхъ, о поведеніи ея съ мущинами, о любви къ описаніямъ баловъ) не встрѣчаются ни въ одной изъ извѣстныхъ редакцій перваго тома „Мертвыхъ Душъ", отъ первоначальной до печатной включительно: слѣд. *они проектированы авторомъ послѣ напечатанія этого тома.*

2) „Замѣтки, относящіяся къ первой части", набросаны на такой же точно бумагѣ, на какой написана *первая редакція* „Размышленій о божественной литургіи" въ основныхъ тетрадяхъ,— редакція, восходящая къ 1845—1846 году[2].

Стр. 254 [1] Въ рукописи послѣ слова «города» не поставлено никакого знака препинанія. Слово «Возникшая» начато прописною буквою, но и слово «Пустота» начато также прописною буквою: Гоголь употреблялъ эти буквы часто вопреки общепринятымъ правиламъ. [2] Въ рукописи: «примѣшивается». [3] Такъ читаетъ г. Кулишъ. Въ рукописи скорѣе: «Потресающая». [4] Слова: «страшная мгла», приписаны сверху строки. [5] Слово это написано неразборчиво (*«празная»*) и переправлено изъ другаго слова, кажется: «грозная». [6] Точки поставлены на мѣстѣ *четырехъ* неразобранныхъ словъ. Г. Кулишъ читаетъ: «Такъ слѣпа жизнь». [7] Точки поставлены на мѣстѣ неразобраннаго слова; г. Кулишъ читаетъ: «сіяніи»; но первыя три буквы: «съ ч....», изъ которыхъ первая зачеркнута. [8] Слово «смерти» написано неразборчиво, г. Кулишемъ пропущено. Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «по».

Стр. 255 [1] Слово «но» написано неразборчиво и г. Кулишемъ опущено. [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова (повидимому: «свѣтскихъ»); г. Кулишъ читаетъ «истинно», хотя буква «в» очень ясна. [3] Послѣ этого два слова неразобраны. [4] Римская цифра написана ясно; слово «части» пропущено. Разумѣется вторая часть «Мертвыхъ Душъ». [5] Слово «міра» приписано сверху строки. [6] Слово «этого» въ рукописи пропущено. [7] Въ рукоп. «всѣ».

Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ (стр. 256—264).

„Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ" набросано Гоголемъ въ несшитой тетради, сложенной въ форматъ большой восьмушки,

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 530. Это мнѣніе высказано въ 1851-мъ году.
[2] См. настоящаго изданія томъ IV, стр. 592—593.

изъ одного листа почтовой бумаги флатъ, — не той однако, которая употреблена для „Замѣтокъ, относящихся къ первой части „Мертвыхъ Душъ“. Набросокъ занимаетъ девять страницъ; девятая на половину пуста. Позднѣе, другими чернилами *и другимъ характеромъ* письма, приписано на десятой страницѣ продолженіе текста, прерваннаго на предшествующей. Это дополненіе начинается словами: „Что жъ какъ поступить, господа?“ и оканчивается фразою: „и покажетъ ясно и досконально, что̀ такое Чичиковъ“ (стр. 263—264).

Набросокъ напечатанъ былъ въ первый разъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1856 г., кн. I, стр. 1—3, подъ заглавіемъ: „Неизданный отрывокъ изъ перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, найденный въ рукописяхъ Гоголя“. Отрывку М. Н. Катковъ предпослалъ предисловіе, въ которомъ, между прочимъ, высказалъ свое мнѣніе о времени написанія наброска. Перепечатавши то мѣсто „Мертвыхъ Душъ“, которое соотвѣтствуетъ „Отрывку“, г. Катковъ говоритъ: „То, что передано здѣсь въ сжатомъ разсказѣ, *прежде представлялось автору со всѣми подробностями* и нѣсколько иначе; въ его воображеніи проходилъ цѣлый рядъ сценъ, изъ которыхъ могла бы развиться особая глава. Этотъ варіантъ, найденный *въ первоначальной рукописи* Гоголя, очень интересенъ уже и въ томъ отношеніи, что даетъ намъ заглянуть въ мастерскую художника, въ тайну его работы. Немногія выписанныя нами строки скрываютъ въ себѣ многое, что̀ видѣлось автору. Это какъ бы и въ самомъ дѣлѣ разсказъ о томъ, что авторъ видѣлъ и слышалъ. — Случалось ли вамъ вдругъ и неожиданно встрѣтить старыхъ знакомыхъ, съ которыми когда-то давно вы распростились на вѣки, встрѣтить на минуту съ тѣмъ, чтобы опять и ужъ дѣйствительно на вѣки сказать имъ: *прости?* Такое впечатлѣніе произвелъ на насъ этотъ случайно-найденный отрывокъ. Вотъ Собакевичъ, вотъ Коробочка, вотъ всѣ чины знакомаго намъ города; думали-ли мы опять когда-нибудь увидѣть ихъ, услышать ихъ рѣчь? Можетъ быть, въ дальнѣйшемъ развитіи романа, тайну котораго унесъ съ собою Гоголь, мы бы опять съ ними встрѣтились, или, по крайней мѣрѣ, получили бы объ нихъ какую-нибудь вѣсть; но и тогда бы, вѣроятно, представились они намъ не такъ, какъ мы ихъ оставили; много бы воды утекло, многое бы измѣнилось. А теперь, хотя на минуту, видимъ мы ихъ точь въ точь такими, какъ оставили; снова въ воображеніи нашемъ раскидывается знакомый городъ

съ его мирными обитателями, и, какъ были, оживаютъ передъ нами старинные наши друзья. Въ этихъ очеркахъ читатели легко признаютъ руку Гоголя. Хотя и черновые, *они однако принадлежатъ къ самой зрѣлой эпохѣ его дѣятельности*". Вполнѣ раздѣляя мнѣніе М. Н. Каткова о художественныхъ достоинствахъ „Отрывка", мы расходимся съ нимъ въ опредѣленіи времени, когда набросанъ этотъ варіантъ. Н. П. Трушковскій, сообщившій этотъ отрывокъ М. Н. Каткову, перепечаталъ оный въ пятомъ томѣ втораго изданія „Сочиненій Гоголя", давши ему заглавіе: „Отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ". При перепечаткѣ наброска Трушковскій сдѣлалъ о немъ слѣдующее замѣчаніе: „Трудно опредѣлительно сказать, когда онъ написанъ: въ одно ли время съ первымъ томомъ, или же впослѣдствіи. Судя по почерку, можно предполагать скорѣе послѣднее, тѣмъ болѣе, что Гоголь, какъ видно изъ его писемъ, при изданіи слѣдующихъ томовъ „Мертвыхъ Душъ" предполагалъ издать первый въ исправленномъ видѣ". Относительно времени написанія „Отрывка" мы склоняемся къ мнѣнію Трушковскаго и полагаемъ, что этотъ набросокъ сдѣланъ *по напечатаніи* первой части „Мертвыхъ Душъ": *ни въ одной изъ рукописей поэмы нѣтъ никакихъ слѣдовъ онаго.* Этотъ „варіантъ" не стоитъ въ связи съ тѣмъ *планомъ переработки* поэмы, который предположенъ въ „Замѣткахъ, относящихся къ 1-й части:" „варіантъ" не соотвѣтствуетъ плану и не вызванъ имъ. Сочиненіе „варіанта IX главы" относится ко времени, предшествовавшему эпохѣ „внутренняго воспитанія" поэта, — ко времени, *когда „у него еще не отнята была творящая сила"*, т. е. 1842—3 году. Въ это время Гоголь думалъ только *о частичныхъ исправленіяхъ* первой части „Мертвыхъ Душъ", о сокращеніяхъ и дополненіяхъ. Такъ, 5 мая 1843 г. онъ писалъ Жуковскому: „Благодарю васъ еще за третье удовольствіе, которое принесло мнѣ письмо ваше, именно за два слова о „М. Д." и за обѣщаніе поговорить при свиданіи объ этомъ предметѣ подробно. Судя по всему, дѣло, кажется, не обойдется безъ ругни. Это я люблю, — тѣмъ болѣе, что *я не почитаю вовсе дѣло конченнымъ, если вещь напечатана*.... Обѣщаніемъ *похерить* многое вы меня сильно разлакомили"[1]. Прося у Языкова замѣчаній на первую часть „М. Д.", Гоголь пишетъ ему 28 мая того же года: „Особенно мнѣ нужны теперь вотъ какія замѣчанія: *какая глава сильнѣе, какая глава слабѣе другой;* гдѣ,

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 11.

въ какомъ мѣстѣ возрастаетъ болѣе сила всего, гдѣ устаетъ, авторъ вялъ, или, если на послѣднее слово, по деликатности или недальнозоркости своей, ты не согласенъ, то гдѣ по крайней мѣрѣ онъ уступаетъ самому себѣ, оказавшемуся въ другихъ мѣстахъ — однимъ словомъ, *все то, что относится до всего каркаса машины*"[1]. Въ это время Гоголя еще занимаетъ не „душевное дѣло", а искусство, литература. Заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что характеръ почерка и цвѣтъ чернилъ въ тетрадкѣ, заключающей въ себѣ „Окончаніе IX главы въ передѣланномъ видѣ", *совершенно одинаковы* съ тѣми, которые господствуютъ въ *послѣдней тетради* второй части „Мертвыхъ Душъ"[2], такъ что обѣ представляются *написанными въ одно время*. Полагаемъ, что „варіантъ" IX главы написанъ во второй половинѣ 1842-го или въ первой 1843 года.

Стр. 255 [8] Прежде было написано: «чтобы отправиться лично къ покупчикомъ» (sic!).

Стр. 256 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «двое изъ нихъ, какъ уже знаетъ читатель». [2] Слово «итти» въ рукописи зачеркнуто, но другая половина фразы не исправлена, какъ бы слѣдовало, послѣ этого пропуска, т. е. оставлено: «переговорить къ Собакевичу». [3] Послѣ этого слова зачеркнуто: «сначала къ Собакевичу». [4] Авторъ, очевидно, предполагалъ разсказъ о переговорахъ съ покупщиками выдѣлить въ особую главу. [5] Прежде было написано: «думалъ». [6] Прежде было: «подъ огородъ». [7] Прежде было: «не глядя на жену, а на уголъ печки». Зачеркнувши слова: «не глядя», авторъ приписалъ сверху: «А самъ все глядѣлъ на уголъ». [8] Прежде было написано: «и показавши себя во весь ростъ». [9] Прежде было написано: «Ѳеодулія Ивановна, *приподнявшись, по окончаніи этой продѣлки* сѣла также на стулъ». Напечатанное курсивомъ въ рукописи зачеркнуто. [10] Слово «Ѳеодулія» написано сверху зачеркнутаго: «Супруга». [11] Слово «рода» въ рукописи пропущено. [12] Предъ этимъ словомъ, зачеркнуто: «Да вѣдь это вы бы могли узнать». [13] Прежде было написано: «Странно однакожъ». [14] Прежде было: «такіе странные слухи». [15] Первоначальные наброски этого мѣста: «Да вѣдь слухъ на то, чтобъ дуракъ ему вѣрилъ (ходитъ для дураковъ)», сказалъ Собакевичъ спокойно». 2) «Слухи для дураковъ», сказалъ Собакевичъ. Конечно слухъ...».

Стр. 257 [1] Слова: «загадочный человѣкъ», написаны сверху зачеркнутыхъ: «фальшивый и совсѣмъ не то, (за) чѣмъ кажется». [2] Прежде было написано: «Этотъ вопросъ нѣсколько (совсѣмъ) озадачилъ прокурора, тѣмъ болѣе, что онъ». [3] Первоначальный набросокъ этого мѣста: «Вы бы ужъ тамъ себѣ и пристали къ какимъ-нибудь пряхамъ, что̀ по вечерамъ тратятъ время на разсказы объ вѣдьмахъ (а къ порядочному). Знали бы и ужъ ихъ да ребятъ! Или къ ребятамъ. Дѣла своего, какъ видно, не дѣлаете, ужъ играли бы съ ребятами въ бабки, чѣмъ рѣчь, Божій даръ, на кол слов. Ужъ если Богъ не далъ,

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 18. [2] Ср. снимокъ № 2 при этомъ томѣ.

о чемъ поумнѣй завести разговоръ, играли бы въ бабки съ малыми ребятами. Вотъ такъ бываетъ всегда съ людьми, которые дѣломъ не занимаются, отечеству, какъ слѣдуетъ, не служатъ, расположенья людей благоразумныхъ не ищутъ: такъ себѣ весь вѣкъ и останется, чортъ знаетъ что — собакой живетъ, собакой и пропадетъ». Прокуроръ совершенно потерялся послѣ такого краснорѣчиваго поученья». — Позднѣе, надъ строками, приписано болѣе черными чернилами: «Что жъ, пришли ко мнѣ въ домъ, да меня же дурачите?» Прокуроръ приподнялся со стула: «Помилуйте, Михалъ Семеновичъ!»—«Что я вамъ? Развѣ...... я вамъ баба......?» [4] Прежде было написано: «чтобы отечеству какъ нибудь послужить, о томъ не думаете». Потомъ надъ словами: «о томъ не думаете», было приписано: «храня товарищей и». Зачеркнувши фразу: «о томъ не думаете», чтобы перенести ее ниже, Гоголь не указалъ порядка словъ въ новомъ текстѣ. Вышло: «чтобы отечеству какъ-нибудь послужить, храня товарищей и на пользу ближнему, о томъ не думаете». Мы дали въ этомъ мѣстѣ такой порядокъ словъ, который требуется слѣдующими строками въ разсказѣ прокурора объ этомъ свиданіи: «(Собакевичъ) говоритъ, что на службѣ отъ меня проку нѣтъ: *ни одного доноса не подалъ на товарищей*». Этому мѣсту совершенно противорѣчитъ чтеніе, принятое г. Кулишомъ: «чтобы отечеству какъ-нибудь послужить, охраняя товарищей на пользу ближнему». [5] Слова: «вслѣдъ: «Убирайся себѣ, собака!» приписаны сверху строки, вмѣсто зачеркнутаго: «А Собакевичъ, (такъ ему) сидя на томъ же стулѣ, говорилъ между тѣмъ такъ по его выходѣ: «Вотъ и старый человѣкъ, и волосъ сѣдой въ головѣ — пора бы уже и о грѣхахъ подумать, а все чортъ знаетъ, чѣмъ занимается!» [6] Прежде было написано: «а вѣдь до сихъ поръ грѣховодничаетъ». [7] Прежде было написано: «У нихъ ужъ такой обычай другъ другу (роги) ставить роги». [8] Это мѣсто передѣлывалось два раза. Прежде было написано: «Мало того, что даромъ бременятъ землю, да еще.... Гомора ихъ бы всѣхъ огнемъ погубить! Собакѣ собачья и смерть. Уѣдемъ мы, душа моя, изъ это..» Потомъ, послѣ словъ «да еще» приписано сверху строкъ: «дѣла такія дѣлаютъ, что и скоту......... и (творятъ) такой грѣхъ творятъ, что ихъ всѣхъ бы въ одинъ мѣшокъ да въ воду». [9] Въ рукописи: «Нѣчемъ». [10] Послѣ этого зачеркнуто: «изъ этого разбойничья вертепа и мы». [11] Прежде было написано: «и нужно (кое-что) купить для празд-н(ичныхъ украшеній на голову)»; потомъ поставленное въ скобки зачеркнуто.

Стр. 258 [1] Слово «городъ» въ рукописи пропущено. Прежде было написано: «что нечего больше (въ другой разъ незачѣмъ) и заѣзжать сюда». [2] Прежде было: «не зналъ даже». [3] Прежде было написано: «узкій переулокъ, что одно колесо (на цѣлой) стало неизмѣримо выше на одной сторонѣ, было выше временами на лѣвой» [4] Сверху приписано нѣсколько словъ, которыя мы читаемъ такъ: «Отъ этого весь корпусъ его колубался». [5] Слово «сильно» въ рукописи пропущено. [6] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова, внизу котораго написано: «сильно по г (головѣ?)». [7] Прежде было написано: «въ дворъ къ протопопу». [8] Прежде было написано: «среди свиннаго хруканья и куринаго кудахтанья». [9] Въ рукописи: «также и какъ Чичикова». [10] Прежде было написано: «съ видомъ нѣсколько меланхолическимъ». [11] Приписано сверху вмѣсто незачеркнутаго слова: «ночью».

[12] Приписано сверху зачеркнутаго: «Какъ же?» Коробочка вдругъ оживилась». [13] Прежде было написано: «въ такомъ дѣлѣ». [14] Слово не дописано. Трушковскій читалъ: «тряпье».

Стр. 259 [1] Прежде было написано: «Да разскажите, чтò онъ говорилъ». [2] Прежде было: «пистолетовъ я не видала никакихъ. Оборони Богъ отъ пистолетовъ!» [3] Прежде было: «вы поясните мнѣ это». [4] Въ рукописи: «разс». [5] Эти строки («Какую цѣну?» — «глядя ей въ глаза») приписаны сверху зачеркнутыхъ: «Да помилуйте жъ, матушка, кому нужны мертвыя души?» сказалъ предсѣдатель и подумалъ: «Она совсѣмъ (дура), кажется, дура». [6] Прежде было написано: «Такъ что жъ онъ (у) васъ купилъ?» — «Да вѣдь я ужъ сказала вамъ. Да вы-то чтò такъ допрашиваете? Ужъ вы не изволите ли сами покупать, батюшка? Право, грѣхъ вамъ будетъ, если меня обманете». — «Да что жъ васъ обманывать?» [7] Приписано сверху строки: «какъ хот». [8] Въ рукописи: «птичьехъ»; слово «перьевъ» пропущено. Ср. въ этомъ же томѣ стр. 54. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «Да нѣтъ, отецъ; ужъ ты пожалуйста не обидь меня. Вѣдь у меня третьяго года.... Что ты это въ самомъ дѣлѣ? Если мы этакъ обижать будемъ другъ друга да обманывать....»

Стр. 260 [1] Въ рукописи: «откупщикъ». [2] Первоначальный набросокъ: «*Предсѣдатель изломалъ. Предсѣдатель. Изъ всей этой неудачной экспедиціи* представитель (sic!) *увид* извлекъ *для себя то, что* изломалъ». Потомъ напечатанное курсивомъ зачеркнуто, и всему наброску данъ новый видъ. [3] Прежде было: «также и разбитый». [4] Слово «голову» въ рукописи пропущено. Прежде было: «ѣхалъ на дрожкахъ, повѣсивши». [5] Прежде было: «и сказалъ только это». [6] Послѣ слова «совсѣмъ» зачеркнуто: «всего». [7] Прежде было: «что въ службѣ не упражняюсь. Нѣтъ. За что жъ? Чѣмъ же я такъ проступился?» [8] Прежде было написано: «ни на кого». [9] Прежде было написано: «чтò ни недѣля, то и посылаетъ». [10] Прежде было написано: «Я подписываю всегда: *читалъ*». [11] Прежде было: «выставлялъ даже и тогда». [12] Въ рукописи: «доносомъ». [13] Прежде было написано: «прокуроръ совершенно огорченъ». [14] Прежде было: «обругалъ всѣхъ дураками и сплетниками».

Стр. 261 [1] Сначала было написано: «Господа, я долженъ васъ извѣстить, что получено (губернаторъ получилъ) отношенье изъ сосѣдственной губерніи, увѣдомляющее, что появился дѣлатель фальшивыхъ ассигнацій: нужно быть осторожну». — «Ну, если это Чичиковъ», подумалъ вдругъ предсѣдатель, но замолчалъ сдѣлать догадку при кучерахъ. Но извѣстно. — «Оно бы въ другое время ничего, но» сказалъ: «говорятъ, дѣйствительно въ нашу губернію назначается генералъ-губернаторъ, а потому теперь...» — «Вправду?» сказалъ предсѣдатель и подумалъ про себя: «Ну, вотъ, какъ разъ кстати! Тутъ заварилась въ городѣ кутерьма и безтолочь. Одурѣли и безъ того всѣ». [2] Прежде было написано: «огорченный прокуроръ даже и не слышалъ этого». [3] Слово «вицегубернаторъ» въ рукописи пропущено. [4] Прежде было написано: «съ новымъ генералъ-губернаторомъ». [5] Прежде было написано: «Узнали, да не знаемъ еще к..». [6] Прежде было написано: «Всѣхъ, сударь, распушилъ, растрепалъ, какъ говор». «Что вы?» сказалъ представитель (sic!). Вицъ-губернаторъ, который самъ человѣкъ былъ

наклонностей мирныхъ». [7] Слово «четырехъ» въ рукописи зачеркнуто: сверху написано: «съ влетокъ» (?) [8] Послѣ этого слова зачеркнуто: «хлыснули». [9] Въ рукописи: «представитель». [10] Слово «прокуроръ» въ рукописи пропущено.

Стр. 262 [1] Слова: «не обходятся», въ рукописи пропущены; внесены изъ **МД.** [2] Первоначальный набросокъ этого мѣста: «Слухъ о генералъ-губернаторѣ (смутилъ) всѣхъ смутилъ. Особенно слова почтмейстера: «Дальновиднѣйшій, свѣдѣній палата, объема колоссальнаго и крутѣйшаго нрава (при всемъ томъ онъ обходительный человѣкъ)» — поразили даже и прокурора (сверху строки:«раздавались въ ушахъ»). Онъ очнулся отъ мойки, заданной ему Собакевичемъ. «Признаюсь, вотъ весело», сказалъ предсѣдатель: «ну, въ хорошую же минуту пріѣдетъ генералъ-губернаторъ. Увидитъ, что одурѣлъ весь городъ. (Я не знаю) Признаюсь вамъ, у меня, просто, голова кружится». Кто такой этотъ Чичиковъ, я, хоть убей, не». [3] Точки на мѣстѣ неразобранныхъ словъ. [4] Послѣ этого зачеркнуто: «и желтой». [5] Это мѣсто передѣлывалось не разъ. Вотъ оно въ первоначальномъ наброскѣ и съ позднѣйшими поправками. «Этакого запутаннаго дѣла отродясь не слыхивалъ». — «Тѣмъ болѣе, что того», сказалъ....: «человѣкъ свѣтскаго лоску, (какъ видно) судя по поступкамъ (имѣлъ обращенье), долженъ быть, имѣлъ обращеніе съ высшимъ политесомъ общества». [6] Слова: «Ну, господа!» сказалъ» въ рукописи зачеркнуты: фразу предполагалось передѣлать. [7] Прежде было написано: «и чудотворецъ относительно угощеній». [8] Прежде было: «никакъ не могъ». [9] Прежде было: «на бѣду чѣмъ-то заболѣлъ». [10] Прежде было написано: «знакомъ». [11] Затѣмъ зачеркнуто: «иные даже и повыше». [12] Прежде было написано: «кучеръ Селифанъ говоритъ, что уважался всѣми». [13] Прежде было: «толку не могъ добиться». [14] Въ рукописи: «третій куплевъ». [15] Слово «души» въ рукописи пропущено.

Стр. 263 [1] Послѣ этого зачеркнуто: «Что-то то да не то. Нѣтъ, господа, позвольте сказать, тутъ что-то». [2] Прежде было написано: «и душу имѣлъ чув..., склонную къ ощущеніямъ нѣжнымъ, а не законопреступленью». [3] Прежде было написано: «Да что-то то да не то», сказалъ предсѣдатель. «Поступить нужно рѣшительно», сказалъ, наконецъ, полицмейстеръ: «задержать его, какъ подозрительнаго человѣка». — «Да а Богъ вѣсть», сказалъ предсѣдатель». [4] Прежде было написано: «А Богъ его знаетъ. Можетъ быть, онъ подосланъ съ тайными порученьями». [5] Написано сверху зачеркнутаго: «Богъ знаетъ, что́ это за мертвыя души». [6] Прежде было написано: «навели облако задумчивости. Предсѣдатель задумался и прокуроръ задумался, полицмейстеръ. Вицегубернаторъ, увидя, что всѣ задумались, почелъ нужнымъ задуматься и себѣ, хотя не зналъ о чемъ. Почтмейстеръ покрылъ нижней губою верхнюю и остался въ размышляющемъ положеніи. — Имъ обоимъ пришли на умъ». [7] Фраза не дописана; ею оканчивается первоначальный набросокъ главы. Продолженіе написано позднѣе, другими чернилами и уже на слѣдующей страницѣ. [8] Слово «города» пропущено. [9] Слово «и» пропущено. [10] Поставленное въ скобки зачеркнуто. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «понимаете». [12] Прежде было: «съобща».

Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ.

А. Одна изъ первоначальныхъ редакцій (стр. 264—270).

Одна изъ первоначальныхъ редакцій „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“ напечатана была академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1865 г. (стр. 775—788). Она извлечена изъ *первой по времени полной редакціи* „Мертвыхъ Душъ“, сохранившейся въ бумагахъ А. А. Иванова и поступившей въ 1862 году въ Императорскую Публичную Библіотеку[1]. Предполагая напечатать въ шестомъ томѣ настоящаго изданія вполнѣ ту *первоначальную полную редакцію* „Мертвыхъ Душъ“, которая сохранилась почти вполнѣ въ этомъ спискѣ, мы помѣщаемъ въ настоящемъ томѣ позднѣйшую редакцію „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“.

Академикъ А. Ѳ. Бычковъ, печатая въ „Русскомъ Архивѣ“ эту „Повѣсть“ по означенному списку Императорской Публичной Библіотеки, назвалъ изданную имъ редакцію „первоначальною“. Между тѣмъ издатель напечаталъ не ту редакцію „Повѣсти“, которая *первоначально* переписана была рукою писца въ указанный списокъ поэмы, а ту, которая образовалась, благодаря передѣлкамъ и поправкамъ, которыя набросаны собственноручно авторомъ, въ томъ же спискѣ, надъ строками первоначальнаго въ немъ текста; измѣненныя и передѣланныя строки А. Ѳ. Бычковымъ помѣщены вполнѣ въ выноскахъ. Редакція „Мертвыхъ Душъ“, представляемая этимъ спискомъ Императорской Публичной Библіотеки, окончена была перепиской въ началѣ 1841 года[2]. Поправки и передѣлки *послѣднихъ* главъ поэмы въ этомъ спискѣ начались по окончаніи переписки всего сочиненія набѣло. Собственноручныя приписки автора размѣстились сверху строкъ текста, по полямъ и внизу страницъ, перешли наконецъ на отдѣльные листки и лоскутки, впослѣдствіи вклеенные въ рукопись. Въ одинъ изъ первыхъ мѣсяцевъ 1841 года Пановъ началъ уже переписывать въ другія тетради *первыя пять главъ* поэмы въ той новой редакціи, которая постепенно сложилась, благодаря указаннымъ припискамъ и *поправкамъ*. *Лѣтомъ 1841 года* П. В. Анненковъ приступилъ къ про-

[1] Эта рукопись, по каталогу Императорской Публичной Библіотеки, значится подъ рубрикою: XV Q 46. [2] Подробное описаніе рукописи и опредѣленіе времени ея составленія и переписки будутъ предложены въ шестомъ томѣ настоящаго изданія.

долженію дѣла, и сталъ писать „Мертвыя Души", начиная съ шестой главы, въ тѣ же тетради подъ диктовку автора.

Подъ заглавіемъ „одна изъ первоначальныхъ редакцій" печатаемъ „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ" въ томъ самомъ видѣ, какъ она переписана была въ новый списокъ „Мертвыхъ Душъ", написанный въ Римѣ Пановымъ, Анненковымъ, неизвѣстнымъ лицомъ и самимъ авторомъ въ теченіе первыхъ восьми мѣсяцевъ 1841 года[1]. Время окончанія этой редакціи „Повѣсти", благодаря указанію Анненкова, можетъ быть опредѣлено довольно точно. Анненковъ, прекратившій переписку „Мертвыхъ Душъ" на 358-й страницѣ заграничной рукописи, свидѣтельствуетъ, что „переписка романа *была совсѣмъ приведена къ окончанію въ августѣ* того же (1841-го) года, двѣ недѣли спустя послѣ его отъѣзда изъ Рима"[2]. „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ" занимаетъ въ этой рукописи 297—308 страницы. Переписывать поэму, подъ диктовку автора, Анненковъ началъ съ стр. 155-й и до своего отъѣзда изъ Рима написалъ 204 страницы. Соображая эти цифры, приходимъ къ заключенію, что „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ" переписывалась Анненковымъ въ *іюлѣ* мѣсяцѣ.

Вскорѣ по окончаніи переписки начались новыя поправки и передѣлки поэмы; онѣ набрасывались на римскій списокъ въ обиліи сверху текста, на поляхъ и внизу страницъ; онѣ переходили на отдѣльныя четвертки бумаги, которыя подклеивались къ рукописи. Поправки захватили и „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ"; онѣ начались въ Римѣ и кончились въ Москвѣ. Всѣ сдѣланныя въ „Повѣсти" измѣненія указаны ниже въ *варіантахъ*. При новой, московской передѣлкѣ „Повѣсть" *была значительно сокращена:* въ текстѣ, переписанномъ Анненковымъ, зачеркнуто окончаніе разсказа, начиная со словъ: „какъ нашъ капитанъ Копѣйкинъ" (стр. 268). Этимъ положено было начало новымъ редакціямъ „Повѣсти", въ которыхъ нѣтъ разсказа о томъ, какъ Копѣйкинъ разбойничалъ, бѣжалъ въ Америку и писалъ письмо Государю. Сокращеніе направлено было къ тому, чтобы смягчить впечатлѣніе разсказа, и было сдѣлано авторомъ въ Москвѣ, когда пересматривалась

---

[1] Эта рукопись, которую мы называемъ заграничной или римской, куплена была у наслѣдниковъ Н. Я. Прокоповича Кушелевымъ-Безбородко и подарена имъ Лицею князя Безбородко; нынѣ она принадлежитъ Нѣжинскому Историко-филологическому Институту (НР). [2] Воспоминанія и критическіе очерки I, 218.

послѣдняя часть „Повѣсти“ по тексту заграничной рукописи: послѣднія страницы этого списка, начиная со словъ: „Онъ-то хотѣлъ прибавить“, и до конца были зачеркнуты; на четверткѣ желтой писчей бумаги *русской фабрики* написана вставка[1], замѣняющая начало вычеркнутаго текста (отъ словъ: „Онъ-то хотѣлъ прибавить“, включительно до словъ: „препроводить его“); затѣмъ возстановлены зачеркнутыя строки прежняго текста, начиная словами: „на мѣсто жительства“, включительно до словъ: „и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой“. Въ передѣланномъ такимъ образомъ видѣ „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“, съ указанными въ варіантахъ измѣненіями, переписана была въ первую копію съ заграничной рукописи, сдѣланную въ Москвѣ (**ДП**) въ ноябрѣ 1841 года. Передъ перепиской этой первой московской копіи въ новый списокъ поэмы, приготовлявшійся для Цензурнаго Комитета, авторъ вновь пересмотрѣлъ „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“ и сдѣлалъ въ ней новыя поправки — образовалась та редакція „Повѣсти“, которая внесена была въ цензурную рукопись и зачеркнута въ ней красными чернилами. Собственноручныя поправки, сдѣланныя авторомъ на страницахъ заграничной рукописи и дополненія къ ней, приводятся въ варіантахъ съ отмѣткою: **НР** (т. е. рукопись Нѣжинскаго Института); позднѣйшія поправки, приписанныя въ первой московской копіи, отмѣчены буквами **ДП**.

„Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“, напечатанная въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“ (IV, 548—554) съ прибавкою въ заглавіи словъ: „*Въ первоначальномъ видѣ*“, представляетъ *композицію, произвольно составленную Гербелемъ* изъ отрывковъ разныхъ редакцій повѣсти, *не исключая и самыхъ послѣднихъ*, даже печатной. Составитель подложной редакціи въ 15-мъ примѣчаніи къ изданнымъ имъ въ „Русскомъ Словѣ“ письмамъ Н. Гоголя къ Прокоповичу[2], сооб-

[1] Вставка начинается словами: «Ну», говоритъ министръ, «согласитесь, я же не могу васъ содержать»; оканчивается: «Позвать фельдъегера, препроводить его» (на мѣсто жительства). Слова, заключенныя въ скобки зачеркнуты, потому что удержаны въ заграничной рукописи. [2] Замѣтимъ, что это 15-е примѣчаніе относится къ слѣдующей фразѣ въ письмѣ Гоголя къ Прокоповичу отъ 9-го апрѣля 1842 г.: «Выбросил и уменя цѣлый эпизодъ — Копѣйкина». Эта фраза зачеркнута была цензоромъ въ корректурѣ «Писемъ Гоголя къ Прокоповичу»; на мѣстѣ ея поставлены въ «Русскомъ Словѣ» точки, но примѣчаніе къ исключенной фразѣ удержано и, вслѣдствіе спутанности ссылокъ, отнесено къ слѣдующимъ словамъ другаго письма Гоголя къ тому же лицу: «И попроси его, чтобы онъ былъ такъ добръ и заѣхалъ бы самъ къ Уварову». Это примѣчаніе доказываетъ, что компиляторъ мнимо-«пер-

щаетъ: „Въ первоначальномъ его (Копѣйкина) видѣ, какъ онъ нынѣ напечатанъ въ „Сочиненіяхъ и письмахъ Гоголя“ (т. IV, стр. 548), по доставленному мной списку, *который я сдѣлалъ съ подлинной рукописи перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, подаренной самимъ Гоголемъ покойному Прокоповичу*. Въ настоящее время помянутая рукопись, вмѣстѣ съ другими рукописями Гоголя, какъ-то: „Тараса Бульбы“, „Портрета“ (обѣ въ исправленномъ видѣ), „Игроковъ“, „Тяжбы“, „Лакейской“ и „Театральнаго Разъѣзда“ съ пріобщеніемъ 32 писемъ Гоголя къ Прокоповичу, пріобрѣтены графомъ Г. А. Кушелевымъ-Безбородко у семейства Прокоповича, и принесены въ даръ Лицею князя Безбородко, котораго онъ почетный попечитель“[1]. Достаточно сравнить изданный нами по той же рукописи текстъ и приведенныя изъ нея въ варіантахъ поправки и дополненія съ текстомъ повѣсти, сообщеннымъ Гербелемъ П. А. Кулишу, чтобы выдѣлить вставки, внесенныя изъ другихъ редакцій. Не перечисляя всѣхъ вставокъ и измѣненій, сдѣланныхъ г. Гербелемъ въ текстѣ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“, укажемъ лишь на немногія, обличающія поддѣлку. Въ текстѣ, будто бы „первоначальномъ“, „Повѣсти“ въ изданіи г. Кулиша читаемъ: „присланъ былъ и капитанъ Копѣйкинъ, *пролетная голова, привередливъ, какъ чортъ, побывалъ и на гауптвахтахъ, и подъ арестомъ, всего отвѣдалъ*“[2]. Напечатанное здѣсь курсивомъ авторъ набросалъ карандашомъ на полѣ цензурной рукописи, *послѣ того*, какъ „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“ зачеркнута была здѣсь красными чернилами цензора, когда авторъ, чтобы спасти „Повѣсть“ отъ совершеннаго запрещенія, началъ по возможности *смягчать* разсказъ. Эта прибавка, сдѣланная ради цензуры, приписана Гоголемъ собственноручно чернилами на томъ спискѣ „Повѣсти“, который представленъ былъ вновь цензору Никитенкѣ: *ни въ одной изъ предшествующихъ редакцій этого мѣста нѣтъ*. Въ томъ же текстѣ г. Гербеля читаемъ: „этотъ какой-нибудь инвалидный капиталъ былъ уже заведенъ, можете представить себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, *послѣ*“. Во *всѣхъ* редакціяхъ „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“, не исключая и той, которая представлена была на *вторичное* разсмотрѣніе цензуры,

---

воначальнаго вида» «Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ», напечатаннаго въ изданіи Кулиша, былъ г. Гербель: издатель «Сочиненій и писемъ Гоголя» довѣрчиво отнесся къ «списку», сообщенному послѣднимъ, и къ тому же не имѣлъ возможности провѣрить его по другимъ рукописямъ «Мертвыхъ Душъ».

[1] Русское Слово, январь, стр. 112. [2] Сочиненія и письма Гоголя IV, 548.

стоитъ: „*гораздо* послѣ“. Слово „гораздо“ зачеркнуто красными чернилами цензора въ томъ спискѣ, который представленъ былъ въ цензуру во *второй* разъ (въ апрѣлѣ 1842 года) и который заключаетъ въ себѣ *послѣднюю*, передѣланную для цензуры, редакцію „Повѣсти“.

Стр. 264 [1] Зачеркнуты слова: «сударь мой, вы можете себѣ представить»; сверху приписано, вмѣсто зачеркнутаго: «можете вообразить» НР; поправка эта удержана въ ДП. [2] Сверху зачеркнутаго слова «вообразить» написано: «представить»; поправка удержана въ ДП.

Стр. 265 [1] Слово «какъ» въ НР зачеркнуто. [2] Слово «такая» зачеркнуто авторомъ, который сверху строкъ собственноручно приписалъ (въ НР) такую поправку: «шторы, *чертовство такое,* понимаете, ковры — *(цѣликомъ)* Персія такая — *цѣликомъ съѣла сотней* * *(безъ счету), можете представить, безъ счету*». Собственноручныя приписки печатаемъ, какъ здѣсь, такъ и ниже, курсивомъ; зачеркнутое заключаемъ въ скобки. Эта поправка внесена въ ДП; но здѣсь къ ней сдѣлана собственноручная приписка: «*ногой, такъ сказать, попираешь капиталы*». [3] Сверху зачеркнутыхъ словъ: «четырехъ синенькихъ» написано: «*десяти синюхъ*». [4] Слово «эдакіе» въ НР зачеркнуто; въ ДП его нѣтъ. [5] Въ НР зачеркнуто: «Ну, заживаться видить»; сверху приписано: «*Видитъ, заживаться*». [6] Сверху незачеркнутыхъ словъ: «изъ-за границы» въ НР приписано: «*Парижа*». Это чтеніе и перенесено въ ДП: «изъ Парижа, изъ-за границы»; но сверху послѣдняго слова приписано собственноручно: «*все было*». Въ ДП послѣ этого приписано собственноручно: «*Распросилъ, куда обратиться. Говорятъ: есть, въ нѣкоторомъ родѣ, высшая Коммиссія, правленье, понимаете, эдакое и начальникомъ ея — генералъ-аншевъ такой-то; а государя, нужно вамъ знать, въ*». Послѣднее слово предшествуетъ незачеркнутымъ словамъ текста, перенесеннаго изъ НР. Вновь сдѣланная въ ДП приписка замѣнила слѣдующія слова прежняго (НР) текста: «На другой же день, сударь мой, рѣшился итти къ министру, а Государя, нужно вамъ знать, въ». [7] Слово «все» въ НР зачеркнуто; въ ДП его нѣтъ. [8] Слова: «натянулъ свою» въ НР зачеркнуты, сверху собственноручно: «подергалъ метелкой»; въ ДП: «натащилъ на себя мундиришку». [9] Въ ДП зачеркнуты слова: «къ министру»; вмѣсто нихъ написано: *къ самому Начальнику, къ вельможѣ*». [10] Въ ДП: «Разспросилъ, *гдѣ живетъ начальникъ*». [11] Въ НР зачеркнуто: «зеркала, все это мраморъ, вездѣ». Приписано собственноручно: «*зеркала, такъ что вазы, понимаете, и все, что тамъ ни есть въ комнатахъ, кажется (такъ в) какъ внаружѣ, (такъ бы) могъ бы въ нѣкоторомъ родѣ, казалось бы, съ улицы рукой достать. Вездѣ драгоцѣнные марморы*». Въ ДП внесена эта приписка, съ небольшою отмѣною: «кажутся *какъ бы* внаружѣ». [12] Послѣ этого слова приписано сверху: «*такая*»; въ ДП: «такъ» (ошибка переписчика). [13] Въ НР зачеркнуто: «Словомъ, сударь мой, гебены, лаки такіе, что просто»; сверху

* Гоголь употребилъ здѣсь форму «сотней» вмѣсто «сотенъ».

строки приписано; «*Ну, словомъ (чебены такіе) лаки на всемъ такіе*». Эта поправка не принята въ ДП.

Стр. 266 [1,2] Въ ДП вмѣсто зачеркнутаго слова «министръ» собственноручно: «*генералъ*». [3] Въ НР зачеркнуто нѣсколько строкъ, начиная со второй части слова «сейчасъ», включительно до словъ: «мой Копѣйкинъ является опять». Новый текстъ, замѣняющій зачеркнутыя строки, написанъ Гоголемъ собственноручно на четверткѣ желтоватой писчей бумаги. Эта четвертка вклеена между 300 и 301 страницами рукописи НР. Текстъ переписанъ сюда *набѣло* съ обработанныхъ уже набросковъ. Представляемъ его вполнѣ, указывая въ выноскахъ позднѣйшія поправки, набросанныя въ ДП собственноручно: «[сей]часъ выдетъ въ пріемную, а въ пріемной ужъ, понимаете *, народу какъ бобовъ на тарелкѣ. Все это (четверт) не то, что нашъ братъ холопъ, все четвертаго или пятаго класса, полковники, а кое-гдѣ и толстой макеронъ (sic!) блеститъ на эполетѣ — генералитетъ, словомъ, такой.... Вдругъ въ комнатѣ, понимаете ** (все на минуту засуетилось) пронеслась чуть замѣтная суета, какъ эфиръ какой-нибудь тонкой ***. Раздалось тамъ и тамъ: шу, шу, и наконецъ тишина настала страшная. Министръ † входитъ. Ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ: въ лицѣ, такъ сказать.... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете.... съ высокимъ постомъ.... такое и выраженье, понимаете. Все †*, разумѣется, въ ту же минуту въ струнку, ожидаетъ (такъ сказать, съ трепетомъ) дрожитъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы... Министръ †** подходитъ къ (одному) тому ††, къ другому: «зачѣмъ вы? зачѣмъ вы? что вамъ угодно? какое ваше дѣло?» Наконецъ, сударь мой, къ Копѣйкину. Копѣйкинъ, собравшись съ духомъ: «Такъ и такъ, ваше высокопревосходительство, проливалъ кровь, лишился, въ нѣкоторомъ родѣ, руки и ноги, работать не могу — осмѣлился просить монаршей милости». Министръ ††† видитъ: человѣкъ на деревяшкѣ и правый рукавъ пустой пристегнутъ къ мундиру. «Хорошо», говоритъ: «понавѣдайтесь на дняхъ». Копѣйкинъ мой чуть не въ восторгѣ. Одно то, что удостоился аудіенціи, относительно такъ сказать, съ министромъ, а другое то, что вотъ теперь наконецъ рѣшится (такъ), въ нѣкоторомъ родѣ, на щетъ пансіона. — Въ духѣ, понимаете, такомъ, подпригиваетъ по тротуару, зашелъ въ Палкинской трактиръ выпить рюмку водки, пообѣдалъ, сударь мой, въ Лондонѣ: приказалъ себѣ подать котлетку съ каперсами, пулярку спросилъ, чортъ побери, съ разными финтирлеями, спросилъ бутылку вина, ввечеру отправился въ театръ — однимъ словомъ, понимаете, кутнулъ. На тротуарѣ видитъ: идетъ какая-то стройная (какъ) Англичанка, какъ лебедь, можете себѣ представить, эдакой. Мой Копѣй-

---

* Слово «понимаете» зачеркнуто въ ДП. ** Въ ДП нѣтъ слова: «понимаете». *** Слова: «какъ эфиръ какой-нибудь тонкой», приписаны въ НР сверху строки. † Въ ДП сверху зачеркнутаго слова приписано: «*Генералъ*». †* Въ ДП: «Все, *что ни было въ передней*». †** Въ ДП вмѣсто зачеркнутаго: «Министръ», приписано: «*Генералъ или Вельможа*». †† Въ ДП: «къ одному». ††† Въ ДП вм. зачеркнутаго: «Министръ», написано: «*Генералъ*».

кинъ, — кровь-то, знаете, разыгралась въ немъ, подбѣжалъ было за ней (трюхъ, трухъ) на своей деревяшкѣ: трюхъ, трюхъ, слѣдомъ. «Да нѣтъ», подумалъ: «послѣ, когда получу пансіонъ; теперь я ужъ что-то расходился слишкомъ». — Вотъ, сударь мой, какихъ-нибудь черезъ три, четыре дня, является Копѣйкинъ мой снова къ министру. (Министръ) Дождался выходу. «Пришелъ», говоритъ, «услышать приказъ вашего высокопревосходительства*, по одержимымъ болѣзнямъ и за ранами...» и тому подобное, понимаете, въ должностномъ слогѣ». — Передѣлка зачеркнутаго въ НР мѣста начата на 301-й страницѣ той же рукописи. Здѣсь послѣ словъ «все это» авторъ собственноручно приписалъ карандашомъ: «не то, что нашъ братъ холопъ». Послѣ словъ: «золотые макароны» приписано карандашомъ: «блестятъ». Сверху зачеркнутыхъ словъ: «наконецъ министръ выходитъ», чернилами приписано: «*Вдругъ все засуетилось, пошло по комнатѣ: шу, шу, шу.... и наконецъ тишина настала страшная. (Наконецъ) входитъ министръ. (Все это вытянулось въ струнку. Генералы и всѣ ждутъ. Министръ, ну, сами можете представить)*». Послѣ слова «Копѣйкинъ» приписано: «*мой*». Послѣ словъ: «собравшись съ духомъ», приписано сверху строки: «*вытянувши свою деревяшку*». Зачеркнуты выраженія: «въ нѣкоторомъ родѣ», «такъ сказать», и послѣ слова: «лишился», приписано вмѣсто зачеркнутаго: «*въ нѣкоторомъ родѣ*». На правомъ полѣ авторъ собственноручно набросалъ: «ну, можете представить себѣ, государственный человѣкъ, въ лицѣ.... такъ сказать.... ну, сообразно съ званіемъ, понимаете.... съ высокимъ постомъ. — (Все, разумѣется, что ни было). Разумѣется, все въ струнку (Министръ подходитъ къ одному, потомъ къ другому) ожидаетъ, трепещетъ, ждетъ рѣшенья, въ нѣкоторомъ родѣ, судьбы. Министръ.... ну.... подходитъ, какъ обыкновенно бываетъ, какъ водится, такъ сказать, въ обычаѣ.... подходитъ къ одному, къ другому». [4] Послѣ этого слова въ ДП приписано «*Хорошо, говоритъ*». [5] Въ НР послѣ этого слова приписано сверху строки карандашомъ: «*больше*», чернилами: «*болѣе*». Послѣднее внесено въ ДП. [6] Въ НР зачеркнуто нѣсколько строкъ, начиная со словъ: «въ нѣкоторомъ родѣ, сомнительномъ», включительно до словъ: ваше высокопревосходительство». Надъ зачеркнутыми строками набросано собственноручно: «совсѣмъ неопредѣленномъ. Онъ-то ужъ думалъ, что вотъ ему завтра такъ и выдадутъ деньги: «нá тебѣ, голубчикъ, гуляй. да веселись». А (тутъ ему) вмѣсто того ему приказъ ждать и время назначено. Вотъ онъ совой такой (понимаете) вышелъ съ крыльца, какъ (индѣйскій пѣтухъ на) пудель, понимаете, (на) котораго (можете себѣ вообразить) поваръ облилъ водой и хвостъ у него между ногъ и уши повѣсилъ. «Ну, нѣтъ», думаетъ себѣ (однакожъ): «пойду въ другой разъ къ министру, объясню, что (послѣдній кусокъ)». Эта вставка внесена въ ДП съ замѣною слова «*гуляй*» — словомъ: «*пей*». [7] Въ НР поправлено собственноручно: «*Словомъ, приходитъ онъ, сударь мой опять*». Поправка внесена въ ДП

* Въ ДП измѣнено собственноручными поправками: «Такъ и такъ», говоритъ, «пришелъ», говоритъ, «услышать приказъ вашего высокопревосходительства».

въ этой рукописи послѣ слова «опять» авторъ приписалъ: «на дворцовую набережную». [8] Слово «министръ» зачеркнуто въ ДП. [9] Въ НР зачеркнуто: «У моего Копѣйкина всего на всего остается какой-нибудь полтинникъ». Сверху зачеркнутаго приписано собственноручно: «А между тѣмъ у него изъ синюхъ-то, понимаете, ужъ остается только одна въ карманѣ». Поправка эта внесена въ ДП.

Стр. 267 [1] Въ НР, вмѣсто зачеркнутаго: «тамъ собака», приписано: «*тамъ*»; внесено въ ДП. [2] Въ НР послѣ этого слова набросана, сверху строкъ, карандашомъ, а потомъ написана чернилами слѣдующая вставка: «*французъ эдакой съ открытой физіогноміей*». Внесено въ ДП. [3] Послѣ этого слова въ НР набросана сверху строкъ карандашомъ, а потомъ написана чернилами, вставка: «*фартухъ, бѣлизною равный снѣгамъ*». Внесено въ ДП. [4] Послѣ этого въ НР авторъ собственноручно приписалъ пропущенное Анненковымъ слово: «*бы*». [5] Въ ДП послѣ слова «а» Гоголь приписалъ: «съ другой-то». [6] Въ ДП зачеркнуто: «къ министру»; приписано вмѣсто этого: «*штурмомъ, понимаете*». [7] Все слѣдующее за этими словами изложеніе до конца повѣсти въ НР зачеркнуто авторомъ, который тутъ же сталъ набрасывать карандашомъ новый текстъ. Первый набросокъ непосредственно примыкаетъ къ послѣднимъ словамъ удержаннаго текста: «не имѣя ни руки, ни ноги»; второй набросокъ приписанъ послѣ словъ: «до тѣхъ поръ, пока не дадите надлежащей резолюціи». Первый набросокъ: «Ну, министръ въ самомъ дѣлѣ былъ занятъ государственными дѣлами и.. Видитъ: со всѣхъ сторонъ его ждутъ [1] дѣла, можетъ.........[2], что судьба человѣчества, а тутъ еще вертится такой докучайка, сказалъ стр[ого]». Второй набросокъ: «Но, сударь мой, вы можете себѣ ....[3], что отвѣчать такимъ образомъ министру неприлично. Это нашему даже брату если бы подвѣдомственный чиновникъ скажетъ такимъ образомъ, такъ и то уже грубость. Ну, а тутъ какой-нибудь Копѣйкинъ! Министръ больше ничего, какъ только взглянулъ, (а взглядъ) а глазъ-то, понимаете, огнестрѣльное оружіе, ядро пушечное: душа ушла не туды, куды слѣдуетъ, а въ пятки. Но видя, что Копѣйкинъ не сдвигнется, говоритъ, и еще довольно милостиво — иной бы, понимаете, такую далъ отстрастку, что дни три ходило [4] бы въ головѣ все вверхъ ногами: «Если вы говорите, что вы точно здѣсь проживаетесь и вамъ (здѣсь) нельзя ожидать, то я васъ препровожу на казенный счетъ (препр). Позвать фельдъегера — препроводить его на мѣсто жительства». Потомъ на четверткѣ писчей бумаги Гоголь написалъ новую редакцію этого мѣста въ такомъ видѣ: «Но», говоритъ министръ: «(вы сами примите, относительно такъ сказать, въ соображеніе) согласитесь: я ни [5]... не могу васъ содержать въ нѣкоторомъ родѣ на свой счетъ. У меня много раненныхъ [6], всѣ они (то же) имѣютъ равное право... (Погодите) вооружитесь терпѣніемъ: пріѣдетъ

---

[1] Сверху незачеркнутаго слова «ждутъ» приписано карандашомъ: «ожидаютъ». [2] Точки на мѣстѣ неразобраннаго слова. [3] Точки на мѣстѣ слова, пропущеннаго авторомъ. [4] Слова: «три ходило», приписаны сверху зачеркнутаго: «ворочалось». [5] Слово не дописано; вѣроятно: «никакъ». [6] Прежде было написано: «много точно такихъ, какъ вы».

Государь, я могу вамъ дать честное слово, что его монаршая милость васъ не оставитъ». — «Но, ваше высокопревосходительство, я не могу ждать», говоритъ Копѣйкинъ и говоритъ, въ нѣкоторомъ отношенiи, грубо. Министру, понимаете, сдѣлалось уже досадно. Въ самомъ дѣлѣ: тутъ со всѣхъ сторонъ генералы, ожидаютъ рѣшенiй, приказанiй, — дѣла, такъ сказать, важныя государственныя, требующiя самоскорѣйшаго исполненiя, минута упущенiя можетъ быть важна; а тутъ еще привязался съ боку (этотъ) неотвязчивый чортъ. «Извините», говоритъ министръ: «мнѣ некогда.... меня ждутъ дѣла важнѣе вашихъ» — напоминаетъ способомъ въ нѣкоторомъ (политичномъ) родѣ тонкимъ, что пора наконецъ и витти. А мой Копѣйкинъ, — голодъ-то, знаете, пришпорилъ его: — «какъ хотите, ваше высокопревосходительство», говоритъ, «не сойду съ мѣста до тѣхъ поръ, пока не дадите резолюцiи». Ну.... можете представить, отвѣчать такимъ образомъ министру, вельможѣ!... (человѣку, облеченному въ санъ)... которому стóитъ только слово, такъ вотъ ужъ и полетишь вверхъ тарашки, такъ что и чортъ тебя не отыщетъ..... Тутъ если нашему брату скажетъ чиновникъ однимъ чиномъ меньше подобное, такъ (вотъ) ужъ и грубость. Ну, а тамъ размѣръ-то, размѣръ какой: министръ и какой-нибудь капитанъ Копѣйкинъ, 90 рублей и нуль! Министръ, понимаете, больше ничего, какъ только взглянулъ, а взглядъ — огнестрѣльное оружiе, души ужъ нѣтъ, ужъ она ушла въ пятки, А мой Копѣйкинъ, можете вообразить, ни съ мѣста, стоитъ, какъ вкопанной. «Что жъ вы?» говоритъ министръ и принялъ его, какъ говорится, въ лопатки. Впрочемъ обошелся онъ еще довольно милостиво: иной бы пугнулъ такъ, что дни три вертѣлась бы послѣ того (вся) улица вверхъ ногами, а онъ сказалъ только: «Хорошо», говоритъ: «если вамъ здѣсь дорого жить и вы не можете въ столицѣ ожидать покойно рѣшенiя (дѣла) вашей участи, такъ[1] васъ вышлю на казенный счетъ. Позвать фельдъегера, препроводить его (на мѣсто жительства)». Послѣ этого вновь написаннаго отрывка должно слѣдовать возстановленное изъ зачеркнутаго прежняго текста мѣсто, начиная со словъ: «на мѣсто жительства» и оканчивая словами: «и атаманъ-то этой шайки былъ, сударь мой, никто другой....» Послѣднiя страницы прежней редакцiи «Повѣсти» были изъ нея исключены. Въ такомъ видѣ «Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ» была списана въ ДП. Въ этой рукописи сдѣланы были въ послѣдней части разсказа неважныя поправки и измѣненiя, указываемыя частiю въ выноскахъ, частiю въ варiантахъ.

Стр. 268 [1] Въ НР сверху этого незачеркнутаго слова приписано: «взяли». [2] Слова: «самъ сказалъ» зачеркнуты въ НР чернилами. [3] Послѣ слова: «поискалъ» авторъ въ НР собственноручно приписалъ чернилами: «самъ».

[1] Въ ДП восполненъ въ этомъ мѣстѣ пропускъ приписокою слова «я».

В. Редакція, зачеркнутая цензоромъ.

(Стр. 270—276.)

П. В. Анненковъ разсказываетъ, что, переписавши „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“ въ заграничную рукопись „Мертвыхъ Душъ“, онъ „отдался неудержимому порыву веселости“. „Гоголь (продолжаетъ Анненковъ) смѣялся вмѣстѣ со мною и нѣсколько разъ спрашивалъ: „Какова повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ?“ — „Но увидитъ ли она печать когда-нибудь?“ замѣтилъ я. — „Печать — пустяки“, отвѣчалъ Гоголь съ самоувѣренностью: „все будетъ въ печати“[1]. Приготовляя поэму къ изданію, Гоголь не оставилъ однако безъ вниманія опасенія, высказаннаго Анненковымъ: передѣлывая въ римской рукописи эту повѣсть, авторъ отбрасываетъ всю вторую ея часть; въ переписанномъ спискѣ сокращенной такимъ образомъ редакціи дѣлаются новыя смягченія, очевидно, по цензурнымъ соображеніямъ. Такъ, опредѣленныя названія высшихъ правительственныхъ лицъ, еще удержанныя изъ заграничной рукописи, замѣняются болѣе общими, неопредѣленными титулами: слово „министръ“ вездѣ зачеркивается и вмѣсто него ставится: „самъ начальникъ“, „первостатейный вельможа“, „генералъ“ и просто „вельможа“. Повѣсть съ такими смягченіями переписывается въ экземпляръ „Мертвыхъ Душъ“, назначенный для представленія въ Цензурный Комитетъ. Никитенко зачеркнулъ въ этомъ экземплярѣ красными чернилами всю „Повѣсть о капитанѣ Копѣйкинѣ“. 9 апрѣля 1842 г. Гоголь писалъ Прокоповичу: „Выбросили у меня цѣлый эпизодъ — „Копѣйкина“, для меня очень нужный, болѣе, нежели думаютъ они. Я рѣшился не отдавать его никакъ“[2]. На цензурномъ экземплярѣ Гоголь начинаетъ приписывать карандашомъ передѣлки отдѣльныхъ мѣстъ, вставки, смягчающія разсказъ. Въ цензурной рукописи „Мертвыхъ Душъ“ уцѣлѣла одна только страница (312-я) изъ всей „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“, остальныя были вырѣзаны и замѣнены тетрадкою почтовой бумаги, большаго (in 4°) формата; въ эту тетрадку вписана смягченная ради цензуры редакція повѣсти. Вырѣзанные изъ цензурной рукописи листы „Повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ“ были сообщены

---

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 199. [2] Ср. выше, стр. 477.

мнѣ въ 1852 году М. П. Погодинымъ, у котораго они оставались съ 1842 г. Въ копіи, тогда же сдѣланной мною съ этихъ листовъ, недоставало начала; оно было найдено въ цензурномъ экземплярѣ поэмы, поступившемъ въ библіотеку Московскаго Университета изъ архива Университетской типографіи. Въ этомъ экземплярѣ 312-я страница была заклеена полулистомъ бѣлой писчей бумаги: отмочивши наклеенный листъ, я нашелъ давно отыскиваемое начало къ тексту копіи, снятой у Погодина съ листовъ, вырѣзанныхъ изъ той же цензурной рукописи. Такъ составился текстъ зачеркнутой цензоромъ редакціи „Повѣсти", въ первый разъ являющійся въ печати въ настоящемъ изданіи. Исполняемъ „самоувѣренныя" слова Гоголя: „все будетъ въ печати". Запрещенная цензоромъ редакція „Повѣсти" существенно отличается отъ той, которая появилась въ печатномъ изданіи „Мертвыхъ Душъ".

Получивши 5 апрѣля 1842 г. изъ Петербургскаго Цензурнаго Комитета рукопись „Мертвыхъ Душъ" съ зачеркнутою цензоромъ „Повѣстью о капитанѣ Копѣйкинѣ", Гоголь 9-го апрѣля писалъ Прокоповичу: „Передѣлалъ его (выброшенный эпизодъ) теперь такъ, что ужъ никакая цензура не можетъ придраться: *генераловъ и все выбросилъ,* и посылаю его къ Плетневу для передачи. Пожалуйста, навѣдайся къ нему и узнай. Больше всего для меня опасна проволочка. Рукопись начата печататься и потому задержка мнѣ повредитъ"[1]. Изъ этихъ строкъ слѣдуетъ заключить, что послѣдняя редакція „Повѣсти", смягченная ради цензуры, была выработана въ теченіе трехъ, четырехъ дней. Въ письмѣ отъ 15 апрѣля Гоголь наказываетъ Прокоповичу: „Прежде всего: къ Плетневу о „Копѣйкинѣ". Я боюсь, чтобы не затянулось... а безъ Копѣйкина я не могу и подумать выпустить рукопись. Скажи, что я молю отстаивать, во что бы то ни было. Просто срамъ цензурѣ, потому что теперь, въ томъ видѣ, какъ я передѣлалъ и послалъ къ Плетневу, никакая цензура не можетъ сдѣлать привязки. Если имя Копѣйкина ихъ остановитъ, то я готовъ назвать его Пятаковымъ и чѣмъ ни попало. Впрочемъ, имя Копѣйкина вездѣ въ другихъ мѣстахъ оставила цензура"[2].

---

[1] Ср. выше, стр. 477. [2] Напечатано по подлиннику письма.

Мертвыя Души, томъ второй (въ одной изъ первоначальныхъ реданцій).

(Стран. 277—411).

Вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ выдѣляется изъ ряда большихъ произведеній Гоголя своею трагическою судьбою. Первую часть поэмы авторъ началъ писать „какъ забавный, незначащій анекдотъ“; но, чѣмъ болѣе углублялся писатель въ свою работу, тѣмъ серьезнѣе становился подъ его перомъ сюжетъ, пока наконецъ „составилось колоссальное созданіе“[1]. Окончивши вчернѣ первую часть „Мертвыхъ Душъ“ и приступая къ продолженію поэмы, Гоголь уже лелѣетъ надежду создать „кое-что колоссальное“, извѣдавши на опытѣ, „на какія сильныя мысли и глубокія явленія можетъ навести незначащій сюжетъ“[2]. Планъ широкаго и многозначительнаго художественнаго созданія уже окрѣпъ въ Гоголѣ при самомъ началѣ работъ надъ второю частью „Мертвыхъ Душъ“: первая часть поэмы для автора представляется собраніемъ „невинныхъ и скромныхъ главъ“ въ сравненіи со второю, простымъ „крыльцомъ къ тому дворцу, который въ немъ строится“[3]. Болѣзненный переворотъ, потрясшій въ основаніяхъ все существо писателя, пережитое имъ тяжелое нравственное воспитаніе даютъ новый ростъ широкимъ планамъ поэта и поднимаютъ задачу второй части „Мертвыхъ Душъ“ на высоту творенія, долженствующаго обновить общественный организмъ, внести въ него новую жизнь... „Озирая“ русскую жизнь, Гоголь (особенно съ 1848 г.) видитъ „повсюду смущенья, повсюду бѣды, и вражду намѣсто любви“, слышитъ „повсюду голосъ неудовольствій“[4]. „Потрясающая безтолковщина сумасшедшаго“[5] времени наполняетъ всѣхъ „страшною тоскою“[6], и онъ иногда съ отчаяніемъ помышляетъ, „будетъ ли онъ въ силахъ удержаться на своемъ мирномъ литературномъ поприщѣ“[7]. По его убѣжденію, наступили „времена молитвы — о мирѣ и соединеніи всѣхъ“[8]. „Скажите мнѣ (спрашиваетъ онъ наканунѣ 1848-го года): зачѣмъ мнѣ, вмѣсто того, чтобы молиться о прощеніи всѣхъ преж-

[1] Ср. выше, стр. 510—511. [2] Сочиненія и письма Гоголя V, 426. [3] Тамъ же; Сочиненія и письма Гоголя V, стр. 465 [4] Тамъ же, томъ VI, стр. 445. [5] Тамъ же, стр. 462, 467, 482. [6] Тамъ же, стр. 472. [7] Тамъ же, стр. 462. [8] Тамъ же, стр. 457, 472, 486, 519.

нихъ грѣховъ моихъ, хочется *молиться о спасеніи русской земли, о водвореніи въ ней мира, намѣсто смятенія, и любви, намѣсто ненависти къ брату?* Зачѣмъ я помышляю объ этомъ, намѣсто того, чтобы оплакивать собственные грѣхи мои? Зачѣмъ мнѣ хочется молиться еще и о томъ, чтобы Богъ далъ силы мнѣ загладить новымъ, лучшимъ дѣломъ и подвигомъ мои прежніе худые, даже и въ дѣлѣ писательства?"[1] Вторая часть „Мертвыхъ Душъ" должна, по замыслу автора, дать обществу новый идеалъ; образы ихъ должны быть „состроены изъ нашего матеріала, изъ нашей земли, такъ что всякъ почувствуетъ, что это изъ его же тѣла взято: *тогда только онъ проснется и тогда только можетъ сдѣлаться другимъ человѣкомъ*"[2]. И Гоголь высказываетъ твердое убѣжденіе, что вторая часть поэмы „можетъ быть *очень нужная и очень полезная вещь*, потому что никакая *проповѣдь* не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы"[3]. „Какое полное знаніе жизни (восклицаетъ Гоголь), сколько разума и безпристрастія старческаго нужно для того, чтобы *создать такіе живые образы и характеры,* которые пошли бы навѣки *въ урокъ людямъ,* которыхъ бы никто не назвалъ въ тоже время идеальными, но почувствовалъ, что они взяты изъ нашего же тѣла, изъ нашей же русской природы! Какъ много нужно сообразить, чтобы *создать такихъ людей,* которые были бы истинно нужны нынѣшнему времени!"[4] Гоголь чувствуетъ себя обязаннымъ изобразить, въ назиданіе современникамъ, „людей добрыхъ, вѣрующихъ и живущихъ въ законѣ Божіемъ"[5]. Объ изготовляемомъ сочиненіи онъ пишетъ въ 1848-мъ году: „Все мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвести его, *чтобъ оно имѣло доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо*"[6]. Въ письмѣ къ Плетневу Гоголь выражаетъ убѣжденіе: „Еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумываній моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. *Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія — это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина*"[7]. Этотъ подвигъ и мечтаетъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 444. [2] Тамъ же, стр. 346. [3] Тамъ же, стр. 360. [4] Тамъ же, стр. 417. [5] Тамъ же, стр. 425. [6] Тамъ же, стр. 462—463. [7] Тамъ же, стр. 466.

совершить Гоголь созданіемъ второй части „Мертвыхъ Душъ“: среди возмущающихъ явленій времени онъ желаетъ „удержаться на литературномъ поприщѣ и *быть пѣвцомъ мира и тишины посреди брани*“[1]. До конца жизни его не покидаетъ надежда „пропѣть гимнъ Красотѣ Небесной“[2]....

Вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ занимала Гоголя въ послѣдніе одиннадцать лѣтъ его жизни. Поэтъ не былъ доволенъ результатами своихъ работъ: написанныя главы поэмы не удовлетворяли взыскательнаго автора. Произведеніе доводилось до конца, оцѣнивалось самимъ творцомъ въ тиши рабочаго кабинета и „сожигалось“,— съ тѣмъ, чтобы „воскреснуть въ новомъ, лучшемъ видѣ“. Всѣ наброски написанныхъ главъ, тщательно скрывавшіеся отъ любопытства друзей, уничтожались, и трудъ начинался съизнова. Анненковъ свидѣтельствуетъ, что написанная вторая часть „Мертвыхъ Душъ“ уничтожалась *три раза*[3]. Горькія жалобы на оскудѣніе „творческой силы“, на утрату „способности творить“, раздаются въ письмахъ Гоголя, относящихся къ первому періоду работы, который завершается поѣздкою въ Іерусалимъ. Только въ 1849-мъ году Гоголь рѣшается прочесть избраннымъ близкимъ людямъ нѣсколько главъ второй части „Мертвыхъ Душъ“. Недовольство написаннымъ, вызвавшее однажды уничтоженіе цѣлаго произведенія и всѣхъ предварительныхъ черновыхъ набросковъ, высказывается художникомъ съ твердымъ убѣжденіемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины и разрѣшается сожженіемъ созданія, уже вполнѣ оконченнаго, хотя не вездѣ получившаго послѣдній ударъ кисти.

Разбитыя и неполныя тетради поэмы, писанныя *въ разное время*, перемаранныя поправками и испещренныя дополненіями — вотъ все, что осталось въ бумагахъ автора отъ предполагавшагося „колоссальнаго“ творенія. Никакихъ черновыхъ набросковъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, — кромѣ листа, сохранившаго рѣчь генералъ-губернатора и небольшаго верхняго уголка отъ листка почтовой бумаги, — не оказалось въ бумагахъ Гоголя. Исторія текста второй части „Мертвыхъ Душъ“ лишена такимъ образомъ тѣхъ пособій, которыя въ такомъ изобиліи и полнотѣ окружаютъ первую часть поэмы. Чтобы возстановить, хотя въ общихъ чер-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 462. [2] Тамъ же, стр. 553. [3] Воспоминанія и критическіе очерки I, 233.

тахъ, исторію работъ надъ второю частью, остается 1) собрать всѣ указанія на ходъ этихъ работъ, разсѣянныя въ письмахъ Гоголя съ 1840 г. по 1852 годъ, 2) дополнить эти указанія обнародованными въ печати свѣдѣніями тѣхъ лицъ, которыя слышали изъ устъ самого автора чтеніе написанныхъ главъ поэмы и 3) подвергнуть подробному анализу составъ и внѣшній видъ уцѣлѣвшихъ тетрадей второй части „Мертвыхъ Душъ", по которымъ она сдѣлалась извѣстна въ печати.

Къ сочиненію втораго тома „Мертвыхъ Душъ" Гоголь приступилъ въ 1840-мъ году: говоря о сожженіи этого тома въ „ту минуту, когда видѣлъ передъ собою смерть" (вѣроятно, въ концѣ іюня или въ началѣ іюля 1845 года), авторъ замѣчаетъ: „не легко было сжечь *пятилѣтній трудъ*"[1]. 28-го декабря 1840 года, извѣщая Аксакова объ окончаніи перваго тома „Мертвыхъ Душъ", которому оставалось выдержать передъ напечатаніемъ обычную „совершенную очистку", Гоголь сообщаетъ: „Между тѣмъ *дальнѣйшее продолженіе его* выясняется въ головѣ моей чище, величественнѣе, и теперь я вижу, что можетъ быть *со временемъ*[2] кое-что колоссальное, если только позволятъ слабыя мои силы... Болѣзнь моя много отняла у меня времени, но теперь, слава Богу, я чувствую даже по временамъ свѣжесть, мнѣ очень нужную"[3]. Изъ приведенныхъ строкъ можно заключить, что въ концѣ 1840 года еще немного было написано изъ второй части поэмы. Въ письмѣ къ тому же Аксакову, отъ 5-го марта 1841 года, Гоголь такъ увѣдомляетъ его о ходѣ работъ надъ вторымъ томомъ „Мертвыхъ Душъ": „Не смотря на мое болѣзненное состояніе, которое опять немного увеличилось, я слышу и знаю дивныя минуты. Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей, и благодарными слезами не разъ теперь полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка: *никогда не выдумать ему такого сюжета. О, если бы еще три года съ такими свѣжими минутами!* Столько жизни прошу, *сколько нужно для окончанія труда моего;* больше ни часу мнѣ не нужно"[4]. Итакъ,

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 92. Въ томъ же письмѣ о сожженіи втораго тома «Мертвыхъ Душъ» авторъ повторяетъ: «Вѣрю, что, если придетъ урочное время, въ нѣсколько недѣль совершится то, надъ чѣмъ провелъ *пять болѣзненныхъ лѣтъ*». Тамъ же, стр. 94. [2] Мы считаемъ совершенно излишнею прибавку въ этомъ мѣстѣ слова: «выйдетъ», сдѣланную Кулишемъ. [3] Сочиненія и письма Гоголя V, 426. [4] Тамъ же, стр. 436.

въ мартѣ 1841 года Гоголю казалось достаточнымъ *трехъ лѣтъ*, „съ свѣжими минутами“, для полнаго окончанія „Мертвыхъ Душъ“, которыя должны были состоять изъ *трехъ* томовъ[1]. Анненковъ свидѣтельствуетъ: „Намъ уже почти несомнѣнно извѣстно теперь, что эта вторая часть въ первоначальномъ очеркѣ была у него готова около 1842 года (есть слухи, будто она даже переписывалась въ Москвѣ въ самое время печатанія первой части романа)“[2]. Эти слухи могли имѣть основаніе: не даромъ и Погодинъ объявилъ въ „Москвитянинѣ“, что „два тома уже написаны, третій пишется, и все сочиненіе выйдетъ въ продолженіе года“[3]. Ожидая въ Москвѣ цензурнаго разрѣшенія перваго тома „Мертвыхъ Душъ“; Гоголь 17 марта 1842 года писалъ Плетневу: „Ничѣмъ другимъ не въ силахъ я заняться теперь, кромѣ одного постояннаго труда моего. Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ [если только будетъ конецъ ея непостижимому странствію]. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится. Трудъ мой занялъ меня совершенно всего, и оторваться отъ него на минуту — есть уже мое несчастіе. Здѣсь, во время пребыванія моего въ Москвѣ, я думалъ заняться отдѣльно отъ этого труда, написать одну-двѣ статьи, потому что заняться чѣмъ-нибудь важнымъ я здѣсь не могу. Но вышло напротивъ: я даже не въ силахъ собрать себя“[4]. 21-го мая 1842 года, на прощальномъ обѣдѣ у Аксаковыхъ, передъ отъѣздомъ изъ Москвы, Гоголь „*въ третій разъ обѣщалъ*, что черезъ *два года* будетъ готовъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, вдвое толще перваго“[5]. Поэта не оставляетъ еще надежда написать вторую часть поэмы къ тому сроку, который онъ намѣтилъ для окончанія всего труда, въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, слишкомъ годъ тому назадъ. Не прошло и года, послѣ даннаго на обѣдѣ обѣщанія, и Гоголь уже оттягиваетъ срокъ окончанія втораго тома поэмы. На запросъ о ней Шевырева, поэтъ, 28-го февраля 1843 года, отвѣчаетъ такъ: „Ты говоришь, что пора печатать второе изданіе „М. Д.“, но что оно должно выйти необходимо вмѣстѣ со вторымъ томомъ. Но если такъ, тогда нужно *слишкомъ долго ждать*“. „Если предположить самую безпрерывную и ничѣмъ не останавливаемую работу (пи-

---

[1] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 274, 225. [2] Воспоминанія и критическіе очерки I, 231. [3] Русская Старина 1875 г., сентябрь, стр. 126. [4] Сочиненія и письма Гоголя V, 465. [5] Записки о жизни Гоголя I, 301.

шетъ далѣе Гоголь), то *два года — это самый короткій срокъ. Но я не смѣю объ этомъ и думать*, зная мою необезпеченную жизнь и многія житейскія дѣла“ и т. д.[1] Запросъ С. Т. Аксакова о томъ же второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“ удовлетворяется (въ письмѣ 18-го марта) ссылкою на „отвѣтъ Шевыреву“[2]. Въ письмѣ, которое относится къ тому же 1843 году, Гоголь касаясь докучливаго запроса о второмъ томѣ поэмы, еще долѣе оттягиваетъ срокъ его окончанія и въ оправданіе этого приводитъ новый мотивъ. „И откуда вывелъ ты заключеніе (спрашиваетъ онъ адресата), что второй томъ именно теперь нуженъ? Залѣзъ ты развѣ въ мою голову? почувствовалъ существо втораго тома? По твоему, онъ нуженъ теперь, а по моему *не раньше, какъ черезъ два-три года*, да и то еще, принимая въ соображеніе попутный ходъ обстоятельствъ и времени“[3]. Въ письмѣ 28-го марта 1843 года Гоголь передаетъ Жуковскому свое желаніе пожить съ нимъ въ іюлѣ въ Дюссельдорфѣ и „въ совершенномъ уединеніи и покоѣ“ заняться работою надъ „Мертвыми Душами“.[4] 24-го іюля, на новый запросъ С. Т. Аксакова о второмъ томѣ поэмы, Гоголь отвѣчаетъ: „Слухи, которые дошли до васъ о „Мертвыхъ Душахъ“, все ложь и пустяки. Никому я не читалъ ничего изъ нихъ въ Римѣ, и, вѣрно, нѣтъ такого человѣка, который бы сказалъ, что я читалъ что-либо вамъ неизвѣстное. Прежде всего я бы прочелъ Жуковскому, если бы что-нибудь было готоваго. Но, увы! ничего почти не сдѣлано мною во всю зиму, выключая немногихъ умственныхъ матеріаловъ, забранныхъ въ голову“[5]. Мечта о жизни въ Дюссельдорфѣ осуществилась: Гоголь прожилъ здѣсь довольно долго, и только въ первыхъ числахъ ноября отправился на зиму въ Италію. Еще изъ Дюссельдорфа Гоголь писалъ, 6-го октября 1843 года, Плетневу: „Я знаю, что *послѣ* буду творить полнѣй и даже быстрѣе; *но до этого еще не скоро мнѣ достигнуть*. Сочиненія мои такъ связаны тѣсно съ духовнымъ образованіемъ меня самого и *такое мнѣ нужно до того времени вынести внутреннее сильное воспитаніе душевное, глубокое воспитаніе*, что нельзя и надѣяться на скорое появленіе моихъ сочиненій“[6]. Здѣсь обозначается поворотный пунктъ въ исторіи созданія втораго тома „Мертвыхъ

[1] Русская Старина 1875 г., сентябрь, стр. 125. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 3. [3] Ср. настоящаго изданія IV, стр. 90. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 9. Всѣ выдержки изъ писемъ Гоголя къ Жуковскому приводятся по автографамъ этихъ писемъ. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 22. [6] Тамъ же, стр. 29.

Душъ“: все прежде написанное для этого тома отстраняется, какъ бы отодвигается въ виду новыхъ требованій отъ художественнаго произведенія, возобладавшихъ въ душѣ автора. Гоголь рѣшается вынести „сильное душевное воспитаніе“, отъ котораго ожидаетъ новаго творчества,— „болѣе полнаго и даже болѣе быстраго“. Первый періодъ въ исторіи втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ завершается осужденіемъ всего написаннаго для этого тома съ 1840 года до начала октября 1843 года; начинается переходный періодъ, конецъ котораго, по мнѣнію автора, не скоро наступитъ. Объ этой порѣ П. В. Анненковъ говоритъ: „Къ той же послѣдней половинѣ 1843 г. относимъ мы *первое* уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“ изъ *трехъ,* какому она подверглась. Если нельзя съ достовѣрностію говорить *о совершенномъ истребленіи рукописи II тома* въ это время, то, кажется, можно допустить предположеніе о совершенной *передѣлкѣ его, равняющейся уничтоженію.* Такъ, по крайней мѣрѣ, можно заключить изъ всѣхъ писемъ Гоголя и особенно изъ письма къ В. А. Жуковскому отъ 2 декабря 1843 г.: романъ, за которымъ уже около трехъ лѣтъ работалъ авторъ, представляетъ въ эту эпоху, по собственному его признанію, одинъ первоначальный хаосъ: это трудъ только что зарождающійся. Вотъ слова самого Гоголя: „Я продолжаю работать, *т. е. набрасывать на бумагу хаосъ, изъ котораго должно произойти созданіе „М. Д.“* Трудъ, терпѣніе, даже приневоливаніе себя, награждаютъ меня много. Такія открываются тайны, которыхъ не слышала дотолѣ душа и многое въ мірѣ становится послѣ этого труда ясно. Поупражнялясь хотя немного въ наукѣ созданія, становишься въ нѣсколько кратъ доступнѣе къ прозрѣнію великихъ тайнъ Божьяго созданія, и видишь, что, чѣмъ дальше уйдетъ и углубится во что-либо человѣкъ, кончитъ все тѣмъ же: одною полною и благодарною молитвою“. — Въ смыслѣ этихъ словъ (продолжаетъ Анненковъ) ошибиться, кажется, нельзя: набрасываніе хаоса, изъ котораго должно произойти созданіе „М. Д.“, не можетъ относиться ни къ продолженію поэмы, ни къ отдѣлкѣ какой-либо части ея. Не о постепенности въ творчествѣ или обыкновенномъ ходѣ его говоритъ это мѣсто, *а о новой творческой матеріи,* изъ которой начинаютъ отдѣляться части созданія по органическимъ законамъ, сходнымъ съ законами мірозданія. Старая поэма была уничтожена; является другая, при обсужденіи которой открываются тайны высокаго творчества съ тайнами, глубоко схороненными въ нѣдрахъ русскаго общества. Обновленіе поэмы было

полное...“[1] Признавая переворотъ, обозначившійся въ концѣ 1843 года въ исторіи созданія поэмы, мы не видимъ основанія предполагать уничтоженіе рукописи „Мертвыхъ Душъ“: о немъ не говоритъ пока и авторъ, ясно опредѣлившій въ письмѣ къ Плетневу необходимость остановки въ созданіи поэмы.

Не знаемъ, на чемъ основано извѣстіе Кулиша, что въ теченіе 1844 года Гоголь „дѣятельно трудился надъ вторымъ томомъ Мертвыхъ Душъ“[2]. Въ письмахъ автора, относящихся къ этому году, находимъ немного указаній на ходъ работъ надъ поэмою; въ этихъ письмахъ, какъ и въ декабрьскомъ прошлаго года, Гоголь продолжаетъ выражать надежду, что дѣло пойдетъ лучше „потомъ“, т. е. по окончаніи „сильнаго внутренняго воспитанія“. Декабрь 1843-го и первые три мѣсяца 1844 г. онъ проводитъ въ Ниццѣ, отдаваясь религіознымъ бесѣдамъ съ А. О. Смирновой и удерживая за собою обязанности руководителя-моралиста при ней. 8 января 1844 года Гоголь пишетъ Жуковскому: „Я, по мѣрѣ силъ, продолжаю работать тоже, хотя все еще не столько *и не съ такимъ успѣхомъ,* какъ бы хотѣлось. А впрочемъ, Богъ дастъ, — и я слышу это, — работа моя *потомъ пойдетъ* непремѣнно быстрѣе, потому что теперь *все еще трудная и скучная сторона.* Всякій часъ и минуту нужно себя приневоливать, и не насильно почти ничего нельзя сдѣлать“[3]. Въ концѣ послѣдней главы перваго тома „Мертвыхъ Душъ“, переписанной въ августѣ 1841 года, Гоголь признавался: „И у автора, пишущаго сіи строки, есть страсть, — страсть заключать въ ясные образы приходящія къ нему мечты и явленія, въ тѣ чудныя минуты, когда, вперивши очи свои въ иной міръ, несется онъ мимо земли. И въ оныхъ чудныхъ минутахъ, нисходящихъ къ нему въ его бѣдный чердакъ, заключена вся жизнь его, и полный благодарныхъ слезъ за свой небесный удѣлъ не ищетъ онъ ничего въ земномъ мірѣ, но любитъ свою бѣдность сильно, пламенно, какъ любовникъ свою любовницу“[4]. Творчество, бывшее нѣкогда для Гоголя „высшимъ изъ наслажденій“[5], смѣнилось теперь тяжелой, принудительной работой: творческая сила оскудѣвала въ писателѣ, занятомъ суровымъ душевнымъ воспитаніемъ...

---

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 233. [2] Записки о жизни Гоголя II, 17. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 42. [4] Въ позднѣйшихъ редакціяхъ поэмы это мѣсто исключено. Ср. примѣчанія къ редакціи перваго тома «М. Д.», напечатанной въ шестомъ томѣ настоящаго изданія. [5] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 269.

Гоголь „не могъ писать того, что̀ нѣкогда писалъ“. Ходъ занятій своихъ въ небольшой періодъ, предшествовавшій составленію „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ (со второй половины 1843 до второй половины 1846 г.) Гоголь характеризуетъ такъ: „Я старался дѣйствовать наперекоръ обстоятельствамъ и этому порядку, не отъ меня начертанному. Я пробовалъ нѣсколько разъ *писать попрежнему,* какъ писалось въ молодости, то есть, какъ попало, куда ни поведетъ перо мое; но ничто не лилось на бумагу“ [1]. Поэтъ чувствуетъ свое безсиліе исполнить тѣ новыя задачи, которыя теперь онъ поставилъ своей поэмѣ: какъ человѣкъ и художникъ, Гоголь переживаетъ тревожное состояніе; симптомы переходной эпохи отражаются въ ходѣ работъ надъ вторымъ томомъ, въ теченіе указаннаго времени. 14 іюля 1844 г. поэтъ пишетъ Языкову: „Ты спрашиваешь, пишутся ли „М. Д.“? И пишутся, и не пишутся. Пишутся слишкомъ медленно и *совсѣмъ не такъ, какъ бы хотѣлъ,* и препятствія этому часто происходятъ и отъ болѣзни, а еще чаще отъ меня самого. На каждомъ шагу и на каждой строчкѣ ощущается такая потребность поумнѣть и притомъ такъ самый предметъ и дѣло связано съ моимъ собственнымъ внутреннимъ воспитаніемъ, что никакъ не въ силахъ я писать мимо меня самого, а долженъ ожидать себя. Я иду впередъ — идетъ и сочиненіе; я остановился — нейдетъ и сочиненіе. Поэтому мнѣ и необходимы бываютъ часто перемѣны всѣхъ обстоятельствъ, переѣзды, обращающіе къ другимъ *занятіямъ, непохожимъ на вседневныя, и чтенье такихъ книгъ, надъ которыми воспитывается человѣкъ*“ [2]. Только 1-го сентября Гоголь выражаетъ, въ письмѣ къ Жуковскому, намѣреніе „засѣсть съ нимъ во Франкфуртѣ *солиднымъ образомъ* за работу“ [3]. Начало 1845 года поэтъ проводитъ въ Парижѣ съ гр. А. П. Толстымъ; начинаетъ заниматься изученіемъ чина божественной литургіи: внутреннее воспитаніе продолжается. Наступаетъ рѣшительная пора въ жизни Гоголя: роковая болѣзнь, которая едва не заставила его „откланяться“, двукратное говѣніе, завѣщаніе... Начиная оправляться отъ болѣзни, Гоголь въ письмѣ къ А. О. Смирновой, отъ 25 іюля, уже рѣзко высказываетъ совершенное недовольство *первымъ томомъ* своей поэмы: „Я не люблю моихъ сочиненій, доселѣ бывшихъ и напечатанныхъ, *и особенно „Мертвыхъ Душъ“*. Касаясь „пред-

[1] Ср. настоящаго изд. IV, 264. [2] Соч. и письма Гоголя VI, 88. [3] Тамъ же, стр. 95.

мета“ этого произведенія, онъ объясняетъ въ томъ же письмѣ: „Это покамѣстъ еще тайна, которая должна была вдругъ, къ изумленію всѣхъ, раскрыться въ послѣдующихъ томахъ, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою и благословить *будущій трудъ*“[1]. „Сожженіе“ написаннаго втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ уже совершилось[2] — онъ является теперь „будущимъ трудомъ“. Въ этомъ же письмѣ поэтъ дѣлаетъ такое признаніе: „Была у меня, точно, гордость, но не моимъ *настоящимъ*, не тѣми свойствами, которыми владѣлъ я: гордость *будущимъ* шевелилась въ груди, — тѣмъ, что представлялось мнѣ впереди, — счастливымъ открытіемъ, которымъ угодно было, вслѣдствіе Божіей милости, озарить мою душу, — открытіемъ, что можно быть далеко *лучше* того, чѣмъ есть человѣкъ, что есть средства и что для любви... Но некстати я заговорилъ о томъ, чего еще нѣтъ. Повѣрьте, что хорошо знаю, что я слишкомъ дрянь, и всегда чувствовалъ болѣе или менѣе, что въ *настоящемъ* состояніи моемъ я дрянь и все дрянь, что̀ ни дѣлается мною, кромѣ того, что̀ Богу угодно было внушить мнѣ сдѣлать, да *и то было сдѣлано мною далеко не такъ, какъ слѣдуетъ*“[3]. Тѣлесные недуги, потрясшіе Гоголя въ ту пору, когда завершалось его трудное внутреннее воспитаніе, не скоро оставили его. 18 ноября того же 1845 года онъ писалъ Плетневу: „Я вновь почти оправился, хотя остались слабость и какая-то странная зябкость, какой я не чувствовалъ доселѣ. Я зябну, и зябну до такой степени, что долженъ ежеминутно выбѣгать изъ комнаты на воздухъ, чтобы согрѣться. Но какъ только согрѣюсь и сяду отдохнуть, остываю въ нѣсколько минутъ, хотя бы комната была тепла, и вновь принужденъ бѣжать согрѣваться, — положеніе, тѣмъ болѣе непріятное, что я черезъ это не могу или, лучше, мнѣ некогда ничѣмъ заняться, тогда какъ чувствую въ себѣ и голову, и мысли болѣе свѣжими и, кажется, могъ бы теперь засѣсть за трудъ, отъ котораго сильно отвлекали меня прежде недуги и внутреннее душевное состояніе. Скажу тебѣ только то, что много, много въ это трудное время совершилось въ глубинѣ души моей, и да будетъ благословенна во вѣки воля Пославшаго мнѣ скорби и все то, что мы обыкновенно пріемлемъ за горькія непріятности и несчастія. Безъ нихъ не воспиталась бы

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя, VI, 204. [2] См. выше, стр. 534 и настоящаго изданія томъ IV, стр. 92. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 205.

душа моя, какъ слѣдуетъ, для труда моего: мертво и холодно было бы все то, что должно быть живо, какъ сама жизнь, прекрасно и вѣрно, какъ сама *правда*"[1]. Черезъ нѣсколько дней (25 ноября) Гоголь пишетъ С. Т. Аксакову: „Здоровье мое, хотя и стало лучше, но все еще какъ-то не хочетъ совершенно устанавливаться... Помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду"[2].

Такъ прошелъ „тяжелый" 1845 годъ, ознаменовавшійся рѣшительнымъ осужденіемъ, „сожженіемъ" всего написаннаго для втораго тома „Мертвыхъ Душъ", назрѣвшимъ нерасположеніемъ къ своимъ сочиненіямъ, напечатаннымъ прежде, установленіемъ *новыхъ задачъ* для „будущаго" продолженія поэмы. „Вѣрю и знаю, знаю твердо, что эта болѣзнь къ добру, вижу, — и оно очевидно и явно, — надо мною великую милость Божію... *И душѣ, и тѣлу моему слѣдовало выстрадаться: безъ этого не будутъ „Мертвыя Души" тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно*"[3]. Гоголь увѣровалъ въ свое призваніе свыше — произвести будущею поэмою благодѣтельный нравственный переворотъ въ русскомъ обществѣ. Его обращеніе съ людьми, самый разговоръ измѣняются. 27-го января 1846 года онъ писалъ А. О. Смирновой: „Мнѣ трудно даже найти настоящій дѣльный и обоюдно-интересный разговоръ съ тѣми *людьми, которые еще не избрали поприща и находятся покамѣстъ на дорогѣ и на станціи, а не дома*. Для нихъ, равно какъ и для многихъ другихъ людей, готовятся „Мертвыя Души", если только милость Божья благословитъ меня окончить этотъ трудъ такъ, какъ бы я желалъ и какъ бы мнѣ слѣдовало. Тогда только уяснятся глаза у многихъ, которымъ другимъ путемъ нельзя сказать иныхъ истинъ. И только по прочтеніи втораго тома „Мертвыхъ Душъ" могу я заговорить со многими людьми *серьезно*. Стало быть, никакъ не думайте, прекрасный другъ, что я отталкиваю отъ себя какихъ бы то ни было людей. Я, просто, дѣйствую только разсчетливо и не хочу тратить пороха даромъ"[4].

Въ началѣ 1846 года Гоголь мечтаетъ о продолжительномъ путешествіи. 20 февраля онъ пишетъ А. О. Смирновой: „Изъ всѣхъ

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 221—222. [2] Тамъ же, стр. 225—226. [3] Тамъ же, стр. 239. [4] Тамъ же, стр. 233—234.

средствъ доселѣ дѣйствовало лучше другихъ на мое здоровье путешествіе; а потому весь этотъ годъ я осуждаю себя на странствіе и постараюсь такъ устроиться, чтобы можно было въ дорогѣ писать"[1]. Въ тотъ же день онъ увѣдомляетъ Плетнева: „Во время дороги и предстоящаго путешествія я примусь, съ Божьимъ благословеніемъ, писать, потому что духъ мой становится въ такое время свѣжимъ и расположеннымъ къ дѣлу"[2]. Гоголь предполагаетъ писать, во время дороги, вторую часть „Мертвыхъ Душъ", — „трудъ, который лежитъ у него на душѣ"[3]. Этотъ трудъ въ новомъ видѣ, послѣ „сожженія" прежней редакціи, уже начатъ во время болѣзни. 16 марта 1846 года Гоголь увѣдомлялъ объ этомъ Жуковскаго въ такихъ выраженіяхъ: „Среди самыхъ тяжкихъ болѣзненныхъ состояній Онъ наградилъ меня такими небесными минутами, передъ которыми ничто всякое горе. Мнѣ даже удалось *кое-что написать* изъ „Мертвыхъ Душъ", которое все будетъ вамъ въ скорости прочитано"[4]. Въ началѣ мая Гоголь дѣйствительно покидаетъ Римъ[5]. „Какъ я ни слабъ и хилъ (пишетъ онъ Плетневу), но чувствую, что въ дорогѣ буду лучше, и вѣрю, что Богъ воздвигнетъ мой духъ до надлежащей свѣжести совершить мою работу всюду, на всякомъ мѣстѣ и въ какомъ бы ни было тяжкомъ состояніи тѣла: лежа, сидя или даже не двигая руками"[6]. Въ началѣ іюля Гоголь сообщаетъ Плетневу: „Головѣ моей и мыслямъ лучше въ дорогѣ; даже я зябну меньше въ дорогѣ, и сердце мое слышитъ, что Богъ мнѣ поможетъ совершить въ дорогѣ *все то, для чего орудія и силы во мнѣ доселѣ созрѣвали*"[7]. Въ этомъ же письмѣ Плетневу посылается для напечатанія въ „Современникѣ" статья: „Объ Одиссеѣ, переводимой Жуковскимъ", и намекается на большую просьбу — о напечатаніи новаго произведенія: „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", первая тетрадь которыхъ и посылается въ Петербургъ 20 іюля. Со времени отправленія этой тетради цѣлыя три мѣсяца отдаетъ Гоголь составленію остальныхъ частей „Переписки съ друзьями". Работа оканчивается только 16 октября. Въ то же время поэтъ занятъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 239. [2] Тамъ же, стр. 237. [3] Тамъ же, стр. 243—244. [4] Тамъ же, стр. 241. [5] Гоголь *6 мая* писалъ Аксакову: «На выѣздѣ изъ Рима пишу къ вамъ нѣсколько словъ». Тѣми же словами начинается и письмо къ Плетневу отъ *21 мая*. Очевидно первое письмо помѣчено по старому стилю, второе — по новому. Ср. Сочиненія и письма Гоголя VI, 250. [6] Тамъ же, стр. 250. [7] Тамъ же, стр. 252.

сочиненіемъ „Развязки Ревизора“ и предисловія ко второму изданію первой части „Мертвыхъ Душъ“. У полубольнаго писателя не было ни времени, ни силъ писать продолженіе второй части поэмы; потому мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ П. В. Анненкова, что собраніе въ одну книгу и изданіе „Переписки съ друзьями“ — „возвѣщаютъ совершенное окончаніе второй части „Мертвыхъ Душъ“ и скорое ея появленіе въ свѣтъ“ [1]. Самъ Гоголь думалъ вызвать „Перепискою“ и „предисловіемъ“ необходимые ему отвѣты на „запросы“, съ которыми онъ обращался къ близкимъ людямъ: эти отвѣты должны были дать матеріалъ для осуществленія тѣхъ новыхъ задачъ, которыя поставлены были второму тому поэмы. Задачи явились результатомъ выдержаннаго поэтомъ суроваго нравственнаго воспитанія. 12 декабря 1846 года Гоголь писалъ еще Плетневу: „Мнѣ слѣдовало до времени, бросивши всю житейскую заботу, поработать внутренно надъ тѣмъ хозяйствомъ, которое прежде всего долженъ устроить человѣкъ и безъ котораго не пойдутъ никакія житейскія заботы. Но теперь, слава Богу, *самое трудное устроено;* теперь могу приняться и за житейскія заботы“ [2]. Появленіе „Переписки съ друзьями“ свидѣтельствуетъ и о томъ, что „внутреннее воспитаніе“ ея автора *кончилось,* и онъ считалъ себя подготовленнымъ къ продолженію въ новомъ видѣ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, для котораго съ іюля 1845 г. до конца 1846 года ничего не было написано.

Въ концѣ 1846 года, когда хлопоты по изданію „Переписки съ друзьями“ кончились, и книга эта вышла въ свѣтъ, Гоголь торопится обезпечить себѣ полученіе „журналовъ и книгъ, какіе выйдутъ позамѣчательнѣе въ этомъ (1847) году“ [3]. Доставку ихъ онъ *одновременно* возлагаетъ на Плетнева и Россети [4]. „Въ этомъ году (пишетъ Гоголь Плетневу 12 декабря 1846 г.) мнѣ будетъ особенно нужно читать почти все, что ни будетъ выходить у насъ, *особенно журналы и всякіе журнальные толки и мнѣнія*“ [5]. Съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаетъ Гоголь отвѣтовъ на запросы, сдѣланные въ „Перепискѣ съ друзьями“, т. е. журнальныхъ отзывовъ о книгѣ, неожиданно приподнявшей для публики завѣсу съ того новаго направленія поэта, которое должно было выразиться полно

[1] Воспоминанія и критическіе очерки I, 219. Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 473—474. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 310—311. [3] Сочиненія и письма Гоголя VI, 311. [4] Тамъ же, стр. 311, 322—323; Русская Старина 1884 г., январь стр. 166. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 311.

и рельефно въ новой редакціи втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. Прежде чѣмъ приступить къ переработкѣ поэмы въ новомъ направленіи, Гоголь желаетъ слышать отзывы критики и публики объ этомъ направленіи. „То, что̀ почти не имѣетъ никакой цѣны для литератора, какъ свидѣтельство бездарности, безвкусія или пристрастія и неблагородства человѣческаго (объясняетъ онъ Плетневу въ томъ же письмѣ), для меня имѣетъ цѣну, какъ свидѣтельство о состояніи умственномъ и душевномъ человѣка. *Мнѣ нужно знать, съ кѣмъ я имѣю дѣло;* мнѣ всякая строка, какъ притворная, такъ и непритворная, открываетъ часть души человѣка; мнѣ нужно чувствовать и слышать тѣхъ, кому говорю; мнѣ нужно видѣть *личность* публики, а безъ того у меня все выходитъ глупо и непонятно. А потому все, на чемъ ни отпечаталось выраженіе современнаго *духа русскаго* въ прямыхъ и косыхъ его направленіяхъ, для меня равно нужно; *то самое, что я прежде бросилъ бы съ отвращеніемъ,* я теперь долженъ читать“[1]. На „Переписку съ друзьями“ Гоголь возлагалъ самыя великія и разнообразныя надежды: помимо отвѣтовъ на „нужные запросы“, она должна была доставить автору деньги, необходимыя для путешествія ко Святымъ Мѣстамъ, и содѣйствовать быстрой распродажѣ втораго изданія первой части „Мертвыхъ Душъ“ съ припечатаннымъ къ ней предисловіемъ“[2].

Этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться. Уже въ половинѣ декабря 1846 года, вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ „Переписки“, Гоголь видитъ себя вынужденнымъ отсрочить свое путешествіе въ Іерусалимъ. „Вотъ уже скоро два мѣсяца, какъ всѣ меня оставили письмами (сообщаетъ онъ Языкову 16 декабря)[3]. Что̀ дѣлается въ Петербургѣ съ моей книгой, я рѣшительно ничего не знаю; а между тѣмъ отъ этихъ задержекъ и промедленій *измѣнились мои собственныя обстоятельства и отдаляется мой собственный отъѣздъ,* который предполагался въ такомъ случаѣ, если все потребное къ путешествію — какъ самыя деньги отъ продажи за книги, такъ равно и другія сопряженныя съ этимъ необходимости[4] — устроится

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 311. [2] См. выше, стр. 504. [3] Полагаемъ, что письмо помѣчено по *старому* стилю. [4] Это выраженіе находитъ себѣ объясненіе въ письмѣ къ Данилевскому отъ 27 февраля 1847 года: „Отъѣздъ мой на востокъ, по случаю расклеившагося моего здоровья, *поздняго полученія пашпорта* (его получилъ только вчера, стало, я бы не поспѣлъ въ Іерусалимъ къ свѣтлому празднику, если бы и могъ ѣхать) и, наконецъ, по случаю всякаго

въ концѣ исходящаго или въ началѣ наступающаго года. Но теперь, какъ вижу, Богу не угодно, чтобы я отправился этой зимой въ дорогу. Вижу и самъ, что *далеко еще не такъ готова душа моя*, какъ слѣдуетъ ей быть, чтобы это путешествіе принесло мнѣ именно то, чего хочу"[1]. Одновременно съ этимъ письмомъ къ Языкову Гоголь послалъ Щепкину увѣдомленіе, что „представленіе „Ревизора" съ „Развязкой" слѣдуетъ отложить до бенефиса въ слѣдующемъ году"[2]: Гоголь успѣлъ убѣдиться въ необходимости отложить обнародованіе „Развязки" — это былъ первый ударъ, нанесенный его „новому" литературному направленію. Вскорѣ на автора „Переписки съ друзьями" посыпались удары со всѣхъ сторонъ — въ журнальныхъ и въ частныхъ отзывахъ объ этой книгѣ. Въ январѣ 1847 г. печатный экземпляръ „Переписки" дошелъ до автора. Оказалось, что многое въ этомъ произведеніи исключено было цензурою. Эта неожиданность болѣзненно поразила Гоголя, который именно въ этой книгѣ печатно высказалъ мысль, будто Карамзинъ „первый возвѣстилъ торжественно, что писателя не можетъ стѣснить цензура, и если уже онъ исполнился чистѣйшимъ желаніемъ блага въ такой мѣрѣ, что желаніе это, занявши всю его душу, стало его плотію и пищею, тогда никакая цензура для него не строга и ему вездѣ просторно"..... „Бѣда", случившаяся съ „Перепискою", повидимому, должна бы была поколебать въ авторѣ высказанное въ этой книгѣ убѣжденіе: „Имѣй такую чистую, такую благоустроенную душу, какую имѣлъ Карамзинъ, и тогда возвѣщай свою правду: все тебя выслушаетъ, начиная отъ царя до послѣдняго нищаго въ государствѣ, и выслушаетъ съ такою любовію, съ какою не выслушивается ни въ какой землѣ ни парламентскій защитникъ правъ, ни лучшій нынѣшній проповѣдникъ, собирающій вокругъ себя верхушку моднаго общества; и съ такою любовію можетъ выслушать только одна чудная наша Россія"[3]. Едва получивши экземпляръ „Переписки", напе-

---

рода препятствій, случившихся съ тѣми моими пріятелями, которые должны были также ѣхать въ Іерусалимъ (я же одинъ, по немощи душевной и тѣлесной, не могъ пуститься въ такую дорогу), — итакъ, по случаю всего этого и вмѣстѣ съ тѣмъ по случаю надобности ѣхать на желѣзныя воды и на морское купанье, отъѣздъ мой отодвинутъ". Сочиненія и письма Гоголя VI, 340, 337. Послѣдняя „надобность" не имѣла вліянія на задуманную *въ декабрѣ* отсрочку путешествія.

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 312. [2] Тамъ же, стр. 313. Ср. Русская Старина 1884 г., январь, стр. 165. [3] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 58—59.

чатанной съ цензурными пропусками, Гоголь торопится приготовить новое изданіе дорогой для него книги безъ всякихъ цензурныхъ пропусковъ, лишь съ смягченіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ и исключеніемъ статей: 1) „Близорукому пріятелю“ и 2) „Страхи и ужасы Россіи“. Новое изданіе книги возлагается уже не на одного Плетнева[1], а главнымъ образомъ на А. О. Россети. Гоголь проектируетъ чуть не особую коммиссію для предварительнаго обсужденія „Переписки“ (изъ Россети, гр. М. Ю. Віельгорскаго, кн. П. А. Вяземскаго, и В. А. Перовскаго), прося кн. Вяземскаго, „потомъ выправить въ ней все вслѣдствіе какъ ихъ, такъ и своихъ замѣчаній, и привести ее въ такой видъ, чтобы она могла поступить на разсмотрѣніе (цензуры)“. — „Дѣло изданія моей книги въ ея настоящемъ видѣ (прибавляетъ Гоголь) должно быть обдѣлано умно, а потому съ нимъ торопиться не слѣдуетъ..... А до того времени слѣдуетъ книгу тиснуть въ другой разъ въ прежнемъ видѣ. *Она разойдется*“[2]. Второе изданіе впрочемъ не понадобилось, потому что и первое расходилось медленно. Главною причиною отсрочки путешествія на Востокъ было душевное разстройство автора, вызванное полнымъ и единогласнымъ осужденіемъ „Развязки Ревизора“ и усиленное до степени болѣзни „бѣдою“, постигшею „Переписку“, хлопотами о ея реставраціи и наконецъ рѣзкимъ и безпощаднымъ осужденіемъ „новаго направленія“, опредѣленно выразившагося въ этой больной книгѣ. Уже въ декабрьскомъ письмѣ къ Языкову Гоголь признавался, что „далеко не такъ готова душа его, какъ слѣдуетъ ей быть, чтобы это путешествіе принесло ему то, чего онъ хочетъ“. Въ письмѣ къ Н. Н. Шереметевой[3], къ которой поэтъ относился съ особенною искренностію, онъ прямо говоритъ: „Поѣздка моя въ Іерусалимъ нѣсколько отодвинулась, по причинѣ *всякихъ хлопотъ, переписокъ по поводу печатанія книги*, по причинѣ нѣсколько вновь поразстроившагося моего здоровья, а наконецъ и по той причинѣ, что я не отважился отправляться одинъ.... Я не такъ *крѣпокъ душой* и тѣломъ, я не такъ живу въ Богѣ, чтобы обойтись безъ помощи людей... Кромѣ того мнѣ необходимо также получше приготовиться, побольше утвердиться въ здоровьи, и душевномъ, и тѣ-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 337. [2] Русская Старина 1884 г., январь, стр. 166—168. Сочиненія и письма Гоголя VI, 339. [3] Письмо это относится, вѣроятно, къ марту 1847 года. Ср. Сочиненія и письма Гоголя VI, 366.

лесномъ"[1]. „Какъ я радъ (восклицаетъ Гоголь въ письмѣ къ Жуковскому отъ 12-го марта 1847 г.), что отъѣздъ мой на востокъ немного отодвинулся! Для этого путешествія нужно хоть сколько-нибудь лучше приготовиться, не говоря уже о томъ, чтобы и самому нѣсколько опрятнѣй принарядиться"[2].

Первую половину 1847 года Гоголь провелъ въ тревогѣ, волненіяхъ, въ постоянныхъ колебаніяхъ воли. Въ январѣ пришла къ нему вѣсть о смерти Языкова, который долгое время былъ его любимымъ собесѣдникомъ за границею и имѣлъ несомнѣнное вліяніе на поддержку въ Гоголѣ „новаго" направленія. 30 января поэтъ писалъ А. О. Смирновой: „По дѣламъ моимъ произошла совершенная безтолковщина. Изъ книги моей напечатана только одна треть... Другъ мой, прошу васъ, молитесь обо всемъ этомъ и особенно молитесь о томъ, чтобы послалъ Богъ *необходимое спокойствіе въ мою душу*, которое теперь слишкомъ трудно будетъ сохранить мнѣ, потому что недуги приступили ко мнѣ вновь. Безсонницы, продолжающіяся уже болѣе мѣсяца, извѣстіе о смерти Языкова, съ которымъ мы жили душа въ душу, наконецъ извѣстіе о бѣдѣ, постигшей мою книгу, и о *нелѣпомъ* ея появленіи въ свѣтъ,— все это изнурило меня"[3]. Смерть Языкова Гоголь перенесъ довольно легко[4]. Гораздо болѣе потрясли его удары, обрушившіеся на „Переписку": они надолго прервали возобновившійся трудъ — продолженіе второй части „Мертвыхъ Душъ".

Въ первые три мѣсяца 1847 года работа надъ ними еще двигалась, хотя „плохо и лѣниво"[5]. Въ концѣ апрѣля Гоголь „получилъ двѣ книжки „Современника", двѣ „Отечественныхъ Записокъ" и два охапка „Сѣверной Пчелы"[6] — онъ познакомился съ статьями Бѣлинскаго о „Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями" и о „предисловіи" ко второму изданію „Мертвыхъ Душъ"[7]. Съ этого времени въ частныхъ письмахъ Гоголя замолкаютъ упоминанія о ходѣ работъ надъ поэмою. Они, дѣйствительно, уступили мѣсто составленію апологіи „Выбранныхъ мѣстъ" въ формѣ „Авторской

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 366—367. [2] Тамъ же, стр. 356. [3] Тамъ же, стр. 335. [4] Объ этомъ свидѣтельствуетъ Шевыревъ въ письмѣ къ Н. Н. Шереметевой. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 369. [6] Русская Старина, 1884 г., январь, стр. 171. [7] Статья Бѣлинскаго о второмъ изданіи «Мертвыхъ Душъ» напечатана въ Современникѣ 1847 г., № 1, отд. III, стр. 56—59; его же статья о «Перепискѣ съ друзьями» въ Современникѣ 1847 г., № 2, отд. III, стр. 103—124. Подъ тою и другою статьею поставлены буквы: **В. Б.**

исповѣди“. Надъ нею Гоголь работалъ въ маѣ и въ іюнѣ 1847 года[1]. Отзывы благонамѣренной критики и друзей Гоголя объ его „новомъ“ литературномъ направленіи бросили въ душу писателя сѣмя сомнѣнія въ плодотворности *этого* направленія. Къ этому времени относится начало сношеній его съ ржевскимъ протоіереемъ о. Матвѣемъ[2]. Вынужденный сознаться, что „Выбранныя мѣста“ нанесли ему „позоръ“[3], Гоголь видитъ якорь спасенія въ путешествіи ко Святымъ Мѣстамъ. Въ томъ самомъ письмѣ (отъ 10 іюня 1847 г.), въ которомъ сообщается Плетневу о сочиненіи „Авторской исповѣди“, онъ уже увѣдомляетъ: „Путешествіе, доселѣ откладываемое съ года на годъ, становится чрезъ то самое мнѣ болѣе желаннымъ и заманчивымъ: точно, какъ бы душа моя говоритъ мнѣ, что я тамъ найду искомое издавна и лучшее всего того, что находилъ донынѣ...“[4] Черезъ нѣсколько дней (20-го іюня) онъ пишетъ А. О. Смирновой: „Во мнѣ тоже было нѣсколько смущался и колебался духъ,— затѣмъ, чтобы стать покрѣпче: не даромъ говорятъ, что деревья, шатаемыя вѣтромъ, пускаютъ глубже въ землю корни. Зато теперь яснѣе передо мною путь мой, и никогда еще не хотѣлось мнѣ такъ въ Іерусалимъ, какъ теперь...“[5] Колебанія и смущенія „духа“ Гоголь ставитъ въ зависимость отъ упрековъ, вызванныхъ „Перепискою“. Въ письмѣ къ Н. Н. Шереметевой (отъ 20 іюля) онъ высказывается объ этомъ такъ: „Покуда же вижу, что больше всего приходится попрекать самого себя, и всѣ эти упреки, которые посыпались на меня со всѣхъ сторонъ, — не безъ воли Божіей. Хотя и очень заболѣла отъ многихъ душа и тяжка была эта операція для моихъ еще очень щекотливыхъ струнъ[6], но да будетъ благословенна мудрость Божія, все строющая!... Духъ мой, который, признаюсь, по немощи моей, было уже немного поупалъ и поколебался, воздвигнулся вновь и какъ бы еще сильнѣй сталъ... Съ другой стороны меня радуетъ то, что послѣ этихъ тревогъ хочется сильнѣй въ Іерусалимъ, и сердце какъ бы говоритъ мнѣ, что тамъ какъ бы найду искомое“[7]. Путешествіе представляется послѣднимъ средствомъ къ тому, чтобы окончательно „созрѣть“ для работы[8], которая откладывается теперь до возвращенія изъ Іерусалима — въ Россію. Пріостанавливаются и

---

1 См. настоящаго изданія томъ IV, стр. 551—552. 2 Сочиненія и письма Гоголя VI, 392 и настоящаго изданія томъ IV, стр. 449, 515. 3 Сочиненія и письма Гоголя VI, 420. 4 Тамъ же, стр. 406. 5 Тамъ же, стр. 409. 6 Ср. настоящаго изданія томъ IV, стр. 241. 7 Сочиненія и письма Гоголя VI, 412. 8 Тамъ же, стр. 425, 428.

начатыя предпріятія, напр. второе изданіе „Переписки“. 24-го августа Гоголь пишетъ Плетневу: „Оставимъ на время *все*. Поѣду въ Іерусалимъ, помолюсь, и тогда примемся за дѣло, разсмотримъ рукописи и все обдѣлаемъ сами лично, а не заочно. А потому до того времени, отобравши всѣ мои листки, отданные кому-либо на разсмотрѣніе, положи ихъ подъ спудъ и держи до моего возвращенія. *Не хочу ничего ни дѣлать, ни начинать,* покуда не совершу моего путешествія...... Теперь только, выслушавши всѣхъ, могу послѣдовать совѣту Пушкина: „Живи одинъ“ и пр.[1]. Въ приведенной выпискѣ говорится о второмъ изданіи „Переписки“ и объ „Авторской исповѣди“. Къ такому заключенію приводятъ слѣдующія строки въ письмѣ Гоголя къ Шевыреву отъ 28-го августа: „Что касается до объясненій на мою книгу, то я рѣшился дѣло это оставить. Покуда не съѣзжу во Іерусалимъ, не предприму ничего, а до того и другіе отъ многаго очнутся“[2]. Въ письмѣ къ о. Матвѣю Константиновскому, отъ 24 сентября, Гоголь высказывается такъ: „Не знаю, брошу ли я имя литератора, потому что не знаю, есть ли на это воля Божія; но во всякомъ случаѣ разсудокъ мой говоритъ мнѣ не выдавать ничего въ свѣтъ въ продолженіе долгаго времени, покуда не созрѣю лучше самъ *внутренно и душевно*“[3].

Самый планъ поѣздки въ Святую Землю измѣнился. Объ этомъ Гоголь сообщаетъ А. О. Смирновой, 20 ноября, въ такихъ выраженіяхъ: „Прежде у меня было въ мысли говѣть и быть во время Пасхи въ Іерусалимѣ, потомъ побывать во всѣхъ мѣстахъ, ознаменованныхъ святыми событіями. Теперь ничего другаго не хочется, какъ только поклониться въ тишинѣ Святому Гробу, принеся на немъ благодарность за все, со мной случившееся, испросить силъ и мужества на свое дѣло и потомъ возвратиться прямо въ Россію“. Этотъ новый планъ, значительно сокращая время пребыванія Гоголя въ Святой Землѣ, долженъ былъ содѣйствовать скорѣйшему окончанію поэмы... Чѣмъ болѣе приближалась минута отправленія въ Іерусалимъ, тѣмъ сильнѣе становились сомнѣнія въ возможности осуществить эту поѣздку. Гоголя пугали и морской путь, и одиночество во время путешествія,— такъ какъ „все, что и собиралось прежде въ Іерусалимъ, отложило поѣздку“,— и, главное, охлажденіе къ задуманному предпріятію. „Признаюсь (пишетъ онъ Шевыреву 2 декабря), часто даже находитъ на меня мысль:

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 417. [2] Тамъ же, стр. 423. [3] Тамъ же, стр. 424.

„зачѣмъ я поѣду теперь въ Іерусалимъ?“ Прежде я былъ по крайней мѣрѣ въ заблужденіи насчетъ самого себя. Я думалъ, что я хоть немного лучше того, что̀ я есмь. Я думалъ, что я подвинулся ближе къ тому дѣлу, за которымъ ѣхалъ въ Іерусалимъ; я думалъ, что молитвы мои что-нибудь будутъ значить у Бога, если только помолятся мои земляки, люди той же земли, чтобы значили что-нибудь мои молитвы. Теперь думаю: не будетъ ли оскорбленіемъ святыни мой пріѣздъ и поклоненье мое? Если бы Богу было угодно мое путешествіе, возгорѣлось бы въ груди моей и желаніе сильнѣе и все бы меня тянуло туда, и не посмотрѣлъ бы я на трудности пути. Но въ груди моей равнодушно и черство, и меня устрашаетъ мысль о затрудненіяхъ“[1]. Когда Гоголь тронулся наконецъ въ путь, онъ нашелъ, что „состояніе его души не таково, какого бы ему хотѣлось“[2]. Передъ отъѣздомъ въ Іерусалимъ, „силы его какъ бы ослабѣли, сердце черство, малодушна душа“[3]. Въ письмѣ изъ Мальты, отъ 25 января 1848 г., Гоголь обращаетъ къ Шевыреву вопросъ: „Какъ растопить мнѣ мою душу, холодную, черствую, неумѣющую отдѣлиться отъ земныхъ, себялюбивыхъ, низкихъ помышленій и даже отъ тѣхъ недостатковъ, которые видитъ она сама и которыхъ сама ненавидитъ?“[4] Это холодное, черствое состояніе души продолжалось во все время путешествія. Возвратившись въ Россію, Гоголь пишетъ о. Матвѣю 21 апрѣля 1848 года: „Скажу вамъ, что еще никогда не былъ я такъ мало доволенъ состояньемъ сердца своего, какъ въ Іерусалимѣ и послѣ Іерусалима. Только развѣ, что больше увидѣлъ черствость свою и свое себялюбье — вотъ весь результатъ!“[5] То же признаніе дѣлаетъ Гоголь въ письмахъ къ А. П. Толстому, Н. Н. Шереметевой, Жуковскому[6].

Гоголь мечталъ по возвращеніи изъ Святой Земли поселиться въ Россіи и „выбрать мѣсто, *гдѣ лучше и удобнѣе работать,* а не гдѣ веселѣй проводить время“[7]. На завѣтный трудъ свой онъ смотрѣлъ какъ на исполненіе обязанности гражданина, какъ на службу государству. Въ письмѣ къ Н. Н. Шереметевой, изъ Васильевки, отъ 16-го мая, Гоголь пишетъ: „Мысль о моемъ давнемъ трудѣ, о сочиненіи моемъ, меня не оставляетъ. Все мнѣ такъ же, какъ и прежде, хочется такъ произвести его, чтобъ оно имѣло

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 431—432. [2] Тамъ же, стр. 449. [3] Тамъ же, стр. 445. [4] Тамъ же, стр. 450. [5] Тамъ же, стр. 460. [6] Тамъ же, стр. 461, 462, 478, 479. [7] Тамъ же, стр. 428.

доброе вліяніе, чтобъ образумились многіе и обратились бы къ тому, что должно быть вѣчно и незыблемо"[1]. Не успѣвши отдохнуть на родинѣ отъ дальней дороги, Гоголь уже берется за перо, но оно отказывается служить: „или жаръ утомляетъ меня (пишетъ онъ Плетневу 8-го іюня), или я все еще не готовъ. А между тѣмъ я чувствую, что, можетъ, еще никогда не былъ такъ нуженъ трудъ, составляющій предметъ давнихъ обдумыванiй моихъ и помышленій, какъ въ нынѣшнее время. Хоть что-нибудь вынести на свѣтъ и сохранить отъ этого всеобщаго разрушенія — это уже есть подвигъ всякаго честнаго гражданина"[2]. Цѣлый мѣсяцъ прожилъ Гоголь на родинѣ — работа не двигалась: „ничего не мыслится и не пишется; голова тупа", — пишетъ онъ Шевыреву изъ Васильевки, 14-го іюня 1848 года[3]. Поэта снова посѣщаетъ изнурительная болѣзнь и, повидимому, во все время пребыванія въ Васильевкѣ для втораго тома „Мертвыхъ Душъ" ничего не было написано: къ такому выводу приводятъ письма Гоголя, относящіяся къ этому времени. „Я ничего не въ силахъ ни дѣлать, ни мыслить отъ жару" (пишетъ Гоголь Плетневу 7-го іюля): „не помню еще такого тяжелаго времени"[4]. Въ письмѣ къ С. Т. Аксакову, отъ 12-го іюля, онъ сообщаетъ: „Только три или четыре дни, по пріѣздѣ моемъ на родину, я чувствовалъ себя хорошо; потомъ безпрерывныя разстройства въ желудкѣ, въ нервахъ и въ головѣ отъ этой адской духоты, томительнѣе которой нѣтъ подъ тропиками. Все переболѣло и болѣетъ вокругъ насъ. Холера не даетъ перевести духъ. Тоска (еще болѣе оттого, что никакое умственное занятіе не идетъ въ голову). Даже читать самаго легкаго чтенія не въ силахъ"[5]. Въ октябрѣ Гоголь навѣстилъ С. Т. Аксакова, только-что возвратившагося въ Москву изъ деревни. „Въ непродолжительномъ времени (разсказываетъ Аксаковъ въ извѣстной запискѣ своей о Гоголѣ) возстановились между нами прежнія, какъ бы прерванныя, нарушенныя продолжительною разлукою отношенія; но объ его книгѣ и второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ" не было и помину"[6]. „Изъ писемъ его къ друзьямъ (продолжаетъ С. Т. Аксаковъ) видно, что онъ работалъ въ это время неуспѣшно и жаловался на свое нравственное состояніе. Я же думалъ, напротивъ, что трудъ его подвигается впередъ хорошо, потому что самъ онъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 462. [2] Тамъ же, стр. 466. [3] Тамъ же, стр. 467. [4] Тамъ же, стр. 469. [5] Тамъ же, стр. 470. [6] Записки о жизни Гоголя II, 222.

былъ довольно веселъ и читалъ всегда съ большимъ удовольствіемъ. Я въ этомъ, какъ вижу теперь, ошибался, но вотъ что̀ вѣрно: я никогда не видалъ Гоголя такъ здоровымъ, крѣпкимъ и бодрымъ физически, какъ въ эту зиму, т. е. въ декабрѣ 1848-го и въ январѣ и февралѣ 1849 года. Не только онъ пополнѣлъ, но тѣло на немъ сдѣлалось очень крѣпко. Обнимаясь съ нимъ ежедневно, я всегда щупалъ его руки. Я радовался и благодарилъ Бога"[1]. Въ письмахъ къ друзьямъ, относящихся къ этому времени, Гоголь впрочемъ и не жаловался ни на болѣзни, ни на особенное нравственное разстройство; въ этихъ письмахъ нѣтъ также сѣтованій на неуспѣшный ходъ его работъ надъ поэмой. Жалобы начинаются позднѣе, — въ концѣ 1849 года. Въ ноябрѣ 1848 г. Гоголь уже находитъ возможнымъ сообщить друзьямъ нѣкоторыя извѣстія о ходѣ своихъ занятій. 18-го ноября онъ пишетъ А. О. Смирновой: „Опять вожусь съ собой, открываю въ себѣ столько гадостей, что отлетаетъ всякая мысль о другихъ. Притомъ принимаюсь серьезно обдумывать тотъ трудъ, для котораго далъ Богъ средства и силы, чтобы смерть по крайней мѣрѣ застала за дѣломъ, а не за празднымъ бездѣльемъ. Все это отвлекаетъ меня отъ прочихъ дѣлъ и даже отъ писемъ"[2]. 20-го ноября Гоголь сообщаетъ Плетневу: „Соображаю, думаю и обдумываю второй томъ „Мертвыхъ Душъ". Читаю преимущественно то, гдѣ слышится сильнѣй присутствіе русскаго духа. Прежде, чѣмъ примусь серьезно за перо, хочу назвучаться русскими звуками и рѣчью. Боюсь нагрѣшить противу языка"[3]. Это сообщеніе Гоголя находитъ себѣ подтвержденіе и объясненіе въ слѣдующемъ разсказѣ С. Т. Аксакова: „Гоголь въ эту зиму (1848—9 г.) прочелъ намъ всю Одиссею, переведенную Жуковскимъ... Часто также читалъ вслухъ Гоголь русскія пѣсни, собранныя г. Терещенко, и нерѣдко приходилъ въ совершенный восторгъ, особенно отъ свадебныхъ пѣсенъ"[4]. Припомнимъ, что Гоголь восхищался языкомъ русскаго перевода „Одиссеи": читая ее и извѣстную книгу Терещенки: „Бытъ русскаго народа", Гоголь старался „назвучаться русскими звуками и рѣчью". Изъ немногихъ и отрывочныхъ извѣстій о ходѣ занятій „Мертвыми Душами" можно заключить, что Гоголь *серьезно* отдался имъ съ тѣхъ поръ, какъ поселился въ Москвѣ. Съ этого времени работа получила болѣе

---

[1] Записки о жизни Гоголя I, 223. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 474.
[3] Тамъ же, стр. 476. [4] Записки о жизни Гоголя II, 222.

правильный и непрерывный ходъ. Зиму поэтъ „провелъ хорошо"[1]. Въ письмѣ къ Жуковскому, отъ 3-го апрѣля 1849 года, жалуясь на „недвижность въ своихъ литературныхъ занятіяхъ", Гоголь прибавляетъ: „Я ничего не издалъ въ свѣтъ и ничего не готовлю; что̀ и пріуготовляю, то идетъ медленно и не можетъ никакъ выйти скоро, и Богъ одинъ знаетъ, когда выйдетъ. Отчего, зачѣмъ нашло на меня такое оцѣпенѣніе, этого не могу понять. Чувствуется только, что не безъ смысла. Время настало сумасшедшее. Умнѣйшіе люди завираются и набалтываютъ кучи глупостей"[2]. Въ тотъ же день Гоголь пишетъ Плетневу: „Что́ до меня, хоть и не такъ живу, какъ бы хотѣлъ, хоть и не такъ тружусь, какъ бы слѣдовало, но спасибо Богу и за то: могло бы быть еще хуже..."[3]. „Съ появленіемъ первыхъ оттепелей (разсказываетъ С. Т. Аксаковъ), Гоголь сталъ задумчивѣе, вялѣе, и хандра очевидно стала имъ овладѣвать"[4]. Это извѣстіе вполнѣ подтверждается слѣдующими строками въ письмѣ Гоголя къ А. О. Смирновой: „Зиму я провелъ хорошо. Въ концѣ ея только пришла хандра, которую я старался всячески побѣждать. Но съ приближеньемъ весны не устоялъ. Нервы расшатали меня всего, ввергнули въ такое уныніе, въ такую нерѣшимость, въ такую тоску отъ собственной нерѣшимости, что я весь истомился"[5]. 14-го мая Гоголь сообщаетъ Жуковскому: „Я много изстрадался въ это время[6]. Много было слезъ. Безплодную землю сердца моего нужно было много оросить, чтобы она въ силахъ была произвести что-либо. Жду нетерпѣливо прочесть тебѣ все, *что среди колебаній и тревогъ удалось создать*"[7]. Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 24-го мая, повторяются жалобы на уныніе и хандру: „Я все это время былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ желалъ быть. Можетъ быть, неблагодарность моя была виновницей всего: я не снесъ покорно и безропотно безплоднаго, черстваго состоянія, послѣдовавшаго скоро за минутами нѣкоторой свѣжести, пророчившими вдохновенную работу, и самъ произвелъ въ себѣ опять тяжелое разстройство нервическое, которое еще болѣе увеличилось отъ нѣкоторыхъ душевныхъ огорченій. Я до того расколебался, и духъ мой пришелъ въ такое волненіе, что никакія медицинскія средства и утѣшенія не могли дѣй-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 490. [2] Тамъ же, стр. 482. [3] Тамъ же, стр. 483. [4] Записки о жизни Гоголя II, 223. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 490. [6] Гоголь разумѣетъ подъ «этимъ временемъ» почти весь апрѣль и первую половину мая. [7] Сочиненія и письма Гоголя VI, 487.

ствовать. Уныніе и хандра мною одолѣли снова. Мнѣ, кажется, какъ будто теперь легче. Чувствую слабость и разстройство физическое, но духъ какъ будто лучше“[1]. 27 мая Гоголь, между прочимъ, пишетъ А. О. Смирновой, собиравшейся изъ Петербурга ѣхать черезъ Москву въ Калугу: „Я бы съ удовольствіемъ поѣхалъ съ вами въ Калугу. Можетъ быть, мы бы снова прожили вмѣстѣ съ обоюдною душевною пользой. Дайте объ этомъ мнѣ вѣсточку“[2]. Въ іюнѣ Гоголь отправился гостить къ А. О. Смирновой сначала въ имѣніе ея Бѣгичево (калужской губерніи), а потомъ въ Калугу въ загородный губернаторскій домъ[3]. Родственникъ Смирновой Л. И. Арнольди, сопутствовавшій Гоголю отъ Москвы до Калуги, оставилъ любопытныя воспоминанія объ этомъ путешествіи и о пребываніи поэта у Смирновой[4]. Изъ статьи г. Арнольди видно, что Гоголь далъ ей слово, въ бытность ея въ Москвѣ, „пріѣхать погостить къ ней въ Калугу и почитать изъ второй части Мертвыхъ Душъ“[5]. Въ іюнѣ онъ дѣйствительно прочелъ А. О. Смирновой *нѣсколько* главъ новой редакціи втораго тома поэмы. Арнольди, присутствовавшій на нѣкоторыхъ изъ этихъ чтеній, такъ передаетъ содержаніе слышаннаго имъ:

„Сколько мнѣ помнится, она (первая глава второй части „М. Д.“) начиналась иначе и, вообще, была лучше обработана, хотя содержаніе было то же. Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ. Чичиковъ остался обѣдать. Къ столу явились, кромѣ Улиньки, еще два лица: англичанка, исправлявшая при ней должность гувернантки, и какой-то испанецъ или португалецъ, проживавшій у Бетрищева въ деревнѣ съ незапамятныхъ временъ и неизвѣстно для какой надобности. Первая была дѣвица среднихъ лѣтъ, существо безцвѣтное, некрасивой наружности, съ большимъ тонкимъ носомъ и необыкновенно быстрыми глазами. Она держалась прямо, молчала по цѣлымъ днямъ и только безпрестанно вертѣла глазами въ раз-

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 486. [2] Тамъ же, стр. 491. [3] Въ «Запискахъ о жизни Гоголя» (II, 224) сказано: «*Въ іюнѣ 1849 года* А. О. С—ва, по дорогѣ въ Калугу, пріѣхала въ Москву и нашла Гоголя въ домѣ графа А. П. Т—го, гдѣ онъ поселился съ самого своего пріѣзда изъ Малороссіи. Онъ обѣщалъ погостить у нея съ мѣсяцъ и *вслѣдъ за нею* отправился въ тарантасѣ съ ея братомъ Л. И. Арнольди». [4] Статья Л. И. Арнольди: «Мое знакомство съ Гоголемъ», напечатана въ Русскомъ Вѣстникѣ 1862 г., кн. первая, стр. 54—95. [5] Русскій Вѣстникъ 1862 г., январь, стр. 63, 62.

ныя стороны съ глупо-вопросительнымъ взглядомъ. Португалецъ, сколько я помню, назывался Экспантонъ, Хситендонъ, или что-то въ этомъ родѣ; но помню твердо, что вся дворня генерала называла его просто — Эскадронъ. Онъ тоже постоянно молчалъ, но послѣ обѣда долженъ былъ играть съ генераломъ въ шахматы. За обѣдомъ не произошло ничего необыкновеннаго. Генералъ былъ веселъ, и шутилъ съ Чичиковымъ, который ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; Улинька была задумчива, и лицо ея оживлялось только тогда, когда упоминали о Тентетниковѣ. Послѣ обѣда генералъ сѣлъ играть съ испанцемъ въ шахматы и, подвигая шашки впередъ, безпрестанно повторялъ: „полюби насъ бѣленькими...“ — „Черненькими, ваше превосходительство“, перебивалъ его Чичиковъ. „Да, повторялъ генералъ, полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Черезъ пять минутъ онъ опять ошибался, и начиналъ опять: „полюби насъ бѣленькими“, и опять Чичиковъ поправлялъ его, и опять генералъ смѣясь повторялъ: „полюби насъ черненькими, а бѣленькими насъ самъ Господь Богъ полюбитъ“. Послѣ нѣсколькихъ партій съ испанцемъ, генералъ предложилъ Чичикову сыграть одну или двѣ партіи, и тутъ Чичиковъ выказалъ необыкновенную ловкость. Онъ игралъ очень хорошо, затруднялъ генерала своими ходами и кончилъ тѣмъ, что проигралъ; генералъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что побѣдилъ такого сильнаго игрока, и еще болѣе полюбилъ за это Чичикова. Прощаясь съ нимъ, онъ просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ разсказываетъ ему, какъ грустна Улинька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается и, чтобы кончить недоразумѣніе, намѣренъ самъ первый къ нему пріѣхать съ визитомъ и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Улиньку, разумѣется, радуется предлогу и говоритъ, что если все это такъ, то онъ не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же готовъ ѣхать, чтобы предупредить его визитъ. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву. Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, что совралъ, разсказавъ Бетрищеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что̀ ему дѣлать, если генералъ заговоритъ

съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объсняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ это у него сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не намѣренъ лгать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала, встрѣча Тентетникова съ Бетрищевымъ, съ Улинькой, и наконецъ обѣдъ. Описаніе этого обѣда, по моему мнѣнію, было лучшее мѣсто втораго тома. Генералъ сидѣлъ посрединѣ, по правую его руку Тентетниковъ, по лѣвую Чичиковъ, подлѣ Чичикова Улинька, подлѣ Тентетникова испанецъ, а между испанцемъ и Улинькой англичанка; всѣ казались довольны и веселы. Генералъ былъ доволенъ, что помирился съ Тентетниковымъ и что могъ поболтать съ человѣкомъ, который пишетъ исторію отечественныхъ генераловъ; Тентетниковъ тѣмъ, что почти противъ него сидѣла Улинька, съ которою онъ по временамъ встрѣчался взглядами; Улинька была счастлива тѣмъ, что тотъ, кого она любила, опять съ ними, и что отецъ опять съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и наконецъ Чичиковъ былъ доволенъ своимъ положеніемъ примирителя въ этой знатной и богатой семьѣ. Англичанка свободно вращала глазами, испанецъ глядѣлъ въ тарелку, и поднималъ свои глаза только тогда, какъ вносили новое блюдо. Примѣтивъ лучшій кусокъ, онъ не спускалъ съ него глазъ во все время, покуда блюдо обходило кругомъ стола, или покуда лакомый кусокъ не попадалъ къ кому-нибудь на тарелку. Послѣ втораго блюда генералъ заговорилъ съ Тентетниковымъ о его сочиненіи и коснулся 12-го года. Чичиковъ струхнулъ и со вниманіемъ ждалъ отвѣта. Тентетниковъ ловко вывернулся. Онъ отвѣчалъ, что не его дѣло писать исторію кампаніи, отдѣльныхъ сраженій и отдѣльныхъ личностей, игравшихъ роль въ этой войнѣ, что не этими геройскими подвигами замѣчателенъ 12-й годъ, что много было историковъ этого времени и безъ него; но что надобно взглянуть на эту эпоху съ другой стороны: важно по его мнѣнію то, что весь народъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, въ защиту отечества; что всѣ разсчеты, интриги и страсти умолкли на это время; важно, какъ всѣ сословія соединились въ одномъ чувствѣ любви къ отечеству, какъ каждый спѣшилъ отдать послѣднее свое достояніе и жертвовалъ всѣмъ для спасенія общаго дѣла; вотъ что важно въ этой войнѣ, и вотъ что желалъ онъ описать

въ одной яркой картинѣ, со всѣми подробностями этихъ невидимыхъ подвиговъ и высокихъ, но тайныхъ жертвъ! Тентетниковъ говорилъ довольно долго и съ увлеченіемъ, весь проникнулся въ эту минуту чувствомъ любви къ Россіи. Бетрищевъ слушалъ его съ восторгомъ, и въ первый разъ такое живое, теплое слово коснулось его слуха. Слеза, какъ бриліянтъ чистѣйшей воды, повисла на сѣдыхъ усахъ. Генералъ былъ прекрасенъ; а Улинька? Она вся впилась глазами въ Тентетникова; она, казалось, ловила съ жадностію каждое его слово; она, какъ музыкой, упивалась его рѣчами; она любила его, она гордилась имъ! Испанецъ еще болѣе потупился въ тарелку; англичанка съ глупымъ видомъ оглядывала всѣхъ, ничего не понимая. Когда Тентетниковъ кончилъ, водворилась тишина, всѣ были взволнованы... Чичиковъ, желая помѣстить и свое слово, первый прервалъ молчаніе. „Да, сказалъ онъ, страшные холода были въ 12-мъ году!“ — „Не о холодахъ тутъ рѣчь“, замѣтилъ генералъ, взглянувъ на него строго. Чичиковъ сконфузился. Генералъ протянулъ руку Тентетникову и дружески благодарилъ его; — но Тентетниковъ былъ совершенно счастливъ тѣмъ уже, что въ глазахъ Улиньки прочелъ себѣ одобреніе. Исторія о генералахъ была забыта. День прошелъ тихо и пріятно для всѣхъ. — Послѣ этого я не помню порядка, въ которомъ слѣдовали главы; помню, что послѣ этого дня Улинька рѣшилась говорить съ отцомъ своимъ серьезно о Тентетниковѣ. Передъ этимъ рѣшительнымъ разговоромъ, вечеромъ, она ходила на могилу матери, и въ молитвѣ искала подкрѣпленія своей рѣшимости. Послѣ молитвы, вошла она къ отцу въ кабинетъ, стала передъ нимъ на колѣни и просила его согласія и благословенія на бракъ съ Тентетниковымъ. Генералъ долго колебался и наконецъ согласился. Былъ призванъ Тентетниковъ и ему объявили о согласіи генерала. Это было черезъ нѣсколько дней послѣ мировой. Получивъ согласіе, Тентетниковъ, внѣ себя отъ счастія, оставилъ на минуту Улиньку и выбѣжалъ въ садъ. Ему нужно было остаться одному съ самимъ собою. Счастье его душило!... Тутъ у Гоголя были двѣ чудныя лирическія страницы. — Въ жаркій лѣтній день, въ самый полдень, Тентетниковъ въ густомъ, тѣнистомъ саду, и кругомъ его мертвая, глубокая тишина. Мастерскою кистью описанъ былъ этотъ садъ, каждая вѣтка на деревьяхъ, палящій зной въ воздухѣ, кузнечики въ травѣ, и всѣ насѣкомыя, и наконецъ все то, что чувствовалъ Тентетниковъ, счастливый, любящій и взаимно

любимый! — Я живо помню, что это описаніе было такъ хорошо, въ немъ было столько силы, колорита, поэзіи, что у меня захватывало дыханіе. Гоголь читалъ превосходно! — Въ избыткѣ чувствъ, отъ полноты счастья, Тентетниковъ плакалъ и тутъ же поклялся посвятить всю свою жизнь своей невѣстѣ. Въ эту минуту, въ концѣ аллеи показывается Чичиковъ. Тентетниковъ бросается къ нему на шею и благодаритъ его. „Вы мой благодѣтель, вамъ обязанъ я моимъ счастіемъ; чѣмъ могу возблагодарить васъ?... всей моей жизни мало для этого...“ У Чичикова въ головѣ тотчасъ блеснула своя мысль: „Я ничего для васъ не сдѣлалъ; это случай“, отвѣчалъ онъ: „я очень счастливъ, но вы легко можете отблагодарить меня!“ — „Чѣмъ, чѣмъ?“ повторилъ Тентетниковъ: „скажите скорѣе, и я все сдѣлаю“. Тутъ Чичиковъ разказываетъ о своемъ мнимомъ дядѣ и о томъ, что ему необходимо хотя на бумагѣ имѣть 300 душъ. „Да зачѣмъ же непремѣнно мертвыхъ?“ говоритъ Тентетниковъ, не хорошо понявшій, чего собственно добивается Чичиковъ. „Я вамъ на бумагѣ отдамъ всѣ мои 300 душъ, и вы можете показать наше условіе вашему дядюшкѣ, а послѣ, когда получите отъ него имѣніе, мы уничтожимъ купчую“. Чичиковъ остолбенѣлъ отъ удивленія. „Какъ вы не боитесь сдѣлать это?... Вы не боитесь, что я могу васъ обмануть... употребить во зло ваше довѣріе?“ Но Тентетниковъ не далъ ему кончить. „Какъ?“ воскликнулъ онъ: „сомнѣваться въ васъ, которому я обязанъ болѣе чѣмъ жизнію“. Тутъ они обнялись, и дѣло было рѣшено между ними. Чичиковъ заснулъ сладко въ этотъ вечеръ. На другой день въ генеральскомъ домѣ было совѣщаніе, какъ объявить роднымъ генерала о помолвкѣ его дочери, письменно или чрезъ кого-нибудь, или самимъ ѣхать. Видно, что Бетрищевъ очень безпокоился о томъ, какъ примутъ княгиня Зюзюкина и другіе знатные его родные эту новость. Чичиковъ и тутъ оказался очень полезенъ: онъ предложилъ объѣхать всѣхъ родныхъ генерала, и извѣстить о помолвкѣ Улиньки и Тентетникова. Разумѣется, онъ имѣлъ въ виду при этомъ все тѣ же мертвыя души. Его предложеніе принято съ благодарностію. „Чего лучше?“ думалъ генералъ: „онъ человѣкъ умный, приличный; онъ съумѣетъ объявить объ этой свадьбѣ такимъ образомъ, что всѣ будутъ довольны“. Генералъ для этой поѣздки предложилъ Чичикову дорожную двухмѣстную коляску заграничной работы, а Тентетниковъ четвертую лошадь. Чичиковъ долженъ былъ отправиться черезъ нѣсколько дней. Съ этой минуты на него всѣ стали

смотрѣть въ домѣ Бетрищева, какъ на домашняго, какъ на друга дома. Вернувшись къ Тентетникову, Чичиковъ тотчасъ же позвалъ къ себѣ Селифана и Петрушку и объявилъ имъ, чтобъ они готовились къ отъѣзду. Селифанъ въ деревнѣ Тентетникова совсѣмъ излѣнился, спился и не походилъ вовсе на кучера, а лошади совсѣмъ оставались безъ присмотра. Петрушка же совершенно предался волокитству за крестьянскими дѣвками. Когда же привезли отъ генерала легкую, почти новую коляску, и Селифанъ увидѣлъ, что онъ будетъ сидѣть на широкихъ козлахъ и править четырьмя лошадьми въ рядъ, то всѣ кучерскія побужденія въ немъ проснулись, и онъ сталъ, съ большимъ вниманіемъ и съ видомъ знатока, осматривать экипажъ и требовать отъ генеральскихъ людей разныхъ запасныхъ винтовъ и такихъ ключей, какихъ даже никогда и не бываетъ. Чичиковъ тоже думалъ съ удовольствіемъ о своей поѣздкѣ: какъ онъ разляжется на эластическихъ съ пружинами подушкахъ, и какъ четверня въ рядъ понесетъ его легкую, какъ перышко, коляску"[1].

На сколько главъ распредѣлено было изложенное содержаніе, Арнольди не опредѣляетъ точно; онъ дѣлаетъ впрочемъ такое замѣчаніе: „Вотъ все, что̀ читалъ при мнѣ Гоголь изъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ". Сестрѣ же моей онъ прочелъ, кажется, девять главъ"[2]. Изъ разсказа Арнольди можно заключить, что Гоголь прочелъ при немъ только *первыя двѣ главы* новой редакціи втораго тома поэмы: послѣдняя изъ слышанныхъ Арнольди главъ завершалась разсказомъ о сборахъ Чичикова для объѣзда родственниковъ генерала Бетрищева съ цѣлью увѣдомить ихъ о помолвкѣ Улиньки; въ предшествующей, преданной не „сожженію", а забвенію редакціи второй части „Мертвыхъ Душъ" третья глава передаетъ читателю начало этого путешествія. По свидѣтельству С. Т. Аксакова, слышавшаго изъ устъ Гоголя ту же новую редакцію втораго тома, первая глава была очень длинна, такъ что чтеніе ея продолжалось часъ съ четвертью[3]. Хотя вторая глава старой редакціи въ уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ поэмы захватываетъ лишь весьма незначительную часть разсказа о пребываніи Чичикова у генерала и совершенно не упоминаетъ о дальнѣйшихъ событіяхъ до выѣзда Чичикова съ вѣстями о помолвкѣ; но изъ тѣхъ же тетрадей видно,

[1] Русскій Вѣстникъ 1862 г., январь, стр. 74—79. [2] Тамъ же, стр. 80. Ср. Записки о жизни Гоголя II, 226. [3] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ II, 217.

что послѣдняя часть второй главы *утрачена* и что эта, значительная по объему, часть обнимала всѣ событія до начала объѣзда Чичиковымъ родственниковъ генерала. А. О. Смирновой прочитаны были, во время этого пребыванія Гоголя въ Калугѣ[1], и дальнѣйшія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ", который, по словамъ г. Арнольди, былъ „тогда уже почти конченъ вчернѣ"[2]. Впослѣдствіи Смирнова разсказывала своему брату (Арнольди), „что удивительно хорошо отдѣлано было одно лицо въ одной изъ главъ; это лицо — эманципированная женщина-красавица, избалованная свѣтомъ, кокетка, проведшая свою молодость въ столицѣ, при дворѣ и за границей. Судьба привела ее въ провинцію; ей уже за тридцать пять лѣтъ; она начинаетъ это чувствовать, ей скучно, жизнь ей въ тягость. Въ это время она встрѣчается съ вездѣ и всегда скучающимъ Платоновымъ, который также израсходовалъ всего себя, таскаясь по свѣтскимъ гостинымъ. Имъ обоимъ показалась ихъ встрѣча въ глуши, среди ничтожныхъ людей, ихъ окружающихъ, какимъ-то великимъ счастіемъ; они начинаютъ привязываться другъ къ другу, и это новое чувство, имъ незнакомое, оживляетъ ихъ; они думаютъ, что любятъ другъ друга и съ восторгомъ предаются этому чувству. Но это оживленіе, это счастіе было только на минуту, и чрезъ мѣсяцъ послѣ перваго признанія они замѣчаютъ, что это была только вспышка, капризъ, что истинной любви тутъ не было, что они и не способны къ ней, и затѣмъ наступаетъ съ обѣихъ сторонъ охлажденіе, и потомъ опять скука и скука, и они, разумѣется, начинаютъ скучать, въ этотъ разъ, еще болѣе чѣмъ прежде"[3]. Этотъ разсказъ Арнольди дополняется свѣдѣніями, которыя А. О. Смирнова, въ концѣ августа того же 1849 года, сообщила о прослушанныхъ главахъ

---

[1] Изъ вышеупомянутой статьи Арнольди видно, что Гоголь отправился съ нимъ къ А. О. Смирновой въ іюнѣ и предполагалъ прогостить у ней мѣсяцъ. 29 іюля Гоголь уже писалъ Александрѣ Осиповнѣ изъ Москвы: «Мнѣ очень грустно было отъѣзжать отъ васъ... Я все еще просыпаюсь съ мыслью, что я въ Калугѣ, и все мнѣ кажется, что обѣдать буду съ вами; но вмѣсто Кристофора является съ приглашеніемъ къ обѣду Иванъ и тѣмъ напоминаетъ мнѣ, что я въ Москвѣ... Кланяется вамъ Тентетниковъ». (Сочиненія и письма Гоголя VI, 491). Письмо написано, повидимому, вскорѣ послѣ возвращенія Гоголя въ Москву. Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 21 января 1850 г., Гоголь говоритъ: «У Смирновой я, точно, прогостилъ *осенью*». Сочиненія и письма Гоголя VI, 500. [2] Русскій Вѣстникъ 1862 г., январь, стр. 64. [3] Тамъ же, стр. 80. Ср. Записки о жизни Гоголя II, 226.

„Мертвыхъ Душъ“ И. С. Аксакову. Послѣдній писалъ своему отцу, 30 августа изъ Рыбинска: „Я получилъ на дняхъ письмо отъ А. О., которой до смерти хочется разболтать свой секретъ, но говоритъ, что не велѣно; однакоже кое-что сообщаетъ. Гоголь читалъ ей второй томъ „Мертвыхъ Душъ“, — *не весь, но то, что написано*. Она въ восторгѣ, хоть въ этомъ отношеніи она и не совсѣмъ судья. „Какъ жаль, пишетъ она, что я не смѣю вамъ проболтаться о Муратовѣ, Элабуевѣ, Улинькѣ, *Чаграповой*, генералѣ Быстрищевѣ“[1]... и еще какая-то фамилія, которую я не могъ разобрать. Говоритъ, что первый томъ передъ тѣмъ, что̀ написано и *что̀ только набросано,* совершенно поблѣднѣлъ“[2]. Чаграпова — фамилія эманципированной дамы, которая встрѣтилась съ Платоновымъ[3]. Разсказъ объ этой встрѣчѣ далеко выходитъ за предѣлы извѣстныхъ въ печати главъ „Мертвыхъ Душъ“ по прежней редакціи. Изъ словъ А. О. Смирновой слѣдуетъ заключить, что Гоголь прочелъ ей и неотдѣланныя, „набросанныя вчернѣ“ главы поэмы, и черезъ это получаетъ подтвержденіе вышеприведенное свидѣтельство Арнольди, что въ іюлѣ 1849 года второй томъ „Мертвыхъ Душъ“ *вчернѣ* былъ *уже почти конченъ*. Болѣе тщательно отдѣланы были двѣ начальныя главы поэмы, которыя Гоголь рѣшился прочитать при Арнольди[4]. 20 октября 1849 года Гоголь писалъ А. О. Смирновой: „Я, слава Богу, не чувствую, что я хворъ; *время летитъ въ занятіяхъ*, такъ что некогда подумать о болѣзни. Больше читаю, чѣмъ пишу. Вижу, что много нужно еще приготовиться: нужно внимательно, и даже очень внимательно, прочесть все то, что знакомитъ насъ съ краемъ нашимъ, нами позабытымъ“[5]. 28 ноября Гоголь сообщаетъ Смирновой: „У меня все лѣниво и сонно. Работа движется медленно, а неумолимое, невозвратное время летитъ и летитъ такъ быстро, что иногда страхъ врывается въ сонную душу“[6]. 6 декабря поэтъ пишетъ ей же: „Здоровье мое кое-какъ плетется, хотя и не совсѣмъ такъ, какъ нужно для произведенія *моей поденной работы*“[7]. Въ письмѣ отъ 14 декабря Гоголь сообщаетъ Жуковскому: „Полтора года моего пребыванья въ Россіи пронеслось,

[1] Оставляемъ собственныя имена такъ, какъ они были прочитаны И. С. Аксаковымъ. [2] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ II, 216. [3] Тамъ же, стр. 217. [4] Записки о жизни Гоголя II, 229—230. Ср. Русскій Архивъ 1878 г., II, 54. [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 492. [6] Тамъ же, стр. 493. [7] Тамъ же, стр. 495.

какъ быстрый мигъ, и ни одного такого событія, которое бы освѣжило меня, послѣ котораго, какъ бы послѣ ушата холодной воды, почувствовалъ бы, что дѣйствую трезво и точно дѣйствую. Только и кажется мнѣ трезвымъ дѣйствіемъ поѣздка въ Іерусалимъ. Творчество мое лѣниво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу отъ стола, не отдвигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лѣпятся (лѣниво и медленно =) вяло, а время летитъ невозвратно. Или въ самомъ дѣлѣ 42 года есть для меня старость? или такъ слѣдуетъ, чтобы мои „Мертвыя Души" не выходили въ это мутное время, когда, не успѣвши отрезвиться, общество еще находится въ чаду и люди еще не пришли въ состояніе читать книгу, какъ слѣдуетъ, то есть, прилично, не держа ее вверхъ ногами?.... Можно сказать, что только одна Церковь и есть среди насъ еще здоровое тѣло. Появленье Одиссеи было не для настоящаго времени; ее привѣтствовали уже отходящіе люди, радуясь и за себя самихъ, что еще могутъ чувствовать вѣчныя красоты Гомера, и за внуковъ своихъ, что имъ есть чтеніе свѣтлое, не отемняющее головы... Никакое время не было еще такъ бѣдно читателями хорошихъ книгъ, какъ наступившее. Шевыревъ пишетъ рецензію; вѣроятно, онъ скажетъ въ ней много хорошаго; но никакія рецензіи не въ силахъ (будутъ) засадить нынѣшнее поколѣніе, *обмороченное политическими броженьями*, за чтеніе свѣтлое и успокоивающее душу. Временами мнѣ кажется, что II-й томъ „Мертв. Душъ" могъ бы послужить для русскихъ читателей нѣкоторою ступенью къ чтенью Гомера. Временами приходитъ такое желанье прочесть изъ нихъ что-нибудь тебѣ и кажется, что это прочтенье освѣжило бы и подтолкнуло меня. „Но когда это будетъ?"[1] Почти то же Гоголь сообщаетъ о своемъ трудѣ Плетневу 15 декабря: „.... Нашло на меня *еписательное* расположеніе. Всѣ кругомъ на меня жалуются, что не пишу. При всемъ томъ, мнѣ кажется, виноватъ не я, но умственная спячка, меня одолѣвшая. „Мертвыя Души" тоже тянутся лѣниво. Можетъ быть, такъ оно и слѣдуетъ, чтобъ имъ не выходить. Теперь люди не годятся какъ будто въ читатели, неспособны ни къ чему художественному и спокойному. Сужу объ этомъ по пріему „Одиссеи": два, три человѣка обрадовались ей, и то люди уже отходящаго вѣка. Никогда не было еще замѣтно такого умственнаго безсилія въ обществѣ. Чувство художественное почти умерло"[2].

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 496—497. [2] Тамъ же, стр. 497.

Изъ письма къ Жуковскому видно, что Гоголь чувствовалъ потребность прочесть написанное для втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, чтобы вызвать чтеніемъ критическія замѣчанія на свою поэму; прочтенье написаннаго, по его признанію, оживило бы его и подтолкнуло на продолженіе труда. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого письма, Гоголь исполнилъ свое желаніе. 14 августа онъ пріѣхалъ къ С. Т. Аксакову въ его подмосковную. Воспроизводимъ вполнѣ разсказъ Сергѣя Тимоѳеевича о чтеніи въ Абрамцевѣ первой главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“: „18-го (августа) вечеромъ, Гоголь, сидя на своемъ обыкновенномъ мѣстѣ, вдругъ сказалъ: „Да не прочесть ли намъ главу „Мертвыхъ Душъ?“ Мы были озадачены его словами и подумали, что онъ говоритъ о первомъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“. Сынъ мой Константинъ даже всталъ, чтобъ принести ихъ съ верху, изъ своей библіотеки; но Гоголь удержалъ его за рукавъ и сказалъ: „Нѣтъ, ужъ я вамъ прочту изъ втораго“. — И съ этими словами вытащилъ изъ своего огромнаго кармана большую тетрадь. Не могу выразить, что̀ сдѣлалось со всѣми нами. Я былъ совершенно уничтоженъ. Не радость, а страхъ, что я услышу что-нибудь недостойное прежняго Гоголя, такъ смутилъ меня, что я совсѣмъ растерялся. Гоголь былъ самъ сконфуженъ. Ту же минуту всѣ мы придвинулись къ столу, и Гоголь прочелъ первую главу втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. Съ первыхъ страницъ я увидѣлъ, что талантъ Гоголя не погибъ, и пришелъ въ совершенный восторгъ. Чтеніе продолжалось часъ съ четвертью. Гоголь нѣсколько усталъ и, осыпаемый нашими искренними и радостными привѣтствіями, скоро ушелъ на верхъ, въ свою комнату, потому что уже прошелъ часъ, въ который онъ обыкновенно ложился спать, т. е. 11 часовъ. — Тутъ только мы догадались, что Гоголь съ перваго дня имѣлъ намѣреніе прочесть намъ первую главу изъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, которая одна, по его словамъ, была отдѣлана, и ждалъ отъ насъ только какого-нибудь вызывающаго слова. Тутъ только припомнили мы, что Гоголь много разъ опускалъ руку въ карманъ, какъ бы хотѣлъ что-то вытащить, но вынималъ пустую руку. На другой день Гоголь требовалъ отъ меня замѣчаній на прочитанную главу; но намъ помѣшали говорить о „Мертвыхъ Душахъ“. Онъ уѣхалъ въ Москву, и я написалъ къ нему письмо, въ которомъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній и указалъ на особенныя, по моему мнѣнію, красоты. Получивъ

мое письмо, Гоголь былъ такъ доволенъ, что захотѣлъ видѣть меня немедленно. Онъ нанялъ карету, лошадей и въ тотъ же день прикатилъ къ намъ въ Абрамцево. Онъ пріѣхалъ необыкновенно веселъ, или, лучше сказать, свѣтелъ, и сейчасъ сказалъ: „Вы замѣтили мнѣ именно то, чтò я самъ замѣчалъ, но не былъ увѣренъ въ справедливости моихъ замѣчаній. Теперь же я въ нихъ не сомнѣваюсь, потому что то же замѣтилъ другой человѣкъ, *пристрастный* ко мнѣ“. Гоголь прожилъ у насъ цѣлую недѣлю; до обѣда раза два выходилъ гулять, а остальное время работалъ; послѣ же обѣда всегда что-нибудь читали. Мы просили его прочесть слѣдующія главы, но онъ убѣдительно просилъ, чтобъ я погодилъ. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ прочелъ уже нѣсколько главъ А. О. С—ой и С. П. Шевыреву, что самъ увидѣлъ, какъ много надо передѣлать, и что прочтетъ мнѣ ихъ непремѣнно, когда онѣ будутъ готовы. 6-го сентября Гоголь уѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ О* С*[1]. Прощаясь, онъ повторилъ ей обѣщаніе прочесть намъ слѣдующія главы „Мертвыхъ Душъ“ и велѣлъ непремѣнно сказать это мнѣ“[2]. Подъ впечатлѣніемъ прослушанной главы С. Т. Аксаковъ писалъ 29 августа сыну, Ивану Сергѣевичу: „Не могу долѣе скрывать отъ тебя нашу общую радость: Гоголь читалъ намъ первую главу 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“. Слава Богу! талантъ его сталъ выше и глубже“[3]. Въ январѣ 1850 года, И. С. Аксаковъ, пріѣхавши изъ Ярославля, гостилъ во время праздниковъ у отца; Гоголь въ началѣ января этого года вновь прочелъ въ семьѣ Аксаковыхъ первую главу втораго тома поэмы. Объ этомъ чтеніи С. Т. Аксаковъ разсказываетъ такъ: „Въ генварѣ 1850 года Гоголь прочелъ намъ въ другой разъ первую главу „Мертвыхъ Душъ“. Мы были поражены удивленіемъ: глава показалась намъ еще лучше и какъ будто написана вновь. Гоголь былъ очень доволенъ такимъ впечатлѣніемъ и сказалъ: „Вотъ чтò значитъ, когда живописецъ дастъ послѣдній тушъ своей картинѣ. Поправки, повидимому, самыя ничтожныя: тамъ одно словцо убавлено, здѣсь прибавлено, а тутъ переставлено — и все выходитъ другое. *Тогда надо печатать, когда всѣ главы будутъ такъ отдѣланы*“. — Оказалось, что онъ воспользовался всѣми сдѣланными ему замѣчаніями“[4]. Возвратившись въ Ярославль, И. С. Аксаковъ

[1] Супруга С. Т. Аксакова — Ольга Семеновна. [2] Записки о жизни Гоголя II, 228—229. [3] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ II, 217. [4] Записки о жизни Гоголя II, 230.

писалъ отцу 9 января: „Какъ-то вы провели ночь эту послѣ чтенія Гоголя и моего отъѣзда?... Спасибо Гоголю! Все читанное имъ выступало передо мною отдѣльными частями во всей своей могучей красотѣ.... Если бъ я имѣлъ больше претензій, я бы бросилъ писать: до такой степени превосходства дошелъ онъ, что всѣ другіе передъ нимъ пигмеи“[1]. Въ письмѣ къ отцу отъ 12-го января 1850 г. Иванъ Сергѣевичъ возвращается къ восхитившей его первой главѣ: „Я совершенно согласенъ съ замѣчаніями, сдѣланными вами Гоголю. Мнѣ показалось еще, что не довольно ясно обозначено, почему, подъ какимъ предлогомъ Чичиковъ расположился жить у Тентетникова... Я теперь точно сталъ въ отдаленіи и смотрю на картину, развернувшуюся въ „Мертвыхъ Душахъ“, и лучше еще понимаю и чувствую ее, нежели стоявши слишкомъ близко къ ней. Такъ все глубоко, могуче и огромно, что духъ захватываетъ!“[2] 19-го января Гоголь прочелъ С. Т. Аксакову и его сыну Константину Сергѣевичу вторую главу. Приводимъ выдержки изъ письма Сергѣя Тимоѳеевича къ сыну, Ивану Сергѣевичу, отъ 20 января 1850 года: „До сихъ поръ не могу еще притти въ себя: Гоголь прочелъ намъ съ Константиномъ 2-ю главу... Что тебѣ сказать? Скажу одно: вторая глава несравненно выше и глубже первой. Раза три я не могъ удержаться отъ слезъ. Разсказывать содержаніе, въ которомъ ничего нѣтъ особенно интереснаго для тебя, мнѣ не хочется; даже какъ-то совѣстно, потому что въ голомъ разсказѣ анекдота ничего не передается. Впрочемъ, если ты захочешь, то напиши: я разскажу его со всею возможною подробностью. Такого высокаго искусства показывать въ человѣкѣ пошломъ высокую человѣческую сторону, нигдѣ нельзя найти, кромѣ Гомера. Такъ раскрывается духовная внутренность человѣка, что для всякаго изъ насъ, способнаго что-нибудь чувствовать, открывается собственная своя духовная внутренность. Теперь только я убѣдился вполнѣ, что Гоголь *можетъ выполнить* свою задачу, о которой такъ самонадѣянно и дерзко, повидимому, говоритъ въ первомъ томѣ. Я сказалъ Гоголю и повторю тебѣ, что теперь для насъ остается только одно: молитва къ Богу, чтобъ Онъ далъ ему здоровья и силъ *окончательно обработать* и напечатать свое высокое твореніе. Гоголь былъ увлеченъ искренностью

---

[1] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ II, 266—267. [2] Тамъ же, стр. 268.

моихъ словъ и сказалъ о себѣ, какъ бы говорилъ о другомъ: „Да, дай только Богъ здоровья и силъ! Благо должно произойти изъ того, ибо человѣкъ не можетъ видѣть себя безъ помощи другаго"... Что за образы, что за картина природы безъ малѣйшей картинности!.. Гоголю хотѣлось прочесть третью главу: ибо, по его словамъ, нужно было прочесть ее немедленно, но у него недостало силъ. Да, много должно сгарать жизни въ горнилѣ, изъ котораго истекаетъ чистое злато... Теперь очевидно, что всѣ главы будутъ читаться только мнѣ и Константину. Я примиряюсь съ этою мыслію только однимъ, что это нужно, полезно самому Гоголю"[1]. И. С. Аксаковъ, получивши это извѣстіе отъ отца, въ отвѣтномъ письмѣ высказываетъ мысль, „что у Гоголя все написано, что онъ уже далъ полежать своей рукописи и потомъ вновь обратился къ ней для исправленія и оцѣнки, — словомъ, поступаетъ такъ, какъ самъ совѣтуетъ другимъ. Въ противномъ случаѣ (заключаетъ И. С. Аксаковъ) онъ не сталъ бы читать и заниматься отдѣлкою подробностей и частностей"[2]. Высказанное въ этихъ строкахъ предположеніе подтверждается вышеприведеннымъ свидѣтельствомъ Арнольди и самого автора. Изъ переписки И. С. Аксакова съ отцомъ видно, что въ январѣ 1850 года Гоголемъ были отдѣланы двѣ начальныя главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ"; третья и четвертая глава прочтены были Сергѣю Тимоѳеевичу позднѣе[3], въ періодъ времени съ конца января 1850 г. до отъѣзда въ Малороссію (13 іюня того же года)[4]. Изъ разсказа Арнольди о содержаніи слышаннаго имъ изъ этого произведенія можно заключить, что въ его присутствіи Гоголь прочелъ также *двѣ* начальныя главы, какъ наиболѣе отдѣланныя[5]; остальныя были прочтены одной А. О. Смирновой, потому что онѣ были, по выраженію Арнольди, „кончены въ чернѣ." Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 21 января 1850 года, Гоголь сообщаетъ между прочимъ: „Я просто не успѣваю ничего дѣлать. Время летитъ такъ, какъ еще никогда не помню. Встаю рано, съ утра принимаюсь за перо, никого къ себѣ не впускаю, откладываю на сторону всѣ прочія дѣла, даже письма къ людямъ близкимъ, — и при всемъ томъ такъ немного

---

[1] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ II, 272—273. Ср. Записки о жизни Гоголя II, 230. [2] Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ II, 272. [3] Записки о жизни Гоголя II, 230. [4] Тамъ же, стр. 231. [5] Арнольди, въ своемъ разсказѣ, изъ второй главы дѣлаетъ двѣ.

изъ меня выходитъ строкъ! Кажется, просидѣлъ за работой не больше, какъ часъ, смотрю на часы,— уже время обѣдать. Некогда даже пройтись и прогуляться. Вотъ тебѣ вся моя исторія! *Конецъ дѣлу еще не скоро, т. е. разумѣю конецъ „Мертвыхъ Душъ“. Всѣ почти главы соображены и даже набросаны,* но именно не больше, какъ *набросаны;* собственно написанныхъ двѣ, три и только. Я не знаю даже, можно ли творить быстро собственно художническое произведеніе. Это можетъ только одинъ Богъ, у Котораго все подъ рукой: и Разумъ, и Слово съ Нимъ. А человѣку нужно за словомъ ходить въ карманъ, а разума доискиваться“[1]. Весь 1850-й годъ проходитъ 1) въ набрасываніи начерно неоконченныхъ главъ поэмы и 2) въ перечисткѣ и отдѣлкѣ уже написаннаго. Разочарованный въ надеждахъ, которыя онъ печатно возлагалъ на „Одиссею“, Гоголь въ началѣ года еще жалуется на „недуги“ и вялый ходъ своихъ работъ; но во второй половинѣ года высказываются надежды на скорое окончаніе поэмы, и годъ завершается извѣщеніемъ: „работа уже близка къ окончанію“. Приводимъ изъ писемъ 1850 года мѣста, относящіяся ко второму тому „Мертвыхъ Душъ“. 25 февраля Гоголь пишетъ А. С. Данилевскому: „Насчетъ II тома „М. Д.“ могу сказать только то: *не скоро* ему до печати. Кромѣ того, что самъ авторъ не приготовилъ его къ печати, *не такое время, чтобъ печатать что-либо.* Да я думаю, что и самыя головы не въ такомъ состояніи, чтобы умѣть читать *спокойное художественное твореніе.* Вижу по „Одиссеѣ“. Если Гомера встрѣтили равнодушно, то чего же ожидать мнѣ? Притомъ недуги мало даютъ мнѣ возможности заниматься. Въ эту зиму я какъ-то разболѣлся: суровый сѣверный климатъ начинаетъ допекать“[2]. Въ апрѣлѣ Гоголь сообщаетъ Плетневу: „Собирался было ѣхать къ тебѣ въ Петербургъ, кое о чемъ поговорить, кое что прочесть изъ того, что написалось среди болѣзней и всякихъ тревогъ, но теперь не знаю, какъ это будетъ“[3]. 20 августа, за нѣсколько недѣль до выѣзда въ Одессу, гдѣ предполагалось провести зиму, Гоголь пишетъ А. О. Смирновой: „Мнѣ нужно непремѣнно эту зиму хорошенько поработать въ ненатопленномъ теплѣ, съ благодатными прогулками на воздухѣ благорастворен наго юга; и если только милосердный Богъ приведетъ мои силы въ состоянье полнаго вдохновенья, *то второй томъ эту же зиму будетъ готовъ.* Вы сами

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 500. [2] Тамъ же. [3] Тамъ же, стр. 503.

знаете, что бываютъ времена, когда въ одинъ день больше дѣлается, чѣмъ въ мѣсяцы.... Если бы Одесса сдѣлалась[1] хоть на этотъ годъ Коринѳомъ или Байрутомъ, съ какою бы я радостью остался въ Россіи! Весной увидался бы съ вами раньше обыкновеннаго, май — въ Москвѣ, іюнь, іюль и августъ устроился бы гдѣ-нибудь на морскихъ водахъ близь Ревеля или Риги, въ совокупности съ Жуковскимъ, съ присоединеньемъ Плетнева. Тамъ прочитали бы совокупно написанное, а сентябрь и октябрь — въ Петербургѣ для печатанья и окончательнаго устроенья дѣлъ... Я тѣломъ не очень здоровъ, но голова, слава Богу, вся сидитъ во 2 томѣ"[2]. 20 сентября, поздравляя С. Т. Аксакова со днемъ рожденія, Гоголь намекаетъ на взаимный ихъ уговоръ, — одному къ осени 1851 года кончить „Записки ружейнаго охотника", другому — вторую часть „Мертвыхъ Душъ"[3], — и посылаетъ ему такое желаніе: „Здравствуйте, бодрствуйте, готовьте своихъ птицъ, а я приготовлю вамъ „Душъ", пожелайте только, чтобы онѣ были такъ же живыя, какъ ваши птицы"[4]. Въ письмѣ къ Шевыреву отъ 7 ноября, изъ Одессы, Гоголь, сообщая свои предположенія о печатаніи втораго изданія своихъ сочиненій, высказываетъ такой мотивъ этого предпріятія: „Нужно необходимо, чтобъ къ выходу II тома „М. Д." подоспѣло изданіе сочиненій, которыхъ, вѣроятно, потребуется тогда вдругъ много"[5]. Въ то же время въ письмѣ отъ 7 ноября, Гоголь, подстрекая С. Т. Аксакова продолжать, согласно уговору, „Записки ружейнаго охотника", спрашиваетъ: „Продолжаете ли „Записки"? Смотрите, чтобы намъ, какъ увидимся, было не стыдно другъ передъ другомъ и было бы что̀ прочесть Константину и Ивану Сер-

---

[1] Въ изданіи Кулиша: „сдѣлана". Въ подлинникѣ конечно стоитъ: „сдѣлала" вм.: „сдѣлалась". Ср. первое примѣчаніе къ 19-й страницѣ пятаго тома. [2] Сочиненія и письма Гоголя VI, 513. [3] Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти (изд. Трушковскаго, М., 1855 г.), стр. VI. Ср. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ II, 272—273. [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 540. Въ изданіи г. Кулиша это письмо, на которомъ не выставленъ годъ, неправильно отнесено къ 1851 году. Письмо оканчивается словами: «Пишите ко мнѣ въ Полтаву, а потомъ въ Симферополь, на имя Княжевича». Гоголь былъ въ Полтавѣ и Одессѣ въ 1850 г., а не въ 1851-мъ г. Изъ деревни Васильевки онъ писалъ А. О. Смирновой, *20 августа 1850 г.:* «Въ Одессу я выѣзжаю не раньше 15 сентября» (Соч. и письма Гоголя VI, 512—513). Къ ней же онъ писалъ изъ Одессы *26 октября 1850 г.:* «Пріѣхавши въ Одессу, *сію же минуту*... пишу къ вамъ». (Тамъ же, стр. 513). Осень 1851 года Гоголь безвыѣздно прожилъ въ Москвѣ. [5] Тамъ же, стр. 515.

гѣевичамъ также"[1]. 2 декабря Гоголь уже сообщаетъ и Плетневу о своемъ предположенiи печатать второй томъ „Мертвыхъ Душъ" лѣтомъ 1851 года: „Намѣренiя мои (писалъ онъ) теперь вотъ какого рода: въ концѣ весны или въ началѣ лѣта предполагаю быть въ Петербургѣ, затѣмъ, чтобы, во-первыхъ, повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ и перечесть вмѣстѣ все то, чтò хочется вамъ прочитать, а во-вторыхъ, если будетъ Божья воля, то и приступать къ печатанiю"[2]. 16-го декабря, поздравляя Жуковскаго съ наступленiемъ новаго года[3], Гоголь такъ характеризуетъ ходъ и состоянiе своихъ работъ надъ поэмою: „Милосердый Богъ меня еще хранитъ, силы еще не слабѣютъ, не смотря на слабость здоровья; работа идетъ съ прежнимъ постоянствомъ и хоть еще не кончена, но уже близка къ окончанью. (Нельзя с...).Что жъ дѣлать? Покуда человѣкъ молодъ, онъ поэтъ даже и тогда, когда не писатель; когда же онъ созрѣетъ, онъ долженъ вспомнить, что онъ человѣкъ, даже и тогда, когда писатель... Покуда писатель молодъ, онъ пишетъ много и скоро. Воображенье подталкиваетъ его безпрерывно; онъ творитъ, строитъ очаровательные воздушные себѣ замки и не мудрено, что (перу=) писанью, какъ и замкамъ, нѣтъ конца. Но когда уже одна чистая правда стала его предметомъ, и дѣло касается того, чтобы прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть покуда въ немногихъ избранныхъ и лучшихъ, тутъ воображенье немного подвигнетъ писателя, нужно добывать съ боя всякую черту. Хотѣлось бы очень прочесть тебѣ все, что написалось"[4]. Резюмируя разсѣянныя въ письмахъ 1850 года указанiя Гоголя на второй томъ „Мертвыхъ Душъ", приходимъ къ заключенiю, что въ исходѣ означеннаго года этотъ томъ былъ уже оконченъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ отдѣланъ „начисто". Знакомые съ процессомъ творчества Гоголя легко поймутъ, почему печатанье поэмы отсрочивалось почти на полгода: поэту нужно было время, чтобы пройти нѣсколько разъ по всей поэмѣ, осмотрѣть цѣлое внимательнымъ окомъ художника, взыскательнаго, придирчиваго къ самому себѣ, и дать всей картинѣ послѣднiй ударъ

[1] Сочиненiя и письма Гоголя VI, 516. [2] Тамъ же, стр. 517. [3] Въ изданiи Кулиша: Сочиненiя и письма Гоголя (VI, 498), этимъ письмомъ открывается серiя писемъ 1850 года; болѣе опредѣленной даты не выставлено. Подлинное письмо оканчивается такъ: «16 декабря Рускаго стиля». [4] Ср. Сочиненiя и письма Гоголя VI, 498—499.

кисти. Этотъ послѣдній актъ работы художника надъ второю частью „Мертвыхъ Душъ" начался уже въ декабрѣ того же 1850 года. 23-го декабря Гоголь писалъ А. О. Смирновой: „О себѣ покуда скажу, что Богъ хранитъ, даетъ силу работать и трудиться. Утро постоянно проходитъ въ занятіяхъ, *не тороплюсь и осматриваюсь*. Художественное созданье и въ словѣ то же, что̀ картина. Нужно то отходить, то вновь подходить къ ней, смотрѣть ежеминутно, не выдается ли что-нибудь рѣзкое и не нарушается ли нестройнымъ крикомъ всеобщаго согласія"[1]. Этотъ послѣдній періодъ работы,— періодъ неторопливаго осматриванія созданія, — продолжился долѣе, чѣмъ предполагалъ Гоголь, и поэту не суждено было довести свое дорогое созданье, трудъ своей жизни, до того совершенства, которое удовлетворило бы его, какъ художника и гражданина. Цѣлый годъ проходитъ въ поправкахъ и въ упорядоченіи отдѣльныхъ частей поэмы, и смерть застаетъ писателя надъ трудомъ, не получившимъ послѣдняго удара кисти, надъ трудомъ, которымъ авторъ все еще недоволенъ. На языкѣ Гоголя это значитъ: „трудъ не готовъ". 25 января 1851 г. поэтъ пишетъ Плетневу: „Вмѣсто весны придется, можетъ быть, въ Петербургъ осенью... А мнѣ хочется очень съ тобой, по старинѣ, запершись въ кабинетѣ, въ виду книжныхъ полокъ, на которыхъ стоятъ друзья наши, уже нынѣ отшедшіе, потолковать и почитать, вспомнивъ старину. Но это не могло и не можетъ быть, покуда *не готово то, о чемъ нужно говорить*"[2]. Въ немногихъ изданныхъ письмахъ Гоголя, относящихся къ первой половинѣ 1851 года, нѣтъ указаній на занятія поэмой. 15 іюля Гоголь сообщаетъ Плетневу изъ Москвы: „Поспѣшилъ сюда (изъ Васильевки) съ тѣмъ, чтобы заняться дѣлами по части приготовленья къ печати „Мертвыхъ Душъ" втораго тома и до того изнемогъ, что едва въ силахъ водить перомъ, чтобы написать нѣсколько строчекъ записки, а не то, что *поправить или даже передѣлать то, что нужно переписать*[3]. Гораздо лучше просидѣть было лѣто дома и не торопиться; но желаніе повидаться съ тобой и съ Жуковскимъ было тоже причиной моего нетерпѣнья"[4]. Въ письмѣ къ матери отъ 2-го сентября Гоголь, повидимому, съ умысломъ, преувеличиваетъ препятствія, встрѣтившіяся его труду, и пишетъ:

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, стр. 519. [2] Тамъ же, стр. 523. [3] Передъ переписываніемъ набѣло оконченнаго произведенія Гоголь обыкновенно „поправлялъ" и даже „передѣлывалъ" заново приготовленное для переписки. См. выше примѣчанія къ первому тому „Мертвыхъ Душъ". [4] Сочиненія и письма Гоголя VI, 536.

„Здоровье мое съизнова не такъ хорошо, и, кажется, я самъ причиною. Желая хоть что-нибудь приготовить къ печати, я усилилъ труды и чрезъ это не только не ускорилъ дѣла, но и отдалилъ еще *года*, можетъ быть, *на два*"[1]. 4 октября, возвратившись изъ имѣнія Аксаковыхъ — Абрамцева, Гоголь сообщаетъ Сергѣю Тимоѳеевичу: „Здоровье мое идетъ понемногу, нервы еще успокоились не совсѣмъ, но, кажется, какъ будто покрѣпче. Работается крайне туго, и времени не хватаетъ ни на что, точно крадетъ его лукавый"[2]. Тому же лицу Гоголь пишетъ черезъ нѣсколько времени: „Слава Богу за все! Дѣло кое-какъ идетъ. Можетъ быть, оно и лучше, если мы прочитаемъ другъ другу зимой, а не теперь. Теперь время еще какого-то безпорядка, какъ всегда бываетъ осенью, когда человѣкъ возится и выбираетъ мѣсто, какъ усѣсться, а еще не усѣлся. Мѣсяца черезъ два мы, вѣрно, съ Божьею помощію, приведемъ въ большій порядокъ тетради и бумаги; тогда и чтеніе будетъ съ бóльшимъ толкомъ и съ большей охотой"[3]. Въ письмѣ къ Плетневу, отъ 30 ноября, Гоголь сѣтуетъ: „Время такъ летитъ, *свѣжихъ минутъ такъ немного*, такъ торопишься ими воспользоваться, такъ занятъ тѣмъ дѣломъ, которое бы хотѣлось скорѣй привести къ окончанію, что и двѣ строчки къ другу кажутся какъ бы тягостью"[4]. Тѣ же жалобы и въ письмѣ къ А. С. Данилевскому, отъ 16 декабря: „Не гнѣвайся, что мало пишу: у меня такъ мало свѣжихъ минутъ и такъ въ эти минуты торопишься приняться за дѣло, котораго окончанье лежитъ на душѣ моей и которому безпрестанныя помѣхи, что я ни къ кому не успѣваю писать. Всѣ такъ же, какъ ты, меня упрекаютъ. Второй томъ, который именно требуетъ около себя возни, причина всего. Ты на него и пеняй. Если не будетъ помѣшательствъ и Богъ подаритъ больше свѣжихъ расположеній, то, можетъ быть, я тебѣ его привезу *лѣтомъ* самъ, а, можетъ быть, и въ началѣ весны"[5]. Въ письмѣ къ Жуковскому (20 декабря), написанномъ крупнымъ почеркомъ послѣднихъ лѣтъ, слышится болѣе мягкій тонъ: „Я тружусь, работаю въ тишинѣ по прежнему. Иногда хвораю, иногда же милость Божія даетъ мнѣ чувствовать свѣжесть и бодрость, тогда и работа идетъ свѣжѣе, а работа все та же, съ той разницей, что меньше, можетъ быть, юношеской самонадѣянности и больше сознанія, что безъ

---

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 538. [2] Тамъ же, стр. 543. [3] Тамъ же, стр. 544. [4] Тамъ же, стр. 547. [5] Тамъ же, стр. 547.

смиренной молитвы нельзя ничего"[1]. С. Т. Аксаковъ окончилъ „Записки ружейнаго охотника", „Мертвыя Души" все еще не были „готовы",— въ томъ особенномъ смыслѣ, который придавалъ этому слову Гоголь. Поздравляя С. Т. Аксакова съ окончаніемъ его труда, Гоголь говоритъ: „Что же до меня, то хотя и не могу похвалиться тѣмъ же, но если Богъ будетъ милостивъ и пошлетъ нѣсколько деньковъ, подобныхъ тѣмъ, какіе иногда удаются, то, можетъ быть, и я какъ-нибудь управлюсь"[2]. Въ коротенькой запискѣ къ Аксакову, отнесенной г. Кулишемъ къ слѣдующему (1852 году), Гоголь увѣдомляетъ: „Дѣло мое идетъ крайне тупо. Время такъ быстро летитъ, что ничего почти не успѣваешь... Вся надежда моя на Бога, Который одинъ можетъ ускорить мое медленно движущееся вдохновеніе"[3]. Въ концѣ 1851-го или въ началѣ 1852 года[4] Гоголь прочелъ Шевыреву *наединѣ* двѣ послѣднія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ", какъ видно изъ слѣдующей краткой его записки: „Убѣдительно прошу тебя не сказывать никому о прочитанномъ, ни даже называть мелкихъ сценъ и лицъ героевъ. Случились исторіи. Очень радъ, что *двѣ послѣднія главы кромѣ* тебя никому неизвѣстны. Ради Бога никому..."[5] Изъ этой коротенькой записки видно, что двѣ послѣднія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ" (въ концѣ 1851 г.?) были настолько отдѣланы, что Гоголь рѣшился прочесть ихъ Шевыреву. Боязнь, что кто-нибудь узнаетъ хоть нѣсколько мелкихъ подробностей, хоть имена изъ прочитанныхъ главъ, объясняется конечно тѣмъ, что Гоголь, по прочтеніи ихъ Шевыреву, почувствовалъ желаніе переработать эти двѣ главы. 2 февраля 1852 года Гоголь писалъ Жуковскому: „Сижу по прежнему надъ тѣмъ же, занимаюсь тѣмъ же. Помолись обо мнѣ, чтобы работа моя была истинно добросовѣстна и чтобы я хоть сколько-нибудь былъ удостоенъ пропѣть гимнъ красотѣ небесной"[6]. Эти строки написаны въ то время, когда второй томъ „Мертвыхъ Душъ" былъ уже конченъ *набѣло* и двѣ послѣднія главы его прочтены Шевыреву. Упоминаемая въ предсмертномъ письмѣ къ Жуковскому „работа" состояла въ передѣлкѣ и исправленіи написаннаго въ тѣхъ частяхъ, которыми не былъ доволенъ авторъ. Весь 1851-й годъ отдалъ Гоголь этой работѣ и, чѣмъ ближе подвигалась она къ концу, тѣмъ сильнѣе становилось недовольство

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 547—548. [2] Тамъ же, стр. 550. [3] Тамъ же, стр. 552. [4] На запискѣ не означенъ годъ. Кулишъ поставилъ надъ нею вопросъ: „Въ концѣ 1851?" [5] Сочиненія и письма Гоголя VI, 551. [6] Тамъ же, стр. 553.

художника результатами многолѣтняго труда... Вскорѣ послѣ смерти Гоголя С. Т. Аксаковъ писалъ Шевыреву: „Въ самое послѣднее свиданіе съ моей женой Гоголь сказалъ, что онъ не будетъ печатать втораго тома, что въ немъ все никуда не годится и что надо все передѣлать“[1]. Итакъ, въ октябрѣ 1851 года, когда происходило это „послѣднее свиданіе“[2], Гоголь произнесъ уже приговоръ второй части „Мертвыхъ Душъ“,— приговоръ, который и былъ исполненъ надъ завѣтнымъ трудомъ самимъ авторомъ въ ту минуту, когда онъ опять, какъ въ 1845 году, увидѣлъ передъ собою смерть. Такъ кончились мучительныя попытки облечь въ художественныя формы ту „проповѣдь“, которую Гоголь считалъ „нужною и полезною“ для русскаго общества[3]: художникъ созналъ передъ смертью, что не успѣлъ найти вокругъ себя „живаго тѣла“, чтобы „прозрачно отразить жизнь въ ея высшемъ достоинствѣ, въ какомъ она должна быть и можетъ быть на землѣ и въ какомъ она есть покуда въ немногихъ избранныхъ и лучшихъ“[4].

Самыя раннія попытки облечь въ „живые образы“ тотъ „идеалъ“, который Гоголь желалъ дать русскому обществу,— идеалъ, долженствовавшій „выгнать“ всѣ тѣ идеалы, „которыхъ напичкали въ головы французскіе романы“[5],— эти попытки потерпѣли полную неудачу и вызвали въ поэтѣ тяжелое сознаніе, что у него „отнята способность творить“. Вмѣсто „живыхъ образовъ“ изъ подъ пера писателя-реалиста выходили Костанжогло, Муразовъ, невозможный генералъ-губернаторъ. Въ письмѣ къ Смирновой (отъ 20 апрѣля 1847 г.) Гоголь признается: „Богъ недаромъ отнялъ у меня на время силу и способность производить произведенія искусства, *чтобы я не сталъ произвольно выдумывать отъ себя, не отвлекался бы въ идеальность*, а держался бы существенной правды“[6]. Образы Костанжогло и генералъ-губернатора появляются въ самыхъ раннихъ набросках втораго тома „Мертвыхъ Душъ“,— набросках, составившихъ *первую редакцію* этого произведенія. И въ 1845 году эта редакція предается „сожженію“. Мотивы строгаго приговора надъ раннею редакціею втораго тома „Мертвыхъ Душъ“

[1]Русскій Архивъ 1878, II, 54. [2]Записки о жизни Гоголя II, 254. [3]Еще въ мартѣ 1847 года Гоголь писалъ Данилевскому: „Моя поэма можетъ быть очень нужная и очень полезная вещь, потому что никакая *проповѣдь* не въ силахъ такъ подѣйствовать, какъ рядъ *живыхъ примѣровъ*, взятыхъ изъ той же земли, изъ того же тѣла, изъ котораго и мы“. Сочиненія и письма Гоголя VI, 360. [4]Ср. выше, стр. 571. [5]Сочиненія и письма Гоголя VI, 346. [6]Тамъ же, стр. 372.

намѣчены въ вышеприведенныхъ строкахъ изъ письма Гоголя къ Смирновой. Образы нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ не были „живыми", не были „состроены изъ того же тѣла, какъ и мы". И вотъ 1846 годъ посвящается изученію „духовной статистики Россіи", исканію „живаго тѣла": начинаются запросы Гоголя друзьямъ, знакомымъ, наконецъ всему читающему русскому люду. Въ 1849 году вторая часть „Мертвыхъ Душъ" уже вновь написана вчернѣ; первыя четыре главы обработаны и прочтены нѣсколькимъ лицамъ. С. Т. Аксаковъ приходитъ въ восторгъ, прослушавши двѣ первыя главы. Въ немъ укрѣпляется увѣренность, что „талантъ Гоголя не погибъ". Эта увѣренность вызвана только *двумя начальными главами*, въ которыхъ нѣтъ и помину о Костанжогло, Муразовѣ, генералъ-губернаторѣ. О впечатлѣніи, которое произвели на него третья и четвертая глава, С. Т. Аксаковъ умалчиваетъ. Дальнѣйшихъ главъ своего произведенія Гоголь и не читалъ ему. Найденный нами въ бумагахъ Гоголя набросокъ рѣчи генералъ-губернатора, относящійся къ послѣднимъ годамъ жизни Гоголя, доказываетъ, что авторъ „выдумывалъ его отъ себя, отвлекался въ идеальность"[1]. Послѣднее сожженіе втораго тома „Мертвыхъ Душъ" вызвано было тѣмъ же строгимъ отношеніемъ художника къ своему труду, какимъ и первое; въ основѣ того и другаго приговора лежало справедливое недовольство „выдуманными" образами и особенно тою „идеальностью", неестественностью образовъ, которая ненавистна была Гоголю въ произведеніяхъ Кукольника и Полеваго. Предсмертное сожженіе многолѣтняго труда не было у Гоголя слѣдствіемъ болѣзненнаго порыва, нервнаго разстройства; всего менѣе можно въ немъ видѣть „жертву, принесенную смиреннымъ христіаниномъ": оно было сознательнымъ дѣломъ художника, убѣдившагося въ несовершенствѣ всего, что было выработано его многолѣтнимъ мучительнымъ трудомъ.

Разбирая бумаги Гоголя, вскорѣ послѣ его смерти, профессоръ С. П. Шевыревъ нашелъ между ними нѣсколько тетрадей и отдѣльныхъ листовъ, которые заключали въ себѣ текстъ нѣсколькихъ главъ и отдѣльныхъ страницъ второй части „Мертвыхъ Душъ". С. Т. Аксаковъ, получивши извѣстіе объ этой находкѣ, не совѣтовалъ Шевыреву печатать найденные отрывки поэмы, ссылаясь на то, что онъ „не одинъ разъ слышалъ отъ Гоголя, какъ возмущалась

[1] Этотъ набросокъ будетъ напечатанъ въ шестомъ томѣ настоящаго изданія.

душа его, когда, послѣ смерти какого-нибудь замѣчательнаго писателя, предавали тисненію все, оставленное имъ ненапечатаннымъ, тогда какъ не было прямыхъ указаній, что авторъ хотѣлъ напечатать, но не успѣлъ". Высказавши увѣренность, что найденныя Шевыревымъ тетради „должны быть самыя давнишнія", С. Т. Аксаковъ продолжаетъ: „Какъ же печатать послѣ этого черновую, впослѣдстіи, можетъ быть, совершенно измѣненную рукопись? Мы нарушимъ послѣднюю волю или художника, или христіанина."[1] Шевыревъ собственноручно переписалъ найденные имъ отрывки поэмы, связалъ ихъ замѣчаніями о содержаніи утраченныхъ страницъ и главъ, и въ рукописныхъ копіяхъ съ редакціи Шевырева вторая часть „Мертвыхъ Душъ" разошлась по рукамъ читателей задолго до появленія въ печати[2]. Вслѣдствіе неблагопріятныхъ цензурныхъ условій[3] второе изданіе „Сочиненій Гоголя" и найденныя послѣ его смерти произведенія: вторая часть „Мертвыхъ Душъ" и „Авторская исповѣдь", напечатаны были только въ 1855 году. Племянникъ великаго писателя Н. П. Трушковскій, издавая найденные Шевыревымъ остатки второй части поэмы, сдѣлалъ слѣдующую оговорку: „Намъ остается, съ благоговѣніемъ къ памяти покойнаго, сохранить всѣ уцѣлѣвшіе отрывки, и хотя, издавая ихъ въ свѣтъ, мы, можетъ быть, поступимъ противъ желанія Гоголя („Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями", стр. 31)[4], но эти отрывки, эти очерки, только еще набросанные, такъ много проявляютъ его великій талантъ, что грѣшно бы было утаить ихъ подъ спудомъ"[5]. Текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ", напечатанный Н. П. Трушковскимъ, не вездѣ согласенъ съ текстомъ рукописей поэмы, установленнымъ Шевыревымъ, хотя послѣдній текстъ находился въ ру-

[1] Русскій Архивъ 1878, II, 54. [2] Ср. Русская Старина 1873 г., кн. XII, стр. 951. Въ нашемъ собраніи рукописей находятся двѣ копіи второй части „Мертвыхъ Душъ" въ редакціи пр. Шевырева, отличающіяся одна отъ другой въ немногихъ мелкихъ стилистическихъ подробностяхъ. Очевидно, что профессоръ Шевыревъ колебался въ выборѣ приписокъ изъ рукописи автора, въ которой нерѣдко отдѣльныя мѣста представляютъ два чтенія: незачеркнутое первоначальное и измѣненное, приписанное сверху строкъ или съ боку страницы. Ср. ниже въ примѣчаніяхъ и варіантахъ. Одну изъ рукописей поэмы *въ редакціи Шевырева* описалъ Д. Д. Языковъ въ статьѣ: „Новый списокъ Мертвыхъ Душъ" (Историческій Вѣстникъ, 1884 г., кн. 8, стр. 340—345). [3] Русская Старина 1873 г., кн. XII, стр. 949. Ср. настоящаго изданія т. I, стр. XIV. [4] Настоящаго изданія томъ IV, стр. 19. [5] Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти (Москва, 1855), стр. VI—VII.

кахъ издателя, заимствовавшаго изъ рукописи Шевырева замѣчанія о содержаніи утраченныхъ главъ и страницъ. Трушковскій объ отношеніи напечатаннаго имъ текста второй части „Мертвыхъ Душъ“ къ редакціи этого произведенія, выработанной Швыревымъ, говоритъ такъ: „Приносимъ здѣсь отъ лица всей семьи покойнаго Гоголя, искреннюю благодарность С. П. Шевыреву, который принялъ на себя большой трудъ разобрать всѣ оставшіяся бумаги, послѣ смерти Николая Васильевича, переписать своей рукой (?) и своими совѣтами много способствовалъ настоящему изданію“[1]. Рукопись „Сочиненій Гоголя, найденныхъ послѣ его смерти“, которая представлена была Трушковскимъ въ Московскій Цензурный Комитетъ, раздѣляется на двѣ части, писанныя различными почерками[2]. Вторая часть рукописи, заключающая въ себѣ „Ав-

---

[1] Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти, стр. VIII. [2] Представленный въ цензуру экземпляръ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» принадлежитъ въ настоящее время библіотекѣ Московскаго Университета и означенъ въ каталогѣ такъ: 1 R у 399 в. На заглавномъ листѣ рукою Трушковскаго написано: «Сочиненія Н. В. Гоголя, найденныя послѣ его смерти: Мертвыя Души 2-й томъ 5 главъ и Авторская исповѣдь» и т. д. Послѣ заглавнаго листа слѣдуетъ предувѣдомленіе: «Отъ издателя», составленное Трушковскимъ и собственноручно имъ написанное. Подъ этимъ предувѣдомленіемъ стоитъ помѣта: «Москва, 20 іюля 1885 г.». Ниже помѣты цензурное разрѣшеніе: «Печатать дозволяется. Москва. Іюля 26-го 1855 года. Цензоръ И. Безсомыкинъ». Быстрота цензурнаго просмотра и разрѣшенія мнимая. На оборотѣ заглавнаго листа подписано: «Представлено отъ Трушковскаго, Кандидата С.-Петербургскаго Университета. Іюня 21. 1855 года»; на лицевой сторонѣ заглавнаго листа помѣта регистратуры Цензурнаго Комитета: № 717/1855. На самомъ дѣлѣ рукопись втораго тома «Мертвыхъ Душъ» представлена была въ Московскій Цензурный Комитетъ гораздо ранѣе. На заглавныхъ листахъ 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й главы втораго тома «Мертвыхъ Душъ» стоитъ помѣта регистратуры Комитета: «№ 922, 1854 г.» «Авторская исповѣдь» представлена была въ Комитетъ годомъ раньше, какъ видно изъ сдѣланной на заглавномъ ея листѣ помѣты: «№ 231, 1853 г.» На оборотѣ заглавныхъ листовъ *первой* и *четвертой* главы втораго тома «Мертвыхъ Душъ» написано: «Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, *іюня 6-го* 1855 года. Ценсоръ И. Безсомыкинъ». Подъ второю изъ этихъ подписей (на оборотѣ заглавнаго листа IV-й главы) цензоръ сдѣлалъ карандашомъ приписку «*Замѣчаніе содержателю типографіи.* Такая надпись о дозволеніи печатать, разумѣется, должна быть одна; а ошибкою сдѣланную вторую надпись считать несуществующею. И. Б.» Написанное на заглавномъ листѣ «Авторской Исповѣди» цензурное разрѣшеніе помѣчено также: «6-го іюня 1855 года». Несоотвѣтствіе датъ въ приведенныхъ помѣтахъ цензора объясняется исторіею разрѣшенія къ печати посмертныхъ сочиненій Гоголя. См. Русская Старина 1873, кн. 12-я, стр. 949—953.

торскую Исповѣдь", писана отъ начала до конца Шевыревымъ собственноручно. Главы второй части „Мертвыхъ Душъ", составляющія первую часть цензурной рукописи, переписаны крупнымъ писарскимъ почеркомъ, каждая глава въ особой тетради и каждая имѣетъ особый заглавный листъ въ такой формѣ: „Мертвыя Души. Томъ второй. Глава..." На заглавномъ листѣ четвертой главы, ниже обычнаго заглавія, собственноручно приписано С. П. Шевыревымъ: „Списано съ черневыхъ тетрадей, найденныхъ послѣ покойнаго Гоголя". Рукою писаря и на заглавномъ листѣ первой главы сдѣлана подпись: „Списокъ съ черневыхъ тетрадей покойнаго Гоголя". На заглавныхъ листахъ прочихъ главъ этой приписки нѣтъ. Заключающійся въ этихъ тетрадяхъ текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ" не совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ тѣмъ текстомъ, который представляютъ копіи этого произведенія (въ редакціи Шевырева), ходившія по рукамъ до напечатанія онаго Трушковскимъ.

Изъ вышеприведенной подписи на заглавномъ листѣ четвертой главы видно, что Шевыревъ считалъ найденныя имъ тетради второй части „Мертвыхъ Душъ" *черневыми*. Такими они и дѣйствительно были по отношенію къ той редакціи произведенія, которая выработана была Гоголемъ *начерно*, благодаря разновременнымъ припискамъ, дополнявшимъ и исправлявшимъ *первоначальный текстъ*, переписанный въ эти тетради набѣло. Въ предисловіи къ изданію „Сочиненій Гоголя, найденныхъ послѣ его смерти", Трушковскій высказалъ такой взглядъ на тетради второй части „Мертвыхъ Душъ": „Считаемъ долгомъ напомнить читателямъ, что пять главъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ" списаны *съ черневыхъ, давнишнихъ, тетрадей*, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія".... „Первыя четыре главы (говоритъ издатель нѣсколько ниже) идутъ съ небольшими пропусками, послѣдовательно одна за другою и, судя по почерку, можно думать, что они сохранились еще отъ перваго сожженія (въ 1845 г.); пятая же глава писана *позднѣе*, время дѣйствія въ ней раздѣлено довольно большимъ промежуткомъ времени отъ четырехъ первыхъ, и относится къ послѣднимъ главамъ втораго тома, а — кто знаетъ? — можетъ быть и къ первымъ главамъ третьяго".

[1] Трушковскій знаетъ *два* сожженія второй части «Мертвыхъ Душъ»: первое въ 1845 г., засвидѣтельствованное самимъ авторомъ (настоящаго изданія томъ IV, стр. 92), и второе — передъ самою смертью Гоголя.

П. А. Кулишъ въ свое изданіе „Сочиненій и писемъ Гоголя" внесъ *двѣ редакціи* второй части „Мертвыхъ Душъ": одну болѣе раннюю, другую — позднѣйшую. Та и другая извлечена была изъ тетрадей поэмы, найденныхъ Шевыревымъ. Первую редакцію Кулишъ получилъ, возстановивши все зачеркнутое и передѣланное въ рукописи авторомъ, т. е. выписавши первоначальный, набѣло переписанный въ эти тетради текстъ; вторая редакція составилась изъ внесенія въ незачеркнутый текстъ той же рукописи сдѣланныхъ на ней *начерно* позднѣйшихъ поправокъ, дополненій и набросковъ. Печатая извлеченныя изъ тетрадей, найденныхъ Шевыревымъ, двѣ редакціи второй части „Мертвыхъ Душъ", Кулишъ предпослалъ имъ слѣдующее съ своей стороны объясненіе: „Н. П. Трушковскій, въ предисловіи своемъ къ изданному имъ впервые второму тому „Мертвыхъ Душъ", говоритъ, что сочиненіе это дошло до насъ въ *„черневыхъ,* давнишнихъ тетрадяхъ, нечаяннымъ образомъ уцѣлѣвшихъ отъ сожженія". Но тетрадей, заключающихъ въ себѣ продолженіе „Мертвыхъ Душъ", нельзя назвать *черневыми* въ собственномъ смыслѣ слова. Онѣ были тщательно списаны самимъ Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черневой рукописи[1] и потомъ уже испещремы множествомъ разновременныхъ поправокъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ передѣланы цѣлые листы и страницы (рукопись на почтовой бумагѣ листоваго формата), въ другихъ прибавлены новыя, или измѣнены старыя строки, слова, фразы и слова; однѣ поправки сдѣланы при перепискѣ текста, другія по готовой уже рукописи; однѣ — единовременно, другія — въ нѣсколько пріемовъ и разными чернилами: черными, блѣдными, рыжими, а мѣстами и карандашомъ. Изъ всего этого видно, что Гоголь много разъ принимался исправлять и передѣлывать свое сочиненіе". Но именно это „множество разновременныхъ поправокъ", испестрившихъ переписанную набѣло рукопись второй части „Мертвыхъ Душъ", о которомъ распространяется г. Кулишъ, и превратило *тетради первыхъ четырехъ главъ* въ рукопись черневую, въ приспискахъ которой трудно даже разобраться изучающему это произведеніе. Трушковскій, обративши вниманіе на особенно многочисленныя приписки къ первой главѣ продолженія поэмы, имѣлъ основаніе сказать: „самое ея начало... поправлено и передѣлано

[1] «Кромѣ послѣднихъ листовъ, которые переписаны наскоро или написаны начерно». *Примѣчаніе П. А. Кулиша.*

столько разъ, что даже трудно рѣшить, что̀ именно выбирать". Онъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что нѣкоторыя, особенно перечеркнутыя въ рукописи мѣста „своими отрывочными предложеніями, уже показываютъ, что *это только наброски*". Поэтому Шевыревъ и за нимъ Трушковскій имѣли полное право назвать тетради первыхъ четырехъ главъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ" — *черневыми*, конечно, въ отношеніи къ той редакціи, которая на этихъ тетрадяхъ вырабатывалась путемъ *черновыхъ* приписокъ и набросковъ. Нельзя также согласиться съ г. Кулишомъ, что напечатанная имъ „*позднѣйшая*" редакція поэмы въ уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ представляетъ тотъ видъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ", „въ какомъ Гоголь желалъ представить его публикѣ"; напротивъ эта редакція даетъ *въ хаотическомъ видѣ* новый текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ", которымъ авторъ остался впослѣдствіи недоволенъ и который поэтому подвергся совершенной переработкѣ.

Совершенно вѣрно замѣчаніе г. Кулиша, что найденныя Шевыревымъ тетради второй части „Мертвыхъ Душъ" „*были тщательно списаны* самимъ Гоголемъ съ предшествовавшей имъ черновой рукописи". Но о составѣ и характерѣ этой „предшествовавшей" рукописи г. Кулишъ не могъ дать читателю никакихъ указаній, потому что она была уничтожена авторомъ. Въ бумагахъ Гоголя случайно уцѣлѣлъ небольшой обрывокъ, предшествовавшій разбираемой рукописи. Обрывокъ представляетъ верхнюю часть лѣвой половины полулиста почтовой осьмушки. Представляемъ уцѣлѣвшія на этомъ лоскуткѣ строки *одной изъ наиболѣе старыхъ редакцій* втораго тома „Мертвыхъ Душъ", заключая въ косыя скобки слова, зачеркнутыя авторомъ[1], и относя въ выноски позднѣйшія поправки и приписки, набросанныя сверху строкъ. На лицевой сторонѣ первой половины лоскутка читается[2]: „въ душѣ своей скорѣй Руск............ націи. Берданжогло даже............... кромѣ Руского. Въ лицѣ его о............. (когда онъ говорилъ) глаза его.............. хотя (вм съ тѣмъ вмѣстѣ)[3]............ желчнаго и (какъ бы)[4] озлоблен[наго]. — Онъ весьма привѣтливо и........... сказалъ, (что радъ тому): „Я радъ ос........ ѣдѣтъ не

[1] Въ прямыя скобки [ ] заключаемъ все прибавляемое нами по догадкѣ. [2] Соотвѣтствующее мѣсто въ *бѣловомъ* текстѣ найденныхъ Шевыревымъ тетрадей находится на стран. 339-й этого тома. [3] Сверху заключеннаго въ скобки приписано: „......... желчное". [4] Зачеркнутыхъ словъ: „какъ бы" уже нѣтъ въ *бѣловомъ* текстѣ тетрадей, найденныхъ Шевыревымъ (ср. выше, стр. 339).

одинъ, а съ вами. Безъ .... не послужило бы ему въ прокъ. од[инъ][1] он........ чился............ не имѣлъ бы дух........ [к]акъ вы.......“ На оборотной сторонѣ той же половины лоскутка: „...... что“, сказалъ (Берданжогло)[2]..........ня[3]. (Мы поговоримъ и потол)[куемъ][4]............... ([в]амъ, что самъ)[5] знаю. Мудрости...... .... [нем]ного[6]. — .... [э]тотъ день у насъ!“ сказала жена.. .... равнодушно Михайловъ[7], и приба[вилъ]............; „Какъ вы (думаете), Павелъ Ивано[вичъ]............ спѣху?“.... ....[у]довольствіемъ, но,..“ („Здѣсь Чичиковъ)[8]........ Несмотря на все его желаніе остат[ься]....... (ивалъ полковникъ) Кошкаревъ ....(уло къ)[9].......“ Вторая половина уцѣлѣвшаго клочка начинается уже описаніемъ наружности Кошкарева: очевидно, что нѣсколько строкъ текста, отдѣляющихъ конецъ разговора Чичикова съ Берданжогломъ отъ этого описанія[10], были помѣщены на той же второй страницѣ почтоваго листка, уцѣлѣвшія строки которой мы только что привели. Итакъ, почтовый листокъ, отъ котораго сохранился описываемый обрывокъ, не сохранилъ слѣдовъ принадлежности къ тетради; въ корнѣ обрывка также нѣтъ слѣда проколовъ для сшивки. На лицевой сторонѣ второй части обрывка находится слѣдующій текстъ. „Лицо у него было (какъ)[11].. .... Бакенбарды (были) протяну[ты].... стрункой; носъ, брови, губ[ы]...... недвижномъ положеніи[12]......... (гдѣ-то)[13] лежало подъ

---

[1] Въ рукописи сохранились только двѣ буквы: „од“, написанныя сверху слова: „он[ъ]. [2] Сверху этого, впослѣдствіи зачеркнутаго, слова приписано позднѣе: „Скудронжогло“. [3] Въ бѣловомъ текстѣ тетрадей, найденныхъ Шевыревымъ: „останьтесь денекъ у меня“. [4] Впослѣдствіи зачеркнуты слова: „Мы поговоримъ и потол —“; сверху зачеркнутаго приписано: „Вы посмотрите сами на хозя[йство]“. [5] Позднѣе зачеркнуты слова: „что самъ“; потомъ, передъ удержаннымъ словомъ: „знаю“, приписано сверху строки: „и покажу все, что“. [6] Въ тетради, найденной Шевыревымъ: „Мудрости тутъ, какъ вы увидите, никакой нѣтъ“. [7] Слово: „Михайловъ“ впослѣдствіи переправлено въ — „Платоновъ“. [8] Впослѣдствіи слова: „но“... „Здѣсь Чичиковъ“, были зачеркнуты и сверху приписано: „сказалъ Чичиковъ. „Но вотъ обстоят[ельство]“. Въ тетради, найденной Шевыревымъ: „Я съ большимъ удовольствіемъ.... Но вотъ обстоятельство“ (см. выше, стр. 340). [9] Буквы, заключенныя нами въ скобки, впослѣдствіи были зачеркнуты и сверху приписано: „помѣшанъ“. Въ позднѣйшемъ текстѣ: „Вѣдь онъ дуракъ и помѣшанъ“ (стр. 340). [10] Ср. выше, стр. 340—341. [11] Позднѣе слово „какъ“ было зачеркнуто и сверху онаго приписано: „чинно“. Въ бѣловомъ текстѣ тетради, найденной Шевыревымъ: „Лицо какое-то чинное“ (стр. 341). [12] Сверху незачеркнутаго слова: „положеніи“ впослѣдствіи приписано: „высокій бѣлый галсту[къ]“. [13] Поставленное въ скобки потомъ зачеркнуто и сверху приписано: „прежде“.

пресом[ъ] [1]...ковымъ необыкновенно при... (что удивительнѣе всего ро... всемъ, точно какъ бы порядочны[й]...[разу]мѣется, сей же часъ подпустил[ъ] ....сахъ на щетъ преобразованій ...ловно нашелъ въ его деревнѣ. Уд......вника Кашкарева ....итель". Большая часть текста, сохранившагося на этой страницѣ обрывка, зачеркнута впослѣдствіи, а сверху строкъ написанъ новый, отъ котораго уцѣлѣли слѣдующіе отрывки: „Какъ только Чичиковъ объявилъ ему, что... какъ наиобходительнѣйшій и наипоря[дочный].......... „А у васъ вездѣ[2] дѣятельность по......" — „Да могу сказать о себѣ не хвастовски .... доходахъ; но помышлять о благосостояньи.... достигнулъ той степени высшихъ побужде.... торговли, искусствъ, наукъ ....стоинства объ ......" На послѣдней страницѣ лоскутка читается слѣдующій текстъ: „канцелярій, ни отдѣльныхъ депо .... какомъ жалкомъ положеженіи счето.......койныхъ и просторныхъ больницъ .... (ныя зданія) въ какихъ дурныхъ зданіяхъ.... [г]дѣ и найдется, никакого понятія...... Архитектурѣ, о томъ чтобы...... видъ всему"... — ....алъ и наконецъ сказалъ въ себѣ: „Ну, это... [дур]акъ, съ которымъ можно объяснить[ся]....... [мер]твыхъ душъ". И объяснилъ ему, что...... [н]адобность въ такихъ-то душахъ съ....... и соблюдѐніемъ всѣхъ извѣстныхъ об[рядовъ]......... — ......алъ оче...." Сверху начальныхъ строкъ этого бѣловаго текста впослѣдствіи набросано другими чернилами: „[к]ъ нему можно приступить прямо (тоже пришла мысль). Сдѣлать кое-что....... нужно то, что вамъ совсѣмъ не нужно..... [пер]еводомъ ихъ на мое (имя въ видѣ) человѣколюбыхъ заведеній, крестьянъ"...

Сравнивая приведенные обрывки съ текстомъ соотвѣтствующихъ имъ мѣстъ въ рукописи „Мертвыхъ Душъ", найденной Шевыревымъ, не трудно замѣтить, что позднѣйшія надстрочныя приписки обрывка уже приняты въ *бѣловой текстъ* указанной рукописи. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что та редакція второй части „Мертвыхъ Душъ", отъ которой уцѣлѣлъ ничтожный лоскутокъ, предшествовала Шевыревской редакціи соотвѣтствующихъ страницъ. Въ пользу такого вывода говорятъ и собственныя имена дѣйствующихъ лицъ, сохранившіяся въ *бѣловомъ текстѣ* обрывка: *Берданжогло* и *Михайловъ*. Первая фамилія въ позднѣйшей над-

---

[1] Въ послѣдующемъ бѣловомъ текстѣ: „все какъ бы лежало дотолѣ подъ прессомъ". [2] Такъ мы читаемъ слово, написанное неразборчиво.

строчной припискѣ на томъ же обрывкѣ уже замѣнена фамиліею: „*Скудронжогло*", вторая переправлена на томъ же обрывкѣ въ фамилію: „*Платоновъ*". Эти двѣ фамиліи появляются въ первый разъ въ редакціи, которая набрасывалась начерно, сверху строкъ, на страницахъ, отъ которыхъ уцѣлѣлъ вышеописанный обрывокъ; *отсюда* фамиліи *Скудронжогло* и *Платоновъ* перешли въ *бѣловой* текстъ слѣдующей редакціи поэмы, — редакціи, сохранившейся отчасти въ найденныхъ Шевыревымъ, по смерти Гоголя, тетрадяхъ. Позднѣе, въ тѣхъ же тетрадяхъ, фамилія „Скудронжогло" замѣняется новою — *Костанжогло*[1], а фамилія *Михайловъ*, уже очень рѣдко встрѣчающаяся въ этихъ тетрадяхъ, замѣнена въ нихъ другою — „Платоновъ"[2].

При опредѣленіи хронологической послѣдовательности набросковъ и редакцій произведеній Гоголя слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на имена и фамиліи лицъ, выведенныхъ въ этихъ произведеніяхъ, потому что эти имена и фамиліи *устанавливаются* у Гоголя не вдругъ, а *постепенно*. Явленіе это можно наблюдать въ сочиненіяхъ Гоголя, начиная отъ самой ранней эпохи его творчества до послѣдняго его созданія — „Мертвыхъ Душъ". Герой повѣсти „Портретъ" въ рукописной редакціи носитъ нѣсколько, смѣняющихъ одна другую, фамилій: „Корчевъ, Коблинъ, Коблевъ, Копьевъ", на конечныхъ страницахъ — „Чертковъ"; послѣдняя фамилія удерживается печатнымъ текстомъ повѣсти. Въ повѣсти „Шинель", напечатанной въ первомъ изданіи „Сочиненій Гоголя", герой ея носитъ фамилію *Башмачкина;* въ рукописныхъ наброскахъ и редакціяхъ этого произведенія онъ называется сначала *Тишкевичъ*, потомъ *Башмакевичъ*, *Башмаковъ*. Если въ печатномъ текстѣ первой части „Мертвыхъ Душъ" провинціальный философъ носитъ имя: „Мокій Кифовичъ", а въ рукописномъ наброскѣ онъ называется „Пистъ Пистовичъ", то мы имѣемъ основаніе заключить, что рукописный набросокъ *предшествовалъ* тексту, принятому въ печатное изданіе поэмы, даже въ томъ случаѣ, если бы не было другихъ доказательствъ въ пользу такой хронологической послѣдовательности рукописнаго и печатнаго текста. Въ совершенно отдѣланныхъ начальныхъ главахъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ", изъ которыхъ первая получила даже, по признанію самого автора, послѣдній ударъ кисти[3], окончательно

---

[1] Ср. въ 4-мъ томѣ, прим. 1-е къ стр. 350, 355. [2] Ср. въ этомъ томѣ прим. 2 къ стр. 348, пр. 5 къ стр. 364. [3] Русскій Архивъ 1878, II, 54.

установившеюся фамиліею владѣльца живописнаго „закоулка" является фамилія „Тѣнтѣтникова". Объ этомъ свидѣтельствуютъ слышавшіе чтеніе этихъ главъ авторомъ въ 1849 году — Липранди и А. О. Смирнова, въ томъ же году и въ 1850 г. — С. Т. и И. С. Аксаковы, свидѣтельствуетъ наконецъ и самъ авторъ, который, возвратившись въ Москву изъ Калуги, гдѣ происходило чтеніе этихъ главъ, пишетъ А. О. Смирновой, намекая на первую главу: „Кланяется Вамъ *Тентетниковъ*"[1]. Та же фамилія *неизмѣнно* повторяется и въ первыхъ четырехъ главахъ второй части „Мертвыхъ Душъ", переписанныхъ нѣкогда набѣло въ тетради, найденныя Шевыревымъ по смерти автора. Но въ послѣдней изъ найденныхъ тетрадей вмѣсто позднѣйшей фамиліи: „Тѣнтѣтниковъ", стоитъ еще первоначальная: „Дѣрпѣнниковъ". Изъ этого мы имѣемъ полное право вывести заключеніе, что *послѣдняя* изъ найденныхъ Шевыревымъ тетрадей второй части поэмы написана *ранѣе* остальныхъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ то въ полномъ, то въ неполномъ видѣ, четыре главы съ твердо установившеюся уже фамиліею — „Тѣнтѣтникова". Это не единственное доказательство болѣе ранняго происхожденія послѣдней тетради сравнительно съ предшествующими: и другія имена и фамиліи дѣйствующихъ лицъ являются въ ней *неустановившимися окончательно*. Хлобуевъ въ основномъ текстѣ послѣдней тетради зовется еще „Петръ Петровичъ"; въ позднѣйшихъ приписках, сдѣланныхъ на этой же тетради не ранѣе 1848 года[2], Хлобуевъ именуется уже „Семеномъ Семеновичемъ"[3]. Костанжогло, называющійся *въ основномъ, или бѣловомъ текстѣ* четвертой главы „Скудронжогло", въ послѣдней тетради носитъ еще фамилію самой ранней редакціи — „Гоброжогло"; но уже въ этой же послѣдней тетради, появляется и фамилія „Бердажогло", которая въ нѣсколько измѣненной формѣ (Берданжогло) находится въ *первоначальномъ* текстѣ вышеописаннаго лоскутка, оторваннаго отъ листка довольно ранней редакціи втораго тома „Мертвыхъ Душъ". На этомъ лоскуткѣ сверху зачеркнутой фамиліи „Берданжогло" уже появляется новая — „Скудронжогло", которая и стоитъ уже *твердо* въ основномъ текстѣ четвертой главы, найденной Шевыревымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что *самую раннюю* редакцію текста второй части „Мертвыхъ Душъ" представляетъ *послѣдняя* изъ найденныхъ Шевыревымъ тетрадей поэмы;

[1] Сочиненія и письма Гоголя VI, 491. [2] Ср. настоящаго изданія томъ IV, стран. 564. [3] Тамъ же, стран. 382.

за этою тетрадью, въ хронологической послѣдовательности, долженъ быть поставленъ небольшой вышеприведенный обрывокъ, составляющій переходное звено отъ редакціи послѣдней тетради къ тѣмъ начальнымъ главамъ, которыя вписаны набѣло въ остальныя тетради. Послѣдняя тетрадь по бумагѣ, почерку и черниламъ, которыми она написана, такъ рѣзко отличается отъ предшествующихъ тетрадей, что поверхностнаго взгляда на нее достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что она написана *не въ одно время* съ остальными[1]. Трушковскій полагалъ, что она написана „*позднѣе* другихъ", основываясь, кажется, только на томъ, что „время дѣйствія въ ней (пятой главѣ) раздѣлено довольно большимъ промежуткомъ времени отъ четырехъ первыхъ, и относится къ *послѣднимъ* главамъ втораго тома, а кто знаетъ? можетъ быть и къ первымъ главамъ третьяго". Но это основаніе падаетъ само собою, когда припомнимъ свидѣтельство Анненкова, что вторая часть „Мертвыхъ Душъ" *вчернѣ* была окончена еще въ 184$^1/_2$ году. Трушковскій успѣлъ замѣтить, что „самый почеркъ ея (послѣдней тетради), нѣсколько *дрожащій,* отличенъ отъ четырехъ первыхъ". Въ этомъ замѣчаніи позволяемъ себѣ видѣть новое доказательство ранняго происхожденія этой тетради: почеркъ Гоголя въ послѣдніе годы его жизни отличался разборчивостью, совершенной ясностью и опредѣленностью каждой буквы: онъ писалъ неторопливо, какъ бы съ прописи, ничего „дрожащаго" не было тогда въ его почеркѣ[2]. Кулишъ замѣчаетъ, что листы послѣдней тетради „переписаны наскоро, или написаны начерно"[3]. Въ самомъ дѣлѣ, эта тетрадь представляетъ *черновой, первоначальный набросокъ* какой-то главы, сохраняющій вполнѣ характеръ всѣхъ первоначальныхъ набросковъ Гоголя: весь *основной*[4] текстъ тетради писанъ быстро;

---

[1] Нижняя часть приложеннаго къ этому тому снимка представляетъ почеркъ послѣдней тетради, верхняя — первой. [2] Ср. въ первомъ томѣ настоящаго изданія снимокъ съ послѣдняго письма Гоголя къ Жуковскому, № 3. Въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь выработалъ себѣ очень крупный, твердый и разборчивый почеркъ. Припомнимъ его замѣчаніе въ письмѣ къ Шевыреву (1844 г.): «Извини, что пишу дурно и часто ошибаюсь. Говорятъ, что человѣкъ, который самъ еще не устроился и воспитывается, имѣетъ и самый почеркъ неутвердившійся» (Сочиненія и письма Гоголя VI, 127). [3] Сочиненія и письма Гоголя IV, 257. [4] Подъ *основнымъ* текстомъ мы разумѣемъ тотъ, который отнесенъ нами къ первой редакціи этой главы и *весь,* цѣликомъ, напечатанъ въ этомъ томѣ; вновь сочиненный текстъ главы (неполный, а частичный) набросанъ сверху строкъ основнаго впослѣдствіи другими рѣзко-черными чернилами.

окончанія многихъ словъ не дописаны; нѣкоторыя слова написаны такъ неразборчиво, что ихъ трудно прочитать; многія слова совсѣмъ пропущены [1]; два слова иногда слиты въ одно [2]. Обращаемъ особенное вниманіе на то, что многія слова и фразы зачеркнуты на ходу письма, т. е. передѣланы во время составленія и написанія фразы, и потому замѣнены новыми не сверху зачеркнутыхъ словъ и фразъ, а *рядомъ съ ними*. Напр., написавши фразу: „*Ею* порученье, *какъ вижу, не безъ смыслу*“, авторъ зачеркиваетъ слова, напечатанныя курсивомъ, и *сверху* перваго слова приписываетъ: „Онъ далъ мнѣ это“, а *рядомъ* съ зачеркнутыми послѣдними пишетъ: „вѣрно обдумавши“. Только что написавши: „знаете лучше насъ, людей“, авторъ зачеркиваетъ послѣднее слово и пишетъ въ строку: „близорукихъ людей“. Написавши начало фразы: „Князь устрем“, Гоголь зачеркиваетъ написанное, не дописавши послѣдняго слова, и пишетъ въ ту же строку: „Женщина“, произнесъ князь“. Написавши: „Вы́ въ жизнь *не сдѣлали*“, авторъ зачеркиваетъ два послѣднія слова и въ ту же строку продолжаетъ писать: „я думаю, не сдѣлали небезчестнаго дѣла“. Написавши: „Ваше сіятельство“, *сказалъ*“, — Гоголь зачеркиваетъ послѣднее слово и въ ту же строку пишетъ: „кричалъ“. Такого рода поправки, сдѣланныя въ срединѣ строки, непосредственно за зачеркнутымъ словомъ, встрѣчаются на всемъ протяженіи главы. Нерѣдки стилистическія поправки и дополненія и сверху строкъ, но онѣ сдѣланы тѣмъ же почеркомъ и тѣми же чернилами, какими написанъ основной текстъ главы и, несомнѣнно *одновременно съ текстомъ* [3]. Въ двухъ мѣстахъ текстъ обрывается въ самомъ началѣ фразы [4]. Полагаемъ, что вся эта послѣдняя тетрадь восходитъ къ 1841-му году, когда начальныя главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ были уже настолько обработаны, что авторъ могъ, въ концѣ 1841-го или въ началѣ 1842 г. приступить къ перепискѣ ихъ набѣло, а дальнѣйшія главы набрасывались начерно. Тетрадь не имѣетъ заглавія, которое указывало бы мѣсто этого наброска въ ряду другихъ главъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, слѣдов. относится къ такому періоду работы, когда авторъ не могъ еще опредѣлить мѣста,

---

[1] Доказательства сказанному находятся ниже въ «примѣчаніяхъ и варіантахъ» къ страницамъ 376—405. [2] Напр. вмѣсто: «Афанасій Васильевичъ» написано: «Афасильевичъ». Ср. 9-е примѣч. къ стран. 398-й. [3] Эти *поправки* слѣдуетъ отличать отъ *новаго текста*, написаннаго также сверху строкъ, но лишь впослѣдствіи и другими чернилами. [4] См. выше, стр. 405 и 7-е примѣчаніе къ этой страницѣ.

которое долженъ былъ занять этотъ набросокъ въ цѣломъ произведеніи. Неозаглавленная и незанумерованная глава вписана въ несшитую тетрадь, состоящую изъ одиннадцати цѣльныхъ листовъ *гладкой бѣлой* почтовой бумаги формата большой четвертки. Первые девять листовъ тетради вложены одинъ въ другой, такъ что на первомъ полулистѣ начальнаго листа написаны страницы 101-я и 102-я; второй полулистъ того же листа пустой и составляетъ какъ бы заднюю часть обертки всей тетради. Если вынуть листы изъ состава тетради и разсматривать каждый отдѣльно, то окажется, что на второмъ листѣ помѣщены страницы 103-я и 104-я (на первой половинѣ листа) и страницы 131-я и 132-я (на второй); на третьемъ листѣ стр. 105 и незанумерованная и стр. 129—130; на первой половинѣ четвертаго листа одна страница незанумерованная и 106-я страница, на второй половинѣ того же листа страницы 127—128; на пятомъ листѣ написаны страницы 107—108 и страницы 125—126; на шестомъ страницы 109—110 и стран. 123—124; на седьмомъ — страницы 111—112 и стран. 121—122; на восьмомъ — стр. 113—114 и стр. 119—120; на девятомъ, занимающемъ средину тетради, написаны страницы 115—118. Сложивши эти девять листовъ въ порядкѣ страницъ, получаемъ тетрадь, заключающую въ себѣ тридцать четыре перенумерованныя страницы текста (считая двѣ незанумерованныя) и двѣ пустыя страницы. Между послѣднею (132-ю) страницею текста и пустою вложены два цѣльныхъ листа, 10-й и 11-й, такой же почтовой бумаги, текстъ которыхъ не представляетъ непосредственнаго продолженія текста предъидущихъ страницъ. Текстъ 132-й стр. оканчивается слѣдующими строками: „какъ радовался онъ, когда предъ нимъ распутывалось запутаннѣйшее дѣло. Зато....“ [1]. Послѣднее слово стоитъ въ срединѣ строки, *которая не дописана.* На первомъ изъ вложенныхъ листовъ помѣщены стр. 133—134 и стр. 139—140; на второмъ — стр. 135—138. Текстъ 133-й стр. начинается обрывкомъ фразы: „хлѣбомъ въ мѣстахъ, гдѣ голодъ“ [2]. На послѣдней пустой страницѣ написано, для пробы пера: „но правда ваша, правда.. возвратнаго. приславля. *троичное пѣніе.* траснов. Правда и харак. Прав.“

Найденные Шевыревымъ, по смерти Гоголя, тетради и отдѣльные поллисты, сохранившіе текстъ начальныхъ четырехъ главъ

---

[1] Ср. выше, стр. 405. [2] См. тамъ же.

втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, рѣзко отличаются своею внѣшностью отъ черновой тетради неозаглавленной главы, только что описанной нами. Первыя четыре главы переписаны были *набѣло* тщательнымъ, очень разборчивымъ почеркомъ въ тетради *шероховатой*, *желтой* почтовой бумаги формата большой четвертки. Характеръ письма во всѣхъ этихъ тетрадяхъ и отдѣльныхъ листкахъ одинъ и тотъ же до страницы 93 рукописи. Начиная съ этой страницы почеркъ замѣтно мѣняется, чернила чернѣе; новый характеръ письма удерживается на страницахъ 93—100. Первоначальная связь во всѣхъ четырехъ тетрадяхъ, сохранившихъ въ отрывочномъ видѣ текстъ начальныхъ четырехъ главъ, нарушена: нѣкоторые листы вырѣзаны изъ тетрадей и замѣнены другими, иные листы совсѣмъ потеряны.

Чтобы опредѣлить первоначальную связь нынѣ разрозненныхъ полулистовъ рукописи и выяснить себѣ объемъ тетрадей, къ которымъ они принадлежали, мы руководствовались слѣдующими пріемами. 1) Прежде всего мы выдѣляли изъ тетради листъ центральный, т. е. занимающій въ ней средину, на которомъ всѣ четыре страницы идутъ въ послѣдовательномъ порядкѣ. 2) Далѣе, мы вычисляли, сколько уцѣлѣло въ тетради полулистовъ въ направленіи отъ срединнаго листа къ началу и къ концу тетради, отмѣчая въ то же время, сохранились ли эти полулисты въ видѣ цѣльныхъ листовъ или дошли до насъ въ видѣ отдѣльныхъ полулистовъ, будучи разрѣзаны пополамъ. 3) Такъ какъ для соединенія въ тетрадь, листы были вложены одинъ въ другой, то мы обратили особенное вниманіе на нумерацію страницъ, которыя находятся на каждомъ развернутомъ листѣ, если его извлечь изъ состава тетради. 4) Наблюденіе, надъ непрерывностью текста при переносѣ онаго съ одного поллиста на другой служило важнымъ средствомъ при возстановленіи первоначальной связи дошедшихъ до насъ листковъ втораго тома „Мертвыхъ Душъ“.

Руководствуясь вышеизложенными пріемами при изслѣдованіи этихъ листовъ, мы пришли къ несомнѣнному выводу, что *каждая тетрадь*, въ которую переписывалась *набѣло ранняя редакція* втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, *состояла изъ восьми листовъ*, или 16 поллистовъ. Установивши этотъ фактъ и сгруппировавши по тетрадямъ разрозненные листы и поллисты, найденные Шевыревымъ по смерти Гоголя и давшіе печатный текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ“, мы должны были прійти къ заключенію, что

Шевыревымъ найдены были *четыре разрозненныя и подвергшіяся вырѣзкамъ тетради,* восполненныя кое-гдѣ листами изъ тетрадей *другой* редакціи того же произведенія. Страницы рукописи перенумерованы были Шевыревымъ по приведеніи въ извѣстность всѣхъ найденныхъ листовъ и тетрадей; этой нумераціи мы будемъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи. Цифры поставлены Шевыревымъ почти всегда сверху страницъ, изрѣдка на поляхъ рукописи. Описанію отдѣльныхъ тетрадей предпосылаемъ общую таблицу, наглядно показывающую состояніе тетрадей въ настоящее время.

Тетрадь первая[1].

листъ 1-й	листъ 2-й	листъ 3-й	листъ 4-й	листъ 5-й	листъ 6-й	листъ 7-й	листъ 8-й
У/У + 27/28	0/0 + 25/26	1/2 + 23/24	3/4 + 21/22	5/6 + 19/20	7/8 + 17/18	9/10 + 15/16	11/12 + 13/14

Тетрадь вторая.

листъ 1-й	листъ 2-й	листъ 3-й	листъ 4-й	листъ 5-й	листъ 6-й	листъ 7-й	листъ 8-й
29/30 + У/У	31/32 + У/У	33/34 + У/У	35/0 + У/У	36/37 + У/У	38/39 + У/У	40/41 + У/У	42/43 + 44/45

Тетрадь третья[2].

листъ 1-й	листъ 2-й	листъ 3-й	листъ 4-й	листъ 5-й	листъ 6-й	листъ 7-й	листъ 8-й
46/47 + 64/65	48/49 + 62/63	50/51 + 60/61	52/53 + 58/59	54/55 + 56/57	66/67 + У/У	68/69 + У/У	70/71 + У/У

Тетрадь четвертая.

листъ 1-й	листъ 2-й	листъ 3-й	листъ 4-й	листъ 5-й	листъ 6-й	листъ 7-й	листъ 8-й
72/73 + 99/100	У/У + У/У	74/75 + 95/96	76/77 + 93/94	78/79 + 91/92	80/? + 89/90	81/82 + 87/88	83/84 + 85/86

---

[1] Ограниченное вертикальными чертами отдѣленіе заключаетъ въ себѣ указаніе на состояніе цѣльнаго развернутаго листа. Первая дробь указываетъ страницы передней, вторая — задней половины *одного и того же* листа. Цифра, поставленная на мѣстѣ числителя, означаетъ первую (лицевую) страницу каждаго поллиста; цифра, стоящая на мѣстѣ знаменателя, указываетъ вторую страницу того же поллиста. Знакомъ + отмѣчается принадлежность двухъ поллистовъ къ одному и тому же листу. Буквою У означены *утраченныя* страницы; цифрою 0 — страницы пустыя или незанумерованныя Шевыревымъ. Листы, для составленія тетради, вложены одинъ въ другой. Счетъ въ таблицѣ идетъ не поллистами, или страницами, а цѣльными листами, начиная съ перваго листа, представляющаго двѣ первыя и двѣ послѣднія страницы тетради; при такомъ порядкѣ послѣднимъ листомъ оказывается занимающій въ тетради средину. [2] Въ третьей тетради листы, ее составляющіе, не вложены одинъ въ другой, какъ въ остальныхъ тетрадяхъ; эта тетрадь состоитъ изъ двухъ тетрадей; въ первой изъ нихъ пять листовъ, во второй — три; поэтому листъ, занимающій средину тетради, пришелся не въ послѣдней графѣ, а въ пятой.

Первая тетрадь состояла изъ восьми полныхъ листовъ и, по нумераціи, сдѣланной впослѣдствіи Шевыревымъ, оканчивалась 28-ю страницею текста: два первые поллиста тетради, повидимому, оставлены были *пустыми*. Отъ первоначальнаго состава тетради уцѣлѣло *три полныхъ листа* — именно по вышенапечатанной таблицѣ листы: 4-й, 5-й и 8-й (т. е. страницы 3—4, 5—6, 11—14, 19—20, 21—22) и *три задніе поллиста*, отрѣзанные отъ 3-го, 6-го и 7-го листовъ (т. е. страницы 15—16, 17—18 и 23—24). Остальныя страницы первой тетради вставлены въ нее позднѣе уже на вставочныхъ листахъ и поллистахъ. Такъ, отъ перваго, втораго и третьяго листа описываемой тетради авторъ отрѣзалъ переднія половины и, оставивши заднія половины перваго и втораго листа не восполненными спереди, приклеилъ къ узкой полосѣ корня третьяго листа (стр. 23—24) спереди *цѣльный листъ*. На полоскѣ корня видны изъ прежняго отрѣзаннаго текста кое-какія буквы и одно цѣльное слово: „солнцѣ“. Первыя двѣ страницы подклееннаго спереди листа оставлены пустыми $\left(\frac{0}{0}\right.$ во второмъ столбцѣ таблицы); слѣдующія двѣ $\left(\frac{1}{2}\right.$ въ третьемъ столбцѣ) заняты началомъ первой главы включительно до словъ: „какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце“. Двѣ вклеенныя страницы писаны разгонистымъ, небрежнымъ почеркомъ, рѣзко отличающимся отъ письма первой тетради. Заглавія главъ: второй, третьей и четвертой написаны *однимъ и тѣмъ же* красивымъ, продолговатымъ, нѣсколько вычурнымъ письмомъ, которое Гоголь любилъ употреблять въ заглавіяхъ. На первой изъ подклеенныхъ страницъ надпись: „Глава 1“, сдѣлана безъ всякихъ затѣй, небрежнымъ скорописнымъ письмомъ. Позднѣйшее происхожденіе подклееннаго текста замѣтно съ перваго взгляда.

Итакъ, на страницахъ 1—2 написанъ текстъ *новой* обработки этого мѣста. Отрѣзанный же отъ третьяго листа передній поллистъ, съ болѣе раннимъ текстомъ начала первой главы, не сохранился въ бумагахъ автора, и потому отношеніе прежняго текста отрѣзанныхъ страницъ ко вновь написанному не можетъ быть опредѣлено. Слѣдующіе два листа описываемой тетради (четвертый и пятый) сохранились въ цѣльномъ видѣ. Изъ помѣщенной выше таблицы видно, что если развернуть каждый изъ нихъ отдѣльно, то на четвертомъ листѣ найдемъ страницы 3—4 (на передней половинѣ листа) и страницы 21—22 (на задней), на пятомъ листѣ страницы 5—6 (на первой половинѣ листа) и страницы 19—20

(на второй). На нихъ написанъ текстъ болѣе ранней редакціи; онъ начинается съ третьей страницы, словами: „поворотахъ. За лугами пѣски, за пѣсками мѣловыя отлогія“. Предшествующая страница, съ новымъ текстомъ, подклеенная, какъ мы видѣли, впослѣдствіи, оканчивается фразою: „какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце“. Эту фразу новой редакціи мѣста Гоголь привелъ въ связь съ только-что выписанными начальными строками слѣдующей страницы (т. е. съ прежнимъ текстомъ), зачеркнувши пять начальныхъ строкъ третьей страницы и набросавши сверху зачеркнутаго двѣ строки, связавшія новый и прежній текстъ въ этомъ мѣстѣ. Соединительный набросокъ уже самымъ цвѣтомъ чернилъ выдаетъ свое позднѣйшее происхожденіе[1].

Кромѣ указанныхъ страницъ (3—6, 19—24) уцѣлѣли отъ первоначальнаго состава тетради страницы 11—18. Изъ этихъ страницъ 11—12-я и 13—14-я написаны на цѣльномъ листѣ, составлявшемъ средину тетради; а страницы 15—16 и 17—18 помѣщены на двухъ *отдѣльныхъ* поллистахъ, у которыхъ отрѣзаны *переднія* половины: отъ послѣднихъ остались въ корнѣ узкія полоски; на одной изъ полосокъ уцѣлѣли кое-гдѣ буквы стараго текста. Въ корнѣ того и другаго поллиста видны три прокола иглою, совершенно соотвѣтствующіе проколамъ цѣльныхъ листовъ тетради. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что отъ шестаго листа тетради (по нашей таблицѣ) отрѣзанъ былъ первый поллистъ съ страницами 7—8; отъ седьмаго листа — также передній поллистъ съ страницами 9—10. Взамѣнъ этихъ двухъ вырѣзанныхъ изъ тетради поллистовъ, въ тетрадь вложенъ *цѣльный листъ*, на которомъ и помѣщены въ позднѣйшей переработкѣ страницы 7—10. Этотъ вставочный листъ вложенъ, а не вшитъ въ тетрадь; поэтому, въ корнѣ онаго нѣтъ трехъ проколовъ иглою, которые видны на всѣхъ листахъ и поллистахъ первой тетради. Но вложенный листъ обнаруживаетъ принадлежность къ другой несшитой тетради, въ которую также была вписана первая глава въ отличномъ отъ нашего текста видѣ. *Ни начало, ни конецъ новаго текста, написаннаго на этомъ вложенномъ листѣ (стр. 7—10), сначала не стояли въ связи съ основнымъ текстомъ* тетради, въ которую вложенъ листъ. Такъ, седьмая страница (первая на вложенномъ листѣ) начинается

---

[1] Ср. на приложенномъ къ этому тому снимкѣ верхнюю часть, т. е. „М. Д. П, I“.

словами: „Учителей у него было немного“ [1]; а на предшествующей страницѣ основной текстъ тетради обрывается неконченною фразою: „не истребляетъ ихъ, но всматривается внимательно, желая узнать досто....“ Авторъ и здѣсь устанавливаетъ связь между прежней и второй редакціею мѣста, зачеркнувши первыя строки седьмой страницы и написавши сверху зачеркнутаго: „— вѣрно, что̀ заключено внутри человѣка“ [2]. Десятая (т. е. послѣдняя) страница вложеннаго листа оканчивается такъ: „Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ подчеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ. Что безъ это (sic!) не попадешь ни въ министры, ни въ государственные (люди =) совѣ“. Слѣдующая страница начинается такими словами основнаго текста: „нельзя попасть, не пріобрѣтя прежде порядочнаго, хорошаго, хорошаго подчерка“. Итакъ, текстъ, написанный на страницахъ 9—10 вложеннаго листа, начинается словами. „Учителей у него было немного“, и оканчивается такъ: „Онъ объявилъ, что главное дѣло въ хорошемъ подчеркѣ, а не въ чемъ-либо другомъ, что безъ этого не попадешь ни въ министры, ни въ государственные [люди]“ (ср. выше, стр. 284—287). Слѣдовательно, заключенный въ этихъ границахъ текстъ подвергся *новой* переработкѣ въ разсматриваемой тетради втораго тома „Мертвыхъ Душъ“. На десятой страницѣ текстъ сначала не захватывалъ поля страницы, потомъ авторъ сталъ писать и на полѣ, чтобы умѣстить новый текстъ на 10-й страницѣ, не перенося на слѣдующую.

Отъ второй тетради, состоявшей первоначально изъ восьми листовъ, уцѣлѣлъ только *одинъ цѣльный листъ* — восьмой, занятый страницами 42—43, 44—45. Онъ составлялъ средину тетради: отъ него къ началу и къ концу тетради шло, на каждую сторону, по семи поллистовъ. Предшествующія срединному листу половины листовъ: 1-го, 2-го, 3-го, 4-го, 5-го, 6-го и 7-го второй тетради (т. е. страницы 29—41) сохранились, но заднія половины этихъ листовъ отрѣзаны и не замѣнены другими, потому въ помѣщенной выше таблицѣ отмѣчены буквою *У*, т. е. утраченными. Между послѣдней страницею первой тетради (28-ю) и первой страницею второй нѣтъ перерыва текста. Первые семь поллистовъ второй тетради имѣютъ въ корнѣ три прокола иглою, какъ и непосредственно слѣдующій за ними цѣльный восьмой листъ. На передней страницѣ четвертаго поллиста (т. е. 35-й) оконченъ текстъ первой

---

[1] См. выше, стр. 284. [2] Ср. третье примѣчаніе къ стр. 284.

главы; оборотная страница того же поллиста пустая и потому незанумерована: она отмѣчена въ нашей таблицѣ цифрою 0. Изъ предшествующаго обозрѣнія листовъ первой и второй тетради видно, что основной, переписанный набѣло текстъ первой главы занималъ двадцать восемь страницъ въ первой тетради и семь страницъ во второй. Изъ этого числа въ первой тетради вырѣзано было шесть страницъ текста (1—2, 7—10); онѣ замѣнены были новыми; во второй тетради нѣтъ вставочныхъ, или замѣнительныхъ листовъ, т. е. основной текстъ остался безъ перемѣнъ.

Текстъ второй главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ" начинается во второй тетради *на тридцать шестой страницѣ*, т. е. на лицевой страницѣ пятаго поллиста[1] и занимаетъ въ этой тетради десять страницъ (36—45). На трехъ поллистахъ, отрѣзанныхъ (какъ и шесть предшествующихъ) по самому сгибу листа и поэтому не захватившихъ буквъ изъ второй половины листа, написаны страницы 36—41, на цѣльномъ листѣ — страницы 42—45. Послѣдняя страница, исписанная до самаго низу, оканчивается словами: „И генеральскій смѣхъ пошелъ отдаваться вновь по генеральскимъ покоямъ"[2]. Послѣ этой страницы утрачено, какъ мы видѣли, семь послѣднихъ поллистовъ тетради, т. е. 14 страницъ. Но этимъ не ограничивается число потерянныхъ листовъ второй главы, объемъ которой, даже въ ранней редакціи, находящейся въ описываемой рукописи, можетъ быть опредѣленъ съ совершенною точностію. Въ тетрадяхъ, найденныхъ Шевыревымъ, третья глава начинается разсказомъ о выѣздѣ Чичикова къ родственникамъ генерала Бе-

[1] Лицевыя страницы въ тетрадяхъ и книгахъ всегда отмѣчаются, при нумераціи, нечетными числами. Въ настоящемъ случаѣ встрѣчаемъ исключеніе изъ этого правила: первая страница 2-й главы, помѣщенная на лицевой сторонѣ перваго изъ трехъ поллистовъ, помѣчена цифрою 36. Это произошло отъ того, что предшествующая ей пустая страница (послѣдняя во второй тетради) не занумерована; цифру 36 слѣдовало бы поставить на этой страницѣ. Вслѣдствіе такого отступленія отъ обычнаго счета и помѣты страницъ, послѣдняя (оборотная) страница цѣльнаго листа помѣчена цифрою 45, тогда какъ при зачетѣ пустой страницы, она должна бы получить правильную помѣту — цифрою 46. [2] См. выше, стр. 321 и 2-е примѣч. къ этой страницѣ въ «Примѣчаніяхъ и варіантахъ». Арнольди въ своей статьѣ: «Мое знакомство съ Гоголемъ», говоритъ: «Хохотомъ генерала Бетрищева оканчивалась эта (вторая) глава, а за нею слѣдовала другая, въ которой описанъ весь день въ генеральскомъ домѣ» (Русскій Вѣстникъ 1862, январь, стр. 75). Это замѣчаніе Арнольди основано на *печатномъ* текстѣ втораго тома «Мертвыхъ Душъ» и опровергается рукописью этого произведенія, въ которой третья глава открывается выѣздомъ Чичикова къ родственникамъ генерала.

трищева для объявленія имъ о помолвкѣ Улиньки: „Нѣтъ, я не такъ", говорилъ Чичиковъ, очутившись опять среди открытыхъ полей и пространствъ"[1]. Вторая глава, по свидѣтельству всѣхъ лицъ, слышавшихъ ея чтеніе въ позднѣйшей редакціи, начиналась разсказомъ о пріѣздѣ Чичикова къ генералу Бетрищеву и оканчивалась сборами къ той поѣздкѣ, которою открывается въ разбираемой рукописи третья глава. Между этими крайними пунктами второй главы тянулся длинный разсказъ, обнимавшій: пріѣздъ Тентетникова къ Бетрищеву, обѣдъ у генерала, объясненіе Улиньки съ отцомъ, согласіе послѣдняго на бракъ дочери съ Тентетниковымъ, прогулка жениха въ саду, встрѣча его здѣсь съ Чичиковымъ, обѣщаніе фиктивно перевести на имя Павла Ивановича всѣ принадлежащія ему души, совѣщаніе въ домѣ генерала, какъ объявить роднымъ о помолвкѣ Улиньки, принятіе Чичиковымъ этой обязанности на себя и сборы его въ дорогу. Нельзя допустить, чтобы всѣ эти подробности пересказаны были Гоголемъ на тѣхъ семи заднихъ поллистахъ, которые были отрѣзаны отъ второй тетради: на 14 страницахъ не могъ умѣститься такой длинный разсказъ. Необходимо предположить, что отъ второй главы, кромѣ семи поллистовъ, утеряна цѣлая тетрадь, служившая имъ продолженіемъ. Эта тетрадь, несомнѣнно, состояла такъ же, какъ и всѣ остальныя, изъ восьми листовъ, хотя, конечно, нельзя утверждать, что всѣ страницы въ ней были исписаны текстомъ. Третья глава начата уже въ новой тетради. Такъ опредѣляется приблизительный объемъ утраченной части текста второй главы. Если высказанныя нами соображенія вѣрны, то бѣловой текстъ второй главы въ разбираемой рукописи занималъ 40 или 42 страницы, — немного болѣе текста первой главы.

Нынѣшняя третья тетрадь рукописи состояла также изъ восьми листовъ; но они были сложены и сшиты не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ листы остальныхъ тетрадей. Въ двухъ остальныхъ тетрадяхъ (первой и второй) листы вложены одинъ въ другой и потомъ сшиты; третья тетрадь была сшита изъ двухъ тетрадей, слѣдовавшихъ одна за другой: первая изъ нихъ заключала въ себѣ пять листовъ (стр. 46—65), вторая три листа. Въ цѣльномъ видѣ сохранились первые пять листовъ; отъ послѣднихъ трехъ, имѣющихъ въ корнѣ три прокола иглою, отрѣзаны заднія половины, такъ что въ на-

[1] См. выше, стр. 321.

стоящее время тетрадь оканчивается 71-ю страницею. На лицевой страницѣ перваго листа третьей тетради (т. е. на стр. 46-й) начата *третья глава*. Текстъ этой главы не умѣстился въ третьей тетради; онъ продолжается безъ перерыва въ четвертой и занимаетъ значительную ея часть.

Четвертая тетрадь состояла также изъ восьми листовъ; по нумераціи Шевырева она начинается 72-ю страницею. Въ ней недостаетъ теперь цѣлаго втораго листа, передняя половина котораго непосредственно слѣдовала за 73-ю страницею (т. е. за начальнымъ поллистомъ тетради), а задняя предшествовала страницѣ 99-й (т. е. послѣднему поллисту). Страница 73-я оканчивается словами: „какъ поступить, какъ лучше приняться"; а слѣдующая (нынѣшняя 74-я) начинается такъ: „Имѣнье, за которое если бъ онъ запросилъ"[1]. Итакъ утраченный между этими страницами текстъ[2] занималъ двѣ страницы, помѣщенныя на передней половинѣ недошедшаго до насъ втораго листа. Страница 96-я описываемой тетради оканчивается недописаннымъ словомъ: „Все зависитъ отъ посредника. Письмен—". Слѣдующая за нею страница, помѣченная 99-ю, начинается словами: „что и для васъ самихъ будетъ очень выгодно перевесть, напримѣръ, на мое имя"[3]. Въ этомъ мѣстѣ также слѣдуетъ предположить утрату двухъ страницъ, помѣщенныхъ на задней половинѣ потеряннаго втораго листа[4]. Вмѣсто утраченнаго поллиста передъ 99-ю страницею въ тетрадь вложенъ вырѣзанный изъ другой тетради поллистъ, первую страницу котораго Шевыревъ занумеровалъ цифрою 97, вторую — цифрою 98. Текстъ этого поллиста[5] представляетъ на самомъ дѣлѣ переписанную набѣло *позднѣйшую* редакцію страницъ 99-й и 100-й[6]. Такъ, на страницѣ 100-й рукописи зачеркнуто *карандашомъ* слѣдующее мѣсто: „Золотой возрастъ!" сказалъ онъ — „онъ и себя не позабылъ (наградить)" (см. выше стр. 376). Въ текстѣ вложеннаго листа этого мѣста уже нѣтъ. Поправки, сдѣланныя на стр. 99-й и 100-й желтыми чернилами и карандашомъ, сверху зачеркнутыхъ

---

[1] См. выше, стр. 350. [2] Ср. первое примѣчаніе къ 150-й страницѣ въ «Примѣчаніяхъ и варіантахъ». [3] См. выше, стр. 374. [4] Ср. третье примѣчаніе къ страницѣ 374. [5] На вложенномъ поллистѣ (стр. 97—98) текстъ начинается словами: «и наблюдая особенно, чтобъ это было втайнѣ»; оканчивается: «вамъ нужна земля, не такъ ли?» [6] На страницѣ 100-й рукописи текстъ оканчивается словами: «Почему жъ, въ самомъ дѣлѣ, не исполнить его просьбы, если ужъ такое его желаніе?» (см. выше, стр. 376).

словъ прежняго текста, внесены въ новый текстъ, переписанный на стр. 97—98. Такъ, на стр. 99—100-й написанъ былъ набѣло слѣдующій текстъ: „(Въ это время, точно какъ будто затѣмъ, чтобы помочь горю), вошла въ комнату молодая курносинькая хозяйка, супруга Лѣницына, и блѣдная, и худинькая, какъ всѣ петербургскія дамы, и одѣтая со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы). За нею былъ вынесенъ мамкой на рукахъ ребенокъ-первенецъ, плодъ нѣжной любви недавно бракосочетавшихся супруговъ. (Чичиковъ подошелъ, разумѣется, подошелъ (sic!) тотъ же часъ къ дамѣ и, не говоря уже [1] о приличномъ привѣтствіи, однимъ пріятнымъ) наклоненьемъ головы на бокъ (много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку). Тотъ было разревѣлся“ (см. выше, стр. 375). Это мѣсто передѣлывалось на самой рукописи въ два пріема: однѣ приписки сдѣланы (на той же 99-й страницѣ) *карандашомъ,* другія — *чернилами.* Зачеркнувши слова, поставленныя нами въ скобки, Гоголь приписалъ надъ начальной фразою карандашомъ: „Но судьба и обстоятельства нарочно благопріятствовали Чичикову. Точно затѣмъ, чтобы рѣшить дѣло...“ Послѣ слова: „Лѣницына“ приписано сверху чернилами: „и низенькая“. Вмѣсто зачеркнутыхъ словъ: „со вкусомъ, какъ всѣ петербургскія дамы“ приписано чернилами: „по петербургски“, а карандашомъ начата неоконченная прибавка: „большая охотница“ [2]. Вмѣсто зачеркнутыхъ строкъ: „Чичиковъ подошелъ — однимъ пріятнымъ“, написано чернилами: „(тоже довольно жиденькой) [3]. Привѣтливымъ подходомъ съ подскочкой и ловкимъ...“ Наконецъ, вмѣсто зачеркнутыхъ фразъ: „много расположилъ ее въ свою пользу. Затѣмъ подбѣжалъ къ ребенку“, написано чернилами: „Чичиковъ совершенно обворожилъ петербургскую даму, а вслѣдъ за нею и ребенка. Сначала...“ Изъ приведенныхъ карандашныхъ приписокъ одна („курносинькая“) даетъ только новое мѣсто слову, уже находившемуся въ прежнемъ текстѣ, другая („большая охотница“) не кончена и представляетъ какъ бы конспектъ вставки [4]; тотъ же характеръ неоконченности, конспекта носитъ и наиболѣе длинная карандашная приписка: „Но судьба и обстоятельства“ и т. д. Приписки, сдѣланныя чернилами, имѣютъ

[1] Въ рукописи: «же». [2] На страницѣ 97-й уже въ полномъ видѣ: «большая охотница до людей comme il faut». [3] Эти три слова зачеркнуты и потому не приняты въ новый текстъ, т. е. на стр. 97. [4] Характеръ конспекта носятъ и приписки, сдѣланныя карандашомъ на страницѣ, которая предшествуетъ 4-й главѣ.

совершенно обработанный видъ и вошли въ бѣловой текстъ 98-й страницы съ ничтожными измѣненіями („ловкимъ“ вм. привѣтливымъ“, „прискочкой“ вм. „подскочкой“). Составленный изъ тѣхъ и другихъ приписокъ текстъ, послѣ *новыхъ* исправленій, переписанъ былъ набѣло на вложенный поллистъ на страницахъ 97—98. Поэтому мы приняли этотъ текстъ въ исправленную редакцію втораго тома „Мертвыхъ Душъ“, помѣщенную въ четвертомъ томѣ настоящаго изданія (стр. 375—377). Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что вложенный поллистъ представляетъ несомнѣнные слѣды вырѣзки изъ цѣльной тетради. На этомъ основаніи можно предположить одновременное существованіе *двухъ* тетрадей, содержавшихъ бѣловой текстъ начальныхъ четырехъ главъ въ разныхъ редакціяхъ — болѣе ранней и позднѣйшей. Остатками этой второй, также набѣло переписанной редакціи представляются: 1) поллистъ съ страницами 97—98-й, вложенный въ четвертую тетрадь, и 2) листъ съ страницами 7—10, вложенный въ первую тетрадь. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что описанный поллистъ (стр. 97—98) вырѣзанъ изъ рукописи, въ текстъ которой уже внесены были позднѣйшія поправки, сдѣланныя сверху строкъ и на поляхъ разсматриваемой рукописи *карандашомъ* или *чернилами*.

Текстъ четвертой главы начинается въ этой тетради на страницѣ 81-й и идетъ, съ указаннымъ перерывомъ передъ 99-ю страницею, до конца четвертой тетради, откуда, конечно, переходилъ въ слѣдующую тетрадь, которая не сохранилась, и потому объемъ четвертой главы не можетъ быть опредѣленъ.

Страница, предшествующая началу 4-й главы, оставлена была пустою и незанумерованною, такъ какъ третья глава окончена на 80-й страницѣ. На этой свободной отъ бѣловаго текста страницѣ Гоголь набросалъ *карандашомъ* слѣдующій проектъ измѣненій и дополненій къ тексту четвертой главы, уже переписанному набѣло въ описываемую тетрадь: „все казалось садомъ...“[1] „Скотные дворы и загоны такъ были устроены въ разныхъ мѣстахъ, что его земля унавоживалась сама собою...“ „Чичиковъ совершенно пришелъ въ восторгъ и мысль сдѣлать (sic!) помѣщикомъ утверждалась въ немъ все болѣе и болѣе. Констанжогло[2] мало того, что пока-

[1] Точками отдѣляемъ одну отъ другой отдѣльныя строки карандашнаго наброска.
[2] Такъ въ наброскѣ, вмѣсто: «Костанжогло».

залъ ему все самъ, взялся проводить его къ Хлобуеву...“ „ни одной травки не было здѣсь даромъ, все какъ въ Божьемъ мірѣ...“ „или прожектера, въ своемъ закутьѣ пишущаго предписанія въ отдаленные углы государства“. Въ этомъ наброскѣ едва ли не въ первый разъ появляется фамилія: „Констанжогло“ и притомъ въ первоначальной формѣ, еще сохраняющей указаніе на связь съ именемъ: Константинъ. Въ переписанныхъ набѣло главахъ и въ самой четвертой главѣ, къ которой относится набросокъ, вмѣсто этой фамиліи еще вездѣ стоитъ: Скудронжогло. Съ карандашнаго наброска новая фамилія перейдетъ на переписанныя страницы рукописи и замѣнитъ, хотя не вездѣ, старую — Скудронжогло.

Не имѣемъ положительныхъ данныхъ, чтобы опредѣлить время, когда карандашными приписками и поправками положено было, на страницахъ описываемой рукописи, начало новой редакціи первыхъ четырехъ главъ второй части „Мертвыхъ Душъ“. Объ этихъ карандашныхъ дополненіяхъ и поправкахъ можно впрочемъ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Карандашныя приписки, на страницахъ 99—100-й, на свободной страницѣ передъ четвертою главою и *всѣ* карандашныя приписки, сдѣланныя на поляхъ первыхъ четырехъ главъ[1], носятъ постоянно характеръ *конспекта* будущаго текста: фразы часто не кончены, не связаны между собою, слова не дописаны, изложеніе отрывистое. Лишь впослѣдствіи карандашныя приписки дополняются, получаютъ стройный, правильный видъ, — и тогда сверху этихъ приписокъ или подъ ними приписывается уже *чернилами* выработанный изъ нихъ новый текстъ. Ѳ. В. Чижовъ указалъ, что приписки, набросанныя въ первой изъ описанныхъ тетрадей карандашомъ, исправлялись и въ обработанномъ видѣ переписывались, за недостаткомъ мѣста въ тетради, въ записной книжкѣ Гоголя[2]. Эти данныя приводятъ къ заключенію, что изъ всѣхъ приписокъ, сдѣланныхъ въ четырехъ начальныхъ главахъ, *карандашныя приписки — самыя раннія,* если не считать очень немногія поправки, написанныя желтыми чернилами[3]. Притомъ, эти рѣдкія раннія поправки чернилами почти всѣ касаются *стиля* немногихъ мѣстъ произведенія; карандашныя поправки тянутся почти по всѣмъ страницамъ первыхъ четырехъ главъ; нерѣдко они такъ обильны, что не оставляютъ на стра-

[1] См. настоящаго изданія томъ IV, стран. 565. [2] Тамъ же, стран. 563, 568. [3] Тамъ же, стр. 564.

ницѣ свободнаго мѣста для переписки ихъ набѣло, создавая (напр. въ первой главѣ) хаосъ, въ которомъ трудно разобраться. Карандашныя приписки касаются не *стилистическаго* исправленія коекакихъ мѣстъ: *онѣ*, на страницахъ набѣло переписанной редакціи первыхъ четырехъ главъ, *полагаютъ начало новой ихъ редакціи*. Мы видѣли выше, что поворотный пунктъ въ исторіи созданія втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ обозначился во второй половинѣ 1843 года: тогда понадобилась совершенная переработка всего, написаннаго до этого времени для второй части поэмы [1]. Къ этому году мы и пріурочиваемъ начало карандашныхъ приписокъ. Въ ранней записной книжкѣ Гоголя, наполнявшейся его замѣтками даже въ періодъ, предшествовавшій *окончанію перваго* тома „Мертвыхъ Душъ“, появляется замѣтка: „Развить статью о воспитаніи во 2-й части“. И въ концѣ 1843 года карандашныя передѣлки переполнили до такой степени страницы первой главы и особенно разсказъ о воспитаніи Тентетникова, что на этихъ страницахъ образовался совершенный *хаосъ* и окончательную обработку нѣкоторыхъ изъ этихъ приписокъ пришлось перенести въ записную книжку. 2 декабря 1843 года Гоголь уже писалъ Жуковскому: „Я продолжаю работать, т. е. *набрасывать на бумагу хаосъ*, изъ котораго должно произойти созданіе „М. Д.“ [2]. Только въ это время появилась въ первый разъ *въ карандашныхъ припискахъ* фамилія: „Констанжогло“ и набросаны были новыя черты на прежнее изображеніе его личности [3]. Обильныя карандашныя приписки въ первыхъ четырехъ главахъ, начатыя въ 1843 году, дополнялись и обработывались въ чернильныхъ наброскахъ сверху строкъ въ теченіе не одного года и составили новую редакцію этихъ главъ переписанную *набѣло* въ новыя тетради, вѣроятно, въ началѣ 1845 года. Тетради, найденныя Шевыревымъ, сдѣлались тогда черновыми. Неудивительно поэтому на 16-й страницѣ рукописи встрѣтить буквы и слова, написанныя для пробы пера: „В Возгл

---

[1] См. въ этомъ томѣ стр. 538, 539. [2] Тамъ же, стр. 539. [3] Изученіе приписокъ, сдѣланныхъ на тетрадяхъ начальныхъ четырехъ главъ, даетъ для новой выработки личности Костанжогло тотъ же годъ, который указанъ Анненковымъ какъ годъ, когда «задуманъ» Костанжогло, т. е. 184³/₄-й. Задуманъ Костанжогло, подъ фамиліею Гоброжогло, конечно ранѣе: онъ встрѣчается уже въ черновомъ текстѣ пятой тетради и въ обрывкѣ, нами найденномъ; но тѣ черты, съ которыми Костанжогло сталъ извѣстенъ въ печатномъ текстѣ Анненкову, дѣйствительно набросаны главнымъ образомъ въ 184³/₄ г. Ср. Анненкова, Воспоминанія и критическіе очерки I, 234.

просили труславня оси Литург". Послѣднее слово указываетъ на новый предметъ, занявшій Гоголя *въ началѣ 1845 года* — литургію [1]. Отъ *новыхъ* тетрадей, въ которыя была переписана редакція, образовавшаяся изъ „хаоса" приписокъ на разбираемой рукописи, до насъ дошли полулистъ съ страницами 97—98, вложенный въ четверную тетрадь, и цѣльный листъ съ страницами 7—10, вставленный въ первую тетрадь [2], — все остальное было сожжено, по свидѣтельству автора. Понятно, что нѣкоторыя позднія поправки (послѣ 1845 г.) могли быть сдѣланы на случайно уцѣлѣвшихъ тетрадяхъ болѣе ранней редакціи, т. е. тѣхъ, которыя нашелъ Шевыревъ. Сожженною въ іюлѣ 1845 г. [3] мы признаемъ редакцію, выработанную на тетрадяхъ четырехъ главъ, найденныхъ Шевыревымъ; а эти тетради, по основному тексту, относимъ къ концу 1841-го или къ началу 1842 г. Уже въ февралѣ 1841 г., во второй книжкѣ „Москвитянина", Погодинъ, подъ рубрикою: „Литературныя новости", напечаталъ слѣдующее извѣстіе: „*Гоголь написалъ уже два тома своего романа „Мертвыя Души"*. Вѣроятно, скоро весь романъ будетъ конченъ, и публика познакомится съ нимъ въ нынѣшнемъ году" [4]. Хотя Гоголь и опровергалъ это извѣстіе, но мы не придаемъ особеннаго значенія этому опроверженію, сдѣланному въ письмѣ къ Шевыреву въ 1843 году (см. выше, стран. 537). Самъ Гоголь въ маѣ 1842 года обѣщалъ, что черезъ *два года* будетъ готовъ второй томъ „Мертвыхъ Душъ", вдвое толще перваго. Знакомые съ медленностію творчества Гоголя, съ его обыкновеніемъ передѣлывать и „перечищать" въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написанный текстъ имѣютъ полное право заключить, что въ маѣ 1842 года, когда дано было вышеприведенное обѣщаніе, второй томъ „Мертвыхъ Душъ" уже былъ оконченъ въ первоначальной редакціи. Анненковъ прямо говоритъ, что этотъ томъ „въ первоначальномъ очеркѣ" былъ готовъ „около 1842 года" и, по слухамъ, „даже переписывался въ Москвѣ въ самое время печатанія первой части романа" (см. выше, стр. 537). Этимъ свидѣтельствомъ подтверждается высказанное нами предположеніе, что *въ тетради первыхъ четырехъ*

---

[1] См. выше, стран. 541 и настоящаго изданія томъ IV, стран. 589—593. [2] Подклеенный къ началу первой тетради листъ не представляетъ слѣдовъ принадлежности къ тетради. [3] Ср. выше, стр. 514. Просимъ читателей исправить опечатку, вкравшуюся во вторую выноску на 532-й страницѣ этого тома; напечатано: «См. выше, стран. 534», слѣдуетъ: «514». [4] Москвитянинъ 1841 г., № 2, Смѣсь, стран. 616.

главъ, найденныхъ Шевыревымъ, текстъ второй части „Мертвыхъ Душъ“ былъ переписанъ въ концѣ 1841-го или въ началѣ 1842 года. Наше предположеніе находитъ себѣ новую и довольно прочную опору въ мнѣніи близкаго къ Гоголю человѣка — С. Т. Аксакова, который призналъ эти тетради *„самыми давнишними“* (см. выше, стр. 557). Трушковскій высказался о первыхъ четырехъ тетрадяхъ такъ: *„Первыя четыре главы* идутъ, съ небольшими пропусками, послѣдовательно одна за другою и, *судя по почерку, можно думать, что онѣ сохранились отъ перваго сожженія (въ 1845 г.)*[1]. Опредѣляя такую дату для первыхъ четырехъ главъ, Трушковскій, конечно, имѣлъ въ виду, не одинъ *основной ихъ текстъ, переписанный набѣло* въ тетради, найденныя Шевыревымъ, а вмѣстѣ съ нимъ и всю совокупность приписокъ, сдѣланныхъ не вдругъ, а въ теченіе нѣскольких лѣтъ. Первыя поправки, сдѣланныя *желтыми чернилами,* могутъ относиться къ 1842 г., приписки карандашныя начались въ 1843 году; наконецъ, сложившаяся изъ приписокъ, сдѣланныхъ карандашомъ и, позднѣе, черными чернилами, новая редакція, вѣроятно, переписана была въ *новыя* тетради въ $184^4/_5$ году. Эти послѣднія и подверглись сожженію въ іюлѣ 1845 года. Послѣдняя изъ найденныхъ Шевыревымъ тетрадей, представляющая, какъ мы видѣли, болѣе ранній текстъ, чѣмъ остальныя тетради, можетъ быть отнесена къ концу 1840 или къ началу 1841 года. Небольшой обрывокъ, найденный нами въ бумагахъ Гоголя, принадлежитъ листку, написанному *позднѣе* послѣдней тетради и ранѣе третьей тетради, которая приняла на свои страницы *исправленный* текстъ обрывка“ (см. выше, стр. 598). На этомъ основаніи обрывокъ мы относимъ къ началу 1841 года.

Въ такихъ чертахъ представляется намъ исторія основнаго текста и позднѣйшихъ приписокъ на страницахъ первыхъ четырехъ тетрадей изъ числа найденныхъ Шевыревымъ. Текстъ послѣдней тетради Гоголь началъ на ея же страницахъ передѣлывать въ новую редакцію не ранѣе 1848 года[2]. Эта передѣлка на самой тетради не была окончена.

Стр. 279 [1] Въ этомъ мѣстѣ два слова совершенно затерты, такъ что нельзя разобрать.

Стр. 280 [1] Слова: «не могъ выстоять на балконѣ», приписаны сверху карандашомъ. [2] Словами «вѣчное солнце» оканчивается первый полулистъ руко-

---

[1] Сочиненія Гоголя, найденныя послѣ его смерти, стр. VII. [2] См. настоящаго изданія томъ IV, стр. 564.

писи, подклеенный къ ней позднѣе; съ слѣдующей страницы начинается, какъ мы замѣтили уже, текстъ болѣе первоначальной редакціи; первыя строки этого текста зачеркнуты, для приведенія въ связь съ послѣдними строками предшествующей страницы. Зачеркнутое ставимъ въ скобкахъ: «(поворотахъ. За лугами пѣски, за пѣсками мѣловыя (отлогимъ рядомъ) горы, отдаленнымъ рядомъ лежавшія на отдаленномъ небосклонѣ, нестерпимо блиставшія ослѣпительной бѣлизной даже и въ ненастное время, какъ бы освѣщало ихъ вѣчное солнце). Кое-гдѣ». [3] Прежде было написано: «какъ искра». [4] Слово «знать» приписано вмѣсто зачеркнутаго: «замѣтить». [5] Прежде было написано: «что это было даже большое».

Стр. 281 [1] Послѣ этого слова зачеркнута фраза: «а баринъ все еще протиралъ глаза»; фраза зачеркнута тѣми же чернилами, какими написанъ печатаемый текстъ, и притомъ, какъ видно, во время самаго переписыванія.

Стр. 282 [1] Прежде было написано: «глядитъ».

Стр. 283 [1] Слово «мірѣ» въ рукописи пропущено. [2] Слово «сдѣланную» написано вмѣсто зачеркнутаго: «произведенную».

Стр. 284 [1] Прежде было написано: «Онъ не удерживалъ многихъ рѣзвостей и шалостей, онъ не удерживалъ вовсе, они ... и въ первоначальныхъ рѣзвостяхъ видѣлъ онъ развивающіяся свойства душевныя». [2] Слово «дабы» приписано сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «желая». [3] Шестая страница рукописи оканчивается словомъ «досто»; съ слѣдующей страницы идетъ текстъ позднѣйшаго письма (болѣе крупнымъ почеркомъ); онъ начинается написанными сверху строкъ словами: «—вѣрно, что́ заключено внутри человѣка». [4] Слово «огромныхъ» переправлено изъ какого-то другаго слова, котораго намъ не удалось разобрать. [5] Прежде было написано: «узнаетъ тогда самъ, на что именно, чѣмъ онъ болѣе (и преимущественнѣе) и долженъ заняться преимущественнѣе».

Стр. 285 [1] Прежде было написано: «ступеняхъ занятій и должностной службы, и частныхъ занятій». [2] Прежде было написано: «такъ знакомое Руск»; потомъ все это зачеркнуто и замѣнено напечатанною у насъ въ текстѣ фразою. [3] Написано только «Александ» въ концѣ 8-й страницы; остальное не дописано.

Стр. 286 [1] Въ рукописи: «всѣ». Гоголь пишетъ *ѣ* тамъ, гдѣ слѣдуетъ *е*, и наоборотъ; напр. ѣсть = есть, а есть = ѣсть. [2] Слово «завелись» приписано вмѣсто зачеркнутаго: «открылись».

Стр. 287. [1] Послѣ слова «что» зачеркнуто слово «все». [2] Словомъ: «государственные люди» оканчивается десятая страница, слѣдующій послѣ нея листъ (страницы 11—14) писанъ другимъ почеркомъ и заключаетъ въ себѣ текстъ болѣе ранней редакціи. Одиннадцатая страница и начинается зачеркнутыми строками этой редакціи: «нельзя попасть, не пріобрѣтя прежде порядочнаго, хорошаго, хорошаго подчерка». Слово «люди» переправлено, на стр. 10-й, въ «сов» (совѣтъ), но «государственныЕ» осталось безъ измѣненія при прежнемъ согласованіи съ словомъ «люди».

Стр. 288 [1] Слова «къ службѣ» приписаны послѣ сверху строки.

Стр. 289 [1] Въ рукописи: «по началѣ». [2] Черезъ нѣсколько строкъ это лицо называется «Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ». [3] Въ рукописи: «и тутъ уже».

Стр. 292 [1] Прежде было написано: «можетъ (вмѣсто) несравненно лучше (сдѣлать)». [2] Въ рукописи: «на мѣсто».

Стр. 295 [1] Въ рукописи: «сотрясающей». Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. V тома.

Стр. 296 [1] Въ рукописи: «образовать». [2] Слово «чудный» зачеркнуто. [3] Слова: «или слабую», зачеркнуты. [4] Прежде было написано: «можетъ».

Стр. 297 [1] Прежде было написано: «дотолѣ невиданное». [2] Заключенное въ скобки зачеркнуто въ рукописи.

Стр. 298 [1] Въ рукописи: «на кроватѣ» [2] Передъ словомъ «любилъ» зачеркнуто: «совсѣмъ». Въ рукописи: «любилъ говорить о томъ, чего не зналъ совсѣмъ, любилъ даже и о томъ, чего не зналъ вовсе».

Стр. 299 [1] Слово «Бордырева» переправлено изъ «Глузтырева». [2] Слова: «прежнихъ временъ», написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «временъ Екат». [3] Въ рукописи: «дни». [4] Сверху этого слова написано и потомъ зачеркнуто: «безсмысленно».

Стр. 300 [1] Слово «съ» приписано послѣ. [2] Въ рукописи: «вороты». [3] Прежде было написано: «Господинъ приличной наружности и умѣренной толщины корпуса».

Стр. 301 [1] Слово «искусной» зачеркнуто. [2] Прежде было написано: «отступивши нѣсколько назадъ съ легкостью ре». [3] Слово «кресла» въ рукописи пропущено.

Стр. 302 [1] Послѣ этого зачеркнуто слово «все». [2] Слова: «развѣ только», зачеркнуты.

Стр. 303 [1] Слова: «въ необитаемый залъ съ инвалидною мебелью», написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «въ вестибульную комнату». [2] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [3] Слово «все» зачеркнуто.

Стр. 304 [1] Слово «тоже» зачеркнуто. [2] Слова: «отозвавшись съ похвалой», написаны вмѣсто начатой и зачеркнутой фразы: «похваля вообще». [3] Прежде было написано: «хотя на нѣсколько среди полей въ такой деревнѣ».

Стр. 305 [1] Прежде было написано: «Что зелени во всемъ, что птичьяго въ садахъ, что упоител свѣжести въ воздухѣ». [2] Слово «направлялъ» написано вмѣсто зачеркнутаго: «держалъ, устро». [3] Слова: «держась краевъ», зачеркнуты. [4] Въ рукописи: «вступая». [5] Въ рукописи: *чернѣла* вм. *чернѣли*. У Гоголя нерѣдко такое согласованіе словъ, при которомъ сказуемое слитнаго предложенія согласуется въ един. ч. и въ родѣ съ послѣднимъ подлежащимъ, хотя бы другое подлежащее стояло во множ. числѣ. [6] Все это мѣсто перечеркнуто и не получило окончательной отдѣлки. Означая курсивомъ слова, написанныя позднѣе сверху строкъ, и заключая въ скобки зачеркнутыя, передаемъ это мѣсто въ близкомъ по возможности видѣ къ тому, какой оно имѣетъ въ рукописи: «или же вступая *въ гущи* въ *лѣсныхъ* овраги, *гдѣ* (едва начинавшихся) убираться листьями (лѣсовъ усѣяные вороньи) *дерева, отягченные птичьими* гнѣздами (дерева и узкая просинь чернѣла отъ перекрестнаго летаньями густыми стаями воронъ, оглушая оглушенными карканьемъ воронъ, разговорами галокъ и граньями) грачей (перекрестными летаньями, помрачавшими небо)». [7] Прежде было написано: «глядѣть, какъ ловкій сѣятель ровно бросалъ изъ горсти сѣмена (ровно, мѣтко =), ни зернышка не передавши на ту или другую сторону».

Стр. 306 [1] Слово «владѣльцемъ» написано вм. зачеркнутаго: «помѣщикомъ». [2] Прежде было написано: «чтобы оказалось».

Стр. 307 [1] Прежде было написано: «не скоро отважился».

Стр. 308 [1] Слово «скоро» зачеркнуто въ рукописи.

Стр. 309 [1] Слово «я» въ рукописи пропущено.

Стр. 312 [1] Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «засвидѣтельствовать».

Стр. 313 [1] Слова: «ни краски», написаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «ни кисти». [2] Заключенное въ скобки зачеркнуто.

Стр. 315 [1] Слова «вкусомъ» въ рукописи нѣтъ; въ печатный текстъ вставлено Кулишомъ. [2] Въ рукописи: «осмотрѣлъ».

Стр. 317 [1] Такъ въ рукописи: «междуиметіемъ».

Стр. 318 [1] Слова: «которыя происходили», написаны вмѣсто зачеркнутаго начала другой какой-то фразы: «которыми были...» [2] Слово «тяжелымъ» въ рукописи зачеркнуто. [3] Въ рукописи: «съ часъ».

Стр. 320 [1] Такъ въ рукописи: «ревижскіе».

Стр. 321 [1] Слово «подержать» приписано послѣ. [2] Остальная часть второй главы утрачена. Содержаніе ея изложено выше, стр. 559—561.

Стр. 322 [1] Въ рукописи: «Слышь, (полковникъ) мужика Кошкаревъ, баринъ, одѣлъ». [2] Слово «повязуютъ» приписано сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «какъ бываетъ». [3] Послѣ слова «капоръ» зачеркнуто «теперь».

Стр. 323 [1] Послѣ этого слова зачеркнута фраза: «Все, казалось, готовилось превратиться въ ночь». [2] Въ рукописи: «рѣжеть(?)».

Стр. 324 [1] Такъ въ рукописи: «туды жа». [2] Слово «вверхъ» написано вмѣсто зачеркнутыхъ: «на берегъ».

Стр. 325 [1] Слово «Чичиковъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 326 [1] Слово «онъ» въ рук. пропущено.

Стр. 328 [1] Прежде было написано: «высокаго». [2] Такъ въ рукописи: «Паридъ».

Стр. 329 [1] Слова: «и дѣло», въ рукописи пропущены. [2] Слова: «Вотъ и все», зачеркнуты. [3] Слово это не дописано: «недостаточ». [4] Слово «десять» приписано сверху строки вмѣсто зачеркнутыхъ цифръ «1000». [5] Гоголь пишетъ: «бѣжи».

Стр. 331 [1] Въ рукописи: «подчинку». [2] Слово «бы» въ рукописи пропущено.

Стр. 332 [1] Слова «хозяинъ» въ рукоп. нѣтъ; вставлено Кулишомъ. [2] Слово «гдѣ» написано вмѣсто зачеркнутаго «тамъ». [3] Слова: «съ аппетитомъ», зачеркнуты. [4] Послѣ этого слова зачеркнута фраза: «Румяный вечеръ разливался въ чистомъ небѣ».

Стр. 333 [1] Прежде было написано: «какъ бы хотѣли въ ней потеряться». [2] Послѣ этого слова зачеркнута начатая, но не дописанная фраза: «Береговъ не было. Когда пристали они».

Стр. 335 [1] Слово «бы» пропущено въ рукописи.

Стр. 336 [1] Одно слово не разобрано. [2] Слово приписано послѣ: «необык» [3] Слова «увидѣли» въ рукописи нѣтъ; въ печатный текстъ внесено Кулишомъ. [4] Кулишъ вставляетъ послѣ этого слово: «мужа».

Стр. 337 [1] Слово «Пусть» въ рук. пропущено. [2] Слово «вниманія» въ рукописи пропущено; было написано: «не обратился». [3] Слова: «изъ гостиной отворена», приписаны сверху строки; фраза осталась недописанною; заключенное въ скобки прибавлено г. Кулишомъ въ его изданіи второй части «Мертвыхъ Душъ». Начало фразы написано чернилами сверху строки, конецъ карандашомъ — стертъ. [4] Слово «не» въ рукописи пропущено. Зачеркнуто прежде написанное: «не надобно было». [5] Слово «нимъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 338 [1] Въ рукописи: «прозился».

Стр. 339 [1] Фраза: «Онъ былъ не совсѣмъ русскаго происхожденья», приписана сверху прежде написанной и потомъ зачеркнутой: «Какой собственно былъ онъ націи?»

Стр. 340 [1] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [2] Прежде было насано: «Пожалуй!» [3] Слово «Скудронжогло» въ рукописи пропущено. [4] Слово «нѣтъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 341 [1] Слова: «Лицо какое-то чинное въ видѣ треугольника», приписаны сверху строки къ первоначальному, т. е. печатаемому тексту. [2] Сверху строкъ Гоголь написалъ новый текстъ этого мѣста: «не въѣхалъ ли онъ въ губернскій городъ. Всего непонятнѣй то, что самъ полковникъ вовсе не походилъ на сумасшедшаго человѣка. Онъ былъ на видъ préделикатный. Манеры и обхожденіе деликатное, какъ бы у поряч... Принялъ Чичикова» (не дописано). Передѣлка не была доведена до конца. Слова: «Манеры и обхожденье деликатное», потомъ были зачеркнуты и вмѣсто нихъ приписаны потомъ слова: «пределикатный и преобходительный человѣкъ». [3] Слова: «трудовъ возвесть имѣнье до нынѣш» представляютъ позднѣйшую прибавку; они приписаны въ концѣ 65-й страницы для связи послѣдней фразы, которая была недописана: «и разсказалъ съ самоуслажденьемъ, скольких и скольких стоило ему......» Для приписки конца оставлено пустое мѣсто. [4] Это слово въ рукописи пропущено. [5] Слово «корсетъ» написано вмѣсто зачеркнутаго: «шнуровку». Передъ словами: «надѣть корсетъ» зачеркнуто: «уродливый костюмъ». [6] Слово «отъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 342 [1] Слова «подумалъ» въ рукописи нѣтъ. [2] Въ рукописи: «выберетъ» по обычаю Гоголя. Ср. 1-е прим. къ 19-й стр. V тома.

Стр. 343 [1] Въ рукописи зачеркнуты слова: «Что было дѣлать». [2] Послѣ слова «безтолковщина» зачеркнуто: «Только и выгодно въ коммиссіи построенья». [3] Послѣ этого зачеркнуто: «Почему нѣтъ нынѣ коммиссіи прошеній?»

Стр. 344 [1] Это мѣсто подвергалось передѣлкѣ. Авторъ сначала зачеркнулъ слова: «для васъ» и взамѣнъ ихъ, послѣ слова «нужно», приписалъ: «для души». Потомъ зачеркнулъ все прежде написанное: «Тутъ все, что для васъ нужно». [2] Слово «времени» въ рукописи пропущено. [3] Это слово полузачеркнуто. [4] Слова: «общественной производительности», приписаны сверху строки. [5] Слово «все» зачеркнуто. [6] Слова «лѣтъ» въ рукописи нѣтъ.

Стр. 345 [1] Г. Кулишъ прибавляетъ здѣсь слово, котораго нѣтъ въ рукописи: «За это я его *поставлю* выше всѣхъ». [2] Въ рукописи: «приступаю». [3] Слово «Ревизскихъ» приписано сверху строки.

Стр. 346 [1] Поставленное въ скобки въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 347 [1] Такъ въ рукописи: «съ нея». Ср. 1-е примѣч. къ 62-й стр. I тома.

Стр. 348 [1] Послѣ этого приписано и зачеркнуто: «И какъ стали всѣ глупы, такъ вы себѣ не можете представить: дуракъ на дуракѣ сидитъ и дуракомъ погоняетъ». [2] Слово «Платоновъ» переправлено изъ слова: «Михайловъ». [3] Г. Кулишъ прибавляетъ слово, не находящееся въ рукописи: «Ну, вотъ я *отдаю* вамъ на судъ».

Стр. 349 [1] Этого слова въ рукописи нѣтъ; прибавлено г. Кулишомъ. [2] Слова «время» также нѣтъ въ рукописи; прибавлено г. Кулишомъ. [3] Какое-то слово пропущено въ рукописи.

Стран. 350 [1] Въ этомъ мѣстѣ утрачены двѣ страницы. См. выше, стр. 596. О содержаніи утраченнаго текста см. томъ IV, пр. 4-е къ стр. 352-й.

Стр. 351 [1] Второе «чуть» приписано сверху строки, какъ и слово «супруги». [2] Въ рук.: «не спрашиваясь».

Стр. 353 [1] Слово «бы» въ рукоп. пропущено.

Стр. 355 [1] Такъ въ рукописи: «изъ» вмѣсто «съ». Ср. 1-е пр. къ 62 стр. I тома.

Стр. 356 [1] Прежде было написано: «помѣщикомъ, подобнымъ Скудро». [2] Слово «какъ» въ рукописи пропущено. [3] Въ рук.: «вымолывается».

Стр. 357 [1] Такъ въ рукописи; г. Кулишъ предлагаетъ читать: «обязаться уплатить». [2] Этого слова въ рукописи нѣтъ; предложено г. Кулишомъ. [3] Слово «спать» въ рук. пропущено.

Стр. 358 [1] Такъ въ рукописи: «Михалычъ».

Стр. 359 [1] Такъ въ рукописи: «сгрустнется».

Стр. 360 [1] Такъ въ рукописи, такъ напечатано и г. Кулишомъ; пропущено слово: «цѣна».

Стр. 361 [1] Слово «возьмите» въ рук. не написано; прибавлено г. Кулишомъ. [2] Не разобрано одно слово; г. Кулишъ произвольно читаетъ: «съ ними». [3] Такъ въ рукописи: «заплеснетъ». [4] Въ рукописи: «профессору».

Стр. 362 [1] Слово «не» въ рук. пропущено. [2] Въ рукописи слово: «дружескую» не дописано; Кулишъ предлагаетъ читать: «дружную».

Стр. 363 [1] Слова: «и на всемъ», въ рукописи зачеркнуты. [2] Прежде было написано: «вывелъ къ нимъ молодую жену». [3] Слово «грязь» въ рук. пропущено.

Стр. 364 [1] Прежде было написано: «въ бѣгахъ». [2] Въ рук.: «приволочка». [3] Слово «онъ» въ рукописи пропущено. [4] Слово «цѣну» въ рукописи пропущено. [5] Въ рукописи написано: «Михайловъ» вмѣсто позднѣйшаго: «Платоновъ»; неустановленность именъ и фамилій въ рукописяхъ Гоголя указываетъ на то, что редакція ранняя и не получила еще окончательной обработки.

Стр. 367 [1] Слова: «ни откуда никакихъ средствъ», приписаны сверху строки. [2] Слово «бы» въ рукописи пропущено.

Стр. 369 [1] Такъ въ рукописи вм. «Скудронжогла». [2] Сначала было написано: «продать». [3] Слово «руки» пропущено.

Стр. 370 [1] Сначала было написано: «Помилуй, братъ!» [2] Въ рук.: «отдушевленья».

Стр. 371 [1] Такъ въ рукописи. Кулишъ предлагаетъ читать: «какого роду человѣкъ былъ Чичиковъ». [2] Въ рукописи ошибочно: «по правую». [3] Въ рукописи: «показаться». [4] Слова «или бисернымъ», приписаны сверху вмѣсто зачеркнутыхъ: «или нѣжнымъ».

Стр. 372 [1] Слова: «все утверждалъ», приписаны сверху зачеркнутыхъ: «говорилъ». [2] Въ рукописи: «имъ».

Стр. 373 [1] Слово «онъ» въ рукописи пропущено. [2] Прежде было написано и на ходу зачеркнуто: «Познанія свѣта и жизни дѣйствительно недостаетъ моему Платону». [3] Прежде было написано: «знаешь-ли что, братъ?» [4] Такъ въ рукописи; Кулишъ предлагаетъ читать: «но вѣдь *я въ хозяйство* не мѣшаюсь».

Стр. 374 [1] Такъ въ рукописи. Кулишъ предлагаетъ читать: «и о ней хозяева *не станутъ хлопотать*». [2] Такъ въ рукописи. [3] Словомъ «Письмен» оканчивается страница 96-я, затѣмъ утрачены двѣ страницы. Ср. выше, стр. 596. [4] Въ рук. «совершенно». Гоголь часто ставитъ два *н* вм. одного. Напр.

на стр. 377-й: «не сказанно», на стр. 379: «запрещенно». [5] Поставленное въ скобки зачеркнуто въ рукописи.

Стр. 376 [1] Слово «наградить» приписано послѣ и зачеркнуто. [2] Этою главою начинается новая, послѣдняя тетрадь. См. выше, стр. 585—589. [3] Въ рукописи: «терманлы». [4] Въ рук. по обычаю Гоголя: «торговалъ». [5] Надъ словомъ «самое» приписано «именно». [6] Передъ словомъ «свойство» зачеркнуто на ходу письма: «непостижимое».

Стр. 377 [1] Въ рук.: «отозвавшій». [2] Прежде было написано: «Въ лицѣ его была видна озабоченность и разстройство». [3] Слово «одни» въ рукописи пропущено. [4] Слово «лѣтъ» въ рукописи пропущено. [5] Въ рукописи: «Послѣднее уничтожается первымъ», потому что сперва было: «послѣднее уничтожаетъ первое». [6] Въ рук.: «въ церквяхъ». [7] Такъ читаетъ Трушковскій. Написано неразборчиво.

Стр. 378 [1] Прежде было написано: «опасаться». [2] Прежде было написано: «какой-нибудь фальши въ завѣщаніи». [3] Поставленное въ скобки зачеркнуто въ рукописи. [4] Тоже. [5] Въ рукописи описка: «никакимъ»; передъ этимъ словомъ зачеркнуто: «и никакъ нельзя было отрѣшить отъ». [6] Слово «весьма» въ рукописи зачеркнуто. [7] Прежде было написано: «прогресса»; а затѣмъ зачеркнута фраза: «Чичиковъ объяснилъ затруднительные пункты». [8] Слова: «за добрый совѣтъ и участіе», приписаны послѣ. [9] Прежде было написано: «живаго». [10] Прежде было написано съ ошибками: «......что *синицы* нечего сулить въ небѣ, а нужно просто дать *журавля* въ руку». Описки собственноручно исправлены карандашомъ. [11] Прежде было написано ошибочно: «журавля».

Стр. 379 [1] Послѣ словъ: «Позвольте вамъ», пропущено какое-то слово. Кулишъ читаетъ: «Позвольте вамъ замѣтить». [2] Въ рукописи описка: «замѣчаніе». [3] Послѣ этого на ходу письма зачеркнута фраза: «вамъ его отпустятъ». [4] Въ рукописи описка: «замѣщаніе». [5] Прежде было написано: «я спокоенъ». [6] Предложеніе это не дописано. [7] Слово «онъ» въ рукописи пропущено. [8] Точки поставлены на мѣстѣ двухъ неразобранныхъ словъ. Трушковскій и Кулишъ читаютъ: «такими посторонностями». [8] Слово «бы» въ рукописи пропущено.

Стр. 380 [1] Прежде было написано: «Такъ». [2] Прежде было написано: «потому что, какъ только дѣло станетъ сложно, тутъ многіе выиграютъ». [3] Здѣсь, повидимому, пропущено какое-то слово. [4] Все это мѣсто («и чиновниковъ нужно больше — вотъ ужъ и хлѣбъ») написано сверху строкъ вмѣсто прежняго наброска, потомъ зачеркнутаго: «Въ мутной водѣ только и ловятся раки; словомъ, вы здѣсь даже дѣлаете благодѣ(янье)тельствуете многихъ безпомощныхъ». [5] Послѣ слова «запутаю» зачеркнуто: «Положимъ, на инаго и нелѣпо». [6] Слово «тѣмъ» приписано вмѣсто зачеркнутаго: «такимъ». [7] Въ рук.: «духомъ». [8] Слово «укрѣпившись» написано очень неразборчиво. [9] Прежде было написано: «на пуховики».

Стр. 381 [1] Слово «подъ» въ рукописи пропущено. [2] Прежде было написано: «барина». [3] Прежде было написано: «дерзко, картинно двумя пальцами держала бритый подбородокъ». [4] Частица «же» въ рукописи пропущена. [5] Въ рукописи: «приближающихъ». [6] Такъ въ рукописи. [7] Въ рукописи: «полазившись» или «потачившись» (т. е. «потащившись»)?

Стр. 382 [1] Прежде было: «Покажите мнѣ еще лучше,—котораго, знаете, не всякому показываете, да и цвѣту-ту больше искрасна, больше чтобы въ немъ искры было». [2] Одно слово не разобрано. Кулишъ читаетъ: «въ моду». Прежде было написано: «только что въ высшихъ входитъ». [3] Послѣ этого вычеркнута недописанная фраза: «Давайте, о цѣнѣ слова»... [4] Слово «тотъ» въ рук. пропущено. [5] Слово «и» въ рук. пропущено. [6] Прежде было написано: «Купецъ ловко взялъ въ зубы конецъ надрѣзаннаго ножницами края и разодралъ сукно во всю его двухр....» [7] Прежде было написано: «благовоспитаннѣйшимъ образомъ». [8] Въ рукописи: «завоpечено».

Стр. 383 [1] Прежде было написано: «Сукно ему, какъ видно, дѣйствительно нужно». [2] Кулишъ напрасно вставляетъ послѣ этого слово: «желая». [3] Слово «Хлобуевъ» пропущено въ рукописи. [4] Въ рукописи: «всѣмъ». [5] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [6] Прежде было: «оказалась». [7] Послѣ слова «милліонщикамъ» стоятъ слова: «собачье отродье людей», долженствовавшія замѣнить слова: «грѣшный людъ». [8] Одно слово не разобрано. [9] Послѣ этихъ словъ зачеркнуто: «Какъ же, очень свободно». [10] Слово «рукахъ» въ рукописи пропущено.

Стр. 384 [1] За этимъ нѣсколько словъ не разобрано. [2] Въ рукописи: «дѣлаешь». [3] Послѣ слова «прежде» зачеркнуто начало фразы: «послѣ такой страш.».

Стр. 385 [1] Въ рук. «взятковъ». [2] Такъ въ рукописи: «Самосвистовымъ». [3] Въ рукописи: «чолнъ». [4] Сверху этой фразы приписано и потомъ зачеркнуто: «все же онъ одинъ изъ работаю(щихъ)». [5] Такъ въ рукописи; Кулишъ предлагаетъ читать: «справедливость вашихъ словъ». Въ рук. слово «совершенно» не дописано: «соверш».

Стр. 386 [1] Въ рукописи: «на свѣту». [2] Послѣ слова «множество» зачеркнуто: «я имѣю вкусъ». [3] Слово «Петровичъ» въ рук. пропущено и замѣнено точками. [4] Поставленное въ скобки зачеркнуто въ рукописи. [5] Конецъ этого слова написанъ не ясно, — какъ бы: «слышется». [6] Въ рукописи: «взяли». [7] Въ рукописи: «охладѣть». [8] Прежде было написано: «исполняю».

Стр. 387 [1] Слова: «съ тѣхъ», въ рукописи пропущены. [2] Послѣ слова «свѣта» зачеркнуто: «Развѣ способности, и различныя, которыми насъ Богъ надѣлилъ, не есть тѣ же орудія, которыми мы должны молиться?» [3] Строки: «Если и другому служимъ — что жъ другое всѣ способности» написаны сверху строкъ, вмѣсто зачеркнутаго наброска: «Кто озарилъ. Вѣдь объ никто даже и не споритъ. Способности и дары, которые розные у всякаго, вѣдь это орудія моленья нашего». [4] Слово «васъ» въ рук. пропущено. [5] Слово «бы» въ рук. пропущено. [6] Конецъ этого слова не дописанъ: «разсчетлив». [7] Слово «въ» въ рукописи пропущено. [8] Прежде было написано: «Хлобуевъ задумался и сказалъ: «Ну, нѣтъ, послѣ этакихъ опытовъ». Слова: «нѣсколько помолчалъ и началъ съ разстановкою: «Однакожъ», приписаны сверху зачеркнутаго текста. [9] Прежде было написано: «придетъ бѣдный человѣкъ». [10] Вмѣсто этой фразы прежде было написано: «получите угощенье». [11] Прежде было написано только: «Хлобуевъ сильно задумался. Онъ чувствовалъ, что Муразовъ правъ».

Стр. 388 [1] Въ рукописи: «Ивановичъ» вмѣсто позднѣйшаго «Васильевичъ». [2] Въ рукописи пропущено одно слово. Кулишъ предлагаетъ читать: «Богъ такъ *велѣлъ*». [3] Прежде было написано: «умныхъ людей». [4] Въ рук. пропущено

одно слово; Кулишъ предлагаетъ читать: «я готовъ надъ собою *признать»*. [5] Прежде было написано: «Но, *молю васъ*, не давайте». [6] Слово «на» въ рукописи пропущено. [7] Въ рук.: «хотите-ли». [8] Слово «вотъ» въ рукописи пропущено». [9] Послѣ слова «сборъ» зачеркнуто: «Поѣзжайте въ простой телѣжкѣ собирать съ книгой приношенья». [10] Передъ словомъ «простую» зачеркнуто слово: «даже».

Стр. 389 [1] Прежде было написано: «*притомъ* трястись на телѣгѣ». [2] Прежде было написано: «гдѣ побѣднѣй». [3] Слово «нрава» написано вмѣсто зачеркнутаго: «характера». [4] Прежде было написано: «объяснить». [5] Слово «умѣлъ» въ рукописи пропущено. [6] Прежде было: «Какой-нибудь чиновникъ».

Стр. 390 [1] Слова: «по той причинѣ», написаны вмѣсто зачеркнутаго: «зная». [2] Прежде было: «употреблю все старанье (сказалъ, сколько хватитъ силъ. Не взищите) сказалъ Хлобуевъ». [3] Прежде было: «вы много знаете». [4] Слово «дѣло» въ рукописи пропущено. Кулишъ вставляетъ слово «человѣкъ» неудачно: Хлобуевъ заключаетъ свой отвѣтъ на вопросъ Муразова словами: «Вотъ какого роду *дѣло»*. [5] Слово «про» въ рук. пропущено. [6] Такъ въ рукописи: «тысячи — поступило». [7] Прежде было написано: «а, точно, дѣло, какъ вижу, не совсѣмъ чистовато». [8] Въ рукописи: «Ивановъ». [9] Слово «человѣкъ» въ рук. пропущено. Конецъ слова «презагадочный» написанъ неясно: «презагадоченъ?» [10] Прежде было написано: «Его порученье, какъ вижу, не безъ смыслу».

Стр. 391 [1] Прежде было написано: «вороны». [2] Въ рукописи описка: «въ». [3] Прежде было написано: «по дѣлу нашему». [4] Прежде было: «ничѣмъ». [5] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [6] Прежде было написано: «Петрушка! ты ступай за портнымъ. Что онъ, бездѣльникъ, не несетъ мнѣ платье? и захотѣ». [7] Такъ въ рук. вмѣсто: «наваринскаго дыма съ пламенемъ». [8] Прежде было написано: «такія молодец»: послѣднее слово зачеркнуто, но не замѣнено другимъ. [9] Послѣ этого зачеркнуто слово «полныя», но не замѣнено другимъ». [10] Слово «что» въ рукописи пропущено. [11] Послѣ этого зачеркнуто: «своей».

Стр. 392 [1] Слово «жилетъ» въ рукописи пропущено. [2] Слово «тонъ» въ рукописи пропущено. [3] Кулишъ прибавляетъ слово «послышалось» и читаетъ: «Какъ вдругъ въ передней *послышалось* въ родѣ нѣкотораго бряканья». [4] Слово «будто» пропущено». [5] Заключенное въ скобки въ рук. зачеркнуто.

Стр. 393 [1] Слово «было» недописано: «бы». [2] Слово «страшило» зачеркнуто въ рукописи. [3] Конецъ слова неясно написанъ, но видно: «страшило». [4] См. выше, прим. 8-е къ стр. 391. [5] Въ рук.: «опомнитъ». [6] Прежде было написано: «да *прямо* безъ суда». [7] Зачеркнутъ первоначальный набросокъ: «(Онъ мою душу) погубитъ онъ мою душу и чуть не упалъ въ обморокъ, какъ звѣрь на хищную добычу». [8] Слова «выдумать» въ рук. нѣтъ; предложено Трушковскимъ, принято Кулишомъ. [9] Слово «безчестнѣйшимъ» не дописано; читается только: «безчестнѣй»; слово «образомъ» пропущено.

Стр. 394 [1] Слово «ждать» въ рукописи пропущено. [2] Слово «разъ» въ рук. пропущено. [3] См. 8-е примѣчаніе къ 391 страницѣ. [4] Послѣ слова «голосомъ» въ рукописи пропущено одно слово. [5] Въ рук. описка: «за что». [5] См. 8-е прим. къ 391 страницѣ. [7] Прежде было написано: «въ новыхъ». [8] Слово «Чичиковъ» пропущено. [9] Послѣ этого зачеркнуто: «не сойду съ мѣста,

покуда не получу милость». [10] Слово: «князя» въ рукописи пропущено. [11] Слово «Чичиковъ» пропущено. [12] Прежде было: «съ нимъ». [13] См. 8-е примѣч. къ 391-й страницѣ.

Стр. 395 [1] Такъ въ рук.: «обѣихъ». [2] Слово «Чичиковъ» въ рукописи пропущено. Прежде было написано: «нашъ (схваченный такъ, какъ былъ во фракѣ нава»). Поставленное здѣсь въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [3] Слова: «и привлекать вниманье соотечественниковъ», приписаны сверху строки въ замѣну зачеркнутаго наброска: «и пріобрѣвшій красоту оборо созд долженствовавшій обворожать общество красотой оборотовъ и...». [4] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [5] Слово «души» въ рук. пропущено. [6] Слово «рукахъ» въ рук. зачеркнуто, но другимъ не замѣнено. [7] Прежде было написано: «Плотоядный червь безнадежной грусти, страшной, безнадежной обвился вокругъ его ядовитой змѣей». [8] Заключенное въ скобки въ рук. зачеркнуто. [9] Слова: «терзаемому — бѣдный Чичиковъ», написаны сверху строкъ вмѣсто зачеркнутаго: «Если бы издыхающему отъ жару упала капля росы въ засохнувшія и палящія внутренности, то онъ бы такъ онъ такъ воспрянулъ, какъ воспрянулъ вдругъ Чичиковъ».

Стр. 396 [1] Въ рукописи слова «схватившись» и «печали», написаны сверху строки. Прежде было: «сказалъ и схвативши вдругъ его руку». [2] Одно слово неразобрано. [3] Прежде было написано: «Если бы даже вы ничего для меня не сдѣлали, но ужъ за то, что посѣтили меня, Богъ да наградитъ васъ». Ручьи слезъ хлынули вдругъ и оросили его». [4] Мѣсто это передѣлывалось авторомъ. Сверху строки, передъ словомъ: «Сдѣлалъ», зачеркнуто: «Я подлецъ, виноватъ и преступилъ». [5] Въ рукописи: «отозвавшимъ». [6] Слово «себя» въ рукописи пропущено. [7] Вмѣсто «чувствую» прежде было написано: «Самъ знаю». [8] Слова «кара» въ рукописи нѣтъ; предложено Кулишомъ. [9] Заключенное въ скобки зачеркнуто.

Стр. 397 [1] Сверху этого слова приписано: «потерять». [2] Въ рукописи: «*то*». [3] Слово «Муразовъ» въ рукописи пропущено. [4] Слово «головой» въ рукописи пропущено. [5] Вмѣсто слова: «былъ» прежде стояло: «прекрасный». [6] Послѣ слова: «доброй» двѣ буквы: «тр». [7] Слово «цѣли» въ рукоп. пропущено. [8] Слова: «любятъ добро», приписаны вмѣсто зачеркнутыхъ: «называютъ себя благородными». [9] Послѣ слова: «благодѣтель» зачеркнуто: «весь вѣкъ молиться о васъ». [10] Прежде было написано: «Что жъ могу я сдѣлать? вы видите сами. Вѣдь это будетъ значить — итти противъ закона». [11] Одно слово неразобрано. [12] Слово «головою» въ рукописи пропущено.

Стр. 398 [1] Слова «дѣло» въ рукописи нѣтъ; внесено въ текстъ Трушковскимъ. [2] Прежде было написано: «отнять». [3] Такъ въ рукописи: «церквѣ». [4] Слово: «знобитъ» написано вмѣсто зачеркнутыхъ: «у васъ уже такое». [5] Заключенное въ скобки зачеркнуто. [6] Слѣдуетъ поставить: «съ». Ср. 1-е примѣч. къ 62-й страницѣ I тома. [7] Трушковскій читалъ: «безсмѣннымъ». Слово написано неразборчиво. [8] Точки поставлены на мѣстѣ пропущенныхъ словъ. [9] Въ рукописи: «Афасильевичъ».

Стр. 399 [1] Передъ словомъ: «порядочнымъ» зачеркнуто: «Что за шатаны!» [2] Эту фразу Гоголь пробовалъ измѣнить; сверху оной написано «столько труд....». Окончаніе слова «пріобрѣтенное» не дописано. [3] Слово «У» пропущено. [4] Такъ въ рукописи: «Гоброжогло» вм. «Скудронжогло». Ср. выше, стр. 585.

[5] Въ рукописи: «Бердажогло», нѣсколько строкъ выше: «גоброжогло». [6] Слово «Точно» зачеркнуто. [7] Прежде было: «способности» заняться хозяйствомъ». [8] Въ рукописи: «стали».

Стр. 400 [1] Пропущено одно слово; Трушковскій вставилъ: «ударъ». [2] Слово «бы» въ рукописи пропущено. [3] Слово «сказать» вставлено Трушковскимъ. [4] Такъ въ рук.; нѣсколько строкъ выше: «Самосвитовъ».

Стр. 401 [1] Прежде было написано: «не прошло *еще* часа». [2] Слова «стали казаться», приписаны сверху строки. [3] Прежде было написано: «Четыре часа». [4] Не слѣдуетъ ли читать: «явился въ усахъ и съ ружьемъ, какъ слѣдуетъ часовымъ»? [5] Это слово въ рук. не дописано.

Стр. 402 [1] Въ рукописи слово «что» пропущено. [2] Прежде было написано: «Такая скандала», потомъ первое слово зачеркнуто. [3] Прежде было написано: «начали». [4] Послѣ этого зачеркнуто: «Однозовъ». [5] Прежде было написано: «извлеченье». [6] Въ рукописи не дописано: «кавія». [7] Слово «быть» въ рукоп. пропущено.

Стр. 403 [1] Слова: «слишкомъ много выйдетъ помѣщиковъ и капитанъ-исправниковъ» приписаны сверху строки; прежде было написано такъ: «что не надъ кѣмъ тогда быть помѣщиками, капитанъ-исправниками, если всѣ станутъ капитанъ-исправниками». [2] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [3] Фраза: «Я ее хочу распросить нарочно при васъ», приписана сверху строки. [4] Заключенное въ скобки въ рукописи зачеркнуто. [5] Послѣ слова «губернаторъ» сначала было написано: «Ваше сіятельство, губернаторъ вѣдь наслѣдникъ. Онъ въ правѣ также имѣть притязанье»; потомъ эти строки зачеркнуты и перемѣщены нѣсколько ниже въ измѣненной слегка формѣ. [6] Прежде было написано: «хорошаго». [7] Слово «свои» въ рукописи зачеркнуто.

Стр. 404 [1] Прежде было написано: «вскрикнулъ». [2] Такъ въ рукописи. Впослѣдствіи лицо, названное здѣсь «Дѣрпѣнниковымъ», получило фамилію «Тѣнтѣтникова». Ср. выше, стр. 585. [3] Въ рукописи: «не изволили». [4] Такъ въ рукописи; Трушковскій и Кулишъ читаютъ: «*а* законъ».

Стр. 405 Слова: «молодомъ и еще свѣжемъ», приписаны послѣ сверху строкъ. [2] Послѣ этого зачеркнуто слово «людей». [3] Прежде было написано: «*и* что». [4] Слово «разобрать» написано сверху зачеркнутаго: «разъяснить». [5] Это мѣсто не получило въ рукописи окончательной отдѣлки; послѣ словъ «разъяснить его» сверху строки опять приписано: «разобрать по частямъ». [6] Въ рукописи: «какая». [7] На словѣ: «зато» обрывается 132-я страница рукописи; слѣдующія затѣмъ страницы утрачены. Ср. выше, стр. 588. Прежде было написано: «это дѣло». [9] Въ рукописи описка: «позвольте». [10] Въ рукописи: «Онѣ-то». [11] Слово написано неразборчиво, такъ читаютъ Трушковскій и Кулишъ. [12] Въ рукописи: «уладить».

Стр. 406 [1] Слово «нихъ» въ рукописи пропущено. [2] Слово «говорить» написано вмѣсто зачеркнутаго: «увѣрять». [3] Въ рукописи нѣтъ слова: «бы». [4] Прежде было написано: «они надо мной же будутъ смѣяться». [5] Слово «русскаго» зачеркнуто. [6] Прежде было написано: «*развѣ это ужъ такой. Ужъ не русскій, а* жидъ какой-нибудь». [7] Въ рукописи: «передъ мной». [8] Слова: «ихъ боятъ» зачеркнуты.

Стр. 407 [1] Слова: «потому что дѣло еще хуже», приписаны сверху строки. [2] Послѣ этого слова прибавлено Трушковскимъ: «одному ему». [3] Слова: «спорятъ

люди», приписаны послѣ сверху строки. [4] Послѣ слова «люди» зачеркнуть слѣдующій набросокъ: «Если только и всего было, что здѣшняя жизнь, тогда что бы (изъ) за охота всякаго изъ хлопотать» (вѣроятно: «изъ-за всякаго хлопотать»). [5] Слова: «помысливши о другой жизни», приписаны сверху строки вмѣсто зачеркнутаго: «думая о небесной». [6] Передъ словомъ «душевнаго» зачеркнуто: «собственнаго». [7] Прежде было написано: «въ обществѣ или націи». [8] Прежде было написано: «что ни говорите, а душа прежде тѣла». [9] Слова «шло» въ рукописи нѣтъ; прибавлено Трушковскимъ. [10] Слово «о» въ рукописи пропущено. [11] Точки поставлены на мѣстѣ трехъ неразобранныхъ словъ. [12] Слова: «къ нимъ», въ рукописи пропущены.

Стр. 408 [1] Слово «къ» въ рукописи пропущено. [2] Слово «даже» зачеркнуто. [3] Слово «встрѣчъ» въ рукописи пропущено. [4] Слово «цѣну» въ рукописи пропущено. [5] Въ рукописи: «все». [6] Зачеркнуто: «какъ слѣдуетъ». [7] Такъ въ рукописи; такъ обыкновенно писалъ это слово Гоголь. [8] Такъ въ рукописи. [9] Слово «секретаря» въ рукописи зачеркнуто. [10] Въ рукописи: «Самосвистова».

Стр. 409 [1] Прежде было: «присутствующихъ». [2] Точки поставлены на мѣстѣ пропущеннаго слова. [3] Слово «время» въ рукописи пропущено. [4] Слова «бумагами» въ рук. нѣтъ; прибавлено Трушковскимъ. [5] Прежде было написано: «подлыми». [6] Въ рукописи: «какъ». [7] Въ рукописи описка: «ихъ».

Стр. 410 [1] Слово «какъ» пропущено. [2] Слово «участь» приписано вмѣсто зачеркнутаго: «судьба». [3] Слово «бросается» зачеркнуто, но не замѣнено другимъ. [4] Прежде было написано: «Просьба моя вотъ въ чемъ». [5] Фраза не дописана; ею оканчивается 139-й листъ. [6] Слово «справедливость» приписано вмѣсто зачеркнутаго: «честь». [7] Сначала фразѣ предположено было дать такой видъ: «*не* слѣдовало бы имъ *собственные струны*», потомъ слова, напечатанныя курсивомъ, зачеркнуты, и *въ строку* написанъ новый текстъ. [8] Прежде было написано: «и не поучился бы отъ нихъ».

Стр. 411 [1] Слово «ни» пропущено. [2] Слово «всеобщаго» зачеркнуто. [3] Точки поставлены на мѣстѣ пропущеннаго слова (врага?). [4] Слово «къ» въ рукописи пропущено.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стран.

М.Д.П.1.

3

Ни одного жителя близ [illegible] их и подле [illegible] ~~[illegible]~~ одно [illegible]
поворотная ~~[illegible]~~ [illegible]
вид [illegible] как бы двигавшиеся [illegible]
рядами горы отдаленными рядами [illegible] на отдаленном
небосклоне, нестерпимо блиставшие свое [illegible]
[illegible] и в ненастное время как бы освещались в [illegible] солнце
[illegible] ~~[illegible]~~ их [illegible]
[illegible] ~~[illegible]~~ Это

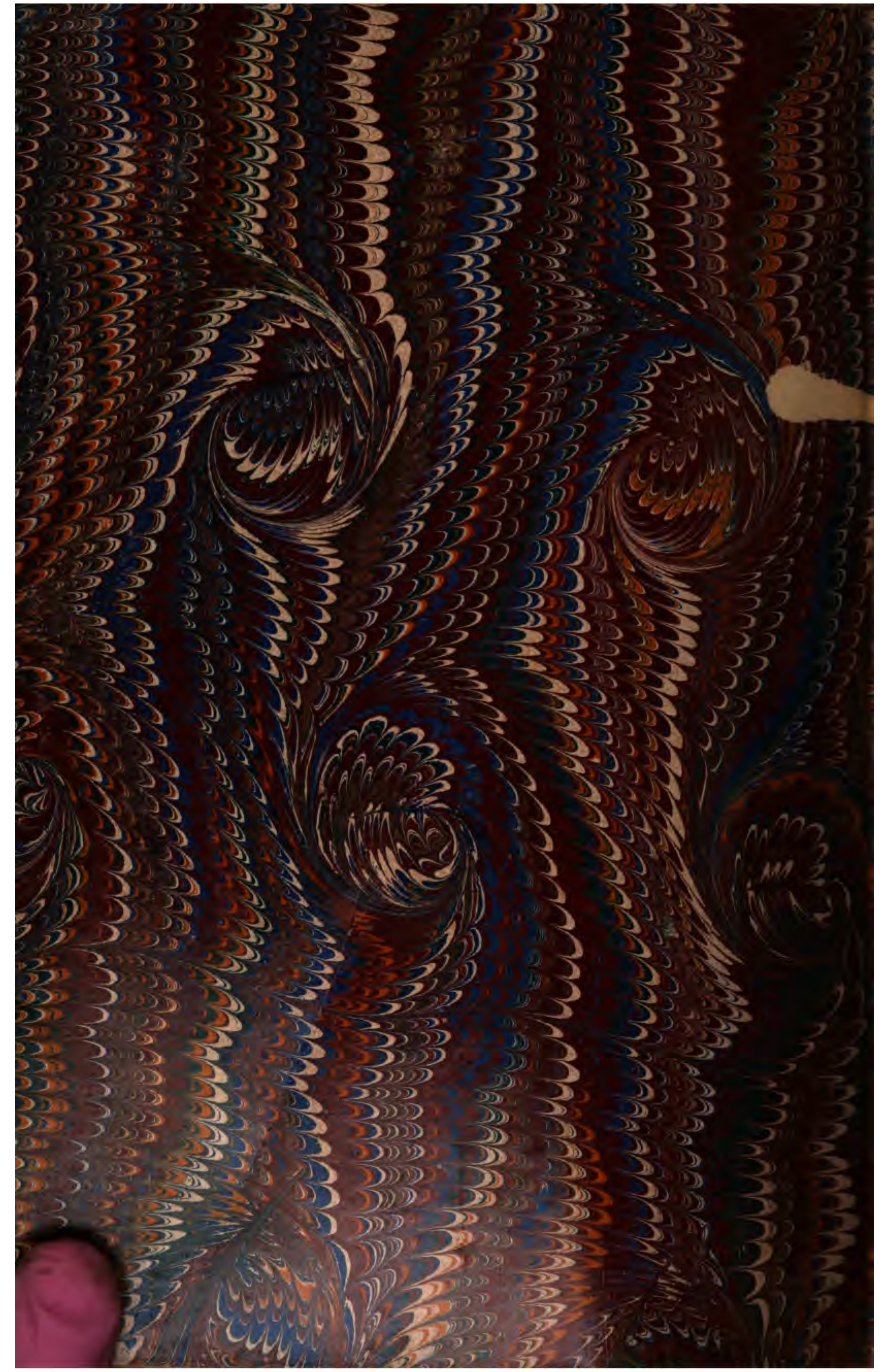
были отдаленные деревни; но их уже не мог рассмотреть
человеческий глаз. Только вспыхивавшая при солнечном освещении искра золо-
той церковной маковки давала знать что это было
людное большое село. Все это облечено было в тишину

М.Д.П.2.

117

Вышли в окошко и [illegible] что тут [illegible] [illegible]
[illegible] в [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
~~[illegible]~~. [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible].
отправились к [illegible] Губернатору. и [illegible] [illegible]

Хромо-Литографія В.А. Симова Москва

3 2044 051 116 069
A FINE IS INCURRED IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED
CANCELLED
WIDENER
JUN 23 2001
CANCELLED